

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1876

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1876.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ъ.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ъ.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ъ.

Оборънне кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампеа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ъ.

Корсуцкія врата въ Новгородскомъ Соеійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ф. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ъ.

Супрасльскія рукописи, содержащая Новгородскую и Кіевскую сопраценныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ъ.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ъ. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ъ.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государстваніе Королей Сигизмунда Августа и Стевана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ъ.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.

Книга Вольшой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спаскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ъ.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Федоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бяляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ъ.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ъ.

Исторія о Довоихъ Кавказахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ъ.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ъ.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. р. 50 к., перес. за 4 ъ.

ЧТЕНІЯ

Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, книги 1—3, по 2 руб. каждая. Годъ 3, книги 1—3, по 2 руб. каждая. Годъ 4, книги 1, 2 рубля. Годы 1868—1875, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб. — пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1876

Генварь — Мартъ

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1876.

Помѣщаемыя статьи въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» ни кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатываемы ни прямо, ни, такъ называемымъ, перифразомъ, вполнѣ, или отрывочно, безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЕЧАЛОВАНИЕ

ДУХОВЕНСТВА ЗА ОПАЛЬНЫХЪ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ

ГРЕКО-РИМСКОЙ ВООБЩЕ И ВЪ ЦЕРКВИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ.

Христіанская Церковь всегда и вездѣ, въ лицѣ своихъ представителей, оказывала самое благодѣтельное вліяніе на развитіе не только религіозно-нравственной, но умственной и общественной, политической жизни человѣчества. Наше отечество тоже не было исключеніемъ въ этомъ отношеніи, оно тоже испытало плоды этого вліянія. Извѣстно, какъ много Древне-Русское духовенство содѣйствовало развитію и утвержденію политическаго могущества Россіи; еще болѣе оно сдѣлало для умственнаго, и въ особенности религіозно-нравственнаго, развитія. Но этого мало: заботясь о политической силѣ Древней Руси, а тѣмъ болѣе о развитіи въ ней общественной образованности, Русское духовенство въ то же время не упускало изъ виду и внутренняго общественнаго благоустройства. Доказательствомъ этого служатъ, съ одной стороны, громадныя матеріальныя пожертвованія, которыя дѣлало оно на пользу общества, въ особенности въ опасныя минуты отечества, съ другой, вся его дѣятельность общественная, извѣстная подъ общимъ названіемъ «Русской духовной благотворительности,» именно: его попеченіе о несчастной и злополучной участи беззащитныхъ личностей, бѣдныхъ слабыхъ рабовъ и плѣнныхъ, и въ особенности его печалованіе за остальныхъ, т. е., людей, законно, или незаконно, гонимыхъ судьбою, подвергшихся осужденію и наказанію со стороны государственнаго закона, гнѣву Верховной или Правительственной Власти, и вообще преслѣдованію со стороны всякой гнетущей силы. Характеръ, сила и зна-

ченіе политической и религіозно-нравственной дѣятельности духовенства достаточно изображены въ любомъ руководствѣ по церковной и гражданской исторіи. О степени проявленія характера благотворительности духовенства, вообще и въ частности, по отношенію къ бѣднымъ и невиннымъ, тоже довольно говорится не только въ руководствахъ по церковно-гражданской исторіи, но и въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ современныхъ духовно-литературныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но собственно о печалованіи духовенства за опальныхъ въ руководствахъ по церковной и гражданской исторіи, и въ періодическихъ духовно-литературныхъ изданіяхъ, говорится только мимоходомъ, излагаются одна голыя и разбросанныя данныя, безъ всякаго указанія на причину проявленія этихъ отдѣльныхъ данныхъ, а тѣмъ болѣе на ихъ внутреннюю связь, характеръ и значеніе. Между тѣмъ печалованіе духовенства за опальныхъ составляетъ едва ли не самый важнѣйшій и высокій видъ церковной благотворительности, и, слѣдовательно, изъ него лучше всего можетъ быть видна благотворность, дѣйствительность и необходимость вліянія Церкви и духовенства на развитіе общественаго благоустройства Русскаго народа. По этому мы беремъ на себя трудъ изслѣдовать этотъ высокій и важнѣйшій видъ благотворительной дѣятельности Древне-Русскаго духовенства, на сколько, конечно, возможно это изслѣдованіе при современномъ состояніи церковно-гражданской исторической науки, именно: въ своемъ изслѣдованіи мы изложимъ, во 1, происхожденіе печалованія, т. е., причины вызвавшія его; во 2, способъ проявленія печалованія, т. е., средства, употреблявшіяся духовенствомъ для уничтоженія ошала и облегченія участи опальныхъ; въ 3-хъ, представимъ степень проявленія печалованія въ Древней Руси, т. е., причины, обуславливавшія появленіе въ разные эпохи и вѣка древняго періода Русской исторіи большаго, или меньшаго, количества печаловниковъ, съ подробнымъ и систематическимъ изложеніемъ самыхъ данныхъ ихъ дѣятельности; и въ 4-хъ, покажемъ самый характеръ печалованія и его значеніе для Древне-Русскаго общества, т. е., по отношенію къ требованіямъ государственнаго закона и Верховной Власти, и его пользу для Государства и общества съ одной стороны, и для религіи и Церкви съ другой, и при томъ въ связи съ происхожденіемъ, степенью развитія и значеніемъ печалованія древней Христіанской Церкви, вообще для того, чтобы видѣть, на сколько и въ этомъ отношеніи Русская Церковь осталась вѣрною Православію.

Печалованіе духовенства за опальныхъ, какъ въ Первенствующей, такъ и въ Древне-Русской Церкви, вызвано было крайнимъ несоотвѣтствіемъ устройства и состоянія древняго Греко-Римскаго и Русскаго общества съ нравственно-религіозными началами и требованіями Христіанства. Въѣсть съ понятіемъ о Богѣ, какъ о живомъ безусловномъ существѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, Христіанство принесло съ собою въ міръ болѣе возвышенный, не существовавшій доселѣ, взглядъ и на внутреннюю природу самаго человѣка, увидѣло въ немъ черты образа и подобія Божія. Сообразно съ такимъ высокимъ понятіемъ о Богѣ и человѣкѣ, Христіанство потребовало, чтобы и общественныя отношенія человѣчества основались на новыхъ болѣе совершенныхъ началахъ, на идеѣ уваженія достоинства и равноправности личности человѣческой, на идеѣ любви, справедливости и снисхожденія къ ближнимъ, какъ дѣтямъ единого Отца Небеснаго и членамъ благодатнаго Царства Христова. Но языческая образованность не вдругъ и не безъ усиленной борьбы уступила свое мѣсто Христіанской образованности. Золотой для Христіанства IV вѣкъ былъ только переходнымъ временемъ въ нравственно-религіозной жизни древняго Греко-Римскаго міра. Началась, правда, въ ней благодѣтельная перемѣна, первый, такъ сказать, шагъ къ лучшему, къ Христіанству, но не успѣла еще такъ скоро совершиться и установиться эта перемѣна для того, чтобы промазвести всеобщій переворотъ. Въѣсть съ языческими религіозно-научными идеями, въ ней долго еще тавлись и господствовали грубое себялюбіе, преобладаніе слабаго надъ сильнымъ, строгость и жестокость законовъ къ преступникамъ, и особенно, наконецъ, своеволие и своекорыстіе судей и правителей, часто изъ за своихъ личныхъ выгодъ дѣлавшихся бичами народа. «Народъ коснѣеть еще въ грубости и лѣности (говоритъ Василій Великій въ одномъ изъ своихъ писемъ о состояніи современнаго ему общества). Болѣзновалъ я душою (продолжаетъ онъ), замѣтивъ въ народѣ какую то скотскую безпечность, а въ управляющихъ застарѣлый и едва исправимый навыкъ ко злу.»¹ Правда, Великіе Государи этого времени, Константинъ и Θεодосій, сдѣлали много преобразованій въ законодательствѣ, но это были еще только первыя попытки въ измѣненіи его по духу Христіанства, и по тому оно не совсѣмъ еще было

¹ Письмо 205.

согласно съ требованіями и духомъ Христіянства, а главное не было еще проникнуто духомъ любви, составлявшей отличительную черту всего Христіянскаго. Справедливо Св. Григорій Богословъ и Златоустъ называютъ современные имъ гражданскіе законы «законами чисто внѣшними, язычествующими.» Въмѣстѣ съ измѣненіемъ въ самыхъ законахъ, Верховная Власть требовала но ваго лучшаго образа дѣйствій и отъ исполнителей закона. Но между правительственными лицами и вообще исполнителями законовъ во все продолженіе вѣка было не мало язычниковъ даже въ Сенатѣ, которые не понимали Христіянскихъ требованій, и не хотѣли допускать такихъ требованій по отношенію къ закону.

Кромѣ того, и изъ Христіянъ правительственныя лица не всегда какъ должно понимали и выполняли требованія вѣры по отношенію къ ихъ обязанностямъ, какъ по тому, что эти требованія для нихъ были новы, такъ и по тому, что старый законъ такъ часто заставлялъ ихъ дѣйствовать въ иномъ духѣ. Извѣстно, что первенствующіе Христіяне часто отказывались отъ гражданскихъ должностей, чтобы только сохранить чистоту правовъ, что было весьма трудно при исполненіи языческихъ законовъ. И теперь обстоятельства въ этомъ отношеніи не измѣнились вполне; ² и теперь правители изъ Христіянъ часто недоумѣвали, какъ согласить требованія вѣры съ своими обязанностями, по чему впадали въ ошибки, или допускали нарушеніе этихъ требованій. Такимъ образомъ своеволие и своекорыстіе составили общую и отличительную черту въ образѣ дѣйствій большинства правителей.

Какъ глубоко было это общественное зло, и какъ Верховная Власть заботилась объ уменьшеніи и искорененіи его, это показываютъ указы, направленные противъ его. «Когда же, наконецъ, прекратится хищничество судей (писалъ Константинъ Великій, съ исполненнымъ горькаго негодованія чувствомъ)? когда исчезнетъ оно, повторю я?» ³ Въ другомъ указѣ онъ призываетъ всѣхъ къ объясненію правителей, и даже самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ и друзей его: «Всякій, кто бы онъ ни былъ (пишетъ Константинъ), къ какому бы званію и состоянію ни принад-

² Письмо Григорія Богослова 113 и Златоустаго на 1-е Посланіе къ Коринѳяномъ Бесѣда 12, глава 4-я.

³ Codex Theodos. lib. I, tit. VIII.

лежалъ, если надѣется законно доказать несправедливость дѣйствій кого либо изъ судей, вельможъ и другихъ лицъ, смѣло являйся ко мнѣ и объявляй свою жалобу: я самъ все выслушаю, и самъ все отомщу за себя.»

Такъ было въ пору политическаго могущества Греко-Римской Имперіи. Еще хуже было въ пору ея разложенія. Смѣшавшись съ разными философскими стремленіями, Хрстіянская идея потеряла свое прежнее высокое значеніе, а отсюда уже и самый уровень религіозно-нравственнаго чувства этого міра далеко понизился въ сравненіи съ прежнимъ. Издатель Русскаго перевода Исторіи Пахимера, въ своемъ предисловіи объ его жизни, довольно вѣрно изображаетъ состояніе общественной и религіозно-нравственной жизни Греко-Римскаго міра: «На основаніи (какъ онъ выражается), различныхъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ, сказаній самаго Пахимера, тогдашнюю Грецію можно уподобить человѣку, раздирающему члены собственнаго своего организма. ⁴

Разъясняя и поясняя свое сравненіе, онъ говоритъ: «Не мечъ и огонь разрушали ее: въ основаніи зла лежалъ упадокъ правственности, заглушеніе чувства и свободы совѣсти, игра религіозными убѣжденіями, отсутствіе между сословіями и отдѣльными Чинами Государственными всякаго внутренняго цемена та который бы связывалъ духовно въ одно стройное цѣлое разнородныя части, наконецъ, неимовѣрная жажда и стремленіе къ роскоши высшихъ Членовъ Государственныхъ. Все (заключаетъ онъ), что еще держалось не распавшись и напоминало о существованіи гражданскаго тѣла, держалось только связію внѣшняго, и узелъ этой связи былъ исключительно у одного Императора. ⁵

Этого мало: самое понятіе о Верховной власти, существовавшее доселѣ, сгладилось и замѣнилось новымъ. Греки перестали уже считать Царя членомъ Греческаго общества, возбуждавшимъ къ себѣ сочувствіе достоинствами, своею физическою силою, храбростію и душевною простотою и ограниченнымъ въ своихъ Царскихъ правахъ и власти Думою и голосомъ народнаго Вѣча. Какъ Греческій народъ представлялъ теперь собою массу совершенно противоположныхъ одна другой національностей, такъ и Греческая идея о Царѣ, наравнѣ со всѣми вообще рели-

⁴ Византійскіе историки т. VI.

⁵ Тамъ же томъ VII-й.

сіозно-нравственными и общественными понятіями народа, представляла собою хаосъ различныхъ понятій о Верховной Власти, какія только успѣло доселѣ выработать челоуѣчество въ различные періоды и на различныхъ мѣстахъ своего историческаго существованія и развитія. Кромѣ взгляда на Царя, преобладавшаго на Востокѣ, особенно въ Персіи, кромѣ взгляда, выработаннаго древнею Греко-Римскою образованностію, сюда вошелъ еще взглядъ, выработанный Иудействомъ и освященный Христіанствомъ. Такимъ образомъ, по идеѣ Греко-Византійской образованности, личность Царя должна была воплощать въ себѣ: во 1-хъ, высокоиернаго и величественнаго, гордаго и пышнаго, властелина Востока; во 2-хъ, неограниченно-деспотическаго Римскаго Августа; и наконецъ, въ 3-хъ, земнаго Бога, посланнаго самимъ Богомъ съ неба, Христа, какъ выражались тогдашніе Греки. Сообразно этой идеѣ о Верховной власти, и самое даже слово «Βασιλεύς» потеряло свое прежнее значеніе и замѣнилось другимъ, болѣе соответственнымъ названіемъ, «*χρῆτοκράτωρ*,» Самодержецъ. Отсюда къ прежнимъ злоупотребленіямъ исполнителей закона, судей и правителей, теперь присовокупилось еще злоупотребленіе и самой Верховной Власти. Какъ Намѣстникъ Божества на землѣ, Греческій Царь олицетворялъ въ себѣ одною все Государство; думалъ, что выше его здѣсь никого нѣтъ и быть не можетъ; что, по этому, по отношенію къ подданнымъ, ему позволительно все дѣлать; что предѣломъ его власти можетъ служить одинъ только законъ -- пряхоть его собственной воли. Никакой свободы и правъ личности, никакого различія общественныхъ званій и состояній, для него не существовало. Какъ въ себѣ онъ видѣлъ раба Божія, такъ и во всѣхъ членахъ Государства, и даже своего собственнаго семейства, онъ видѣлъ рабовъ Царевыхъ, которые должны были исчезать предъ нимъ точно такъ, какъ и онъ исчезалъ предъ Божествомъ. Ихъ назначеніе, по его взгляду, состояло только въ томъ, чтобы удовлетворять его разнообразнымъ желаніямъ, и т. п., служить украшеніемъ его Царскаго величія и покорнымъ орудіемъ его неограниченной власти. Подобно древнимъ Восточнымъ Царямъ, каждый Византійскій Императоръ считалъ себя неограниченнымъ властелиномъ надъ жизнью и смертію, собственностію и волею, своихъ подданныхъ. Для него не казалось ни сколько преступнымъ лишеніе жизни и низверженіе въ темницу, или на степенъ послѣдняго раба, перваго, самаго вѣрнаго, своего государственнаго саповника, по однимъ кознямъ придворнымъ, или для безопасности своего

царствованія. Подобно древнимъ Неронамъ и Домитіанамъ Римскимъ, всѣ свои жестокости надъ своими подданными Греческіе Государя считали простыми игрушками.

Незавидно было, такимъ образомъ, положеніе личности вообще въ такомъ обществѣ; она постоянно страдала отъ гнета и деспотизма высшей силы, въ особенности жѣлкая была участь лицъ, осужденныхъ предъ закономъ и правительствомъ; для нихъ почти тогда немыслимо было оправданіе; часто совершенно невинные, они должны были терпѣть жестокія мученія и даже смерть. Проникнутые Христіанскими религіозно-нравственными началами, пастыри Церкви, не могли, конечно, равнодушно относиться къ этой тяжелой участи угнетенныхъ членовъ своей паствы, такъ какъ это было несообразно съ проповѣдуемымъ ими ученіемъ. Какъ представители Христіанства, они первые стали стремиться ввести въ жизнь и осуществить на дѣлѣ Христіанскую идею уваженія личныхъ правъ и человѣческаго достоинства, на которомъ только и можетъ основаться общественное благо. И вотъ они берутъ подъ свое покровительство всѣхъ вообще несчастныхъ, въ особенности опальныхъ. На Соборѣ Сардикійскомъ каждому Епископу вмѣнено было въ непремѣнную обязанность ходатайствовать за преступниковъ, прибѣгавшихъ къ покровительству и милосердію Церкви; ⁶ ежели Епископъ по чему либо не могъ ходатайствовать, то долженъ былъ послать Діакона; ⁷ и такъ важна была эта обязанность, что тотъ не могъ быть даже Епископомъ, кто не былъ способенъ къ надлежащему исполненію ея.

Христіанство застало древній Греко-Римскій міръ на высшей ступени его политическаго, общественнаго и умственнаго, развитія. Не то представлялъ собою Древне-Русскій міръ въ то время, когда его коснулся свѣтъ Христіанства. Онъ жилъ еще патріархальною жизнью; въ немъ положены были только первыя начала государственнаго сосредоточенія; въ немъ не успѣли еще сложиться правильныя формы гражданскаго и юридическаго народнаго быта, и вообще не успѣли еще выработаться опредѣленныя общественныя отношенія; языческая образованность была въ немъ вовсе слаба; по этому Христіанство распространялось въ немъ очень быстро и безпрепятственно, безъ особенной борьбы, какъ это было въ древнемъ Греко-Рим-

⁶ Socrat. l. b. VII, cap. 7 — 17; lib. V, cap. 14.

⁷ Тамъ же cap. 8.

скомъ мірѣ. Къ концу XI вѣка мы уже видимъ на югѣ Россіи семь Епископій. Но все скороснѣлое непрочно. Такъ было и съ Христіанствомъ въ Россіи. Мало развитой народъ Русскій скоро свыкся съ виѣшнимъ богослуженіемъ Христіанства, но не могъ еще проникнуться вполне его внутреннимъ духомъ, не успѣлъ еще понять и усвоить надлежащимъ образомъ самой основной его идеи, и до XIV в. все еще оставался двоевѣрнымъ; самое названіе «Христіанинъ», передѣланное въ «крестьянинъ», долго было браннымъ словомъ на Руси.⁸ По памятникамъ нашей древности еще не разъ мы встрѣчаемъ обитателей сель и городовъ съ жертвою у комодца, въ роцѣ и на горѣ.⁹ Долго еще слышатся обличенія народу со стороны духовенства за языческія вѣрованія и привычки.¹⁰ Слѣды языческихъ праздниковъ по мѣстамъ встрѣчаются еще въ XIII и XVI вѣкахъ, во времена Стоглава.¹¹ Духовный Регламентъ еще почиталъ нужнымъ запрещать предъ дубомъ молебень пѣть.¹² Правда, въ XVI и XVII в., виѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія политическаго могущества въ Русскомъ народѣ, въ слѣдствіе сближенія его съ Западомъ и долговременнаго опыта, проявилось сильное возбужденіе религіознаго сознанія, направленное къ усвоенію чистой Вселенской Христіанской истины, какого ни раньше, ни позже не проявлялось въ Русской жизни. Русскій людъ теперь понимаетъ Христіанскую вѣру не такъ, какъ онъ понималъ ее при Св. Владимірѣ: онъ сравниваетъ ее съ вѣроисповѣданіями сосѣднихъ языческихъ и Христіанскихъ не Православныхъ обществъ, ищетъ основаній для своей вѣры во всѣхъ ея точкахъ. Но это не поправило дѣла. Умъ Русскаго народа былъ еще слабъ: у него не было вѣрнаго оселка для оцѣнки чужихъ вѣрованій и своихъ собственныхъ религіозныхъ недостатковъ. Такимъ образомъ, разлагая свои собственные и чужія вѣрованія, онъ только впадалъ въ ошибки и заблужденія. Какъ въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ IV вѣкѣ, такъ въ Древне-Русскомъ мірѣ XV и XVI вѣка были временемъ го сподства великихъ ересей. «Нынѣ и въ домѣ, и на дорогахъ, и на рынкѣ, всѣ иноки и міряне съ сомнѣніемъ

⁸ Исторія Карамзина т. VII-й, стр. 129.

⁹ Житіе Муромскаго Князя Константина ст. XII-й.

¹⁰ Кирилль Туровскій убѣждалъ въ XII в. не нарицать себя Бога въ камени.

¹¹ Грам. Фотія 1410 г. Ак. Эксп. т. I, № 369.

¹² Регламентъ, часть 2-я, пунктъ 5-й.

разсуждаютъ о вѣрѣ,» писалъ Іосифъ Волоколамскій Нифонту, Епископу Суздальскому. ¹²

Это непониманіе истиннаго духа Христіянства отразилось и на характерѣ нравственной жизни Древне-Русскаго народа. Русскій народъ не даромъ называется по преимуществу нравственно религіознымъ. Его благочестіе было также сильно, какъ сильна была и вѣра. Но какъ вѣра его была чисто внѣшняя, неопредѣленная, такъ и благочестіе его было по преимуществу обрядовое, двусмысленное. Оно состояло, главнымъ образомъ, въ частомъ присутствіи при богослуженіи, въ строгомъ соблюденіи постовъ, не только положенныхъ Церковію, но и обѣтныхъ, въ почитаніи святыхъ мощей и иконъ, во вкладахъ въ монастыри и церкви, въ построеніи церквей, путешествіи ко Св. Мѣстамъ, въ раздачѣ пищи и денегъ бѣднымъ, и т. п. Не только простой народъ, но и сами Князья не иначе принимались за дѣла, особенно важныя, на примѣръ, войну, какъ отслушавъ службу Божию. Грозный въ Александровской Слободѣ присутствовалъ во всѣхъ церковныхъ службахъ каждый день и молился до того, что у него были раны на лбу. Вся жизнь благочестиваго человѣка устривалась по церковному уставу: распредѣленіе времени, пищи и одежды, правила общежитія, отношенія членовъ семейства, все носило печаль религіи, считалось Православнымъ, въ отличіе чужаго, еретическаго и бусурманскаго, даже внѣшній видъ Русскаго города и селенія показывалъ, что религія—господствующая сила въ странѣ. Иностранцы видѣли въ городахъ множество богатыхъ монастырей и церквей, палаты богатыхъ людей и Князей украшались внутри и снаружи на церковный ладъ. По городу постоянно слышался звонъ доброшумныхъ колоколовъ, на всѣхъ улицахъ стояли часовни и иконы въ окладахъ, съ зажженными предъ ними свѣчами, прохожіе крестились предъ каждой часовней и церковью, а иные клали земные поклоны; вездѣ можно встрѣтить духовенство съ святой водой, крестами, иконами, пѣніемъ, весьма часто совершались таржественные крестные ходы. Но истинное религіозное чувство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственную жизнь человѣка, было мало развито. Набожность была дѣломъ не сердца, а обычаевъ времени, церемонностью, безъ духа и силы. Благодаря невѣжеству времени, эта набожность и

¹² Просвѣтитель, изд. Кав. Акад. стр. 60.

церемонность только прикрывали собою отвратительные пороки (на пр., пьянство, развратъ и т. п.).¹⁴ Среди множества вопросовъ и обличеній церковныхъ, особенно въ XVI в., подверглось обличенію и это противорѣчіе между Христіанскою внѣшностію и не Христіанскими нравами, которое бросалось въ глаза самимъ современникамъ. Но обличенія оставались обличеніями, а жизнь шла обычнымъ заведеннымъ порядкомъ. Даже тѣ самые люди, которые рѣзче всѣхъ обличали обрядовое благочестіе, иногда были самыми типическими его представителями, на пр., Иванъ Васильевичъ Грозный, который предлагалъ такія мощныя обличенія на Стоглавѣ и поучалъ Кирилловскихъ монаховъ духовному посту и молитвѣ. Вся жизнь его въ Александровской Слободѣ, устроенная по монастырскому чину, представляла собою обрядъ великолѣпно набожный снаружи и пустой внутри: Царь былъ Игуменомъ, опричники братією, съ разными монастырскими должностями: келаря, паракклезіарха и т. п. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи, бесѣдахъ отъ Писанія и чтеніи Прологовъ за трапезой: въ четвертомъ часу самъ Царь благовѣстивъ къ угрени, самъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ. А между тѣмъ въ промежуткахъ между молитвой шли пытки и казни, проявленія грубаго разврата и злодѣйства. Достоинство молитвы здѣсь опредѣлялось не силой душевнаго умиленія, а счетомъ поклоновъ и продолжительностію времени, милосердіе счетомъ поданныхъ нищему копѣекъ, усердіе къ Церкви числомъ рублей, отданныхъ въ монастыри. Выразительнымъ памятникомъ этого благочестія остался знаменитый Синодикъ Грознаго, посланный имъ въ Кирилловъ монастырь, для вѣчнаго поминовенія, за которое заплачено монастырю 2200 рублей. Это огромное поминанье въ 2 томахъ, въ которыхъ записано 3470 душъ, убитыхъ Царемъ людей; Царь даже и не поименовалъ всѣхъ по именамъ, а записалъ въ иныхъ мѣстахъ гуртомъ: «Помяни, Господи, 39 человекъ, убіенныхъ тамъ то; помяни 1505 Новгородцевъ и проч., ихъ же имена ты, Господи, вѣси!» Нужно при этомъ взять во вниманіе то обстоятельство, что едва ли кто изъ современниковъ могъ поспорить съ Грознымъ въ богословской начитанности и религіозномъ образованіи. Что же, спрашивается, должно сказать уже о благочестіи общества,

¹⁴ Посланіе М. Макарія противъ Содомаго грѣха, изданное въ Львовской дѣтской т. 3-й, стр. 146—166.

которое было еще весьма мало образовано? Дѣйствительно, тѣ же самые религіозные люди, которые цѣловали образа и мощи, задержавъ въ себѣ духъ и губъ не раскрываючи, а когда ѣли просфору, то боялись даже зубами кусать и губами чавкать,¹⁵ и которые, по словамъ Оларія,¹⁶ даже дѣтей, не умѣвшихъ говорить и ходить, за неисполненіе религіозныхъ обрядовъ лишали пищи, тѣ же, говоримъ, благочестивые люди, когда готовились къ грѣшному дѣлу, то думали смягчить свое преступленіе только тѣмъ, что снимали съ себя крестъ и завѣшивали образа. Этого мало, въ XVI в., вмѣстѣ съ ослабленіемъ вѣры, стало ослабѣвать даже и это обрядовое благочестіе. Извѣстно, что Соборъ 1667 года предписывалъ всѣмъ хранить посты и церковный чинъ, въ церкви стоять всѣмъ въ молчаніи и страхѣ Божіемъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, а не бесѣдовать о суетахъ. Были даже такіе, которые позволяли себѣ открыто кощунствовать надъ церковными уставами. И самъ ты, писалъ Царь Михаилъ Федоровичъ Князю Ивану Хворостинину, во многихъ своихъ непристойныхъ дѣлахъ вину свою объявилъ и людямъ всѣмъ въ церкви ходить повелѣлъ, и говорилъ, что молитва не для чего, и воскресенія мертвыхъ не будетъ, а про Христіанскую вѣру Святыхъ Угодниковъ Божіихъ говорилъ худныя слова, и жить началъ самъ не Христіанскимъ обычаемъ.¹⁷

Понятно, что такая шаткая и неопредѣленная вѣра, такое чисто внѣшнее благочестіе, не могли благотворно дѣйствовать на развитіе и усовершенствованіе общественныхъ отношеній членовъ Древне-Русскаго общества, по тому что отношенія эти должны были опредѣляться по тѣмъ грубымъ началамъ, которыя выработала патріархальная Древне-Русская образованность, а также образованіе другихъ, столь же мало развитыхъ еще, окружавшихъ его народовъ. И дѣйствительно, общественное устройство Древне-Русскаго міра представляло еще больше несоотвѣтствія съ нравственно-религіозными требованіями Христіанства, нежели какое мы видѣли въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ. При началѣ Христіанства, какъ мы уже отчасти замѣтили, въ Россіи положены были только первыя начала государственнаго сосредоточенія; не

¹⁵ Домострой стр. 3, 4.

¹⁶ Оларія книга 3-я, гл. 24-я.

¹⁷ Собраніе грамотъ и договоровъ, часть 3-я, стр. 331-я.

было еще ничего прочнаго, опредѣленнаго, все было еще въ зародышѣ, части только что образовывались, стремились еще жить особенною жизнью, а при сильномъ движеніи, просторѣ и возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ; ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Вообще, Русская земля была собрана во внѣшнемъ отношеніи; но при умственной неразвитости народа, сознание внутренней связи человѣка съ обществомъ не существовало еще, или было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи, даже въ началѣ XVII вѣка, Русскій человѣкъ продолжалъ жить особо, какъ физически жили отдѣльные роды въ IX вѣкѣ: все держалось только формами внѣшней силы, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ, при отсутствіи сознанія о государственномъ единствѣ, объ единствѣ государственнаго интереса. Отсюда, не только въ семейной и частной, не только въ общественной и гражданской, но даже въ государственной жизни Древне-Русскаго міра мы видимъ: а) преобладаніе физической силы и матеріальныхъ стремленій и интересовъ; б) крайнее себялюбіе и скорость къ обидѣ и мести; в) слабость сознанія общественныхъ потребностей и государственной пользы, вообще обязанностей человѣческихъ; кромѣ того г) отсутствіе взаимнаго довѣрія, а тѣмъ болѣе самопожертвованія въ пользу общества и государства; д) господство неуваженія къ правамъ личности вообще и въ частности къ правамъ собственности; е) привычку давать волю рукамъ при взаимныхъ распряхъ и неудовольствіяхъ; наконецъ ж) главное право, главное ручательство въ выгодѣ положенія для человѣка, члена общества, или члена извѣстнаго сословія, заключалось въ правѣ уйти, правѣ, которое основалось на возможности ухода, и прекращалось съ атою возможностью. Столкновенія интересовъ мѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую; вообще, господство временнаго, мѣстнаго, личнаго, случайнаго надъ общимъ, господство необходимости при слабости и младенчествѣ государства, вотъ отличительныя черты общественной и политической жизни Древне-Русскаго міра. Каждая сильная личность стремилась поработить и, такъ сказать, поглотить въ себѣ всѣ другія менѣе сильныя личности. Отецъ семейства, какъ божество, царилъ надъ всѣмъ домомъ, и по этому не только могъ, но даже долженъ былъ, деспотически обходиться съ своими дѣтьми. «Имѣй, чада, отца своего, аки Бога,» гово-

рится въ одномъ поученіи родителя къ сыну. «Наказуяй отецъ сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе, учи его ра- нами бояться Бога. Воспитай свое дѣтище съ прещеніемъ, не смѣйся къ нему и не играй съ нимъ, говоритъ Сильвестръ въ своемъ «Домостроѣ.»²³ Смягчающее вліяніе матери устранилось изъ семейства, по тому что она въ немъ была только ключни- цей, обязанной присмотрѣть, чтобы дѣти были сыты и одѣты. Женщина считалась существомъ злымъ, добавочнымъ, созданнымъ для удовлетворенія чувственной природы и для отправления до- машнихъ нуждъ, и по тому на всякомъ шагу и отъ всякаго му- щины терпѣла оскорбленія; молодежь видѣла въ немъ средство для удовлетворенія половой потребности, аскеты видѣли одинъ соблазнъ, и преслѣдовали ее презрительными укоризнами. Мужъ считался главою жены, и по тому могъ, и долженъ былъ, рас- поряжаться ею по своему произволу, какъ рабою, или вещью. «Женѣ у мужа быть въ послушанствѣ, зане мужъ женѣ, яко глава на церкви,» говорится въ одномъ поученіи.²⁴ Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, от- правляясь въ отдаленныя мѣста на службу, покидали женъ своихъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за условленную сумму. Но если мужъ не выкупалъ жены въ означенный срокъ, то заимодавецъ передавалъ ее за выкупъ другому, другой третьему и т. п.²⁵ Точно также позволялъ себѣ дѣлать и всякой сильнѣйшій по отношенію къ слабому, бога- тый къ бѣдному, господинъ къ рабу, судья къ подсудимому. «Богатые и сильные (говорилъ знаменитый проповѣдникъ XIII вѣка, Серапіонъ, Епископъ Владимирскій), акы звѣри, въ нена- сытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію, жадали абы всѣхъ погубить, ненасытствомъ имѣнія порабощали, не ми- ловали сиротъ, не знали человѣческаго естества,²⁶ друзей же имѣ- нія не насытишася и свободности сироты порабощаютъ и про- даютъ.²⁷ Вотъ тиунъ, судья, мучимый ненасытною жаждою кунъ, богатыхъ пировъ и обѣдовъ, несправедливо осуждаетъ невиннаго

²³ Временникъ ч. 1-я, стр. 64, 21, 24.

²⁴ Котошихинъ о Россіи стр. 8.

²⁵ Собраніе Государ. грамотъ, стр. 245.

²⁶ Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцовъ 1843 г., ч. 2, стр. 195.

²⁷ Правосл. Собесѣд. 1858, Іюль, статья: «Новыя поученія Серапіона.»

и продаетъ бѣднаго богатому и сильному.» Дѣйствительно, всякій господинъ распоряжался своимъ рабомъ точно вещью и имуществомъ, могъ продать, заложить, украсть и уничтожить его, убить совершенно безнаказанно. Точно также разбои, наѣзды на чужія земли и имѣнія, кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти, считались обычными явленіями и употреблялись для потѣхи; въ разбояхъ упражнялись самые близкіе люди къ Правительству, на прим., опричные; въ Новгородѣ существовали цѣлые полки молодцовъ, которые отправлялись сухимъ путемъ и на судахъ по Двинѣ и Волгѣ въ отдаленныя мѣста, и вездѣ грабили и жгли деревни и умерщвляли жителей; травлей людей медвѣдями увеселялся самъ Грозный и вообще всѣ сильные люди. На Софійкѣ, говоритъ лѣтописецъ подъ 1572 годомъ, въ земщинѣ Суббота Осетръ билъ до крови Дьяка Данила Бартенева, и медвѣдемъ его драли, и въ избѣ Дьякъ былъ съ медвѣдемъ, Подъячіе изъ избы сверху метались вонъ изъ оконъ, на Дьякѣ медвѣдь платѣ изодралъ и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье.»²¹ Общественныя сходки, пиры и бесѣды, нерѣдко оканчивались дракой и убійствомъ; расходившійся человекъ не зналъ себѣ никакого удержу; убить человека въ такомъ видѣ называлось «поколоть по грѣхамъ.» Грозный и сына своего поколоть по грѣхамъ. До насъ дошло нѣсколько мировыхъ грамотъ, въ которыхъ родня убитаго брала деньги съ убійцы, и отказывалась отъ суда. При томъ же и Древне-Русскій міръ не оставался, такъ сказать, на точкѣ замерзанія; онъ тоже, хотя и медленно развивался не только съ внѣшней, но и съ внутренней, стороны. Прежняя его разъединенность смѣнилась сосредоточенностью, а отсюда временная зависимость отъ чужой народности (ига Монгольскаго) уступала мѣсто независимости; родовой строй мало по малу ослабѣвалъ и вмѣсто него все болѣе и болѣе усиливался строй государственный; отдѣльныя части области должны были отказаться отъ своей особенной своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей и требованіямъ Государства, грубыя общественныя отношенія и начала переработывались въ начала и отношенія болѣе совершенныя, вліяніе одной образованности ослабѣвалось вліяніемъ другой, лучшей. Отсюда, какъ при всякой вообще перемѣнѣ,

²¹ Исторія Соловьева, т. 7, стр. 181.

движеніи впередъ, происходила борьба. Татаринъ преслѣдовалъ Русскаго, если онъ не исполнялъ его требованій, не изъявлялъ ему во всемъ рабской покорности; за то и всякій Русскій считалъ для себя обязанностію, и даже добродѣтелью, преслѣдовать Татарина, во имя патріотизма, во имя защиты и свободы отечества. Такимъ образомъ всякій представитель старой патріархальной образованности боролся съ представителями началъ новой образованности, всякій защитникъ государственнаго строя преслѣдовалъ защитника строя родового. Такъ, отецъ, во имя убѣжденія въ законности своихъ родительскихъ правъ, считалъ для себя нравственною обязанностію преслѣдовать и жестоко наказывать дѣтей, когда тѣ, во имя правъ свободы, нарушали его деспотическія отношенія къ нимъ и не подчинялись безусловно его волѣ; мужъ, во имя того, что онъ глава жены, считалъ непремѣннымъ долгомъ мучить жену, когда она, во имя права и равенства, не могла примириться съ его деспотическими требованіями и обхожденіями. Господинъ гналъ раба, когда замѣчалъ въ немъ желаніе выйти изъ своего зависимаго положенія. «А увидѣлъ мужъ (говорится въ Домостроѣ) что ни будь не въ порядкѣ у жены и у слуги, или что не такъ сдѣлано, какъ здѣсь предписано, то долженъ умѣть и наказывать жену. Если жена не живетъ по тѣмъ правиламъ и наказанію, и не выноляетъ ихъ, и слугъ не учитъ, то мужъ долженъ научать и наказывать ее страхомъ, а слугъ и дѣтей, также смотря по винѣ и по дѣлу, наказывать и раны возлагать на нихъ. Какъ только жена, или сынъ, или дочь, окажутся непослушными и словамъ не внимаютъ и не боятся, тогда плетью постегать. Изъ любви къ сыну учащай ему раны; если имѣешь дочь, то положи грозу свою.» Точно также Князь, во имя законности и необходимости своей верховной власти и пользы государственной, считалъ для себя священнымъ долгомъ наказывать своихъ подданныхъ, народъ, дружину, когда они, во имя своихъ вѣчевыхъ и дружинныхъ правъ, уклонялись отъ исполненія его воли и государственныхъ повинностей. Въ свою очередь дѣти, жена, народъ дружина, рабы, во имя своихъ правъ, во имя свободы и независимости личности и убѣжденій, при первой же возможности, старались отплатить тѣмъ же своимъ гонителямъ. Но при всякой борьбѣ, какъ извѣстно, нѣтъ уже рѣчи о правахъ и обязанностяхъ человѣческихъ; здѣсь каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія; а гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ, конечно, не

можетъ быть уже выбора средствъ. Сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу, слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное довѣріе нарушается; сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются неэффективными; страшныя проклятыя грамоты нарушаются также легко, какъ обыкновенные договоры; хитрость, обманъ, двуедушіе слабого получаютъ похвалу, какъ дѣла мудрости. Борьба, доведенная до крайности, усиливаетъ и средства крайнія. Такъ бываетъ всегда и вездѣ, такъ было и въ древнемъ Русскомъ мірѣ. Происходившая въ немъ борьба за общественную независимость, за государственную сосредоточенность, вообще за шагъ впередъ, еще больше содѣйствовала огрубленію его нравовъ, и безъ того уже, какъ мы видѣли, не отличавшихся мягкостію, вообще христіанственностію, если можно такъ выразиться. Привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела еще къ большому господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій себлюбія, и безъ того существовавшихъ въ значительной степени. Междоусобія, кровопролитія, жестокости, невольное насиліе (ослѣпленіе) со стороны сильныхъ своихъ и чужихъ (Татарь), хитрость, коварство, обманъ со стороны слабыхъ, вообще недовѣріе другъ къ другу, грубость и несдержанность не только въ словѣ, но и на дѣлѣ, нелюбовь, немилосердіе, неосстрадательность и неуваженіе, даже жестокость и безчеловѣчіе къ ближнимъ, вотъ тѣ антихристіанскіе нравственные недостатки, которые разстроивали государственный строй Древне-Русскаго міра, и ослабляли его общественныя узы.

«Ни сколько имѣть правды (говоритъ Серапіонъ, Епископъ Владимірскій, въ своемъ поученіи о мятежѣ житія сего): дѣти безчестятъ родителей своихъ, а отцы отменяются отъ своихъ дѣтей; мужья отъ своихъ женъ блудятъ; нельзя имѣть вѣры къ другому и надѣяться на брата; ибо обѣщаетъ миръ, а въ себѣ мыслить зло, и только устами любятъ другъ друга. Мечь и зависть только господствуютъ въ васъ и ненасытное корыстолюбіе сохраняете. Никто Бога не поминаетъ, какъ бы безсмертными себѣ представляютъ; никто не ожидаетъ осужденія по смерти. Вотъ по чему казни отъ Бога приходятъ на насъ; ибо мы всѣ худое говоримъ. Силу намъ Богъ далъ, дабы правду его творить, а мы беззаконія совершаемъ; власть намъ вручилъ онъ, дабы мы обидимыхъ избавляли, а мы обидимъ праваго, по мѣдѣ обвиняемъ.

Нѣтъ праваго пути, ни суда праваго; погибла любовь, ненависть умножилась, добродѣтель презрѣна.»²⁹ «И лилась кровь Христіанская (замѣчаетъ одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ), понеже кійждо брата своего ненавидяше, и предѣлы своя преступаше и чужое желаше.»³⁰ А въ XVII вѣкѣ раздался голосъ, обличающій, «что злоба еще умножилась въ людяхъ, преуспѣло лукавство, волнованіе, воровство, убійство, пьянство, нелѣпыя игрища, грабежи, хищенія» и т. п.³¹ «Впали мы въ объяденіе и пьянство великое, въ блудъ, и въ волхвы, и въ неправды и во всякія злыя дѣла,» говоритъ Палицынъ.³² «Даже на Сановниковъ нельзя положитьсь въ дѣлахъ государственныхъ (добавляетъ Котошихинъ), «по тому что при удобномъ случаѣ, они готовы отречься отъ своихъ словъ. Россійскаго Государства люди (заключаетъ онъ) породою своею спесивы и негодны ко всякому дѣлу, по тому что въ Государствѣ своемъ наученія добраго никакого не имѣютъ и не получаютъ, кромѣ спесивости, безстыдства, ненависти и неправды.»³³ Грозный, лстя Нѣмцамъ, говорилъ: «Мои Русскіе всѣ воры.» То же самое подтверждаютъ и иностранные писатели. «Во всѣхъ сословіяхъ, говоритъ Маржереть, воцарились раздоры и несогласія; ни кто не довѣряетъ своему ближнему, бѣдныхъ вездѣ притѣсняють. Не буду говорить (прибавляетъ онъ) о нестерпимости и неумѣренности употребленія пища и напитоковъ, и о плутовствѣ и развратѣ. Все это наводненіе (заключаетъ онъ) разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ.» «Русскіе (говоритъ Олеарій) имѣютъ обыкновеніе клясться вездѣ: въ собраніяхъ, на рынкѣ, при продажѣ и покупкѣ товаровъ, но этимъ клятвамъ не слѣдуетъ довѣрять.»

То же недовѣріе къ чести Русскимъ высказываетъ и Флетгеръ.³⁴ «Эти люди (Русскіе), прибавляетъ другой иностранецъ, Ульфельдъ, такъ привыкли лгать, такъ мало любятъ правду, что имъ нельзя вѣрить ни въ чемъ, обѣщанія свои ставятъ ни во что, не считаютъ за низость обманывать, лгать и красть.»³⁵

²⁹ Правосл. Собесѣд. 1858 г. кн. 2-я.

³⁰ Никонов. лѣтопись, т. 5, 14.

³¹ Ист. Солов. т. 1, стр. 192.

³² Ист. его же т. 8, стр. 61—69.

³³ Котошихинъ о Россіи стр. 42.

³⁴ Книга 2-я, стр. 176—177.

³⁵ Р. 7.

Первѣе всего недостатки эти обнаруживались при взаимныхъ распряхъ, междусобояхъ Князей за родовыя права, за право Великаго Княженія, за право силы и преобладанія. Изъ властолюбія и мести, изъ за своекорыетія и обладанія лучшимъ Княжествомъ, они ни щадили ни другъ друга, ни своихъ подданныхъ. Кловета другъ на друга въ Ордѣ, подкупы и угодничества Ханамъ, убійство, ослѣвленіе, или заключеніе въ темницу, своего соперника посредствомъ хитрости, насилія и коварства, стали обыкновенными средствами успешнаго веденія и окончанія борьбы. Известны поступки Святополка Владимировича съ Борисомъ и Глѣбомъ, Давыда Игоревича съ Василькомъ, Шемяки съ Василиемъ. А вступивъ съ ратью во владѣніе своего соперника, Князя обыкновенно разоряли все, что ни встрѣчалось, грабили, жгли села и города, умерщвляли мирныхъ жителей безъ различія пола и возраста, и оставшихся забирали въ плѣнъ; средства мученій и смерти были ужасны: побѣжденных запирали въ домахъ, и потомъ зажигали, а младенцевъ сажали на колъ.³⁶ Князь, строившій въ своемъ городѣ церкви и монастыри, подававшій милостыню, прославляемый лѣтописцемъ какъ Князь благочестивый и добрый, грабилъ и жегъ церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ, истреблялъ чужихъ смердовъ и ихъ животы, и потомъ, на счетъ чужого добра и чужихъ Православныхъ же святынь, украшалъ свои святыни. Самые страшныя бѣдствія были тогда, когда брали городъ на штурмъ: Князь Игорь, въ своемъ раскаяніи, говоритъ: «Сколько бѣдъ терпѣли невинные Христіане: отца разлучали съ дѣтьми, брата съ братомъ, друга съ другомъ, женъ съ супругами, дочерей съ матерями, подругъ съ подругами. Все приведено въ смятеніе плѣномъ и напастью, тогда бывшею. Живые завидовали мертвымъ, мертвые радовались, что терпѣли огненное искушеніе, какъ мученики. Старцы бросаемы были и туда и сюда, юныхъ подвергали лютой жестокой мукѣ.»³⁷ Не рѣдко Князья для побѣды другъ друга сами наводили на Русскую землю Татаръ, которые дополняли ихъ жестокости, тако и было не годъ, не два, а цѣлыя столѣтія. Подъ каждымъ почти годомъ лѣтописецъ замѣчаетъ: «бысть свѣча зла.» Далѣе, не менѣе жестокости и безчеловѣчія показывалъ народъ во время внутреннихъ смуть одного города, или цѣлой

³⁶ Пол. Собр. Русск. Лѣтописей томъ 3-й, стр. 89, 68, 71, 72, 92, 123, 125; т. 5, стр. 932, 235, 239; томъ 8-й, стр. 20—23.

³⁷ Каа. глѣт. 131.

страны. При всякомъ городскомъ волненіи во время возстанія противъ Князя, Посадника, или Боярина, онъ обыкновенно спѣшилъ раздѣлиться на части, начиналась драка, одна сторона грабила и жгла другой себѣ противной, побѣжденные умерщвлялись, или бросались въ воду, при чемъ, конечно, нерѣдко были совершенно невинныя жертвы. Жестокость доходила часто до того, что ее не могли обуздать даже чрезвычайныя посѣщенія Божіи, на пр., страшный моръ и т. п., а еще болѣе силы и средства человѣческія.

«Много было тогда кровопролитія (говорить лѣтописецъ по поводу одной изъ такихъ смуть), нныя дѣлали воровство продажами и посулами, другіе по простотѣ, смотря на нихъ, и многихъ перемучили. А кто законно вступится, и станетъ говорить, что безъ вины мучать, и того перехватятъ, крича: «И ты такой же за пріемника стойшь!» Темницы были всегда полны. Извѣстно также, сколько погибло невинныхъ, сколько брошено Посадниковъ въ воду во время междуусобіи Новгородскихъ. То же самое было и во время возмущенія цѣлой страны, по поводу какихъ ни будь смуть и переворотовъ Государственныхъ (на примѣръ, во время недовольства народа верховною властію, при Самозванцахъ во время междуцарствія и т. п.). Грубый и необразованный народъ Русскій всегда, какъ и всякій народъ, дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ подъ вліяніемъ какой ни будь Боярской стороны, сдѣлавшей ловко, для успѣшнѣйшаго дѣйствія, выдавать свои личныя выгоды за выгоды народа, Государства и Церкви. По первому слову какого ни будь смѣлаго вожаки народъ немедленно являлся на его призывѣ, и безсознательно и звѣрски бросался на жертву ненависти своего предводителя, не щадя, въ то же время, ни самъ себя, ни того, что окружало его, или встрѣчалось ему на пути. Извѣстно, какъ поступили Кіевляне съ Игоремъ, Владимирцы съ Ростиславичами. Извѣстно также, что дѣлалъ Московскій народъ во время бунта противъ Глинскаго при Иванѣ IV, во время борьбы Годунова съ Шуйскимъ и Бѣльскимъ, и въ особенности во время Самозванцевъ и междуцарствія. «Звѣри поступали лучше людей (говоритъ современникъ) по тому что звѣри наносили одну только тѣлесную смерть. Тушинцы, же и Поляки вносили развратъ въ общество, похищая женъ отъ мужей и матерей отъ дѣтей, такъ что многія женщины убивали сами себя.»³⁸ «Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воин-

³⁸ Ист. Рос. Солов. т. 8-й, стр. 249.

скихъ людей: лошади, коровы и всякое животное побраша, а мы сами жжены и мучены; мы, сироты твои, теперь между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женщинами голодною смертію, писали Тушинскому Царю жители ограбленныхъ имъ областей.³⁸ Наконецъ много также проявлялось жестокости и вообще грубыхъ недостатковъ времени въ борьбѣ и крамолахъ Дворянскихъ сторонъ. Каждая сторона избирала самые темные пути и изобрѣтала самые отчаянныя средства для того, чтобы усилиться на счетъ другой стороны и усилившись погубить ее. Зависть, прожки, наушничество и обманъ были обыкновенными явленіями и, такъ сказать, необходимою принадлежностію всякой Боярской крамолы. Особенно они были сильны въ то время, когда Государи были малолѣтны и слабоумны, и когда Бояре забирали въ свои руки кормило правленія. Извѣстно, какимъ характеромъ отличалась борьба стороны Глинскихъ съ стороною Оболенскихъ при Еленѣ, Бѣльскихъ съ Шуйскими послѣ ея смерти, Шуйскихъ и Воронцовыхъ при Иванѣ IV, Годуновыхъ съ Нагими и Шуйскими при Федорѣ Ивановичѣ, Хованскихъ съ другими Боярами при самомъ Петрѣ и т. д. Въ свою очередь отдѣльный членъ каждой стороны изобрѣталъ все, что только было возможно, для того, чтобы возвысить свой родъ и усилиться на счетъ другого члена и его рода, а усилившись безпощадно преслѣдовалъ и угнеталъ всѣхъ своихъ противниковъ. Жестокое обращеніе, въ родѣ выдергиванія бороды, лишеніе должности по одному какому ни будь, всегда почти ложному, доносу и оговору, отпаче имуществва, заключеніе въ темницу, отправленіе на поселеніе въ отдаленныя области, или лишеніе жизни, постриженіе жены и заключеніе въ монастырь съ семействомъ, вотъ что обыкновенно ожидало такихъ противниковъ временщика-Боярина, усилившагося на счетъ другихъ посредствомъ родственныхъ связей съ Царскою фамиліею, или другимъ какимъ ни будь способомъ. Извѣстенъ поступокъ Румянцева съ товарищами въ Нижнемъ Новгородѣ, Шуйскихъ съ Воронцовыми, приверженцевъ Федора Ивановича съ Нагими, родственниками Дмитрія, Годунова съ Бѣльскимъ и Кикиными и т. п. Этого мало, преслѣдованія возвысившагося Боярина простирались не только на самыхъ противниковъ его, но и на друзей, особенно на слугъ ихъ, которые (слуги), преслѣдуя выгоды господъ своихъ, въ свою очередь, по этому, вели между собою борьбу и крамолы. Такъ, описывая жестокости Годунова, лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ: «Боярскіе люди начали зло-

умышлять всякіи надъ своимъ Бояриномъ, сговаривались между собою чѣловѣкъ по пяти и по шести, одинъ шелъ доводить, а другой поставлять во свидѣтели; такихъ же людей Боярскихъ, которые не хогѣли душъ своимъ погубить и господъ своихъ не хотѣли видѣть въ крови, пагубѣ и разореніи, тѣхъ бѣдныхъ мучили пытками и огнемъ жгли. Языки имъ рѣзали и по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ Царь Борисъ жаловалъ многими помѣстьями и деньгами. И отъ такихъ доносовъ другъ на друга была въ Царствѣ большая смуга; доносили другъ на друга: поповы, чернецы, пономари, просфорни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ; отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось невинной, многіе отъ пытки померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разсымали; ни при одномъ Государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ. Люди происхожденія знатнаго, Князь, потомки Рюрика, доносили другъ на друга, мушцины—Царю, женщины—Царицѣ.»³⁹ Въ религіи, въ крестномъ цѣлованіи, было единственное ручательство мира и безопасности; но, подъ вліяніемъ страсти и грубости нравовъ, и это ручательство оказывалось некрѣпкимъ; видимъ примѣры грубаго презрѣнія къ клятвѣ. Такъ, на примѣръ, Князь Владимиръ Галицкій, нарушивъ клятву, данную Великому Князю, Изяславу II, съ насмѣшкой сказалъ посламъ, указывая на крестъ, который цѣловалъ: «Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?» Если такъ дѣлалось въ высшей области, то что же сказать объ областяхъ низшихъ?! О деспотизмѣ мушцины надъ женщиною свидѣтельствуетъ извѣстный поступокъ Смоленскаго Князя Юрія. Лишенный волости этотъ Князь жилъ въ Торжкѣ, въ качествѣ Намѣстника Великокняжескаго. Здѣсь же нашелъ пріютъ, изгнанный вмѣстѣ съ нимъ, Князь Семень Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну и, не найдя въ ней взаимности, рѣшился убить ея мужа, чтобы воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены, но Ульяна схватила ножъ и не, попавши въ горло насильника, ранила его въ руку и бросилась бѣжать: Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечомъ и велѣлъ бросить въ рѣку. О жестокостяхъ разбойничавъ и говорить уже нечего. На погребеніи Царствующихъ особъ (говорить Катошихинъ) обыкновенно бываетъ множество народа—Московскихъ жителей и пріѣзжихъ;

³⁹ Русскій лѣтописный сборникъ, томъ 2, стр. 268.

но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе имъ бываетъ, по тому что Московскихъ людей натура необыкновенная: съ мушкетъ и женщинъ по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти, и бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе 100.»⁴⁰ Современный этому какой-то блюститель нравственности, написалъ подметное письмо къ Алексѣю Михайловичу, въ которомъ жалуется на страшное безчиніе, происходившее среди самой Москвы, именно: на то, «что люди, служившіе на дворѣ Земскаго Приказа, составили шайку воровъ и разбойниковъ, чинили много душегубствъ и смертное убійство, чинили безъ всякаго опасенія, по тому что начальныя люди Земскаго Приказа ихъ воровства укрывали и нарядчики съ ними за одно воровали, а когда доводили объ этомъ до свѣдѣнія ихъ, то отъ неправыхъ розысковъ только понапрасну многая кровь проливалась.» Такихъ молодцовъ, грабившихъ среди бѣлаго дня на Земскомъ Дворѣ, было болѣе тысячи. А если было такъ среди Москвы, то что же могло совершаться въ какомъ ни будь захолустьи? «Страна (говоритъ Флетчеръ) наполнена грабежами и убійствами, жизнь человѣческая ставилась ни во что. Вы можете видѣть, какъ грабятъ человѣка, запоздаваго въ городъ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крикъ и не переступить порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ открытыхъ убійствахъ и жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи. Съ трудомъ вѣришь, чтобы подобныя вещи могли совершаться между людьми, которые называютъ себя Христіянами.»⁴¹ А до чего доходила необузданность наѣздовъ, видно изъ того, что опричнику поплатилась всѣмъ своимъ добромъ не одна церковь и не одинъ монастырь; въ Новгородской же области, опричники даже разломали гробъ Преподобнаго Саввы Вишерскаго.

Законодательство должно было, такъ сказать, унимать эту крайнюю порчу нравовъ Древне-Русскаго міра, должно было сдерживать всѣ грубые пороки и недостатки времени и опредѣлять правильныя общественныя отношенія въ немъ. Но, при отсутствіи сознанія о государственномъ единствѣ, а отсюда и сознанія объ единствѣ государственныхъ пользъ, могло ли быть сознаніе обязательности закона для каждаго члена общества? При томъ же, при слабости

⁴⁰ Котошихинъ о Россіи стр. 17.

⁴¹ Флетч. кн. 2, стр. 175.

умственного развитія Древне-Русскаго міра, а тѣмъ болѣе при такой его испорченности, и самыя законы его не могли, конечно, сосредоточиваться и усовершенствоваться надлежащимъ образомъ, и по тому были еще крайне грубы и несовершенны. Иностранецъ Ювія, со словъ Русскаго разсказчика, передаетъ, что «Московія управляется простыми законами, основанными на правосудіи Государя и безкорыстїи его сановниковъ.»⁴² Точно также Флетчеръ говоритъ, что «единственный законъ въ Москвіи есть изустный, т. е., воля Государя и судей.» Судебникъ же Іоанна IV не удостоился отъ ученаго Англійскаго правовѣда названія писаннаго закона.⁴³ Дѣйствительно, законодательство Древне-Русскаго міра не опредѣляло еще надлежащимъ образомъ правильныхъ семейныхъ и гражданскихъ отношеній членовъ общества, и вообще не указывало каждому члену Государства его истиннаго назначенія, правъ и обязанностей; такъ, оно не признавало равноправности мужчины и женщины и ни сколько не отстраняло насилій перваго по отношенію ко второй, предоставляя отношенія между ними на жертву произвола, или случая. По Русской Правдѣ за убїеніе женщины назначалось только половинное взысканіе противъ виры, назначенной за убїеніе мужчины. «Если мужъ за важныя дѣла жену наказуя, до смерти ее убьетъ, то взыскать съ него полъ виры, т. е., 20 гривенъ,» говорится въ Русской Правдѣ.⁴⁴ Точно также власть мірская не вмѣшивалась вовсе въ отношенія между родителями и дѣтьми, а равно между господами и рабами. Если (говоритъ Флетчеръ) Дворянинъ обокрадетъ бѣднаго мужика, то трудно добиться того, чтобы его наказали, или даже призвали къ отвѣту. Если же кто ни будь убьетъ своего раба, то ему и не говорятъ ничего. Этотъ человекъ его холопъ, и по тому онъ имѣлъ право надъ его жизнію. Много что если виновный богатъ, присужденъ будетъ заплатить Императору небольшой штрафъ.⁴⁵ Рабское же униженіе крестьянъ было такъ велико (продолжаетъ онъ), что если бѣдный мужикъ встрѣчалъ Дворянина, или Чиновника, или Волостного, то долженъ былъ своротить съ до-

⁴² Ювія стр. 47.

⁴³ Флетчеръ гл. 14-я.

⁴⁴ Русскія достопамятности ч. 1-я, стр. 43. Изд. Русской Правды любителями отеч. исторіи 1792 г., стр. 80.

⁴⁵ Флетчера стр. 153—154.

роги, не осмѣливался посмотрѣть имъ прямо въ лицо, или даже долженъ былъ бить челомъ въ землю, какъ предъ идоломъ.»⁴⁶ Дѣйствительно, въ Русской Правдѣ за умерщвленіе полнаго холопа не назначалось никакого наказанія, или взысканія.⁴⁷ Точно также въ Уставной Двинской грамотѣ Великаго Князя Василя Дмитріевича 1398 говорится: «а кто осподарь огрѣшится, ударить своего холопа, или рабу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судять, ни винить не смѣють.»⁴⁸ Но не опредѣляя и не отстраняя надлежащимъ образомъ общественныхъ отношеній, Древне-Русское законодательство въ то же время не щадило достоинства, правъ и существованія личности человѣческой: слишкомъ строго преслѣдовало ея частныя и въ особенности гражданскія и государственныя ошибки, слабости и недостатки, вызываемыя ея умственною недоразвитостію, или же духомъ и обстоятельствами времени. Такъ, въ Русской Правдѣ Ярослава предписывалось за убійство истить родственникамъ убитаго, а въ доказательство употреблять испытаніе преступниковъ кипячею водою, раскаленнымъ желѣзомъ; допускалось также поле, т. е., судебныя поединки.⁴⁹ По Судебникамъ Ивана III и IV, преступниковъ не только уголовныхъ и государственныхъ, но и гражданскихъ, предписывалось наказывать кнутомъ, заключать въ темницу, выдавать истцамъ головою для преслѣдованія, и отрѣзывать разные члены по частямъ (на прим., языкъ, уши, и т. п.), наконецъ сжигать. А при изслѣдованіи преступленія и степени важности его, предписывалось употреблять самыя жестокия пытки, какъ-то: вбиваніе обвиненному за ногти желѣзныхъ иглъ, вѣшаніе подъ зажженнымъ костромъ, колесованіе, отрѣзваніе членовъ, правожъ, т. е., бытіе преступника плетью, или кнутомъ, по крамъ отъ восхожденія солнца до 10 часовъ,» и т. п.⁵⁰ То же самое предписывалось по отношенію къ преступникамъ и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича.

⁴⁶ Тамъ же 136.

⁴⁷ Жур. М. Н. Просвѣщенія 1847 г. часть 56, стр. 24, въ статьѣ: «О церковномъ судѣ,» Неволіна.

⁴⁸ Акты Экспедиціи томъ 1-й, стр. 8-я.

⁴⁹ Повѣствованіе о Россіи Арцыбашева т. 1-й, примѣч. № ХСІ, ХСІІ, ХСІІІ, ХСІV, ХСV. Ист. Солов. т. 3-й, стр. 78—91.

⁵⁰ Арцыб. т. 2-й, стр. 385; т. 3-й, кн. 5-я, отд. 1-й, стр. 343. Ист. Солов. т. 5-й, стр. 297; т. 7-й, стр. 151—152.

Мало того, здѣсь указано было закапываніе преступника живымъ въ землю. Замѣчательно то обстоятельство, что эта мѣра наказанія употреблялась по отношенію къ слабому существу, женщинамъ. Въ случаѣ убійства, или отравленія, мужа женою, убившая, по Уложенію закапывалась живою въ землю, и при томъ безъ всякой пощады, хотя бы даже дѣти убитаго и близкіе родственники и не хотѣли, чтобы ее казнили, законъ все таки велѣлъ казнить и не давать ей отнюдь никакой милости, а держать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ.⁵¹

Если же такъ было по бумагѣ, то что же спрашивается могло быть въ дѣлѣ? Дѣйствительно, иностранцы, рассказывая о Московскомъ судопроизводствѣ, рѣзко отзываются о суровости формъ, въ которыя облекался судъ даже въ незначительныхъ дѣлахъ. Такъ въ гражданскихъ дѣлахъ, на прим., по разысканіямъ, по описанію Флетчера, судъ совершался въ слѣдующемъ порядкѣ: истецъ подавалъ челобитную, въ которой излагалъ предметъ иска. По этой челобитной ему давалась выпись о задержаніи отвѣтника, котораго онъ передавалъ Приставу, или Недѣльщику.⁵² Пойманный отвѣтникъ долженъ былъ дать поручительство, что явится къ отвѣту въ назначенный день. Если никто не поручался за него, Недѣльщикъ привязывалъ его руки къ шеѣ, билъ батогами по ногамъ и держалъ въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока нужно было представить его на судъ; ходатаевъ и повѣренныхъ при судѣ не было: каждый самъ долженъ былъ, какъ умѣлъ, излагать свой искъ и защищаться. Когда истецъ и отвѣтникъ становились передъ судью, отвѣтникъ, на вопросъ послѣдняго о предметѣ иска, отвѣчалъ обыкновенно заирательствомъ. Судья спрашивалъ, что онъ можетъ представить въ опроверженіе требованія истца? Отвѣчникъ говорилъ, что готовъ поцѣловать крестъ. Послѣ того онъ не подвергался битью батогами до ближайшаго изслѣдованія дѣла. Иногда, за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, судья самъ обращался къ истцу, или отвѣтнику, съ вопросомъ: согласенъ ли онъ поклясться и принять крестное цѣлованіе? Флетчеръ такъ описываетъ обрядъ этой клятвы: «Церемонія происходитъ въ перекви; въ то время, какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги (если объ нихъ идетъ дѣло) висятъ подъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ подъ этимъ об-

⁵¹ Архив. т. 3-й, примѣч. CLXXXI. Ист. Солов. т. 13-й.

разомъ, ему тотчасъ отдають деньги.» Флетчеръ прибавляетъ, что крестное цѣлованіе считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его, или осквернить ложнымъ показаніемъ. Олеарій говоритъ, что обыкновенно старались не доводить дѣла до крестнаго цѣлованія, и тяжущіеся вообще неохотно прибѣгали къ кресту; ибо общество и Церковь неблагопріятно смотрѣли на поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Если обѣ стороны готовы были принять крестъ на душу, бросали жребій, и тотъ, кому онъ доставался, выигрывалъ дѣло. Англичанинъ Ленъ подробно описываетъ порядокъ рѣшенія дѣла посредствомъ жребія, которымъ рѣшена была въ Москвѣ его тяжба съ нѣкоторыми Русскими купцами. При судѣ присутствовало множество народа когда истцы не соглашались на мирную сдѣлку, предложенную отвѣтчикомъ; по приглашенію судей, послѣдніе, засучивъ рукава, взявши два восковые шарика одинаковой величины съ именами обѣихъ тяжущихся сторонъ, вызывали изъ толпы перваго попавшагося на глаза высокорослаго человѣка, которому велѣли снять шапку и держать предъ собою; въ нее клали оба шарика и вызывали изъ толпы другого высокорослаго человѣка, который, засучивъ правый рукавъ, вынималъ изъ шапки одинъ шарикъ за другимъ и передавалъ. Судьи громко объявляли всѣмъ присутствовавшимъ: какой сторонѣ принадлежалъ первый выпнутый шарикъ, та сторона и выигрывала дѣло.⁵³ Виноватый платилъ судной пошлины 20 денегъ съ рубля. Если виноватый по окончаніи дѣла тотчасъ не удовлетворялъ истца, его ставили на правезь. Правеземъ, по описанію Флетчера, называлось мѣсто близъ суда, гдѣ обвиненныхъ по судебному приговору и отказавшихся платить били батогами по икрамъ. Расправа производилась ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ восхода солнца до 10, или 11; часовъ утра. Каждый должникъ подвергался правезу по одному часу въ день, пока не выплачивалъ долга. По словамъ Маскевича, передъ Рааридомъ всегда стояло по утрамъ болѣе 10 такихъ должниковъ, надъ коими трудилось нѣсколько Недѣльщиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ, и, начавъ съ перваго, били тростью, длиною въ полтора локтя, поочередно, ударя каждаго три раза по икрамъ, и такимъ образомъ прохода рядъ отъ одного края до другого. Судьи между

⁵³ Нахл. I, 345—346.

тѣмъ наблюдали изъ окна за расправой. Не смотря на это, Недѣльщики умѣли извлекать выгоду изъ своего занятія, позволяя должникамъ за деньги класть жезъ за сапоги, чтобы сдѣлать удары менѣе чувствительными. Все время послѣ полудня и ночью должниковъ держали окованными въ темницѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые представляли за себя достаточное обезпеченіе, что будутъ сами являться на правожъ въ назначенный часъ. Маржереть говорить, «что онъ много видалъ наказанныхъ, которыхъ везли съ правежа домой на телѣгахъ; по его словамъ, всадники Царской службы были изъяты отъ этого наказанія, имѣя право выставить на правожъ одного изъ своихъ людей.» Послѣ годичнаго стоянія на правожѣ, если обвиняемый не хотѣлъ, или не могъ, удовлетворить истца, послѣдному дозволялось брать его съ семьей къ себѣ въ рабство, или продать на извѣстное число лѣтъ, смотря по величинѣ долга. По описанію Олеарія, годовая работа мальчика, отданнаго вѣрителю за долгъ отца, ставилась 5 рублей, а дѣвушки 4 рубля; на стоимость работы взрослыхъ лѣтъ нѣтъ указаній. ⁵⁴

То же самое было и въ дѣлахъ уголовныхъ: обвиняемый въ уголовномъ преступленіи задерживался, допрашивался и заключался въ темницу Правителемъ области, гдѣ совершено преступленіе. Намѣстникъ посылалъ дѣло объ немъ, уже обслѣдованное и правильно изложенное, въ Москву, къ управляющему своей Четверти, а послѣдній передавалъ его въ Думу, которая, на основаніи того, какъ изложено дѣло Намѣстникомъ и его Дьякомъ, произносила окончательный приговоръ, не дѣлая новаго допроса обвиненному. ⁵⁵ Допросъ состоялъ въ пыткѣ: обвиняемаго били кнутомъ изъ бѣлой воловьей кожи шириною въ палецъ, такъ что каждый ударъ производилъ рану, или привязывали къ вертелу и жгли на огнѣ, иногда ломали, или вывертывали, какой ни будь членъ раскаленными щипцами, разрѣзывали тѣло на пальцахъ, подъ ногтями. Самымъ ужаснымъ родомъ пытки была «дыбы.» Подсудимый съ связанными назадъ руками вѣдывался на воздухъ, и держали его въ такомъ положеніи, привязавъ къ ногамъ толстый брусъ, на который вскакивалъ, по временамъ, заплечный мастеръ, чтобы тѣмъ скорѣе заставить чле-

⁵⁴ Маржереть 38. Маскевичъ 55. Олеарій 160.

⁵⁵ Ср. Областн. учрежд., Б. Чичерина, стр. 45.

ны подсудимаго выйти изъ составовъ, между тѣмъ подъ ногами подсудимаго горѣлъ огонь для усиленія страданій. Иногда на головѣ у подсудимаго выбривали макушку и, въ то время, какъ онъ висѣлъ, лили на него холодную воду по каплямъ: рѣдкій преступникъ выдерживалъ это послѣднее испытаніе, добавляетъ Олеарій. Управляющій Четвертью пересылалъ приговоръ Думы въ ту область, гдѣ находился преступникъ для исполненія. Если по этому приговору преступникъ присуждался къ смерти, его вывозили на мѣсто казни съ возженною восковой свѣчей, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ. Виды смертной казни были: повѣшеніе, обезглавленіе, ушёрщленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе зимою подъ ледъ, сажаніе на колъ и другіе. По свидѣтельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повѣшаніе; другія, болѣе жестокія, казни употреблялись рѣдко, развѣ за какія ни будь необыкновенныя преступленія. За воровство и даже убійство (кроме убійства съ цѣлю грабежа) рѣдко подвергали смертной казни. Герберштейнъ и Флетчеръ говорятъ, что «лѣтомъ Москвитяне, занятые войной, рѣдко казнили преступниковъ, но большею частію отлагали исполненіе смертныхъ приговоровъ до зимы, когда преступниковъ вѣшали или убивали ударомъ въ голову и опускали подъ ледъ. Святотатцевъ, по свидѣтельству Петрея, сажали на колъ и, когда преступникъ умиралъ, тѣло его снимали, выносили за городскія ворота, и заѣвъ, предавъ сожженію, засыпали пепель землей.⁵⁶ Батоги были самымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказаніемъ, которому одинаково подвергались и простые и сановные люди за важныя и неважныя нарушенія закона. По замѣчанію Ташера, въ Москвѣ проходилъ рѣдкій день безъ того, чтобы кого ни будь не били на площади батогами. Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ, какъ самое жестокое и варварское наказаніе. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, цолавшагося въ первый разъ, во время Олеарія, били кнутомъ, ведя его отъ воротъ Кремля до большаго рынка, гдѣ рѣзали ему одно ухо и заирали на два года въ темницу. За вторичное воровство повторяли то же наказаніе и держали въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока набиралось достаточное число такихъ преступниковъ, послѣ чего ихъ ссылали въ Сибирь, гдѣ они должны заниматься звѣриной охотой въ пользу

⁵⁶ Petrejus 319.

казны.» Олеарій видѣлъ въ 1634 году въ Москвѣ, какъ наказывали кнутомъ 9 преступниковъ, воровски продававшихъ табакъ и водку; между ними была и одна женщина.⁵⁷ Кнутъ былъ изъ воловьей жилы и имѣлъ на концѣ три хвоста, острые какъ бритва, изъ невыдѣланной лосьей кожи: преступникамъ дали по 25 ударовъ, преступницѣ 16. «Надо быть Москвитяниномъ (замѣчаетъ Штраусъ), чтобы выдержать четвертую долю такого наказанія и остаться живымъ.» При наказаніи присутствовали Подъячій съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякій разъ, какъ заплечный мастеръ отсчитывалъ предписанное число ударовъ, Подъячій кричалъ «Полно!» После того преступниковъ связали, продававшихъ табакъ повѣсили на шею по рожку съ табакомъ, а продавцамъ водки по стеклянкѣ съ этимъ напиткомъ, и въ такомъ видѣ повели всѣхъ по городу; хотя нѣкоторые не могли стоять на ногахъ; при этомъ ихъ продолжали бить кнутомъ. Пропедаши съ полмили, ихъ повели опять на мѣсто казни, и тутъ отпустили. Часто наказаніе кнутомъ оканчивалось смертію наказаннаго. За употребленіе табаку, во время Олеарія, рвали поздри. Таннеръ описываетъ видѣнное имъ въ Москвѣ и сильно поразившее его наказаніе женщины за убійство мужа. «Завязавъ преступницѣ руки назадъ, ее закопали по поясъ въ землю; въ такомъ положеніи она должна была пробыть три дня, не подвергаясь далѣе никакому наказанію.⁵⁸ На ся бѣду напали на нее голодные собаки, во множествѣ бродившіе по городу и, послѣ отчаяннаго сопротивленія несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали изъ земли и разнесли по кускамъ. Все это происходило предъ глазами многихъ жителей, которые не смѣли подать помощь преступницѣ.⁵⁹

Иностранцы XVII вѣка, описывая Московское судопроизводство, умалчиваютъ объ «одномъ судебномъ доказательствѣ, именно: о поляхъ.⁶⁰ Но у иностранцевъ XVI вѣка находимъ объ этомъ много любопытныхъ извѣстій. Когда дѣло не уяснялось допросомъ и объ стороны представляли равносильныя доказательства, отвѣтчикъ, или истецъ, говорилъ: «Поручаю себя правдѣ Божіей и про-

⁵⁷ Олеарій 232.

⁵⁸ По Уложенью, она должна была оставаться въ землѣ пока умретъ.

⁵⁹ Олеарій 23—232. Таннеръ §1. Корбъ 203.

⁶⁰ Петрей 319.

шу поля!» Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, крохъ пищаля и лука, бились пѣшіе; бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Иностранцы, выходя на поединки съ Русскими, почти всегда побѣждали послѣднихъ, превосходя ихъ ловкостію и умѣньемъ дѣйствовать оружіемъ. Оба противника имѣли по нѣскольку друзей и доброжелателей, которые стояли у поля, смотрѣли за боемъ, но безъ оружія, крохъ развѣ кольевъ, обозженныхъ съ одного конца. Если друзья одного изъ бьющихся замѣчали, что его противникъ бьется не какъ слѣдуетъ, а съ обманомъ, тотчасъ прибѣгали къ своему на помощь, за ними вмѣшивались въ дѣло сторонники другого поединщика, и съ обѣихъ сторонъ начиналась драка, пріятно занимавшая зрителей. По замѣчаніи Герберштейна, «обѣ стороны дрались чѣмъ и какъ ни попало: за волосы, кулаками, кольями» и проч. «⁶¹ Досудившіеся до поля могли, вмѣсто себя, выставять драться наемныхъ бойцовъ. Ченслеръ говоритъ даже, что тяжущіеся рѣдко бились сами, выставляя обыкновенно наемныхъ бойцевъ. Въ Москвѣ было много такихъ бойцевъ, которые тѣмъ только и промышляли, что по найму выходили драться на судебныхъ поединкахъ. «⁶² Тотъ, чей боецъ оставался побѣжденнымъ, тотчасъ объявлялся виноватымъ и сажался въ темницу. «⁶³

Злоупотребленіе исполнителей закона, судей и правителей, дѣлало его еще больше тяжкимъ и жестокимъ для общества вообще, и въ частности для преступниковъ. Судебная часть въ Древне-Русскомъ мірѣ, какъ извѣстно, была тѣсно соединена съ правительственной частію, или лучше сказать, вовсе не была отдѣлена отъ нея: одни и тѣ же органы вѣдали и ту другую. По тому на судъ, какъ и на прочія отрасли управленія, смотрѣли прежде всего, какъ на способъ кормленія, дохода. Судъ былъ не общественной должностію, а частнымъ владѣніемъ, дѣлился на части, отдавался на откупъ, какъ частная доходная статья, такъ что всякій сильный и богатый человекъ могъ покупать у Князя, или его Намѣстника, право суда въ извѣстной области и, при отсутствіи строгаго закона, дѣлалъ что хотѣлъ, руководясь однимъ частнымъ личнымъ правомъ. «Се купи (пишется въ одной старин-

⁶¹ Герберштейнъ 58.

⁶² Nacl. 1, 268. Clemens въ Reg. mosc. auct. var., p. 451.

⁶³ Юв 48. Гербершт. 38 — 40. Флетчеръ гл. 14.

ной грамотѣ 1434 года) Якимъ Гурьевъ и Матвѣй Петровъ, судъ Великаго Князя, у Намѣстника Великаго Князя, у Григорія Васильевича и проч. И въ такихъ откупныхъ грамотахъ на первомъ планѣ полагается «пошлина и коритъ себѣ и конемъ судей, а о правосудіи и слова нѣтъ.»⁶⁴ Отсюда неправосудіе, произволъ, взяточничество и корысолобіе, насилія и жестокости судей и правителей были дѣломъ обыкновеннымъ въ Древне-Русскомъ мірѣ, особенно во время разгара Княжескихъ междоусобій и при ослабленіи государственнаго порядка и власти. По крайней мѣрѣ мы видимъ постоянныя горькія жалобы и вопль народа и особенно благочестивыхъ Пастырей Церкви противъ областныхъ управителей и судей. Такъ, въ словѣ Даниила Заточника (XII в.) о Судьяхъ и Князьяхъ, находящемся въ Мѣрилѣ Праведномъ, говорится о Тиунахъ: «Безъ правды Тиунъ, кождо осудивъ, продастъ; и тѣми деньгами купить себѣ ясти, и тѣми одѣяніе себѣ купить, и тѣми деньгами обѣды, и пиры творять, се Князи, стадо Христово вдали, сице татемъ и разбойникамъ. Сильные и богатые постоянно и безжалостно обижаютъ бѣдныхъ и слабыхъ; безъ вины порабощали людей поклепомъ, клеветою, лжею, завистію, гнѣвомъ, судили неправедными издами, кривыми, лихоиманіемъ, рѣзонманіемъ.» «Кждо на зло рудѣ уготовляетъ;» замѣчаетъ Даниилъ. «Судья емлетъ, Князь грабитъ и изъядаетъ, сильный се крушаетъ и погубляетъ всякъ.»⁶⁵ На вопросъ Князя Полоцкаго: «Какая судьба ожидаетъ Тиуна на томъ свѣтѣ?» Пастырь Симеонъ (XIII в.) отвѣчалъ: «Тиунъ несправедливо судить, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучить. Не имѣй себѣ двора близъ Княжа двора, ни села близъ Княжа села, по тому что Тиунъ его, какъ огонь, и рядовичи его, какъ искры,» замѣчаетъ тотъ же Даниилъ въ другомъ своемъ словѣ.⁶⁶ «Христосъ поставилъ васъ стражами и пастырями людемъ своимъ (говорить Митрополитъ Кириллъ II-й, въ своемъ словѣ «о Судьяхъ и Волостеляхъ»), а вы, вмѣсто пастуховъ, являетесь воинами, стадо Христово погубляете, отдали его татемъ и разбойникамъ на разграбленіе, и они кровь ихъ испили и плоть ихъ извели и овчинами ихъ одѣлись сами. На то вы не смотрите, какъ они прода-

⁶⁴ Акт. Истор. т. 1.

⁶⁵ Рукон. Сборникъ библ. Кав. Д. Акад. въ Прав. Собесѣдн. 1864 г., Январь, стр. 81.

⁶⁶ Истор. Соловьева т. 3.

ють людей, судя нецраведный судъ, не наблюдаете за правдою, но у кого много возьмете, тотъ и правъ. Вы поставяете людей небогобразенныхъ, ради корысти пускаете ихъ въ городъ, какъ бѣшеныхъ псовъ, чтобы одного уморили, другого убили, третьяго изъязвили, а четвертаго уничтожили, и такимъ образомъ всѣхъ людей погубили; ибо который Тиунъ безъ правды кого осудить, продасть, и тѣми кунами купить себѣ одежду, и всѣми тѣми кунами учреждаетъ обѣды и пиры творить; такъ этимъ воромъ вы отдали стадо Христово, датею и разбойникамъ; ибо что можемъ зарѣзать, то дѣлаютъ и тѣ, которые неправеднымъ судомъ судятъ: они изъядаютъ плоть ихъ, упиваясь безъ запрещенія, продаютъ рабовъ и изъ овчинъ ихъ дѣлаютъ себѣ одежду и дома ихъ истребляютъ, женъ и дѣтей продаютъ иноплемешникамъ.» «А вы, Князя (замѣчаетъ Кириллъ), причастники и сообщники имъ во всемъ.»⁶⁷ «Мы (говоритъ Максимъ Грекъ), елицы во властехъ и начальствахъ есмы, ниже правдою судимъ, ниже милость являемъ къ обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ величайшую мзду, или обидяй, или обидимъ, обоимъ слухи даемъ ему волею, яреступающе страшнаго судица».. «О koliko сіи страждутъ отъ земныхъ властей за одинъ судъ, а другой оболгали,» говоритъ невзвѣстный сочинитель поученія, относящагося ко времени, въ которомъ жилъ Максимъ.⁶⁸ Лѣтописцы, выразители народныхъ мнѣній и чувствъ, также сильно негодуютъ на упадокъ правосудія въ областяхъ. Такъ, при Всеволодѣ Ярославичѣ, лѣтописецъ жалуется на разореніе земли въ слѣдствіе дурнаго состоянія правосудія. Подъ 1138 годомъ читаемъ, что «была пагуба жителямъ берега Сулы отъ Половцевъ и отъ своихъ Посадниковъ.» При Всеволодѣ Ольговичѣ Тиуны разорили Кіевъ и Вышгородъ. Подъ 1448 годомъ лѣтописецъ Новгородскій замѣчаетъ: «Въ то время особенно въ Новгородѣ не было правды и праваго суда: встали ябедники и снарядили чеды, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу. И были мы (заключаетъ лѣтописецъ) въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ, были по волости изъѣзды великіе и поборы частые, крикъ и рыданіе, вопль и клятвы отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, по тому что не

⁶⁷ Прав. Собесѣд. 1861 г., ч. 1.

⁶⁸ Тамъ же.

было въ насъ милости и суда праваго.»⁶⁹ Еще рѣзче говорить о злоупотребленіяхъ правителей Псковскій лѣтописецъ. По поводу наспілій Андрея Михайловича Шуйскаго и Василя Ивановича Репнина-Оболенскаго, онъ замѣчаетъ: «Эти Намѣстники были свѣрѣны какъ львы, а люди ихъ какъ звѣри дикіе злы до крестьянъ; и начали ябедники добрыхъ людей клепать, и разбѣгались добрые люди по инымъ городамъ, а Игумены изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй, дѣла его злы; на пригородахъ и на волостяхъ поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по 100 руб. и больше, а въ Псковѣ мастеровые люди все дѣлали на его даромъ, большіе же люди давали ему подарки.»⁷⁰ У Московскихъ Судей (заключаетъ лѣтописецъ) правда улетѣла на небо, а кривда одна осталась на Судѣ.»⁷¹

Вообще тогда, по замѣчанію Никоновской лѣтописи, «Князья, Бояре, Вельможи и Судьи градскія были исполнены самоволія, жили, ни чего не боясь, и неправо судили. Тамъ поганые Христіанъ губили и воевали, а здѣсь губили Христіанъ Бояре и Воеводы мздами, налогами и великими продажами. А по ихъ примѣру поступали простые Дворяне и Дѣти Боварскія, а также и рабы, смотря на своихъ господъ; тогда въ городахъ и селахъ неправда умножилась, расширились убійства и грабежи, и во всей землѣ были слышны только слезы, рыданія и огромный вопль.»⁷²

Самъ Иванъ Грозный говоритъ про Намѣстниковъ и Волостелей, что «они стали для народа волками, гонителями и разорителями.»⁷³ А о своеволіи Боярѣ, особливо Шуйскихъ, онъ такъ писалъ къ Курбскому: «Потомъ на села и города наскочили и безъ милости пограбили жителей; а какія напасти были отъ нихъ сосѣдямъ исчислить нельзя, подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ сдѣлали Вельможами: думали, что правятъ и строить, а вмѣсто того вездѣ была неправда и нестроенія; мзду безмѣрную отвсюду брали, все говорили и дѣлали по мздѣ.»⁷⁴

Подобными же красками рисуются дѣйствія судей и въ памятникахъ Древне-Русской письменности. Извѣстна, на примѣръ, со-

⁶⁹ Новг. 4 лѣт. стр. 124.

⁷⁰ Пол. Собр. Рус. Лѣтоп. т. 4, стр. 304.

⁷¹ Псковск. Лѣтопись 1, 287.

⁷² Никон. Лѣтопись 7, 48.

⁷³ Судебникъ стат. 102 въ Юрид. Сборникѣ за Мартъ 1855 г.

⁷⁴ Сказанія Курбскаго.

ставившаяся подъ вліаніемъ дѣйствительности сатира о Шемякинскомъ Судѣ, представляющая въ довольно крайнихъ примѣрахъ продажность судей.⁷⁵ А въ извѣстномъ тоже разсказѣ, помѣщающемся при «Повѣсти о началѣ и взятіи Царьгорода,» и приписываемомъ Ивану Пересвѣтову, Греки, расхваливая предъ Латинами Русское Царство, говорили: «Если бы къ той вѣрѣ Христіанской да правда Турецкая была, то съ Русскими людьми Ангелы бесѣдовали бы.»⁷⁶ Особенно рѣзко отзывались о злоупотребленіяхъ Древне-Русскихъ Судей и Правителей иностранные писатели, внимательно всматривавшіеся въ Московскіе порядки. Правленіе въ Московскомъ Государствѣ казалось слишкомъ тиранническимъ для Христіанскаго Государства. Такъ, по отзыву Флетчера, «Московская система областнаго управленія была бы недурна для такого обширнаго Государства, по своему удобству для предупрежденія нововведеній, если бы ея не портила недобросовѣстность Правительственныхъ лицъ. Общественные Правители (говоритъ онъ) чужды народу по своимъ интересамъ и не пользуются ни его довѣріемъ, ни любовью. Являясь ежегодно въ области свѣжими и голодными, они мучатъ и обираютъ народъ безъ всякой совѣсти, стараясь содрать въ свое управленіе столько, чтобы, по окончаніи срока, отдавая отчетъ, можно было, не обижая себя, подѣлиться съ Управляющимъ Чети, который, въ надеждѣ на это, смотрѣлъ склосъ нальцы на дѣйствія Намѣстника. За это народъ ненавидитъ Намѣстниковъ, видя, что они поставлены надъ ними не столько для того, чтобы оказывать ему правосудіе, сколько за тѣмъ, чтобы угнетать его и снимать съ него шерсть не одинъ разъ въ годъ, какъ владѣлецъ съ своей овцы, а стричь и обрывать его въ продолженіе всего года.» Далѣе, въ дополненіе къ приведенному нами выше отзыву Никоновской лѣтописи, Флетчеръ добавляетъ извѣстіе объ участіи въ насиліи даже слугъ, вымѣщавшихъ свое горе на собратьяхъ по общей участи, когда замѣчаетъ о рабскомъ духѣ и правительственной спеси тогдашнихъ Русскихъ. «Самый простой и жалкій крестьянинъ (говоритъ онъ), который какъ собачка пресмыкался предъ Дворяниномъ и лизалъ пыль отъ его ногъ, получивъ какую ни будь власть, становился невыносимымъ. Все это (заключаетъ Флетчеръ) показываетъ жалкое состояніе народа, который долженъ признавать источникомъ сво-

⁷⁵ Архивъ Истор. Свѣд. 1856 г. кн. 4.

⁷⁶ Истор. Солов. т. VII, стр. 239.

ихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ несправодливости которыхъ ему необходимо было бы имѣть значительное количество хорошихъ и строгихъ законовъ. ⁷⁷

Государственная власть, по самому своему назначенію, должна была заботиться объ искорененіи недостатковъ, господствовавшихъ въ частной жизни, смягчать и усовершенствовать законы и обеспечивать въ то же время дѣйствія исполнителей ихъ. Но сначала, въ пору преобладанія родовыхъ началъ, государственная власть была еще слишкомъ слаба для того, чтобы надлежащимъ образомъ выполнять свое назначеніе. Великій Князь, въ рукахъ котораго находилась верховная государственная власть, по отношенію къ другимъ Князьямъ, считался только «старшимъ въ родѣ» представителемъ нераздѣльнаго владѣнія общою родоюю собственностію, по отношенію къ другимъ «простымъ вождемъ», съ которыми они могли во всякое время расчитаться и перейти къ любому Князю какого ни будь поколѣнія на условіяхъ болѣе выгодныхъ для нихъ; наконецъ, по отношенію къ народу, «простымъ выборнымъ», которому, при малѣйшемъ неудовольствіи черни, грозила всегда опасность изгнанія. Особенно сила и значеніе государственной власти были ослабляемы подчиненіемъ Великаго Князя Ханамъ. Правда, зарождалась уже и идея Царской власти, выработавшаяся въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ, особенно въ Сѣверной Руси, гдѣ въ первые явились Князья Самовластцы, Андрей и Всеволодъ. Такъ сѣверная лѣтопись, рассказывая объ убіеніи Великаго Князя Андрея, предастъ убійцъ его проклятію, и долго распространяется о святости Княжеской власти, сравниваетъ Князя по власти съ Богомъ, доказываетъ, что противникъ власти противится Богу, проповѣдуетъ прирожденное и самодержавное значеніе Князя и осуждаетъ старый порядокъ съ его вѣчми, выборами Князей и проч. Точно также Князья, связанные какимъ ни будь родствомъ съ Византійскими Императорами, пользовались особеннымъ почетомъ, на примѣръ, Борисъ и Глѣбъ, Владимиръ Мономахъ, по тому что они «свѣтились царски.» Такъ Митрополитъ Никифоръ, восхваляя Мономаха, говоритъ, что «его Богъ изъ утробы помаза, отъ Царской и Княжеской крови смѣсивъ;» въ знакъ же уваженія Князей часто величали Царями. О Мономахѣ, на примѣръ, составилось преданіе, по ко-

⁷⁷ Флетчеръ стр. 175.

тому Византия, въ лицѣ Императора Алексѣя Комнина, передала Русскому Князю знаки Царскаго сана, вѣнецъ и бармы, и Греческій Митрополитъ, Неофитъ, совершилъ надъ нимъ обрядъ Царскаго помазанія, но эта идея не нашла еще себѣ надлежащаго осуществленія въ самой жизни. Среди удѣльныхъ вѣчевыхъ порядковъ сама Иерархія церковная могла пока говорить только о единствѣ и мирѣ земли и о повиновеніи младшихъ Князей старшему какъ отцу, не болѣе. Названія же «Великій Господинъ, Господарь, Царь,» приписывавтіяся иногда государственной власти не имѣли еще чисто государственнаго значенія: они употреблялись въ мѣстахъ только случайныхъ, изрѣдка, для красоты рѣчи и для отличія сильнѣйшаго удѣльнаго Князя отъ слабѣйшаго. Въ договорахъ и грамотахъ Князей, наряду съ ними всегда и вездѣ встрѣчаются титулы: «старшій братъ, отецъ.» Изъ Князей не было еще лица, которое бы считало себя вправѣ и достойнымъ принять всѣ эти титулы вмѣстѣ, и присвоивать ихъ себѣ постоянно. Еще менѣе названія эти признавались законными другими державами. Такъ, на примѣръ, Папы сначала именовали Русскихъ Князей: «благородными мужами, Князьями Суздальскими» и т. п.⁷⁸ Не имѣя, такимъ образомъ, еще за собою исторической давности, связанная съ своими подданными едва замѣтными, временными узами вышняго подчиненія, государственная власть должна была прежде и болѣе всего заботиться о приобрѣтеніи матеріальной силы и нравственнаго значенія, чтобы освободиться отъ посторонняго вліянія, и по тому оставляла на заднемъ планѣ выгоды общества и государства. Да и не могла она затрогивать и преслѣдовать эти выгоды и интересы по тому, что во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ была контролируема Княжескими сѣздами, Боярскою Думою и Вѣчемъ. Наконецъ, такъ какъ Государство находилось подъ гнетомъ иноземнаго владычества и, при своей слабости, готово было совершенно распаться и уничтожиться, то государственная власть должна была заботиться не столько объ его внутреннемъ развитіи и усовершенствованіи, сколько объ его вѣншемъ сосредоточеніи и независимости.

Въ пору преобладанія государственныхъ началъ присоединилось еще новое, очень важное для государства, но неблагоприятное для внутренняго и вышняго благостоянія общества, обсто-

⁷⁸ Hist. Russ. Mon. p. 58, 59.

тельность. Въѣстъ со средоточиваніемъ Государства усиливалась, конечно, и государственная власть. Владѣніе Хановъ кончилось, дружина потеряла свое прежнее значеніе, удѣльные Князья ослабли отъ междуусобій, вѣче уничтожилось, и Великій Князь сдѣлался одинъ полнымъ Господаремъ и Царемъ всея Русскія земли. Этого мало. Въѣстъ съ матеріальнымъ усиленіемъ Великаго Князя развилась окончательна и Греко-Византійская идея о Царской власти. Подобно Грекамъ Русскіе думали, что «земля и все, что на ней, суть Божіи и Царевы, и всѣ люди ея Божіи и Царевы рабы и подданные. И какъ предъ Богомъ всѣ люди суть равны безъ различія званій, такъ и предъ Царемъ не должно быть различія, но всѣ рабы, отъ наибольшаго до наименьшаго хотя между рабами онъ можетъ дѣлать различіе, смотря по достоинству. Отсюда Царь хотя предъ Богомъ ничего, за то предъ людьми, все можетъ. Нѣтъ и быть не можетъ такого человѣка, который былъ бы выше Царя, и нѣтъ достоинства и величества въ мірѣ верховнаго надъ достоинствомъ и величествомъ Царскимъ. Каждый истинный Царь долженъ признавать выше себя одного только Бога, но ни одного человѣка; а кто признаетъ какого-либо человѣка выше себя почестію, или властію, тотъ не есть истинный Царь, но Князь, или Вождь. Царь есть истиннѣе и выше даже Цесаря, по тому что онъ означаетъ намѣстника Божія, а Цесарь — имя поколѣнія Юліана. И какъ Царское величіе есть не его, а Божіе, и въ слѣдствіе того оно изъято отъ всякаго человѣческаго закона, суда и могущества, то никто изъ подданныхъ не имѣетъ права отгадывать, или судить, тайны Царя. Сколько есть между жителями государства добрыхъ мужей, всѣ должны судьбу свою поручать Божіей милости и совѣсти Царя. Никто не долженъ творить себя цензоромъ Царской Думы, никто, подъ опасеніемъ преступленія противъ Величества, не можетъ дѣлать сходбищъ и разбирать думы, или обсуживать причины, руководяція Царемъ; ибо надъ нимъ нѣтъ другого судьи, кромѣ Бога. Никто не можетъ приступить къ Царю съ тревогой, не оскорбляя тѣмъ Царя, и даже самого Бога, коего Царь есть Намѣстникъ. Никто, безъ величайшаго преступленія не можетъ судить и говорить: «Царь неправильно поступаетъ, или нехороши, неудовлетворительны причины, побуждающія его налагать тяжкія подати, или совершать что либо другое. Но всѣ должны нести судьбу свою терпѣливо и приписывать ее грѣхамъ своимъ, и Бога умиловлять молитвами и благочестивыми дѣяніями и, наконецъ, способомъ благоразумія, въ покорнѣйшихъ пись-

менныхъ просьбахъ, излагать Царю свои жалобы и вымаливать милости. А кто иначе сдѣласть, всѣ таковыя должны считаться мятежниками противъ Величества и врагами отечества. Царь, поступаетъ ли онъ по правдѣ, или не по правдѣ, все таки онъ правъ, по тому что онъ есть законодатель, а судья ничего не можетъ сдѣлать противъ закона: Царь однажды помазанный не имѣетъ никакого судьи на свѣтѣ въ мірской области. Никто не можетъ Царя свободно проклинать, хотя бы и неправеднаго. Никто не можетъ Царю отказать въ службѣ, или учинить ее невѣрно, хотя бы Царь былъ неправедный. Никто не можетъ Царя помазаннаго никакою казнію казнить, или руки свои на него протянуть. Если же Царь будетъ тиранъ, заставляющій терпѣть, то люди должны это несчастіе приписывать своимъ грѣхамъ, исправляться и у Бога просить помощи, а Царю молиться, по тому что ради людскихъ грѣховъ Богъ даетъ злыхъ Царей.»⁷⁹ Такъ смотрѣли на себя прежде всего самые Цари. Вотъ какъ, на примѣръ, формулировалъ теорію Царской власти Иванъ Грозный, въ своихъ письмахъ къ Курбскому: «Богъ нашъ — Троица, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, не имѣни начала, ни конца, имъ мы живемъ, движемся и существуемъ; имъ царствуютъ Цари и сильные пишутъ правду.» Такъ начиналъ Грозный свое первое посланіе къ Курбскому. «Мы не хотимъ ни у кого Престола, но царствуемъ по волѣ Божіей и благословенію родителей. Всякая душа должна повиноваться властямъ, по тому что нѣсть власти не отъ Бога, и противящійся власти противится Богу. Развѣ это прокаженная совѣсть, когда держитъ все Царство въ своей рукѣ, а своимъ рабамъ не даетъ властвовать? Развѣ противно разуму, когда не хочешь быть подъ властію своихъ рабовъ? И это ли пресвѣтлое Православіе, чтобы быть подъ ихъ властію? Похититель Престола Иерооамъ, отдѣлившійся съ десятию колѣнами Израильскими, не могъ образовать прочнаго Царства; а Царство Іудейское, не смотря на меньшее простраство, существовало, пока угодно было Богу. Вспомни Великаго Константина, который умертвилъ своего сына (Криспа), когда тотъ стремился захватить Престолъ. Давидъ умертвилъ своихъ противниковъ. Какъ можетъ назваться Самодержцемъ тотъ, кто не самъ

⁷⁹ Русское Государство въ половинѣ XVII в. Крыжаничъ, ч. 2-я, стр. 33, 34, 50—55-я, 183, 71, 262, 263, 350.

управляетъ Государствомъ? Пока Римскою Имперіею управлялъ одинъ Августъ, она была нерушима; но какъ только, послѣ Константина Великаго, наступаетъ раздѣленіе власти, Византія распадается и слабѣетъ. Злые совѣтники стараются захватить въ свои руки власть, и Греческая Имперія, бравшая дань прежде съ другихъ народовъ, теперь сама платитъ ее. Наступаетъ господство Латынъ, а потомъ паденіе Имперіи. Тамъ Цари были послушны совѣтникамъ, и привели Государство къ гибели. Горе дому, въ которомъ господствуетъ жена, и горе городу, которымъ обладаютъ многіе, говоритъ Пророкъ. И такъ многовластіе подобно женскому безумію: Русская земля управляется милосердіемъ Божиимъ, милостію Богородицы, молитвами всѣхъ Святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей и нами, а не Судьями и Воеводами. Если мы своихъ Воеводъ казнили, то, съ Божіею помощію, еще имѣемъ у себя множество Воеводъ и кромѣ васъ, измѣнниковъ. Мы же вольны жаловать своихъ рабовъ, вольны и казнить. Я забочусь со всѣмъ усердіемъ наставить людей на истину, чтобы они познали одного истиннаго Бога, и отъ Бога даннаго имъ Государя, чтобы они прекратили междуусобныя войны, отъ которыхъ растлѣваются Царства. Ибо если подданные не повинуются Царю, никогда не прекратятся междуусобія. До сихъ поръ Русскіе Князья вольны были жаловать и казнить своихъ подчиненныхъ, и не судились объ этомъ ни предъ кѣмъ.» Этотъ порядокъ Грозный противопоставляетъ всякому другому. «Мы, смиренный Іоаннъ, Царь и Великій Князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію,» писалъ онъ въ грамотѣ къ Стефану Баторію.» Въ другомъ посланіи Грозный еще яснѣе высказалъ эту теорію Царской власти: «Начало нашего самодержавія (писалъ онъ къ Курбскому) отъ Св. Владимира: мы родились на Царствѣ, а не чужое похитили.» «Это ли совѣсть прокаженная, чтобы свое Царство въ рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму не хотѣть подчиняться подвластнымъ? Это ли Православіе пресвѣтлое быть обладаему рабами? Русскіе Самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ Царствомъ, а не Бояре и Вельможи... Я съ усердіемъ забочусь людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единого и истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ Государя, а отъ междуусобныхъ браней и стропливаго житія да престанутъ, которыми Царство растлѣвается... До сихъ поръ Русскіе Владѣтели не давали отчета никому, воль-

ны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, и не судились съ ними ни передъ кѣмъ... Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему Государя.» На основаніи Священнаго Писанія угрожаетъ онъ тѣмъ, которые не подчиняются власти: «Горе граду, которымъ владѣютъ многіе,» и даже гибель Греціи приписываетъ тому, что ея Цари подчинялись своимъ совѣтникамъ.

Поссевиизъ замѣчаетъ объ Грозномъ, что «онъ считалъ несравненно выше Западныхъ Христіанскихъ Монарховъ, и когда Папскій Легатъ указалъ на главнѣйшихъ изъ нихъ, онъ съ пренебреженіемъ возразилъ: «Что это за Государя?»⁸⁰ Лучшимъ выраженіемъ этого высокаго понятія Грознаго о Царской власти служить титулъ его, который обыкновенно начинался такъ: «Бога, въ Троицѣ славимаго, милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Владимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій,» и проч. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ титулъ этотъ измѣнялся такъ: «Милосердія ради милости Бога нашего, въ нихъ же посѣти насъ Востокъ свыше, во еже направить ноги наша на путь смиренъ, иже подаетъ намъ Скипетры державныя Россійскаго Царства; сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію, удержаномъ скипетры Россійскаго Царства браздодержательство, иже его человеклюбіемъ и благостію. Мы, Великій Государь» и проч.⁸¹ Точно также смотрѣли на Царскую власть и другіе Государя Русскіе. «Мы, Пресвѣтлѣйшій и Непобѣдимѣйшій Монархъ Дмитрій Ивановичъ, Божіею милостію Цесарь и Великій Князь всея Россіи и всѣхъ Татарскихъ Царствъ и многихъ другихъ областей,» писалъ первый Самозванецъ: «Я не только Князь, не только Господарь и Царь, отвѣчалъ онъ Посламъ Польскимъ, принесшимъ ему грамоту, писанную на имя Великаго Князя, «но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей. Ни Австрійскіе, ни Мидійскіе, ни Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя и Государя, когда мнѣ служатъ не только Государя, Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полуночныхъ, надо мною одинъ Богъ.»⁸²

⁸⁰ Поссевиизъ 50.

⁸¹ Карамзина т. IX-й, примѣч. стр 378, 398, 437.

⁸² Карамзина т. IX-й, стран. 155.

«Се азъ (писалъ второй Самозванецъ) Царь и Великій Князь, Дмитрій Ивановичъ, всея Русси и Московскія области, Великаго Величества Самодержецъ и Вседержитель Россійскаго Государства, Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Русси, Богомъ хранимый и Богомъ избранный, и Богомъ дарованный, и Богомъ помазанный, и надъ всѣми Ордами превознесенъ, старцамъ Израиля угодившися покровеніемъ десницы Вышняго Бога, единый подсолнечный Христіанскій Царь и многихъ Государствъ Государь и Обладатель.»³³ «Бога единого, безначальнаго, всемогущего волею прежде въ вѣкъ сый Отца, и Сына, и Св. Духа, въ Троицѣ славимаго единого Бога нашего, всѣхъ сотворшаго, во всѣхъ вся дѣйствующаго, вездѣ сый и вся исполняющаго, Того волею и дѣйствомъ челоувѣколюбиваго жизнедателя, единого Господа нашего, наставляющаго всѣхъ насъ къ благоразумію единочаднымъ словомъ своимъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ, въ настоящемъ семъ времени, утверди насъ скипетродержати Православія и попусти насъ особь царствовать къ благородію земли и къ потребѣ людешъ, въ мѣсть врагомъ, въ похвалу добродѣтелямъ,» писалъ Михаилъ Фодоровичъ.³⁴

Этотъ же возвышенный взглядъ Царей на самихъ себя раздѣляли съ ними дружина и народъ. Такъ, когда Псковичей, недовольныхъ Московскими Намѣстниками, позвали на судъ къ Великому Князю, Василию Ивановичу, то взмѣшившіе ихъ Бояре сказали: «Пойманы вы Богомъ и Великимъ Княземъ, Василиемъ Ивановичемъ.»³⁵

Всѣ подданные во всѣхъ просьбахъ своихъ къ Государямъ называли себя «холопами,³⁶ рабами»³⁷ и уменьшительными именами: «Данилко» и т. п.³⁸ Одни только духовныя лица имѣли право называться Государевыми «богомольцами» и почти всегда полными именами,³⁹ иногда только увеличительными. Навме-

³³ Добавленіе къ историческимъ актамъ т. 1-й, № 77. Ак. истор. т. 2-й, № III-й.

³⁴ Акты истор. т. 3-й, № 6-й.

³⁵ Пол. Собр. Русск. Лѣтописей т. 3-й.

³⁶ Акты Юрид. № 38, 40, 41 и др.

³⁷ Тамъ же 1728 г., 8 Мая, № 5071.

³⁸ Тамъ же № 33, 35, 36.

³⁹ Тамъ же № 32, 37.

нованія: «Благородіе, Благородный, приписывались только членамъ Государева семейства. «Никто изъ подданныхъ (замѣчаютъ иностранцы современники), какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, не смѣлъ противорѣчить волѣ Государя или не согласиться съ его мнѣніемъ; подданные открыто говорили, что «воля Государя—воля Божія, и Государь исполнитель воли Божіей.» Когда ихъ спрашивали о какомъ ни будь сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчали выраженіями, затверженными съ дѣтства, въ родѣ слѣдующихъ: «Это знаетъ Богъ да Великій Государь. Одинъ Государь знаетъ все, одинъ словомъ своимъ разрѣшаетъ онъ всѣ узлы и затрудненія. Что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, успѣхи въ предпріятіяхъ, здоровье—все это получаемъ мы отъ милости Государя, такъ что (добавляютъ наблюдатели,) тамъ никто не считалъ себя полнымъ хозяиномъ своего имущества, но всѣ смотрѣли на себя и на все свое, какъ на полную собственность Государя. Если среди бесѣды упомянуть имя Государя, и кто ни будь изъ присутствующихъ не спомнетъ при этомъ шанки, тому напоминали объ его обязанности; нищія, сидя у церковныхъ дверей, просили милостыни «ради Бога и Государя.» Рассказывать, что дѣлается и говорится во дворцѣ Государемъ, считалось величайшимъ преступленіемъ. Въ день именинъ Царя никто не смѣлъ работать, хотя въ церковные праздникі простой народъ не прекращалъ будничныхъ занятій. Въ челобитныхъ къ Царю Бояре и всѣ служилые люди прибавляли: «холопъ твой,» прочіе купцы: «сирота твой;» Боярыни: «рабица, или раба твоя;» поселяне: «крестьянинъ твой;» слуги Бояръ: «человѣкъ твой.»⁹⁰ Иностранцы даже дивились благоговѣйной покорности, съ которою подданные относились къ Московскому Государю. Такъ, Вѣнскій Архіепископъ, слушая рассказы Московскихъ Пословъ, приходилъ въ умиленіе отъ такого послушанія подданныхъ своему Государю, яко Богу.⁹¹

Особенно высоко смотрѣла на Царскую власть Церковь. «Русскій Государь,» пишетъ старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Псковскому Намѣстнику и Великому Князю, Василию Ивановичу, «есть браздодержатель всѣхъ Престоловъ и во всей поднебесной. Онъ Христіанскій Царь.»⁹² «Тебѣ поручилъ Богъ жи-

⁹⁰ Сказанія иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ, Ключескаго. Москва, 1866 года.

⁹¹ Fabri, въ Mosc. auct. varii, p. 132.

⁹² Правосл. Собесѣдн. 1861 г., Май, и 1863 г., Мартъ.

вотъ всего Великаго Православія,» писалъ Митрополитъ Макарій Ивану Грозному. ⁹³ «Царю, или Князю, или Властелину, того ради подобаетъ поклониться и служить, яко се есть благоугодно Богови, еже воздавати властемъ покореніе и послушаніе; писано бо есть: «Князю людей своихъ не речеши зла; Бога бойтеся и Царя чтите; воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови.» Царь бо Божій слуга есть,» писалъ Іосифъ Волоколамскій противъ еретиковъ, отвергавшихъ высокое нравственное достоинство и значеніе верховной власти. Точно также въ поученіяхъ къ народу Пастыри Церкви выдавали за догму почитаніе Царской власти, проводили мысль, что недостойные Царя поставляются по поущенію Божію за грѣхи людей, и называли Царей «благородными и христолюбивыми, вседержавными, превьсочайшими, свѣтлѣйшими, Богомъ избранными Царями-Государями всея Россіи, Самодержцами вѣчными, Православныя вѣры истинными наставниками, Христовой Церкви столпами непоколебимыми, основаніями неподвижными, высокостольнѣйшими Государями, браздодержателями святыхъ Божіихъ Церквей, престолами всѣхъ Епископовъ и причтовъ, мудрыми кормчими великаго корабля всего міра,» и за непослушанія Царя грозили лишеніемъ благословенія Божія. ⁹⁴ Всѣ эти титулы признавались теперь уже даже иностранными Державами. ⁹⁵ Пользуясь такою большою матеріальною силою и безконтрольнымъ религіозно-нравственнымъ значеніемъ, государственная власть думала, что для нея все позволительно, и по тому употребляла иногда произволъ, жестокости и насилія по отношенію къ своимъ подданнымъ, особенно при введеніи государственныхъ началъ. Мы видѣли, что даже въ пору преобладанія родовыхъ началъ, когда, какъ мы сказали, государственная власть была еще слаба, въ древнѣйшихъ обличеніяхъ, направленныхъ противъ насилій судей и правителей, встрѣчаются уже и обличенія Князей, которые выставляются тамъ виновниками самыхъ притѣсненій, причастниками и сообщниками во всемъ грабителямъ Тиунамъ; въ пору же сосредоточенія Государства обвиненія эти являют- ся дѣломъ обыкновеннымъ во всякомъ почти лѣтописномъ памят-

⁹³ Дополненіе къ Актамъ историч. т. 1-й, № 25.

⁹⁴ Тамъ же № 41. Собрн. Нов. Соф. библ. № 1241, л. 358 об., № 1444, л. 443. Ак. Ист. т. 1, № 302.

⁹⁵ Hist. Russ. Mon. p. 140.

тникъ. Такъ, когда въ XIV вѣкѣ Стефанъ Пермскій крестилъ Зырянъ, то жрецы кудесники говорили: «Какъ слушать пришедшаго изъ Москвы, который угнетаетъ насъ податями?»⁹⁶ Въ Житіи Сергія Радонежскаго говорится, что когда Ростовъ достался Москвѣ, то въ слѣдствіе насилій Московскихъ властей, многіе дошли до послѣдняго бѣдствія, «яко не токмо имѣнія обнажены были, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостію на себѣ носиша и претерпѣша.» И такъ было во всѣхъ волостяхъ и селахъ Ростовскихъ, многіе принуждены были бѣжать въ другія страны. Въ 1445 году (замѣчаетъ одинъ лѣтописецъ) пріѣхали въ Москву служить Тверскіе Бояре, «по тому что не могли сносить обидъ Великаго Князя, Бояръ и его Дѣтей Боярскихъ; при спорахъ о земляхъ гдѣ не изобидятъ Московскіе Дѣти Боярскіе (прибавляетъ онъ), то пропало, а гдѣ Тверичи изобидятъ, а то Великій Князь съ поношеніемъ посылаетъ и угрозами къ Тверскому, и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ.»⁹⁷ По случаю смерти Псковскаго Дьяка, Мисюры Мунехина (1528 г.) лѣтописецъ замѣчаетъ: «и нача Князь Великій животь его сыскивать, а на его мѣсто прислалъ Владимирова племянника, и найдоша въ его казнѣ книги въкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ, Боярамъ, или Дьякамъ, или Дѣтямъ Боярскимъ, и Князь Великій все это выискивалъ на себя и на его племянника, и Подъячій Ортоша Псковитянинъ, любезный его, на Москвѣ и на пыткѣ былъ. И бысть въ людѣхъ мятежъ великъ о его животахъ и выискиваніе веліе.»⁹⁸ Извѣстна также жалоба Берсеня Максиму Греку на то, что «Великій Князь отнялъ у него подворье и поставилъ на немъ Шимячичеву княжить.»⁹⁹ Прибавимъ къ этому еще отзывъ Курбскаго: «Державные (говорить онъ), призванные и на власть отъ Бога поставленные, да судомъ праведнымъ и въ кротости и въ милости державу управятъ, и грѣхъ ради нашихъ, вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются, яко не отъ естества подобнаго пощаждѣти, попустиша неслыханныя смерти и муки на добротныхъ своихъ умыслиша. О нерадѣиіи же державы и кривдѣ суда и о насытствѣ грабленій чужихъ

⁹⁶ Исторія Русской Церкви, Филарета, т. 2, стр. 34.

⁹⁷ Пол. Собр. Руск. Лѣт. т. 6, стр. 237.

⁹⁸ Тамъ же т. 4, стр. 297.

⁹⁹ Акты Экспедицій т. 1, №, 172.

имѣній ни изрещи риторскими языки соединенія бѣды возможно. Таковыхъ ради нестерпимыхъ мукъ овымъ безъ вѣсти бѣгуномъ отъ отечества быти, овымъ любезныя дѣти своя и исцадія чрева своего въ вѣчныя работы продавати, и овымъ своими руками смерти себѣ умышляти, удавленію и быстринамъ рѣчнымъ и инымъ таковымъ себе предавати, отъ многія горести думамъ помрачитися, естественному яль бытству... Горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости суда не имущимъ во властяхъ своихъ» (заключаетъ онъ).¹⁰⁰ Еще рѣзче отзываются о злоупотребленіяхъ Верховной Власти иностранцы. По ихъ описанію, «Государь Московскій стоялъ неизмѣримо высоко надъ всѣми подданными, и властію своею надъ ними превосходитъ всѣхъ Монарховъ; эта власть одинаково распространялась и на духовныхъ и на свѣтскихъ людей; ни отъ кого не завися, ни кому не отдавая отчета въ дѣйствіяхъ, онъ свободно располагалъ имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ; Бояринъ и послѣдній крестьянинъ равны предъ нимъ, одинаково безотвѣтны предъ его волей.» Особенно ясно сказывалось иностранцами безсиліе всѣхъ вельможъ предъ Верховною Властію. «Государь (замѣчаютъ они) могъ каждаго изъ нихъ, кого захочетъ, лишить сана и имущества, которое онъ же и далъ ему, и низвести въ положеніе простолюдина. Всѣ вельможи, совѣтники и другіе люди высшаго сана не считали для себя безсчестнымъ, когда Государь приказывалъ кого ни будь изъ нихъ побить за какой ни есть проступокъ: побитый, напротивъ, оставался очень доволенъ, видя въ этомъ знакъ благосклонности Государя, и благодарилъ его за то, что пожаловалъ, удостоилъ исправить и наказать его, своего слугу и холопа.» Герберштейнъ замѣчаетъ по этому поводу, что, «когда онъ спросилъ знакомаго старца Боярина, за чѣмъ онъ такъ озабоченно и съ такимъ смѣхомъ бѣжалъ на встрѣчу Посламъ, тотъ отвѣчалъ: «У насъ служить Государю не по вашему, Сигизмундъ»¹⁰¹ Флетчеръ замѣчаетъ, что «Русскіе Правители стремились къ одному: разграбить народъ и обогатить казну, и что Иванъ Грозный, на примѣръ, имѣлъ на этотъ счетъ особую поговорку: «Мой народъ подобенъ моей бородѣ, которую чѣмъ чаще я брѣю, тѣмъ она становится гуще! Онъ подобенъ баранамъ, ко-

¹⁰⁰ Изъ Сборника Соловецкой библіотеки № 852, листъ 246, 256.

¹⁰¹ Герберштейнъ 10, 11, R. M. auct. varii, p. 179, 133. Поссевишъ 22—28, 93—99, 234. Маржеретъ 2, 32. Котошихинъ гл. 8, стр. 5—6. Коллинсъ въ Русск. Вѣст. 1841, № 9. Тавнеръ 76.

торыхъ нужно стричь по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, иначе ихъ шерсть только обременяетъ ихъ.»¹⁰² Угнетеніе (по замѣчанію Флетчера.) было столь открыто и рабство столь велико, что становилось непонятнымъ, какимъ образомъ Дворянство и народъ могли терпѣть подобную тиранію, какъ они могли еще освободиться отъ нея, и какимъ образомъ Цари могли желать, при помощи снота и неправды, охранять тѣхъ, которые даютъ клятву быть Христіанами.¹⁰³ Въ заключеніе, наиболѣе спокойные изъ иностранцевъ прихотятъ къ неслестной дилеммѣ: «Трудно рѣшить (говорятъ они), дикость ли народа требуетъ такого самовластнаго Государя, или отъ самовластія Государя народъ такъ одичалъ и огрубѣлъ.» Другіе съ горькой насмѣшкой рѣшаютъ эту дилемму басней о журавлѣ и лягушкѣ. При такомъ представленіи о власти Московскаго Государя, прибавляютъ третьи, очень легко было бы причислить его къ Восточнымъ, Азіятскимъ деспотамъ, или подумать, что онъ старается подражать сосѣду своему, Султану Турецкому.¹⁰⁴

Вообще сравненіе съ Турецкимъ Султаномъ стало даже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ писателей при характеристикѣ власти Московскаго Государя. «Правленіе въ Россіи, говорятъ Флетчеръ, почти Турецкое,» и проч. Въ дополненіе своего замѣчанія Флетчеръ передаетъ замѣчательный рассказъ о поступкѣ Ивана Грознаго съ однимъ Дьякомъ, посланнымъ имъ въ провинцію въ видахъ обогащенія Царской казны, который, кромѣ другихъ вымогательствъ, велѣлъ еще приготовить себѣ гуся, наполненнаго серебромъ. «Виновнаго (говоритъ Флетчеръ) привели на рынокъ въ Москвѣ. Царь самъ присутствовалъ и держалъ рѣчь. «Вотъ, добрый народъ, сказалъ онъ, эти люди, которые хотѣли васъ ѣсть, какъ хлѣбъ» и т. д. Потомъ онъ спросилъ у палачей своихъ, кто изъ нихъ съумѣетъ разрѣзать гуся? И приказалъ одному изъ нихъ тотчасъ перерубить ноги у преступника посреди кисти, за тѣмъ руки но выше локтя, все еще спрашивая: «хорошъ ли гусь?» Наконецъ Царь велѣлъ снять ему голову, чтобы онъ также былъ хорошъ, какъ и приготовленный гусь. Все это (замѣчаетъ Флетчеръ) могло бы служить доказательствомъ хорошаго правосудія въ Россіи, но не

¹⁰² Флетчеръ стр. 122.

¹⁰³ Онъ же стр. 110.

¹⁰⁴ Маржеретъ въ «Сказаніи о Дмитріѣ Самозванцѣ,» ч. 3, стр. 38—39. Олеарій стр. 218 — 220. 223, Маржеретъ ч. 2, стр. 116.

это было цѣлю, предположенною Грознымъ. въ дѣйствительности, онъ только хотѣлъ лукаво прикрыть свой гнѣвъ.» ¹⁰⁶ Дѣйствительно, исторія оправдываетъ лѣтописныя сказанія и свидѣтельства иностранцевъ о великой власти Государей по отношенію къ подданнымъ. Такъ, когда въ 1462 году схвачены были дружинники Серпуховскаго Князя, Василя Ярославича, задумавшіе было освободить своего Государя, Василій Темный велѣлъ ихъ бить за то кнудомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣкать головы. ¹⁰⁷ Когда Дьякъ Василій Третьякъ Далматовъ, назначенный Посломъ къ Максимилиану, сказалъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и на издержки, его за это одно, по приказанію Василя Ивановича, схватили, увезли въ Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ погябъ жалкою смертію, Великій же Князь взялъ его все имѣніе, и ничего не далъ его наслѣдникамъ. Извѣстно также, что Василій Ивановичъ отбиралъ въ свою казну у своихъ Пословъ подарки, которые они привозили съ собою отъ иностранныхъ Государей. ¹⁰⁸ О жестокостяхъ и насиліяхъ Грознаго съ его опричниною, и говорить нечего. Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкаго характера и благочестиваго настроенія, и тотъ не чуждъ былъ недостатковъ своихъ предшественниковъ. Исторія рассказываетъ намъ о слѣдующемъ его произволѣ по отношенію къ окружавшамъ его. Однажды онъ отворилъ себѣ кровь и, почувствовавъ облегченіе, предложилъ тоже сдѣлать и своимъ придворнымъ. Всѣ волею, неволею, согласились, кромѣ родственника Царскаго по матери, Родіона Стрѣшнева, который отказался, подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайловичъ вспыхнулъ отъ этого. «Развѣ твоя кровь дороже моей, что ты считаешь себя лучше всѣхъ?» закричалъ онъ: и дѣло кончилось страшными побоями! ¹⁰⁹ А кому не извѣстны дѣйствія Петра?

Правда, усилившись Государственная власть рѣшила, въ то же время, позаботиться объ усовершенствованіи судопроизводства и вообще областного управленія. Извѣстно, на примѣръ, что одно изъ главныхъ отличій Царскаго Судебника отъ Великокняжескаго въ томъ именно и состоитъ, что первый, вооружаясь противъ нес-

¹⁰⁶ Флетчеръ, стр. 122 — 125.

¹⁰⁸ Истор. Солов. т. 4.

¹⁰⁷ *Rerum Mosc.* 35.

¹⁰⁹ *Ист. Солов.* т. 11, стр. 338.

праведливости судей, не ограничивается строгимъ и грознымъ за-
 прещеніемъ судьямъ мстить и брать посулы, но присоединяетъ къ
 этому угрозу строго и подробно опредѣленныхъ наказаній за
 ослушаніе. Извѣстно также, что по ея распоряженію въ XVI вѣкѣ,
 подлѣ ея Нѣвѣстниковъ и Волостелей, стали появляться выборные,
 излюбленные Старосты, съ важнымъ значеніемъ, чтобы судили
 непосредственно и безволочитно, а наконецъ въ XVI вѣкѣ Волостели
 совершенно уничтожены и замѣнены Воеводами. Воевода былъ
 уже настоящимъ правителемъ области, а не кормленщикомъ, вѣ-
 далъ дѣла не на себя, какъ послѣдній, а на Царя.¹¹⁰ Но всѣ
 эти мѣры оказывались безсильными противъ укоренившагося
 обычая. Наказанія и лихоимство въ судѣ, отличавшіяся особен-
 ную суровостію, не много имѣли успѣха. Хитрецы придумали спо-
 собъ обходить законъ. Взятки привѣшивались къ образамъ, будто
 на свѣчи. Олеарій говоритъ, что онъ зналъ въ Москвѣ сановни-
 ковъ, которые сами не брали посуловъ, но не мѣшали принимать
 ихъ женамъ.¹¹¹ Точно также и Котошихинъ замѣчаетъ: «Наказа-
 нія не страшатся (судьи) отъ прелестей очей своихъ, и мысли
 содержать не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допускаютъ,
 хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ, чрезъ жену, или
 дочь, или чрезъ сына и брата, будто про то и не вѣдаютъ.
 Наказанія батогами, кнутомъ и т. п. не считались вовсе позор-
 ными въ обществѣ, не чуждались людей, побывавшихъ въ рукахъ
 заплечнаго мастера; наказаніе кнутомъ за неуголовныя преступ-
 ленія считали даже Царской милостію, и наказанные благодарили
 за него Царя. Кто попрекалъ ихъ кнутами, тотъ самъ подвергался
 за это такому же наказанію.»¹¹² «Служилые люди, просясь на
 Воеводство, по прежнему обыкновенно писали въ своихъ челобит-
 ныхъ: «Прошу отпустить прокормиться.» Сами Управители Прика-
 зовъ, изъ которыхъ посылались Воеводы, торговали Воеводства-
 ми. Въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ, по словамъ Татищева,
 были положены оклады, что за каждый городъ взять: кто пла-
 тилъ ихъ, тотъ получалъ Воеводство.»¹¹³ По этому, приѣхавъ въ
 область, Воевода старался прежде всего вознаградить себя съ

¹¹⁰ См. Обл. Учрежд., Чичерина, стр. 39.—54.

¹¹⁰ Олеарій 229.

¹¹¹ Маржереть 37. Олеарій 232. Корбъ 202.

¹¹² Област. учр., Чичерина 85.

лихой за издержки, которыхъ стоила ему покупка Воеводства, и бралъ широкою рукою, зная, что Начальникъ Приказа, отъ котораго онъ зависѣлъ, не дастъ хода жалобамъ обиженныхъ, и кто приносилъ мало, тому приносъ бросался въ глаза и до воротъ провожали его въ шею. Судьи, по свидѣтельству Герберштейна, открыто брали взятки, не смотря на строгость Государя къ неправдѣ. Одинъ судья изъ Бояръ (рассказываетъ при этомъ Герберштейнъ) былъ уличенъ тѣмъ, что съ обояхъ тяжущихся взялъ посулы, и рѣшилъ дѣло въ пользу того, который далъ больше. Передъ Государемъ онъ не запирался во взяткѣ, оправдываясь тѣмъ, что тотъ, въ чью пользу онъ рѣшилъ дѣло, человѣкъ богатый и почетный, а по тому больше заслуживаетъ довѣрія предъ судомъ, нежели бѣдный и незначительный его противникъ. Государь, смѣясь, оставилъ его безъ наказанія, хотя и отмѣнилъ его рѣшеніе. Флетчеръ дивится даже, какъ Московскіе Цари, прочно утвердившись на престолѣ, могли довольствоваться прежнимъ неудовлетворительнымъ порядкомъ вещей въ своемъ Государствѣ. Дѣйствительно, есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о неисправности правителей. Такъ, извѣстно, что Бояринъ Яковъ Захарьинъ, назначенный при Иванѣ на жительство въ Кострому, вмѣстѣ съ Литовскимъ выходцемъ, Паномъ Иваномъ Судимолтомъ, билъ челомъ Великому Князю, что имъ обоямъ въ Костромѣ сытымъ быть не съ чего. Извѣстно также, что когда Беклемишевъ, Алексинскій Воевода, запросилъ у городскихъ жителей посулъ, и тѣ дали ему 5 рублей, то онъ запросилъ еще 6 рублей для своей жены. Какъ образчикъ понятій Древне-Русскихъ людей и современныхъ имъ судей и дѣлопроизводителей, приведемъ еще наказъ Стольника Колонтаева слугѣ своему: «Сходи бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичъ скажетъ, то ити тебѣ къ Дьяку Василю Сичику; пришедши къ Дьяку, въ хоромы не входи: прежде развѣдай, веселъ ли Дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко, и грамоту отдай: приметъ Дьякъ грамоту прихвѣрно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому Дьяку не давай, а стряпухѣ. За Прощиннымъ дѣломъ сходи къ Подъячему Степкѣ Ремезову, и попроси его, чтобы сдѣлалъ, а къ Кирилѣ Семеновичу не ходи: тотъ проклятый Степка все къ себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу; по-

песи ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, а онъ, Степка, жаждущая рожа и пьяная.» ¹¹³

Въ слѣдствіе всѣхъ, изложенныхъ нами, обстоятельствъ, въ Древне-Русскомъ мірѣ было еще больше опальныхъ, нежели въ мірѣ Греко-Римскомъ, и положеніе ихъ, равно какъ и положеніе личности человѣческой вообще, было крайне невыразимо. Опала, какъ мы уже видѣли, могла происходить, и дѣйствительно происходила, не только отъ частной силы, но и отъ силы Государственной, которая, по самому назначенію своему, должна была обеспечивать и сдерживать первую. Судья и Князь преслѣдовали предметъ своего гнѣва, своей опалы, также безконтрольно и жестоко, какъ и простой мірянинъ, въ полной увѣренности, что его произволъ и насиліе останутся безнаказанными со стороны закона, столь же мало щадившаго еще права и достоинства личности человѣческой. Если даже нынѣ, въ вѣкъ человѣчности и преуспѣхія, матеріальное и нравственное состояніе преступниковъ и вообще всѣхъ гонимыхъ судьбою весьма незавидно, то понятно, что, въ вѣка дребеданиа себялюбія и частнаго права, еще горестнѣе и безотраднѣе должна была быть участь всѣхъ опальныхъ, какого бы рода ни была опала, правительственная, т. е., со стороны закона и государственной власти, или частная, т. е., со стороны всякой вообще посторонней гнетущей силы. Дѣйствительно, мы уже видѣли, сколько долженъ былъ терпѣть всякій опальный, виновный и невиновный, во время самаго производства дѣла объ его вицѣ и проступкѣ отъ произвола грубой частной силы, отъ жестокости испытательныхъ мѣръ—пыткъ и т. п. О невозможности же оправданія для всякаго опального, тѣмъ болѣе о неудовлетворительности его содержанія послѣ осужденія къ наказанію, и говорить уже нечего. Извѣстно, на примѣръ, что когда Ромацовы по доносу подверглись опалѣ Бориса Годунова и сосланы были на поселеніе, то съ ними никому не позволено было даже имѣть сообщеніе, а кто приносилъ имъ письмо, того велѣно было схватывать и присылать въ Москву, пытать и распрашивать подлинно; даже со двора ихъ и дѣтины никуда не пускать. Особенно опальные страдали отъ своеволія и жестокости обращенія съ ними Приставовъ. «По нашему указу (иссалъ Годуновъ) Романовыхъ ковать не велѣно; все это сдѣлано мимо нашего указа.» О смерти же одного изъ Романовыхъ самъ

¹¹³ Пет. Рос. Слов. т. 9, стр. 456.

Приставъ доносилъ такъ: «Взялъ я твоего, Государева, измѣнника большаго, чуть живого, на цѣпи ноги у него опухли.» ¹¹⁴ Флетчеръ въ раздумьи останавливается на разныхъ средствахъ и ищетъ, нѣтъ ли гдѣ ни будь такихъ общественныхъ силъ, которыя могли бы излѣчить эти язвы Государства и облегчить участь опальныхъ, но нигдѣ не находитъ такихъ цѣлебныхъ силъ, ни въ Дворянствѣ, ни въ Дьякахъ, ни въ войскѣ, ни въ простомъ народѣ. «Дворянство (говоритъ онъ) безсильно передъ Государствомъ, бѣдно, областные правители также не могутъ достигнуть значительнаго вліянія, по тому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны, народу; Дьяки, управляющіе Четьми, хотя и пользуются наибольшимъ вліяніемъ на дѣла, но всѣмъ обязаны Царю, и служатъ ему одному; войско безусловно предано Царю и настоящему порядку, по тому что этотъ порядокъ выгоденъ ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народъ.» ¹¹⁵

И такъ Церковь, какъ представительница и защитница высшихъ религіозно-нравственныхъ выгодъ общества, должна была, съ своей стороны, выставить нравственную силу, которая бы охраняла независимое и болѣе, или менѣе, огражденное положеніе личности человѣческой вообще, и въ частности личности угнетенной опаломъ. Этою-то силою и была благотворительность духовенства вообще, и въ частности его печалованіе за опальныхъ. «Аще ишѣши дерзновеніе къ Царямъ, поскорби, обидимы видя» говорится въ древнихъ наставленіяхъ. ¹¹⁶ Въ силу такого наставленія, каждый приходскій Священникъ долженъ былъ печаловаться за свой народъ, каждый Епископъ за свою область. Въ собственности же обязанности печалованія лежала на Перво-святителяхъ Церкви, Митрополитахъ, какъ облеченныхъ высшею духовною властію, а также на Духовнікахъ Царскихъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ на Верховную Власть. Въ письменной исповѣди своей Митрополитъ, между прочимъ, клялся соблюдать все по старинѣ и не дѣлать ничего по нуждѣ, ни отъ Царя, или Великаго Князя, ни отъ Князей многихъ, если и смертію будутъ грозить, приказывая что ни будь сдѣлать вопреки божественнымъ

¹¹⁴ Ист. Рос. Сол. т. 8, стр. 71—72.

¹¹⁵ Флетчеръ гл. 10.

¹¹⁶ Описаніе Румянцевскаго Музея, стр. 233.

и священнымъ правиламъ. ¹¹⁷ Точно также по чину Архіерейскаго посвященія, въ своемъ клятвенномъ обѣщаніи Архіерей обязывается: не входя въ мірскія дѣла, въ то же время если какая ни будь явная неправда въ нихъ будетъ показана, о томъ первѣе увѣщевать, а потомъ и писать даже о такихъ, по Апостолу, и заступать немощныхъ (изд. 1825 г. Сиб.). Этого мало, обязанность печалованія не считалась чуждою даже для самыхъ иноковъ. Дѣйствительно, изъ письменныхъ памятниковъ видно, что Древне-Русское духовенство всегда сознавало обязанность благотворительности вообще, и въ частности обязанность печалованія. По крайней мѣрѣ въ своихъ учительныхъ посланіяхъ и проповѣдяхъ оно постоянно указывало на эту обязанность и изъ сознанія ея выводило поводы къ наставленіямъ, подъ описаніемъ, за невниманіе къ ней, осужденія отъ Бога. ¹¹⁸ Такъ, Митрополитъ Фотій въ посланіи къ «Пскову пишетъ: «О всемъ, любезніи о Господѣ, по долгу моего настоятельства, прежде много разъ отъ самой истины Евангелія и всего божественнаго Писанія пространно писалъ къ вамъ о пользѣ душевной въ словахъ духовныхъ и учительныхъ.» ¹¹⁹ «Пишу нынѣ дѣтямъ моимъ по своему святительскому долгу и воспоминаю заповѣдь, данную намъ Богомъ чрезъ Пророка Іезекііля, говоритъ Митрополитъ Іона въ одномъ своемъ посланіи.» ¹²⁰ «Хотя я самъ окаянный, пишетъ Митрополитъ Даніилъ въ посланіи къ одному Епископу, но, не смотря на то, всѣмъ долженъ писать и говорить о благочестіи.» ¹²¹ «При всей своей грѣховности (добавляетъ онъ), я трепещу и ужасаюсь и очень боюсь того, чтобы даже отъ малаго моего небреженія порядокъ и вообще жизнь Христіанъ не пришла въ разстройство и не была соблазномъ для людей.» ¹²² Максимъ Грекъ убѣждалъ Митрополита Іоасафа, заключеннаго въ монастырь за печалованіе, до самой кончины не ослабѣвать въ ревности своей къ обличенію неправды и говорить о долгахъ всѣхъ современныхъ ему Епископовъ Русскихъ, подражать въ дѣятельности своей Теофилу Александрійско-

¹¹⁷ Истор. Солов. т. 7, стр. 90.

¹¹⁸ Ак. Печ. т. 1, № 64, стр. 115. Допол. къ Акт. Истор. № 283, стр. 400.

¹¹⁹ Ак. Ист. т. 1, № 30, стр. 58.

¹²⁰ Ак. Истор. т. 1, № 267, стр. 498.

¹²¹ Рук. Нов. Соф. биб. № 1201, л. 226.

¹²² Тамъ же № 1281, л. 225.

му, Николаю Чудотворцу и Амвросію Медиоланскому.»¹²³ Особенно же ясно напоминалъ о долгѣ печалованія Протопопъ Сильвестръ, въ своемъ посланіи къ Казанскому духовенству: «Тако жъ достоинъ вамъ печаловатися, и молити, и всячески увѣщать земныхъ властей о побѣдныхъ и о повинныхъ и обидящихъ: аще не послушаются, ино запретити и обличити, яко же Златоустъ Иванъ пострада за вдовицу и въ заточеніи бысть»¹²⁴ Точно также въ одномъ древнемъ правилѣ говорится: «Иерей, не бойся и не стыдись предъ лицомъ сильнаго чловѣка, будетъ ли это Царь, или Князь, судья, или воинъ, по тому что ты поставленъ отъ Бога.»

II.

Вызванное одинаковыми причинами и обстоятельствами, какъ и ходатайство пастырей первенствующей Церкви за несчастныхъ, печалованіе Древне-Русскаго духовенства и проявлялось тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и первое. Самымъ главнымъ орудіемъ, которое пастыри Церкви употребляли для защиты угнетенныхъ, было, какъ извѣстно, прежде всего живое слово пастырскаго убѣжденія, наставленія и обличенія. И въ своихъ поученіяхъ съ церковной кафедрой, и въ своихъ частныхъ письмахъ, они постоянно поучали народъ и правителей его не въ жестокости нравовъ высказывать свою строгость ко врагамъ и подчиненнымъ, а, напротивъ, скромностію смягчать суровость раздраженныхъ гнѣвомъ своихъ силъ. Такъ какъ подобныя пастырскія наставленія, увѣщанія и обличенія не всегда производили глубокое впечатлѣніе на общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, то они часто сами лично ходатайствовали за угнетеннаго. Наконецъ, когда слово пастырскаго убѣжденія и личное ходатайство оказывались недѣйствительными для усмиренія гнетущей силы, и обиженнымъ грозила отъ нея опасность жизни, тогда они рѣшались давать имъ убѣжище въ храмахъ. Кромѣ того, въ первенствующей Церкви для защиты опальныхъ и слабыхъ предъ властію, судомъ и отъ сильныхъ, существовали особыя и постоянныя лица Экдикъ или Дефенсоры, т. е., защитники всѣхъ обращававшихся къ Церкви, которые должны были замѣнять пасты-

¹²³ Москвитинъ 1842 г., часть IV; XII, стр. 92 — 96.

¹²⁴ Изъ поученія Сильвестра въ Каваша. Рук. Новг. Софійск. биб. № 1281, л. 393.

¹²⁵ Прав. Собес. 1860 г., стр. 364.

рей, когда какія ни будь обстоятельства не позволяли имъ самимъ печаловаться. Всѣ эти средства употребляло и Древне-Русское духовенство при печалованіи за опальныхъ. Слово пастырскаго убѣжденія и для него служило главнымъ оружіемъ смягчать карающую опальныхъ силу. Такъ, Первосвятители Церкви, Митрополиты и Епископы, въ своихъ церковныхъ поученіяхъ и обличеніяхъ, всегда стараются пробудить въ Князьяхъ и народѣ чувство Христіанской любви, милосердія и уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ ближнихъ, далѣе, сознание великой важности общественныхъ и государственныхъ обязанностей, наконецъ, сознание печальныхъ послѣдствій для общества и государства всякой вражды и опалы. Особенно смиренные иноки - подвижники, при посѣщеніи Князьями и народомъ святыхъ обителей, своими кроткими, но сильными, увѣщаніями старались пробуждать во всѣхъ это сознание. Мало того, пользуясь любовью и уваженіемъ Князей, нѣкоторые изъ иноковъ части сами оставляли свои келіи и приходили къ нимъ съ словомъ назиданія, или посылали увѣщательныя посланія съ цѣлю облегчить участь лицъ, подвергшихся опалѣ. Далѣе, подобно пастырямъ первенствующей Церкви, Древне Русское духовенство, не только монашествующее, но и бѣлое, не только низшее, но и высшее, по просьбѣ опальныхъ, а иногда и само, лично ходатайствовало за опальныхъ, и часто съ опасностію собственной жизни, предпринимало отдаленныя путешествія, для освобожденія ихъ отъ опалы; наконецъ, заботясь объ исходатайствованіи опальнымъ прощенія, Древне-Русское духовенство не забывало въ то же время и о доставленіи имъ внѣшней обязанности и сохраненіи ихъ жизни, а въ особенности о внутреннемъ мирѣ и спокойствіи. Для этого, подобно пастырямъ первенствующей Церкви, оно давало опальнымъ убѣжище, когда имъ грозила опасность жизни отъ преслѣдованія гнетущей силы до тѣхъ поръ, пока оно успѣвало усмирить эту силу своими духовными средствами, часто посѣщало темницы, и здѣсь, вмѣстѣ съ матеріальными пособіями, предлагало опальнымъ духовное подкрѣпленіе, увѣщевая ихъ не падать духомъ. Этого мало, когда требовала надобность, Древне-Русское духовенство никогда не отказывалось давать за опальныхъ клятвенныя и поручительныя грамоты, которыя, обязывая опальныхъ въ исправленіи, въ то же время охраняли ихъ будущую жизнь отъ преслѣдованій угнетателей. И надобно замѣтить, что Древне-Русское духовенство, подобно пастырямъ первенствующей Церкви, простирало свою бла-

готворительную дѣятельность на всѣхъ одинаково, не дѣлая строгаго разбора между опальными: Князь ли, холопѣ ли, обращался къ нему, оно все равно не отказывалось принять участія въ его горестномъ положеніи. Посмотримъ теперь, какъ велика была степень проявленія печалованія за опальныхъ въ Древне-Русской Церкви, въ разные поры жизни Древне-Русскаго міра.

III.

Церковь Христіанская вообще, и въ частности Церковь Русская, никогда не присвоивала себѣ непосредственное вліяніе на устройство формъ народнаго быта, и предоставляла это дѣло власти государственной; основною же задачею своею она во всѣ времена считала только одно сохраненіе и распространеніе въ обществѣ истинъ и правилъ религіи; вообще отношенія ея къ обществу и государству были чисто нравственныя. Отсюда и успѣшное выполненіе Церковію своихъ обязанностей въ отношеніи къ обществу всегда очень много зависѣло, съ одной стороны, отъ того, сколько формы быта народнаго благопріятствовали ея религіозно-нравственному вліянію, съ другой, сколько посредствующій органъ этого вліянія, духовенство, своими правами, нравственными и матеріальными средствами, поставлялось въ условія, благопріятнѣйшія для своего служенія обществу. И какъ ни устройство формъ быта народнаго, ни общественное благоустройство самаго духовенства, не могли находиться въ непосредственномъ распоряженіи Церкви, то, для достиженія своихъ цѣлей, она естественно обращалась къ дѣйствию правителей общественныхъ. Они уравнивали путь нравственному вліянію Церкви на общество, устройствомъ его наиболѣе сообразнымъ съ главною задачею Церкви, которая составляетъ высшую цѣль для государства. Такимъ образомъ духъ общественныхъ учрежденій, строй и направленіе жизни, характеръ народнаго образованія и общихъ стремленій, отражался въ общественномъ попеченіи о внутреннемъ бытѣ духовенства, въ разные періоды стѣсняли, или расширяли, религіозно-нравственное воспитательное вліяніе Церкви на общества человѣческія. Этотъ же законъ отразился и на благотворительной дѣятельности пастырей первенствующей Церкви Христіанской и Древне-Русскаго духовенства вообще, и въ частности на ихъ печалованіи за опальныхъ. Смотря по тому, какъ въ разные поры жизни древняго Греко-Римскаго и Русскаго міра видоизмѣнилось, съ одной стороны, развитіе опалы, съ другой внѣшнее обще-

ственное и внутреннее религиозно-нравственное положеніе духовенства, такъ точно видоизмѣнялась и степень проявленія его печалованія за опальныхъ.

Самою счастливою порою для печалованія пастырей первенствующей Церкви Христіанской была пора политическаго могущества Греко-Византійской Имперіи, обнимающая собою золотые вѣка для Христіанства вообще. Извѣстно, что въ пору господства преобладанія какой ни будь умственной, или религиозно-нравственной, идеи, всегда пользуются сильнымъ нравственно-политическимъ и общественнымъ значеніемъ и самыя учрежденія, ратующія за эти идеи, и въ особенности главные проводники ихъ. Также точно было съ Христіанствомъ и его учрежденіемъ, Церковію, и представителями, пастырями Церкви. Съ начала, въ пору процвѣтанія Греко-Римской Имперіи, когда Христіанская идея была еще для всѣхъ нова и Христіанское чувство весьма сильно, Церковь и духовенство пользовались большимъ религиозно-нравственнымъ значеніемъ. Слово каждаго пастыря было свято для каждаго члена общества. Не только народъ, но и Цари, видѣли въ нихъ лучшихъ своихъ совѣтниковъ во всемъ. Личныя достоинства и особенно добросовѣстная и многотрудная дѣятельность пастырей Церкви, еще болѣе усиливали въ обществѣ ихъ религиозно-нравственное значеніе. Кромѣ того, съ религиозно-нравственнымъ значеніемъ Церкви и духовенства соединялось и чисто государственное значеніе ихъ. Государственная власть сознавала, что только въ союзѣ съ церковною властію она можетъ устроить государство по началамъ Христіанскимъ. «Всевышняя благодать (говорили Государи) сообщила человѣчеству два великіе дара: Священство и Царскую Власть.» «Пронсходя отъ одного начала (Бога), они совокупно украшаютъ жизнь человѣческую. Нѣтъ важнѣйшей заботы для Государей, какъ благоустройство Священства, которое, съ своей стороны, служить имъ молитвою о нихъ къ Богу. Когда и Церковь со всѣхъ сторонъ устроена (прибавляли они), и государственное управленіе держится твердо и путемъ закона направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ Церкви и Государства, столь вождѣленный для человѣчества. Мы озабочиваемся охраненіемъ Православной Церкви, благоустройствомъ Священства (заклучали они), въ надеждѣ получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ Государствѣ.»¹²⁸

¹²⁸ Nov. 6, praef.

Каждый Государь называлъ себя Ἐπίσκοπος τοῦ ἔξω τῆς ἐκκλησίας, подобно тому, какъ пастыри Церкви были: Ἐπίσκοποι τῶν ἔσω τῆς ἐκκλησίας, т. е., Цари, хотѣли быть блюстителями высшаго порядка и благочинія Церкви, представляя ее внутреннія духовныя дѣла собственной ея власти. ¹²⁷

По этому, какъ скоро Христіанство стало Государственною религіею въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ, то Государственная власть обратила на него тѣ же заботы, какія должны были оказываемы язычеству, взяла его подъ свою защиту и попеченіе. И Церковь съ духовенствомъ само собою получили отъ нея всѣ тѣ привилегіи, которыя дѣлали ихъ господствующими, т. е., обезпечивали и ускоряли ихъ вліяніе въ мірѣ. Тамъ, во первыхъ, Государственная власть признавала священную важность законовъ Церкви и дала имъ значеніе Государственное, такъ что постановленное Церковію утверждалось для ненарушимаго сохраненія въ обществѣ законами гражданскими, запрещенное Церковію запрещалось и гражданскою властію; преступленія противъ Церкви были судимы вмѣстѣ и какъ преступленія Государственныя. ¹²⁸

Для соблюденія порядка, Императоръ посылалъ на Соборы свѣтскихъ комиссаровъ, которые, вмѣстѣ съ духовными, утверждали рѣшенія Собора и обнародовали ихъ какъ государственныя законы. Точно также личное оскорбленіе духовнаго лица судилось какъ общественное преступленіе, а оскорбленіе во время священнодѣйствія, соединенное съ возмущеніемъ, какъ преступленіе угодною первое наказывалось ссылкой, послѣднее смертною казнію. ¹²⁹ Въ этихъ случаяхъ не требовалось даже особыхъ доносовъ, или жалобъ отъ обиженныхъ, и всякій имѣлъ право представлять виновныхъ на судъ. Далѣе, такъ какъ новое положеніе Церкви требовало, чтобы Государство позаботилось объ ея поддержаніи, то ей предоставлено было право пользоваться государственными доходами въ нѣвѣстной степени, и принимать подарки всякаго рода, особенно завѣщанныя имѣнія, въ слѣдствіе чего Церковь обзавелась громадными капиталами и имѣніями недвижимыми. Покровительство же, оказанное Государственною властію, на

¹²⁷ Vol. ap. Euseb. Hist Eccles.

¹²⁸ Sacri canones non minus valent, quam nostrae leges. Quod sacri canones prohibent per nostras abolemus leges. Codex Justin. lib. 1, tit. 3, cap. 45. Just. novel. 6, cap. 1.

¹²⁹ Codex Just. lib. 1, tit. 3, cap. 18.

этотъ разъ собственно духовенству, состояло въ утверженіи и огражденіи его личныхъ правъ и въ опредѣленіи правъ гражданскихъ, какъ особеннаго сословія въ Государствѣ. Подобно языческимъ жрецамъ, клиръ церковный освобожденъ былъ отъ исполненія гражданскихъ повинностей и службъ,¹³⁰ и отъ подчиненія суду гражданскому. Не только въ церковныхъ, но и гражданскихъ дѣлахъ онъ подлежалъ одному только духовному суду, къ которому часто обращались самые міряне; даже на самомъ судѣ духовенство ограждено было отъ личныхъ обидъ.¹³¹ Наконецъ Государственная власть предоставила Церкви и духовенству громадное участіе и вліяніе на самыя общественныя и государственныя дѣла. Такъ, съ саномъ Епископа соединилась значительная власть по отношенію къ мѣстному гражданскому управленію. Епископъ съ своимъ клиромъ участвовалъ въ выборѣ и назначеніи городскихъ чиновниковъ, какъ то: дефенсоровъ, попечителей о народномъ продовольствіи, повѣрялъ, вмѣстѣ съ почетными гражданами, отчеты по управленію ихъ, и могъ настоять о смѣнѣ нерадивыхъ, или нечестивыхъ;¹³² онъ могъ судить тяжущихся гражданъ, и его приговоры приводились въ исполненіе, какъ и рѣшенія высшей Государственной власти.¹³³ Въ особенности Епископамъ предоставлено было охраненіе справедливости въ гражданскомъ управленіи и въ дѣлахъ общественныхъ на основаніи законовъ божескихъ и человѣческихъ. Въ видахъ этого охраненія, права Епископа простиралась до самыхъ подробныхъ частей гражданского быта. Епископы, вмѣстѣ съ знатными гражданами, надзирали за всѣмъ, что дѣлалось по мѣстному городскому управленію, какъ то: наблюдали, чтобы городскіе начальники и чиновные исполняли своя должности по долгу службы и чести, чтобы общественныя повинности исправлялись законнымъ порядкомъ, безъ стѣсненія для гражданъ, чтобы не было лишнихъ поборовъ съ нихъ, чтобы собираемая подать поступала куда слѣдуетъ, чтобы общественныя недвижимыя имущества не переходили въ частное владѣніе, чтобы земля была правильно размежевана между владѣльцами, чтобы общественныя заведенія

¹³⁰ Imper. Theod. lib. 16, tit. 2, 384.

¹³¹ Н. Е. 1—9.

¹³² Nov. 128, cap. 16.

¹³³ Imp. Arcad. et Honor. 398, Cod. ibid. cap. 7—8.

были содержимы правильно. Епископы имѣли даже право надзора за исправнымъ содержаніемъ городскихъ стѣнъ, мостовъ, дорогъ, ¹³⁴ за вѣрностію торговыхъ вѣсовъ и мѣръ, ¹³⁵ за порядкомъ въ содержаніи войскъ по городскимъ и сельскимъ постоямъ, ¹³⁶ за честію купечества въ торговыхъ дѣлахъ, ¹³⁷ даже за народными учрежденіями; ¹³⁸ въ случаяхъ нарушеніи справедливости, особенно важнымъ и священнымъ правомъ Церкви было запрещеніе лицъ угнетенныхъ и страдавшихъ отъ неправосудія. Для дѣйствія по этому праву, Епископамъ было открыто самое обширное поприще. Уполномоченные государственными законами, они были защитниками гражданъ отъ притѣсненій и обидъ всякаго рода; имъ предоставлено было законами наблюдать даже, чтобы высшіе сановники въ Государствѣ, какъ, на примѣръ, областные начальники, не лишали правосудія лицъ, имъ подвластныхъ. ¹³⁹

О всякомъ незаконномъ притѣсненіи гражданъ въ ихъ личныхъ дѣлахъ, или владѣніяхъ, и проч., Епископъ могъ доносить Государю. ¹⁴⁰ Если бы областной начальникъ не оказалъ кому либо правосудія, жалоба могла быть принесена областному Епископу, и Епископъ ходатайствовалъ предъ начальникомъ за обиженнаго. Но если это ходатайство не было уважено, Епископъ должнъ былъ дать отъ себя просителю грамоту къ Государю, съ своимъ свидѣтельствомъ о незаконномъ правосудіи. ¹⁴¹

Подобнымъ же образомъ Епископъ былъ законнымъ посредникомъ и въ личныхъ неудовольствіяхъ между гражданами и самыми областными начальниками. Согласно рѣшенію Епископа начальникъ должнъ былъ удовлетворить обиженнаго; въ противномъ случаѣ дѣло, съ рѣшеніемъ Епископскимъ, переходило на судъ Императора. ¹⁴²

¹³⁴ Cod. de episcop. audientia cap. 26.

¹³⁵ Cod. Theod. 127.

¹³⁶ Cod. Just. tit. 4, cap. 16.

¹³⁷ Cod. Theod. 18, tit. 1, cap. 5, an. 364.

¹³⁸ Ibid. cap. 25.

¹³⁹ Cod. Just. cap. 26.

¹⁴⁰ Тамъ же.

¹⁴¹ Nov. 86, cap. 1, pag. 539.

¹⁴² Nov. cap. 2 et 4.

Даже, по увольненіи отъ должности, начальникъ области долженъ былъ, въ продолженіи 50 дней, при посредствѣ Епископа, дать удовлетвореніе всѣмъ, имѣющимъ до него какое либо личное дѣло; жалобы неудовлетворенныхъ Епископъ принималъ къ себѣ, и настаивалъ о законномъ удовлетвореніи ихъ. ¹⁴³

Особенно же виды Епископскаго полномочія простирались на защиту такихъ лицъ, которые, по самому состоянію своему, не имѣли силы и способности бороться съ несправедливостію, на примѣръ: дѣти, женщины, рабы. Епископамъ предоставлено было право наблюдать, чтобы никто не присвоивалъ себѣ въ рабство дѣтей, покинутыхъ родителями; ¹⁴⁴ приговоромъ Епископа съ гражданскою властію угнетенныя дочери освобождались отъ власти отцовъ, а служанки отъ власти господъ. ¹⁴⁵ Если, такимъ образомъ, защита угнетенныхъ неправосудіемъ составляла священнѣйшій долгъ и право Церкви, то ей, конечно, должно было принадлежать попеченіе и о тѣхъ, на которыхъ падала тяжесть законнаго правосудія. Дѣйствительно, по праву защитника лицъ угнетенныхъ, Епископъ могъ входить въ суды о всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ и ходатайствовать предъ Царскимъ престоломъ о помилованіи людей, осужденныхъ закономъ на тяжкія казни. ¹⁴⁶ Епископъ имѣлъ право надзирать за темницами. Каждую недѣлю хотя одинъ разъ, отъ времени до времени, онъ долженъ былъ посѣщать заключенныхъ и наблюдать, чтобы они содержимы были человеколюбиво и исправно, не имѣли недостатка въ пищѣ и проч., и чтобы ихъ дѣла рѣшались безъ замедленія. При этомъ Епископы могли дѣлать замѣчанія своимъ темничнымъ начальникамъ, напоминать имъ объ обязанностяхъ человеколюбія и справедливости: ¹⁴⁷ имъ также поручено было наблюдать, чтобы не было заключенныхъ по частнымъ дѣловымъ въ темницахъ. ¹⁴⁸ Въ день Пасхи, ради свѣтлаго торжества Церкви, темницы отворялись и заключенные получали свободу, исключая только свя-

¹⁴³ Nov. 8, cap. 9.

¹⁴⁴ Codex Theodos. 5, 27.

¹⁴⁵ Тамъ же 2, 8, 15.

¹⁴⁶ Сардинійскій Соборъ 344 г. Правосл. Собесѣдн. 7. См. въ Книгѣ церковныхъ правилъ.

¹⁴⁷ Imper. Honor. et. Theod. 409. Cod. Theod. 9, 3, 7. Cod. Just. cap. 9.

¹⁴⁸ Cod. cap. 22, 23.

тотатцевъ, прелюбодѣевъ, похитителей дѣвицъ, грабителей могилъ, отравителей, челоуѣкоубійцъ, дѣлателей фальшивыхъ монеть и преступниковъ противъ Царскаго Величества. ¹⁴⁹ Дѣла челоуѣколюбія и благотворительности тоже предоставлены были въ полное распоряженіе Епископовъ. Они участвовали въ назначеніи попечителей и опекуновъ для малолѣтнихъ, умалишенныхъ; ¹⁵⁰ въ ихъ же вѣдѣніи были и самыя богоугодныя заведенія, которыя, по этому, вмѣстѣ съ лицами, служащими при нихъ, считались въ духовномъ вѣдомствѣ и пользовались правами наравнѣ со священными мѣстами. ¹⁵¹ Этого мало. Кромѣ общихъ правъ, принадлежащихъ Церкви по существу ея, Государственная власть, въ видахъ распространенія благотворныхъ дѣйствій Церкви на общество, сообщала ей, такъ называемое, право убѣжища (*ius asyli*). Это особенное право Церкви состояло въ томъ, что люди, гонимые отъ сильныхъ, преслѣдуемые врагами, подверженные опасности насилія, обремененные тяжестью бѣдствій, страдающіе отъ несправедливости другихъ, лишеныя покровительства на судѣ, наконецъ, устрешенные жестокостію казней, могли прибѣгать въ Церковь и, не выходя изъ нея, пользоваться защитою и покровительствомъ для облегченія ихъ участи. Это убѣжище было открыто лицамъ всѣхъ состояній, и никто не имѣлъ права исторгать изъ него несчастныхъ. Нарушеніе права этого убѣжища считалось святотатствомъ и судимо было какъ уголовное преступленіе. ¹⁵² Убѣжищемъ могли служить: 1, храмъ, со всѣми его частями, отъ алтаря до дверей; 2, внѣшнія части храма въ окружности, каковы: преддверіе, входы; 3, мѣсто, обведенное стѣною; 4, зданія на немъ, галереи, дома церковнослужителей, или келіи монашествующей братіи, даже бани и проч.; 5, церковныя сады, огороды и проч. ¹⁵³ За вратами церковными остановлено было для убѣжища еще 30 шаговъ и, сверхъ того, дома Епископскіе, гдѣ бы они ни были. ¹⁵⁴ Довольно было успѣть войти въ одно изъ этихъ мѣстъ, чтобы найти безопасное убѣжище. Священнѣйшимъ убѣжищемъ

¹⁴⁹ Imper. Valent. 355. Cod. Just. tit. cap. 2.

¹⁵⁰ Cod. 1, 4, cap. 27.

¹⁵¹ Cod. Just. cap. 32, 33.

¹⁵² Cod. Just. lib. 1, tit. 12. Imp. Arcad. et Theod. 414.

¹⁵³ Imper. Theod et Valent. 431.

¹⁵⁴ Cod. Just. Ibid.

былъ алтарь, но въ немъ, по уваженію святыни, не дозволялось даже оставаться, или проводить ночь, спать, ѣсть. Того, кто, укрывшись въ алтарь, отъ страха не хотѣлъ оттуда выйти, клирики должны было выводить въ другія мѣста убѣжища. ¹⁵⁵ Запрещалось только прибѣгать въ храмъ съ оружіемъ въ рукахъ: оружіе повергалось при вратахъ храма, или отдавалось церковно-служителямъ; въ противномъ случаѣ вооруженный не имѣлъ права убѣжища. ¹⁵⁶ Въ слѣдствіе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, и печалованіе пастырей Церкви за угнетенныхъ было весьма сильно въ эту пору. Такъ Григорій Богословъ умолялъ Правителя Діоцесаріа простить свой городъ за происшедшіе въ немъ беспорядки: «Горестна смерть одного человѣка, который нынѣ съ нами, а завтра не будетъ и не возвратится къ намъ, но гораздо ужаснѣе умирать цѣлому городу, который основанъ Царемъ, обстроено въ временемъ и сохраненъ рядомъ многихъ лѣтъ,» писалъ Святитель Правителю ¹⁵⁷ Сивезіи, Епископъ Пентапольскій, не только обличилъ, но даже отлучилъ отъ Церкви, Правителя своей области, Андроника, который, какъ замѣчаетъ онъ, былъ самымъ тяжкимъ наказаніемъ для Пентаполя послѣ землетрясенія, саранчи и язвы, по тому что ввелъ въ страну неизвѣстные дотоле роды наказаній: ломалъ ноги, отсѣкалъ уши, вырывалъ уста» и т. п. ¹⁵⁸ Замѣчательно также ходатайство Флавіана, Епископа Антиохійскаго, предъ Θεодосіемъ Великимъ за Антихію, по поводу происшедшаго тамъ возмущенія въ слѣдствіе требованія лишнихъ податей. Жалкая участь ожидала преступный городъ: положено было предать виновныхъ казни, грозили отнять у Антихіи всѣ преимущества, даже съечь ее, или разрушить до основанія; приняты были строжайшія мѣры къ отысканію и наказанію виновныхъ; многіе тотчасъ же преданы были смерти, а множество знатнѣйшихъ гражданъ взято подъ стражу и заковано въ цѣпи: начинались допросы, пытки, казни, народъ въ ужасѣ и отчаяніи бѣжалъ изъ города. И все это было еще только начало бѣдствія. Между тѣмъ возмущеніе Антиохійское, по словамъ Златоустаго, было первое и единственное преступленіе противъ Державнаго; все прошедшее время сви-

¹⁵⁵ Imp. Theod. et Val. Ibid.

¹⁵⁶ Тамъ же.

¹⁵⁷ Св. Григорія Богослова письмо 115.

¹⁵⁸ Сивезія гл. 58.

дѣтельствовало о добрыхъ нравахъ его, и теперь даже возмущеніе произведено было собственно не мѣстными жителями, но по вліянію постороннихъ людей, которые безъ нужды и безъ дѣла пришли въ городъ на его погибель. Не смотря на то, отъ мѣстнаго Начальства поданъ былъ къ Царю доносъ о случившемся безъ всякой просьбы о пощадѣ, и дѣло было представлено въ самомъ мрачномъ видѣ. Въ эти-то страшныя минуты всеобщаго отчаянія бодрствовала надъ обвиненнымъ, но достойнымъ сожалѣнія, городомъ любовь пастыря. «Если Христосъ (говорилъ Епископъ Флавіанъ) предалъ себя за насъ, то какого извиненія и прощенія достойны будемъ мы, которымъ вручено управлять столь многочисленнымъ народомъ, если не рѣшимся претерпѣть все для безопасности вѣрннхъ намъ?» И онъ рѣшился предстательствовать предъ Государемъ за осужденный на сожженіе городъ, тащъ что ни престарѣлыя лѣта и неудобство времени по случаю приближенія Пасхи, не поколебали его намѣренія явиться лично къ Царю въ Константинополь. «Какъ юноша (говорить Златоустъ), полетѣлъ старецъ, окрещенный ревностію: страхъ и надежда колебали сердца; молились, и ожиданія не обманули; достойный пастырь испросилъ помилованіе: онъ явился къ Государю, представляя изъ себя кающійся городъ и, безгласный, съ преклоненнымъ долу видомъ, пролилъ слезы; онъ указалъ Государю на великость бѣдствія, имѣвшаго постигнуть городъ, на благотворныя послѣдствія помилованія, на требованія Христіанской любви, упомянулъ о наступленіи праздника Пасхи, торжества любви, когда давалась свобода узникамъ. Глубоко тронутый благочестивый Государь самъ просилъ Епископа поспѣшить въ Антиохію къ празднику Пасхи съ радостною вѣстію о помилованіи. ¹⁵⁹ Василій Великій спасъ въ церкви одну вдову, преслѣдуемую вооруженною рукою Правителемъ Понтіійской области. ¹⁶⁰ Извѣстно также, что Антоній оставлялъ часто свое пустынное безмолвіе и уединеніе, и являлся въ городъ нарочно для того, чтобы ходатайствовать предъ городскими властями за обвиненныхъ. ¹⁶¹

Не такъ счастлива была для печалованія пора политическаго разложенія Греко-Византіійской Имперіи. Съ ослабленіемъ Христіан-

¹⁵⁹ Златоуста Бесѣды по случаю низверженія Царскихъ статуй.

¹⁶⁰ Св. Григорія Богослова письмо 43.

¹⁶¹ Созомена книг. 1, стр. 13—50.

скаго чувства въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ, пало и самое религіозно-нравственное значеніе Церкви и ея пастырей въ глазахъ этого міра. Нравственные недостатки слабыхъ личностей изъ среды самыхъ же пастырей, подъ вліяніемъ, конечно, господствующаго духа времени, еще болѣе усиливали это паденіе. Кроме того, съ паденіемъ религіозно-нравственнаго значенія Церкви и пастырей, соединилось и паденіе государственнаго значенія ихъ. Печальное состояніе Греческой образованности Византійскаго періода глубоко отразилось въ частности и на характерѣ тогдашняго взгляда Грековъ на самую власть Царскую. Теперь Греки потеряли то коренное древне-народное понятіе о Царѣ, которое они соединяли съ словомъ: Βασιλεύς и которое господствовало у нихъ почти во все время самобытнаго существованія древней Греціи до самаго завоеванія ея Римскою монархіею, и замѣнили ее болѣе возвышенною идеею. Государственная власть, хотя и признавала обязательными для себя всѣ церковные законы и не разрывала союза съ церковною властію, тѣмъ не менѣе, однако жъ, хотѣла въ то же время, чтобы церковная власть исчезла предъ нею, подобно тому, какъ нѣкогда на Востокѣ жрецъ вѣчалъ предъ своимъ властителемъ, чтобы и ея пастыри говорили, подобно какъ говорили жрецы Камбизу: «Царю! Можно дѣлать все, что угодно.» По этому она всячески старалась ограничить прежнее вліяніе Церкви и пастырей ея на дѣла государственныя, и для того отнимала предоставленныя имъ прежде гражданскія права и преимущества, на пр., право убѣжища, право третейскаго суда и т. п. Наконецъ вмѣшивалась даже въ церковныя дѣла, на пр., издавала церковные законы Патріархамъ, собирала сама Соборы для утвержденія своихъ эдиктовъ, безъ вѣдома и согласія Церкви, самовластно распоряжалась церковными имѣніями, Патріаршими престолами, возводя на нихъ когда и кого угодно изъ своихъ же собственныхъ приверженцевъ и, по замѣчанію современниковъ, людей большею частію пустыхъ, чтобы они безпрекословно подчинялись ея приказаніямъ, такъ что Епископы сдѣлались простыми придворными чиновниками, которые могли пріобрѣтать вѣсь только провсками.

Рѣзкій поворотъ въ отношеніи Государства къ духовенству отмѣчаютъ современники Льва III Исаврянина. Историки Византіи говорятъ, что съ этого времени духовное вѣдомство перестаетъ составлять особое учрежденіе, а разсматривается

какъ центральное управленіе по духовнымъ дѣламъ. ¹⁶² Это явленіе объясняется личнымъ характеромъ Льва III, который хотѣлъ быть преобразователемъ всего Государства. ¹⁶³ Онъ даже вздумалъ объявить себя главою духовенства. ¹⁶⁴ Въ его духъ дѣйствовали почти всѣ его приемники изъ Исаврійской и Македонской династїи до Василя II. ¹⁶⁵ Столько же рѣшительными тоже кажутся дѣйствія Императоровъ изъ дома Комниновъ. Исаакъ I ограничилъ Епископскія ordinationes ¹⁶⁶ и, недовольный рѣшительнымъ поступкомъ Патріарха Михаила Керуларія, вопреки сочувствіямъ народа, свергъ его съ престола, назначивъ на его мѣсто нелюбимаго народомъ Лихуда. ¹⁶⁷ При Алексѣѣ I финансы были въ крайне бѣдственномъ положеніи, такъ что Императорская фамилія принуждена была перелить въ монету золотыя и серебряныя вещи. Но какъ этихъ средствъ было недостаточно, то Императоръ приступилъ къ продажѣ церковныхъ имуществъ, объявивъ, что онъ употребитъ ихъ на пользу Государства. Это возбудило неудовольствіе среди духовенства, при чемъ особенно рѣзкими нападками заявилъ себя Леонъ, Епископъ Халкидонскій; по Соборъ низложилъ его, по повелѣнію Императора, и онъ былъ отправленъ въ отдаленную область: ¹⁶⁸ Того же взгляда на этотъ вопросъ держался и Мануилъ Комнинъ, но только высказалъ его опредѣленнѣе. Онъ прямо объявилъ, что обязанность монаховъ жить въ уединеніи и питаться собственнымъ трудомъ; богатства же, которыми обладаютъ монастыри, вредно дѣйствуютъ на ихъ нравственность, а по тому запретилъ имъ пріобрѣтать имущества и замѣнилъ пользованіе настоящими доходами выдачею опредѣленнаго содержанія. ¹⁶⁹ Въ слѣдствіе постояннаго религіознаго движенія общества, столкновенія между Императорами и духовенствомъ были неминуемы, и Византійская Исторія обладаетъ оби-

¹⁶² Finlay II, 67, 345.

¹⁶³ Тамъ же I, 4.

¹⁶⁴ Le Beau XIII, 326—328.

¹⁶⁵ Поучительные примѣры въ давномъ слѣчаѣ представляютъ отношенія Льва VI къ Патріарху Фотію и дѣло объ его бракѣ съ Зоєю. См. у Шюссера VI, 102, 107.

¹⁶⁶ Montreuil III, 133—134.

¹⁶⁷ Le Beau XVII, 182—183. Ср. Finlay 2, стр. 11—13.

¹⁶⁸ Le Beau XVII, 545—546.

¹⁶⁹ Тамъ же XIX, 471. Montreuil III, 173.

ліемъ примѣровъ удаленія Патріарховъ Императорскою властію и возведеніемъ новыхъ единственно по волѣ послѣдней. Но печалованіе, какъ мы уже видѣли, было вызвано несостоятельностью общественныхъ отношеній Греко-Римскаго міра въ сравненіи съ требованіями Христіанства. По этому, не смотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя условія и обстоятельства, пастыри Церкви, хотя и въ меньшей степени, но все таки, во имя своего пастырскаго долга заботиться о своей паствѣ, не переставали печаловаться за угнетенныхъ. Такъ, извѣстно нѣсколько примѣровъ печалованія Патріарха Іоанна Векка, жившаго при Императорѣ Михаилѣ Палеологѣ. Однажды въ знойное время, въ самый полдень, Державный, проснувшись отъ послѣ обѣденнаго сна, сидѣлъ на террасѣ и прохлаждался. Недалеко оттуда, въ сторонѣ, сидѣлъ и Патріархъ, ожидая пока онъ проснется, чтобы тотчасъ подойти къ нему. Наконецъ подошелъ онъ и сталъ ходатайствовать за человѣка, который, какъ сдѣлалось ему извѣстно, обвиненъ былъ несправедливо. Но думая о томъ человѣкѣ не хорошо, Царь не согласился помиловать его. Настойчивость съ той и другой стороны была такова, что могла смутить и сторонняго слушателя. Между тѣмъ дѣло не окончивалось. Напротивъ Патріархъ-ходатай за правду разгорался еще большею ревностію и все сильнѣе приступалъ къ Царю съ просьбою, и Царь, въ которомъ непріятное чувство къ защищаемому обратилось уже на защищавшаго, сталъ приходить въ раздраженіе. Одинъ просилъ, другой не соглашался; тотъ настойчиво умолялъ, а этотъ тѣмъ болѣе ожесточался; первый говорилъ, что обвиняемый незаконно терпитъ наказаніе, а послѣдній не обращалъ вниманія. Наконецъ Патріархъ объявилъ, что онъ будетъ дѣйствовать рѣшительно, если Царь не послушаетъ его, а Царь отвѣчалъ, что ни какъ не проститъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Тогда Патріархъ вскипѣлъ ревностію и сказалъ: «Что же это? Чѣмъ Архіереи лучше поваровъ и конюховъ, которые необходимо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите?» и, сказавъ это, бросилъ символъ Патріаршей власти—жезлъ, упавшій прямо къ ногамъ Царя, а самъ всталъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ вонъ. Вотъ другой случай. Нѣкогда Патріархъ просилъ за такого человѣка, который, по его мнѣнію, имѣлъ право на списхожденіе Царя. О немъ говорено было уже много разъ, но Патріарха не слушали, и по тому человѣку не оказывалось даже и поздней помощи. Наконецъ ходатай хватается за случай: былъ праздникъ главнаго мученика, Георгія. Патріархъ совершалъ безкровную

жертву, и Царь присутствовалъ при богослуженіи. По окончаніи возношенія даровъ, Царю нужно было, умывшись, приступить къ принятію антидора и благословенія отъ священнодѣйствующаго. Царь подходитъ и протягиваетъ руки съ тѣмъ, чтобы взять часть священнаго хлѣба, но Патріархъ удерживаетъ правую руку свою, въ которой былъ священный хлѣбъ. И вотъ, когда, съ одной стороны, Царскія руки были протянуты, а съ другой рука Патріарха оставалась недвижной, въ эту самую минуту языкъ провозноситъ просьбу и требуетъ свободу скорбящему. Одинъ проситъ разрѣшенія, а другой откладываетъ, говоря, что разрѣшать теперь не время. Патріархъ говоритъ, что, напротивъ, теперь всего приличнѣе оказывать человѣку состраданіе, когда принимаетъ освященіе отъ Бога. Наконецъ, Царь упрасиваетъ Патріарха о полученіи антидора, не для употребленія, какъ говоритъ, а болѣе для того, чтобы не было ему стыдно предъ народомъ, если возвратится отъ Патріарха съ пустыми руками. Но Патріархъ не давалъ, говоря, что этотъ хлѣбъ будетъ ему въ осужденіе, если скорбящій останется съ пустыми надеждами на разрѣшеніе. Тогда спокойствіе Царя смѣнилось гнѣвомъ, и онъ, не давъ никакого отвѣта Патріарху, сказалъ только: «Мы не праздновали праздника,» и ушелъ въ свои палаты.¹⁷⁰ Такою же ревностію къ правдѣ отличался и Патріархъ Арсеній. Услышавъ объ ослѣпленіи Миланомъ Палологомъ Іоанна, онъ вскочилъ съ мѣста и, бросаясь изъ комнаты въ комнату, жалобно воилъ, билъ себя въ грудь, жаловался небу и землѣ на совершившуюся несправду, звалъ стихіи отмстить беззаконіе. Когда увидѣлъ, что нѣтъ средствъ къ отмщенію, то подвергъ злодѣяніе церковному отлученію.¹⁷¹ Кромѣ Патріарха угнетаемые находили защитника въ лицѣ Хартофиакса, завѣдывавшаго архивомъ. Иногда Патріархъ употреблялъ особенныхъ чиновниковъ на ходатайство за опальныхъ, которые назывались «палатинами.»¹⁷² Этого мало. Когда Ренальдъ, Правитель Ангюхин, возставшей противъ Мануила, хлопоталъ у Царя о прощеніи, и не могъ получить его, то поступилъ слѣдующимъ образомъ: снялъ съ головы шлемъ, обнажилъ руки до самыхъ локтей и, безъ обуви, съ толпою монаховъ, прошедши

¹⁷⁰ Истор. Пахиера. Смотр. Византійскіе историки, т. V, стр. 24.

¹⁷¹ Тамъ же, Ист. Гривгор. т. IV, стр. 4.

¹⁷² Тамъ же истор. Хоніата, т. I, стр. 309.

чрезъ весь городъ (Антиохію), предсталъ предъ Царя съ веревкою на шеѣ и мечомъ въ рукахъ. Сонмъ монаховъ, безъ сандалей и съ непокрытыми головами, вошелъ къ Царю и, ставъ на колѣна и проливая изъ очей слезы, простиралъ къ Царю руки. Царь, тронувшись ихъ просьбою, простилъ Ренальда.¹⁷³ Особенно много примѣровъ встрѣчаемъ въ эту пору на Западѣ, гдѣ церковная власть находилась не въ такомъ подчиненіи власти государственной, какъ на Востокѣ.

Историческій законъ одинъ для всѣхъ временъ и народовъ. Такъ было въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ, также точно было и въ Древне-Русскомъ. Двѣ великія эпохи обнимаетъ собою періодъ Древне-Русской жизни, эпоху преобладанія родовыхъ началъ и эпоху господства началъ государственныхъ. Для печалованія духовенства первая эпоха была самая благопріятная. Хотя, какъ мы видѣли, Русское общество усвоило Христіанскую вѣру чисто внѣшнимъ образомъ, тѣмъ не менѣе, однако жь, оно питало къ ней и, представительницѣ ея. Церкви, глубокую приверженность, такъ что готово было жертвовать за нихъ даже жизнью. «Умремъ за Святую Богородицу и правую вѣру,» говорили Владимирцы, когда Владимиръ былъ осажденъ Татарами.¹⁷⁴ «Умремъ за Св. Софію,» говорили обыкновенно Новгородцы при всякомъ народномъ движеніи. Любя Вѣру и Церковь, Древне-Русское общество сооружало множество храмовъ и, въ особенности, монастырей, надѣляя ихъ въ то же время обширными преимуществами. Отсюда и Древне-Русское духовенство, въ пору преобладанія родовыхъ началъ, пользовалось такимъ же религіозно-нравственнымъ значеніемъ, какимъ обладало оно въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ въ пору процвѣтанія въ немъ Христіанства. Любя Вѣру и Церковь, оно чтило и пастырей ея, особенно высшихъ представителей духовной Іерархіи. И любовь эта считалась даже высшею добродѣтелію.¹⁷⁵ «Принимайте съ любовью благословіе духовныхъ (пишетъ Мономахъ въ Завѣщаніи дѣтямъ своимъ):¹⁷⁶ Епископа, Поповъ, Діяконовъ, монаховъ и монахинь, не осуждайте и ни въ чемъ не подозрѣвайте, напротивъ, любите ихъ, по тому что они ваши руководители къ Богу,

¹⁷³ Тамъ же т. IV, стр. 18.

¹⁷⁴ Поля. Собр. Рус. Лѣт. т. 1, стр. 222.

¹⁷⁵ Кіев. Лѣт. стр. 133.

¹⁷⁶ Карамв. т. 2, стр. 155.

говорится въ другомъ постановленіи, какъ жить Христіянамъ. ¹⁷⁷ Обыкновенная похвала доброму Князю, или Боярину, или гражданину въ лѣтописяхъ такая: «Бѣ Тереелюбецъ и михолюбецъ; Митрополита же и Епископа чтяше и послушаше ихъ аки самаго Христа» и т. п. ¹⁷⁸ Наставленія духовенства принимались всѣми за выраженіе слова, Божія, и по тому нарушителей ихъ постигала высшая кара. ¹⁷⁹ Епитиміи и отлученія, назначенныя духовенствомъ, считались для всѣхъ равно обязательными; ¹⁸⁰ оскорбленіе духовенства принималось за порицаніе самой Вѣры и Церкви; ¹⁸¹ уваженіе народа и Князей къ Первосвятителямъ и вообще духовенству выражалось въ разныхъ случаяхъ и формахъ. Такъ народъ и Князья присутствовали при рукоположеніи Епископовъ, и по томъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, принимали участіе въ свѣтскихъ пиршествахъ, какія бывали обыкновенно въ этихъ случаяхъ. Когда же посвящали Митрополита, то ослы подъ нимъ водилъ государственный чиновникъ. ¹⁸² Точно также, когда новый Митрополитъ, или Епископъ, приходилъ на свою Епархію, его встрѣчали съ торжествомъ и радостію, какъ учителя и отца, сами Князья съ своими Княгинями и Боярами и всѣ жители города. Каждый считалъ за счастье принять благословеніе Святителя. Праздники церковные народъ и Князья всегда почти проводили вмѣстѣ съ Епископами, раздѣляя ихъ трапезу, или же во святыхъ обителяхъ, гдѣ они исповѣдывали предъ иконами свои грѣхи и выслушивали отъ нихъ строгія духовныя наставленія. А въ другіе дни народъ и Князья сами приглашали къ себѣ на трапезу пастырей Церкви и въ особенности иноковъ; въ день большой панихиды Митрополитъ сидѣлъ за столомъ у Государя. ¹⁸³ Семейныя торжества тоже не обходились безъ участія въ нихъ духовенства. ¹⁸⁴ Вообще отношенія Древне-Русскаго общества къ духовенству,

¹⁷⁷ Правосл. Собесѣдн. 1859 г., 1, 134.

¹⁷⁸ Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. V, стр. 8.

¹⁷⁹ Акты Ист. т. 1, № 7, 9.

¹⁸⁰ Калачовъ 62.

¹⁸¹ Костамарова, Очерки нравовъ Великорусск. народа, стр. 207, 208.

¹⁸² Арцбышевъ т. 2, кн. IV, отд. 1, IX.

¹⁸³ Арцуб. т. 2, кн. IV, отд. 1, VIII.

¹⁸⁴ Полн. Собр. Р. Лѣт. т. 2, 148, 172, 173, 176, 192, 194, 141; т. III, 46. Никон. 2, 193, 197.

въ пору преобладанія родовыхъ началъ, какъ и всякія общественныя отношенія, были чисто патріархальныя. Въ силу этихъ отношеній Князья, для выраженія особеннаго уваженія къ Первосвятителямъ Церкви, подобающаго ихъ высокому духовному сану, даже въ правительственныхъ бумагахъ не иначе называли Митрополитовъ и Епископовъ, какъ своими отцами, а Митрополиты, въ свою очередь, называли Князей своими сыновьями, себя же богомольцами ихъ.¹⁸⁵ Такъ о Мономахъ говорится, что онъ «святительскій чинъ чтише, и не ослушася своего Митрополита, какъ отца.»¹⁸⁶ Объ Ярославѣ, что онъ «слуша брата своего старѣйшаго и отца своего, Митрополита.»¹⁸⁷ Особенно усиливало религіозно-нравственное значеніе Древне-Русскаго духовенства въ разсматриваемую пору его умственное и нравственное превосходство. Только что начинавшія было крѣпнуть умственныя и нравственныя силы Русскаго народа, подавлены были тяжкимъ игомъ Монгольскимъ; только что начавшій было горѣть лучъ чисто Русскаго просвѣщенія и образзанности погашенъ грубою виѣшнею сялою кочевой Татарскою толпою, не знавшей еще плодовъ образованности, и по тому вездѣ уничтожавшей даже начатки ея. Среди этой то пустыни, въ которой царствовалъ мракъ невѣжества, въ которой не слышно было голоса мірскаго науки, раздавались по временамъ только вѣщанія однихъ пастырей Церкви. Такъ какъ просвѣщеніе сохранялось въ однихъ обителяхъ и оставалось долею одного духовенства, подкрѣплявшихъ развитіе своихъ умственныхъ силъ сношеніями съ Византіею, то сами Князья заимствовали отъ духовенства первыя начала образованія: Такъ, Князь Тверской, Михаилъ Александровичъ, пріѣзжалъ въ Новгородъ учиться грамотѣ къ крестному отцу своему, Архіепископу Василию. О всѣхъ мірскихъ высшихъ государственныхъ сановникахъ, у которыхъ безграмотность была обыкновеннымъ явленіемъ, и говорить нечего. Они же пастыри, какъ свѣтильники Церкви, были и главными образцами добродѣтелей и примѣрами благочестія для всѣхъ среди грубаго еще общества. Своимъ вліяніемъ они поддерживали и усиливали религіозный

¹⁸⁵ Собр. Госуд. грам. и договор. т. 1, № 27, 28, и др. Акт. Ист. т. 1, № 259. Акты Эксп. 1, № 9, 19, 23. Акты Юрид. быта Россіи т. 1, № 83. Пол. Собр. Русск. Лѣт. т. 6, стр. 147.

¹⁸⁶ Воскресен. Лѣт. т. 2, стр. 190.

¹⁸⁷ Тамъ же.

характеръ народа. Великіе Князья первые охотно подчинялись этому вліянію, и если не всё извлекали изъ того для себя существенную пользу внутреннимъ исправленіемъ жизни, то, по крайней мѣрѣ, всё старались выразить это во внѣшности, на пр., постриженіемъ предъ смертію въ монастыство и т. п., Князьямъ послѣдовалъ народъ и Бояре.¹⁸⁸ А извѣстно, съ какимъ вниманіемъ, уваженіемъ и довѣріемъ, общество относится всегда къ тѣмъ личностямъ, которыя стоятъ выше его въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Также было и съ Древне-Русскимъ духовенствомъ въ пору преобладанія родовыхъ началъ. Образование вводило его въ думу Государей и народа, давало ему здѣсь мѣсто всѣмъ мірскимъ безграмотнымъ сановникамъ; точно также путемъ своихъ религіозныхъ внушеній и своею высоконтрастною жизнію духовенство привлекало къ себѣ не только сердца простого народа, но и возбуждало глубокія сочувствія во всѣхъ частяхъ общества. Еще больше, нежели въ первенствующей Церкви, было государственное значеніе Древне-Русскаго духовенства. Этому содѣйствовали мѣстные условія и обстоятельства. Мы видѣли, что въ пору преобладанія родовыхъ началъ Государство Русское было еще весьма неустроено; Государственная Власть, какъ извѣстно, была призвана собственно для того, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, дать Государству надлежащее развитіе. Но мы видѣли тоже, что пока еще и сама Государственная Власть была слишкомъ слаба. Нужны были, такимъ образомъ, особы и благонадежнѣйшіе дѣятели, которые бы помогли Государственной Власти, съ одной стороны, устроить государственный порядокъ, а съ другой, усилить собственное политическое и матеріальное значеніе. Государственная Власть сразу поняла, что благоустройство Государства и усиленіе ея значенія зависитъ главнымъ образомъ отъ распространенія въ немъ Христіанскихъ началъ, а равно и то, что самое распространеніе въ немъ этихъ началъ возможно только подъ условіемъ тѣснаго единенія ея съ Церковію и ея властію. Но для того, чтобы имѣть въ Церкви и ея власти такихъ особыхъ дѣятелей, нужно было, конечно, прежде всего поставить духовенство, какъ главнаго представителя Церкви и ея власти, въ благопріятнѣйшія, внѣшнія и внутреннія, условія и, главное, дать

¹⁸⁸ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. 1, стр. 164, 174, 178, 179, 188, 191; т. 2, стр. 121, 125, 143, 144, 150.

ему возможность сблизиться съ самымъ обществомъ и имѣть на него надлежащее вліяніе. Такъ дѣйствительно и сдѣлала Государственная Власть. Въ видахъ доставленія духовенству возможно лучшей, вѣшной и внутренней, обстановки, а, слѣдовательно, и возможно болѣе успѣшнаго вліянія на развитіе Древне-Русскаго общества по началамъ чина Христіанскимъ, она, подобно Греко-Римскимъ Государямъ, предоставила ему прежде всего самосудность и самоуправленіе, высшая власть котораго сосредоточивалась въ лицѣ Митрополита, или Епископа. «Неподобаетъ церковныхъ судовъ и тяжъ (говорится въ Уставѣ Св. Владимира), Князю судить, ни Боярамъ его, ни Судьямъ. Далъ есмь ты суды Церквамъ, Митрополиту и всѣмъ Пискупіямъ по Русской землѣ. А по семь ненадобѣ вступатися ни дѣтямъ моимъ, ни внукамъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковные, ни во всѣ суды ихъ.»¹⁸⁹ Въ Ярославомъ Уставѣ, послѣ исчисленія разнаго рода преступленій, говорится: «Тѣхъ судити Епископу, оиричь мірянь, и во что ихъ осудить волець.» Еще: «а что дѣется въ домовыхъ людяхъ и въ церковныхъ, и въ монастыряхъ, въ то да не вступаются Княжи волостели, а то вѣдаютъ Епископи волостели.»¹⁹⁰ То же самое повторено и въ грамотахъ другихъ Князей. «Се азъ, Князь Великій, Ярославовъ сынъ Владимиръ, по правиламъ Святыхъ Отцевъ и по записи отца своего сгадалъ есмь съ Митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси, Иларіономъ, грѣховныя вещи и духовныя отдати Церкви, поуже не подобаетъ силъ тяжъ Князю судити.»¹⁹¹ Для отправленія Митрополитами и Епископами своихъ судебныхъ и правительственныхъ обязанностей существовали особые духовные и свѣтскіе органы Митрополичьей и Епископской власти. Дѣлами Митрополита завѣдывали Намѣстники изъ духовныхъ лицъ. Дѣла Епископа поручались Протопопамъ и Архимандритамъ. Участіе же гражданской власти и народа въ церковныхъ дѣлахъ, подъ руководствомъ Іерархіи, было чисто вспомогательное и служебное, или, выражаясь языкомъ правительственнымъ, полицейское. Сами

¹⁸⁹ Акт. Истор. т. 1, № 1.

¹⁹⁰ Акт. Эксп. т. 4, № 161.

¹⁹¹ Ручоп. Кормч. 1493 г. Кав. Акад. бывшей Соловецкой бібліотеки № 858 и 546. См. Прав. Собесѣдн. 1862 г., ч. 1, стр. 186, примѣч. 2. Лѣт. Переяславско-Суздальская 1214 г., изд. во Временникъ Общ. Истор. и Древн. Россійск. кн. 9, 1851 г., стр. 42.

же Митрополиты и Епископы находились въ вѣдѣніи Цареградскаго Патріарха, который назначалъ ихъ на должности и судилъ за проступки исключительно по своему усмотрѣнію, съ согласія, или требованія, народа и Князей, а иногда и безъ ихъ вѣдома, а равно и рѣшалъ всѣ споры, возникавшіе въ слѣдствіе неудовольствія между Митрополитами, или Епископами, и народомъ, или Князьями, ири чемъ обыкновенно въ своихъ Архипастырскихъ рѣшеніяхъ устанавливалъ образъ отношеній между спорящими сторонами въ Византійскомъ вкусѣ, именно: присылалъ къ Русскимъ Князьямъ клятвенныя увѣщательныя грамоты, въ которыхъ убѣждалъ, чтобы они оказывали своему Митрополиту подобающую честь, слушались его, какъ отца своего, пастыря и наставника, дарованнаго Богомъ, и его слова принимали, какъ истинные сыны Церкви, а равно побуждали къ тому и народъ.¹⁹² Такъ, по поводу жалобы Князя Тверскаго, Михзила Александровича, на Митрополита Алексѣя за то, что онъ будто бы участвовалъ въ заключеніи Михаила въ Москвѣ подъ стражу обманомъ (1368), Патріархъ Филофей писалъ: «Не прилично имѣть тяжбу съ Митрополитомъ: кто изъ Князей когда либо судился съ Митрополитомъ? А по тому и ты (Князь), заключалъ Патріархъ, проси у него (Митрополита) прощенія и принеси раскаяніе, да проститъ онъ тебя и полюбитъ, и имѣетъ тебя, какъ своего сына. И надлежитъ тебѣ терпѣть, и скорѣе обратиться къ нему и просить у него благословенія и прощенія, а не искать суда и не заводить смуты.»¹⁹³ Имѣлъ съ самоуправленіемъ духовенству предоставлена была свобода подачей и государственныхъ повинностей, какія лежали на другихъ сословіяхъ общественныхъ, а равно неприкосновенность личности. «Далъ есмь (пишется въ Уставѣ Ярослава) Митрополиту, Епископамъ, и Попамъ, и Дьяконамъ свободу по всѣмъ градомъ, не смѣютъ съ нихъ, ни съ ихъ дѣтей ни мытъ, ни явку, ни тамгу, ни весмнничья.»¹⁹⁴ По уставу Ярослава за безчестіе, наносимое Священнику (за побой), взыскивалась въ его пользу такая же огромная пеня, какая опредѣлена была за безчестіе, наносимое лицамъ высшаго Боярскаго рода, 5 гривенъ золо-

¹⁹² См. приложеніе къ 4 тому Ист. Рус. Церкви, Макарія, № XII.

¹⁹³ Грамота къ Тверскому Князю въ Ахтахъ Патріарха Константинопольскаго, т. 1, стр. 581—590.

¹⁹⁴ Истор. Карамз. т. 2, примѣч. 108.

та. ¹⁹⁵ Въ другомъ законодательномъ памятникѣ за побитіе Священника предписывалось отсѣченіе руки, или же 12 златницъ; ¹⁹⁶ за убіеніе же Попа, точно также какъ и посла, или заложника, назначалась двойная вира, 20 гривень серебра. ¹⁹⁷ Наконецъ, духовенство обезпечено было приличными матеріальными средствами. Такъ, когда Св. Владимиръ построилъ въ Кіевѣ церковь Божіей Матери, то для содержанія, назначеннаго къ ней духовенства, далъ десятину отъ всего Княжескаго суда и съ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада, отъ всякаго жита. ¹⁹⁸ То же самое завѣщалъ онъ своимъ дѣтямъ, и они, какъ показываетъ исторія, въ должной мѣрѣ исполняли завѣщаніе своего отца. Ярославъ ежегодно давалъ десятину церкви Св. Богородицы изъ своихъ Княжескихъ доходовъ, отъ всѣхъ скотъ своихъ и отъ житъ на всяко лѣто. ¹⁹⁹ Другіе же, находя много неудобства въ выдачѣ десятины, назначали, вмѣсто нея, духовенству опредѣленный окладъ деньгами. Такъ поступилъ Святославъ Ольговичъ въ Уставѣ, данномъ Новгородскому Софійскому Собору: «А здѣ, въ Новгородѣ (говорилъ онъ), что есть десятина, обрѣтохъ уряжено прежде мене бывшими Князи толико отъ виръ и продажъ десятины зрѣлъ, оливо дани въ руцѣ Княжи и въ клѣтѣ его. Нужда бяше Пискупу, нужда же Князю (т. е., затрудненіе для обоихъ) въ томъ десятой части Божіа. Того дѣля уставилъ есмь Святѣй Софіи, ать (да) смлетъ Пискунъ за десятину 100 гривень новыхъ кунгъ.» ²⁰⁰ Сверхъ сихъ ста Епископъ получалъ еще съ Уѣздовъ означенную въ Уставѣ дань. Важнымъ источникомъ собственно для содержанія высшаго духовенства служили еще: а) судныя деньги, получаемыя съ тяжущихся, или виновныхъ по дѣламъ, подлежащимъ суду духовному; б) торговыя пошлины: «Далъ есмь (пишется въ грамотѣ Всеволода) судъ и мѣрила, яко же на торгу Святѣй Богородицы въ Кіевѣ, Митрополиту, такъ и въ Новгородѣ Св. Софіи, и Епископу.» Этого мало: съ XII вѣка вошло въ обыкновеніе давать на содержаніе духовенства недвижимыя, населенныя имѣнія. Такъ, Мстиславъ въ

¹⁹⁵ См. Прав. Собесѣдн. 1862 г., ч. 3, стр. 2.

¹⁹⁶ Соф. Временникъ ч. 1, стр. 142. Русск. Достопамятности ч. 2.

¹⁹⁷ Стр. 122 и 595.

¹⁹⁸ Правосл. Собесѣдн. 1861 г., ч. 3, стр. 11 — 12. Степенная Книга стр. 157.

¹⁹⁹ Архѣб. прим. 219 въ 1 т.

²⁰⁰ Истор. Карамзина т. 2, примѣч. 267.

грамотѣ, данной Юрьеву монастырю, говорить: «Се язъ повелѣлъ есмь сыну своему, Всеволоду, отдать Буйцѣ Святому Георгіеву съ данію, вирами и продажами и вено Вотское. А язъ далъ рукою своею и осеннее полюдьє (дань, собираемую Княземъ при объѣздѣ своихъ владѣній), дарованное послѣ третьдесять гривень Св. же Георгіеву.»²⁰¹ О потомкахъ Св. Владимира Митрополитъ Кириллъ замѣчаетъ, что не только исполняли Уставъ его о десятинахъ, но къ тому и много приложили и волости, «даже со всѣми прибытками.»²⁰² Вообще объ усердіи Русскихъ Князей, съ какимъ они старались обезпечить матеріальный бытъ духовнаго сословія, лѣтописи выражаются такъ: «Нещадно даяху (церквямъ и духовенству) вѣчное наслѣдіє, грады, погосты, селы, земли, и борты, и рѣки и великія волости со всѣми прибытками.»²⁰³ Какими громадными средствами владѣло Древне-Русское духовенство, благодаря всѣмъ этимъ подаваніямъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, на примѣръ: Епископу Новгородскому въ началѣ XII вѣка приходилось съ одной десятины до 100 гривень, а другихъ сборовъ съ земли Новгородской до 150 гривень.²⁰⁴ Смоленскій Епископъ, вмѣстѣ съ соборною церковію, получалъ болѣе 300 гривень. Кириллъ Ростовскій «бѣшетъ богаты кунами и селы и всѣмъ товаромъ и книгами.» Сямонъ, знаменитый Епископъ Владимирскій, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, такъ говоритъ о матеріальныхъ средствахъ, какими располагала Владимирская кафедра: «Кто не знаетъ меня, грѣшнаго Епископа, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой Суздальской, которую я самъ создалъ? Сколько они имѣютъ городовъ и селъ? И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ тѣмъ владѣть наша худость.»²⁰⁵ Дворъ Митрополита былъ устроенъ, какъ и дворъ Удѣльнаго Князя, имѣлъ своихъ Бояръ, отроковъ, конюшихъ и другіе чины. У Митрополита былъ свой полкъ съ особымъ Воеводой. У Епископовъ тоже. Всѣхъ богаче былъ обставленъ Владыка Новгородскій: у него были большія вотчинныя владѣнія, даже городъ Молтовицы; жилъ онъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ Бояръ, Стольниковъ, Казначей,

²⁰¹ Допол. къ Ак. Ист. т. 1, № 2.

²⁰² Описаніе Румянцевск. Музея 298.

²⁰³ Степен. Книги 1 ч., стр. 159.

²⁰⁴ См. Грам. Святослава въ Истор. Карамз. т. 2, примѣч. 267.

²⁰⁵ Смотр. Посланіє Сямона къ Поликарпу, монаху Печерскому.

Волостелей, множество слугъ и особый полкъ. Вообще, въ пору преобладанія родовыхъ началъ, Древне-Русское духовенство, въ юридическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ, было независимѣе всѣхъ государственныхъ сословій и учреждений. Иго Монгольское не только не отняло у него этой независимости, но, напротивъ, увеличило ее. Монголы въ религіозномъ отношеніи были равнодушны. Въ своей Ясѣ (книгѣ запретовъ) Чингисъ-Ханъ велѣлъ уважать и бояться всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были. Преемники Чингисъ-Хана, при вступленіи на престоль, давали клятву въ точности слѣдовать Ясѣ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться престола. По этому они, гдѣ ни господствовали, вездѣ покровительствовали всѣмъ религіямъ. По этому же они соблюдали обряды и присутствовали при священнодѣйствіи Христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій. О Гаюкѣ, первомъ Императорѣ Монголовъ послѣ покоренія Руси, говорятъ, что онъ всегда имѣлъ при себѣ Христіанскихъ Священниковъ и давалъ имъ содержаніе, и что предъ шатромъ его всегда стояла Христіанская часовня, въ которой Христіане свободно звонили къ часамъ и совершали службы по обрядамъ Греческой Церкви.²⁰⁶ Ханъ Берка дозволялъ открыть Христіанскую Епархію въ самой столицѣ, и даже самъ принималъ Христіанство. Когда Митрополитамъ нашимъ случалось бывать въ Ордѣ, ихъ принимали съ большимъ уваженіемъ и почетомъ.²⁰⁷ Въ своихъ же ярлыкахъ, данныхъ Русскому духовенству въ защиту его правъ, Ханы: 1-е, охраняли святость и неприкосновенность вѣры, богослуженія и законовъ Русской Церкви, а равно неприкосновенность всѣхъ лицъ духовнаго званія; 2-е, освобождали духовенство отъ всякаго рода податей и пошлинъ, а равно и отъ всякой отвѣтственности предъ властію и судомъ гражданскимъ во во всѣхъ дѣлахъ, даже въ разбоѣ, душегубствѣ, предоставляя все это власти и судамъ церковнымъ. «Кто вѣру ихъ (Русскихъ) похулить, или ругаетъ, да умретъ злою смертію.»²⁰⁸ «Да никто же обидитъ на Руси Соборную церковь, Митрополита Петра и его людей церковныхъ,» говорилось въ ярлыкѣ Узбека. «Знаетъ Митрополитъ Петръ, говоритъ тотъ же Узбекъ, въ правду и право судить и управлять люди своя въ правду, въ чемъ ни будь, и въ раз-

²⁰⁶ Пол. Собр. Р. Мѣт. т. 1, стр. 204.

²⁰⁷ Григорьева, О достоѣрности Хавскихъ ярлыковъ. Москва, 1842 г., стр. 111.

²⁰⁸ Ярлыкъ Менгу-Тимура, въ Собр. гос. грам. т. 2, № 2, стр. 6.

боѣ, и въ поличномъ, и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты по первымъ изначала законамъ ихъ и по первымъ грамотамъ нашимъ. Вся своя церковная управляетъ Митрополитъ, и судить и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковое дѣяти и управлять, а намъ въ то не вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ Князьямъ нашего Царства и всѣхъ нашихъ странъ и всѣхъ нашихъ улусовъ. ²⁰⁹ «Мы жалуемъ ихъ ярлыками (заключали Ханы), да Богъ насъ помилуеъ, за ступитъ, да не кленуть насъ, но въ покоѣ молятся за насъ, женъ и дѣтей нашихъ (Менгу-Тимуръ). А кто нашъ ярлыкъ и наши слова мрслупитъ, той есть Богу повиненъ и гнѣвъ отъ него на себѣ приеъмлется, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная (Узбекъ).» ²¹⁰ Особенно громадное вліяніе предоставлено было духовенству Государственною властію на дѣла не только гражданскія и общественныя, но даже военно-политическія.

Такъ, Митрополиты и Епископы благословляли на престолѣ, а народъ на всякія благія дѣйствія, и приглашались иногда, вмѣстѣ съ Архимандритами и Игуменами, въ качествѣ свидѣтелей при составленіи Князьями и народомъ жалованныхъ, завѣщательныхъ и другихъ грамотъ и договоровъ, которые по этому и начинались обыкновенно словами: «По благословенію отца нашего Митрополита,» а въ концѣ скрѣплялись его же печатью и подписью. Предъ Митрополитами же и Епископами Князья и народъ давали другъ другу крестное цѣлованіе (присягу) въ вѣрности своихъ договоровъ и грамотъ, а въ случаяхъ споровъ и разногласій, при исполненіи ихъ, обращались къ нимъ для разбирательства дѣлъ, не только какъ къ посредникамъ, но и какъ третейскимъ судьямъ. «А которыя дѣла учинятся межи нами, и наши отослати своихъ Бояръ, и тѣ исправу учинять; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій Митрополитъ, и кого онъ обвинилъ, ино обидное отдати,» писалось обыкновенно, въ Княжескихъ и народныхъ грамотахъ и договорахъ. ²¹¹ Далѣе, при обсужденіи способовъ къ обществен-

²⁰⁹ Ярлыкъ Узбека. Ист. Рус. Церкви, Макарія, т. 5, стр. 42—43.

²¹⁰ Ист. Рус. Церкви, Макарія, томъ 4.

²¹¹ Собр. Госуд. грам. №№ 27, 28 30—38, 41—43. Собр. Румянц. О судахъ Митр. Кипріяна стр. 186 и 189 г. 1451, стр. 210, 213 г. 1462, стр. 275, 297 г. 1484.

ному благоустройству, при новыхъ учрежденіяхъ по различнымъ предметамъ внутренняго управленія, даже въ дѣлахъ внѣшней политики при объявленіи и веденіи войны, все рѣшалось и принимало силу закона не иначе, какъ по совѣту Митрополита, Епископовъ, а иногда и цѣлаго Священнаго Собора. Такъ, когда опасности на Руси умножились разбой, Епископы пришли къ Владимиру и сказали: «Вотъ умножились разбой, и по чему ты не казнишь ихъ?» Онъ отвѣчалъ: «Боюсь грѣха.» Епископы замѣтили: «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ, тебѣ слѣдуетъ казнить разбойниковъ, только съ испытаніемъ,» и Владимиръ рѣшилъ отгнать древній народный обычай, по которому за разбой вносилась только плата (вира), и сталъ казнить смертію за убійство. Но въ скоромъ времени, въ слѣдствіе войны, понадобились денежныя средства для покрытія издержекъ, и по тому Епископы съ Старѣйшинами снова пришли къ Князю и предложили ему возстановить виру съ тѣмъ, чтобы она шла на оружіе и лошадей, и Владимиръ опять согласился съ ними.²¹² Ихъ же мы водимъ на первомъ мѣстѣ на Княжескихъ и народныхъ совѣтахъ и сѣздахъ, а равно послами и примирителями во время переговоровъ между враждебными сторонами, на прим.: Мономахъ зоветъ Олега Черниговскаго урядиться о Русской землѣ въ Кіевѣ предъ Епископы, и предъ Игумены и предъ мужи (дружиной) и предъ людьми градскими.²¹³ Сильнѣе всѣхъ было вліяніе Владыки Новгородскаго, который, благодаря преобладанію въ Новгородѣ вѣчевыхъ началъ, пользовался здѣсь часто земскимъ значеніемъ, такъ что Новгородцы даже не могли и представить себя безъ Владыки. Важнѣйшія опредѣленія вѣча утверждаемы были его благословеніемъ;²¹⁴ важнѣйшія народныя предпріятія были со-

²¹² Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 154.

²¹³ См. Карамзина т. 2, стр. 91, 113, 123—123, 172, 181, 182, 191, 194—197, 210, 221, (Митр. на вѣчѣ) 227, 228, 229, 233, 270, 300; т. 3, стр. 14, 29, 49, 70, 92, 94, 103, 115, 122, 124, 125, 127 (Духовенство на сеймѣ, во Владимирѣ) 161, 173, 262, 256, 257, 283; т. 4, стр. 7, 10, 29, 39, 66, 72; 76, 93, 102, 106, 107, 129, 130, 142, 143—144, 148, 151—156 (Духовенство на Сеймахъ Княжескихъ) 159 170—179, 182, 191, 196, 217—219, 221—227, 253—258, 262—267, 272—278; 284—298 т. 5, стр. 8, 10, 15, 16, 20—27 41, 65—69, 81—89, 92—96, 148, 158, 161, 162, 182, 213, 217, 244—249, 298, 322—338, 341—347, 382—384; т. 6, стр. 26—49, 97—141.

²¹⁴ Пол. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 98—99, 79 и пр.

вершаемы по его одобренію; въ грамотахъ вѣча имя его ставилось на первомъ мѣстѣ. Всѣ договорныя грамоты Новгородца съ Великими Князьями Тверскими и Московскими начинались обыкновенно словами: «Благословеніе отъ Владыки, поклонъ отъ Посадника и Тысяцкаго.» Равно и Князья начинали свои грамоты словами: «Поклонъ къ отцу Владыкѣ и всему Новгороду.»²¹⁵ Во внутреннихъ дѣлахъ города Владыка былъ средоточіемъ, около котораго стягивались и примирались всѣ раздраженные взаимнымъ распрями концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собою на общемъ вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ Владыкѣ, какъ человѣку болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя власти города, и самъ Князь и Владыка своимъ посредничествомъ мирилъ стороны и утишалъ народныя волненія.²¹⁶ Участіе же Владыки требовалось и въ договорахъ Новгородцевъ съ чужеземцами.²¹⁷ Наконецъ, суду и власти Митрополитовъ, кромѣ суда и управленія надъ лицами собственно духовнаго вѣдомства, подчинены были дѣла суда гражданскаго и уголовнаго надъ лицами всѣхъ сословіій и состояній, а равно и дѣла общественнаго и городскаго управленія: «А се суды церковныя: церковная татьба, мертвенцы сволочать (раздѣнута), крестъ (на Христіанскихъ могилахъ) посякутъ, или на стѣнахъ (въ церкви), рѣжутъ скоть, или псы, или поткы (птицы) безъ велики нужды введеть (въ церковь), или ино что неподобно церкви надѣеть;» далѣе: «вѣдомство (волшебство), зелииичество (отрава), потворы (колдовство), чародѣянія, волхованія, еретичество, клевета, моленіе подъ овиномъ, въ роци, или у воды;» наконецъ: распустъ, пошибанье промежи мужемъ и женою о животѣ, умычка, или сынъ отца бьетъ, или мать, или дчи, сноха бьетъ свекровь, братья, или дѣти, тяжутся,» говорится въ Церковномъ Уставѣ Владимира.²¹⁸ Въ Уставѣ Ярослава ко всему этому прибавляется еще: «свадебное и сговорное, бои, убійства и душегубство, аже что чинится, платить виру Князю на полѣ со Владыкою. Аще сынъ бьетъ отца, или мать, да казнятъ его

²¹⁵ Собр. госуд. грам. 1, №№ 147.

²¹⁶ Пол. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 82--87, 108, 136, 137.

²¹⁷ Собр. государ. грам. т. 3, стр. 79, 110.

²¹⁸ Ак. Ист. т. 1, стр. 274, 275. Ак. Эксп. т. 4, стр. 205 и 457. Собр. Зак. 1722 г. Апр. (3963).

волоостельскою казнію, а Епископу въ винѣ.» Такимъ образомъ, согласно Уставу Владимира и Ярослава, Митрополиты и Епископы должны были вѣдать: 1, всѣ преступленія противъ Вѣры и Церкви; 2, преступленія противъ чистоты нравовъ; 3, преступленія противъ союза семейнаго, и наконецъ 4, преступленія противъ личности человѣческой вообще. Изъ дѣлъ же общественнаго управленія Епископской и Митрополичьей власти подлежали, во первыхъ, наблюденіе за городскими мѣрами и вѣсами: «Еже искони установлено есть, поручено святымъ Пискупымъ городскія и торговыя всякія мѣрила и суды и вѣсы ставити отъ Бога, тако искони установлено, Пискупу блюсти безъ напасти, ни умалити, ни умножити, за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко же и о душахъ человѣческихъ,» говорится въ Уставѣ Владимира; ²¹⁹ во вторыхъ, дѣла благотворительности, какъ то: наблюденіе за тѣмъ, чтобы наследники отдавали часть имущества, завѣщаннаго на поминовеніе и т. п., выкупъ плѣнныхъ и т. п.; наконецъ, въ третьихъ, защита лицъ притѣсняемыхъ, которыя или вовсе не пользовались покровительствомъ законовъ (преступниковъ), или же пользовались только не вполне, женщинъ, дѣтей, престарѣлыхъ, рабовъ и т. п.

Правда, къ концу разсматриваемаго нами времени были попытки со стороны нѣкоторыхъ Князей и городовъ ограничить, изложенныя нами права и вліяніе духовенства; такъ Дмитрій Донской безъ всякаго суда, по одной своей волѣ, лишилъ сана Митрополита Пимена, а Митрополита Кипріяна изгналъ изъ Кіева. Извѣстенъ тоже споръ Василія Дмитріевича съ послѣднимъ о церковномъ судѣ. Прибавимъ къ этому стремленіе Новгорода и Пскова подчинить духовенство своему суду и заявленіе Ивана III Собору 1503 г. объ отобраніи имѣній у монастырей. Но всѣ эти попытки встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны церковной власти. ²²⁰ По поводу заявленія Псковитянъ и Новгородцевъ Митрополитъ Кипріянъ, въ своей грамотѣ Новгородскому Архіепископу Іоанну, писалъ: «Негодится мірянамъ Попа ни судить, ни казнить, ни осудить, ни оскорблять его словомъ, но какъ ихъ ставитъ Епископъ, то онъ ихъ и судить, и казнить, и учить.» ²²¹ Точно

²¹⁹ См. Уставъ Владимира.

²²⁰ Ак. Эксп. т. 1, № 9.

²²¹ Ак. Ист. № 7, 9, 24, 26.

также Фотій въ обращеніи къ духовенству говоритъ: «Елико отстоитъ небо отъ земли, только отстоитъ нашъ санъ паче всякаго великаго сына мірскаго.»²²² Соборъ 1503 года, на заявленіе Іоанна III, отвѣчалъ, что «отцы Церкви и Соборы не запрещали монастырямъ и церквамъ владѣть недвижимыми имѣніями, что въ Россіи было то же со времени Владимира и Ярослава, наконецъ: что «ини мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ Царей, во время своего царствованія, отъ святыхъ церквей и отъ священныхъ мѣстъ и отъ монастырей ни что же не имаху, недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути и поколебать, бояся Бога и заповѣдей Св. Отцевъ и Царскихъ уставовъ и древнихъ законоположительныхъ, но и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не только въ своихъ странахъ, но и въ нашемъ (Ивана III) Россійскомъ Царствѣ, и ярлики, сирѣчь, грамоты жалованныя давали, въ лѣта великихъ Чудотворцевъ Петра и Алексія; быша сія и въ лѣто Феогноста Митрополита всея Россіи, и непоколебима и недвижима пребыша сія и до сего дня. Не смѣтъ (заключалъ Соборъ) отдать церковныхъ стяжаній ничто же; ибо есть Божіе и неприкосновенное.» И Иванъ III, послѣ такого отвѣта Соборнаго, не возобновлялъ своего требованія.²²³ Благодаря этому противодѣйствию всѣ, указанныя нами попытки не только остались безъ послѣдствій, но даже окончились новымъ подтвержденіемъ правъ духовенства со стороны государственной власти. Василій Дмитріевичъ, послѣ спора съ Кипріяномъ о церковномъ судѣ, выдалъ на его имя грамоту, въ которой судъ и сборъ пошлинъ въ церковныхъ волостяхъ предоставлялся опять вѣдѣнію духовной власти.²²⁴ Въ Судебникахъ же III и IV прямо сказано: «А Цопа, и Діакона, и черныца, старуху вдову, которые пытаются отъ церкви Божія, то судить Святитель, или его судья; а будетъ простой чсловѣкъ съ церковнымъ, то судъ вопчій!»²²⁵ Сказаннаго довольно, чтобы видѣть, въ какія близкія отношенія къ обществу поставлено было духовенство своими правами, сколько самостоятельности и свободы дѣйствій было предоставлено ему обезпеченіемъ монастырскаго быта,

²²² Православн. Собесѣдн. 1861 г. кн. 2, Рук. Посланіе Фотія въ Житія у Филарета, и Никона Лѣт. т. 5, стр. 53, 54, 72. Ак. Ист. т. 1, № 26.

²²³ Волок. Рук. № 290. Сборн. Солов. библ. № 890. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1847 г., 3, Отд. 1, стр. 43.

²²⁴ Ак. Эк. т. 1, № 9.

²²⁵ Судебн. Іоанна III. Ак. Ист. т. 1, стр. 155. Судебникъ Ивана IV, стр. 94.

особенно высшей духовной власти. Понятно, что при такомъ громадномъ религіозно-нравственномъ значеніи юридической и матеріальной независимости и свободѣ дѣйствій, а тѣмъ болѣе при такихъ близкихъ отношеніяхъ къ обществу, духовенству легко и удобно было печаловаться, такъ какъ оно вездѣ имѣло право голоса, и слово его вездѣ и на всѣхъ имѣло большое вліяніе. Понятно также и то, что, при такой большой возможности для духовенства печаловаться, само собою должна была быть сильна и самая степень проявленія печалованія въ ту пору. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ усиливалась и развивалась въ ту пору опала, увеличивалось и число печаловниковъ. Мы видѣли, что опала происходила въ слѣдствіе борьбы старыхъ семейныхъ, государственныхъ и другихъ началъ съ новыми; но борьба эта была не всегда одинакова, а вмѣстѣ съ нею не одинакова была и самая опала. Въ XI вѣкѣ старыя начала сохранялись еще во всей своей силѣ, и борьба за нихъ почти не существовала: она велась иногда только въ сферѣ государственной изгоими, по этому и опала не была сильна въ это время. Сообразно съ этимъ и печалованіе въ XI проявлялось не весьма сильно; по крайней мѣрѣ исторія представляетъ намъ всего только 6 примѣровъ печалованія.

Замѣчательно, что печаловниками въ этомъ вѣкѣ были большею частію икоки. Изъ нихъ первый былъ Преп. Феодосій Печерскій. Такъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ несчастной участи сына Ярославова, Великаго Князя Кіевскаго, Изяслава, когда онъ изгнанъ былъ изъ Кіева братомъ своимъ, Святополкомъ Черниговскимъ, вопреки завѣщанію отца. Первый случай къ тому подалъ самъ Святославъ. Давно наслышавшись о святой жизни великаго подвижника Печерскаго и, желая имѣть общеніе съ нимъ, онъ немедленно по вступленіи въ Кіевъ послалъ звать его къ своему Княжескому столу, Феодосій отвѣчалъ, что онъ не можетъ ити на трапезу, «исполненную крови и убійства.»²²⁶ Послѣ сего онъ не переставалъ, то чрезъ Бояръ Великокняжескихъ, то чрезъ посланія, подобнымъ образомъ обличать Святослава въ несправедливости къ брату. Въ обширномъ посланіи Феодосій писалъ ему, между прочимъ, что «кровь брата вопіетъ противъ него на небо, какъ кровь Авеля противъ Каина.»²²⁷ Святославъ доселѣ терпѣливо и со

²²⁶ Несторъ въ Житіи Пр. Феодосія. Рукон. Моск. Д. Ав. № 22 и

²²⁷ Тамъ же и стр. 24.

смирениемъ принималъ обличенія Преподобнаго Θεодосія, конечно, сознавая всю ихъ справедливость, хотя, въ то же время, не забоялся объ измѣненіи своихъ отношеній къ старшему брату, но эта послѣдняя укоризна оскорбила его: онъ прогнѣвался на Θεодосія, и всѣ ожидали, что строгому обличителю угрожаютъ не малыя опасности. Уже распространился слухъ объ изгнаніи его изъ Кіева. Но ни гнѣвъ Князя, ни моленіе братіи, опасавшейся лишиться своего отца, не могли поколебать преданности Θεодосія изгнанному Князю: онъ готовъ былъ, и желалъ, за правду-принять и заточеніе и смерть. Однако жъ, благоговѣя къ святости Θεодосія, Святославъ побѣдилъ гнѣвъ свой, и смирился предъ великимъ подвижникомъ. Такое терпѣніе Князя подѣйствовало на Θεодосія гораздо сильнѣе, нежели убѣжденія вельможъ и братіи. Видя при томъ безуспѣшность рѣзкихъ обличеній, онъ рѣшился кроткими мольбами убѣждать Святослава, чтобы онъ возвратилъ брату несправедливо отнятую область. Съ великою радостію принялъ Святославъ въ извѣстіе объ утolenіи его гнѣва и просилъ позволенія посѣтить его обитель. «Я боялся, отче (говорилъ онъ Θεодосію, когда тотъ съ честію встрѣтилъ его во вратахъ обителя), я боялся, что ты гнѣваешься на меня и не допустишь войти въ твою обитель.» — «Что значить гнѣвъ нашъ на тебя, Державный (отвѣчалъ ему Θεодосій)? Но мы должны тому учить васъ и о томъ говорить, что служить къ спасенію души, а вамъ прилично насъ слушать.» ²²⁸ И, въ слѣдъ за тѣмъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о священномъ долгѣ братской любви. Послѣ сего Святославъ часто ходилъ въ обитель Θεодосія, много разъ и самъ Θεодосій посѣщалъ Князя, и ни одного свиданія, ни одной бесѣды съ нимъ, не пропускалъ, чтобы не напомнить ему о страхѣ Божіемъ и о любви къ брату. Однажды, принимая Θεодосія во дворцѣ своемъ, Святославъ сказалъ ему: «Отче! Истинно говорю тебѣ, если бы мнѣ сказали, что отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы этому, какъ твоему приходу, и его такъ не боялся бы, какъ твоей преподобной души.» — «Если такъ боишься меня» (отвѣчалъ ему Преподобный), то сотвори волю мою: возврати брата твоего на столъ, который ему благовѣрный отецъ предалъ.» ²²⁹ И, однако же, всѣ такія увѣщанія не могли склонить Святослава

²²⁸ Тамъ же 24 стр. на оборотѣ.

²²⁹ Тамъ же стр. 25.

возвратить Великокняжескій престолъ брату, и Преподобный Θεодосій не имѣлъ утѣшенія снова видѣть Изяслава владѣтелемъ Кіева; одно при этомъ могло утѣшать его, именно, что отсутствіе Изяслава не было бѣдствіемъ для народа. Самъ же Преподобный Θεодосій до конца остался вѣренъ законному Великому Князю: день и ночь молилъ онъ объ изгнанномъ и, въ чувствѣ справедливаго уваженія къ его законной власти, повелѣлъ и на церковныхъ молитвахъ въ своемъ монастырѣ поминать его, какъ стольнаго Князя; Святослава же, какъ незаконно занявшаго престолъ, вовсе запретилъ поминать, и, только уже по усиленной просьбѣ братіи, позволилъ потомъ молиться о немъ, но послѣ Изяслава.²³⁰ Далѣе, такъ какъ судьи весьма уважали Θεодосія, то прѣтѣсняемые въ судѣ тоже обращались къ нему за защитою, и находили въ немъ себѣ помощника. Такъ одна вдова, обиженная въ судѣ, пришла въ монастырь и, встрѣтивъ Θεодосія, спросила: «Гдѣ найти Игумена?»—«Что ты ждешь отъ него?» сказалъ Θεодосій: онъ грѣшный человѣкъ.» Жена отвѣчала: «Грѣшевъ ли онъ, или нѣтъ, не знаю, а знаю, что многихъ избавляетъ онъ отъ бѣдъ; по тому и я пришла просить его о защитѣ. Θεодосій распросилъ, въ чемъ состоитъ дѣло ея и, давъ слово сказать о ней Игумену, отпустилъ ее, а самъ пошелъ въ Судъ, и несправедливо отнятое у вдовы, возвращено было ей.²³¹

Наконецъ, въ своемъ поученіи: «О казняхъ,» онъ, обращаясь къ своему народу, говорилъ: «Взыщите суда праваго, забудьте обиженнаго. Покаемся. Не будемъ воздавать зломъ за зло, ни клеветою за клевету!»²³²

Другой, подобный Θεодосію печаловникъ, былъ инокъ Григорій Печерскій. Однажды пришли къ нему два вора и жалобно говорили: «Отче! Товарищъ нашъ приговоренъ къ смерти: дай что ни будь для его выкупа!» Блаженный со слезами сказалъ: «Бѣднѣй онъ! Пришла его смерть.»—«Если ты дашь что ни будь, говорили воры, то не умретъ онъ.»—«Если и дамъ, то умретъ,» отвѣчалъ старецъ; «но (прибавилъ онъ), скажите мнѣ: на какую смерть осужденъ онъ?»—«Повѣсятъ его на деревѣ,» сказали воры. Святой сказалъ: «Завтра же исполнится это.» За тѣмъ пошелъ въ свою пе-

²³⁰ Тамъ же.

²³¹ Пол. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 79.

²³² Обзоръ Русск. Дух. Литер. § 15. Ист. Русск. Церкви, Макаріа, стр. 295 — 299.

щеру, вынесъ изъ нея оставшіяся книги и далъ съ словами: «Возьмите, а если не понадобятся, возвратите мнѣ!»²³⁴

Были также примѣры совокупнаго печалованія цѣлаго сонма Іерарховъ. Первый примѣръ былъ въ 1097 году, при Великомъ Князѣ Святополкѣ Изяславичѣ, по слѣдующему поводу. Князь Давыдъ Игоревичъ — изгой, внушилъ ему, что у него есть личный врагъ, именно: воинственный Князь Теробовльскій, Василько Ростиславичъ, что онъ замышляетъ погубить ихъ, и что по этому нужно принять мѣры противъ его замысловъ. Это была клевета, основанная на личныхъ опасеніяхъ Давыда и на толкахъ его дружины, но легковѣрный Святополкъ повѣрилъ ей и рѣшился жестоко отмстить мнимому врагу. Василька вѣроломно сватили и заключили въ оковы. Узнавъ объ этомъ въ монастыряхъ, монахи и Игумены поспѣшили ко двору Великокняжескому: съ силою убѣждали они Князя пощадить Василька и не нарушить обѣта братской любви.

Смущенный Святополкъ оправдывался, слагалъ вину на Давыда и обѣщалъ даже отпустить Василька. Но въ ту же ночь несчастнаго Князя лишили зрѣнія.²³⁵

При Святополкѣ же былъ и другой подобный примѣръ въ 1101 году по слѣдующему поводу: У Святополка былъ племянникъ, Ярославъ, сынъ брата его, Ярополка, изгой тоже. Такъ какъ Святополкъ не давалъ Ярославу волостей, то Ярославъ затворился въ Берестѣ отъ дяди, желая насильно удержать за собою этотъ городъ. Святополкъ пошелъ на него войною, заставилъ сдать и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Но Митрополитъ съ Игуменами и духовенствомъ умолялъ Святополка оставить племянника ходить на свободѣ, взявши съ него только клятву при гробѣ Бориса и Глѣба въ томъ, что онъ не будетъ болѣе посягать на дядины волости и станетъ жить спокойно въ Кіевѣ.²³⁶

Изъ Митрополитовъ въ этотъ вѣкъ было только два печаловника, именно: Никифоръ 1-й (1108 г.) и Николай (1098 г.).

Въ своемъ посланіи къ Владимиру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ, Никифоръ сначала говорилъ о необходимо-

²³⁴ Житіа Русскихъ Святыхъ, Филарета. М. Январь, стр. 14 — 15.

²³⁵ Пол. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 118.

²³⁶ П. С. Р. Л. т. 1, стр. 119.

сти поста, потомъ разсматривалъ, откуда происходитъ добро и зло въ людяхъ, и наконецъ, прилагая эти общія мысли къ Великому Князю, испытывалъ его дѣла и преподавалъ ему приличные наставленія. «Душа создана (говорилъ Никифоръ) по образу Божію; глава въ ней умъ, который дѣйствуетъ чрезъ чувство, подобно какъ Князья чрезъ слугъ.» Отсюда онъ дѣлалъ выводъ: «Подумай, Князь, объ этомъ со вниманіемъ, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого донесъ и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ Бога. Въ заключеніе же прибавлялъ: «Не опечалься же, Княже мой, о словѣ семъ. Не думаешь ли, что кто ни будь пришелъ ко мнѣ съ жалобою, и по этому я написалъ къ тебѣ о семъ? Нѣтъ, благовѣріемъ моимъ увѣрюю, я просто написалъ воспоминаніе тебѣ: великія власти имѣютъ нужду въ великихъ и частыхъ напоминаніяхъ, такъ какъ много могутъ дѣлать пользы и много вреда. Мы осмѣлились говорить и по тому еще, что Уставъ Церковный и Правило велятъ говорить въ такое время (въ Великій Постъ) полезное Князьямъ. Знаемъ, что и сами мы грѣшники, покрытые струпами: истекая гноемъ, начинаемъ лѣчить другихъ; но во всемъ этомъ нѣтъ вреда. Если мы и таковы, но слово Божіе, въ насъ дѣйствующее, здраво и цѣло, и оно учитъ и исцѣляетъ. Разумѣй, Княже мой, что болѣзную о тебѣ, и какъ тѣлесные врачи, если любятъ больного, заботятся о немъ, допытываются до самаго корня недуга, такъ и я творю съ тобой.»²³⁷

При Митрополитѣ Николаѣ Владимірѣ Мономахѣ, по мысли котораго въ 1097 составленъ былъ въ Любечѣ съѣздъ Князей для устроенія порядка въ землѣ Русской, сталъ теперь въ главѣ Князей, рѣшившихся наказать Князя Святополка за вѣроломное нарушеніе утвержденнаго всѣми порядкомъ ослѣпленіемъ Игоря. Съ многочисленною дружиною Мономахъ стоялъ уже на другой сторонѣ Днѣпра и готовъ былъ переправиться въ Кіевъ. Итакъ надлежало ожидать кровопролитія и междуусобій, которыми не приминули бы воспользоваться враждебные Руси Половцы. Великій Князь, смущенный и раскаявавшійся, готовъ былъ бѣжать изъ Кіева; народъ со страхомъ ожидалъ кровопролитія и бѣдствій. Митрополитъ Николай, желая предупредить сіи бѣдствія, по просьбѣ самаго народа, рѣшился отправиться въ станъ Князей,

²³⁷ Русскія Достоп. т. 1, стр. 70, 72, 73.

чтобы ходатайствовать о прекращеніи гибельной вражды. Въ сопровожденіи мачехи Мономаховой переплыль онъ Днѣпръ, явился къ Владимиру и сказалъ ему: «Молимся, Князь, тебѣ и братьямъ твоимъ: не губите земли Русской! Если будете ратовать между собою, враги наши будутъ рады тому, и возмутъ землю нашу, которую стяжали отцы ваши трудомъ великимъ и храбростію.» Великодушный Князь тронулся его мольбами: «По истинѣ (отвѣчалъ онъ), отцы наши и дѣды наши соблюли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее,» и послушалъ Митрополита, прибавляеть лѣтопись. ²³⁸ Онъ простилъ Святополка и заключилъ съ нимъ миръ. ²³⁹

Къ печаловникамъ XI вѣка можно отнести и Епископа Новгородскаго, Луку Жидяту (1036 — 1060). Въ своемъ поученіи къ народу о главныхъ обязанностяхъ Христіянна онъ говорилъ: «Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братією, и да не будетъ иное на сердцахъ, иное на устахъ, но будь только правдивъ, чтобы ради правды и закона Божія быть готовымъ положить свою главу, да сочтетъ тебя Богъ со Святыми; прощайте братъ брату и всякому человѣку, а не воздайте зло за зло; похвалите другъ друга, да и Богъ васъ похвалитъ. Помните странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницѣ, и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ. Судите по правдѣ, мзды не емлете, Бога бойтесь!» ²⁴⁰

Въ XII и XIII вѣкахъ старыя начала стали ослабѣвать, а новыя положено основаніе, борьба усилилась. Въ сферѣ государственной ее вели между собою сильнѣйшіе удѣльные Князья съ слабѣйшими, дяди съ племянниками, въ сферѣ вельможеской Бояре Великихъ Князей съ Боярами Князей Удѣльныхъ, въ сферѣ народной старыя вѣчевые города съ городами новаго устройства. Отсюда и опала усилилась. Выстѣ же съ усиленіемъ опалы, и печалованіе стало проявляться въ большихъ размѣрахъ. По крайней мѣрѣ историческая статистика этихъ вѣковъ представляетъ намъ уже не 6, а 10 данныхъ печалованія. Теперь уже печаловниками являются больше высшіе представители духовенства—Митрополиты и Епископы. Изъ Митрополитовъ этого времени первый печаловникъ былъ Михаилъ. Такъ, когда Князь Новгородскій, Все-

²³⁸ Тамъ же стр. 112.

²³⁹ Истор. Слов. т. 2, стр. 58.

²⁴⁰ Истор. Русск. Церкви, Макарія, т. 1, стр. 88.

володѣ, готовился ити и наказать войною дядю, Юрія, Князя Суздальскаго, и сильная Новгородская рать готова была уже выступить въ походъ подѣ его предводительствомъ, Михаилъ убѣждалъ и умолялъ Новгородцевъ оставить безчеловѣчное предпріятіе. И когда внушенія и убѣжденія Святителя остались безъ успѣха, онъ прибѣгнувъ къ своей духовной власти, предсказывая Новгородцамъ, что они погибнуть въ предѣлахъ Ростовскихъ, если не исполнять его воли: «Не ходите (говорилъ онъ)! Меня Богъ послушаетъ.»²⁴¹ Къ сожалѣнію, Новгородцы не только не вняли мольбамъ его, но и его самого задержали въ Новгородѣ, и только тогда отпустили въ Кіевъ, когда его предсказаніе оправдалось во всей силѣ, когда возвратились назадъ, претерпѣвъ поражение въ кровопролитной битвѣ съ Ростовцами.²⁴²

По возвращеніи изъ Новгорода Михаилъ спасъ Ярополка Владимировича отъ мщенія Князей Черниговскихъ, Ольговичей, при помощи Епископа Новгородскаго, Пифонта. Митрополитъ самъ ѣздилъ въ станъ къ Ольговичамъ умаливать о прощеніи Ярополка, и самъ приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію въ вѣрности пощады.²⁴³ Наконецъ, когда Всеволодъ Ольговичъ, желая отнять у Вячеслава Кіевъ, осадилъ его и зажегъ предмѣстья, Михаилъ опять пошелъ въ станъ воинскій ходатаемъ мира, умоляя Всеволода не разорять Кіева, но взять себѣ престолъ Великокняжескій, если считаетъ себя въ правѣ занять его.²⁴⁴

Замѣчательно также печалованіе Митрополитовъ Климента и Никифора. Первый хотѣлъ спасти жизнь Князю Игорю. При вступленіи въ 1146 году на Великокняжескій престолъ по смерти Всеволода. Игорь обѣщалъ Кіевлянамъ смѣнить грабителей судей, но потомъ не исполнилъ въ скорости своего обѣщанія, и тѣмъ возбудилъ къ себѣ неудовольствіе народа. Кіевляне тайно дали знать Князю Изяславу Мстиславичу, внуку любимаго Мономаха, что они готовы признать его Великимъ Княземъ. Игорь зналъ опасность, и требовалъ у родичей, Князей Черниговскихъ, помощи. Тѣ торговались, просили выгодныхъ городовъ и, удовлетворенные, со-

²⁴¹ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 6.

²⁴² Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 132.

²⁴³ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 2, стр. 14, 79; т. 3, стр. 7; т. 1, стр. 134. Ист. Госуд. Росс. Карамз. т. 2, стр. 108.

²⁴⁴ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 2, стр. 134.

брались на помощь. Но ихъ медленность дала время заговорщикамъ обдумать и принять мѣры къ исполненію плана. По тому, когда Игорь и его союзники приготовились къ битвѣ, вдругъ увидѣли, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ, и Игорь остался съ одними наемными помощниками. Послѣ несчастной битвы плѣнный Игорь заключенъ былъ сперва въ Выдубицкій монастырь, потомъ въ оковахъ отосланъ въ Переяславскій Ивановскій монастырь, а на престолъ Великокняжескій вступилъ Изяславъ. Братъ Игоря, Святославъ, не столько по любви къ брату, сколько по расчетамъ власти и гордости, хотѣлъ, во что бы то ни стало, возвратитъ Игоря на престолъ Великокняжескій. Къ нему же присоединились и Давыдовичи. Они вмѣстѣ хитростію хотѣли схватитъ и убить Изяслава. Но коварные замыслы открылись: Изяславъ, стоявшій на Супоѣ, послалъ броситъ Давыдовичамъ договорныя грамоты, а Кіевлянамъ далъ знать о ковахъ Ольговичей, и звалъ ихъ на войну. Кіевляне собрались на вѣче, отвѣчали на зовъ любимаго Мономаховича: «Мы ради, что Богъ сохранилъ тебя намъ: идемъ за тобою всѣ и съ дѣтьми.» Но въ это же время одинъ изъ нихъ сказалъ въ слухъ: «Мы готовы ити за Князя, но прежде надобно рѣшить другое дѣло. При Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выгнали изъ заточенія Всеслава и поставили его Княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; теперь Игорь, врагъ нашего Князя и нашъ, не въ темницѣ, а въ Оедоровскомъ монастырѣ: убьемъ его, и тогда пойдемъ къ Чернигову за своимъ Княземъ.» Сотни голосовъ раздались: «Смерть Игорю!» и народъ бросился къ монастырю. Братъ Изяслава, Князь Владимиръ, говорилъ имъ: «Сего братъ мой не приказалъ вамъ; Игоря стерегутъ; пойдемъ къ брату, какъ онъ велѣлъ намъ;» Кіевляне отвѣчали: «Мы знаемъ волю Князя, но знаемъ и то, что добромъ не кончитъ съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ.» Тогда Климентъ удерживалъ ихъ: «Не творите грѣха, дѣти; послушайте меня, иначе навлечете на себя гнѣвъ Божій, а вражда между Князьями не утолится,» говорилъ онъ имъ. Но напрасно! Кіевляне не хотѣли слушать ни его, ни Тысяцкаго, пошли къ монастырю. Монахи, по приказанію Митрополита, спрятали Игоря въ храмъ. Но тоже напрасно. Свирѣпыя мятежники, не уважая святости храма Божія, ворвались во храмъ, схватили Игоря, сорвали съ него мантию, повлекли изъ храма, и жестоко замучили.

Никифоръ принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Князя Волынскаго, Романа, по дѣлу его съ тестемъ своимъ, Рюрикомъ

Ростиславичемъ, Княземъ Киевскимъ, въ 1195 году. Наслѣдовавъ престоль Киевскій, Рюрикъ роздалъ своимъ родственникамъ южные удѣлы Россіи. Великій Князь Владимирскій, Всеволодъ, былъ недоволенъ его распоряженіями: онъ предъявилъ свои права на участіе во владѣніяхъ Южной Россіи, и требовалъ себѣ тѣ именно города, которые Рюрикъ отдалъ Роману. Князь Киевскій поставленъ былъ въ затрудненіе: съ одной стороны ему не хотѣлось отнять у Романа данныя города; ибо цѣловалъ ему крестъ; съ другой онъ боялся оскорбить отказомъ Всеволода, съ которымъ въ такомъ случаѣ ему предстояло вступить въ борьбу неравную и опасную. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Князь Киевскій обратился за совѣтомъ къ Митрополиту Никифору, и тогда Митрополитъ сказалъ достопамятныя слова, которыя могутъ служить свидѣтельствомъ, какъ вообще духовенство Русское, при тогдашнемъ состояніи отечества, понимало свои обязанности въ отношеніи къ Князьямъ: «Князь (говорилъ онъ Рюрику)! Мы поставлены въ Русской землѣ отъ Бога, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія.» Въ этомъ убѣжденіи онъ далъ Князю такой совѣтъ: «чтобъ не лилась кровь Христіанская изъ за того, что ты далъ область младшему мимо старшаго, и цѣловалъ крестъ ему, я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и на себя беру его, а ты, Князь, послушай меня: возьми область у младшаго, и отдай ее старшему, Роману же дай другую вмѣсто ея!»²⁴⁵

Такъ дорого цѣнили пастырь Христовъ кровь Христіанскую и свой долгъ блюсти миръ въ отечествѣ. Князь Киевскій послѣдовалъ его совѣту, отдалъ область Романа Всеволоду, и благополучно вышелъ изъ труднаго положенія, въ какое былъ поставленъ требованіемъ Всеволода. Романъ, съ своей стороны, также согласился было отдать полученные имъ города Великому Князю Владимирскому. Но потомъ измѣнилъ своему слову и поднялъ возмущеніе противъ тестя. И, испытавъ неудачу въ борьбѣ съ нимъ, рѣшился просить у него прощенія: для сей цѣли онъ обратился къ посредству Митрополита. Своимъ возмущеніемъ Романъ оскорбилъ и Митрополита Никифора; ибо Рюрикъ, по его совѣту, отдалъ Всеволоду города, данныя прежде Роману; но миролюбивый пастырь не помнилъ огорченія, а помнилъ только о своемъ долгѣ удерживать Князей отъ кровопролитія. Онъ ходатайствовалъ

²⁴⁵ Тамъ же стр. 145.

за Романа предъ Рюрикомъ, и, по его пресѣбѣ, Рюрикъ простилъ Романа и заключилъ съ нимъ миръ.²⁴⁶

Но по кончинѣ Митрополита Никифора (1198) возникли въ Кіевѣ продолжительные и кровопролитные споры у Рюрика съ тѣмъ же Романомъ и Князьями Черниговскими, такъ что самый городъ не разъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія. Великій Князь Всеволодъ готовился уже казнить ихъ за это, но Князья Черниговскіе обратились къ нему, и просили его простить ихъ, обѣщая впредь во всемъ покоряться ему и отдать Кіевъ во владѣніе тому, кому онъ принадлежитъ. Съ такою просьбою отправился во Владимиръ Митрополитъ Матѣй, преемникъ Никифора. Всеволодъ тогда занятъ былъ войною противъ Рязани: онъ весьма ласково принялъ Митрополита и охотно исполнилъ его просьбу.²⁴⁷ Успѣвъ въ одномъ добромъ предиріятіи, Митрополитъ въ то же время ходатайствовалъ предъ Великимъ Княземъ и объ освобожденіи томившихся въ неволѣ Князей Рязанскихъ. Но Всеволодъ не могъ забыть своихъ давнихъ неудовольствій на нихъ, и Митрополиту удалось только исходатайствовать свободу ихъ супруга.²⁴⁸

Больше всего пришлось печаловаться преемнику Матѣя Кириллу I-му. Такъ, черезъ годъ же по своемъ прибытіи въ Россію (1226 г.), онъ имѣлъ утѣшеніе отпечаловать предъ Княземъ Черниговскимъ, Михаиломъ, Олега, Князя Курскаго, не имѣвшаго возможности бороться съ покровителемъ Михаила, Великимъ Княземъ Георгіемъ. Потомъ, когда Князь Кіевскій, Владимиръ, вооруживъ всѣхъ Князей южныхъ, выступилъ въ походъ противъ Князя Галицкаго, Данила, Кириллъ опять поспѣшилъ предупредить кровопролитіе; къ сожалѣнію, его предстательство было теперь безсильно. «Бѣ Кириллъ Митрополитъ преблаженный и Святый (говоритъ лѣтопись), пріѣхалъ мира сотворити, и не може.»²⁴⁹

Наконецъ въ 1230 годъ Кириллъ пугешествовалъ въ столицу Великаго Княженія Владимирскаго, для ходатайства предъ Великимъ Княземъ, Георгіемъ, за Князя Черниговскаго, Михаила, по дѣлу его съ братомъ Георгіемъ, Ярославомъ, о Новгородѣ. Михаилъ,

²⁴⁶ Тамъ же 146.

²⁴⁷ Солов. Истор. Русск. т. 2, стр. 323 — 324.

²⁴⁸ Ист. Госуд. Росс. т. 3, стр. 78, примѣч. 133.

²⁴⁹ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 2, стр. 167.

по свидѣтельству лѣтописца Владимирскаго, былъ «не правъ въ крестномъ цѣлованіи предъ Ярославомъ,» и Ярославъ хотѣлъ наказать Михаила войною.²⁵⁰ Для успѣшнѣйшаго веденія дѣла, онъ взялъ съ собою Черниговскаго Епископа, Порфирія, и Игумена Кіевскаго Спасскаго монастыря, Петра. И не напрасно: «Богъ не попустилъ (говоритъ лѣтопись) остаться безъ вниманія трудамъ Митрополита и Епископа Порфирія, да и въ семь исполнится слово пѣвца: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!» Ярославъ послушалъ брата своего старѣйшаго, Георгія, и отца своего, Митрополита, и Епископа Порфирія, и взялъ миръ съ Михаиломъ: «и была радость великая.»²⁵¹

Скоро послѣ того Кириллъ скончался, за три года до нашествія Татаръ на Россію (1233 г.), уступивъ свое мѣсто Кириллу II-му. Намѣстникъ не уступалъ своему предшественнику въ дѣлѣ печалованія. Такъ, въ 1270 году онъ спасъ Князя Ярослава Ярославича отъ вражды и насилія Новгородцевъ. Новгородцы, недовольные правленіемъ Ярослава, отказались признавать его своимъ Княземъ, и когда Ярославъ пришелъ съ войскомъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію, рѣшились упорно защищаться: у нихъ было сильное войско, и они дали клятву умереть за Св. Софью. Положеніе Ярослава было опасно: онъ уже соглашался на все, чего хотѣли Новгородцы, но теперь Новгородцы захотѣли не мириться, а мстить Ярославу. Такимъ образомъ вражда эта угрожала кровопролитіемъ. Тогда-то принялъ посредство между враждующими Митрополитъ Кириллъ. Онъ отправилъ въ Новгородъ посланіе, въ которомъ пастырски убѣждалъ Новгородцевъ не начинать кровопролитія, и своимъ ручательствомъ отклонялъ всѣ побужденія къ враждѣ: «Мнѣ поручилъ Богъ (писалъ онъ) Архіепископію въ Русской землѣ, и вамъ должно слушаться Бога и меня, Митрополита; не проливайте же крови, а Князь Ярославъ сдѣлаетъ все, чего вы желали: я за то ручаюсь; если вы и крестъ цѣловали (чтобъ не мириться съ Ярославомъ), я за то приму епитимію и отвѣчаю предъ Богомъ.»²⁵² Это посланіе получено было Новгородцами въ то время, когда ихъ войска стояли уже противъ войска Великаго Князя; но слово верховнаго пастыря Церкви

²⁵⁰ Тамъ т. 1, стр. 191.

²⁵¹ Тамъ же.

²⁵² Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 62, 5 и т. стр. 197.

Русской обезоружило ихъ: они простили Ярослава, и заключили съ нимъ миръ. Такимъ образомъ, по выраженію лѣтописи, «Богъ спасъ Христіанъ отъ кровопролитія.»²⁵³

Кромѣ того, Кириллъ II написалъ нѣсколько поученій Князьямъ, ихъ Тиунамъ и Волостелямъ, въ которыхъ свободно и безпристрастно обличалъ ихъ неправосудіе, издомство и угнетеніе народа, и предлагалъ правила правосудія. Въ своемъ мѣстѣ, когда говорено было о злоупотребленіяхъ исполнителей закона, мы уже помѣстили начало одного изъ такихъ поученій Кирилла, именно: «Слово его о судьяхъ и волостеляхъ.» Прибавимъ теперь еще заключеніе его: «Внимайте, Князи и Судьи (взывалъ Святитель), да не будете чадами гнѣва: васъ Богъ вмѣсто себя поставилъ судіями на землѣ. И такъ вы, Князья, вмѣсто отцевъ, міру служите, а вы, между тѣмъ, вмѣсто себя наставляете Тиуновъ и Волостелей небогобоязливыхъ, злоачныхъ, клеветниковъ, судей неразумѣющихъ, о правдѣ не помышляющихъ: судятъ пьяные и спѣшатъ судомъ, а Богъ повелѣлъ вамъ, судьямъ, не въ одинъ день дѣло изслѣдовать. Вотъ погубленные твоимъ судією плачутъ предъ тобою, Князь, а ты не мстишь за нихъ, держишь истину въ неправдѣ, люби незаконные прибитки, а по тому напускаешь на людей злаго судію. Писано: не добро, позоръ лисица въ куряхъ, и несвойственно льву пасти овецъ. Одинъ волкъ все стадо возмущаетъ; одинъ воръ всю страну позоритъ; если властелинъ неправеденъ, то и слуги его незаконны; ибо меньшіе достойны милости, а сильныя сильно будутъ и испытаны. И Господь сказалъ: «Ему же мало дано, мало и потребуется отъ него.» Къ тому разумѣйте, Князи и Цари: убойтесь Всевышняго, избирайте людей такихъ, которые страхъ Божій имѣютъ, испытывайте внимательно, каковой жизни и нравовъ они, не должники ли? долготерпѣливы ли? не гнѣвливы ли? страннопріимцы ли? Судьямъ надлежитъ съ разсужденіемъ и терпѣливо выслушивать правду и оправдать правого. Если и другъ твой обидитъ правого, если даже и отецъ твой, ты разумѣй свой долгъ, свою обязанность, оказывай милость по силѣ; прося прощенія у Бога, прощай и самъ согрѣшающимъ предъ тобою. Судья тогда можетъ назваться истиннымъ судьею, когда самъ собою владѣетъ. Внимательно испытай находящихся съ тобою, чтобы узнать, кто вѣрно служитъ тебѣ, или

²⁵³ Тамъ же.

кто лицемѣрною лестію унижается предъ тобою, чтобы изыскать случай губить Христіанъ. Не должно тебѣ слушать клеветника, или льстиво говорящаго предъ тобою, или слушать на ближняго клеветы, чтобы не отстать отъ любви, но удерживай клеветущаго во уши твои, дабы не погибнуть съ нимъ; не должно слушать клеветы на судѣ, по тому что это проклято. Всякій правосудный судья, если съ страхомъ Божиимъ судить, скоро распознаетъ клевету на ближняго. О такихъ Господь сказалъ: «червь ихъ не умираетъ и огонь не угашаетъ.» И такъ, возлюбленные Князи и Судьи, ради вашего спасенія написано это, дабы вы, слѣдуя волѣ Божіей, приняли отъ Бога жизнь со безначальною силою и воцарились съ нимъ.» Кромѣ того еще есть его: 1, Слово на немилостивыхъ Князей; 2, Поученіе Великому Князю, Василю, сыну Александра Невскаго, объ обязанностяхъ Великаго Князя и всѣхъ сыновей его, Князей Русскихъ; 3, Слово о Судьяхъ, взимающихъ мзду; 4, О гордости властей. ²⁵³ Изъ Епископовъ XII и XIII вѣковъ показали примѣры печалованія: Порфирій и Арсеній Рязанскіе, Лука Владимірскій, Игнатій Смоленскій и Семеонъ Тверскій.

Порфирій заботился объ облогченіи участи Князей, Ростовскихъ и Рязанскихъ, подвергшихся опалѣ Великаго Князя Всеволода, по слѣдующему обстоятельству: Когда убитъ былъ Великій Князь Андрей, 1174 г., братья и племянники его собрались и заключили договоръ, чтобы отдать Владимиръ старшему изъ нихъ, Князю Михаилу, брату Боголюбскаго: Свидѣтелемъ ихъ клятвы былъ Епископъ Черниговскій, Порфирій; они цѣловали крестъ у него изъ рукъ. ²⁵⁴ Но племянники, Князя Ростовскіе, Мстиславъ и Ярополкъ, не сдержали клятвы, вступили въ борьбу съ Михаиломъ, и потомъ, по смерти Михаила, и съ братомъ его, Великимъ Княземъ Всеволодомъ. Въ этой послѣдней войнѣ, вмѣстѣ съ Князьями Ростовскими, принялъ участіе Князь Рязанскій, Глѣбъ Ростиславичъ, тестъ Мстислава. После несчастнаго сраженія всѣ они съ женами взяты были въ плѣнъ и въ оковы привезены во Владимиръ. Владимирцы требовали даже ослѣпить ихъ, или казнить, или выдать ихъ имъ. Участіе въ судьбѣ плѣнниковъ принялъ Князь Черниговскій, Святославъ: по его просьбѣ Порфирій, какъ приводившій Великихъ Князей къ

²⁵³ Древній Юрид. Сборникъ стр. 14 и 15.

²⁵⁴ Полн. Собр. Лѣт. т. 2, стр. 116 и 119.

крестному цѣлованію, отправился съ Игуменомъ Богородицкаго монастыря, Ефремомъ, въ 1177 году, во Владимиръ ходатайствовать а нихъ предъ Великимъ Княземъ, и прожилъ тамъ два года.²⁵⁵ Наконецъ, снисходя къ просьбѣ Епископа, Всеволодъ согласился дать свободу Князю Рязанскому, Глѣбу, за котораго, какъ видно, Порфирій особенно ходатайствовалъ, впрочемъ, подъ условіемъ, чтобы онъ оставилъ Сѣверъ и переселился въ Русь. Но Глѣбъ хотѣлъ лучше разстаться съ жизнію, нежели съ своимъ Сѣвернымъ удѣломъ, и дѣйствительно умеръ въ заточеніи. И такъ Порфирій возвратился въ Черниговъ безъ успѣха. Онъ, однако же, еще разъ прїѣзжалъ въ столицу Великаго Князя, и опять по дѣлу Князей Рязанскихъ. Старшіе сыновья Князя Глѣба, скончавшагося плѣнникомъ во Владимирѣ, возстали на младшихъ своихъ братьевъ. Великій Князь хотѣлъ помирить ихъ, но Князья Рязанскіе не только съ гордостію отвергли его предложеніе, но даже перевязали его дружину, сидѣвшую въ Пронскѣ: это оскорбляло Всеволода, и онъ рѣшился наказать ихъ. Всеволодъ былъ тогда сильнымъ Княземъ: «всѣ страны трепетали его имени (говорить лѣтопись), и по всей землѣ прошелъ слухъ объ немъ.»²⁵⁶ Князья Рязанскіе поняли, что борьба съ нимъ не по ихъ силамъ, и желали испросить у него прощенія: ходатайствовать объ этомъ предъ Великимъ Княземъ прибылъ во Владимиръ опять Епископъ Порфирій (1187). Мы видѣли, что первое посольство его по дѣлу Глѣба было неуспѣшно, но теперь онъ нашелъ сильнаго помощника: это былъ Епископъ Владимирскій, Лука, котораго лѣтопись называетъ «добрымъ пастыремъ» и хвалить особенно за любовь и попеченіе о паствѣ. Всеволодъ любилъ и уважалъ его. Онъ-то взялся помочь Епископу Черниговскому по дѣлу Рязанскихъ Князей. Оба пастыря вмѣстѣ явились къ Всеволоду, и умоляли его оставить гнѣвъ, простить виновныхъ, и ходатайство ихъ имѣло полный успѣхъ: Всеволодъ отпустилъ Порфирія въ Рязань съ миромъ.²⁵⁷

Но не долго Рязанскіе Князья наслаждались покоемъ. Ихъ скоро опять обвинили предъ Всеволодомъ въ измѣнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ съ женами, дѣтьми и Боярами Князя были схвачены и

²⁵⁵ Тамъ же.

²⁵⁶ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 184.

²⁵⁷ Тамъ же стр. 170.

въ оковахъ отправлены во Владимиръ. Мало того, Всеволодъ, желая навсегда уже покончить съ ними, разорилъ Пронскъ, и уже шелъ на Рязань, чтобы отмстить Рязанцамъ за измѣну ему ихъ Князей. Рязанцы сильно встревожились, и просили у Великаго Князя пощады. Здѣсь-то ревностнымъ ходатаемъ о спасеніи города отъ опалы Князя и явился Епископъ Рязанскій, Арсеній. Нѣсколько разъ, часто даже съ опасностью жизни, добрый пастырь отправлялся въ станъ Всеволода, и умолялъ его пощадить несчастный городъ: «Князь Великій! (говорилъ онъ Всеволоду) не опустошай жилищъ нашихъ, не сожигай храмовъ святыхъ, въ которыхъ мы молимся за тебя и приносимъ жертвы Богу!»²⁵⁸ Великій Князь былъ побѣжденъ его мольбами, на этотъ разъ оставилъ Рязань въ покоѣ. Это было въ 1207 году. Но черезъ годъ, по новымъ неудовольствіямъ на Рязанцевъ, Всеволодъ опять подступилъ къ городу, и разрушилъ его до основанія, а въ числѣ плѣнниковъ былъ взятъ и Епископъ Арсеній за свое печалованіе.²⁵⁹ Епископъ же Смоленскій, Игнатій, выѣхавъ съ Игуменомъ Отроча монастыря, Михаиломъ, пріѣзжалъ во Владимиръ упрашивать Всеволода, чтобы простилъ Князя Смоленскаго, Мстислава, за союзъ его съ Князьями Черниговскими, провинившимся тоже предъ Всеволодомъ, тѣми самыми, о которыхъ, какъ мы уже видали, печаловался Митрополитъ Матѣй.²⁶⁰

Симеонъ, по свидѣтельству лѣтописей, 1271—1284, «не боясь непріятностей и бѣдъ, вступалъ въ споръ съ Княземъ и съ вельможами, а нищимъ и сиротамъ благотворилъ;»²⁶¹ снисходительный и добрый для обижаемыхъ и несчастныхъ, внимательный къ чину иноческому и священническому, онъ былъ грозенъ для оскорблявшихъ правду и добродѣтель, они боялись его.»²⁶² Памятники древности передаютъ разговоръ его съ Полоцкимъ Княземъ, Константиномъ. Константинъ, Князь Полоцкій, называемый Безрукій, желая уколоть своего Тіуна, сказалъ вслухъ всѣхъ Епископу: «Гдѣ будутъ наши Тіуны на томъ свѣтѣ?» Владыка Симеонъ отвѣчалъ: «Тамъ же, гдѣ и Князь.» Князю это не понравилось, и онъ сказалъ:

²⁵⁸ Тамъ же стр. 182.

²⁵⁹ Тамъ же стр. 121.

²⁶⁰ Исторія Госуд. Россійскаго томъ 3, стр. 78, примѣч. 133.

²⁶¹ Тронецъ. Лѣт. у Карамзина т. 4, прим. 178.

²⁶² Никон. Лѣт. 3, стр. 86.

Тіунъ судить неправо, беретъ деньги, продаетъ и мучить людей, дѣлаетъ все худое, а я что дѣлаю?» Владыка сказалъ ему: «Если Князь добръ и богобоязненъ, жалѣетъ людей, любитъ правду, и по тому выбираетъ въ Тіуна, или Властелина, человѣка добраго и богобоязненнаго, умнаго и правдолюбиваго, то Князь будетъ въ раю, и Тіунъ его съ нимъ. Если же Князь безъ страха Божія, не жалѣетъ Христіанъ, не думаетъ о сиротахъ и вдовахъ, поставляетъ Тіуномъ и Волостелемъ человѣка злаго, неразумительнаго, Бога не боящагося, закона Божія не знающаго, только бы добывалъ ему куны (деньги), пускаетъ его, какъ голоднаго пса, на падалъ, губить людей, то и Князь будетъ въ аду, и Тіунъ его съ нимъ. Говорю вамъ, Князьямъ и Намѣстникамъ: Утѣшайте печальныхъ, избавляйте слабыхъ изъ руки сильныхъ. Богатые обижаютъ ихъ, и они къ вамъ приходятъ, какъ къ защитникамъ добрымъ. Вы же, Князья и Намѣстники, подобны дождевой тучѣ, пушающей воду надъ моремъ, а не надъ землею жаждущею. Вы тѣмъ даете и помогаете, у которыхъ много серебра и золота, а не тѣмъ, которые не имѣютъ ни пѣнязя, бѣдныхъ отдаете въ рабство, а богатыхъ надѣляете щедро.»²⁶³ Это свободное, безтрепетное, обличеніе сильныхъ земли, это чистое сознание требованій правды, древность Русская почтила тѣмъ, что внесла его въ общія руководство правосудія.²⁶⁴

Были и теперь примѣры совокушнаго печалованія цѣлаго сонма духовенства. Первый примѣръ былъ въ 1127 году по слѣдующему случаю:

Сынъ Олега Черниговскаго, Всеволодъ, изгналъ слабого дядю своего, Князя Ярослава, изъ наслѣдственной Черниговской области, которую утвердилъ за Ярославомъ Великій Князь. Изгнанникъ просилъ у Мстислава законной защиты противъ племянника: «Ты цѣловалъ мнѣ крестъ (говорилъ онъ): поди противъ Всеволода!» Между тѣмъ Всеволодъ, видя, что не въ силахъ бороться съ Великимъ Княземъ, также обратился къ нему съ просьбою о пощадѣ. Такимъ образомъ Мстиславъ поставленъ былъ въ затрудненіе: съ одной стороны клятва обязывала его къ защитѣ обижаемаго, съ другой спокойствіе народа, кровь котораго была дорога для него, побуждало простить виновнаго. Не мало времени

²⁶³ Карамз. 4, стр. 178.

²⁶⁴ Прав. Собес. 1861, г. 1, 91, 92. Розенкампа о Кормчей 217, 218.

прошло въ этомъ колебаніи, ²⁶⁵ наконецъ духовенство постаралось склонить Великаго Князя въ пользу мира. Митрополита въ это время не было въ Россіи. ²⁶⁶ А особеннымъ расположеніемъ Мстислава и всѣхъ Кіевлянъ пользовался тогда Игумень Андреевской обители, Григорій, котораго знали и очень любили еще Владимиръ Мономахъ. Не раздѣляя мнѣнія тѣхъ, которые расположены были въ пользу войны за Ярослава, онъ, съ цѣлымъ соборомъ Священниковъ, пришелъ къ Мстиславу и сталъ просить его не начинать войны и, не смущаясь клятвою, сохранить миръ, болѣе всего драгоценный: «Легче грѣхъ преступить клятву (говорилъ онъ), нежели проливать кровь Христіанскую,» и, вѣстѣ съ Священниками, бралъ на себя отвѣтъ за грѣхъ сей передъ Богомъ: «На насъ будетъ тотъ грѣхъ, только сотвори миръ!» ²⁶⁷ Великій Князь исполнилъ ихъ волю и не началъ войны за Всеволода.

Точно также, когда въ 1157 году, Юрій, нуждаясь въ помощи зятя своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему служившаго у него на этотъ разъ несчастнаго Ивана Ростиславича Берладника, котораго уже и привели было въ оковахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его послы отъ Ярослава съ большою дружиною, духовенство вооружилось противъ такого гнуснаго поступка. Митрополитъ Константинъ и всѣ Игумены сказали Юрію: «Грѣшно тебѣ, цѣловавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство.» Юрій послушался, и не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковахъ. Но это же самое и спасло Берладника. Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ Бояръ отнять его на дорогѣ, которые, выполнивъ порученіе своего Князя, привели узника въ Черниговъ. ²⁶⁸

Къ печаловникамъ же XII и XIII вѣка инокамъ можно отнести также Варлаама Хутинскаго. Разъ шелъ онъ въ Новгородъ къ Владыкѣ. На мосту народъ готовъ былъ сбросить въ Волховъ уличеннаго преступника. Преподобный, взглянувъ на бѣднаго осужденнаго, сказалъ народу: «Онъ загладитъ вины свои въ Ху-

²⁶⁵ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 130.

²⁶⁶ Тамъ же.

²⁶⁷ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 130.

²⁶⁸ Солов. т. 2, стр. 148. Арцыбаш. т. 1, стр. 157.

тынѣ: отдайте мнѣ его!» И народъ отдалъ уважаемому пустыиннику. Въ другое время точно такая же случилась встрѣча съ Варлаамомъ; въ этотъ разъ даже просили Преподобнаго спасти осужденнаго отъ смерти, но онъ молча прошелъ мимо. «Что это значитъ? Отъ чего одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать той же милости?» спросили его изумленные ученики. «Господь всѣмъ хочетъ спасенія (сказалъ Преподобный): первый осужденный осужденъ былъ по правдѣ, по ему, кающемуся, Господь далъ время очиститься покаяніемъ, и онъ совершаетъ покаяніе въ обители. Послѣдній осужденъ несправедливо, но за невинное оправданіе получилъ онъ вѣнецъ праведника, тогда какъ иначе земная лѣсть могла испортить душу его.»

Наконецъ, кромѣ того, есть еще Слово, относящееся къ этому же времени, ²⁶⁹ въ которомъ неизвѣстный печаловникъ съ благородною смѣлостію и много обличаетъ Князей за раздоры и поучаетъ братской любви, повиновенію старшимъ и незлобію: «Послушайте (говоритъ онъ), Князья, противящіеся старшимъ братьямъ, возбуждающіе брани и призывающіе невѣрныхъ на помощь противъ своихъ братьевъ, уже ли вы не знаете, какъ Святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣли отъ брата своего не только отнятіе власти, но и лишеніе жизни? А вы и одного слова отъ брата стернѣть не можете, и за малую обиду воздвигаете смертоносную вражду и призываете невѣрныхъ на помощь противъ своихъ братьевъ! Подумайте, Князья, о своемъ величїи и чести: вы имѣете дѣломъ Святаго Князя Владимира, приведшаго къ Богу тысячи тысячъ и тмы темъ душъ праведныхъ! Какіхъ братьевъ имѣете, сихъ великихъ Чудотворцевъ, Бориса и Глѣба! Имъ поревнуйте, съ нихъ берите примѣръ, отъ нихъ научитесь! Если врагъ возбудитъ вражду между братьями, пусть помянутъ сихъ Святыхъ, какъ они лучше пожелали принять смерть, нежели продолжать вражду. И изъ васъ кто отклонитъ вражду и первый подается на миръ, отъ Бога равную съ ними приметъ изду... Укажу вамъ еще примѣръ, бывшій не въ чужой странѣ: Давыдъ Святославичъ. ²⁷⁰ Тотъ ни съ кѣмъ не имѣлъ вражды, и если кто поднималъ войну, онъ своею покорностію прекращалъ ее; а княжилъ въ Черниговѣ въ большомъ княженіи, ибо былъ старшій изъ братьевъ своихъ.

²⁶⁹ Москвитянинъ 1843 г. т. 6, стр. 412—413.

²⁷⁰ Онъ умеръ въ 1123 г.

Если кто изъ братьевъ дѣлалъ ему несправедливость, онъ все переносилъ на себя; крестъ ли кому цѣловалъ, во всю жизнь свою не преступалъ клятвы; если же кто ему не исполнялъ крестнаго цѣлованія, онъ одинъ исполнялъ его. Никого онъ не обидѣлъ, никому не сдѣлалъ зла, а его братья, видя его такимъ, всѣ слушали его, какъ отца, и покорялись ему, какъ господину, и въ великой тишинѣ было княженіе его. Постыдитесь (заключаетъ проповѣдникъ), враждующіе на братьевъ своихъ и на единовѣрниковъ своихъ; вострепечите, восплачьте предъ Богомъ о томъ, что своимъ злопамятованіемъ лишаете себя славъ!»

Въ XIV и XV вѣкахъ старыя начала еще болѣе ослабѣли, а новыя окрѣпли, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и борьба между ними. Государственная власть одинаково уже стѣсняла не только права Князей-родичей, но и права дружины и вѣча, а они всѣ, въ свою очередь, старались, во что бы то ни стало, отстоять и удержать за собою эти права. Отсюда особенное усиленіе опалы, вмѣстѣ съ нею, и особенно большое проявленіе печалованія: вмѣсто 10 мы видимъ теперь 15 печаловниковъ. Изъ Митрополитовъ главными печаловниками этого времени были: Феогность, Алексѣй, Иона, Филиппъ и Геронтіи. При Феогноствѣ 1340 г. поднялась крамола въ городѣ Брянскѣ противъ Князя Глѣба Святославича. Святитель долго и сильно уговаривалъ крамольниковъ оставить въ покоѣ Князя, но напрасно. Они не послушались его просьбы, и умертвили Князя. ²⁷¹ Алексѣй, вмѣстѣ съ Епископомъ Тверскимъ, Θεодоромъ, въ 1357 г. спасъ Князя Всеволода Александровича Холмскаго отъ притѣсненій дяди его, Василя Михайловича. А въ 1375 г., при содѣйствіи Епископа Тверскаго, Евѣимія, испросилъ прощеніе у Дмитрія Московскаго самому Василю Михайловичу. Онъ же, въ 1357 году, ѣздилъ въ Орду ходатайствовать за всю Русскую землю предъ свирѣпымъ Ханомъ, Бердибекомъ, грозившимъ наказать Русь за неуплату ему лишней дани. И при содѣйствіи жены Бердибека, Тайдулы, укротивъ гнѣвъ послѣдняго, воротился съ ярлыкомъ отъ него. Кромѣ того въ своемъ поученіи народу и Князьямъ Алексѣй писалъ: «А Князья, и Бояре, и Вельможи, судите судъ милостиво; судъ бо безъ милости есть не сотворшему милости; хвалится милость на судѣ; ²⁷² изды на неповинныхъ не принимайте и по

²⁷¹ Ник. Лѣт. 8. стр. 172. Повл. Собр. Лѣт. 5, стр. 222. Русск. Врем. 1, 172.

²⁷² Юан. 2, 13.

лицу не судите; судъ бо Божій есть.»²⁷³ Судите людямъ въ правду, и вдовиць, и сиротъ, и пришлецъ не обидите, да не возопіють на васъ къ Богу.»²⁷⁴ Иона спасъ Великаго Князя, Василія Васильевича и семейство его отъ преслѣдованія Князя Шемяки. Вотъ въ краткихъ чертахъ печалованіе Ионы. Въ 1446 году Василій, по кознямъ Шемяки, былъ схваченъ вѣроломно въ Троицкомъ монастырѣ въ то время, какъ молился у гроба Преподобнаго Сергія; плѣнникомъ привезли его въ Москву, лишили зрѣнія и отправили въ Угличъ. Этою жестокостію, которая возбудила общее негодованіе, не кончились еще злодѣйства Шемяки. Желая имѣть въ своихъ рукахъ скрытыхъ въ Муромѣ Боярами дѣтей Великаго Князя, Юрія и Ивана, онъ призвалъ къ себѣ Иону, когда онъ былъ еще Рязанскимъ Епископомъ, увѣрилъ его, что желаетъ оказать благодѣяніе малолѣтнимъ Князьямъ и помириться съ самымъ несчастнымъ отцомъ ихъ, словомъ, убѣдилъ Святителя отправиться въ Муромъ и привезти къ нему дѣтей Великаго Князя. Иона согласился. Послѣ долгихъ разсужденій Князя Ряполовскіе, единственно изъ уваженія сана Епископскаго, передали Ионѣ дѣтей. Онъ принялъ юныхъ Князей на свою епитрахиль въ Соборномъ Муромскомъ храмѣ съ пелень иконы Богородичной, какъ бы изъ рукъ самой Богородицы, и прибылъ съ ними въ Москву. Но вѣроломный Шемяка, вмѣсто благодѣянія, готовилъ имъ неволю. Не имѣя возможности поправить дѣло, Святитель самъ долженъ былъ ѣхать съ юными плѣнниками въ Угличъ, гдѣ содержался ихъ родитель. Возвратившись изъ этого печальнаго путешествія, Св. Иона горько упрекалъ Шемяку за его вѣроломный поступокъ: «Князь (говорилъ ему Святитель), за чѣмъ поступилъ ты такъ несправедливо, за чѣмъ престоупаешь свою клятву, за чѣмъ оскорбилъ мое смиреніе, сдѣлавши меня участникомъ твоего грѣха? Тебѣ слѣдовало выпустить Князя на свободу, а ты и дѣтей его засадилъ съ нимъ въ неволю. Ты далъ мнѣ слово, и сдѣлалъ меня обманщикомъ. Скорѣе отпусти на свободу Князя, лишеннаго тобою очей, и юныхъ сыновей его: что могутъ они сдѣлать тебѣ? Если ты еще сомнѣваешься въ томъ, возьми съ него клятву, при свидѣльствѣ нашемъ, Епископскомъ. Покайся въ своей злобѣ, пока еще не

²⁷³ Втор. 1, 6.

²⁷⁴ Втор. Св. Отц. 1845 г. стр. 33. Нивон. Лѣт. ч 3, стр. 207 — 209.

постигъ тебя грозный судъ Божій!»²⁷⁵ Смущаемый обличеніями и настоятельными требованіями Святителя и преслѣдуемый общимъ негодованіемъ Дмитрій (въ Сентябрѣ 1446 г.) дѣйствительно собралъ духовенство, отправился съ нимъ въ Угличъ и тамъ объявилъ свободу Василю, назначивъ ему въ удѣлъ Вологду, куда и отправился Великій Князь.²⁷⁶ Такимъ образомъ, по убѣжденію Святителя Іоны, по совѣту Собора пастырей Церкви, Великій Князь былъ освобожденъ изъ заключенія, и получилъ потомъ опять престолъ Великокняженія. Іона не ограничилъ этимъ своихъ дѣйствій въ пользу законнаго Великаго Князя, а старался оградить безопасность Василя на престолѣ его предковъ отъ новыхъ притязаній соперниковъ: Іона показалъ и въ этомъ случаѣ такую дѣятельность, которая на всегда останется свидѣтельствомъ его непоколебимой вѣрности законному Государю и искренняго служенія законному дѣлу. Когда Дмитрій, вопреки крестнаго цѣлованія, началъ снова домогаться престола, онъ созвалъ Соборъ пастырей Церкви, который отправилъ къ нему строго обличительное посланіе, напоминавшее Шемякъ, какъ напрасны были всѣ усилія его отца и брата овладѣть Великимъ Княженіемъ, представлявшее потомъ цѣлый рядъ его собственныхъ дѣяній противъ Великаго Князя и отечества, и особенно обличавшее его послѣднее вѣроломное нарушеніе клятвы: «Мы не намѣрены (писали Святители) много распространяться о прежнихъ дѣлахъ твоихъ, но хотимъ только напомнить тебѣ о твоёмъ нынѣшнемъ злодѣяніи,» и, въ слѣдъ за тѣмъ, подробно доказываютъ ему, что онъ не исполнилъ ни одного изъ условій послѣдняго клятвеннаго договора съ Великимъ Княземъ. «Что же ты, Господице нашъ (спрашивали они), или вмѣнилъ ни во что цѣлованіе Честнаго и Животворящаго Креста, или имѣешь сказать по нуждѣ, ослѣпила тебя слѣпота душевная, омрачила любовь къ временной и скоропреходящей и исчезающей чести и славѣ княженія и начальства? А святыя епитрахили наши (добавлялъ Іона), сквернили неподобными своими богомерзкими рѣчами, а надѣмся, что и самъ знаешь, что суть тѣ святыя епитрахили? Воображеніе есть муки Господа нашего, Иисуса Христа, еже при спасеніи Его распятія. Епитрахили наши твоими рѣчами не могутъ

²⁷⁵ Житіе Св. Іоны въ Степ. Книгъ ч. 2, стр. 77.

²⁷⁶ Полн. Собр. Лѣтоп. т. 4, стр. 146; 5, стр. 269.

сквернитися никако же, но только самъ душу свою губишь.» Въ заключеніе они требовали отъ него исполненія всѣхъ условій договора съ Великимъ Княземъ, обѣщая ему при томъ свои молитвы предъ Богомъ и ходатайство предъ Великимъ Княземъ, въ противномъ же случаѣ угрожая страшнымъ судомъ Божиимъ: «И о томъ тебѣ, Господину нашему (писали они), напоминаемъ и бьемъ челомъ, пожалуй, пощади свою душу и свое Христіанство, соблюди свое крестное цѣлованіе предъ Богомъ и Пречистою Богородицею, и предъ своимъ братомъ старѣйшимъ, исправляя во всемъ чисто, и покажи покаяніе чистое! Молимъ тебя, смиришь сокрушеннымъ сердцемъ, и Божія благодать и милость и нашего смиренія молитва и благословеніе будутъ съ тобою. А мы, по своему долгу, были сами за тебя челомъ своему Господину, и Господинъ нашъ нашего слова послушалъ, и тебя, своего брата, жаловати хочетъ, и въ братствѣ и любви по старинѣ и о всемъ тебѣ управлятися срокъ по крещеніи двѣ недѣли. А если не исправиться, и то не мы тебѣ учинимъ, но самъ захочешь пребыть въ своемъ жестокосердіи, на себя положишь тяжесть церковнаго проклятія, и чуждъ будешь отъ Бога, и отъ Церкви Божіей, и отъ Православныхъ Христіанскія вѣры, и не будетъ на тебѣ милости Божіей и Пречистія Его Богоматери, и силы Честнаго и Животворящаго Креста, который ты цѣловалъ въ знакъ вѣрности своему брату старшему, Великому Князю Василю Васильевичу, также не будетъ на тебѣ нашего Святительскаго и священническаго благословенія и молитвы, ни на тѣхъ, кто станетъ вмѣстѣ съ тобою замышлять зло на Великаго Князя и на его дѣтей, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. И если при такомъ твоёмъ унорствѣ кровь Христіанская прольется, та вся Христіанская кровь будетъ на тебѣ же.» Такъ сильно говорило духовенство въ защиту праваго дѣла, и голосъ его пробудилъ Шемяку оставить въ покоѣ Великаго Князя.²⁷⁷ Филиппъ I ходатайствовалъ за Новгородъ, провинившійся предъ Иваномъ III. Въ своей грамотѣ по этому поводу Святитель писалъ Князю Великому: «Ты, сыну, грозу свою, мечъ свой, на свою отчину, на Новгородскую землю, послалъ еси исполъся и гнѣвъ свой до конца на нихъ положилъ еси, да и самъ,

²⁷⁷ Собр. госуд. грам. и догов. т. 1, стр. 67. Ак. Ист. т. 1, стр. 79, № 40. По-славне писано 29 Декабря, 1447 г. Пола. Собр. Русск. Лѣт. т. 6, стр. 174—180. Степ. Кн. 2, 76—78. Ак. Истор. т. 1, № 282. Писано Іюня 1471 года.

Великій Государь, на конь всѣлъ еси, хотяще ихъ добръ показнѣти, и о сихъ, сыну, благодаримъ и молимъ Господа и Его Пречистую Богоматерь, яко да исполнить Господь вся блага прошенія сердца твоего за еже и умилоствитъ пречестное сердце твое, по нашего смиренія моленію и прошенію, о ихъ же много моля и прося, челомъ бью твоему великому благородію, чтобъ еси, Господине, пожаловалъ, смиловался надъ ними; пошлютъ къ тебѣ, къ своему Государю, люди твои, отчина твоя, Великій Новгородъ, и тебѣ имуть челомъ бити, и ты, Господине, пожаловалъ, не презрѣлъ сего нашего къ тебѣ моленія и челобитья, гнѣва большаго утолилъ еси, а ихъ челобитие пожаловалъ еси принялъ, а лиха бы еси своего поудержалъ, чтобы ся съ твоей земли многое крови Христіанскія не пролило промежъ твоихъ людей, а язъ тебя, своего Господина и сына, о томъ благословляю, и Бога молю и челомъ бью о сихъ, вспоминая тебѣ Господнихъ устъ глаголюще слово: «Будете, рече, милостиви, яко же отецъ вашъ небесный милостивъ есть; аще оставитъ челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, и отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ согрѣшенія ваша.» и паки рече: «Блажени милостиви, яко тѣи помилованы будутъ.» Ты, сыну, Государь, смилуйся о нихъ, по ихъ челобитію, а Богъ мира да будетъ съ твоимъ господствомъ, а язъ, сыну, тебѣ свое воспоминаніе должное святительско-врученнои паствы, еже о душахъ челоуѣческихъ имѣя попеченіе, вспоминаю тебѣ отъ святыхъ писаній ради великаго ти благочестія и устроенія ради святыя Церкви истинны для всего нашего Православнаго Христіанства. А милость Божія на тебѣ и Его Пречистыя Богоматери молитвы и великихъ Святителей и Чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Леонтія, и Святыхъ Преподобныхъ Чудотворцевъ Сергія и Варлаама и Кирилла, да твоихъ святыхъ прародителей и родителей молитва и нашего смиренія благословеніе, да есть всегда съ твоимъ великимъ господствомъ и благородіемъ!» Геронтіи показалъ еще больше примѣровъ, чѣмъ его предшественники. Такъ онъ два раза ходатайствовалъ предъ Иваномъ III за провинившихся предъ нимъ братьевъ его, Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго. Дѣло было такъ: Въ 1479 году Великій Князь Иванъ III отнялъ Великокняжеское Намѣстничество у Князя Ивана Оболенскаго-Лыка, по жалобѣ жителей, обвинявшихъ его въ притѣсненіяхъ. Притѣсненіе заключалось въ томъ, что Лыко началъ судить и рядить, брать пошлины и грабить, что хотѣлъ, то дѣлалъ, Владыкѣ Новгородскому и Боярамъ не далъ брать пошлинъ, все бралъ на себя, слуги его дѣлали тоже самое и жи-

тели отъ такихъ грабежей разбѣжались за границу. Іоаннъ нарядилъ судъ, и Оболенскій долженъ былъ заплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправедно, а иное что Великій Князь и безъ суда велѣлъ ему платить. Лучане обрадовались, видя, что Великій Князь взялъ ихъ сторону и стали уже прыгать: гдѣ Оболенскій взялъ мало, тамъ они показывали много. Лыка вышелъ изъ терпѣнія и отъѣхалъ отъ Великаго Князя къ брату его, Борису Волоцкому. Тогда Іоаннъ рѣшился впервые торжественно нарушить старинное право отъѣзда. Онъ послалъ на Волокъ одного изъ своихъ слугъ съ приказомъ схватить Оболенскаго среди двора Княжескаго. Но Борисъ не допустилъ до этого. Іоаннъ вторично послалъ къ брату съ требованіемъ выдать отъѣздчика головою. Борисъ отвѣчалъ, что не выдастъ, а кому до Оболенскаго дѣло, тому на него судъ и исправа. Іоаннъ далъ приказъ Боровскому Намѣстнику Образцу схватить тайно Лыка гдѣ его отыщеть, потому что село было въ Боровской волости. Образецъ дѣйствительно нашелъ его въ этомъ селѣ, нечаянно напалъ на него, схватилъ и въ оковахъ отвезъ въ Литву. Князь Борисъ Васильевичъ, услышавши объ этомъ, послалъ къ брату Андрею Углицкому съ жалобою на старшаго брата. Вотъ какъ онъ съ нами поступилъ, жаловался Андрею Борисъ, нельзя уже никому отъѣхать къ намъ! Мы ему все молчали. Братъ Юрій умеръ; Князю Великому вся отчина досталась, а намъ надѣла не далъ отъ нея. Новгородъ Великій съ нами взялъ—ему все досталось, а намъ жребія не далъ изъ него. Теперь кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, считаетъ брата своего ниже Боярѣ, а духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить, забылъ и договоры, заключенные нами послѣ смерти отцовской. Братья посоветовались и рѣшились защищать свои права вооруженною рукою. Іоаннъ былъ тогда въ Новгородѣ. Узнавъ о непріязненномъ движеніи братьевъ (1480 г.), онъ посилѣшилъ изъ Новгорода въ Москву; а между тѣмъ братья собрались въ Угличъ и оттуда двинулись къ Ржеву чрезъ Тверскую область. Великій Князь послалъ къ нимъ Боярина уговаривать ихъ не начинать усобицы, но братья не послушались и вышли изъ Ржева, съ княгинями, дѣтьми, боярами, 20 тысячами народа къ Новгородскимъ волостямъ. Великій Князь опять послалъ уговаривать ихъ Вассіана Ростовскаго, издѣстнаго своего начитанностию, краснорѣчіемъ и энергіею. Владыкѣ удалось уговорить ихъ послать къ Великому Князю Князей Оболенскихъ для переговоров; но потомъ переѣхали путь къ Литовскому

рубежу, остановились въ Лукахъ и отуда послали къ Королю бить челомъ, чтобы ихъ управлялъ въ обидахъ съ В. Княземъ и помогаль. Но Казимиръ отказалъ въ помощи, а только женамъ далъ г. Витебскъ на прожитье. Между тѣмъ въ Москвѣ шли переговоры, и Иоаннъ, желая отвлечь отъ возстанія Андрей—любимца матери, отправилъ опять къ нему Вассіана съ увѣщаніемъ возвратиться и съ обѣщаніемъ жаловать ихъ во всемъ. Но Андрей не согласился. Скоро, однакожь, бездѣйствіе Казимира возбудило Князей снова начать переговоры съ Великимъ Княземъ. Они послали къ нему дьяковъ своихъ и мать просить за нихъ Иоанна. Но теперь уже онъ отвергъ ихъ просьбы. Тогда Борисъ и Андрей послали Митрополита Геронтія просить за нихъ Иоанна. Геронтій взялъ съ собою еще Василія Ростовскаго Епископа, Филовея Епископа Чермскаго и Писсія Игумена Троицкаго, и при содѣйствіи матери, усилъ испросить имъ прощеніе у Иоанна. Они получили у Иоанна значительную часть удѣловъ. Но не долго Князья наслаждались спокойствіемъ. Въ 1491 году Иоаннъ, узнавъ, что на союзника его Крымскаго Хана Менгли Гирея идутъ Татары съ Востока, выслалъ свои полки къ нему на помощь, велѣлъ и братьямъ такъ же отправить своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки вмѣстѣ съ Великокняжескими. Но Андрей не послалъ. Это было въ Маѣ; въ Сентябрѣ Андрей пріѣхалъ въ Москву и былъ принятъ вечеромъ очень почетно и ласково старѣйшимъ братомъ. На другой день явился посоль съ приглашеніемъ на соборъ къ Князю. Андрей поѣхалъ немедленно, чтобы ударить челомъ за честь. Иоаннъ принялъ его въ комнатѣ, называемой западною, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ не много, и вышелъ въ другую комнату «новалушу», приказавши Андрею подождать, а Боярамъ его идти въ столовую грядню. Но какъ скоро они вошли туда, то были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ. Въ то же время къ Андрею въ западную вошелъ Князь Сеиенъ Ряполовскій съ многими другими Князьями и Боярами и, обливаясь слезами, проговорилъ: «Государь Князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ, да Государемъ Иваномъ Васильевичемъ, вся Русь Великимъ Княземъ и братомъ твоимъ старшимъ.» Андрей всталъ и отвѣчалъ: Воленъ Богъ, да Государь, братъ мой старшій, Князь Иванъ Васильевичъ, а судъ мнѣ съ нимъ предъ Богомъ, что берете меня неповинно. Съ 1 часу дня до вечера сидѣлъ Андрей на дворѣ, потомъ свели его на казенный дворъ и приставили стражу изъ многихъ Князей и Бояръ; въ то же время

послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ, Ивана и Димитрія, которыхъ то же посадили въ желѣзахъ въ Переяславѣ. Тогда Митрополитъ опять сталъ ходатайствовать за Андрея и дѣтей его, но напрасно. Есть извѣстіе, что Іоаннъ такъ отвѣтилъ Митрополиту на его просьбу объ освобожденіи Андрея: Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло, потомъ клялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего, но когда я умру, то онъ будетъ искать Великаго Княженія надъ внукомъ моимъ. И если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Рускую землю губить, жечь и пѣнить и дань опять наложить, и кровь Христіанская опять будетъ литься какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны и вы будете рабы Татаръ. Такъ Андрей и умеръ въ темницѣ въ концѣ 1494 года. Далѣе, Геронтіи смягчилъ своимъ предстательствомъ наказаніе Боярину Мунтѣ и спасъ жизнь Боярамъ Патрикѣвымъ. Вина Мунты заключалась въ слѣдующемъ: 1488 г. Бояринъ Князя Андрея, Образецъ объявилъ ему, что Іоаннъ хочетъ схватить его. Андрей испугался, хотѣлъ уже тайно бѣжать изъ Москвы, но потомъ одумался и послалъ къ могущественному тогда Вельможѣ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣву съ просьбою, чтобы тотъ довѣдался у Великаго Князя, за что онъ хочетъ схватить его. Но Патрикѣвъ отказался отъ этого опаснаго порученія. Тогда Андрей самъ пошелъ къ Іоанну и рассказать ему все. Іоаннъ поклялся небомъ и землею и Богомъ сильнымъ, что у него и въ мысляхъ не бывало ничего подобнаго и началъ искать откуда пошелъ слухъ. Оказалось, что Великаго Князя сынъ Боярскій Мунтъ Татицевъ въ шутку сказалъ объ этомъ Образцу, а тотъ повѣрилъ и сказалъ Андрею, желая прислужиться, потому что прежде былъ у него не въ милости. Татицеву Великій Князь велѣлъ дать торговую казнь, хотѣлъ даже отрѣзать ему языкъ, но Митрополитъ Геронтіи упросилъ его не дѣлать этого. Патрикѣвыхъ постигла страшная опала, въ 1499 г. вмѣстѣ съ Князьями Рязанскими. Іоаннъ велѣлъ схватить Князя Ивана Юрьевича Патрикѣва съ двумя сыновьями и зятя его Князя Семіона Ряполовскаго; испыталъ подробно всѣ крамолы ихъ, нашелъ измѣну и приговорилъ къ смертной казни. 5 Февраля Семіону Ряполовскому отрубили голову на рѣкѣ Москвѣ. За Патрикѣвыхъ же вступился Геронтіи съ духо-

венствомъ и выпросилъ имъ жизнь. Отецъ со старшимъ сыномъ должны были только постричься въ монахи. Наконецъ, благодаря поручительной грамотѣ Геронтія, Великій Князь Іоаннъ III въ 1414 году просталъ преемника Князя Холмскаго, уличеннаго въ покушеніи отѣхать и отданнаго уже подѣ стражу. Самый холь дѣла изображенъ подробно въ подлинной грамотѣ. Я, Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій (говорится въ ней), билъ челомъ своему Господину и Государю Великому Князю Ивану Васильевичу за свою вину чрезъ господина Геронтія Митрополита всея Руси и его дѣтей и сослужебниковъ Епископовъ (слѣдуютъ имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое отдалъ. А мнѣ, Князю Даніилу, своему Господарю и его дѣтямъ служить до смерти, не отѣзжать ни къ кому другому. Добро мнѣ ему и его дѣтямъ хотѣтъ вездѣ во всемъ, а лиха не мыслить, не хотѣтъ ни какого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о злѣ Государя своего и его дѣтей, и мнѣ то сказать въ правду по этой укрѣпленной грамотѣ безхитростно. А въ томъ во всемъ взялся (поручился) по силѣ Господинъ мой Геронтій Митрополитъ съ своими дѣтьми и со служебниками. А стану я что думать и начинать вопреки сей грамотѣ, или явится какое мое лихо предѣ моимъ Государемъ Великимъ Княземъ и его дѣтьми, то не будь на мнѣ милости Божіей, Пречистой Его Матери и Святыхъ Чудотворцевъ, Петра Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго и всѣхъ святыхъ, такъ же Господина моего Геронтія Митрополита и его дѣтей Владыкъ и Архимандритовъ тѣхъ, которые за меня били челомъ, не будь на мнѣ ихъ благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, а Господарь мой и его дѣти надо мною, по моей винѣ въ казни вольны. А для крѣпости я цѣловалъ крестъ и далъ на себя эту грамоту за подписью и печатью Господина своего Геронтія Митрополита всея Руси.²⁷⁷

Изъ Епископовъ 14 и 15 вѣковъ самую обширную дѣятельность показали владыки Новгородскіе. Такъ какъ Новгородъ сильнѣе всего отставвалъ старинные вѣчевые порядки и потому чаще всего подвергался опалѣ со стороны Государственной власти, стремившейся къ уничтоженію всего патріархальнаго и водворенію государственной централизаціи, и кромѣ того, вслѣдствіе преобладанія вѣчевыхъ началъ, въ немъ самою чаще всего проявля-

²⁷⁷ См. Ист. Солов. т. V-я стр. 81, 85, 257-я.

лась опала отъ внѣшней физической силы. Замѣчательнѣйшіе владыки Новгородскіе печаловники были: Василій, Алексій, Іоаннъ, Семіонъ, Евфимій, Іона и Феофилъ.

1. Владыка Василій (1333 г.) ходатайствовалъ, хотя и безуспѣшно предъ Великимъ Княземъ Иваномъ Калитою за Новгородъ, когда Калита разгнѣвался на Новгородцевъ за отказъ въ платежѣ законной подати, и производилъ опустошеніе въ Новгородской обители.²⁷⁸ По его же предстательству Великій Князь Симеонъ Гордый простилъ Новгородъ въ 1346 г.²⁷⁹ Наконецъ Василій предупредилъ имѣвшую возникнуть опалу сильнѣйшей Новгородской стороны надъ слабѣйшею по поводу убійства богатаго своевольнаго Новгородца. Дѣло въ томъ, что какой то Лука Варооломѣевъ, сынъ бывшаго посадника Варооломѣя, и внукъ посадника Юрія Мвшинича, набралъ себѣ толпу холоповъ—сбоевъ, отправился за Двину и бралъ на щитъ заволоцкіе погосты. Тамъ построилъ онъ себѣ городъ Орлець. Заволочане его убили. Но, какъ видно, предпріятіе его нравилось черни. Онъ былъ ея любимецъ. Когда разнеслась вѣсть, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, чернь кричала, что его тамъ велѣли убить «вящце», и двухъ изъ нихъ разграбила такъ, что они едва спаслись отъ смерти, убѣгаяши въ Копорье. Послѣ того сынъ убитаго Луки явился въ Новгородъ и требовалъ мщенія за отца. По его наущенію Новгородцы потребовали къ суду укрывшихся въ Копорье Бояръ. Зазвонили въ вѣчевой колоколъ на разныхъ берегахъ Волхова (одни у Св. Софій, другіе на Ярославомъ дворѣ.) Началась уже междоусобная брань, но Владыка Василій, не страшась бури народной, явился на шумное вѣче и своимъ архимандритскимъ словомъ убѣжденія уговорилъ бунтовщиковъ простить невинныхъ Бояръ.²⁸⁰ При Василіѣ же былъ примѣръ убѣжища и спасенія въ церкви. Именно: въ 1337 году простая чадь, т. е. толпа чернаго народа, озлобилась на Архимандрита Есипа, зашла его въ церковь Св. Николая и цѣлый день и ночь держала его тамъ, въ церковь ворваться не смѣла, а онъ выйти боялся.²⁸¹

2. Алексій два раза ходатайствовалъ за Новгородъ предъ

²⁷⁸ Полн. Собр. Рус. Лѣт. стр. 3, 77.

²⁷⁹ Никон. Лѣт. IV 173.

²⁸⁰ Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. 3 стр. 81 82.

²⁸¹ Новг. Лѣт. f. 87.

Димитріемъ Донскимъ. Главное неудовольствіе Димитрія на Новгородъ было за то, что Новгородцы не платили ему дани съ самаго того времени, какъ онъ вступилъ въ великокняжеское достоинство. А между тѣмъ деньги были нужны, потому что Москва расплатилась не дешево за Куликовскую побѣду, одержанную надъ Татарами въ 1380 году, и кромѣ того, всѣ великокняжескія земли въ наказаніе за возстаніе обложены были отъ Хана данью съ деревни по полтинѣ.²⁸² Великому Князю казалось справедливымъ, чтобъ и Новгородъ участвовалъ въ раздѣлѣ общей тягости. И потому, въ 1384 году, Димитрій послалъ сборщиковъ собирать черный боръ по Новгородской Волости. Главные Бояре, завѣдывавшіе этимъ порученіемъ, пріѣхали на Городище и разослали по волости сборщиковъ. Новгородскіе Бояре по приговору вѣча отправились на Городище доказывать прибывшимъ Москвитчамъ, что Новгородъ не долженъ платить этой дани. Обсужденіе этого вопроса довело тотъ часъ же до открытой ссоры, такъ что Московскіе Бояре убѣжали съ Городища. Сверхъ того Димитрій Донской имѣлъ еще причину досадовать на Новгородцевъ: въ 1383 году Новгородцы снова пригласили къ себѣ на кормленіе Литовскаго Князя Патрікія Наримунтова сына, и дали ему сначала тоже, что нѣкогда было дано его отцу, а потомъ въ 1384 году, когда жители отданнаго края стали недовольны управленіемъ Князя, переѣхали данный удѣлъ на Ладогу и Русу. Это призваніе Князя изъ Литовской фамиліи должно было казаться оппозиціею противъ Московской власти.

Наконецъ Великій Князь досадовалъ на Новгородъ за то, что онъ не настаивалъ, чтобы Владыка Новгородскій имѣлъ независимость суда и не относился къ Митрополиту. Новгороду грозила опустошительная война. Новгородъ считалъ удобнѣе отдѣлаться деньгами, зная привычную склонность Московскихъ Князей. Владыка Алексѣй поѣхалъ къ Димитрію и предложилъ ему отъ Новгорода 8000 рублей. Великій Князь отказалъ. Возвратившись изъ Москвы, Алексѣй извѣстилъ, что Великій Князь не даетъ мира и собралъ великое войско на Новгородъ. Новгородцы испугались и въ отчаяніи начали сжигать всѣ загородныя строенія.²⁸³ Еще болѣе усилился страхъ, когда вокругъ стали являться отря-

²⁸² Карамз. V. Прим. 104.

²⁸³ Соф. Лѣт. 1. 241. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. 8. стр. 50.

ды непріятельскихъ силъ, запылали Новгородскія волости; прибѣжали въ городъ поселяне съ извѣстіемъ, что враги грабятъ имущество, сожигаютъ жилища, гонятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Новгородцы послали отряды на вывѣды, а отряды воротились безъ вѣстей; видѣли Новгородцы, что враги подлѣ города, и не знали, когда и съ какой стороны думаютъ напасть. Наконецъ они досконально узнали, что Великій Князь стоитъ у Понедѣлья.

Тогда Новгородъ послалъ къ нему опять Алексѣя съ Архимандритомъ Давидомъ, семью попами и пятью человекъ житыхъ людей, съ каждаго городского конца по человекъ, и уже не напрасно. Святитель Алексѣй отклонилъ гнѣвъ Великаго Князя краткими словами, по замѣчанію лѣтописца, и онъ, простилъ Новгородъ, обязавъ его дать восемь тысячъ рублей, изъ коихъ три тысячи рублей наличными взяты были Алексѣемъ съ Палаты Св. Софій. ²⁸⁴ Кромѣ того Алексѣй старался уничтожить опалу, происходившую въ самомъ Новгородѣ отъ его же собственнаго нестроенія.

При немъ, въ 1359 году, лихіе люди взбуштовали Славенскій конецъ противъ Зарѣчанъ, то есть Софійской стороны лишили посадничества Андрея Захаринича и дали Сильвестру Леонтьевичу. Зарѣчане бросились на Славянъ; на Ярославовомъ дворѣ сдѣлалась сѣча, нѣсколько человекъ прибили, одного убили до смерти. Славяне прогнали гостей за рѣку. Тогда поднялась вся Софійская сторона мстить за свое безчестіе. Поднялась Торговая сторона защищать себя. Мостъ разломали. Обѣ стороны стояли вооруженныя на берегу, угрожая одна другой. Между тѣмъ удалцы изъ Софійской стороны бросились на села Боярь и богатыхъ людей, жившихъ въ Славянскомъ концѣ, и начали брать ихъ на щить. Но Владыка Алексѣй съ Архимандритомъ и Игуменами вышелъ къ раздраженной толпѣ и возгласилъ: «Дѣти! не довлѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты. Не соступайтесь, дѣти, на бой! Примиритесь!» Убѣжденіе его подѣйствовало. Примирились, посадничество не досталось ни прежнему, ни тому, котораго Славенцы поставили, а выбрали новаго. ²⁸⁵

3. При Владыкѣ Иоаннѣ Великѣмъ Князѣ Московскѣмъ Василій Ди-

²⁸⁴ Никон. Лѣт. IV. т. стр. 150.

²⁸⁵ Новгород. Лѣт. I, т. стр. 87.

митриевичъ положилъ, въ 1397 году, опалу свою на Новгородцевъ, за то, что они не хотѣли объявить войну крестоносцамъ, съ которыми родственникъ Василя Литовскій Великій Князь Витовтъ былъ во враждѣ. «Намъ, Князь, съ тобою одинъ миръ, а съ Великимъ Княземъ Витовтомъ другой, а съ Нѣмцами иной,» отвѣчалъ великій Новгородъ на своемъ вѣчѣ послу Василя.²¹⁶ Московскій Князь занялъ уже Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ, Вологду, съ ихъ волостями и посадилъ своихъ намѣстниковъ въ этихъ городахъ. Новгородскіе воеводы на Двинѣ, Иванъ и Кононъ, обязанные блюсти колоніи, получили уже отъ Великаго Князя себѣ въ собственность Новгородскія имѣнія; чтобы отъератить грозящую бурю, Іоаннъ отправился ходатайствовать за свою паству въ Москву. Явившись къ Василю, возложивъ на него святительское благословеніе, Владыка говорилъ: «Господине сыну, Князь Великій! прими мое благословеніе и доброе слово, и Новгородское челобитіе: отложи нелюбие свое на вольныхъ мужей твоихъ, Новгородцевъ; прими ихъ по старинѣ, дабы, при твоёмъ княженіи, не учинилось между христіанами кровопролитіе; отступи отъ Заволочья, Торжка, Волока, взятыхъ тобою противно крестному цѣлованію; пусть все пойдётъ къ великому Новгороду по старинѣ; отложи общій судъ на порубежь; это все не по старинѣ. Но напрасно. Великій Князь не принялъ ни благословенія, ни просьбы Владыки.

4. Владыка Симеонъ, подобно Василю, своимъ ходатайствомъ снасъ отъ смерти нѣсколько жертвъ произвола и жестокости народной толпы по поводу междоусобія бывшаго въ Новгородѣ въ 1418 году.

Дѣло было вотъ какъ. Нѣкто, по имени Степанко, схватилъ на улицѣ Боярина Даніила Ивановича Божини и кричалъ къ народу: «Господа! пособите мнѣ на сего злодѣя!» Видно слова его попали на готовое уже раздраженіе противъ Бояръ: безъ большаго разбирательства толпа бросилась къ нему, схватила Боярина, потащила на вѣче. Тогда одна женщина, по выраженію лѣтонисца, отвергнувъ женскую немощь, и взявши мужескую крѣпость, выскочила посреди вѣча и начала колотить его съ неистовствомъ, припоминая причиненныя ей обиды. Потомъ Боярина повели на мостъ и сбросили въ воду. На его счастье, какой то ры-

²¹⁶ Новг. Лѣт. т. 4, 4, стр. 102.

бакъ Лючъко Лыдинъ (изъ Людина конца) подхватилъ его въ свою лодку, тогда толпа бросилась на домъ этого рыбака и разграбила его.

Дѣло бы тѣмъ и кончилось, да спасшійся отъ смерти Данило поймалъ Степанко и началъ его мучить. Когда разнесся слухъ по улицамъ, что Степанко схваченъ, побѣжала толпа съ крикомъ на Козмодемьяновскую улицу, гдѣ жилъ Данило. Бояринъ ушелъ, но тутъ загорѣлась у народа охота грабить и другихъ Бояръ. Меньшіе люди подняли знамя и съ оружіемъ кинулись на Яневу улицу, гдѣ жили Бояре, разграбили нѣсколько богатыхъ домовъ, потомъ бросились въ загородный конецъ, ограбили на Чулицевой улицѣ монастырь Св. Николая, гдѣ хранились Боярскіе пожитки и достигли, наконецъ, Боярскаго гнѣзда—Прусской улицы; тутъ дали имъ отпоръ. Черный народъ легко могъ составить толпу на Бояръ, и у Бояръ были свои толпы вооруженныхъ «паробковъ» изъ того же простаго народа, челядь Боярская: эти паробки стали защищать своихъ господъ. Удалые двинулись назадъ на Торговую сторону. Но всѣмъ за тѣмъ распространился на Торговой сторонѣ слухъ, что въ Софійской собираются толпы и хотять напасть на Торговую. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола тревогу. Съ обѣихъ сторонъ вооруженный городъ бросился на мостъ. Началась свалка. «Бяше же и губленіе, повѣствуетъ лѣтопись, и овы отъ стрѣлъ, овы отъ оружія быша мертвыи, яко же на рати, и отъ грозы тоя страшныя и отъ возмущенія того великаго въстрясеся весь градъ и нападе страхъ на обѣ страны.» Вотъ тогда Владыка Симеонъ созвалъ священниковъ, самъ облачился и имъ приказалъ облачиться, велѣлъ нести кресты и хоругви и образъ Св. Богородицы отъ Св. Софін. пошелъ самъ на мостъ и, среди разъяренной массы народной, началъ благословлять крестнымъ знаменіемъ на всѣ стороны. Увидавъ Владыку, старые посадники и тысяцкіе подошли къ нему и поклонились. Волненіе стало утихать. Владыка отправилъ Архимандрита своего духовнаго отца, да протодіакона на Ярославовъ дворъ, отдать благочиніе степенному посаднику, и тысяцкому и народу и уговаривать; чтобы всѣ шли съ миромъ въ свои дома. Волненіе прекратилось, и кому грозила преждевременная и жестокая смерть, тотъ остался живъ и невредимъ.²⁸⁷

²⁸⁷ Новг. Лѣт. т. 1, стр. 108, т. 4, стр. 117, 137.

5. При Евфиміѣ Новгородцы подверглись опалѣ Великаго Князя Василія Васильевича (1456 г.). Великаго Князя оскорбляло покровительство, оказываемое Новгородомъ его врагамъ (Шемякѣ и его приверженцамъ), Новгородцы не заплатили ему, кромѣ того, слѣдуемой дани. Наконецъ Московское самовластіе огорчалось еще тѣмъ, что Новгородъ на вѣчахъ составлялъ грамоты безъ участія Великаго Князя, или его Намѣстниковъ, и политическія сношенія, всѣ постановленія исходили отъ одного вѣча, покупалъ себѣ земли въ Ростовской и Бѣлозерскихъ земляхъ, отчего на рубежахъ областей происходили постоянныя грабежи и драки, возбуждавшія вражду земель. Чтобы наказать и усмирить Новгородъ, Великій Князь занялъ своими войсками Новоторжскую землю, обложивъ жителей данью, деньгами и хлѣбомъ. А Воеводы его, Стрига и Федоръ Басенокъ, проникли въ глубину Новгородской земли и дошли до Русы. Находясь въ крайности, Новгородцы обратились за помощію къ Евфимію, и Владыка отправился къ Великому Князю, стоявшему уже въ Яжелбицахъ. Великій Князь принялъ благословеніе и челобиты Евфимія и простилъ виновный Новгородъ, взялъ только съ него 8,500 рублей денегъ.²⁸⁸

6. Иона первый примѣръ своего печалованія показалъ на Великомъ Князѣ Василіѣ Васильевичѣ.

Великій Князь Василій Васильевичъ внушилъ къ себѣ глубокую злобу въ Новгородцахъ. Они должны были ненавидѣть его, особенно вспоминая, что этотъ Князь нѣкогда въ несчастіи былъ принять Новгородомъ, получилъ въ немъ прибіжище, и когда возвратилъ потерянную власть, то два раза угрожалъ Великому Новгороду и дѣлалъ ему вредъ. По этому, когда, въ 1460 году, онъ посѣтилъ Новгородъ, негодованіе при видѣ его возрастало до того, что составилъ заговоръ убить его, вмѣстѣ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ и ненавистнымъ для Новгорода Воеволою Басенкомъ, за побѣду Новгородскихъ войскъ подъ Русою. Иона, узнавъ объ этомъ, едва уговорилъ заговорщиковъ оставить злобное намѣреніе, и представилъ, что пользы для Новгорода отъ того не будетъ; являсь на вѣче, блаженный Архипастыръ сказалъ: Безумцы! что выиграете, если убьете вы Великаго Князя? Больше будетъ горя и бѣды для Новгорода! Старшій сынъ его Іоаннъ (его тогда

²⁸⁸ Новг. Лѣт. т. 4, стр. 123. Полн. Собр. Русск. Лѣт. 5, стр. 271, 272, т. 6, 127 стр.

не было въ Новгородѣ), услышавъ о злодѣйствѣ вашемъ, явится противъ васъ съ сильнымъ войскомъ и опустошитъ вашу страну.» Слова его удержали Новгородцевъ. Заговорщики поняли свое положеніе, и Князь былъ принятъ Новгородомъ съ почестями и уваженіемъ.²⁸⁹ Далѣе, въ одно изъ своихъ посѣщеній Москвы, Иона услышалъ отъ Великаго Князя Василя Васильевича сильныя жалобы на гражданъ Новгорода, соединенныя съ угрозою наказать не покойную отчину свою войною. «Я презираемъ отъ Новгорода! сказалъ Великій Князь, а мнѣ Богъ даровалъ власть Великаго Княженія надъ всѣми Князьями Русскими, хочу поднять руки на Великій Новгородъ, говорилъ Великій Князь. Архіепископъ сталъ защищать Новгородцевъ, и уирашивалъ Великаго Князя не поднимать на нихъ оружіе, отъ котораго могутъ пострадать и невинные. Но Князь приходилъ отъ того въ большую досаду и говорилъ съ сердцемъ. Тогда Влалыка обратясь къ Митрополиту сказалъ: «Если ты не отведешь зависти отъ моего града, не преложишь вражды на любовь, презришь моленіе наше о градѣ нашемъ, если Великій Князь занесетъ руку на кроткихъ людей, ничѣмъ его не обидѣвшихъ, то знай, зависть и раздѣленіе узрятся въ чадахъ его!» Обратясь къ Великому Князю, Иона сказалъ: «Нынѣ услыши молитву мою и избери благое; ты, Князь, благочестивъ, силенъ, надъ Князьями меньшими поставленъ, ты можешь добро творить; не воздвигай же неправды, не довѣрай клеветѣ нечестивыхъ языковъ, зриай тихими очами на повинующихся тебѣ, и не покушайся поработать свободныхъ! Тебѣ самому приближаются дни! сыну твоему Ивану придется держать хоругви Русскія, да не нарушитъ онъ свободы Великаго Новгорода, а я со всѣми своими буду молить за него всесильнаго Бога, я испрошу ему свободу отъ Ордынскихъ Царей, за свободу града моего. Я буду молить Господа, да возвыситъ десницу сына твоего надъ всѣми, и покоритъ ему всѣхъ супостатовъ его, да прославится онъ властію, паче своихъ прародителей, да укрѣпится княженіе его въ рукахъ его, и да прострется сила его надъ многими и приметъ онъ подъ власть свою великія страны, пусть только живетъ благочестно и смотритъ тихими очами на подвластныхъ.» Великому Князю очень понравилось обѣщаніе свободы сыну своему отъ

²⁸⁹ 2. Соф. Врем. стр. 182. Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 6, стр. 182. 4, стр. 127, 219, 111 141.

Ордынскихъ Царей. Иона говорилъ такъ, что Великій Князь вѣрилъ его словамъ, или по крайней мѣрѣ боялся не повѣрить рѣчамъ старика святой жизни. И Великій Князь обѣщала Архіепископу хранить свободу Великаго Новгорода, отложилъ гнѣвъ и даровалъ миръ, утвердивъ свое слово предъ Митрополитомъ, и просилъ Святителя помнить свое обѣщаніе. А Иона повторилъ свое обѣщаніе: «за храненіе свободы Великаго Новгорода выпросить ему у Бога обѣщанную сыну его свободу отъ Ордынскихъ Князей и начальство надъ Русскими хоругвями.» Въ заключеніе старецъ патриотъ заплакалъ горько. Князь и Митрополитъ удивились этому внезапному плачу. «Кто въ силахъ озлобить людей моихъ толикое множество? Кто можетъ смирить величество града моего?» сказалъ Владыка, и усобицы смятутъ ихъ; раздѣленіе между ними изложитъ ихъ, лезть, неправды, зависти развѣстъ ихъ, заключилъ онъ. Но по крайней мѣрѣ я не увижу этого; во дни мои дастъ Богъ миръ и истинну и благословеніе моимъ людямъ,²⁹⁰ прибавилъ онъ.

Наконецъ, когда на Великокняжескомъ престолѣ сидѣлъ уже (съ Апрѣля 1462 г.) сынъ Василія, Иоаннъ III, и по нѣкоторымъ дѣламъ видѣли въ Новгородѣ, что новый Великій Князь недоволенъ Новгородомъ, блаженный Архіепископъ рѣшился (1463) снова отправиться въ Москву ходатайствовать за свою паству. Иоаннъ принялъ добродѣтельнаго Архипастыря почтительно, просилъ молитвъ его за себя, и напомнилъ обѣщаніе свободы отъ Орды. Святитель отвѣчалъ: «не оставитъ Господь слезной молитвы столькихъ угнѣтенныхъ, развѣстъ Орду, какими судьбами знаетъ, лишь бы Государь пребылъ въ благочестія и тихими очами надзиралъ за своею областію.» вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ онъ Великому Князю, что отецъ его, твердо вѣря въ скорую свободу отчины отъ власти Татарской, и въ духовномъ завѣщаніи писалъ не требовать съ Новгородской области той дани, которая назначалась для Орды.²⁹¹

7. Но ни одному Владыкѣ Новгородскому не пришлось столько печаловаться за свою паству, какъ Феофилу. При немъ Новгородъ велъ послѣднюю и упорную борьбу за свою политическую независимость отъ Москвы и присоединеніе къ Литвѣ, за что под-

²⁹⁰ Воспоминаніе стр. 31 — 32.

²⁹¹ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 141.

вергся сильной опаль со стороны Государственной власти въ лицѣ Великаго Князя Іоанна III.

Во главѣ партіи, ненавидѣвшей Московское самовластіе, явилась женщина Марѳа Борецкая, вдова бывшаго нѣкогда посадника, Исаака Борецкаго, мать двухъ взрослыхъ сыновей, Димитрія и Θεодора. Семья Борецкихъ была богата и вліятельна: она не принадлежала къ кругу аристократовъ, состоявшихъ въ оппозиціи съ чернымъ народомъ. Напротивъ, Марѳа, умѣвшая соединить около себя нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій; умѣла расположить къ себѣ и черный народъ. Изъ главныхъ лицъ этой патріотической партіи были: сынъ Марѳы Димитрій, фамилія Слизневыхъ, фамилія Арбузовыхъ, Афанасьевыхъ, Григоровичевыхъ, Немиръ и другіе.

Пока народъ приучался къ мысли о союзѣ съ Литовскимъ Королемъ Казимиромъ, пока старались разшевелить въ немъ завѣтные чувства независимости и народной самобытности, ненависть къ Московскому гладычеству начала проявляться рядомъ поступковъ оскорбительныхъ для Великаго Князя. Новгородское вѣче продолжало управляться самобытно, оно объявило, что Великій Князь не имѣетъ ни какой собственности ни въ землѣ, ни въ водѣ; не хотѣло платить никакой дани, и привело весь Новгородъ къ крестному цѣлованію на имя Св. Софіи и Господина Великаго Новгорода, безъ Великаго Князя; на Городищѣ жили по прежнему Намѣстники и Дворяне Великаго Князя: начались споры съ Москвичами; большое вѣче жаловалось на оскорбленіе Новгородцамъ, на Великннжескихъ дворянъ, и отправила къ Намѣстникамъ требовать виновныхъ. Намѣстники отказали. Тогда Новгородцы съ вѣча отправились вооруженною силою на Городище; нѣсколько людей въ дракъ были убиты. Новгородцы захватили двухъ какихъ-то Князей, и еще нѣсколькихъ Великокняжескихъ Дворянъ, притащили ихъ на вѣче и наказывали. Великій Князь, услышавъ объ этомъ, послалъ въ Новгородъ пословъ не съ угрозами, а съ миролюбивыми прелставленіями. «Исправьтесь, люди Новгородскіе, говорили послы, помните, что Новгородъ отчина Великаго Князя, не творите никакого лиха. живите по старинѣ. Государь ждетъ отъ васъ чистаго исправленія и праваго челобитья.» Новгородцы обругали Великокняжескихъ пословъ, вѣче рѣшительно въ глаза имъ твердило, что Новгородъ не отчина Великаго Князя, а самъ себѣ господинъ, и долженъ управляться независимо самъ собою. Это повторялось нѣсколько разъ; а

послѣ такихъ рѣзкихъ отвѣтовъ, въ 1470 г., Литовская партія отправилась къ Казимиру звать на кормленіе Князя Михаила Омельковича, брата Кіевскаго Князя Семіона, ревнителя православія, возстановителя Печерской обители.

1470 годъ склонялся къ концу. Пославъ звать Кіевскаго Князя, Великій Новгородъ отправилъ въ Москву посадника Василья Ананьича для объясненія съ Великимъ Княземъ о дѣлахъ своихъ земскихъ, Новгородскихъ. Боярамъ Великаго Князя поручено было переговарить съ нимъ. «Какъ же это, сказали Бояре, ты пріѣхалъ отъ Великаго Новгорода посольство править Великому Князю о своихъ земскихъ Новгородскихъ дѣлахъ, а о грубости и исправленіи Новгородскомъ ни одного слова покорнаго не правишь?» Василій отвѣчалъ: Великій Новгородъ не мнѣ о томъ приказывалъ, мнѣ то не наказано. Бояре замѣтили ему, что Государю станеть вельми грубо; однако, когда передали Государю эти рѣчи, Іоаннъ приказалъ, спокойно и кротно, дать чрезъ посла Великому Новгороду такой отвѣтъ: «Моя отчина, Великій Новгородъ, люди Новгородскіе! Исправьте и совнайтесь; не вступайтесь въ земли и воды мои, Великаго Князя, честно и грозно, по старинѣ, ко мнѣ, Великому Князю, посылайте бить челомъ по докончанью; а я буду жаловать свою отчину и держать по старинѣ. Не было въ словахъ Великаго Князя никакой угрозы.

Іоаннъ не былъ человѣкъ горячаго характера, приходитъ въ изступленіе и досаду было не въ его натурѣ; онъ все сносилъ спокойно, не гнѣвался, онъ дѣлалъ свое дѣло хладнокровно и шелъ вѣрно къ своей цѣли; когда ему указывали на униженіе Велькокняжескаго достоинства, онъ спокойно отвѣчалъ: «Часто волны бьютъ о камни, но въ пѣну рассыпаются и ничего не слѣлаютъ, а какъ будто въ посмѣяніе исчезаютъ, такъ будетъ и съ людьми этими, Новгородцами; Господь смутитъ ихъ. Новгородъ какъ будто притихъ было на время. Но когда послѣ смерти Архіепископа Іоны, вѣрно было Феофилу явиться въ Москву для поставленія, Марѳа и ея соумышленники опять возбудили черный народъ, гдѣ раздачею денегъ, гдѣ убѣжденіями и ненавистью къ знатнымъ, издавна вооружавшимъ противъ себя бѣдныхъ и простыхъ. Худы мужики-вѣчники, какъ называетъ ихъ Московскій лѣтописецъ, прибѣгали толпами на вѣче, звонили въ колоколь, сбѣгался народъ, всколебались, говорятъ лѣтопись, всѣ Новгородцы словно пьяные. Настроенные Марѳою, мужики кричали: Не хотимъ Великаго Князя Московскаго! мы не отчина его! мы воль-

ные люди—Великій Новгородъ! Московскій Князь чинить надъ нами великія бѣды и неправды! Отдаемъ Королю Польскому и Великому Князю Казимиру! За чѣмъ послали въ Москву просить опасной грамоты Владыкѣ! Пусть Владыка ѣдетъ на поставленіе къ Митрополиту Григорію въ Кіевъ! Напрасно люди степенные, старые, бывшіе Посадники и Тысяцкіе и вообще богатые говорили: нельзя, братья, этому быть, какъ вы говорите, чтобы намъ даться за Короля Казимира и поставить себѣ Архіепископа отъ его Митрополита, Латинина. Изъ начала мы отчина Великихъ Князей, отъ перваго Великаго Князя Рюрика, котораго земля наша избрала изъ Варягъ себѣ Княземъ. Правнукъ его Владимиръ крестился и крестилъ всю землю Русскую и нашу Славенскую и до нынѣшняго господина нашего Князя Ивана Васильевича, мы не бывали за Латининами, и не ставляли себѣ Архіепископа отъ нихъ. Какъ теперь вы хотите, чтобы мы поставили себѣ Владыку отъ Григорія, а Григорію ученикъ Исидора Латинина? Къ Москва хотимъ, кричали зажиточные. Къ Москва по старшѣ, къ Митрополиту Филиппу въ православіе!

Противники не поддавались на такія убѣжденія, проклинали Москву, величали вольность Великаго Новгорода, и кричали: за Короля хотимъ, мы вольные люди, а наша братья, Русь, подъ Королемъ—вольные люди! Пусть Казимиръ охраняетъ Великій Новгородъ! Началась перебранка; наконецъ вѣчники начали кидать въ противную сторону камнями. Такія собранія повторялись нѣсколько дней. Наконецъ вѣче составило договорную грамоту съ Королемъ Казимиромъ по образцу древнихъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ своими Князьями. Съ этою грамотою поѣхали къ Казимиру: сынъ Марѣы Дмитрій, Афанасій Астафьевичъ, бывшій посадникъ, и отъ всѣхъ пяти концовъ по одному человѣку.¹³²

Дошло извѣстіе о такомъ поворотѣ дѣла до Ивана Васильевича. Онъ не измѣнялъ своему хладнокровному спокойствію и наружной кротости, не пришелъ въ ярость, но отправилъ въ Новгородъ пословъ съ ласковыми убѣжденіями, онъ не грозилъ даже войною. Онъ напоминалъ Новгороду, что отъ дѣдовъ и предковъ и прадѣдовъ, отъ Рюрика до сего дня, Новгородъ зналъ одинъ Княжескій родъ. «Вы не были ни за какимъ Королемъ, го-

¹³² Помощь Семеоновичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковлевъ, Яковъ Зиньковичъ, Степанъ Григорьевичъ (Акт. Арх. Эксп. 1, 62).

ворилъ посоль отъ имени Великаго Князя, и за Великамъ Княземъ Литовскимъ вы не были, какъ и земля ваша стала, а нынѣ отъ Христіянства отступаете къ Латинству, черезъ крестное цѣлованіе, а я, Князь Великій, не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ ни какихъ тягостей, выше того, что было при отцѣ моемъ, Великомъ Князѣ Василю Васильевичѣ, при дѣдѣ же и при прадѣдѣ, и при всѣхъ Великихъ Князяхъ рода нашего; по еще хочу жаловать васъ свою отчину. Выѣстъ съ ласковымъ и кроткимъ словомъ Великаго Князя, прочитана была на вѣчѣ увѣщательная грамота Филиппа. Въ ней излагалось все послѣднее дѣло Новгорода съ Великимъ Княземъ, вспоминались два посольства Новгородскія, восхвалялись справедливость и милосердіе Великаго Князя, потомъ говорилось: Нынѣ, сыны мои, дошло до моего слуха, и счелъ удивляюсь я тому, что въ ваши сердца входятъ неподобныя мысли, вы оставляете жалованье Великаго Князя, господина и сына моего; отступаете отъ своего господина отчича и дѣдича, отъ христіянскаго господаря—Русскаго; забываете свою старину и обычай, и приступаете къ черному Латинскому Государю—Королю; недобрые люди возмущаютъ васъ; говорятъ: Великій Князь поднимаетъ на васъ Псковъ и хочетъ на васъ войной идти. Это, дѣти, врагъ діаволь вкидываетъ не подобное въ сердца человѣка, не хотя роду человѣческому добра, и желая ему погибели. Господинъ мой и сынъ, Князь Великій, посылалъ своего посла въ Псковъ, не чая вашего челобитья, а какъ вы послали съ челобитьемъ, такъ съ того часу и жалованье господина Великаго Князя пошло и впередъ по вашему челобитью и исправленію жалованіе вамъ будетъ. Не соблазняйтесь же, дѣти, помните, дѣти, Апостольское слово: братіе, Бога бойтесь, а Князя чтите, Божій бо слуга есть. Разумѣйте, дѣти, царствующій градъ Константинополь и церкви Божія непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло какъ солнце. А какъ оставили истину, да соединился Царь и Патріархъ Иосафъ съ Латиною, да подписался Папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ Патріархъ и Царьградъ впалъ въ руки поганныхъ Турокъ. А вы развѣ не чаете Божія гнѣва? Сколько лѣтъ ваши пращурь и прапращурь, и прадѣды и дѣды, и отцы старины держались и неотступно Великихъ Русскихъ Государей; а вы на концѣ послѣдняго времени, когда бы надобно душу спасать въ православій, все оставя да за Латинскаго Государя закладываетесь! Развѣ не знаете Божественнаго писанія, какъ Святыми Отцами заповѣ-

дано, чтобы съ Латиной не имѣть общенія? Я знаю, что вы гораздо сами Божественное писаніе разумѣть, а такъ дѣлаете! Люди степенные, богатые, бояре, расчувствовались отъ этихъ увѣщаній. «Не надобно преступать крестнаго цѣлованія», стали говорить они. Но Марѳа Борецкая и ея дѣти и приверженцы, говорить Московскій лѣтописецъ, не хотѣли слышать этихъ рѣчей; они уже подготовили партію чернаго народа. Словно скоты, говорить тотъ же враждебный лѣтописецъ, смерды, убійцы, шильники, мужики безъ именитые, разума не имѣющіе, умѣющіе только кричать да рычать, какъ безсловесныя животныя, переселили ихъ, звонили въ колокола, кричали, вопили: Мы не отчина Московскаго Князя! Великій Новгородъ самъ себя Государы хотимъ за Короля Казимира! И послы Великокняжескіе возвратились со срамомъ. Прежнее терпѣніе и спокойствіе Ивана Васильевича не измѣнилось и при новыхъ непріятныхъ вѣстяхъ. Онъ съ видимымъ соболѣзнованіемъ пригласилъ мать свою, Митрополита Фвѣлиппа и Бояръ, и говорилъ, что противъ его воли вынужденъ исполнить мысль свою надъ Новгородцами. Чтобы придать еще болѣе вида своей справедливости, Великій Князь разослалъ звать свою братію, всѣхъ Епископовъ и Бояръ на совѣтъ. Онъ не спѣшилъ войною, показывалъ видъ, что желаетъ, чтобы дѣло обошлось безъ войны, чтобы Новгородцы одумались, что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ старины, и послалъ еще въ концѣ Марта посла Ивана Федоровича Товаркова, съ такими же, какъ и прежде, кроткими увѣщаніями: «Не отступай моя отчина отъ Православія», говорить отъ имени Великаго Князя Товарковъ; изгоните изъ сердца свою лихую мысль, не приставайте къ Латинству, исправтесь и бейте мнѣ челомъ, а я васъ буду жаловать и въ старинѣ держать.» Съ своей стороны и Митрополитъ послалъ еще одно увѣщаніе «въ духѣ прежняго.» Въ немъ между прочимъ было сказано: Многое лютое и неутолимое предстоить въ такомъ начинаніи «чтобъ, оставивши новый законъ благочестія и спасенной заповѣди живаго Бога, приступить къ Латинству, всѣ прельщенные души взыщутся отъ руки Господа Вседержителя на тѣхъ богоотступникахъ, начинающихъ вводить богоотметную ересь древнихъ еретиковъ каруловыхъ въ великое благочестіе вашихъ земель даже до онаго Формоса, послѣдовавшаго имъ, Папы Римскаго, ереси, въ которой до сихъ поръ пребываетъ Латынь и всѣ ихъ Папы Римскіе четверовластно держа Святую Троицу, глаголюще не только отъ Отца Духъ Святый исходяща, но и отъ

Сына, яко раболѣпна, Духа Святаго глаголять и опрѣсночна служатъ, и субботу хранять, и постаня въ нее, яко жидове, и водою кропятся вся дни, тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ». Обращаясь къ духовенству Новгородскому, Митрополитъ говоритъ: «А ты, сыну Феофиле, нареченный во владычествѣ, и вы, Архимандриты и честнѣйшіе Игумены, и всѣхъ семи соборовъ Священники! Накажите своихъ дѣтей духовныхъ отъ велика до мала, укрѣпляйте ихъ въ вѣрѣ православія, берегучи единородныхъ и безсмертныхъ ихъ душъ отъ сѣтей ловца, многоглавнаго змія діавола, яко да не вселятъ въ строины покровенныхъ оныхъ глубокихъ ямъ бѣсовскихъ, не увязнуть въ сѣтяхъ лукаваго прельщеніемъ Латинскихъ ересей. А вы, старые посадники Новгородскіе и Тысяцкіе и Бояре, и купцы, старшіе младыхъ понакажите, и вщивите лихихъ отъ злаго начинанія, чтобы не было Латинамъ похвалы на вѣру православныхъ людей.» Но партія Борецкихъ успѣла еще разъ пересилить противную. Тогда уже Іоаннъ приступилъ къ рѣшительному дѣлу. 31 Мая 1471 года, онъ отрядилъ рать свою подъ начальствомъ Василія Ѳедоровича Образца и Бориса Матвѣевича Тютчева на Двину, чтобы захватить главнѣйшія Новгородскія колоніи. Къ Великокняжескому ополченію долженъ былъ пристать подручникъ Московскаго Государя, Устюжскій Князь Василій Ѳедоровичъ; подошли тогда на Новгородцевъ и Вятку, гдѣ таилась давняя неприязнь къ бывшей митрополіи, и Вятчане послали свое ополченіе. Пристала къ Великому Князю и Вологда, пригородъ Новгородскій. Черезъ 6 дней послѣ первой рати, 6 Іюня отправилась изъ Москвы другая рать въ двѣнадцать тысячъ. Предводительствовалъ Князь Димитрій Димитріевичъ Холмскій, да Бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ. Они должны были идти къ Русь, оттуда обойти Ильмень и стать позади Новгорода. Снова черезъ шесть дней послѣ того, Іюня 13, отправленъ былъ третій отрядъ, подъ начальствомъ Князя Василія Ивановича Оболенскаго Стриги; много было въ немъ Русскихъ ратниковъ, къ нимъ придано еще и Татаръ подручныхъ Великому Князю Татарскихъ Царевичей Даньяровъ. Этотъ отрядъ посланъ на Волочокъ, и долженъ былъ пройти побережье рѣки Меты. Всѣмъ дано приказаніе жечь безъ пощады Новгородскіе пригороды и селенія: положить пусту землю, черезъ которую будетъ лежать путь, убивать безъ разбора и состраданія и малыхъ, и старыхъ, и загонять въ плѣнъ людей. 24 Іюня прибылъ Великій Князь въ Волокъ, 29 въ Торжокъ. На Волокъ сошлись съ нимъ его братья съ своими ополче-

ніями, въ Торжкѣ ратная сила Тверской земли. Великій Князь понималъ съ кѣмъ имѣеть дѣло и не думалъ о генеральной битвѣ; онъ собралъ своихъ братьевъ и Воеводъ, и сказалъ имъ: «Ступайте каждый съ своими силами, ступайте разными дорогами къ Великому Новгороду; жгите, убивайте, въ плѣнъ людей загоняйте.» И они пошли исполнять повелѣніе своего властителя разными дорогами. На берегу Ильменя при Коростынѣ произошла битва, и Новгородцы проиграли. Отпущенные въ Новгородъ безъ носовъ и губъ, на однихъ навели страхъ, на другихъ ожесточеніе и охоту къ ищенію. Сначала взялъ верхъ страхъ; стали говорить о мирѣ, и послали къ Великому Князю Луку Клементьева просить опасу для пословъ. Но когда Лука уѣхалъ, люди партіи Литовской ободрили народъ и взяли верхъ. «Одной побѣдой все дѣло перемѣнится», говорили они. Надежда была на помощь отъ Казимира, и послали къ нему гонца, съ просьбою скорѣе прислать войско на выручку Новгорода, а между тѣмъ отправили противъ враговъ ополченіе. Произшла битва другая при Шилентѣ, и Новгородцы опять проиграли. Обезоруженные и раненые бѣжали они, какъ безумные. «Господь ослабилъ ихъ, говоритъ современникъ; поглощена бысть мудрость ихъ; бѣжали въ лѣса, бѣжали въ болота, раненые заползали въ чащи и тамъ истекали кровью; тѣ взяли въ тинѣ; болѣе счастливые, у кого кони были пошибче, летѣли безъ оглядки до тѣхъ поръ, пока кони подъ ними не падали и не выпускали духъ. Великій Князь стоялъ тогда въ Яжелбищахъ съ братьями и со всѣмъ главнымъ войскомъ. 18 Іюля пріѣхалъ Замятія. Великая радость исполнила тогда все Московское войско. Иванъ Васильевичъ, въ знакъ благодарности небу, далъ тотъ часъ же обѣтъ построить церковь въ Москвѣ во имя Апостола Акилы: въ день этого Святаго совершилась блистательная побѣда. Къ довершенію удовольствія, явились Псковскіе послы и извѣстили, что Псковичи вошли въ Новгородскую волость, въ угоду Государю истребляютъ села людей, запирая въ избахъ, живемъ сожигаютъ. Снявшись съ лагера, Государь Московскій отправился въ Русу, и тамъ Холмскій съ товарищами своими привелъ къ нему связанныхъ Новгородскихъ Воеводъ. «Вы, говорилъ имъ Иванъ, отступили свѣта благочестія и приложились къ Латинству, отдавали отчину мою и самихъ себя Латинскому Государю.» Договорныя грамоты съ Казимиромъ были въ рукахъ Московскаго Князя, на уличеніе Новгородцевъ. Прочитавъ плѣнникамъ правоуменія въ красивыхъ выраженіяхъ, съ приравною

изъ духовныхъ словъ, Иванъ приказалъ четырехъ изъ нихъ казнить смертію, а остальныхъ большихъ людей, челоувѣкъ пятьдесятъ, въ оковахъ отослать въ Москву. 24 Іюля въ разоренной Русѣ на площади отрубили голову сыну Марѣы Борецкой, Дмитрію, Василию Селезеву Губѣ, Кипріину Арбузеву и Архіепископскому чашнику Іеремію Сухощеву: это были самыя горячіе сторонники Литвы.

Вопль родныхъ погибшихъ на Шелони разносился по Новгороду. Марѣа Борецкая, не смотря на собственное матерянское горе, ободряла народъ, и ея приверженцы думали еще держаться, начали жечь посады и монастыри, чтобъ не дать врагамъ пристанища на время осады: надѣялись, что тѣмъ временемъ подоспѣтъ Литовская помощь на выручку. Ставили сторожей, день и ночь должны были они стоять на стѣнахъ и высматривать непріятеля. Но Московская партія въ Новгородѣ дѣлала свое. Кто то Упадышъ заколотилъ 5 пушекъ (по нѣкоторымъ спискамъ 50), поставленныхъ на стѣнахъ. Его казнили съ единомышленниками. «Лучше бы тебѣ, Упадышъ, не быть въ утробѣ матерной, чѣмъ наречься предателемъ Новгорода!» восклицаетъ лѣтописецъ. Скоро послѣдняя и единственная надежда для спасенія пропала для Новгорода. Посолъ, отправленный къ Казимиру, возвратился въ Новгородъ. Ливонцы не пропустили его къ Королю. Надежды на Литву не было. Московская рать шла къ городу. Отваживаться выдержать осаду было чрезвычайно трудно. Тутъ Упадышъ пушки заколотилъ, а еще и голодъ угрожалъ. Въ городъ набѣжало множество народа изъ селъ, укрываясь отъ непріятеля. Недостало ржанаго хлѣба, пшеничный былъ, да очень дорогъ, доступенъ только богатымъ, и вотъ по вѣковому обычаю поднимались бѣдныя на богатыхъ, житники на пшеничниковъ; начались смуты и нестроенія. Тѣ, которые прежде, по наущенію Марѣы и ея приверженцевъ, такъ усердно прославляли вольность Великаго Новгорода и Казимира, теперь ударили въ вѣчевой колоколъ, съ иною цѣлью. «Что, гдѣ вашъ Казимиръ? кричали они: гдѣ? Вотъ до чего довели насъ прелестники, обманщики!» И когда прежніе ихъ противники, Московцы, явились, то не камнями ихъ встрѣтили, а слезами у нихъ прощенія просили. «Не слушались мы васъ, большихъ, умныхъ людей, говорили они, себѣ на бѣду, а послушались безумцевъ, что и сами пропали, и насъ на горе подвели: теперь будемъ уже васъ во всемъ слушать. Спасайте Новгородъ: идите бить челоуѣ Великому Князю, чтобы насъ помиловалъ.» «Вотъ то-

то братцы, отвѣчали имъ сторонники Москвы, есlibъ вы бабѣ не слушали и зла не начинали, такъ и бѣды бѣ такой не сложилось, но добро и то, что хоть теперь грѣхъ и безуміе свое познали; мы не можемъ за дѣло сами взятыся, а пошлемъ отъ нареченнаго Владыки просить у Великаго Князя опаса: если дастъ опась, значить смирится и не погубить своей отчины до конца!» Всѣ пошли толпою на Софійскій дворъ. Владыка сталъ научать ихъ и ободрять, и взялся быть ходатаемъ; онъ собрался въ путь, съ нимъ пошли Священники отъ семи Новгородскихъ соборовъ, старые Посадники и Тысяцкіе, и пять житыхъ отъ пяти концовъ. Повезли дары: нельзя было являться съ пустыми руками къ Москвичамъ.

Великій Князь изъ Русы 27 Іюля прибылъ на берегъ Ильменя и сталъ между Коростынемъ и берегомъ (вѣрно устьемъ Шелѣни). Онъ готовился идти на Новгородъ уничтожить его, есlibъ Новгородъ упорствовалъ, но не расположенъ былъ отвергать покорности; тогда это было не въ видахъ его. При томъ же Митрополитъ Филиппъ написалъ къ нему посланіе, и въ немъ увѣщевалъ простить Новгородцевъ, если они принесутъ повинную.¹⁹² Къ стану его пристало судно, изъ него вышли нареченный Владыка и послы. Они не смѣли явиться прямо предъ лицо Великаго Князя: уже тогда возникла въ порядкѣ Московскаго самодержавія чиновная лѣстница и придворная обрядность. Прежде Новгородцы явились къ Боярамъ и поднесли поминки: принявшіе ихъ Бояре доложили братьямъ Великаго Князя; явились Новгородцы предъ Князьями, и такъ же поднесли поминки, а братья доложили Великому Князю и вмѣстѣ съ Боярами утѣшали его сжалиться и допустить къ своимъ очамъ просящихъ пощады и милости. Послѣ этихъ обрядовъ позволено было послать войти въ шатеръ Великаго Князя. Увидѣвъ грознаго предводителя, Новгородцы поклонились до земли, и Владыка произнесъ:

«Господинъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, милостивый! Господа ради, помилуй виновныхъ предъ тобою людей Великаго Новгорода, своей отчины! Покажи, Господине, свое жалованье, смилуйся надъ своею отчиною; уложи гнѣвъ и уйми мечъ; угаси огонь на землѣ и не порушай старины земли твоей;

¹⁹² Мы уже приводили это посланіе, когда говорили о печалованіи Митрополита Филиппа 1.

дай свѣта видѣть безъотвѣтнымъ людямъ твоимъ, помилуй, смилуйся, какъ Богъ положитъ на сердце!» Владыка прерывалъ эту рѣчь слезами, Новгородцы стояли съ плаксивными минами и съ поникшими головами.

Тогда братья Великаго Князя стали просить о помилованіи Новгородцевъ.

Видѣлъ Великій Князь, говорить лѣтописецъ, печалованіе и челобитье братіи своей, и своей отчины, и Бояръ многихъ и Князей, вспомнилъ грамоту отца своего Митрополита, полученную нимъ на пути. Иванъ объявилъ Новгородцамъ свое милосердіе: «Отдаю сказалъ онъ, не любье свое, унимаю мечъ и грозу въ земли и отпускаю полонъ Новгородскій безъ окупа; а что залого старые и пошлѣны, о всѣмъ томъ укрѣпимся твердымъ цѣлованіемъ по старинѣ.» Составлены были двѣ договорныя грамоты, по нимъ Новгородъ отрекался отъ союза съ Латвнскимъ Княземъ Казимиромъ, обязывался не принимать враговъ и всѣхъ лиходѣевъ Великаго Князя, не ставится Владыкѣ на достоинство нигдѣ, кромѣ Москвы, и ни у кого, кромѣ Московскаго Митрополита.

Послѣ договора, Великій Князь угостилъ, въ знакъ мировой, нареченнаго Владыку и Новгородскихъ пословъ, и опустилъ дружескию въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ Бояриномъ Феодоромъ Давидовичемъ. Послѣдній долженъ былъ привести къ присягѣ на сохраненіе договора весь Новгородъ, отъ мала до велика. Когда Великій Князь узналъ, что присяга дана и получилъ часть копѣйнаго, то двинулся съ войскомъ въ обратный путь.

Партія патріотовъ не умерла. Нѣсколько лѣтъ придавленная противною, она опять взяла верхъ; масса народа группировалась около ея представителей. Новгородскимъ посадникомъ былъ выбранъ одинъ изъ заклятыхъ враговъ Московскаго самовластія, Василій Ананьинъ. Ему подобныя патріоты, занявъ должности, не могли не питать злобы къ своимъ противникамъ въ Новгородѣ; плачевный исходъ борьбы 1471 года они приписывали ихъ измѣнѣ, двоедушію и трусости; Селезневъ, сынъ Марыи Борецкой Феодоръ, староста Феодоровской улицы Памфилъ, ѣздившій къ Казимиру, и другіе главные представители бывшей Литовской партіи сдѣлали набѣгъ на Ставкову и Никитину улицу, приколотили нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ достоиніе. Тоже сдѣлалось съ Боярами Полянарными. Буйство, неурядица, произволь личной свободы и прежде составляли характеръ Новгородской жизни; теперь неистовство политическихъ стра-

стей доводило до высшей степени эти обычные качества. Люди Московской партіи не могли нигдѣ себѣ найти управы: терпѣли насилія, поруганія и обращались къ Великому Князю просить защиты. Это и нужно было Ивану. 1475 г. съ своими Боярами онъ отправился въ Новгородъ, и добѣжавши до Волока, встрѣченъ былъ новыми жалобниками: они описывали ему свое тяжелое положеніе и просили суда и защиты.

Великій Князь, не выставляя на видъ своихъ намѣреній, объявилъ, что ѣдетъ въ Новгородъ съ миромъ, какъ будто для посѣщенія своей отчины, въ гости къ Новгородцамъ. Зажиточные люди засуетились: надобно было принимать гостя, учреждать ему пирьы, и дарить его. По старымъ обычаямъ, Князю, какъ и Владыкѣ и вообще почетному лицу, дѣлалась встрѣча. Феофилъ Степенный Посадникъ, Тысяцкій, нѣсколько Бояръ и житыхъ людей отправились привѣтствовать гостя.

Черезъ день послѣ того, 25 Ноября, пріѣхалъ къ Ивану Владыка съ нѣкоторыми значительными людьми, въ ихъ числѣ съ Казимиромъ, бывшимъ прежде въ плѣну у Іоанна. Вдругъ явятся челобитчики изъ Славковой и Никитиной улицъ просить суда. Ивану прежде извѣстно было это дѣло; онъ не показавъ этого, выслушалъ внимательно, далъ своихъ приставовъ звать къ суду обвиняемыхъ, а потомъ обратясь ко Владыкѣ и Новгородцамъ сказалъ: «И ты бы, мой богомолецъ, и вы, посадники нашей отчины, сказали бы Великому Новгороду, чтобъ дать своихъ приставовъ на этихъ насильниковъ, на которыхъ я далъ моихъ. Я хочу разсмотрѣть это дѣло: и ты, богомолецъ, и вы, посадники, у меня тогда будьте: мнѣ хочется дать обиженнымъ управу. Бояре, скажутъ онъ, обращаясь къ двумъ изъ своихъ Бояръ: идите къ отцицѣ моей Великому Новгороду, чтобъ дать приставовъ на обидящихъ братіи своихъ!» Срокъ былъ назначенъ на другой день 26 числа, въ Воскресенье.

Въ этотъ день на Городицѣ явились двѣ толпы съ двухъ сторонъ; въ одной стояли истцы, въ другой отвѣтчики. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ Степенный Посадникъ. Иванъ распросилъ, выслушалъ и сказалъ, что онъ жалобниковъ отправляетъ, а тѣхъ, которые дѣлали наѣзды, грабили и били, обвиняетъ. Новгородцы съ Владыкою, стоявшіе близъ Князя въ качествѣ соучастниковъ суда, были въ сущности простыми зрителями. Отвѣтчиковъ Великій Князь приговорилъ къ уплатѣ требуемаго иска, котораго показано было на сумму полторы тысячи рублей, и приказалъ дѣ-

тѣмъ Боярскимъ взять нѣсколько лицъ подъ стражу, въ томъ числѣ Степаниаго Посадника и Марѣина сына. Феофилъ вызывался взять ихъ на крѣпкія поруки въ уплатѣ требуемой суммы. Тутъ, взглянувши значительно на Афанасьева, Великій Князь сказалъ: «Ты пойманъ и въ томъ, что мыслилъ Новгороду отъ меня, Великаго Князя, отдаться за Короля!» Разошлись Новгородцы. Но на третій день послѣ того услышалъ Владыка, что Великій Князь не думаетъ ограничиться только взысканіемъ денегъ, а хочетъ казнить виновныхъ за грабежъ, побой и убійства въ дракъ. Феофилъ съ Посадниками отправился къ нему и сталъ просить помилованія отъ лица всего Новгорода.

Великій Князь отвѣчалъ: «извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Великому Новгороду, нашей отчинѣ, сколько отъ этихъ Бояръ чинилось лиха и прежде, а нынѣ, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ чинится, какъ же мнѣ за то ихъ лихо жаловать!» И онъ отправилъ въ оковахъ въ Москву Василя Ананьи-на, Федора Борецкаго, Ивана Афанасьева съ сыномъ Алферіемъ, Богдана Есипова, Лошинскаго. Тогда Владыка сталъ просить за другихъ. Такъ какъ послѣднихъ Иванъ Васильевичъ не считалъ главными своими непріятелями, то сказалъ, что прощаетъ ихъ только съ тѣмъ, чтобъ они загладили свою вину. Нагрузивши свои повозки добромъ всякаго рода, Великій Князь попрощался дружелюбно съ Новгородцами. 26 Января, снова Новгородъ отправилъ въ Москву посольство, просить отпуска задержанныхъ. Во главѣ посольства былъ Владыка. Великій Князь принялъ ихъ ласково, угощалъ ихъ пирами, но не отпускалъ изъ задержанныхъ ни кого. Этими дѣло не покончилось.

27 Февраля 1477 года, между челобитчиками, пріѣхали въ Москву: Подвойскій Низаръ да Дьякъ вѣча Захаръ. Въ Москву разумѣется ихъ послали отъ Владыки и всего Великаго Новгорода. Въмѣсто того, чтобъ Великаго Князя и его сына, котораго имя поставлено въ договорѣ вмѣстѣ съ отцовскимъ въ значеніи соправителя, называть господами, они называли ихъ государями. Съ утвержденіемъ самодержавнаго начала, какъ извѣстно, получили важное значеніе титулы, которые въ послѣдствіи играли весьма значительную роль въ нашей государственной исторіи и не одинъ разъ служили предлогомъ къ войнамъ. Великій Князь тотчасъ придрался къ этому, и на вопросъ о титулѣ завязалъ рѣшительное дѣло о судьбѣ Великаго Новгорода. Онъ отправилъ въ Новгородъ

пословъ Бояръ своихъ: Ѳедора Давыдовича, Ивана Пучкова, и Дьяка Василия Далматова, нарочно по этому вопросу.

Ставши на вѣчь, послы сказали: «Великій Князь велѣлъ спросить Новгородъ: какого государства онъ хочетъ?»

Вѣче заволновалось. «Мы не хотимъ никакого государства!» кричали Новгородцы.

«Но Великій Новгородъ (сказали послы) послалъ къ Великому Князю отъ Владыки и отъ всѣхъ людей Великаго Новгорода пословъ своихъ, Назара и Захара, бить челомъ о государствѣ, и послы назвали Великаго Князя Государемъ.»

«Вѣче никогда не посылало, кричали Новгородцы; вѣче никогда не называло Великаго Князя Государемъ! Отъ вѣка не было того, какъ и земля наша стала, чтобы какого ни будь Князя мы называли Государемъ. Мы всякаго своего Князя называли Господиномъ, а не Государемъ. А что Великому Князю сказывали, будто мы посылали, такъ это ложь!»

Новгородцы пришли въ негодованіе: ясно было, что добиваются до послѣднихъ правъ ихъ самобытности. Народъ кричалъ: «Какъ смѣли ходить въ Москву судиться и присягать Великому Князю, какъ Государю!... Этого отъ вѣка не дѣлалось; и въ докончаніи сказано, чтобъ Новгородца не судить на Низу, а судить въ Новгородѣ! Давайте сюда того, кто ѣздилъ судиться!» 31 Мая притащили на вѣче: Василия Никифорова Пенкова и Захара Овинова. «Перевѣтникъ!» кричали Новгородцы на Василия: «ты былъ у Великаго Князя, и цѣловалъ ему на насъ крестъ!»

«Я былъ у Великаго Князя, сказалъ Василій, и цѣловалъ ему крестъ въ томъ, что служить мнѣ Великому Государю правдою и добра хотѣть, а не на Государя моего, Великій Новгородъ, и не на васъ, свою госпуду и братію!» Прижали Захара, и Захаръ доказывалъ на Василия, что тотъ цѣловалъ крестъ. Новгородцы убили камнями Василия.

Не спасло и Захара болѣе искреннее сознаніе. Убили и его. Убили и брата его, Кузьму. Тогда нѣкоторые изъ Бояръ, благопріятелей Москвы, увидѣли надъ собой бѣду, и бѣжали изъ Новгорода. Ихъ обласкали, наградили въ Москвѣ, а ихъ примѣру послѣдовали другіе. Бѣглецы рассказывали, что Новгородъ взбунтовался, хочетъ опять Казимира, и подстрекали Великаго Князя наказать войною непокорную отчину. Великокняжескихъ пословъ продержали въ Новгородѣ шесть недѣль, и потомъ дали имъ такой отвѣтъ:

«Бьемъ челомъ господамъ своимъ, Великимъ Князьямъ, а Государями ихъ не зовемъ; судъ вашимъ Намѣстникамъ по старинѣ на Городищѣ, а у насъ суда вашего, Княжескаго, не будетъ, и Тиунамъ вашимъ у насъ не быть; дворища Ярослава не дадимъ вамъ. Какъ мы съ вами на Коростынѣ миръ кончили и крестъ цѣловали, такъ на томъ докончаніи и хотимъ съ вами жить, а съ тѣми, что поступали безъ нашего вѣдома, ты, Государь, самъ развѣдайся: какъ хочешь, такъ и казни; но и мы тоже, гдѣ котораго поймемъ, тамъ и казнимъ; а вамъ, своимъ господамъ, бьемъ челомъ, чтобы держали насъ по старинѣ, по крестному цѣлованію.»

Великій Князь опять пошелъ съ ратью на Новгородъ, и уже достигъ Ильменя и остановился на правомъ берегу озера, въ Сытинскомъ погостѣ. Здѣсь-то опять явился къ нему Владыка съ Новгородцами просить мира:

«Господинъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси!» говорилъ Владыка: «Я, богомолецъ твой, и Архимандриты, и Игумены, и всѣ Священники семи соборовъ Новгородскихъ, бьемъ тебѣ челомъ. Мечъ твой ходитъ по Новгородской землѣ, кровь Христіанская льется. Смилуйся надъ своею отчиною, уйми мечъ, угаси огонь! Отпусти въ Великій Новгородъ Бояръ, которыхъ ты свелъ на Москву въ первыи твой пріѣздъ!»

Когда Бояре доложили Великому Князю, онъ велѣлъ дать Новгородцамъ такой отвѣтъ:

«Вы сами знаете, что присылали къ намъ, Великимъ Князьямъ, отъ нашей отчины Подвойскаго Назара да вѣчнаго Дьяка Захара, и они называли насъ Государями. По вашей присылкѣ и челобитью, мы отправили ко Владыкѣ и ко всему Великому Новгороду своихъ пословъ, и велѣли спросить: «Какого государства вы хотите въ Великомъ Новгородѣ?» Вы заперлись и сказали, будто пословъ къ намъ не присылали, и на насъ, Великихъ Государей, взвалили, будто мы нацѣ вами чинимъ насилія, и ложь положили на насъ, своихъ Государей. Много и другихъ неисправленій чинится отъ васъ; но мы все ждали вашего обращенія, а вы явились еще лукавиѣйшими. За это мы болѣе не возмогли терпѣть и положили ити на васъ ратью, по Господнему словеси: «Аще согрѣшитъ братъ твой, шедъ, обличь его предъ собою и тѣмъ единѣмъ, и аще послушаетъ тебе, приобрѣтъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ тебе, пойми съ собою два, или трехъ, свидѣтелей; при устахъ бо дву, или трехъ, да станетъ всякъ глаголь; аще же и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще и о Церкви не ра-

дѣти начнешь, буди ти яко же язычникъ и мытарь.» Вотъ мы такъ и поступили. Посылали къ вамъ, своей отчины: «Перестаните отъ злѣбъ вашихъ!» а вы не захотѣли, и вмѣнились намъ яко черни. И мы, положи упованіе на Господа Бога, и Пречистую Его Матерь, и на Святыхъ, и на молитвы прародителей своихъ, пошли на васъ за ваше неисправленіе.

Другой Бояринъ говорить посламъ отъ имени Великаго Князя: «На тѣхъ Боярь, о которыхъ вы просите, весь Великій Новгородъ былъ челомъ: отъ нихъ дѣлаюся много зла и Великому Новгороду и волостямъ его: паѣзды, грабежи, отнятіе животѡвъ людскихъ, пролитіе Христіанской крови. Да не ты ли, Лука Исаковъ, былъ тогда истцемъ на нихъ, и не ты ли, Григорій Кипріяновъ, приходилъ на нихъ жаловаться отъ Никитской улицы? Я, Великій Князь и такъ, по просьбѣ Владычней и вашей, помиловалъ ихъ и не казнилъ; а вы нынче и тѣхъ виновныхъ вставляете въ ваши рѣчи. Не по пригожу вы бѣсте челомъ, и какъ мнѣ васъ жаловать?»

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили волненія. Посольство отправлялось отъ одной стороны другая хотѣла зацѣпцаться до послѣдней капли крови, по чему построили стѣну черезъ Волховъ, укрѣпляли острогъ. Но Владыка и умѣренная сторона рѣшились успокоить Великаго Князя и взвести на себя вину, въ которой, быть можетъ, изъ нихъ никто не былъ виноватъ.

5-го Декабря явились они снова въ станъ Великаго Князя и сказали: «Мы винимся въ томъ, что посылали Назара да Захара, и передъ послами Великаго Князя заперлись.»

«А какъ вы, отвѣчалъ Великій Князь черезъ Боярь, Владыка и вся отчина моя, Великій Новгородъ, передъ нами, Великими Князьями, виновными сказались, и сами на себя теперь свидѣтельствуєте, и спрашиваете: «Какого государства мы хотимъ?» (хотя тѣ и не спрашивали), то мы хотимъ такого государства въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ.»

Владыка съ прежними послами поѣхалъ въ станъ и объявилъ, что Новгородъ согласенъ отложить и вѣче, и колоколъ, и Посадника, лишь бы Государь не вступался въ Боярскія земли, оставилъ судъ по старинѣ, да чтобъ не было ни позвовъ къ суду, ни выводовъ людей изъ Новгородской земли въ другую. Великій Князь повторилъ прежде данное обѣщаніе.

Владыка началъ говорить: «Бьемъ челомъ Великому Князю: смилуйся, Государь, имать дань съ сохи съ трехъ обжей по полугривнѣ, и брать одинъ разъ въ годъ.»

Доложили Великому Князю. Иванъ Васильевичъ согласился, только съ тѣмъ, чтобъ брать эту дань со всѣхъ; безъ льготы: со всякаго, кто землю оретъ, и съ ключниковъ, и съ одерноватыхъ.

Новгородцамъ оставалось безмолвно согласиться, и они цѣловали крестъ по записи.

Послѣ этого Новгородцы созваны были на Софійскій дворъ. Въ палатѣ были: Владыка, духовенство и Бояре; за ними толпы вошли въ палату, другіе стояли на открытомъ воздухѣ. Князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ: «Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, всея Русіи, Государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу, Владыкѣ и своей отчинѣ, Великому Новгороду, глаголетъ такъ: Ты, нашъ богомолецъ, Θεофилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ, были челомъ нашей братіи о томъ, чтобъ я пожаловалъ, силовался и нелюбе сердца сложилъ. Я, Князь Великій, ради своей братіи, жалую свою отчину и отлагаю нелюбе. Ты, богомолецъ нашъ, Архіепископъ, и отчина наша, написали грамоту, на чемъ добились намъ челомъ и цѣловали крестъ: пусть теперь всѣ люди Новгородскіе, моя отчина, цѣлуютъ крестъ по той же грамотѣ и оказываютъ намъ должное; а мы васъ, свою отчину, и впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ.»

Пожертвовавъ свободою, Бояре думали, что, по крайней мѣрѣ, сохранять свои имущества и останутся на мѣстѣ, но скоро оказалось, что Иванъ не слишкомъ цѣнилъ обѣщаніе, на которое не даромъ не хотѣлъ присягать. Перваго Февраля схватили купеческаго Старосту, Марка Панфильева, и увели въ станъ. На другой день, 2 числа, схватили Марю Борецкую и внука ея. Сынъ ея, отецъ этого внука, уже умеръ въ заточеньи въ Муромѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, схватили другихъ Новгородцевъ, стоявшихъ прежде во главѣ патріотической партіи: Арбузьева, Ивана Савельева, Никитина съ сыномъ и Юрія Репехова. Всѣхъ ихъ оковали, повезли въ Москву, а ихъ имущества отписали на Государя. Такъ достался Ивану и тотъ чудный дворъ Марыи Посадницы, гдѣ собирались патріоты и разсуждали о томъ, какъ имъ противостоять Московскому самовластію. Въ Новгородѣ оставлены четыре Намѣстника: два должны жить на Торговой сторонѣ, на Ярославомъ дворницѣ, а два на Софійской, въ Архіепископскомъ дворѣ. Такимъ образомъ ихъ управленіе замѣняло древнее вѣче, собиравшееся на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ теперь указано жить.

Новгородскій пагромъ этимъ не кончился.

Новгородцы Московской стороны донесли на своихъ соотчичей, что составляютъ заговоръ: хотять отложиться отъ Москвы и призывать снова Казимира.

У Ивана былъ уже списокъ главныхъ заговорщиковъ, сообщенный ему предателями. По этому списку онъ велѣлъ схватить пятьдесятъ человекъ. Ихъ начали пытать. Въ мукахъ они стали говорить на другихъ и указали, что и Владыка Теофилъ былъ въ согласіи. Московскій Государь не долго разбиралъ дѣйствительность вины Владыки. 19 Января, по его приказанію, Архіепископа схватили безъ церковнаго суда, отвезли въ Москву и заточили въ монастырь. Его имѣніе, состоявшее во множествѣ жемчуга, золота, серебра, камней, взялъ Московскій Великій Князь себѣ. Всѣхъ обвиненныхъ тоже казнили.

Изъ Владыкъ другихъ городовъ показалъ въ это время примѣръ печалованія Епископъ Ростовскій, Св. Іаковъ: въ церковныхъ пѣсняхъ Святитель восхваляется, какъ твердый наставникъ вельможъ, то какъ сострадательный покровитель вдовъ и бѣдныхъ, утѣшитель печальныхъ, или какъ смиренный и терпѣливый пастырь. По надписи на древнихъ иконахъ и на самыхъ изображеніяхъ видимъ слѣдующее: женщина, застигнутая въ преступленіи, приговоромъ Бояръ осуждена была на смерть; въ раскаяніи падаетъ она къ ногамъ Святителя Іакова и умоляетъ спасти ее отъ смерти. «Безгрѣшный пусть броситъ камень на грѣшницу,» говоритъ Святый судьямъ, и назначаетъ грѣшницѣ мѣсто покаянія. Но этотъ, столь высокій, поступокъ Святителя раздражилъ и безъ того непокойную именитость. Высокій поступокъ его выдали за уликъ въ нечистой жизни его, и дерзко, безъ суда церковнаго, изгнали его изъ города.²²⁴

Изъ иноковъ XIV и XV вѣковъ показали примѣры печалованія: Григорій, Кирилъ Бѣлозерскій, Мартиніанъ и Серапіонъ.

Григорій въ 1433 г. отправился въ Москву, гдѣ тогда Князь Юрій Дмитріевичъ управлялъ Великимъ Княжествомъ, выгнавъ Василю Васильевича изъ Москвы. Онъ убѣждалъ Юрія возвратить Василю наследственную собственность его, къ общему покою, и Юрій возвратился въ Галичъ. Въ слѣдующемъ году сынъ Юрія, Князь Дмитрій Шемяка, сталъ опустошать Вологодскую страну, принадлежащую Василю; жители оставляли свои жилища, и иные

²²⁴ Сѣверно-Русскія народопр. Костомаревъ.

умирали съ голоду, другіе скитались, не зная, гдѣ преклонить голову. Толпы народа собирались за пищу въ обитель Григорія, и онъ щедро подавалъ помощь. Воспламененный святою ревностью, отправился онъ къ Шемякѣ. «Князь Дмитрій! говорилъ пустынякъ, ты творишь дѣла язычника: ступай въ страну язычниковъ, не знающихъ Бога. Христіанскія вдовы и сироты вопіютъ противъ тебя предъ Богомъ, сколько людей гибнутъ отъ тебя и голодомъ и стужею!» Шемяка, взбѣшенный гордостію, приказалъ бросить старца съ моста. Преподобный нѣсколько часовъ лежалъ безъ чувствъ сильно разбитый. Придя въ себя, сказалъ онъ окружающимъ: «Каковъ господинъ, таковы и люди, но, несчастные, погибнутъ они.» Шемяка, какъ ни былъ черствъ, уступилъ обличеніямъ Преподобнаго, и оставилъ Вологду. ¹³⁵

Кирилъ, въ посланіи своемъ къ Великому Князю Василию, писалъ: «Чѣмъ болѣе Святыя приближаются къ Богу любовью, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными! Ты, Государь, приобретаешь себѣ великую пользу душевную смиреніемъ своимъ, тѣмъ, что посылаешь ко мнѣ, грѣшному, нищему, страстному и недостойному, съ просьбою о молитвахъ... Я, грѣшный, съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, наемъ Государѣ. Но, ради Бога, будь и самъ внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію, на которыхъ Духъ Св. поставилъ тебя пасти людей, искупленныхъ кровію Христовою. Чѣмъ болѣе удостоенъ ты власти, тѣмъ болѣе строгому подлежишь отвѣту. Воздай благодѣтелю долгъ твой храненіемъ святыхъ заповѣдей Его и уклоненіемъ отъ путей, ведущихъ къ гибели. Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ отъ того бываетъ не важный; если же ошибется кормчій, то губитъ весь корабль: такъ, Государь, бываетъ и съ Князьями. Если согрѣшитъ Бояринъ, наноситъ пакость себѣ, а не всѣмъ; но если согрѣшитъ самъ Князь, причиняетъ вредъ всѣмъ подчиненнымъ ему. Не надмевайся же временною славою по шатанію суеты... Слышалъ я, что у тебя, Великій Князь великое несогласіе съ твоими сродниками, Князьями Суздальскими: ты выставляешь свою правду, а они свою, кровь Христіанъ льется, и изъ этого несогласія между вами открылось сильное кровопролитіе въ народѣ Христіанскомъ. Осмотрись, Государь! Если они правы въ чемъ либо, уступи имъ смиренно, если

¹³⁵ См. Арцыб. Шовъетъ, о Россіи, т. 2, стр. 188.

въ чемъ правда на твоей сторонѣ, стой за правду. Если они будутъ кланяться тебѣ и просить милости Бога ради, Государь, окажи имъ милость сколько можно. Я слышалъ, что они у тебя въ услугахъ и утѣшеніи, отъ того-то поднялись на брань. Бога ради, Государь, покажи къ нимъ любовь и состраданіе, дабы не погибли, блуждая въ Татарскихъ странахъ. Никакая власть, ни Царская, ни Княжеская, не можетъ избавить насъ отъ мелищемѣрнаго суда Божія; а если будешь любить ближняго, какъ себя, если утѣшишь души скорбныя и огорченныя: это много поможетъ тебѣ, Государь, на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ. Апостолъ Павелъ, ученикъ Христовъ, пишетъ: «Аще имамъ вѣру горы представляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ни что же пользы ми есть»... Люби же братію твою и всѣхъ Христіанъ: твоя вѣра къ Богу и милостыня нищимъ угодны будутъ Господу.³⁹⁶

Мартиніанъ, въ 1447 году, ходатайствовалъ предъ Великимъ Княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, за обиженного имъ Боярина. Дѣло было такъ: Василій поручилъ Мартиніану уговорить вельможу, удалившагося къ Тверскому Князю, возвратиться въ Москву, съ тѣмъ, что не только будетъ прощень, но и награжденъ почестями. Бояринъ послушался Преподобнаго, но, вмѣсто почести, заключень былъ въ темницу. Услышавъ о томъ, Мартиніанъ немедленно явился къ Великому Князю и сказалъ, духовному сыну своему: «Таковъ ли праведный судъ твой, Великій Князь? Ты продалъ грѣшную мою душу, лишивъ свободы того, кому ручался я за свободу душою моею. Да не будетъ благословеніе мое на тебѣ и на твоёмъ княженіи!» Великій Князь созналъ свой грѣхъ. Въ слухъ Бояръ своихъ сказалъ онъ, какъ бы гнѣваясь: «Судите, Бояре, что со мною надѣлалъ болотный чернецъ! Пришелъ ко мнѣ во дворець, и снялъ съ меня благословеніе Божіе:» Бояре не понимали, что это значить. Великій Князь прибавилъ: «Виновать я предъ Богомъ, други мои. Забылъ свое слово и поступилъ несправедливо: пойдѣмъ къ Св. Троицѣ, къ Преподобному Сергію и блаженному Мартиніану, чтобы получить прощеніе!»

Въ слѣдъ за тѣмъ освободилъ онъ Боярина и осыпалъ его милостями, а потомъ отправился въ обитель Преподобнаго Сергія.

При Серапіонѣ, въ 1493 году, три Боярыни обвинены были

³⁹⁶ Акт. Ист. т. 1, № 12.

предъ Великимъ Княземъ, Иваномъ, въ волшебствѣ; строгій Иванъ велѣлъ сжечь ихъ. Блаженный Серапіонъ, увѣренный въ невинности несчастныхъ, послѣ усердной молитвы ко Св. Троицѣ, явился къ Великому Князю, и убѣждалъ его отмѣнить суровый приговоръ. Великій Князь послушался благочестиваго Игумена, и жизнь трехъ невинныхъ была спасена.¹⁹⁷

Такимъ образомъ, въ пору преобладанія родовыхъ началъ, всѣхъ печаловниковъ за опальныхъ среднимъ числомъ было 31 человекъ.

Не такъ счастлива была для печалованія пора преобладанія Государственныхъ началъ. Мы видѣли, что сильная степень проявленія его въ пору преобладанія родовыхъ началъ зависѣла, главнымъ образомъ, отъ выгоднаго, нравственнаго и матеріальнаго, положенія духовенства въ обществѣ, и что самое это положеніе вытекало, съ одной стороны, изъ религіозно-нравственнаго настроенія общества и превосходства надъ нимъ въ этомъ отношеніи духовенства, съ другой изъ обстоятельствъ Государственной власти; которая, по своей слабости, нуждалась еще въ религіозно-нравственной и политико-государственной поддержкѣ духовенства, какъ единственнаго почти образованнаго и при томъ священнаго сословія. Въ пору преобладанія Государственныхъ началъ обстоятельства въ этомъ отношеніи измѣнились. Мы уже видѣли, что Древле-Русское общество въ ту пору страдало крайнею испорченностью. Духовенство тоже не спаслось отъ всеобщаго недуга. Благодаря выгодному матеріальному и нравственному общественно-политическому положенію духовенства, въ духовное сословіе (при большой возможности доступа) стекались люди всѣхъ званій и состояній, и при томъ, конечно, не столько изъ призванія къ духовному служенію, сколько изъ желанія поправить свое безвыходное положеніе. Сюда бѣжали, прежде всего, всѣ люди порочные, съ цѣлю скрыться отъ преслѣдованій за преступленія,¹⁹⁸ далѣе, холопы-крестьяне, промышленный разрядъ, наконецъ Бояре, по замѣчанію Собора 1667 года, часто послѣ невольной утраты своего мѣста въ наследственномъ сословіи, или по невозможности, неспособности, нежеланію, сохранить это мѣсто и состояніе и

¹⁹⁷ Рукоп. Житіе Серапіона, невѣстнаго. Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 3, стр. 444, 246; IV, стр. 136.

¹⁹⁸ Сборн. Новг. Соѣ. биб. № 1491, двѣ 368.

стремленію замѣнить его новымъ, а по замѣчанію Стоглаваго Собора, не для спасенія души, а ради тѣлеснаго покоя, чтобы жить въ прохладѣ и всегда бражничать.²⁹⁹ Такимъ образомъ въ бѣломъ духовенствѣ, кромѣ невѣжества и множества излишнихъ членовъ, развилась невнимательность къ своему дѣлу, даже прямая нарушенія обязанностей, происходившія отъ корыстнаго пользованія мѣстами, нетрезвость, неповиновеніе установленной власти, а въ средѣ монашествующихъ—пренебреженіе иноческихъ обѣтовъ и нарушеніе строгости монастырской жизни. «А се приведуть ко мнѣ, писалъ Архипастырь Геннадій, мужика (для постановленія во Священника), и азъ велю ему Апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и азъ велю ему Псалтырь дати, и онъ и по тому едва бредеть. Да мнѣ бьютъ челомъ: «Пожалуйте, Господине, вели учити, и азъ прикажу ихъ учити ектеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ свое говорить, и азъ велю ему учить азбуку, а она поучатся мало азбукъ, да просятъ прочъ и не хотятъ ее учити.»³⁰⁰ «Полонъ міръ Поповъ (писалъ Митрополитъ Даніилъ въ своемъ поученіи Іереямъ), но дѣлателей мало, не умѣютъ книгъ читать; только въ той чинъ выидоша, ищуще льготы себѣ и чести... только мірская печалуютъ, а книгъ и не почитаютъ и учащихъ ненавидятъ. Друзіи рано піютъ, а иные на бесѣдахъ сидятъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы поучать людей на законъ Божій; иные играютъ махи,³⁰¹ шумятся и играютъ въ гусли, въ замры, въ шашки;³⁰² другіе, смотря на васъ (заключаетъ Архипастырь),³⁰³ и пользуясь вашимъ невниманіемъ къ своей должности, позволяютъ себѣ безчисленные пороки.»³⁰⁴ Соборъ 1503 года говорилъ: «Въ нашей Православной вѣрѣ Христіанской многіе Священники, Попы и Діаконы, вдовцы, заблудившись отъ истины и забывъ страхъ Божій, дѣлали безчиніе.»³⁰⁵ Стоглавый Соборъ свидѣтельствуетъ, что Попы и церков-

²⁹⁹ Стогл. Собор. стр. 14 и 174. Акт. Ист. т. 1, № 204. стр. 379, 380, 382, 387; ср. ст. № 212 и 242.

³⁰⁰ Акт. Ист. № 104.

³⁰¹ Сб. Нов. Соф. библ. № 1466, л. 38.

³⁰² Чтенія въ Импер. Обществѣ Ист. и Древн. Рос. 1847 г., № 7.

³⁰³ Акт. Ист. т. 1, № 112, стр. 167.

³⁰⁴ Тамъ же. Сб. Нов. Биб. № 1456, л. 5 и 6.

³⁰⁵ Акт. Арх. Эксп. т. 1, № 383. Древ. Вышлюо. т. 14, стр. 207.

ные причетники въ церквахъ не рѣдко бываютъ пьяны и стоять и служить безъ страха, сквернословятся, даже бьются между собою до кровопролитія.» Иванъ Васильевичъ Грозный издалъ даже Указъ, предписывшій чиновникамъ наблюдать, чтобы духовенство въ корчмы не ходило, не упивалось и послѣ по улицамъ и дворамъ не валялось, не сквернословилось.³⁰⁶ Въ своемъ же посланіи въ Кирилловскій монастырь Грозный такъ описывалъ современнѣйшій ему бытъ монашеской жизни: «Посрамили вы иноческій образъ, отвергли иноческую мудрость и отечеству нашему приготовите чашу, о которой очень тяжело слышать. Нынѣ монахи богатые ѣдятъ и пьютъ, что въ міру, разсылаютъ по селамъ постилы ковражные, пряности и фряжеское, вино горячее. Что нынѣ за вражда въ монастыряхъ! Бояринъ въ монашество своего Боярства не оставляетъ; холопъ постриженный и въ монастырѣ считается холопомъ. Это ли братство и равенство, которому училъ Апостолъ? До чего довела нынѣ такая монашеская жизнь? Мы любимъ злато, беремъ имѣнія, любимъ храмы святые, славу, честь, и красоту, чтобы видѣли насъ всѣ. Богатые монахи укоряютъ бѣдныхъ, у которыхъ нѣтъ имѣнія. Мы ѣдемъ, не обращая вниманія на то, что падъ нами всѣ смѣются. Есть между нами старики, лакомые къ имѣніямъ и свирѣпые на женщинъ, имъ подражаютъ и юные монахи; иноческая жизнь не игрушка—пробыть три дня монахомъ и мѣнять монастырь седьмой, надобно четки носить на сердцѣ, а то я видѣлъ, что по четкамъ ругаются: что пользы въ такихъ четкахъ? Вотъ отъ чего вы не только не дѣлаете назиданія своею жизнью, но еще хулите ея въру Христову. Мы видимъ, что каждый изъ васъ молодыхъ и старыхъ ищетъ власти отъ Царя и Вельможъ, отъ Бояръ имѣнія, отъ бѣдныхъ чести и поклона. Какъ же вы признали жизнь вѣчную и въ то же время ни мало не отказываетесь въ этой жизни отъ славы, чести и имѣнія? Намъ думается, что вы о жизни вѣчной лжете; по любви вашей къ міру видно, что вы не очень-то хотите вѣчной жизни: «Дайте намъ имѣнія ваши и злато, а вамъ пускай остается жизнь вѣчная.»³⁰⁷

По случаю пожара, истребившаго въ 1537 году, въ Твери кафедральную церковь и почти весь Епископскій дворъ со

³⁰⁶ Р. ук. биб. Толстго, Отд. II, № 68, листъ 349 на об.

³⁰⁷ А. И. т. 1, № 204, стр. 377, 383—388, 391.

всею казною, множество другихъ церквей и почитай весь городъ, Максимъ Грекъ, жившій тогда въ Тверскомъ Отрочемъ монастырѣ въ заточеніи, написалъ прекрасное слово, въ которомъ погорѣвшій Владыка Акакій, представляется говорящимъ предъ Господомъ Богомъ слѣдующія слова печали: «Ты самъ, Владыко, свидѣтель, что я никогда не имѣлъ радѣнія къ Твоимъ, божественнымъ пѣснопѣніямъ и прочей Твоей боголѣпной службѣ, я непрестанно совершалъ Тебѣ духовные праздники, прославлялъ Тебя присногласными пѣснями боголѣпныхъ Священниковъ, громкимъ звономъ благозвучныхъ колоколовъ и куреніемъ различныхъ благовоній; я великолѣпно украшалъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями Твои честныя иконы и Пречистыя Твоея Матери. Но чѣмъ я думалъ Тебѣ благодарить, тѣмъ, кажется, только болѣе прогнѣвилъ Тебя. Будучи по существу праведенъ и благу, щедръ и человеколюбивъ, Ты ни какъ не истребилъ бы всепожаряющимъ огнемъ всю церковную красоту и доброту, если бы сами мы не прогнѣвили Твою безпредѣльную благодать преступленіемъ Твоихъ заповѣдей. И такъ молимъ Тебя, раби твои: скажи намъ, въ чемъ мы согрѣшили, чтобы покаяніемъ, равнымъ согрѣшенію, мы могли умиловить Тебя, праведнаго и страшнаго Судію.» На это Господь отвѣтилъ: «За чѣмъ вы, человеки, клеветаете на праведный судъ Мой? Въмѣсто того, чтобы покаяться предо Мною въ своихъ грѣхахъ, вы еще и прогнѣваете Меня звукомъ доброгласныхъ пѣсней и колоколовъ, драгоценнымъ украшеніемъ иконъ и куреніемъ различныхъ благовоній. Ваши приношенія были бы Мнѣ пріятны, если бы вы приносили отъ своихъ законныхъ стяжаній и праведныхъ трудовъ. Если же вы приносите Мнѣ все это отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, отъ грабежа чужихъ имѣній, то Моя душа не только возненавидитъ такія приношенія, какъ смѣшанныя со слезами сиротъ и вдовицъ и съ кровію убогихъ, но и вознегодуетъ на васъ, какъ на приносящихъ недостойное правды и человеколюбія, и потому-то Я или истребляю ваши богатства огнемъ, или отдаю въ расхищеніе Скиѣамъ. Какое Мнѣ отъ васъ угодное служеніе? Если я у васъ на иконѣ ношу золотой вѣнецъ, то за то въ жизни погибаю отъ холода и голода, тогда какъ вы сами постоянно объѣдаетесь, упиваетесь и въ свѣтлыя одежды одѣваете. Помози Мнѣ въ чемъ я нуждаюсь, и Я не прошу у тебя золотого вѣнца. Мое украшеніе, Мой вѣнецъ златотканный, есть посѣщеніе и довольное пропитаніе сиротъ и вдовицъ, такъ ихъ скудость въ необходимомъ—досада. Мнѣ отъ

васъ и крайнее безчестіе, хотя бы вы и безпрестанно гремѣли въ своихъ храмахъ dobroгласными пѣснями. Какое Миѣ наслажденіе отъ этихъ пѣсней, когда онѣ восходятъ ко Миѣ вмѣстѣ съ рыданіями и воздыханіями нищаго, вопіющаго отъ сильнаго голода? Я вамъ далъ въ священныхъ книгахъ спасительныя заповѣди, поученія и наставленія, какъ благоугождать Миѣ. А вы книгу Моихъ словъ роскошно украшаете внутри и снаружи серебромъ и золотомъ, а силу писанныхъ въ ней Моихъ повелѣній не принимаете и не хотите исполнять. Я повелѣваю ходить путемъ узкимъ и прискорбнымъ, велущимъ въ жизнь чрезъ воздержаніе плоти и терпѣніе скорбей и напастей, а вы предпочитаете пространнѣйшій путь, которымъ идутъ варвары и язычники. Каждый день преобильно напиваетесь и ждете моего страшнаго Суда въ смѣхъ и въ пьянствѣ, въ игрѣ и рукоплесканіяхъ. Я чрезъ Пророка грожу отомстить за страданія и воздыханія нищихъ, а вы не только ничего не удѣляете отъ вашего богатства умирающимъ отъ холода и крайней нужды, но незаконно лишаете ихъ и того, что отдѣлено церквамъ моимъ благовѣрными Князьями на прокормленіе бѣдныхъ, сиротъ и вдовицъ; честныя дары великолѣпныхъ и богатыхъ вельможъ вы расточаете на различныя наслажденія душъ вашихъ, на украшеніе своихъ одеждъ и на свѣтлыя пированія. Въ особенности крѣпко и властительно Я заповѣдую не призывать на ширь ни богатыхъ сосѣдовъ, ни сродниковъ, ни друзей, но слѣбыхъ, сухихъ, хромыхъ, убогихъ и всѣхъ нуждающихся, а вы пируете только съ богатыми и щедро дарите ихъ имѣніемъ вдовъ и сиротъ. Меня же, истаевающаго отъ голода и холода, стоящаго за вашими воротами и горько плачущаго о своей скудости, отгоняете прочь, кинувъ съ горькимъ ругательствомъ кусокъ гнилаго хлѣба. Я утверждаю, что не войдете вы въ царство Мое небесное, если не будете какъ незлобивыя дѣти, а вы стараетесь только восходить на высшія степени, не для того, чтобы прославить Меня болѣе честнымъ житіемъ вашимъ и возвращеніемъ людей къ совершенію Моихъ заповѣдей, но чтобы скопить себѣ большія сокровища и получить отъ людей большую славу. Во истину солгало древо маслинны, съ грустію заключаетъ Максимъ Грекъ, не видя въ современной ему церковной Іерархіи оправданія тѣхъ надеждъ, какія возлагали на нее Древне-Русское земство и общество.»³⁰⁸

³⁰⁸ См. Соч. Макс. Грека т. 2, стр. 26 и 276.

Бывшій при Патріархѣ Іовѣ Боярскій сынъ Черновъ доносилъ о крестцовомъ духовенствѣ: ³⁰⁰ «Безмѣстныя, де, Попы и Діаконы въ Поповскую избу не ходятъ и предъ божественною литургіею правилъ не правятъ, а садятся, де, и безмѣстные Попы и Діаконы у Фроловскаго моста и безчинства чинятъ всякія: межъ себя бранятся и укоривны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и кулачки бьются, а которые наймутся обѣдню служить, и они съ своею братіею, съ которыми бранились, божественную литургію служатъ.» ³¹⁰

Кромѣ того, благодаря сношенію съ Западомъ и начатію раскола въ Русскомъ обществѣ, кромѣ духовенства, явилось теперь множество учителей новыхъ изъ Реформаторовъ и Раскольниковъ, которые вступили въ соисканіе съ духовенствомъ, тѣмъ болѣе, что общество, увлекаясь новизною ихъ идей, само прильнуло къ нимъ. Въ слѣдствіе такой обстановки дѣла пало и прежнее религіозно-нравственное значеніе духовенства. Какъ мало цѣнилось теперь духовенство, видно изъ челобитной, поданной Алексѣю Михайловичу нѣкоторыми лицами приходскаго духовенства, въ которой, между прочимъ, сказано: «Если и придется кому заплатить за безчестіе Попа, или Діакона, то бояться нечего, но тому что, по благому совѣту Бояръ твоихъ, безчестіе положено очень тяжелое: Мордвину, Черемису, Попу пять рублей, да четвертая собака пять же рублей. И нынѣ похвальное слово у нежелающихъ Бога Дворянъ и Боярскихъ людей: «Бей Попа, что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей!» Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ безчестенъ чинъ церковный.» ³¹¹ Какъ мало цѣнились слова пастырей, видно изъ словъ Митрополита Даниіла, который, въ одномъ изъ своихъ поученій, говорить: «Когда пастырь начнетъ учить народъ, говоря ему: «Дѣти, такъ и такъ поступайте, какъ велитъ намъ Христовы заповѣди и прочія божественныя писанія,» тогда слушатели отвѣчаютъ: «Прежде научи себя!» иногда же говорятъ: «Да чего тебѣ учить насъ? Ты самъ

³⁰⁰ Крестцовыми Попами назывались тѣ, которые, записавшись въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ, и взявъ за себѣ омоворныя и епитрахальныя грамоты, отправлялись на перекрестки, и тутъ, въ Поповской избѣ, дожидались, пока ихъ не найметъ кто ни будь служить, или исправить требу.

³¹⁰ Ак. Эксп. т. 3, № 223.

³¹¹ Ист. Солов. т. 9, стр. 290. Дѣло Патріарха Никошѣ, Субботина. Уложенье Алексѣя Мих. гл. 17, стр. 27, 89, 97.

по Писанію ли живешь? А тотъ, а этотъ по писанію ли живутъ? Ты вооружился только на насъ, а отъ чего тѣхъ не замѣчавшь? Отъ чего себя забылъ ты, отецъ святой?» Учитель начинаетъ учить ихъ отъ божественнаго писанія, а они стануть говорить о немъ: «Учитель нашъ, какъ Фарисей, тщеславится. Видимъ мы, какъ много думаетъ о себѣ, какъ презираетъ другихъ, какъ гордится! «Это и подобное ему и многое другое они, ни чего не стыдясь, говорить о немъ.»³¹¹

Въ исторіи Митрополита Платона приведенъ слѣдующій случай изъ Житія Митрополита Кипріяна: Когда этотъ Святитель, по прїѣздѣ въ Новгородъ, началъ, послѣ литургіи, говорить поученіе народу, Новгородцы не только не слушали его поученія, но затыкали уши свои, чтобы не слышать его, какъ хулы какой.³¹² Сюда же присоединилось ослабленіе и общественно-политическаго значенія духовенства. Мы видѣли, что, въ слѣдствіе развитія въ разсматриваемую пору Государственной власти, ей подчинялись безусловно всѣ государственныя и общественныя формы и учрежденія. Одна Церковь и духовенство оставались на прежней высотѣ своего величія. Естественно было ожидать, что Государственная власть рано, или поздно, измѣнитъ и къ нимъ свои старыя патріархальныя отношенія. Такъ дѣйствительно и случилось.

Подобно Греко-Римскимъ Императорамъ, Московскіе Цари, не разрывая по прежнему окончательно союза съ Церковію, во ими обязанности для государства ея законовъ, въ то же время желали, чтобы церковная власть не только не вмѣшивалась сама въ дѣла государства, но, напротивъ, подобно властямъ другихъ государственныхъ учреждений, находилась бы въ исключительномъ и непосредственномъ вѣдѣніи и подчиненіи власти государственной и во всемъ дѣйствовала бы по ея указаніямъ. Вотъ какъ формулировалъ отношенія между свѣтскою и духовною властію Иванъ Грозный въ первомъ отвѣтѣ своемъ Курбскому: «Священство (на-мекъ на Нона Сильвестра), писалъ Царь, не должно вмѣшиваться въ Царскія дѣла, дѣло монаховъ-молчаніе; иное правленіе Святителей, а иное Царей. Когда Богъ освободилъ Израильтянъ изъ плѣна, развѣ онъ поставилъ во главѣ ихъ Священника, или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ. Онъ поставилъ имъ одного Моисея, какъ бы Царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣ-

³¹¹ Извѣст. 2 Отд. Ак. Наукъ т. 5, стр. 200.

³¹² Церк. Ист., Платона, часть 1, стр. 231.

шиваться въ гражданскія дѣла. Но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отсталъ отъ Бога. Видишь, Священникамъ не слѣдуетъ брать на себя Царскихъ дѣлъ. Точно также (продолжаетъ онъ) Надавъ и Авидъ вздумали восхитять себѣ власть, — и сами погибли, и какое бѣдствіе навели на весь Израиль! Послѣ того Судьею Израильтяпъ былъ Иисусъ Навинъ, а Священникомъ Елеазаръ. Пока управляли ими Судьи, какія побѣды одержали они надъ врагами! Но когда Илій жрецъ взялъ на себя священство и царство, Израильтяне терпѣли поражение до воцаренія Давыда. Или ты (обращается Іоаннъ къ Курбскому) хочешь того же, что случилось съ Греціей, подчинившейся игу Турокъ? Нѣтъ Царства (заключаетъ Иванъ), которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи Поповъ.» ³¹⁴

Выходя изъ такого понятія объ отношеніи между свѣтскою и духовною властію, Московскіе Цари старались, если не отнять совершенно, то, по крайней мѣрѣ, ограничить пріобрѣтенныя Церковію и духовенствомъ, въ пору преобладанія Государственныхъ началъ, права и вліяніе ихъ на дѣла Государственныя. Такъ, въ Судебникѣ Ивана IV было постановлено, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ, при Епископскихъ Боярахъ и судьяхъ, кромѣ Поповскихъ Старостъ, находились Старосты свѣтскіе: Цѣловальники и земскій Дьякъ, по назначенію Государя; они должны были слѣдить за злоупотребленіемъ лицъ, которымъ ввѣрялась судебная власть надъ духовенствомъ, о чемъ Царскіе чиновники обязаны были прямо извѣстить Государя. ³¹⁵ По Уложенію же Алексѣя Михайловича собственный судъ духовенства былъ почти совершенно уничтоженъ. Задача Уложенія, какъ извѣстно, была та, чтобы «Московского Государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ были равны.» ³¹⁶ Отсюда, по Уложенію, и все духовенство: Митрополитъ, Игумены, Строители, Келари, Казначей и вся монастырская братія, а также бѣлое духовенство, Поны и весь церковный причтъ, во всѣхъ иско- выхъ дѣлахъ должны подлежать вѣдомству Монастырскаго Приказа, ³¹⁷ выдѣлившагося изъ Приказа Большаго Дворца въ самостоя-

³¹⁴ Первый отвѣтъ Курбскому стр. 163, 171, 172, 176.

³¹⁵ Акт. Ист. т. 1, № 155. Ак. Арх. Эксп. т. 1, № 231.

³¹⁶ Указъ объ изданіи Уложенія.

³¹⁷ Уложеніе гл. XIII, ст. 1.

тельное государственное учреждение, гдѣ, рядомъ съ духовными, за-сѣдали и свѣтскія лица (Окольничій и два Дьяка). ³¹⁸ Этимъ существенно измѣнился характеръ прежняго церковнаго суда, который теперь становился въ зависимость отъ Государя. Прежде высшая Иерархія и привилегированные монастыри принадлежали непосредственно суду Верховной Власти, теперь они подчинились Монастырскому Приказу наравнѣ съ своими крестьянами. Кромѣ того, лицамъ постороннимъ дано право вести тяжбу съ духовными лицами въ тѣхъ Приказахъ, которымъ подлежали разсматриваемыя дѣла, ³¹⁹ такъ что высшія духовныя лица наравнѣ съ крестьянами въ дѣлахъ, не превышающихъ 20 рублей, подлежали суду Воеводъ. Прежде, при столкновеніи лицъ духовнаго вѣдомства съ свѣтскими, назначался судъ смѣшанный, но Уложенію же такія дѣла подлежали разсмотрѣнію однихъ только Воеводъ, то есть, духовенство лишалось въ нихъ даже права предстательства. ³²⁰ Въ первое время, въ Приказѣ сидѣли еще, по крайней мѣрѣ, два Архимандрита, но вскорѣ и они были вытѣснены, и въ немъ остались одни Бояре и Дьяки. Только Патріарху въ его области оставленъ былъ, по прежнему, судъ надъ духовенствомъ и прочими людьми, который производился на Патріаршемъ дворѣ. ³²¹ Но и здѣсь высказана основная мысль о подчиненіи всѣхъ чиновъ Государства судебнымъ учрежденіямъ, по тому что на рѣшеніе Патріархаго суда предоставлялось право обжалованія Государю и Боярской Думѣ. ³²² вмѣстѣ съ церковнымъ судомъ Государственная власть захватила и управление церковное. Монастырскій Приказъ былъ учрежденіемъ не только судебнымъ, но и финансовымъ, отчасти административнымъ и полицейскимъ, даже по отношенію къ предметамъ чисто церковнымъ: онъ назначалъ въ монастырскія вотчины Священниковъ и причетниковъ, опредѣлялъ и отрѣшалъ Настоятелей, Келарей, Казначеевъ и другихъ лицъ монастырскаго собора, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія Епархіальной власти: отъ него, на примѣръ, было предписываемо Новгородскимъ Воеводамъ смотрѣть, чтобы Священники пасли Церковь

³¹⁸ Котошихина гл. VII.

³¹⁹ Уложеніе XII, стр. 2.

³²⁰ Горчакова, Монаст. Приказъ, стр. 73. Улож. XII, стр.

³²¹ Улож. XII, стр. 1.

³²² Тамъ же, стр. 2.

Божію и внушали Христіанамъ ходить на исповѣдь въ посты. Если же кто не ходилъ къ исповѣди, о тѣхъ велѣно было брать у Священниковъ именныя списки и присылать ихъ въ Монастырскій Приказъ, гдѣ присуждалось наказаніе, какъ не причастившимся, такъ и духовнымъ лицамъ, которые не заботились объ обращеніи паствы своей на путь истины, или скрывали не покаявшихся. ³²³ Точно также опредѣленія церковныхъ соборовъ разсылались иногда въ видѣ указовъ Царя. ³²⁴

Самый выборъ и назначеніе высшихъ представителей церковной власти, въ которомъ, какъ мы видѣли, все дѣло зависѣло отъ Собора и Константинопольскаго Патріярха, а Государственная власть имѣла только право голоса, теперь, съ уничтоженіемъ зависимости Русской Церкви отъ Константинопольской, сдѣлалась исключительною ея достояніемъ. «Кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Руси Митрополитомъ,» писалъ Великій Князь, Василій Ивановичъ, одному изъ Польскихъ Королей. ³²⁵ Дѣйствительно, Василій избралъ Зосиму Митрополитомъ даже безъ Соборнаго опредѣленія. При чемъ, подобно какъ и въ Византіи, выборъ этотъ, какъ дѣло партій, падалъ обыкновенно на такія личности, которыя во всемъ согласовались съ духомъ и направленіемъ выбравшихъ ихъ лицъ, по своей ограниченности и слабости не могли вооружиться противъ недостатковъ своихъ покровителей, и держались только до тѣхъ поръ, пока сильна была выбравшая ихъ сторона, съ паденіемъ же ея падали и они сами собою. Прежде, какъ мы видѣли, Русская церковная власть, въ случаѣ несправедливости, или притѣсненія, со стороны Государственной власти, могла жаловаться на нее Константинопольской церковной власти. Теперь, съ паденіемъ Константинополя, Русская Государственная власть стала безконтрольно и самовластно распоряжаться съ своими противниками изъ среды духовенства, подобно тому, какъ она преслѣдовала своихъ недоброжелателей изъ другой какой ни будь свѣтской среды. Такъ, по словамъ Курбскаго, Иванъ Гроз-

³²³ Ак. Эк. т. IV, № 115; т. IV, № 217. Монаст. Приказъ, Горчакова. Спб. 1868 г., стр. 79—85.

³²⁴ Ак. Ист. т. 1, 1504.

³²⁵ Участіе Государственной власти въ дѣлѣ избранія Епископовъ и Митрополитовъ подробно изображено въ чинѣ поставленія ихъ. См. тамъ же. Акт. Археогр. Эксп. т. 1, стр. 58. Чинъ 1579 г., стр. 161, 168. Чинъ 1564 г., стр. 227—330. Соф. Врем. 2, стр. 250—257.

ный убилъ Архіепископа Великаго Новгорода, Пимена, велѣвъ утопить въ рѣкѣ. Потомъ, замѣчаетъ Курбскій, онъ же Грозный поставилъ другого Архіепископа въ то мѣсто, мужа, «яко же слышахомъ, непорочна и кротка, но по дву лѣтѣхъ и того повелѣлъ убить съ двумя Архимандритами.»³²⁶

Это былъ Архіепископъ Леонидъ, котораго Грозный велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. «Тогда же (заключаетъ Курбскій) убиенъ отъ него Корнилій, Игуменъ Печерскаго монастыря, мужъ святой и въ преподобіи много и славенъ;» а также ученикъ его, Вассіянъ, оба были раздавлены какимъ-то орудіемъ.³²⁷ Не пощажены были также и матеріальныя права духовенства. Въ 1572 году, по приказу Государя (Ивана IV) Митрополитъ, духовный Соборъ и Бояре опредѣлили: «Въ большіе монастыри вотчинъ не давать; а если будутъ къмъ ни будь записаны, то возвращать ихъ родственникамъ, чтобы не было убытка въ службѣ.» Бѣдные монастыри имѣли право приобрѣтать вотчины, но только съ докладомъ каждый разъ Государю.³²⁸ Въ 1580 году, при непосредственномъ участіи Государя, былъ повторенъ приговоръ: чтобы на поминѣ по душѣ, ни въ какомъ случаѣ, вотчинъ въ монастыри не записывать, а возвращать ихъ даже дальнимъ родственникамъ, замѣнивъ пожертвованіе земли деньгами, по ея стоимости. А если не оказалось бы и дальнихъ родственниковъ, то земля отписывалась на Государя, за которую уплачивались въ монастырь деньги изъ казны. Отъ сихъ поръ ни Митрополиты, ни Епископы, ни монастыри, не должны были покупать земель, или брать ихъ въ закладъ, въ противномъ же случаѣ они отбирались въ казну.³²⁹ Въ правленіе же Алексѣя Михайловича, какъ высшему духовенству, такъ и монастырямъ, безусловно запрещено было принимать, покупать и брать въ закладъ какъ родовыя, такъ и приобрѣтенныя вотчины; поступающіе въ монастырь лишались права владѣть своими вотчинами и записывать ихъ на монастыри, чѣмъ они пользовались до сихъ поръ; въ 1672 году духовенству запрещено было также держать промышленныя заведенія, и уничтожены всѣ тарханы, освобождавшіе его отъ таможенныхъ сбо-

³²⁶ Сказанія Курбскаго т. 1, стр. 162—164.

³²⁷ Тамъ же.

³²⁸ Дополн. статья въ Судебнику въ Арт. Ист. т. 1, № 154, ст. XIV, стр. 270.

³²⁹ Ак. Эксп. т. 1, № 308. Собр. госуд. грам. т. 1, № 200—202.

ровъ по разнымъ промысламъ и торговлѣ. ³³⁰ Наконецъ отнято было у духовныхъ право участія въ свѣтскомъ судѣ и управленіи. Съ изданіемъ «Судебниковъ» Ивана III и IV и «Уложения» Алексѣя Михайловича судъ за преступленія противъ союза семейнаго и благосостоянія личности человѣческой (смертоубійство), храненіе вѣсовъ и мѣръ и дѣла благотворительности перешли въ руки одной свѣтской власти. ³³¹ Иванъ IV, на примѣръ, имѣя надобность сдѣлать вѣсы для города Невеля, поручаетъ выполнение этой работы своимъ Дьякамъ, управлявшимъ Новгородомъ. ³³² Въ 1641 году деньги на выкупъ плѣнныхъ должны были представляться въ Приказъ Большаго Дворца, ³³³ а при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Посольскій Приказъ. ³³⁴ Въ 1676 году всѣ дѣла о выкупѣ плѣнныхъ переданы въ завѣдываніе Земскаго Приказа. ³³⁵ Было, конечно, и въ эту пору сопротивленіе со стороны духовенства въ защиту своихъ правъ и вліянія на общественныя дѣла. Такъ, Священникъ Георгій говорилъ Собору 1503 года: «Господа священноначальницы! Неблагословно надсматриваете за вѣрными людьми, назираете Церковь по Царскому сану нашего Царя Боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводчиками для всѣхъ прибытковъ, а не по достоинству Святительскому.» А потомъ пишетъ: «Служащіе алтарю съ алтаремъ содѣваются. И вамъ достоитъ пасты Церковь Священникамъ благоразумнымъ, а не мірскимъ воинствомъ. ³³⁶ Максимъ Грекъ, защищая право Константинопольскаго Патріарха, писалъ: «Святительство вѣнчаетъ и утверждаетъ Царей, а не Царство Святителей. Ибо больше есть священство царства земнаго; кромѣ бо всякаго прекословія меньше отъ большаго благословляется.» ³³⁷ Особенно сильно ратовалъ за право духовенства Патріархъ Никонъ. Во взглядѣ Никона представленіе о духовенствѣ

³³⁰ Милютинъ: «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства,» въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Истор. и Древн. Росс.» 1859 — 61.

³³¹ Ж. М. II Пр. 1847 г. ч. 56. Дополн. къ Акт. Ист. т. 1-й, № 45, 1, 1550. Ак. Экс. т. 3-й, № 157 — 1624 т. 4-й, № 240 — 1680. 1-е Собр. Зак. 1687 г., Апрель 22, 408.

³³² Дополн. къ Ак. Истор. т. 1-й, № 98, г. 1556-й.

³³³ Акт. Эксп. т. 3-й, № 299, г. 1641.

³³⁴ Улож. гл. 8-я; ср. Ав. Эксп. т. 4-й № 49, г. 1651-й.

³³⁵ Древн. Рос. Вивл. ч. 20, ст. о чинахъ въ Россіи.

³³⁶ Ист. Рус. Церк., Филар. Черн. 1862 г. Періодъ 3-й, стр. 22, примѣч. 32-е.

³³⁷ Сочин. Максима Грека, т. 3 й, стр. 155-я.

сливалось съ понятіемъ о Церкви, и по тому, по его понятію, духовенство должно занимать въ жизни преобладающее значеніе на столько, на сколько Церковь является руководительницею высшихъ благъ человѣка. Оно должно быть поставлено внѣ Государственной зависимости. Подчиненіе духовенства вѣдѣнію разныхъ Приказовъ, смотря по вчинанію судебного иска, по его мнѣнію, есть дѣло, противное Евангельскимъ, Апостольскимъ и Отчечскимъ правиламъ, по тому что духовныя лица должны быть наставниками, которымъ обязаны всѣ повиноваться. Они не могутъ подлежать суду Монастырскаго Приказа, такъ какъ тамъ засѣдаютъ свѣтскія лица. Ровный судъ, объявленный Уложеніемъ, ведетъ къ тому, что духовенство должно подлежать и тѣмъ наказаніямъ, которыя опредѣлены для остальныхъ, то есть, кнута или смертной казни; но за такой судъ каждый изъ подсудимыхъ, будетъ ли это Патріархъ, Митрополитъ, Архіепископъ, Епископъ, Игумень, Священникъ и до послѣдняго причетника, долженъ попрасть законъ, какъ древніе мученики, храбро и мужественно борвшіеся противъ языческаго закона. Гдѣ написано (говорилъ Никонъ), чтобы Царямъ, Князьямъ, Боярамъ, Дьякамъ, Судьямъ судить Патріарха, Митрополитовъ, Епископовъ, Игуменовъ, Поповъ и причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ: Саулъ за принесеніе жертвы потерялъ Царство, Иосія, покадивъ въ храмъ, получилъ проказу, Мануилъ Комнинъ былъ остановленъ отъ вмѣшательства въ духовный судъ страшнымъ видѣніемъ. Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми, а духовные подлежатъ суду Божію, который долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ Патріарха, и всякій мірянинъ, который свергаетъ Епископа въ темницу, или бьетъ его, или вымышляетъ на него вину, будетъ отлученъ.³³⁸ Гражданское законодательство, по мнѣнію Никона, должно согласоваться съ Божескими законами, по тому что судъ въ своемъ началѣ есть судъ Божій, а не Царскій; онъ переданъ людямъ не человѣкомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей постигаетъ кара свыше (примѣры изъ Священнаго Писанія). Цари не рѣдко преслѣдовали посланниковъ Божіихъ: Иродъ Іоанна Предтечу, Неронъ Апостоловъ Петра и Павла, но за то ихъ Царства погибли и запустѣли. Всѣ города Мо-

³³⁸ Мнѣніе Патр. Никона объ Уложеніи 439—460, и посланіе къ Алексію Михайловичу. У Субботина. Дѣло Никона. Прилож. 1-е.

сковскаго Государства постигла моровая язва; сердце Царя смутилось, Царское семейство не знало, куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню, души грѣшниковъ погибли, адъ отверзъ свои уста, множество славныхъ, богатыхъ и нищихъ приняли смерть. Такъ поступилъ Богъ, мстя за неправду и беззаконіе (разумѣется Уложеніе и новые порядки). За тѣмъ, обращаясь къ Уложенію, Никонъ разбираетъ сравнительныя наказанія за релігіозныя и гражданскія преступленія. Если, заключаетъ Никонъ, даже тѣ, которые сдѣлають на грамотахъ подлогъ въ Царскомъ имени, заслуживаютъ смерти, то какого наказанія достойны тѣ, которые, подобно Денницѣ, оскорбляютъ Божественную власть, Божіе достояніе и Божій судъ, принадлежащій тѣмъ, кто получилъ власть вязать и разрѣшать на небѣ и на землѣ? Божіе слово непогрѣшимо: какимъ судомъ судите, такимъ и васъ будутъ судить, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрятъ.³³⁹ Вотъ до какого времени дожили мы, восклицаетъ Никонъ! Уже сбылось Писаніе: промѣняли славу Божію на славу челоуѣка, четвероногихъ животныхъ и птицъ; но не надѣйтесь на Князи и сыновъ челоуѣческихъ, по тому что въ нихъ нѣтъ спасенія. Намъ слѣдуетъ опасаться тѣхъ, которые превозносятся и гордятся славою міра, и какъ боги прославляются безумными людьми, съ радостію внимаая ихъ слова: «Ты Богъ земной!» настъ же Священное Писаніе учитъ, что есть одинъ Богъ на небѣ и на землѣ. Царь Навуходоносоръ наслаждался такимъ величіемъ, и лишился Царства; Богъ послалъ Пророка Іезекіиля къ Тирскому Князю сказать, чтобы онъ не возносился какъ Богъ, а помнилъ, что онъ челоуѣкъ. Такъ иѣкогда Дешица хотѣлъ поставить престолъ свой выше престола Бога, и обратился въ тьму. Царь долженъ быть покровителемъ Церкви, а не судьей священнаго чина, по тому что Господь повелѣлъ Царямъ повиноваться своимъ наставникамъ, а не обладать ими. Если же и ему, по великой гордости, кажется, что священство меньше царства, то онъ узнаетъ различіе ихъ, когда мы будемъ призваны на судъ Христа. Я принадлежу Богу и Царя не боюсь, по тому что у меня единый Царь—Иисусъ Христосъ. Если хотять убить меня, пусть убиваютъ—смерть пріобрѣтеніе. Когда вѣра Христіанская стала размножаться и Архіерейство пріобрѣло достойную честь, тогда ихъ Царства возвысились надъ

³³⁹ Мнѣніе Никона объ Улож. Зап. Рус. Ист. и Слав. Арх. т. 2-й, стр. 426—439.

нечестивыми; но когда распространилась злая гордость и измѣнилась Архіерейская честь, увы! тогда Царства пали, какъ видно изъ исторіи Греціи и другихъ Государствъ.³⁴⁰ На вопросъ Одовскаго: «За чѣмъ Никоиъ даеть цѣловать свою руку по Царскій? Онъ отвѣчалъ: «Да по что Царь Поповы руки цѣлуеть, которые нами посвящены и, ко благословенію приходя, самъ главу свою преклоняеть? Мы тому чудимся, точно Царь Архіереомъ и Іереомъ нудить руки свои цѣловать, не суть Архіерей, ни Іерей.» На замѣчаніе Стрѣшнева, что Государь, дескать, вручилъ ему, Никоиу, надзоръ за судомъ въ Церковныхъ дѣлахъ и даровалъ ему много привилегій,» Никоиъ, съ выраженіемъ оскорбленія, отвѣтилъ: «Ты говоришь, что онъ, Царь, поручилъ намъ надзоръ надъ церковнымъ судомъ. Это совершенная хула и превосходить гордость Денницы: не отъ Царей восходитъ власть священства, но отъ священства помазываются на Царство. Много разъ доказано, что священство выше Царства. Какими привилегіями подарилъ насъ Царь? Мы не знаемъ другого законодателя, кромѣ Христа. Не давалъ онъ (Царь) намъ правъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконны. Церковію обладаетъ, священными вещами обогачается и пятается; ибо Митрополиты, Архіепископы, Священники и всѣ причетники покорятся, работаютъ, оброки даютъ, воюють, онъ владетъ судомъ и пошлинами. Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ: солнцу и мѣсяцу,³⁴¹ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть Архіерейскую и Царскую: Архіерейская власть сіяеть днемъ: власть эта надъ душами,» Царская надъ предметами видимаго міра. Мечъ Царскій долженъ быть готовъ на непріятелей Вѣры Православной; Архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій: это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовномъ для душевнаго спасенія, духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга, но каждая происходитъ отъ Бога.»³⁴² Особенно же Никоиъ видѣлъ отступленіе отъ Боже-

³⁴⁰ Тамъ же, стр. 460—572-я.

³⁴¹ См. Письмо 7-е Григорія VII къ Вильгельму Завоевателю, стр. 25. Lauran, Hist. du droit des gens et des relations internat. т. 6-й, стр. 171—172-я.

³⁴² Зап. Русск. и Слав. Археол. II. Солов. XI, 320—321.

ственныхъ правилъ въ отнятіи у духовенства права пріобрѣтать вновь вотчины по завѣщанію и въ конфискаціи у Патріарха, Епископовъ и монастырей посадскихъ людей и слободъ, населенныхъ ремесленными и торговыми людьми, хотя бы это было сдѣлано въ видахъ пользы Государства. «Священническая часть (говорилъ Никонъ),—Божія часть, и по тому отнятіе у духовенства пожертвованныхъ вещей и имуществъ равняется похищенію наследства Божія. За вмѣшательство Дауана и Авирона въ дѣла Сквиин, ихъ пожрала земля, по тому что они не принадлежали къ Левитамъ. Царь Юссія простеръ руку на кивотъ, и былъ пораженъ свыше. Такъ бываетъ и со всѣми, кто посягаетъ на принадлежность церкви Патріаршихъ, Епископскихъ и монастырскихъ слободъ. Мало взяли, а больше погубили своего: взяли тысячи, а погубили тьмы, то отъ междоусобій и мора, то отъ войнъ и другихъ бѣдствій. Царь можетъ входить въ алтарь, когда онъ приноситъ дары Богу, а нашъ Царь не только не дѣлаетъ этого, но даже отнимаетъ у Церкви, ей принадлежащее. Ради неправды и разоренія имуществъ Царство переходитъ изъ плѣна въ плѣнъ,» заключаетъ Никонъ. ³⁴³

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ заявленій Соборы въ 1551 и 1667 годахъ опредѣлили, чтобы «все вообще духовенство подлежало въ судѣ церковномъ своему начальству, во взаимныхъ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ; мірскіе же судьи не должны судить духовныхъ лицъ, приказное начало должно быть уничтожено и, вмѣсто него, для суда надъ духовенствомъ должны быть Поповскіе Старосты и Десятскіе Священники; несудимыя же жалованныя грамоты, по которымъ нѣкоторыя высшія духовныя лица изъяты были отъ суда Епархіальнаго начальства, признаны противными священнымъ правиламъ, и по тому отмѣнены.» «Да не вовлачаютъ отнынѣ Священниковъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго прічта, яко же запрещаютъ Правила Св. Апостолъ и Св. Отець,» сказано было въ постановленіи послѣдняго изъ помянутыхъ Соборовъ. ³⁴⁴ Но Государство Русское достигло теперь той степени гражданского развитія, когда всякія исключенія и ограниченія, относительно единства и контроля государственнаго, казались дѣломъ несо-

³⁴³ Зап. Рус. и Слав. Археол. II, 449—459.

³⁴⁴ См. Стог. Соб., изд. въ Спб. 1863 г. гл., 66—68-я.

виѣстнымъ съ идеею Государства. По этому и сопротивленіе духовенства за сохраненіе своихъ правъ осталось безъ послѣдствій, подобно тому, какъ въ прежнюю пору, какъ мы уже видѣли, остались безъ послѣдствій попытка Государственной власти нарушить эти права. Предоставленная же помянутыми Соборами гражданская независимость духовенствъ по суду, была, такъ сказать, послѣднимъ пріятнымъ лучомъ заходящаго солнца. Постановленія этихъ Соборовъ не были приводимы въ исполненіе, или не сохраняли полной своей силы, несудимыя грамоты опять были выдаваемы,³⁴⁵ Бояре и Дворецкіе, Воеводы и Волостели были присылаемы изъ Приказа Большаго Дворца для вторженія не только въ гражданскія, но и чисто духовныя дѣла Церкви.

Правда, мы видимъ, что Митрополиты, а потомъ Патріярхи Всероссийскіе, по прежнему, повсюду напутствуютъ Царей своимъ благословеніемъ; по прежнему, не только Митрополиты, а потомъ и Патріярхи и всѣ вообще Архіепископы и другія значительныя духовныя лица, не рѣдко призываются верховною Государственною властью къ совѣщанію въ дѣлахъ государственныхъ и принимаютъ въ нихъ по временамъ болѣе, или менѣе, прямое участіе, споспѣшествуя своею духовною властію цѣлямъ народа и Государства:³⁴⁶ такъ Иванъ III совѣтуется съ Митрополитомъ Фялипомъ о покореніи Новгорода, и представляетъ ему на разсмотрѣніе свои законы и постановленія. За снмъ Грозный совѣтуется съ Митрополитомъ Макаріемъ о томъ, какъ бы уничтожить Боярскія крамолы, разорять неправды и, въ виду всего народа, на Лобномъ Мѣстѣ обращается къ нему со словами: «Молю тебя, Св. Владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ! Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель.»³⁴⁷

Отправляя въ Казань Архіепископа Гурія, Иванъ IV-й повелѣлъ Казанскимъ Воеводамъ совѣтоваться съ нимъ о дѣлахъ Государственныхъ, исключая дѣлъ убійственныхъ.³⁴⁸

На Земскихъ Соборахъ, бывшихъ при немъ же, духовенство тоже присутствуетъ виѣстѣ съ выборными отъ прочихъ сословій государственныхъ. Съ его же благословенія Иванъ Грозный присту-

³⁴⁵ Дополн. къ Ак. Ист. т. 1-й, № 46.

³⁴⁶ Карамз. т. 6-й, стр. 9—319.

³⁴⁷ Ист. Солов. т. 6-й, стр. 60.

³⁴⁸ Акт. Эксп. т. 1-й, № 24, г. 1553.

паегь къ исправленію Судебника (1550), и на него возлагаетъ главную обязанность въ исправленія нравственныхъ недостатковъ общества. ³⁴⁹

Выборъ Бориса Годунова былъ рѣшенъ голосомъ Патріярха Юва, а на Михаила Ѳедоровича, задолго до его избранія, указалъ Патріярхъ Гермогенъ. ³⁵⁰ Отецъ Михаила, Патріярхъ Филаретъ, получилъ даже титулъ Великаго Государя» и былъ названъ «Соправителемъ,» и эти титулы носилъ не только по праву, но и на самрмъ дѣлѣ.

Всѣ грамоты и распоряженія выходили отъ имени обоехъ Великихъ Государей, обоемъ дѣлались доклады, обоемъ представлялись иностранные Послы. Придворный штатъ Патріярха, по своему блеску, ни въ чемъ не уступалъ Царскому. Сильный отецъ Царя завелъ у себя всѣ чины и должности широкаго дворцоваго обихода: тутъ были подкеларники, свѣчники, чашники, скатерники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, сторожа всякаго рода, иконописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, кузнецы, столяры, рѣзчики, илѣвчїе, дяки трехъ станицъ, подьяки, книгописцы, наконецъ лица должностныя, которымъ поручались разныя дѣла Патріяршаго управленія и суда: Бояре, Окольничїе, Думные, Стольники, Тіуны, Стряпчїе, Боярскїе Дѣти, Дворяне, Десятильники, Дяки и Подьячїе, при чемъ вѣдомства этихъ должностныхъ лицъ были разгранчены, и всякое дѣло дѣлалось тѣмъ, кому Святѣйшій Патріярхъ укажетъ. Онъ же владѣлъ несудимою грамотою, въ силу которой всѣ лица, входившія въ составъ Патріяршей области, были освобождены отъ всякихъ казенныхъ повинностей и подлежали только вѣдѣнію Приказа Большаго Дворца, для чего были учреждены особые Патріяршіе Приказы, на подобіе Царскихъ, вѣдавшїе собственно церковныя дѣла. ³⁵¹ При Михаилѣ же Ѳедоровичѣ духовенство призывается на Земскій Соборъ для рѣшенія вопроса: отдать ли Туркамъ завоеванный Казаками Азовъ, или удержать за Россїей? ³⁵² Алексѣй Михайловичъ совѣтуется съ нимъ объ изданіи Уложенія. ³⁵³ Онъ же предъ Па-

³⁴⁹ Стогл. Соб. тамъ же.

³⁵⁰ Костомарова, Смутное время, стр. 1—32.

³⁵¹ Патріярхъ Филаретъ. Чтен. въ Импер. Обществѣ Ист. и Древ. Рос. 1847 г.

³⁵² Собр. госуд. грам. и догов. III, № 113.

³⁵³ Предисловіе къ Уложенію.

тріархомъ Іосифомъ кланялся до земли ³⁵⁴ и при посѣщеніи, послѣ вечерни и литургіи, подносилъ ему пшениной пирогъ ³⁵⁵ а послѣ его смерти, въ письмѣ къ Никону, когда онъ еще былъ Митрополитомъ Новгородскимъ, писалъ: «Съ тѣхъ поръ (отъ смерти Іосифа) все переѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ Государствѣ: худо безъ пастыря дѣтямъ жить. Когда доложили о смерти Патріярха, на насъ такой страхъ и ужасъ напалъ, едва пѣть могли, и то со слезами, а въ Соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подкосились (ибо кто преставился)? Какъ овцы безъ пастыря не знаютъ куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшныя, не знаемъ, гдѣ головы преклонить, по тому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ.» ³⁵⁶ Во время торжественнаго шествія, изображавшаго входъ Господа Христа въ Іерусалимъ, Патріархъ возсѣдалъ на ослѣ, а Царь велѣ его за узду. Государь обыкновенно цѣловалъ Патріярха въ руку, а онъ Царя въ голову, обнявъ ее своими руками. ³⁵⁷

Въ Успенскомъ Соборѣ, при мощахъ Святаго Филиппа, Алексѣй Михайловичъ, простершись на землѣ со всѣми окружавшими его, умолялъ Никона не отказываться отъ Патріяршаго престола. ³⁵⁸ А послѣ спасенія послѣднимъ его семейства, во время моровой язвы, далъ взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти, и почтилъ его титуломъ «Великаго Государя.» ³⁵⁹

При Ѳедорѣ Ивановичѣ въ дѣлѣ уничтоженія Мѣстничества духовенство тоже занимаетъ первое мѣсто. Въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ изданіяхъ Археографической Комисіи и другихъ, отпечатано огромное количество государственныхъ актовъ, составленныхъ при участіи духовныхъ особъ, или непосредственно отъ нихъ вышедшихъ, гдѣ имя и печать Митрополитовъ, Епископовъ и Патріярховъ, по прежнему, ставятся на первомъ планѣ. ³⁶⁰

³⁵⁴ Ак. Эксп. т. IV, стр. 78.

³⁵⁵ Арцыб. Дополн. къ VI кн. примѣч. XLV.

³⁵⁶ Ист. Солов. т. X-й, стр. 206—211. Ак. Эксп. IV, № 57.

³⁵⁷ Выходы Патр. въ Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. 1869 г., кн. 2-я.

³⁵⁸ Солов. X, 205—213. Посланіе Никона Константинопольск. Патріярху. Зап. Рус. и Слав. Арх. II, 511—513.

³⁵⁹ Ист. Рус. Церкви, Знаменскаго, стр. 167.

³⁶⁰ Ак. Эксп. т. 1-й, стр. 481—482, г. 1499. Рѣчь Ивана IV го къ Собору 1551 г., помѣщеная въ гл. 3 ѳ Стоглава.

Но это временное и выѣшнее общественно-политическое значеніе духовенства было чисто именовое. Оно обусловливалось только, съ одной стороны, обстоятельствами Государства, а съ другой личнымъ свойствомъ и настроеніемъ Государей и личными достоинствами высшихъ представителей духовенства. На самомъ же дѣлѣ Государственная власть вовсе и не думала дѣлать какія бы то ни было уступки Церкви и духовенству и предоставляла ему чисто страдательную роль въ дѣлахъ Государственныхъ. Вотъ, по изображенію иностранцевъ, образецъ пресловутыхъ земскихъ собраній, въ которыхъ, какъ мы видѣли, принимало участіе духовенство: «Царь (говорить Флетчеръ) велитъ созвать тѣхъ Дворянъ, которые ему правятся, и выбираетъ въ совѣтъ исключительно ихъ. Въ то же время онъ призываетъ Патріарха, который приводитъ съ собою и клиръ: Митрополитовъ, Архіепископовъ, Архимандритовъ и монаховъ, которые пользуются большимъ уваженіемъ и значеніемъ. Когда всѣ соберутся во дворецъ, имъ назначаютъ день для открытія засѣданія. Это бываетъ обыкновенно въ пятницу, по причинѣ религіознаго значенія этого дня. Съ наступленіемъ означеннаго дня, клиръ собирается въ опредѣленный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ. Когда придетъ Царь, сопровождаемый дворянствомъ, всѣ поднимаются и идутъ на встрѣчу ему въ переднюю комнату, имѣя во главѣ Патріарха, который благословляетъ Царя... потомъ они проходятъ въ залу засѣданій, гдѣ размѣщаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Царь сидитъ на престолѣ, съ одной стороны залы, подлѣ и неподалеку отъ него, за четырехугольнымъ столомъ, садится Патріархъ съ Митрополитами, Епископами, нѣкоторыми представителями дворянскихъ фамилій, Царскаго совѣта и двумя Секретарями, которые называются Думными Дьяками и назначаются для веденія дѣлъ. Всѣ остальные располагаются вокругъ на лавкахъ, каждый по своему сану. Тогда одинъ изъ Секретарей, который исполняетъ обязанность Предсѣдателя, излагаетъ причину собранія и главные предметы, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать. Что касается предложенія законовъ, со стороны членовъ собранія, какъ это дѣлается въ Англіи, то Русская Дума не имѣетъ такого обыкновенія, по тому что этого права не признаютъ за подданными. Граждане и другіе представители народа не допускаются въ собраніе, по тому что народъ въ Россіи признается только достойнымъ рабства и долженъ повиноваться, вмѣсто того, чтобы участвовать въ законода-

тельствѣ, или освѣдомиться въ общественныхъ дѣлахъ, прежде чѣмъ они будутъ рѣшены. Патріархъ и кляиръ пользуются тою правомъ, что, послѣ предложенія вопросовъ, къ нимъ первымъ обращаются за подачею голоса на счетъ представленныхъ мѣръ. Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку, смотря по своему сану, но всѣ одинаковымъ образомъ, какъ тѣ, которые заучили свой урокъ прежде, и повторяютъ одно и то же въ каждое собраніе, что бы имъ ни предложили. Они обыкновенно говорятъ такъ: «Царь и его Дума полны премудрости и опытности какъ въ политикѣ, такъ и въ дѣлахъ общественныхъ, и гораздо способнѣе судить о томъ, что полезно для Государства, чѣмъ они, люди, занимающіеся только служеніемъ Богу и предметами религіи; а по тому они оставляютъ Царю и его совѣту рѣшить дѣло. Въсего же подачи своего мнѣнія, они будутъ содѣйствовать своими молитвами, какъ это повелѣваютъ имъ ихъ обязанности и ихъ званіе» и т. д. Когда каждый по очереди сдѣлаетъ подобный отвѣтъ (продолжаетъ Флетчеръ), тогда подымается какой ни будь Архимандритъ, или монахъ, болѣе смѣлый, чѣмъ другіе, хотя эта рѣшимость вещь условная и простая форма, просить Царя, чтобы онъ изволилъ скорѣе приказывать для того, чтобы они узнали, каково мнѣніе и добрая воля Его Величества о предметахъ, предложенныхъ его Дьякомъ. На это Секретарь отвѣчаетъ отъ имени Царя: «Его Величество и благородные члены его Совѣта, по здравому и обстоятельному разсмотрѣнію нашли, что предложенныя мѣры очень благодѣтельны и необходимы для блага Государства. Но такъ какъ люди, посвятившіе себя религіи, лучше знаютъ, что справедливо, то Его Величество проситъ, а благородные члены его Совѣта, по здравому и обстоятельному разсмотрѣнію, нашли, что предложенныя мѣры очень благодѣтельны и необходимы для Государства. Но такъ какъ люди, посвятившіе себя религіи, лучше знаютъ, что справедливо, то Его Величество проситъ одобренія и даже ихъ сужденія, чтобы одобрить, или исправить, означенныя предложенія. По этому онъ снова имъ приказываетъ свободно высказать свой взглядъ, и если они одобряютъ, то онъ велитъ, чтобы ихъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Вообще (говоритъ Флетчеръ) духовенство и дворянство, имѣющіе голосъ въ Думѣ, устраиваютъ дѣло такъ, чтобы отдѣлаться отъ всѣхъ тягостей и взвалить ихъ на спину простого народа. Соборъ (привѣщаетъ Флетчеръ) составляется, кромѣ Совѣтниковъ Царя, изъ небольшого числа Епископовъ, на тотъ конецъ, чтобы извлечь побольше изъ

народнаго суевѣрія, вопреки собственнымъ же выгодамъ народа, который находитъ священную мѣру, какова бы она ни была, благодаря вліянію Епископовъ и клира.»³⁶¹

Другой иностранецъ, Маржеретъ, выражается еще опредѣленнѣе: «Число членовъ Государственной Думы (говоритъ онъ) закономъ неограниченно, такъ какъ Царь назначаетъ въ нее, кого ему угодно. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ, собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ Царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣніе духовенства, и приглашаютъ въ Думу Патріарха, съ нѣкоторыми Епископами, но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другого закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли Государя: онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечомъ, невиннаго и виновнаго.»

Понятно, что при потерѣ духовенствомъ не только общественно-политической, но и религіозно-нравственной независимости и значенія, и возможность для него печалованія должна была само собою уменьшиться противъ прежняго.

Одни (сельское духовенство) не могли печаловаться просто по невѣжеству и недостатку времени, которое шло не столько на выполнение пастырскихъ обязанностей, сколько на пріисканіе насущнаго куска хлѣба; другіе (монашество) изъ опасенія своимъ словомъ защиты опальнаго вызвать обличеніе своихъ собственныхъ недостатковъ; третьи (Митрополиты и Епископы) изъ опасенія лишиться выгоднаго матеріальнаго положенія и подвергнуться преслѣдованіямъ Государственной власти.

«Пастыріе (говорится въ одномъ памятникѣ, описывающемъ состояніе Русской Церкви въ XVI вѣкѣ) умолкнша страха ради, еже не отдадутъ своя тщетныя славы, или отъ своихъ дѣлъ обличаемы, прости отъ ученія оскудѣшз, вси уклоншася вкупѣ.»³⁶² «Самъ онъ, мудрствуя по Христіански, о други хъ не заботился ни мало или по невѣжеству, или Державнаго бояся,» замѣчаетъ Юсифъ Волоколамскій, въ своемъ «Просвѣтителѣ» о Митрополитѣ Геронтіѣ.³⁶³ Понятно также и то, что, съ уменьшеніемъ возможности печаловаться, должна была, по необходимости, уменьшиться и самая степень проявленія печалованія. Дѣйствительно, въ пору преобладанія Государственныхъ началъ мы встрѣчаемъ жалобы на

³⁶¹ Флетчеръ гл. VIII, стр. 65 и 135.

³⁶² Сб. Нов. Соф. биб. № 1444, стр. 430—439.

³⁶³ Просвѣтитель Волоколам., изд. въ Казани 1857, стр. 53-я.

недостатокъ печаловниковъ. Такъ опальный Бояринъ Берсень Беклемишевъ, въ своей откровенной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, говорилъ слѣдующее о Митрополитѣ Даниилѣ: «Я былъ у Митрополита, и сидѣлъ у него одинъ на одинъ, и Митрополитъ Великому Князю великую хвалу воздастъ: «Избавилъ, де, его Богъ отъ злополучнаго врага.» И я спросилъ Митрополита: «Кто былъ злополучный врагъ Государю?» Митрополитъ молвилъ: «Шемятичъ.» А Митрополитъ и позабылъ, что къ Шемятичу грамоту писалъ и руку свою и печать къ той грамотѣ приложилъ, и взяли его на образъ Пречистыя, да на Чудотворцевъ, да на свою душу. Не знаю (прибавляя Берсень), Митрополитъ ли онъ, или простой чернецъ: учительнаго слова отъ него не слышно, и ни о комъ онъ не печалуется, а прежніе Святители сидѣли въ своихъ мѣстахъ въ мантияхъ и печаловались Государю о всѣхъ людехъ.»³⁶⁴

Далѣе, Курбскій, въ посланіи своемъ къ старцу Вассіану, писалъ: «Многажды жъ въ бѣдахъ своихъ къ Архіерею и ко Святителемъ и къ вашего чина преподобнымъ, со усиленными глаголы и со слезнымъ рыданіемъ, припадахъ и, ваяяся предъ ногами ихъ, землю слезами омакахъ, и ни малыя помощи, ни утѣшенія бѣдамъ своимъ отъ нихъ получилъ, но, вмѣсто заступленія, нѣкои отъ нихъ потаковники и кровемъ нашимъ наострители явишася, но и се еще мало имъ возмнишася, и еще къ сему приложиша, яко отъ Бога Православныхъ не устыдѣшася отчуждати и еретиками прозывать и различными и ложными шептаніи во ухо Державному клеветати! А днесь слышахъ отъ нѣкогого, аки честнаго мниха, Архіепископа умыслъ, ереси Θεофила Александрійскаго проповѣдующаго, иже солгалъ онъ, маньяча Евдоксія, изъ танихъ нѣкоихъ вамъ оклеветающимъ безъ правды многострадальнаго земнаго Херувима, преблаженнѣйшаго Златоустца, и глаголетъ еще въ человѣкоугодномъ ученіи своемъ: «Не надобеть, рече, глаголати предъ Цари не стыдятся о свѣдѣніяхъ Господнихъ, ниже обличати о различныхъ законопреступленныхъ дѣлахъ ихъ; неудобъ стерпима ярость ихъ человѣческому естеству, но Церкви смущеніе,» и свидѣтельство приводитъ, крадучи отъ разныхъ отъ Священныхъ словесъ и развращенно толкуя, къ своей ему погибели. Аще и сице мнѣніе его попустится, и уже Христу и воиномъ его міродержецъ одолѣлъ! Охъ, горе человѣкомъ по страсти славолюбія священная разумѣвающимъ и толкующимъ! Гдѣ

³⁶⁴ Акт. Эксп. т. 1-й, № 172, стр. 141-я.

лики Пророковъ, гдѣ собраніе Апостоль, гдѣ соборы мученическихъ борителей, гдѣ храброваніе преблаженныхъ Исповѣдникъ? Кое имъ слово дадите похвалы? Чимъ ся въичаша, и чимъ спаси-ся, и чимъ прегордыхъ Державныхъ обуздали, и чимъ вселенную утишили, аще не юношески бы храброваніемъ обличительныхъ словесъ показали належаіемъ и понужденіемъ благовременнымъ и безвременнымъ? И како разумѣете всю Евангельскую проповѣдь, отъ нихъ же едино воспомяну, Спасителемъ реченное: «Аще кто постыдится мене и моихъ словесъ,» и прочая. Златоустый о единой вдовицѣ не умолча, днесъ же всю землю нашу, погибшу уже, предаде. И о семъ даже и до сихъ не о себѣ азъ, бѣдный и окаянный, мало вамъ воспомяну; колико трудихся, и вхождахъ и исхождахъ предъ полки Господними и съ воинствомъ Бога живаго, и никогда же бѣгнуомъ бывахъ, но паче одолѣнія пресвѣтлы Христовою благодатию и силою поставляхъ; и колико бѣдъ претерпѣвахъ и нуждъ тѣлесныхъ и учащенья ранъ? Ино же мною я, и вы нынѣ вѣсте, яже пріяхъ въ варварскихъ различныхъ ополченіяхъ; но и за сія мнѣ, бѣдному, воздадите, всего лишённому, и Богъ свидѣтель праведный и крѣпкій между вами и мною: и аще ко вратамъ смертнымъ приближусь, и сіе писаніице велю въ руку собѣ вложить, идучи съ нимъ къ неумытному Судѣ, къ надеждѣ Христіанской, къ Богу начальному моему, Иисусу, заступающу мя и покрывзющу во всѣхъ прелютыхъ и нестерпимыхъ гоненіяхъ. Не добра есть похвала наша: не токмо есте насъ предали и отчаяли, но и милостыни есте, обычныя язычникомъ и мытаремъ, не сотворили, а имущи у себя что подать, и утробу свою затворили. Еще жъ и въ заемъ прощено, и паки возвращено быти хотяще, да послалъ есмь къ тебѣ второе посланіице.» Вотъ оно, тоже въ подлинникѣ:

«Посмотримъ на священнической чинъ, какіе люди находятся въ немъ; не осуждать ихъ мы хотимъ, не будь того! но бѣду свою оплакиваемъ: они не только не полагаютъ свою душу за стадо Христово, не только расхищаютъ, но и становятся учителями расхитителей, показывая въ себѣ начало въ примѣръ всякому законопреступленію. Они не говорятъ предъ Царями, а дѣлаются ихъ печаловниками, не заступаются за вдовъ и сиротъ, не избавляютъ находящихся въ напастяхъ и бѣдахъ, не выкупаютъ плѣнниковъ изъ плѣна, но пріобрѣтаютъ себѣ села, ставятъ большіе хоромы, кипятъ многими богатствами и украшаютъ корыстями, какъ благочестіемъ. Гдѣ и кто теперь воспретить Царю, или властителямъ,

какому ни будь злоупотребленію во время и безвременно, по слову Апостола? О, гдѣ Ілія, возревновавшій о Павуеевой крови и мстившій Царю обличеніемъ предъ самимъ его лицомъ? Гдѣ Елисей, посрамившій Царя Израилева, сына Ахаова? Гдѣ много Пророковъ, обличавшихъ неправедныхъ Царей? Гдѣ Амвросій Медиолацскій, смирившій Великаго Царя, Θεодосія? Гдѣ златословесный Иванъ, сильнымъ прещеніемъ обличавшій Царицу златолюбивую? Гдѣ много Патріарховъ и боговидныхъ Святителей и множество Чредобныхъ, ревнующихъ по Богѣ и безстрашно обличающихъ неправедныхъ Царей и властителей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлахъ? Помня слово Спасителя: «Кто постыдится мене въ родѣ семъ прелюбодѣиѣмъ, и Сынъ его предъ Ангелами Божиими постыдится,» кто нѣмъ, не стыдися, говоритъ слова Евангельскія? Я не знаю кто. И добровольно отрекшихся отъ всѣхъ удовольствій міра, проклявшихъ себя страшными клятвами предъ Богомъ и Ангелами, увѣщеваетъ лукавій змѣи забыть свои обѣты. Вотъ на лицѣ всей нашей земли какъ бы разгорѣлся лютой пожаръ, и мы видимъ многое множество домовъ, истребляемыхъ пламенемъ напасти, и кто отстоитъ ихъ, кто угаситъ, кто избавитъ братію отъ такихъ, и толкихъ бѣдъ? Во истину ни кто! Нѣтъ ни заступающаго, ни помогающаго, кромѣ Господа! Каждый (изъ пастырей Церкви) промышляетъ только о своемъ богатствѣ и, обнявшись съ нимъ, лежитъ, всячески ласкаясь предъ властями и потворствуя имъ, чтобы сохранить свои и приобрѣсти еще больше; а если кто гдѣ явится, ревнующій по Богѣ правотою слова, тѣ отъ державы властей осуждаются за то, какъ злодѣи и, послѣ различныхъ мукъ, предаются горькой смерти. Горе намъ (заключаетъ Курбскій), по тому что мы не имѣемъ теперь искусныхъ воловъ при ясляхъ, которые бы орали сердечные наши бразды раломъ Евангельскихъ словесъ, и раздирали наши сердца, оледѣнѣвшія отъ малолѣтныхъ и нечестивыхъ обычаевъ.» ³⁶⁵

Наконецъ Максимъ Грекъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ: «Умягчтся ли когда ни будь, и особенно нынѣ, вѣтвь этой божественной смоковницы, когда нѣтъ ни одного прилежно учащаго народъ, ни одного, выказывающаго безчинныхъ? Никто не утѣшаетъ малодушныхъ, никто не заступается за немощныхъ, не-

³⁶⁵ Слова Курбскаго въ посланіи къ какому-то старцу, вѣроятно тому же Василію, въ Сборн. Солов. биб. № 852.

кто не обличаетъ противящихся словамъ благочестія, никто не запрещаетъ безстыднымъ, никто не обращаетъ заблудшихъ отъ истины и честной Христіанской жизни, никто со смиреніемъ не бѣгаетъ священническаго сана и съ ревностію не ищетъ его, чтобы исправить людей беззаконныхъ и безчинниковъ; напротивъ, всѣ съ охотой покупаютъ священство за большіе подарки, чтобы потомъ жить всегда въ отрадѣ, славѣ и покоѣ. О кто достойно оплачетъ постигшую насъ тьму? Кругомъ ходятъ нечестивые, а наши пастыри остаются подобно камнямъ безчувственнымъ.»³⁶⁶ Нельзя конечно, безусловно соглашаться съ этими отзывами, такъ какъ они вытекали изъ личнаго настроенія лицъ, дѣлавшихъ ихъ. Берсенъ былъ лично озлобленъ противъ Митрополита Даніила; страданіе въ темницѣ и заточеніе раздражали Максима Грека и придавали желчность его взгляду. Курбскій³⁶⁷ озлобленъ былъ противъ опричнины, монаховъ, и всегда писалъ подъ вліяніемъ этого чувства. Тѣмъ не менѣе, однако жъ, что они были, это—событіе, а появленіе событія предполагаетъ, конечно, и самую причину его.

Но опять на Руси, какъ и въ Греціи, печалованіе вызвано было, какъ мы сказали, крайнимъ несоотвѣтствіемъ общественныхъ отношеній съ требованіями Христіанства, а еще болѣе борьбою старыхъ и новыхъ началъ. Слѣдовательно, чтобы ограничить печалованіе, какъ это желательно было нѣкоторымъ представителямъ Государственной власти, на пр., Грозному и Годунову, нужно было устранить самыя причины, вызывавшія печалованіе, нужно было, такъ сказать, переродить древнее Русское общество и Государство, устранить, происходившую въ немъ борьбу, сообщивъ ему новыя, болѣе прочныя и возвышенныя, общественно-политическія и нравственныя начала. Но, между тѣмъ, ни чего подобнаго не было еще сдѣлано, а, напротивъ, нравственное разложеніе общества и борьба въ немъ общественно-политическихъ началъ съ вѣчнымъ спутникомъ своимъ, опалю, приняли, какъ мы уже видѣли, еще большіе размѣры, нежели въ прежнюю пору. А, вмѣстѣ съ существованіемъ опалы, не могло, конечно, кончиться и проявленіе обращенія опальныхъ къ духовенству за защитою. Дѣйствительно, общество и теперь твердо помнило печалованіе духовенства за него въ прежнюю пору, и теперь обращалось къ нему съ просьбою быть ходатаемъ за него предъ Царемъ,

³⁶⁶ Соч. Максима Грека, стр. 139—141.

заступать свое отечество, указывать Царю, какъ нужно и лучше устроить свои земли, какъ ему людей своихъ жаловать, какъ защищать ему народъ свой отъ неправильныхъ судей. Такъ Максиму Греку говорили: «Ты человекъ разумный, и пригоже намъ тебя спрашивать, какъ нужно и лучше устроить Государю свою землю, и какъ ему людей жаловать, и какъ Митрополиту жить.»³⁶⁷ Къ Св. Александру Свирскому приступаетъ рыболовъ съ молитвою защитить его отъ несправедливой обиды со стороны судьи за ловлю осетровъ.³⁶⁸ Митрополитъ Филиппъ, отправляясь на Московскую кафедру, на пути изъ Соловковъ, встрѣтилъ предъ Новгородомъ многолюдную толпу мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ и званій, которые пали предъ нимъ на колѣни съ такими словами: «Отче! Будь ходатаемъ за насъ и за городъ нашъ предъ Царемъ Государемъ, заступи свое отечество!»³⁶⁹

Къ Макарію, Архіепископу Новгородскому, опальный дворянинъ шлетъ длинное и краснорѣчивое посланіе съ просьбою ходатайствовать предъ Государемъ о возвращеніи ему милости. Для образца приводимъ въ подлинникѣ это посланіе:

«Всесвятаго, Великаго Бога произволеніемъ всяко дѣло благо и всякъ даръ совершенъ свыше ходитъ отъ Божественнаго престола. Во имя Святыя и Нераздѣльныя Троицы, Отца явѣ, и Сына, и Святаго Духа. Всеправославному Государю, Преосвященному Архіепископу богоспасаемыхъ градовъ Великаго Новгорода и Пскова, и всея Россійскія земли солнцу, Владыкѣ Макарію, всемірному свѣтильнику, перковному свѣту, святому и всесвятѣйшему отцу отцемъ и всеначальнѣйшему пастырю пастыремъ, блаженному учителю, Святыя Вселенскія Соборныя Апостольскія Церкви найдостойнѣйшему правителю, въ первыхъ священныхъ чиноначаліяхъ свѣтлосіяющему просвѣщеніемъ небснаго разума, озаренія священноначальнѣйшаго великаго свѣта, паче яснозрительныхъ Херувимовъ блистающа, умовиднымъ просвѣщеніемъ Великаго Бога всенайпресвятѣйшаго въ себѣ образъ нося, единаченъ отъ Серафимъ пламенно блистаемыхъ свѣтомъ, чудноумному и свѣтлому Серафиму, огонь небеснымъ разгоряему, и многорачительнымъ желаніемъ всегда палымъ отъ Божественныя любви, у престола

³⁶⁷ Рук. Новг. Ссф. библ. № 1491, л. 317 в.

³⁶⁸ Акт. Арх. Эксп. т. 1-й, № 172, стр. 141.

³⁶⁹ Душеполезное Чтеніе 1861 г., Юль, стр. 129. Статья: «Жизнь Митр. Филиппа.»

сущи Великаго Бога, трисвятую Ему мѣсьню принося отъ всѣхъ и за вся, отъ Него просвѣщаемъ и освящаемъ, въ духовную благодать свершенный просвѣщаемъ, всего свѣтлаго свѣта освѣщеніе душамъ, вся привлека желаніемъ любви, яже къ нему въ чудный его свѣтъ, еже есть неостижимъ всякому уму, и такого отъ него много свѣтъ паче всѣхъ священноначалій церковныхъ, и прочимъ преподобія и сущимъ подъ вашею святостию, блаженнаго, священнаго святынею, каждо по мѣрѣ раздаеся, духовная дарованія о всѣмъ просвѣщеніе и церковное благословеніе во вся и на вся церковныя чины, начала же и власти Ангельскія и всякія челоуѣческія умы и души, изливая въ нихъ обильно свѣтъ благоразумія, къ просвѣщенію ихъ душамъ. яже ти подаесть многорачительная премудрость Божія къ совершенію святымъ, пасти Церковь и избранное стадо своихъ словесныхъ овецъ, яже ти Господь поручи. О, великій пастырю, пастыремъ начальникъ и всѣхъ священноначалія первенешнему свѣту, церковному свѣтильнику, всемирному свѣту, всѣхъ ходатаю Новаго Заѣта Христа, избравшаго тя въ сій чинъ, по благоволенію хотѣнія своего во образъ свой Божественный святыи, и воставлей тя на престоль великаго православія, на сѣдалища блаженнаго Архіепископа Ивана и пречуднаго Архіепископа Евфимія, правяще слово истинное истиннаго Бога, возвѣщающе во все православіе и въ концы ея спасеніе Божіе, во свидѣтельство всѣмъ хотящимъ вѣровать истинному Сыну Божію, подавая во весь міръ здравіе и всесвященное благословеніе силою Всемогущаго Бога на спасеніе всѣмъ душамъ. Тако бо угоденъ еси во всемъ первосвятитель, по писанію преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, благороденъ, всемилостивъ и отлученъ отъ грѣшникъ правомъ и житіемъ. О, великій начальнѣйшій отцемъ отче! тако великъ и толикъ многоблаженъ еси неизреченно по достоинствію Бога. Да кто отъ челоуѣкъ возможетъ излаголати или изрещи предивныя достоинства величествія святынь твоихъ, или ублажати по достоянію святительство твое изрядное, имъ же ты Господь Богъ ублажи паче всѣхъ земныхъ сыновъ челоуѣческихъ, и самыхъ тѣхъ сыновъ свѣта славою и честію вѣнчавый ты. Мнѣ убо, многоблаженный Святителю Божій, великій пастырю, вселенскій учителю, законоположенный вторый Моисею, паче Аарона прославленный отъ Бога Архіерею, самого того превышши чуднаго Самуила Новаго Заѣта Христа и совершенный умъ, церковное око, правителю новаго ковчега Заѣта Христова, въ немъ же лежатъ не скрижали каменны, но са-

мое то слово Божіе, живописанное и позлащено Духомъ Святымъ въ сердцѣ твоємъ святомъ, вкоренено отъ Духа манною небесною и воспитано всесвятѣйшею пречистою плотию и кровію агнца Христа непорочнаго, избавителя всего міра. Да что еще о семъ продолжаю время? Глаголю, Отче, во истину, яко ни едино есть слово тако возможно быти, еже отъ насъ достойно, или возможно, къ похваленію чудныхъ и предивныхъ святыхъ твоихъ, которое бы благое похваленіями земнородни непорочни принесемъ ти ублаженному еще отъ самаго Вышняго Бога, богоносе, всеблаженне отче! Не можетъ бо отъ человѣкъ данная ти милости и почести словомъ изрещи, аще кто всѣхъ премудростей языкъ имать. Но токмо еже отъ усердія теплыя вѣры и палимыя любви, иже имать къ тебѣ, Святителю Божію, но елико возможно есть отъ насъ, сія приносимъ мало, се гранословіе, Господине Великій Святителю! Отъ Бога бо данъ еси отецъ всѣмъ Христіанскимъ душамъ, прежде лѣтъ предзнаменованъ еси отъ Духа Святаго свыше. О, всесвятій избранный Божій, Вселенскій Пастырь, отъ Великаго Пастыря Христа учиненный! Во истину ты еси Священникъ Бога Вышняго, приносяще ему жертву Святую и безкровную о мирѣ всего міра, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о совокупленіи міра. Которыя Ты достойны похвалы словомъ представляю, иже паче достоинства витію, любославнаго и самаго естества превозшедшему мѣры всего міра горнихъ? Развѣ бо славнаго языка ученіе, ему же и силу дая, первенецъ слово глаголаше: «Языкъ мой трость книжника скорописца». ²⁷⁰ Что же къ симъ дерзнемъ? Всяко усердіе любовное насъ влекуще къ вашей всенасвятѣйшей отеческой святости. Высокое бо истинное любомудріе иноческое, еже есть мнишеское, глаголю, житіе, избравъ и Богови во всѣхъ присвои вся, есть невозможна иная, развѣ отъ усердія стяжати любовь и быти съ ними едино, возлюбивъ законъ и много лѣтъ пребывая въ уставѣ Преподобнаго Паанотія, въ немъ же много лѣтъ пребывъ и достойно ходивъ, житіе жестокое искусивъ, дондеже призри Господь на смиреніе твое. Видя мною трудъ терпѣнія и вдрученіе тѣла твоего зрѣти къ любиволюбителю, и сего ради посѣтилъ ты есть востокъ свыше и направи ти ноги твоя на путь святительства Великаго и стараго Новгорода, да упасенія людие, Христіанское стадо, къ нимъ

²⁷⁰ Псал. 442.

же рече Великій Павелъ, Серафимскій языкъ глагола: «Всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется.»³⁷¹ Дерзаю Великаго, Яснѣйшаго Самодержца, Государя Царского Православнаго, Царя всея Русіи и Великаго Государя, Ивана Васильевича всея Русіи, убогій въ прегрѣшеніихъ своихъ и художити холопъ, дерзаю и твою святыню къ себѣ призываю, и сего ради молю тя много, яко да послы свою милость и свое прошеніе о мнѣ согрѣшешъ прещедрому, общему всего Христіянства, Великому и Многомилостивому Царю и Государю нашему: въ немъ лежатъ милости безъ числа обильно, милосердія его имя, Государемъ, подаваема, подна всему Православію. Всесвятѣйшій отецъ отецъ, Государь, Архіепископъ Макарій, буди ми тобою всесвятое благословеніе и совершенное прощеніе и всеконечное грѣху моему разрѣшеніе. Если согрѣшилъ предъ Государемъ Царемъ всея Русіи, и согрѣшеніе наше твоей святыни вѣдомо, чающе отъ тебе блаженнаго уюваніе сіе получитьи. О всенайсвятѣйшій Отче, помини слово, глаголющее Великаго Пастыря, Христа, первоначальному всѣхъ прежде Пастырю, Верховному Петру, ему же самъ вручилъ пасти своя овцы, повелѣвая ему не токмо седмицать на день чловѣкомъ отпущати, но семьдесятъ седмицею,³⁷² яко да не отчаяваюся спасенія своего, имуще толико обѣщаніе на оставленіе долгомъ. Нынѣ же, Государь, имя рекъ, и мы того ради желаемъ милосердыхъ твоихъ добродѣтельныхъ даровъ отъ вашей всенайсвятѣйшей милосердости, аки Пастыря милостиваго и Утѣшителя душамъ. Понеже убо аличенъ есть Царскія милости, найяснѣйшаго Государя, Самодержца, Царя всея Русіи, сего ради молю твое чловѣколюбіе, аличнаго мя накорми и насыти симъ милосердіемъ Царскимъ, жаждущаго напои Царскою милостію отъ источникъ его Царскихъ милостивыхъ. Ибо желаю его Царскіе милости, аки желаетъ елень, палимъ на источники водныя, тако желаетъ душа моя милости Царскія и отпущенія грѣху моему, отъ его же Царскія милости жажду ктому во вѣки. Мы убо вѣруемъ быти Яснѣйшаго Царя Государя Русіи, и того самаго источника милости, истекающей всему Православію, сего ради со благословеніемъ вѣры притекаю прилежно ко Царскому источнику съ радостію почерпати свѣтлаго

³⁷¹ Римл. 10, 13.

³⁷² Матѣ. 18, 22.

Государя Царя всея Русіи милости, все Православіе охлаждаю отъ нежданна недуга, и его Царская десница въ сытость наполяетъ жадаемыхъ милости, и его Царскіе источники истекають, аки посредѣ рая, божественною благодатию безпрестави кишаще, отъ него же истекають четыре рѣки, напаяюща всю тварь на оживленіе. Сего ради помози ми, Отче всенайсвятѣйшій, доити Царскаго двора, яко да въ немъ ходяще, и зрять свѣтлое и неприкосновенное лице его Царское, и гдѣ есть Православнымъ Христіяномъ милость. Многія убо у Царя милости суть, но мѣръ дарованія комуждо раздѣлено. О, всесвятый Отче, тебѣ вся сія отъ Вышняго Бога и Государя всея Русіи дарована и вручена суть. Сего ради молю тя, о всесвятѣйшій Отче, всего Царскаго двора доити благолѣпія, и его благолѣпія и милости доити; но твоими молитвами и благословеніемъ вся сія возможна будутъ намъ. Но, милостивый Архіерей, сподоби мя, недостойнаго, великаго дарованія внити въ домъ Царскій и видѣти славу Царскаго лица. Умилосердись паки надо мною, Отче святой, приодѣй мя одежею Царскія милости, яко да грѣхъ мой симъ Царскимъ милосердіемъ покрѣмъ теплотою Царскія милости; да избавиши мя Царскія опалы своими святыми молитвами, милостивый Пастырю, и предпоставиши мя праведному солнцу, Царю и Государю всея Русіи, и тако невозбранно предстану лицу Цареву, хваляще и благодаряще всемогущаго Бога и тебя, милосердый, милостиваго Отца. Всесвятѣйшій Отче пречистый, опальнаго мя посѣти и исцѣли мною печалью отягчена, и скорбми различными, тяжкими бѣдами стягнута, и вопіюща къ тебѣ изъ глубины души: «О врачу, потщися, умилосердись на мя, помози ми, яко избываю въ грѣсѣ своемъ люте!» Тебе бо такова премудраго врача вѣдуща, могуща исцѣлвити и спасти всяко наше согрѣшеніе и всяку печаль, къ тебѣ прибѣгаемъ, вѣрою и смиреніемъ припадающе и любовію просяще, рцы о мнѣ слово ко Государю и Яснѣйшему Царю, Православному Самодержцу всея Русіи; тогда исцѣлѣю душею и тѣломъ, и такъ спасенъ буду отъ всѣхъ болѣзней своихъ и опалы. Ты же, яко добрый врачу, возведи мя отъ моего согрѣшенія, болящаго оживи и исцѣли; всесвятѣйшій Отче, приими нынѣ наши молитвы и подаждь ми печальному утѣху. Ты бо еси, Государь (имя рекъ) животь Христіянскимъ душамъ; ты бо вѣси время и часъ, егда умоли Православнаго Царя и Государя всея Русіи о нашихъ согрѣшеніяхъ; тобою да подасть намъ милость и прощеніе грѣху моему, и свое многое милосердіе. Сего, Государь (имя

рекъ) благовѣстуй радость въ скорби и печали сѣдѣющему, первыя его Царскія милости жалование погубихъ своимъ преступленіемъ, и сего ради изгнанъ бысть въ тлю и сѣнь смертную, въ мѣсто озлобленія, во юдоль плачевну, въ мѣсто, идѣже положень есмь, нынѣ осуженною оболченъ есмь кожею, яко есть въ темницѣ горькой души моей, въ ней же слезу опалѣ, алчуще и жаждуще, слезами обливающеса, изъ глубины душею также въздыхающе и милосердному Царю и Государю всея Русіи кричаще: «Государь, изведи изъ опалы сея душу мою исповѣдатися Царской милости твоей!» Ожидаю бо сего, дондеже воздасть ми не по грѣхомъ моимъ, ни по беззаконіемъ. Но, милостивый Отче, помози ми сего твоими святыми молитвами о миѣ, буди ко Государю милосердый ходатай и помощникъ въ скорбѣхъ, яко къ тебѣ прибѣгаю, не отврати раба твоего тоща. Тебе бо вѣрую великаго помощника и дѣль ходатая изрядна и насъ опальныхъ ко Государю Православному, яко да избавиши мя отъ тмы и опалы горшія, и направи на путь смиренъ и зведи мя паки въ чудный его свѣтъ немерцающій и въ незаходимый, присносіяющій, облистаемый неизреченною красотою и просвѣщеніемъ сіявшаго Царскія наслаженія, идѣже вси Православніи веселятся: хвалы радование и веселіе Царское постигло ихъ. Ты бы еси всесвятѣйшій, милостивѣйшій Отче, всѣхъ сихъ Царскихъ даровъ раздаятель, алчущихъ питатель, жаждущихъ напоитель, въ опалахъ утѣшитель страннымъ всѣмъ, да вся утѣшиши, да всѣхъ милуеши и утѣдриши, сего Царскою милостію Великаго Государя. Сія вся словеса и моленія пишемъ къ вашей всесвятѣйши святости, вѣдуще добръ, яко вся премудрости и разума глубокихъ философскихъ ученій о богословенскихъ книгъ всяка вѣки велико разумно и твоимъ всесвятѣйшимъ премудрости умомъ ³⁷³ и ясно зриши неизреченная, ихже умъ, человекъ постигнути не можетъ. Ибо Царскій священный языкъ есть святительство блаженное, камень живый, отъ Бога избранъ, честенъ, на немъ же камени основаль есть Христосъ Церковь свою, ей же врата адава никогда одолѣти не могутъ. И богомудрый учитель и всеразумный святой Отець, вѣси, како премудростію своею паки опальнаго мя утѣшити и печаль мою на радость предложить, яко да паки возрадуюся и возвеселюся о утѣшеніи и печалованіи твоемъ, и ни единого сомнѣнія въ совѣстехъ моихъ не

³⁷³ Мѣсто, очевидно испорченное.

постражду, и о вашей всенайсвятѣйшей великомилостивной святости. Отче пресвятый, Государь (имя рекъ) о семь о всемъ слава буди въ вышнихъ Богу, на земли миръ и благословеніе чловѣкомъ тобою дарова, показуя въ чловѣцѣхъ благословеніе своея благости, яко да вси спасутся и познають его сущаго истиннаго Бога, даващаго тебѣ такую власть, предивная великія твоя. Сего ради и мы о толикихъ и таковыхъ твоихъ небесныхъ благословити тя благословеннаго отъ вышняго Бога, кланяются покланяемому отъ всего собора Христіанскаго, славословимъ тя, разными словесы ублажающе тя, благодаримъ тя, великія ради славы твоея, юже имаша свыше отъ Бога. Великій Архіерею, Мельхиседече небесный, святый Отецъ небесныхъ даровъ, Вседержителя Спаса Единороднаго Господа Иисуса Христа, Святаго Духа, всесвятая душа, отпушая грѣхи всему міру, помилуй насъ, прощая грѣхи всему міру, прими молитвы наша, сѣдай одесную престола славы величествія въ церкви святѣй его, аки на небесахъ, помилуй насъ и милостивъ буди намъ, начальнѣйшій Отче, всепресвятѣйшій, многоблаженный Учителю, славою и честию отъ Бога и Отца многопочтенный паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ чловѣческихъ. Сего ради хвалимъ и благословимъ имя твое во вѣки, хваляще и благодаряще Великаго Бога о несказанихъ его дарѣ таковомъ сущемъ на тебѣ, имже ты ублажилъ самъ Великій Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ безсмертный, живый въ непреступномъ свѣтѣ трисвѣтлаго Божества, блистаемаго сіянія славы своея всегда, а токмо отъ иныхъ силъ небесныхъ умовъ, въ нихъ же и ты самъ, всесвятѣйшій Серафимъ, живеша, и комуждо ихъ по мѣрѣ просвѣщеніе божественное подается, въ нихже онъ непрестанно воспѣваемый, и славимый, и хвалимъ есть Богъ отъ всѣхъ земнородныхъ родовъ, величаемый отъ всякаго дыханія. Яко того есть единаго превѣчная слава и честное величіе, область же и держава, яже аще прежде всѣхъ вѣкъ бѣ, и нынѣ есть, и будетъ безконечная превѣчная вѣки. Аминь. Буди же кому благословеніе на насъ тобою, всесвятѣйшій Отче, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.»³⁷⁴

Спустя немного времени, другой опальный Князь, Воевода Казанскій, подобнымъ же посланіемъ проситъ Сильвестра, Благовѣ-

³⁷⁴ Правосл. Собесѣдн. 1863 г., стр. 406—420.

щенскаго Протопопа, молить Великаго Князя о милости и о возвращеніи снятой съ него должности. ³⁷⁵

Этого мало: сама Государственная власть подчасъ умоляла духовенство не щадить ея преступлеаіи, гремѣть словомъ Божиимъ, чтобы удержать ея слабость, помочь ей утвердить законъ и правду въ Государствѣ. «Достойные Святители Церкви, Учители Царей и Вельможъ, Пастыри Христіанъ, не щадите меня въ преступленіяхъ, смѣло упрекайте мою слабость, гремите словомъ Божиимъ!» говорилъ Иванъ Грозный, обращаясь къ духовенству. ³⁷⁶

Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, духовенство должно было отозваться на нужды Государства и народа. Должно было не только принять подъ свою защиту обращающихся къ нему опальныхъ, но и дѣйствовать словомъ своимъ на опредѣленіе и выясненіе отношеній между ними, правительствомъ и обществомъ. Естественно отсюда также и то, что и печалованіе въ пору преобладанія государственныхъ началъ, не смотря на всѣ, изложенныя нами невыгодныя обстоятельства для него не только не могло сразу уничтожиться, но, напротивъ, въ предсмертномъ, такъ сказать, издыханіи своемъ, должно было еще болѣе усилиться. Дѣйствительно, исторія представляетъ намъ, въ пору преобладанія Государственныхъ началъ, цѣлый рядъ высшихъ представителей духовенства (Епископовъ и Митрополитовъ) печаловниковъ, пѣзъ коихъ нѣкоторые даже остались мучениками за свое печалованіе. Кромѣ того и низшіе чины духовенства (Архимандриты, Игумены монастырей, а равно Протопопы), по прежнему шлютъ свои посланія въ Москву, въ которыхъ очень рѣзко описываютъ современные общественные безпорядки вообще, съ увѣщаніемъ Государя исправить ихъ, и самимъ исправиться, и съ проповѣдію о правдѣ. Особенно сильно писали наставленія къ Царимъ тѣ изъ духовныхъ лицъ, которые были заключены за свою проповѣдь въ темницы и которыхъ нечего было терять. Если же отъ этихъ ревнителей правды и милосердія отнимали чернила и бумагу и, не позволяя имъ писать, то они, при удобномъ случаѣ, издавали подметныя посланія съ мистическимъ характеромъ, которыя спи-

³⁷⁵ Рук. Новг. Соф. библ. № 1281, л. 399 и слѣд.

³⁷⁶ Ист. Карамъ., т. 8-й стр. 64—119. Стоглавъ, изд. Иожанчикова, Спб. 1863 г., стр. 32—34.

сывались грамотными людьми, распространялись во множествѣ списковъ и достигали своей цѣли.

Правда, были и такіе пастыри, которые не печаловались, но это зависѣло отъ слабости ихъ личнаго характера, не позволявшаго имъ бороться съ тѣми трудностями, съ которыми, какъ мы видѣли, сопряжено было печалованіе. Трудность же печалованія была причиною и того обстоятельства, что духовенство въ разсматриваемую пору печаловалось большею частію соборомъ, для того чтобы придать больше силы и значенія своему защитительному голосу въ пользу опальныхъ.

XVI вѣкъ больше всего изобилуеетъ опалою, такъ какъ тогда шла послѣдняя, страшная и упорная, борьба старыхъ и новыхъ порядковъ. Удѣльные Князья не хотѣли безъ бою отказаться отъ права родоваго владѣнія Русскою землею и престоломъ Великокняжескимъ, Бояре (дружина) отъ права отѣзда и непосредственнаго участія въ управленіи Государствомъ, сильнѣйшіе города (Новгородъ, Псковъ и друг.) отъ вѣчеваго устройства. Государственная власть, въ свою очередь, положила рѣзъ навсегда покончить съ патріархальными порядками и ввести все новое Государственное (внѣшнее и внутреннее) сосредоточеніе.

Задавшись такою конечною цѣлію, Государственная власть не щадила своей опалы на противниковъ своихъ. Напротивъ, пользуясь своею независимостію и безконтрольностію, изобрѣтала самыя ужасныя средства для уничтоженія съ лица Земли всякаго, въ комъ только она подозрѣвала малѣйшую возможность къ противленію безъ разбора званій и состояній, допуская при этомъ, какъ уже мы видѣли, страшный произволъ съ своей стороны. Къ опалѣ со стороны Государственной власти въ XVI вѣкѣ, присоединилась и опала сильнѣйшей Боярской стороны на слабѣйшую.

По этому вѣкѣ этотъ, по преимуществу, былъ богатъ печаловниками. Изъ Митрополитовъ въ XVI вѣкѣ самостоятельными печаловниками были: Симонъ, Варлаамъ, Даниилъ, Іоасафъ, Макарій, Аванасій, Германъ, Св. Филиппъ II и Кириллъ III. Изъ Епископовъ показалъ самостоятельный примѣръ печалованія Варсонофій Смоленскій; другіе были только соучастниками въ печалованіи Митрополитовъ. Таковыми были: Гурій Казанскій, Никандръ Ростовскій и Ярославскій, Аванасій Суздальскій, Варлаамъ Коломенскій, Матвей Сарскій, Акакій Гверской, Кипріянь Пермскій, Θεодосій Новгородскій и Псковскій. Изъ Архимандритовъ и Про-

топоновъ самостоятельными печаловниками были: Θεодоритъ, Сильвестръ. Остальные тоже только участвовали въ печалованіи Митрополитовъ и Епископовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: Меркурій Троицкій, Антоній Спасскій, Левкій Михайловскій, Θεоктистъ Самоловскій, Іосифъ Андроновскій, Θεодосій Богоявленскій. Изъ иноковъ самостоятельно печаловались: Іосифъ Волоколамскій, Порфирій Сергіевскій, Максимъ Грекъ и Данилъ. Другіе: Кириллъ Кирилловскій, Кипріянъ Пафнутіевскій, Леонидъ Θεофиловскій, только участвовали въ печалованіи Митрополитовъ. Изложимъ подробно дѣйствія самостоятельныхъ печаловниковъ:

Симонъ показалъ первый примѣръ печалованія въ 1505 году по слѣдующему случаю: По покореніи Иваномъ Васильевичемъ Казани и по взятіи тамошняго Царя Алехамъ Абраилова сына со всѣмъ семействомъ въ плѣнъ, послѣдній (Алехамъ) былъ посланъ въ заточеніе съ женою въ Вологду, а братъ его, Царевичъ Кайдакуль, съ другимъ братомъ и сестрою, на Бѣлоозеро, откуда Кайдакуль былъ послѣ переведенъ въ Ростовъ. Желая возвратитъ себѣ свободу, онъ рѣшился принять Христіанство, и просилъ объ этомъ неотступно Симона, чтобы онъ печаловался за него Симонъ, съ Новгородскимъ Архимандритомъ Аѳанасіемъ и Суздальскимъ Епископомъ Пифонтомъ, отпечаловалъ ему крещеніе своимъ поручительствомъ за него.³⁷⁷ Во вторыхъ, Симону обязаны спасеніемъ отъ опалы Князя: Константинъ Ивановичъ Острожскій (1507), Семень Ивановичъ (братъ Василя Ивановича, Великаго Князя) (1507 г.) и Василій Шемячичъ (1511 г.). Князь Острожскій былъ главнымъ предводителемъ Литовскаго войска. Послѣ битвы 1500 г., 14 Іюля, взятъ былъ Русскими въ плѣнъ и за отличіе въ битвѣ съ Татарами пожалованъ вотчиною. Но въ 1507 году, подъ видомъ обозрѣнія войскъ, ушелъ въ Польшу; до бѣгства же своего и пожалованія онъ просилъ Митрополита Симона печаловаться за него предъ Василіемъ Ивановичемъ, съ Епископами и Архимандритами. Симонъ дѣйствительно печаловался за него съ Трофимомъ Епископомъ Сарскимъ, Аѳанасіемъ Архимандритомъ Спасскимъ, Θεогностомъ Архимандритомъ Чудовскимъ, Варлаамомъ, Архимандритомъ Симоновскимъ, Митрофаномъ Архимандритомъ Андрониковскимъ, Ниломъ Игуменомъ Богоявленскимъ. И Великій Князь, ради ихъ прошенія, нелюбе свое ему отдалъ и позволилъ ему

³⁷⁷ Собр. госуд. грам. т. 1-й, стр. 401.

служить до смерти за подписью и поручительствомъ Митрополита и духовенства, что было въ Октябрѣ 1506 года.³⁷⁸ Князь Семень Ивановичъ хотѣлъ бѣжать въ Литву отъ брата своего, Великаго Князя, Василя Ивановича. Великій Князь, узнавъ объ этомъ, послалъ къ нему и велѣлъ ему у себя быть, хотя на него опалу свою положить. Семень за свою вину билъ ему челомъ, и онъ пожаловалъ его по печалованію Митрополита Симона и Владыкъ, и вины ему отдалъ.³⁷⁹ Бѣда Василя Шемячича заключалась въ слѣдующемъ: Какой-то Князь, Василій Семеновичъ, распустилъ слухъ, что Судто онъ обговорилъ Шемячича предъ Великимъ Княземъ въ томъ, что онъ, Шемячичъ, намѣренъ Королю служить. Шемячичъ испугался, и послалъ къ Великому Князю своего челоуѣка, Митю Изяславова, просить позволенія быть у него для оправданія въ возведенномъ на него обвиненіи. Въ то же время, для большаго успѣха, Шемячичъ послалъ къ Митрополиту слугу своего, Льва Терногорева, просить его бить о томъ же челоуѣ Великому Князю. Митрополитъ билъ. Не смотря на то, Шемячичу не позволено было явиться къ Князю для оправданія, по случаю занятія земскими дѣлами. Между тѣмъ Князь Василій Семеновичъ, замѣтивъ трусость Шемячича, распустилъ другую молву еще страшнѣе, именно: будто Василій Ивановичъ хочетъ уже на него опалу свою положить по его, Семеновича, дескати, обговору. Шемячичъ еще пуще испугался новою молвою и, не смотря на прежній неуспѣхъ, опять послалъ къ Великому Князю слугу своего, Митю, просить, чтобы Князь его пожаловалъ и опалы бы, по обговору Семеныча, не положилъ на него, а позволилъ бы ему быть у себя для оправданія, а до того времени выдать ему отъ Митрополита опасную грамоту. На этотъ разъ Великій Князь внялъ просьбѣ Шемячича, позволилъ выдать ему опасную грамоту, и Митрополитъ Симонъ передалъ Шемячичу, чтобы онъ уже ничего не боялся.³⁸⁰ Но Князь Василій Семеновичъ все таки продолжалъ хвастать вездѣ, что чрезъ него достанется таки Шемячичу рано, или поздно. Тогда Шемячичъ снова сталъ просить Симона Митрополита бить за него челоуѣ Великому Князю, чтобы онъ опалы своей по этому обговору не положилъ на него, и велѣлъ бы ему по это-

³⁷⁸ Собр. гос. гр. т. 1-й, стр. 403 — 404.

³⁷⁹ Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 189.

³⁸⁰ Собр. гос. гр. т. 2, № 28, стр. 34—35.

му дѣлу объясниться съ нимъ самолично, и для того выдать ему опасную грамоту. Симонъ билъ о томъ челомъ Великому Князю. И Великій Князь, наконецъ, въ успокоеніе Шемячича, объявилъ ему лично, что опалы своей на него никакой не хотѣлъ положить, да и не хочетъ даже.³⁸¹

Варлаамъ. При немъ въ 1514 году Князь Глинскій подвергся опалѣ Великаго Князя. Причина опалы была слѣдующая: Глинскій усердно содѣйствовалъ взятію Смоленска, а именно: по его старанію вызваны были изъ заграницы разные искусные люди, между ними пушкаръ Степанъ, и, кромѣ того, по его убѣжденію Смоленцы рѣшились слатся. Глинскій рассчитывалъ, что за это содѣйствіе Великій Князь отдастъ ему Смоленскъ во владѣніе. Но Великій Князь не думалъ этого, по тому что тогда пришлось бы лишиться ключа къ Дибровской области. Обманутый въ своей надеждѣ, Глинскій снесся съ Сигизмундомъ и убѣжалъ въ Оршу. Но одинъ изъ ближнихъ слугъ его въ ту же ночь прискакалъ къ Князю Михайлу Голицѣ, объявилъ ему объ умыслѣ Глинскаго и указалъ дорогу, по которой поѣдетъ бѣглець. Голиця, давши знать объ этомъ другому Воеводѣ, Челядину, немедленно сѣлъ на коня съ своимъ отрядомъ, перенялъ дорогу у Глинскаго и схватилъ его ночью, когда тотъ ѣхалъ за версту впереди отъ своихъ дворянъ; на разсвѣтѣ Челядинъ соединился съ Голицею и повезъ Глинскаго въ Дорогобужъ, къ Великому Князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву. Королевская грамота, вынутая у Глинскаго, послужила главною уликою. Посоль Императора Максимилиана, пріѣзжавшій въ Москву для примиренія Василія Ивановича съ Сигизмундомъ, при отъѣздѣ ходатайствовалъ объ освобожденіи Глинскаго, котораго Императоръ воспиталъ при своемъ Дворѣ и который служилъ вѣрную службу родственнику его, Альберту, Курфирсту Саксонскому. Герберштейнъ представлялъ, что если Глинскій виноватъ, то уже довольно наказанъ заключеніемъ, и что если Великій Князь согласится отпустить его къ Императору на службу, то Максимилианъ свяжетъ его тяжелою клятвою не замышлять ничего противъ Москвы. Великій Князь хотѣлъ уже казнить Глинскаго за его проступки. Но Глинскій вспомнилъ, что отецъ и мать его были Греческаго Закона, билъ челомъ Митрополиту, чтобы ему опять быть въ Греческомъ Законѣ.

³⁸¹ Соб. гос. гр. т. 2, № 29 и 36-й.

Митрополитъ Варлаамъ взявъ его у Великаго Князя отъ казни на свои руки, уговорилъ его въ то же время не принимать Православія по одной только нуждѣ. Этого мало. За свое печалованіе Митрополитъ Варлаамъ даже самъ подвергся опалѣ Великаго Князя, Василія Ивановича. Дѣло было такъ: Василій Ивановичъ далъ клятву въ безопасности Шемяки за его покорность, и Варлаамъ поручился за слово обоихъ Князей. Но потомъ Василій дозволялъ себѣ нѣсколько поступковъ весьма оскорбительныхъ для совѣсти Варлаама. Тогда Варлаамъ сказалъ Великому Князю: «Если ты одинъ хочешь управлять всѣмъ, то мнѣ не для чего оставаться въ должности моей,» и отдалъ Князю свой посохъ. Василій заковалъ его въ оковы и сослалъ въ отдаленный монастырь, гдѣ Варлаамъ кончилъ жизнь свою, хотя уже и не въ оковахъ. ³⁸²

Даніилъ. Не смотря на приведенный уже нами неблагопріятный отзывъ Берсеня о Даніилѣ, исторія все таки представляетъ намъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о ревностной печалованческой дѣятельности Даніила. Такъ, въ 1522 году Князь Василій Васильевичъ, подвергшись опалѣ Великаго Князя, Василія Ивановича, за отъѣздъ въ Литву, билъ ему челоюмъ черезъ Даніила, и его дѣтей, какъ выражались тогда: Ивана Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, Геннадія Епископа Суздальскаго, Іону Епископа Тверскаго, Тихона Епископа Коломенскаго, Досифея Епископа Сарскаго и Подонскаго, Симоновскаго Архимандрита Герасима, Чудовскаго Архимандрита Іону, и Великій Князь, ради ихъ прошенія и челобитья, отдалъ вину Шуйскому. Поручительствомъ за него былъ тоже Даніилъ съ духовенствомъ своимъ. ³⁸³

Въ Запискахъ Герберштейна упоминается, между прочимъ, что, въ 1524 году Воеводы Великаго Князя, Дмитрій Бѣльскій и Князь Иванъ Воротынскій, оставили берега рѣки Оки, и Татары Крымскіе, подъ предводительствомъ Хана своего, Махмедъ-Гирея, безъ всякаго препятствія перешедши рѣку, дошли даже до Москвы и произвели великія опустошенія. По возвращеніи Татаръ, произведено было слѣдствіе о причинѣ отступленія Россійскихъ войскъ отъ береговъ Оки, при чемъ прочіе Воеводы сложили всю вину на Бѣльскаго, а сей на Андрея Ивановича. Государь, не желая употреблять строгости надъ роднымъ братомъ своимъ,

³⁸² Соф. Врем. 2, 373 и Ник. Лѣт.

³⁸³ Собр. гос. гр. т. 1-й, стр. 114.

велѣлъ нѣкоторыхъ изъ Воеводъ своихъ, въ томъ числѣ и Бѣльскаго, взять подъ стражу. Тогда Бѣльскій чрезъ Данила и весь священнѣйшій сонмъ духовенства билъ челомъ Василию Ивановичу, и сеи, ради нѣхъ челобитья, отдалъ Бѣльскому и Воротынскому, вину, съ условіемъ, не отъѣзжать отъ него къ другимъ Государямъ. Поручителемъ былъ Даниль. ³⁸⁴ Въ 1525 г. Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, тоже за вину свою (не извѣстно, какую) билъ челомъ Василию Ивановичу чрезъ Данила и дѣтей его: Геннадія Епископа Суздальскаго, Іону Епископа Рязанскаго, Акакія Тверскаго, Досифея Епископа Сарскаго, Симоновскаго Архимандрита Герасима, Чудовскаго Іону, Андрониковскаго Архимандрита Ефрема, Игумена Богоявленскаго Феофила. Царь, ради ихъ просьбы, простилъ Воротынскаго. Поручителемъ въ вѣрности Воротынскаго былъ Даниль съ духовенствомъ. ³⁸⁵ Въ 1529 году, по причинѣ гоненія въ Ливѣ и Польшѣ на Православную Вѣру, Князь Федоръ Михайловичъ Мстиславскій искалъ убѣжища въ Россіи и, ради хотадаиства Данила, Василиій Ивановичъ не только принялъ его на службу, но и женилъ на своей племянницѣ, Настасьи, ³⁸⁶ взявъ съ него клятвенное обѣщаніе не имѣть съ Польскимъ Королемъ никакого сношенія, тоже за подписью и ручательствомъ Данила. Въ 1531 году Мстиславскій нарушилъ это обѣщаніе. Но, раскаившись въ своемъ проступкѣ, просилъ Великаго Князя о помилованіи чрезъ Данила, и въ вѣрной на будущее время службѣ представлялъ порукою по себѣ знатнѣйшихъ духовныхъ особъ, какъ то: Макарія Епископа Новгородскаго и Псковскаго, Кирилла Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, Геннадія Епископа Суздальскаго, Іону Епископа Рязанскаго, Іосифа Епископа Смоленскаго, Акакія Епископа Тверскаго, Василіана Епископа Коломенскаго, Досифея Епископа Сарскаго и Подонскаго, Алексѣя Епископа Пермскаго, Рождественскаго Архимандрита Ефросима, Чудовскаго Архимандрита Іону, Симоновскаго Архимандрита Филовея, Андрониковскаго Архимандрита Зосиму. Василиій Ивановичъ, ради просьбы руки дѣтей его (духовенства), отдалъ вину Мстиславскому: Въ томъ же году, по ходатайству Данила, былъ прощень

³⁸⁴ Собр. гос. гр. т. 1, стр. 421.

³⁸⁵ Собр. гос. гр. т. 1-я, стр. 425.

³⁸⁶ Тамъ же т. 2-й, стр. 433.

за свою вину и Плещеевъ. ³⁸⁷ Кромѣ того Даніилъ показалъ нѣсколько примѣровъ печалованія въ правленіе Елены и послѣ ея смерти. Такъ, ему обязаны освобожденіемъ Князя Иванъ и Андрей Шуйскіе. Князя эти еще при Василиѣ Ивановичѣ отъѣзжали къ Удѣльному Князю Юрію. Василии отправилъ къ нему съ требованіемъ ихъ выдачи, и тотъ безпрекословно исполнилъ его требованіе. Василии велѣлъ оковать отъѣзчиковъ и разослать ихъ по разнымъ городамъ. Когда Елена сдѣлалась Правительницею, Шуйскіе просили Даніила ходатайствовать за нихъ, и Елена, по ходатайству его, велѣла освободить Шуйскихъ. ³⁸⁸ При ссорѣ Князя Андрея съ Еленою, посредникомъ между ними и ходатаемъ за первого предъ послѣднею, былъ тоже Даніилъ. Когда Андрей хотѣлъ бѣжать изъ своего удѣла, Елена отправила къ нему Крутицкаго Владыку, Симоновскаго Архимандрита и Спасскаго Протопопа, которые отъ имени Митрополита говорили Андрею: «Слухъ до насъ дошелъ, что ты хочешь оставить благословеніе отца своего, гробы родительскіе, святое отечество, жалованье и береженье Государя своего В. Князя Василия и сына его. Я благословляю тебя и молю жить съ государемъ своимъ и соблюдать присягу безъ всякой хитрости, доѣхалъ бы ты къ Государю и Государынѣ безъ всякаго сомнѣнія, и мы тебя благословляемъ и беремъ на свои руки. Наконецъ, когда, послѣ смерти Елены, Василии и Иванъ Шуйскіе стали враждовать на Князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго да на Михайла Васильевича Тучкова, за то, что Бѣльскій и Тучковъ совѣтовали Великому Князю пожаловать Боярствомъ Князя Юрія Михайловича Голицына (Патрикѣва) и Ивана Ивановича Хабарова Окольниковъ. Даніилъ сталъ на сторонѣ Бѣльскаго и ходатайствовалъ за него предъ Шуйскими, партія которыхъ была тогда сильнѣе всѣхъ Боярскихъ партій. Но напрасно. Шуйскіе посадили Бѣльскаго въ заключеніе, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а одному изъ нихъ (Мишуруину) отрубили голову безъ Государева приказанія, Митрополита же Даніила лишили мѣста и вмѣсто его поставили Игумена Троицко-Сергіева монастыря Іоасафа. Этого мало. Въ одномъ поученіи Даніила къ Великому Князю читаемъ: «Подобаеть Великому Государю свидѣтельство добро имѣти и праведную добродѣтель исполнити и, еже подѣ

³⁸⁷ Соб. гос. гр. т. 2, стр. 440.

³⁸⁸ Истор. Солов. т. 6 ѡ.

твоею великою областью о многихъ прилежати и въ разумъ истинный привести; понеже, Государь, глава еси всѣмъ людямъ твоимъ. Не хвались сильнымъ силою своею, ни богатый богатствомъ своимъ, но о семъ хвалится хвалящійся, еже разумѣти и творити судъ и правду посреди земли, и симъ образомъ творя, много поживеши лѣтъ, и отъ чреслъ твоихъ изыдутъ сѣмена плодовита, и скипетръ Царства удержиши. ³⁸⁹ Точно также, въ своемъ поученіи Епископу, Даниилъ писалъ: «Аще и въ величїи премудрости поучается кто, о погибающихъ же небрежетъ, не можетъ быть пастыремъ истиннымъ. ³⁹⁰ Въ посланіи же къ Порфирію, Игумену Николаевского монастыря на Волосовѣ, во Владимирской области, Даниилъ писалъ: «Добраго и истиннаго пастыря дѣло есть еже милосердствовать о овцахъ и промыслять и пещися ими и соболѣзновать недужному овчати, яко же благоразсудный отецъ къ дѣтямъ присносущымъ да промысляетъ и посѣщаетъ коюждо, и подобное врачеваніе и промышленіе противу свлѣ приноситъ или телеснѣ, или душевнѣ, всѣхъ милуя, всѣхъ изыскуя, о всѣхъ промысляя, терпя всѣхъ, приемля всѣхъ, утѣшая всѣхъ, независимо подая всѣмъ разумъ ученія, недугующихъ укрѣпляя, малодушествующихъ утѣшая, скорбящихъ подобнымъ врачеваніемъ объемля. ³⁹¹

Іоасафъ. По вступленіи на Митрополичій престоль, Іоасафъ, въ своемъ исповѣданіи вѣры, писалъ: «Обѣщаюсь не дѣлать ничего изъ одного угожденія Великому Князю, или многимъ Князьямъ, хотя бы грозили мнѣ смертію, принуждая сдѣлать что либо вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ. ³⁹² Обѣщаніе свое Іоасафъ выполнилъ съ полною твердостію. Бояре, въ малолѣтство Грознаго, дѣлали что хотѣли, и Шуйскіе злодѣйствовали. Надобно было положить предѣлъ кровавымъ произволамъ Шуйскихъ; наиболѣе способнымъ къ тому былъ Князь Бѣльскій. Святитель (въ Мартѣ 1540 г.) выпросилъ у В. Князя приказаніе освободить Князя Бѣльскаго изъ заключенія, и умный, добрый Бояринъ введенъ былъ въ Верховный Совѣтъ Бояръ. Легко было предвидѣть, что Шуйскіе жестоко отплатятъ за то доброму пастырю, но онъ предоставилъ себя волѣ Божіей. Надежды на Бѣльскаго стали оправды-

³⁸⁹ Сб. Нов. Соф. биб. № 1281, л. 364—370.

³⁹⁰ Тамъ же № 1281, л. 225—230.

³⁹¹ Ист. Солов. т. 6 й, стр. 409-я.

³⁹² Акт. Эксп. т. 1-й, № 184.

ваться: грабежи и насилія остановлены.³⁹³ Митрополитъ дѣлалъ все, что могъ дѣлать для блага Россіи. Онъ удержалъ Великаго Князя въ Москвѣ, и одушевилъ вѣхъ мужествомъ, когда приближался къ Москвѣ Сагибъ-Гирей.³⁹⁴ По его же ходатайству освобождено изъ темницы семейство Удѣльнаго Князя Андрея Ивановича, жена Евфросинія и сынъ Владимиръ. Сперва имъ повелѣно было жить только въ Москвѣ на дворѣ Князя Андрея, а потомъ, въ праздникъ Рождества Христова, 25 Декабря, 1541 г., позволили пріѣхать во дворецъ видѣться съ Великимъ Княземъ, возвратили Владимиру отцовскій удѣлъ, дали Бояръ и Дѣтей Боярскихъ, но не отцовскихъ. Въ то же время, благодаря просьбѣ Іоасафа, оказана милость и другому Удѣльному Князю, Дмитрію, сыну Андрея Ивановича Углицкаго, племяннику Ивана III-го, сидѣвшему около 50 лѣтъ въ оковахъ. Оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастнаго.³⁹⁵ Этого мало. Лѣтописцы говорятъ, что и вторая милость Князю Владимиру Старицкому была оказана по печалованію Іоасафа. Къ сожалѣнію,³⁹⁶ недолго продолжалась печаловническая дѣятельность Іоасафа. Скоро Бояре: Князя Михаилъ и Иванъ Кубенскіе, Дмитрій Палецкій, Иванъ Третьяковъ и другіе, подъ предводительствомъ Шуйскихъ, давнихъ враговъ Бѣльскаго и Іоасафа, составили противъ нихъ заговоръ, за то, какъ выражается лѣтописецъ, что Великій Князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи. Ночью, со 2 на 3 число Генваря, 1542 года, Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ и утромъ, на другой день, отосланъ на Бѣлоозеро въ заточеніе, и здѣсь умерщвленъ въ темницѣ. Совѣтника его, Щеняева, взяли изъ комнаты задними дверями. Митрополитъ Іоасафъ былъ разбуженъ камнями, которые заговорщики бросали ему въ келію: онъ кинулся въ дворецъ, заговорщики ворвались за нимъ съ шумомъ въ спальню Великаго Князя, разбудили послѣдняго въ 3 часа до свѣту. Не найдя безопасности во дворцѣ, подлѣ Великаго Князя, приведеннаго въ ужасъ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое Подворье, но туда за нимъ Бояре прислали Дѣтей Боярскихъ, Новгородцевъ, съ неподобными рѣчами. Новгородцы не удоволь-

³⁹³ Львов. Лѣт. т. 4, стр. 130—131.

³⁹⁴ Ник. Лѣт. стр. 23—27. Царств. Книга, стр. 83—89-я.

³⁹⁵ Никон. Лѣт. т. 7-й стр. 33. Степ. Кв. ч., 2 стр. 239. Царств. Кн. 100. Львовск. Лѣтоп. т. 4, стр. 138—139.

³⁹⁶ Исх. Солов. т. 6, стр. 41.

ствовались одними ругательствами, но чуть, чуть не убили Митрополита. Только Троицкій Игумень, Алексій, именемъ Свитаго Сергія, да Бояринъ Князь Дмитрій Палецкій, успѣли удержать ихъ отъ убійства. Іоасафа взяли наконецъ и сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. На его мѣсто возведенъ былъ въ Митрополиты Новгородскій Архіепископъ Макарій.

Макарій. Печаловническая дѣятельность Макарія была счастливѣе и обширѣе дѣятельности Іоасафа. Обстоятельства благоприятствовали этому. При немъ партіи Боярскія не смѣли уже такъ самовольно распоряжаться дѣлами государственными, по тому что уже возрасталъ и сознавалъ всю Царскую независимость малолѣтній прежде Иванъ IV, питавшій еще тогда глубокое уваженіе къ духовенству, благодаря перевороту, совершившемуся въ немъ послѣ пожара, подъ благотворнымъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ на него извѣстнаго Протопопа Сильвестра. Особенно же Иванъ оказывалъ уваженіе Макарію, какъ мы уже видѣли, когда говорили о значеніи духовенства въ разсматриваемую пору. Первый примѣръ печалованія Макарій показалъ по просьбѣ самаго же Ивана IV. Дѣло было такъ. Трое Шуйскихъ и Совѣтники ихъ, Князь Скурлатовъ, Князья Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексій Басмановъ, узнавши, что врагъ ихъ, Федоръ Семеновичъ Воронцовъ, успѣлъ овладѣть расположеніемъ Ивана, 9 Сентября, 1543 года, въ присутствіи же Ивана и Митрополита Макарія, взволновались въ столовой избѣ у Государя на совѣтѣ, схватили Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти. Иванъ послалъ Митрополита и Бояръ уговорить ихъ, чтобы не убивали Воронцова, и они, по печалованію Макарія, не убили его, но повели со дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь прислалъ опять Макарія и Бояръ къ Шуйскимъ сказать имъ, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться въ Москвѣ, то пусть пошлютъ ихъ на службу въ Коломну. Но Шуйскимъ показалось это очень близко и опасно: они сослали Воронцовыхъ въ Кострому. И когда (говоритъ Летописецъ) Митрополитъ ходилъ отъ Государя къ Шуйскимъ, Оома Головинъ на мантию у него настушилъ и разодралъ ее. Особенно же много примѣровъ печалованія показалъ Макарій предъ самимъ Иваномъ Грознымъ. Вотъ подробный перечень ихъ: Въ 1547 году Иванъ узналъ, что бѣжали въ Литву Бояре: Князь Михайлъ Васильевичъ Глинскій да Князь Иванъ Турунтай Пронскій, изъ своихъ сель Ржевскихъ, послалъ за нимъ и въ погоню Князя Петра Ивано-

веча Шуйскаго, который загналъ ихъ въ непролодимыя мѣста. Увидѣвъ невозможность уйти изъ нихъ и услышавъ о погонѣ, они возвратились къ Царю и хотѣли тайно въѣхать въ Москву и бить челомъ Царю, что они не убѣгали, а ѣздили молиться Пречистой Богородицѣ. Но первого поймали у Новагорода, въ воротахъ Неглименскихъ, когда онъ хотѣлъ съ коня уйти, а второго на посадѣ,—на дворѣ, у колоколни Вознесенья, на Никитской улицѣ, и привели въ городъ. Царь велѣлъ посадить ихъ подъ стражу. По изслѣдованіи дѣла, умыселъ и вина ихъ были обнаружены. Но они били челомъ Государю чрезъ Митрополита Макарія и дѣтей: Θεодосія Архіепископа Великаго Новгорода и Пскова, Алексѣя Епископа Ростовскаго и Ярославскаго, Іону Епископа Суздальскаго, Гурія Епископа Смоленскаго, Акакія Тверскаго, Θεодосія Коломенскаго, Савву Сарскаго, Кипріана Пермскаго, Рождественскаго Архіепископа Евфросима, Спасскаго Архимандрита Нифонта, Чудовскаго Архимандрита Михаила, Симоновскаго Архимандрита Трифона, Андрониковскаго Архимандрита Авраамія.³⁹⁷ И Царь уважилъ просьбу духовныхъ особъ, и гнѣвъ свой усмирилъ взятіемъ съ Пронскаго двухъ записей.³⁹⁸—Въ 1554 году побѣждалъ въ Литву Князь Никита Семеновичъ Лобановъ-Ростовскій; о побужденіи Ростовскаго къ отъѣзду лѣтописцы не говорятъ ничего, но само Правительство объясняетъ эти причины въ Наказѣ Послу въ Литву: «Если (говорится тамъ) стануть спрашивать о дѣлахъ Князя Ростовскаго, то говорить: пожаловалъ его Государь Божествомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ и на службу негодится, однако захотѣлъ, чтобы Государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными. Государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись, по малоумству, началъ съ всякими иноземцами говорить непригожіи слова, былъ схваченъ въ Торопцѣ, и на допросѣ показатъ, что отпустилъ его Бояринъ объявить Королю, что онъ самъ идетъ къ нему съ братьями и племянниками. Князь Семень былъ тоже схваченъ, и на допросѣ показатъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и малоумства, скуденъ онъ разумомъ и добрыми дѣлами, попусту изъѣдастъ Царское жалованье и отцовское наслѣдство. Люди его, призванные къ допросу, показали, что онъ сносился съ Литовскимъ Посломъ Довойною, когда тотъ былъ въ Мо-

³⁹⁷ Собр. гос. грам. ч. 1-я, стр. 454-я.

³⁹⁸ Никон. ч. VII, стр. 60-я.

скѣ, самъ дважды видѣлся съ нимъ, рассказывалъ ему, что говорилось въ Думѣ на счетъ мира съ Литвою, поносилъ Государя, уговорился съ Довойною и послалъ челоуѣка своего къ Королю за опасною грамотою. Князь Семень подтвердилъ всѣ эти показанія, утверждая, что все это дѣлалъ отъ малоумства, и что хотѣли бѣжать родственники его: Князя Лобановы и Прѣимковы. Царь съ Боярами осудилъ его за дѣло и слово на смертную казнь, и послалъ на позоръ вмѣстѣ съ товарищами, но Макарій со Владыками и Архимандритами отпросилъ его отъ смертной казни: онъ сосланъ былъ только на Бѣлоозеро въ заключеніе, а людей его распустили.³⁹⁹ — 1553 году Царь Казанскія Едигеръ, взятый въ плѣнъ въ походѣ Грознаго въ Казань, билъ челоуѣкомъ Макарію, чтобы о немъ печаловалъ Грозному, дабы сей далъ ему животь, а за его грубость казнить не велѣлъ и позволилъ бы ему принять Христіанство. Макарій посылалъ спрашивать Едигеръ, не по нуждѣ ли онъ это дѣлаетъ, и онъ клялся, что по любви. Тогда Макарій билъ о немъ челоуѣкомъ Грозному, и по его печалованію Царь велѣлъ освободить Едигера и явиться къ нему креститься.⁴⁰⁰ — 1561 году Князь Василій Михайловичъ Глинскій опять хотѣлъ бѣжать къ Королю Польскому, и за то подвергся оналѣ Грознаго, и билъ ему челоуѣкомъ о пощадѣ чрезъ Митрополита Макарія и дѣтей его: Никандра Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, Аванасія Суздальскаго, Варлаама Коломенскаго, Матеея Сарскаго, Елеферія Архимандрита Троицкаго, Галактіона Архимандрита Чудовскаго, Филоея Архимандрита Симоновскаго, Юсифа Архимандрита Андрониковскаго, и ради ихъ просьбы былъ прощенъ.⁴⁰¹ — Въ 1562 году Князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій попалъ подъ оналу Грознаго за то, что хотѣлъ бѣжать въ Литву, но билъ челоуѣкомъ Грозному за свою вину чрезъ Митрополита Макарія, Пимена Архіепископа Казанскаго, Никандра Ростовскаго и Ярославскаго, Аванасія Епископа Суздальскаго, Симона Смоленскаго, Гурія Епископа Рязанскаго, Анапія Тверскаго, Варлаама Епископа Коломенскаго, Матеея Сарскаго, Іоасафа Епископа Пермскаго, Спасскаго Архимандрита Галактіона, Чудовскаго Архимандрита Левкія, Симоновскаго Архимандрита Филоея, и Царь про-

³⁹⁹ Ник. Лѣт. ч. VII, стр. 212.

⁴⁰⁰ Ник. Лѣт. ч. VII, стр. 199.

⁴⁰¹ Собр. гос. грам. ч. 1, стр. 470.

стиль Бѣльскаго, взявши съ духовенства поручительную грамоту за него. Но Бѣльскій скоро опять хотѣлъ бѣжать къ Сигизмунду, и за то опять подвергся опалѣ Грознаго, но опять же билъ ему челомъ чрезъ тѣхъ же лицъ и, ради ихъ просьбы, былъ прощенъ.⁴⁰² Этого мало. Отправляя Святителя Гурія въ новопокоренную иновѣрческую страну (Казань), еще не со всѣмъ спокойною, Царь Иванъ, по просьбѣ Митрополита Макарія, далъ ему «Наказную Память», въ которой Святителю предоставлялось не только право печаловаться, но даже право убѣжища: «А который Татаринъ (говорилось въ «Наказной Памяти») до вины дойдетъ, и убѣжить къ нему (Архіепископу) отъ опалы отъ каковы ни будь, и похочеть креститься, и ему того Воеводамъ назадъ ни какъ не отдати, и крестити его, и покоити у себе, и посовѣтовати о томъ съ Намѣстниками и съ Воеводами, и будетъ его приговорять, держати въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясику, а нельзя его будетъ держати въ Казани, чая отъ него впредь измѣны, ино покрестивъ отослати къ Государю и Великому Князю. А котораго Татарина въ каковѣ винѣ велятъ его Воеводы казнити, а придуть о немъ иныя Татарове бити челомъ о печалованіи Архіепископу самому, о тѣхъ послати спрашивати.»⁴⁰³ Наконецъ Царь повелѣвалъ Архіепископу самому вывѣдывать у Намѣстниковъ и Воеводъ о тѣхъ Татарахъ, которые будутъ подвергаться легкимъ винамъ гражданскимъ, и которымъ за это будетъ угрожать наказаніе, и просить о ихъ помилованіи, даже въ томъ случаѣ, если бы осуждаемые не просили его о томъ ни сами, ни чрезъ другихъ.⁴⁰⁴

Авѣанасій былъ несчастливѣе Макарія: при немъ Грозный опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ, во первыхъ, въ слѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни; во вторыхъ, въ слѣдствіе образования при Дворѣ двухъ сторонъ; наконецъ, въ третьихъ, въ слѣдствіе вражды Сильвестра и сторонниковъ его къ Анастасіи. Сильвестръ и Адашевъ скоро удалились, но совѣтники ихъ оставались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія. Надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія. Такимъ образомъ опять возвратилась страшная пора Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ. Около Ивана образовалась пустота:

⁴⁰² Собр. гос. гр. ч. 1, стр. 484.

⁴⁰³ Акт. Арх. Эксп. т. 1, № 241, 11.

⁴⁰⁴ Тамъ же.

люди, къ которымъ онъ привыхъ, которыхъ любилъ и уважалъ исчезли; другіе стали поодаль, во враждебномъ отношеніи, съ укоромъ на устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Кромѣ того, Иванъ въ это время овдовѣлъ, остался одинъ на одинъ со своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа его мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей; при впечатлительности, страстности, увлекаемости природы Ивановой, переходы отъ зла къ добру, и отъ добра ко злу, были очень скоры. Какъ слѣдствіе этой новой переменны въ Иванѣ выставляются двѣ казни: казнь Князя Дмитрія Овчины и Кашина. По словамъ Курбскаго, Иванъ призвалъ Репнина на пиръ, желая привязать его къ себѣ. Когда все общество развеселилось, надѣло маски и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Ивану, что Христіанскому Царю неприлично дѣлать это. Иванъ въ отвѣтъ надѣлъ маску на него, говоря: «Веселись и играй съ нами!» Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: «Чтобы я, Бояринъ, сталъ такъ безчинствовать!» Иванъ разсердился, прогналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить въ церкви, подлѣ алтаря, во время чтенія Евангельскаго. Въ ту же ночь онъ велѣлъ убить и Князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени; его убили на самой паперти церковной. Духовенство по прежнему стало противиться этимъ убійствамъ, и ходатайствовало за опальныхъ. Но Иванъ теперь оскорбился уже этимъ, и выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское со всѣмъ семействомъ, казною и Боярами. Изъ Коломенскаго онъ двинулся въ Александровскую Слободу, и отсюда, 3 Генваря 1565 года, прислалъ къ Митрополиту Аѳанасію списокъ, въ которомъ исписаны были измѣны Боярскія, Воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, какія измѣны и убытки Государству они дѣлали до его совершенномѣтія. «Царь гнѣвъ свой положилъ на богомольцевъ своихъ, Архіепископовъ, Епископовъ и все духовенство за то, что если онъ захочетъ Бояръ своихъ, или приказныхъ, или служивыхъ людей наказывать—они по нихъ покрываютъ; отъ великой же жалости сердца, не могли измѣнныхъ дѣл Боярскихъ терпѣти, Царь оставилъ свое Государство и поѣхалъ изъ Москвы.» Когда эта грамота была прочитана, всѣ стали упрашивать Аѳанасія, чтобъ онъ съ остальнымъ духовенствомъ умолилъ Государя, упростилъ его не оставлять Государство, и править имъ, какъ ему будетъ угодно, виновныхъ же во измѣнѣ вѣдаетъ Богъ да Государь; въ животѣ и въ казни его, Государева, воля. Аѳанасій съ

духовенствомъ явился въ Александровскую Слободу и объявилъ Ивану общую мольбу народа: Иванъ принялъ челобятъе съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ на своемъ Государствѣ опричнину, «а которые Бояре, Воеводы и приказные люди заслужили, за великія измѣны, смертную казнь, а иные опалу, у тѣхъ имѣнье отобрать въ казну; духовенству же все это положить на Государевой волѣ.»⁴⁰⁵ Въ слѣдствіе этой воли всѣ мнимые и истинные противники Царя были казнены. Особенно тяжелы были для общества дѣйствія опричнины. Чтобы быть угодными Царю, опричники должны были враждовать къ старымъ вельможамъ и, для поддержанія своего значенія и выгоды, должны были поджигать эту вражду къ нимъ и въ самомъ Царѣ. Этого мало: никто изъ Земскихъ Правителей не могъ рѣшить дѣла не въ пользу опричника. Никто изъ опальныхъ не могъ рѣшиться принести жалобу на опричника, по тому что сей послѣдній всегда имѣлъ возможность увѣрить гнѣвливаго и подозрительнаго Царя, что жалоба ложная, что она подана въ слѣдствіе ненависти къ опричнику—изъ желанія вооружить противъ него Государя, при чемъ всякій опричникъ считалъ всегда первую своею обязанностію заступиться за своего товарища; наконецъ, для большаго возбужденія къ себѣ довѣренности Царя, опричники безпрестано, тайно и явно, твердили ему, что тѣ чародѣи, и потому заслуживаютъ жестокихъ казней. Тяжело было Аѳанасію видѣть все это, но, по слабости своего характера, онъ не въ силахъ былъ помочь горю. И по тому, чтобы избѣжать упрековъ отъ общества, счелъ за лучшее отказаться добровольно отъ своего великаго и священнаго сана по болѣзни. Впрочемъ, и Аѳанасій оставилъ по себѣ добрую память въ современникахъ двумя примѣрами печалованія, именно за Боярина Ивана Петровича Яковлева, 1565 г., и за Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, 1566 года. Въ чемъ состояла вина Яковлева, по лѣтописи ничего достоверно не извѣстно. Вѣроятно, самое родство его съ Царскимъ домоу, по Анастасіи, служило главною причиною подозрѣнія на него. Какъ бы то ни было, только Яковлевъ, подвергшись опалѣ, билъ челомъ Грозному чрезъ Митрополита Аѳанасія, Пимена Архіепископа Новгородскаго и Псковскаго, Никона Архіепископа Ростовскаго и

⁴⁰⁵ Ист. Солов. т. 6-й, стр. 214—217-я.

Ярославскаго, Елеферія Епископа Суздальскаго, Филовея Епископа Коломенскаго и Каширскаго, Троицко-Сергіева монастыря Архимандрита Антонія, Михайловскаго Чудовскаго монастыря Архимандрита Левкія, Симоновскаго Архимандрита Θεоктиста, Андрониковскаго Архимандрита Іосифа, Богоявленскаго Ігумена Θεодосія, и, ради ихъ просьбы, получилъ прощеніе отъ Івана.⁴⁰¹ Воротынскій тоже, не извѣстно за что подвергся опалѣ, вѣроятно, по тому что при осадѣ Казани не оказалъ храбрости. Тѣмъ не менѣе, однако жъ и онъ билъ челомъ Грозному чрезъ Аванасія, Пимена Архіепископа Новгородскаго и Псковскаго, Германа Архіепископа Казанскаго, Никанора Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, Елеферія Епископа Суздальскаго, Филовея Епископа Рязанскаго, Іосифа Епископа Коломенскаго, Галактіона Епископа Сарскаго, Рождественскаго изъ Владимира Архимандрита Антонія, Чудовскаго Архимандрита Левкія, Андрониковскаго Архимандрита Іосифа, и былъ прощенъ.⁴⁰²

Чего не успѣлъ сдѣлать Аванасій, то сдѣлали его преемники: Германъ и Филиппъ І-й. Когда Аванасій по болѣзни отказался отъ каведры, Германъ находился въ Москвѣ, и былъ ходатаемъ за Князя Воротынскаго предъ Царемъ.⁴⁰³ По словамъ Курбскаго, Германъ былъ столько же высокъ умомъ, сколько ростомъ, мужъ жизни чистой и святой, ревностный изслѣдователь Священнаго Писанія, подвижникъ духовный, человекъ простой, смиренный и твердый, готовый на помощь застигнутымъ бѣдою и напастію и усердный попечитель о бѣдныхъ.⁴⁰⁴ Иванъ зналъ высокія добродѣтели Германа, и по тому назначилъ его въ Митрополиты: напрасно Германъ отказывался. Ему велѣли занять поковъ Первосвятительскіе, въ ожиданія торжественнаго постановленія. Уже съѣхались въ Москву всѣ Епископы, уже написали грамоту избирательную. Но, высоко уважая обязанности сана, которымъ готовились облечь его въ храмѣ, Германъ не хотѣлъ себя связать рукъ молчаніемъ; прежде чѣмъ облеченъ будетъ высокимъ саномъ, онъ рѣшился переговорить съ Царемъ и испытать сердце его. Разъ Иванъ посѣтилъ его въ Митрополищемъ домѣ. Во

⁴⁰¹ Собр. госуд. грам. т. 1-й, стр. 506-я.

⁴⁰² Собр. госуд. грам. т. 1-я, стр. 534-я.

⁴⁰³ Собр. гос. грам. т. 1, № 189.

⁴⁰⁴ Исторія Іоанна, стр. 122—123-я.

время разговора блаженный пастырь обратилъ рѣчь къ высокимъ и необходимымъ предметамъ жизни, тихо и кротко говорилъ Царю о Страшномъ Судѣ Божіемъ, предъ которымъ должны дать отчетъ всѣ, подданные и Цари, и предъ которымъ страшно будетъ презрителямъ закона Божія, кто бы они ни были. Царь задумался, и вышелъ отъ Германа мрачнымъ, въ тревогѣ души, страдавшей подозрительностію. Онъ пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Святителя и спросилъ: «Что думаютъ они?» Они знали Германа и понимали, что при первомъ случаѣ будетъ онъ настаивать предъ Царемъ прогнать негодяевъ, какъ безчестіе Царя и страшное зло Государству. И по тому въ одинъ голосъ отвѣчали: «Боже тебя сохрани, Царь, отъ такого совѣтника! Уже ли ты хочешь быть въ неволѣ, болѣе тяжкой, чѣмъ былъ у Сильвестра и Адашева?» Они стали упрашивать Царя на колѣняхъ (и болѣе всѣхъ Алексѣй Басмановъ съ сыномъ) не допускать Германа до высокой каѳедры. Иванъ послалъ сказать Герману, чтобы выѣхалъ изъ Митрополличьяго дома и поручилъ передать ему такія слова Царя: «Ты еще не возведенъ на Митрополию, а уже отнимаешь у меня свободу.»⁴⁰⁵ Опозоривъ вѣрнаго своему долгу Святителя, не отпустили его въ Казань, но послали тайно въ заключеніе.⁴⁰⁶

Еще лучше выдержалъ себя Филиппъ II-й. Когда Иванъ, не смотря на всѣ просьбы Филиппа, не соглашался отпустить его обратно въ обитель, а Митрополитомъ избрать другого, онъ сказалъ: «Повинуюсь твоей волѣ, но умири мою совѣсть: да не будетъ опричинны! Ибо всякое раздѣленное Царство запустѣетъ, по слову Господа; не могу благословлять тебя, видя скорбь отечества.»⁴⁰⁷ Иванъ едва подавилъ гнѣвъ свой, и ссылался на то, что будто противъ него зло умаляютъ. «Развѣ не знаешь, говорилъ онъ, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость учрежденія опричинны, но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями Филиппа, велѣлъ ему замолчать. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ, но Иванъ не хотѣлъ на этотъ разъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: онъ желалъ склонить его къ безмолвію, и чрезъ это дѣлалъ его какъ бы соучастникомъ въ по-

⁴⁰⁵ Курбскій, стр. 121—122.

⁴⁰⁶ Карамз. Ист. прим. 174 въ IX. т.

⁴⁰⁷ Тамъ же.

выхъ правилахъ своего царствованія. Ревностный Филиппъ старался внушить всѣмъ Епископамъ, чтобы они твердо стояли противъ столь недобраго «начинанія.» Онъ говорилъ: «На сіе ли собрались вы, отцы и братія? Еще ли молчать? Что устрашаетъ васъ сказать правду? Если молчаніе ваше влечетъ Царскую душу ко грѣху, то и свою душу влечете вы на погибель; ибо предпочли глѣбную славу вмѣсто скорби за Православіе.»⁴⁰⁸ Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея и молчали. Другіе же (особенно Пименъ Новгородскій и Филовей Рязанскій) думали и рассуждали иначе. Они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія,—думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и примирить въ милосердіе кротости; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ этомъ случаѣ будетъ дѣйствиємъ гордости, не согласной съ духомъ истиннаго слуги Христова, что долгъ Святителя молиться и наставлять Царя единственно во спасеніе души, а не въ дѣлахъ Царства.⁴⁰⁹ Одинъ только Германъ, Архіепископъ Казанскій, высказавшій еще прежде Св. Филиппа свое мнѣніе въ слухъ Царя, и за то изгнанный изъ палаты Святительскихъ, поддерживалъ духа Св. Филиппа.

Убѣжденія Пимена и другихъ колебали рѣшимость Филиппа, не уstraшеннаго Царскимъ гнѣвомъ и не ослабленнаго блескомъ Архипастырства, какъ показало время. Филиппу нужно было теперь рѣшиться на одно изъ двухъ: или просить Царя объ уничтоженіи опричнины, и безъ того не приступать къ принатію Первосвятительскаго сана, или приступать къ послѣднему, не требуя отъ Царя тяжелой для него жертвы, предоставляя это будущему, когда можно будетъ дѣйствовать исподоволь и спокойно. Филиппъ, положась на Провидѣніе, рѣшился избрать послѣднее, чтобы не уличали его въ гордости и упрямствѣ. Иванъ, замѣтивъ, что ему уже не противорѣчатъ, требовалъ у Филиппа письменнаго отреченія отъ всякаго пастырскаго пререканія дѣствіямъ Царя. Не прекословилъ болѣе Филиппъ; надѣясь въ будущемъ исправить то, чему долженъ былъ уступить въ настоящемъ и, сказавъ: «Да будетъ, что угодно Государю и церковнымъ Пастырямъ,» далъ записъ: «въ опричнину и въ Царскій обиходъ не вступаться, а послѣ поставле-

⁴⁰⁸ Житія Святыхъ Русской Церкви, Муравьева, стр. 93-я.

⁴⁰⁹ Ист. Карамз. т. IX.

нія за опричнину и за Царскій обиходъ Митрополіи не оставлять.» ⁴¹⁰ Не полное число Святителей, при подписаніи этой поручительной грамоты, когда ихъ было болѣе числомъ при послѣдовавшемъ за тѣмъ поставленіи Филиппа въ санъ Митрополита ⁴¹¹ показываетъ, что не всѣ Святителя были согласны на такое вынужденное обязательство, которое не могло быть исполнено. Юля 25, 1566 года, въ день успенія Св. Анны, совершилось торжественное рукоположеніе Филиппа въ Митрополита всея Руси, къ общему удовольствію народа и къ досадѣ Царскихъ любимцевъ. Новый Митрополитъ, просіявшій обиліемъ изливавшейся на него благодати, съ жезломъ Чудотворца въ рукахъ, впервые здѣсь сказалъ назидательное слово. Филиппъ говорилъ здѣсь: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тѣнноти земнаго величія, о побѣдахъ невооруженной любви, которыя приобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. ⁴¹² Казалось, говоритъ Карамзинъ, что самъ Иванъ внималъ съ умиленіемъ голосу наставника, уже давно молчавшему въ этомъ храмѣ; что этотъ, ижекогда любезный для него голосъ, напоминалъ ему время счастливое, и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. ⁴¹³ Казалось, что Грозный одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ Царю, но обнаружилъ здѣсь высокую свою твердость; народъ узналъ, чего онъ желалъ, и могъ надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя; всѣ ожидали въ Иванѣ благой перемѣны, какъ это было уже однажды при Макаріѣ.

Первые дни и мѣсяцы послѣ возведенія Филиппа на кафедру Московскихъ Митрополитовъ и всея Россіи дѣйствительно протекли въ мирѣ и надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на опричниковъ: радовался народъ и благодарилъ Бога. Казалось, надежды народа были ненапрасны. Москва отдыхала; даже опричники казались менѣе страшными. Начинали думать, что уже конецъ бѣдамъ, заключая, что добрыя отношенія водворяются между Государемъ

⁴¹⁰ Собр. госуд. грам. № 557. Карамз. т. IX, прим. 174.

⁴¹¹ Карамз. т. IX, примѣч. 177.

⁴¹² Карамз. т. IX, прим. 178.

⁴¹³ Карамз. т. IX, стр. 57.

и Первосвятителемъ; но никто, конечно, не былъ столь счастливъ видимою переменою Царя, какъ самъ ея виновникъ, котораго святость не могла, хотя временно, не дѣйствовать на Ивана. Но скоро обстоятельства измѣнились. Послѣ такой кратковременной тишины и спокойствія, Иванъ какъ бы проснулся отъ тяжелаго сна, и — опять полилась кровь невинныхъ жертвъ.

Начались клеветы и подозрѣнія на самаго Филиппа, и доносы на его почитателей. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ въ санъ Митрополита человека, о которомъ никто не думалъ, Иванъ не замедлилъ подозрѣвать въ немъ орудіе ненавистныхъ Бояръ. Царь увѣрилъ себя, что они внушили Митрополиту мысль требовать уничтоженія опричнины, и возмущаютъ народъ противъ этой Царской дружины; по тому опричники, посылаемые по столицѣ для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ, какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ; что все безмолствуетъ, гдѣ явится опричникъ. Въ воображеніи Ивана явилась мысль о ковахъ и заговорахъ противъ него; надлежало открыть, доказать ихъ. И вотъ опричники обвинили главныхъ Бояръ, Князей: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго и другихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ; первые три успѣли спастись, но жестоко пытали и казнили мнимыхъ ихъ единомышленниковъ: старика Боярина Челядина, Князей Дмитрія Ряполовскаго и др.⁴⁴ Такииъ образомъ настала третья пора казней. Не только вельможи мнимо опасные, но и мирные, безвѣстные граждане страшились наглости опричниковъ, которые, по свидѣтельству современнаго лѣтописца, «бѣгали по городу вооруженные, искали жертвъ, убивали всенародно человекъ десять и двадцать въ день: трупы лежали на улицахъ и площадяхъ, никто не смѣлъ погребать ихъ; Москва цѣпенѣла отъ ужаса.» Среди такого ужаса и безмолвія, всѣ ожидали, не раздастся ли единственный спасительный голосъ Первосвятителя.

Что же Филиппъ? Не уже ли надежды народа были напрасны? Не уже ли онъ былъ невнимателенъ къ бѣдствіямъ своей паствы? Нѣтъ, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, онъ не отказался отъ права печалованія за невинныхъ. Онъ хотѣлъ только, прежде всенароднаго обличенія, испытать еще мѣру тайнаго увѣщанія. И по тому отправился къ Царю въ Александровскую Слободу, и здѣсь, наединѣ, говорилъ ему: «Державный Царь! Облеченный самымъ великимъ саномъ, ты долженъ болѣе всего чтить

⁴⁴ Тамъ же.

Бога, отъ котораго принялъ санъ. Ты образъ Божій, но, вмѣстѣ и прахъ. Властелинъ тотъ, кто владѣетъ собою и не служитъ низкимъ похотямъ. Слышно ли, чтобы благочестивые Цари волновали свою Державу, какъ взволнована твоя?» Иванъ закинулъ гнѣвомъ и сказалъ: «Что тебѣ, чернецу, до нашихъ Царскихъ дѣлъ?» Святитель отвѣчалъ: «По благодати Святаго Духа, по избранію священнаго Собора и по Вашему изволенію, я—пастырь Христовой Церкви; мы съ тобою должны заботиться о благочестіи и покоѣ Православнаго Христіанства и Царства?»—«Молчи! сказалъ Иванъ, и насъ благослови на дѣла нашей воли!»—«Молчаніе неумѣстно теперь, отвѣчалъ Филиппъ: наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ. Если будемъ выполнять произволы человѣческіе, какой отвѣтъ дадимъ въ день прішествія Христова? Господь сказалъ: «Да любите другъ друга: больше сей любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя. Аще въ любви моей пребудете, во истину ученицы мои будете.» Иванъ отвѣчалъ: «Ближніи мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла. Какое дѣло тебѣ до нашихъ Царскихъ совѣтовъ?»—«Государь, сказалъ Филиппъ: надобно различать добрыхъ людей отъ худыхъ; одни берегутъ общую пользу; другіе говорятъ тебѣ неправду, по своимъ видамъ; грѣшно не обуздывать людей худыхъ. Прогони отъ себя людей негодныхъ, пагубныхъ тебѣ в Царству. Пусть водворится любовь на мѣстѣ раздѣленія и вражды.»—«Филиппъ, сказалъ Иванъ, неприкословъ державъ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше—оставь Митрополію!»—«Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: за чѣмъ ты лишилъ меня пустыни и Св. Отцовъ? Если дерзаешь чрезъ каноны, твори, что хочешь: когда наступило время подвига, не долженъ я ослабѣвать.»⁴¹⁵ Царь выходитъ отъ него въ большемъ раздумѣ; это раздумье было страшно опричникахъ, и они скоро разсѣяли его новыми клеветами на ближнихъ, умоляя Царя не выдавать ихъ Филиппу и, ради его рѣчей, не оставлять опричники и обычнаго образа жизни въ кругу своихъ присныхъ. Напрасно Иванъ избѣгалъ встрѣчи съ Митрополитомъ, боясь печалованій: они были необходимы. И Святитель исполнялъ этотъ долгъ милосердія, а въ храмѣ происходили и страшныя и умиленные сцены увѣщаній, моленій, прошеній, преценій судомъ Божиимъ и заклинаніемъ именемъ Христовымъ. Между тѣмъ казни и ужасы

⁴¹⁵ Житіе Филиппа стр. 108.

продолжались. Горько изображаетъ это бѣдственное время жизни описатель Филиппа. «Пожинались Православные, какъ на жатвѣ класы, повсюду проливался лютейшій огонь; не варварское нашествіе раскопало наши грады, но присная намъ рука; мы не помазали праги домовъ нашихъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ, кровавымъ потомъ благихъ дѣлъ, и Ангелъ смерти поражалъ у насъ первенцевъ, души наша! Внезапно обложенъ былъ царствующій градъ мрачнымъ воинствомъ; явился Царь съ своими клевретами, всѣ въ одеждахъ черныхъ, и мрачны были дѣла ихъ; грѣхъ родить беззаконіе, повсюду кровопролитіе и неправедный судъ»...⁴¹⁶ Несчастный народъ и Вельможи шли къ Митрополиту и умоляли его вступиться въ дѣло; онъ дѣлилъ съ ними горе, утѣшая ихъ наградами вѣчности: «Дѣти! (говорилъ Святитель) Господь милостивъ! Онъ не посылаетъ искушеній болѣе, чѣмъ можете понести; надобно быть и соблазнамъ. Горе тому, къ кому соблазнъ приходитъ. Все это, избранники Божіи, случилось съ нами по грѣхамъ нашимъ, для исправленія нашего, да и счастье обѣщано намъ не на землѣ, а на небѣ.» Скоро открылся ему случай и всенароднаго обличенія Ивана.

Однажды, въ день Воскресенія, 21 Марта, когда Филиппъ служилъ литургію въ Соборѣ Успенскомъ, вошелъ туда Грозный съ своими Боярами и опричниками въ черной одеждѣ, имѣя на головахъ высокія остроконечныя шапки. Царь подошелъ къ Митрополиту и просилъ благословенія. Филиппъ смотрѣлъ на образъ Спасителя и молчалъ. Бояре замѣтили ему: «Владыко! Государь предъ тобою: благослови его!» Взглянувъ на Ивана, Перво-святитель отвѣчалъ: «Въ этомъ видѣ, въ этомъ одѣяніи странномъ, не узнаю Царя Православнаго, не узнаю его и въ дѣлахъ Царства. Кому поревновалъ ты, о Царь, измѣнивъ образъ твоего благословенія! Убойся Божія суда: здѣсь приносимъ мы безкровную жертву Господу, а за алтаремъ льется неповинная кровь Христіанская! Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари Благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно. Въ самыхъ иновѣрныхъ, языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и все это совершается именемъ Царскимъ! Если и есть

⁴¹⁶ Тамъ же стр. 110. Также примѣч. 183 и 194, къ IX т. Истор. Карамзина.

виновные, прости, чтобы и тебя простилъ Господь. Кто не любить брата, тотъ не Божій. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести... Государы! Вѣщаю какъ пастырь душъ, боюсь Господя единого!..» Эти убѣдительныя, трогательныя и поразительныя слова Филиппа не дѣйствовали на каменное сердце грознаго Царя. Иванъ закипѣлъ гнѣвомъ и, растерявшись, сказалъ: «Филиппъ! Уже ли думаешь перемѣнить волю нашу? Не лучше ли тебѣ быть однихъ съ нами мыслей? Гдѣ же моя вѣра?»—«Напрасны и страданія Спасителя и его заповѣди, данныя намъ, если я буду молчать,» отвѣчалъ Святитель. Не жаль мнѣ (прибавилъ опъ) тѣхъ, которые пострадали невинно: они мученики Божіи, но скорблю за твою душу.» Царь не могъ говорить, и только угрозами заставлялъ молчать; наконецъ, ударивъ железомъ о камень церковнаго пола, онъ сказалъ страшнымъ голосомъ: «Чернецъ! Доселѣ я напрасно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» Но угрозы не были страшны Филиппу. «Я пришлецъ и пресельникъ на земли, какъ и всѣ отцы,» тихо отвѣчалъ онъ; «готовъ страдать за истину.»⁴¹⁷ Внѣ себя отъ ярости, Царь вышелъ изъ храма; на другой день, терзая приближенныхъ Филиппа, допрашивали ихъ о тайныхъ замыслахъ Митрополита, но, не смотря на старанія клеветниковъ, ничего не открыто. Иванъ не смѣлъ еще явно наложить руку на Перво-святителя, чтимаго и любимаго еще больше теперь народомъ; онъ готовилъ ему ударъ, но имѣлъ еще терпѣніе. Онъ хотѣлъ прежде уронить Святителя во мнѣніи народа, и для этой цѣли злоумышленники прибѣгли къ клеветѣ.

Подъучили церковнаго чтеца (анагноста) принести на Святителя жалобу прелъ лицомъ Епископовъ. Владыка Новгородскій, Пимень, какъ бы давъ вѣру тому, чему самъ не могъ вѣрить въ глубинѣ души своей, говорилъ: «Утверждаетъ Царя, а самъ не истовое творить!» Это было сказано въ церкви. Услышавъ такія слова, Филиппъ отвѣчалъ Пимену: «Чужой престолъ ты стараешься восхитить, но скоро будешь низверженъ и изъ своего.»⁴¹⁸

⁴¹⁷ Ист. Русск. Церкви, Муравьева, стр. 155 и 156. Карамз. т. IX, стр. 60—61, примѣч. 191.

⁴¹⁸ Карамз. т. IX, примѣч. 191.

И предсказаніе его, какъ увидимъ, сбылось. Економъ соборной церкви (Харалампій), дядя чтеца, клеветавшаго на Святителя, сталъ укорять своего племянника за это; юноша со слезами просилъ прощенія и извинялся тѣмъ, что его угрозами заставили къ тому враги великаго пастыря. Епископы просили Филиппа разрѣшить душу невольнаго клеветника, и добрый пастырь исполнилъ ихъ просьбу; потомъ, обратившись къ собраннымъ вокругъ него Епископамъ, продолжалъ говорить: «Вижу готовящуюся мнѣ кончину, но знаете ли, за чѣмъ хотятъ меня изгнать отсель и воздвигаютъ на меня Царя? За тѣмъ, что я не простеръ къ нимъ рѣчей лстивыхъ и, лаская, не облекъ ихъ въ одежды брачныя; но если умолю о истинѣ, да не вочтуса въ чинѣ Епископа!»⁴¹⁹ Православные Христіяне и благочестивые иноки не отступали отъ него, не смотря на гнѣвъ Царя, который съ тѣхъ поръ не говорилъ ни одного мирнаго слова Святому. Между тѣмъ ужасы убійствъ и безнравственности продолжались въ столицѣ и окрестностяхъ отъ страшныхъ опричниковъ. Вскорѣ представился опять случай Филиппу къ обличенію Ивана.

Въ день Святыхъ Апостоловъ, Прохора и Никанора (28 Юля), Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника—перенесенія иконы Одигитріи Смоленской, и совершалъ обычный крестный ходъ. Тутъ былъ и Грозный съ своими опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ въ тафѣ, во время крестнаго хода. Филиппъ съ негодованіемъ замѣтилъ Ивану объ этомъ безчиніи. «Когда совершается божественное славословіе, говорилъ Филиппъ, и читается слово Божіе «во утверженіе Христіанскаго закона, подобаетъ внимать ему съ откровенною головою: откуда же Агарянскій обычай предстоять въ тафѣяхъ? Не всѣ ли здѣсь единовѣрны?»—«Кто же на сіе дерзаетъ?» спросилъ Царь. И Святитель отвѣчалъ: «Нѣкіе изъ твоей Царской палаты», но опричникъ въ это минуту успѣлъ снять свою тафью, и Царя увѣрили, что это выдуманно Митрополитомъ для того только, чтобы имѣть случай укорить Государя. Разгнѣванный Иванъ вышелъ изъ себя, тутъ же всенародно и грубо ругалъ Филиппа, называя его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, и тутъ же рѣшился изгнать его, клялся, что уличитъ въ беззаконіяхъ, и приступилъ къ дѣлу.

⁴¹⁹ Житіе Филиппа стр. 115.

⁴²⁰ Ист. Карамзина т. IX, примѣч. 196, и Житіе Филиппа стр. 116.

Много клеветали на Святаго; но эти клеветы не были еще достаточны Ивану для обличенія Первосвятителя: ему, и при безграничномъ самовластїи, трудно было подвергнуть опаль Святителя добродѣтельнаго и всѣми уважаемаго. По совѣту духовника своего, Благовѣщенскаго Протоіерея Евстратїя, и другихъ злостныхъ враговъ Святаго (Пимена Новгородскаго, Пафнутїя, Филоея Рязанскаго), Иванъ послалъ искать клеветъ на Святаго въ дальнюю обитель, гдѣ свято протекла иноческая жизнь Филиппа. Въ 1568 году присланы были въ Соловецкій монастырь, по Царскому повелѣнію, Пафнутїй Архіепископъ Суздальскїй, Князь Василїй Темкинъ, Архимандритъ Андронїева монастыря Θεодосїи и другїе, для производства слѣдствїя о жизни Святаго мужа; они старались угрозами и обѣщанїями склонить иноковъ къ доносамъ на Филиппа, но всѣ единодушно говорили, что онъ святъ дѣлами и сердцемъ; одинъ Игуменъ Паисїй склонился на постыдное предложенїе (ему Пафнутїй обѣщалъ санъ Епископа). Посланные, по прїѣздѣ въ Москву, представили вымышленные свои доносы Царю, который велѣлъ читать ихъ въ слухъ предъ собою и Боярами, забывъ, что Епископа нужно судить Епископамъ же.⁴⁴ Впрочемъ, было нѣкоторое подобїе суда; туда призванъ былъ Филиппъ; и тамъ присутствовали нѣкоторые Епископы, Архимандриты и лица прочаго духовенства. Митрополитъ, призванный на Судъ, явилъ все величіе души праведника, безмолвно внималъ онъ всѣмъ клеветамъ доносячковъ, и не хотѣлъ оправдываться, зная, что низверженїе его давно уже было рѣшено въ дуплѣ Ивана. Игуменъ Паисїй также стоялъ здѣсь и клеветалъ на Филиппа, который, вмѣсто безполезнаго оправданїя, обратился къ Паисїю и тихо сказалъ, что «злое сѣянїе не принесетъ ему плода вождельннаго;» потомъ, обратившись къ Ивану, произнесъ: «Царь и Великїй Князь! Думаешь ли, что я страшусь тебя, или смерти? Достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше мнѣ оставить по себѣ память невинной кончины, за свидѣтельство истины, нежели, въ санѣ Митрополита, безмолвно терпѣть всѣ эти ужасы беззаконїя. Твори, что тебѣ угодно! Вотъ жезлъ пастырскїй, вотъ бѣлый клубукъ и мантія, конми ты хотѣлъ возвеличать меня!

⁴⁴ Сочин. Курбскаго ч. 1, стр. 135 — 136.

А вы, Святители: Архимандриты, Игумены и всѣ служители алтарей: пасите вѣрно стадо Христово, готовьтесь дать отчетъ, и страшитесь Небеснаго Царя, еще болѣе, нежели земнаго!»⁴²² Иванъ требовалъ сжечь Филиппа, какъ волшебника, и только духовенство уросило оставить ему жизнь безъ сана.⁴²³ Но Иванъ оставилъ его, сказавъ, что ему должно ожидать окончательнаго суда. Грозный хотѣлъ ищенія торжественнаго за обличенія всенародныя; онъ принудилъ его взять одежду Святительскую, и велѣлъ служить литургію еще разъ въ Успенскомъ Соборѣ, въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда Святитель стоялъ уже предъ престоломъ и спокойно приносилъ безкровную жертву Богу, въ церкви явился присланный отъ Царя, Алексѣй Басмановъ, съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, и велѣлъ читать Царскій Указъ, изъ котораго народъ, къ изумленію, узналъ, что Филиппъ лившенъ Святительскаго сана. По прочтеніи Указа опричники бросились въ алтарь и начали срывать съ Филиппа Святительскія одежды. Не смутился духомъ великій подвижникъ и, не обращая вниманія на враговъ своихъ, спокойно сказалъ клиру и народу: «О чада! Скорбно разлученіе съ вами. Но я радуюсь, что все это пріобрѣлъ ради Церкви; настало время вдовства ея; ибо пастыри, какъ наемники, презираемы будутъ.» Сорвавши съ Филиппа Святительскія одежды, опричники съ поруганіемъ выгнали его изъ церкви и, посадивъ на дровни, въ одной изорванной иноческой одеждѣ, повезли въ Московскій Богоявленскій монастырь. Народъ провожалъ своего пастыря, заповѣдывавшаго ему молиться, съ плачемъ и рыданіемъ. «Дѣти! (говорилъ онъ народу) Все, что могъ, сдѣлалъ я. Если бы не для любви къ вамъ, и одного дня не оставался бы на каѳедрѣ. Уповайте на Бога, терпите!» Еще недовольно было этого народнаго позора. Иванъ хотѣлъ обличить Святителя предъ цѣлымъ Соборомъ, и на другой день призванъ былъ Филиппъ въ Судную Палату, гдѣ созванъ былъ Соборъ изъ Епископовъ, Бояръ и другихъ, въ присутствіи Царя, и гдѣ первенствовалъ Архіепископъ Пименъ, самый злой врагъ Филиппа. Здѣсь Митрополитъ долженъ былъ выслушать приговоръ, которымъ онъ, какъ уличенный будто бы въ волшебствѣ и другихъ, возведенныхъ на него, преступленіяхъ, осужденъ

⁴²² Ист. Карамз. т. IX, стр. 62. Сочин. Курбскаго ч. 1, стр. 156.

⁴²³ Житіе Филиппа стр. 119.

кончить дни свои въ заточеніи. Смѣло сталъ предъ лице Царя и своихъ обличителей Филиппъ, привезенный сюда въ убогой одеждѣ. Клеветалъ на него тотъ же Паисій, неблагодарный ученикъ его, Игуменъ Соловецкой обители. Первосвятитель не жаловался на несправедливость, не смутился духомъ при видѣ такой неблагодарности: онъ кротко сказалъ Паисію: «Благодать Божія да будетъ на устахъ твоихъ, чадо; ибо лъстивыя уста отверзлись противъ меня. Не слышалъ ли Божіе слово: и «Аще кто речеть брату своему юрде, повиненъ есть гееннѣ огненной?» Вспомни и другое изреченіе Святаго Писанія: «Что сѣеть чловѣкъ, то и пожнетъ;» это слово не мое, а Господне!» Съ миромъ, великодушно, умирительно прощаясь съ судьями, онъ еще разъ обратился къ Царю умоляя его не терзать своихъ подданныхъ и помнить часъ смертный. «Престань, о Государь (говорилъ онъ) отъ столь нечестивыхъ дѣяній; вспомни прежде бывшихъ Царей; какъ творившіе добро, ублажаемы по смерти, а зло содержавшіе Царство свое, и послѣ не съ благословеніями поминаются. Потщись и ты подражать благимъ нравамъ; ибо свѣтлостію сана не умаляется смерть, во все вонзающая несокрушенные зубы. Итакъ, прежде ея пришествіи, принеси плоды добродѣтели и собери себѣ сокровище на небесахъ; ибо все, собранное въ мірѣ семъ, останется на землѣ, и каждый воздастъ слово о житіи своемъ.»⁴²⁴ Грозный опять пришелъ въ ярость, видя, что весь Соборъ безмолствуетъ предъ Святителемъ, исповѣдникомъ истины. Одинъ только изъ числа присутствовавшихъ поднялъ голосъ въ защиту Филиппа: это былъ Германъ, Архіепископъ Казанскій. Онъ говорилъ Царю, что напрасно ищетъ лжесвидѣтелей на праведника: ибо не найдетъ въ немъ ни одной вины. Такое искреннее исповѣданіе Германомъ истинны было послѣднее. Черезъ нѣсколько дней онъ скончался отъ мороваго повѣтрія въ столицѣ. Царь велѣлъ заковать Митронолита въ цѣпи, посадить въ мрачную темницу и морить голодомъ.⁴²⁵ Спусти 8 дней Филиппъ переведенъ былъ въ обитель Св. Николая Стараго, гдѣ жилъ онъ уже иѣкоторое время прежде своего низложенія. Обитель эта назначена была ему мѣстомъ заключенія.

Иванъ, не довольствуясь этимъ, обратилъ теперь свой гнѣвъ на

⁴²⁴ Таубе и Крузе.

⁴²⁵ Житіе Филанна стр. 123.

ближнихъ Филиппа, особенно, на родъ Колычевыхъ; также множество клириковъ Митрополита и Дѣтей Боярскихъ подверглись пыткамъ и казнямъ: погибло до десяти Колычевыхъ, близкихъ его родственниковъ, по тому только, что послали ненавистное Царю имя.⁴²⁶ Самымъ горькимъ испытаніемъ для Филиппа была казнь любимаго имъ племянника, Ивана, сына отъ брата его, Бориса. Иванъ зналъ, чѣмъ поразить сердце великаго пастыря, и думалъ поколебать великую душу: онъ послалъ ему отсѣченную голову племянника въ кожаномъ мѣшкѣ. Филиппъ, не смутясь принявъ голову, цѣловалъ, благословилъ, возвратилъ ее принесшему.⁴²⁷ Грозный, опасаясь волненія народнаго и слыша, что граждане Московскіе съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ Святаго, сослалъ Филиппа въ Отрочъ монастырь (Тверской Губерніи), и приступилъ къ выбору новаго Архипастыря.

Недолго Святой старецъ Филиппъ влачилъ страдальческую жизнь свою въ заточеніи: чрезъ годъ онъ былъ вѣроломно удушенъ по приказанію Ивана. Освободившись отъ строгаго и непреклоннаго Архипастыря, Иванъ продолжалъ свирѣпствовать еще сильнѣе, и необузданнѣе. Настала четвертая, самая страшная, пора казней. Двукродный братъ Царя, Князь Владимиръ Андреевичъ, подозрѣваемый въ искательствѣ престола, принужденъ былъ выпить отраву,⁴²⁸ а его мать и невѣста, уже инокини, утоплены близъ обители Горицкой, гдѣ были пострижены. Опала простерлась и на цѣлые города: Торжокъ, Коломна и другіе подпали гнѣву Ивана, и жители ихъ были мучимы и топлены въ рѣкѣ.⁴²⁹ Чрезъ годъ по изгнаніи Св. Филиппа Новгородъ подвергся такъ же гнѣву Царя за мнимыя сношенія съ Литвою, и Царь, въ Декабрѣ 1569, предпринявъ на него губительный походъ свой чрезъ Тверь. Вездѣ, куда ни приходилъ онъ, были грабежи и убійства. Отъ Клина до Городни и далѣе войско Ивана шло съ обнаженными мечами, проливая кровь невинныхъ жителей до самой Твери.

Царь не забылъ сверженнаго имъ Митрополита. Какъ бы опасаясь новыхъ обличеній его, онъ послалъ къ нему изъ Твери са-

⁴²⁶ Карамз. т. IX, прим. 200.

⁴²⁷ Соч. Курбскаго ч. 1, стр. 114 и прим. стр. 166.

⁴²⁸ Соч. Курбскаго ч. 1, стр. 143 — 144. Вивліоэика ч. XX, стр. 51.

⁴²⁹ Ист. Русск. Церк., Муравьева, ч. 1, стр. 159.

маго сильнаго злодѣя, своего любимца Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы принять отъ него благословеніе. Настало для Св. исповѣдника время вѣнца мученическаго. Въ самый день своей смерти онъ принялъ пречистое тѣло и кровь Христа Бога. Внезапно вломился въ келію его Скуратовъ и, припавъ къ ногамъ Святителя, просилъ у него благословенія Царю ити въ Новгородъ. Но уже некому было удержать Ивана, смягчить опалы и обличить неправды. Филиппъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Преемники Филиппа, Митрополиты Кириллъ и Антоній, скользили какъ тѣни во мракѣ послѣднихъ ужасныхъ лѣтъ Ивана. Послѣ Филиппа они уже казались какъ бы мертвыми.

Впрочемъ Кириллъ показалъ одинъ примѣръ печалованія. 1571 года, извѣстный уже намъ Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій, съ товарищами своими измѣнилъ Грозному, навелъ на Россію Крымскаго Хана, Девлетъ-Гирея. Грозный положилъ на него опалу свою за измѣну; Мстиславскій просилъ у Грознаго пощады чрезъ Митрополита Кирилла. Кириллъ и духовенство ручались за Мстиславскаго въ томъ, что онъ на будущее время Вѣры Христіанской не соблазнитъ и съ Крымскимъ Царемъ не будетъ ссылаться. Грозный, ради ихъ просьбы и ручательства, простилъ вину Мстиславскому.⁴³⁰

Варсанофій Смоленскій. Когда въ 1514 году Великій Князь Василій Ивановичъ подступилъ къ Смоленску наказать его за то, что онъ перешелъ на старону Короля Польскаго, и сталъ сильно бамбандировать его, такъ что много народу было убито и въ городѣ была печаль большая, тогда Варсанофій вышелъ на мостъ и сталъ бить челомъ Великому Князю, прося срока осады до слѣдующаго дня, но напрасно: Василій срока не далъ и велѣлъ продолжать осаду. Тутъ Владыка со слезами возвратился въ городъ, собралъ весь причтъ церковный, надѣлъ ризы, взялъ крестъ, иконы и, выѣстѣ съ Намѣстникомъ, Салогубомъ, и черными людьми, вышелъ къ Великому Князю: «Государь Князь Великій (говорилъ онъ) много крови Христіанской пролилось, земля пуста, твоя отчизна, не губи города, но возьми его съ милостію!» Василій подошелъ къ Владыкѣ подъ благословеніе, велѣлъ ему, Салогубу и знаменитымъ людямъ, ити въ шатеръ къ себѣ, а духовенству возвратиться въ городъ. Владыка ночевалъ въ шатрѣ подъ стра-

⁴³⁰ Тамъ же и у Карамз. т. 9. Новгород. Лѣт. стр. 253.

жею, а на другой день Смоленцы присягнули Великому Князю, и были прощены, но не надолго: опять стали сноситься съ Королемъ Польскимъ. Великій Князь узналъ о ихъ преступленіи; Варсанофій опять хотѣлъ было печаловаться о своей паствѣ, но уже напрасно. На этотъ разъ и его причислили къ заговорщикамъ и лишили каѳедры.

Архимандритъ Феодоритъ за ходатайство о Курбскомъ былъ утопленъ въ рѣкѣ, по повелѣнію Ивана Грознаго.⁴³¹

Протопопъ Сильвестръ. По его ходатайству и старанію Князь Владимиръ Андреевичъ и его мать были выпущены изъ темничнаго заключенія. По крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуесть Царская Книга.⁴³² Кромѣ того, въ посланіи своемъ къ Намѣстнику и Воеводѣ Казанскому, Сильвестръ давалъ такое наставленіе: «Властели, внимайте убо сіе: милованіе, и заступленіе, и правду, покажите на нищихъ людехъ, яко же о нихъ промышленіе приѣмши отъ Государя. Судьи не примуть мзды. Егда разрѣшити хотите вещь сплетену, възмытите прежде, что есть угодно Богу; по семъ же не створите неправды въ судѣ и не приложите множество народа уклонити Суда и не развратите суда ницего, ниже удивитесь суду сильнаго. Господь любитъ правыя мѣры.⁴³³ Этого мало. Не нѣтъ иногда по возможности помочь опальному своимъ ходатайствомъ; Сильвестръ старался облегчить его участь словомъ радovanія и надежды. Такъ, когда Воеводу и Намѣстника Казанскаго постигла Царская опала, Сильвестръ писалъ ему: «Постигла тебя скорбь велія. Въ прежнія времена великое страшное наказаніе было отлученіе отъ Царскихъ очей и всякаго ближняго совѣта, отъятіе всякаго дома и взятіе всякаго стяжанія и отосланіе въ дальнія страны. Тебѣ же, любимиче, впадшему въ такія великія неизреченныя скорби ни единою же; ни двояжды, но и у смертнаго часа въ наказаніи и казни бывающу, но и потомъ нампаче въ благочестивыхъ сіяющу и въ великой славѣ всѣми обладающу, и нынѣ прииде на тебя великое Божіе искушеніе и Царское великое страшное наказаніе—отлученіе дома и праотческаго стяжанія и всякаго амѣнія восхищеніе. И нынѣ хочещи отъ мене нѣкія помощи и ходатайства и нѣкимъ имущимъ къ Государю дерзновеніе, яже о твоей скорби печаловатись. Но, Господине, не имѣю

⁴³¹ См. Карамз. и Солов., а также въ Сказаніяхъ Курбскаго гл. 8, стр. 187—118.

⁴³² Ист. Солов. т. 6, стр. 13.

⁴³³ Сбор. Новогор. Соф. Библи., № 1291, л. 282—399...

о тебѣ кому о семъ ходатайствомъ что сотворити, токмо должно у Бога полезныхъ о тебѣ просити, а къ тебѣ малое нѣкое воспоминаніе творю: вся скорбная не безъ Божія промысла бывають, ино за грѣхи, или за преложеніе правды, или въ отищеніе за зло кому либо; отъ сихъ скорбей никто же минетъ. Испытаемъ себе: ты о семъ не скруподушествуй, не враждауй на нанесшихъ тебѣ скорбь, не осуди Царя: не безъ ума мечъ носить, отмститель есть злое творящему... Не завидууй богатымъ: богатые подвержены многими грѣхамъ. Аще же безъ вины страждеша, терпи и радуйся, яко уготовано таковымъ Царствіе Божіе. О семъ молимъ тя, да не негодовательно будетъ тебѣ неудобримое наше и грубое посланіе.» ⁴³¹

Іосифъ Волоколамскій. Однажды Князь Юрій Ивановичъ оклеветанъ былъ предъ своимъ братомъ, Василиемъ Ивановичемъ, въ вѣрнѣ и намѣреніи перейти въ Литву. Уже грозила ему опала отъ Великаго Князя. Юрій припалъ къ ногамъ старца Іосифа и умолялъ дать совѣтъ, какъ поступить ему. Іосифъ совѣтовалъ искать примиренія: «Преклони главу предъ помазанникомъ Божіимъ и не противорѣчь брату Князю,» говорилъ старецъ. Юрій просилъ Іосифа ходатайствовать за него предъ братомъ. Іосифъ въ это время былъ такъ болѣнъ головою, что не могъ и чрезъ монастырь перейти, какъ выражался онъ самъ; но когда Князь сталъ горько плакать, то старецъ, какъ сказано въ Житіи его, «забы болѣзнь свою и поѣде самъ, и Князь преди поѣде,» однако природа брала свое: не проѣхавши и двухъ стадій, старецъ, говоритъ лѣтописецъ, взнеможе головою немощію и возвратися. Юрій подумалъ, что Іосифъ не желаетъ помочь, возвратился опять и самъ въ обитель и просилъ Іосифа на мѣсто себя послать печаловаться о немъ предъ братомъ честныхъ старцевъ: Кассіана Босаго и Іону Голову. Іосифъ исполнилъ сію просьбу, послалъ этихъ старцевъ въ Москву, и велѣлъ имъ молиться за Юрія, дабы Богъ избавилъ его отъ напрасной смерти и укротилъ междоусобную брань. Юрій послѣдовалъ тоже за старцами, но, не осмѣливавшись вѣхать въ Москву, остановился за пять доприщъ. Когда старцы Іосифовы прибыли къ Василию Ивановичу, то онъ, по выраженію лѣтописца, яро возрѣвъ на нихъ, сказалъ: «По что приидосте, что дѣло?» Очевидно, что Великій Князь догадался о цѣли ихъ прибытія. Старецъ

⁴³¹ Рукоп. Новг. Соф. Библ. № 1281, л. 399 — 409.

Кассіянь възразилъ ему на это: «Не тако подобаетъ Державному, не увѣдѣвъ отъ посланныхъ рѣчей, яро вопрошати, но подобаетъ Державному прежде съ кротостію и смиреніемъ увѣдѣти отъ устъ глаголемая, и аще будемъ достойны вины...» И Князь Великій, вставъ и мало ослабнвши, рече: «Простите старцы, яко поглумихся,» и снемъ Царскій вѣнецъ, поклонися и вопросы о здравіи о. Іосифа, и старцы отвѣчали ему, о чемъ пришли.» Выслушавъ просьбу, Великій Князь смягчился, благодарилъ Іосифа за то, что онъ велие зло укроти, а старцамъ сдѣлалъ большое угощеніе, и по брата Юрія сей часъ же послалъ съ любовію великою. Юрій явившись, палъ къ ногамъ брата, который растаялъ отъ умиленія, и вмѣстѣ устроилъ брату, Боярамъ и старцамъ пиръ большой, такъ что веселіе было до 3 часовъ утра.⁴³⁵ Кромѣ того, въ 7 Словѣ противъ еретиковъ, Іосифъ писалъ: «Аще ниже есть Царь надъ человекъ, царствуя надъ собою же имать царствующа скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйше же всѣхъ невѣріе и хулу, таковой Царь не Божій слуга, но Дяволь, и не Царь, но мучитель. Таковаго Царя не нарече Царемъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, но лисомъ: «Шедше, рече, рцѣте лису тому!» Три отроцы не только не покоршася повелѣнію Новуходносора Царя, но и врага беззаконна нарекоша его. И ты убо таковаго Царя, или Князя, да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію претить. Сему свидѣлствуютъ Пророцы, и Апостолы, и всѣ Мученицы, иже отъ нечестивыхъ Царей убиенни быша, но повелѣнію ихъ не покоршеся.»⁴³⁶

Филофеей Псковскій. По поводу взятія и несчастной судьбы Пскова онъ писалъ Великому Князю, Василию Ивановичу: «Давѣсть твоя держава, Благочестивый Царю, яко вся Царствія Православныя Христіянскія Вѣры снисдошася въ твое едино Царство: единъ ты во всей поднебеснѣй Христіаномъ Царь. Подобаетъ Тебѣ, Царю, сіе держати со страхомъ Божиимъ: убойся Бога, давшего тя; не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сія здѣ собрана, и на земли здѣ останутся... Сія же писахъ ти, любя, и взывая, и моля щедротами Божиими, яко да премѣниши ску-

⁴³⁵ Хрущова излѣдованіе объ Іосифѣ Волоколамскомъ, стр. 249. Рк. въ 12 долю № 118. .вор. Св. Отцовъ 1847 г., стр. 251.

⁴³⁶ Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго стр. 325.

пость на щедроты и немилосердіе на милость; утѣши плачущихъ и вопіющихъ день и ночь, избави обидѣвшихъ изъ руки обидящихъ... Господь поможетъ ти, да еще добръ устроиши свое Царство, будеши сынъ свѣта и гражданинъ вышняго Іерусалима, яко же выше писахъ ти.» ⁴²⁷

Фотій Волоколамскій. Къ нему Княгиня Александра, которой суждено было видѣть опалу своего мужа, и потомъ быть заключенною въ Покровскій монастырь, писала посланіе и просила утѣшенія, молитвъ и печалованія. Фотій отвѣчалъ ей: «Пишу, чтобы утѣшить душу твою въ скорби, и чтобы тебѣ не нужно было спрашивать кого о семъ, но въ кельѣ своей будешь имѣть утѣшеніе сіе писанное. Не будешь (продолжалъ онъ) откладывать его до старости: и старые помираютъ. Ты съ мужемъ своимъ и многія милости оказывала... Господь принялъ ваши милости, но прошенія вашего не исполнилъ, потому что вы здѣшняго просили, а не будущаго, небеснаго, но Господь благословеніемъ своимъ и челоуѣколюбіемъ Государя, хотя Князя Ивана и горькою смертію скончалъ, но кровію мученическою омылъ всѣ его грѣхи. Тебя же Господь хотѣлъ украсить Ангельскимъ образомъ. И ты о томъ не ропщи, не смущайся, что Государь Иванъ Ивановичъ пострадалъ отъ Государя Великаго Князя опалою горькою и лютою смертію; писано: «Много разъ и отъ Божьяго хотѣнья умираютъ горькою смертію, великое спасеніе получаютъ тѣ, которые отлучаются отъ тѣла горькою смертію... Все на пользу Богъ посылаетъ.» ⁴²⁸

Порфирій Сергіевскій. Печалованіе Порфирія Курбскій такъ описываетъ: «Бывше уже Игуменъ Сергіевой обители, много страдавше мученьями и тяжкими оковами отъ Князя Великаго Василія Ивановича. А что тому страданію Св. Порфирія за вина была, достоить вкратцѣ вспоманути: Бый той Порфирій привлечень отъ пустыни насиліемъ, за повелѣніемъ Князя Великаго Московскаго Василія, на Игуменство Сергіева монастыря, и случилась вещь въ то время такова: сродника своего ближняго той-то прелютый Князь Василій, яко обычай есть Московскимъ Княземъ издавна желати братіи своихъ крови и губити ихъ, убогихъ,

⁴²⁷ Сборн. Солов. Библ., № 239, л. 106 - 114.

⁴²⁸ Ркп. Публ. Библ. II, отд., № 237, л. 27 — 33.

раши окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего, изымалъ тогда брата своего, въ крови ближняго, Князя Сѣверскаго Василя, нареченнаго Шемятича, мужа славнаго и зѣло храбраго и искуснаго въ богатырскихъ вещахъ и по истиннѣ рещи пагубу бусурмановъ, иже не токмо отчину свою, Сѣверу, отъ частаго нахожденія безбожныхъ Измаильтянъ оборонялъ; поругающе ихъ многожды зѣло часто, но и на Дикое Поле, подъ самую Орду Перекопскую ходяще, многожды и тамо пресвѣтлыя одолѣнія надъ Ордынскими Царями поставляюще. Се толь преславнаго мужа, во истину побѣдоносца, той-то Князь Василій предреченный, отъ чародѣйцы Греческія рожденъ, заточилъ въ темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣлъ. Въ то время случилось ему въ оный Сергіевъ монастырь пріѣхати на Святой Недѣли великаго Пянтикостія, яко тѣмъ есть обычай Московскимъ Княземъ на каждое зѣто того праведника въ томъ монастырѣ торжествовати, аки бы то духовнѣ. Святой же Игумень Порфирій, яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ, началъ просити его и молити о предреченномъ Шемятичѣ, да свободитъ брата отъ темницы и отъ тяжкихъ оковъ; мучитель же началъ, дыхающе аки огнемъ, претити ему, старецъ же тихо отвѣщаваше и моляше: «Аще, рече, пріѣхалъ еси ко храму безначальныя Троицы, отъ Трисіяннаго Божества милости грѣховъ своихъ просвѣти, самъ буди милосердѣ надъ гонимыми отъ тебе безъ правды; аще же, яко глаголещи, срамотяще насъ, аки бы повинны были тебѣ и согрѣшили предъ тобою: остави имъ долги малыхъ динарій, по Христову словеси, яко же и самъ отъ него желаешь прощенія многихъ талантовъ.» Мучитель же абіе изгнати его изъ монастыря повелѣ, о немъ же молилъ его, повелѣ удавити вскорѣ. Старецъ же абіе съ радостію совлечешеся съ одеждъ Игуменскихъ и отряеши прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство Божіе на него, и пріявши свои пустынныя одежды худы и раздранныя, ажъ во оную пустыню потече, отъ младости ему вожделѣннуую. Мучитель же, не престававъ потомъ на Святаго яростію неистоватися, за оклеветаніемъ нѣкоторыхъ любостыжательныхъ и вселукавыхъ монаховъ, сущихъ челоѣкоугодниковъ прескверныхъ, паки Святаго мужа изъ тако дальнія пустыни ажъ до Москвы, привлещи повелѣ, и потомъ, предавши, различными муками мучити. Егда жъ уже тогда Святой зѣло былъ муками удрученъ, едва живъ отданъ подъ стражу Пашку нѣкоему, по иль истопнику или овер-

нику, иже мучителю былъ вѣрный катъ или спекуляторъ палъ палачи.»⁴³⁹

Изъ посланій подметныхъ съ мистическимъ характеромъ, писанныхъ печаловниками неизвѣстными, или заключенными въ темницѣ за свои обличенія, замѣчательны: 1. Наказаніе къ властителемъ о суетѣ міра сего.⁴⁴⁰ 2. Слово къ судьямъ.⁴⁴¹ 3. Слово о судьяхъ и властителейъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ. 4.⁴⁴² Слово о немилостивыхъ Князехъ и иже неправду судять.⁴⁴³ 5. Слово Златоустаго о емлющихъ рѣзь на сиротахъ.⁴⁴⁴ 6. Слово о томъ, чтобы не обижали сильные меньшихъ, а Цари и Князи вдовъ и сиротъ.⁴⁴⁵ 7. Апокрифическое пророчество Исаи о бѣдствіяхъ послѣдняго времени.⁴⁴⁶ 8. Бесѣда объ инокахъ и Царяхъ послѣдняго времени, апокрифическихъ основателей Валаамской обители, чудотворцевъ Сергія и Германа,⁴⁴⁷ и наконецъ 8. Слово пространнѣе излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія Царей и властей послѣдняго житія, приписываемое Максиму Греку.⁴⁴⁸ Для характеристики всѣхъ этихъ посланій, приведемъ въ подлинникѣ послѣднее изъ нихъ: «Шоль я по трудному и скорбному пути (писалъ аллегорически многострадальный Святогорець), и увидѣлъ жену, сидящую при пути съ поникшею головою, горько плачущую и одѣтую въ черныя ризы, приличныя вдовамъ; вокругъ нея было множество звѣрей: львовъ, медвѣдей, волковъ, шакаловъ. Я ужаснулся при этой страшной и нечаянной встрѣчѣ, однако жъ дерзнулъ приступить къ женѣ съ вопросомъ: кто она, и каково имя ей, и за чѣмъ она сидитъ при этомъ пути и плачетъ? Дивная жена долго отказывалась отвѣчать миѣ на эти вопросы, по тому что боялась, чтобы я, предавъ услышанное отъ нея писанію, не подвергся гоненію отъ тѣхъ, которые отвращаются истины, что, по ея словамъ, при-

⁴³⁹ Сказ Курбскаго стр. 167 — 170.

⁴⁴⁰ Ркп. Имп. Публ. Библ. № 50, л. 209.

⁴⁴¹ Тамъ же, л. 210.

⁴⁴² Тамъ же.

⁴⁴³ Сборн. Новг. Соф. Библ. № 119, л. 719.

⁴⁴⁴ Тамъ же № 1321 л. 427, № 1471 л. 177, № 1317 л. 82.

⁴⁴⁵ Тамъ же № 1321, л. 543.

⁴⁴⁶ Тамъ же № 1321, л. 533.

⁴⁴⁷ Тамъ же № 1468, л. 30.

⁴⁴⁸ Сборн. Солов. Библ. № 913, л. 49—104. Рук. Солов. Библ. № 205 и 923.

чиняеть конечную погибель челоѳческимъ начальствамъ. Наконецъ, уступивъ моимъ усерднымъ просьбамъ, она отвѣчала: «Я одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя Небеснаго; мое имя Василиса, что по Гречески значить царство. Я получила это имя отъ Вышняго, въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостію и утвержденіемъ для своихъ подчиненныхъ, а не виною пагубы и смятеніемъ.» На вопросъ мой о причинѣ ея печали (продолжаетъ Максимъ), она отвѣчала: «Меня хотять подчинить всѣмъ сластолюбцы и властолюбцы, но изъ нихъ мало такихъ, которые бы мало устроили дѣла своихъ подчиненныхъ сообразно значенію моего имени; большая часть, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, морятъ своихъ подданныхъ всяческими истязаніями, постройками многоцѣпныхъ домовъ, ни сколько не служащихъ къ утверженію ихъ державы, а только на излишнее угожденіе и веселіе блудливыхъ душъ своихъ. Они растлѣвають благочестивый Царскій санъ своими неправдами, лихоимствомъ и богомерзскимъ блудомъ; они скоры на пролитіе крови, по своему неправедному гнѣву и звѣрской ярости. Они не внимають ни духовному Священническому поученію, ни совѣтамъ многоискусныхъ старцевъ, ни прещеніямъ священныхъ писаній.» Поскорбѣвъ обо всемъ этомъ, какъ и прилично было, я спросилъ еще благородную жену: «Что значить этотъ пустынный путь и окружающіе тебя звѣри?» и она отвѣчала мнѣ: «Этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго сего послѣдняго вѣка, какъ уже лишенный благовѣрноумренныхъ Царей, ревнителей Отца моего Небеснаго. Нынѣшніе Цари заботятся только о томъ, чтобы расширить предѣлы державъ своихъ, другъ на друга враждебно ополчаясь, другъ друга обиди и радуясь кровопролитію вѣрныхъ народовъ, другъ на друга навѣтул, какъ дикіе звѣри, всяческими лаяньимъ и лукавствами.»⁴⁴⁹

Опала не окончилась и въ XVII вѣкѣ. Теперь она происходитъ главнымъ образомъ въ слѣдствіе безпрестанной борьбы Боярскихъ и даже народныхъ сторонъ, борьбы, усилившейся особенно въ смутное время, когда только что сформировавшаяся и возвысившаяся до безконтрольной независимости Государственная власть, снова ослабѣла, благодаря малолѣтству, слабости и даже отсутствію ея законныхъ представителей, и отсюда постоян-

⁴⁴⁹ Соч. Макс. Грека ч. 2, стр. 319 — 337.

ными переходомъ ея изъ рукъ въ руки не только туземныхъ, но иноземныхъ и при томъ временныхъ правителей. При всѣхъ такихъ переходахъ господствовали, какъ мы уже видѣли, личныя выгоды каждаго временнаго правителя и своеволие и, еще болѣе, замѣшательства народа съ своими вѣчными спутниками: рѣзней и пытками. Наконецъ въ этомъ же видѣ Государственная власть, преобразуя Государство по началамъ Западно-Европейской образованности, встрѣтила себѣ сопротивленіе въ новомъ представителѣ старой Древне-Русской (патріархальной) образованности, расколѣ, что вызвало новую борьбу, а вмѣстѣ съ него и опалу. По этому и въ XVII вѣкѣ мы еще встрѣчаемъ множество случаевъ печалованія. Изъ Митрополитовъ этого времени показали примѣры печалованія: Діонисій, пострадавшій за свое печалованіе отъ Годунова, и потомъ Геласій; изъ Епископовъ: Варлаамъ Крутицкій, пострадавшій отъ Годунова же за свое печалованіе вмѣстѣ съ Діонисіемъ, и потомъ Маркелъ; изъ Протопоповъ: Тарасій Благовѣщенскій, а изъ Патріарховъ: Гермогенъ, Никонъ, Іоакимъ и наконецъ Адріянъ. Были въ этомъ вѣкѣ и примѣры Соборнаго печалованія.

Діонисій и Варлаамъ. Ихъ печалованіе вызвало было жестокостями Бориса Годунова для того, чтобы скорѣе, вѣрнѣе и крѣпче утвердиться на Русскомъ престолѣ. Борисъ, какъ весьма мнительный и подозрительный чловѣкъ, задумалъ смыть съ лица земли всѣхъ своихъ, истинныхъ и мнимыхъ, соперниковъ и враговъ въ этомъ отношеніи. Начались опалы за опалами. Такъ какъ главные соперники Годунова были Князья Шуйскіе, то съ нихъ и началось дѣло. На первый разъ оно кончилось ни чѣмъ, благодаря предупредительности Діонисія, который позвалъ къ себѣ Бориса и Шуйскихъ, умолялъ ихъ помириться, и они послушались его увѣщаній. Но слѣдующій случай разстроилъ эту неестественную и слабую дружбу двухъ враждебныхъ и неравносильныхъ лицъ. Вышедши изъ Грановитой Палаты, Шуйскій объявилъ стоявшимъ на площади торговымъ людямъ о своемъ примиреніи. Тутъ выступили изъ толпы два кушца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами, и всѣмъ вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть.» Слова эти были переданы Борису, которому только этого и нужно было, чтобы возобновить дѣло. Дѣйствительно, въ ту же ночь эти же самые два кушца были схвачены и сосланы не извѣстно куда. Но горожане Московскіе сознавали уже въ это время и свое значеніе, такъ какъ еще Грозный постоянно

призывалъ ихъ на Соборы касательно Государственныхъ дѣлъ, обращался къ нимъ съ жалобами на Боярѣ по отъѣздѣ въ Александровскую Слободу. Понятно, что постонокъ Годунова съ невинными не могъ поддержать миръ между нимъ и Шуйскими. Дѣйствительно, послѣдніе придумали самое удобное средство сломить въ корнѣ могущество Годунова, убѣдили Ѳедора Ивановича развестись съ неплодной Ириной и вступить въ новый бракъ. Для того, вмѣстѣ съ другими Боярами и купечествомъ, они написали Ѳедору челобитную о разводѣ. Годуновъ между тѣмъ тоже дѣйствовалъ, узнавъ о замыслѣ Шуйскихъ. Лѣтописцы говорятъ, что Борисъ не умягчилъ своего сердца на Шуйскихъ, и научилъ людей ихъ: Ѳедора Старого съ товарищами обвинить Господь своихъ въ измѣнѣ. Въ слѣдствіе этого въ 1587 году Шуйскихъ схватили на дорогѣ, когда они ѣхали въ свою Суздальскую вотчину; вмѣстѣ съ ними схватили и друзей ихъ, Князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ и другихъ; людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили. Пытали пытками даже гостей Московскихъ: Ѳедора Нагого съ товарищами, которые, впрочемъ, и на пыткахъ не сказали ничего. По окончаніи слѣдствія Князя Ивана Петровича Шуйскаго сослали въ отчину его, село Лопаничи, отсюда на Бѣлоозеро и тамъ удавили; Князя Андрея Ивановича Шуйскаго сослали въ село Воскресенское, оттуда въ Каргополь и тамъ тоже удавили; Колычевыхъ въ Нижній Новгородъ въ темницу каменную. Гостиамъ же Московскимъ: Ѳедору Нагому съ 6-ю товарищами въ Москвѣ отсѣкли головы, другихъ торговыхъ людей заключили по темницамъ. Такимъ образомъ лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ, лилась кровь въ усобищѣ Боярской.

И вотъ Митрополитъ Діонисій вспомнилъ свою обязанность печалованія. Видя многое убійство и кровопролитіе неповинное, вмѣстѣ съ Крутицкимъ Архіепископомъ Варлаамомъ, началъ говорить Царю о многихъ неправдахъ Годунова. Но какое дѣйствіе могли произвести слова Архіереевъ на ребенка, привязаннаго къ своей нянькѣ, замѣчаетъ нашъ Историкъ нашего времени? Годуновъ оболгалъ Царя Архіереевъ, говоритъ лѣтописецъ: Діонисій, и Варлаамъ быти свергнуты и заключены въ Новгородскій монастырь, въ Митрополиты же возведенъ былъ Ювъ, Архіенископъ Ростовскій (Патріархъ), человекъ въполнѣ преданный Годунову.⁴⁵⁰

⁴⁵⁰ Соловьевъ т. 7, стр. 247 — 259.

Послѣ сверженія Шуйскихъ и Діонисія съ Варлаамомъ никто уже не осмѣливался возстать противъ Годунова, который былъ признанъ всемогущимъ Правителемъ какъ внутри, такъ и извнѣ Государства.

Только Митрополитъ Геласій хотѣлъ быть исключеніемъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ, не смотря на всю опасность говорить слово правды Государю, не отказался печаловаться предъ нимъ за Нагихъ, подвергшихся опалѣ его, по случаю убійства Царевича Димитрія. Дѣло въ томъ, что Нагіе, по проискамъ Годунова, были обвинены за то, что, будто бы по ихъ небреженію, Царевичъ самъ умертвилъ себя. Послѣ страшныхъ пытокъ и мученій, Нагихъ разослали по темницамъ. Тогда Царица Марія призвала къ себѣ Митрополита Геласія и, объясняя ему, что виновниками смерти Димитрія собственно Битяговскіе, просила донести ея челобитые Годунову, чтобы онъ «бѣднымъ червямъ,» какъ выражалась Царица, Михайлу Нагому съ братомъ, по своей Государевой волѣ, милость положилъ. Геласій дѣйствительно заявилъ просьбу Царицы на духовномъ Соборѣ въ Москвѣ бывшемъ для обвиненія Нагихъ. Но напрасно. Не смотря на всю неудовлетворительность показаній, содержавшихся въ слѣдственномъ дознаніи, Патріархъ Іовъ, по требованію Годунова, объявилъ на Соборѣ такое рѣшеніе предъ Государемъ: Михайла и Григорія Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная. Царевичу Димитрію смерть учинилась Божиимъ судомъ, а Михайло Нагой Государевыхъ приказныхъ людей, Дьяка Михайла Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ, дважды, виѣсть съ жильцами и посадскими людьми, стоявшими за правду, велѣлъ побить напрасно за то, что Михайло Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за Государя, за чѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андріашу Мочалова. За такое великое дѣло Михайло Нагой съ братомъ и мужикъ Углицкіе, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанія. Но это (заключилъ Іовъ) дѣло земское, то вѣдаетъ Богъ да Государь, все въ его Царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ Государь, какъ Богъ извѣститъ, а наша должность молить Бога о Государѣ, Государынѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ междоусобной брани.»⁴⁶¹

Архіепископъ Маркелъ своимъ печалованіемъ въ 1657 году

⁴⁶¹ Солов. т. 7, стр. 431.

предъ Алексѣемъ Михайловичемъ спасъ жизнь одной женщиѣ, закопанной живою въ землю позаконамъ тогдашняго времени.

Протопопъ Терентій. Когда Ажедимитрій вступилъ тогда жественно въ Москву послѣ гибели Годунова, и духовенство встрѣтило его, Терентій сказалъ витѣватую рѣчь, въ которой умолялъ новаго Царя о помилованіи народа, но невѣдѣнію преступившаго ему клятву: «Когда слышимъ похвалу нашему Православному Царю (говорилъ онъ), то разгорается любовію къ приносящему эти похвалы. Мы были воспитаны во тьмѣ, и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляясь Богу, подвигнись принимать, Благочестивый Царь, наши жалобы и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ; ибо если кто и явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, который освятилъ тебя во утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силою отъ всѣхъ враговъ и устроилъ на престолѣ Царскомъ. Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ, поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія. Кто можетъ тебя поколебать? Воздвигая милостивыя очи свои на насъ (заключилъ витія), пощади насъ, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой!»⁴⁵²

Гермогенъ. Когда въ 1607 году противъ Василія Ивановича Шуйскаго составился въ Москвѣ заговоръ, и заговорщики хотѣли не только свергнуть, но и убить его, Гермогенъ старался успокоить заговорщиковъ, но напрасно. Заговорщики кинулись на Патріярха въ Успенскомъ Соборѣ съ требованіемъ ити на Лобное Мѣсто и провозгласить лишеніе Шуйскаго престола, но Патріярхъ не хотѣлъ ити, однако его потащили насильно, подталкивали сзади, обсыпали пескомъ, соромъ, и нѣкоторые даже схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Наконецъ, когда заговорщики ворвались въ самый дворецъ Шуйскаго, Гермогенъ не переставалъ печаловаться за него. Онъ послалъ заговорщикамъ грамоту, въ которой писалъ: «Бывшіе Православные Христіане всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и назвать! Недостаетъ миѣ словъ, болитъ душа и болитъ сердце, всѣ внутренности мои раторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: «Помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, вразумитесь и возвратитесь!» Наконецъ Патріярхъ заключаетъ свою грамоту обѣщаніемъ выпросить у Царя прощеніе раскаяв-

⁴⁵² Ист. Солов. т. 8, стр. 115 — 116.

шимся: «Царь милостивъ, непамятозлюбивъ, знаетъ, что не всё своею волею такъ дѣлають (писалъ Патріярхъ) А чтобы еще болѣе успокоить и умягчить заговорщиковъ, Патріярхъ ссылался на то, что прежде возстававшіе на Шуйскаго заговорщики были прощены имъ и оставлены цѣлыми и невредимыми, не смотря на то, что говорили на него разныя ложныя и грубыя слова. Такъ же точно онъ поступить и теперъ, тѣмъ болѣе, что ихъ жены и дѣти оставлены на свободѣ и живутъ спокойно въ своихъ домахъ. Такъ, благодаря заботливости Патріярха, спасена была жизнь Шуйскаго, хотя онъ и не остался уже на престолѣ Царскомъ.⁴⁵³ Впрочемъ, Гермогенъ, какъ и предшественникъ его Іовъ, не могъ показать много примѣровъ печалованія, по тому что вся ихъ дѣятельность была употреблена на то, чтобы избавить Русское Государство отъ распадения и подчинения иновѣрцамъ.

Гораздо болѣе показалъ примѣровъ печалованія намѣстникъ ихъ, Никонъ. Обстоятельства благопріятствовали ему въ этомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ пришлось Никону быть Великимъ Іерархомъ, вступивъ на престолъ 16 лѣтъ, не занимался дѣлами Государственными и все время проводилъ въ путешествіяхъ по окрестнымъ монастырямъ,⁴⁵⁴ или въ Соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти.⁴⁵⁵ Кормиломъ Государства правила Бояре. Они не уважали юнаго Царя и своеволие господствовало при Дворѣ.⁴⁵⁶ Корыстолюбіе и, его исчадіе, неправосудіе были отличительными чертами ихъ правленія Государствомъ.⁴⁵⁷ Дѣла судебныя рѣшались не по законамъ, а по цѣнности подарковъ судьямъ отъ истца и отвѣтника.⁴⁵⁸ Отъ того богатые притѣсняли бѣдныхъ, сильные слабыхъ. Къ довершенію народнаго бѣдствія, введены были новыя тягостныя налоги, даже отданы на откупъ многіе необходимые въ общежитіи предметы;⁴⁵⁹ иностранцы захватили всю торговлю въ свои руки; отечественныя купцы, стѣсняемые во всѣхъ путяхъ

⁴⁵³ Ист. Солов. т. 9, стр. 258 — 260.

⁴⁵⁴ Берха Царст. Ал. Мих. ч. 1, стр. 41. Чтенія въ Императ. М. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846 г., № 5.

⁴⁵⁵ Допол. къ Ак. Истор. т. 3, № 71.

⁴⁵⁶ Пст. Карамъ. VII, стр. 318.

⁴⁵⁷ Библ. для Чтенія 1840 г. ч. XV, стр., 111. Акт. Эксп. IV, 57.

⁴⁵⁸ Оларій кн. 3, глава 6, стр. 130.

⁴⁵⁹ Собр. гос. грам. т. 3-й. Собр. Зак. т. 1-й, № 9, стр. 167.

промышленности тяжкими пошлинами, терпѣли большіе убытки отъ продажи своихъ товаровъ; ⁴⁶⁰ народъ ропталъ на лихоимство судей, подозрѣвалъ ихъ въ заговорѣ съ иностранцами противъ Россіи и съ негодованіемъ смотрѣлъ на каменные палаты людей Приказныхъ. Наконецъ, при такихъ неурядицахъ гражданскихъ, естественныя бѣдствія: неурожай, падежъ скота, частые пожары привели народъ въ ярость—въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, народъ до того озлобился на сановниковъ, что, убивъ многихъ изъ нихъ, требовалъ отъ Царя выдачи любимца его, Морозова. ⁴⁶¹ Государь самъ вышелъ къ бунтующему народу и едва кроткою рѣчью успѣлъ остановить мятежъ. Этотъ бѣдственный случай обратилъ вниманіе Царя на состояніе государственнаго устройства. При свѣтломъ умѣ и добромъ сердцѣ, онъ тотчасъ постигъ истинную причину народныхъ бѣдствій, и съ тѣхъ поръ главною Царственною заботою его въ дѣлахъ внутреннихъ было утвержденіе гражданскаго правосудія. Немедленно послѣ народнаго мятежа ⁴⁶² онъ повелѣлъ составить Уложеніе, которое и было обнародовано 3 Октября, 1649 года. ⁴⁶³ Но изданный законъ не истребилъ старой привычки Дьяковъ, Бояръ и Воеводъ; Царь принялъ на себя трудъ непосредственнаго блюстителя правосудія: каждый обиженный имѣлъ къ нему свободный доступъ и могъ жаловаться на несправедливый судъ.

Для прочнѣйшаго утвержденія правосудія, Царь почувствовалъ необходимость въ ревностномъ сотрудникѣ, и нашелъ его въ Никонѣ. Благодаря своей ревностной дѣятельности, Никонъ сдѣлался другомъ и наперсникомъ Царя, и Царь хотѣлъ видѣть своего друга сколько возможно чаще. По этому онъ повелѣлъ Никону являться въ каждый пятокъ къ утрени въ придворную церковь. Здѣсь, по окончаніи Богослуженія, Никонъ услаждалъ Царя своимъ сильнымъ, живымъ, умилительнымъ и трогательнымъ собесѣдованіемъ о предметахъ вѣры и благочестія. Царь слушалъ его внимательно, и чѣмъ долѣе продолжалось его знакомство съ Никономъ, тѣмъ болѣе и болѣе открывались необыкновенныя по тому времени душевныя дарованія Никона, и тѣмъ крѣпче

⁴⁶⁰ Дворц. Разр. т. 3, стр. 93 и 94.

⁴⁶¹ Тамъ же стр. 95.

⁴⁶² Введеніе Уложенія.

⁴⁶³ Читенія въ Импер. Ощб. Ист. и Древн. Росс. 1846, № 1.

становилась ихъ взаимная любовь. Но Никонъ не хотѣлъ одинъ пользоваться такимъ счастьемъ и дружбою Царя: онъ употребилъ ее какъ нельзя лучше, въ пользу своихъ согражданъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ Царемъ онъ обращалъ милостивые взоры его на беззащитныхъ вдовъ и сиротъ, притѣсняемыхъ несправедливостію нѣкоторыхъ сильныхъ земли. Знакомый, по собственному опыту, съ лишениями и гоненіями всякаго рода, Никонъ искренно сочувствовалъ бѣднымъ и несчастнымъ, гонимымъ неправдою людей и умолялъ Царя о правосудіи. Царю весьма угодно было это ходатайство Никона, и онъ поручилъ ему принимать отъ всѣхъ просителей челобитныя и въ урочное время представлять себѣ. Появленіе въ Москвѣ благодѣтеля сиротъ и вдовицъ, близкаго къ Царю и сильнаго предъ нимъ, тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ во всей столицѣ. Со всѣхъ сторонъ ея стали стекаться къ Никону въ монастырь бѣдные и сирые, искавшіе защиты правосудія. Другіе, не могши по чему ни будь подать своихъ челобитныхъ Никону въ монастырь, дожидались его на пути, когда онъ, въ урочный день и часъ, отправлялся къ Царю, останавливали своего покровителя и, подавъ ему челобитную, просили его ходатайствовать иредъ Царемъ. Человѣколюбивый Царь, ревностный къ благу всѣхъ подданныхъ, не выходя изъ церкви по окончаніи утрени, выслушивалъ челобитныя, принесенныя Никономъ, повелѣвалъ Дьяку тутъ же писать на нихъ милостивыя рѣшенія, и отдавалъ ихъ обратно Никону. Со слезами радостнаго и благодарнаго сердца встрѣчали просители своего защитника и покровителя, когда онъ выходилъ отъ Царя. ⁴⁴ Такъ было въ продолженіе трехлѣтъ 1646—1649 г. Любовь Царя къ Никону возрастала болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ нею усиливалась и печаловническая дѣятельность Никона.

Отправляя Никона въ Новгородъ, Царь поручилъ ему здѣсь надзоръ за гражданскимъ правосудіемъ. Ему дана была власть осматривать темницы и по своему усмотрѣнію разрѣшать узниковъ. Онъ имѣлъ право наблюдать за производствомъ дѣлъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, и утверждать, или измѣнять, по своему усмотрѣнію рѣшенія судей гражданскихъ, не исключая рѣшенія и самаго Градоправителя. Никонъ, такимъ образомъ, долженъ былъ

⁴⁴ Жизнь Никона. Изд. 1845 г., стр. 14. Ист. Русск. Церкви, Муравьева, стр. 252—253.

сдѣлаться, по волѣ Государя, полномочнымъ Намѣстникомъ его въ Новгородѣ. ⁴⁶⁵ И ревностный Архипастырь съ честію для себя и всего духовенства отечественнаго оправдалъ это высокое довѣріе къ нему Царя-друга. Прежде всего и болѣе всего онъ дѣйствовалъ мѣрами убѣжденій и вразумленій на самихъ судей, внушая имъ нелицепріятное и безкорыстное правосудіе, чтобы никому не дѣлали обидъ, налоговъ и притѣсненій. ⁴⁶⁶ За тѣмъ уполномоченный Царемъ, онъ, являясь въ темницы съ милостынею, приносилъ съ собою въ то же время и правосудіе. Узники радовались его приходу. Онъ проводилъ съ ними по нѣскольکو часовъ въ бесѣдахъ. Дальновидный умъ его умѣлъ скоро и вѣрно различать преступленія отъ невинныхъ осужденій и опредѣлять степень самыхъ преступленій. Каждое посѣщеніе имъ темницы сопровождалось освобожденіемъ немалаго числа узниковъ невинно осужденныхъ, и облегченіемъ участи виновныхъ. Слава правосудія Митрополита извѣстна была всей его паствѣ. Отъ того случалось, что соперники, прежде нежели начинали между собою дѣло судебнымъ порядкомъ, приходили въ домъ Митрополита и на словахъ объявляли ему неудовольствіе другъ противъ друга. ⁴⁶⁷ Никонъ съ участіемъ отца разбиралъ ихъ дѣла, укорялъ виновнаго, ободрялъ и утѣшалъ обиженнаго и, не нарушая правъ ни того, ни другого, окончивалъ споръ миролюбіемъ. Но тамъ, гдѣ не имѣли успѣха данная ему отъ Царя власть и собственное его благоразуміе, Никонъ переносилъ дѣло на рѣшеніе самаго Царя. Этого мало. По поводу бывшаго въ Новгородѣ, въ 1648 году, 26 Мая, возмущенія, Никонъ явился даже мученикомъ и страстотерпцемъ за свое печалованіе. Вотъ какъ было дѣло. Виновникъ возмущенія Новгородцевъ, посадскій человекъ, по прозванію Волкъ, по видамъ корыстолюбивомъ, явился къ Нѣмцамъ, торговавшимъ въ Новгородѣ, и за плату обѣщалъ имъ открыть тайный заговоръ, который будто бы замыслили противъ нихъ Новгородцы. Нѣмцы, знаяши нерасположенность къ нимъ въ то время простого народа Русскаго, согласились купить у Волка тайну его. Тогда Волкъ объявилъ имъ, что народъ считалъ ихъ участниками въ измѣнѣ Бориса Морозова, и по этому Новгородцы хотятъ всѣхъ

⁴⁶⁵ Ж. М. Н. Пр. 1847 г. ч. VIII, IX и X, статья: О гражд. правахъ Никона.

⁴⁶⁶ Шушерина, Жизнеописаніе Никона стр. 14.

⁴⁶⁷ Тамъ же и въ Собр. госуд. грам. и догов. т. 3, стр. 130.

ихъ переловить и умертвить. «По сему (говорилъ Волкъ Нѣмцамъ), если хотите остаться живыми, поспѣшите удалиться отсюда въ свою землю.» Нѣмцамъ извѣстно было общее нерасположеніе умовъ въ Россіи противъ Морозова; они видѣли непріязнь къ нему, и къ Новгородцамъ, особенно послѣ Московскаго возмущенія; знали наконецъ, что Морозова обвиняють, между прочимъ, лъ излишней корыстолюбивой привязанности къ иностранцамъ. Слова Волка по этому приняли за совершенную правду, и въ тотъ же день, собравъ, сколько успѣли, свое имущество, отправились изъ Новгорода въ путь за границу. Волкъ, жаждавшій добычи, радъ былъ этому удаленію иностранцевъ. Обманувъ Нѣмцевъ за деньги, онъ рѣшился, для большой прибыли, обмануть и своихъ согражданъ. Явившись въ Земскую Избу, онъ всенародно объявилъ, что Нѣмцы, друзья Бориса Морозова и участники въ измѣнѣ его Царю, и теперь, по просьбѣ Морозова, отправляются съ его казною за границу. «Порядкомъ Великому Государю, переловимъ бѣглецовъ, и будемъ судить ихъ какъ измѣнниковъ,» заключилъ онъ свою рѣчь.

Народъ не принялъ на себя труда обдумать слова Волка, какъ будто опасаясь потерять время, благопріятное для открытія и наказанія измѣны. Съ яростію въ душѣ, съ камнями и палками въ рукахъ, устремились Новгородцы въ слѣдъ за Нѣмцами. Неистовые крики ихъ заглушали всякое внушеніе благоразумія. Нѣмцевъ догнали и, безъ всякихъ жалостей, посыпались на несчастныхъ тяжкіе удары. Имѣніе ихъ подверглось расхищенію. Нашлись, однако жъ, люди разсудительные. Остановивъ возмутителей отъ убійства и кровопролитія, они просто и ясно показали имъ неблагоразуміе ихъ дѣйствій. «Кто же будетъ свидѣтелемъ измѣны Морозова, если мы перебьемъ здѣсь всѣхъ Нѣмцевъ?» сказали они. Новгородцы одумались. Нѣмцы, оставшіеся еще въ живыхъ, были возвращены въ городъ и заключены подъ крѣпкую стражу, до времени судебнаго изслѣдованія объ ихъ участіи въ предполагаемой измѣнѣ Морозова. Между тѣмъ, заключивъ Нѣмцевъ въ темницы, возмутители устремились грабить ихъ лавки и дома. Ужасы опустошенія сопровождали повсюду бунтовщиковъ; тогда не стало уже пощады и согражданамъ богатымъ и знатымъ; всѣхъ стали обвинять въ заговорѣ съ Нѣмцами ко вреду отечества. Въ это время былъ Воеводою въ Новгородѣ Бояринъ Князь Ѳеодоръ Андреевичъ Хилковъ. Узнавъ о возмущеніи Новгородцевъ, онъ послалъ своихъ Дьяковъ, и стрѣльцкихъ Головъ съ отрядами войска вразумить народъ и прекратить возстанія крамольщиковъ.

Но большая часть стрѣльцовъ, увлеченная корыстолюбіемъ, пристала къ сторонѣ возмутителей Дьякамъ и Головамъ Стрѣлецкимъ угрожали смертію, если они не перестанутъ уговаривать народъ. Тогда же въ толпѣ раздался голосъ, что всѣ гражданскіе чиновники, и во главѣ ихъ самъ Воевода, друзья Бориса Морозова, заодно живутъ съ Нѣмцами и отправляютъ за границу хлѣбъ, соль, мясо и рыбы на продажу въ крайней скудости отечества, отъ чего будто бы поднялась дороговизна на всѣ жизненные припасы. Огонь мщенія запылалъ въ груди всѣхъ безразсудныхъ ревнителей Государственной пользы. Народъ и стрѣльцы, кипя страстію убійства, устремились въ крѣпость, къ дому Воеводы. Оставленный всѣми и какъ бы обреченный на жертву смерти, Хилковъ по городской стѣнѣ убѣжалъ въ домъ Митрополита. «Пойдемъ же и мы туда, и убьемъ измѣнника!» закричали неистовые голоса, и разъяренная чернь съ палками и каменьями устремилась къ дому Митрополита. Никонъ скрылъ Воеводу во внутреннихъ своихъ келіяхъ, приказавъ своимъ людямъ крѣпко запереть ворота. Крамольщики начали бревнами разбивать ворота и кричать, чтобы Митрополитъ выдалъ имъ Воеводу, друга Нѣмцевъ и Морозова. Нѣкоторые изъ домашнихъ людей Митрополита вышли, по его приказанію, къ бунтовщикамъ и пытались уговорить ихъ. Но ожесточенная чернь, неспособная принимать никакихъ внушеній, схватила ихъ, осыпала бранью и ударами и стала допрашивать, гдѣ скрывается Воевода. Вѣрные служители Никона, при всей ожесточенности крамольщиковъ противъ нихъ, не открыли имъ мѣста убѣжища Воеводы, а терпѣливо переносили удары. Многіе изъ нихъ даже пали жертвою неизмѣнной вѣрности своей Митрополиту и своему долгу. Между тѣмъ по всему городу раздавались два набата, одинъ на городской башнѣ, а другой на колокольнѣ соборной Николаевской церкви, на Ярославовомъ Дворѣ, близъ земской и таможенной избы, гдѣ былъ и главный притонъ бунтовщиковъ. Весь городъ былъ объятъ ужасомъ. Неустрашимый Архипастырь, всегда готовый положить душу свою за люди своя, самъ, ввѣривъ себя Богу, вышелъ къ крамольщикамъ. При видѣ знаменитаго Владыки своего, народъ притихъ и молчаливо ожидалъ его слова. Съ отеческою кротостію началъ Никонъ говорить: «Любезные дѣти! За чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? Я всегда былъ съ вами, и теперь не скрываюсь. Я пастырь вашъ, и готовъ положить за васъ душу свою.» — «Такъ онъ хочетъ саномъ своимъ укрывать и заступать измѣнниковъ!» вдругъ раздалось въ толпѣ, и Никонъ былъ повер-

женъ на землю; удары со всѣхъ сторонъ сыпались на него: одни били его своими руками, другіе бросали на него камнями, иные колотили его палками: не было ни уваженія къ сану, ни жалости къ человѣку. Великодушный Никонъ молилъ о своихъ бойцахъ, какъ иѣкогда Спаситель о своихъ распятеляхъ: «Отче! Не постави имъ грѣха сего, не вѣдятъ бо что творятъ!» Наконецъ силы тѣлесныя оставили его, и онъ уже безъ чувствъ лежалъ, поверженный на землѣ. Неистовая и бурная чернь продолжала волочить его по землѣ и осыпать ударами. Только посторонніе зрители оказали со- страданіе къ страдающему Архипастырю. Они пробились сквозь толпу и обступили уже полумертваго Митрополита. Тогда открылись очи и у крамольщиковъ, остававшіяся до сихъ поръ въ слѣпотѣ отъ страсти мщенія. Невольный страхъ овладѣлъ ими, и, одинъ по одно- му, они стали расходиться со двора Митрополита; вскорѣ удалось отсюда все скопище. Полумертваго Митрополита подняли служители его и внесли въ келію. Черезъ нѣсколько времени онъ пришелъ въ чувство, но, какъ ревностный Архипастырь, онъ не хотѣлъ и думать о своемъ спокойствіи, когда паства его бѣдствовала отъ мятежа. Не смотря на крайнюю слабость свою, онъ рѣшился сдѣлать, съ своей стороны, все къ усмиренію мятежа и восстановленію закон- наго порядка. Немедленно отправлены были, по его приказанію, гонцы ко всѣмъ градскимъ Архимандритамъ, Игуменамъ и Священ- никамъ съ извѣстіемъ, чтобы они тотчасъ явились въ кафедраль- ный храмъ Св. Софіи. Между тѣмъ здѣсь раздалась благовѣсть къ крестному ходу. Никонъ, готовясь на смерть, исповѣдался у своего отца духовнаго и, когда собралось въ Соборъ духовенство, явился туда и самъ. Отсюда съ церковными хоругвями, крестами и иконами, открылось шествіе въ Знаменскій Соборъ, близъ кото- раго находилось мѣсто крамольщиковъ. Съ большимъ трудомъ совершилъ Никонъ путь. Кровь лилась у него изъ ушей и гор- тани. Было еще утро; изнемогая отъ ранъ, онъ совершилъ, одна- ко жъ, въ Знаменской церкви божественную литургію и, укрѣ- пившись Святыми Тайнами, велѣлъ возитъ себя непокрытымъ въ саняхъ прямо къ земской и таможенной избахъ, гдѣ происходило совѣщаніе бунтовщиковъ о новыхъ буйствахъ. Твердо ставъ сре- ди ихъ Архипастырь. Трепетъ и ужасъ объяли крамольщиковъ, изумленныхъ и пристыженныхъ явленіемъ къ нимъ Архипасты- ря, на котораго они возложили убійственныя руки свои. При- казавъ себя поднять и, собравшись съ силами, Никонъ съ твер- достію возгласилъ: «Дѣти!» я всегда проповѣдывалъ правду безъ

страха, а теперь еще дерзновеннѣе возвѣщу вамъ истину. Ничто земное не устрашаетъ меня; готова уже душа моя грѣшная къ смерти: я сподобился принять Тѣло и Кровь безсмертнаго источника, Христа и Бога моего. Я, какъ пастырь, приказалъ спасти васъ отъ возмущающихъ васъ волковъ, отъ духа вражды и несогласія: успокойтесь и, если знаете за мной какую ни будь вину, или неправду противъ Царя нашего, то, объявивъ и мнѣ, убейте меня! Я готовъ умереть съ радостію, только обратитесь къ вѣрѣ и повиновенію.» Объятые стыдомъ и страхомъ, крамольщики не смѣли возвести и взоръ на Іерарха и, ничего не отвѣчая ему, одинъ за другимъ, поспѣшили удалиться въ свои дома. Никонъ велѣлъ везти себя остюда въ храмъ Св. Софіи, и здѣсь, среди многочисленнаго собранія духовенства и народа, предалъ анаемѣ главнѣйшихъ зачинщиковъ возмущенія. Тогда горькое раскаяніе заступило въ народѣ мѣсто ожесточенія. Но главные заговорщики, боясь гнѣва Царскаго, въ страхѣ отчаянія, начали искать средства къ оправданію себя предъ Царемъ. И вотъ начались новые ужасы въ народѣ: предъ окнами земской избы положены были плаха и сѣкира, и, подъ угрозою смерти, принуждали всѣхъ важнѣйшихъ гражданъ подписывать свои имена на бѣлыхъ столбцахъ, на которыхъ предполагалось написать донесеніе Государю отъ имени будто бы всѣхъ гражданъ Новгородскихъ, что они показали раднѣе Государю истребленіемъ измѣнниковъ; такихъ подписей собрано было уже болѣе тысячи. Особенно притѣсненіе терпѣли духовные, какъ свидѣтели болѣе достовѣрные, чѣмъ всѣ другіе. Между тѣмъ, чтобы въ Москвѣ не было узвано истинное положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, крамольщики поставили вокругъ города по всѣмъ дорогамъ крѣпкую стражу, со строгимъ приказаніемъ никого не пропускать въ Москву. Для большаго успѣха въ этихъ распоряженіяхъ, избраны были предводители, изъ которыхъ главный назывался Воеводою, а прочіе его помощниками. Мало, однако же, вѣрили крамольщики, чтобы вѣсти объ ихъ мятежѣ не достигли какъ ни будь уха Царскаго. Одна бѣда родить другую. Такъ было и съ ними. Ослѣпленные страхомъ справедливаго наказанія, они хотѣли укрыться отъ гнѣва природнаго Царя подъ скипетромъ Царя иноземнаго и иновѣрнаго, и рѣшились сдать городъ Швеціи, или Польшѣ. Умыселъ ихъ готовъ уже былъ созрѣть и исполниться, но дальновидный и мудрый Митрополитъ далъ дѣлу другой оборотъ. Не смотря на всѣ мѣри, какія приняты были бунтовщиками, чтобы пресѣчь сообщеніе съ Мо-

своей, Никонъ нашелъ средство извѣстять Царя о возмущеніи Новгородцевъ и ихъ намѣреніи отдаться подъ покровительство Польскаго, или Шведскаго, Короля. Укрывая еще Воеводу въ своихъ келіяхъ, онъ съ нарочнымъ надежнымъ человекомъ отправилъ къ Царю тайными путями грамоту, въ которой подробно описалъ весь ходъ возмущенія Новгородцевъ, за тѣмъ овладѣвшій ими страхъ гнѣва Царскаго, и наконецъ намѣреніе передаться въ подданство Швеціи, или Польнѣ. Глубоко пораженъ былъ Царь этою вѣстью о возмущеніи своихъ подданныхъ и о страданіяхъ своего друга, Митрополита. Чтобы утѣшить его въ скорбяхъ, Царь немедленно написалъ ему отъ себя грамоту и отправилъ съ тѣмъ же гонцомъ. Чувства признательности, любви и преданности Царя къ Никону вполне выразились въ этой грамотѣ, гдѣ онъ называлъ Никона и новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ. Въ то же время съ тѣмъ же гонцомъ отправилъ Царь грамоту и къ Новгородцамъ, утѣшая ихъ смертію въ случаѣ нераскаянія, и обнадеживая милостію, если они принесутъ раскаяніе предъ своимъ Митрополитомъ и запросятъ себя прощеніе отъ него и разрѣшеніе, выдавъ только главныхъ возмутителей.

Пока все это происходило въ Моевѣ, благоразумнѣйшіе изъ Новгородцевъ, увлеченные прежде общимъ потокомъ возмущенія, но теперь сознавшіе свою вину, стали приходить къ Никону со слезами раскаянія. Испрашивая у него прощенія, они въ то же время умоляли его употребить за нихъ свое ходатайство предъ Царемъ: они хорошо знали, что много значило слово Никона на судѣ Царя. Никонъ, какъ добрый пастырь, готовый положить душу свою за люди своя, принялъ ихъ незлобиво, какъ дѣтей, обратившихся отъ буйства къ повинновенію, оплакалъ, вмѣстѣ съ ними, прежнее ихъ заблужденіе, простилъ и разрѣшилъ ихъ съ своей стороны, какъ Архипастырь; но дальнѣйшее объявленіе милости отлагалъ до полученія грамоты отъ Царя. Но вотъ разнеслась вѣсть по Новгороду, что грамота отъ Царя получена. Безчисленные толпы собрались предъ земскою избой, ожидая рѣшенія своей участи. Грамота прочитана. Ужасъ смерти поразили всѣхъ, но оставался еще лучъ свѣтлой надежды въ томъ, что Государь все дѣло отдалъ на волю милостиваго Никона, который долженъ былъ наказывать виновныхъ, и миловать невинныхъ. Всѣ устремились къ дому Митрополита: тысячи голосовъ раздались теперь въ слухъ Никона. «Прости насъ, прости насъ!» Никонъ обѣщалъ имъ прощеніе, только, по долгу справедливости,

велѣлъ народу выдать гражданской власти всѣхъ главныхъ зачинщиковъ бунта. Народъ съ готовностію обѣщаль исполнить его приказаніе. Между тѣмъ мудрый Архипастырь воспользовался благопріятнымъ для назидательнаго слова его расположеніемъ своихъ пасомыхъ: три часа поучаль онъ ихъ изъ Священнаго Писанія и Отцовъ Церкви повиновенію властямъ и доброй жизни. Народъ плакалъ отъ раскаянія и умиленія. Со слезами во зорать проповѣдываль и Архипастырь, во всемъ готовый сострадать своей цаствѣ. Подавъ такимъ образомъ надлежащее разумленіе народу, Никонъ торжественно объявилъ ему прощеніе отъ себя, и обѣщаль милость великаго Государя. Съ восторгами радости и признательности къ своему Архипастырю возвратились всѣ по домамъ, и тишина по всѣмъ концамъ Новгорода водворилась. Правосудный Государь вполне оцѣнилъ заслуги Никона, который съ самоотверженіемъ истиннаго пастыря дѣйствовалъ къ усмиренію этого страшнаго Новгородскаго возстанія. «Избранному и крѣпкостоятельному пастырю (писаль въ послѣдствіи Царь къ Никону), милостивому, кроткому, благосердому, безлюбивому, нъ и паче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О, крѣпкій воине и страдальче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любимиче, святой Владыко! Пишу тебѣ свѣтло сіяющему во Архіереѣхъ, аки солнцу сіяющему по всей вселенной, тако и тебѣ, сіяющему по всему нашему Государству благими нравами и дѣлами добрыми... особенному нашему другу душевному и тѣлесному»...

Іоакимъ. Нѣсколько разъ печаловался за стрѣльцовъ. Стрѣльцы, извѣстно, отличались своеволіемъ и непокорностію. При всякомъ недоразумѣніи и неудовольствіи, они поднимались сейчасъ и волновались. Такъ было и при Іоакимѣ. По случаю казни предводителя ихъ, Хованскаго, за крамолы противъ Правительства, стрѣльцы вспыхнули, ударили въ набать, схватили оружіе и чуть не убили Стольника Зиновьева, пріѣхавшаго было къ нимъ съ увѣщательною Царскою грамотою. Особенно когда нѣкто Языковъ распустилъ между стрѣльцами слухъ, что Правительство собрало большое количество ратныхъ людей для того, чтобы истребить стрѣльцовъ, между стрѣльцами произошелъ совершенный мяжежъ. Раздраженная толпа кинулась на оружейную и пороховую казну Царскую, захватила пушки и снаряды и требовала, чтобы предводители вели ее противъ Царей, которые, между тѣмъ, переѣхали

въ Троицкѣй монастырь. ⁴⁶⁸ Но дворъ Царскій въ это время былъ защищенъ сильною ратью. Дворяне и другіе вооруженные люди, съ большою готовностію собравшіеся на призывъ Царскій, выказывали столько злобы противъ враговъ его, что Правительство само принуждено было ихъ удерживать. ⁴⁶⁹ Все это узнали стрѣльцы, и гнѣвъ ихъ превратился въ страхъ и смятеніе. Они прибѣгли къ Патріярху, прося его ходатайства. Почтенный пастырь, занимавшійся все это время сочиненіемъ своего «Увѣта Духовнаго,» для вразумленія раскольниковъ, успѣшилъ оставить ученые труды, чтобы заняться бѣдствіями своей паствы. ⁴⁷⁰ Немедленно написалъ онъ Царямъ грамоту, въ которой молилъ о пощадѣ кающихся, и отправилъ съ этою грамотою Иларіона, Митрополита Суздальскаго. По ходатайству Патріярха, чрезъ нѣсколько дней было получено въ Москвѣ извѣстіе, что Цари соглашаются принять покорность стрѣльцовъ. Тотчасъ же была изготовлена, челобитная, ⁴⁷¹ въ которой, сваливая всю вину на Ивана Ивановича Хованскаго и на Языкова, мятежники объявляли, что взялись за оружіе изъ страха замышляемаго будто бы Боярами истребленія ихъ, что они готовы смириться и принести Государямъ повинную. Въ то же время они просили Патріярха о заступленіи ихъ предъ Царями въ винахъ ихъ. Патріярхъ исполнилъ ихъ просьбу. Стрѣльцамъ объявлено было прощеніе, съ тѣмъ, чтобы они возвратили по принадлежности захваченныя ими орудія, порохъ и снаряды и выдали главныхъ виновниковъ возстанія Боярину Михайлу Петровичу Головину, которому, послѣ казни Хованскаго, поручено вѣдать Москву. Условія эти объявлены были стрѣльцамъ чрезъ Патріярха, и приняты ими немедленно и безпрекословно. Мятежникамъ не оставалось болѣе никакихъ надеждъ, да и въ виду Москвы стояла сильная рать. Въ силу приведенныхъ условій надлежало выдать главныхъ виновниковъ мятежа. Не менѣе 2700 человекъ, по свидѣтельству Крекшина, а по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ, гораздо большее число, выступили изъ рядовъ, исповѣались, причастились, простились съ семействами своими и, налѣвъ петли на шею, взявъ съ собою плахи и

⁴⁶⁸ Акты Арх. Эксп. т. 4, № 264.

⁴⁶⁹ Крекшинъ, стр. 51.

⁴⁷⁰ Тамъ же № 260.

⁴⁷¹ Тамъ же № 260.

топоры, отправились въ Троицкiй монастырь. Печальна была эта длинная процессiя осужденныхъ, провожаемая плачущими женами и дѣтьми... Изъ монастыря выѣхалъ, при ихъ приближенiи, отрядъ ратныхъ людей, который, осмотрѣвъ стрѣльцовъ, не имѣютъ ли при себѣ оружія, и окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, ввелъ наконецъ въ монастырскую ограду. Тамъ трижды поклонились они предъ Царскимъ дворомъ, сложили свои плахи и униженно склонили на нихъ свои головы ⁴⁷² Семейства этихъ несчастныхъ, ни на минуту отъ нихъ не отстававшія, тѣснясь вокругъ стражи, простирали руки къ окнамъ Царскихъ покоевъ, умоляя о пощадѣ. Но все было напрасно. Только участіе Іоакима предотвратило страшную грозу. Онъ прислалъ нарочно Архимандрита Чудова монастыря, Адрияна, чтобы онъ ходатайствовалъ отъ его имени предъ Царями о прощенiи опальныхъ. Благодаря этому ходатайству, стрѣльцамъ дѣйствительно даровано было прощеніе. «И Мы, Великіе Государи (писалось въ простительной грамотѣ), имѣя спасительныя заповѣди Господа нашего, Исуса Христа, завѣщанныя во Святомъ Евангелии, и по твоему, отца нашего и богомольца, Великаго Господина, Святѣйшаго Іоакима, Патріярха Московскаго и всея Россiи, прощенію Московскихъ выборныхъ Родіонова полка Жданова Урядника и солдатъ и надворныхъ пѣхоты всѣхъ полковъ Пятидесятники, и Десятники, и рядовыхъ, и пушкарей, и пушкарскаго чина людей, челобитную слушавъ, пожаловали, велѣли имъ вины отдать.» Грамота эта была дана чрезъ Адрияна и заключала приказъ Патріярху слѣдять увѣщаніе стрѣльцамъ, чтобы они за прощеніе служили вѣрно. ⁴⁷³

При Іоакимѣ же было соборное печалованіе по слѣдующему случаю: По Указу Ѳедора Алексѣевича крестьянка Боголюбскаго Стана Владимирскаго Уѣзда Фетюшка, жена крестьянина Александра Яковлева Жукова, за отсѣченіе мужу своему головы косою, по законамъ тогдашняго времени, какъ убійца, закопана была въ землю живою на торговой площади. Но Рождественскаго монастыря Архимандритъ Варлаамъ, Спасо-Златоворотскаго монастыря Игумень Ипполитъ съ братією, Успенскаго дѣвичьяго монастыря Игуменя Марiа съ сестрами, Успенскаго Богородицкаго собора Ключарь Іоаннъ съ братією, по-

⁴⁷² Крекшинъ стр. 57.

⁴⁷³ Акт. Ист. т. 5, № 96.

дали Ѳодору Акексіевичу челобитную грамоту въ Губной Избѣ, въ которой просили вынуть Фетюшку изъ земли и отдать ее на содержаніе въ Успенскій дѣвичій монастырь подѣ крѣпкимъ началомъ. Такимъ образомъ жизнь несчастной была спасена.⁴⁷⁴

Адріанъ. Печаловническая дѣятельность Адріана была безъусибиѣ дѣятельности Іоакима. При Адріанѣ стрѣльцы, пользуясь путешествіемъ Петра за границу, въ 1698 г., оиъть взбунтовались. Они видѣли, что потѣшное войско должно было занять ихъ мѣсто, и кромѣ того терпѣли трудность Азовскихъ походовъ, тогда какъ они привыкли жить при Софіи привольно и спокойно въ Москвѣ и брать сколько угодно денегъ; при томъ разнесся слухъ, что Бояре хотѣли убить Царевича, и такъ порѣшили собраться въ Москвѣ, подступить подѣ Дѣвичій монастырь, гдѣ была Софія, приславшая къ нимъ приглашеніе, и учиня бунтъ въ Москвѣ, Бояръ побить, а Нѣмецкую Слободу разорить. Къ счастью, Шениъ ихъ усмирилъ. Возвратившись изъ за границы, Петръ сдѣлалъ розыскъ, и, чтобы покончить съ ними разъ навсегда, рѣшился всѣхъ казнить. Начались троекратныя и четверократныя пытки и жестокости, какихъ исторія не видала даже во времена Грознаго. «Это былъ актъ не правосудія (замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ), а ожесточенной ярости Царя, который въ это время, по словамъ современниковъ, былъ какъ левъ рыкающій».⁴⁷⁵ И вотъ въ то время, когда, по повелѣнію Царя, дѣлались приготовленія къ казнямъ, ставили висѣлицы по Бѣлому и Земляному Городамъ, у воротъ, подѣ Дѣвичимъ монастыремъ и у четырехъ сѣзжихъ избъ возмущившихся полковъ, Адріанъ, вспомнивъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ становились между Царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, утѣляли кровь, поднялъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но Петръ получилъ не религіозно-нравственное воспитаніе и направленіе, какъ его предшественники, а реальное. Отсюда онъ смотрѣлъ иначе и на самую Церковь и ея представителей, пастьрей Церкви, вообще и въ частности на ихъ общественно-политическое значеніе и дѣятельность. По его понятію Церковь должна служить Государству, а ея представители должны подчиняться волѣ Государя. О ней даже Петръ позволялъ себѣ и другимъ

⁴⁷⁴ Акт. Ист. т. 5. № 14.

⁴⁷⁵ Ист. Русск. Церкви, Знаменскаго, стр. 328.

дѣлать грубыя насмѣлки надъ Патріаршествомъ, выразившіяся въ учрежденіи всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный учитель Петра, Никита Зотовъ, съ титуломъ «Іоанникита, Патріархъ Пресбургскій, Яузскій и всего Кокуя.» Членамъ компаніи розданы были въ этомъ соборѣ разныя должности Екклесіарховъ, Дьяконовъ и проч., а самъ Петръ принялъ на себя должность Протодьякона. Отсюда наконецъ и самое печалованіе духовенства казалось ему дѣломъ весьма страннымъ, незаконнымъ. Такимъ образомъ, завидѣвъ Патріарха, онъ закричалъ ему: «Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе, и поставь икону на свое мѣсто! Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пречистую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышляющихъ.» Патріархъ волею, неволею, замолчалъ, и въ нѣскольکو дней погибло мучительною смертію до 800 человѣкъ. ⁴⁷⁶

Адріанъ былъ послѣднимъ печаловникомъ на Руси въ смыслѣ дѣйствительнаго печалованія. Борьба и опала была и въ XVIII вѣкѣ, и она будетъ всегда въ извѣстной степени. Но духовенство Русское, въ слѣдствіе сильнаго развитія Верховной власти въ Русскомъ обществѣ, поставлено было въ такія неблагопріятныя условія по отношенію къ обществу и Государству, что, не смотря на все свое желаніе, не могло печаловаться за опальныхъ. По крайней мѣрѣ въ Новой Руси мы уже не встрѣчаемъ примѣровъ печалованія за опальныхъ не только дѣломъ, но и словомъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ относительно самаго характера печалованія и его значенія для древняго Греко-Римскаго и Русскаго міра.

Одинъ изъ современныхъ Русскихъ историковъ, въ своемъ краткомъ замѣчаніи о печалованіи Древне-Русскаго духовенства, называетъ его «обычаемъ великимъ и священнымъ.» ⁴⁷⁷

Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ нимъ безусловно. Древне-Русское духовенство своимъ печалованіемъ за опальныхъ содѣйствовало, прежде всего, поступающему развитію общественно-политическаго благоустройства Древне-Русскаго міра, подобно тому, какъ печалованіе пастырей первенствующей Церкви содѣйст-

⁴⁷⁶ Ист. Солов. т. 14, стр. 262—280.

⁴⁷⁷ Ист. Княж. отношеній Рур. Дома, стр. 686.

вовало благоустройству міра Греко-Римскаго. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что всякая опала сопровождалась самыми пагубными, матеріальными и нравственными, послѣдствіями не только для отдѣльныхъ личностей, но и для цѣлыхъ городовъ и областей. Между тѣмъ духовенство, уничтожая своимъ печалованіемъ причину явленія, опалу, уничтожало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыя послѣдствія его, разстройство и упадокъ общественнаго благоустройства; кромѣ того, печалованіе пастырей первенствующей Церкви и Древне-Русскаго духовенства не оставалось безполезнымъ и для развитія и усовершенствованія самаго законодательства. Извѣстно, что, принимая въ общеніе съ церковію Императора Феодосія, отлученнаго за жестокое обращеніе съ подданными, Амвросій Медиоланскій обязалъ его въ то же время, въ видѣ епитиміи за преступленіе, издать законъ, по которому смертній приговоръ долженъ былъ произноситься надъ преступникомъ не раньше, какъ чрезъ 30 дней послѣ окончательнаго его осужденія, для того, чтобы защитникъ имѣлъ возможность представить послѣдніе доводы въ оправданіе защищаемаго.⁴⁷⁸ У насъ къ подобному же благотворному дѣйствію печалованія можно отнести уничтоженіе опричнина, благодаря сопротивленію, возбужденному противъ нея Митрополитомъ Филиппомъ.

Но крайней мѣрѣ такъ смотрѣло всегда и вездѣ на печалованіе духовенство и само общество. Первое (духовенство) въ основаніи всякаго своего ходатайства за опальныхъ, постоянно напоминаетъ, что оно поставлено отъ самаго Бога удерживать общество человѣческое и его представителей отъ кровопролитія. Второе (общество) еще яснѣе и положительнѣе высказало этотъ взглядъ. Мы видѣли, какимъ тяжелымъ воплемъ сопровождалось уменьшеніе печаловниковъ въ пору преобладанія Государственныхъ началъ въ устахъ отдѣльныхъ личностей: Берсеня и Курбскаго. Этого мало. Лишеніе печаловника въ лицѣ вліятельнаго Пастыря, казалось даже для цѣлыхъ областей предвѣстникомъ бѣдствій. Извѣстенъ «Плачь Земли Пермской на смерть Стефана: «Теперь мы (говорится въ этомъ Плачѣ), лишены добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ и Князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ предъ Боярами и всякими Властями, былъ нашимъ

⁴⁷⁸ Кедрова ч. 1-я, стр. 84 — 87.

теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тѣнскаго продажи, облегчалъ отъ тяжелой дани» и проч. ⁴⁷⁹ Важность печалованія Древне-Русскаго духовенства становится еще болѣе понятною тогда, когда мы возьмемъ во вниманіе трудность выполненія его, благодаря тогдашнимъ обстоятельствамъ. Не легко же было, конечно, печаловаться, когда печалованіе весьма часто, какъ мы уже видѣли, стояло жизни самимъ печаловникамъ, благодаря грубости нравовъ, безконтрольности Государственной власти и беззащитности личности человѣческой: нужно было имѣть нерѣдко много самоотверженія и любви къ обиженнымъ, чтобы рѣшиться на печалованіе. Но не стѣсняло ли духовенство своимъ печалованіемъ Государственную власть, при исполненіи ею своей высокой обязанности, и законъ, при преслѣдованіи имъ преступленія, какъ думалъ Грозный и другіе? Ни сколько. Мы уже сказали, что Церковь главною задачею своею полагала исключительно содѣйствіе процвѣтанію религіи. По этому и власть ея никогда не стремилась усилиться на счетъ власти Государственной. Еще менѣе, конечно, по самому назначенію своему—развивать въ мірѣ истинную правду, могла она содѣйствовать преступленію закона вообще. Эготъ же характеръ дѣйствій церковной власти вообще выразился и въ ея печалованіи за опальныхъ. Ходатайство предъ закономъ и правительствомъ за угнетенныхъ и опальныхъ было извѣстно еще въ языческомъ мірѣ, гдѣ оно допускалось самими законами. Адвокатура составляла необходимую принадлежность всякаго гражданскаго судопроизводства. Выстъ съ этимъ, дозволеннымъ закономъ, судебнымъ ходатайствомъ, имѣло также силу и значеніе ходатайство ученыхъ предъ Правителями и Государями, покровительствовавшими наукѣ. Голосъ, на пр., Риторовъ и Софистовъ нерѣдко спасалъ угнетенныхъ отъ обидъ и наказаній. Но печалованіе пастырей первенствующей Церкви, подобно какъ и печалованіе Древне-Русскаго духовенства представляло собою новый, высшій и неизвѣстный въ мірѣ языческомъ, родъ ходатайства. Не во имя закона гражданскаго и личныхъ выгодъ, или привязанностей, какъ судебные ходатаи, не во имя науки и дружескихъ отношеній, какъ правители и ученые, но во имя Евангелія, во имя непреложнаго закона истины и любви, во имя самаго Бога, Его милосердія и благодати, пастыри первенству-

⁴⁷⁹ 1го ст. Солов. т. 3, стр. 272.

ющей Церкви являлись ходатаями предъ Царями и Правителями за частныхъ лицъ, за цѣлыя города и области. Только тамъ, гдѣ обыкновенное человѣческое ходатайство не могло уже имѣть мѣста, только тогда, когда страхъ земной власти приводилъ всѣхъ въ безмолвное отчаяніе и ни откуда не дерзала возвыситься голосъ состраданія, только тогда, говоримъ, пастыри Церкви являлись печаловниками и поднимали свой голосъ въ защиту опальныхъ. Точно также не безусловно пастыри Церкви требовали милосердія и состраданія къ преступникамъ. «Милосердіе выше и лучше, нежели осужденіе и наказаніе; нравственное вліяніе полезнѣе и дѣйствительнѣе, нежели внѣшняя сила и принужденіе,» говорили они. «Гораздо лучше, если бы человѣкъ возбуждался къ добродѣтели любовью, а не страхомъ наказаній, и дѣлалъ добро для самаго добра и изъ любви къ нему,» добавляли они. Но не всѣ же способны воспринимать на себя чисто нравственное вліяніе, а только немногіе,» заключали они. По этому нельзя не допускать и гражданскихъ наказаній, но не надобно употреблять всегда наказаній безчеловѣчныхъ и жестокихъ.»⁴⁸⁰ Вотъ смыслъ отвѣта пастырей первенствующей Церкви на вопросъ о согласіи требованій любви съ требованіями закона и власти Государственной.

Вообще же пастыри Церкви проводили въ общественную жизнь мысль безпрекословнаго повиновенія Государственной (предержащей) власти: «Воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богами,» говорили они. Отсюда и печалованіе ихъ никогда не имѣло насильственнаго характера. Ходатайствуя за опальныхъ, они никогда не сопротивлялись при этомъ Государственной власти, не по тому, что не имѣли силы, а изъ сознанія того, что иначе они сами слѣдывались бы нарушителями порядка и правды. Самое ходатайство за виновныхъ и въ защиту осужденныхъ они являли только тогда, когда это могло быть не въ ущербъ законамъ справедливости. «Признаю равнымъ грѣшомъ (писалъ Василій Великій) и согрѣшающихъ оставлять безъ наказанія, и въ наказаніи преступать мѣру.» Этому же правилу слѣдовали при защитѣ виновныхъ и всѣ пастыри Церкви. Недостойные же помилованія не пользовались защитой пастырей. Такъ Св. Василій Великій писалъ, что «онъ не можетъ избавить отъ гражданского суда человѣка, не разъ уже оскорблявшаго одну женщину и наказаннаго за это отлученіемъ

⁴⁸⁰ Письмо Амвросія Медиоланскаго къ Студ. 25.

отъ Церкви, и все таки не прекращавшаго своихъ преслѣдованій. Я принялъ для себя за правило, прибавлялъ онъ, сдѣлавшихъ зго, просящихъ защиты и заслуживающихъ ее, не выдавать гражданскимъ властямъ, но избавлять тѣхъ, которые должны быть выданы, по тому что давно сказано Апостоломъ, чтобы въ зломъ дѣлѣ боялись Князя: «небо не все, говорятъ Апостолъ, мечъ носить.» Потому какъ выдавать не челоувѣколюбиво, такъ и избавлять будетъ знакомъ, что даю поводъ обижать.»⁴⁸¹ Только тогда, когда наказаніе, ожидавшее опальнаго, превышало мѣру преступленія, Θεодосіемъ Великимъ за виновныхъ Антиохійцевъ, Златоустъ, въ продолженіи цѣлыхъ 40 дней, не переставалъ словомъ обличенія возбуждать раскаянія въ преступныхъ жителяхъ города и вызывать сознаніе неправоты поступка: «Плачу и рыдаю (говорилъ онъ) не отъ великаго угрожающаго наказанія, а о крайней безразсудности сдѣланнаго преступленія. Если Царь не оскорбится и не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ, то скажите мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ?»⁴⁸² О Василіѣ Великомъ говорится, что онъ, «ходатайствуя за угнетенныхъ, къ однимъ ходилъ самъ, къ другимъ посылалъ, иныхъ призывалъ къ себѣ, давалъ совѣты, обличалъ, запрещалъ, укорялъ, умолялъ.»⁴⁸³ «Освобождая отъ жестокости вашихъ законовъ, писалъ Блаженный Августинъ въ отвѣтномъ письмѣ Македонію, мы, однако жъ, не освобождаемъ преступниковъ отъ наказаній, но удаляемъ ихъ отъ общенія съ алтаремъ, чтобы они, раскаяніемъ своимъ, могли умиловить того, кого прогнѣвали преступленіемъ закона.»⁴⁸⁴ Этого мало. Виновные въ преступленіяхъ, касавшихся вещественныхъ выгодъ общественной жизни, должны были представлять вещественное удовлетвореніе по закону, такъ что опять пастыри Церкви своимъ ходатайствомъ за нихъ ни сколько не нарушали ни законовъ гражданскихъ, ни выгодъ общественной жизни. Долгъ оставался не уплаченнымъ только тогда, когда было вполне дознано, что преступникъ не можетъ уплатить его, иногда же обращались къ благотворительности, и удовлетворяли долгъ.

⁴⁸¹ Письмо 281.

⁴⁸² Златоуст. Бесѣда по случаю низверженія Царскихъ статуй въ Антиохіи.

⁴⁸³ Слов. Григ. Богосл. въ похвалу Василію Великому.

⁴⁸⁴ Слов. 1 и 3.

Подобнымъ же образомъ смотрѣло на отношеніе печалованія къ требованіямъ закона и Государственной власти и Древне-Русское духовенство. Оно никогда не усвоило себѣ права, подъ видомъ печалованія, самопроизвольно вмѣшиваться въ дѣла власти гражданской по отношенію къ его подданнымъ. Напротивъ, мысль отношеній его къ Государству оставалась одна и та же и при усиленіи и при ослабленіи власти Великокняжеской; разница только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ, вызванное необходимостію Государства, оно обнаруживало въ большей мѣрѣ свои духовныя силы, тогда какъ въ другое время эти силы, по видимому, сокращались, вступали въ обычный кругъ, за недостаткомъ предмета дѣйствія, за отсутствіемъ крайней потребности, вызывавшей его къ исхожденію изъ области церковнаго дѣйствованія. Самая цѣль политическаго дѣйствованія духовенства была та, чтобы подавить начала, противодѣйствующія идеѣ Монархіи и возстановить порядокъ. Но крайней мѣрѣ, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ богослужебныхъ книгахъ и другихъ памятникахъ Древне-Русской духовной словесности, мы постоянно встрѣчаемъ тексты Св. Писанія, служація къ утверженію Верховной Княжеской власти и безпрекословному повиновенію ей, именно: «Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія власти отъ Бога поставлены суть. Воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови. Повинуйтесе Царю, яко преобладателю, и Княземъ, яко отъ него поставленнымъ. Противящійся ихъ власти противорѣчитъ закону Божію; Князь бо не туне мечъ носить»... и проч., и проч. Отсюда, только прямое забвеніе Княземъ долга справедливости, Христіанской любви и милосердія, жалкая участь опальныхъ и сознаніе долга попеченія о ихъ благоденствіи, какъ членовъ паствы, вотъ что побуждало Древне-Русское духовенство поднимать свой голосъ въ защиту опальныхъ. Мы видѣли, что всякій печаловникъ, при своемъ ходатайствѣ, считалъ нужнымъ просить извиненія предъ властію Государственною въ томъ, что онъ своимъ печалованіемъ вмѣшивается не въ свое дѣло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявить, что онъ это дѣлаетъ ни сколько не въ ущербъ правамъ власти Государственной и требованіямъ закона, а во имя началъ чисто человѣчныхъ и нравственно-религіозныхъ. Наконецъ, какъ мы тоже видѣли, Древне-Русское духовенство, освобождая отъ опазы покровительствуемыхъ имъ, тоже часто наказывало или наказаніями часто духовными: обличеніемъ, церковнымъ отлученіемъ и т. п., на ир., Шемяку и другихъ.

Вообще въ своемъ печалованіи за опальныхъ Древне-Русское духовенство, подобно пастырямъ первенствующей Церкви, болѣе всего высказало, не только по праву, но и самимъ дѣломъ, свое высшее назначеніе, какъ пастырей Церкви, полагать душу свою за овцы своя. Исторія вообще, и въ частности Русская, никогда не забудетъ Амвросіевъ, Василюевъ, Златоустовъ, Θεодосіевъ, Филипповъ, и прочихъ великихъ представителей Православной Церкви, не только въ чисто религіозно-нравственномъ, но даже и въ чисто общественно-политическомъ, отношеніи. Не должны забывать этихъ благодѣтелей человѣчества и Древне-Русскаго общества и современные цѣнители важности и дѣйствительности благотворнаго вліянія Церкви и духовенства на развитіе общественнаго благоустройства всегда и вездѣ. Въ особенности желательно было бы видѣть и въ современныхъ представителяхъ Церкви Русской достойное подражаніе своимъ великимъ предшественникамъ: полагать душу свою за овцы своя. Опала, если не въ смыслѣ внѣшняго, неожиданнаго, наказанія, или насилія, то въ смыслѣ внутренняго, невиннаго, мученія, возможна всегда, и вездѣ, и нынѣ. А гдѣ есть сила гнетущая, тамъ должна быть и сила ободряющая и защищающая. Безъ нравственной защиты и поддержки внутренняя жизнь угнетаемаго человѣка была бы слишкомъ тяжка и безнадежна. А кто же можетъ болѣе всего и вѣрнѣе всего залѣчивать эти нравственныя болѣзни внутренняго устроя человѣческаго, какъ не пастыри Церкви, съ своими небесными, если можно такъ выразиться, дѣкарствами?...

Петръ Янковскій.

•

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ПИСЬМА, РАПОРТЫ И ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ.

1777 — 1778 г.

Сіятељнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Господинъ Бригадиръ Бринкъ, каковое прислалъ мнѣ, Ваше Сіятельство, въ партикулярномъ своемъ письмѣ, размышленіе о Шагинъ-Гирей-Ханѣ, по поводу полученнаго имъ отъ него письма, со онаго всего призналъ я за настоящее и Вашему Сіятельству на усмотрѣніе копію при семъ моемъ поднести.

Пребуду же за тѣмъ съ совершенно искреннимъ высокопочитаніемъ и преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

29 Января, 1777 года.

Перекопъ.

Бригадира Бринка.

Осмѣливаюсь поднести опробаціи Вашего Сіятельства мое размышленіе касательно до Шагинъ-Гирея. Онъ о тѣхъ заведеніяхъ, которыя Вашему Сіятельству въ приличныхъ предъ симъ разговорахъ полагалъ, нынѣ, кажется, совсѣмъ идеи не имѣеть, а сколько могъ я примѣчать, старается всячески сообразоваться со нравами Татарскаго народа, не раздражая ихъ ни чемъ, ласкается, вкрадывается къ нимъ въ любовь, а и я, съ моей стороны, такъ и стараюсь ево больше наводить къ благопризрѣнію предавшихся ему, нежели къ устрашенію противящихся, что и онъ, принимая за справедливое, по теперешнимъ умножающимся интригамъ отъ Порты, въ великомъ уныніи находится, чтобы не повредились начатыя для ево жребія дѣла появленіемъ отъ Порты на здѣшней край какихъ либо прибавочныхъ войскъ, и для того рыскуеть своей судьбою, пускаясь отважно во всякую опасность. Просить, чтобы и съ стороны Вашего Сіятельства подвигомъ въ Крыму устрашить соперника ево, Девлетъ-Гирея, о чемъ партикулярное ко мнѣ отъ него письмо, у сего въ коніи Вашему Сіятельству подношу, принимая при томъ смѣлость откровенно Вашему Сіятельству сказать: когда мы не успѣемъ до весны ввести своихъ въ Тамань, а появятся между тѣмъ прибавочныя отъ Порты, то найвяще затруднятся наши дѣла, и такъ затруднятся, что, при первомъ таковыхъ явленіи, всѣ Горцы, и даже держащіеся до нынѣ насъ, обратятся, въ нашихъ непріятелей, и поелику наполнены горы и степи необузданнымъ народомъ, то не въ состояніи я буду всюды пресѣкать ихъ предпріятій, и даже тогда опасности подвержена будетъ моя съ границами сухопутная коммуникація, а колыми паче всякіе идущіе транспорты, если только, на время, поколь съ Портою рѣшатся недоконченныя дѣла, не опробуетъ Его Сіятельство, Графъ Петръ Александровичъ, занятіе нашими войсками Ачуева, Темрюка и Тамана, и тогда бы, и при всякой растройкѣ, быть могущей отъ Татаръ, безопасна была наша водная коммуникація.

Бригадиръ Бринкъ.

17 Генваря, 1777 года.

ХАНЪ ШАГИНЪ-ГИРЕЙ БРИГАДИРУ БРИНКУ.

Будучи увѣренъ въ особливой Вашей, искренняго моего пріятеля, ко мнѣ дружбѣ, извѣсню Вамъ симъ прямое намѣреніе мое къ достиженію желаемой цѣли, не упущая времени. Когда угодно было Ея Императорскому Величеству воззрѣть на дѣла, о кое ихъ столь много заботимся, и привести оныя къ скорѣйшему окончанію, о воспослѣдованіи котораго, одинъ только Богъ извѣстевъ, я уже сказалъ, что много заботился, но скажу еще и то, что ежели при всемъ томъ не получимъ желаемаго наконецъ, такъ и труды наши въ отраду останутся безъ воздаянія и похвалы; что же бы намъ сего избѣгнуть, употребимъ совокупно всѣ возможности на достиженіе полезнаго: не можно ли отъ себя Вамъ написать Его Сіятельству, Князю Александру Александровичу, чтобы взять движеніе съ обоихъ сторонъ, не продолжая времени; ибо Девлетъ-Гиреевы происки вездѣ видны и производятъ намъ нелѣпныя противорѣчія, а далѣе и того больше ожидать должно, отъ стороны жъ нашей никакого преткновенія нѣтъ и ожидать нечего. Промысломъ Всемогущаго надѣюсь, что когда за сіе возьмемъ видомъ войскъ, то, безъ сомнѣнія, труды наши не будутъ забвенны съ достойнымъ воздаяніемъ, и будутъ приняты за благо при Высочайшемъ Дворѣ; если жъ и не удастся, то великодущіе Ея Императорскаго Воличества суть вездѣ препрославлено.

13 Генваря, 1777 года.

Сіятельныйшій Графъ,
Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ!

Позвольте, Ваше Сіятельство, поднеся сію депешу, принести Вамъ, Милостивый Государь, отъ глубины сердца моего неслестное поздравленіе конечнымъ совершеніемъ Высочайшихъ благонамѣреній, Вашимъ разумомъ отечеству доставленныхъ. Се есть плодъ благаго сѣмени усердія Вашего къ отчизнѣ и славныхъ

подвиговъ прошедшей войны. Се есть трудъ ума и сила неутомимости попеченія Вашего о благосостояніи своихъ соотчичей. Восходя Свѣтлѣйшій Ханъ Шагинъ-Гирей на тронъ свой, возводитъ славу имени Вашего Сіятельства, которымъ вводятся союзъ, миръ и тишина въ страны сіи. Я, какъ исполнитель сего столь важнаго дѣла, тогда токмо могу прямо обрадоваться, когда угодно будетъ Вашему Сіятельству воззрѣть на сіе окомъ милостивымъ, когда будетъ угодно подвергнуть съ онымъ имя мое Всемиловѣйшему благоволенію прозорливой Монархини, когда наконецъ угодно будетъ исходатайствовать изліяніе щедраго Ея милосердія ко всѣмъ ревностно подвизавшимся, и показать милостивое Ваше великодушіе къ тремъ изъ писмоводителей Капитанамъ и подносящему сіе, въ представленіи рекомендованнымъ.

Примите, Ваше Сіятельство, со всѣмъ симъ въ единое свое покровительство того, который за щастіе поставляетъ пребыть къ Вамъ до окончанія жизни съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

Апрѣля 1-го, 1777 года.

При Бузвыкъ.

Получено 2 Маіа.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Ваше Сіятельство изъ подносимаго письма изволили увидѣть описаніе свойствъ Его Свѣтлости Шагинъ-Гирей Хана, но при окончаніи дѣлъ, открывшейся случай показалъ болѣе еще его самолюбіе. Въ 19 день получа я переводъ присяжнаго листа,

нашелъ во второмъ пунктѣ весьма странное увеличеніе власти, въ которомъ выборѣ Хановъ теряетъ уже общество однажды на всегда свое право и участіе, предоставляя все собственной и единой его воли. Я о семъ не предупреденъ будучи ни съ которой стороны, весьма удивился таковой предприимчивости, и паче по тому, что еще на Булзыкѣ, при первомъ признаніи его въ Ханы, говорилъ я черезъ Якубъ-Агу: ежели Его Свѣтлость имѣетъ намѣреніе какія либо дѣла сверхъ трактатнаго положенія къ благосостоянію своей области предпринимать, то бы заблаговременно увѣдомилъ, по чему бы и я могъ предварить донесеніемъ моимъ Ваше Сіятельство; но онъ, кромѣ объ войскахъ, какъ я тогда жъ донесъ, ни чего не открылъ, даже и послѣ, когда о присягѣ прямо говорено было, сказалъ, что оная будетъ та же самая, что Нагайцами учинена; напослѣдокъ вдругъ, по запечатаніи и подписаніи всѣми чиновниками, увидѣлъ я во второмъ пунктѣ израженіе, совсѣмъ противное трактату, съ ними заключенному, гдѣ сказано: «Избраніе и постановленіе на предбудущія времена въ Ханы зависитъ отъ общаго согласія сея области.»

Я, по довѣренности, мнѣ сдѣланной, находя въ семъ противность интересамъ Высочайшаго Двора, какъ казалось, что онъ сямъ освобождаетъ уже себя отъ всякаго обузданія, за долгъ поставилъ, чрезъ писмоводителя своего, Капитана Карѣева, объясниться ему и требовать перемѣны сему артикулу, не удаляя оный отъ трактатнаго положенія. Но Его Свѣтлость, представляя, во очищеніе сего, первое: непостоянство своего народа, отъ самовольства котораго, чрезъ частые владѣтелей перемѣны, разорена совсѣмъ область; второе: твердую надежду на Ея Императорское Величество, что когда она столь много благоволила доброхотствовать восстановленію его, съ народнымъ вмѣстѣ благоденствіемъ, то неизменно согласится и на сіе, сходное съ закономъ, ихъ предложеніе, которымъ отъ собственнаго усердія по вольности своей народъ ему жертвуетъ; и третее: поводъ къ сему апробованію Нагайской присяги, которою уже отчуждены отъ наслѣдства всѣ Султаны, кромѣ его колѣна, и только что послѣднюю объ уничтоженіи народнаго выбора поясненія не сдѣлано; сказалъ наконецъ, что онъ все сіе беретъ на свой отчетъ, а перемѣнить ни какъ не можетъ и не хочетъ, не соглашаяся на другомъ основаніи

быть и Ханомъ, ежели останется право его подданнымъ вѣншваться въ Государственныя дѣла.

По извѣстной его упорности, сколь ни находилъ я затрудненіе уговаривать сего Государя, но опасаясь, чтобы сіе не было приписано моему упущенію, рѣшился, на другой день, самъ къ нему съѣздить, и, въ возраженіе всѣхъ его представленій, сказать, что на согласіе сего пункта, сколь онъ меня ни увѣряетъ надеждою на Ея Величество, приступить я собою ни какъ не могу; а ежели оно утвердится такъ, то, по крайней мѣрѣ, Его Свѣтлость обязанъ былъ прежде открыть свое мнѣніе о столь важномъ дѣлѣ, и просить Высочайшаго соизволенія; ибо, кромѣ Ея Императорскаго Величества, никто разрѣшить сего не силенъ; я жъ, какъ довѣренной человѣкъ, участвуя во всѣхъ совѣтахъ, гдѣ интересы Россіи связаны съ интересами его области, имѣю право настаивать и требовать отъ Его Свѣтлости отиѣны сему пункту, сходственной съ трактатнымъ постановленіемъ; ибо нарушеніе онаго весьма трудно будетъ прикрыть и самой его заступницѣ, Всемилостивѣйшей моей Государынѣ. Онъ, какъ съ природы вспыльчивый человѣкъ, такъ симъ чрезвычайно тронулся, что отозвался напоследокъ и самому мнѣ: «Безъ сего я взять на себя Ханства ни какъ не соглашаюсь, слѣдственно и обряда присяги отъ моихъ подданныхъ принимать не стану, отлагая выполнение оной до возврату курьера изъ Санктпетербурха», полагая къ Вашему Сіятельству писать и просить, или исходатайствованія Высочайшаго на сіе благоволенія, или позволить ему сложить съ себя Ханское достоинство. По всѣмъ сильнѣйшимъ доказательствамъ не видя въ немъ склонности къ перемѣлѣ сего артикула, принужденъ былъ такъ его оставить, и, пребывая въ нерѣшимости, долго размышлялъ о его странныхъ поступкахъ и чрезвычайномъ самоправіи; съ одной стороны страшился и взысканія Вышнего, естли склонюсь на предпріятіе его, съ другой предвидѣлъ великую опасность въ медленіи столь важнаго и нужнаго свершенія сихъ дѣлъ. Первое тревожило меня воображеніе о здѣшнемъ обществѣ, которое толь долгое время ждало съ часу на часъ принести ему клятвенное обѣщаніе, и ежели бы чрезъ сіе разорвалось и отложили, по его словамъ, до Бакчисарай, то бы не только не успокоился народъ послѣ толикаго митежа, но и наче раз-

враты между знатными и чернью разсѣяны быть могли. Второе, столь нужное поспѣшеніе съ симъ извѣстіемъ въ Царьградъ и ко Двору нашему было бы весьма слабо; ибо и сами депутаты оставались бы въ недоумѣніи отъ таковой нечаянной остановки. Третье, что ежели онъ умолчить сіе отъ Порты, которой и совсѣмъ присяжныхъ пунктовъ не представляетъ, а даетъ только посланцамъ для показанія, естли понадобятся, копію въ осьми артикулахъ, то хотя и представить къ одному нашему Двору всѣ девять, будетъ еще время, разсмотрѣ второй пунктъ, убавить что, или и совсѣмъ отиѣнить, рѣшился опять послать къ нему своего Письмоводителя съ Якубъ-Агою и переводчикомъ Константиновымъ, и приказалъ преклонять его на совершеніе присяги и отправленіе впередъ нарочнаго курьера къ Вашему Сіятельству съ особливымъ письмомъ, коимъ бы просилъ онъ Васъ исходатайствовать ему Высочайшее на сіе благоволеніе, къ чему, на послѣдокъ, хотя съ превеликимъ напряженіемъ къ перелому безконечнаго упрямства, удалось его склонить; даже съ увѣреніемъ, что Ваше Сіятельство конечно сіе ему доставить соизволите; по чему, во угодность его, и рапортъ особой подношу; ибо изъ сего такія онъ слѣдствія заключать сталъ: что лутче ему не принять торжественной присяги, чѣмъ послѣ, когда Высочайшій Дворъ сіе отиѣнить, остаться въ стыдѣ предъ всѣмъ народомъ, почитая въ то время свое достоинство поносише самаго послѣдняго состоянія.

Милостивый Государы! Познавая изъ сего качества новаго Хана, осмѣлюсь изъясниться предъ Вашимъ Сіятельствомъ, что рѣшился къ сему изъ единого усердія къ Высочайшимъ интересамъ, опасаясь отлагательствомъ и медленіемъ разстроить все дѣло и подать новой поводъ къ возмущенію. Другое жъ, что указать такому своевольному человѣку и привести его въ понятіе справедливости ни какъ нельзя, а осталось токмо поднести сіе на разсмотрѣніе Вашего Сіятельства съ нарочнымъ курьеромъ и низжайше просить объ уваженіи, естли можно, такового его настоянія, и о скорѣйшемъ меня разрѣшеніи; полагая чрезъ 24 дня возвратиться ему назадъ, обѣщалъ къ тому времени успокоить и Хана, въ чемъ, предавался милостивому Вашему Сіятельству покрови-

тельству, заключаю сіе совершеннымъ высокопочитаніемъ и безконечною преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

21 Апрѣля, 1177 года.

При Карасу-Базарѣ.

Получено 2-го Маія.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Терялъ я наконецъ терпѣніе, видя не воображаемую никогда медленность въ сочиненіи грамотъ отъ Общества и отъ Хана къ Высочайшему нашему Двору и къ Портѣ, съ которыми, какъ по извѣстіямъ нашего Министра изъ Царяграда, нужно было туда послѣшить, такъ равно необходимымъ я почиталъ ускорить представленіемъ и къ Вашему Сіятельству: для чего въ 16-й день, прогуливаясь, заѣхалъ посѣтить Свѣтлѣйшаго Шагинъ-Гирея, и между разговорами склонилъ рѣчь къ сей матеріи, совѣтуя ему дружески пользоваться временемъ и не упущать первыхъ дней, пока противная партія при Министерствѣ Порты не возьметъ своихъ силъ, дабы симъ способомъ и предварить всѣ сплетаемыя противу его коварства и открыть нашему Министру уста къ защищенію обще связанныхъ симъ интересовъ, чего только онъ, по изъсненію въ письмѣ своемъ, съ часу на часъ и ожидаетъ, и чего вселюбно требуетъ отъ Хана и собственное его внутреннее правленіе; яко, за продолженіемъ сихъ составленій, не обращаетъ онъ своего ока на всѣ край покорившейся ему области, не постановляетъ вездѣ довѣренныхъ себѣ чиновниковъ и не успокоиваетъ народъ въ его безмятежіи, а между тѣмъ уходятъ изъ горъ на ту

сторону семьями хорошіе жители, какъ извѣщаетъ меня Графъ де Балменъ. Сія и подобныя разсужденія представлялъ я его Свѣтлости, побуждая къ скорѣйшему вершенію всѣхъ дѣлъ и, по отпращиваніи въ надлежащія мѣста, къ достиженію въ Бакчисарай, яко его столицу, гдѣ бы уже, утвердись на своемъ стулѣ, могъ преподавать полезныя для своего отечества наставленія и законы, а посипшеніемъ къ Вашему Сіятельству всего отпращиванія обезпечилъ бы себя въ непоколебимомъ упованіи на Высочайшій нашъ Дворъ, которой, столь сильно подкрѣпляя его руку, изыскалъ бы средства убѣдить скорѣе и Порту на должное согласіе во всѣхъ нынѣшнихъ предположеніяхъ. Внимая таковымъ словамъ Его Свѣтлости, хотя и обнадеживалъ меня скорымъ всего окончаніемъ, но изъ отзыва и лица его видѣлъ я нѣкоторое неудовольствіе, которое, не смѣи онъ отнести на меня, обратилъ на послѣдокъ на Якубъ-Агу, оскорбляясь, для чего учуть его, какъ ребенка; я на сіе принужденъ былъ отвѣчать ему, что долгъ мой есть, первое: въ дѣлахъ, связывающихся интересами съ нашимъ Дворомъ, настаивать безотступно, выполняя Высочайшую волю, сберегать самага его благоденствіе и, безъ потерянія напрасно и одной минуты, доводить до совершенства то, для чего, по Монаршему соизволенію, понесены войсками толикіе подвиги. Второе, приусугублялъ я тутъ частыя необходимости, относящіяся до продовольствія и одѣянія солдатъ, въ чемъ основаться, прежде расположенія по мѣстамъ, ни какъ нельзя; ибо и такъ по его обнадеживанію о вершеніи дѣлъ, два раза уже принужденъ я былъ, не видя выполненія, подвозить сюда провіантъ; а на послѣдокъ, что не мой нравъ льстить и угождать, чего не можетъ ждать отъ меня и самъ мой Монархъ, а не только Его Свѣтлость, къ которому, кромѣ привязанности, не имѣю никакого отношенія, соблюдая, впрочемъ, къ особѣ его должное почитаніе, а по тому столь откровенно и искренно передъ нимъ и говорю, советуя полезное для обѣихъ сторонъ, и требуя показанія мнѣ всѣхъ на черно писанныхъ грамотъ, дабы я могъ видѣть сходныя въ нихъ израженія съ Высочайшими и мнѣ чрезъ Ваше Сіятельство предписаніями, въ коихъ когда, что излишнее, или недостаточное, прибавить, или убавить, подамъ бы совѣтъ, какъ то въ первыхъ грамотахъ, мнѣ казанныхъ, и сдѣлано. Нѣтъ моего намѣренія тутъ настаивать Его Свѣтлость, или руководствовать его умомъ: я почитаю

природную его остроту и хорошіе понятіе и обязанъ согласовать оныя и съ Высочайшею Монаршею волею; не мѣшаюсь я во внутреннее его управленіе, ежели только имъ не будетъ повреждаться генеральное постановленіе, ежели токмо не станетъ симъ явно огорчаться знатность и народъ, какъ то уже и нынѣ, по носящейся въ городахъ здѣсь молвѣ, многіе изъ Татаръ негодуютъ на его холодность и малую къ нимъ склонность, къ чему съ начала, какъ разумному Государю, и иногда и принудить себя, надобно, дабы невѣжъ тѣхъ блѣе преданности своей подвергнуть а не такъ съ ними обходиться, какъ Его Свѣтлость поступаетъ, не допуская къ себѣ безъ указа и почтениѣйшихъ изъ Старѣйшинъ, даже и самыхъ тѣхъ, коими почти возведенъ онъ на сію степень; опять публично отзываясь посѣщающимъ его Штабъ-Офицерамъ и прочимъ, что тягостно ему видѣть у себя Татаръ, а единое удовольствіе, когда обходится съ Россійскими, воображая тутъ о войскахъ, какимъ бы образомъ ему регулярныя въ своей землѣ заводить, такъ же размышляя о коммерціи, какъ бы ее высоко поднять, и между тѣмъ, чрезъ запрещеніе продвѣть пшеницу, теряя и нынѣшніе доходы. Всѣ сія худо основанныя правила стараюсь я ему чрезъ Якубъ-Агу, яко любимаго имъ, внушать, и онъ иногда перемѣняетъ свои мысли, но все это мало, и сколь ни общается, выполненія не вижу, лишь немного времени пройдетъ, то опять слышу отъ многихъ то же. Знаю, что сей Государь внутренно привязанъ къ Ея Императорскому Величеству, яко единой своей возстановительницѣ, но такое, частію упрямство, а больше самолюбіе, можетъ иногда быть и собственно ему не безвредно: не хочетъ предписать обществу формы въ сочиненіяхъ грамотъ, не хочетъ же никому изъ нихъ прямо и мыслей сказать, а даетъ стороною только примѣчать; которыя, не столько, можетъ быть, отъ невниманія, сколько отъ упорства жъ къ нему, изъ стороны, пишутъ всѣ темно и съ дѣломъ несообразно, приносятъ къ нему на апробацію, а онъ послѣ отсылаетъ, и такъ, покуда самъ согласится на ихъ слогу, раза по три перемѣняется, а потомъ уже переводы представляются мнѣ, и тутъ опять новыя приправки дѣлаются. Такимъ образомъ разъ по пяти всякая бумага съ рукъ въ руки переносится и въ томъ напрасно время проходитъ, между тѣмъ же безъ поправки не живетъ; и такъ мнѣ кажется равно, что готовое имъ .

дать, когда они письменно просили его во всемъ наставленія и руководства, что сочиненное ими марать и исправлять, съ тою токмо разницею, что тутъ втунѣ дней десять, или больше, проходить. А время, считаю я, столь весьма дорого въ важныхъ дѣлахъ, сколь безпечность и косненность опасна.

О таковыхъ Его Свѣтлости поступкахъ, изъ единого моего къ отечеству усердія, осмѣливаюсь я изъяснить Вашему Сіятельству съ тѣмъ, что ежели онъ и въ прочихъ дѣлахъ подобно соразмѣряться станетъ, не внимая ни хорошимъ и полезнымъ совѣтамъ дорожа временемъ и случаемъ, а останавливаясь на единой своей самодержавной власти, предъ дверьми которой только еще стоитъ, то подкравшись нечувствительно къ нему ласкатели тонкаго ума, весьма легко испортить его могутъ, и напоя его высокимъ о санѣ, достоинствѣ и разумѣ его мнѣніемъ, сдѣлаютъ наконецъ къ истинѣ неприступнымъ и возвысятъ его самолюбіе, которымъ обольщаемъ, и нынѣ уже мнѣтъ онъ всѣ дѣла и замыслы его совершенно основательны и найлутчѣе править; а по сему проступая неосторожностію въ случай, иногда сколько себя повредить можетъ, такъ и Россіи напоследокъ по сосѣдству слабая въ немъ останется надежда.

Еслии угодно бедеть Вамъ, Милостивый Государь, войтить въ разсмотрѣніе всего сказаннаго, то не соизволите ли, не упоминая о семъ моемъ изъясненіи, которое единственно Вашему Сіятельству открыть осмѣлился, преподать ему стороною руководство къ лучшему общимъ дѣлами управленію и къ перемѣнѣ таковыхъ поступовъ. Онъ питаетъ къ Вашимъ великимъ достоинствамъ особливое почитаніе, и скорѣе конечно внимать станетъ Вашимъ наставленіямъ, нежели чѣмъ ни будь, что предавъ проицанію Вашего Сіятельства, пребуду до пресѣченія дней своихъ съ глубочайшею преданностію и безпредѣльнымъ высокопочитаніемъ,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства,

нижайшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

21 Апрѣля, 1777 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ!

Его Свѣтлость, Шагинъ-Гирей-Ханъ, по слабому своему сложенію, весьма малую кажетъ надежду къ долговременной жизни; ибо, по его лѣтамъ, очень рано страждетъ уже сильными гемороидами, и только что на лѣкарствахъ и сидитъ, держа чрезвычайную діету, какой въ родѣ ихъ, конечно, и не было никогда слышно; хотя жъ при немъ и находится Лѣкаръ изрядной и, по свидѣтельству обрѣтающагося при войскахъ Штабъ-Лѣкаря, довольно искусенъ въ теоріи, но практики, по молодымъ его лѣтамъ, совершенной недостаетъ; а какъ здоровье Его Свѣтлости для Россіи, по крайней мѣрѣ года на два, на три, весьма нужно, то и осмѣливаюсь Вашему Сіятельству нижайше представить, не угодно ли будетъ опредѣлить къ нему хорошаго Доктора, хотя на казенномъ содержаніи? Лѣкаръ сей, какъ онъ къ нему привыкъ, все можетъ оставаться при Его Свѣтлости, а хорошій Докторъ, хотя уже совершенно его вылѣчить и не въ состояніи, по меньшей мѣрѣ лѣкарствами нѣкоторое время могъ бы его жизнь содержать, что, съ моею покорностію должна разсмотрѣнію Вашего Сіятельства, щастіе имѣю пребыть до жизни съ совершеннымъ высокопочттаніемъ и глубочайшею преданностію,

Милостивый Государь,

Ваше Сіятельства

нижайшій слуга

Князь А. Прозоровскій.

4 Мая, 1777 года.

При Карасу-Базарѣ.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ!

По долгу возложенной на меня отъ Вашего Сіятельства комисіи, примѣчая время отъ время свойства Его Свѣтлости Хана, нахожу донести, что никогда я не ожидалъ найти въ немъ столь робкаго духа, хотя на Кубани и въ дѣлѣ былъ, сказываютъ, храбръ, но я осмѣлюсь такъ сказать, что если наши войска отсюда взять, то онъ не въ состояніи остаться; даже спальню его, или домъ, гдѣ онъ стоитъ, обставляютъ на ночь цѣпью, кромѣ окружныхъ пикетовъ конныхъ, и при маршахъ держится близъ войска, хотя при немъ Чугуевской полкъ въ конвоѣ. Больше жъ онъ заключеніе подалъ мнѣ увѣриться въ томъ, отзываясь еще на Карасевѣ, что когда придетъ въ Бакчисарай, то онъ будетъ при которомъ ни будь лагерѣ стоять, и когда это дошло до меня, то я зная, что онъ къ Якубъ-Агѣ ласковъ, и которой, по позыву его у него бывалъ, и вечеромъ иногда долго просиживалъ, поручилъ ему въ разговорахъ сказать, въ видѣ единаго дружескаго моего совѣту, что это кажется мнѣ неприлично, чтобъ Его Свѣтлость въ своей резиденціи стоялъ лагеремъ, а при томъ, что въ Татарскомъ обычаѣ знаменуетъ сіе войну, когда лагерями стоитъ Ханъ. Я велѣлъ ему, Якубъ-Агѣ, и то объяснить, что онъ имѣть будетъ здѣсь достаточной караулъ и конвой, тожъ еще и для квартиры своей главный караулъ, по чему и опасности не предвижу; на что онъ внимая, и обратилъ сіе такъ, что будто это въ шуткѣ говорилъ. Но только все оное означаетъ, что онъ, Ваше Сіятельство, боится своего народу, такъ какъ и теперь, остановясь отсюда въ восьми верстахъ, и о чемъ пространнѣе изволите усмотрѣть изъ журнала, нынѣ отправленнаго, гдѣ, по желанію Его Свѣтлости, сверхъ Чугуевского полку, и гренадерской еще баталіонъ я оставилъ. А по тому, еслии сюда не ѣдетъ, то больше отъ боязни, нежели отъ другихъ причинъ, хотя и диванъ его изъ выбранныхъ персонъ здѣсь находится. Но Якубъ-Агѣ за конфиденцію сказывалъ онъ и то, что Его Свѣтлость такимъ своимъ нынѣ расположеніемъ будто Мурзъ раздѣляетъ отъ сообщенія между собою до времени, пока онъ рѣшительные отвѣты получить отъ Высочайшаго Двора и Порты Оттоманской, а для прочихъ разныя

тому объявляетъ, такъ какъ и Подполковикъ Леванидовъ, при немъ съ баталіономъ находящейся, въ разговорахъ слышалъ, что Его Свѣтлость, не знаю по чему, не любитъ Бакчисарай, и онъ ему для житья не нравится. Справедливо, Ваше Сіятельство, что Татарамъ вѣрить не можно, но и ему вредно робку такъ быть, а особливо еслии они это примѣтятъ.

Пребываю за тѣмъ съ совершенно искреннимъ высокопочиніемъ и преданностію,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
нижайшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

17 Мая, 1777 года.
Бакчисарай.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ!

Здѣсь есть, Ваше Сіятельство, съ давнихъ временъ Греческая небольшая церковь, высѣченная въ горѣ изъ камня, которая хотя и была отчасти возобновлена, но вся, однако жъ, въ упадкѣ. При нынѣшнемъ же времени Архіерей здѣшней, видѣвшись со мною, открывалъ свое намѣреніе, чтобы новую уже и порядочную построить каменную церковь въ самомъ семъ мѣстѣ, или гдѣ Свѣтлѣйшему Хану угодно будетъ показать. Я на то сказалъ, что о семъ надлежитъ ему испросить и позволеніе отъ Его Свѣтлости и совѣтывалъ ему сдѣлать сіе такимъ образомъ, чтобы сперва съѣздить къ нему, поздравить его съ прибытіемъ сюда и съ благополучнымъ вступленіемъ на Ханство, а потомъ можетъ уже попросить и выше сказаннаго позволенія. На что онъ и согласился, прося при томъ моего пособія въ полученіи ему отъ добродетельныхъ дателей нѣкоторой суммы денегъ на таковое сооруженіе оной церкви, что я ему и обѣщалъ, и Вашему Сіятельству осмѣливаюсь приватно доложить, что при полученіи имъ упомянутаго доволенія, не угодно ль иногда будетъ Ея Императорскому Вели-

честву Всемилостивѣйше какую на сіе въ подаваніе сумму опредѣлить, и когда уже была бы на то Всевысочайшая воля, то не указано бѣ будетъ уже на церковь и чертежа прислать? Къ Монаршему благоволенію въ добавокъ несумнѣнная будетъ и здѣсь помощь отъ пребывающихъ тутъ войскъ, на что нижайше испрашивая милостиваго увѣдомленія, емь съ совершенно искреннимъ высокопочитаніемъ и преданностію,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства,
нижайшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

31 Мая, 1777 года.
Бакчисарай.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь,
Петръ Александровичъ!

Уполномоченные здѣшной Области Мура-Хазы или Министры вчерашней день пріѣзжали ко мнѣ и подали, на Турецкомъ языкѣ, письмо отъ Общества о намѣреніи, чтобы заводить въ сей землѣ, для народнаго благосостоянія, на жалованьи содержанія владѣтеля своего, войско, прося всепрілѣжно сверхъ того и изустно у меня исходатайствованія имъ скорѣйшаго на сіе разрѣшенія, чѣмъ побужденъ и спѣшу съ нарочныхъ переводъ оного Вашему Сіятельству поднести. Заключая сіе моимъ всесовершеннымъ почитаніемъ и безконечною преданностію,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
нижайшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

22 Іюня, 1777 года.
Бакчисарай.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ ПЕРСОНЪ ВЪ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУЧИКУ И КАВАЛЕРУ КНЯЗЮ ПРОЗОРОВСКОМУ.

Татарскіе народы, пріятели Ваши, были въ сей Области, по древней привычкѣ, военными; и хета не шло имъ никакого жалованья, однако всегда должны были состоять въ такомъ образѣ. Бей и Мурзы каждой фамиліи съ своимъ войскомъ находились, по востребованіямъ обстоятельствъ, въ мѣстахъ, назначенныхъ имъ Ханскими указами, а преступники сего наказывались неотложно, и изъ такого порядка всегда были въ состояніи Татары на защищеніе своей Области. Послѣ, когда, волею Бога и по обстоятельствамъ, вошли мы въ протекцію Порты Оттоманской, то жалованьемъ все определено было, отъ намѣренія владѣть всегда сею Областію, что уже и было; однако оно, какъ Князь всей Области напередъ почли его собственнымъ доходомъ, производилось только нѣкоторымъ и не всегда, какъ то набраннымъ изъ простолюдиновъ въ бешли и сеймены. Въ такомъ положеніи за тѣмъ прошли цѣлыя времена, что Ханы, будучи скорыми въ своей степени и близкими къ низверженію, не только не старались о распоряженіяхъ въ своей Области, но и помышлять не хотѣли, а попеченіе о дѣлахъ сей Области хотя были отъ первѣйшихъ за ними, однако были ихъ малы силы; по чему день отъ дня и прежніе обряды уменьшались, а наконецъ свои же подданные народы, какъ то: Абазинцы и Черкесы вошли въ разныя худыя дѣйствія, кои они, по разврату въ себѣ, и нынѣ продолжаютъ, и кои не безъизвѣстны Вамъ, пріятели нашему. Нынѣ же, слава Всевышнему Богу, Всевысочайшимъ заступленіемъ Императрицы утверждено наше независимое состояніе, котораго сохраненіе остается на насъ; дѣлающіеся противниками, безъ сумнѣнія, не набѣгнуть наказанія отъ самовластнаго нашего Хана, особливо въ случаѣ, когда насѣдники сей Области, наводя безпокойство, сами собою ищутъ поддержанія себѣ отъ Порты Оттоманской, не можемъ мы считать не только вольныхъ своего состоянія, ниже успѣть въ распоряженіяхъ земли своей. Правда, что Всемилостивѣйшій имѣемъ обѣтъ Ея Императорскаго Величества, на Всемилостивѣйшее намъ вспомоствованіе, въ которомъ мы и не сумнѣваемся; но пристойно ли трудить Высочайшій Дворъ на истребленіе замѣшательства между насъ самихъ и на всякія подобныя дѣла въ Области?

для сего намъ, пріятелямъ вашимъ, какъ уполномоченнымъ въ Области и довѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ, есть долгомъ стараться о порядкѣ въ своей Области; по чему, какъ въ предосторожность нашему состоянію, такъ чтобъ и повелѣніямъ Татарскимъ отъ Свѣтлѣйшаго нашего Хана и благодѣтеля, были въ подобострастныхъ исполненіяхъ каждаго, положили мы: набрать надобное число войска и употреблять на всегдашнее нахождение при Его Свѣтлости, Ханѣ, благодѣтелѣ нашемъ, на службу въ крѣпостяхъ, на стражу въ мѣстахъ опасныхъ и тамъ, гдѣ нужда ихъ востребуеть. Казнѣ же на жалованье и содержаніе сего войска, какъ сдѣланнаго по самовластію, не иной быть должно, какъ казнѣ Его Свѣтлости, Хана; въ расужденіи, что безъ таковаго войска и порядка не можетъ быть настоящаго повиновенія людей низкихъ, такъ какъ и пресѣченія дѣлъ выше писанныхъ. Что до Князей и благородныхъ всей Области, то они съ радостію соглашаются на сіе, и чтуть за ближайшую нужду; по чему пристойнымъ образомъ и безъ насилія наберутся таковыя войска, кои поручены будутъ Свѣтлѣйшему Хану и благодѣтелю нашему на зависимость отъ его распоряженій и довольствія. О чемъ всѣмъ Князьямъ здѣшной Области было отъ насъ объявлено, и они признали все пристойностію; остается только успѣть сего въ совершеніи. Мы при томъ увѣрены, что Всевысочайшія предъ симъ и нынѣ обѣщанія Всемилостивѣйшей Императрицы, извѣстныя цѣлому свѣту, на вспомошествованіе и защищеніе насъ, Ея Императорскимъ Величествомъ не запомнятся; а за тѣмъ просимъ, Ваше Сіятельство, отнестъ наши просьбы къ великолѣпнымъ Фельдмаршаламъ, Ихъ Сіятельствамъ, Графу Петру Александровичу и Графу Никитѣ Ивановичу, чтобы они предстательствовали о насъ Всемилостивѣйшей Государыни.

Подписали и печати приложили:

1-й Адиль-Шагъ-Ага. 2-й Ибрагимъ-Ага. 3-й Мегметъ-Ага. 4-й Мегметъ-Шагъ-Мурза Ширинской. 5-й Айвозъ-Ага. 6-й Ширинской Агметъ-Шагъ-Мурза. 7-й Касай-Мурза Мансурской. 8-й Касай-Мурза Мансурской. 9-й Шагинъ-Гирей Мурза Ширинской. 10-й Селимъ Шагъ-Мурза Мансурской. 11-й Селямъ Шагъ-Мурза Ширинской. 12-й Измаиль Бей-Аргынской.

Сіятельнѣшій Графъ,
Милостивый Государь,
Петра Александровичъ!

Милостивое Вашего Сіятельства писаніе отъ 4-го сего мѣсяца, мнѣ щастіе получить 27-числа, не оставилъ я на другой день, бывши самъ у Его Свѣтлости Шагинъ-Гирей-Хана, представить ему съ изъясненіемъ, чрезъ переводчика Якубъ-Агу, всего содержанія. Онъ, чрезвычайно будучи доволенъ отличнымъ приемомъ своихъ депутатовъ, которымъ здѣланные при Высочайшемъ нашемъ Дворѣ почести, подробно видѣлъ изъ дошедшихъ сюда и ему сообщенныхъ газетовъ, усугублялъ и паче чувствительную свою благодарность за общаніе Вашего Сіятельства отвѣчать ему на письма. Чего съ нетерпѣливостію ожидая, поручилъ мнѣ сіе донести Вамъ, Сіятельнѣшій Графъ; что исполняя, за щастіе почитаю пребыть до пресѣченія дней своихъ съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и глубочайшаею преданостію,

Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
нижайшій слуга
Князь А. Прозоровскій.

31 Августа, 1771 года.
Бакчисарай.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ГРИГОРІЯ ГИКИ

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ

1777 года.

Сопіе.

M o n s i e u r !

J'ai l'honneur d'insérer dans celle-ci la traduction d'une lettre, que j'ai reçue de Constantinople en dernier lieu touchant l'état actuel des affaires entre la Russie et la Porte, dans laquelle Votre excellence verra que quelques uns de mes amis Ministres de la Porte, qui ont eu part aux conférences dernières me conseillent de tacher, si je pouvais juger que les affaires seraient terminées à l'amiable, rendre mes services à la Porte par ma contribution dans les négociations présentes, auxquelles ils voudraient bien m'insinuer par leur moyen, et que je pouvois acquérir par là le plus grand crédit de la Porte, et me la rendre favorable à l'avenir. Sachant donc la bonté de Votre Excellence envers moi, et l'amitié qu'Elle m'a toujours témoignée, je m'adresse directement à sa bienveillance comme son entière créature, et je me resigne au seul conseil de Votre Excellence, en la suppliant très respectueusement de vouloir bien m'éclairer la dessus, et me communiquer Sa pensée, comme Elle doit bien connaître mon état, et celui où je me trouve à l'égard de la Porte, et que par conséquent un service de cette importance, si les affaires finiraient amiablement, ne pouvait être que de la plus grande utilité pour moi.

J'ai cru aussi nécessaire d'en faire en même temps part à Son Excellence le Ministre par mon incluse, dont je prends la liberté de joindre ici la copie pour être lue de Votre-Excellence, et la lui

rendre si Elle le juge à propos. Au reste Sa gracieuse réponse me déterminera là dessus, et je ne l'attends qu'avec impatience pour me conformer à ses ordres.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération et un respect sans bornes.

Monsieur
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur
P. Grégorio Ghica.

à Yassi.
Ce 21 Juillet, 1777.

Monsieur!

Quelques uns de mes amis Ministres de la Porte, qui ont eu part aux Conférences dernières avec le Ministre de la Cour de Russie à Constantinople, me conseillent de tacher de rendre mes services à la Porte dans les occasions présentes par ma contribution aux négociations des affaires, si je pouvais juger qu'elles allaient être terminées à l'amiable, et qu'au service de cette nature serait reconnu auprès d'Elle pour celui de la plus grande importance, et dont dépendroit tout mon crédit, et je me la rendrais propice et favorable à l'avenir.

J'ai envoyé la traduction de cette lettre, pour ne pas l'importuner directement à S: E: le Maréchal Comte de Romantsoff, dont Elle sera informée en plein, et à qui j'ai adressé aussi la présente pour être remise à Votre Excellence, et comme j'ai connu toujours sa grande bienveillance envers moi, et je sais qu'Elle veut bien contribuer à mon bonheur, je la supplie très respectueusement de daigner m'éclairer là dessus en m'honorant de ses ordres sur ce qu'Elle jugera à propos pour m'y conformer exactement.

En attendant donc sa gracieuse réponse, j'ai l'honneur d'être avec une déference sans bornes, et la plus respectueuse considération.

à Yassi.
ce 21 Juillet, 1777.

Traduction d'une lettre de la part de mes agents de Constantinople. Ce 9 Juillet, 1777.

Quoique l'état de la Porte ne lui permet point d'embrasser le parti de la guerre, Elle se trouve néanmoins dans l'impossibilité d'endurer la maniere désobligeante envers elle du nouveau Chan, et celle dont la Russie s'est servie par rapport au séjour de ses armées dans la Crimée; et il est bien à craindre, que les affaires s'aigrissant au point qu'il ne sera plus temps d'y remédier, Elle sera forcée de recourir aux armes.

L'entrée des armées Russes à Bachzesarai et ses alentours, leur séjour après l'établissement au Trône du nouveau Chan, et la maniere dont celui-ci s'est fait annoncer à la Porte par ses écrits, n'étant que de véritables signes d'une entiere oppression et violence de la liberté des Tartares et de la privation de leur indépendance. ont donné lieu aux conférences qui se sont tenues, comme nous avons marqué dernièrement à Votre Altesse, entre les Commissaires de la Porte, nommés à cet effet, et le Ministre de la Russie, dans lesquelles l'oppression contre le traité et la violence de la Russie envers les Tartares s'étant bien démontrée, comme aussi la maniere de régner du nouveau Chan moyenant la force des armées Russes; le Ministre de la Russie pour toute réponse ne repliqua aux dites démonstrations des commissaires qu'en proposant avec promesse, que si la Porte voulait envoyer au Chan par quelqu'un de ses Ministres toutes les marques de la nouvelle élection, dont il est mentionné dans les conventions faites avec Monsieur Petterson, il pouvait l'assurer de la sortie entiere des armées Russes de la Crimée, et du témoignage du devoir du nouveau Chan envers la Porte.

Les nommés Commissaires de la Porte dans ces conférences répondirent à la dite proposition du Ministre de la Russie, qu'elle ne pouvait pas l'accepter avant que les armées Russes ne soient pas sorties de la Crimée, et elle n'en restât pas libre, et conséquemment ses habitants demeurant pas là hors de crainte, si l'élection de Schahin-Ghirai serait approuvée d'eux, et que celui-ci voulût écrire à la Porte avec le respect et la déférence qu'il lui doit, elle ne ferait point de difficulté à le reconnaître, et lui envoyer par un de ses Ministres les marques de sa nouvelle élection; de cette maniere

l'indépendance de la Crimée aura lieu, puisque les habitants demeurant libres il s'ensuit de réprimer l'élection de Schahin-Ghirai, et se déterminer à celle d'un autre conformément au droit de leur indépendance, lequel étant reconnu Chan de la part de la Russie, comme aussi de celle de la Porte, l'indépendance des Tartares sera confirmée selon le Traité et sera non seulement acceptée par la Porte, mais elle promet aussi d'effectuer tout ce qui est dit dans le Traité. Car si l'intention de la Russie ne tend point à la solution de la paix, elle doit se contenter aux dites propositions selon toute la force de la raison; mais si elle en fait des difficultés, sous quel prétexte que ce soit, il sera bien risible, que ses vues ne peuvent pas tendre à la conservation de la Paix.

C'est donc sous cette proposition, que les Commisaires de la Porte demandèrent au Ministre de la Russie de promettre par écrit à la Porte, la sortie des armées Russes de la Crimée, et le libre voeu des Tartares au fait de l'élection de leur Chan; et qu'elle s'obligeoit de même d'effectuer tout ce qui est contenu dans le Traité; le Ministre de la Russie n'a pas voulu s'engager par écrit, mais en demandant au contraire que la Porte l'assurât sur cela par écrit, il promit d'écrire à sa Cour et lui apporter la réponse au bout de 70 jours. Ce fut le résultat de la dernière conférence, et il fut résolu que la Porte livrat sans retard cet écrit au Ministre de la Russie, et qu'on attendit au dit terme la réponse de Sa Cour, dont dépend le sort des affaires; et en cas que la Russie n'accepterait pas les dites propositions, la Porte sera contrainte de se déterminer à la guerre.

Tout ce que nous venons de rapporter à Votre Alesse, nous a été dit de la part de Mourat Moula, Casiasker actuel et de Beiliczi Effendi, l'un des commissaires dans les conférences avec le Ministre de la Russie, lesquels ont ajouté de même qu'ils conseillaient en amis à Votre Altesse de tacher de rendre vos services à la Porte à cette occasion, et ils espéraient beaucoup de l'assistance et médiation de Votre Altesse dans cette affaire d'importance, dont elle obligerait la Porte infiniment, et elle lui pouvait rendre par là un service des plus essentiels, et dont dépendait tout son bonheur à venir. Car Si Votre Altesse pense, que son intercession dans cette affaire pouvait en faciliter la réussite, ce serait un moyen sûr d'acquérir le plus

grand credit auprès de la Porte et Vos services en ce cas la tiennent toujours en respect pour Votre personne.

Elle voudra donc nous informer bientôt de sa réponse la dessus afin que par ce moyen des deux personnages ci-dessus mentionnés leur conseil soit mis en oeuvre.

Nous avons eu aussi le même discours avec Abdoul-Resak Effendi, qui nous fit le même récit des affaires, et de tout ce qui est dit dans les conférences avec le Ministre de la Russie, et il espère que si la Russie ne fait point de difficulté aux propositions de la Porte à faire sortir ses armées de la Crimée, et à laisser la pleine liberté aux Tartares de l'élection de leur Chan, la Porte s'engage à observer scrupuleusement tout ce qui est stipulé, et à garder dans la suite une entière indifférence pour ce qui regarde l'élection des Tartares au sujet de leur Chan.

On se rassemble aujourd'hui de nouveau au palais de Schislam Effendi, où il sera donné l'écrit d'engagement de la part de la Russie pour la favorable réponse de Sa Cour au terme marqué.

РАПОРТЪ ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКА КНЯЗЯ А. А. ПРОЗОРОВСКАГО ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ 15 МАРТА, 1778 ГОДА. ВАКЧИСАРАЙ.

Господинъ Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ Суворовъ, одинажды сего изшедшего Генваря отъ 22-го числа отозвался ко мнѣ письмомъ о прибытіи только своемъ на Кубань, а потомъ уже никогда и ни о чемъ не извѣщаетъ, кромѣ что къ Г-ну Резиденту Константинову писалъ два письма, о которыхъ онъ и Вашему Сіятельству уже доносилъ. Я, со стороны отдѣленнаго его Кубанскимъ краемъ начальствованія, признаюсь безпристрастно Вашему Сіятельству, очень доволенъ; первое, избавляясь хлопотъ въ расположеніи такимъ краемъ, котораго самъ никогда не видалъ и который весьма отдаленъ отъ меня. Второе жъ, почитая и самъ гораздо удобнѣе ему обо всѣхъ прямо къ Вашему Сіятельству относить, и ежели уже и по политическимъ дѣламъ

считаетъ онъ чуждыми всякіе извѣщенія, а хочетъ только увѣдомлять Г-на Резидента, то, по крайней мѣрѣ, я чрезъ него получать свѣдѣнія могу; но о военныхъ дѣйствіяхъ своихъ уже онъ ни меня, ни его, ниже Г. Генераль-Маіора Борзова, не увѣдомляетъ; по чему я, въ разсужденіи общей связи дѣлъ здѣшнихъ съ Кубанскими, не зная, что происходитъ тамъ, не могу и здѣсь соразмѣрно онымъ учреждаться по наставленіямъ Вашего Сіятельства, такъ какъ и нынѣ, по случаю бытности въ Ениколѣ Г. Генераль-Маіора и Кавалера Потемкина, по должности инспекторской, каковое получилъ къ Г. Генераль-Маіору Борзову отъ Г. Полковника Макарова письмо, съ приложеніемъ копія, писаннаго къ нему отъ Г. Полковника Князя Одоевскаго, честь имѣю все поднести оригиналомъ; и не постигая причинъ, ведущихъ его въ верхъ по рѣкѣ Кубани, не въ жалобу, а единственно изъ усердія къ Высочайшей службѣ, осмѣливаюсь симъ Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, донести и нижайше просить о повелѣніи ему, Г. Генераль-Поручику, чтобы онъ, когда не схочетъ меня рапортовать, чего я отъ него и не требую, то, по крайней мѣрѣ, о обращеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ, хотя бы записки ко мнѣ присылалъ, или бы уже хотя извѣщалъ Г. Генераль-Маіора Борзова, однимъ проливомъ отъ него отдѣленнаго, которому я прикажу себя увѣдомлять, дабы не потерять изъ виду общей цѣли здѣшнихъ дѣлъ, и чрезъ то не сдѣлать упушенія.

РАПОРТЪ Г. ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУЧИКА А. А. ПРОЗОРОВСКАГО КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ 27 АПРѢЛЯ, 1778 ГОДА, ИЗЪ ЛАГЕРЯ ПРИ РѢКѢ КАЗѢ.

Получа письмо отъ Его Превосходительства, Александра Васильевича Суворова, обѣщающее выѣхать на прошлой недѣли сюда, то по дистанціи и считалъ я въ концѣ оной прибытіе его, а по тому и заготовилъ все отправленіе къ Вашему Сіятельству, но, противъ чаянія моего, только сегодня въ Бакчисарай выѣхать изволилъ, и по многимъ моимъ посылкамъ насилу могъ довѣдаться, что Его Превосходительство уже въ Бакчисараѣ. Я, примѣчая, что мой пріѣздъ можетъ обезпокоить, послалъ дежурнаго Г. Генераль-Маіора и Кавалера Леонтьева, вручить слѣдующія къ

зачѣ моего командованія письма, но, встрѣтись съ нимъ на дорогѣ, посланной отъ него ко мнѣ Капитанъ Коробкинъ объявилъ ему, чтобъ онъ отнюдь не ѣздилъ, такъ какъ Генералъ видѣтъ, за слабостію здоровья, никого не можетъ, по чему оной возвратился, а другіе преже посланные видѣтъ его также не удостоились. По пріѣздѣ жъ выше реченный Капитанъ Коробкинъ самое жъ то мнѣ подтвердилъ, что онъ, за слабостію здоровья, никого видѣтъ не можетъ. Я препоручилъ ему просить Его Превосходительство увѣдомить меня, въ которомъ часу завтра онъ меня видѣтъ можетъ, изволилъ бы приказать, самъ къ нему пріѣду, однако до 12 часовъ по полудни онаго не дождался, и послалъ провѣдать въ Бакчисарай моего Адъютанта Любимова, который, по возвратѣ, сказалъ, что Его Превосходительство ужинаетъ у Г. Резидента, какъ и къ Его Свѣтлости Хану хотѣлъ ѣхать, но тотъ просилъ до завтра оставить. А по тому, Сіятельнѣйшій Графъ, онъ видѣтъ меня не желаетъ, и для того, поруча всѣ надобныя къ свѣдѣнію сообщенія мои къ нему, вручилъ Г. Генералъ-Маіору Леонтьеву ему завтра подать, а самъ отправился въ путь свой, и надѣюсь имѣть честь Ваше Сіятельство скоро видѣтъ.

РАПОРТЪ ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКА А. В. СУВОРОВА КЪ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ 18 ГЕНВАРЯ, 1778 ГОДА, ЗА № 411, ИЗЪ ЛАГЕРЯ ПРИ КОПЫЛЬСКОМЪ РЕТРАНШАМЕНТѢ.

Вступая въ пріемъ, по повелѣнію Вашего Сіятельства, назначеннаго мнѣ въ командованіе корпуса, въ сторонѣ Кубани расположеннаго, и входя въ обстоятельства сопряженныхъ съ тѣмъ политическихъ дѣлъ, относительно до кочующихъ здѣсь Татарскихъ Ордъ, нахожу, что въ мѣроположеніяхъ, касающихся до военнаго, а особливо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, по не-малой Крымскаго полуострова отъ здѣшняго мѣста отдаленности, нужно мнѣ имѣть разрѣшеніе, независимое отъ сторонняго распоряженія. Коль паче, будучи мѣстнымъ здѣшняго корпуса начальникомъ и имѣя, по лучшему обозванію положенія здѣшняго края и другихъ обстоятельствъ, ближайшія средства къ выполненію Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества предпо-

ложеній, такъ и Вашего Сіятельства повелѣній, не имѣлъ бы я обязанности чрезъ излишнія переписки подвергать иногда нужныя предпріятія медленности. Что жъ до политическаго, то, согласно съ волею Вашего Сіятельства, я съ Г-мъ Резидентомъ Константиновымъ сношеніе имѣть долженствую. На что испрашиваю Вашего Сіятельства апробаціи. Съ полученнаго жъ Г. Генераль-Маіоромъ и Кавалеромъ Бринкомъ отъ Г. Генераль-Поручика и Кавалера Князя Прозоровскаго, отъ 8 Генваря, ордера копію, изъ которой видно, что онъ въ знаніи здѣшняго края не весьма достаточенъ, поелику въ ономъ препинаніе въ независимомъ мнѣ отъ него здѣшнимъ корпусомъ командованіи и прикосновенныя къ тому разныя неудобства нахожу, подношу у сего на высокое Вашего Сіятельства разсмотрѣніе.

КОПИЯ ОРДЕРА, ПРИСЛАННАГО ОТЪ ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА КНЯЗЯ ПРОВОРОВСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРУ И КАВАЛЕРУ БРИНКУ, ОТЪ 8 ГЕНВАРЯ, 1778 ГОДА.

Его Сіятельство, Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, въ ордерѣ ко мнѣ изшедшаго Октября отъ 28 числа, касательно отряду, вѣреннаго Вамъ на сторонѣ Кубанской, яко пребываніе онаго отъ времени въ другое становится также многими обстоятельствамъ подвержено, предписываетъ мнѣ сказать сдѣдующее: «Укажите Г. Генераль-Маіору Бринку, или, ежели Г. Генераль-Поручикъ и Кавалеръ Суворовъ туда прибылъ, ему, сообразно дѣлу положенію свои позиціи брать такъ, чтобы удобно ему было и границы свои прикрывать и разныя Орды и народы держать въ страхѣ, а не безплодно озираться на такъ великомъ пространствѣ на кочующія разныя Орды и народы, и которые непрестанно сей отрядъ съ разныхъ сторонъ тревожа, изнурить могутъ до крайности. На что, какъ Его Сіятельству я донесъ, такъ и Вашему Превосходительству, или когда прибылъ уже туда Г. Генераль-Поручикъ и Кавалеръ Суворовъ, и ему, другого сказать не нахожу какъ, что, не бывъ самовидцомъ никогда оныхъ мѣсть, и не знавъ той страны, какъ только по картѣ, которая сдѣлана нами жъ, и большею частью снята безъ инструмента, и то тѣ ток-

кмо мѣста, гдѣ войска наши находились, а прочія положены по Генеральной картѣ, или по сказкамъ обывателей, не могу и подробнаго наставленія въ позиціи войскамъ Вашего корпуса указывать; а за должность поставляя единственно, выписавъ выше сказанное изъ ордера Его Сіятельства, слѣдующее руководствомъ Вамъ во всѣхъ повѣренныхъ дѣлахъ повторить, что Ваше Превосходительство, узнавъ главные изъ онаго предлоги, должны, по предстоящимъ Вамъ обстоятельствамъ, во всѣхъ частяхъ пространства, занимаемаго начальства Вашего войсками, какъ на Кубани, такъ и въ островѣ Таманскомъ и до самыхъ нашихъ границъ, соразмѣрять себя такъ, чтобы совершенно выполнить во всемъ предписание Его Сіятельства, яко въ оныхъ вся цѣль генеральныхъ дѣлъ Вамъ предположена, и сверхъ того не допустить нигдѣ въ нашей дистанціи Турецкаго десанту. Что Ваше Превосходительство какъ сами выполнить имѣете, такъ равно ко исполненію, когда придетъ Г. Генераль-Поручикъ и Кавалеръ Суворовъ, поручите и Его Превосходительству.

РАПОРТЪ ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУЧИКА А. В. СУВОРОВА КЪ ГРАФУ РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ 22 АПРѢЛЯ, 1778 ГОДА.

Отъѣзжая сей день изъ Тамани въ Ениколь, честь имѣю довести Вашему Сіятельству о полученныхъ вновь извѣстіяхъ, что Турки Султановъ: Батый-Гирей, Чуку-Бешлемія и Зауръ-Бекъ-Бея приглашаютъ въ Суджакъ-Кале, для совѣщаній и склоненія въ свои интересы, посредствомъ присланныхъ въ недавнемъ времени денежныхъ подарковъ, но изъ нихъ еще ни одинъ туда не отправился. Первый изъ сихъ, продолжая со мною переписку, оказывается и понынѣ благонамѣреннымъ; но какъ оной съ Россійской и Турецкой стороны получаетъ подарки, кажется прійти можетъ у Абазинцевъ, доселѣ столь много его почиташихъ, въ недовѣрчивость. Другой съ братьями ни чего незначущій, кромѣ разбойнической шайки начальникъ. Третій, по нѣкоторымъ видамъ почитается преданнымъ Его Свѣтлости Хану. Время окажется, къ чему клониться будутъ мысли сихъ трехъ особъ, а особливо когда кто изъ нихъ

на предложеніе о прибытіи въ Суджукъ-Кале согласенъ явится. Между тѣмъ (какъ изъ рапорта Г. Подполковника Лешкевича значить) Наврусцы и Бесшинейцы, на внушенія имъ отъ реченнаго Подполковника, что приходящія нынѣ почти уже къ совершенному концу въ верхъ по Кубани укрѣпленія, не для иного чего, какъ для истиннаго соблюденія въ семъ краю спокойствія и собственной ихъ безопасности, сдѣланы, оказываютъ большое удовольствіе; равномерно по извѣстіямъ отъ стороны той, или другой поколѣньевъ, къ тамошнимъ укрѣпленіямъ подлежащіе народы имѣютъ частое съ войсками Россійскими обращеніе, и начинаютъ мало по малу производить уже торги лошадьми, скотомъ, масломъ, молокомъ и другими товарами.

Что же слѣдуетъ до Некрасовцевъ, то оныя, по свидѣнію отъ выходцевъ изъ за Кубани, расположеніе свое куренями взяли за послѣднимъ къ Черному морю, противъ выходящей отъ устья Кубани косы, мысомъ, между горами, въ лѣсу, въ сдѣланномъ ими засѣкѣ, отъ берега моря въ шагахъ двустахъ. Имѣющіяся жъ у нихъ до ста лодокъ и 4-хъ думбаса, для сохраненія отъ крейсирующей въ тѣхъ мѣстахъ флотиліи нашей судовъ, выдвинуты на сухой берегъ и имѣютъ намѣреніе, при первой способной погодѣ, уйти въ Анатолю; а хотя къ нимъ и посылаемы были для уговору о переходѣ на прежнее жительство въ Россію, съ обнадеживаніемъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, два человекъ Донскихъ Казаковъ, но, одичалые сіи въ упорности люди, ни благихъ совѣтовъ слушать не хотятъ, и ниже настоящее ихъ въ пропитаніи себя, по немнѣнію хлѣба, претерпѣваемое бѣдствіе, а отъ Абазинскихъ народовъ разореніе, ихъ къ тому склонить достаточно не можетъ; въ доказательство чему посланныхъ тѣхъ у себя и понынѣ задерживаютъ. Отъ стороны Суджакъ-Кале извѣстно, что на сихъ дняхъ прибыло туда одно небольшое судно, на которомъ привезено, при двухъ Турецкихъ Чаусахъ, четыре пушки и нѣсколько боченковъ пороху; впрочемъ, болѣе, какъ до шестидесяти человекъ гарнизону, въ немъ же состоитъ.

4 Юля, 1778 году.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,
Петръ Александровичъ!

Осмѣливаюсь Ваше Сіятельство должить: Стамбульцы на Крымскомъ берегу выгрузятся, укрѣнятся. Выгруженія умножатъ, сравняются Россійскимъ, законодательствуютъ въ землѣ. Моихъ оказательствъ, внушеній, угрозъ, съ протѣстами правительства, не внимутъ, но, найдружественно втѣсняясь, виѣдрятся внутрь земли. Какому жъ бы я тогда соотвѣтстію подвергся! Вооруженная рука то зло одна превозможетъ, но средства нѣтъ. Ханъ готовъ Бесилеями начать. Суворовъ агрессоръ? Завременно повелите, Милостивый Государь, Вамъ найпреданнѣйшему. Есть то теперь одно воображеніе, могущее сбыться. Безденежному Селахиру въ Суджакѣ смѣются, Батырь съ Чуку ни чего не значать, Гассанъ охотно не озвется, Джаниклемъ съ сыномъ подъ нимъ быть невыгодно. Военныхъ судовъ подъ Очаковъ и Суджакъ еще не прибываетъ. Поелику управляюсь въ прочихъ укрѣпленіяхъ, могу заложить, если какихъ препятствій не будетъ, что ни будь близъ Ахтіара; тутъ первый пунктъ выгруженія, второй Козловской, третій подъ Кефой Алушта для срывки. Бздилъ я нынѣ довольно. Симптомовъ къ внутреннимъ безпокойствамъ непримѣтно; Надлежитъ бдѣть всегда!

А. Суворовъ.

Государыня Императрица къ Графу П. А. Румянцеву-
Задунайскому.

Графъ Петръ Александровичъ! Во успокоеніе Ханскихъ нареканій за убытки, ему причиненные безпошланнымъ ввозомъ разныхъ Россійскихъ товаровъ, паче же въ знакъ Нашего къ нему благоволенія и удовольствія о непоколебимомъ его добродѣтели къ интересамъ Нашимъ и къ сохраненію сооруженнаго Нами вольнаго и независимаго бытія Татарскихъ народовъ, доставьте ему собственно пятьдесятъ тысячъ рублей, да другіе пятьдесятъ

тысячь употребите для сдѣланія пристойныхъ подарковъ братьямъ его и прочимъ Бейамъ, Мурзамъ и Чиповникамъ, въ Ордахъ тамошнихъ и у Хана почтеніе и въ дѣлахъ повѣренность имѣющимъ, дабы, съ одной стороны, изъять изъ нихъ, по возможности, всякое противу Насъ негодование, а съ другой приуготовить ихъ къ выполнению всего того, что, по нынѣшнему дѣлоположенію, Вамъ извѣстному, Намъ нужнымъ быть можетъ къ надежнѣйшему миролюбивому прекращенію распрей Нашихъ съ Турками. Деньги сіи, взять изъ наличныхъ и въ вѣдомствѣ Малороссійской Коллегіи состоящихъ. Впрочемъ, по случаю вѣзда Хана Крымскаго въ Кефу на зимнее пребываніе, весьма прилично будетъ, если Вы, доставя Резиденту Константинову всю его Резидентскую Экспедицію и подарки, для Хана назначенные, предпишете ему взять у сего владѣтеля формальную аудіенцію, предъявленіемъ кредитива нашего ввести себя въ публичное отправленіе характера, на него возложеннаго и при пристойной комплиментѣ вручить Хану подарки, отъ лица Нашего ему посланные. Пребываемъ, впрочемъ, съ непремѣннымъ благоволеніемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ.

20 Января, 1779 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Вашего Сіятельства дозволеніемъ пользовался я въ Полтавѣ свыше недѣли, и оставя тамъ мое въ разстройкѣ и почти кончателной смертельности, поспѣшилъ чрезъ Астрахань, Кизляръ, Моздокъ, Астраханскую уже выстроенную и оселенную линію и по Кубани, (гдѣ тако жъ по укрѣпленіямъ внутреннее выстроено все) отъ Павловской крѣпости чрезъ комункаціонныя на степь къ Азову и Шанды-Бердинскую линію возвратился. На Кубани, Сіятельнѣйшій Графъ, точно тихо. Касайской Арсланъ-Гирей вывелъ паки

нѣсколько Россійскихъ захваченныхъ. Я съ нимъ видѣлся въ Ставропольской крѣпости. Сихъ Султановъ стараюсь я всемѣрно содержать въ содружествѣ словомъ и посредственною мздою; одинъ изъ нихъ, разбойничающая Долакъ, не вовсе есть покоренъ: чуть недавно на дракѣ не потерялъ головы и думаю, что утихнетъ; все то зависитъ отъ неоспалости Кубанскаго Россійскаго начальника.

Упорнѣйшіе Атукайцы нынѣ чрезъ депутатовъ акордуютъ; въ нихъ можно замкнуть и Бузадиковъ. На Абазинцовъ жаловаться не можно. По сему всѣ Закубанскія племена укрѣплены тамо на покорной ногѣ, исключая, можетъ быть, нѣкихъ малосильныхъ въ нихъ разбойниковъ, подобныхъ Киргизскимъ, отъ коихъ мудрому тамо военачальнику предосторожность легка. Сіятеднѣйшій Графъ! Потребенъ намъ и здѣсь Генералитетъ; респективные Бригадиры при полкахъ иногда ни съ мѣста, я всегда раздвоятся не могу. Нагайскія и Крымскія поколѣнія силою укрѣпленіевъ въ уздѣ. Свѣтлѣйшій Ханъ, сколько ни гнѣвенъ и непостояненъ, болѣе жалокъ, по бѣдности его.

Вашему Сіятельству осмѣлюсь о себѣ прибавить, что ежели обстоятелства службы позволяютъ, могъ бы я краткое время, около Святой Недѣли, побывать въ Полтавѣ, и съ какимъ не столь обширнымъ объѣздомъ, ежели бъ въ томъ усмотрѣлъ нужду, возвратиться. Коли же возможно будетъ, испрашивая предварительно на то нижайшаго Вашего Сіятельства дозволенія, пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Сіятеднѣйшій Графъ,
Милостивый Государь,
Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
А Суворовъ.

Отъ 23 Февраля, 1779 года.

Государыня Императрица къ Графу П. А. Румянцеву-
Задунайскому.

Графъ Петръ Александровичъ! По сдѣланному Вамъ отъ Хана Крымскаго отзыву о выпускѣ безошлинномъ пятнадцати тысячъ овецъ изъ Малой Россіи и другихъ ближайшихъ къ границѣ мѣстъ, Я не нахожу въ томъ никакова препятствія, тѣмъ болѣе, что такое количество, конечно, не вдругъ, но развѣ въ нѣсколько времени, искуплено быть можетъ, что предоставляю на Ваше распоряженіе. Пребываю Вамъ навсегда доброжелательная

Екатерина.

Въ Сарскомъ Селѣ.
Сентября 22 дня, 1777 года.

Божіею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и
Самодержица Всероссійская, и проч. и проч.

Нашему Генераль-Фельдмаршалу, Графу Румянцеву-
Задунайскому.

Доставляемыя Намъ отъ васъ, при собственныхъ донесеніяхъ вашихъ, разныя и подробныя бумаги по Крымскимъ дѣламъ, равно какъ и послѣднія экспедиціи ваши № 2, 3 и 4, читали Мы со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, котораго они требуютъ. Мы предусматриваемъ изъ оныхъ, что, при всѣхъ вашихъ ревностныхъ и прозорливыхъ стараніяхъ, остатокъ зимняго времени едва ли можетъ быть доволенъ къ приведенію Татаръ въ тишину и повиновеніе законному Хану, слѣдовательно, и къ возстановленію опять Нашей поверхности на всемъ Полуостровѣ. Войска же подъ командою Генерала-Поручика Князя Прозоровскаго, при дальнемъ употребленіи разсыпкою ихъ на части и мелкими въ даль отрядами, болѣе и до самой крайности изнурены и ослаблены будутъ; да и тѣмъ меньше изъ того пользы ожидать должно, когда опытъ доказалъ на дѣлѣ, что мятежники сколькократно ни бы-

ли по разнымъ мѣстамъ биты, поражаемы и разгоняемы, упорство ихъ, однако жъ, превозмогало надъ всѣми армія успѣхами.

Къ сему Нашему предусмотрѣнію присовокупляеть нынѣ вѣщную заботу прибытіе въ Крымъ сперва двухъ Турецкихъ брагантинъ, и потомъ еще трехъ судовъ, кои по сію пору могли уже и другими послѣдованы быть, по извѣщеніямъ Посланника Стахѣва чрезъ Вѣну, прежде полученнымъ, и новѣйшимъ къ Князю Прозоровскому, отъ васъ къ намъ доставленнымъ. Сіи Турецкія суда нельзя по справедливости считать инако, какъ началомъ и преддверіемъ того десанта, который будущю весною вдругъ, или по частямъ, отъ Порты на Крымской полуостровъ готовится, въ подкрѣпленіе бунтующихъ Татаръ и зредовителя ихъ, Селимъ-Гирея. Правда, Мы имѣемъ отъ надежной руки увѣреніе, что Порта приняла твердое намѣреніе не начинать съ своей стороны непріятельскаго дѣйствія; но кто можетъ ручаться, чтобъ она, имѣя свои войска въ смѣшеніи съ Татарами, не почла нашего на сѣхъ послѣднихъ наступленія непосредственною на себя апрессією, или же, по крайней мѣрѣ, не стала открыто дѣйствовать въ пользу Селимъ-Гирея, въ качествѣ помочной ему стороны, какъ Мы то чинимъ въ разсужденіи Шагинъ-Гирея?

Для избѣжанія, съ одной стороны, сего важнаго неудобства, а съ другой, чтобъ выиграть время на удобнѣйшее снабдѣніе корпуса Князя Прозоровскаго всѣми, къ сохраненію его нужныими, потребностями, слѣдовательно же, и на приведеніе его тѣмъ самимъ въ силу, къ полезному впредь употребленію, если бы опять воспламенилась съ Портою война, разсуждаемъ Мы за полезно остановить теперь всякія надъ Татарами поиски, покоявку вы не повстрѣчаете тутъ вопреки убѣдительныхъ резоновъ, кои происходятъ могутъ отъ исполненія Княземъ Прозоровскимъ послѣдняго ему отъ васъ даннаго приказа: «атаковать Селимъ-Гирея, и употребить всѣ его силы и старанія къ приведенію всѣхъ неблагодарныхъ и зломыслящихъ намъ, особливо же обитающихъ въ городахъ Татаръ, въ нищету и такое состояніе, чтобъ они, не помышляя долѣе на непріязнь къ намъ, съ нуждою отыскивали для себя пропитаніе, а Турки, тѣмъ самимъ, потеряли не только удобность, но и охоту на общее къ нимъ противъ насъ дѣло.»

Желательно весьма, чтобъ ваши предписанія, бывъ по сію

пору исполнены, послужили теперь сугубо къ облегченію Нашего воинства отъ многихъ, понесенныхъ имъ трудовъ и нуждъ; но какъ въ семъ исполненіи могли послѣдовать разныя степени, а каждая изъ оныхъ можетъ, по существу своему, требовать особеннаго положенія, то и хотимъ Мы объявить вамъ здѣсь разсужденія Наши порознь на каждую изъ оныхъ:

1. Если Князь Прозоровскій, атаковавши Селимъ-Гирея и его кучи, предупѣлъ ихъ столько однимъ пораженіемъ побѣдить, чтобъ къ возстановленію на всемъ Крымскомъ полуостровѣ тишины и власти Шагинъ-Гирея-Хана представлялась суцая, а по крайней мѣрѣ резонабильная, удобность, въ такомъ случаѣ надобно, безъ сомнѣнія, пользоваться плодами побѣды своей, на совершенное достиженіе и таковое же обезпеченіе сего важнаго предмета; а напротивъ того

2. При одержаніи надъ Татарами дневной только выгоды, слѣдовательно же, и при настояннн далѣе нужды, вести съ ними непрерывную войну, къ вѣдшему ослабленію и безъ того уже не мало изнуренныхъ войскъ, признали Мы за лучшее велѣть Князю Прозоровскому, чтобъ онъ собралъ всѣ части и отряды корпуса своего и взялъ съ онымъ предъ Орскою линіею такую военную позицію, которая бы равно удобна была ихъ къ надежному противъ непріятеля отпору и къ закрытію обѣихъ нашихъ крѣпостей, Керчи и Еникале, а чрезъ нихъ и къ сохраненію свободнаго съ Кубанью сообщенія. Сія позиція, кромѣ доставленія людямъ и лошадямъ покоя и отдохновенія въ кантоириъ-квартирахъ, преподаетъ еще намъ предъ Турками и самими Татарами говорить, что Россія, въ поспѣшествованіе производимой въ Константинополѣ негоціаціи, добровольно возвратилась въ положеніе равенства, первою нашею деклараціею Портѣ ознаменованное, и что въ ономъ, безъ всякаго кровопролитія, будемъ мы ожидать собственнаго ея конечнаго рѣшенія на миръ, или войну.

3. Не меньше полезнымъ представляется благовременное занятіе предъ Перскою кантоириъ-квартирь, и на такой случай когда бѣ прибывшіе и вновь чрезъ зиму прибывающіе Турки, стали мѣшаться съ Татарами; ибо тогда на обѣ стороны не было бѣ повода къ взаимной задиркѣ, а между тѣмъ войска наши, стоя въ соединеніи и владычествуя безъпрепятственно и безопа-

сно частію Крыма, могли бы, при выгодѣ внутренняго ихъ цо-правленія, составлять еще и надежную цѣль для закрытія съ той стороны собственныхъ Нашихъ границъ; а ежели бѣ между тѣмъ случилось уже Князю Прозоровскому, при послѣднемъ своемъ наступленіи на Селимъ-Гирея, возымѣть непосредственное дѣло съ присоединившимся къ нему Турками, то не возобновленіе драки могло бѣ сіе первое происшествіе извинять невѣдѣніемъ Нашихъ войскъ, и сохранить взаимныя дѣла въ лучшемъ, по возможности, состояніи.

Мы открываемъ вамъ сіи Наши мысли и главную ихъ цѣль, относящуюся къ сбереженію Крыскаго Корпуса по толикихъ его трудахъ, для того, чтобъ вы тамъ, гдѣ сами собою рѣшиться усумнитесь, могли по онымъ учредить дальнѣйшія ваши мѣры и распоряженія, объема тѣми и Кубанской край по обѣимъ частямъ, военной и политической.

Относительно первой желаемъ Мы, чтобы и Кубанской корпусъ на остальное время зпмы могъ, по способности мѣсть в квартиру, поставленъ быть для равнаго съ Крымскимъ отдохновенія въ веснѣ.

Съ другой стороны, сооруженіе на Кубани, независимо отъ Крымцевъ, благонамѣреннаго общества подъ властію Шагинъ-Гирея-Хана, становится, по мнѣнію Нашему, вѣщше и вѣщше нужнымъ, дабы тамъ лице вольной Татарской Области было, если бѣ, при настояннн войны, Крымъ совсѣмъ потерянь былъ, а по крайней мѣрѣ не имѣть отъ Нагайскихъ Ордь вредной диверсіи.

Хотя, впрочемъ, толь великая часть Крыма, взволновавшаяся противъ настоящаго своего Хана, Шагинъ-Гирея, до того въ бунтѣ своемъ упорствуетъ, что вовсе не хочетъ повиноваться ни ему, ни находящемуся при немъ правительству, однако жъ тѣмъ не меньше польза дѣль и службы Нашей требуютъ вести его, съ Нашей стороны, на ногѣ владѣтельнаго и законнаго Хана, по послѣдней мѣрѣ, до самой крайности. По чему и нужно, съ одной стороны избрать для пребыванія его такое мѣсто, гдѣ бы онъ, съ послѣдователями отъ войскъ Нашихъ, достаточно прикрываемъ и ограждаемъ былъ, а съ другой, употреблять имя и указы его и дивана его вездѣ, гдѣ только случай будетъ, какъ, на примѣръ, и

при самомъ занятіи для войскъ Нашихъ кантонирь-квартирь; ибо предлогъ оныхъ можетъ отъ Насъ у Порты правомъ поставляемъ быть.

При такомъ отступленіи къ Перекопи и занятіи предъ оною квартирью, предохраняя жительствующихъ въ семъ Полуостровѣ Христіанъ отъ угнетеній и свирѣпства, которыя они, по вѣрѣ своей и преданности къ Намъ, отъ мятежниковъ и самихъ Турковъ неминуемо потерпѣть могутъ, надлежитъ и имъ дать, подъ защитою войскъ Нашихъ, безопасное. убѣжище. Не меньше признаемъ Мы за нужное, чтобъ въ пособіе пропитанію и облегченію новыхъ подвозовъ онаго изъ границъ нашихъ, предписали вы забрать изъ внутренности Крыма провіантъ и фуражъ, употребя въ помощь, къ доставленію онаго, повозки тѣхъ самихъ Христіанъ, кои, какъ выше сказано, подъ обороною Нашею возмутъ для себя пристанище.

До полученія отъ Посланника Стахѣева подробныхъ свѣдѣній о успѣхѣ Нашего ультимата, имѣть возможности преподать вамъ отсюда къ руководству черты больше точной, а за тѣмъ пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосконны.

Данъ въ Санктпетербургѣ. Февраля 11 дня, 1778 года.

На подлинномъ:

Екатерина.

Божіею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Фельдмаршалу, Графу Румянцеву-Задунайскому.

По полученіи здѣсь, при Нашемъ Дворѣ, вашихъ послѣднихъ отправленій, отъ 30-го числа прошедшаго Марта и отъ 4-го нынѣ текущаго Апрѣля, Мы, съ обыкновеннымъ Нашимъ Монаршимъ въ дѣлахъ вниманіемъ, читали и разсматривали, какъ ваши собственные, тутъ къ Намъ присланныя, релации, съ поднесеннымъ

при нихъ Визирскимъ отвѣтнымъ къ вамъ письмомъ и съ вашимъ на оное вновь отвѣтомъ же, такъ и всѣ, препровожденныя отъ васъ, донесенія изъ Царяграда отъ Нашего Посланника Стахѣва, и, сообразя съ равною точностію оныя со всѣмъ тѣмъ, что, по настоящимъ Нашимъ, столь великимъ и заботливымъ, дѣламъ, отъ самаго заключенія мира по сей часъ, со стороны Турецкой происходило и взаимно было другъ другу предъявляемо, наконецъ рѣшились Мы учинить еще одинъ, и самый послѣдній, предъ Портою поступокъ, котораго все расположеніе и съ рѣшительною Нашею по оному резолюцію, здѣсь, въ особенной бумагѣ, включаемъ, Всемилостивѣйше вамъ повелѣвая, по силѣ содержанія и рѣшительнаго предписанія сего Нашего послѣдняго положенія, отозваться вновь отъ вашего собственного лица письмомъ къ Верховному Визиру съ начертаніями и израженіями, соотвѣтствующими во всемъ оному положенію, и при доставленіи, чрезъ Посланника Стахѣва, Оттоманской Портѣ того письма, предписать, равно вамъ и отъ себя и Наше Высочайшее еще повелѣніе, дабы онъ по тому же Нашему положенію, уже не отлагая ничего, свое мѣсто оставилъ, если Порта отречется и тутъ отъ исполненія Нашего послѣдняго отъ нея требованія, въ слѣдствіе даннаго еще отъ Насъ Высочайшаго повелѣнія имяннымъ Нашимъ рескриптомъ, отъ 11-го числа прошедшаго Ноября. Впрочемъ, пребываемъ Мы вамъ Императорскою нашею милостию благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ Апрѣля 22-го дня, 1778 года.

На подлинномъ:

Екатерина.

Меморіалъ Оттоманской Портѣ отъ Россіи.

Послѣдовавшее заключеніе мира, поведение со стороны Турецкой, обнажали, при всякомъ случаѣ, вѣроломное ея намѣреніе искать надрыва тому миру. Вскорѣ послѣ самой разрывны трактата, когда уже съ Нашей стороны, съ надлежащею исправностію и поснѣшеніемъ, исполнены были артикулы онаго испраздненіемъ завоеванныхъ земель, извѣстно, колікія медленности и затрудненія отъ нихъ оказались въ выполненіи таковыхъ же арти-

куловъ, а въ перепискѣ Министерства ихъ тогдашняго съ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, до самаго одержанія Султанской ратификаціи, Порты Оттоманская уклонялась внушенія, во вредъ мирному договору, требуя, или, по крайней мѣрѣ, предоставляя многое въ опомъ на поправленіе въ свою пользу.

По полученіи ратификаціи Порты Оттоманская уклонялась всячески отъ удовлетворенія своимъ обязательствамъ выводомъ войскъ ея изъ Тамана города, по точной силѣ трактата, Татарамъ принадлежащаго; подала руку Девлетъ-Гирею на похищеніе Ханства; тщилася удержать въ земляхъ Татарскихъ бывшихъ Турковъ, умножая число ихъ подсылаемыми подъ видомъ прежнихъ обитателей и торгующихъ, и не только что приняла за благо всѣ вредныя поступки помянутаго Девлетъ-Гирея въ явное нарушеніе мира, какъ то: погубленіемъ многихъ невинныхъ, принужденіемъ Татаръ отречься отъ вольности и независимости, особеннымъ съ Россією и взаимнымъ между сею послѣднею и Портою заключенными договорами утвержденныхъ; присвоеніемъ обѣихъ Кабардъ, Имперія нашей принадлежащихъ, и прочее тому подобное. Но в явное свое согласіе на подорваніе мира оказала учиненными, какъ чрезъ бывшаго въ Москвѣ Посла ея, представленіями, такъ и рекредитивными грамотами, съ Генераломъ Княземъ Репнинымъ присланными, домогаясь возвращенія отъ Россіи двумя трактатами уступленныхъ крѣпостей и отступленія отъ многихъ ея выгодъ, симъ миромъ приобрѣтенныхъ, а при всемъ томъ оставила платежъ денегъ, по тому же трактату надлежащихъ, и наконецъ возбраняла, вопреки же оному, проходъ торговыхъ судовъ изъ Бѣлаго моря въ Черное.

Примѣченное симъ образомъ съ самаго заключенія мира Турецкое коварство поставляло Насъ въ необходимость, для охраненія пользы нашихъ дѣлъ, имѣть всемѣрное бдѣніе и осторожность такъ, что съ возстановленіемъ внутренняго, а по трактату съ Портою и вѣшняго, спокойствія, сдѣланныя къ отдохновенію войскъ нашихъ распоряженія, мѣста не имѣли, и Мы принуждены были удержать ихъ при границахъ своихъ, неся и въ мирное время всѣ военныя издержки, имѣвъ къ тому побужденіемъ дерзость согласниковъ Девлетъ-Гиревыхъ, до того распростра-

пенную, что они прикоснутся войскамъ нашимъ въ предѣлахъ степей Кубанскихъ. Между тѣмъ не упустили, однако жъ, Мы стараться о миролюбивомъ приведеніи дѣлъ въ таковой порядокъ, въ какомъ по договору имъ быть надлежало.

Когда все дружественнымъ и найумѣреннѣйшимъ образомъ съ нашей стороны učinенныя настоянія и домогательства у Порты не подѣйствовали, и когда порабощеніе похитителя Девлетъ-Гирея предзнаменовало непріятныя изъ того послѣдствія, Мы, въ твердомъ намѣреніи соблюсти заключенный миръ, принуждены были рѣшиться, въ сохраненіе равенства съ Портою, занять Перекопъ, открывъ оной при томъ путь къ негоціаціи съ Нами, и предваривъ ее о всемъ томъ Деклараціею, въ коей твердили Мы, что за непремѣнное основаніе всемъ симъ переговорамъ полагается мирный трактатъ, въ Кайнарджѣ заключенный. Снисхожденіе Наше мы тотчасъ ей оказали тѣмъ, что, вмѣсто трактованія съ Генераломъ-Фельдмаршаломъ, Графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, яко верховно отъ Насъ, по симъ дѣламъ уполномоченнымъ, сложили Мы оное, для лучшей Порты удобности, по желанію ея, на Министра Нашего, въ столицѣ тамошней пребывающаго.

Событія, по занятіи Перекопи происшедшія, оправдали, что Татара къ опроверженію независимости и игу Турецкому приведены были коварствомъ Девлетъ Гирея; ибо, увидѣвъ довольную для себя зищиту, приступили къ возстановленію своей свободы, и появившагося въ земляхъ ихъ Шагинъ Гирея, не только Кубанскіе народы, но и Крымцы, признали добровольно своимъ Ханомъ, выславъ Девлетъ-Гирея.

Между тѣмъ негоціація въ Цареградѣ производима была безъ успѣха; ибо Турки ни въ одномъ случаѣ на дѣлѣ не доказали искренняго своего къ соблюденію мира желанія, но повторяя токмо оное на словахъ, равными сплетеніями дѣло сіе затрудняли, и напослѣдокъ въ Іюль изшедшаго года вручили Министру Нашему Меморіаль, въ которомъ, приписывая, самимъ неприведеннымъ образомъ, на сторону Нашу разныя недѣльныя клеветы, требовали вывести войска Наши изъ Крыма и оставить волю Татарамъ выбрать новаго Хана, хотя бы то былъ Шагинъ-Гирей, или кто другой, обѣщаясь тому не прекословить и предъявляя, что

и они, въ соблюденіе равенства, пошлютъ туда свои военныя силы.

Въ ожиданіи Нашего отвѣта на сей Меморіалъ, вмѣсто, чтобъ чистосердечными и знаменующими доброе согласіе поступками облегчать путь къ достиженію вождѣльнаго спокойствія, сія Держава новыя подыски оказала къ подрыву мира, давъ торжественныя увѣренія, какъ въ трактатѣ о цѣлостномъ и неприкосновенномъ сохраненіи привилегій и свободъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи, такъ въ перепискѣ Визиря съ Фельдмаршаломъ и въ Суданскомъ дипломѣ Князьямъ тѣхъ народовъ, что сіи владѣтели пребудутъ не только безопасны, но безъ суда и обличенія въ преступленіяхъ, не коснется ихъ ни лишеніе мѣстъ, ниже другое наказаніе, нечаянно и самымъ мучительнымъ образомъ лишила жизни Господаря Молдавскаго, Григорія Гику, безъ суда и обличенія, а уже по варварскомъ умерщвленіи сего владѣтеля, когда, со стороны нашей, Министерству ихъ о томъ примѣчено было, какъ о доступкѣ, означающемъ недостатокъ доброй вѣры и несохраненія обязательствъ, въ оправданіе предложено было, будто бы сей Господарь искалъ поссорить обѣ Имперіи и открыть въ измѣнѣ по письмамъ, найденнымъ не прежде, какъ по его умерщвленіи, хотя Дворъ Нашъ, да и всѣ безпристрастные, довольно ясно видѣли непоколебимую Портѣ вѣрность и прямое къ службѣ ея доброхотство; сверхъ того въ вину поставлено ему извлеченіе изъ народа большихъ денежныхъ сумъ, о чемъ также жалобы не произошли, какъ послѣ казни несчастнаго, предварительно суду и обвиненію исполненной. Да и поведеніе Порты въ разсужденіи сихъ Княжествъ, коихъ благоденствіе и сохраненіе привилегій, трактатомъ предобережено и на заступленіе Россіи сложено, служить новымъ доказательствомъ Турецкой неустойки; взирая на крайнія удрученія онымъ со стороны Порты въ многочисленныхъ хлѣбныхъ и прочихъ поборкахъ, по всѣмъ прежнимъ, оттуда дошедшимъ, и особливо по новѣйшимъ увѣдомленіямъ, причиняется.

Съ другой стороны, среди самихъ, по наружному виду, мирныхъ переговоровъ, когда Шагинъ-Гирей-Ханъ отправилъ къ Султану, яко Калифомъ Мусульмановъ почитаемому Гоеударю, своихъ посланниковъ съ Мазгарами, извѣщающими его на Хан-

ство избраніе, Порты не только, вопреки мирному договору, утвердившему вольность и независимость Татарской націи гражданскую и политическую, сихъ, публичною довѣренностію снабженныхъ, особъ, не приняла пристойнымъ образомъ и не удостоила ихъ надлежащею аудіенціею, но, противу общенародныхъ правъ, удержала ихъ подъ стражею въ притѣсненіи и наконецъ сослала въ заточеніе, извиняя себя въ томъ необходимостью, или возвратитъ ихъ Татарамъ, за наводимыя клеветы на нихъ вины; отступая въ семъ послѣднемъ вновь отъ силы трактата, коимъ, отрекшись она отъ всякія надъ сими народами власти, не имѣетъ сходственно права судить и казнить никого изъ нихъ. А предъ тѣмъ, за нѣсколько времени, сія Держава проискавши своими завела въ Крымскомъ полуостровѣ неспокойство возмущеніемъ знатной части Татаръ противъ законнаго ихъ Государя, подославъ, въ подтѣкрѣпленіе ихъ, не только бывшаго Хана-Селимъ-Гирея и другихъ Султановъ, но наконецъ и эскадру военныхъ судовъ, и участіе свое въ семъ бунтѣ явно оказала, даннымъ отъ себя въ-рочтіемъ всѣмъ нескладнымъ лжамъ, сплетеннымъ злонамѣренными противъ Шагинъ-Гирея-Хана, будто бы онъ искалъ юношество тамошнее, набравъ насильно, преобразить въ одежду и оружіе Россійское и предать въ Наши руки, взявъ къ сей клеветѣ за поводъ, что сей, о добрѣ отечества своего пекущейся, владѣтель, находя, для обороны края своего и для сохраненія въ немъ внутренняго порядка, нужнымъ имѣть часть войска непремѣннаго, вмѣсто бывшихъ Турецкихъ сейменовъ, набралъ нѣсколько изъ національных на жалованье и содержаніе приличныя. Мы, однако жъ, и при сихъ непріятныхъ явленіяхъ подозрѣнія къ Туркамъ, отъ дня въ день возрастающаго, не упуская ни чего, что только можетъ служить къ возстановленію тишины, рѣшились ультиматомъ Портѣ предъявленнымъ, изъявить крайнюю черту Нашею снисхожденія.

Всевышній, благословившій доселѣ всѣ благія Наши намѣренія и разсыпавшій всѣ противъ Насъ вредныя умыслы, разрушилъ и сей, Турецкимъ ковомъ воздвигнутый, бунтъ, обратя Татаръ въ толквій страхъ и смятеніе, что они отъ лица войскъ Нашихъ всемѣстно бѣгали, терпя крайнее утѣсненіе, познали тщету надежды своей на подосланныхъ отъ Порты, и покорились законному сво-

ему Государю такъ, что сіе возмущеніе обратилось въ крайнее истощеніе самихъ злоумышленниковъ, войскамъ же Нашимъ не приключило вреда, кромѣ весьма малой потери въ людяхъ и не великаго безпокойства; ибо Мы, въ предыдущихъ донесеніяхъ Нашего Генераль-Фельдмаршала, имѣемъ уже пріятныя извѣстія, что сія войска пользуются нынѣ отдохновеніемъ и все къ снабдѣнію и подкрѣпленію ихъ нужное, благоразумнымъ и радѣтельнымъ его и прочихъ нашихъ начальниковъ распоряженіемъ и попеченіемъ, исправно и успѣшно доставляется.

Что Турецкіе Офицеры, на судахъ ихъ начальствующіе, съ перемѣною въ Крыму обстоятельствъ и истребленіемъ первой надежды ихъ, перемѣнили языкъ, о томъ извѣстно изъ многихъ прежде полученныхъ донесеній. Сличая оныя съ доходящими изъ Царьграда, легко вообразить можно, что отговорки тѣхъ Офицеровъ отплыть изъ Крыма, въ ожиданіи Указа Порты, были всегда ложныя и коварныя, когда теперь уже и ясно открывается, что сіи суда суть не что иное, какъ подкрѣпленіе возмутителей, нынѣ усмиренныхъ, и преддверіе десанта, отъ Турковъ послать вознамѣреннаго.

Не прежде, какъ по заведеніи въ Крыму бунта, Порты начала вызываться о своей личной ненависти къ Шагинъ-Гирею-Хану, да и на объявленіе его противникомъ Закону Магометанскому поступила въ самое то время, когда успѣхи возмутительные мечтались ей быть сходными ея желаніямъ; но, проходя со вниманіемъ все прежнее ея поведеніе, когда еще ни о Ханствѣ Шагинъ-Гирея, ниже о его особѣ не было дѣла, встрѣтятся со стороны ея всемѣрныя затрудненія въ мирной развязкѣ, а изъ сего и можно заключить, что не персональное къ сему Государю отвращеніе есть главнымъ поводомъ къ отдаленію его отъ сего достоинства, но исканіе разрушить самую независимость Татарскихъ народовъ (артикулъ для Турковъ самый несноснѣйшій), а по времени и успѣхамъ, лишить насъ и прочихъ выгодъ, послѣднимъ миромъ пріобрѣтенныхъ, составляетъ главнѣйшую цѣль всѣхъ замашекъ Турецкихъ.

Послѣднія депеши Посланника Стахѣва и отвѣтъ Визиря къ Генералу-Фельдмаршалу, ясно уже открываютъ злонамѣренныя Порты замыслы, но тутъ же и что она уклоняется отъ непосред-

ственного съ нами разрыва, дая причину своимъ вооруженіямъ, помощь принадлежащую, будто по Закону, единовѣрнымъ съ нею Татарамъ, кои, по возвращеніи въ повиновеніе своему владѣтелю, ни малой нужды въ томъ не виѣютъ, и оборону своихъ собственныхъ предѣловъ, а въ самомъ дѣлѣ стараясь выиграть время, нужное для приготовления во всевозможной силѣ и, можетъ быть, еще въ чаяніи, что въ настоящемъ замѣшательствѣ дѣлъ Германскихъ заняты мы будемъ участіемъ, въ нихъ восприемлемымъ, чѣмъ и откроемъ имъ удобнѣйшіе способы предупѣть предъ Нами въ ихъ пользу, и хотя, не прерывая негоціаціи, повторяютъ прежніи свои предложенія, но упадокъ миролюбивой партіи и усиленіе противной отъемлетъ уже всю надежду къ желаемому полюбовному окончанію.

Медленіе съ Нашей стороны въ рѣшительной сего дѣла развязкѣ не можетъ быть виѣстно ни съ достоинствомъ Нашимъ, ни съ пользою дѣлъ нашихъ. Мы продолжаемъ нести убытки какъ бы посреди самой войны, не имѣя выгодъ оной; храбрыя Наши войска бесполезно изнуряются, а снисхожденіе, которое Мы до сихъ поръ изъ жалости къ человѣческому роду такъ далеко простирали, не послуживъ къ убѣжденію Турецкой стороны на равное, не можетъ и при семъ случаѣ произвести добрыхъ слѣдствій. Кромѣ святости Монаршаго слова, толикократно изреченнаго относительно особы Хана Шагинъ-Гирея, извѣстная его къ Намъ преданность и образъ мыслей, были бы надежными поруками въ прочномъ продолженіи независимости Татарской, толико насъ интересующей. Отступивъ же отъ настоящаго на признаніе его и волю давъ легкомысленнымъ народамъ избрать новаго Хана, не будетъ ли выборъ сей учиненъ ухищреніями Порты на такового челоуѣка, который, по примѣру Девлетъ-Гирея, работаетъ себя всѣмъ ея умысламъ на испроверженіе трактата? Сіе тѣмъ меньшему подвержено сумнѣнію, коль вѣстимо непостоянство всѣхъ почти Султановъ Гиреева рода и ихъ удобопреклонность къ Туркамъ. Да и можно ли ручаться, чтобъ Турки, получа сей опытъ Нашей податливости, мѣру уже превосходящій, не воспользовались оною, произведя въ переговорахъ и къ прочимъ невыгоднымъ артикуламъ новыя затрудненія?

Испытано уже, что Порта упорство свое въ восстановле-

ннѣ силы и дѣйствіяхъ трактата и умыслы свои на испроверженіе его простирала по мѣрѣ Нашего снисхожденія и податливости на свои требованія. Непримиримая ихъ злоба получить тутъ ободреніе новое дѣйствовать во вредъ Нашъ, и привыкши не хранить обязательствъ, устремится по степенямъ на совершенное истребленіе Татарской вольности, на присвоеніе крѣпостей, Намъ уступленныхъ, на стѣсненіе Нашего въ тамошнихъ моряхъ плаванія и на совершенное уничтоженіе Черноморской нашей торговли, которая, при достиженіи успѣха въ первыхъ двухъ пунктахъ, и сама по себѣ исчезнетъ, а сіе и будетъ плодомъ снисхожденія послѣ толь знаменитыхъ побѣдъ и славнаго мира?

Въ таковыхъ обстоятельствахъ къ конечному разрѣшенію неизвѣстности представляется Намъ средство самое удобнѣйшее, предписать Генераль-Фельдмаршалу, Графу Румянцеву-Задунайскому, чтобъ онъ, по поводу послѣдняго къ нему Визирскаго письма, сдѣлалъ ему отзывъ съ новымъ начертаніемъ всѣхъ со стороны Турецкой, вопреки трактату и доброй вѣры, дѣйствій, что крайняя мѣра Нашей податливости выражена въ ультиматѣ, предъявленномъ чрезъ Посланника Стахѣва Министерству ихъ, далѣе которой мы уже поступить не можемъ, и что если съ ихъ стороны признаніе Шагинъ-Гирей-Хана, посылкою ему, по новымъ Мазгарамъ, Калифскаго благословенія и независимости Татарской, новою деклараціею учинено будетъ, то войска наши тотчасъ Крымъ оставятъ и Министръ Нашъ вступитъ въ соглашеніе о выполнении прочихъ мирныхъ артикуловъ. Отвѣта его будетъ поминутый Фельдмаршалъ ожидать, яко крайне рѣшительнаго, и отверженіе сихъ миролюбивыхъ предложеній примется за самое объявленіе отъ Порты намъ войны, которой мы тѣмъ менѣе боимся, коль на своей сторонѣ имѣемъ правость въ глазахъ всего безпристрастнаго свѣта, и, по истощеніи тщетно способовъ снисходительныхъ, чувствуемъ совѣсть нашу чистою въ разсужденіи возжигаемаго огня военного и слѣдующаго изъ того пролитія крови человѣческой.

Сей отзывъ Фельдмаршалъ можетъ препоручить Посланнику Стахѣву, если онъ тамъ еще находится, а по отвѣту Турецкому и долженъ оный Посланникъ расположить свое тамъ пребываніе,

не медля, въ случаѣ отрицанія, тотчасъ подать меморіалъ о своемъ выѣздѣ.

Ежели есть еще въ Портѣ хотя пскра миролюбивыя склонности, то сей твердый отзывъ подѣйствуетъ болѣе, нежели всякая податливость, ихъ гордость воздымающая, а иначе предоставятся Намъ военныя и другія мѣры къ достиженію желаній Нашихъ, къ славѣ, пользѣ и благоденствію Имперіи нашей клонящихся.

На подлинномъ, прошнурованномъ и припечатанномъ печатью Кабинета, подписано:

Екатерина.

Божіею Милостью Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Фельдмаршалу, Малороссійскому и Слободскому-Украинскому Генералъ-Губернатору, Графу Румянцеву-Задунайскому.

Въ приложеніяхъ при донесеніяхъ вашихъ отъ 13-го Мая Мы видѣли, что вы увѣдомлены уже отъ Нашего Генерала, Новороссійскаго, Азовскаго и Астраханскаго Генералъ-Губернатора, Князя Потемкина, о препорученномъ отъ Насъ ему укрѣпленіи заводимаго на Лиманѣ Адмиралтейства, по мѣстоположенію въ Губерніи Новороссійской. Сходно тому предписали Мы и Нашей Адмиралтейской Коллегіи, по сношенію съ нимъ, приступить къ строеніямъ, до ея вѣдомства принадлежащимъ, изъ коихъ она, какъ въ поданномъ Намъ докладѣ объясняетъ, въ самомъ началѣ признаеть нужнымъ сдѣланіе эленговъ, по числу заготовляемыхъ лѣсовъ и камелей. Но какъ сія Коллегія, по увѣдомленію бывшаго въ тамошнихъ мѣстахъ Генерала-Контролера Шубина, представляетъ затрудненіе въ отысканіи нужнаго числа вольныхъ работниковъ и плотниковъ, то Мы соизволяемъ, чтобъ вы помянутой Коллегіи не оставили способствовать къ семъ дѣлѣ вызовомъ и приисканіемъ, во вѣреннѣхъ Вамъ Губерніяхъ, вольныхъ

плотниковъ, о числѣ коихъ и времени въ нихъ надобности та Коллегія отозваться къ вамъ не преминеть.

Въ Царскомъ Селѣ.
31-го Мая, 1778 года.

Божіею Милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и
Самодержица Всероссійская, и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Фельдмаршалу, Графу Румянцеву-
Задунайскому.

Изъ наличныхъ сборовъ Слободской Украинской Губерніи, повелѣваемъ отложить на извѣстные Намъ расходы, касательно до вывода Христіанъ изъ Крыма, сто тысячъ рублей, и имѣя означенную сумму всегда въ готовности, отпускать по ассигнаціямъ Нашего Генерала Князя Потемкина.

Сентября 13 дня, 1778 г.

Божіею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и
Самодержица Всероссійская, и проч. и прочая.

Нашему Генералъ-Фельдмаршалу, Графу Румянцеву-
Задунайскому.

Въ отвѣтъ на реляцію вашу отъ 16 Октября, которою просите вы у насъ новаго руководства по вѣренной вамъ части дѣлъ, находимъ Мы за нужно открыть и объяснить здѣсь принятыя Нами резолюціи, по случаю возставшей между тѣмъ войны въ Нѣмецкой землѣ.

Самовластное захваченіе Австрійскимъ Домомъ знатной части Баварскаго наслѣдства нарушаетъ неоспоримымъ образомъ и конституціи Имперіи Германской, и безопасность правъ и владѣній разныхъ ея членовъ. Мы, съ своей стороны, доколѣ время было,

старались ревностно отвратить и упредить Нашими совѣтами и Нашими представленіями дѣйствительное воспаленіе войны, но все было тщетно. Упрямство Вѣнскаго Двора не поколебалось никакими убѣжденіями и истощило втуне всю умѣренность Короля Прусскаго, которая подлинно была искренна.

При таковыхъ обстоятельствахъ, не исключая Себя добровольно навсегда изъ соучастія въ общей Европейскихъ дѣлъ системѣ, которая главное свое отношеніе имѣетъ на цѣлость составной республики Германскаго корпуса, и на сохраненіе въ ней равенства силъ между обоими главными Домами Австрійскимъ и Бранденбургскимъ, не можемъ Мы съ честью и достоинствами оставаться равнодушными и безпечными зрителями взаимной ихъ войны, но паче находимъ Себя обязанными принять дѣйствительное участіе въ пользу Короля Прусскаго и покровительствуемыхъ имъ Княжескихъ Домовъ, какъ изъ подвига союзнической къ нему дружбы, такъ наипаче по резону собственнаго Имперіи Нашей существительнаго интереса, коему нынѣ, чрезъ reclamaцію Нашей помощи и Нашего покровительства Курфирстомъ Саксонскимъ, Герцогомъ Цвейбрикскимъ и обѣими линиями Мекленбургскаго Дома, представляется давно Россією желанной и давно уже ею исканной случай учиниться наравнѣ съ Версальскимъ Дворомъ ручательницею Германской конституціи.

Въ слѣдствіе того, обыкнувъ сопровождать ясностію и доброю вѣрою всѣ Наши дѣянія, рѣшились Мы учинить напередъ Вѣнскому Двору пристойное, но тѣмъ не меньше сильное на письмѣ, представленіе, дабы онъ прекратилъ несправедливую войну. Изъ приложеннаго здѣсь списка усмотрите вы, что не оставлено въ семъ представленіи привести оному Двору на память собственныя его политическія правила, Намъ изъявленныя во время Нашей съ Турками войны. Не извѣстно еще, какое дѣйствіе произведетъ Декларація наша; но чтобъ между тѣмъ выиграть къ веснѣ болѣе времени, рѣшились Мы отправить заранѣе къ Его Величеству, Королю Прусскому, Нашего Генерала, Князя Репнина, для безпосредственнаго съ нимъ соглашенія всѣхъ нужныхъ условій, относительно до содержанія, прокормленія и употребленія въ дѣло помочныхъ Нашихъ войскъ, собираемыхъ отъ нынѣ въ околич-

стяхъ Полонны, подъ временнымъ начальствомъ Генераль-Маіора Потемкина.

А какъ до отъѣзда Князя Репнина подоспѣло къ Намъ со стороны Вѣнскаго Двора формальное приглашеніе объ употребленіи чрезъ зиму, совокупно съ Францією, Нашей медиациі, или же добрыхъ офицій, къ прекращенію войны, то вы, соглашаясь на ту и другія, по выбору ея, какъ вы усмотрите обстоятельнѣе изъ слѣдующей здѣсь копии съ письма Нашего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Графа Панина къ Министру Нашему въ Парижъ, Князю Борятинскому, получили чрезъ то поводъ дать управленію того Нашего Генерала совѣтъмъ другое лицо, и представить его свѣту въ качествѣ политическаго негоціатора, для ближайшаго на мѣстѣ сношенія съ интересованными Дворами.

Въ самомъ дѣлѣ, Мы ему иянно и предпочтительно наказали, стараться о приведеніи дѣла къ полюбовной рязвязкѣ, дабы сколько возможно дешевле основать и узаконить на будущія времена инфлюенцію и ручательство Россіи въ конститунціи Германской. Но какъ больше есть причины опасаться, что дѣло не обойдется тутъ безъ употребленія оружія, то уполномоча на такой случай Генерала Князя Репнина постановить и заключить съ Королемъ Прусскимъ конвенцію, времени, обстоятельствамъ и сему Нашему намѣренію приличную, поручили Мы ему въ то же время согласовать ея, по крайней возможности, въ пунктѣ будущаго употребленія помочныхъ войскъ Нашихъ, съ тѣми уваженіями, кои имѣть должно къ собственной Нашей недовѣдомости съ Портою Оттоманскою, хотя, впрочемъ, и представляется Намъ съ другой стороны, что удѣленіе отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ разнаго войска на помочь союзнику Нашему для толь важнаго предмета, не можетъ ослабить обороны и ополченія Нашего противу Турковъ, если бѣ они, не взирая на тщетность экспедицій Капитанъ-Паши, отважились тѣмъ не меньше на явный съ Намъ разрывъ; ибо Мы съ своей стороны, какъ ихъ до нынѣ ни чемъ къ таковой крайности не провоцировали, такъ и далѣе провоцировать не хотимъ и не будемъ, довольствуясь до времени произведенною въ разсужденіи Крыма и всѣхъ вообще Татаръ, полезною перемѣною; а по сему началу Мы за нужно находимъ подтвердить вамъ предписанное отъ 29 прошедшаго Октября

объ остановленіи начатыхъ къ извѣстной осадѣ, приуготовленій
впредь до дальнѣйшаго Нашего повелѣнія, дабы иначе не родить
у Турковъ охоты и желанія къ предупреденію Насъ въ полѣ, и
тѣмъ самымъ не возжечь прямой войны.

Мы пребываемъ вамъ, впрочемъ, Императорѣксю Нашею
милостію благосклонны.

Данъ въ Санктпетербургѣ. Ноября 7 дня; 1778.

ПИСЬМА А. СТАХІЕВА

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, СЪ РАЗНЫМИ ПРИБАВЛЕНІЯМИ.

Съ 22 Ноября, 1779 г., по 30 Августа, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Получа въ прошлую пятницу, 15-го сего Ноября, изъ Кефы водянымъ путемъ отъ Господина Резидента Константинова извѣщеніе о желаемомъ, по постановленному съ Портою Оттоманскою условію, совершеніи врученія Его Свѣтлости, Крымскому Хану, Шагинъ-Гирею, Калифской грамоты, я не преминулъ на завтра того съ пристойнымъ привѣтствіемъ оное сообщить Рейсъ-Эфендію, и онъ, принявъ то съ крайнимъ порадованіемъ, просилъ письменно сообщить ему, для поднесенія Его Султанову Величеству, происходившій при томъ церемоніалъ, что на другой день я исполнилъ сообщеніемъ Турецкаго перевода съ присланнаго ко мнѣ отъ реченнаго Резидента тому описанія.

Повергая себя высокой милости и покровительству, съ глубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Перз.

Ноября 22 (Декабря 3),
1779 года.

Переводъ письма къ Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, Посланника Стахіева, отъ 6 (17 Декабря), 1779 года.

Означенное въ моей при семь, подъ № 39, слѣдующей рабской реляціи, удаленіе отсюда Рейсь-Эфендія Абдуль-Резака, есть давно предвидѣнный мною плодъ личной къ нему ненависти какъ Визирской, такъ и Капитанъ-Пашинской, коимъ Султанская иъ Абдуль-Резаку довѣренность несносна была; напротивъ того, преемникъ его, будучи самой подлой природы и безъ всякой подпоры, кромѣ ихъ, принужденъ ихъ обожать и поступать во всемъ по ихъ наставленіямъ. Онъ во всю мою бытность безпрерывно преданъ былъ неспокойной партіи у Порты, и въ тѣсной связи находится съ Молдавскимъ Господаремъ, Мурузіемъ, будучи, такъ какъ и онъ, преемникомъ лукавства и лицемерія и завсегда служилъ шпиономъ нынѣшнему Визиру, который, по вступленіи своемъ на Визирское мѣсто, сдѣлалъ его неукоснительно первымъ Рекетъ-Мейстеромъ, въ явное предосужденіе и обиду Бейликчи-Эфендію, котораго, такъ какъ и Драгомана Порты, сей новый Рейсь-Эфендіи ненавидитъ. Слѣдовательно, и нечаятельно чтобъ они долго на своихъ мѣстахъ устояли, особливо же первый, которому теперь предпочитаетъ.... молодого Рашидъ-Эфендія.

При поверженіи выше писаннаго у....

Редяція Посланника Стахіева подъ № 30, изъ Перы, Декабря 6 (17 дня), 1779 года.

Въ моей рабской реляціи, подъ 26, сею же дорогою отиравленной 22 числа минувшаго Ноября, между прочимъ упоминаемая Рейсь-Эфендіева конференція съ Вѣнскимъ Интернунціусомъ, Барономъ Гербертомъ, въ назначенный день, 25 числа реченнаго Ноября, дѣйствительно имѣла свое мѣсто, на которой оный Интернунціусъ просилъ:

1. Чтобъ Порта отрѣшила отъ своего мѣста адѣшняго Армянскаго Патріярха въ удовольствіе Вѣнскаго Двора, за то что

онѣй Патріархъ, при своемъ гоненіи Аріяны Римскаго Исповѣданія, старался своими клеветами возбудить у Порты худыя мысли противу реченнаго Двора и притѣснить торговой промыслъ въ въ Триестѣ. Рейсъ-Эфендіи много то оспаривалъ, предъавляя невозможность онаго Патріарха отрѣшить, но Интернунціусъ неотступно того требуя, наконецъ принялъ онъ тотъ пунктъ на доношеніе.

2. Чтобъ Порта приняла мѣры и дала строгое повелѣніе своимъ пограничнымъ Командирамъ о пресѣченіи смертныхъ разбоевъ и другихъ тому подобныхъ безпорядковъ, продолжаемыхъ на Бошнянской границѣ и около Вѣлграда, о чемъ и Австрійскіе пограничныя Коменданты, хотя и много разъ писали какъ къ Вѣлградскому, такъ и къ Бошнянскому, Пашамъ, да не только не видятъ никакого плода отъ того, но ниже отвѣта получаютъ. На сіе Рейсъ-Эфендіи отвѣчавъ, что уже за нѣсколько времени надлежащія Указы о томъ посланы, обѣщавъ исходатайствовать повтореніе оныхъ.

3. Чтобъ приказано было заплатить одному Австрійскому купцу двѣнадцать тысячъ цехинцовъ, которые Басорскій городъ оному долженъ. Рейсъ-Эфендіи принялъ то на доношеніе. И наконецъ

4. Помянутый Интернунціусъ предъавилъ, что Христіанскіе жители двадцати восьми Бошнянскихъ деревень подали отъ себя Ея Величеству, Императрицѣ-Королевѣ, челобитную, прося принять ихъ въ свои области и подданство, по тому что имъ уже несносны чинимыя отъ Турокъ притѣсненія и обиды, и что благо помянутая Государыня, по своей дружбѣ съ Портою, въ томъ имъ отказавъ, просить Порту умилосердиться надъ оными жителями и запретить дальнѣйшее оныхъ притѣсненіе.

На третій день послѣ реченной конференціи, а именно 27-го числа, въ 10 часу по утру, Верховный Визирь незапно, призвавъ въ свой диванъ помянутаго Рейсъ-Эфендія, Абдуль-Резака, и налѣвъ на него чиновный кафтанъ, объявилъ, что Его Султаново Величество жалуеъ его трехбунчужнымъ Пашею и Губернаторомъ Айдинской Губерніи, а около полудня Рейсъ-Эфендіемъ на его мѣсто пожалованъ Визирскій любимецъ, первый Рекеть-Мей-

стеръ, Халиль-Хамидъ-Эфенди, который прежде того былъ при Портѣ Амѣтчи-Эфендіемъ, его же мѣсто дано второму Рекетъ-Мейстеру, Атауллахъ-Бейю, а на мѣсто сего вторымъ Рекетъ-Мейстеромъ пожалованъ, бывший при Всевысочайшемъ Вашего Императорскаго Величества Дворѣ съ здѣшнимъ Посломъ Абдуль-Керимомъ въ качествѣ Секретаря Посольства, Мегмедъ-Нахифъ-Эфенди, который послѣ того безъ мѣста оставался.

На завтра же того сѣнены, какъ Анадольскій Кадылескеръ, прежде указной поры, а его мѣсто заступилъ Мустафа-Эфенди-Муфти-Задеоглу, такъ и Рейсъ-Эфендіемъ Казначей при Портѣ, Абдуль-Резаковъ сродникъ, котораго мѣсто возвращено его предѣстнику реченнымъ Абдуль-Резакомъ отрѣшенному во время его министерства.

А 1-го числа сего Декабря сѣнены Товчи-Баши (Фельдцейхмейстеръ) и таможенный откупщикъ, сей послѣдній прежде своей обыкновенной поры, кои мѣста заступили, перваго Кеса-Али артиллерійскаго корпуса, а втораго Хаджи-Али, Повѣренный въ дѣлахъ Деревеля Чопая-Оглу, главнаго соперника Всевысочайше извѣстнаго Трехбунчужнаго Джаныкли Али-Паши.

На завтра же того по утру представленъ Верховному Визирю малолѣтній сынъ реченнаго Джаныкли-Али-Паши, привезенный сюда съ отцовскимъ движимымъ имѣніемъ, котораго Визирь поручилъ на воспитаніе Повѣренному въ дѣлахъ Иветъ-Паши.

Третьяго дня возвратилось сюда изъ Крыма Идріотское почтовое судно, которое въ началѣ прошлаго Ноября туда отправлено было къ Султанскому Оберъ-Шталмейстеру, Сулейманъ-Агъ, съ новыми отъ Порты наставленіями для поправленія учиненнаго имъ проступка по случаю врученія благословительной грамоты Его Свѣтлости, Хану-Шагинъ-Гирею.

На сихъ дняхъ въ Константинополь были четыре пожара; изъ коихъ одинъ въ Янычарскихъ казармахъ, а другой у Султанскаго деревяннаго магазейна, и пятый въ Скугаря.

Продолжающаяся здѣсь теплая и мокрая погода усугубляетъ опасность моровой заразы, хотя послѣ моего послѣдняго всеннжайшаго доношенія и не примѣчено никакого отъ того новаго приключенія.

Завтрашняго числа начнется трехдневное торжествование Курбанъ-Байрама, къ которому Верховный Визирь подарилъ Его Султанову Величеству двѣнадцать барановъ для жертвоприношенія и три богато осѣдланыя лошади.

Впрочемъ, со всеглубочайшимъ респектомъ пребываю.

Переводъ съ письма къ Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, отъ Посланника Стахіева, отъ 23 Декабря (3 Генваря), 1779 (1780 г.).

Послѣ Абдуль-Резаковой смѣны Верховный Визирь теперь не только при Портѣ, но и во дворцѣ всѣхъ чиновныхъ людей, даже до Султаншъ своей партіи имѣетъ, выключая Чаушъ-Баши и Мектунчая у Порты, и во дворцѣ Капиджиларъ-Кегаясія-Чаушъ-Башіева отца, и находящейся при Султаншахъ Гофмейстерины, которая болѣе Капиджиларъ-Кегаясіевой съ сыномъ его, нежели Визирской, партіи держится, коихъ обѣихъ Визирь болѣе всѣхъ другихъ ненавидитъ и старается погубить, а они, вѣдая то, всѣми мѣрами отъ того себя заграждаютъ соединенно съ Меккупчіемъ, который своимъ добрымъ поведеніемъ въ немаломъ почтеніи, какъ у Порты, такъ и во дворцѣ, находится. И такъ Визирь хочетъ сперва отрѣшить отъ своего мѣста отца его, Кегаяю-Бей, хотя онъ, по своему скудоумію, и никакого ему помраченія не причиняетъ, и возвратитъ на его мѣсто прежняго Кегаяю-Бей Сулейманъ-Эфендія, который въ послѣднемъ въ Адмиралтействѣ былъ Терсанаеминіемъ, но опасается, чтобы противная партія не преуспѣла у Султана перехватить то мѣсто Режанъ-Эфендію, или Халиль-Бейю, оба люди честные и спокойные, особливо что и Рейсъ-Эфендіева смѣна Улемамъ внутренно не мила, кои всѣ его поступки и обращенія постоянно порочать, сколь онъ старается онъ ихъ къ себѣ приласкать.

При новерженіи выше писаннаго на цѣломудрое усмотрѣніе...

Ретяція Посланника Стахіева подъ № 31, изъ Перы, Декабря 23 (Генваря 3 дня), 1779 (1780) года.

Прибывшіе сюда въ прошломъ Ноябрѣ мѣсяцѣ изъ Таганрога два торговые корабли (Николай и Принцъ Константинъ) съ разными Россійскими продуктами, назначенными въ Смирну предъ самую смѣною прежняго Рейсъ-Эфендія Абдуль-Резака, доставляющаго Порты пропускныя фирманы, при требованіи послѣ оной смѣны надлежащихъ таможенныхъ ерлыковъ, остановлены были подъ предлогомъ, что между оными имѣются нѣкоторые съѣстные припасы, коихъ откупъ отсюда запрещается, но по изъясненіи со мною пропущены я на сихъ дняхъ при способномъ вѣтрѣ дѣйствительно въ путь свой отправились.

Также и реченный смѣненный Рейсъ-Эфенди, который, при полученіи трехъ бунчуговъ, вмѣсто Абдуль-Резака названъ Кучукъ-Абды-Пашею, распорядя свои домашнія дѣла и набравъ свой Пашинскій штатъ, на прошлой недѣлѣ предвоспріялъ свой путь въ Аѣдинскую Губернію, будучи принужденъ, для уменьшенія своихъ долговъ, не только большую часть своего недвижимаго, но и движимаго, имѣнія распродать, а оныя долги считаются болѣе двухъсотъ тысячъ левковъ.

Въ городѣ генерально и утвердительно предъявляется, что указанное отъ Порты вооруженіе въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ, простирающееся до восемнадцати военныхъ кораблей, назначено въ Египецъ для усмиренія тамошнихъ Беевъ и возстановленія порядка и покоя подъ собственнымъ руководствомъ Капитанъ-Паши, который съ нѣкотораго времени болѣе въ своемъ собственномъ домѣ лежитъ.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда одинъ Грузинскій Князь съ двумя дворянскими и семью служителями, которому отъ Порты дана квартира въ одномъ загородномъ Турецкомъ домѣ, и который предъявляется шуриномъ всевысочайше извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши, убѣгшимъ отъ Грузинскаго владѣльца Принца Гераклія, а сего Порты почитаетъ своимъ подданнымъ, добровольно ей прошлаго года поддавшимся чрезъ своего бывшего здѣсь посланца.

11 числа сего Декабря Порта незанно и скоропостижно просила моего паспорта и пособія для свободного проѣзда чрезъ Кинбурнъ для двухъ своихъ курьеровъ, отправленныхъ въ Крымъ къ всевысочайше извѣстному Султанскому Оберъ-Шталмейстеру Сулейманъ Агѣ, въ чемъ я и удовольствовалъ ея желаніе съ присокупленіемъ отъ себя короткаго письма къ Резиденту Константинову подъ кувертомъ Кинбургскаго Коменданта, съ прощеніемъ оное въ свое мѣсто доставить, а въ ономъ, увѣдомляя его о вослѣдовавшей Рейсъ-Эфендіевой перемѣнѣ, предполагаю, что отправленіе реченныхъ курьеровъ по видимому касается до выше-означеннаго Джаныкли-Али-Паши, прибѣгшаго къ покровительству тамошняго Хана-Шагинъ-Гирея, тѣмъ паче что, послѣ отъѣзда оныхъ курьеровъ, здѣсь разглашается, что, изъ уваженія Ханскаго прошенія, Порта простила того Пашу.

Впрочемъ, со всеглубочайшимъ респектомъ пребываю.

P. S. По написаніи всего выше означеннаго провѣдалъ я, что сего дня изъ Крыма пріѣхали къ Портѣ три Турецкіе курьеры.

Сіятељнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Послѣ моего послѣдняго нижайшаго доношенія, сею дорогою чрезъ Вѣну отравленнаго, въ здѣшнемъ мѣстѣ по дѣдамъ ничего достопамятнаго не произошло, а означенный въ тогдашней рабской моей реляціи сюда прибывшій Грузинецъ, по ближайшему развѣданію, дѣйствительно есть шуринъ извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши, но подданный Мингрельскаго влалѣльца Саломона, и который, за нѣсколько лѣтъ прибѣгши къ Турецкому покровительству, до побѣга выше значеннаго своего зятя, жилъ въ Эрзерумѣ, получая отъ Порты на содержаніе свое денежную пенсію, и какъ послѣ оного побѣга платежъ той пенсіи пресѣченъ, такъ оный Грузинецъ сюда пріѣхалъ просить дальнѣйшаго отъ Порты себѣ призрѣнія и покровительства, не смѣя возвратиться

въ свое отечество, откуда онъ убѣгъ, для избѣжанія достойнаго себѣ наказанія за то, что продавалъ Туркамъ Христіанъ въ неволю, такъ какъ и отецъ его, который за то и живота лишень.

На прошлой недѣлѣ Министерство при Портѣ упражнено казалось, заботливою работою, что и подало поводъ двойному въ публикѣ слуху: первой, что Багдадскіе жители, выгнавъ отъ себя своего Губернатора, Гасанъ-Пашу, прежде нежели Порты опредѣлила на смѣну ему извѣстнаго Басорскаго Сулейманъ-Пашу, находящійся въ реченномъ Багдадѣ Кегаля одного прежняго тамошняго Паши, по народному произволению заступилъ Губернаторское мѣсто, который подозрѣвается Персіянамъ преданнымъ. А другой, что племянникъ выше помянутаго Джаныкля-Али-Паши, набравъ до нѣсколька тысячъ набережныхъ Черноморскихъ Лазовъ, атаковалъ въ Джакѣ главнаго дяди своего непріятеля, Чапанъ-Оглу, которому отъ Порты поручено, конфисковавъ, оставленное тамъ онаго Паши имѣніе, заступить его Губернаторское мѣсто; изъ чего хотя и заключается, что Капитанъ-Паша будущю весною съ наряжаемымъ флотомъ въ Синопъ пойдетъ, однако жъ, отъ надежной руки мнѣ сего дня подтвердительно сказано, что оное отправленіе дѣйствительно въ Египетъ назначено, для усмиренія тамошнихъ Беевъ и возстановленія порядка.

Порты получила на сихъ дняхъ извѣстіе, что Бендерскій Командантъ, Трехбунчужный Юсуфъ-Паша, умеръ; вчерашняго числа на то мѣсто опредѣлили двухбунчужнаго Ибрагимъ-Пашу.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и неліцемерною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства,

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Цера.

Генваря 6 (17) дня, 1780 года.

Сіяте.льнѣйшій Графъ.

Милостивый Государь!

При семъ не представляется ничего особливо важнаго и достойнаго донести нижайше Вашему Высокографскому Сіятельству. Сегоднешнее ко Всевысочайшему Двору отправленіе моего курьера касается главнѣйше до распоряженія нашей съ Турками торговли.

Прибѣжище къ покровительству Крымскаго Хана извѣстнаго Джаныкли-Али Паши подаеть поводъ здѣшнимъ неспокойнымъ головамъ къ разнымъ безпутнымъ подозрѣніямъ и разглашеніямъ, а воспослѣдовавшее нападеніе и прогнаніе, присланнаго отъ Порты Чапакъ-Оглу въ прежнее жилье того Паши для прибрания его имѣнія, и самую Порту приводитъ въ разныя неприятыя размышленія, по чему она и заперла на сихъ дняхъ въ едикуль, прибывшаго сюда послѣ Пашинскаго побѣга, шурина его, Грузинскаго Мирзу, который до того жилъ въ Эрзерумѣ.

Продолжающіяся въ Египтѣ внутреннія замѣшательства принуждаютъ Порту туда послать Капитанъ-Пашу съ флотомъ.

Всѣ оныя и другія тому подобныя внутреннія неспокойныя обстоятельства, особливо же казенная скудость, не дозволяютъ подозрѣвать какихъ либо неприятныхъ замысловъ съ посторонними Державами.

Моровая зараза продолжалась съ прошлой осени частно и безъ дальней опасности въ Константинополь; на прошлой недѣлѣ оказалась и на здѣшной сторонѣ, въ одномъ Галатскомъ шинкѣ, гдѣ одинъ въ оной умеръ, а два матроса въ госпиталь отнесены.

Другое при семъ въ цыфрахъ слѣдующее мое нижайшее письмо, повергая милостивому Вашего Высокографскаго Сіятельства усмотрѣнію, отправляю при семъ въ двухъ кожаныхъ мѣшкахъ шесть фунтовъ несмолотаго кофе для Вашего Высокографскаго Сіятельства, и повергая себя продолженію высокой милости и

покровительства, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Сахіевъ.

Цера.
Генваря 14 дня, 1780 года.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА КЪ ЕГО СІЯТЕЛСТВУ, ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ПОСЛАННИКА СТАХІЕВА. ОТЪ 14 ГЕНВАРЯ, 1780 ГОДА.

При семъ случаѣ за долгъ себѣ ставлю нижайше повергнуть на цѣломудрое Вашего Великографскаго Сіятельства усмотрѣніе нынѣшняго Оттоманскаго Министерства положеніе и начертаніе личныхъ онаго качествъ. Визирь генерально представляется разумнымъ лицемѣромъ и ненавистникомъ всего Христіанскаго рода, а миролюбивъ по тому только, что, взросши въ дворцовыхъ нижнихъ чинахъ, лишается военнаго искусства, инако же ничего себѣ святымъ не ставитъ. Самодержавно владѣть довѣренностію своего Государя, котораго содержитъ окруженна своими креатурами, и не тернить, чтобъ другіе, особливо же тамъ участвующие въ государственномъ правленіи знатные люди, съ нимъ сношеніе, а тѣмъ менѣе доступъ, у него имѣли; по чему и Абдуль-Резака отсюда отлучилъ и далъ его мѣсто лицемѣру, себѣ подобному, который постоянно привязанъ былъ къ беспокойнымъ людямъ и оному Визиру шпиономъ служилъ, и теперь старается гнать изъ дворца Капыджиляръ-Кегаясія, а отъ Порты сына его, Чаушъ-Башу и Аметчія-Бре-Эфендія, съ отцомъ его, Кегая-Беємъ. Уклоушъ-Баша, будучи женатъ на Султанскоіи родной дочери, прежде возшества его на престолъ рожденной, есть извѣстный изъ прежнихъ моихъ доношеній, Султанскій фаворитъ, Челеби-Мегметъ, который постоянно привязанъ есть къ миролюбивой

нартіи и въ согласіи съ духовенствомъ, а сіе хотя и чувствуетъ Визирское устремленіе на нераздѣльность съ другими своего основанія, но не смѣетъ явно въ томъ ему поперечить, лишаясь смѣлаго предводителя и подпоры въ гражданскихъ чинахъ, да и во дворцѣ теперь только выше реченный Кашиджиляръ-Кегаяси, съ Гаремскою Гофмейстериною; оному Визирю противное; а Султанская любимая сестра, вдова Визира Мусунъ-Оглу, становясь дряхлою, нынѣ такъ часто, какъ прежде, съ братомъ своимъ не видится.

Капитанъ-Паша, послѣ своего изъ Морейскаго похода возвращенія, бывъ нѣсколько болѣнъ, теперь весьма скромно и тихо живетъ, и Французской Посоль недавно, стараясь у него объ оказанномъ, прежде его сюда возвращенія, освобожденіи съ торги одного на галерѣ въ походѣ бывшаго Французскаго невольника, получивъ въ отвѣтъ, что безъ новаго на то отъ Порты указанія не можетъ удовольствоваться его прошенія, по тому что нынѣшнее Министерство принуждаетъ его съ крайнею осторожностію поступать, и теперь уже явно въ городѣ предъявляется что его наступающей весны съ флотомъ отправленіе въ Египетъ Визиремъ выдуманно и опредѣлено, въ намѣренія не возвращать его болѣе сюда, мню, что тѣмъ вѣроподобнѣе кажется, что Капитанъ-Паша неохотно въ тотъ походъ собирается и у Порты рѣдко бываетъ. Рейсъ-Эфендіи, какъ выше сказано, есть подобный и безпредѣльно преданный Визирю лицемѣръ, здѣшній уроженецъ простой породы, такъ какъ и самъ Визирь, и вѣрный другъ Молдавскаго Господаря Мурузія, а напротивъ того непріятель нынѣшняго Драгомана Порты и Бей-Ликчія, по чему и довѣренность свою предпочтительнѣе обоимъ молодому Рашидъ-Эфендію имѣеть. Кегая же Бей и Тефтердаръ оба ничего не значать по своему скудоумію. А Муфти, послѣ Визирскаго вступленія въ правленіе Министерскихъ дѣлъ, въ оныя явно ни мало не мѣшается. И такъ оный Визирь уже довольно самодержавно властвуетъ и содержитъ ихъ въ страхъ своею жестокостію, имѣя повсюду своихъ шпіоновъ. Для свѣдѣнія же того, что здѣсь въ Перѣ между иностранными Министрами происходитъ, онъ даромъ дасть мѣсто Бомбандирскаго Шефа Англійскому Ренегату Мустафѣ, который, живучи на здѣшной сторонѣ, переноситъ все происходящее въ домахъ оныхъ Министровъ посредствомъ находяща-

гося при самомъ Визирѣ другого Французскаго Ренегата Мустафы-Бея, который былъ прежде Инспекторомъ водяныхъ акведуковъ и котораго Визирь употребляетъ для перевода себѣ Французскихъ газетовъ. Самъ же оный Визирь часто ходитъ инкогнито по лавкамъ и безъ всякаго милосердія вѣшаетъ лавочниковъ, примѣчающихся въ неисправности вѣсовъ и мѣры, и.в. Перъ секретно неоднократно такимъ образомъ былъ, только никого еще не казнилъ. По сю пору не примѣчается въ немъ ни малѣйшей склонности къ военнымъ предпріятіямъ, ниже чрезвычайнаго раченія о войскѣ и военныхъ припасахъ, но паче устремляетъ все свое тцаніе на пресѣченіе земскихъ несокоихствъ въ разныхъ провинціяхъ. Къ поправленію же казеннаго недостатка не слышно еще никакихъ отъ него мѣръ.

Впрочемъ повергая....

Сіятеильнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Вчера съ Рейсъ-Эфенди поручилъ Секретарю Посольства, Пизанію, пересказать мнѣ, что Верховный Визирь, по неотступнымъ доукамъ ему отъ одной Турчанки, проситъ моего пособія объ освобожденіи и возвращеніи сюда сына ея, прижитаго съ Хаджи-Мегмедъ-Агою, называемаго по Турецки Зеидъ-Зейнель-Абидинъ, который въ Константинополѣ родился и, будучи въ прошлую войну въ Исакчіи при Тефтердарѣ, взятъ въ полонъ при взятіи онаго города, и теперь находится въ Ораѣ, у тамошняго Коменданта, Николая Ростоме, высокъ и съ бородою, какъ то другіе изъ полону освободившіеся и возвратившіеся сюда Турки реченной матери его сказывали.

Удовлетворяя чрезъ сіе Визирской просьбѣ, нижайше прошу Ваше Высокографское Сіятельство удостоить меня милостивымъ на то отвѣтомъ, для доказанія, что не пренебрегаю препоручаемыхъ мнѣ комиссій, и за долгъ себѣ ставлю здѣсь еще присовокупить, что въ удовлетвореніе моей у здѣшняго Министерства

просьбы о вырученіи изъ рукъ переселившихся сюда Некрасовскихъ Казаковъ, семьи раскаявшагося и въ Россію возвратившагося Старшины ихъ, Радіона Решетникова, упоминаемый въ моемъ нижайшемъ письмѣ отъ 7 числа послѣдняго Октября, оное Министерство на сихъ дняхъ послало Указъ къ мѣстному Турецкому начальнику искуснымъ образомъ ту семью выруча, выпроводить въ Россію, если она на то добровольно согласится.

А изъ слѣдующаго при семь письма, въ переводѣ на Россійскомъ языкѣ, отъ Ангорскаго жителя Санти къ здѣшнимъ купцамъ Гибшу и Тимони, Ваше Высокографское Сіятельство, милостиво усмотрѣть соизвольте, что тамъ находится семь человекъ въ неволѣ природныхъ Россійскихъ, между коими два Капитана, изъ которыхъ одного продають, и я осмѣлился поручить его выкупить, а по прибытіи его сюда, развѣдавъ обстоятельнѣе о другихъ, не примину и оныхъ, по трактатному условію между обоими высокими Имперіями, безвыкушно отъ Порты требовать, инако же и не имѣя точнаго свѣдѣнія о ихъ пребываніи, подвергну только вѣщшему принужденію ихъ на принятіе Магометанскаго Закона и на непроницательное скрытіе.

Повергая выше писанное на милостивое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Цера.

Генваря 19, 1780 года.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ ПИСЬМА АНГОРСКАГО ЖИТЕЛЯ САНТИ КЪ КУПЦАМЪ ГИБШУ И ТИМОНИ, ОТЪ 14 ГЕНВАРЯ ПО НОВОМУ ШТИЛЮ, 1780 ГОДА.

Одинъ мой человекъ, по прїездѣ сюда изъ одного мѣста, въ которое онъ часто вѣзжалъ по купечеству, и которому отъ меня

приказано было развѣдать о военноплѣнныхъ, меня увѣдомиль, что таковыхъ, какъ въ томъ мѣстѣ, такъ и околнностяхъ онаго, множество находится, но опасаясь нѣтъ точнѣйше о томъ овѣдомляться, случилось точно говорить съ находящимися тамо въ неволѣ Россійскими военноплѣнными, которыхъ имянно списокъ ниже сего слѣдуетъ. Два называются Офицерами, изъ коихъ одного хозяинъ, за его къ нему ослушность, намѣренъ продать за 300 левковъ, и ежели захотятъ выкупить, то по первому на сіе отвѣту онаго къ Вамъ переслать не оставлю, только бѣ по то время кому либо другому перепроданъ не былъ. Тогда отъ него увѣдомитесь о всѣхъ прочихъ, гдѣ и у кого оныя находятся.

Извините меня, что я Васъ о таковыхъ дѣлахъ не увѣдомляю, а не ради чего инаго, какъ только дабы не подвергнуть моего человѣка какому нещастію. А хотя я во всемъ служить Вамъ желаю, однако при семъ повторяю мое прошеніе о увольненіи меня впредь отъ таковыхъ комиссій, по тому что я и по сіе время не вижу отъ того никакой прибыли, кромѣ одного труда и безпокойствія; въ прочемъ же совсѣмъ повелѣвайте и будьте увѣрены, что найдете меня всегда готовымъ ко услугамъ Вашимъ.

Имянной списокъ Россійскимъ военноплѣннымъ:

Офицеръ Антонъ Петровичъ.

Офицеръ Илья Прокофьевъ, котораго хотятъ продать.

Казакъ Андрей Танасіенко.

Солдатъ Иванъ Ивановичъ.

Солдатъ Илья Кабларъ.

Федоръ Лузановъ.

Запорожскій Козакъ Андрей Москаль.

Петро Години.

Димитри Карнокаро.

} Оба уроженцы Молдавскіе, вѣсти въ плѣнъ будучи въ Россійской службѣ.

Всѣ сіи плѣнные въ одной деревнѣ находятся; мой же человѣкъ увѣряетъ меня, что и въ прочихъ деревняхъ того дистрикта въ каждой столько же числомъ найдется можетъ, по тому что Христіане почти въ оныя мѣста совсѣмъ не ѣздятъ, а даже онаго дистрикта великую мочь имѣя, Ескраджи часто его посѣщаютъ. для продажи ему своихъ плѣнныхъ, не ради чего инаго, какъ только чтобъ напоследокъ не быть принужденнымъ уволить оныхъ по

Указу. Прошу Васъ дозволить мнѣ подарить одинъ кафтанъ тому человѣку, который о семъ развѣдывалъ: онъ челоѣкъ осторожный и могъ бы оказать услугу, ежели бы пожелали присовокупить его къ тѣмъ, которыхъ пришлютъ для отысканія военнопленныхъ, и протежируя, какъ подданнаго той Державы, будетъ въ безопасности.

Вчера съ прибылъ сюда Турецкій курьеръ съ Указомъ о увольненіи Польскихъ военнопленныхъ, который въ здѣшнемъ Сулейскомъ мѣстѣ прочитанъ, курьеръ же по сіе время обо мнѣ не спрашивать и радуясь уповаю, что ему обо мнѣ ничего не сказано. Впрочемъ искреннее мое почтеніе свидѣтельствуя, есмь

Антоніо Джозепъ Санти.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Во вторникъ, на прошлой недѣлѣ, 14 сего Генваря, я отправилъ послѣднія мои нижайшія доношенія чрезъ Кіевъ съ Сержантомъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку, Княземъ Гаврилою Баратовымъ, съ которымъ, по приказанію, возвратилъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и находившагося при мнѣ Актуаріуса, Ипполита Болкунова, и которыхъ прибывшей четвертаго дни ко мнѣ изъ Крыма отъ Господина Резидента, Константина, курьеромъ Вахмистръ Будковъ, встрѣтилъ по ту сторону Кырклиса, въ двухъ стахъ верстахъ отсюда.

А реченный Будковъ привезъ ко мнѣ отъ Господина Константина, при его письмѣ, копіи депешей его, отправленныхъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ послѣдняго Декабря 23 числа, съ особеннымъ письмомъ отъ Его Свѣтлости, Хана Шагинъ-Гирея, по чему всему въ свое время и по усмотрѣнію обстоятельствъ не премину свои поступки распорядить.

Здѣсь, между тѣмъ, имѣю честь нижайше донести, что, по поводу, съ одной стороны, внесеннаго въ Кельнской газетѣ № СШ,

подъ артикуломъ изъ Варшавы, отъ 4 Декабря, предъясненія, что Турки вновь начинаютъ дѣлать чрезвычайныя военныя при-готовленія въ Валахіи и Молдавіи, а съ другой, и найпаче по причинѣ чинимаго въ здѣшней публикѣ разглашенія, что воору-жаемая въ Адмиралтействѣ военныя суда отправлены будутъ на Черное море, я за нужно почелъ объ основательности того и другого сперва навѣдаться у Драгомана Порты, который, съ своей стороны, пересказавъ то Рейсъ-Эфендію, отвѣчалъ коимъ образомъ оный Министръ вызвался на то, что дать удовольствитель-ный отвѣтъ, естли я у него непосредственно спрошу, увѣряя при томъ, что все обстоитъ въ желаемомъ добромъ согласіи меж-ду обими высокими Имперіями. А четвертаго дни Секретарь Посоль-ства, Пизаній, будучи у самого Рейсъ-Эфендія, оный Министръ, въ присутствіи Кегай-Бея изъяснился, что мое выше означенное навѣдываніе ему преподаетъ пріятный способъ удостовѣрить ме-ня, что Блистательная Porta не помышляетъ, а тѣмъ менѣе упражняется въ какихъ военныхъ приуготовленіяхъ сухопутныхъ, или морскихъ, и что я смѣло обнадежить могу мой Всевысочай-шій Дворъ, что подобныя новизны вымышлены безъ всякой осно-вательности. Правда, де, Блистательная Porta приготовляетъ нѣ-сколько военныхъ кораблей для отправленія къ морскимъ бере-гамъ на загражденіе оныхъ отъ новыхъ нападений съ стороны Албанцевъ, такъ какъ и нѣкоторое число Идріотскихъ мелкихъ суденъ, съ нѣсколькими полугалерами, для отправленія на Черное море, по случаю безпорядковъ, воспослѣдовавшихъ отъ побѣга Джа-ныкля-Али-Паши, что, по его рѣчамъ, и подало поводъ къ от-правленію флота на Черное море. Что же за тѣмъ касается до сухопутныхъ военныхъ приготовленій на границѣ, онъ не зна-етъ, отъ чего таковой слухъ взятъ, по тому что Porta тамъ ни-какихъ вооружительныхъ подвиговъ не дѣлаетъ, и ему инаго не извѣстно, какъ только, что предъ нѣкоторымъ временемъ въ погра-ничныя крѣпости посланы отсюда особенныя комиссары для осмо-тру и изслѣдованія, точно ли то число людей въ тамошнихъ гарни-зонахъ на лицо имѣется, на которое коменданты реченныхъ крѣ-постей обыкновенно отъ Порты требуютъ и получаютъ жалованья, и какъ тѣмъ комиссарамъ поручено при томъ объявить, чтобъ всѣ, получающіе жалованье въ оныхъ гарнизонахъ служители, постоянно при своихъ мѣстахъ были, инако же лишены будутъ опредѣлен-

наго имъ жалованья, по чему много изъ оныхъ гарнизонныхъ служилей, пребывавшихъ въ другихъ мѣстахъ для своихъ собственныхъ промысловъ, къ своимъ постамъ возвратились, что, по видимому, и подало поводъ къ заключенію, что Блистательная Порта дѣлаетъ военныя приготовления въ реченныхъ пограничныхъ крѣпостяхъ.

Пизаній, принявъ все то имѣ на доношеніе, изъявилъ, что я въ существѣ хотя и не преподаю вѣры онымъ новизнамъ, но какъ неоднократно обнаруженіе оныхъ въ разныхъ публичныхъ газетахъ можетъ наконецъ подать случай къ нѣкоторому усумнѣнію при моемъ Всевысочайшемъ Дворѣ, такъ, для лучшей надежности, почелъ за нужно потребовать его непосредственнаго о томъ изъясненія, для достовѣрнѣйшаго доношенія моему Всевысочайшему Двору. Рейсъ-Эфенди на то отвѣчалъ, что продолженіе такого откровеннаго изъясненія Порты завсегда пріятно будетъ.

Пизаній, пришедъ потомъ къ Бейлякчи-Эфендію и случайно у него навѣдался о мѣстѣ, въ которое назначенная на Черное море флотилія отправляется, и получилъ увѣреніе, что она имѣетъ идти только въ Синопъ и Бафру, какъ для отысканія и наказанія находящихся въ тѣхъ мѣстахъ нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Джаныкли-Али-Паши, кои тамъ причиняютъ непорядки своимъ озорничествомъ, такъ и для переезда сюда захваченныхъ пожитковъ того Паши.

Повергая на цѣломудрое усмотрѣніе выше означенное Рейсъ-Эфендіево изъясненіе, съ своей стороны не имѣю никакого вѣроподобнаго повода объ искренности онаго сомнѣваться, по чему и принесенныя ко мнѣ изъ Константинополя на сихъ дняхъ извѣстія, при семъ прилагаю только для предъявленія носящихся въ публикѣ слуховъ.

Означенное въ моей рабской реляціи, подъ № 4, отъ 14 сего Генваря, отправленною съ выше реченымъ Княземъ Баратовыхъ разглашеніе, что извѣстный Грузинскій шуринъ Джаныкли-Али-Паши, съ свитою своею въ Едикуль посаженъ, по ближайшему развѣданію, совсѣмъ ложно выдуманно, и оный Грузинецъ спокойно пребываетъ въ отведенномъ ему отъ Порты одномъ загородномъ домѣ. Прямый предметъ его сюда пріѣзда есть искать себѣ прібѣжища у Порты, по тому что, послѣ побѣга часто поминаемаго

Джаныкли-Али-Паши, зятя его, онъ не могъ болѣе безопасно въ Азіи оставаться.

Прогнанному въ послѣднемъ мѣстѣ из Багдата тамошними жителями Губернатору, Гассанъ-Пашѣ, Порта дала Діярбеквирскую Губернію, а Діярбеквирскаго въ Ичькли Губернаторомъ посылаетъ.

На сихъ дняхъ Порта получила жалобы изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ бывшій Рейсъ-Эфенди, Абдуль-Резакъ-Паша, слѣдовалъ, ѣдучи въ свою Губернію, на причиненныя отъ него имъ притѣсненія и изнуренія въ проѣздѣ его, чему хотя не самъ онъ, но свита его причиною; однако же опасно, чтобъ онъ за то не пострадалъ. По другимъ извѣстіямъ онъ принужденъ былъ уже головы отрубить двумъ изъ своихъ нажей.

Пребывающій въ Смирнѣ нашъ Астраханскій купецъ, Армянинъ Томазь Савалановъ, пишетъ ко мнѣ отъ 13 сего Января, что тамошній Французскій Консулъ изъявлялъ предъ нимъ свое сожалѣніе о причиненной на дорогѣ досадѣ отъ Французскаго капера шкиперу прибывшаго туда нашего торговаго судна Принца Константина, которая въ томъ состоитъ, что, при повстрѣчаніи обоихъ оныхъ суденъ, командующій на каперскомъ суднѣ, давъ неоднократный знакъ, чтобъ наше судно спустило свой вымпелъ, но безъ всякаго успѣха, принужденъ былъ послать на оное свою шлюбку для изясненія, которой, подѣхавъ нашего судна экипажу не позволялъ на судно взойти, при чемъ одинъ изъ каперскихъ служителей, Склононецъ, саблею ударилъ по рукѣ шкипера нашего, Нумана, Англійскаго уроженца, о чемъ каперскій командиръ свѣдавъ, того Склононца дѣйствительно изъ службы своей прогналъ. Реченный Французскій Консулъ, прося Савалана такое его сожалѣніе мнѣ предъявить, увѣрялъ, что онъ строго рекомендовалъ своимъ каперамъ, чтобъ впредь не позволяли своимъ людямъ дѣлать никакихъ досадъ нашимъ людямъ, но обходились бы съ ними найдружественнѣйшимъ образомъ.

По послѣднимъ изъ Дарданелей полученнымъ вѣрнымъ извѣстіямъ, 16 числа послѣдняго Декабря, въ Тенедосъ прибыли восемь Французскихъ торговыхъ суденъ съ грузомъ изъ Смирны, въ Марсель отправленныхъ, подъ покровительствомъ одного воен-

наго той націи Фрегата, для обожданія у реченнаго острова другихъ, отсюда возвращающихся, той же націи торговыхъ кораблей. Изъ оныхъ восьми суденъ, въ бывшій, 19 и 20 чиселъ онаго жъ Декабря, превеликій штурмъ, два съѣли на мель, а два принуждены были свои мачты срубить, и остальные четыре потеряли свои якоря и другія снасти, Фрегатъ же, ничего не пострадать, пришелъ въ Дарданелы, нашель семь отсюда въ Марсель возвращающихся суденъ, и 11 сего Генваря туда же прибылъ другой Французскій военный Фрегатъ, который въ Архипелагъ преѣзжалъ. Выше реченный штурмъ немалое число и другихъ суденъ повредилъ.

12-го числа сего жъ Генваря въ Дарданельскую крѣпость на Европейскомъ берегу привезенъ подъ карауломъ Мутать-Бей, сынъ извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши, который былъ Комендантомъ въ Эрзерумѣ, и послѣ отцовскаго побѣга отвезенъ былъ сперва въ Врусу, но потомъ въ означенную Дарданельскую крѣпость переведенъ.

Третьяго дня держанъ во дворцѣ диванъ, для выдачи трехмѣсячнаго жалованья находящемуся въ здѣшней столицѣ войску, что въ надлежащемъ порядкѣ исправлено.

А вчера съ изъ здѣшняго Адмиралтейства незапно и скоропостижно отправлено въ Кефу одно малое Идріотское судно порожнее, и за краткостію времени я не въ состояніи еще нижайше донести, для чего и къ кому оное туда послано.

На сикъ дняхъ Верховный Визирь, будучи въ Галатѣ инкогнито, приказалъ повѣсить одного матроса за то, что онъ продавалъ ягнятъ, что здѣсь не позволено прежде 23-го числа Апрелья. По его же приказанію задавленъ еще Туфеничи-Баши, Старшина ружейнаго цѣха.

Продолженіе теплой, совсѣмъ на лѣтнюю похожей, погоды, чѣмъ далѣе, тѣмъ примѣтнѣе дѣлается существовательное настояніе моровой заразы между подлымъ народомъ; 15-го числа сего Генваря еще одинъ Грекъ отъ той заразы въ Галатѣ умеръ.

При поверженіи всего выше писаннаго на милостивое усмо-

трѣніе, а себя высокою милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Високографскаго Сіятельства
нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Пера.

Генваря 23 (Февраля 3), 1780 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ ОТЪ 23 ГЕНВАРЯ, ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ,
ГЕНВАРЯ 23 (ФЕВРАЛЯ 3 ДНЯ), 1780 ГОДА.

Генваря 15-го дня, вчерашняго числа, повѣщено изготовленіе жалованья Янычарамъ; слухъ же носится, что, послѣ выдачи онаго, нѣсколько ортъ назначиваются въ походъ, но не извѣстно, въ какую сторону.

Съ поспѣшностію прилагается стараніе изготовить къ будущему Марту всего на все, какъ сказываютъ, двадцать восемь военныхъ суденъ.

Сообщенное предъ симъ извѣстіе о полученныхъ при Портѣ, посредствомъ Изетъ-Мегметъ-Паши отъ Джаныкли-Али-Паши, трехъ письмахъ, коими онъ просилъ заступленія въ прощеніи ему учиненной вины, нынѣ не подтверждается, а сказываютъ, что только было одно письмо къ Султану, посредствомъ того Паши отправленное, и содержаніе коего въ Цареградѣ предъявляется ниже слѣдующее:

Что побѣгъ его въ Крымъ ничего инаго не заключаетъ, какъ чтобъ закрыться отъ варварскаго правленія нынѣшняго Визиря, который, употребляя во зло довѣренность и милость своего Государя, приводитъ въ нануреніе всю Азію, какъ чинимыми насильствами отъ его наперсниковъ, а именно Чапанъ-Оглу и прочихъ, такъ и созиданіемъ мечетей и построеніемъ дорогихъ фабрикъ, и, разоряя такимъ образомъ оную часть свѣта, препятствуетъ жителямъ оной повергнуть свои жалобы Императорскому престолу.

Хотя въ публикѣ и разглашается, что заготовляемый флотъ назначается въ Египеть, однако корабельные онаго Капитаны напротивъ того разславляютъ, что оный флотъ пойдетъ на Черное море.

Получено 14 Апрѣля, 1780 года.

Сіятеельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Въ моемъ послѣднемъ нижайшемъ письмѣ, отъ 23-го минувшаго Генваря, сею же дорогою отправленномъ, я имѣлъ честь нижайше донести о моемъ съ Рейсъ-Эфендіемъ изъясненіи по поводу внесеннаго въ Кельнскихъ газетахъ предъявленія, что Турки вновь начинаютъ дѣлать чрезвычайныя военныя приуготовленія въ Валахіи и Молдавіи, а здѣсь за долгъ себѣ ставлю къ тому еще нижайше присовокупить, коимъ образомъ, съ прибывшею послѣ того Вѣнскою почтою, усмотря въ полученной мною печатной Вѣнской Французской газетѣ подъ № 5, отъ 15-го Генваря, при семъ на милостивое усмотрѣніе повергаемый артикулъ изъ Левантскихъ портовъ, за нужно почелъ и оный Рейсъ-Эфендію, для его собственнаго свѣдѣнія, сообщить посредствомъ Секретаря Посольства, Пизанія, на что оный Министръ, повторя означенныя въ выше реченномъ моемъ нижайшемъ письмѣ увѣренія и изъясненія, съ прибавленіемъ, что онъ не знаетъ ни одного изъ правительствующихъ людей при Портѣ, кто бѣ недоволенъ былъ постановленнымъ со Всевысочайшимъ Дворомъ трактатомъ, а самъ собственно божится, что тѣмъ предоволенъ, и для удостовѣрительнѣйшаго доказательства неосновательности находящихся въ томъ артикулѣ предъявленій, въ присутствіи реченнаго Пизанія поручилъ Драгоману Порты, чтобъ онъ его именемъ объявилъ Драгоманамъ всѣхъ другихъ здѣсь пребывающихъ иностранныхъ Министровъ, каждому особенно, для донесенія своему Министру, коимъ образомъ усмотря въ разныхъ публичныхъ газетахъ разглашеніе, что Блистательная Порта упражняется въ военныхъ приуготовленіяхъ и войска свои къ границамъ посылаетъ, что народъ ея желаетъ войны, и что

начальствующіе въ правительствѣ особы недовольны заключеннымъ трактатомъ съ Россійскимъ Императорскимъ Дворомъ, Блистательная Порта проситъ оныхъ Министровъ отписать къ своимъ Дворамъ, что оныя разглашенія ложно и безъ всякой основательности вымышлены и разсѣваются, что, напротивъ того, она искренно и твердо намѣрена обращаться въ добромъ согласіи со всѣми своими друзьями и сосѣдами, и съ своей стороны не приметъ никогда и ничего противу кого бы то ни было, развѣ, въ случаѣ нападенія отъ кого на ея области, для своей обороны, и что тѣмъ менѣе имѣеть причину помышлять что либо непріятное противу Россійской Имперіи, съ которою находятся въ согласіи, и въ заключеніе всего выше реченнаго прибавилъ еще сказать онымъ Драгоманамъ, что еслии не вѣрятъ такому его искреннему предъявленію, то пришли бы къ нему, такъ онъ присягою ихъ удостовѣритъ.

Оное предъявленіе Драгоманъ Порты того же дня пересказалъ всѣмъ бывшимъ при Портѣ чужестранныхъ Дворовъ Драгоманамъ, и которое тѣмъ искреннѣе кажется, что и я, съ своей стороны, не примѣчаю никакихъ наружныхъ, ниже потаенныхъ, движеній при Портѣ, кои бы преподавали причину подозрѣвать непріятныхъ замысловъ противу какой либо изъ чужестранныхъ Державъ. Правда, въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ готовится въ походъ нѣсколько линейныхъ кораблей и фрегатовъ, изъ коихъ на сихъ дняхъ два фрегата на рейдъ вышли и ожидаютъ способнаго вѣтра къ слѣдованію на Бѣлое море, какъ для закрытія Морейскихъ береговъ отъ Албанскаго нападенія, такъ и для обузданія Французскихъ и Англійскихъ каперовъ, притѣсняющихъ на ономъ морѣ торговое кораблеплаваніе, не только Европейскаго, но и Турецкаго, купечества.

Въ прошлый четвертокъ, 30 числа минувшаго Генваря, при Портѣ былъ совѣтъ между однимъ Министерствомъ, въ которомъ опредѣлено Французскому и Англійскому Посламъ дать декларацію, въ которой Порта жалуется на чинимыя на ея выходъ безпорядки ихъ каперами, съ требованіемъ въ томъ поправленія, которая потомъ и дѣйствительно только обоимъ онымъ Посламъ вручена; а между тѣмъ Порта недавно получила извѣстіе, что Англійскіе каперы взяли одно Французское судно, изъ Латахіи въ Александ-

реть слѣдовавшее съ грузомъ казеннаго Турецкаго табаку, а другое подь собственнымъ Турецкимъ флагомъ и съ экипажемъ, составленнымъ изъ Турецкихъ подданныхъ, коимъ и грузъ онаго принадлежалъ, и, сверхъ того, разѣзжаетъ въ Архипелагъ съ Англійскимъ флагомъ и паспортомъ одинъ каперьъ, котораго весь экипажъ составленъ изъ Турецкихъ подданныхъ, да и судно ему же принадлежитъ.

Въ тотъ же четвертокъ благополучно прибывъ сюда въ трое сутокъ изъ Кинбурна оба наши торговля Сиднева съ товарищи судна, Принцъ Константиуъ, подь руководствомъ Англичанина Карла Андерсона, а Принцъ Потемкинъ подь руководствомъ Француза Сорона, съ половиннымъ грузомъ полоснаго желѣза на каждомъ до шести сотъ кантарей, которое, за недостаткомъ здѣсь на оное купцовъ, Сиднева Контора вознамѣрясь отправить въ Смирну, Порта, по моему представленію, безъ всякаго затрудненія позволила пропустить, и такъ теперь оба реченныя судна ожидаютъ только способнаго себѣ вѣтра.

Здѣшнее Министерство весьма недовольно кажется, что извѣстный, въ Крымъ отправленный съ Калифскою грамотою, Султанскій Оберъ-Шталмейстеръ, Сулейманъ-Ага, такъ долго медлитъ своимъ сюда возвращеніемъ, тѣмъ паче, что те подаетъ поводъ въ публикѣ къ разнымъ превратнымъ заключеніямъ.

Моровая зараза, будучи замѣшана съ другими прилипчивыми и смертоносными болѣзнями, хотя и не такъ примѣтна, какъ обыкновенно бываетъ, однако же существенно продолжается въ здѣшней столицѣ между подлымъ народомъ.

Повергая все выше писанное на милостивое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Снятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ

Пера.

Февраля 6 (17) дня, 1780 года.

Приложеніе къ письму отъ 6 (17. Февраля), 1780 года.

Артикуль печатной въ Вѣнской Французской Газетѣ, подъ № 5-мъ, отъ 15 Генваря, 1780.

Echelles du Levant.

On fait des préparatifs à Constantinople qui très vraisemblablement changeront en Europe la face des affaires dans le courant de l'année 1780. On ignore à la vérité quel est le but de ces préparatifs; mais on ne peut se dissimuler que le peuple Turc désire avec ardeur et qu'il demande hautement la guerre; on ne peut se dissimuler non plus qu'il ne marche quantité de troupes Ottomanes du côté des frontières de la Moldavie et de la Valachie: l'on n'ignore pas que la plupart des grands officiers de l'Empire du Croissant sont partout mécontents du dernier traité de paix, conclu entre la Porte et la Cour de Pétersbourg; ce qui semble confirmer ces soupçons est que d'ailleurs, on ne connaît aucune sorte de raison de ces préparatifs ni de cette marche des troupes Ottomanes.

Сіятеднѣшій Графъ,

Милостивый Государь!

При семъ прилагаю два оригинальнныя, на Турецкомъ языкѣ, съ своими Русскими переводами письма, одно отъ Верховнаго Визиря, а другое отъ Рейсъ-Эфендія, написанныя и мнѣ порученныя для доставленія къ Вашему Высочкографскому Сіятельству, при случаѣ курьерскаго отправления, съ присовокупленіемъ къ тому и моего собственнаго ходатайства объ освобожденіи изъ плѣна и возвращенія сюда означенной тамъ Турчанки, Фатма Хатунъ, сестры Базарджикскаго Мудерриса; Саликъ-Эфендія, и жены Ибрагимъ-Эфендія, которая, по предъявленію, находится въ крѣпости, называемой Черкесъ-Кирманъ, и о вырученіи которой здѣшній Муфти усиленно старается; что все повергла чрезъ сіе милостивому Вашему Высочкографскому Сіятельству усмотрѣнію, въ

ожиданіи благосклоннаго отвѣта, съ изглубочайшимъ респектомъ пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Стахievъ.

Изъ Перы.
Февраля 21, 1780 г.

Приложеніе къ письму отъ 21 Февраля.

Переводъ письма Рейсз-Эфендія Халиль-Гамида къ Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, отъ послѣднихъ числъ луны Мугаррема 1194, то есть, отъ послѣднихъ числъ Генваря, 1780 года.

При засвидѣльствованіи Вашему Сіятельству моего дружескаго почитанія и испроса о Вашемъ здоровьи, честь мнѣю увѣдомить, что доброе Вашего Сіятельства намѣреніе, которое видимо было при установленіи и утвержденіи непоколебимаго мира и дружбы, состоявшихъ между вѣчно непоколебимою Имперіею и Имперіею Россійскою, и при томъ еще извѣстное мнѣ Вашего Сіятельства доброхотное и искреннее попеченіе къ наилучшему утвержденію и день отъ дня усугубленію твердой дружбы между обими Имперіями, явно доказываетъ похвальныя качества Вашего Сіятельства.

Будучи же ясно видимо, что сожалѣніе объ народѣ не иное что есть, какъ найпохвальнѣйшая добродѣтель, Всемогущимъ Богомъ препорученная роду человѣческому, и еще очевидно есть, что одаренный таковою добродѣтельною челоуѣкъ, въ близи и въ отдаленности, въ присутствіи и отсутствіи, всѣ сердца къ себѣ притягиваетъ, то какъ въ доброхотной Вашего Сіятельства персонѣ обрѣтаетъ врожденное попеченіе о благонаобрѣтеніи спокойствія челоуѣческому роду, и хотя сей Вашъ искренній пріятель и въ отдаленности отъ Васъ находится, однако чувствуетъ, что его сердце притянуто и

привязано къ Вашему Сіятельству, и между тѣмъ какъ я стараюсь найти удобный случай о подтвержденіи сей нашей дружбы съ Вашимъ Сіятельствомъ письменно изъясниться, то, по счастью моему, Его Сіятельство, Визирь, мой милостивѣйшій благодѣтель и Господинь, вознамѣрился къ Вашему Сіятельству писать и при томъ просить о преподаніи вспомошествованія къ вызволенію изъ плѣну одной Госпожи, называемой Фатма, сестры Базарджикскаго Мудерриса, Салигъ-Эфендія, а жены Ибрагимъ-Эфендія, и о препровожденіи оной къ Турецкимъ границамъ, которая, въ следствіе артикуловъ трактата, должна быть освобождена и отпущена, но, по несчастію ея, въ забвеніи оставаясь, и по сіе время въ крѣпости Черкесь-Кирманъ находится, какъ то родственники ея о томъ Его Сіятельство, Визиря, уведомятъ, о высвобожденіи оной просили, при коемъ и я сіе мое искреннее письмо къ Вашему Сіятельству посылаю, и, испрося о Вашемъ одоровыи, прошу, въ сходствіе Вашего добροхотнаго сердца, о высвобожденіи означенной Турчанки приложить свое стараніе.

Я не сомнѣваюсь, что Ваше Сіятельство о семъ свѣдавъ, ничего не упустите во всемъ касательно исполненія артикуловъ мира и дружбы, а особливо таковымъ безпомощнымъ креатурамъ, къ высвобожденію изъ плѣну и пересылкѣ въ ихъ отечество вспомошествовать не оставите.

Сей Вашъ благонамѣренный искренняго сердца пріятель всегда между тѣми почитался, которые правымъ путемъ слѣдовали, и всегда искалъ средствъ къ утвержденію сердечной дружбы. Я надѣюсь, что Ваше Сіятельство употребите свое попеченіе къ взысканію означенной Фатмы-Хатунъ и пересылкѣ ея къ Турецкимъ границамъ.

Приложеніе къ письму отъ 21 Февраля, 1780 г.

Переводъ письма Визиря Сайдъ-Мегмета къ Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, отъ 21 луны Мугаррема 1194 Эжира, то есть, отъ 17 Генваря, 1780 года.

При засвидѣтельствованіи Вашему Сіятельству моего дружескаго почитанія, честь имѣю уведомить, что, въ слѣдствіе догово-

ровъ вѣчнаго мира и связи непоколебимой дружбы, установленныя между высочайшею и вѣчно непоколебимою Имперіею и Имперіею Россійскою, желательно и пріятно есть прилѣжать о снисканіи случая приусугубить взаимную искренность и приращеніе дружбы. По чему я отъ Вашего Сіятельства желаю бы, чтобы, въ сходствіе постановленныхъ артикуловъ, всѣ тѣ Мусульманы, которые въ прошедшую войну плѣнены и по заключеніи мира въ некоторыхъ образцахъ въ разныхъ мѣстахъ въ забвеніи оставлены, освобождены были, какъ то и одна Мусальманка, называемая Фатма Ханымъ, жена Базарджикскаго Хаджи Ибраима, а сестра Базарджикскаго жъ Мулерриса, Салигъ-Эфендія, о которой родственники ея свидѣвъ, что и по сіе время въ крѣпости Черкесъ-Кирманъ находится, о высвобожденіи оной меня просили, чего для сего моимъ писмомъ Вашего Сіятельства прошу, въ какомъ бы она мѣстѣ ни находилась, приказать отыскать, уволивъ, отвезти къ Турецкимъ границамъ, чѣмъ крайне одолжите.

Получено 21 Апрѣля, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Отправляя завтра своего собственнаго до Кіева курьера, здѣсь сокращаюсь низжайше донести, что бывший въ Крыму съ Калифскою грамотою Султанскій Оберъ-Шталмейстеръ, Сулейманъ-Ага, 12 числа сего Февраля благополучно сюда возвратился, препровождаетъ Его Свѣтлости, Хаана Шагигъ-Гирея, Башъ-Чегодаремъ съ восьмью другими Татарами, и послѣдующаго за тѣмъ 13 числа имѣлъ свой первый доступъ при Портѣ у Верховнаго Визира, при чемъ, въ знакъ удовольствія Блистательной Порты, на него надѣтъ кафтанъ, такъ какъ и на Рейсъ-Эфендія, который, по Ханскому прошенію и съ позволенію Порты, принялъ на себя при Портѣ качество Ханскаго Помѣреннаго въ дѣлахъ; а Сулейманъ-Ага не можетъ довольно нахваляться милостію и щедротами Его

Свѣтлости Хана, да и само Министерство теперь съ отличными похвалами о немъ отзывается. Присланнаго же Башь-Чегодаря со всею своею свитою Рейсъ-Эфенди ласково принявъ, отлично въ своемъ собственномъ домѣ угощаетъ.

Отправленные изъ здѣшняго Адмиралтейства незапно, послѣ моего послѣдняго нижайшаго доношенія, сею же дорогою посланнаго 6 числа сего Февраля, на Черное море, два военные фрегата, за противною погодою, стоять еще въ здѣшнемъ каналѣ у Буюкдере. По поданному отъ самага Рейсъ-Эфендія мнѣ изъясненію, получа извѣстіе, что между Фазомъ и Требизонтомъ разъѣзжаются нѣсколько морскихъ суденъ, кои, сказываясь принадлежащими извѣстному убѣгшему трехбунчужному Джаныкли-Али-Пашѣ, дѣлаютъ непорядки и грабежи. Порты, для лучшаго устрашенія находящихся на нихъ возмутителей и прекращенія причиняемыхъ ими непорядковъ и замѣшательствъ, за нужно нашла назначенное сперва туда число десяти Идріотекскихъ мелкихъ суденъ, сократя до трехъ, присовокупить къ тому помнимаемые два фрегаты, которые, при своемъ возвращеніи, имѣютъ взять, для перевозки сюда, приготовленный въ Требизонтѣ запасъ казенной мѣди съ проволокою. Такое изъясненіе тѣмъ вѣрнѣе кажется, что Порты обыкновенно всякій годъ по два военныхъ кораблей въ ту сторону отправляетъ для привоза, какъ онаго мѣднаго, такъ и лѣснаго, для здѣшняго Адмиралтейства, запасовъ, а теперь, какъ стороною слышно, на одномъ изъ реченныхъ двухъ фрегатъ, изъ здѣшняго Адмиралтейства посылается еще и нужный приборъ снастей для выстроеннаго въ Синопѣ новаго линейнаго корабля, на мѣсто собственнаго Капитанъ-Пашинскаго, потеряннаго извѣстнымъ образомъ изъ моихъ прежнихъ нижайшихъ доношеній подъ Суджакомъ, въ тамошнемъ походѣ прошлаго 1778 года.

Возвратившійся на сихъ дняхъ изъ Хотина мой Янычаръ Лель, возившій до того города моихъ послѣднихъ курьеровъ, сказываетъ, что для принятія главной команды въ Бендерахъ опредѣленъ двухбунчужный Ибрагимъ-Паша, и что отъ Порты посланъ одинъ Визирскій Чегодаръ, во всѣ Турецкія, пограничныя къ Австрійскимъ и Польскимъ областямъ, крѣпости съ повелѣніемъ, чтобъ Коменданты оныхъ, сдѣлавъ точную и обстоятельную

опись наличныхъ въ каждомъ мѣстѣ военныхъ орудій и припасовъ, недостающихъ по планамъ каждой крѣпости, отсюда требовали. А Хотинскій Губернаторъ, трехбунчужный Сулейманъ-Паша, навѣдываясь у реченнаго Янычара о здѣшнихъ повизнахъ, вызывался, что, по причинѣ появившихся нѣкоторыхъ сомнительствъ о намѣреніяхъ Вѣнскаго Двора, онъ ожидаетъ нѣсколько спаговъ для усиленія своего Хотинскаго гарнизона. По моимъ же собственнымъ извѣстіямъ теперь особенно отсюда въ Хотинъ посылается одинъ Ага для починки тамошней крѣпости.

Послѣ моего выше реченнаго нижайшаго доношенія не примѣчено здѣсь никакого новаго приключенія отъ моровой заразы, а, напротивъ того, со дня на день усугубляется недостатокъ говядины и баранины въ здѣшней столицѣ, что приписывается великому разливу рѣкъ въ Ромелии, который припятствуетъ подгону сюда той скотины; по моему же и послѣдняя Вѣнская почта, которая ожидалась сюда 11 числа, промедлила до 19 между Адрианополемъ и здѣшнимъ мѣстомъ.

Повергая все выше писанное на цѣломудрое усмотрѣніе, а себя высокой молодости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Пера.

Февраля 21 (Марта 3 дня), 1780 года.

РЕЛЯЦІЯ ПОСЛАННИКА СТАХІЕВА ИЗЪ ПЕРЫ ФЕВРАЛЯ 21 ДНЯ, 1780 ГОДА.

Вчерашняго числа я поручилъ Посольства Секретарю, Пизанию, при объявленіи, что отправляю своего собственнаго курьера ко Всевысочайшему Вашему Императорскаго Величества Двору, спросить у Рейсъ-Эфендія, не имѣетъ ли при томъ случаѣ пору-

чить мнѣ чего нужнаго ко всеподданнѣйшему доношенію, на что оный Министръ отвѣчалъ, коимъ образомъ на сей случай ничего таковаго не представляется, кромѣ того, что я могу ко всеподданнѣйшему моему доношенію о возвращеніи изъ Крыма сюда Сулейманъ-Аги и о прибытіи съ нимъ Ханскаго Башъ-Чегодаря, присовокупить, что какъ Верховный Визирь, такъ и самъ Его Величество, Султанъ, весьма довольны и доношеніемъ реченнаго Аги, и присланными отъ Хана грамотами съ Башъ-Чегодаремъ, которому, такъ какъ и двумъ другимъ, съ нимъ слѣдовавшимъ Ханскимъ же Чегодарямъ, Блистательная Порта подарила платье и другія вещи, и намѣрена неукоснительно ихъ въ Крымъ обратно отправить, по собственному Ханскому желанію, изъявленному какъ въ его грамотахъ, такъ и посредствомъ Сулейманъ-Аги, о чемъ въ свое время не приминетъ благовременно меня предупредить. А что касается до того, что благопомянутый Ханъ пишетъ о нѣкоторыхъ нуждахъ Татарской націи, какъ онъ Рейсъ-Эфенди прежде сказывалъ, то оныя относятся до Черкесовъ, съ коими, по видимому, Ханъ находится въ прекословномъ положеніи и по чему Блистательная Порта намѣрена ему отвѣтствовать, коимъ образомъ она не требуетъ отъ него ничего другаго, кромѣ дружбы его, ниже хочетъ вплетаться въ дѣла, ей не принадлежащія, Области и предѣлы, принадлежащія одной и другой сторонѣ, будучи извѣстны, всякъ можетъ въ своемъ Государствѣ дѣлать такія распоряженія, какія ему угодны, и между друзьями не пристойно одному мѣшаться въ дѣла другаго.

О Суджакѣ же и Закубанскихъ земляхъ Рейсъ-Эфенди при семъ своемъ предъявленіи ни слова не упомянулъ.

О чемъ донесши, со всеглубочайшимъ респектомъ пребываю.

Р. С. При семъ всеподданнѣйше повергаю на Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе сего дня принесенныя ко мнѣ изъ Константинополя вѣсти, изъ коихъ относящіяся до построения трехъ новыхъ крѣпостей на Азіятскомъ Черноморскомъ берегу кажутся не вѣроятными и требуютъ подтвержденія.

Въ Перѣ. Февраля 21 дня, 1780 года.

Изъ Константинополя. Февраля 21 дня, 1780 года.

Порта сдѣлала планъ для построения на Азіятскомъ Черноморскомъ берегу трехъ крѣпостей, по сю сторону крѣпости Самсонской, и рѣшилась въ оныхъ содержать знатныя гарнизоны.

По прїѣздѣ сюда изъ Крыму Сулейманъ-Аги, народъ начинаетъ быть доволенъ заключеніемъ мира съ Россійскою Имперією, и выхваляетъ поступки нынѣшняго Хана.

Предъ симъ бывшій Языджи-Агмедъ-Эфенди сказываетъ, что Порта не дозволитъ отплыть впредъ умножаться на Черномъ морѣ Россійскимъ купеческимъ суднамъ, товары же Россійскихъ купцовъ перевозимы будутъ на судахъ, Турецкимъ подданнымъ принадлежащихъ.

Слухъ носится, что Крымскій Ханъ весьма богато одарилъ Сулейманъ-Агу и его людей, но со всѣмъ тѣмъ послѣдніе намѣрены подать Портѣ меморіалъ, жалуясь на его ненасытность.

Люди, прибывшіе изъ Крыму, говорятъ, что Крымскій Ханъ и по сіе время содержитъ въ мѣстѣ, называемомъ Сауръ, одного Абазинскаго Бея подъ арестомъ.

Получено 18 Марта, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Отправляя сего дня своего собственного курьера съ разными ко Всевысочайшему Двору доношеніями, за долгъ себѣ ставлю и Вашему Высокографскому Сіятельству чрезъ оіе нижайше донести, что извѣстный къ Крымскому Хану съ Калифскою грамотою отъ Порты посланный Султанскій Титулярный Оберъ-Шталмейстеръ, Сулеманъ-Ага, 12 числа сего Февраля, благополучно возвратился совокупно съ присланнымъ отъ Его Свѣтлости Хана Шагинъ-Гирея его Башъ-Чегодаремъ; какимъ же образомъ Рейсъ-Эфенди о Ханскихъ съ реченнымъ Башъ-Чегодаремъ присланныхъ грамотахъ третьяго дня ко мнѣ вызвался, оное, Ваше Высокографское Сіятельство, милостиво усмотрѣть соизволите изъ

приложенной при семь копій рабской моей о томъ реляціи. Оный Рейсъ-Эфенди, по собственному Ханскому прошенію, слѣлаиъ его Повѣреннымъ въ дѣлахъ у Порты Оттоманской, чѣмъ оный Министръ весьма доволенъ, да и со мною по сей часть ласково и съ дружескою податливостію въ дѣлахъ не иначе поступаетъ, а по случаю незапнаго отправленія предъ недавнимъ временемъ изъ здѣшняго Адмиралтейства на Черное море двухъ военныхъ фрегатозъ съ тремя мелкими Идріотскими полугалерами, на мой запросъ безъ всякаго запинанія изъяснился, что, получа новыя извѣстія, коимъ образомъ между Фазомъ и Требизонтомъ появились разныя суда, которыя, сказываясь принадлежащими извѣстному убѣгшему въ Татарскую сторону Джаныкль-Али-Пашѣ, причиняютъ на тамошнемъ берегу разныя неурядки и грабежи. Порта за нужно нашла сперва опредѣленное къ отправленію туда число десяти Идріотскихъ мелкихъ суденъ сократить только до трехъ и присовокупить къ тому оныя два фрегаты, для лучшаго устрашенія развѣзжающихъ на помянутыхъ судахъ бунтовщиковъ, и что оныя фрегаты, при своемъ сюда возвращеніи, имѣютъ, по прежнему обыкновенію, перевезти сюда приготовленный въ Требизонтъ запасъ казенной мѣди съ проволокою. А стороною я свѣдалъ, что на одномъ изъ оныхъ фрегатозъ отправляются снасти для выстроенаго въ Синопѣ новаго линейнаго корабля, на мѣсто потеряннаго въ походѣ подъ Суджакомъ въ прошломъ 1778 году, что все тѣмъ въроятнѣе кажется, что всякій годъ обыкновенно такое число отсюда на Черное море посылается для привоза сюда означенной мѣди и лѣсныхъ припасовъ для корабельнаго строенія въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ.

Принимаемая же нужныя оборонительныя мѣры въ Хотинѣ и въ другихъ, съ Австрійскими областями пограничныхъ, крѣпостяхъ, подтверждають учиненное мнѣ предъ нѣкоторымъ временемъ отъ надежнаго человѣка откровеніе, что Порта опасается Цесарскихъ противу себя непріятельскихъ замысловъ.

Впрочемъ, повергая себя высокой милости и покровительству,

съ майглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства,
нижайшій слуга
Александръ Стахіевъ.

Пера.
Февраля 22 дня, 1780 года.

Получено 25 Марта.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Третьяго дня Рейсъ-Эфенди, препоруча Посольства Секретарю, Пизанію, миѣ сказать, что онъ на сихъ дняхъ возвращаетъ въ Крымъ къ Его Свѣтлости, Хану Шагинъ-Гирею, присланнаго отъ него сюда Башъ-Чегодаря, извѣстнаго изъ прежнихъ моихъ нижайшихъ доношеній, въ доказательство своей искренности и дружеской откровенности, прочиталъ ему отправляемое съ онымъ Башъ-Чегодаремъ къ реченному Хану Визпрское письмо, которое, поколику Пизанію упомянуть возможно ниже слѣдующаго существа:

Что по возвращеніи сюда Султанскаго Оберъ-Шталмейстера, Рушь-Сулейманъ Аги, совокупно съ Ханскимъ Башъ-Чегодаремъ, оный Визирь получилъ Ханское къ нему письмо, такъ какъ и арзъ его къ Султанову Величеству, который отъ онаго Монарха принять съ удовольствіемъ и произвелъ въ немъ найиріятнѣйшее изображение для Его Свѣтлости Хана, по чему и посылаетъ ему свое благословеніе.

Послѣ чего, прописавъ содержаніе всего Ханскаго письма, Визирь извѣщаетъ Хану, что Рейсъ-Эфенди, принявъ съ должнымъ почтеніемъ и признаніемъ вложенное на него качество Ханскаго

Повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ, онъ надѣлъ на него почетный кафтанъ, а за тѣмъ извиняетъ выше реченнаго Сулейманъ-Агу, что не вступилъ въ негоціацію о Суджакѣ и сосѣднихъ къ тому народахъ, и предъставляя, что всѣ, относящіяся до Татарскаго народа, нужды, будучи совершенно кончены, вызывается коимъ образомъ Ханское требованіе уступить Татарамъ Суджакъ съ окрестными Абазинцами не можетъ инаго воспричинствовать, какъ новыя распри и остуду; по тому что оную крѣпость Блистательная Порта построила въ такое время, когда Татары жаловались на принимаемыя отъ тамошнихъ жителей имъ неспосныя обиды и грабежи, и что Блистательная Порта, по прошенію тогдашняго Хана, принуждена была туда послать свой флотъ, и построя реченную крѣпость, усмиривъ и покоривъ себѣ живущую окрестъ оной крѣпости націю, опредѣля ей предводителемъ одного Бей, узаконеннаго своимъ братомъ, и что все то ясно и подробно описано въ Рашидовой Оттоманской Исторіи.

Прочитавъ оное письмо, Рейсъ-Эфенди поручилъ Пизанію сказать мнѣ еще, что онъ то сообщаетъ мнѣ партикулярно, съ собственной своей дружеской откровенности и усердія къ найвысшему утвержденію истинной дружбы и откровеннаго добраго согласія между обоими высокими Имперіями, безъ испрошенія на то Визирскаго совзволенія, равно какъ и ниже слѣдующее, а именно, что нѣкоторые изъ Оттоманскихъ Министровъ, выключая его, думаютъ, что Его Свѣтлость Ханъ о выше реченной уступкѣ Татарамъ Суджака и Абазинскихъ селеній шипеть по наущенію Всевысочайшаго Двора, для содержанія Порты въ безпокойствѣ и страхѣ, чему онъ, Рейсъ-Эфенди, ни мамо не вѣря, проситъ меня написать къ Господину Резиденту Константинову, чтобъ онъ приложилъ стараніе Его Свѣтлость Хана отвратить отъ такихъ требованій, по тому что отъ того не можетъ инаго, кромѣ новой остуды и неприятныхъ хлопотъ, воспослѣдовать.

Сіе послѣднее Рейсъ-Эфендиево откровеніе тѣмъ чистосердечіемъ кажется, что существительное настояніе такого подозрѣнія на Всевысочайшій Дворъ мой, Константинопольскій каналь пересказывалъ неоднократно слышаннымъ отъ построннихъ въ томъ городѣ Турокъ.

При поверженіи выше писаннаго на цѣломудрое усмотрѣніе,

а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ
респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокофавскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Сталіевъ.

Пера.

Марта 6 дня, 1780 года.

Получено 7 Мая 1780 года.

Сіятельнѣшій Графъ,
Милостивый Государь!

Отправляя сего дня собственнаго своего курьера чрезъ Кіевъ, здѣсь сокращаюсъ нижеайше донести, что въ концѣ прошлаго Февраля Французскій каперъ Магагно, встрѣтя въ Смирнскомъ заливѣ наше торговое судно, Принца Константина, взявъ оное и снявъ нашъ флагъ, подъ своимъ въ Смирну привелъ, съ имѣющимся на ономъ желѣзнымъ грузомъ, подозрѣвая его Англичанамъ принадлежащимъ, по тому что оное въ прошломъ году у Фрацузовъ будучи отнято Англійскимъ каперомъ, Шмитомъ. Наша здѣшняя купеческая Контора Сиднева и Жамеса съ товарищи, оное въ Смирнѣ купя, посредствомъ своего комисіонера, Шампеня, Англійскаго подданнаго, посадила шкиперомъ на оное Англійскаго переселенца, Карла Андерсона, и послала оное въ Смирну съ желѣзнымъ грузомъ къ своимъ корреспондентамъ, Англійскимъ купцамъ, Лею и Мальтюсу. О чемъ о всемъ получа извѣстіе чрезъ нарочнаго, я изъяснилъ съ пребывающимъ здѣсь Французскимъ Посломъ, который, до полученія изъ Смирны собственнаго извѣстія отъ своего тамошняго Консула, на вчерашней почтѣ съ жестокимъ выговоромъ присовѣтовалъ такую ошибку поправить освобожденіемъ судна съ своимъ полнымъ грузомъ, прежде полученія отъ него формальнаго указація о томъ Королевскимъ именемъ, по требованію Порты Оттоманской учиненному, по моему ей представленію.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда новый Посланникъ отъ Грузискаго Владѣльца, Принца Гераклія, который, по достовѣрному, изъ Гори полученному, извѣстію, опустоша всю Эриванскую про-

винцію, при возвращеніи своемъ увезъ съ собою оттуда около десяти тысячъ семей Турецкихъ, Персидскихъ и Армянскихъ, а его союзникъ, Шускій Ибраимъ Ханъ, съ его полнорою пошелъ противу своихъ соперниковъ, Куискаго и Таврискаго Хановъ, а потомъ намѣренъ и далѣе слѣдовать противу Алифеть-Хана, который, послѣ смерти Керимъ-Хана, убивъ брата его и сына, сдѣлался Персидскимъ Регентомъ въ Шираской сторонѣ. Сей Алифеть-Ханъ былъ предводителемъ Керимъ-Ханова войска и взялъ у Турокъ Бассору.

Находящійся здѣсь Гишпанскій эмиръ, Болини, учиня, сперва чрезъ Капитана-Пашу, предложеніе, что его Дворъ желаетъ съ Портою заключить и торговой трактатъ, по тому доставилъ къ Верховному Визирю письмо отъ Гишпанскаго Верховнаго Министра, утверждающее означенное предложеніе, на что Визирь, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, изъясняется, что Блистательная Порта не только до сей поры, но и впредь, намѣрена постоянно содержать дружбу и доброе согласіе съ Испанскимъ Дворомъ; однако же нынѣшнія ея обстоятельства не позволяютъ ей приступить къ постановленію съ онымъ Дворомъ какого либо формальнаго трактата и такъ реченный Болини теперь собирается отсюда въ свое отечество возвратиться.

По причинѣ продолжающагося великаго разлитія рѣкъ въ Ромеліи, послѣдняя Вѣнская почта своимъ сюда прибытіемъ промедлила до 2 (13) числа сего мѣсяца.

Послѣ послѣдняго моего нижайшаго доношенія, не примѣчено въ здѣшнемъ мѣстѣ никакого приключенія отъ морской заразы.

Повергая все выше писанное на цѣломудрое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ наиблагочайшимъ респектомъ и велицеугодною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства,

нижайшій слуга

Александръ Стахѣевъ.

Пера.

Марта 9 (17) дня, 1780 года.

Сіятеильнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Третьяго дня Посольства Секретарь, Пизани, при случайномъ съ Рейсъ-Эфендіемъ разговорѣ о ложныхъ разглашеніяхъ въ иностранныхъ газетахъ, приписующихъ Портѣ Оттоманской военные замыслы, по данному отъ меня на такой случай наставленію, реченному Министру отвѣчала, что убѣжденъ будучи его послѣднимъ искреннимъ изъясненіемъ о неосновательности такихъ разглашеній, я не подаю болѣе никакого вниманія къ такимъ извѣстіямъ, и въ доказательство своего удовольствія и признанія оказываемой отъ него ко мнѣ искренности и откровенности, осмѣливаюсь его партикулярно предупредить, коимъ образомъ примѣчая, что реченныя разглашенія чинятся отъ Дворовъ, завидующихъ постоянно искренней дружбы и добраго согласія между обоими высокими Дворами для воспричинствованія чрезъ то между ими новаго усомнѣнія и недовѣренности, я за долгъ себѣ ставлю, для отвращенія всякихъ излишнихъ хлопотъ, въ случаѣ такихъ предосудительныхъ дружбъ и доброму согласію разглашеній, ни мало на оныхъ не утверждаюсь, партикулярно и въ дружеской откровенности съ нимъ искренно изъясниться, что я отъ него взаимно ожидаю въ подобныхъ случаяхъ, дабы, открывая такимъ образомъ истину, мы могли такіе предосудительные поиски дѣлать недѣйствительными и зазорными для ихъ издателей.

Рейсъ-Эфенди вызвался на то, что онъ не сомнѣвается, что Вѣнскій Дворъ одинъ изъ главнѣйшихъ нашихъ завистниковъ, по тому что кромѣ того, что оныя разглашенія постоянно въ Вѣнскихъ газетахъ находятся, Волошскій Господарь, въ своемъ послѣднемъ доношеніи, Порту увѣдомляетъ, коимъ образомъ, по его извѣстіямъ, въ Вѣгъ генерально разглашается, что нынѣшнее Оттоманское Министерство, будучи недовольно заключеннымъ въ послѣднемъ мѣстѣ съ Россійскимъ Дворомъ миромъ, упражняется въ военныхъ приготовленіяхъ и нарядахъ, на что отъ Порты реченному Господарю отвѣтствовано, что оное разглашеніе тѣмъ неосновательнѣе, что никогда еще не настояло съ Россійскимъ Дворомъ такой искренней дружбы и добраго согласія, какъ теперь, и что ниже на умъ приходило Блистательной Портѣ пред-

приимать военныхъ мѣръ, какія бы то ни были, будучи совершенно спокойна съ той стороны, по чему и указано реченному Господарю преслѣдовать и доискиваться, отъ кого такая ложь выдумана и разглашается, а въ заключеніе того Рейсъ-Эфенди присовокупилъ, что, понимая всю важность остерегаться злоумышленныхъ внушеній, въ случаѣ настоящія оныхъ, конечно, не преминеть партикулярно о томъ изъясниться со мною съ тою фамилярностію и искренностію, съ каковою до сей поры поступаетъ, прося и меня тому соотвѣтствовать.

Повергая выше реченное изъясненіе на цѣломудрое усмотрѣніе, за долгъ себѣ ставлю еще къ тому присовокупить, что и мой собственный каналъ у Порты постоянно предъявляетъ, что нынѣшнее Министерство не имѣетъ ни малой довѣренности къ Вѣнскому Двору, а Французскій Посолъ, отправя предъ нѣкоторымъ временемъ къ своему въ Берлинъ Министру одинъ пакетъ съ моимъ курьеромъ и подъ моимъ кувертомъ чрезъ Варшаву, на сихъ дняхъ павѣдываясь, не имѣю ли извѣстія о исправномъ онаго въ свое мѣсто доставленіи, вызвался, какъ онъ желалъ бы, чтобъ мои пакеты до Варшавы слѣдовали съ собственными курьерами, или, по крайней мѣрѣ, не чрезъ Леопольдъ (Львовъ), гдѣ Вѣнская почта находится, дабы и ему можно было тѣмъ пользоваться для своей корреспонденціи въ Берлинъ и другія мѣста, изъ чего подается поводъ заключать, что реченный Посолъ не хочетъ, чтобъ его Берлинская корреспонденція свѣдома была Вѣнскому Двору.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству, съ наиблагочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Пера.

Марта 6 дня, 1780 года.

Получено 28 Мая, 1780 г.

Сіятеल्याйшіи Графъ.

Милостивый Государь!

Въ моемъ послѣднемъ нижайшемъ письмѣ, сею же дорогою отправленномъ 6 (17) числа сего Марта, я имѣлъ честь, донести, коимъ образомъ Французскій Посолъ, Графъ де Сентъ-Пріестъ, присовѣтовалъ своему Смирнскому Консулу, до получения отъ себя формальнаго Королевскимъ имянемъ указанія, освободить и возвратить безъ всякаго ущерба наше торговое судно, Принца Константина, перехваченное въ Смирнскомъ заливѣ Французскимъ каперомъ Магагомъ, а здѣсь за долгъ себѣ ставлю къ тому нижайше присовокупить, что на завтра того реченный Посолъ съ возвращеннымъ отъ Сидневой Конторы въ Смирну курьеромъ, такое указаніе дѣйствительно отправя въ прошлый четвертокъ, 19 числа, я получилъ оттуда извѣстіе, какъ о прибытіи онаго курьера, такъ и о томъ, что Французскій Консулъ, по полученіи Посольскаго предварительнаго присовѣтованія, поминаемое судно нашему шкиперу, Карлу Андерсону, отдавалъ, но оный, не имѣвъ еще на то приказанія отъ своихъ хозяевъ, не хотѣлъ онаго принимать, а получа потомъ 15 числа такое приказаніе, согласился принять судно, и между тѣмъ прислалъ сюда свои протесты, которые, такъ какъ и выше означенное Французскаго Посла формальное указаніе, не премину повергнуть на цѣломудрое усмотрѣніе, при отправленіи собственнаго курьера на сихъ дняхъ чрезъ Кіевъ. Здѣсь же сокращаюсь только нижайше донести, что Порта о моемъ ей по тому представленіи съ Французскимъ Посломъ письменно изъяснилась и требовала повторительнаго запрещенія Французскимъ Капитанамъ дѣлать подобныя обиды и притѣсненія въ ея предѣлахъ, не только нейтральнымъ кораблямъ, но и взаимно между обоими воюющимъ Державамъ, по чему точную копию того требованія и Англійскому Послу сообщила.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Персіи Профессоръ лѣкарской науки, Мегмедъ-Мирза, эмисаромъ отъ Гиспаганскаго Задикъ-Хана, который, по предъявленію намѣряясь ити противу сына умершаго Персидскаго Регента, Зендъ-Керимъ-Хана, прислалъ онаго эмисара для исходатайствованія Оттоманской

благосклонности въ такомъ своемъ предиріятіи, но не видно еще, чтобъ Порты много ласкала того эмисара, а въ нублякѣ предъ-вѣляется, что и Грузинскій Владѣлецъ, Принцъ Гераклій, съ своей стороны дѣйствуетъ противу реченнаго Керимъ-Ханова сына.

8-го числа сего Марта, ночью, сдѣлался пожаръ въ домѣ прежняго Рейсъ-Эфендія, а нынѣ Айдинскаго Губернатора, Абдуль-Резакъ-Паши, при чемъ старшій того Паши сынъ съ своею женою и двумя малолѣтними дѣтьми згорѣли. Сей пожаръ, продолжаясь шесть часовъ съ довольно сильнымъ вѣтромъ, весьма опасенъ былъ для лавочныхъ рядовъ, если бы оныя не были заслонены высокими каменными стѣнами двухъ большихъ гостинныхъ дворовъ, изъ коихъ въ одномъ, однако же, не однократно загоралос.

9-го числа въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ отчаялись и стали на якоряхъ семь линейныхъ кораблей съ одною галерою, изготовленные въ походъ на Бѣлое море, подъ собственнымъ Капитанъ-Пашинымъ предводительствомъ, за чѣмъ теперь въ реченномъ Адмиралтействѣ остается не оснащенныхъ линейныхъ кораблей девять, фрегатовъ четыре и восемь галеръ. А два, означенные въ моихъ прежнихъ нижайшихъ доношеніяхъ, фрегата, въ походъ на Черное море отряженные съ тремя Идріотскими челками судами, не прежде какъ 12-го числа сего мѣсяца изъ здѣшняго канала на море пошли.

10-го числа, въ два часа по полудни, одна изъ Султаншъ благополучно родила Принцессу, которой дано имя Ребія, то есть, четвертая, а за тѣмъ послѣдующаго 13 и Султанская племянница, извѣстная невѣстка нынѣшняго Визиря, также благополучно отъ своего бремени освободилась рожденіемъ сына, который тотчасъ задавленъ, по здѣшнему узаконенію, которое не дозволяетъ произращенія мужеска пола отъ Султанскихъ дочерей, сестръ и тетокъ.

22-го числа обнародована у Порты перемена Губернаторовъ въ девяти Азіятскихъ провинціяхъ.

Извѣстный отъ Его Свѣтлости, Крымскаго Хана Шагишъ-Гирея, къ Портѣ присланный Башъ-Чегодаръ завтра возвращается съ сухимъ путемъ съ отвѣтными грамотами къ своему Государю.

Предъ нѣкоторымъ временемъ отправленъ отсюда водянымъ

путемъ Салагоръ-Хюрджи-Сулейманъ съ нѣсколькимъ числомъ каменщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей для починки Суджакской и Сухумской крѣпостей на Абазинскомъ берегу.

При поверженіи всего выше писаннаго на цѣломудрое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю;

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Пера.

Марта 24 (Апрѣля 4) дня, 1780 года.

Получено 24 Апрѣля, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Въ прошлый четвертокъ, по прибытіи сюда Вѣнскаго обыкновеннаго курьера, пребывающій здѣсь онаго двора Интернунциусъ, Баронъ Гербертъ, съ удовольствительнымъ видомъ сообщалъ мнѣ на единѣ, коимъ образомъ съ тѣмъ курьеромъ онъ получилъ отъ своего Двора извѣщеніе, что Императоръ, его Государь, намѣренъ въ будущемъ Маіѣ мѣсяцѣ ѣхать въ свои области Польскаго удѣла, и при томъ воспользоваться также намѣряемымъ Ея Императорскаго Величества, нашей Всеавгустѣйшей Монархини, путешествіемъ въ свои къ тому сосѣдственныя области, для личнаго съ нею свиданія. А третьяго дня Французскій Посолъ съ своей стороны меня предупредилъ, что оный Интернунциусъ такое извѣщеніе уже министеріально сообщалъ Портѣ, она адресовалась къ нему съ требованіемъ въ дружеской откровенности на то ближайшаго изясненія, на что онъ отвѣчалъ, что благопомянутый Императоръ, имѣвъ случай видѣться съ разными Евро-

пейскими Монархами, единственно для личнаго съ ними ознакомленія, чаятельно и сіе свиданіе не въ другомъ какомъ видѣ чинится; но Рейсъ-Эфенді наружно хотя и казался тѣмъ доволенъ, однако же изъ разныхъ другихъ его запросовъ и разсужденій, какъ-то о мѣстѣ, гдѣ такое свиданіе будетъ, о разстояніи обоюдныхъ областей между собою и связи обоихъ Дворовъ, о расположеніи ихъ войскъ и о мѣстѣ пребыванія Его Сіятельства, Генерала Фельдмаршала, Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, примѣчается, что такое свиданіе Порту приводитъ въ сумнѣніе и безпокойство, по чему я и не преминулъ вчерашняго числа дать предварительно наставленіе Посольства Секретарю, Пизанию, чтобъ, въ случаѣ вызыва о томъ и къ нему отъ Рейсъ-Эфенді, онъ, сходственно съ выше означеннымъ Посольскимъ изъясненіемъ, старался его успокоить. Рейсъ-Эфенді, увидя Пизанія, дѣйствительно началъ у него навѣдываться о новизнахъ съ послѣднимъ Вѣнскимъ курьеромъ полученныхъ, на что Пизани вызвавшись, что онъ ничего особенно важнаго не слыхалъ, кромѣ того, что въ публичныхъ вѣдомостяхъ стоятъ. Рейсъ-Эфенді спросилъ на то, что ко мнѣ пишетъ пребывающій въ Вѣнѣ нашъ Министръ. Пизани отвѣчалъ также, что и оный ничего особливо достопамятнаго не извѣщаетъ, но что пребывающій здѣсь Интерпунціусъ сказывалъ мнѣ, что Императоръ, его Государь, намѣренъ видѣться съ Ея Императорскимъ Величествомъ, нашею Всеавгустѣйшею Монархиней, при случаѣ лежащаго обоюднаго ихъ путешествія въ сосѣдственныя между собою провинціи, о чемъ, однако же, я еще ни изъ Вѣны, ниже изъ Санктпетербурга, самъ непосредственно не имѣю ни малѣйшаго извѣстія, да и о путешествіи Ея Императорскаго Величества вѣдаю только изъ публичныхъ вѣдомостей; въ прочемъ же зная, сколь Его Величество, Императоръ, любопытенъ имѣть лично знакомство съ современными Монархами, не удивляюсь, что онъ хочетъ воспользоваться случаемъ поминаемаго путешествія, лично ознакомиться съ такою великою и славною Монархиней, какова Ея Императорское Величество. На что на все Рейсъ-Эфенді, оказавъ се удивленіе, что не имѣетъ непосредственнаго о томъ извѣстія, примолвилъ, скоро ли уповаю получить отвѣтъ и полномочіе отъ Всевысочайшаго Двора на распоряженіе и постановленіе торговаго трактата? Пизани отвѣчалъ на то повѣдѣніемъ; Рейсъ-Эфенді вызвался:

какъ желательно, чтобъ и оный пунктъ въ непродолжительномъ времени въ надлежащій порядокъ приведенъ былъ къ найвящему утвержденію дружбы и для взаимнаго обоихъ высокихъ Имперій спокойства!

Изъ вызововъ другихъ здѣсь чужестранныхъ Министровъ довольно ощутительно, что поминаемое свиданіе Порту приводить въ заботу, по тому что Рейсъ-Эфенди, въ самый день Интернуңіу-сова ему о томъ предъявленія, навѣдывался, что каждый изъ другихъ чужестранныхъ Министровъ о томъ разсуждаетъ, а по предъявленію моего секретнаго канала, здѣшнее Министерство не можетъ вообразить себѣ, чтобъ такое свиданіе такъ невинно было, какъ предъявляется, тѣмъ паче, что оное постоянно подозрѣвая Его Величество, Императора, наклоннымъ къ войнѣ, опасается, что, при ономъ свиданіи, онъ будетъ стараться, по крайней мѣрѣ, достать себѣ свободныя руки противу Турокъ.

Повергая выше писанное на цѣломудрое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ пайглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю.

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Пера.

Марта 30 дня, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Изъ моихъ рабскихъ двухъ, при семь въ копіи слѣдующихъ, реліцій, подъ № 16 и 20, Ваше Высокографское Сіятельство, во всемъ своемъ пространствѣ милостиво усмотрѣть изволите, какъ бывшія Турецкаго Министерства со мною изъясненія, по случаю обнародованія разглашеній предосудительныхъ настоящей дружбѣ

и доброму согласію между Всевысочайшимъ Дворомъ и Портою Оттоманскою, такъ и другія здѣшняго мѣста новизны, а изъ особеннаго письма и намѣреніе Его Величества, Германскаго Императора, имѣть личное свиданіе съ Ея Императорскимъ Величествомъ, нашею Всеавгустѣйшею Монархинею, при случаѣ обоюдно намѣряемаго ихъ путешествія въ свои пограничныя провинціи, что все чрезъ сіе нижайше повергая на цѣломудрое разсмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и велицеумѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Цера.

Апрѣля 3 дня, 1780 года.

РЕЛЯЦИЯ ПОСЛАННИКА СТАХІЕВА ИЗЪ ЦЕРЫ, МАРТА 24 ДНЯ, 1780 ГОДА
ПОДЪ № 16.

Изъ слѣдующей при семъ подь № 1 въ переводѣ на Россійскомъ языкѣ записки, поданной отъ Посольства Секретаря, Пизанія, Ваше Императорское Величество, Всевысочайше, во всемъ своемъ пространствѣ, усмотрѣть соизволите, не только, какимъ образомъ Рейсъ-Эфенди, 9 числа сего Марта, вызывался предъ реченнымъ Посольства Секретаремъ, относительно корабельнаго строенія въ Херсонскомъ портѣ, упоминаемаго въ экстрактѣ Вѣнской Французской газеты, при семъ подь № 2 прилагаемомъ, но и что я, съ своей стороны, на то ему отвѣчалъ. Я воздержался при томъ отъ возраженія противу вызыва, что Черное море Портѣ принадлежитъ, по тому что не предусматривалъ отъ того другаго плода, кромѣ усугубленія безвременной опасности и тревоги у здѣшняго Министерства. чѣмъ оно и безъ того довольно заражено, и продолжительно заражается подаваемыми отъ времени до

времени зломысленными извѣстіями, какъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ, такъ и изъ пограничныхъ мѣстъ, какъ то видно изъ другого онаго Рейсь-Эфендія вызыва, учиненнаго 17 за тѣмъ послѣдующаго числа, на который онъ побужденъ бытъ полученнымъ изъ Отакова доношеніемъ къ Портѣ отъ тамошняго Паши, по предъявленію моего секретнаго канала, чему само Министерство хотя и не вѣритъ, да опасается, что его завистники могутъ ему поставить въ вину, если оно такія извѣстія безъ вниманія оставлять будетъ. По чему и всякій слухъ здѣсь, какъ бы нескладенъ ни былъ, часто принуждаетъ здѣшнее Министерство, противу собственнаго своего удостовѣренія, почитать оный важнымъ и заботиться о просвѣщеніи, особливо по дѣламъ сосѣднихъ Державъ, кои въ наймалѣйшія движенія обыкновенно увеличиваются и оглашаются подозрительными, и подаваемая отъ Министерства тѣхъ Державъ извѣщенія сомнительными.

Приложеніе къ № 16, 1780.

ЗАПИСКА, ПОДАННАЯ ОТЪ ПОСОЛЬСТВА СЕКРЕТАРЯ, ПИЗАНЦА, О ДВУХЪ ЕГО РАЗГОВОРАХЪ СЪ РЕЙСЬ-ЭФЕНДИЕМЪ.

Марта 9 числа, при случаѣ моего съ Рейсь-Эфендіемъ свиданія, оный Министръ вызвался, какъ, пользуется уговоромъ, чтобъ для лучшаго поснѣшествованія добраго согласія между обоими высокими Дворами, взаимно дѣлать запросы и изъясняться въ дружеской откровенности и партикулярно, а не министеріально, о всякомъ сумнительномъ дѣлѣ, съ своей стороны такимъ образомъ партикулярно, а не министеріально, спрашиваетъ у Васъ откровеннаго изъясненія по случаю новизны, которую онъ читаетъ въ прибавленіи въ Вѣнской Вѣдомости № 13, отъ 12 Февраля, подъ артикуломъ изъ Молдавіи, отъ 9 Генваря сего года, гдѣ гласитъ, какъ слѣдуетъ:

«Прибывшіе изъ Татаріи Греческіе кушцы извѣстили, что въ Херсонскомъ портѣ и на тамошнихъ верфяхъ упражняются въ строеніи пяти новыхъ большихъ кораблей, кои хотя и называются

торговыми судами, да знатоки увѣряють, что, для превращенія оныхъ въ военные корабли, недостаетъ только орудій и войска. Къ чему прибавляется еще, что такое строеніе весьма прибыльно Польскимъ помѣщикамъ, имѣющимъ лѣса по берегамъ Буга и Днѣпра, найначе, что Россія покупаетъ по 25 рублей футъ лѣса, годнаго къ корабельному строенію.»

Рейсъ-Эфенди, прочтавъ мнѣ оный артикулъ, который онъ имѣлъ въ переводѣ на Турецкомъ языкѣ, продолжалъ, что желаетъ отъ Васъ свѣдать, правда ли то? изыясняясь при томъ, что ежели тѣ суда такъ велики, какъ сказывается, то оныя не могутъ быть торговыя и, не будучи торговой величины, надобно, чтобъ были военныя; а какъ на Черномъ морѣ пѣтъ никакой другой смежной Державы, противу которой можно употреблять такія суда, такъ ясно, для какого употребленія оныя назначены, что, по силѣ трактата, не позволено Россійскимъ кораблямъ такой величины плавать по Черному морю, которое Блистательной Портѣ принадлежитъ, а позволяется только однимъ торговымъ судамъ; а наконецъ, что онъ дѣлаетъ оный запросъ не министеріально, по тому что не можетъ никогда вѣрить, чтобъ Россійскій Дворъ помышлялъ что либо непріятельское противу Порты въ такую пору, когда миръ установленъ и не преподается никакой опасности къ беспокойству съ стороны Блистательной Порты, которая помышляетъ вѣчно наблюдать миръ.

10 числа, возвратясь къ Рейсъ-Эфендію, по приказанію Вашему, отвѣчалъ ему на его выше означенный вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ Вамъ весьма пріятно, что онъ съ своей стороны, равнымъ образомъ, какъ и Вы, въ партикулярной откровенности, а не министеріально, въ сомнительныхъ случаяхъ изыясняется, и что Вы охотно и съ совершенною искренностію поручили мнѣ подать ему ниже слѣдующее изыясненіе, на учиненный отъ него вопросъ, а именно:

Что Вы не имѣете ни отъ Всевысочайшаго Двора, ниже изъ Херсона, никакого извѣстія о поминаемомъ строеніи кораблей, по чае, что оныя не иные, какъ тѣ, кои во время минувшихъ сомнительныхъ обстоятельствъ между обоими высокими Дворами вынужденно застроены, слѣдовательно, и надобно ихъ достроить; что величина торговыхъ кораблей, употребляемыхъ для торговаго

производства въ Оттоманскихъ гаваняхъ, будучи единожды опредѣлена въ послѣдней конвенціи, Блистательной Портѣ надобно быть весьма спокойной: что то несомнѣнно и точно наблюдаемо будетъ, и что не можно ей жаловаться на то, развѣ въ случаѣ дѣйствительной въ томъ неустойки; а примѣчаніе, что Россія покупаетъ по 25-ти рублевъ футъ лѣсу, годнаго къ корабельному строенію, происходитъ отъ недоразумѣнія того, кто Вѣнскую газету съ Французскаго на Турецкій языкъ переводилъ, по тому что Французскія слова «un pied d'arbre» значать цѣлое дерево, а не куски, и что такія цѣлыя дерева, особливо же годныя на мачты, и дороже означенной цѣны иногда покупаются. Чинимое же внушеніе, что для превращенія тѣхъ суденъ въ военные корабли недостаетъ только орудій и войска, доказываетъ только злой умыселъ напрасно тревожить Порту, инако же на такомъ основаніи можно и всякую лодку почитать военнымъ кораблемъ; и наконецъ, что хотя бы реченные корабли и въ существѣ были военные, такъ Вы смѣло можете увѣрить, что и оныя, такъ какъ Турецкіе, сгнютъ безъ употребленія въ своей гавани, если Блистательная Порта продолжительно и постоянно съ своей стороны оставаться будетъ въ такихъ миролюбивыхъ сентиментахъ и добромъ согласіи со Всевысочайшимъ Дворомъ, въ каковыхъ теперь благополучно пребываетъ, по тому что Всевысочайшій Дворъ ни о чемъ другомъ не печется, какъ о святости взаимныхъ по трактату обязательствъ и соблюденій вѣчнаго мира, въ нарушеніи котораго съ своей стороны, конечно, никогда не преподаетъ повода.

Рейсъ-Эфенди казался доволенъ моимъ выше реченнымъ отвѣтомъ, и ничего другого далѣе не примолвилъ, какъ точію, что съ Божіею помощію дружба со дня на день возрастать будетъ.

17 числа Рейсъ-Эфенди вызвался, что, слышавъ разныя новизны, хочеть оныя пересказать мнѣ, какъ баснословные рассказы, для перенесенія Вамъ и узнанія Вашего по тому мнѣнію. Оныя новизны состоятъ въ ниже слѣдующемъ: что двадцать тысячъ человекъ Россійскаго пѣхотнаго войска въ Польшу дѣйствительно вступили и тридцать тысячъ конницы еще туда ожидаются. Что часть онаго войска идетъ въ Крымъ; что въ Полтавѣ и около

Турецкой границы чинятся военныя приготовления; что всѣмъ подданнымъ Блистательной Порты запрещено за границу переезжать, подъ предлогомъ загражденія себя въ Россійскихъ областяхъ отъ моровой заразы, хотя она въ тамошнемъ краѣ и не настоятъ, но въ существѣ такое запрещеніе учинено для того, чтобъ не допускать видѣть того, что въ реченныхъ областяхъ происходитъ. Что Россійскій Дворъ взялъ къ себѣ Баталь-Бей, сына известнаго Джаңыкли-Али-Паши, и наконецъ, что братъ Его Свѣтлости, Хана Шагиъ-Гирея, на Кубанской сторонѣ набираетъ знатное число войска, для переведенія въ Крымъ.

18 числа возвратясь съ отвѣгомъ Вашимъ къ Рейсъ-Эфендію, порученное мнѣ отъ Васъ истолкованіе и доказательства неосновательности оныхъ зломысленныхъ новизнъ, я препроводилъ, по приказанію Вашему, съ найсильнѣйшимъ отъ Васъ увѣреніемъ, что Всевысочайшій Дворъ, непоколебимо пребывая въ миролюбивыхъ и дружескихъ сентиментахъ съ Блистательною Портою, не только не упражняется ни въ какихъ ополчительныхъ приуготовленіяхъ въ смежныхъ съ нею мѣстахъ, но ниже помышляетъ о томъ.

Рейсъ-Эфенди отвѣчалъ на то, что онъ тѣ новизны сообщилъ не изъ какого сумнѣнія о дружескихъ и миролюбивыхъ сентиментахъ Всевысочайшаго Двора, но единственно для пересказанія того, что слышалъ; а если бы ощущалъ въ томъ какую основательность, или вѣроятность, въ такомъ случаѣ искренно бы изъяснилъ Вамъ свое сомнѣніе.

№ 2 ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ ПРИБАВЛЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ВѢНСКОЙ ГАЗЕТЫ
ПОДЪ № 13, 1780.

Des frontières de la Moldavie le 9 Janvier.

Des marchands grecs arrivés de la Tartarie ont donné l'avis que dans le port de Kersova et sur les chantiers, on était occupé à coustruire cinq nouveaux gros vaisseaux. On dit à la vérité que

ce ne sont que des bâtimens marchands, mais des connoisseurs assurent, que pour les transformer en des vaisseaux de guerre, il ne falloit que les armer et y mettre des troupes. On ajoute qu'à cette occasion les seigneurs Polonais, propriétaires des forêts, qui bordent les fleuves du Bog et du Dnièpre, y trouvent très bien leur compte, d'autant que la Russie achete 25 roubles un pied d'arbre propre à la construction des vaisseaux.

РЕЛЯЦІЯ ПОСЛАННИКА СТАХІЕВА, ОТЪ 3 АПРѢЛЯ, 1780 ГОДА, ПОДЪ
№ 20.

Морантскіе пріяматы: Гіоргаки Леопуло, Мелетій Кривата, Димось Канелопуло и Симахось Закмъ, 13 числа минувшаго Марта, подали Портѣ, при семъ въ переводѣ на Россійскомъ языкѣ на Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе всенижайше повергаемую челобитную о возвращеніи конфискованнаго у нихъ и другихъ ихъ земляковъ, по причинѣ ихъ усердствованія Всевысочайшимъ Вашимъ интересамъ противу Турокъ въ послѣднюю войну, и при спрашиваніи ихъ у Порты, по чему оныя имѣнія конфискованы, послѣдніе три изъ реченныхъ пріаматовъ сами собою обѣщали Портѣ:

1-е. Вѣрность и повиновеніе, и что никогда болѣе возмущаться не будутъ, а тѣмъ менѣе усердствовать и пособлять противу Порты кому бы то ни было, ручаясь въ томъ за всѣхъ своихъ земляковъ подѣ смертною казнію отъ семилѣтнаго возраста.

2-е. По прежнему содержать потребное число войска для затворенія и препятствованія входа Альбанцамъ въ Морею.

3-е. Платить по прежнему Портѣ подушной окладъ за семьдесятъ тысячъ душъ, и выманить изъ чужестранныхъ областей всѣхъ, туда разбѣжавшихся, своихъ единоплеменцевъ, и наконецъ

4-е. Заплатить Атабею и Сулейманъ-Эфендію двѣнадцать мѣшковъ денегъ, которыя тѣ два Турка выдали въ казну при

взятіи себѣ одной доли тѣхъ конфискованныхъ имѣній на вѣчный откупъ.

А Гюргаки Леопулю, напротивъ того, предъявляя, что они, не имѣя уполномоченія отъ другихъ на такія обѣщанія, не могутъ въ дѣйствительномъ того исполненіи ручаться за все свое общество, обѣщаетъ свою собственную вѣрность и повиновеніе, а въ содержаніи потребнаго числа войска для препятствованія входа Альбанцамъ въ Морею требуетъ, чтобъ и Морейскіе Турки ту тягость съ ними несли. Подушной же окладъ платить за наличное число жителей въ Морей, по тому что не можно ручаться, чтобъ разбѣжавшіеся всѣ возвратиться похотѣли; безъ того же малому и разоренному наличному числу жителей нѣтъ возможности толь знатной суммы доставать; и наконецъ, что требуемое возвращеніе двумъ означеннымъ Туркамъ выданныхъ ими въ казну двѣнадцати мѣшковъ, спосно бы было, если бы не было другихъ Турокъ, которые по тому примѣру гораздо знатнѣйшаго выкупа требовать будутъ за остальную долю такихъ конфискованныхъ имѣній, хотя оныи имъ и подарены отъ Порты.

Другіе три примата, будучи такою Леопулевою оговоркою недовольны, огласили его у Порты безпредѣльно преданнымъ Всевысочайшему Вашему Императорскаго Величества Двору, и что онъ ничего безъ моего присовѣтованія не дѣлаетъ, по чему и остается тотъ искъ оныхъ Морайтовъ безъ всякаго еще рѣшенія, да и трудно уповать добраго въ томъ успѣха, по причинѣ выше означеннаго прекословія челобитчиковъ между собою.

По ближайшему, отъ надежной руки поданному мнѣ извѣщенію о прибывшемъ сюда предъ недавнимъ временемъ эмисарѣ изъ Персіи, послѣ смерти тамошняго Регента Зендъ-Керимъ-Хана, появились въ Персіи трое претендентовъ къ заступленію его мѣста: первый сынъ его, Эбульфеть-Ханъ, другой Керимъ-Хановъ братъ, Залинъ-Ханъ, и третій Муратъ-Али-Ханъ, изъ коихъ второй, побѣдя своего племянника, содержитъ его въ заточеніи и владѣетъ Шираскимъ удѣломъ, а Муратъ-Али-Ханъ Гиспаганскимъ, и, будучи оба равносильны, воюють, между собою; а выше реченный эмисаръ присланъ сюда отъ Хана Надиръ-Сани, который Шахъ-Надинова поколѣнія по женскому полу, который, прежде составленія себѣ партіи въ Персіи и обнародованія себя претен-

дентомъ, просить себя, чрезъ поминаемаго эмисара, вспоможенія и подпоры отъ Порты, обещающа ей великія выгоды, ежели предъупредитъ сдѣлаться самодержавнымъ Ханомъ въ Персіи.

А присланный отъ Грузинскаго владѣльца, Принца Гераклія, изъ моихъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ доношеній Всевысочайше извѣстный эмисаръ-Карумъ-Ага, есть Грузинецъ Магометанской вѣры, который, послѣ своего съ Рейсъ-Эфендіемъ свиданія, такъ строго въ домѣ Рейсъ-Эфендіева Башъ-Чегодаря содержится, что никто къ нему не допускается, но чему проникнуть не можно, за чѣмъ оный точно къ Портѣ присланъ.

На прошлой недѣлѣ одинъ деревенскій Грекъ, будучи пойманъ здѣсь въ Перѣ съ убитымъ ягненкомъ, котораго онъ несъ на продажу, отведенъ къ Верховному Визирю, который безъ всякаго изслѣдованія указалъ ему тотчасъ голову отрубить, что и исполнено, а за нѣсколько дней предъ тѣмъ и за такое преступленіе равнымъ образомъ казнены четверо Турокъ, изъ коихъ два Адмиралтейскіе матросы, а другіе два Бостанжи были; такая чрезмѣрная жестокость всякаго въ ужасъ приводитъ.

Вчерашняго числа около полудня Капитанъ Паша съ обыкновенною церемоніею имѣлъ свою отпускную аудіенцію у Его Султана Величества, и сталъ на рейдъ съ флотомъ своимъ, состоящимъ въ семи линейныхъ корабляхъ и въ трехъ галерахъ, съ которыми, по предъявленію, пойдетъ въ Бѣлое море, сперва для усмиренія возмущившихся Майнотовъ, а потомъ въ Морею. За два дни предъ тѣмъ Венеціанскій Посоль, Меммо, былъ у него и подарилъ ему одни столовые часы и зеркало. Послѣ отпускнуой аудіенціи онъ обѣдалъ съ Визиремъ, по обыкновенію, подъ палатками, возлѣ Султанскаго загороднаго Безикташскаго дворца, гдѣ, при разставаніи, Визирь подарилъ ему отъ себя соболью шубу, и болѣе ста кафтановъ роздалъ флотскимъ служителямъ, напротивъ чего онъ, съ своей стороны, Визирскую свиту дарилъ червонцами. Султанъ же между тѣмъ изволилъ въ шлюбкѣ съ сыномъ своимъ ѣздить въ другой свой загородный дворецъ, Кеать-Хана называемый. День вступленія флота въ походъ точно еще не извѣстенъ, а если оный воспослѣдуетъ прежде 23-го числа сего Апрѣля, въ такомъ случаѣ съ основаніемъ можно заключить, что

чрезвычайная нужда требовала; иначе же прежде того числа флотъ обыкновенно въ походъ не отправляется.

О Морейскихъ обстоятельствахъ и происшествіяхъ не можно ничего точно утвердительнаго при семъ случаѣ сказать, по тому что иногда оныя предъявляются смутными, а иногда совершенно успокоенными; а послѣдній объ оныхъ по городу носящійся слухъ гласить, что возлѣ того полуострова вновь около штинадцати тысячъ Альбанцовъ собралось, и что Порты назначила послать противу ихъ, Всевысочайше извѣстнаго, трехбунчужнаго Мелекъ-Мегемедъ-Пашу.

А о замѣшательствахъ въ Черноморскихъ Азіатскихъ провинціяхъ съ нѣкотораго времени ничего не слышно, равно какъ и о жребіи Джаныкли-Али-Паши, кромѣ того одного, что послѣ его побѣга отыскано и къ Портѣ прислано изъ его имѣнія различными деньгами до двухсотъ пятидесяти тысячъ левковъ.

По послѣднимъ изъ Смирны полученнымъ извѣстіямъ прибывшее туда одно Англійское купеческое судно предъявляетъ, что, будучи на дорогѣ атаковано Всевысочайше извѣстнымъ Французскимъ каперомъ Магангомъ, пересилия его, загнало на мель у одного острова, гдѣ судно его погодою разбило. Также, что въ тамошней Смирнской пристани накопилось изъ разныхъ Левантскихъ портовъ до шестидесяти Французскихъ купеческихъ суденъ, которыя и подъ покровительствомъ трехъ военныхъ фрегатовъ не смѣютъ обратнаго пути въ свое отечество предпринять, опасаясь Англійскаго флота, который почитается прибышимъ въ Средиземное море.

Всевысочайше извѣстный, бывшій здѣсь Крымскаго Хана Башъ-Чегодаръ, на сихъ дняхъ отправяся отсюда водянымъ путемъ, по сіе число стоитъ еще на Черноморскомъ устьѣ, ожидая себя способнаго вѣтра.

Въ дополненіе моихъ всенижайшихъ доношеній о воснослѣдовавшемъ отъ Порты препятствованіи приѣзжать въ Суецъ Европейскимъ кораблямъ, при семъ на Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе всенижайше повергаю въ переводѣ на Французскомъ языкѣ повторительный Султанскій о томъ указъ, въ прошломъ году выданный.

Р. С. Вчера въ Порты задавлена и въ воду брошена дочь умершаго трехбунчужнаго Паши, Капу-Кыранъ, за то, что, ушедъ изъ отцовскаго дома, нѣсколько дней жила съ однимъ Адмиралтейскимъ матросомъ.

А сего дня, по именному Его Султанова Величества, указу, предъ выѣздомъ его въ мечеть, у дворцовыхъ воротъ, отрублена голова бывшему въ Синодѣ въ должности надзирателя надъ хлѣбными магазейнами, Заиму съ Капуджи-Башицкимъ чиномъ. Чатаджинскому Мустафѣ-Агѣ, подъ предлогомъ, что онъ былъ причиною, что отиравленное, подъ руководствомъ, Всевысочайше извѣстнаго, Чананъ-Оглу, войско противу Джаныкли-Али-Пашинскихъ партизановъ, разбито было; въ существѣ же за то, что оный Заимъ, будучи обвиненъ, что онъ изъ конфискованнаго имѣнія реченнаго Паши захватилъ себѣ до шести сотъ мѣшковъ денегъ, и не хотѣлъ въ томъ повиниться, хотя въ такомъ случаѣ и было Султанское соизволеніе, чтобъ безъ наказанія ту сумму отъ него взыскать.

Цера.

Апрѣля 3 дня, 1780 года.

—

ПЕРЕВОДЪ ПРОШЕНІЯ, ПОДАННАГО ПОРТѢ МОРАИТАМИ, МАРТА 13 ДНЯ,
1780 ГОДА.

Сіе прошеніе рабовъ Вашихъ, Морейцевъ, состоитъ въ томъ, что, слыша мы великое Ваше милосердіе, пришедъ, припадаемъ, прося, чтобъ, ради многолѣтней жизни державиѣщаго Султана, скалились надъ нами, въ продолженіи толикихъ лѣтъ отъ многихъ бѣдствій измождаемыми, и умиловившись повелѣли отдать намъ имѣніе наше въ прежнюю власть. О такомъ же милосердіи увѣдомившись и другіе, разсѣянные подданные, будутъ со всѣхъ мѣстъ въ Морю, въ наше отечество, стекаться на отдохновеніе, доставая насущный хлѣбъ и молясь по всю свою жизнь о долгоденствіи, какъ Его Султанскаго Величества, такъ и Вашего Высочества; ибо естли нынѣ, въ священныя и блаженныя дни Ваши

не будутъ возвращены намъ имѣнія наши и не соберутся туда подданные, да и не получить Морея желаннаго благоучрежденія, то мы сего милосердія при иномъ Визирѣ не уповаемъ. Богъ же да многолѣтнимъ Васъ сотворить!

Получено 28 Мая, 1780 го да.

Сіятедьнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Въ постскриптѣ рабской моеѣ реляціи подъ № 20-мъ, въ прошлую пятницу 3 числа сего мѣсяца отправленной чрезъ Кіевъ съ Вахмистромъ Кіевской рейтарской команды, Васи́ліемъ Базилевичемъ, между прочимъ я донесъ, что, по имянному Султанскому указанію, у дворцовыхъ воротъ того дня отрублена голова Займу Капуджи, Пашинскаго чина Чатаджинскому Мустафѣ Агѣ, а здѣсь за долгъ себѣ ставлю нижайше къ тому присовокупить, что оный Мустуфа-Ага въ прошломъ 1776 году провожалъ отсюда до Хотина, въ качествѣ Пристава Его Сіятельство, Князя Николая Васильевича Репнина.

При семъ также повергаю, въ переводѣ на Россійскомъ языкѣ, на милостивое усмотрѣніе, сообщенный мнѣ отъ Порты репортъ Визирю, поданный отъ Кегаи-Бея, въ отвѣтъ на мое изъ прежнихъ нижайшихъ доношеній извѣстное представленіе о вырученіи и возвращеніи въ Россію семьи бывшаго Атамана Некрасовскихъ Казаковъ, Иродіона Решетникова.

Третьяго дня возвратилась сюда изъ Чернаго моря одна Идріотская, изъ трехъ нѣкоторыхъ временемъ туда отправленныхъ, полугалеръ, на которой привезепъ племянникъ извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши; и котораго по прибытіи Капитанъ-Паша тотъ часъ отъ себя къ Портѣ отослалъ.

Реченный Адмиралъ стоитъ еще на здѣшнемъ рейдѣ и, какъ сказываютъ, не прежде будущей недѣли подыметя въ путь съ своими семью-линейнымъ кораблями и тремя галерами, а самъ

онъ вчера съ случайно моему драгоману, Крутъ, сказывалъ, что не прямо къ Морейскому берегу отсюда пойдетъ, но около нѣкоторыхъ острововъ сперва развѣзжать будетъ.

По полученному мною вчера изъ Дарданелей извѣстію, въ прошлый вторникъ прибылъ туда изъ Бѣлаго моря одинъ Французскій фрегатъ, я случайно сказавъ о томъ Французскому Послу, онъ весьма радъ былъ, вызвавшись, что оный пріѣхалъ для охраненія возвращающихся отсюда во Францію купеческихъ той націи суденъ.

При случаѣ прохода чрезъ здѣшнее мѣсто въ Таганрогъ, возвратившагося на сихъ дняхъ изъ Архипелага Еникольскаго поселенца изъ Венеціанскихъ уроженцевъ, шкипера Ивана Музора, съ фруктами и виномъ, Бостанджи-Баши сдѣлалъ было затрудненіе въ пропускѣ его судна безъ новаго на то отъ Порты фермана, но Рейсъ-Эфенди, по моему представленію, неукоснительно то поправилъ, и реченный Музора вчера, пользуясь способнымъ себѣ вѣтромъ, дѣйствительно въ путь свой отправился, а третяго дня оттуда же и съ такимъ же грузомъ сюда возвратился другой Россійскій Таганрогскій поселенецъ и шкиперъ, Георгій Скандраковъ. По предъявленію оныхъ шкиперовъ. нынѣшняго года множество и Греческихъ суденъ съ виномъ въ наши Черноморскіе порты готовятся, на Архипелагскихъ островахъ цѣна на вино поднялась отъ шести до девяти аспровъ за око, мѣра содержащая полторы бутылки ordinarily величина, на чемъ промышляющіе тѣмъ торгомъ, по собственному ихъ признанію, однако же, выигриваютъ на худой конецъ до шестидесяти процентовъ въ Таганрогѣ и Херсонѣ.

Съ двухъ Греческихъ шкиперовъ изъ Турецкихъ подданныхъ на сихъ же дняхъ, въ два выше означенные порты отправившихся, здѣшнее правительство при отпускѣ взяло письменное обязательство на возвратъ сюда служащихъ на судахъ ихъ матросовъ, чего прежде сего требовано не бывало.

Митлилинскій Комендантъ, ходя по городу дозоромъ, убилъ одного изъ Турецкихъ того города обывателей, по чему другіе, собѣжавшись, дрались съ нимъ шесть часовъ, при чемъ съ обонхъ сторонъ по нѣсколько человекъ упало, безъ дальнѣйшаго, однако же, возмущенія.

Впрочемъ, повергая себя высокой милости и покровительству съ наиглубочайшимъ респектомъ и нелицебнѣною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Стахіевъ.

Пера.
Апрѣля 14 дня, 1780 года.

Приложеніе къ письму отъ 6 (17) Апрѣля, 1780 года.

ПЕРЕВОДЪ РАПОРТА, ДАННАГО КЕГАЯ-БЕЕМЪ ВИЗИРЮ ФЕВРАЛЯ 15 ДНЯ НА ПРИСЛАННЫЙ ИЗЪ БАБАДАГИ ОТВѢТЬ О ФАМИЛИИ НЕКРАСОВСКИХЪ КАЗАКОВЪ АТАМАНА РОДІОНА ПЕТРОВИЧА РЕШЕТНИКОВА, КОТОРЫЙ ГОСПОДИНУ ПОСЛАНИКУ ОТЪ ПОРТЫ СООБЩЕНЪ МАРТА 1 ДНЯ, 1780 ГОДА.

Экстрактъ кляма, полученнаго здѣсь 20 Сафера, 1194 года, чрезъ слугу Вашего Сіятельства, Татарина Исмаила, нарочно посыланнаго въ Бабадагу.

По представленію о удержанной въ тюрьмѣ Некрасовцами Атамана Родіона Петровича Решетникова фамиліи, состоящей въ девяти человѣкахъ, дѣтихъ и другихъ его родственныхъ, пребывающихъ въ заливѣ портицы, къ Бабадагскому Судѣ Высочайшій указъ посылали съ повелѣніемъ, дабы найточнѣйше развѣдавъ о мѣстѣ, гдѣ реченнаго Атамана Решетникова фамилія находится, и по какой причинѣ она удержана была, распросивъ, прислалъ сюда точную вѣдомость; оный же Судья, по полученіи онаго указа, посылали туда нарочныхъ, которые не токмо что о помянутой реченнаго Атамана фамиліи у самыхъ Некрасовцевъ спрашивали, и оныя имъ отвѣтствовали, что таковыхъ людей между ими не находится, но еще сверхъ того тайно и явно оную отыскать старались, однако никакого извѣстія получить не могли.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Означенный между прочимъ въ моемъ послѣднемъ, сею же дорогою, 6 числа сего Апрѣля, отправленномъ, нижайшемъ письмѣ, сюда привезенный племянникъ извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши, по собственному Рейсѣ-Эфендіеву мнѣ предъявленію, перехваченъ на побѣгъ ихъ Синопа въ Крымъ къ реченному своему дядѣ, о которомъ теперь въ публикѣ ничего болѣе не упоминается, ниже свидомо, что съ его племянникомъ учинено у Порты, а привезшая его сюда Идриотская полугалера чрезъ нѣсколько дней на Черное море возвратилась. Исправляющій же въ Дарданелахъ Вицеконсульскую должность, тамошній житель Тарагано, въ своемъ послѣднемъ письмѣ извѣстилъ мнѣ, что 5 числа сего же Апрѣля чрезъ тамошнее мѣсто провезенъ подъ карауломъ одного Чауша на островъ Лемносъ въ ссылку Татарскій Султанъ Хазы-Гирей, съ двадцатью своими служителями; за какую же вину, того провѣдать еще я не возмогъ, будучи тотъ Султанъ поднятъ изъ своего въ Ромелии помѣстья, и что другой Чаушъ съ сорока человѣками проѣхалъ въ Азію для арестованія комадующаго Аги въ Нарли, противъ Митилинскаго острова; и наконецъ, что упоминаемый въ моемъ выше реченномъ нижайшемъ письмѣ Французскій военный фрегатъ, въ Дарданелы прибывшій, оттуда обратно на Бѣлое море пошелъ, прикрывая 9 купеческихъ суденъ своей націи, въ Марсель возвращающихся.

Послѣ долговременнаго оспариванія пребывающей здѣсь Англійскій Посолъ наконецъ принужденъ былъ предъ Портою обязаться заплатить Турецкимъ подданнымъ, отнятый у нихъ въ Архипелагѣ Англійскимъ каперомъ, Райномъ, хлѣбной грузъ, который тотъ каперъ продалъ въ Сиріи; инако же Порта намѣрилась конфисковать всѣ, здѣшнимъ Англійскимъ купцамъ принадлежащія товары. А извѣстный Французскій каперъ, Маганосъ въ Смирнѣ, по полученнымъ оттуда извѣстіямъ, свое судно совсѣмъ разрушилъ; и такъ теперь только одни Англійскіе капера продолжаютъ еще крейсовать въ Архипелагѣ.

9 числа текущаго Апрѣля Капитанъ-Паша, отправя въ свой путь къ Дарданеламъ извѣстные семь линейныхъ кораблей съ

тремя галерами, самъ съ малою свитою на одномъ канчезазѣ поѣхалъ въ Никомедию, по предъявленію для рубленія головъ въ тамошней окружности, послѣ чего сухимъ путемъ имѣеть въ Дарданеллы проѣхать для слѣдованія съ реченымъ своимъ флотомъ на Бѣлое море.

А Верховный Визирь въ прошлую среду велѣлъ голову отрубить одному Венгерцу, который болѣе двадцати лѣтъ въ здѣшней столицѣ собирая милостыню, раздѣлялъ ее съ каторжниками и другими колодниками, и по тому почитался за блаженнаго человѣка, и будучи входя въ всѣхъ знатныхъ Турецкихъ домахъ, при вступленіи реченнаго Визиря на Визирство, и къ нему пришелъ съ поздравленіемъ, для испрашенія милостыни, при чемъ Визирь спросилъ у него, какой онъ вѣры, и не будучи доволенъ его обыкновеннымъ отвѣтомъ, что рабъ Божій есть, съ угрозою смертной казни хотѣлъ знать точно, по коляку онъ Магометанъ, или же Христіанинъ, и получа въ отвѣтъ, что онъ Мусульманинъ, то есть Правовѣрный, подарилъ ему Турецкое платье и приказалъ, брося бывшее на немъ Христіанское, носить оное подаренное, чего онъ, однако же, не исполняя, въ реченную среду по утру наконецъ самовольно пришелъ къ Визиру, сидящему въ своемъ диванѣ и, возвращая подаренное себѣ Турецкое платье, объявилъ, что онъ, яко Христіанинъ, не хочетъ онаго носить, по чему Визирь и приказалъ тотъ часъ ему голову отрубить, а онъ то принялъ съ крайнимъ благоговѣніемъ, кротостію и твердостію, слава Христа, Спасителя рода человѣческаго, и извиня предъ народомъ Визиря; послѣ казни найдены на тѣлѣ его тяжелыя желѣзные вериги, и тѣло исколото гвоздями, при тѣхъ веригахъ находящимися, которыя теперь не только Христіане, но и сами Турки, покупаютъ, яко нѣкую святость, явно пороча Визирское жестокосердіе.

Прибывшій предъ недавнимъ временемъ изъ Англіи чрезъ Смирну сюда сельской Англійскій проповѣдникъ, Жонсонъ, на сѣхъ дняхъ отрекшись отъ своей природной вѣры, принялъ Греческую, и просить здѣшняго Патріарха удостойтъ его Архіерейскаго сана, для распространенія въ Англіи исповѣданія Православной Восточной Церкви.

Голландскій Консулъ въ Смирнѣ извѣщаетъ своему Послу, что, при отправленіи послѣдней почты, тамъ подозрѣвалось по-

явленіе моровой заразы, чего здѣсь теперь, слава Богу, ни мало не примѣчается.

А я съ оною Смирнскою почтою получилъ извѣстіе, что извѣстное наше купеческое судно, Принцъ Константинъ, дѣйстви-тельно со всѣмъ своимъ грузомъ возвращено тамъ своему прежнему шкиперу, Карлу Андерсону, который, нашедъ только мало-важный уронъ въ провіантѣ, противу того надлежащимъ образомъ сдѣлалъ свой протестъ въ Голландской Канцеляріи и оный сюда прислалъ къ своимъ хозяевамъ.

При поверженіи всего выше писаннаго на милостивое усмотрѣніе, а себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и неліцемерною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства,

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Пера.

Апрѣля 21 (Мая 2) дня, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

По послѣднимъ изъ Дарданелей полученнымъ извѣстіямъ отъ 24 минувшаго Апрѣля, Капитанъ-Паша, прибывъ туда съ флотомъ своимъ 19 числа, изъ онаго три линейныя корабли отправилъ въ Александрію, а остальнымъ четыремъ съ тремя галерами приказалъ слѣдовать къ острову Лемносу и тамъ дожидаться его прибытія изъ своей вотчины, возлѣ Трои лежащей, куда онъ въ то же время на одномъ канчбасѣ поѣхалъ. Въ Никомедію же ѣздилъ оный Адмиралъ для осмотра и выбора мѣсу на корабельное строеніе въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ.

Въ прошлый четвергъ, 30 числа реченнаго Апрѣля, Его Султаново Величество соизволило переселиться со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ на лѣтнее пребываніе въ загородной Безикташскій дворець, а вчера съ оный Государь въ здѣшнемъ дворцѣ присутствовалъ при выдачѣ войску за четверть года жалованья, составляющаго три тысячи мѣшковъ, то есть, полтора миліона левковъ.

Въ послѣдующую же за тѣмъ субботу, въ вечеру, въ здѣшнемъ дворцѣ слѣдился пожаръ въ служительскихъ покояхъ, который, однако же, неукоснительно погашенъ.

Въ здѣшней столицѣ продолжается чувствительная скудость въ мясныхъ припасахъ, что приписуется весьма низкой цѣнѣ, отъ Верховнаго Визиря на тѣ припасы опредѣленной.

Послѣднія Смирнскія письма отъ 28 Апрѣля подтверждаютъ появленіе въ тумошнемъ городѣ моровой заразы у Грековъ, Армянъ и Жидовъ, которая также и на здѣшней сторонѣ въ Родостъ и Адрианополь, подозрѣвается; въ здѣшней же столицѣ, слава Богу, оной ни мало не примѣчается.

Прибывшій на прошлой недѣлѣ сухимъ путемъ черезъ Басору сюда изъ Англійскихъ Остъ-Индскихъ селеній Англійскій морской Капитанъ Шмитъ, совокупно съ сегодняшнимъ Вѣнскимъ обыкновеннымъ курьеромъ далѣе въ Лондонъ отправляется съ порученными ему оттуда депешами, и какъ Англійскій Посолъ, противу своего обыкновенія, ничего о тамошнихъ новизнахъ не вызывается, такъ и заключается, что реченный Капитанъ везетъ непріятныя вѣсти, а Неаполитанскій Посланникъ рассказываетъ, что Маратской Владѣлецъ, Гайдаръ-Али-Ханъ, у Англичанъ отнялъ Калькутскую Факторію, но онъ въ томъ ошибается: реченный Ханъ завладѣлъ Каликутъ на Малабарскомъ берегу, а не Калькутъ въ Бенгальской сторонѣ.

Въ прошлое воскресенье въ Греческой Патріаршей церкви обнародованъ Султанскій указъ, которымъ повелѣно всѣмъ, находящимся здѣсь подъ разными предлогами Епархіальнымъ Архіереямъ немедленно каждому въ свою Епархію возвратиться, тамъ оставаться, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія въ противномъ случаѣ, что воспослѣдовало отъ того, что оныя Архіереи подали

Портъ жалобы на чинимыя отъ Турецкихъ градоначальниковъ въ ихъ Епархіяхъ церковному причту несносныя обиды и притѣсненія, по чему Порты, строго то запрашала, также за нужно нашла указать Архіереямъ, чтобъ они сами въ своихъ Епархіяхъ пребывали, какъ для лучшаго наблюденія добраго порядка, такъ и для охраненія подчиненныхъ своихъ отъ всякихъ нападковъ.

Шедшіе изъ Марсея въ разные здѣшніе порты восемнадцать Французскихъ кораблей подъ конвоемъ одного небольшого военнаго фрегата, на Средиземномъ морѣ, не подалеку отъ острова Кандіи, атакованы были двумя Англійскими каперами, которымъ удалость въ свои руки захватить только одинъ, нагруженный порожними бочками, для деревяннаго масла везенными, а всѣ другіе спаслись отъ того прибѣжищемъ къ оному и другимъ сосѣднимъ тому островамъ, и нѣкоторые изъ оныхъ благополучно уже въ Смирну прибыли.

Бывшіе прошлаго года въ Мекѣ богомольцы на сихъ дняхъ благополучно оттуда въ здѣшнюю столицу возвратились.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и неллицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Стахievъ.

Пера.
Мая 6 (17) дня, 1780 года

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Означенное въ рабской моей реляціи, подъ № 19, Шведское купеческое судно, Перъ-Эрншилдъ, сдавъ весь свой грузъ въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ, на сихъ дняхъ поплыло порожнее въ

Александрію, будучи напята однимъ Турецкимъ купцомъ для перевозки сюда разныхъ Египетскихъ продуктовъ.

По окончаніи у Порты здѣшнему войску жалованнаго платежа, упоминаемаго въ моемъ нижайшемъ письмѣ отъ 6-го сего Маія, Его Султаново Величество, въ знакъ своего удовольствія, прислалъ къ Верховному Визирю обыкновенный подарокъ, состоящій въ соболей шубѣ съ богатымъ кивжаломъ, а Визирь на присланнаго съ тѣмъ надѣвъ собою же шубу, подарилъ ему еще богато осѣлланную лошадь и восемь тысячъ левновъ деньгами.

10-го числа сего мѣсяца, въ здѣшней столицѣ отрублены три головы: первая предъ Дворцомъ одному Бостанжію, который поджегъ случившійся 2-го числа въ дворцовыхъ служительскихъ покояхъ пожаръ, для доставленія себѣ способа похитить денежную сумму, въ той связи храненную; другая одному Албанцу, который пойманъ въ Ромеліи съ фальшивою монетою и признался, что самъ оную дѣлалъ, а третья одному Армянину, который предъ нѣкоторымъ временемъ потурчившись опять отъ того отрекался.

Настояніе моровой заразы въ Смирнѣ действительно; а что по той причинѣ до трехъ тысячъ семей разбѣжались по разнымъ Архипелажскимъ островамъ, и три изъ нихъ привели ту заразу на островъ Шію, оное требуетъ основательнѣйшаго утвержденія, такъ какъ и появленіе оной болѣзни на здѣшней сторонѣ, въ Родостѣ и въ Андрианополѣ.

Здѣсь же во всю прошлую зиму оная зараза хотя и не переставала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отрыгаться, но какъ то было между подлымъ народомъ и безъ всякаго дальняго распространенія в опасности, такъ многіе, почитая оную другими смертельными лихорадками, прекословили, а наконецъ нѣсколько недѣль и совсѣмъ освобожденнымъ отъ того здѣшнее мѣсто поставилось; сегодня же не только Патріаршій Стряпчій при Портѣ публично увѣрялъ, но и самъ Драгоманъ Порты подтвердилъ Посольства Секретарю, Лизанію, что не только въ самомъ Константинополѣ на четырехъ улицахъ, но и въ Фанарской Слободѣ, гдѣ знатные Греки живутъ, на сихъ дняхъ воспослѣдовали разныя зараженія, и что вчерашняго числа въ Греческіе повѣтренные

гошпитали отнесено семь человекъ зараженныхъ, кромѣ того, что изъ тринадцати, на сихъ дняхъ занемогшихъ нищихъ Грековъ, которые почитались обѣвѣвшимися ядовитыми грибами, на пяти умершихъ открылось, что они всѣ моровую язву имѣютъ, и еще что Патріархъ принужденъ былъ отъ себя отлучить одного изъ своихъ служителей, по тому что сынъ его въ язвѣ умеръ. А въ Галатѣ на прошлой недѣлѣ въ одномъ шинкѣ умеръ изъ Смирны съ язвою прибывшій Грекъ, отъ котораго другой, будучи зараженъ, въ повѣтренный гошпиталь отнесенъ, и какъ примѣчено, что Греки, для отвращенія помѣшательства въ своихъ промыслахъ, случающіяся у нихъ такія приключенія таятъ и закрываютъ предъявленіемъ другихъ болѣзней, такъ Патріархъ вчерашняго числа обнародовалъ въ церквахъ проклятіе на всѣхъ тѣхъ, кои, имѣя въ своихъ домахъ моровую язву, то таятъ и не воздерживаются отъ сообщенія съ другими здоровыми.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству съ найглубочайшимъ респектомъ и неллицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Пера.

Мая 18 дня, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государы!

Отправленные изъ Марсея, подъ конвоемъ одного Французскаго военнаго фрегата, семнадцать купеческихъ той націи кораблей съ товарами въ разные Турецкіе порты, будучи загнаны и заперты при островѣ Мило двумя Англійскими каперанами, пребывающій здѣсь Французскій Посолъ просилъ Порту, чтобъ ука-

зала своему Капитанъ-Пашѣ доставить онымъ безопасное слѣдованіе въ назначенныя мѣста и, доставъ надлежащее о томъ повелѣніе, отправилъ оное къ реченному Капитанъ-Пашѣ съ своимъ Дарданельскимъ Консуломъ, который вчера съ сюда возвратился съ извѣстіемъ, что Капитанъ-Паша, котораго онъ нагналъ у Митлинскаго острова, неукоснительно въ Мило отправилъ два фрегата для прикрытія и препровожденія означенныхъ кораблей въ свои мѣста, самъ же остался у реченнаго острова.

Повергая на милостивое усмотрѣніе другія здѣшняго мѣста новизны, означенныя въ особенномъ при семъ приложеніи, за долгъ себѣ ставлю нижайше примѣтить, что упоминаемое тамъ отрѣшеніе Капуджидаръ-Кегаясіа подаетъ новое утвержденіе Визирской силы и кредита у своего Государя, по тому что отрѣшенный былъ постоянно одинъ изъ главныхъ его соперниковъ и Султанскій фаворитъ, будучи свекоръ побочный онаго Монарха дочери; теперь остается видѣть, устоитъ ли на своемъ мѣстѣ ея мужъ, Чаушъ-Баша; отрѣшенный Оберъ-Шталмейстеръ, также почитался Султанскихъ фаворитомъ.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Стахіевъ.

Перв.
Мая 20 дня, 1780 года

Приложеніе къ письму отъ 20 Мая.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ МАЯ 20 ДНЯ, 1780 ГОДА.

13 числа на разныхъ мѣстахъ въ Константинополѣ и въ Скугари подняты подметныя письма слѣдующаго содержанія: что на завтра того въ находящемся мечетѣ въ Фундукли будетъ со-

браіе и совѣтъ между Эмирами для поданія Султану челобитной; и такъ естли кто Эмиръ, всеконечно туда да придетъ; а кто того не исполнить, сдѣлается нечестивымъ и съ женой своею разведенъ будетъ.

17 числа въ Родимцѣ скончалась Султанская дочь, Ребіи, рожденная 10 числа послѣдняго Марта, которая того же дня погребена. А на завтрее того во дворцѣ нечаянно воспослѣдовало слѣдующая перемѣна:

Султанскій Оберъ-Шталмейстеръ, Черьесь-Мегмедъ-Бей, не запно отрѣшенъ, съ указаніемъ въ своемъ домѣ оставаться, а его мѣсто заступилъ Бостанжи-Баши, который, думаютъ, отправленъ будетъ въ Каиръ съ нѣкоторою комиссією; съ такимъ же указаніемъ отрѣшенъ и Капуджидаръ - Кегаяси, отецъ нынѣшняго Чаушъ-Баши, и его мѣсто заступилъ Капуджи-Баши Текфуръ-Бей, который отправляется въ Алепъ, для отвезенія къ тамошнему Абды-Пашѣ сабли съ соболей шубою, въ подарокъ отъ Его Султанова Величества за усмиреніе бывшихъ въ той Губерніи многихъ бунтовъ.

Командующему въ Хотинѣ Трехбунчужному Сулейманъ-Пашѣ пожаловано Гебернаторское мѣсто въ Салоникъ, однако же съ тѣмъ, чтобъ постоянно въ Хотинѣ самъ оставался, а въ Салоникѣ содержалъ бы своего намѣстника.

А бывшій до сихъ поръ въ семь послѣднемъ городѣ Сялихтаръ-Мегмедъ-Паша смѣнилъ Анатольскаго Беглеръ-Бея Зеидъ-Эенъ-Хаджи Мегметъ-Пашу, который переведенъ въ Аланіегъ.

Дворецкій Янычарскаго (Куль-Кегаяси сосланъ въ ссыку по предъявленію за то, что старался доставить своему Господну мѣсто Янычарскаго Аги.

Гайдозли-Мегмедъ-Паша, которому поручено искорененіе разбойниковъ на Суцунской дорогѣ, на сихъ дняхъ прислалъ къ Портѣ четырнадцать головъ такихъ разбойниковъ, въ Шумнѣ казненныхъ.

19 числа, вчерась, въ Галатскомъ гошпиталѣ черезъ чашъ умеръ принесенный туда въ моровой заразѣ Грекъ, такъ какъ и двѣнадцатилѣтняя дѣвочка изъ слободы Святаго Димитрія, въ тотъ Гошпиталь на вечеръ принесенная, а въ Фанарской слободѣ принуждены пустымъ оставить цѣлый гостинный дворъ.

Волошскій Государь, по случаю путешествія Его Величества, Германскаго Императора, въ свои пограничныя области, подъ рукою послалъ туда своего Секретаря, Райковича, Рагузейскаго уроженца, для престоереженія всего, въ томъ путешествіи происходящаго.

Сіяте льнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Здѣшнее Министерство поручило мнѣ просить правосуднаго и милостиваго Вашего Высокографскаго Сіятельства пособія для освобожденія и доставленія сюда нижеслѣдующихъ Турецкихъ военноплѣнныхъ:

Въ городѣ Путивлѣ у одного купца, живущаго возлѣ монастыря, находящагося двадцатилѣтняго малаго Бендерскаго Мегемедъ сына, Кетенджи-Хаджи-Басана, и Зенеиды, который, при взятіи Бендеръ, взятъ въ полонъ съ реченною своею матерью и колченогою сестрою.

Въ городѣ Крапивнѣ у Грузинскаго Князя тринадцатилѣтняго мальчика Изманла, сына Кіоръ-Сулеманъ-Баши, Янычара двадцать четвертой орты.

Въ Миргородѣ тридцатидвухлѣтнюю женщину, Умуль-Гулзумъ, съ двумя ея дѣтьми: четырнадцатилѣтнимъ сыномъ и одиннадцатилѣтнею дочерью, которые всѣ трои находятся тамъ у Господина Полковника Абраама, зятя господина Шестипальцова, и которые попались въ полонъ при взятіи Бендеръ; и наконецъ въ деревнѣ Полодинокѣ, возлѣ Ростовской крѣпости, пятнадцатилѣтняго мальчика Мегемедъ, котораго одинъ Прапорщикъ, бывшій подъ командою Маіора Алексѣя Васильевича Крашинскаго, насильно отнял у матери его, Фатмы, взятой въ полонъ въ Бендерахъ съ четырьмя сыновьями, изъ коихъ реченный Мегемедъ тогда былъ пяти лѣтъ, и которая, будучи въ полону, называлась Толмачъ-Фатма, и подъ тѣмъ именованіемъ знаема въ реченной Ростовской крѣпости.

Повергая такую здѣшняго Министерства просьбу милостивому Вашему Высокографскаго Сіятельства прирѣшю, нижайше прошу не лишать меня своего на то отвѣта, для должнаго тому Министерству предъявленія объ исполненіи порученной мнѣ отъ него комисіи; самаго же себя препоручая высокой милости и покровительству, съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Пера.

Мая 20 дня, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

При семъ имѣю честь обыкновенные въ одномъ мѣшкѣ подъ литерамъ Е. С. Г. П. А. Р.-Задунайскому, девять фунтовъ кофейныхъ Левантскихъ бобовъ препроводить, в одинъ мѣшокъ съ курительнымъ табакомъ, пребывая съ найглубочайшимъ респектомъ,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Пера.

Мая 21 дня, 1780 года.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Сего Іюня 9-го числа я удостоился исправно получить милостивое Вашего Высокографскаго Сіятельства письмо, отъ 17-го послѣдняго Маія отиравленное съ Господиномъ Ассесоромъ и Генеральнымъ Консуломъ Лашкаревымъ, а вчерась на вечеръ, съ прибывшимъ изъ Санктпетербурга ко мнѣ курьеромъ, и другое премилостивое отъ 28-го Марта, съ приложенными при томъ письмами: одно къ Верховному Визирю, а другое къ Рейсъ-Эфендію, которыя сего дня поручилъ Секретарю Посольства, Пизанію, имъ вручить; также не преминулъ бы уже исполнить и данное въ первомъ письмѣ милостивое повелѣніе заплатитъ живописцу Фондлеръ Стейну надлежащія деньги за его картины, къ Вамъ отиравленные; но какъ оный предъ недавнимъ временемъ поѣхалъ отсюда сухимъ путемъ въ Индію, такъ я просилъ Голландскаго Посла съ нимъ описатьъ въ Аленъ, кому поручить такія деньги за него здѣсь принять, и чтобъ въ приѣмъ оныхъ къ тому прислалъ свою росписку, и когда оную получу, тогда, заплатя неукоснительно деньги, росписку его, при первомъ случаѣ, къ Вашему Высокографскому Сіятельству пришлю.

Въ чемъ же теперь мои съ Портою обращенія состоятъ, оное Ваше Высокографское Сіятельство, милостиво усмотрѣтъ соизволите изъ слѣдующихъ при семъ копій моей рабской реляціи подъ № 29, и нижайшаго письма къ Его Сіятельству, Графу Никитѣ Ивановачу Панину; а относительно городскихъ повизнѣ, сославшись на особенное при семъ приложение, повергаю себя высокой милости и покровительству, и навсегда съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахievъ.

Буюкъ-Дере.

Іюня 20 (Іюля 1), 1780 года.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ЮНЯ 20 (ЮЛЯ 1 ДНЯ), 1780 ГОДА.

8-го числа, на сихъ дняхъ, возобновлено запрещеніе женскому полу въ здѣшней столицѣ употреблять непристойные головные уборы и длинныя воротники на своихъ переднезахъ.

Сары-Халиль-Ага, сборщикъ податей въ Константинополь, назначенъ предводителемъ грядущихъ нынѣшняго года въ Меху богомолловъ.

Султанскій Оберъ-Шталмейстеръ 4-го числа сего Юня дѣйствительно поѣхалъ въ Египеть сухимъ путемъ; исправленіе должности его, на время отсутствія, поручено Капуджи-Башѣ-Халиль-Бейю.

Отъ Багдатскаго Губернатора, Сулейманъ-Паши, такъ какъ и отъ тамошнихъ жителей, прислааны къ Портѣ представленія, въ коихъ послѣдніе просятъ, чтобъ присланъ былъ къ нимъ ихъ прежній Губернаторъ, Гассанъ-Паша.

Съ прошлаго года до сей поры, на двухъ здѣшнихъ литейныхъ дворахъ вылитое число мѣдныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, считается до трехсотъ восьмидесяти четырехъ.

Шесть валиковъ и три каики нынѣшняго лѣта отправлены на Черное море съ орудіями и другими артиллерійскими припасами.

9-го числа, на двухъ Идріотскихъ, изъ Чернаго моря возвратившихся, полугалерахъ, привезено сюда нѣсколько женщинъ, принадлежащихъ родственникамъ извѣстнаго Джаныкли-Али-Паши.

12-го числа, у Анатольскихъ Сипаговъ, предъ нѣкоторымъ временемъ жалованье было отнято, а теперь разосланными указами повелѣвается, чтобъ они слѣдовали въ Багдаты, гдѣ оное жалованье имъ заплачено будетъ.

Также указано въ здѣшней столицѣ собирать въ казну всякую золотую монету, для способнѣйшаго отправленія денегъ въ реченный Багдаты, изъ чего не безъ основанія заключается, что въ тамошнемъ мѣстѣ тишина еще не восстановлена.

Въ Сиваской Губерніи, не меньше какъ и въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ въ Молдавіи и Валахіи, прошлой весны саранча поѣла весь хлѣбной посѣвъ.

Порта, нанявъ два Французскіе купеческіе корабли для перевозки денегъ и другихъ казенныхъ припасовъ, изъ коихъ одинъ уже нагруженный, а другой еще порожній, прибывъ отъ Кипрскаго острова въ Баруть, одинъ Англійскій каперъ въ тамошнемъ портѣ, подкравшись къ онымъ ночью, отрубилъ канаты и увелъ обоихъ съ грузомъ, который цѣнится болѣе двухъ сотъ тысячъ левковъ.

Прибывшіе сюда Рагузейскіе Депутаты, съ данью своей Республки къ Портѣ, присылали отъ себя только къ одному Французскому Послу съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи, къ другимъ же иностраннымъ Министрамъ посылать съ такимъ извѣщеніемъ они оставили, тому уже сорокъ пять лѣтъ, изъ экономіи, и сокращаются только въ выше реченномъ одному Французскому Послу извѣщеніи, почитая его первенствующимъ, а въ его отсутствіи Англійскому, въ отсутствіи же и сего другого изъ присутствующихъ Пословъ первенствующаго, котораго обыкновенно просятъ, чтобъ освободилъ ихъ отъ личнаго съ нимъ и другими Министрами ознакомленія, и думаютъ, что тѣмъ свой долгъ исполнили предъ всѣми. Французскій же Посолъ, или другой первенствующій, чрезъ одного изъ своихъ Драгомановъ отвѣчаетъ имъ на то только собственно отъ себя.

Моровая зараза сей разъ не столь сильна еще между Турками, сколь между Греками, которые, разбѣгаясь по сосѣднимъ деревнямъ, одну и туда перенесли, а сильная и смертельная опасность угрожаетъ долговременнымъ и пагубнымъ продолженіемъ той заразы.

19-го числа настоящій Капуджидаръ-Кегаяси Тайфурт-Бей имѣетъ отсюда слѣдовать въ Алепъ съ Султанскимъ указаніемъ взять оттуда Абды-Пашу съ собою и слѣдовать въ Риксукъ Губернію, такъ же имѣетъ къ себѣ присоединить до трехъ тысячъ конныхъ Туркомановъ, для утвержденія въ Багдатѣ Сулейманъ-Паши на Губернаторскомъ мѣстѣ и для наказанія тамошнихъ жителей, противящихся оному Пашѣ.

А между тѣмъ въ отсутствіе реченнаго Капуджилара-Кегаисіа поручено ту должность исправлять нѣкоторому Хусеинъ-Бекю.

Бывшій же Агентомъ реченнаго Алепскаго Абды-Паши Юсуфъ - Ага ищетъ объ опредѣленіи себя въ Бассору Муселимомъ.

Возвратившійся въ прошедшую пятницу изъ Багдата Его Султанова Величества Бапъ-Чегодаръ, Кюрджи-Мегмедъ-Ага, привезъ съ собою разныя къ Портѣ отъ тамошнихъ жителей представленія и прошенія, и теперь поѣхалъ въ Баргамскую (Пергамскую) провинцію противу одного знаменитаго, тамъ находящагося, Чиновника, называемаго Элезъ-Оглу, которому въ противномъ случаѣ указано свлою чинить вспоможеніе, какъ нѣкоторымъ Айдинскимъ начальникамъ, такъ и самому тамошнему Губернатору, Кючукъ-Абды-Пашѣ, прежнему Абдулъ-Резаку.

Въ субботу, какъ въ Саматія, такъ и Орта-Кіюфъ, были небольшіе пожары, а въ понедѣльникъ въ вечеру былъ пожаръ близъ Акъ-Серая, гдѣ сгорѣло три дома и до двадцати лавокъ.

Въ оную же субботу взяты въ Бешикташскій дворецъ повивальныя бабки, по тому что изъ супругъ Его Султанова Величества мать Принца Сулеймана, въ скоромъ времени отъ бремени разрѣшится.

На Капуджи-Баши Кюрдъ-Халиль-Агу надѣтъ при Портѣ кафтанъ съ тѣмъ, чтобъ онъ, взявъ съ собою изъ Діаръ-Бекира Дагистанли Агли-Пашу, а изъ Эрзерума Машаладжи Ибрагимъ-Пашу, съ нѣкоторыми Кюрдистанскими племенами, привелъ полкѣнне, называемое Шейхлу, въ повиновеніе къ разработыванію отысканной на ихъ землѣ золотой и серебрянной руды; въ противномъ же случаѣ, если они останутся въ прежней своей упорности, всѣхъ бы ихъ истребилъ и населилъ то мѣсто другими жителями, гдѣ, по приведеніи завода въ свой порядокъ, имѣтъ пользоваться онымъ, яко собственнымъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ, съ заплакою только ежегодно въ казну пятой части собираемыхъ доходовъ; по чему оный Капуджи-Баши въ прошлый четвертокъ съ тридцатью человекъми изъ своей свиты и дѣйствительно въ опредѣленные ему мѣста отправился.

Надъ построенными въ Басорѣ военными Турецкими малыми судами опредѣленъ главнымъ начальникомъ нѣкто, называемый изъ флотскихъ Офицеровъ Хусейнъ-Капитанъ.

А бывший предъ симъ флотскимъ Капуданой Джанымъ-Капитанъ, отправленъ въ Родосъ, для спущенія на воду построеннаго тамъ линейнаго корабля и для приведенія онаго сюда.

Изъ разсвѣтелей пасквильныхъ писемъ для собранія Эмировъ еще два человѣка схвачены и сосланы въ ссылку въ Магусу.

Такъ же сосланъ въ ссылку и Начальникъ надъ хлѣбниками, съ опредѣленіемъ на его мѣсто изъ придворныхъ нѣкотораго Мустафу-Агу.

А бывшаго Шегеръ-Эминія дѣтямъ и его брату съ зятемъ указано въ десять дней внести въ казну восемьдесятъ мѣшковъ.

Изъ преданныхъ Джаныкли-Али-Пашѣ, нѣкотораго чиновнаго Турку, называемаго Фейзъ-Агу, крейсирующія двѣ подлѣ Анатольскихъ береговъ Идріотскія полугалеры, въ гавани Бартемонской схвата, сюда въ Константинополь привезли.

А заложенный въ Синопѣ линейный корабль отстроенъ и дѣйствительно на воду спущенъ.

Сіятеильнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Въ нижайшемъ моемъ письмѣ отъ 18 минушаго Мая, съ Прапорщикомъ Мольенниковымъ отправленномъ, доносилъ я, между прочимъ, о настояннй моровой заразы въ Смирнѣ, и что оная и въ здѣшней столицѣ вновь стала на разныхъ людяхъ оказываться, а здѣсь за долгъ себѣ ставлю къ тому еще присовокупить, что лѣтніе жары, начиная день отъ дня умножаться, угрожаютъ распространеніемъ оной; и въ самомъ дѣлѣ уже число умирающихъ въ такой заразы, чѣмъ даѣе, тѣмъ знатнѣе становится, какъ то Ваше Высокографское Сіятельство во всемъ пространствѣ усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ тому дневной записки.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству

съ наиблагочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю.

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства
нижайшій слуга
Александръ Стахіевъ.

Пера.
Юня 1 дня, 1780 года.

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ЮНЯ 1, 1780 года.

Мая 25 числа Молдавскаго Господаря Повѣреннаго въ Дѣлахъ, Арабакія, жена моровою болѣзнію заразившись, на другой день отъ оной умерла, а мужъ ея занемогъ оною, равно какъ и три человѣка заразились, живущіе подлѣ его дому.

16 числа въ Галатѣ въ трехъ разныхъ Жидовскихъ домахъ оная на трехъ человѣкахъ оказалась.

Оная же болѣзнь примѣчена и на прибывшихъ въ сей день изъ Египта четырехъ купеческихъ корабляхъ.

27 числа заразился въ Галатѣ, въ одномъ питейномъ домѣ, называемомъ Сперанца, одинъ шинкаръ.

29 числа, живущій на той сторонѣ, въ Валидѣ-Ханѣ, одного Россійскаго Нѣжинскаго купца Коммисіонеръ, Мануилъ Петровичъ, что онъ, по причинѣ оказавшейся въ его хану заразы, сего дня намѣренъ оттуда переѣхать въ Буюкдерскую деревню.

Въ началѣ же минувшей недѣли, въ здѣшней Перской слободѣ, близъ дому Англійскаго Посла, скоропостижно смертію умершій трехлѣтній мальчикъ, принадлежащій одному Французскому парикмахеру, подаетъ причину въ разсужденіи найденныхъ послѣ смерти на его тѣлѣ черныхъ пятенъ, подозрѣвать, что и онъ дѣйствительно такую же болѣзнію умеръ, но что хозяева онога дому то отъ публики скрываютъ; однако же отъ онаго првключенія по сю пору никакого слѣдствія не воспослѣдовало.

Юня 1 дня въ одномъ Греческомъ домѣ въ Галатѣ появилась болѣзнь на одномъ человѣкѣ, бывшемъ на канунѣ въ Кон-

стантинополѣ, а на вечерь въ Перскій гошпиталь принесены два тою же болѣзнію отчаянно зараженные.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Привытіе сюда на сихъ дняхъ изъ Еникаля перваго почтоваго судна Св. Екатерины, такъ встревожило Оттоманское Правительство, что оно не подѣ какимъ видомъ не хочетъ дозволить продолженія присылки сюда нашихъ казенныхъ суденъ, какой бы величины и званія оныя ни были, что я, принявъ на всеподаннѣйшее доношеніе Всевысочайшему Двору, сего дня оно отправляя съ нарочнымъ курьеромъ, пользуясь тѣмъ случаемъ и Вашему Высокографскому Сіятельству о томъ нижайше донести.

При поверженіи себя высокой милости и покровительству съ найглубочайшимъ респектомъ и нелицемѣрною преданностію пребываю,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

нижайшій слуга

Александръ Стахіевъ.

Пера.

Юля 1 дня, 1780 года.

Получено 18 Юля.

Сіяте́льнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

За недостаткомъ другихъ нужнѣйшихъ при семъ случаѣ изъ здѣшняго мѣста новизнъ, сокращаюся повергнувъ на цѣломудрое Вашего Высокографскаго Сіятельства усмотрѣніе означенныя въ слѣдующемъ при семъ особенномъ приложеніи, а себя высокой

милости и призрѣнію, пребывая навсегда съ найглубочайшимъ
респектомъ и неллицемѣрною преданностію,

Милостивый Государь,
Вашего Высокографскаго Сіятельства,
нижайшій слуга
Александръ Стахievъ.

Букоць-Дере.
Юня 6 (17) дня, 1780 года

ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ЮНЯ 6 (17) ДНЯ, 1780 ГОДА.

3 числа отправлены Кіевской Рейтарской команды Вах-
мистръ, Андрей Астебеньевъ, въ Кіевъ, а корабельный Писарь Ав-
рамъ Защининъ въ Квибуринъ курьерами.

4 числа, пребывающій при Портѣ Оттоманской, Королевской
Англійскій Посоль, Шевалье Эисли, по своему требованію, имѣлъ
конференцію съ Рейсъ-Эфендіемъ, въ его загородномъ домѣ.

Моровая зараза во дворцѣ вдовствующихъ Султаншѣ, рас-
проспространяясь до такого края, что по десяти человѣкъ на день
стало мереть, Его Султаново Велечество указать соизволилъ пре-
сѣчь всякое сообщеніе изъ своего дворца съ оными.

Оная зараза появилась также и у Порты, въ Визирской казен-
ной палатѣ.

А изъ города всякій день проносятъ отъ двадцати до двад-
цати пяти человѣкъ за Адрианонопольскія ворота, по стольку же
и за Силиврійскія, въ заразѣ умирающихъ.

Въ слободѣ Святаго Димитрія вчера съ погребены пять чело-
вѣкъ, въ той заразѣ умершіе, которые и въ сосѣднюю къ Букоць-
Дерѣ Турецкую деревню, Саріери, принесены.

5-го числа въ Перѣ отнесена въ Католицкій повѣтранный
гошпиталь полумертвая въ той болѣзни служанка изъ парикма-
херскаго дома, въ которомъ за нѣсколько дней умеръ одинъ
мальчикъ и предъявлялся умершимъ въ другой болѣзни, а въ
новый Греческій гошпиталь принесены четыре Грека.

Одинъ изъ Греческихъ шапошниковъ, прискуча съ бороною
ходить, на сихъ дняхъ оную обрилъ, что у Турокъ запрещено,

когда уже борода одинъ разъ отпущена, а брѣющему цырульнику указано за то правую руку отрубить, а обрившагося тѣлесно наказавъ, на каторгу сослать. При семь случаѣ Галатскій Воевода обрившагося шапошника жестоко палками выбивъ, продаетъ освобожденіе его отъ каторги, а цырульника ищетъ для своего наказанія.

6 числа по утру поѣхалъ отсюда въ Варшаву Королевско-Польскій корреспондентъ Дзедужицкій.

Султанскій Оберъ-Шталмейстеръ на сихъ дняхъ дѣйствительно въ Египетъ отправился съ подарками отъ своего Монарха къ тамошнимъ Бейамъ, по представленію Каирскаго Губернатора, Трехбунчужнаго Паши, Измаиль-Бея, за то что они наконецъ согласились заплатить Портъ до полутора тысячъ мѣшковъ своей недоимочной дани.

А Султанскій Капуджиларъ-Кегаяси, отправляющійся въ Алепъ, по предъявленію имѣетъ съ тамошнимъ Гебернаторомъ слѣдовать въ Багдаты, для принужденія того города жителей принять опредѣленнаго имъ Губернатора.

Капитанъ-Паша съ флотомъ своимъ стоитъ еще у Митилинскаго острова, гдѣ, заложивъ одинъ линейный корабль, съ крайнею поспѣшностію набираетъ отсюда потребное число плотниковъ для такого строенія, а въ здѣшнемъ Адмиралтействѣ готовится къ походу въ Синопъ одинъ изъ двухъ купленныхъ у Англичанъ фрегатомъ, подъ руководствомъ флотскаго Джанымъ-Капитана, по предъявленію для перевоза оттуда лѣсу сюда для корабельнаго строенія.

Получено Сентября 5.

Его Сіятельству,

Высокоповелительному Господину, Генераль-Фельдмаршалу, Главнокомандующему кавалерію, Украинскаго дивизію, Сенатору, Малороссійскому Слободскому Украинскому и Курскому Государеву Намѣстнику, Коллегіи Малороссійской Президенту, Кирасирскаго Военнаго Ордена полка Полковнику, всѣхъ Россійскихъ орденомъ, Прускаго Чернаго Орла и Гольштинскаго Святыя Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Руманцову-Задунайскому,

Генераль-Поручика и Оберъ-Коменданта Кіевскаго Ельчанинова,

Рапортъ.

Присланныя отъ Вашего Сіятельства для перевода четыре Турецкія письма, обращаю при семъ съ Россійскимъ переводомъ три, а при четвертомъ найденъ по распечатаніи Французскій переводъ, и по тому оное, какъ было, такъ и подношу, и при томъ Вашему Сіятельству за нужно нахожу всенижайше донести, что здѣсь никого нѣтъ знающаго Турецкой грамоты, кромѣ Канцелярія Совѣтника, Господина Панаіодороса Никобула, но онъ, сихъ писемъ переводить отказался разными отговорками, что онъ будучи расположенъ ѣхать въ чужіе края, не можетъ входить ни въ какія дѣла, а тѣмъ менѣе секретныя, каковымъ онъ чаеть быть въ сихъ письмахъ, прибавляя къ тому разныя свои неудовольствія и лишеніе чрезъ то всей охоты и духу къ какимъ либо трудамъ и новымъ подвигамъ, то я и не нашелъ другого средства, какъ употребить къ тому извѣстнаго Вашему Сіятельству, окрещеннаго изъ Турокъ, толмача Игната Васильева, по пересказамъ котораго, посредствомъ другого толмача, сіи письма переведены. Усматривая жъ между прочимъ изъ содержанія оныхъ ходатайство Верховнаго Визиря, Рейсъ-Эфендія, объ освобожденіи изъ здѣшняго плѣну дѣтей Бендерскаго жителя, Гасанъ Эфендія, за нужно нахожу Вашему Сіятельству объяснить, что упомянутый проситель по прїѣздѣ сюда, не имѣвъ чѣмъ доѣхать до Санктпетербурга, просилъ меня о пересылкѣ писемъ, уповательно равнаго содержанія, къ Графу Никитѣ Ивановичу Панину, что мною еще отъ 26 Іюня исполнено, на которыя хотя онъ и былъ намѣренъ дожидаться резолюціи, но наконецъ, скуча продолжительнымъ здѣсь бытіемъ, возвратился минувшаго Іюля 24 дня во свояси. Резолюціи же я еще и по нынѣ на то никакой не получилъ.

Яковъ Ельчаниновъ.

Августа 30 дня, 1780 года.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ ЕГО СІЯТЕЛСТВУ, ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ, ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ, СЕНАТОРУ И МНОГИХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ, ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ ТУРЕЦКАГО ВЕРХОВНАГО ВИЗИРЯ, СЕИТЬ-МЕГМЕТА, ОТЪ 4 ЗИЛКИНЪ/ЕНИНЪ, 1193 ГОДА.

За всѣ Вашего Сіятельства высокославныя старанія и труды, которыми, прекративъ всѣ бывшія между обѣими Имперіями несогласія и вражды, доставили найпріятнѣйшій нынѣ торжествующій миръ и тишину, благодаря, желаю, чтобъ и на предбудущее время сіе, такъ равно дружба и искренняя любовь, между нами неугасимо процвѣтала. Я убѣжденъ будучи просьбою Бендерскаго жителя, Исманла, и жены его, Фатмы, которые представляли миѣ, что въ прошедшую послѣднюю войну, по взятіи Россійскими войсками города Бендеръ, будучи взяты и они, Исманлъ и Фатма, съ сыномъ ихъ, шестилѣтнимъ Мегметомъ-Эминомъ, въ полонъ, и по приводѣ ихъ съ прочими плѣнниками въ Умань, реченный сынъ ихъ невѣдомо куда бывшимъ въ препровожденіи тѣхъ плѣнниковъ отлученъ, послѣ жъ того освѣдомились они обстоятельно, что оный сынъ ихъ точно находится во услуженіи при Россійскомъ Козацкомъ Господинѣ Полковникѣ Михашлѣ Григорьевѣ сынѣ Петровѣ, жительствующемъ въ близости Сарничя. Вашего Сіятельства дружески прошу явить къ симъ бѣднымъ людямъ многомогущую свою милость, если подлинно упоминаемый сынъ ихъ, Мегметъ-Эминъ, у объявленнаго Полковника Петрова находится, приказать, сыскавъ его, отпустить въ его отечество, къ родителямъ его.

Надворный Совѣтникъ и членъ Губернской Канцеляріи
Іоаннъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ ЕГО СІЯТЕЛСТВУ, ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ, СЕНАТОРУ И МНОГИХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ, ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ. ОТЪ ТУРЕЦКАГО ВЕРХОВНАГО ВИЗИРЯ, СЕИТЬ-МЕГМЕТА. ОТЪ 25 ШАВИНЪ 1193 ГОДА.

Послѣ обыкновеннаго комплемента слѣдующее:

Бендерской житель, Гассанъ-Эфенди, имѣя оставшихся въ Россіи, бывшихъ съ нимъ во время прошедшей послѣдней войны,

въ плѣну дѣтей своихъ, сына Али, да трехъ дочерей: Умиухану, Хаву и Эмину, отправился для отысканія оныхъ. О чемъ получивъ я дошедшее ко мнѣ свѣдѣнiе, не могъ оставить, чтобъ, при засвидѣтельствѣванiи Вашему Сiятельству дружелюбивѣйшаго моего почтенiя, не препроводить тутъ моею объ немъ, Эфенди, просьбы, дабы онъ, когда помянутыхъ дочерей своихъ цайдетъ еще въ живыхъ, удостоенъ былъ прославляющейся безпримѣрною и справедливой Вашего Сiятельства милости и благопрizрѣнiя, возвращенiемъ ему тѣхъ его дѣтей и отпускомъ пакы въ ихъ отечество.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ ЕГО СIЯТЕЛЬСТВУ, ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ, ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ, ОТЪ ТУРЕЦКАГО КАНЦЛЕРА, АБДУЛЬ-РЕЗАКЪ-ЭФЕНДИ, ОТЪ 25 ШАБИНЪ, 1199 ГОДА.

Высокопочтенный, высокостепеннѣйшiй, Сiятельнѣйшiй Графъ и Главнокомандующiй Фельдмаршалъ, мой искреннѣйшiй и дружелюбивѣйшiй прiятель! При засвидѣтельствѣванiи Вашему Сiятельству моего отличнѣйшаго почтенiя, долгъ имѣю отъ всего сердца желать, чтобъ заключенная между обѣими нашими Имперiями тишина, миръ и обостороннимъ подданнымъ нынѣ цвѣтущее спокойствiе, и впредъ благополучно и ненарушимо продолжались на множайшiя и безконечныя времена, несомнѣнно надѣясь, что и Ваше Сiятельство со стороны своей къ тому имѣете всегда непремѣнное согласiе. По дошедшему ко мнѣ свѣдѣнiю, что Бендерскiй житель, Гасанъ-Эфенди, отправился въ Россiю для отысканiя оставшихся тамъ, бывшихъ съ нимъ во время прошедшей послѣдней войны, въ плѣну родныхъ его дѣтей, сына Али, да трехъ дочерей, Умиухану, Хаву и Эмину, дружески Вашего Сiятельства, моего особливѣйшаго прiятеля, прошу, если онъ, Эфенди, тѣхъ своихъ дѣтей сыщеть въ живыхъ, явить къ сему бѣдному старiku Вашу неисчерпаемую природную милость и благоволенiе, и не оставитъ дать своего высокоповелительнаго приказанiя, дабы оные его, Эфенди, дѣти, безъ удержанiя возвращены ему, Эфенди, и отданы были въ ихъ отечество.

III .

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПѢСНИ ВЪ БУКОВИНѢ РУССКАГО НАРОДА.

1. Коляда или Святый Вечеръ.

На канунѣ Рождества Христова хозяйка (газдиня) приготовляетъ разныя постныя кушанья для богатой вечера: пшеницу, галушки, бобы, пироги, колоченую фасоль, печерицы, сушенныя сливы, сушеную рыбу, соленую рыбу, сушеницы (сушенныя яблоки и груши), печеть кныши съ макомъ, капустой, или съ горохомъ, кулешанники (пироги изъ кукурузяной муки) и калачи на жертву въ церковь. Приготовивъ все, заметають чисто хату, вносять столъ, на столъ настилають сѣно, въ которое кладуть ладонъ и чеснокъ, послѣ накрывають убрусомъ. На столъ кладуть два хлѣба, на нихъ соль, и при томъ всѣ приготовленныя кушанья съ покрайными ломтами кныша. Предъ самымъ закатомъ солнца входитъ въ хату хозяинъ (газда), съ своимъ семействомъ и съ челядью, постившимися до сихъ поръ, и всѣ становятся рядомъ къ молитвѣ. По окончаніи молитвъ бьютъ поклоны и садятся по старшинѣ за столъ. Предъ тѣмъ газда кадитъ ладаномъ подъ образы и на около стола. Послѣ онъ зажигаетъ восковую свѣчу (такъ какъ только при свѣтлѣ годится вечеряти) и прилѣпляетъ ее къ хлѣбамъ, лежащимъ среди стола. Перекрестившись, каждый по очереди кушаетъ пшеницу, послѣ ѣдятъ другія кушанья. Откушавъ, одно изъ дѣтей лѣзетъ подъ столъ и квокаетъ, чтобы велись квочки (насѣдки), и за то получаетъ отъ отца ложку пшеницы, или сливы. Посидѣвъ немного, начинаютъ всѣ вмѣстѣ пѣть колядныя пѣсни (колядовати), и послѣ, покаявшись и поблагодаривъ Богу за вечеру, встають изъ за стола. Старые хозяева ложатся спать, а молодежь мужскаго пола идетъ колядовать по селу. Обыкновенно ходитъ по два мальчика вмѣстѣ, и пришедши предъ хату, становятся подъ окно и колядуютъ разныя коляды. Послѣ окончанія пѣнія выносятъ имъ дѣвочка, или хозяйка, бохонецъ хлѣба, или крейцаръ. Такъ обошедши больше хатъ, собирають себѣ по мѣшку хлѣба. Парни (парубки) та же

ходятъ колядовать съ однимъ музыкантомъ на скрипкѣ, или соулѣкѣ, заходя только въ тѣ хаты, гдѣ находится взрослая дѣвка, которая уже пляшетъ. Послѣ коляды они получаютъ отъ дѣвчины по леву (гульдену), 50, или, по крайней мѣрѣ, по 20 крейцаровъ.

На другой день (на Рѣздво) идутъ все въ церковь, и по службѣ Божой паробки колядуютъ тамъ вмѣстѣ съ Дякомъ. Послѣ Богослуженія и женатые хозяева ходятъ одинъ къ другому колядовать, однако же они не получаютъ ничего, кромѣ угощенія кушаньями и напитками въ домѣ того, кому колядовали. На третій и четвертый день паробки и женатые ходятъ колядовать только до полудня, по полудни же все идутъ на танецъ, въ корчму. Молодежь танцуетъ, а старшіе посматриваютъ.

Коляды поются на Буковинѣ хлопцами, паробками и хозяевами

I.

КОЛЯДЫ.

Хозяевамъ.

1.

Знати, пѣзнати, котрый добрый панъ,
Гой, дай, Боже!

Въ него ворота зъ самого злота,
Въ него подвѣрье, якъ сребло бѣле.

Чи мгла, чи вода, чи бѣлы вѣвцы?—
Не мгла, не вода, все бѣлы вѣвцы.—

«Чи то вѣвцы?»—«Нашого пана,
Нашого пана, папа Ивана;

Идутъ за ними три вѣвчарики:

10 Одинъ вѣвчарикъ—Святый Николай,
Другій вѣвчарикъ—Святый Юрій,
Третій вѣвчарикъ—самъ Святый Господь!

Гей идутъ, идутъ, три трубицъ несутъ:

У Николая да й роговая,

13 А у Юрія да й мѣдяная,

А у Господа съ самого злота!

Якъ затрубивъ Святый Николай,

Ой всѣ ся горы да ѿ забѣлаѣли, *
 А якъ затрубивъ да ѿ Святый Юрій,
 Усѣ ся лѣсы зазеленѣли, **
 А якъ затрубивъ самъ Святый Господь,
 8 Пѣшли голоса по пѣдъ небеса!
 Гой, дай, Боже!

2.

Гей въ лѣску, въ лѣску, на жовтѣмъ пѣску,
 Гой, дай, Боже!
 Камень лупаютъ, церкву муруютъ,
 Церкву муруютъ съ трѣма верхами:
 10 А въ першѣмъ верху служба ся служитъ,
 Служба ся служить за господара,
 А въ другѣмъ верху свѣчи палаютъ,
 Свѣчи палаютъ за господиню,
 А въ третѣмъ верху звоники звонять,
 15 Звоники звонять за всю челядку.
 Гой, дай, Боже!
 А за симъ словомъ
 Ночуйте съ Богомъ!

Паробкамъ или мальчишкамъ.

1.

Гей, Орде ышній, пане дѣдичу,
 20 Гой, дай, Боже!
 Ой зъ горда собѣ да ѿ починаешъ,
 По пѣдъ Камянецъ коникомъ граешъ;
 Камянцѣ кажуть: «То нашъ панъ ѣде;»
 А мамка каже: «То мѣ сынъ ѣде.»
 25 —«По чѣмъ пѣзнала?»—«По кошулечцѣ:

* Снѣгъ, зима.

** Весна.

На немъ кошулька якъ бѣлъ * бѣленька,
 Якъ бѣлъ бѣленька, якъ листь тоненька».
 — «Де она прана?» — «Въ краяхъ Дуная.» —
 — «Де в'на кручена?» — «Въ коня копытахъ.» —
 5 — «Де в'на сушена?» — «Въ тура на розѣ.» —
 — «Де в'на тачана?» — «Въ терновыхъ дворахъ,
 Въ терновыхъ дворахъ, на тисовыхъ столахъ.» —
 — «Де в'на убрана?» — «Въ Бога за дѣрми.»
 Гой, дай, Боже!

2.

Выйшли молодці рано съ церковці,
 10 Гой, дай, Боже!
 Та радять раду старосвѣтскую:
 «Не купуймо, братья, на дѣвки вѣнки,
 Но купуймо, братья, золотѣ човны,
 Золотѣ човны, сребнѣй весельця;
 15 Та пустѣмъ мы ся краемъ Дунаемъ,
 Краемъ Дунаемъ, въ чужую землю;
 Чуемо мы тамъ доброго пана,
 Даруе дары по коникови,
 По коникови по вороному,
 20 По Угорскѣй стрѣлцѣ, по хорошѣй дѣвцѣ.»
 Гой, дай, Боже!

Дѣвкамъ и дѣвочкамъ.

1.

Зажурилися горы, долины,
 Гой, дай, Боже!
 Що не зродило жито, пшениця,

- Але зродило зелене вино,
 Зелене вино славно зацвѣло,
 Славно зацвѣло, мало зродило.
 Сокотила его гречвая панна,
 3 Гречная панна, на имя Сандульця: *
 Шитьечко шила, уже заснула,
 Прилетѣла къ ней райская пташка,
 Райская пташка крыльцами сбילה,
 Да ѣ гречну панну Сандульцю будила:
 10 — «Райская пташка, не спѣвай вино,
 Бо менѣ вина багато треба;
 Треба мнѣ вина на двѣ, три, службы:
 На одну службу—на Святе Рѣздво,
 На другу службу—на Василия,
 15 На третью службу—на великій День,
 На великій день, та ѣ на Великдень!»
 Гой, дай, Боже!

2.

- Гей бѣжить рыдванъ золотокованъ,
 Гой, дай, Боже!
 А въ томъ рыдванѣ золотый стѣльчикъ,
 20 На томъ стѣльчику гречная панна,
 Гречная панна, панна Сандульця,
 Ой сидитъ себѣ, шитьечко шіе,
 Шитьечко шіе, три шириница:
 Першу що шила, сады садила,
 25 Тоту бы дати своему свекрови;
 Другу що шила, вселякимъ шовкомъ,
 Тоту бы дати меньшому брату;
 Третью що шила, золотомъ злотила,
 Тоту бы дати своему милому;
 30 Эй дати, дати, нема кимъ послати,

* Александра.

Е въ мене сестра меньша вѣдь мене,
 Меньша вѣдь мене, красша вѣдь мене,
 Сестру похваля', мене погудя:
 Хоть соромъ, хоть два—понесу сама.

8 Гой, дай, Боже!

3.

Гей, въ лѣсъ, въ лѣсъ, да ѿ въ Нелоборѣ,

Гой, дай, Боже!

«Чи огонь горить, чи мѣсяць свѣтитъ?»—

Ни огонь горить, ни мѣсяць свѣтитъ,

10 Гречная панна вѣнкомъ сіяе,

Вѣнкомъ сіяе, Бояръ частуе:

—«Станьте, Бояре, въ одну сторону;

Бо мене бѣтько даромъ даруе.

Даромъ даруе, три села дае:

15 Одно село съ старыми людьми,

А друге село исъ парубками,

А третье село исъ дѣвочками.

Съ старыми людьми село порядне,

А съ парубками село буйное,

20 А съ дѣвочками село славное.»

Гой, дай, Боже!

4.

Зажурилася да ѿ перепела,

Гой, дай, Боже!

Де бы я собѣ гнѣздочко звѣла?...

25 Звѣла бы я го въ озимѣмъ житѣ—

Женцай зайдуть, мене найдуть,

Гнѣздо розбѣють, дѣти розженуть:

Зажурилася да ѿ перепела:

Де бы я собѣ гнѣздочко звѣла?...

30 Звѣла бы я го въ ярѣи пшеницѣ:

Женцѣй зайдуть, мене найдуть,
Гнѣздо разобьютъ, дѣтей розженуть.

Зажурилася да ѿ перенѣла,
Де бы я собѣ гнѣздочко звила?...
Звила бы я го въ зеленѣй травѣ:
Женцѣй зайдуть, мене найдуть,
Гнѣздо розобьютъ, дѣти розженуть.
Гой, дай, Боже!

Записалъ Г. И. Купчанкъ.

II.

Рекрутская.

Гей, ступаютъ жовнярики на широкѣй мѣстѣ,
10 Ой пьютъ они горѣлочку, та ѿ солодкѣй мѣдъ:
Позвольте есь, панъ Капитанъ, мѣдъ, горѣлку пити,
Позволь же намъ, панъ Капитанъ, ще ся поженити.
Въ людей жѣнки якъ Вѣрмѣнки, якъ ружевай цвѣтъ,
Менѣ жъ моя желѣзная завязала свѣтъ!..
15 Та возму жъ я желѣзную по подѣ бѣлы бока,
Та пуцу я желѣзную та ѿ на Дунай глыбокѣй:
«Плыни, плыни, желѣзная, ажъ на свѣтѣй камѣнь,
Ажъ тамъ же ты одпочинешь, та ѿ на вѣки амѣнь!»

III.

Спѣваночки и коломыйки.

1.

Заковала зазулечка въ пана на орѣсѣ:
20 Шануй же мя, мой миленькѣй, якъ ластѣвку въ стрѣсѣ.

Бо якъ не мешь шанувати,—не мешь мя и мати,
 Бо я тобѣ не наймичка все поле зробляти,
 Бо я тобѣ не наймичка—я тобѣ газдиня:
 Куда поѣдешь, зъ вѣтки придешь, твоѣ дѣмъ не пустыня.»

2.

5 Ишла Дойна изъ Горѣшья,
 Добрымъ конемъ, бѣльше пѣша,
 Не постала Дойна броду,
 Перебрала право воду:
 Вѣсемъ коней потопила,
 10 На девятѣмъ переплыла,
 Буковино ат ѣ Ляччино!
 Уже Дойна переплыла.

3.

«Иванъ Довгій, займи товаръ,
 Та далеко въ поле:
 15 Сонце низько, вечеръ близько,
 Вернися, соколе!»

4.

Ой пошовъ я на Подгѣрьс, та ѣ на Подгѣрьечко,
 Та ѣ вынѣсь я барабули та ѣ на насѣньчечко.
 Гей, не ѣвъ я бѣльше нѣчо, лише барабули,
 20 Та якъ выйшовъ я на весну, не вчувъ я зазулѣ.

5.

«Гей танцює, та танцює, черевички псує.»
 «Та нѣчо ѣй не коштує, бо мизый купує.»

6.

Та куривъ я, вуйку, люльку, тамъ, въ малой хатчинѣ,
 Закуривъ я чорнй очи молодой дѣвчинѣ!..
 Та куривъ я, вуйку, люльку, вотъ теперь не буду,
 Попыхала дѣвка руку, та и вѣтдула губу.

7.

5 Гей, засвѣти, мѣсяченьку, зъ Загѣрья, зъ Загѣрья,
 Ой часъ же намъ, братья нашй, зъ застѣлья, зъ застѣлья.
 Та чей ж намъ мѣсяченько засвѣти', засвѣти',
 Та чей же насъ та и Пречиста зѣстрѣти', зѣстрѣти'!

8.

Гей, Гуцуликъ легко вбутый, легко му ходити,
 10 Гуцуличка молоденька, лишъ бы ю любити.
 Якъ маешъ чорни очй, якъ у соколяти,
 Гуцулечко молоденька, лишъ бы тебе взяти!

IV.

Заговори (примовлянья).

1. Отъ уроковъ.

«Уроки—урочища, пристрѣты—пристрѣтища! Хоть най будутъ уроки чловѣчй, хоть най будутъ уроки жѣночй, хоть най будутъ уроки парубочй, хоть най будутъ уроки дѣвочй, хоть най будутъ уроки хлопчй, хоть най будутъ уроки дѣвчачи, абы зныдѣли якъ вѣскъ на огнѣ, пѣна на водѣ, роса на травѣ; такъ абы зныдѣли уроки отъ чистого (или чистой), молитвенного (или молитваного), хрещеного (или хрещеного) Н. Н.!» Этотъ заговоръ повторяется девять разъ; за каждымъ разомъ нужно три раза хухнуть: «Ху, ху, ху!» и три раза сплюнуть: «Тѣфу, тѣфу, тѣфу!»

2. Отъ вкушенія зми (якъ гадина вкусить).

(Не переставая до конца и назадъ говорить): «Прйшовъ Вомиъ,

мустивъ жалце въ шкѣру, зъ шкѣры въ мѣсо, зъ мѣса въ печѣнки, зъ печѣнокъ въ селезѣнки, зъ селезѣнокъ въ сердце, зъ сердца въ селезѣнки, зъ селезѣнокъ въ печѣнки, зъ печѣнокъ въ мѣсо, зъ мѣса въ шкѣру, зъ шкѣры вонъ.» (Три раза).

V.

Похороны въ Буковинѣ.

Мертвеца умываютъ и убираютъ въ чисту одѣжъ. На голову кладутъ, особѣ мужескаго пола, нову баранкову кучму, женатому безъ вѣнца, не женатому съ вѣнцемъ, и полагаютъ на лавѣ, подъ полуднѣйшую стѣну головою на востокъ солнца. Вѣнецъ дѣлаютъ зъ барвѣнку на три вершка широкій, круглый. Въ средину кладутъ одного старого сороковца или 20 крейц. сребреныхъ и зубокъ часноку. Барвѣнокъ золотятъ бѣлою и желтою позолоткою, и пришиваютъ тотъ вѣнецъ на правой сторонѣ шапки. Тѣло убираютъ въ чистое бѣлое платье и подпоясываютъ новымъ поясомъ. Ноги убираютъ въ полотняныя плахты. Руки складываютъ—лѣвую подъ сподъ, а правую съ верху, на груди.

Женскому полу кладутъ на голову: жѣнкамъ бѣлый рантухъ, молодлицамъ бѣлый ручникъ, но подъ бороду новымъ «турупаномъ» подвязанный, дѣвчатамъ же ихъ «карабули» съ вѣнкомъ. «Карабули» * подобны коробкамъ, сдѣланы изъ лубкового паперу, который галоунами, цятками, стяжками, перлами, хиромъ, ** лелѣтками, козиками и многими цвѣтками накрываютъ. Дѣвчата имѣютъ низшія карабули, нежели дѣвки. Дѣвочій вѣнецъ въ длину на стопу, а широкій въ вершокъ, изъ позолоченнаго барвѣнку. На той части вѣнка, что приходитъ на чело (а барвѣнокъ идетъ вокругъ головы), пришиваютъ сороковца или 20 кр. серебромъ, такъ чтобы то на

Родъ кокошкина.

* Хиръ — мишура.

челъ лежало. Тѣло женщинъ убирають въ чистое бѣлье, съ желковыми плечками, въ бѣлую фоту изъ тонкаго бумажнаго полотна вмѣсто горботки (фартуха), ноги обувають въ полотняныя чулки. Парней, дѣвокъ и дѣвчатъ убирають въ красныя, шелкомъ и хиромъ powyшиванныя, лелѣтками powyкладованныя сорочки, а на шею даютъ згарду (на шнурку много старыхъ великихъ серебряныхъ монетъ, безъ чего ни одна богатая сельская дѣвушка не обходится) и цятки, а на ноги надѣвають и новые черевики. Также и богатыхъ женщинъ и старыхъ мужчинъ обувають въ новыя черевики. Но дѣтей и бѣдныхъ не обувають. Дѣтей кладутъ на столъ. Подъ головы кладутъ мертцамъ подушку, кругомъ головы гвоздикомъ, василькомъ, мятки, кануфріи, любистка, барвенка, и много инаго зѣлья, чтобы пахло въ хатѣ. Въ концѣ головы горитъ три дня восковая свѣчка, или каганецъ (ночникъ). Трумну (гробъ) дѣлають изъ пяти достокъ въ формѣ длиннаго сундука, въ головахъ широкъ, а въ ногахъ узокъ. Вмѣсто исподней доски кладутъ лишь «бечи», * такъ что тѣло въ трумнѣ на «бечахъ» покоится.

На третій день кладутъ трупъ въ трумну. Въ трумну стелятъ подъ трупъ зѣлье и полотно, подъ голову же кладутъ иное зѣлье. Сверху накрываютъ трупъ полотномъ и потомъ доскою. Вынося трупъ изъ хаты, дотрогиваются трумною три раза на хатномъ и хормномъ порогѣ, для означенія прощанія покойнаго съ хатою и съ своими сродниками, жившими съ нимъ въ хатѣ. Какъ только вынесутъ трупъ на дворъ, тотчасъ замыкають двери, чтобы другія въ томъ домѣ не умирали. Потомъ приносятъ въ церковь, гдѣ молитвы за усопшаго читаются. Если еще трупъ не слышенъ, то отворяють трумну, уже послѣдній разъ, чтобы еще на него посмотрѣть. Родные бьютъ впереди коло гроба поклоны и цѣлуютъ Св. Евангеліе на немъ и крестъ: старшіе цѣлуютъ мертваго въ голову, а младшіе цѣлуютъ его въ руку. Теперь несутъ на цминтарь (погостъ), гдѣ его похороняють. Спустивши гробъ въ могилу, кидаютъ всѣ присущіе, кромѣ родныхъ, по горсти земли въ нее. Кто слишкомъ за усопшимъ плачетъ, тому кладутъ немножко глины за пазуху, чтобы не

* Бечи, собственно бечы, два на крестъ положенные прута, которые прихрѣпляютъ собственно въ ногахъ вмѣсто исподней доски.

тужилъ. По погребеніи приглашаетъ хозяинъ того дома, гдѣ мертвецъ былъ, всѣхъ гостей къ себѣ на обѣдъ («за прѳстѣмъ Бѳгомъ», «за Бѳгомъ да прѳсти»). Многіе отправляютъ на похоронахъ парастасъ: первой ночи по вынесеніи умершаго изъ дому горитъ свѣчка, или каганецъ, цѣлую ночь, а при свѣтѣ кладутъ на столъ стклянку воды, чтобы душа покойника, что еще въ хатѣ осталась, покушала воды той на дорогу до неба.

Жалобы (траура) по умершихъ не носятъ, только ходятъ три дни (пока еще мертвецъ въ хатѣ) мужчины безъ шапки, а дѣвки и дѣвчата съ распущенными косами. Отзываясь о усопшихъ, говорятъ: «небѳщикъ, покойникъ, не по тому что «бѳдный»; онъ не «бѳдный», а счастливый, живы лишь бѳдны.» Пока мертвый лежитъ въ хатѣ, не позволяется въ той хатѣ чужому здороваться, а лишь, стоя тихонько коло порога, прочесть про себя: «Отче нашъ» и «Богородице Дѣво», и никоимъ образомъ не преклонять колѣна около мертваго; то по Ляцки, по Католицки.» Не годится также по усопшемъ плакать, такъ какъ, де, онъ будетъ имѣть отъ тѣхъ слезъ мокру сорочку. Утверждаютъ, что душа умершаго преобразуется въ голуба и летитъ въ небо.

Записалъ Григорій И. Кулчанкъ.

КОЛЯДЫ ИЛИ ЩЕДРОВКИ.

К о л я д а.

1.

Общая.

- Гой, сѣвъ самъ Христось та й вечеряти,
Входитъ до него Божая Мати:
«Гой, дай мй, сыну, вѣдъ пекла ключй,
Повыпускати всѣ грѣшныи души.»
- 5 — «Ой, на жь ты, мамко, вѣдъ пекла ключй,
Повыпускати всѣ грѣшныи души,
Лишь одну душу бай не пускати,
Що зневажала вѣтця та й мати,
Що зневажала, словомъ вкорила,
10 Словомъ вкорила, судомъ всудила;
Ще й другу душу бай не пускати,
Що не пріймила бѣдного въ хату,
Що не пріймила, не приодѣла,
Нѣкому добра не приобрѣла;
13 Ще й третю душу бай не пустити,
Що йшла фальшивымъ свѣдомъ свѣдчити:
Тымъ трѣмъ на вѣки въ пеклѣ горѣти,
Въ пеклѣ горѣти, въ смолахъ кипѣти!»

2.

Господаревн.

- Гой, знати, знати, котре господарь:
20 А то господарь на имя пань....
Въ него подвѣря сребломъ лелѣе,
А въ его дворѣ два три Короли:

- Гой, першій Король, то самъ Господь Богъ,
 А другій Король, то Святый Юрій,
 А третій Король, то Святый Дмитро.
 Въ Святого Дмитра трубочка зъ сребра,
 5 Въ Святого Юра зъ буйного тура,
 Въ Господа Бога а зъ однорога.
 Гой, якъ затрубивъ Святый Димитрій—
 Горы долины всѣ въ бѣль ся вкрыли;
 А якъ затрубивъ та Юрій Святый—
 10 Всю кригу розбивъ, все дерево розвивъ;
 А якъ затрубивъ самъ Господь зъ неба—
 Врадувалася на рѣмъ скиба,
 На рѣмъ скиба, у морѣ рыба,
 У морѣ рыба, у горахъ зело,
 15 У горахъ зело, у стогахъ зерно;
 Всѣ ся церковцѣ поодворяли,
 Всѣ ся свѣчечки позажигали:
 Коло престола Святый Миколай,
 Господа славить, три службы править:
 20 Гей, першу службу за господаря,
 За господаря, ... на имя
 А другу службу за господиню,
 За господиню, ... на имя
 А третю службу за челядочку,
 25 За челядочку, за худѣбочку.

3.

Ему же.

- Цы дома, дома, сей панъ господарь?
 Сей панъ господарь, на имя панъ...?
 Челядка каже, що нема дома,
 А панъ господарь собѣ бай дома,
 30 Ще й сидить собѣ по конецъ стола,
 А на томъ столѣ три кубки стоять:
 У однѣмъ кубку медокъ солодокъ,

- У другомъ кубку багрове пивце,
 У третѣмъ кубку зелене винце.
 Медокъ солодокъ на челядочку,
 Багрове пивце на колядочку,
 5 Зелене винце та й до церкѣвцѣй,
 Та до церкѣвцѣй бай на престѣльцѣй.
 Коло престола Святый Миколай
 Въ дзвоночки дзвонить, Богу ся молить,
 На райскихъ дверехъ самъ Господь стоять,
 10 Самъ Господь стоять, три службы служить:
 Першу службочку за господаря,
 За господаря, за пана...;
 Другу службочку за господиню,
 За господиню, на имя...;
 15 Третю службочку за челядочку,
 За челядочку, за худѣбочку.

4.

Господинѣ або вдовѣ.

- Гой, знати, знати, хто господиня:
 Въ неи въ свѣтлицѣ якъ въ веселицѣ,
 Въ неи челядка у злотѣ ходить,
 20 У злотѣ ходить, у добрѣ бродить,
 У неи возы все кованіи,
 У возахъ коніи все вороніи:
 Рано въ недѣлю до царквы йде.
 Гой, на першій вѣзъ лишъ свѣтло клала,
 25 А на другій вѣзъ проскуры клала,
 А на третій вѣзъ сама сѣдала.
 Приѣхала жь в'на передъ свѣтлый двѣръ,
 Передъ свѣтлый двѣръ, передъ Божій дѣмъ:
 Сами ся двері та й одтворили,
 30 Всѣ ся ей Святі та й уклонили,
 Саме ся свѣтло позажигало,
 Сами ся кинги та й розчитали:

На райскихъ дверехъ самъ Господь стоитъ,
 Самъ Господь стоитъ, три службы служить
 Въ своей святынѣ за господиню,
 За господиню, на имя...
 5 За ей цѣлый дѣмъ, на здоровле всѣмъ!

5:

Парубкови.

Рано въ недѣлю куры зацѣли,
 А хто ранше вставъ, три свѣщцѣ всукавъ:
 При першѣй свѣщцѣ личко умывавъ,
 При другѣй свѣщцѣ коника сѣдлавъ,
 10 При третій свѣщцѣ зъ двору выѣждавъ,
 А бувъ же тото гречный молодець,
 Гречный молодець, на имя панъ...
 Хвалився конемъ передъ Королемъ:
 «Нема въ Короля такого коня:
 15 Золота грива всю землю вкрыла,
 Срѣбный копыта камень лупаютъ,
 Камень лупаютъ, церковь складаютъ,
 Съ трема верхами, съ трема хрестами:
 На першѣмъ хрестѣ сонечко въ веснѣ,
 20 На другѣмъ хрестѣ мѣсяць у креслѣ,
 На третѣмъ хрестѣ зоря изъ моря,
 Зоря изъ моря, два, три, престола,
 На тыхъ престолахъ Матка Христова
 Книжку читае, Христа благае,
 25 За вѣтця, матку, за всю челядку,
 За челядочку, за худѣбочку.»

6.

Дѣвчинѣ.

- Зажурились горы, долины,
 Горы, долины, всѣ полонины,
 Що не зродило жито, пшениця,
 Але зродило зелене вино:
- 5 Зелене вино дѣ горѣ ся вило,
 Дѣ горѣ ся вило, сине зацвѣло,
 Сине зацвѣло, сильно зродило;
 Ёго стерегла гречная панна,
 Гречная панна, на имя
- 10 Вино стерегла, твердо заснула,
 Твердо заснула, вино забула,
 Поприлѣтали райскіи птахи,
 Якъ прилѣтли, въ крыльця дзвонили,
 Въ крыльця дзвонили, панну збудили:
- 15 —«Гой, шугу зъ лугу, райскіи пташки,
 Не спѣвайте се зелене винце,
 Бо менѣ вина и самой треба:
 Маю я брата на женянечку,
 Молодшу сестру на вѣдданечку,
- 20 Сама молода зарученая,
 Зарученая за отамана.»

7.

Ей же.

- На крутой горѣ сивъ соколъ сидитъ,
 Сивъ соколъ сидитъ, круто ся дивитъ,
 Круто ся дивитъ, далеко видитъ.
- 25 Гой, дивитъ вѣнъ ся краемъ Дунаемъ,
 Краемъ Дунаемъ на гуслехъ грають,
 На гуслехъ грають, колядъ спѣвають.
 А по Дунаю корабель плаве,

- А въ томъ кораблѣ гречная панна,
Гречная панна, на имя...
Въ кораблѣ сидить, сокола бавить,
Братчика зъ войська ся надѣвае,
5 А братчикъ иде, три дары несе,
Три даруночки: гой, чоботочки,
Другій дарунчикъ — павяный вѣнчикъ,
Третій дарунчикъ — срѣбный перстеньчикъ.
Гой, чоботочки до гулянячка,
10 До гулянячка на веселячку,
Павяный вѣнецъ та до вѣнчана,
Срѣбный перстенецъ до обмѣняня.
-

ПѢСНИ ЮРДАНСКІЯ.

Послѣ каждаго стиха въ Юрданской пѣснѣ повторяется одинъ изъ слѣдующихъ 3-хъ припѣвовъ:

«Юрданъ воду разливае.»
либо:
«Прійде Христось на вечерю.»
либо:
«Иванъ воду благословить.»

1.

Тамъ на рѣцѣ на Юрданѣ
Пречиста Дѣва сына купае.
Сына купае, ченцовъ пытае:
«Гой, ченчики Васильчики,
5 Охрестѣте сына моего,
Сына моего единого!»
Они взяли, не хрестили,
На престолѣ положили.
«Яке ему имя дати?»
10 — Яке дати, таке дати:
Хиба Петромъ его назвати?»
Пречиста собѣ не злюбила,
Водъ престола водступила.
Стали жь они зновъ гадати,
15 Яке ему имя дати?
— «Яке дати, таке дати:
Хиба Павломъ го назвати?»
Пречиста собѣ не злюбила,
Водъ престола водступила.
20 Стали жь они зновъ гадати,
— Яке ему имя дати?
— «Яке дати, таке дати:
Хиба Христось го назвати?»
Пречиста собѣ полюбила
23 До престола приступила.

2.

Гой, на рѣцѣ на Іорданѣ
 Пречиста Дѣва Христа купает:
 Якъ купала, вповивала,
 У зѣрницѣ колысала;
 5 У зѣрницѣ колысала,
 У мѣсяцѣ заховала;
 Прійшли, прійшли всѣ Жидове,
 Всѣ Жидове, кагалове:
 «Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
 10 Де ты Христа бай подѣла?»
 «Ба я его не дѣвала,
 У Іорданѣ заховала.
 Пѣшли Іорданъ в'ни спускати,
 Христа Бога въ нѣмъ шукати:
 15 Увесь Іорданъ изшукали,
 Христа Бога не споймали.—

«Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
 Де ты Христа бай подѣла?»
 —Ба я его не дѣвала,
 20 У пшеницѣ заховала.»
 Пѣшли Жиды ланы жати,
 Христа Бога въ нихъ шукати:
 Усѣ ланы позжинали,
 Христа Бога не споймали.
 25 «Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
 Де ты Христа бай подѣла?»
 —Ба я его не дѣвала,
 У темный лѣсъ заховала.—
 Пѣшли Жиды лѣсъ рубати,
 30 Христа Бога въ нѣмъ шукати:
 Усѣ лѣсы до пня стяли,
 Христа Бога не споймали.

«Гой ты Дѣво, ты Маріе,
 «Де ты Христа бай подѣла?»

- Ба я его не дѣвала,
 У зѣрницы колысала;
 У зѣрницѣ колысала,
 У мѣсяцѣ заховала.»
- 5 Стали Жиды съ книгъ читати,
 Мусѣвъ мѣсяць Христа дати.
 «Ты, мѣсяцю, гой ты зиѣнный,
 Давъ ты Христа на невѣрныхъ,
 А в'ни его заразъ взяли,
- 10 На тяжкіи муки дали:
 Всяке древо въ пушки били,
 Ни одно ся не пріймило,
 Лишь червива тая ива
 Въ Бога тяжко прогрѣшила,
- 15 Въ Бога тяжко прогрѣшила,
 Изъ за нѣгтѣвъ кровь пустила:
 А де тая кровця кане,
 Тамъ церковця заразъ стане,
 Тамъ самъ Господь службы служить
- 20 За здоровыхъ, за недужихъ,
 За богатыхъ, за убогихъ,
 За кровавѣ Христа ноги,
 За кровавѣ его руки:
 Слава, Христе, ти за муки!»

3.

П о і о р д а н с к а я .

- 25 «Гой, ты, пане господарю,
 Въ тебе въ дворѣ якъ у раю:
 Въ тебе вербы грушѣ родяты,
 Въ тебе дочки въ злотѣ ходяты,
 Въ тебе сыны въ Царя служатъ;
- 30 Царѣвочку собѣ дружать,
 Въ Царя дочку заручили,
 Та й до дому пригостили.

Гой, ты, пане господарю,
 Въ тебе въ дворѣ, якъ у раю:
 Въ тебе волы половіи,
 Въ тебе плуги золотіи,
 5 Въ тебе двори все кидрові,
 Въ тебе столы калинові,
 На нихъ скаты * все лянніи,
 На нихъ блюда цинновіи.

«Гой, ты, пане господарю,
 10 Въ тебе въ полѣ, якъ у раю:
 Въ тебе ланы якъ загаи,
 Въ тебе хлѣбы якъ Дунаи,
 На нихъ жита, якъ жиръ сыти,
 А пшениця, якъ столица,
 15 Въ тебе вѣвсы жубровіи,
 И ячмені золотіи.

«Гой, ты, пане господарю,
 Въ тебе въ колѣ, якъ у раю:
 Въ тебѣ коні все Турецкій,
 20 Въ тебе зброи все стрѣлецкій,
 Въ тебе волы якъ стодолы,
 А коровы якъ бороги,
 Въ тебе вѣвці горы вкрыли,
 Въ горахъ зрубы безъ рахубы.

«Гой, ты, пане господарю,
 25 Въ тебе въ скрыняхъ, якъ у раю:
 Въ тебе скрынні кованіи,
 Въ нихъ червони небраніи,
 Въ тебе шубы соболеві,
 Горностаи Королеви,
 30 А жупаны якъ у пана,
 А контушій всѣ въ кожусѣ.

Гой, ты, пане господарю,
 Счасть ти, Боже, изъ Іорданомъ,

* Скатерти.

И зъ водицевъ, и зъ царицевъ,
 Зъ усѣмъ домоу, зъ усѣмъ двороу,
 И съ твоею дружиною,
 И съ твоею челядкою,
 5 И съ сынами соколами,
 И зъ дочками якъ чѣчками.

«Господарю, якъ Королю,
 Счасть ти, Боже, съ усѣмъ двороу,
 И съ челядковъ богатою,
 10 И съ худобковъ рогатою,
 И зъ ролями, и зъ ланами,
 И съ сусѣдами, и съ панами,
 И зъ Господомъ Христомъ Богомъ,
 На здоровле, на дѣтъ много!

Дай, Боже!»

Що мы казали, абы то такъ сталося, и вамъ, и намъ, и се-
 му счастливому двору, и всему миру посполу! Най у васъ святиться,
 веселиться, святая Іорданская водица, якъ нынѣ, и въ рѣкъ, и
 въдѣ року въ рѣкъ, и на цѣлый вѣкъ,

Дай, Боже!

Поколядь.

Поколядью называютъ припѣвъ, который поется послѣ Коляды
 непосредственно въ честь того, кому колядуютъ.

1.

Поколядь общая.

15 А за симиъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
 Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
 Богу въ небесѣхъ, за васъ чесныхъ всѣхъ:
 «О, дай же, Боже, на хлѣбъ урожу,
 На хлѣбъ урожу, всѣмъ ласку Богу,
 Урожу якъ жиръ, межи Царями миръ,

- Мѣжь Царями миръ, мѣжь миромъ гараздъ,
 А каждому зъ васъ Святый Боже счастье!
 Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
 Богу ся молимъ, а всѣмъ ся клонимъ,
 5 Счащемъ, здоровлемъ, ще й вѣкомъ довгимъ,
 Ще й вѣкомъ довгимъ, пробуткомъ добрымъ,
 И сами собою, и зъ дружиною,
 И зъ дружиною, и съ челядкою,
 И съ челядкою, и съ худѣбкою,
 10 И съ худѣбкою, и зъ рогатою,
 И зъ усѣмъ чадомъ, и съ святымъ ладомъ.
 Святымъ Божествомъ, Божиимъ Рождествомъ!»

2.

Священнику.

- А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
 Въ дзвоночки дзвонимъ, низько ся клонимъ,
 15 Низько ся клонимъ, Богу ся молимъ:
 «О, дай вамъ, Боже, золотй кресты,
 Золотй кресты, ключй небеснй,
 Ключй небеснй вѣдъ Бога Христа,
 Й счастья, й здравля, пробуткй добрай,
 20 Пробуткй добрай, и зъ вѣкомъ довгимъ,
 И зъ усѣмъ домою, и съ чеснымъ дворомъ,
 Съ паньматкою, всевь челядкою,
 И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
 Святымъ Божествомъ, Божиимъ Рождествомъ!

3.

Господареви.

- А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
 25 Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,

- Тобѣ ся клонимъ, славный господарь,
 Славный господарь, на имя пань...
 Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
 Тебе шануемъ, тебе вѣншуемъ:
 8 Счащемъ, здоровлемъ, пробуткомъ добрымъ,
 Пробуткомъ добрымъ, ще ѣ вѣкомъ довгимъ,
 И самъ собою, и зъ дружиною,
 И зъ дружиною, и съ челядкою,
 И съ челядкою, и съ худѣбкою,
 10 И съ худѣбкою все рогатою,
 И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
 Святымъ Божествомъ, Божпмъ Рождествомъ,
 На стайнѣ волы, на полѣ ланы,
 А на тыхъ ланяхъ пшеница въ кланяхъ,
 15 Въ кланяхъ, не въ кланяхъ, въ сто оборогахъ,
 Золото, сребло въ твоихъ чертогахъ,
 Сребломъ ихъ укрий, виномъ ся умый,
 И за столомъ сядь, якъ въ вишневый садъ,
 Прійде до тебе Христось вечерять!

Парубкови.

- 20 А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
 Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,
 Гречный молодець, на имя пань...
 Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
 Тебе шануемъ, тебе вѣншуемъ:
 25 Счащемъ, здоровлемъ, и долець добровъ,
 И долець добровъ, и вѣкомъ довгимъ,
 И зъ вѣтцемъ, зъ матковъ, зъ усевъ челядковъ,
 И зъ миловъ своевъ нареченою,
 Нареченою, зарученою:—

- 8 Въ городѣ зело, въ дворѣ весело, *
 Въ городѣ зѣля, въ дворѣ весѣля,
 А самъ выйди къ намъ, та полякуй намъ,
 Що те такъ красно защебетали,
 Якъ соловейко у лузѣ въ тузѣ,
 10 Якъ зазулечка въ вишневыхъ садахъ,
 Якъ ластѣвочка въ побитыхъ дворахъ,
 Якъ златі гусли, якъ сръбніи струны,
 Стрѣльціи молодці въ мыслівскѣй думѣ *

Повѣншоване.

«А за симъ словомъ вѣншуемо, васъ честный, славный та величный нашъ... (Господарю, або Священнѣй отче добродѣю духовный, або якъ до кого вже) усѣмъ добромъ, усѣмъ гараздомъ, що собѣ въ Господа Бога жадаете та думкою думаете, щобы то такъ вамъ и стало ся! Поможи вамъ, Боже, сїи свята мирно опровадити, а другихъ у радости и веселости счасливо дѣждати, а намъ, колядникамъ, ласкави будьте, не за зле мати, що у вашъ чесный та величный двѣръ повернули! Поверни до васъ, Господи Боже, ласкою своею небесною на цѣлый рѣкъ и вѣкъ! Симъ васъ вѣншуемо, а сами усѣмъ чеснымъ та гречнымъ низько клонимося: здоровіи будьте, въ гараздѣ оставайте!»

* Со стиха: «Въ городѣ зело» и т. д., до самаго конца можно продолжать ве одному лишь парню, но хоть кому либо и другому.

КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

О ЧЕРКИ

ГАЛИЧИНЫ, СЪВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УГРИИ И БУКОВИНЫ.

1. Карпатскія горы.

Горная цѣпь, извѣстная подъ именемъ Карпатовъ, имѣетъ около 150 миль въ длину и, загибаясь лукомъ съ запада къ востоку, ограничиваетъ съ сѣвера Угорское Королевство (Угрію), отдѣляя его отъ Галичины и Буковины. Начиная съ югозападнаго конца Галичины до горнаго узла у верховьевъ рѣкъ Сяна и Уга (Ungh), близъ горы Галичъ, Карпатскія горы, называемыя также Бескыдами, составляютъ часть Европейскаго водораздѣла. Отъ этого узла Европейскій водораздѣлъ поварачиваетъ особою цѣпью къ сѣверу возлѣ Добромиля Городка, Львова, Золочева и, окружая источники западнаго Буга, переходитъ въ Русскую плоскую возвышенность. Самъ же Карпатскій хребетъ, наклоняясь къ юговостоку (Лѣсистыя Карпаты), продолжаетъ свой граничный рубежъ между Угорщиной и Седмиградіей съ одной стороны, а съ другой между Галичиной и Буковиной

¹ Угры, Угрія, Угорщина, Угорское Королевство, такъ называютъ мѣстный Славяно-Русскій народъ землю Венгерцевъ или Венгрію, такъ называлась она издревле въ нашихъ летописяхъ и грамотахъ. Названія: Венгры, Венгрія, Венгерскій, заимствованы только съ XVIII вѣка изъ Польскаго языка и совершенно противны говору Русскаго языка. Южные Славяне говорятъ и пишутъ: «Угри, Угарска, Угарскій, Чехи и Словаки: Uhri, Uhorsko Uhersky.» Пора бы и намъ возвратиться къ лучшему употребленію и ввести въ письменности первоначальные правильные термины: Угры, Угорскій, Угрія.

Въ Карпатскомъ хребтѣ различаютъ географы слѣдующія части съ особыми названіями:

а) На западѣ Малые Карпаты, отъ Бретислава (Пресбурга) до Яблонковского перевала.

б) Бескиды,² отъ Яблонки до источниковъ р. Стрыя на сѣверномъ и р. Латорицы на южномъ склонѣ.

в) На этомъ протяженіи высятся Центральные Карпаты или Татры особымъ горнымъ узломъ великанскихъ вершинъ и гранитныхъ скалъ, и этимъ узломъ Бескиды раздѣляются на западные и восточные. Татры высятся на пространствѣ четырехъ миль между западными и восточными Бескидами, образуютъ вершины: Ломницкій верхъ 8328 фут., Криванъ 7884, Зелена 6400, Воловецъ 6534, Червонный верхъ 6720 футовъ надъ уровнемъ моря, и представляютъ собой величественную альпійскую страну.

г) Лѣсистые Карпаты, отъ источниковъ рр. Стрыя и Латорицы до горы Вурву Руссу (Русскій верхъ), на Седмиградской границѣ, и наконецъ,

д) Седмиградскіе Карпаты, окружающіе Седмиградію (Трансильванію) съ востока и запада.

На западѣ Малые Карпаты съ прилежащими землями заселены Словаками, на западныхъ Бескидахъ поселились Польскіе горцы — Горали, Русское же народонаселеніе заняло въ Галичинѣ, Сѣверной Угріи и Буковинѣ немалую часть срединнаго Карпатскаго хребта. Съ югозападнаго конца Русское народонаселеніе упирается почти непосредственно въ исполинскіе гранитные утесы Татровъ; на ихъ живописныхъ и суроворомантическихъ долинахъ по быстрому Попряду находятся уже Русскія селенія, продолжающіяся непрерывною

² Названіе Бескидъ, Бескиды А. Петрушевичъ производитъ отъ Греческаго βόσκω, βοσκήσω, Латин. пасуо, бескидовати, пасть скотъ, на пашню выгонять, будто бы занесенное туда Румынами (Волохами); однако же странно, что тогда какъ съ запада до начала Лѣсистыхъ Карпатъ часто повторяется названіе горъ Бескидъ, Бескидецъ, Польск. Bieszczad, Bieszczady, Словацк. Besčad, Beččady, дадѣ къ востоку нигдѣ не встрѣчается это названіе, не смотря на то, что тамъ сильнѣе дѣйствовало вліяніе Румынскаго племени.

цѣпью съ запада на востокъ до границъ Седмиградіи и Буковины. Все это Карпатское погорье по обѣимъ покатосямъ, съ прилегающими уступами и долинами, заселено сплошь Русскимъ людомъ.

Оставивъ западные Бескиды и Татры, мы займемся описаніемъ восточныхъ Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ.

Самый хребетъ этихъ, особенно въ западной половинѣ, занимаемыхъ Русскимъ населеніемъ Карпатъ (или Бескидовъ), въ рѣдкихъ мѣстахъ достигая своей высотой 4000 ф., и по тому не представляетъ вида альпійской страны, а скорѣе похожъ на громадную волнистую возвышенность, на которой лѣсистыя вершины перемежаются съ большими широкими долинами и котловинами. Эти лѣсистыя горы, на своихъ скатахъ удобныя для хлѣбопашества, въ значительной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, изрѣдка заселены одинокими пастухами, занимающимися частію рубкой лѣса, частію также и хлѣбопашествомъ.

Карпатскія горы состоятъ преимущественно изъ рухляковаго и глинистаго песчаника, который и называется особымъ именемъ Карпатскаго песчаника. Онъ содержитъ въ себѣ мало кремнезема и много известковой земли, по чему скоро превращается въ сѣрожелтоватую глинистую почву. Будучи по этому способна пропускать влагу, вся гористая страна весьма удобна къ произрастанію лѣсовъ. Въ особенности восточная половина заселенныхъ Русскими Карпатъ (Лѣсистыя Карпаты) представляется сплошною массою густаго краснолѣся, между которымъ торчатъ одинокія скалистыя вершины (Илемскій Горганъ, Гропа, Яловая и Черная Клива и др. Кливы, Кичеры и Магуры), мѣстами же свѣтятся, какъ пльши, среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (полонины), на которыхъ изрѣдка произрастаютъ малорослыя пихты и кусты можжевельника. Только по надрѣчнымъ поперечнымъ долинамъ поселился народъ и, расчитивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ, селахъ, тянувшихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ. Западная половина (Бескиды) не столь гориста: она состоитъ изъ менѣе крутыхъ холмовъ, на которыхъ буковые и еловые лѣса расчищены, и селенія распространяются по всей гористой странѣ до Угорской границы, и тутъ примыкаютъ къ такимъ же селамъ на южно-угорскомъ склонѣ Карпатъ.

Восточные, Русскимъ народомъ заселенные, Бескиды начинаются отъ перевала р. Попрада, вытекающей изъ подъ утесистыхъ Татровъ или Татеръ, и тянутся особою цѣпью (отъ 2000 до 4000 фут. высоты) къ востоку, до источниковъ Латорицы и Стрия.

Отъ главнаго хребта отходятъ къ сѣверу и югу, почти параллельно идущіе, ряды окраинныхъ горъ, которыя сначала имѣютъ видъ хребтовъ средней величины, а далѣе представляютъ гористую страну. На южномъ склонѣ вѣтви Карпатъ, между рѣками Теплою, Ондавой и Лаборцемъ, являются вблизи главной цѣпи, въ видѣ по большей части голыхъ, коегдѣ поросшихъ кустарниками, хребтовъ; долины ихъ овражисты, глубоко врѣзаны и бесплодны; однако же у подошвы Горъ прибрежныя долины р. Теплою по большей части обработаны; только долины р. Ондавы покрыты лѣсами. Гораздо выше, хотя и менѣе обнажены и обрывисты, вѣтви горъ между р. Ондавой и Лаборцемъ: онѣ покрыты сплошнымъ буковымъ лѣсомъ. Русскія поселенія простираются до виноградныхъ горъ Гедьяля (Hedyallya, Подгорье), и встрѣчаются даже возлѣ самого Токая. Есть Русскіе поселенцы также въ Затискихъ долинахъ.

Напротивъ, далѣе къ востоку развѣтвленія Карпатъ, простирающіяся параллельными цѣпами между рр. Лаборцемъ, Угомъ и Латорицей, по большей части утесистыя, съ широкими долинами. Вершины покрыты дремучими лѣсами, менѣе крутыя мѣста служатъ пастбищами для скота, въ долинахъ же стелются плодоносныя поля и луга. Для сообщенія между селами проложено много дорогъ, содержимыхъ въ хорошемъ состояніи.

На сѣверной сторонѣ развѣтвленія главной цѣпи Карпатъ простираются на 4 и на 6 миль вдоль Галичины, за тѣмъ волнообразная почва понижается до рр. Вислы, Днѣстра и Прута, опускаясь до 400 футовъ высоты. Вислинская и Днѣстровская долины продолжаютъ далеко въ Россію и соединяются съ большою восточной возвышенностью.

Въ особенности сѣверная покатость Бескидовъ представляетъ нѣсколько параллельныхъ уступовъ, изъ которыхъ ближайшіе къ главной цѣпи вышиной почти равно съ нею: чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ становятся ниже, и наконецъ спускаются въ низменные ряды между рр. Вислокой, Сяномъ, Днѣстромъ и Стрымемъ. Почти у всѣхъ широкіе хребты, съ неслишкомъ крутыми понижающимися

къ долинамъ спусками. Вершины поросли сплошными лѣсами; на болѣе пологихъ мѣстахъ пастбища, обработанныя поля подъ овсомъ и картофелемъ, въ долинахъ пространныя луга. Плохія дороги, соединяющія длинныя горныя села (кромѣ немногихъ шоссеиныхъ), тянутся по берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ; нерѣдко приходится съ трудомъ переѣзжать по нимъ лѣсистыя хребты. Вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ выше горы, тѣмъ хуже проѣзжія дороги, тѣмъ менѣе путей сообщенія.

Лѣсистыя Карпаты простираются отъ источниковъ рр. Латорицы и Стрыя до источниковъ рр. Вишеевы (Visó) и Золотой Быстрицы подъ горою Вурву Россу въ Седмиградской землѣ, въ видѣ лѣсистаго, въ 6—7 тысячъ футовъ вышины, широкаго хребта Альпійской формации съ немногими перевалами. Значительная высота и дремучіе, отчасти первобытныя, лѣса, на пространствѣ 500—600 квадратныхъ миль, дѣлають эти горы отъ Мукачева и Сколя до Молдавской границы (т. е., всю Верховину и Мараморощину) дикими и неудобопроходимыми.

На сѣверной сторонѣ Карпатъ развѣтвленія этой цѣпи распространяются до рр. Днѣстра и Прута. Вѣтви проходятъ между рр. Свѣчей, Ломницей, Быстрицами, Прутомъ и Черемошемъ, длинными высокими рядами, въ которыхъ также преобладаетъ Альпійская горная природа. Поросшіе лѣсомъ крутыя бока кончаются обрывистыми спусками къ притокамъ, стремительно несущимъ горныя воды къ главной рѣкѣ—Днѣстру. Его русло, заносимое множествомъ щебня и песку, постоянно возвышается, отъ чего увеличиваются пространныя Стрыйскія и Самборскія болота.

У подножья Карпатскихъ отроговъ, по которому идетъ подгорное шоссе, кончаются лѣса и стеляются плодородныя поля и тучныя луга вплоть до самаго Днѣстра. Такимъ же образомъ и на южной (Угорской) покатости развѣтвленія горъ тянутся между рр. Великимъ Агомъ, Талаборомъ, Тарацомъ, верхней Тисой и Вишеевой (Visó) по Верховинѣ и Мармаріи.

Главный характеръ этихъ горъ—сурово-романтичeskій: темныя лѣса и взгроможденныя массы торчащихъ камней перемежаются съ роскошными долинами, въ которыхъ гремучіе водопады и картинныя пейзажи представляются въ очаровательной прелести. Въ рѣчныхъ долинахъ и по уступамъ горъ стеляются плодородныя поля, тучныя луга и роскошныя плодоносныя сады, согрѣваемые южнымъ солнцемъ, а ниже

Пряшева, Ужгорода, Мукачева тянутся славные во всей Европѣ виноградники.

Долины, узкія въ верхнихъ концахъ, расширяются къ низу и тутъ только, какъ на Галицкой, такъ и на Угорской, сторонѣ, предложены правильныя дороги, которыя нерѣдко, идя вверхъ, къ началу долины, обрываются подъ самымъ граничнымъ хребтомъ. Только одно шоссе изъ м. Делятина проведено черезъ Микуличинъ въ Ясень (Kögöstezzö) и Сиготъ (Szigeth): въ другихъ же мѣстахъ для перехода черезъ горы, пользуются вьючными лошадьми (терхами) Трудность перехода заключается не столько въ крутыхъ, скалистыхъ и обрывистыхъ верхахъ и грядяхъ (гребняхъ), сколько въ большомъ протяженіи и дикости непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ только знающій проводникъ можетъ пробраться черезъ топкія мѣста (ситлы и млаки), по устланнымъ поваенными деревьями тропинкамъ и переваламъ.

Самыя высокія вершины восточныхъ Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ въ Галичинѣ указываютъ намъ на пониженія и повышенія горной цѣпи съ запада къ востоку. Вотъ главныя вершины граничнаго хребта Карпатъ въ Галичинѣ. ³

Скалки на сѣв. отъ Шляхтова.....	3684 ф.
Радова » » » »	3984
Ляцкова къ востоку отъ мѣст. Тылича.....	3138
Ваткова на западъ отъ мѣст. Эмигорода.....	2558
Липовецка гора къ югу отъ мѣст. Яслискъ..	2700
Ясѣль къ югу отъ сел. Тисны.....	3732
Смерекъ на югост. отъ с. Смерела.....	3846
Галичъ на югозап. отъ с. Вышней Тернавы...	4200

³ Названія горъ по большей части Славянскаго происхожденія, на пр., гора, погаръ, горбъ, верхъ, холмъ, Черногора, Пустый горбъ, Пустый верхъ и проч.; иногда горы называются: Быстра, Высока, Середня, Сивуля, Зелена, Кругла, Плоска, Стогъ, Погорѣлецъ, Буковецъ, Буковень, Кобыля, Воловецъ, Яворникъ. Ближе къ востоку нерѣдко встрѣчаются слова Румынскаго происхожденія: Рыпа (ср. montes Rurhei), Клива (лат. clivus), Врву или Верву (лат. vervum, vervina), Мунчель (лат. mons), Кокуль (coculum), Петроса, Петрошъ (petra) и пр. Иныя названія—темнаго происхожденія: Магура (макоръ санскр. крутой), Кичера Гропа, Сигда, Горганъ, Грунь, Грехотъ, Плай. Имя Карпаты вовсе не извѣстно народу: оно—визжвое.

Роженскій плай на юговост. отъ с. Багно- таго.....	3702
Русскій путь (плай) на юговост. отъ с. Любо- хоря.....	4122
Пикуль или Пикуй на зап. отъ Верецкихъ...	4422
Станица на сѣверовост. отъ с. Жупанья.....	3642
Новые Муда на сѣверовост. отъ с. Тухли....	3966
Гропа или Грофа на югъ отъ Подлютаго....	5526
Попадья у источниковъ Ломницы.....	5490
Илемскій Горганъ на югъ отъ с. Лолина....	5010
Стеришоры у источниковъ Быстрицы.....	5430
Горганъ.....	5532
Сивуля на югъ отъ с. Пороги.....	5730
Черная Клива на югъ отъ с. Зелена.....	5431
Добошовка на западъ отъ с. Ямна.....	5542
Хомякъ (Холмякъ) на сѣв. отъ Яблоницы....	4866
Сеникъ..... " " "	5156
Магура на востокъ отъ с. Яблоницы.....	4004
Грехотъ Ворохтенскій на вост. отъ с. Во- рохты.....	3639
Кукуль на югъ отъ Ворохты.....	4860
Говерля " " ".....	6486
Спицы на зап. отъ с. Жабья.....	5754
Кострича (полонина) тамъ же.....	5004
Черногора на югозап. отъ Жабья.....	6366
Граготъ (Грахотъ) на югъ отъ с. Космача...	4638
Гнетеса у источника рѣки Черемоша.....	5580
Стогъ на югъ отъ Жабья.....	5205
Чевчинъ.....	5562
Лостунъ у источника Черемоша.....	5220
Команово " "	5574
Пневье " "	4952
Гостовъ на югъ отъ Голешина.....	4980
Скупова (полонина) ' на юговост. отъ Жабья.	4974
Крынта на юговост. отъ Жабья.....	4200 "

⁴ Шмедель совершенно ошибочно причисляет Червогору, Скупову, Лостунъ,

Далѣ къ юговостоку, по югозападной границѣ Буковины, тянется, въ видѣ Альпійскихъ горъ, тотъ же Карпатскій хребетъ и выпускаетъ свои вѣтви съ запада къ юговостоку паралельными грядами, которыя, начинаясь горами средней величины, на восточной границѣ представляютъ плодородное погорье и высокія равнины. Рѣчныя долины, снала узки, заключены въ крутыхъ, лѣсистыхъ берегахъ, и только потомъ, расширившись, становятся чрезвычайно плодородными, хорошо обработанными долинами. Замѣчательная особенность этого прекраснаго края, Буковины, что русла рѣкъ, въ своемъ дугообразномъ теченіи съ запада къ югу, лежатъ террасами одно надъ другимъ, такъ что, на примѣръ, рѣка Прутъ у Черновець течетъ на высотѣ 419 ф., рѣка Серетъ у города Серета на 927 ф., р. Сучава возлѣ м. Радовецъ уже на 1213 ф., а р. Молдава возлѣ Гуры-Гуморы на 1447 футовъ надъ уровнемъ моря. Такимъ же образомъ и горныя вѣтви съ своими долинами поднимаются террасами къ югозападу все выше и выше, и изъ лѣсистаго плоскогорья, принимая дикій видъ, переходятъ у источниковъ Золотой Быстрицы, Самоша и обоихъ Черемошей, въ горы альпійской 6-ти тысячефутовой высоты.

Почва нижней полосы на сѣверъ отъ р. Серета, къ востоку отъ м. Вышницы, состоитъ изъ синенесчанаго рухляка и наносной земли, южныя же уступы гористой страны содержатъ почти вездѣ Карпатскій песчаникъ; въ гребняхъ хребтовъ нагромождены скопленія слюдистаго сланца, подъ которыми, въ нижнихъ наслоеніяхъ, лежатъ пласты коралловъ, извести и соли.

Высочайшія вершины Буковинскихъ Карпатъ слѣдующія:

Томнатикъ на зап. отъ с. Изворъ.	4922 ф.
Лучина къ югу отъ Извора.	5013
Великія вежи на сѣв. отъ с. Брязы.	4702
Татарка на сѣв. отъ Кирлибабы.	4896
Сухаръ-дѣлъ на зап. отъ Якобенъ.	5388

Чевчинъ, Гнетесу, Команову, Иневье, и Гостовъ къ Буковинскимъ верхамъ; напротивъ того ставитъ г. Почковъ (3900 ф.) между Галицкими. Первые всѣ лежатъ въ Галичинѣ, послѣдняя же въ Буковинѣ на вост. отъ Усть-Путилока. Geogr. statist. Uebersicht Galiziens und der Bukovina. Lemberg, 1869.

Оушоръ ⁵ на сѣверъ отъ Дорны-Кандрены..	4972
Рареу къ югу отъ Кимполунга (Долгополя)...	4332
Калдо-Дзумалеу къ югу отъ Пошориты.	5862
Лукачъ къ югу отъ Стампы-Пояны.	5574

Отъ главнаго Карпатскаго хребта отходятъ разныя вѣтви меньшихъ горъ и плоскогорій въ направленіи къ сѣверу и востоку по всей Галичинѣ и Буковинѣ; спуски этихъ горъ народъ называетъ Подгорьемъ (Подгѳрье). Они теряются въ Днѣстровской долинѣ, подобно тому, какъ южныя развѣтвленія Закарпатскія разстилаются по Притиской и Придунайской равнинамъ.

Соотвѣтственно разстоянію отъ Карпатъ и теченію рѣкъ разные города лежатъ на разныхъ высотахъ, а именно:

городъ Ясло лежитъ надъ ур. моря...	840 ф.
Ряшевъ » » » »	660
Ярославль » » » »	630
Жолковъ » » » »	817
Рава Русская » » » »	1080
Львовъ » » » »	1242
Золочевъ » » » »	780
Броды » » » »	720
Тернополь » » » »	960
Чортковъ » » » »	984
Залѣсчики » » » »	948
Калушь » » » »	960
Станиславъ » » » »	810
Галичъ » » » »	690
Черновцы » » » »	700

Пространство, лежащее на сѣверъ отъ Днѣстра, раздѣлено нынѣ Волочиско-Львовскою желѣзною дорогою, ведущею отъ Перемышля, черезъ Львовъ, въ Тернополь. Эта страна представляетъ двойной характеръ: сѣверная половина, ровная и лѣсистая (Полѣсье), съ юга окаймлена крутыми спусками отроговъ Европейскаго водораздѣла

⁵ У Шмедеса ошибочно пишется *Suskardéel, Orisog* вм. Оушоръ (отъ Рум. Оу Лат. *ovum*, яйцо).

(Медоборы и Товтры), южная же половина (Ополье и Подолье) представляет плоскую возвышенность, съ которой параллельно текущія притоки спускаются сквозь многочисленныя пруды и топкіе берега въ Днѣстръ.

Рѣчныя долины глубоко вѣзаны; въ нихъ по большей части кроются, по широкимъ «яругамъ», многочисленныя Подольскія села. Средняя высота страны 700—1000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Пространство между Днѣстромъ и Прутомъ, подобнаго же характера, славится своимъ черноземомъ. Особенность страны въ Станиславскомъ, Коломыйскомъ, Чортковскомъ и Черновецкомъ Уѣздахъ составляютъ воронкообразныя впадины земли или котловины, представляющія правильныя круглыя, широкія (20—100 футовъ) и глубокія углубленія, называемыя вертебами, въ которыхъ. Подоляне нерѣдко устраиваютъ въ лѣтнюю пору свои пчельники (наѣски). Эти впадины образуются въ слѣдствіе подмыванія известковой, или гипсовой подпочвы. Вода, собираясь въ нихъ, скоро проникаетъ сквозь гипсовую подпочву, размывая и углубляя еще больше котловину. Напротивъ того, по равнинамъ восточной Галичины и Буковины, а также въ низменностяхъ Угорщины, находится много высокыхъ могилъ и кургановъ, свидѣтельствующихъ о знаменитыхъ сраженіяхъ и другихъ важныхъ историческихъ событіяхъ, и о погибшихъ богатыряхъ, которыхъ память въ преданіяхъ хранится у вѣрнаго народа.

Такимъ образомъ Галичина съ Буковиной представляютъ собой скать почти на 60 миль тянущагося Бескида и лѣсистыхъ Карпатъ между двумя большими возвышеніями, т. е., на западъ Татрами, а на востокъ Седмиградскими Карпатами, достигающими альпійской высоты 6000 футовъ надъ уровнемъ моря. Прилегающая земля можетъ назваться холмистой страной или Карпатскимъ плоскогорьемъ. Долинь мало и онѣ непространны, если исключить Вилянскую равнину и Днѣстровскую долину. Почва земли разнообразна. Въ верхнемъ теченіи рѣкъ преобладаетъ глина, въ нижнихъ же полосахъ рѣки наносятъ плодородныя наслоенія. Въ сѣверной части водоема Вислы до самаго устья Сяна распространены дилювіальные и аллювіальные наносы песка. Такія же песчаныя равнины, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, попадаются въ сѣверной части Жолковского и Золочевского Уѣздовъ (на Полѣсь), въ водоемѣ Сѣвернаго Буга и у верховьевъ

Сътира. Впрочемъ, почва по большей части суглинистая и даже мѣстами черноземная, вообще плодородна. Въ особенности славятся черноземныя залежи средняго теченія Днѣстра, Станиславскаго, Коломыйскаго, Чортковскаго, частію и Стрыйскаго, Бережанскаго и Черновецкаго Уѣздовъ. Тернопольскій уѣздъ (Ополье) и Чортковскій (Подолье) приобрѣли себѣ названіе житницы Австріи или Австрійскаго Подола, а народная пословица гласитъ: «На Подолью хлѣбъ по колѣю, а ковбасами плѣтъ городженный.» Все Покутье и вся нижняя Буковина покрыты отличными кукурузными полями, а Прутскій табакъ (Pruther-Taback) славится своею доброкачественностью во всей Австріи. Подольская пшеница славится и за границей. Карпатская верховина и Подгорье—богатыми минералами, солью, нефтью—откармливаютъ несмѣтныя стада рогатаго скота. Гуцульская бриндза (овечій сыр) славится на сѣверной и на южной сторонѣ Карпатъ.

Впрочемъ, Подольскій черноземъ не столько плодороденъ, какъ Угорскій; онъ отличается скорымъ и обильнымъ прозябаніемъ растительности весною, но во второй половинѣ лѣта хлѣба и травы столь же скоро засыхаютъ, такъ что въ Августѣ мѣсяцѣ вся страна покрыта засохшими злаками.

Въ водоемѣ верхняго Буга отъ Львова къ востоку тянется горная полоса третичной формаціи песчаной глины, рухляка, известковаго и кремнеземнаго песчаника и булыжника, но есть и плодородныя мѣста чернозема и суглинка.

Сѣверная Угря также гориста. Карпаты отдѣляютъ къ югу свои отроги, которые постепенно теряются въ Притиской долинѣ. На лѣвомъ берегу Уга (Ungh) начинаются Лѣсистыя Карпаты, которые уже въ Бережской и Мараморошской столицахъ достигаютъ альпійской высоты. За порубежный предѣлъ между Бескидами и Лѣсистыми Карпатами можно здѣсь принять золотоносныя трахитовыя горы, которыя на пространствѣ 30 миль распространяются къ сѣверу отъ Мукачева (гора Выгорля, Vihorlet, кажется потухшій вулканъ, 3400 ф.) до Седмиградской границы. Югозападная вѣтвь ихъ съ нагими, скалистыми вершинами теряется въ Сатмарской и Угоцкой столицахъ. Въ восточной граничной цѣпи, кромѣ полонинскихъ горъ, замѣчательны въ Мараморошинѣ или Мараморошской столицѣ: Пѣтрошь 6882 ф., Попъ Иванъ 5396, Трояга 4632, Варло 3348,

Ясеня 2298, * за тѣмъ Свидова, Турбата Тымпа, Гомуль и проч. Бъ Бергской же столицѣ: Гусля, Магура, Кичера, Яворница. Яворникъ, Ясень, Остра, Стоги и проч. ¹

2. Рѣки и ихъ притоки.

Въ слѣдствіе выше описаннаго положенія Галичины всѣ рѣки имѣютъ два главные водоема (бассейна). Воды, текуція отъ Бескида, имѣютъ свое направленіе къ сѣверу, вливаясь въ Вислу и за тѣмъ въ Балтійское море. Второй водоемъ составляетъ рѣка Днѣстръ, въ который вливаются преимущественно воды Лѣсисаго Карпата, равно какъ и притоки, истекающіе изъ южнаго склона Карпатскихъ отроговъ (Медоборовъ, Товтровъ), продолжающихъ Европейскій водораздѣлъ. Наконецъ рѣки и притоки Буковины, принявъ юговосточное направленіе и соединясь съ Прутомъ, несутъ свои воды въ Дунай и также въ Черное море.

Изъ западныхъ Бескидовъ вытекаютъ горныя рѣки: Бѣла, Сола, Скава, Раба и Вислока; онѣ всѣ вливаются прямо въ Вислу. Значительнѣйшими притоками Вислы могутъ считаться Донаецъ и Сянъ.

Донаецъ или Дунаецъ вытекаетъ изъ глубокихъ Татранскихъ ущелій двумя раменами, Чернымъ и Бѣлымъ и, принявъ, возлѣ м. Новаго Торга (Neumarkt), вытекающей изъ тѣхъ же ущелій притокъ Поградъ, послѣ 34-хмильнаго теченія, вливается противъ м. Опатовецъ въ Вислу.

Рѣка Сянъ или Санъ имѣетъ источникъ въ главномъ хребтѣ Карпатъ (Бескидовъ), въ с. Сянки (Сяноцкаго У.). Въ верхнемъ теченіи своемъ съ своими горными притоками Солинкой, Гучевкой и Ославой, онъ пробивается узкими ущельями къ сѣверозападу, но возлѣ Дынова, выбравшись на плоскогорье, онъ круто поворачивается къ востоку и, принявъ подъ Перемышлемъ самый значительный притокъ Вѣгоръ или Варъ, опять обращается къ сѣверу, гдѣ, послѣ 46-тимильнаго теченія, впадаетъ въ Вислу.

* Ф. Л. Рягера Naučný Slovník, ст. Marmaros.

1. Шедюса Karte des Königreichs Ungarn, 2-e Ausgabe, 1847.

Сверхъ того съ правой стороны вливаются въ Сянъ Любачевка и Танва или Таневъ, вытекающія изъ плоской возвышенности Жолковскаго Уѣзда, съ лѣвой же стороны—происходящій изъ самыхъ Бескидовъ притокъ Вислокъ.

Къ Вислянскому водоему принадлежитъ также Бугъ (Западный), который, истекая на сѣверномъ склонѣ Европейскаго водораздѣльнаго острога въ селѣ Верхобужь, проходитъ 19 миль по Галичинѣ и 56 миль по Привислинскому краю, и, соединившись у мѣст. Сиротска съ Наревомъ, вливается возлѣ Новогеоргиевска въ Вислу. Притоки Буга въ Галичинѣ: Полтва или Пелтва, текущая изъ Львова, Рата, Солокія и другіе.

Рѣка Стыръ имѣетъ также свое начало въ лѣсномъ нагорьѣ Золочевского Уѣзда, но, послѣ краткаго теченія по Галичинѣ, возлѣ с. Стремилча, переходитъ въ предѣлы Россіи и тамъ впадаетъ въ Днѣпръ.

Значительно больше водъ принимаетъ въ себя Днѣстръ (Днистеръ, Нистеръ). Верховья его—въ среднихъ уступахъ Карпатскаго хребта, въ с. Днѣстрикъ Дубовый⁹ между м. Лютовища и Турка Самборскаго Уѣзда, такъ что его источники находятся въ равномъ разстояніи отъ долинъ Сяна и Стрыя. Сначала Днѣстръ течетъ небольшою поперечною долиною, пробивая скалистые уступы къ сѣверу, но за г. Самборомъ, вышедши на расширенную долину, онъ принимаетъ восточное направленіе и собираетъ всѣ рѣки и притоки, текущія съ лѣсистыхъ Карпатъ. Лѣвый берегъ его составляетъ широкую немного возвышенную полосу, къ правому же берегу, между Самборомъ и устьемъ р. Стрыя, примыкаютъ болотистыя низменности, мѣстами и лѣсистые бугры. Пониже устья Стрыя берега начинаютъ возвышаться, а ниже г. Галича, отъ м. Марьямполья, Днѣстръ течетъ въ обрывистыхъ высокихъ берегахъ, среди лѣсовъ и плодородныхъ полей и, отдѣляя Подоль отъ Буковины и Бессарабіи, вливается лиманомъ въ Черное море.

Во время полноводія Днѣстръ часто выступаетъ изъ своихъ

⁹ Другошъ пишесть: Dniestri fons, ex monte Bieszczad, ex loco, qui appellatur Dabrowica, propter singularem quercum ibi stantem, ex cuius radicibus....tendunt. Въпротиву, въ прежнее время существовали въ этихъ мѣстахъ дубовые лѣса.

береговъ и заливаешь всѣ долины; въ особенности страна между г. Самборомъ и устьемъ Стрыя превращается при полноводіи въ настоящее озеро. Львовско-Самборское шоссе въ это время въ иныхъ мѣстахъ стоитъ на 6—11 футовъ глубины въ водѣ, а ниже м. Нижнева, гдѣ высокіе берега не допускаютъ разлитія, вода возвышается до 30 ф. надъ обыкновеннымъ уровнемъ. *

Значительнѣйшіе притоки Днѣстра, съ правой стороны: Стрый, который, выходя изъ главнаго хребта Карпатъ, недалеко отъ источниковъ Сяна и, пробивъ скалистыя ущелья Карпатскаго нагорья, вмѣстѣ съ Опоромъ, вливается въ Днѣстровскую долину значительный запасъ водъ. Все теченіе Стрыя составляетъ 24 миля. Другіе притоки Днѣстра: Свѣча (Swica), Ломница, Быстрица (съ двумя рукавами, Солотвинскимъ и Надворнянскимъ), Стримба, Ворона и прочія меньшія рѣчки, немногочисленны, и только во время таянія снѣговъ и проливныхъ дождей становятся большими, съ неизмовѣрною быстротою стремящимися, рѣками. Почти всѣ онѣ имѣютъ свои источники у самыхъ высокыхъ вершинъ Лѣсистыхъ Карпатъ, и паралельными потоками стремятся на сѣверъ въ р. Днѣстръ. Притоки Днѣстра съ лѣваго берега слѣдующіе: Стеревяжъ (Strwiąz) вытекаетъ выше м. Устьръки (Ustrzyki) изъ нижнихъ уступовъ Бескидовъ, течетъ широкою болотистой долиной къ сѣверу отъ г. Самбора и вливается ниже с. Конюшева въ Днѣстръ. Онъ быстрѣе верхняго Днѣстра и обильнѣе его водою, и по тому зауроживаетъ его теченіе и бываетъ главною причиною Днѣстровскихъ наводненій и Самборскихъ болотъ. Другіе притоки Днѣстра съ той же стороны: Свирь (Swirz), Липа (Гнилая и Золотая), Коропецъ, Стрыпа, Середъ и пограничная съ Россіей Збручъ (называемая официально Подгорце или Подгорче). Всѣ они сходны между собою; имѣя свои верховья въ плоскогорьяхъ, составляющемъ южный невысокій склонъ Европейскаго водораздѣла между г. Хировомъ, Золочевомъ и Бродами, они текутъ съ сѣвера на югъ паралельными глубоковрѣзанными провалами въ Днѣстръ. Берега ихъ круты и обрывисты, и тѣмъ далѣе къ востоку и югу, тѣмъ значительнѣе крутизны и обрывы. Притоки сами не

* К. Шмедесъ Geographisch-statistische Übersicht Galiziens und der Bukovina. Lemberg, 1869, стр. 22.

очень обильны водами, но частыя плотины прудовъ, задерживая воду, производятъ толкіе дуга и болотистыя мѣста.

Третье направление, въ Дунайскій водоемъ, принимаетъ р. Прутъ. Имѣя свой источникъ въ вершинахъ Лѣсистыхъ Карпатъ недалеко отъ источниковъ Тисы, Прутъ въ своемъ горномъ теченіи вѣтвется по узкимъ ущельямъ, образуя извѣстные водопады (въ с. Доръ и др.), а прорвавшись ниже м. Делятина въ долину, въ своемъ среднемъ теченіи чрезъ Галичину (Покутье) и Буковину, онъ принимаетъ восточное направление, за тѣмъ въ Бессарабскихъ степяхъ поворачиваетъ совсѣмъ къ югу и у Галаца вливается въ Дунай. Все теченіе Прута имѣетъ 85 миль длины, изъ которыхъ 25 миль въ Австрійской области.

Его притоки съ правой Карпатской стороны: Черемошъ (Бѣлый и Черный), на границѣ Галичины и Буковины, за тѣмъ Серетъ, Сучава съ Сучавицею, Молдава и Золотая Быстрица. Всѣ они, начинаясь на восточномъ склонѣ Буковинскихъ Карпатъ, и принимая одинаковое направление къ востоку, и за тѣмъ къ югу, вливаются въ Прутъ. Съ другой, лѣвой, стороны Прутъ не имѣетъ ни одного значительнаго притока.

Что касается до южнаго, Угорскаго, склона Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ, то всѣ его рѣки и рѣчки текутъ по направлению на югъ и вливаются въ Тису (Theiss) и Дунай. Такъ, противъ источниковъ Сола, беретъ свое начало, на южномъ склонѣ р. Оравица (Arva), противъ Дунайца и Попрада имѣетъ свои родники Вага (Waag), обѣ—притоки Дуная; за тѣмъ Гернадъ и Ториса (Targza) противъ Рошы и Вислоки, Тепла (Torpia)—противъ Яебляки и Вислона, Лаборець—противъ Солинки, Чирона—противъ Сяна и Стрыя, Угъ или Ужъ (Ungh) и Латорица (Latorcza)—противъ Мизуни и Свѣчи, Талаборъ—противъ Прута, Черная Тиса—противъ Черемоша и Сучавы, наконецъ Бѣлая Тиса—противъ Русковы и Вышеевки (Visó).

Кромѣ выше названныхъ притоковъ на южномъ склонѣ Карпатъ берутъ начало притоки Тисы, въ Земненской столицѣ: Удва, Бодрогъ, Ровна, Такта, Шабовъ; ¹⁰ въ Бережской столицѣ притоки Уга: Ужица, Ужокъ, Люта, Турица, Туря; притоки Латорицы:

¹⁰ Научоватъ Сборникъ. Львовъ, 1866 г.

Жденява, Визница, Грабовница, Пинья, Сланка, Вича; въ Мраморошѣ—притоки Боржовы: Великій Агъ (Nagy Agh), Рыпинска, Голятинъ; притокъ Талабора: Черна Рыда и др.; притоки Тараца: Нересница, Терешва, Красна, Мокра, Яновиць, Бертянска, Плайска, Турбаць. Первые четыре вытекаютъ изъ главнаго хребта Карпатъ, послѣдній изъ подъ горы Турбата. Приведемъ теперь непосредственные притоки Тисы въ этой малоизвѣстной странѣ: Апшица, Великая и Малая Солурка, Косова, Свидова, Луцена, Павликъ, Богданъ, Стеховець. Наконецъ въ самомъ восточномъ углу притоки Вышеевы или Вышеевки (Visó): Крива, Рускова, Квасница, Борша и Нѣмцами прозванная Вассеръ.

Все эти рѣки и рѣчки впадаютъ непосредственно, или посредственно, въ Тису и принадлежатъ, вмѣстѣ съ ней, къ Дунайскому водоему. Въ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ по обоимъ склонамъ горъ близки другъ къ другу, тамъ и долины противоположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой и, не смотря на значительную высоту горъ, дѣлаютъ удобнымъ переходъ черезъ Карпатскій хребетъ, въ слѣдствіе чего способствовали издревле сообщенію и переселенію народа съ одной стороны горъ на другую. ¹¹

Карпатскій хребетъ составляетъ водный раздѣлъ Восточно-Европейской (собственно Русской) степной возвышенности и Дунайской равнины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ есть раздѣлъ и метеорологическаго растворенія воздуха. Онъ заслоняетъ Галичину отъ дуновенія теплаго, сухаго, а въ иную пору сыраго, Дунайскаго вѣтра, и открываетъ ее господству восточныхъ, степныхъ вѣтровъ, сухихъ и холодныхъ. Карпаты сравнительно образуютъ немного облаковъ, по чему и страна небогата дождями. Нормальная средняя величина годоваго паденія дождя считается для Кракова 20,15", для Львова 26,17", воздушная влажность для Кракова 82,18, для Львова 78,75. Зима въ Галичинѣ продолжительна и морозна, съ обильными снѣгами, особенно въ горахъ. Иногда, хотя рѣдко, случаются морозы до 25—28 град. Реомюра, но чаще бываютъ легкія зимы, въ продолженіи которыхъ термометръ всю зиму не падаетъ ниже 12—15 градусовъ.

Лѣто короткое, умѣренной теплоты; теченія воздуха переменчивы. Между ними въ особенности неприяты рѣзкіе сѣверные и сѣ-

¹¹ І. Шараневичъ: Исслѣдованія на полѣ отечественной географіи и исторіи. Львовъ, 1869.

веровосточные вѣтры; мерѣдко бываютъ еще въ Маѣ приморозки, которые уничтожаютъ цвѣты деревьевъ и прозябающія растенія.

Осень тоже начинается нѣсколькими ночными приморозками въ мѣсяцъ Августъ (межи Богородицами, какъ выражается народъ), но она продолжается ведренными, даже теплыми днями (Бабье лѣто). Воздвиженіе, Преображеніе, даже день Пророка Ильи, считаются уже осенними праздниками. Средняя температура въ Краковѣ 6° 15'', во Львовѣ 6°. Перемены температуры бываютъ быстры,—термометръ возвышается, или падаетъ, часто на 15 градусовъ. Не смотря на относительную суровость, климатъ вообще здоровый; мѣстные жители достигаютъ мерѣдко глубокой старости (60—80 лѣтъ). Не смотря на непродолжительное лѣто и длинную зиму, страна, по причинѣ многочисленныхъ рѣкъ и хорошей почвы, можетъ назваться превосходною хлѣбопашной землей.

3. Проходы черезъ Карпаты и пути сообщенія, древніе и нынѣшніе.

Въ предыдущемъ описаніи горъ были сдѣланы нѣкоторые намеки на Карпатскіе проходы и пути сообщенія; перечислимъ теперь значительнѣйшіе изъ нихъ, особенно въ восточной половинѣ горъ, и обратимъ особое вниманіе на тѣ, которые упоминаются въ лѣтописяхъ и которые приобрѣли историческое значеніе древнихъ путей сообщенія.

1. На западной сторонѣ Татровъ есть нѣсколько проходовъ въ Оравскую и Важскую долины, а именно:

1. Изъ города Вадовиць и м. Живца (Saopusch) чрезъ хребетъ самыхъ западныхъ Бескидовъ въ м. Чачу (Свасва) и Жилинъ (Silein)—весь проходъ по шоссе.

2—3. Изъ Живца идутъ двѣ другія дороги черезъ Усолье (Ujsol) и Крижовъ въ долину Бѣлой Оравы (Fejerg-Argva)—частью по шоссе, частью по столбовой дорогѣ.

4. Изъ села Макова по долинѣ рѣчки Скавицы, сѣдомъ между горою Полицей и Бабьей горой въ 5,448 ф. вышины, въ долину Черной Орацы (Fekete-Argva)—частью столбовая дорога, частью проселочная.

5. Изъ Іорданова вверхъ р. Скавой черезъ Спытковицы въ г. Ораву (Argva-Varallya)—сплошь по шоссе.

6—7. Изъ м. Нового Торга (Neumarkt) рѣкою Чернымъ Дунайцемъ въ м. Тростяную (Trztyenna) на рѣчкѣ Оравицѣ—частью по столбовой, частью по шоссе.

II. На восточной сторонѣ Татровъ на Попрадскую долину:

1. Изъ Нового Торга вверхъ по рѣчкѣ Бѣлкѣ переваломъ въ м. Ждъръ (Zsdyar) и Кежмаркъ на Спишѣ—проселочная дорога.

2. Изъ Нового Торга по р. Дунайцу чрезъ м. Старую Весъ (O-falu) переваломъ на долину р. Попрада—самый лучший проходъ, сплошь шоссе.

3. Изъ Нового Сандча (Nem-Sandez) вверхъ по р. Дунайцу до Луцка (Lasko) шоссе, а тамъ, чрезъ Кроствики и Чорштинъ—столбовая дорога, частью проселочная.

4. Изъ того же города вверхъ Попрадской долиной, чрезъ Пивничную въ с. Мнишки, отсюда черезъ г. Ослій верхъ въ г. Любовни (Lubovni), и опять вверхъ Попрадомъ въ м. Подолшинецъ (Podlehn) и Кежмаркъ—сплошь шоссе.

III. Изъ Галичины въ долину р. Тисы (Theiss) и ея правыхъ притоковъ:

1. Изъ Нов. Сандча, какъ выше II, № 3, до Любовни, за тѣмъ чрезъ хребетъ въ Левочу (Leutschau)—оттуда проселочная дорога.

2. Такъ же какъ II, 3, до Любовни, далѣе Попрадскою долиной до м. Половецъ (Palocsa), потомъ переваломъ въ с. Заваду и далѣе Торискою долиной въ Пряшевъ (Eregies).

3. Изъ Нов. Сандча вверхъ по р. Каменецъ чрезъ с. Криницу и м. Мушину, отсюда вверхъ Попрадомъ до Мелюхова и далѣе въ Половцы какъ III, 2. До Криницы—столбовая, а тамъ—проселочная дорога.

4. Изъ того жъ города чрезъ с. Лавову, м. Тыличъ въ Бардеевъ (Bartfeld). До границы это лавовая дорога, а тамъ шоссе. Это вѣроятно старинный путь «на Бардуевъ», который Данилъ Романовичъ возвращался изъ Угоръ (Ипат. лѣт. стр. 178). Въ 1262 г. Данилъ ѣхалъ въ Угры, переходя у Тылича Карпаты (Ипат. лѣтоп. стр. 200).¹⁹

¹⁹ Упомянутый въ Углическомъ Железовомъ монастырѣ, кажется, былъ въ числѣннѣхъ с. Желюховъ.

5. Изъ м. Грибова вверхъ рѣчкою Бѣлой чрезъ с. Избы, переваломъ въ м. Габолтово (Gabolto) и Бардiевъ; до с. Брумари столбовая дорога, за тѣмъ до границы проселочная, а тамъ опять столбовая.

6. Изъ м. Горлицъ вверхъ р. Рогой чрезъ Устье Русское, Высову, за тѣмъ чрезъ хребетъ въ м. Зборовъ, проселочная, частью столбовая дорога.

7. Изъ Горлицъ чрезъ сѣдло у с. Конечна чрезъ Зборовъ, въ Бардiевъ и Прiшевъ. До Зборова столбовая дорога, а тамъ шоссе.

8. Изъ того же мѣстечка чрезъ с. Конечную столбовою, потомъ проселочною дорогою въ Нижнюю Полянку; оттуда шоссе въ м. Верхній Свидникъ (Felső-Szvidnik) на Дуклянскомъ шоссе.

9. Изъ м. Змiйгорода чрезъ Нов. Полянку въ Бардiевъ, за тѣмъ какъ III, 5.

10. Изъ Дукли, гдѣ сходятся шоссе Ясельскаго и Пермьшльскаго трактовъ, чрезъ с. Бардiнокъ, Дуклянскимъ проваломъ у Верхняго Комарника, въ Верхній Свидникъ на Ондавской долицѣ — епошь шоссе. (Тутъ я переправлялся въ 1834 году). Этотъ проходъ извѣстенъ былъ въ старину, и въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ слытъ подъ названiемъ Угорскiя Ворота (Ипат. лѣт. стр. 171).

По этой дорогѣ, въ 1848 году, Императоръ Николаи Павловичъ послалъ главныя силы Русской армiи въ Угорскую кампанiю. Отъ Свидника ведутъ два шоссе: одно вверхъ по р. Ондавѣ въ Зборовъ, Бардiевъ и Прiшевъ; другое вдоль Ондавской долины въ м. Стрпковъ, Михаловцы (Nagy-Mihaly) и Ужгородъ (Unghvar).

11. Изъ г. Дукли чрезъ м. Тыляву и Яслиска, за тѣмъ чрезъ пограничное сѣдло Черемху (Czeretoka?) на Лаборецкую долину въ с. Лаборець (Mező-Laborcz) и м. Гуменное (Homena). До Тылявы шоссе, потомъ до границы проселочная дорога, за тѣмъ въ Лаборець столбовая и опять шоссе.

12. Изъ м. Риманова чрезъ Яслиска до Черемхи проселочная дорога, а тамъ какъ № 9.

13. Изъ м. Лиска чрезъ с. Тернаву вверхъ по р. Солникъ и черевъ с. Команчу переваломъ на Лаборецкую долину и вдоль по ней чрезъ Лаборець — столбовая, за тѣмъ въ Гуменное — шоссе.

14. Изъ того же м. вверхъ по р. Сану и его витоку Гучевкѣ

чрезъ м. Балигородъ, с. Тисну и сѣдо Ростоки, въ о. Старину (Sztárina) на р. Цырокъ (Czigoka) въ Гуменное. (Въ этихъ мѣстахъ я путешествовалъ въ 1839 году).

15. Изъ г. Старого Самбора вверхъ по притокамъ Днѣстра чрезъ м. Турку, промежъ горами Розлучъ и Кіевецъ, за тѣмъ чрезъ сѣдо между Бескидомъ, вышиною въ 2,550 ф., и горой Ополонникъ, вышиною въ 2,695 ф., въ с. Ужокъ (Ussok) и въ Ужокую долину, за тѣмъ вдоль по р. Угу (Ungh) въ г. Ужгородъ (Unghvár). Частію шоссе, частію столбовая и проселочная дороги. Этотъ переходъ, кажется, названъ въ Ипатьевской лѣтописи Королевскимъ путемъ.

16. Изъ г. Стрия вверхъ по Стрийской долинѣ до с. Высоцка, оттуда чрезъ Кривку переваломъ въ м. Верецкіе (Also Vereskie), или изъ с. Высоцка чрезъ с. Любохору вьючной дорогой и переваломъ, называемымъ у народа «Русскій путь или пай», на Латорицкую долину. Теперь этотъ путь совсѣмъ заброшенъ; остались свѣрныя проселочныя и вьючныя дороги.

17. Изъ Стрия чрезъ с. Синеводско и м. Сколье, с. Климецъ въ Верецкіе, за тѣмъ долинами рр. Пинья и Латорицы (Latorca) въ древній г. Мукачевъ (Muncacs), проведено сплошь порядочное шоссе. Здѣсь перешелъ Даниилъ Романовичъ изъ Угорь и, переночевавъ въ Синеводскѣ, въ монастырѣ Богородицы, хотѣлъ ити въ Руевъ, но, уклоняясь отъ встрѣчи съ Татарами, воротился назадъ (Ипат. лѣт. 178). Здѣсь также въ 1015 г. проходилъ «окаянный» Святополкъ и здѣсь убилъ Кн. Святослава, отъ чего до сихъ поръ называется у народа «долина Святославчика», т. е. юнаго Святослава. Надъ р. Опоромъ находится урочище «Ключъ», представляющее одно изъ мѣстъ засѣки, въ которыхъ, вѣроятно, Князь Ярославъ Осмомыслъ могъ «заступать путь королеви» (Слово о полку Игоря).

18. Изъ того же города по выше упомянутому шоссе, но потомъ проселочными и вьючными дорогами вверхъ по р. Опору чрезъ сс. Тухлю, Хашованье, Ялинковатое или Рожанку между имѣющими 4,000 ф. вышины горами Блищецъ и Черная Рыпа на р. Великій Агъ (Nagy-Agh), въ м. Хустъ (Huszth) на Тисской долинѣ.

IV. По причинѣ увеличивающейся высоты горъ и дикости страны гораздо меньше проходовъ чрезъ Лѣсистые или Восточныя Карпаты, а именно:

1. Изъ м. Долины вверхъ по р. Свѣтъ (Swica), съ переваломъ

на р. Мизунку въ с. Вышковъ, на р. Быструю чрезъ с. Лопушну въ Хустъ. Сначала столбовая, потомъ только проселочная дорога. Кромѣ того, изъ Вышкова, возлѣ г. Вышковскаго Горганя, переваломъ вышиною въ 2,295 ф. вьючный проходъ на р. Талаборъ.

2. Изъ м. Надворны чрезъ сс. Зеленую и Рафаиловъ, чрезъ Лѣсистые хребты, въ сс. Брустуру и Мокру на р. Тересва (Тарець), и далѣе вдоль по рѣкѣ въ м. Тячево (Тесвѣ). Тутъ я переправлялся въ 1835 году.

3. Изъ Делятина вверхъ по Вышней Прутовой долинкѣ чрезъ сс. Татаровъ, Яблонцу, потомъ чрезъ граничное сѣдло, вышиною въ 3200 ф. (Сухаревъ Дѣлъ) въ Ясинье (Kögösmező) на долинкѣ Черной Тисы и по ней въ г. Сиготъ (Szigeth)—сплошь шоссе, единственное въ пространствѣ Лѣсистыхъ Карпатъ.

4. Изъ г. Косова вверхъ по Косовской рѣкѣ чрезъ г. Буковецъ въ с. Криворовню на Черемошскую долину и далѣе чрезъ большое горное с. Жабье въ Быстрець проселочными дорогами, оттуда вьючными тропинками (плаемъ) чрезъ г. Бербеницкій куть на р. Говердю; или же верхами полоняны ¹³ Скуповы и Крынты, либо чрезъ

¹³) Полонинами называются въ Лѣсныхъ Карпатахъ безлѣсные пространства на высочайшихъ, выше лѣсной линіи лежащихъ, вершинахъ горъ, на которыхъ горы и подгорьяе, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, пасутъ скотъ, въ особенности стада овецъ. Названіе полонина, полонины было издревле извѣстно еще въ XIII столѣтіи. Въ Ипат. лѣтоп. (Полн. Собр. II, 210), подл. 1262 г., пишется: «Тогда же Войшелкъ хрести Юрья Львовича; тоже потомъ иде въ Полонину ко Григорьеву въ монастырь, и пострижеса въ черныцѣ и бысть въ монастыри у Григорья 3 лѣта, оттодѣ же пойдѣ во Святую Гору, приѣмъ благословеніе отъ Григорья. Григорей же бьетъ челоуѣкъ свать, акого же не бысть предъ нимъ и по немъ не будетъ». Слѣдовательно, въ Полонинахъ,—слово, которое должно приниматься въ значеніи горной полонины, а не города Полоннаго, какъ предполагалъ Карамзинъ, а за нимъ всѣ другіе историки,—существовалъ въ XIII стол. монастырь, вѣ въ немъ жилъ въ то время всѣмъ извѣстный Настоятель Григорій. Вѣролито о томъ же монастырѣ упоминается у хронографа XVII вѣка, который называетъ его Зановъ монастырь: «Пишетъ же видѣ, како въ Угорской землѣ въ державѣ пана Русскаго, имя его Іавалъ, въ волости Мармарити у мѣста Сигота въ горахъ Полониныхъ, при рѣкѣ Угль, межъ тѣхъ большихъ рѣкъ (вѣролито Апшица и Тиса) и горъ стоитъ монастырь, зовомый Зановъ, а въ немъ церковь на Вознесеніе Господне, а братьевъ въ немъ 330. А патшия у нихъ лѣшая, сѣють просо на кашу, по тому что у нихъ ноль нѣтъ, живутъ въ горахъ, а держать у себя овецъ по 1000 и болѣе, тѣмъ нитаются, адаютъ

Черногору на Бѣлую Тису и сс. Луги, Бычковъ. Тутъ я перенравлялся въ 1835 и 1839 годахъ въ Сяготъ, первый разъ черезъ долину Костричу, Черногору, второй разъ черезъ Скупову на Черный Черемошъ, и чрезъ Рабинецъ въ Боркуть (Кислая вода), оттуда опять на горы Стару Стаю, Кукуль, Чевчинъ, Податью въ Шулугулю (Минеральная вода) и м. Вишову на р. Вишеевкѣ (Visó). Вездѣ только плохія вьючныя дороги.

5. Изъ г. Куть идетъ проселочная дорога вверхъ по р. Черемуту въ с. Устьерьки (гдѣ сходятся оба Черемоша, Черный съ Бѣлымъ), изъ этого села идутъ двѣ проселочныя дороги, одна въ с. Гришеву, и полонинами къ верховьямъ Тисы, а другая продолжается чрезъ сс. Головы и Ясиновъ, и въ Криворовнѣ соединяется съ дорогой № 4.

Вообще можно сказать, что шоссе по сю и по ту сторону Карпатъ въ хорошемъ состояніи, также нѣкоторыя столбовыя дороги, но по проселочнымъ дорогамъ Карпатскимъ съ трудомъ можно пробраться на крестьянской телегѣ; во многихъ же селахъ Лѣсистыхъ Карпатъ вовсе нѣтъ ни телегъ, ни дорогъ, и сами жители горъ только горными тропинками (паями) верхомъ, или на вьючныхъ лошадяхъ (съ терхами), переносятъ хлѣбъ, овечій творогъ, шерсть и др. товары съ одной стороны Карпатъ на другую.

V. Въ Буковинѣ есть нѣсколько столбовыхъ и проселочныхъ

отъ вѣкъ сыры и млеко, да въ томъ же монастырѣ есть кладязь, а въ немъ вода сладка, что грушевый квасъ». А. Востоковъ, Оп. Русск. и Слав. рукоп. Рундич. Музея. Спб., 1842 гтр., 766. Можетъ быть, что по этому колодезю издавна село Сегодншаго Уѣзда Грушево (по Мадъ. Körtevényes, въ которомъ былъ также монастырь и въ XVI стол. существовала Церковно-Славянская Типографія. Впрочемъ, жители Маромароша сохранили преданіе, что монастырь Зановъ находился въ селѣ Лугъ (Мадъ. Lonka-Széles), черезъ которое и течетъ рѣка Уса (ср. Висла). Названіе Полонины извѣстно было и Польскимъ историкамъ: Длугощъ въ своемъ сочиненіи: «Clenodia regni Poloniae» ed. J. Muszkowski. Krak. 1851, пишетъ, что родъ дворянской фамилии Сасовъ происходитъ изъ горъ и дѣсовъ, которые называются полонинами (ex montibus et silvis provinciarum Russiae, qui Poloniam nuncupantur). Нынѣшніе Нѣмцы въ Галичинѣ переводятъ слово полонина die Alpe: въ полонинѣ—in der Alpe; на полонинѣ—auf der Alpe. Польскіе горцы (Торалы) употребляютъ названіе Пенины (Pieniny), напоминающіе Италійскія горы Апенины (1).

рогъ, доходящихъ до верхнихъ хребтовъ, и только одно шоссе, ведущее черезъ Карлаты въ Седмиградъ.

1. Изъ с. Вижницы (Wischnitz) на р. Черемошѣ, вверхъ по р. Путиловкѣ, въ ос. Путидово и Селетинѣ.

2. Изъ с. Станицѣ, черезъ Лопушню, олаивающуюся своими минеральными водами, и наконецъ

3. Изъ м. Радовецъ (Radatz), черезъ с. Стражу, все столбовья дороги, да еще проселочными дорогами въ Шипотъ и Карглибабу (рудоконни), откуда можно выѣхать на шоссе № 4, или прямо въ м. Родну (Radna) на р. Бел. Самонь. Здѣсь шла въ древности дорога на Бореуковъ Дѣль (нынѣ Бореуковъ, Рум. Барсукеу) въ Родну (Ипат. лѣт. стр. 175); городъ, славившійся уже въ XIII столѣтн своими богатыми рудоконьями.¹⁴

4. Изъ м. Гура-Жумора (Gura-Humora), гдѣ сходятся два Буковинскихъ шоссе, одно изъ Черновець черезъ Сучаву, а другое отъ Снятина черезъ Сольву, ведетъ единственное шоссе вверхъ по рр. Молдовѣ и Дорнѣ черезъ Долгошае (Кимшоунгъ), Якобены, Ватру-Дорну, Тихуцу, ущельемъ Припора (Prigori) въ гор. Быстрицу въ Седмиградѣ.

VI. Кроме упомянутыхъ шоссеиныхъ дорогъ, ведущихъ черезъ Карлаты, есть три продолжныхъ коммуникационныхъ шоссе, тянущихся черезъ всю Галичину и Буковину:

1. Северное продолжное шоссе, составляющее продолжение Прусско-Силезскихъ дорогъ, ведущихъ изъ Вратиславы (Breslau), черезъ Ополе (Oppeln) и Берунъ, по обоимъ берегамъ Вислы въ Краковъ, оттуда урезъ Бохню, Тарновъ, Решовъ (или Ряшевъ), Ярославъ, Яворовъ въ Львовъ, да еще въ Золочевъ и одной вѣтвью въ Броды и Радивилловъ (въ Волинскую Губ.), другой же въ Тернополь, оттуда или на востокъ въ Волочиска (въ Подольскую Губ.), или на въ въ Чортковъ, Зальчики, Черновцы, Сучаву, а тамъ въ Молдавію.

2. Среднее шоссе, изъ Моравіи отъ Тѣшина (Teschen) черезъ города Бѣлу, Вадовицы въ Бохню, и да еще какъ № 1, или черезъ м. Издебникъ, Гдовъ, Заклучинъ, Ясло, Мѣсто въ Перемышль, Горо-

¹⁴ Rex Caden (Татарскій Ханъ) pervenit ad divitem Rodanum, inter magnos montes positam Teutonicorum villam, regia (Hungarici) argenti fodinam.

докъ и Львовъ, отсюда чрезъ г. Рогатинъ, Галичь, Толмачъ, Городенку, Снятинъ, Сторожинець, Виковъ въ Гура-Хумору и дагте долинами рр. Молдоны и Серета въ Молдавію.

3. Южное или горное шоссе ведетъ изъ Моравіи или другой вѣтвью изъ Угорской Поважской долины (Waagthal), чрезъ Живецъ, Иордановъ, Лимановъ въ Новый Сандецъ, за тѣмъ чрезъ Горлицы, Дуклю, Мѣсто, Сянокъ, Лиско, Самборъ, Стрый, потомъ презъ Станиславъ, или же черезъ Рожнятовъ въ Деятинъ, Коломыю, Косовъ, Куты и Чермоисскою долиною въ Буковину и вверхъ по р. Путиловкѣ въ верхнюю Сучавскую и Молдовскую долины, въ Долгополе, а тамъ вверхъ по р. Молдовѣ къ границѣ, какъ № 3, до г. Куть сплошь шоссе, и въ хорошемъ состояніи, а тамъ столбовая дорога, мѣстами также поддерживаемая въ порядкѣ.

Эти продольныя главныя дороги соединены между собою меньшими поперечными шоссе, которыя продолжаются къ югу и за Карпаты; такъ, на пр., поперечныя шоссе ведутъ изъ Львова въ Стрый, Сколе и т. д.; изъ Бохни въ Новый Сандецъ, и прочія мѣста, о которыхъ было сказано выше.

Всѣ эти шоссейныя дороги были построены Австрійцами и содержатся Правительствомъ; до 1772 года были обыкновенныя тракты и дороги, но не было ни одного шоссе.

На южной покатости горъ въ Угрии находится главная подкарпатская столбовая дорога, ведущая изъ Спиза (Zips) черезъ Половцы, Бардіевъ, Пряшевъ, Ганушовцы (Hanusfalva), Воронова (Vagano), Михадовцы, Ужгородъ, Мукачевъ, Хустъ, Тячево, Сиготъ въ Седмиградѣ. Отъ этой продольной дороги отбѣляются многія вѣтви въ Карпатскія рѣчныя долины, нѣкоторыя изъ этихъ вѣтвей достигаютъ Галицкихъ дорогъ и шоссе (см. выше).

VII. Чрезъ всю Галичину и Буковину идетъ одна продольная желѣзная дорога съ запада отъ Фердинандовой Сѣверной чугунки (Ferdinand Nordbahn) на Силезской границѣ, по самой срединѣ края, чрезъ Львовъ и Черновцы до г. Сучавы и Молдавіи, всего 102½ миль въ длину; она соединяется съ Молдавскою желѣзною дорогой, ведущею въ Яссы. Отъ м. Дѣличъ она идетъ въ Краковъ, давая двѣ вѣтви, одну чрезъ Требнью и Мысловицы въ Пруссію, другую же чрезъ Щакову-Границу въ Россію; изъ Кракова она продолжается

черезъ Перемышль во Львовъ, отсюда идетъ вѣтвь въ с. Красну, гдѣ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна въ Броды и черезъ Радивиловъ—Дубно въ Кіевъ, другая же вѣтвь идетъ черезъ Золочевъ, Тернополь, въ Волочиска, а тамъ черезъ Проскуровъ, Раздѣльную, въ Одессу. Главная линия идетъ изъ Львова черезъ Галичь, Станиславъ, Коломыю, Святинь, Черновцы, Сучаву и далее въ Ясы.

Внутреннія вѣтви желѣзныхъ дорогъ: изъ Бѣржанова въ Величку, изъ подъ Лужа (Podfeze) въ Неполомицы; наконецъ изъ Перемышля черезъ Добромиль, Хировъ, Самборъ, Дрогобычъ въ Стрый для соединенія съ Станиславомъ. Перемышльско-Лубковская желѣзная дорога, для соединенія съ Угорскими желѣзными дорогами въ Пряшевъ, достраивается и должна быть вскорѣ открыта.

На Угорской сторонѣ желѣзныя дороги доходятъ вверхъ по р. Гернаду только въ Кошицы и Пряшевъ; впрочемъ, они продолжаютъ къ востоку одной вѣтвью отъ г. Кошиць (Kaschau), черезъ Угель (Satorallya-Ujhely) въ городъ Селище (Nagy Szöllös) на Тисской долианѣ, другой же вѣтвью отъ г. Мишковца (Miskolcz), черезъ Токай, Эдьгазъ (Nyir-Egyháza), Номивъ (Námedu), въ то же Селище, и оттуда далѣе въ Сиготъ (Szigoth).

Проекты продолженія ихъ въ Лубковъ и Перемышль и отъ Мукачева черезъ Стрый въ Львовъ, и соединенія ихъ съ Галицкими желѣзными дорогами, ждутъ своего исполненія. ¹⁵ Впрочемъ, Лубковскій тоннель, который идетъ черезъ главный хребетъ и постройка котораго задерживала открытіе желѣзнодорожнаго сообщенія, уже почти совершенно готовъ, и, по новѣйшимъ извѣстіямъ, Эрцгерцогъ Вильгельмъ, на пути своемъ изъ Пешта въ Львовъ, проѣхалъ черезъ этотъ тоннель. Наконецъ строится желѣзная дорога въ Западной Галиціи изъ Тарнова въ Лелюховъ, а также представленъ проектъ дороги изъ Сучавы въ Буковинѣ для соединенія съ Закарпатскими желѣзными дорогами въ Сиготъ.

¹⁵ К. Шмедель, Geographisch-statistische Uebersicht Galiziens und der Bukowina Lemberg, 1869.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДѢЛЕНИЕ

ПРИКАРПАТСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И НѢКОТОРЫЯ СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПОКАЗАНИЯ.

А) Галичина и Буковина.

На сѣверномъ склонѣ Карпатскаго хребта лежитъ Австрійское Королевство Галиція и Лодомерія съ Великимъ Княжествомъ Краковскимъ и Княжествомъ Буковиной, или, какъ теперь называютъ, Коронные края (Kronländer) Галиція и Буковина. Нынешнее Королевство Галиція и Лодомерія не представляетъ края, который бы составилъ и упрочилъ свои границы въ слѣдствіе историческихъ, географическихъ, или этнографическихъ моментовъ, въ одну органическую цѣлость: это провинція, сколоченная изъ Русскихъ и Польскихъ земель съ 1772 года, послѣ раздѣла Польши, безъ всякаго вниманія на исторію.

Въ 1244 году, во время внутреннихъ усобицъ Русскихъ Князей за Галицкій престолъ, возведенъ былъ Угорскій Корольичъ, но въ 1248 году былъ прогнанъ Русскими. Послѣ этого онъ еще разъ пытался завладѣть Галицкимъ престоломъ, но былъ вторично побѣжденъ Княземъ Мстиславомъ Новгородскимъ въ 1220 году, и потерялъ навсегда Галицкое Княжество. Однако жъ онъ не лишился права на оное, такъ какъ, по истеченіи 554 лѣтъ послѣ изгнанія Коломана изъ Галича, Императрица Марія Терезія возобновила свои дипломатическія притязанія и, воспользовавшись наследственнымъ правомъ Королей Угорскихъ, заняла, въ 1772 году, не только бывшее Княжество Галицкое, но и всю землю отъ Силезіи до Буковины, и пріобрѣтенную землю назвала Королевствомъ Галиція и Лодомерія. (Право не старѣетъ, если кто умѣетъ поддерживать его силою, или хитростію). Русскій народъ называетъ этотъ край Галичиной.

Буковина досталась Австріи отъ Турокъ по трактату 1777 года.

Наконецъ въ 1846 г. Австрія присоединила къ Галиціи Краковскую (съ 1815 г. существовавшую) Республику.

Галичина съ Буковиной лежатъ между 36° и 44° восточной долготы и между 47° и 50½° сѣверной широты, отъ о. Ферро, на сѣверной и сѣверовосточной покатости Карпатъ. Границы ихъ: съ сѣвера и востока Россія, съ запада Пруссія и Австрійская Силезія, съ юга Угрія и Седмиградія, съ югозапада Молдавія.

Сѣверная граничная линія имѣетъ 130—140 м., южная же только 70—80 м. Ширина на западной оконечности 8 м., на восточной 12 м., а по срединѣ 30 м.

Площадь, занимаемая Галичиной, содержитъ 1964,6 Австр. □ м. или 1425,78 □ геогр. мили, а площадь, занимаемая Буковиной 181,6 Австр. □ м. или 189,83 □ геогр. м., и того 2146,2 Австр. □ м. или 1615,61 □ геогр. миль.

Изъ этого на долю Галичины приходится:

Пахатной земли.....	624 □ м.	и 2335 саж.
Подъ лѣсомъ, рощей и кустарниками.	374	» 4458 »
Подъ лугами.....	167	» 8356 »
Пастбищъ (толки и полонины) ¹⁶	130	» 3598 »
Садовъ и огородовъ.....	11	» 9672 »
Подъ строеніями.....	6	» 2054 »
Неудобной (торфяники, каменоломни, булыжникъ, песокъ, глинякъ, пустыня, горныя скалы, пруды, болота, рѣки, дороги).....	53	» 2054 »

И того 1364 □ м. и 628 саж.

На долю же Буковины приходится:

Подъ лѣсомъ.....	83 □ м.	1476 саж.
Пахатной.....	43	» 8041 »
Луговъ.....	27	» 5266 »
Пастбищъ и полонинъ.....	21	» 266 »
Садовъ и огородовъ.....	1	» 2037 »
Виноградниковъ.....	»	» 123 »
Подъ строеніями.....	»	» 6499 »
Неудобной земли.....	»	» 3211 »

И того 181 □ м. 6919 с. ¹⁷

¹⁶ Альпійскія пастбища на вершинахъ Карпатъ.

¹⁷ Administrativ-Karte von den Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Gröss-

Въ политическо-правительственномъ отношеніи Галичина была раздѣлена на 17 Уѣздовъ (Kreise), изъ которыхъ 5 принадлежатъ къ западной (преимущественно Польской) народности, 12 же къ восточной (или Русской) Галичинѣ. Уѣзды (округи) западной Галичины слѣдующіе: 1, Краковскій, 2, Бохнявскій (съ присоединеніемъ бывшаго Вадовицкаго), 3, Сандецкій (съ присоединеніемъ бывшаго Ясельскаго), 4, Тарновскій и 5, Ряшевскій; въ восточной же Галичинѣ: 6, Львовскій, 7, Перемышльскій, 8, Сяноцкій, 9, Самборскій, 10, Стрыйскій, 11, Станиславскій, 12, Коломыйскій, 13, Жолковскій, 14, Золочевскій, 15, Бережанскій, 16, Тернопольскій и 17, Чортковскій.

По вычисленію народной переписи 1857 года считалось въ 17 Уѣздахъ Галичины: 4,632,866 душъ туземц., 143,569 иностр.

Въ Буковинѣ 447,095 „ „ 22,789 иностр.

Всего въ Галичинѣ и Буковинѣ 5,246,313 душъ.

Въ 1860 г. Галичина была раздѣлена на 74 стана (Bezirke), изъ которыхъ 47 восточной и оρειдинной Галичины заселены преимущественно Русскими народомъ, а 27 западной живутъ по большей части Польское население (Мазуры и Горалы).

Касательно увеличенія, или уменьшенія, народонаселенія со времени присоединенія провинціи Австріей, имѣются слѣдующія данныя, почерпнутыя изъ правительственныхъ ревизій:

Въ Королевствахъ Галиціи и Лодомеріи жителей обоого пола считалось:

Въ 1785 г.	3,277,087 душъ.	Въ 1827	4,382,383 душъ.
» 1810	3,086,226 „	» 1829	4,144,212 „
» 1817	3,716,692 „	» 1831	4,175,895 „
» 1818	3,760,319 „	» 1834	4,038,101 „
» 1819 г.	3,817,846 „	» 1837	4,204,303 „
» 1820	3,893,445 „	» 1840	4,384,903 „
» 1821	3,969,717 „	» 1843	4,538,691 „
» 1822	4,035,214 „	» 1846	4,734,427 „
» 1823	4,079,023 „	» 1851	4,555,477 „
» 1824	4,148,274 „	» 1857	4,597,470 „
» 1825	4,226,969 „	» 1864	5,102,074 „
» 1826	4,317,089 „	» 1869	5,418,016 „

При сравненіи цифръ абсолютнаго народонаселенія Галиціи съ 1785 по 1870 годъ слѣдуетъ принять во вниманіе территоріальное пространство до 1817 года и послѣ того. Въ 1785 году Галиціи принадлежалъ Замостьскій Уѣздъ, перешедшій въ 1809 году, къ бывшему Княжеству Варшавскому и послѣ присоединенный къ Царству Польскому; въ цифрѣ населенія Галиціи за 1810 годъ исключень Австрійскій Подоль, который въ 1809 г. былъ уступленъ Россіи и только на Вѣнскомъ Конгрессѣ 1815 г. этотъ Подоль, т. е., Тернопольскій и Чортковскій Уѣзды, возвращенъ былъ Австріи.¹⁸ Въ 1846 г. Краковская Область присоединена къ Галиціи, и по этой причинѣ ея населеніе въ 1854 г. присчитано къ Галиціи. Сравнивши народонаселеніе Галичины 1869 г. съ 1857 г., видно, что населеніе ея увеличилось въ продолженіи 12 лѣтъ на 820,546 душъ, т. е., въ этотъ періодъ населеніеросло на 17,8%.

Раздѣливъ Галичину на Восточную (Русскую), состоящую изъ 47 становъ; и Западную (Мазурско-Горальскую), изъ 27 становъ, замѣчаемъ слѣдующую пропорцію народонаселенія:

Въ Восточной Галичинѣ жителей было:	Въ Западной Галичинѣ жителей было:
1869 г. 3,387,575 д.	1869 г. 2,030,441 д.
1857 г. 2,886,443 д.	1857 г. 1,711,027 д.

Слѣдовательно, населеніе съ 1857 г по 1869 г. увеличилось:

Въ Восточной Галичинѣ на	501,132 д. или 17,2%
Въ Западной	319,414 д. или 18,6%

По послѣдней ревизіи населенность по становъ распределяется такъ:

¹⁸ Въ военно-статистическомъ Сборникѣ. Спб., 1871 г., Вып. IV, ст. 23, ошибочно сказано: «Ю.-вост. Галиція, именныя части округовъ Тарнопольскаго, Злачовскаго, Бржезинскаго и Залещинскаго,» должно быть: весь Тернопольскій и Залещинскій (или Чортковскій) Округъ и крошечныя части Золочевскаго и Бережанскаго Округовъ (Уѣздовъ) въ Восточной Галиціи.

ВЪ ВОСТОЧНОЙ (Русской) ГАЛИЧИНѢ

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

Названіе уѣзда.	Содер- жить ав- стрійск. □ мнѣн.	Муже- скаго по- ла.	Женска- го пола.	Вмѣстѣ.	Припо- дится на одну □ млн.
1 Бережанскій	19,40	34,506	34,778	69,284	3,570 л.
2 Бирчанскій	15,02	25,665	26,657	52,322	3,483
3 Бобровскій	17,37	27,858	28,703	56,561	3,256
4 Богородчанскій	16,36	25,597	26,295	51,892	3,172
5 Борщовскій	13,00	36,311	36,351	72,662	3,589
6 Бродскій	32,38	58,313	58,449	116,762	3,606
7 Буцакскій	18,88	41,606	42,114	83,720	4,434
8 Городенскій	14,51	33,419	33,430	66,849	4,607
9 Городоцкій	13,70	26,663	27,228	53,891	2,933
10 Гусатынскій	16,92	33,855	34,221	68,076	4,023
11 Долишскій	43,75	35,526	36,062	71,588	1,636
12 Дорогобыцскій	24,65	47,439	48,381	95,820	3,887
13 Жолковскій	21,67	32,079	33,420	65,499	3,022
14 Залещинскій	14,60	37,188	36,042	74,180	3,077
15 Збаражскій	14,85	25,303	25,893	51,196	3,450
16 Золочевскій	30,19	52,834	52,879	105,713	3,500
17 Зыдачевскій	16,00	28,548	29,130	57,678	3,605
18 Калужскій	19,33	31,298	32,225	63,823	3,302
19 Камянецкій	26,44	37,446	37,635	75,081	2,840
20 Коломыйскій	21,05	48,877	50,482	99,359	4,719
21 Косовскій	85,03	31,011	32,440	63,460	1,811
22 Львовскій	20,36	44,339	45,918	90,257	4,435
23 Лѣвскій	32,93	34,802	35,071	69,873	2,122

Название стана.	Содержитъ австрийск. ☐ миль.	Мужскаго пола.	Жейскаго пола.	Вмѣстѣ.	Приходится на одну ☐ милью.
24 Мостискій	14,06	29,918	30,651	60,569	4,308 д.
25 Надворнянскій	33,80	27,039	27,701	54,740	1,618
26 Черемнышлскій	17,15	42,272	43,532	85,804	5,003
27 Черемнышлянскій	16,63	28,360	29,331	57,691	4,469
28 Подгаєвскій	15,96	30,511	30,812	61,323	3,842
29 Радскій	24,47	37,465	39,103	76,570	3,429
30 Рогатскій	19,67	38,537	39,289	77,826	3,956
31 Рудскій	12,93	27,937	28,642	56,579	4,376
32 Самборскій	17,21	40,049	41,210	81,259	4,722
33 Свалатскій	14,47	30,832	31,908	62,740	4,336
34 Святинскій	10,50	31,786	32,047	63,833	6,079
35 Сокальскій	22,05	34,692	35,307	69,999	3,174
36 Станиславскій	13,65	35,869	36,345	72,214	5,290
37 Старомѣстскій	13,56	20,898	21,064	41,962	3,694
38 Стрыйскій	32,57	37,034	37,518	74,552	2,290
39 Сявонецкій	21,98	38,738	39,874	78,612	3,576
40 Теробовельскій	9,28	20,925	21,525	42,450	4,574
41 Тернопольскій	18,75	45,494	46,612	92,106	4,912
42 Тозмацскій	17,78	41,563	41,704	83,267	4,683
43 Турецкій	24,88	26,832	26,765	53,597	2,154
44 Тьшаковскій	19,87	31,448	32,369	63,817	3,212
45 Чортковскій	10,47	29,490	30,339	59,829	5,714
46 Яворонскій	15,97	30,597	32,061	62,858	3,933
47 Ярославльскій	24,94	44,568	46,243	90,811	3,641
70 Городъ Львовъ	0,55	42,295	44,814	87,109	

ВЪ ЗАПАДНОЙ (Мазурско-Польской ГАЛИЧИНЪ).

	Название стана.	Содер- жить ав- стрийск. □ миль.	Муже- скаго по- ла.	Женска- го пола.	Вмѣстѣ.	Прихо- дится на одну □ милю.
1	Березовскій (Бржововъ) ..	12,47	30,172	32,448	62,620	5,022 л.
2	Бохнянскій	14,11	44,382	46,431	90,833	6,437
3	Бржецскій (Бржезно)	14,35	40,138	42,663	82,801	5,770
4	Бѣльскій (Бага)	11,43	38,912	42,752	81,664	7,144
5	Вадовицскій	15,81	42,136	46,380	88,516	5,599
6	Велицскій	12,63	45,404	48,614	94,018	7,444
7	Горлицскій	15,00	31,790	33,669	65,459	4,364
8	Грибовскій	10,34	19,745	21,169	40,914	3,957
9	Дубровскій (Демброва) ...	10,77	27,655	28,845	56,500	5,246
10	Живецскій	19,33	38,782	41,971	80,753	4,177
11	Кольбушевскій	15,22	31,336	32,699	64,035	4,207
12	Краковскій	9,23	26,664	28,196	54,860	5,944
13	Кросненскій	16,49	37,499	40,012	77,511	4,700
14	Ланцутскій	19,91	51,169	53,195	104,364	5,242
15	Льмаковскій	16,41	31,031	32,700	63,731	5,584
16	Мелецскій	14,56	28,073	29,001	57,074	3,920
17	Мысленицскій	19,70	37,220	40,994	78,214	3,970
18	Нисскій (Ниско)	17,31	28,141	29,034	57,175	3,303
19	Ново-Сендзецскій	23,32	48,015	50,700	98,715	4,233
20	Новоторжскій	19,57	28,109	29,310	57,419	2,934
21	Пильненскій	14,85	32,466	34,706	67,172	4,524
22	Ретовскій	21,61	53,477	56,431	109,908	5,086
23	Рочницскій	13,19	26,907	28,586	55,493	4,207

Названіе стана.	Содер- жить ав- стрійск. □ миль.	Муже- скаго по- ла.	Женска- го пола.	Вмѣстѣ.	Прихо- дится на одну □, милю.
24 Тарнобрежскій	16,09	29,023	30,216	59,239	3,681 д.
25 Тарновскій	13,80	43,989	49,298	90,287	6,542
26 Хрѣшовскій (Хржавовъ) .	12,43	32,363	33,811	66,174	5,323
27 Ясельскій	13,67	36,248	38,909	75,157	5,498
Городъ Краковъ	0,23	23,578	26,257	49,835	
И того	1364,06	2,660,518	2,757,498	5,418,016	3,972
Служащіе въ войска		26,673		26,673	
И того ...		2,687,191		5,444,689	

Разница населенности между станомъ, имѣющимъ относительно самое большое населеніе, и станомъ съ самымъ меньшимъ количествомъ населенія, весьма значительна. Въ Велицкомъ станѣ на одну □ миль приходится 7444 души, а въ Надворнянскомъ станѣ только 1618 душъ. Вообще, всего гуще населены станы въ Западной Галичинѣ, лежащіе у р. Вислы, въ Восточной же Галичинѣ у р. Днѣстра, около Городенки и Залещикъ (Покутье и Подоль); всего меньше населены горныя и подгорныя страны (Гуцулы, Верховинцы, Бойки, Лемки и Польскіе Горалы).

Среднимъ числомъ на одну □ миль населенія въ 27 станахъ Западной Галичины приходится 4904, а въ 47 Восточныхъ станахъ только 3,596 д., слѣдовательно, относительная населенность Западной Галичины превышаетъ Восточную на 1308 д. Отсюда происходитъ то, что 36 процентное количество населенія Западной, менѣ плодородной, Галичины, постоянно ищетъ заработковъ на востокъ, и часто переселяется на лучшую почву Восточной Галичины.

Чтобы нагляднѣе представить пропорцію населенности Галиціи, противопоставимъ здѣсь пространство и населеніе сосѣднихъ съ Галичиной Русскихъ Губерній, въ которыхъ большею частію живетъ тотъ же народъ, что въ Восточной и Западной Галичинѣ.

№	Название Губерній.	Содер- жить кв. миль.	НАСЕЛЕНИЕ.			На 1 □ ми- лю прихо- дится житс- лов.
			Муже- скаго по- ла.	Женска- го пола.	Всѣхъ.	
Въ Россійской Имперіи:						
1	Бессарабская	647,15	544,648	481,698	1,026,346	1,583
2	Подольская	762,84	942,904	925,953	1,868,857	2,449
3	Волынская	1,295,17	811,874	790,841	1,602,715	1,238
	И того ...	2,706,17	2,297,226	2,198,292	4,497,917	1,757
Въ Царствѣ Польскомъ:						
1	Люблинская	294,6	419,240	340,343	659,483	2,238
2	Сѣлецкая	249,2	245,608	358,998	504,606	2,024
3	Радомская	223,8	242,337	256,515	498,852	2,229
4	Кѣлецкая	170,4	226,166	244,134	470,300	2,759
	И того ...	936,20	1,133,351	1,199,990	2,133,241	2,312

Изъ этой таблицы видно, что населенность Галичины значительно больше прилежащихъ Губерній Россіи и Царства Польскаго. Замѣчательно то, что разница между населеніемъ мужескаго и женскаго пола въ (Русской) Галичинѣ весьма незначительна, тогда какъ въ Западной (Мазурской) Галичинѣ женскій полъ вездѣ превышаетъ мужескій. Та же самая пропорція и въ смежныхъ Губерніяхъ Россіи, въ сравненіи съ Губерніями Царства Польскаго.

Чтобы нагляднѣе представить населенность Восточной и Западной Галичины, распредѣлимъ весь край по населенности становъ на 5 раздѣловъ:

1. Самые населенные станы, въ которыхъ на одну □ милю приходится 6569 ч., слѣдующіе: Краковскій, Велицкій, Бѣльскій, Тар-

¹ Военно-статистическій Сборникъ. Вып. IV. Россія. С. Петербургъ, 1871 г.

² Календарь 1875 г., подъ редакцію Гашука. Сиб., 1875 г.

новскій, Бохнянскій, Бржецкій, Вадовицкій, Хрѣновскій и Дубровскій. Пространство, занимаемое этими 9-ю станами, содержитъ 415 □ м., съ населеніемъ 755,488 жит., т. е., 8% пространства и 13% общаго народонаселенія всей Галиціи.

2. Другіе, менѣ населенные, станы, въ которыхъ на одну □ м. приходится 5053—5006 жителей:

а) Въ Западной Галичинѣ особымъ порядкомъ тянутся съ юга на сѣверъ, отъ м. Кросна до Ланцута, слѣдующіе станы: Кросно, Ясло, Березовъ (Бржозовъ), Ретовъ и Ланцуть, и занимаютъ всѣ 85 □ миль, съ населеніемъ 429,560 душъ.

б) Въ Восточной Галичинѣ въ Приднѣстрянскихъ станахъ: Борщовъ, Залѣщикахъ, Городенкѣ, Бучачѣ, Толмачѣ, Станиславѣ, Чортковѣ, Снятинѣ и Коломыѣ (т. е., Подолѣ и Покутьѣ), въ которыхъ на 1 □ м. приходится 5006 жит., всего населенія 675,873 ч. на 135 □ миль.

Всѣ менѣ населенные станы занимаютъ 220 □ м. (т. е., 16% всего пространства Галиціи), съ населеніемъ 1,105,423 жит., или 20% населенія всей Галичины.

3. Третьи, еще менѣ населенные, въ которыхъ на одну □ м. среднимъ числомъ приходится 4152—3912 жит.; а) въ Западной Галиціи всѣ горные станы (Горалы): Живецъ, Мысленицы, Новый Торгъ, Лиманова, Новый Сандечъ, Грибовъ и Горлицы, занимающіе 124 □ м. съ населеніемъ 485,205 жит.; также станы, образующіе клинъ между рр. Вислой и Сяномъ: Мелець, Тарнобрегъ, Ниско, Кольбутова, Ропчицы и Шильно, занимающіе 92 □ м. съ населеніемъ 380,188, т. е., 3,915 ж. на 1 □ м. б) Въ Восточной Галичинѣ сѣверовосточные станы: Подгайцы, Тереховль, Гусятицы, Збаражъ, Скалатъ и Тернополь (Ополье), занимающіе 94 □ м. съ населеніемъ 377,891 ж.; на одну □ милью приходится 4152 жителя. Дальше, срединные повѣты Восточной Галичины отъ г. Ярославля до Рогатина, заключаая въ себѣ слѣдующіе станы: Ярославль, Перемышль, Мостиско, Рудки, Самборъ, Дорогобичъ, Львовъ (за исключеніемъ города), Яворовъ, Городокъ, Боберка, Зыдачевъ и Рогатинъ. Всѣ они вмѣстѣ занимаютъ 216 □ м. съ населеніемъ 869,875, среднимъ числомъ на одну □ м. приходится 4,000 жит. Такимъ образомъ пространство ихъ содержитъ 523 □ м. (38% общаго пространства всей Галиціи).

4. Четвертые, еще менѣе населенные, въ которыхъ на одну □ м. приходится 3272—2907 жителей: а) сѣверные станы Восточной Галичины (Полѣсье), а именно: Тѣтановъ, Сокаль, Рава, Жолковъ, Камянка, Броды, Золочевъ, Перемышлянка и Бережаны, всего 214 □ м. съ населеніемъ 700,416 ж., т. е., 3272 на 1 □ м. б) Четыре горные и подгорные станы въ югозападномъ углу Восточной Галичины (Лемки), а именно: Сянокъ, Лѣско, Бирча, Старое Мѣсто, занимающіе 84 □ м. съ населеніемъ 242,769 ж. На одну □ м. приходится жителей 2907. Объемъ ихъ составляетъ 21%, и 17%, населенія всего края.

5. Наконецъ пятые самые малолюдные станы, въ которыхъ на 1 □ м. приходится 2157, находятся въ горныхъ мѣстахъ Восточной Галичины (Бойки и Гуцулы), а именно: Турка, Стрый, Долина, Калужъ, Богородчаны, Надворна и Косовъ. Они занимаютъ 206 □ м. съ населеніемъ 443,492.

Эти самые малолюдные станы составляютъ 15%, пространства и 8%, населенія всей Галиціи.

Изъ этихъ показаній видно, что въ Восточной Галичинѣ самыхъ населенныхъ становъ съ 6500 ж. на 1 □ м. вовсе нѣтъ, а въ Западной Галичинѣ нѣтъ пространства 4-й и 5-й степеней съ относительной населенностью отъ 3000 до 2000 ж. на 1 □ м. Такимъ образомъ (какъ выше было сказано) Западная Галиція населена гуще Восточной Галичины больше, чѣмъ на 36%.

Принимая во вниманіе то, что въ 1857 г. въ 27 станахъ Западной Галичины считалось среднимъ числомъ на 1 □ м. 4132, а въ 47 станахъ Восточной 3038 ж., мы замѣчаемъ, что приращеніе населенія Западной Галичины въ сравненіи съ 1870 г. увеличилось въ продолженіи 12 лѣтъ на 1%, больше, чѣмъ въ Восточной Галичинѣ.

Для лучшаго обзорѣнія и удостовѣренія, въ какомъ размѣрѣ наростало населеніе въ различныхъ краяхъ Галичины, представляемъ, по прежнему раздѣленію края, среднія числа населенія за 1857 и 1870 г., съ выводомъ процентовъ нарощенія черезъ 12 лѣтъ:

	НАЗВАНІЕ УЪЗДОВЪ.	На одну □ милью приходитсѣ.		Приращеніа населенія среднимъ числомъ.
		Въ 1857 г.	Въ 1870 г.	
1	Въ Краковскомъ	5,001	6,184	24 ⁰ / ₀
2	» Вадовницкомъ	4,388	4,966	13 ⁰ / ₀
3	» Тарновскомъ	3,988	3,968	24 ⁰ / ₀
4	» Ретовскомъ	3,744	4,378	16 ⁰ / ₀
5	» Самдецкомъ	3,440	4,853	12 ⁰ / ₀
6	» Чортковскомъ	4,231	3,990	17 ⁰ / ₀
7	» Тернопольскомъ	3,839	4,332	12 ⁰ / ₀
8	» Коломыйскомъ	3,577	3,619	1 ⁰ / ₀
9	» Перемышльскомъ	3,421	4,159	21 ⁰ / ₀
10	» Львовскомъ (кромя города)	3,390	4,232	24 ⁰ / ₀
11	» Станиславскомъ	3,213	3,442	7 ⁰ / ₀
12	» Бережанскомъ	3,156	3,660	15 ⁰ / ₀
13	» Самощномъ	2,920	3,447	18 ⁰ / ₀
14	» Золочевскомъ	2,914	3,352	14 ⁰ / ₀
15	» Самборскомъ	2,844	1,531	24 ⁰ / ₀
16	» Жалювскомъ	2,628	3,132	19 ⁰ / ₀
17	» Огравскомъ	2,082	3,397	15 ⁰ / ₀
	Среднимъ числомъ во всей Галичинѣ	3,370	3,972	17 ⁰ / ₀

Изъ этихъ показаній видно, что нарощеніе народонаселенія въ разныхъ краяхъ весьма разнообразно, такъ какъ въ 6. Уъздахъ, Краковскомъ и Тарновскомъ Западной и Львовскомъ и Самборскомъ Восточной Галичины, въ продолженіи 12 лѣтъ, прибыло среднимъ числомъ 24%, въ Станиславскомъ 7%, а въ Коломыйскомъ только 1%. Въ нѣкоторыхъ станахъ Погорья, а именно въ Косовскомъ (гдѣ Гуцулы) населенность даже уменьшилась.

Если сравнимъ статистическія цифры прежняго періода, то оказывается, что на 1 □ м. приходилось среднимъ числомъ:

Въ 1817 году	2,769 жит.
» 1827 »	3,265 »
» 1837 »	3,132 »
» 1846 »	3,527 »
» 1857 »	3,370 »
» 1870 »	3,972 »

Слѣдовательно, въ продолженіе 52 лѣтъ, населеніе въ Галиціиросло на 43%, т. е., ежегодно среднимъ числомъ на 8%.⁶

⁶ Ludność Galicyi przez Wład. Rząd. Wapackiego. Lwów, 1874.—Statistisches Jahrbuch.

Въ 1874 году въ Галичинѣ считалось 88 городовъ, 224 мѣстечка и 5943 сельскихъ общины. ⁷

По статистическимъ показаніямъ считается 32,400 дворянъ, 6,200 Духовныхъ, 5,800 чиновниковъ, 1,500,000 мѣщанъ и ремесленниковъ, остальные же земледѣльцы. Галичина доставляетъ Австріи 16 линійныхъ полковъ пѣхоты, 2 баталіона стрѣлковъ, 8 полковъ уланъ, 2 полка драгунъ и 1 корпусъ фуриштата. ⁸ Сверхъ того берется извѣстное количество въ артиллерію и др. корпуса. Галиція доставляетъ въ Австрійскую армію около 100,000 солдатъ, а въ случаѣ большей надобности по всеобщей повинности, она могла бы выставить 200,000 воиновъ. В. Рапацкій утверждаетъ, что одни жители Карпатскихъ горъ могли бы поставить 100,000 стрѣлковъ, которые не уступили бы первенства въ искусствѣ ни Тирольскимъ, ни Финляндскимъ стрѣлкамъ. ⁹

Уже выше было показано количество \square миль въ итогѣ 1,355,373, или 13,133,165 морговъ (Morgen, Joch), которые раздѣлены между крупными и мелкими землевладѣльцами. Что касается до земельного надѣла, то въ этой области замѣтна большая разница между количествомъ земли, находящимся во владѣніи у крупныхъ землевладѣльцевъ (б. помѣщиковъ) и мелкихъ (б. крестьянъ, свободныхъ собственниковъ и мелкой шляхты). До отмены барщины и выкупа крестьянскаго надѣла отъ зависимости помѣщиковъ 1848 г., земли въ Галичинѣ раздѣлялись на доминикальныя и рустикальныя (помѣщичьи и крестьянскія *Herrschafts und Bauern-Gründe*). Съ предоставленіемъ обоимъ сословіямъ своего надѣла, это раздѣленіе осталось и послѣ освобожденія крестьянъ (3го Мая, 1848 г.) подъ названіемъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія (*Grossgrundbesitz und Kleingrundbesitz*).

На основаніи такого раздѣленія въ Галичинѣ, послѣ послѣдняго размежеванія, было:

Wien.—1874. Schematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z wielkim księstwem Krakowskim. Lwów, 1874.

⁷ Schematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi za 1874 rok.

⁸ Н. Stupniński, Geograficzno statystyczny opis królestwa Galicyi i Lodomeryi. Lwów, 1864.

⁹ Ludność Galicyi, przez Władysława Rapackiego. Lwów, 1874.

Пахатной земли	}	1,610,804	морговъ въ крупномъ землевлад.
		4,690,432	» » мелкомъ »
Луговъ и огородовъ	}	412,345	» » крупномъ »
		1,054,030	» » мелкомъ »
Пастбищъ	}	303,834	» » крупномъ »
		1,054,483	» » мелкомъ »
Лѣсовъ	}	3,660,957	» » крупномъ »
		351,073	» » мелкомъ »

Такимъ образомъ изъ 1000 морговъ пахатной земли приходится:
744 морга на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 255 морговъ на крупныхъ.

Изъ 1000 морговъ луговъ и огородовъ:

770 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 229 морговъ на крупныхъ.

Изъ 1000 морговъ пастбищъ:

776 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 223 морга на крупныхъ.

Наконецъ изъ 1000 морговъ лѣсовъ только:

95 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 429 морговъ на крупныхъ.

Вообще изъ 1000 морговъ всей удобной земли приходится:

570 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 429 морговъ на крупныхъ.

И такъ занимаютъ:

	мелкіе землевл.	крупные землевл.
Пахатной земли.....	74,4%	25,5%
Луговъ и огородовъ.....	77,0%	22,9%
Пастбищъ.....	77,0%	22,3%
Лѣсовъ.....	9,5%	90,4%
Всей удобной земли.....	57%	42,9%

Считая во всей Галичинѣ около 6,300 селъ и деревень и приблизительно 5000 помѣщичьихъ участковъ, на одно селеніе среднимъ

числомъ приходится 1,192 морга, а на одинъ барскій участокъ 1176 морга удобной земли.

По показаніямъ послѣдней народной переписи всѣхъ землевладѣльцевъ (мелкихъ и крупныхъ) въ Галичинѣ оказалось 658,426. Вычтя изъ этого числа количество крупныхъ землевладѣльцевъ, окажется, что число мелкихъ землевладѣльцевъ (б. крестьянъ и участковыхъ собственниковъ б. шляхетскихъ селъ) равно 653,637.

Такимъ образомъ на 100 собственниковъ мелкаго землевладѣнія приходится:

Пахатныхъ полей.....	717 морговъ.
Луговъ и огородовъ.....	211 »
Пастбищъ.....	161 »
Лѣсовъ.....	53 »

И того... 1142 морга.

Между тѣмъ какъ на 100 крупныхъ землевладѣльцевъ приходится:

Пахатной земли.....	33,620 морговъ.
Луговъ и огородовъ..	8,610 »
Пастбищъ.....	6,144 »
Лѣсовъ.....	69,314 »

И того... 117,688 морговъ.

Такимъ образомъ на одинъ участокъ крупнаго землевладѣнія приходится во 100 разъ больше земли, чѣмъ на одного мелкаго владѣльца. Мелкое землевладѣніе до того раздроблено, что на одного собственника приходится только 7 морговъ пахатной земли, изъ которыхъ едва $\frac{3}{4}$ земли, да и то плохо обрабатывается. Этимъ статистически доказаннымъ даннымъ и объясняется то, что, при относительно плодородной землѣ, Галичина производитъ незначительное количество хлѣба, и что, въ случаѣ неурожая, тамъ господствуетъ такая ужасная дороговизна, и неумолимый голодъ покищаетъ десятки тысячъ сельскаго населенія. Однако этотъ край, Червоная Русь, назывался когда-то у Польскихъ писателей «землей, текущей медомъ и млекою», да и теперь еще, какъ и прежде, эта область должна считаться преимущественно земледѣльческимъ краемъ, такъ какъ 83, 5% народо-

населенія прокармливается доходами отъ земледѣлія.¹⁰ Лѣса и пастбища неравномѣрно распределены, выкупъ пастбищныхъ и лѣсорубныхъ сервитутовъ, по внушенію Гр. Голуховскаго, произведенъ съ вошею кривдой бывшимъ крестьянамъ, такъ что существованіе мелкихъ собственниковъ поставлено въ зависимость отъ владѣльцевъ лѣсовъ пастбищъ, и всѣ мелкія сельскія хозяйства доведены до крайняго разоренія. Между тѣмъ какъ крупныя землевладѣльцы, получивъ выкупныя свидѣтельства (выше подлежащей цѣны земли), держатъ въ своемъ владѣніи 90% лѣсовъ всего края и въ замѣтъ необходимыхъ въ хозяйствѣ пастбищъ и рубки лѣса мелкихъ собственниковъ столько рабочихъ рукъ, что во многихъ мѣстахъ они почти равняются прежней даровой работѣ барщины.

Буковина составляла прежде особенный Черновецкій Уѣздъ; съ 1848 г. она произведена въ Коронный край подъ именемъ Воеводства (Герцогства) Буковины, съ особеннымъ сеймомъ въ Черновцахъ.

Границы ея: съ сѣвера Чортковскій Уѣздъ, съ запада Коломыйскій, дальше Угрія и Седмиградія, а съ востока Молдавія и Бессарабія.

Буковина раздѣляется въ политическо-административномъ отношеніи на 8 становъ (староствъ, Bezirke), съ мѣстопребываніемъ старостъ (становыхъ) въ Черновцахъ, Радовцахъ, Сочавѣ, Серетѣ, Вышинцѣ, Старожинцѣ, Коцманѣ и Кимполунгѣ. Въ судебномъ отношеніи она раздѣлена на 14 Уѣздовъ такъ что, кромѣ выше упомянутыхъ мѣстъ, находятся Уѣздные судьи (Bezirksrichter) въ Заставнѣ, Сады-Гурѣ, Становцахъ, Солякѣ, Гурагоморѣ, Дорнѣ и Путиловѣ (кромѣ Черновецъ).

Въ Буковинѣ считается 7 городовъ, 7 мѣстечекъ и 456 селъ.¹¹

Въ религіозномъ отношеніи всего многочисленнѣе народъ Греко-Уніятскаго (такъ называемаго, Русскаго) Вѣроисповѣданія, заселяющій преимущественно восточную Галичину (Русь, Русскіе, Русин-

¹⁰ Rapacki, Ludność Galicyi. Lwów, 1874.

¹¹ Буковинско-Русскій календарь за 1875 годъ, изд. Обществомъ «Русская Бесѣда» въ Черновцахъ.

ны). Они подчинены Львовской Митрополіи и Перемышльской Епископії.

Со времени крещенія Руси въ Галичинѣ существовала Православная Епископская кафедра, подчиненная Кіевской митрополіи. Въ XIV вѣкѣ, послѣ разоренія Кіева Татарами и переселенія Митрополита Кіевского и всея Руси на Сѣверъ, Галицкіе Князья позаботились объ учрежденіи особой самостоятельной Галицкой Митрополіи, которая, послѣ завоеванія Поляками Червонной Руси, была низведена на степень Епископії, подчиненной Кіевскому Митрополиту. Съ 1393 г. Галицкая Епископія была упразднена и Епархіей управляли Намѣстники Кіевского Митрополита. Только въ 1540 г. въ Православные Галицкіе Епископы былъ посвященъ Макарій Тучапскій, которому слѣдовалъ рядъ Епископовъ Православныхъ до конца XVII вѣка. Въ 1700 г. Епископъ Іосифъ Шумлянскій, принявъ Унію, явно подчинилъ свою Епархію Папѣ Римскому.

Въ 1806 году, послѣ смерти послѣдняго Кіевского Уніятскаго Митрополита, Феодосія Ростоцкаго, Австрійскимъ Правительствомъ Львовскій Епископъ возведенъ въ достоинство Митрополита, съ подчиненіемъ ему Епископской Перемышльской Епархіи. Съ этого времени Львовской Святитель именуется Митрополитомъ Галицкимъ, Архіепископомъ Львовскимъ и Епископомъ Каменца Подольскаго. Его Епархія состоитъ изъ Уѣздовъ: Львовскаго, Золочевского, Тернопольскаго, Чортковскаго, Бережанскаго, Стрыйскаго, Станиславскаго, Коломыйскаго и Буковины, и занимаетъ $808\frac{8}{10}$ □ миль, изъ которыхъ на долю Галичины приходится $627\frac{4}{10}$, а на Буковину $181\frac{4}{10}$ □ м. Богослуженіе совершается на Церковно-Славянскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ церквей въ Буковинѣ, гдѣ служатъ на Церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ, Львовская Епархія раздѣляется на 49 Благочиній (Намѣстничествъ, Деканствъ), въ которыхъ считается 1944 церкви, при нихъ 1298 приходскихъ мѣстъ и 1343 мірскихъ Священника. Въ 8-ми мужскихъ монастыряхъ живутъ 30 Иеромонаховъ и 9 послушниковъ; въ одномъ женскомъ монастырѣ 6 монахинь и 1 послушница. Въ 1872 г. число народа Греко-Уніятскаго Вѣроисповѣданія было 1,515,688 душъ. ¹² Въ 1874 г. только 1,492,686, т. е., 23,002 меньше прежняго.

¹² См. Schematismus universi cleri archidioeceseos Metropolitanæ Leopoliensis pro

Перемышльская Греко-Уніятская Епархія существуетъ безъ всякаго сомнѣнія, также со времени крещенія Руси. Православные Епископы Перемышльскіе слѣдовали одинъ за другимъ до 1691 г., когда Епископъ, Иннокентій Винницкій, совращенный въ Унію, подчинился, вмѣстѣ съ Епархіей, Папѣ. Эта Епархія состоитъ изъ Перемышльскаго, Жолковскаго, Самборскаго, Сяноцкаго, Сандецкаго, Ряшевскаго и Тарновскаго Уѣздовъ, имѣющихъ 467 $\frac{1}{2}$ □ миль. Перемышльскіе Епископы носятъ титулъ Епископа Перемышльскаго, Самборскаго и Сяноцкаго. Епархія раздѣлена на 40 Благочиній (Деканствъ), въ которыхъ считается 754 приходскихъ мѣстъ (Настоятелей и викарныхъ Священниковъ) и 1284 церкви; при нихъ 734 мірскихъ Священника, а въ 6-ти мужскихъ монастыряхъ живетъ 28 монаховъ и въ одномъ женскомъ монастырѣ 6 монахинь. Въ Перемышльской Епархіи считалось въ 1873 году 842,144 души Греко-Уніятскаго Исповѣданія Русскихъ).¹³

Второе мѣсто по Вѣроисповѣданію въ Галичинѣ занимаютъ Римско-Католики, преобладающіе числомъ въ западныхъ Уѣздахъ (они Польскаго происхожденія, и Горалы).

Римско-Католики подчиняются Львовскому Архіепископу и тремъ Епископамъ, проживающимъ въ Перемышлѣ, Тарновѣ и Краковѣ.

Католическое Архіепископство учреждено послѣ завоеванія Галиціи Поляками въ 1361 г., сначала въ Галичѣ, а въ 1411 г. перенесено въ Львовъ. Теперь ихъ Архіепархія состоитъ, кромѣ Уѣздовъ Русской Митрополіи, еще изъ Жолковскаго Уѣзда, т. е., занимаетъ 898 $\frac{1}{10}$ □ м. Епархія раздѣлена на 25 Деканствъ, въ которыхъ существуетъ 263 костела, 244 приходскихъ мѣста и 376 ксендзовъ. Въ 26-ти мужскихъ кляшторахъ, разбросанныхъ по всему краю, содержится 152 монаха разныхъ Орденовъ, 35 клириковъ и 60 послушниковъ. Въ 15 женскихъ кляшторахъ находится 175 монашествующихъ лицъ. Число Католиковъ въ Львовской Архіепархіи въ 1872 г.

anno Domini 1872. Leopoli, e typogr. instituti Stauropigiani, pag. 234. — Schemat. etc. 1874.

¹³ См. Schematyzm Królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1874. Lwów. — Схематизмъ всего клира обряда Греческо-Русскаго Епархіи Перемышльской. Въ Перемышлѣ, 1874.

554,387 душъ, изъ которыхъ на Галицкіе Уѣзды приходится 502,916 душъ, а 51,471 д. на Буковину. ¹⁴

Премышльская Католическая Епархія учреждена въ 1375 году и занимаетъ тѣ же Уѣзды, какъ и Русская или Греко-Уніятская, кромѣ Жолковскаго, Тарновскаго и Сандецкаго, т. е., протягивается на 410 □ м., Епархія раздѣлена на 26 Деканствъ; въ нихъ считается 299 костеловъ, 441 приходское мѣсто и 469 мірскихъ кеендзовъ. Въ 23 кляшторахъ мужскихъ содержится 104 монаха, 61 клирикъ и 58 послушниковъ; въ 9-ти женскихъ кляшторахъ 66 монахинь. Вообще число Римо-Католиковъ Премышльской Епархіи въ 1874 было 767,998 д., Уніятовъ (Русскихъ) 848,472 д., и Евреевъ 111,766 д. ¹⁵

Римо-Католическое Тарновское Епископство новаго учрежденія; оно распространяетъ власть на Уѣзды: Тарновскій, Сандецкій, Вадовицкій и часть Краковскаго, т. е., бывшій Бохнянскій Уѣздъ; занимаетъ 394²/₃ □ мили. Епархія раздѣлена на 26 Деканствъ, въ которыхъ находится 341 костель; при нихъ 330 приходскихъ мѣстъ и 533 мірскихъ кеендза. Въ 9ти мужскихъ кляшторахъ живетъ 60 монаховъ; въ 2хъ женскихъ 64 монахини. Число душъ Тарновской Епархіи 1,076,257.

Учрежденіе Краковскаго Римо-Католическаго Епископства относятся къ 966 г. Князь Мечиславъ I, перекрестившись изъ Православія въ Католичество, назначилъ въ этомъ году Краковскимъ Епископомъ Прохора. Прежняя Епархія Краковская занимала въ Галиціи земли до м. Мушны, всю Тарновскую и часть Премышльской Латинской Епархіи и распространялась по лѣвой сторонѣ Вислы на Воеводства: Краковское, Сандомирское, Люблинское и даже часть нынѣшней Прусской Силезіи. Къ нынѣшней Краковской Епархіи причисляется большая часть въ Царствѣ Польскомъ, управляемая Викаріемъ, который живетъ въ Къльцахъ. Меньшая часть въ Австрійскомъ

¹⁴ Католическіе Іерархи Львовскіе именовались издревле, по обычаю Римской Церкви, Архіепископами. Въ новѣйшее время они присвоили себѣ титулъ Митрополитовъ, свойственный только Греческой Церкви, который *abusus* въ 1860 году утвержденъ Папою Піемъ IX и остался законнымъ.

¹⁵ *Schematismus cleri dioeceseani ritus latini Premisliensis pro anno 1874.* Jaslo, typis L. D. Stöger.

Великомъ Княжествѣ Краковскомъ и б. Бохнянскомъ Уѣздѣ; объемъ ея 65%, □ м., раздѣлена на 5 Деканствъ, въ которыхъ находится 75 костеловъ; при нихъ 43 прихода и 134 мірскихъ ксендза. Въ 16ти кляшторахъ мужскихъ содержится 219 монаховъ, а въ 13 женскихъ 341 монахиня.¹⁶ Въ Краковской Епархіи насчитываютъ около 100,000 Римо-Католическихъ душъ.

Армянско-Католическое Вѣроисповѣданіе состоитъ подъ управленіемъ Львовскаго Армянскаго Архіепископа. Армяне, по большей части купеческаго сословія, поселились въ Галичинѣ еще во время правленія Русскихъ Князей. До первой половины XVII вѣка они были Православными и имѣли своего Епископа во Львовѣ.

Въ 1626 г. Епископъ ихъ, Николай Торосовичъ, подчинился власти Папы, который возвелъ его кафедрѣ въ Архіепископію. Богослуженіе совершается частью на Армянскомъ, частью же на Польскомъ (!) языкѣ. Армянская Епархія занимаетъ восточные Уѣзды Галичины и Буковину. Однако въ ней теперь считается только 10 приходскихъ церквей, съ 19 Священниками и съ 2984 д., изъ которыхъ 882 души приходятся на Буковину. Кромѣ того, въ Галичинѣ находится 126 д., а въ Буковинѣ 882 д., и того 954 д. Православныхъ Армянъ, неподчиненныхъ Папѣ, которые имѣютъ своихъ церковныхъ Настоятелей въ г. Сучавѣ. Богослуженіе у нихъ на Армянскомъ языкѣ.

Православное (Греко-Восточное) Вѣроисповѣданіе сохранилось только въ Буковинѣ, гдѣ его можно назвать главнымъ и господствующимъ. Буковинская Епархія учреждена еще въ началѣ XV столѣтія Молдавскимъ Воеводой, Александромъ I Добрымъ, первоначально въ городѣ Радовцахъ (Radautz), почти современно съ Митрополіей Сочавской, въ то время, когда Галицкая Епископія (или Митрополія) упразднена Польскимъ Правительствомъ.

Въ 1630 году Сочавскій Митрополитъ перенесъ свою столицу въ Яссы, между тѣмъ какъ пребываніе Буковинскихъ Епископовъ осталось въ Радовцахъ и только послѣ занятія Буковины Австріей въ 1784 г. столица Епископа переведена изъ Радовецъ въ главный го-

¹⁶ Szematyzm Królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem Księstwem Krakowskim, na rok 1872, Lwów.

родъ Черновцы, отъ чего Епископы приняли также титулъ Радовецкихъ Епископовъ.

До присоединенія Буковины Австріей, Епископы имѣли богатые фонды; имъ принадлежали имѣнія: Радовцы, Кацманъ, Ламковка, Суховерховъ, Кливотинъ. Давыдовцы (Davudetme) и Рогозна. Всѣ эти имѣнія въ 1786 г. Австрія присодинила къ казенному имуществу, и, учредивъ Буковинскій религіозный фондъ, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію въ пользу Православныхъ, но также и въ пользу Католиковъ и Уніятвъ.

Въ 1873 г. Буковинская Епископія возведена въ степень Архіепископіи и Митрополіи Буковинской и Далматинской, и Митрополиту подчинены два Православныхъ Епископа въ Далмаціи (1). Епархіальная власть Митрополита распространяется собственно на Православныхъ въ Буковинѣ и Галичинѣ. Черновецкая Архіепархія раздѣлена на 12 Благочиній (Протопресвитерствъ), въ которыхъ въ 1874 году находилось 285 церквей; при нихъ 286 приходскихъ мѣстъ и 269 мірскихъ Священниковъ; въ 3хъ мужскихъ монастыряхъ, въ Путнѣ, Сучавицѣ и Драгомирнѣ, 34 монаха и послушника. ¹⁷ Богослуженіе совершается отчасти на Румынскомъ, отчасти на Церковно-Славянскомъ, языкѣ. Въ Буковинской Епархіи, по новѣйшимъ показаніямъ, считается 407,949 душъ Православныхъ. Въ Галиціи существуетъ только одна приходская церковь, во Львовѣ, съ однимъ приходскимъ Священникомъ, который служитъ обѣдно на Церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ. Въ своемъ приходѣ онъ считаетъ, кромѣ военныхъ, только 60 душъ (?).

Въ Буковинѣ существуетъ нѣсколько поселеній (Великороссовъ) раскольниковъ, Поповцевъ и Безпоповцевъ. Первые имѣютъ даже своего (мнимаго) Митрополита и одинъ монастырь. Число раскольниковъ, (Филиповановъ или Пилипоновъ) полагаютъ въ 3000 душъ. ¹⁸

¹⁷ См. Schematismus der Bukowinaer griechisch-orientalischen Erzdiözese. Czernowitz, 1874.

¹⁸ Dr. A. Ficher, Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860.

Въ Буковинско-Русскомъ календарѣ за 1875 годъ, изданномъ въ Черновцахъ, раскольниковъ показано 2929 душъ.

Протестанская Церковь состоитъ подъ управленіемъ Львовскаго Суперъ-Интендента для Галичины и Буковины, которому подчинены 4 Сеніората и 26 приходскихъ мѣстъ—22 для Аугсбургскаго и 4 для Гельветскаго Исповѣданія.

Протестантовъ въ Галичинѣ считается 37,125 д., а въ Буковинѣ 11,394 д., и того 48,519 душъ.

Богослуженіе у нихъ вездѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, только въ трехъ мѣстностяхъ въ Буковинѣ на Мадьярскомъ языкѣ для поселившихся тамъ Мадьяръ. Къ Протестанскому Вѣроисповѣданію принадлежатъ по большей части Нѣмцы-поселенцы, за тѣмъ чиновники, ремесленники, упцы и пр. Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, во время царствованія Императора Юсіфа II, въ разныхъ Уѣздахъ Галичины и Буковины поселилось 2827 Нѣмецкихъ семействъ, состоящихъ изъ 12,475 душъ, которымъ отведено было 154,000 морговъ земли и на ихъ обузаведеніе. Правительство расходовало 2,575,564 гульденовъ серебромъ. Потомки этихъ поселенцевъ составляютъ большую часть Протестантскаго населенія въ краѣ.

Еврейское Вѣроисповѣданіе раздѣляется на Талмудистовъ и Караимовъ. Евреи Талмудисты пришли изъ Германіи и, покровительствуемые Королемъ Казимиромъ Великимъ и др. Польскими Королями, поселились въ городахъ Галицкой земли. Они имѣютъ теперь одного Старшаго Раввина въ Краковѣ и 28 Раввиновъ.

Всѣхъ Евреевъ Талмудистовъ въ Галичинѣ. 575,433 д.

въ Буковинѣ. 47,772 д.

И того 623,105 д.

Караимы переселились изъ Крыма еще во время Князей Русскихъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ г. Галичъ и живутъ еще до сихъ поръ. Тутъ они имѣютъ своего Раввина и свою модельню. Караимовъ считается не больше 250 душъ, живущихъ въ Галичѣ и его окрестностяхъ.

Изъ этого перечня видно, что въ Галичинѣ всего больше исповѣдывающихъ Греко-Уніятскую (Русскіе), Римско-Католическую (Поляки) и Еврейскую (Жида) религію.

По послѣдней переписи народонаселеніе Галичины по Вѣроисповѣданіямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Греко-Уніятскаго.		Римско-Католическаго.		Евреевъ.		Протестантовъ.		Другихъ исповѣд.	
	Число населенія	%	Число населенія	%	Число населенія	%	Число населенія	%	Число населенія	%
Въ 47 Уѣздахъ восточной Галичины.....	2,230,121	63,8	702,158	20,7	424,684	12,5				
Въ 27 Уѣздахъ западной Галичины.....	81,788		4,788,141	88	150,749	7,5				
И того...	2,311,909		2,490,299		575,433		37,125		3,200	

Среднимъ числомъ въ 1857 и 1870 гг. въ Галичинѣ процентовъ населенія было:

По вѣроисповѣданіямъ.	Въ 1857 г.	Въ 1870 г.
Греко-Уніятское.....	44 ⁰ / ₁₀₀	42 ⁰ / ₁₀₀
Римско-Католическаго.....	44 ⁰ / ₁₀₀	48 ⁰ / ₁₀₀
Евреевъ.....	9 ⁰ / ₁₀₀	10,7 ⁰ / ₁₀₀
Протестантовъ.....	0,6 ⁰ / ₁₀₀	0,6 ⁰ / ₁₀₀

Слѣдовательно, въ продолженіи 12 лѣтъ въ Галиціи Уніятское населеніе, по отношенію къ общей суммѣ жителей, уменьшилось на 2⁰/₁₀₀; напротивъ того Римо-Католическое увеличилось на 4⁰/₁₀₀, а Еврейское на 1,3⁰/₁₀₀; Протестантское же осталось по прежнему.¹⁹

Относительно вѣроисповѣданія смежныя съ Галиціей Губерніи Россіи представляютъ намъ слѣдующія цифры, которыя выставляемъ здѣсь для сравненія.²⁰

¹⁹ Karaski, Ludność Galicyi. Lwów, 1874.

²⁰ Военно-Статистическій Сборникъ. Вып. IV. Россія. Спб., 1871, стр. 100 и слѣд. Касательно численности населенія Люблинской Губ. (на стр. 102—103) цифры показаны невѣрно. Сочитавъ показанныя тамъ цифры населенія по

ГУБЕРНИИ.	Православна-Раскольни-го.		Раскольни-ковъ.		Римо-Католич.		Евреевъ.		Протестантовъ.		Др. испов. об. п.
	Число об. пола.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	
Бессарабская. . .	885,032	86	10,091	0,98	5,514	0,54	93,590	9,12	29,737	2,90	2,382
Подольская. . .	1,391,830	75,79	10,218	0,56	227,180	12,37	205,165	11,17	1,996	0,11	43
Волынская. . .	1,190,074	76,4	3,611	0,23	163,084	10,47	194,803	12,50	5,874	0,38	2,50
Люблинская. . .	3,144 увіатс. в 119,413 122,857	0,30 9,0	134	0,01	665,176	02,50	156,858	14,74	876	0,83	

Б) Угорщина, Угрія (Венгрія).

На южномъ склонѣ Карпатскихъ горъ находится Угорское Королевство или Угрія (Венгрія). Это Королевство основано въ 899—907 гг., на развалинахъ Славянскихъ Княжествъ въ древней Панноніи, завоеванныхъ Мадьярами или Уграми, кочевавшими до этого времени въ степяхъ южной Россіи до нижняго Прута и Дуная, и увеличилось, съ теченіемъ времени, сосѣдними Славянскими землями. Площадь Угорскаго Королевства (за исключеніемъ присоединенныхъ областей) считается въ 3727,67 Австр. или 3896²³/₁₀₀₀ геогр. □ милн.

Изъ 35,869,300 Австрійскихъ морговъ удобной земли считается 30,115,894 морга; изъ этого:

Вѣронсповѣданіямъ, итогъ народонаселенія выходитъ 1,064,624 д. Сумма, очевидно, преувеличена, принимая въ соображеніе, что на стр. 37 того же изданія въ Люблинской Губ. показано обоюго пола только 619,284, а въ 1867 г. считалось только 504,606 Гатцука Календарь за 1875 г. Ошибка произошла, вѣроятно, отъ того, что тамъ показано 230,050 д. Армяно-Григоріянцевъ, которыхъ въ этой Губ. вовсе нѣтъ; во вторыхъ, число Римо-Католиковъ преувеличено до суммы 665,176, такъ какъ по отчетамъ начальника той Губерніи и Варшавскаго Оберъ-Полиціймейстера въ 1868 г. Католиковъ только 442,519 д. (Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб., 1871 г. т. IV, стр. 171). Вѣроятно, въ выше показанную цифру включены и Греко-Увіаты, которыхъ считается по Епархіальнымъ докладамъ 119,413 д. обоюго пола (Холмск. календарь, Варш. 1875). Вычтя эту цифру изъ 665,176, получится 545,763, т. е., приблизительно вѣрное число Католиковъ, въ Люблинской Губерніи.

Пахатной земли.....	12,175,840	морговъ.
Виноградниковъ....	484,865	»
Подъ лугами и огородами.....	4,177,070	»
Подъ пастбищами.....	4,176,917	»
Неудобной же земли.....	5,753,436	»

Всего народонаселенія въ Угрии считалось (въ 1865 году) 10,814.206 душъ обоего пола, ²¹ т. е., 2901 душа на 1 \square Австрийск. милю. Угрия рѣками раздѣляется на 4 области: 1, Преддунайскую, 2, Задунайскую (Верхняя Угрия), 3, Предтисскую, и 4, Затисскую (Нижняя Угрия), которыя кромѣ того, раздѣлены на 46 столицъ (комитатовъ, *Gespannchaften*) и 4 уѣзда (*Distrienten*). Русскій народъ живетъ въ Угрии только въ сѣверовосточныхъ столицахъ (комитатахъ) Предтисской и Затисской областей, а именно: въ Спишской, Шаришской, Абауйварской, Торнянской, Гемерской, Боршодской, Земненской, Ужгородской или Ужанской, Бережской, Угорской, Мараморошской, Сатмарской и Саболцкой столицахъ.

Объемъ и общее народонаселеніе этихъ столицъ Д-ръ Фрикеръ ²² высчитываетъ слѣдующимъ образомъ:

1. Спишская столица...	67,15	\square м.	159,905	ж.	2381	на 1	\square м.
2. Шаришская.....	69,16	»	146,333	»	2114	»	»
3. Абауйварская и Торнянская.....	60,28	»	149,951	»	2487	»	»
4. Гемерская.....	73,28	»	159,008	»	2156	»	»
5. Боршодская.....	64,13	»	174,429	»	2720	»	»
6. Земненская.....	112,44	»	245,269	»	2181	»	»
7. Ужанская.....	55,18	»	98,607	»	1787	»	»
8. Бережско-Угоцкая	89,03	»	184,424	»	2071	»	»
9. Мараморошская....	189,07	»	284,472	»	976	»	»
10. Сатмарская.....	107,34	»	249,000	»	2320	»	»
11. Саболцкая.....	35,18	»	146,248	»	2650	»	»

И того... 937,041 \square м. 1,897,846 ж. 2167 $\frac{6}{11}$ на 1 \square м.

²¹ Naučný Slovník. V Praze, 1872, т. IV, стр. 712.

²² См. Bevölkerung der österreichischen Monarchie in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt von Dr. A. Ficher, k. k. Ministerialsekretär. Gotha, Justus Perthes. 1860.

Изъ этого обзорѣнія видно, что восточныя столицы (или комитаты) менѣе многолюдны, чѣмъ западныя: такъ, на пр., въ Шаршской на 1 □ миль 2114 д., а въ Земненской 2181 д., между тѣмъ какъ въ Ужгородской 1787 д., а Мараморошской только 976 душъ. Эта послѣдняя самая малолюдная изъ всей Угорской земли.

Въ религіозномъ отношеніи въ области, занимаемой Угорскими Русскими, находятся двѣ Греко-Уніятскія Епархіи, Мукачевская и Пряшевская, которымъ и подчинено все Русское населеніе страны. Учрежденіе Мукачевской Епархіи не опредѣлено въ преданіяхъ древнѣйшихъ временъ; вѣроятно, она существовала до нашествія Мадьяръ, со времени крещенія Паннонскихъ Славянъ Св. Кирилломъ и Меодіемъ. Послѣ своего крещенія или собственно перекрещенія²³ въ Латинство, Король Степанъ учреждалъ и возобновлялъ Епископіи въ разныхъ мѣстахъ своего Государства, но не назначилъ ни одного Епископа на сѣверо-востокъ Угріи. Тамъ, безъ сомнѣнія, существовало первоначальное Православіе съ своимъ духовнымъ іерархомъ. Впрочемъ, по увѣренію Анонима Бѣлы Нотарія, эта земля не принадлежала въ то время Мадьярскому Государству, а причислялась къ Руси и владѣніямъ Владимира Великаго.

Въ XIV столѣтіи Князь Литовско-Русскій Ѳеодоръ Коріатовичъ переселился съ многочисленнымъ народомъ за Карпаты (1339 г.) и, получивъ въ удѣлъ отъ Короля Карла Роберта Мукачевское Княжество, основалъ на Чернецкой горѣ (mons Csernek), въ Мукачевѣ

²³ Алексѣй Гораній, ссылаясь на Кедрена и Зонара, пишетъ, что около 940 г. два Угорскихъ вождя, Булча и Дюля, крестились въ Константинополѣ, и тамошній Патріархъ, Теофилактъ, назначилъ Епископомъ Іерооея для Угровъ (Мадьяръ). Греческіе проповѣдники, пришедшіе съ Іерооеемъ въ Угорскую землю, обратили многихъ въ Христіанство, между прочимъ и Шарлоту, дочь Семиградскаго Воеводы Дюля, которая послѣ обратила въ Христіанство своего мужа, Гейзу, Стефанова отца. Этотъ послѣдній владѣтель былъ крещенъ и воспитанъ въ Греческой Вѣрѣ, но послѣ женитьбы на Баварской Княжнѣ Гизелѣ, онъ ввелъ Латинскую вѣру. (Comment. de s. reg. Hungar. corona, стр. 36). «Ritus Graecum Hungaria a Hierotheo acceperunt, ritus vero latinus inductus est ab illis, qui cum Gisela, uxore Stephani, ex Germania in Hungariam venerunt.» Впрочемъ, есть слѣды, что и первая жена Гейзы была Русская Княжна, Православная, извѣстная подъ именемъ Бѣлой Княгини. А. Балудинскій, Церковная исторія, 3е изд. въ Виеннѣ, 1852 г., стр. 190.

монастырь, Настоятель котораго былъ вмѣстѣ и Епископомъ. Православіе между Русскимъ народомъ сохранялось до половины XVII столѣтія; только въ 1649 г. Епископъ Петръ Паревній, послѣ ужасныхъ гоненій, перенесенныхъ его предшественникомъ, принужденъ былъ принять Унію, и подтвердилъ это письменно съ 400 Священниками, хотя народъ еще долго не хотѣлъ подчиниться Папамъ. Въ слѣдствіе принятія Уніи, Мукачевскій Епископъ подчиненъ былъ Ягерскому (Эрлаускому) Латинскому Архіепископу, и только въ 1771 г. Русскія Епархіи получили свою самостоятельность, но Русскій народъ все таки принужденъ былъ давать десятую часть (съ полей и виноградниковъ) не своимъ, а Римо-Католическимъ, Епископамъ.

Теперешняя Греко-Уніятская (Русская) Мукачевская Епархія занимаетъ сѣверо-восточныя столицы (комитаты) и раздѣляется на 7 Архидіаконствъ, называемыхъ по столицамъ: 1, Бережскимъ, 2, Мараморошскимъ, (3, Саболцкимъ, 4, Сатмарскимъ, 5, Угоцкимъ, 6, Ужскимъ (Ужгородскимъ), и 7, Земненскимъ, (который занимаетъ только часть комитата). Эти Архидіаконства до 1856 были раздѣлены на 44 Благочинія (Дистрикта), которыя распределены слѣдующимъ образомъ: въ Бережскомъ 8, въ Мараморошскомъ 10, въ Саболцкомъ 5, въ Сатмарскомъ 2, въ Угоцкомъ 3, въ Ужскомъ 8 и въ Земненскомъ 8 благочиній.²⁴ Въ нихъ считается 399 приходскихъ мѣстъ, 456 церквей и при нихъ 376 мірскихъ Священниковъ. Въ 5 мужскихъ монастыряхъ было 39 монаховъ и послушниковъ. Въ Мукачевской Епархіи въ 1853 г., душъ обоего пола считалось 462,625 д.²⁵ Изъ этого исключивши:

Румынъ. . . .	105,000	душъ
Мадьяръ . . .	40,000	»
<hr/>		
И того. . .	145,000	душъ

находилось до 1856 года въ Мукачевской Епархіи Русской народности 317,625 душъ.

²⁴ Schematismus cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsiensis pro anno Domini 1872. Unghoarini.

²⁵ См. Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioeceseos Munkacsiensis pro anno 1853. Cassoviae. Въ 1856 году, по причинѣ большой смертности,

Въ 1856 г. (7 Сентября) новоучрежденной Уніятской Епархіи Самошъ-Уйварской въ Седмиградіи уступлены слѣдующія, почти исключительно Румынами заселенныя, Благочинія и части ихъ: I. Маро-морошскаго Архидіаконства: а) Благочиніе Изское 15,007 душъ, б) Кассовское 14,483 д. (цѣликомъ), в) изъ Сиготскаго благочинія 9,740 д. (изъ всего количества 14,173 д., д) изъ Вышеевскаго 13,077 д. (изъ всего количества 17,638 д.); II. Угоцкаго Архидіаконства: е) изъ Турченскаго Благочинія 7,686 д. (изъ всего количества 12,275 д.); III. Сатмарскаго Архидіаконства: ж) Аватское Благочиніе 14,162 д., з) Вышне-Банское 7,696 д., и) Велико-Банское, 8,235 д., і) Синье-Варальское 8,023 д. (цѣликомъ), и к) изъ Сатмарскаго Благочинія 7,005 д. (изъ общаго количества 13,067 д.).

И такъ отъ Мукачевской Епархіи отдѣлено 94 прихода съ 105,114 д. Румынскаго народа и присоединено къ Самошъ-Уйварской Епархіи. По этому счету изъ выше приведеннаго числа народонаселенія Греко-Уніятскаго Вѣроисповѣданія въ Мукачевской Епархіи слѣдуетъ еще вычесть Румынъ и Мадьяръ, а именно:

1. Села Велико-Каловскаго Благочинія, въ которыхъ говорятъ исключительно по Мадьярски.	4,000 душъ.
2. Села Саболцкой столицы, въ которыхъ $\frac{2}{3}$, Мадьяръ (на долю послѣднихъ).....	10,000 »
3. Села Сатмарской столицы, гдѣ $\frac{1}{3}$, Мадьяръ въ переѣмку съ Румынами и Русскими...	4,000 »
4. Села, въ которыхъ $\frac{1}{3}$, Мадьяръ съ большинствомъ Русскихъ.....	20,000 »
5. Села, въ которыхъ Мадьяры на половину переѣмшаны съ Румынами.....	2,000 »

И того Греко-Уніатовъ Мадьярской и Румынской народности..... 40,000 душъ.

Отшедшихъ къ Самошъ-Уйварской Епархіи Румынскихъ Уніатовъ..... 105,114 душъ.

Итого иноязычныхъ... 145,114 душъ.

въ 1855 и 1856 гг., происходившей отъ голода и холеры, считалось только 431,273 д., т. е., 11,352 душами меньше.

И такъ, изъ выше приведенной суммы народонаселенія, вычтя Греко-Уніатовъ въ Мукачевской Епархіи 462,625 душъ.
инопозычныхъ 145,114 »

однихъ Русскихъ остается 317,511 душъ

т. е., почти та же сумма, каковая показана въ прежнемъ нашемъ исчисленіи (317,511 душъ).

По спискамъ Епархіальныхъ властей въ Мукачевской Епархіи въ 1872 г. находилось 376 приходскихъ сель съ 1069 приписными селами и деревнями, всего 421,775 душъ обоого пола.

Пряшевская Епархіа, это новоучрежденная. Въ 1816 г. Императоръ и Король Францъ I приказалъ отдѣлить западныя столицы отъ обширной Мукачевской Епархіи и учредить особую Греко-Уніатскую Епархію, которая въ 1818 г., была основана. Однако эта Епархіа, точно также какъ и Мукачевская, подчинена титуломъ ставропигии (!) Латинскому Остригомскому (Гранскому) Архіепископу. Пряшевская Епархіа занимаетъ: 1, Абауйварскую (21 приходъ), 2, Боршодскую (11 приходовъ), 3, Гемерскую (2 прихода), 4, Шаришскую (73 прихода), 5, Спижскую (18 приходовъ), 6, Торнянскую (3 прихода) и 7) часть Земненской столицы (59 приходовъ). Она раздѣляется на 5 Архидіаконствъ, которые раздѣлены на 7 Благочиній (districtus), и въ нихъ считается 188 приходскихъ мѣстъ, 303 церкви; при нихъ 207 мірскихъ Священниковъ. Въ 2 мужскихъ монастыряхъ 9 монаховъ и послушниковъ. Во всей Пряшевской Епархіи въ 1855 году считалось 149,675 душъ обоого пола.⁹⁶ Въ 1870 г., по показаніямъ Епархіальныхъ отчетовъ, въ Пряшевской Епархіи считалось въ 187 приходскихъ и 1228 приписныхъ селахъ и деревняхъ, всего 154,625 душъ.

Въ Пряшевской Епархіи 32 прихода (въ Абауйварскомъ и Боршодскомъ Архидіаконствахъ), въ которыхъ народъ одинаково употреб-

⁹⁶ См. Schematismus venerabilis cleri ritus graeci dioecesis Eperiesiensis pro anno 1855. Eperiesini. Въ Шематизмѣ за 1857 г. считалось только 138,479 д., т. е., 11,196 душами меньше, въ слѣдствіе холеры и голода 1836 года. Schemat. cleri r. gr. dioec. Eperies. pro anno 1870. Cassoviae.

летъ и свое Славяно-Русское нарѣчіе и Мадыарскій языкъ, но причисляется къ Мадыарской народности. На этомъ основаніи, вычтя изъ суммы.....	154,625 д.
на долю Мадыаръ, приходится.....	8,350 д.
а на долю Русскихъ приходится.....	146,275 д.

Кромѣ того въ Велико-Варадской Уніятской Епархіи (Саболцкой, Чанадской и Бигарской столицахъ) въ двухъ селахъ издавна въ употребленіи только Русскій языкъ; 3 прихода учреждены 1740—1752 г. нарочно для Русскихъ (pro parte Ruthenorum), въ 3хъ же живутъ Русскіе въ перемѣжку съ Румынами и Мадыарами. Такимъ образомъ въ Велико-Варадской Епархіи Русскихъ круглымъ числомъ можно считать 5000 душъ.

Наконецъ слѣдуетъ прибавить, что въ Бачской столицѣ (бывшей Сербской Воеводины) находится 2 села Русскихъ поселенцевъ, которые, вышедши въ концѣ XVIII столѣтія изъ Земленской столицы, поселились въ этихъ южныхъ странахъ среди Сербовъ и основали двѣ Русскія деревни, Керестуръ и Куцуру, сохранявъ свою народность и до сихъ поръ. Эти Русскіе были сначала во власти Колоцкаго Латинскаго Епископа, но такъ какъ они показывали отвращеніе къ Латинству и чаще посѣщали Сербскія церкви, то Правительство подчинило ихъ Крижевецкому Греко-Унитскому Епископу въ Хорватіи.²⁷ Въ 1874 г. въ приходѣ Керестурскомъ считалось

.....	4,961 душа
въ приходѣ Куцурскомъ.....	2,699 »
Итого въ Бачкѣ Русскихъ.....	7,660 душъ.

Въ Керестурѣ, при церкви Св. Николая, есть два Священника и содержится народная Русская школа, въ которой обучается 491 чел. дѣтей. Въ Куцурѣ есть также приходская церковь Успенія Пресв. Богородицы, при коей церкви два Священника и народная школа, тоже въ ней обучается 406 чел. дѣтей. Эти два прихода, отдаленные не на малое пространство отъ Епархіи, многочисленнѣе всѣхъ приходовъ крошечной Крижевецкой Епархіи, въ которой есть приходы, состоящіе изъ 38 86 душъ, и въ которой всего считается: въ Хорватіи

²⁷ Багуданскій А. Исторія Церковная. Во Виенѣ, 1852 г., стр. 328.

11, въ Далмаціи 4, въ Славоніи, Банатѣ и Бачкѣ 6, и того 21 Уніятскій приходъ съ 17 церквами, и всего только 16,626 д. обоего пола.²⁸ Однако Правительство поддерживаетъ эти приходы для приобрѣтенія отщепенцевъ среди сплошныхъ массъ Православныхъ Сербовъ. Богослуженіе у всѣхъ на Церковно-Славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ выводитъ, что Русскихъ въ Угріи и присоединенныхъ земляхъ находится:

Въ Мукачевской Епархіи.....	317,625	душъ.
» Пришевской.....	146,275	»
» Велико-Варадской.....	5,000	»
» Крижевецкой.....	7,660	»
И того.....		476,560 душъ.

Въ краѣ, занимаемомъ по преимуществу Русскими, живутъ также Католики и Протестанты по народности, Словаки, Нѣмцы и Мадыары, за тѣмъ Кальвины (Протестантовъ Гельветскаго исповѣданія), по большей части Мадыары, Нѣмцы и наконецъ Евреи. Католики въ духовномъ отношеніи подчинены Римо-Католическимъ Епископамъ въ Сатмарѣ, Кошицахъ (Kaschau) и др. Протестанты же подчинены Суперъ-Интендентамъ.

Сатмарская Римо-Католическая Епархіа занимаетъ Сатмарскую, Мараморошскую, Угоцкую, Бережскую и Ужгородскую столицы. По докладамъ мѣстной Епархіальной власти въ Сатмарской Римо-Католической діецезіи въ 1870 г. находилось 79 приходскихъ мѣстъ и 91 костель; при нихъ 116 мірскихъ ксендзовъ, и Римо-Католическаго населенія 106,057 душъ обоего пола. Въ 7 кляшторахъ содержалось 63 монаха.

Въ той же діецезіи другихъ вѣроисповѣданій считалось:

Греко-Уніатовъ.....	439,272	д.
Православныхъ.....	43	»
Протестантовъ Аугсбург. исп. .	2,559	»
» Гельветич. »	145,580	»
Евреевъ.....	55,168	»

²⁸ См. Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Crisiensis pro anno 1859. Zagrabiae.

Для показанія увеличенія и уменьшенія числа различныхъ Вѣроисповѣданій, представимъ таблицу населенія Сатмарской діецезіи:

	Римо-католическ. приходъ.	Д у ш ь о б о е г о п о л а .					Евреевъ.
		Греко-Уніатовъ	Право-славныхъ	Римо-католиковъ.	Протестантовъ.		
					Аусбург. исповѣд.	Гельвет. исповѣд.	
Въ 1831 г.	73	352,099	49	78,329	1,514	152,253	26,292
Въ 1835 г.	76	369,353	38	80,926	1,680	140,421	26,532
Въ 1870 г.	79	439,272	43	106,047	2,559	145,580	65,168

Кошицкая Католическая діецезія занимаетъ Абауйварскій, Шаришскій и Земненскій комитаты. Въ 1871 г. въ ней насчитывалось 449 костеловъ; при нихъ 294 мірскихъ ксендза и 294,268 д. Католиковъ. Въ 12 кляшторахъ мужскихъ и женскихъ содержалось 98 монаховъ и монахинь.

Кромѣ того въ этой діецезіи другихъ Вѣроисповѣданій находилось:

Греко-Уніатовъ.....	151,024 д.
Православныхъ.....	55 »
Протест. Аусбург. Исповѣд. ..	27,522 »
» Гельвет. » ..	85,097 »
и Евреевъ.....	55,223 »

Для сравненія увеличенія и уменьшенія числа разныхъ Вѣроисповѣданій, за недостаткомъ другихъ источниковъ, можетъ послужить эта таблица.

Въ Кошицкой (Kaschauer) Римо-Католической діецезіи было:

	Римо-католическ. приходъ.	Д у ш ь о б о е г о п о л а .					Евреевъ.
		Греко-Уніатовъ	Право-славныхъ	Римо-Католиковъ.	Протестантовъ.		
					Аусбург. Исповѣд.	Гельвет. Исповѣд.	
Въ 1839 г. .	191	130,000	2,53	284,042	29,910	90,128	28,768
Въ 1871 г. .	197	151,024	58	294,268	27,522	85,097	55,223

Изъ этихъ перечней видно, что число Католиковъ и Евреевъ значительно увеличивается, а число Православныхъ и Протестантовъ уменьшается.²⁹

Наконецъ сложимъ итоги всѣхъ жителей Русской народности въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угрии, и получимъ слѣдующую сумму:

Въ Львовской Епархіи (1872 г.).....	1,515,688	душъ.
» Перемышльской.....	819,675	»

Итого въ Галичинѣ и Буков. (Уніатовъ).. 2,335,363 души.

Въ Мукачевской Епархіи.....	317,625	душъ.
» Пряшевской.....	146,275	»
» Велико-Варадской....	5,000	»
» Крижевецкой.....	7,660	»

Итого въ Угрии (Уніатовъ). 476,560 душъ.

Въ Черновецкой Епархіи (Правосл.).... 208,000 душъ.

Раскольниковъ Русскихъ..... 3,000 »

Сумма народонаселенія Русской народности
въ Австріи..... 3,022,723 души.

Распределение народонаселенія по происхожденію и народности представляетъ неимоверныя затрудненія. Ни границы населенія, ни число народа, не дадутъ никакимъ образомъ обозначиться со всею точностію. Въ этомъ отношеніи всѣ этнографы и статистики находятъ непреодолимыя трудности. Самъ Баронъ Чернигъ жалуется, что, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и средствахъ, онъ не былъ въ состояніи одолѣть эти трудности. Даже Правительственные органы иногда не давали ему совершенно вѣрнаго исчисленія.³⁰ Въ самомъ дѣлѣ, Чиновники, увлекаясь Польскимъ и Мадыарскимъ патриотизмомъ, или Католическимъ фанатизмомъ, очень часто, въ своихъ официальныхъ

²⁹ См. Schematismus almae dioecesis Szathmariensis ad annum 1870 Szathmarini.— Schematismus venerabilis cleri dioecesis Cassoviensis ad annum Jesu Christi 1871. Cassoviae.

³⁰ K. Czorning, Ethnographie des österreichischen Kaiserthums. Wien, 1855, т. I, стр. VII.

показаніяхъ, уменьшаютъ число Русскихъ. Зная по опыту невѣрность статистическихъ показаній Правительственныхъ органовъ на счетъ Русскаго населенія, мы опираемся на наши собственные наблюденія и соображенія и придерживаемся болѣе точныхъ показаній духовныхъ вѣдомствъ. Они кажутся намъ болѣе вѣрными. У каждаго приходскаго Священника находятся, кромѣ метрическихъ книгъ, списки: всѣхъ живущихъ въ приходѣ душъ (*Status animarum*), которые при всякой надобности, пополняются и исправляются и изъ которыхъ Священники представляютъ въ свои Консисторіи ежегодные отчеты. Въ Угорскихъ Епархіяхъ показывается при каждомъ приходѣ и языкъ, употребляемый народомъ въ извѣстной мѣстности, т. е., обозначено на какомъ языкѣ Священникъ говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей и обращается къ своимъ прихожанамъ. Это самый лучший оселокъ народности. Что касается Галичины, то можно положительно утверждать, что почти всѣ Уніаты по происхожденію Русскіе. Напротивъ того, можно дѣломъ доказать, что многіе природные Руссы въ Галичинѣ и въ Угріи, въ разныя времена перешедши въ Католичество, стали причисляться къ Польской, или Мадыарской, народности. Если этихъ отщепенцевъ вычестъ изъ числа Поляковъ, Мадыаръ и Румынъ, то общее количество Русскихъ (по происхожденію) увеличится болѣе чѣмъ на 400,000; такимъ образомъ народонаселенія Русскаго въ Австріи было бы $3\frac{1}{2}$ милліона, а можетъ быть и 4 милліона.

III.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Галичина.

Изъ эпохи классической древности мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о населеніи Карпатскаго погорья и прилежащихъ странъ. Этнологія была у древнихъ Грековъ и Римлянъ въ большомъ пренебреженіи; сказанія ихъ писателей о чужихъ странахъ и населяющихъ оныя народахъ весьма сбивчивы, запутаны и неточны. Отецъ исторіи, Геродотъ, пишетъ, что р. Днѣстръ вытекаетъ изъ большаго озера, которое находится на границѣ Скиѳіи и земли Невровъ.¹ Онъ же помѣщаетъ гдѣ-то на притокахъ горнаго Днѣстра народъ, называемый Гализонами, въ названіи которыхъ иные смѣлые ученые хотятъ находить прототипъ Галича и Галичанъ (?). Отъ другихъ писателей древности мы узнаемъ, что во время Александра Македонскаго, гдѣ-то у источниковъ Днѣстра, жили Бастарны и Певкины, народы Кельтскаго, или Нѣмецкаго, племени, занимая: первые, восточную, вторые западную часть покатости Карпатскаго погорья, На югъ Карпаты, у источниковъ Тисы, обитали Агатирсы. Во время Императора Августа Бастарны двинулись въ западные Карпаты, Певкины отступили къ сѣверу, а на югъ отъ Бастарновъ Сарматское племя Языговъ заняло равнины между Дунаемъ и Тисою. Сверхъ того, издревле жилъ въ Карпатскихъ горахъ народъ Карпіоны или Карпы, отъ которыхъ будто бы происходитъ и названіе Карпаты. Однако же, по дошедшимъ до насъ даннымъ, нельзя опредѣлить, кто были именно эти Гализоны, Невры, Бастарны, Певкины, Карпіоны, Языги, Бессы, Даки и другіе предполагаемые обитатели Карпатскаго погорья и прилежащихъ странъ.

Не менѣе сбивчивы и запутаны отрывочныя показанія древнѣй-

¹ Herodot., Parisiis, 1858, l. IV, cap. 51, стр. 198.

шихъ средневѣковыхъ хронографовъ о народахъ восточной Европы, въ особенности Прикарпатскихъ странъ. Трудно опредѣлить, на сколько во время, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ были затронуты Карпатскія горы шествіемъ Готовъ, Гепидовъ, Гунновъ, Аваровъ и другихъ народовъ, и сколько слѣдовъ они оставили въ населеніи прилежащихъ земель. Послѣ передвиженія Нѣмецкихъ племенъ на западъ и югъ, въ исторіи являются Славяне, сначала подъ именемъ Венетовъ и Антоувъ, а послѣ подъ именемъ Славянъ. На сѣверной сторонѣ Карпатъ уже съ пятого столѣтія упоминается о народѣ, называемомъ Хорватами, и о землѣ ихъ, Бѣлой или Великой Хорватіи, въ которой Константинъ Багрянородный полагаетъ область, называемую туземцами Бойки. Опредѣляя заселеніе восточной Европы, Несторъ даетъ намъ положительныя свѣдѣнія о населеніи Прикарпатскаго края Славянами: онъ находитъ въ этихъ земляхъ тѣхъ же Хорватовъ. Такимъ образомъ, хотя и нельзя съ достовѣрностью доказать, къ какому именно племени принадлежали въ древности первые обитатели Прикарпатскихъ земель, но поселенія Славянъ въ нихъ столь древни, что ихъ можно считать первобытными жителями края. Всѣ мѣстныя названія Карпатскаго догорья и близлежащихъ странъ вполне Славянскія (Русскія). Всѣ населенныя мѣста, рѣки и горы, ручьи и холмы, ключи и естественныя урочища, поля и луга, словомъ, все дышитъ и звучитъ чистымъ Славянствомъ. Ирѣлка можно найти названіе, указывающее на временное преобладаніе чуждыхъ племенъ.

Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ древнѣйшихъ временъ разныя племена, въ передвиженіи своемъ съ востока на западъ, останавливались у сѣвернаго подножья Карпатъ, а разбитые въ междоусобныхъ браняхъ остатки народовъ спасались и находили удобный пріютъ въ Карпатскихъ ущельяхъ. Соляныя источники, столь изобильно бьющія на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ, въ нынѣшней Галичинѣ, и безъ труда доставлявшіе соль, вѣроятно, еще съ давнихъ временъ привлекали къ себѣ жителей, которые, поселившись здѣсь, дорожили этимъ даромъ природы, одинаково необходимымъ для дикаго кочевника и для болѣе образованнаго земледѣльца и торговца. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этой странѣ пребывали въ древнее время и Чудскія, и Кельтскія, и Нѣмецкія племена, и всѣ они оставили послѣ себя слѣды своего прежняго быта. До сихъ поръ возвышаются по всей Под-

карпатской странѣ многочисленные курганы и насыпи, скрывая внутри себя еще не изслѣдованные памятники старины.² Но во всякомъ случаѣ это было въ столь отдаленное время, что въ этническомъ отношеніи никакихъ слѣдовъ не осталось ни въ жизни, ни въ быту, ни въ типѣ, ни въ одеждѣ, ни въ языкѣ, ни даже въ преданіяхъ нынѣшняго населенія.

Со времени образованія Славянскихъ Государствъ, Великоморавскаго, Польскаго и Русскаго, Карпатское погорье уже постоянно занято было Славянскимъ народонаселеніемъ, которому не помѣшала во владѣніи землей ни переходъ Угровъ или Мадьяръ возлѣ Кіева (884 г.), ни послѣдовавшее за тѣмъ завоеваніе ими Великоморавскаго Княжества (899—907 гг.). Съ этой поры въ Карпатскихъ горахъ соприкасались политическія границы трехъ Государствъ—Польши, Угріи и Руси, но народъ Славянской занималъ свои прежнія поселенія. Онъ долженъ былъ уступить кочевникамъ Мадьярамъ только Приднѣпровскія и Придунайскія степи.³ Впрочемъ, есть доказательства, что

² Объ изслѣдованіи памятниковъ Русской Старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ. Труды перматі Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1869, т. 1, стр. 249.

³ Въ сказаніяхъ Угорскихъ летописцевъ, Анонима Нотарія Бельи и Симона Кезы, основанныхъ на мѣстныхъ преданіяхъ, находятся намекы на дорогу, куда впервые пробралась толпа завоевателей Мадьяръ въ Угрію. Анонимъ говоритъ, что Князь Галиційскій далъ Уграмъ 2,000 лучниковъ и 3,000 мужиковъ, которые показывали имъ дорогу чрезъ Говодскій лѣсъ до перехода на рѣку Хунгъ: «*Quo milia sagittarum et tria milia rusticorum anteire praesepit, qui eis per silvam Novos viam praepararent.*» Anonym., *Gesta Hungarorum*). Это описаніе можно скорѣе отнести къ нашествію Батыя, которому Намѣстникъ Князя Давида, Димитрій, далъ спутниковъ въ походѣ на Угрію. Хвастливый Мадьяръ приписалъ ту же честь Арпаду и его дружинѣ. Но въ именованіи «*silva Novos*» можно подразумѣвать мѣстность Гошовъ, откуда происходитъ многочисленная Галицко-Русская шляхта—Гошовскіе. Названія *Novos* (Говошь) вѣтъ въ Галичинѣ; оно, очевидно, звучитъ по Мадьярски, но всѣмъ извѣстны въ Стрыйскомъ Уѣздѣ Гошовскій лѣсъ и Гошовская утесистая гора надъ р. Свѣчей, на которой до сихъ поръ стоитъ Гошовскій Преображенскій монастырь. Не менѣе замѣчательно выраженіе Симона Кезы (*Sim. de Kesa Gesta Hungarum et Hungarorum*): «*Arapadum gentem sua Ruthenorum Alpes prior perforavit*», т. е., Арпадъ съ своимъ народомъ первый прошелъ ущелья Русскихъ подонныхъ (горъ). Слѣдовательно, въ XIII столѣтіи Угры называли Карпаты

первоначальныя границы этихъ Государствъ не были на самомъ хребтѣ Карпатъ, а у южной подошвы Карпатскаго погорья. Безыменный Нотарій Короля Белы пишетъ, что Король Стефанъ заключилъ договоръ съ владѣтелемъ Польскимъ на счетъ границъ, проводя линію отъ города Острохолма (Слав. Ostrihom, Лат. Strigoniim, Нѣм. Gran) и Ягра (Erlau) къ р. Тисѣ, послѣ по р. Теплѣ къ городу Слану (Soóvár) вслѣдъ Пришева, и здѣсь они положили границы между Мадьярщиной Польшею и Русью. *

И такъ, можно положительно сказать, что вся Подкарпатская страна и Карпатское погорье заселены были съ доисторическихъ времянь племенами Славянскими. Отсюда, вѣроятно, вышли (810—841 гг.) Сербы и Хорваты, а, можетъ быть, и Чехи, и заселили нынѣ занимаемыя ими земли; здѣсь полагалъ еще Несторъ Хорватовъ, а въ сосѣдствѣ съ ними—другія Славянскія племена: Бужанъ, Дульбовъ, Древланъ, Тиверцевъ, Угличей. Съ самого основанія Русскаго Государства владѣли всею этою землею Русскіе. Князья Рюрикова дома: они завели здѣсь Русское управленіе и Русскій гражданскій бытъ. Уже въ XI столѣтіи власть Рюриклавичей утвърдилась на Карпатскомъ погорьѣ до того, что одинъ изъ нихъ, Василько Тербовльскій, могъ носиться съ мыслію завоевать Польшу и мечталъ о дальнихъ походахъ и войнахъ съ Дунайскими Болгарами и о побѣдахъ надъ Половцами: «Реку» (говорилъ Василько) брату своему, Володареву и Давыду: дайта ми дружину свою молодшую, а сама пійта и весели-

Русскими горѣми (Alpes Ruthenorum), а Русскіе писатели, на оборотъ,—горѣми Угорскими.

* «Stephanus ad avunculum suum Mieszkonem (должно быть: Boleslaum), ducem Poloniae, transmisit rogans ipsum, ut in terminis Poloniae et Hungariae conveniret,—ante Strigoniam venit in terminis Poloniae et Hungariae tentoria fixit, deinde Magriensem civitatem (Agris, Erlau) nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur. Deinde Magriensem (rum. in Agriensem) civitatem ibant in fluvium, qui Tissia nominatur, cadentes juxta fluvium, qui Cepla (Topla) nuncupatur usque ad castrum Salis (Soóvár), ibique inter Hungaros, Ruthenos et Polonos fines dabant.» (Anonymus Belae regis notarius). Слѣдовательно, современникъ Короля Стефана (997—1038), Владимиръ Великій, занялъ у Ляховъ не только Червенскіе города (какъ пишетъ Несторъ), но всю Закарпатскую страну по м. Солоную (Slana, Soóvár, Salzburg, castrum Salis), рѣку Теплу (притокъ Ондавы) и Тису. Такимъ образомъ, на основаніи сказанія Безыменнаго вышѣшняго Угорская Русь можетъ считаться достояніемъ Владимира Святаго.

тася; и помыслихъ на землю Лядскую; и на вилу: и на лето, и возму землю Лядскую; и мѣсто Русьскую землю; и по семь хотѣхъ есмь перейти Болгары Дунайскыѣ и посадити я у себе; и по семь хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимира или на Половци, да любу нагвзу собѣ славу, а любу голову свою сложю за Русьскую землю... Но за мое възнесеніе нивложи мѣ Богъ и семир.⁵ Несчастное ослѣпленіе Василька воспрепятствовало ему исполнить эти высокоумные планы богатырской души; но слова, столь искренно исповѣданныя Василькомъ, живописно представляютъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась въ то время Подкарпатская Русь, и какъ сильно было Государство Василька, когда онъ считалъ возможнымъ, безъ помощи другихъ Князей, совершить столь важныя дѣла.

Въ то время, когда въ вѣнѣшней средней Россіи жили еще инородцы, среди которыхъ только что водворилась Русская жизнь, въ Перемышль, Ярославль, Теремовль, Галичь, Бельвь, Бужокъ, Звѣнгородъ и другихъ городахъ⁶ давно уже кипѣла Русская жизнь процвѣтала Русская гражданственность и развивалась Русская образованность.

Здѣсь, по сказаніямъ летописей, прославились имена знаменитыхъ въ исторіи: Володаря, Владимірка и Василька; здѣсь было главное поприще дѣятельности Романа, Данила, Льва. Здѣсь, въ Галицкомъ замкѣ, высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ на своемъ златокованномъ столѣ, подперши своими желѣзными полками горы Угорскія (до сихъ поръ видѣющіяся изъ развалинъ Галицкой крѣпости); отсюда онъ затворялъ врата Дунаю, суды ридилъ до Дуная и стрѣдалъ съ огня злата стола Салтаны за землями.⁷ Здѣсь Романъ Мстиславичъ принималъ Греческаго Императора и съ гордою ованкой указывалъ Папскимъ Посламъ на свой мечъ при бедрѣ, которыми онъ побѣждалъ своихъ враговъ.

⁵ Летопись по Лаврентьевск. списку. Сиб. 1872, стр. 256.

⁶ Извѣстно, что города Северо-Восточной Руси: Владиміръ, Перемышль, Галичь, Ярославль, Звѣнгородъ и др. названы въ память нашихъ воиновъ (Галичанъ) гороловъ, какъ обыкновенно въ колоніяхъ поселенцами дается имена первоначальнаго ихъ отечества.

⁷ Слово о полку Игоревѣ.

Отсюда, наконецъ, выплыло, влодь по Днѣстру, на тысячь лодяхъ, Русское воинство, столь храбро сражавшееся, вмѣстѣ съ своимъ юнымъ Княземъ, Даниломъ Романовичемъ; въ несчастной битвѣ при Калкѣ. ⁸ Отсюда же выступилъ тотъ же Князь Даниль съ своими блестящими полками на помощь Угорскому Королю Белъ IV, выѣзжая на своей красивой лошади, по обычаю Русскому, въ золотой збруѣ, которой удивлялись Нѣмцы, и самъ Король приходилъ въ восторгъ отъ того, что Даниль явился во всемъ блескѣ обычаемъ Русскимъ отцевъ своихъ; ⁹ словомъ, здѣсь была вполнѣ разцвѣтшая жизнь могущественнаго Русскаго Государства. И до сихъ поръ остались Галицко-Русскіе города и мѣстечка (хотя, впрочемъ, въ нѣмной видѣ), и большая часть мѣстностей и рѣкъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, сохранила, по преданію вѣрнаго своей народности люда, Старо-Русскія названія. ¹⁰

За исключеніемъ нашествія Батыя, передъ несмѣтными полчищами котораго народъ опростелъ бѣжалъ изъ разоренныхъ странъ, утѣсняясь въ горы и за Бескиды, ¹¹ а также исключивъ раззорительные походы Ногай и Телубуги въ Угрію и Польшу, ¹² до половины XIV столѣтія не замѣчаемъ никакого передвиженія племенъ или большаго мереселенія народа въ Прикарпатскихъ краяхъ, кромѣ незначительныхъ поселеній военнопленныхъ, или добровольныхъ колоній.

Нашествіе Татаръ въ Галицкую Русь и разореніе ими всей Прикарпатской страны нанесло, однако, глубокую рану народному быту Русскому, и эти раззоренія были тѣмъ губительнѣе, что повторялись періодически почти до новѣйшихъ временъ. Въ народныхъ

⁸ Объ изслѣдованіи намятниковъ Русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, стр. 7.

⁹ «Данилю приде къ нему (Королю), исполчи вси кони свои. бѣша бо кони въ личинахъ и въ копытахъ кожанныхъ, и люде во кричѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающа. Самъ же (Даниль) ѣха подѣ Короля, по обычаю Русску: бѣ бо конь подѣ нимъ дваленію подобенъ, и сѣдло злата жьжена, и стрѣлы, и сабля златомъ украшена.» Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, стр. 187.

¹⁰ Объ изслѣд. пам. Русск. старины, стр. 8.

¹¹ Ипат. лѣт., стр. 178.

¹² Тамъ же, стр. 211 и 214.

пѣсняхъ остались воспоминаія объ этихъ нападеніяхъ Татаръ и Турокъ.

Послѣ смерти Галицкаго Князя, Юрія II Львовича, и послѣ прекращенія Княжескаго рода по прямой линіи, Галицкій престолъ занялъ Мазовецкій Князь, Болеславъ Тройденовичъ, сынъ Маріи, старшей сестры Юрія. Крещенный и воспитанный своею матерью въ Православіи, и только въ 1329 г. совращенный въ Католичество, Болеславъ круто обращался съ Русью и дѣлалъ насилія ихъ Православною Вѣрѣ; по этой причинѣ онъ и былъ отравленъ, по сказаніямъ Поляковъ, и умеръ отъ яда. Въ слѣдъ за тѣмъ Король Польскій, Казимиръ, подъ предлогомъ родства съ Княземъ Русскимъ и по праву сильнѣйшаго, завладалъ землей. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIV вѣка кончилась самостоятельность Галицко-Русскаго Княжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая исторія самостоятельной Галицкой Руси. Едва Казимиръ успѣлъ занять Галичину, какъ загорѣлась жестокая борьба между Польшей и Литвой, Князя которой, на основаніи родства съ Русскими Князьями, помогали Червонной Руси, Польска, Волыни и Подола (Любартъ-Димитрій-Гедиминовичъ, будучи женатъ на Галицкой Княжнѣ, дочери Юрія II, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ). Литовцы, въ соединеніи съ Татарами, опустошали нынѣшнюю Восточную Галицію по рр. Сянь и Днѣстръ. Послѣ смерти Казимира (1370 г.), во время владѣнія Князя Владимира Опольскаго (по 1379 г.), Людовика Угорскаго и его дочери, Маріи (по 1386 г.), продолжалась та же борьба за Русскія земли между Польшей и Литовскими Князьями, которые, принадлежа къ Православному Вѣроисповѣданію и питая наклонность въ Русской народности, всегда находили сочувствіе и поддержку къ Галицкой Руси. Послѣ женитбы Ягайла-Владислава и соединенія Польши и Литвы унялась на время война, но вскорѣ братья Ягайловы, особенно Свидригайло, поддерживая желанія Литвы и Руси отрѣшиться отъ Польши, началъ новую войну съ Короной. Свидригайлу помогали Татары и Русь въ Галичинѣ, Волыни и Подолѣ. Между тѣмъ (1432 г.) Поляки успѣли превратить бывшее Галицко-Русское Княжество въ Польскую область, назвавъ ее Воеводствомъ Русскимъ или Червонною Русью (Russia Rubra). Когда же Турки взяли крѣпости Кияю и Бѣлгородъ (Аккерманъ), а Крымскіе Татары (1475 г.) отдались въ ихъ покровительство, тогда нападенія Турокъ и Татаръ стали повторяться еще

чаще, губя несчастную страну, которая доведена была до крайняго объединенія. ¹³

Русь терпѣла, впрочемъ, не только отъ нападений Татаръ, Турокъ и другихъ непріятелей, но въ разнузданной Польшѣ собравшееся посполитое рушенъе (ополчение) не рѣдко бросалось на спокойныхъ жителей и грабило страну не хуже непріятеля, какъ это сознаютъ самые Польскіе историки. ¹⁴ Бывало, покуда соберется Польское войско, Татары давно ушли съ плѣнниками и добычей. По причинѣ этого нерадѣнія о земляхъ Русскихъ, приписываемаго Королю, послѣ нападений Татарскихъ, безнаказанно опустошавшихъ Подолю и Галичину въ 1448, 1450, 1457, 1469 и 1474 годахъ, эта Польская неурядица надобля всѣмъ до того, что представители Русскаго Дворянства, не смотря на обещанныя шляхетскія свободы, угрожали избрать себѣ другого Государя. ¹⁵

Съ самаго начала Польскіе Короли обѣщали соблюдать права Руси, но они никогда не сдерживали своего слова. Казимиръ Великій обѣщаль не стѣснять Православнаго вѣроисповѣданія, но уже въ 1370 году, въ грамотѣ своей къ Патріярху Цареградскому, угрожалъ крестить Русь въ Латинство. ¹⁶ Въ слѣдствіе ностановленія на сеймѣ

¹³ «Causa fuit et ridiculosa onerosaque terrarum Russiae ad medietalia Poloniae ingressus. Pluribus enim hebdomadis in locis variis Podoliae stativa habentes proprios turbabant et devorabant.» Дугошъ, кн. XIII, стр. 531, 532.

¹⁴ «Tatari, praeda apud Taurica deposita, mense Julio iterum immani excursionе easdem regiones divexerant. Quibus incommodis et conditiis hominum res motus, nobilitati omni polona arma sumere et apud Sandomiriam celeriter sibi praesto jussa, ipse Cracovia relicta eodem sese contulit. Dum aegre moliantur convenient nostri, hostes praeda onusti ad sua se recepere. Quo cognito nostri quoque dilapsi sunt, cum non multo minore, quam hostes, damno et incommodo Sandomiriensem tractum affecissent, praeter quod abigendis tamen et trucidandis hominibus abstinuere.» Кромеръ, кн. XIII, стр. 439.

¹⁵ «Regio Podoliae et Russiae, justa forsitan efferrens rabie, ut niteretur sibi de alto principe provideri, videntes se non solum ope, sed omni spe destitutos.» Дугошъ подъ 1475 годомъ, кн. XIII, стр. 532. Не знаемъ, на какомъ основаніи Г. Кулишъ пишетъ, что въ продолженіи 30 лѣтъ существовалъ мирный союзъ Татаръ съ Польшей, и что въ XV столѣтіи имъ воевать было не за что. См. Вѣстникъ Европы 1874 г., Мартъ, стр. 19.

¹⁶ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, edid. Jos. Muller et Fr. Miklosich, Vindobonae, 1860, t. I, стр. 577, 578.

въ Корчинѣ 1456 г., Казимиръ Ягайловецъ издалъ особыя привилегіи для Воеводствъ Русскаго и Подольскаго, а въ 1462 г. и для Белзскаго, но этими привилегіями могли пользоваться только Католики (то есть, пришельцы Поляки да совращенные Русскіе), такъ какъ еще Ягайло - Владиславъ исключилъ изъ шляхетскихъ привилегіи Православную Русь. По этой причинѣ знатныя и доходныя достоинства Воеводъ, Каштеляновъ, Старостъ, Войтовъ (Бургомистровъ) раздаваемы были исключительно Католикамъ, и они же имѣли голосъ и верхъ на сеймахъ и въ Королевскомъ Сенатѣ. Русскіе Князья, Бояре, Дворяне, всегда и вездѣ были оскорбляемы. Русское духовенство (*propones ruthenicales*) должно было платить, наравнѣ съ другими жителями (не шляхтой), налоги (*fertones*), и то съ души, а не съ земли, какъ другія податныя сословія, между тѣмъ какъ Римо-Католическое духовенство освобождено было отъ государственныхъ налоговъ, за исключеніемъ подымнаго (съ своихъ подданныхъ).¹⁷

Совращенные въ Католичество Бояре Кордеевичи, Ходоровскіе, Мошенчичи, Цебровскіе, Ключы и др., строили на Русской землѣ костелы и кляшторы для Католиковъ, и надѣляли ихъ богатыми фундами, а свои церкви и монастыри предоставляли нищетѣ и разоренію. Сверхъ того, Польскіе помѣщики облагали Русское духовенство тяжкими налогами, присвоивали себѣ юрисдикцію надъ ними, насильно забирали ихъ дворща (усадьбы) и прогоняли ихъ. Уже въ 1497 году Перемышльскій Епископъ, Іоанникій, подалъ жалобу Королю Альбрехту, что Перемышльскіе Старосты при судебныхъ разбирательствахъ съ Католиками не принимаютъ свидѣтельства Русскихъ и считаютъ его недѣйствительнымъ, и что Старосты принуждаютъ Русскихъ праздновать Латинскіе праздники.¹⁸

Со времени завоеванія Галицкой Руси Поляками начался политическій и религіозный гнетъ и продолжался почти 500 лѣтъ. Нужно замѣтить, что въ Галичинѣ раньше началось угнетеніе Русской народности, чѣмъ въ смежныхъ областяхъ, доставшихся Литовскимъ Князьямъ, и Польское это всею сильнѣе давило Галичанъ. Король,

¹⁷ Statuta novae civitatis Korczynensis, годъ 1456 г.; Долгола Codex Diplomaticus, t. VIII.

¹⁸ И. Шафаревичъ, Rys wewętrznych stosunków Galicji wschodniej w drugiej połowie XV wieku. Lwów, 1869, стр. 108, 116.

именовавши себя Господаремъ (то есть, Государемъ) и наследственнымъ владѣтелемъ Руси (*dominus et haeres Russiae*), распоряжался безъ стѣсненія въ Галичинѣ, тогда какъ въ Литовскихъ земляхъ онъ долженъ былъ соблюдать условленные законы. Уже въ XV столѣтіи Польскіе Короли поручили управление Червонною Русью извѣстнымъ фамиліямъ Одровонжовъ, Бучацкихъ, Ходечовъ, которые управляли самовластно, такъ называемымъ, Воеводствомъ Русскимъ. Изъ рода Одровонжовъ были Воеводами Петръ, а съ 1450 г. сынъ его, Андрей, и современно съ ними двое другихъ изъ того же рода занимали высшія степени Латинской Іерархіи: Іоаннъ Одровонжъ былъ Архіепископомъ Львовскимъ и Николай — Епископомъ Перемышльскимъ. Деспотическое правленіе Одровонжовъ довело Русскихъ до крайности, и, собранное во Львовѣ, земство умоляло Короля, Казимира Ягайловца дать имъ другого начальника края. Земляне согласились на особую контрибуцію по фертонѣ ($\frac{1}{4}$ гривны) и по волу съ лана¹⁹ и на уплату Королевскаго долга Одровонжу, чтобы только освободить родную страну отъ ненавистнаго Правителя. Послѣ того Галицкій Староста, Станиславъ Ходечъ, отдалъ Галицкую Епархію мірскому челоуѣку, Роману изъ Осталовичъ, который не только управлялъ Крїтосскимъ монастыремъ и принадлежавшими ему имѣніями, но присвоилъ себѣ и судебную власть надъ Православнымъ духовенствомъ, собиралъ съ Священниковъ подати, рѣшалъ брачныя споры и даже расторгалъ супружества, самовластно дозволяя разведеннымъ вступать въ новый бракъ.

Такимъ образомъ Правительство имѣло громадное вліяніе на общественную жизнь Галицкой Руси. Польскіе Короли, жаждая имѣні-

¹⁸ По этому повелю собраны съ Руси 20,000 головъ золота и значительная сумма денегъ, и все отдано Одровонжамъ. См. Длугошъ подлѣ 1465 г., XIII, стр. 346.

¹⁹ Ужель въ 1467 г. Воевода Петръ Одровонжъ разрѣшилъ супружество между Ивоніемъ Ходороставскимъ изъ Бортники съ Феодотіей Русскою, дочерію Семьи Лопашна изъ Осталовичъ, его законною женою: «Fedka Ruthena, ux r legitima Petri de Bortnik, filia nobilis Syenkonis Lopacz, de Ostalowice», и далъ ему право жениться на другой, еѣ же выйдя замужъ за другого. Это рѣшеніе, конечно, дѣлалось противъ воли законовъ церковныхъ и гражданскихъ. Acta castrensia Leopoldi. I. II, стр. 1119. Шараневичъ, Рус. wehrrechtlichc stosunków Galicyi, стр. 25.

ями своихъ приближенныхъ людей (Поляковъ Католиковъ), давали имъ и судебную власть надъ мѣстными жителями, и почти неограниченную власть не только надъ крестьянами, но и надъ свободными владѣльцами Русскими Православными, ²¹ откуда, безъ всякаго сомнѣнія, происходилъ главный источникъ политическаго и религіознаго гнета. Помѣщикъ судилъ, присуждалъ и казилъ крестьянина въ уголовныхъ дѣлахъ безъ всякаго обжалованія. ²² Прибавимъ къ этому, что въ городахъ и мѣстечкахъ Рускіе Православные, считаемыя у Поляковъ иновѣрцами, исключены были изъ всѣхъ правъ, свободъ и льготъ права Магдебургскаго, которое столь щедро раздавалось не только городамъ и мѣстечкамъ, но даже нѣкоторымъ селамъ, съ устраненіемъ древнихъ Русскихъ правъ и обычаевъ. ²³ Теперь понятно, что Магдебургское право, даваемое пришельцамъ, подавило сословіе Русскихъ гражданъ.

Пока, впрочемъ, шляхта Русская, конституціей въ Едльнѣ 1432 года, не была уравнена въ правахъ съ Коронною шляхтой, и до признанія Вислицкаго Статута обязательнымъ для Червонной Руси (на земскомъ съѣздѣ въ Красноставѣ 1477 г.), помѣщики Русской земли должны были, по Русскому праву, отбывать земскія повинности и обязанности въ отношеніи къ Королю, и платить налоги. Послѣ же

²¹ Въ привилегіи Ягайла братьямъ Горайскимъ съ 1388 г. эта власть названа «directa et absoluta jurisdictio super vasallos districtus ejusdem», то есть, Щебрешинскаго Уѣзда Люблинской Губерніи. Баляинскій и Липинскій, *Starożytna Polska*, Warsz. 1844, т. II, стр. 810.

²² Жалованная грамота Казимира Великаго съ 1364 г. Голуховскому на село Дмитровичи, въ которой говорится: «Kmetiones vero ipsius coram nullo, nisi coram suo domino et haerede, cui damus causas criminales audiendi, judicandi et pro ipsius criminibus culpabiles et demeritos sententiandi, condemnandi, puniendi.» *Dodatek do Gazety Lwowskiej* 1852, № 30.

²³ Въ привилегіи Ягайла съ 1433, данной деревни Титовичи на Магдебургское право, говорится: «Ut autem dicta villa Tytowicze eo citius hominum abundantia collocari possit, ipsam de jure Polonico et Ruthenico et quovis alio in jus Theutonicum, quod Magdeburgense dicitur, transferimus perpetuo duraturum... Eximius insuper absolvimus et perpetuo liberamus omnes cmetiones et quosvis dictae villae catholicos tantum, schismaticis et Ruthenis omnino exclusis et exceptis, qui eorum jure Theutonico uti debent et gaudere.» См. А. Стадницкаго: *O kniaztwach we wsiach Wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach, na Magdeburskiem prawie osadzonych. We Lwowie, 1853, стр. 4.*

уравненія правъ и привилегій вся тяжесть пала на крестьянъ. Съ тѣхъ поръ все права Государя надъ крестьянами перешли на помѣщика (шляхтича): онъ получилъ право налагать новые налоги земными плодами и даже деньгами. Съ того времени заведена подушная подать съ крестьянъ (*głowne, rogłowne*), при сохраненіи и прежнихъ налоговъ, и крестьяне обязаны были уплачивать праздничное, се-ребяцину, куницы, дякло, давать куры, яицы, каплуны, ссыпы ржи и овса, десятину, работать съ серпомъ, косой и проч.

Въ слѣдствіе замѣны Русскаго права правомъ Польскимъ потеряли свободныя сословія Русскія: Бояре, бортники, дяки, которые издревле подвластны были одному Князю и еще при Казимирѣ Великому причислялись къ свободнымъ сословіямъ (наравнѣ съ шляхтой). Какое почетное значеніе имѣли Бояре въ древней Руси, извѣстно. Поляки, лишивъ ихъ прежнихъ имуществъ, раздѣлили Бояръ на три сословія: Бояре панцырные, путные и служки (*serwitores*), и подорвали всѣмъ права и льготы. Дяки были грамотные люди, которые, вѣроятно, исполняли должность писарей, или помощниковъ при разныхъ вѣдомствахъ. Они подписывались свидѣтелями на грамотахъ наравнѣ съ Помѣщиками, Боярами, Священниками и бортниками; нѣкоторые изъ нихъ получали надѣлы имѣнія и отбывали военную повинность. Сословіе бортниковъ совсѣмъ было подавлено, ихъ угоды присвоили себѣ помѣщики. Прежніе владѣльцы земель и свободныхъ усадебъ (дворищъ)—Бояре, бортники, Дяки—превращены въ дворовыхъ людей, или закабалены въ крѣпостныхъ крестьянъ; даже Священники, служители церкви, сидящіе на барской землѣ, принуждаемы были исполнять крестьянскія повинности. Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ Русскіе Православные должны были давать Католическимъ Ксендзамъ десятины, или ссыпы ржи и овса (*meszne*) и платить имъ подати, праздничное и пр. ²⁴ Иногда земли съ посе-

²⁴ Учредит. грамота Католич. прихода въ с. Бѣлка съ 1454 г. «*Mensuale et clericale juxta consuetudinem aliarum villarum in terra Russiae, in jus Teutonicum locatarum, ab incolis praedictae villae universis, sexus utriusque solvi.*» Такая же грамота на приходъ въ с. Руми съ 1473 г.: «*Ita omnes Rutheni in eadem villa nostra (Rumno), qui nobis singulis annis debent langwyczne, alias praznyczne... tenebantur dare annuatim truncum saliginis et truncum avenae, uti alii kmethones nostri in villa praefata nostra.*» Тоже грамота на приходъ въ Литвиновѣ съ 1476 года: «*Item omnes, qui carent agris, tam Poloni, quam Rutheni, ad quodlibet quartale duos*

лившимися на нихъ крестьянами отдаваемы были въ пожизненное владѣніе Евреямъ, съ предоставленіемъ имъ полной свободы распоряжаться угодьями крестьянъ.²⁵

Живыя воспоминанія о благихъ свободныхъ временахъ древней Руси сохранились въ народной поэзіи:

«Добре було нашимъ батькамъ за давнихъ лѣтъ жити,
Доки не звали наши батьки панщины робити.»

Народныя пѣсни, особенно обрядовыя (колядки, щедровки, гаивки, ладканья) часто повѣствуютъ о военныхъ походахъ, о пышной збруѣ, драгоценныхъ убранствахъ, несмѣтныхъ богатствахъ, и всей роскошной прихотливости высшаго Княжескаго и Боярскаго сословія.

Но подъ тяжкимъ Польскимъ владѣніемъ сословіе Бояръ вывелось въ Галицкой Руси: одна часть, спасая свои привилегіи, должна была слиться съ Польскою шляхтой, другая же судебными крючками административными уловками, или просто насиліемъ, превращена въ крѣпостныхъ крестьянъ. Однако жъ не всѣ вольные люди могли выдержать эту вопіющую несправедливость и спокойно поддаться порабощенію. Лишенные своихъ имѣній, прежде владѣльцы свободныхъ земель, угнетаемые крайнею нищетою, доведенные до отчаянія и гонимые Католиками, бросали свой родной край, соединялись съ бурсурманами и, мстя гордымъ похитителямъ своего имущества, вводили Татаръ въ родную страну, въ тѣ же имѣнія, которыхъ они лишены лукавствомъ Поляковъ.²⁶ Во все время владѣнія Владислава и Казиміра

grossiculos... item omnes Christiani, quotquot sunt in Saranczuki, ad eandem ecclesiam in Lithwinow adscribimus, qui Christiani sibi plebano et suis posteris tenduntur decimare.»

²⁵ Грамота Ягайла, данная Еврею Волчку на поселеніе деревни Вербѣжа при р. Щиркѣ, съ 1424 г.: «Confidentes de industria et circumspeditione Wołczkonis Judaei, theleonatoris Leopoliensis (damus) villam Werbiż (quam)... usque ad tempora vitae suae tenebit... Hominibus confluentibus talem libertatem concedimus de praesenti, qualem ipsis dictus Wołczko deputabit.»

²⁶ «Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui, inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi, et Tataros fugiebant illosque postmodum ad vastandum terras

мира Ягайловца (1434—1492 гг.) особенно часто случались эти разорительныя опустошенія, которыя продолжались и въ XVI и XVII вѣкахъ. Янъ Замойскій насчиталъ на своей памяти тридцать большихъ нападений Татаръ, не упоминая о меньшихъ. Въ это отчаянное время въ дальнихъ Поднѣпровскихъ стенахъ собираются несчастные бездомовники и, вмѣстѣ съ разнородными выходцами, образуютъ дружины, которыя въ 1469 году въ первый разъ, подъ именемъ Козаковъ, нападаютъ на Галицкую землю.²⁷

Польскіе Короли, Католическое духовенство и Польское правленіе всячески старались подавить Русскую народность въ приобретенныхъ ими областяхъ. Они содѣйствовали поселенію Нѣмцевъ и Евреевъ по городамъ и Мазуровъ по селамъ, съ нарушеніемъ правъ коренныхъ жителей; вводили чужіе обычаи, чужой языкъ и чужой законъ въ Русской землѣ. Нѣмцы и Евреи вытѣснили Русскихъ горожанъ въ предмѣстья и села. Изнывая въ неравной борьбѣ съ Польскимъ и Магдебургскимъ правами, мѣщане съ трудомъ сохраняли свою вѣру, свои нравы и народность. Одинъ сельскій народъ берегъ свою народность, свой языкъ и свои древнія преданія. Поселе-

Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant.» Длугошъ кн. XII, стр. 773.

²⁷ Длугошъ кн. XII, стр. 449, подъ 1469 годомъ пишетъ: «Frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua Kosacos appellabant, collectus.» Слѣдовательно, не въ 1516 году появились Козаки, какъ утверждаютъ Польскіе лѣтописцы Децій, Бѣльскій, Гвагвинъ и за ними новѣйшіе писатели, а многимъ раньше. Это подавленіе свободнаго Русскаго народонаселенія и порабощеніе народа Польскіе публицисты и историки называютъ движеніемъ Польской культуры на востокъ и колонизаціей Русскихъ пустынь. Прославители бывшей Польской Республики умѣютъ прикрывать истину даже особенными, ими придуманными, словозавитіями, рассказывая объ этихъ населеніяхъ совсѣмъ глухо: «Ховяństwo перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное; система чиншеваго дохода съ имѣній замѣнилась панщиной, и Павскія имѣнія стали приносить неслыханные доходы; въ короткое время Польскіе Паны удвоили, утроили, удесятирили свои богатства» и т. п. Шайноха: «Dwa lata dziejow naszymich.» (Сл. Кулишъ: «Польская колонизація,» «Вѣстникъ Европы» въ 1874 г., мѣсяцъ Мартъ). — Это такъ. Для Поляковъ старая Польша представляется въ золотѣ и бархатѣ, но для насъ, Русскихъ, она омыта кровавымъ потомъ и слезами Русскаго народа!

нія Мазуровъ на Руси не были въ такомъ количествѣ, чтобы могли подавить и заглушить Русскій народъ. Только Белзское Княжество, отданное (въ 1388 г.) Королемъ Ягайломъ въ приданное сестрѣ своей, Александрѣ, и оставшееся въ соединеніи съ Княжествомъ Мазовецкимъ по 1462 г., подверглось рѣшительному вліянію Католическаго управленія и исключительно Польской народности.²⁸ Такимъ образомъ, хотя поселенія иностранцевъ въ Галицкой Руси начались еще со второй половины XIV столѣтія и постоянно продолжались, однако же массы народа остались тѣми же: коренной Рускій народъ вездѣ преобладалъ и дожилъ до нашихъ дней, оставаясь вѣрнымъ обычаямъ древней Руси.²⁹ Только на сѣверо-западныхъ окраинахъ подорвана была цѣльность Русскаго населенія. Со временъ Казимира Великаго рѣка Вислока (не Вислокъ, впадающій въ Сянъ) и Висла были съ запада границами Руси;³⁰ нынѣ же Решовскій Уѣздъ, считавшійся до самаго паденія Польши въ Воеводство Русскомъ, весь ополяченный и окатоличенный, потерялъ свою первоначальную народность.

²⁸ Преслѣдованія Русскаго народа со стороны Поляковъ доходили до того, что даже Русскія церкви отдаваемы были Евреямъ въ откупъ, о чемъ свидѣтельствуемъ Каноникъ Львовскаго Латинскаго Капитула І. Юзефовичъ, въ своемъ сочиненіи: «*Annales urbis Leopoliensis, tomus extravagans N. 252*, говоритъ: «*Audivi ab antiquioribus nostris, rerum scientiam habentibus, quod in tantum in partibus illis insolens dominatio Polonorum processerat, ut recitatae Judaeorum genti (обрѣзанному Жидовскому народу) super ecclesias jus tribuerat. Non enim presbyter..., vulgo pop, sacramenta baptismi, matrimonii aliaque in ecclesia administrare parochianis suis licitum habebat, nisi prius a clavibus Judaeo (quos semper ad manus arendatoris deffere et deponere cogebatur), constitutam a domino pensionem persolveret. Haec cum tanto abusu et praejudicio fidei Christianae erant, judicet posteritas fidelium.*» Объ этомъ говорятъ также современный писатель, Самуилъ Гродскій, въ сочиненіи: «*Historia belli Cosaco-Polonici, conscripta 1676,*» изд. въ Пештѣ 1789 г., стр. 15.

²⁹ «*Trotz der langen Dauer und energischen Handhabung polnischer Herrschaft über Halicz und Wladimir bildet der San im Wesentlichen noch gegenwärtig die Ost-Gränze des polnischen Stammes... Das östliche Galizien ist noch gegenwärtig, wie vor fast einem Jahrtausende, vorwiegend in den Händen der Klein-Russen (Ruthenen), welche in sieben Kreisen des Lemberger Verwaltungs-gebiets mehr als vier Fünftheile, in fünf anderen mehr als die Hälfte der einheimischen.*» Bevölkerung der österr. Monarchie von Dr. A. Ficker. Gotha, 1860, стр. 37.

³⁰ Д. З у б р и ц к и й, *Granice między Ruskim i Polskim narodem w Galicyi.* Lwów, 1849.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что до занятія Перемышльскаго и Галицкаго Княжествъ Казимиромъ Великимъ не было на Руси ни приходоу, ни костелоу Католическихъ, развѣ въ нѣсколькихъ поселеніяхъ на границѣ, на берегахъ Вислоки и Вислы, можетъ служить списокъ Католическихъ приходскихъ костелоу, которые Папа Климентъ V на Вѣнскомъ Соборѣ 1326 и 1328 годовъ обложилъ десятиной и налогомъ Св. Петра.³¹ Въ этомъ списокѣ считается на все пространство нынѣшнихъ Решовскаго и Ясельскаго Уѣздоу только 18 Католическихъ приходоу, которые расположены на правомъ берегу Вислоки въ Издряцинскомъ деканатѣ, въ мѣстечкѣ Яслѣ, Новомъ и Старомъ Змигородѣ и въ селахъ: Зряцинѣ, Бездѣжѣ, Клѣтѣ и Шебнѣ, за тѣмъ въ Лѣсномъ или Дубицкомъ деканатѣ (in decanatu de Sylvis vel Dambitia)—въ Судишовѣ (Sandiszow), Чудецѣ и Добреховѣ, наконецъ въ самомъ углу, между Вислой и Сяномъ, 9 костелоу, причитающихся къ Сандимирскому архидіаконату, а именно: на правомъ берегу Вислы, въ селахъ: Мѣхотинѣ, Велевестѣ (Magna Villa), Черешнѣ, Горичахъ, Врявѣ и на лѣвомъ берегу р. Сяна, въ Залъшанахъ, Харевичахъ, Радславичахъ и Бѣлянѣ.

Папы постоянно подсылали своихъ миссіонероу монахоу для обращенія Руси въ Католичество, но безъ всякаго успѣха. Если бъ имъ удалось гдѣ ни будь основать Католическую общину, то Папы не преминули бы истребовать съ нихъ, столь строго взыскиваемый ими, динарій Святаго Петра. А такъ какъ этого не случилось, то, слѣдовательно, все остальное народонаселеніе, безъ всякаго сомнѣнія, было Русское, имѣвшее своихъ Православныхъ Священникоу, съ которыхъ Папа не имѣлъ права требовать ни десятины, ни налоговъ.³²

³¹ См. Liber rationis decimae sexannalis per Clementem p. V. in concilio Viennensi impositae et in Polonia collectae anno 1326 et sequen. Theiner, Monumenta histor. polon., t. I, pag. 244.

³² На крайнемъ западѣ Решовскаго Уѣзда, возлѣ Кольбушова, находятся деревни, изобличающія своими названіями, что въ этой странѣ жили когда-то Русскіе, на примѣръ: Русиноу Старый, Русиновска Воля и проч. Впрочемъ, еще въ XVII вѣкѣ Русскіе поселенія въ Западной Галичкѣ были столь многочисленны, что Католическій Епископъ, Станиславъ Сарновскій, въ докладѣ своемъ Папѣ Александру VII, писанномъ, въ 1660 году, сообщалъ, что въ Русской Перемышльской Епархіи считалось тогда 3,400 приходоу и 3 милліона душъ.

Польскіе историки всячески стараются доказать, что Римско-Католическіе приходы въ Русскихъ городахъ и селахъ учреждены задолго до завладѣнія Галиціей Казимиромъ, но эти разглагольствованія основываются на документахъ явно подложныхъ. Такъ, на примѣръ они пишутъ, что на дубовой доскѣ стариннаго Перемышляскаго костела Св. Петра была надпись, что большой алтарь тамошній освященъ былъ Краковскимъ суфраганомъ Іоанномъ въ день Вознесенія 16-го Мая, 1212 года. Но эта записка, очевидно, поддѣльна, по тому, во первыхъ, что въ это время не было суфрагановъ въ Краковской Епископіи; во вторыхъ, въ 1212 г. была Пасха 25-го Марта, слѣдовательно, и Вознесеніе было раньше 16-го Мая; въ третьихъ, Св. Гедвига, которой между другими Святими, былъ воздвигнутъ алтарь въ 1212 г., находилась еще въ живыхъ и не могла быть причислена къ лику Святыхъ, такъ какъ она умерла только въ 1243 году. Тѣ же Польскіе историки, ссылаясь на древнія грамоты, говорятъ, что приходы въ Чернівѣ и Гоголевѣ учреждены въ 1312 г., въ Тарновцѣ въ 1313 г. въ Забѣжовѣ въ 1318 г., какими-то Мальтійскими рыцарями, Фрикачемъ, Брандишемъ и Пакошемъ (какъ говорится въ документахъ) между тѣмъ извѣстно, что Орденъ Рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго только съ 1530 года сталъ называться Мальтійскимъ, когда онъ отъ Императора Карла V получилъ въ даръ островъ Мальту. Вотъ какъ осторожно нужно обращаться съ Польскими историческими источниками и подвергать ихъ строгой критикѣ.

Съ 1772 года, то есть, со времени занятія Галичины Австрійцами, раскинуты Нѣмецкіе поселенныя особыми деревнями по Галицкой землѣ, но они живутъ особнякомъ и не имѣютъ никакого вліянія на жизнь, обычаи и преданія Русскаго народа.

Говоря о поселеніяхъ Польскихъ въ Галицкой Руси, любопытно было бы узнать время, когда именно, гдѣ и въ какомъ количествѣ поселялись Польскіе или Мазурскіе поселенцы. Нѣтъ сомнѣнія, что еще во время самостоятельности Руси, Русскіе Князья поселили Польскихъ пѣнниковъ на своей землѣ. Принимая въ соображеніе, что въ то время еще не употреблялось названіе «Польша, Полякъ» и проч., можемъ съ вѣрностію заключить, что вѣстности, называемыя Ляшки, Ляховичи, Лядское или Ляцкое, принадлежатъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ Польскимъ въ Галичинѣ, давно совсѣмъ обрусѣвшимъ. Доказательствомъ древности этихъ поселеній можетъ служить

еще то обстоятельство, что эти села имѣютъ весьма ограниченное население Польское и Католическое, и что, напротивъ того, во многихъ изъ нихъ Русское населеніе многочисленно; эти села имѣютъ Русскія приходскія, или приписныя (філіальныя) церкви, но ни въ одномъ изъ поселеній не находимъ костела, что не могло бы случиться, если бы населенія образовались во время Польскаго владычества. Возьмемъ, на примѣръ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ, и сопоставимъ населеніе обѣихъ народностей:

	Русскія.	Поляковъ.
Ляшки Горныя (Бережанскаго Уѣзда) приходская	650 д.	12 д.
Ляшки Дольныя (тамъ же) філіальная	398	9
Ляшки (Львовскаго Уѣзда) »	345	8
Ляшки Королевскія (Золочевскаго Уѣзда) приход.	688	151
Ляшковъ (тамъ же) »	974	19
Ляховичи Подорожныя (Стрыйскаго Уѣзда) »	853	29
Ляховичи Зарѣчныя (тамъ же) »	739	14
Ляховцы (Станиславскаго Уѣзда) »	1144	31
Ляцкое (тамъ же) »	1417	11
Лядское (тамъ же) »	745	128
Ляцкое Вединое (Золочевскаго Уѣзда) »	830	149
Ляшки (возлѣ Судовой Вишни) »	921	1
Ляшки Долгія (Перемышльскаго Уѣзда) »	1658	624
Ляшки Гостинныя (тамъ же) »	1046	вовсе нѣтъ
Ляшки Завязанныя (Самборскаго Уѣзда) »	695	»
Ляшки Мураванныя (тамъ же) »	681	180
Ляцко (тамъ же), приписная церковь	734	40
Волька Мазовецкая (Жолковскаго Уѣзда) приход.	1622	99 ³³

³³ См. Schematismus cleri Archidioeceseos graeco-cath. Leopoliensis, pro anno 1874. Catalogus cleri archidioec. Leopolitanae rit. lat. pro anno 1864 г. Leopoli. Схематизмъ всего клира обряда Греческо-Русскаго Епархіи Перемышльскаго вѣдѣнія на годъ 1874. Въ Перемышлѣ. Schematismus cleri dioeceseos rit. latini Premisliensis pro anno 1874 г. Jasło 1874 г. Спрашивается, какимъ чудомъ могло статься, что эти Ляшки-поселенцы такъ легко приняли Русскую Вѣру и слились съ Русью, а не бѣжали въ свою Польскую ойчизну? Стало бытъ, имъ привольнѣе жилось на плодородной Русской землѣ, чѣмъ на пескахъ Польши, и правленіе Русскихъ Князей, Русскихъ Бояръ и Русской Церкви своестѣ было, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ крестьяне должны были отбывать тяжкія повинности Королю и

Галицкіе Поляки утверждаютъ, что они такіе же древніе обитатели страны, какъ и Русскіе, что Галичина была совсѣмъ обезлюднена, что Польскіе Короли и Паны заселили ее Польскимъ народомъ, воздѣлали Русскія пустоши, добыли Польскимъ плугомъ дикія поля и отдали ихъ культурѣ,³⁴ и что будто Польскіе крестьяне и шляхтичи тысячами селились въ мнимыхъ Русскихъ пустыняхъ; нѣкоторые и изъ Русскихъ писателей, вѣря Полякамъ на слово, вторятъ этимъ отрывкамъ, провозглашая культурную миссію Польши.³⁵ Для доказательства того, что всѣ эти разглагольствованія не имѣютъ историческаго основанія, и что Польскія поселенія не были столь многочисленны, рассмотримъ документы и извлечемъ изъ нихъ данныя.³⁶

Польскія поселенія на Русской землѣ начались собственно съ занятія Галичины Королемъ Казимиромъ, называемымъ Великимъ; до того времени не было на Руси ни Поляковъ, ни ксендзовъ, ни костеловъ, ни кляшторовъ.³⁷ Такъ какъ построеніе костела и учрежденіе прихода обуславливалось количествомъ поселившихся Католиковъ, то и всякій случай учрежденія Католическаго прихода можетъ намъ показать, если не время новаго поселенія, то, по крайней мѣрѣ, усиленіе Польскаго населенія на Руси.

Казимиръ, занявъ городъ Львовъ, не нашелъ въ немъ ни одно-

Панамъ, платить разные налоги, вносить десятину ксендзамъ и, сверхъ того, динарій Папѣ.

³⁴ Ш а й н о х а, *Zdobycze polskiego pługą.*

³⁵ Ку л и ш тъ въ «Вѣстникъ Европы» 1874 г., мѣсяцъ Мартъ.

³⁶ *Dodatek do Gazety Lwowskiej 1852 — 1852 г. — Ш а р а н е в и чъ, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej. Lwów, 1869 г. — Catalogus cleri archidiececeseos Leopolitanae rit. lat. Leopoli, 1864 г.*

³⁷ Скаванія Польскихъ писателей объ учрежденіи въ Галичинѣ кляштора Мисоритовъ въ 1238 г. (!) Королемъ Болеславомъ Стыдливымъ, или кляштора Домниканцевъ въ Львовѣ 1270 г. Княземъ Львомъ Даниловичемъ, не имѣютъ историческаго основанія и принадлежатъ къ Польскимъ предвзятымъ вымысламъ (З а р я Г а л и ц к а я 1851 г. № 57). Увѣренія тѣхъ же писателей, что нашъ Перемышль основанъ въ VIII столѣтіи Польскимъ Княземъ Пржемьславомъ, осмѣялъ уже Энгель, сопоставивъ такую же басню, что Геттингенъ основанъ какимъ-то небывалымъ Княземъ Готунгомъ. I. X. Э н г е л ь. *Gesch. der Ukraine wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir. Halle, 1796 г., стр. 421.*

го Католическаго костела, въ которомъ могъ бы даже принести благодареніе Богу за взятіе города.³⁸ Во время владѣнія Казимира (съ 1341 по 1370 г.) Католики на дѣлали почти никакихъ успѣховъ въ распространеніи своей Вѣры въ Русской землѣ. Паны будто бы высылали какихъ-то Епископовъ въ Перемышль и Владимиръ и монаховъ миссіонеровъ³⁹ для обращенія народа въ Католичество, но труды ихъ были напрасны. Кромѣ трехъ, или четырехъ, костеловъ во Львовѣ, въ продолженіе тридцати лѣтъ Поляки не успѣли построить въ Галичинѣ ни одного Католическаго костела. Казимиръ угрожалъ Цареградскому Патріарху, что онъ крестить Русь въ Латинскую Вѣру,⁴⁰ но не дерзнулъ того сдѣлать, не чувствуя себя прочнымъ во владѣніи насильно присвоенной земли.

Однако жъ многимъ раньше и успѣшнѣе Католичество водворилось на Западѣ Перемышльскаго Княжества. Для обезпеченія владѣній, захваченныхъ отъ Руси, Казимиръ построилъ замки въ Осѣкѣ, Кроснѣ, Санокѣ и другихъ мѣстахъ; онъ поселялъ Нѣмецкихъ выходцевъ и въ Западной Галичинѣ, учреждалъ приходы въ Загорѣ 1343 г., въ Гартлѣвѣ 1360 г., въ Осѣкѣ и Самборѣ 1363—1370 гг. Къ той же порѣ принадлежитъ учрежденіе прихода въ Решовѣ Пакославомъ Решовскимъ въ 1354 г. Во многихъ мѣстахъ Перемышльскаго Епархіи приписывается тому же Королю построеніе костеловъ

³⁸ «In reperibili ad ecclesiam parochialem B. Mariae V. ad Nives Leopoli documento ex antiquis actis magistratus Leopolenis desumpto, dicitur notitia: Casimirus M. anno 1340 Leopolum expugnaturus venit, quem per spontaneam incolarum deditionem recepit et partem Russiae usque ad Halicz subegit. Reportata victoria quum Leopoli nullum templum invenisset, ubi sacrificium gratiarum actioni Deo offeret, in medio veteris illius Leopolis ecclesiam sub titulo B. Mariae V. ligneam erigi fecit.» Vitae Episcoporum Premislien. Viennae, 1844, pag. XXX.

³⁹ Theineri Monumenta I, pag. 543 и 586.

⁴⁰ Ягайло во всѣхъ городахъ, въ которыхъ онъ, по завоеваніи этой страны (Червенской Руси) своею супругою, нашелъ Русское Епископство, старался основать и Латинское Епископство, какъ-то: въ Галичѣ, Луцкѣ, Холмѣ, Перемышль и Владимирѣ, не взирая на то, найдутся ли еще тамъ, или нѣтъ, послѣдователи Латинскаго обряда. Словомъ, чтобы затмить Православную Вѣру, онъ ставилъ алтарь противъ алтаря. Д. Зубрицкій, Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, стр. 35. См. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. III.

и учрежденіе приходовъ, хотя эти сказанія не имѣютъ достовѣрныхъ доказательствъ.

Смѣлѣе поступалъ Людовикъ, Король Польскій и Угорскій. Онъ учредилъ Католическую Архіепископію въ Галичѣ и Епископскую кафедру въ Перемышлѣ, послѣ чего Владиславъ Опольскій, около 1372 г., основалъ костелъ въ м. Городкѣ, и въ 1375 г. учредилъ Католическій приходъ въ Ярославлѣ подъ Сяномъ, а Князь Мазовецкій, Семовитъ, построилъ костелы въ 1388 г. въ мѣстечкѣ Любачевѣ, и въ 1394 г. въ городѣ Бельзѣ.

Всего рѣшительнѣе приступилъ къ распространенію Католицизма, перекрещенный изъ Православія, Король Ягайло. Въ періодъ его владѣнія, съ 1386 по 1433 г., въ продолженіе 48 лѣтъ, Католики построили въ одной Львовской Епархіи 24 костела и учредили столько же Католическихъ приходовъ, а именно въ 1391 году въ мѣстечкѣ Щирцѣ, въ 1397 году, въ мѣстечкѣ Глинянахъ, въ 1399 году въ мѣстечкѣ Куликовѣ, въ 1401 году въ городѣ Бучачѣ и мѣстечкѣ Марьямполь, въ 1410 году въ мѣстечкѣ Бороздовичахъ, въ 1418 г. въ мѣстечкѣ Мальчицахъ, въ 1423 году въ мѣстечкѣ Коропцѣ, Потяличѣ и городѣ Тереховѣ, въ 1427 году въ городахъ Галичѣ и Стрый, въ 1431 году въ мѣстечкѣ Ярычевѣ, и въ 1433 году въ мѣстечкѣ Бушѣ.

Въ это время появились костелы даже по нѣкоторымъ селамъ, особенно возлѣ Львова: въ 1397 году въ селѣ Сокольникахъ, въ 1399 году въ селѣ Кротошинѣ, въ 1400 году въ селѣ Выглянахъ, въ 1414 г. въ селѣ Лопатинѣ, въ 1420 году въ селѣ Чижиковѣ, въ 1421 году въ селахъ Кукольникахъ и Петайковцахъ, въ 1426 году въ селѣ Желъховѣ, въ 1429 году въ селѣ Островѣ, въ 1430 годѣ въ селѣ Кошчевѣ.

Еще ревностнѣе оказался Ягайло въ учрежденіи Католическихъ приходовъ въ Западной Галичинѣ. Онъ построилъ въ Перемышльской Епархіи болѣе 30 костеловъ и учредилъ при нихъ приходы, а именно: въ 1386 году въ селѣ Ясенкѣ и мѣстечкѣ Кроценкѣ, въ 1388 году въ Нѣмецкомъ поселеніи Гачевѣ, въ 1391 году въ Перемышлѣ, въ 1392 году въ городѣ Дрогобичѣ, въ 1393 году въ мѣстечкѣ Судовой Вишнѣ, въ мѣстечкѣ Кроснѣ и въ селѣ Рудоловичахъ, въ 1398 году въ мѣстечкѣ Кривчѣ, въ 1399 году въ мѣстечкѣ Порохникѣ и

селѣ Косеничѣ, въ 1400 году въ мѣстечкѣ Яслискахъ и селѣ Рокитницѣ, въ 1404 году въ мѣстечкѣ Мостискахъ въ 1406 году въ селахъ Ближнемъ и Ровномъ, въ 1407 году въ мѣстечкѣ Дубецкѣ, въ 1408 году въ мѣстечкѣ Гусаковѣ, въ 1409 году въ селахъ Гумникѣ и Прибышовкѣ въ 1410 году въ мѣстечкѣ Мориголодѣ, въ 1412 году въ городѣ Перемышлѣ и въ селѣ Любатовѣ, въ 1413 году въ мѣстечкѣ Березовѣ (Bzozow) и въ селѣ Пристѣтницѣ, въ 1415 году въ селѣ Чуковѣ, въ 1416 году въ селѣ Журавицѣ, въ 1419 году въ селѣ Вышатицахъ, въ 1425 году въ селѣ Лютча, въ 1430 году въ селахъ Ловцахъ и Зарѣчѣ, въ 1432 году въ мѣстечкѣ Радымнѣ. Сверхъ того построено Ягайломъ много костеловъ надъ рѣкою Вислокой, въ Решевскомъ, Тарновскомъ и Ясельскомъ Уѣздахъ.

Учредителями приходовъ и строителями костеловъ были, кромѣ Короля, Архіепископа и Начальниковъ края, нѣкоторые изъ совратившихся въ Католичество Русскихъ Бояръ: Ходоровскіе, Ключсы, Кердеи-Буцацкіе, Мошоничи и другіе. Впрочемъ, многіе костелы и приходы учреждались по лишней ревности Католическихъ Пановъ безъ особенной надобности, такъ какъ Католическое населеніе въ нихъ не могло быть многочисленно, если, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, оно возросло не выше 300 душъ, и даже съ приписными эти древніе приходы имѣютъ не болѣе 600—700 душъ; на примѣръ, въ Мальчицахъ считается нынѣ 65 душъ, а съ 7-ю приписными селами 672 души; въ мѣстечкѣ Куликовѣ 161 душа, а съ 20-ю приписными селами всело 846 душъ Католиковъ; въ м. Бороздовичахъ 388 и съ 13 приписными 604, въ селѣ Выжлянахъ 259 душъ, въ селѣ Желеховѣ 282 души, въ Кукольникахъ 80 душъ. Въ мѣстечкѣ Кривчѣ, тоже въ Перемышльской Епархіи, гдѣ учрежденъ Католическій приходъ въ 1398 году, считается всего только 250 душъ Католиковъ; въ мѣстечкѣ Гусаковѣ, гдѣ приходъ возникъ въ 1400 году, только 117 душъ; въ мѣстечкѣ Нижанковичахъ, гдѣ костелъ существуетъ съ 1431 года, 389 душъ; въ мѣстечкѣ Крукиничахъ, гдѣ приходъ учрежденъ въ 1439 году, только 394 души Католиковъ. По многимъ приписнымъ селамъ считаютъ и нынѣ Католиковъ не болѣе 5, 10, или 20 душъ, то есть, помѣщики, ихъ прислуга, прикащики и проч., а Польскаго народа вовсе нѣтъ.

Подъ неолговременнымъ владычествомъ Владислава Варненскаго (1434—1444 гг.) продолжалась обращательная дѣятельность и учреж-

дено еще 5 Католическихъ приходовъ: въ 1436 году въ мѣстечкѣ Язловцѣ, въ 1439 году въ мѣстечкѣ Михальчѣ и въ селѣ Давыдовѣ, въ 1441 году въ селѣ Бѣлкѣ, въ 1443 году въ мѣстечкѣ Копачинцахъ. Въ Перемышльской Епархіи учреждено въ это время столько же приходовъ: въ 1434 году въ мѣстечкѣ Рихчичахъ, въ 1439 году въ мѣстечкѣ Крукиничахъ, въ 1440 году въ селѣ Ятьмірѣ, въ 1441 году въ мѣстечкѣ Заршинѣ, и въ 1442 году въ селѣ Мышлятичахъ.

Въ царствованіе Казимира Ягайловца (1447—1499 г.), во время частыхъ нападений Татаръ и Турокъ, раскинута новая сѣть костеловъ и приходовъ по мѣстечкамъ и селамъ Галицкой Руси: въ 1449 году въ селѣ Родатичахъ; въ 1452 году въ мѣстечкѣ Гологорахъ, въ 1453 году въ селѣ Зимновдѣ, въ 1454 году въ селѣ Старомъ Селѣ, въ 1458 году въ селѣ Жуковѣ, въ 1459 году въ селѣ Золотникахъ, въ 1460 году въ мѣстечкѣ Ходоровѣ, въ 1463 году въ мѣстечкахъ Подгайцахъ и Подкамени, въ 1469 году въ мѣстечкахъ Долинѣ, Колушѣ и въ селѣ Семеновкѣ, въ 1470 году, въ мѣстечкѣ Угновѣ, въ 1471 году въ мѣстечкѣ Каменкѣ Струмиловой, въ 1473 году въ мѣстечкѣ Ягольницѣ, въ 1475 году въ мѣстечкѣ Гвоздцѣ, въ 1481 году въ мѣстечкѣ Олексѣ, въ 1484 году въ мѣстечкѣ Сви-рѣ, въ 1485 году въ мѣстечкѣ Дунаевѣ, мѣстечкѣ Толмачѣ и въ селѣ Прусахъ, въ 1488 году въ мѣстечкѣ Журавнѣ. И того, въ продолженіе 45 лѣтъ, 22 прихода. Въ то же время возникло въ Перемышльской Епархіи 29 приходскихъ костеловъ, а именно: въ 1447 году въ селѣ Полянѣ, въ 1448 году въ селѣ Гольцовѣ, въ 1451 году въ мѣстечкѣ Нижанковицахъ и селѣ Небещанахъ, въ 1453 году въ селѣ Климовкѣ, въ 1454 году въ мѣстечкѣ Яворовѣ, въ 1460 году въ селахъ Гартѣ и Короликѣ Польскомъ, въ 1462 году въ мѣстечкѣ Новотанцѣ и въ селахъ Линовцахъ и Веселѣ, въ 1463 году въ мѣстечкѣ Повомѣстѣ, въ 1464 году въ мѣстечкѣ Зыновѣ и селѣ Иваничѣ, въ 1469 году въ Ляшкахъ, въ 1470 году въ мѣстечкѣ Ясеницѣ, въ 1471 году въ селахъ Громнѣ и Бахорцѣ, въ 1473 году въ мѣстечкѣ Комарнѣ, въ 1476 году въ селѣ Радичахъ, въ 1477 году въ селѣ Мильчичахъ, въ 1478 году въ селѣ Бирчѣ, въ 1480 г. въ селахъ Пникушѣ и Ясеновѣ, въ 1484 году въ селѣ Воютячахъ, въ 1487 году въ селѣ Диднѣ, въ 1488 году въ селѣ Мизинцѣ, въ 1590 году въ селахъ Уйковичахъ и Воропинкѣ.

Въ XVI столѣтіи, во время релігіозныхъ прѣвій и распростра-

ненія въ Польшѣ Протестантства и вольнодумства, остыло въ Полякахъ прежнее рвеніе къ строенію костеловъ, такъ что при Янѣ-Альбрехтѣ (1492—1501 годахъ) въ Львовской Епархіи не прибыло ни одного Католическаго костела, въ Перемышльской же ихъ построено пять: въ 1493 году въ селахъ Стіянцахъ и Любенѣ, въ 1494 году въ селѣ Стрѣлковичахъ, въ 1495 году въ селѣ Торговищѣ и въ 1501 году въ мѣстечкѣ Старомъ мѣстѣ Самборѣ. При Александрѣ Ягайловцѣ (1502—1506 годахъ) въ Львовской Епархіи основанъ только одинъ приходъ въ 1505 году въ мѣстечкѣ Нароѣ, да въ Перемышльской три: въ 1502 году въ мѣстечкѣ Старой Соли, въ 1503 году въ мѣстечкѣ Лискѣ, да въ 1506 году въ мѣстечкѣ Корчинѣ. Всего удивительнѣе то, что въ сорокалѣтнее царствованіе Сигизмунда I (1507—1548 годахъ) въ Львовской Епархіи учреждено только 10 приходскихъ костеловъ; въ 1509 году въ мѣстечкѣ Добротворѣ, въ 1517 г. въ мѣстечкѣ Сокалѣ, въ 1520 г. въ селѣ Соколовѣ, въ 1521 г. въ селѣ Малеховѣ, въ 1522 г. въ селѣ Баворовѣ, въ 1525 году въ мѣстечкѣ Олешницахъ, въ 1528 г. въ мѣстечкѣ Варяжѣ, въ 1530 г. въ мѣстечкѣ Немировѣ, въ 1533 году въ мѣстечкѣ Рогатинѣ, въ 1545 г. въ селѣ Жолтанцахъ, въ 1546 году въ м. Боберкѣ, въ 1547 году въ мѣстечкѣ Залозцахъ. Между тѣмъ въ Перемышльской Епархіи учреждены слѣдующіе 52 прихода: въ 1508 году въ мѣстечкѣ Бабицѣ, въ 1510 году въ мѣстечкѣ Домаражѣ и селѣ Гочевѣ, въ 1511 году въ селѣ Лужинахъ (Lezynu), въ 1512 году въ с. Особницѣ, въ 1514 году въ селѣ Брухналь. въ 1520 году въ селѣ Святяняхъ (Swizciany) и въ селѣ Черниѣ, въ 1525 году въ селѣ Блажевѣ, въ 1529 году въ мѣстечкѣ Буковскѣ и въ селахъ Грибовницѣ и Ширинѣ, въ 1530 году въ селѣ Фульштинѣ, въ 1531 году въ мѣстечкахъ Хировѣ и Добромиль и въ селѣ Одриконѣ, въ 1536 году въ селахъ Рogaхъ и Поражѣ, въ 1537 году въ мѣстечкѣ Змигородѣ Новомъ, въ 1546 году въ мѣстечкѣ Тиравѣ Волошской и въ 1547 году въ селѣ Лѣщавѣ.

Гораздо меньше явилось Католическихъ костеловъ при Сигизмундѣ Августѣ, который владѣлъ съ 1549 по 1572 годъ, а именно, въ періодъ 25 лѣтъ въ Львовской Епархіи только два: въ 1549 году въ мѣстечкѣ Мостахъ да въ 1554 году въ городѣ Бужскѣ, а въ Перемышльской Епархіи слѣдующіе восемь: въ 1549 году въ селахъ Ноздрецѣ и Малявѣ (возлѣ Решова), " въ 1550 году въ мѣстечкѣ

¹¹ По мѣстному преданію, въ Малявѣ издревле существовала Русская приход-

Рудкѣ и селѣ Меленичахъ, въ 1555 году въ селѣ Броскѣ, въ 1559 году въ селѣ Цишнѣ, въ 1565 году въ мѣстечкѣ Римановѣ, и въ 1571 году въ городѣ Ярославѣ.

Съ появленіемъ Езуитовъ въ Польшѣ ожилъ прежній Польскій фанатизмъ, въ слѣдствіе чего костелы и приходы снова начали сильно умножаться, между тѣмъ какъ съ начала XVI вѣка по 1587 годъ возникло во всей Львовской Епархіи только 16 костеловъ; во время 40-лѣтняго господствованія Сигизмунда III, съ 1587 по 1632 годъ, учреждено 48 новыхъ костеловъ и приходовъ: въ 1587 году въ мѣстечкѣ Тертаковѣ, въ 1592 году въ селѣ Угриновѣ, въ 1595 году въ мѣстечкѣ Магеровѣ, въ 1598 году въ селѣ Раковцѣ, въ 1599 году въ мѣстечкѣ Надворнѣ, въ 1600 году въ Львовѣ (Маріи Магдалины) и въ мѣстечкѣ Езуполѣ, въ 1602 году въ мѣстечкахъ Хотимирѣ и Барышѣ, въ 1605 году въ мѣстечкѣ Заболотовѣ, въ 1607 году въ селѣ Мартиновѣ и мѣстечкахъ Болаховѣ и Николаевѣ (Стрыйскаго Уѣзда), въ 1608 году въ мѣстечкѣ Потокѣ, въ 1609 году въ мѣстечкѣ Прималовѣ, въ 1616 году въ мѣстечкахъ Гусятинѣ, Войниловѣ и селѣ Таданѣ, въ 1611 году въ мѣстечкѣ Яновѣ (на Подолѣ), въ 1612 г. въ мѣстечкахъ Равѣ и Зыдачевѣ, въ 1613 году въ мѣстечкѣ Бѣломъ Каменѣ, въ 1614 году въ мѣстечкѣ Яновѣ (возлѣ Львова) и въ селѣ Польскомъ Ряснѣ, въ 1615 году въ мѣстечкѣ Подкаменѣ (Бережанскаго Уѣзда), въ 1616 году въ селѣ Волковѣ, въ 1618 году въ Львовѣ (Св. Антонія, Св. Лазаря) и въ селѣ Подвысокомъ, въ 1620 году въ городѣ Жолквѣ, въ 1623 году въ городѣ Тарнополѣ, въ 1624 году

ская церковь, но около 1644 г. Решовскій Староста, Николай Слытень-Лигенза, обратилъ ее въ Католическій костелъ; см. «Schemat. ven. cler. dioecesiani tit. lat. Przemislensis, Jasło, 1874, стр. 119. Такія же церкви существовали въ другихъ мѣстностяхъ Западной Галичины, нынѣ уже совсѣмъ ополоченныхъ: въ 1614 г. были Священники при церквахъ въ м. Радымѣ, Тарнобрегѣ, Канчугѣ, с. Замѣховѣ и пр.; въ 1648 г. въ м. Кроснѣ, въ 1466 г. Священникъ при церкви въ Рихвальдѣ списалъ книгу: «Учительское Евангеліе Архіепископа Каллиста.» Въ 1672 г. былъ Русскій Священникъ въ с. Розборѣ, возлѣ Рѣшова. Въ м. Канчугѣ еще въ 1691 г. существовала церковь Покрова Пресв. Богородицы и братство при ней, на иждивеніи котораго мѣстный Священникъ, Константинъ Бѣлинскій, писалъ «Ирмологію» съ красивыми изображеніями на заглавномъ листѣ. См. А. Петрушевича: «Сводная Галицко-Русская лѣтопись,» стр. 235.

въ мѣстечкѣ Стояновѣ и Болшовцѣ, въ 1626 году въ мѣстечкѣ Станиславчикѣ, въ 1627 году въ городѣ Золочевѣ, Зборовѣ и мѣстечкѣ Наваріи, въ 1628 году въ мѣстечкѣ Топоровѣ, въ 1630 году въ Львовѣ (Милосердыхъ), въ городахъ Тисменицѣ и Бузановѣ, въ 1631 году въ мѣстечкѣ Сасовѣ и въ селѣ Кохавинѣ, въ 1632 году въ мѣстечкѣ Скалатѣ. Въ Перемышльской Епархіи, въ періодъ владѣнія Сигизмунда III, возникло также 24 прихода и костела, а именно: въ 1588 году въ мѣстечкѣ Соколовѣ, въ 1593 году въ селахъ Издебкахъ и Лубнахъ, въ 1594 году въ селѣ Боскѣ, въ 1595 году въ селѣ Ольпинахъ, въ 1596 году въ селѣ Сажинѣ, въ 1598 году въ селѣ Едличахъ, въ 1599 году въ селѣ Тулиголовыхъ и въ селѣ Горнѣ, въ 1600 годъ въ селѣ Островѣ, въ 1601 году въ мѣстечкѣ Рыботичахъ и въ селѣ Ненадовкѣ, въ 1603 году въ селѣ Ежовѣ, въ 1604 году въ мѣстечкѣ Краковцѣ и въ селѣ Грябовѣ (Grehow), въ 1605 году въ селахъ Самокляскахъ и Пышницѣ, въ 1606 году въ мѣстечкѣ Глоговѣ, въ 1607 году въ селѣ Медыкѣ, въ 1608 году въ селѣ Сусѣдовичахъ, въ 1610 году въ городѣ Перемышль (Езуитская Коллегія), въ 1611 году въ селѣ Волѣ Зарѣцкой, въ 1612 году въ мѣстечкѣ Канчугѣ, въ 1622 году въ мѣстечкѣ Жолинѣ, въ 1625 г. въ мѣстечкѣ Радомыслѣ, въ 1629 году въ городѣ Сѣнявѣ, въ 1630 году приходы въ мѣстечкахъ Красичинѣ, Стрижовѣ и въ Перемышль (монастырь Кармелитовѣ), въ 1632 году въ селѣ Теклинѣ (Цеклинѣ).

Духъ обращенія въ Католичество овладѣлъ всею Шляхтой, воспитанною въ Езуитскихъ школахъ. Ревность въ строеніи костеловъ и распространеніи Католичества, усиленная со времени хитросплетенной Брестской Уніи, продолжалась частью и въ послѣдующія царствованія преемниковъ Сигизмундовыхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Въ періодъ царствованія Владислава IV, съ 1633 по 1648 г. то есть, въ продолженіе 15 лѣтъ, построено въ Львовской Епархіи 16 костеловъ: въ 1633 г. въ мѣстечкѣ Поморянахъ, въ 1634 г. въ Львовѣ (Кармелитовѣ) и въ городѣ Снятинѣ, въ 1636 г. въ мѣстечкѣ Озернѣ, въ 1637 г. въ селѣ Лежневѣ, въ 1638 въ с. Жулинѣ, въ 1639 г. въ селѣ Плазовѣ, въ 1641 году въ городѣ Бродахъ, въ 1642 году въ мѣстечкѣ Перемышлянахъ, въ 1643 году въ селѣ Тернорудѣ, въ 1644 году въ Львовѣ (костель Босыхъ Кармелитанокъ), въ 1647 году въ городѣ Бережанахъ и мѣстечкѣ Роздолѣ; да въ Перемышльской Епар-

хія три костела: въ 1636 году въ селахъ Комборнѣ и Свильчѣ, и въ 1646 году въ мѣстечкѣ Уляновѣ.

Послѣ смерти Владислава IV вступилъ на престолъ братъ его, Янъ-Казимиръ, который въ Римѣ, въ званіи Кардинала, носилъ два года Езуитскую сутану. Этотъ настоящій Езуитъ подвизался бы на поприщѣ фанатизма не хуже своихъ предшественниковъ, но съ 1648 годъ Богданъ Хмельницкій охладилъ ревность Польскихъ вельможъ и ксендзовъ въ распространеніи Католичества до того, что въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1649 по 1655 г.) Католики не дерзнули построить ни одного костела на Руси, и только послѣ присоединенія Хмельницкаго къ Россіи они учредили въ Львовской Епархіи 8 слѣдующихъ приходоу: въ 1655 году въ селѣ Зубрѣ, въ 1658 году въ Львовѣ (Св. Мартына), въ 1661 году въ мѣстечкѣ Чернелицѣ и въ селѣ Щуровичахъ, въ 1662 году въ городѣ Станиславѣ, въ 1663 г. въ мѣстечкѣ Борщовѣ, въ 1666 году въ мѣстечкѣ Солотвинѣ, въ 1668 году въ селѣ Журовѣ; да въ Перемышльской Епархіи 9 приходоу: въ 1655 году въ селахъ Бобркѣ, Бончалѣ, Неводнѣ, Кобылянкѣ и Ропѣ, въ 1659 году въ селѣ Диковцѣ, въ 1665 году въ селѣ Бинаровахъ, и сверхъ того, въ 1667 году, въ мѣстечкѣ Пацлавѣ Ми-нориты построили монастырь Кальварію.

До самаго конца XVII вѣка не опомнились Католики, такъ что съ 1669 по 1673 г., во время Короля Михаила Кобыты (не смотря на его ревность, какъ отщепенца) учредилось только три прихода, а именно: въ 1669 году въ мѣстечкахъ Отынѣ, Лисцѣ и Козовѣ.

Погромъ Хмельницкаго и продолжавшіяся Козацкія войны слома-ли Польскій фанатизмъ, и прежняя ревность не проявлялась въ дол-голѣтнее правленіе столь рьянаго Католика, какимъ былъ Янъ Собъ-скій. Съ 1674 по 1696 годъ Поляки учредили въ Львовской Епар-хіи только три прихода, а именно: въ 1691 году въ мѣстечкѣ Бого-родчанахъ, въ 1694 году въ Львовѣ (Св. Николая) и въ 1695 году въ мѣстечкѣ Христинополѣ, да въ Перемышльской Епархіи два при-хода: въ 1676 году въ селѣ Моравлѣ, и въ 1680 году въ селѣ Вав-жицахъ, и, сверхъ того, построено два монастыря въ Перемышлѣ: въ 1678 году Бонифратровъ и въ 1687 году Миссіонеровъ.

Если рассмотримъ историческіе документы XVIII столѣтія до самаго паденія Польши, то увидимъ, что, при усилившемся фанатизмѣ,

не смотря на всѣ протидѣйствующія событія, Полячеству и Католичеству удалось сдѣлать довольно большіе уступки въ Русскихъ земляхъ. Послѣ обращенія послѣднихъ двухъ Епархій Православныхъ въ Унію, Перемышльской въ 1691 г. и Львовской въ 1700 г., Поляки начали еще успѣшнѣе обращать Русскихъ Уніатовъ въ Католичество, присвоивая совращенныхъ къ Польской народности. Въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1758 по 1765 г.) совращены разными продѣлками около 1,200 лицъ Русскихъ въ Латинство, какъ показываетъ перечень, выписанный мною изъ Митрополичьяго Львовскаго Архива и напечатанный въ изданіяхъ Кіевской Археологической Комиссіи въ 1871 году.⁴² Такимъ образомъ увеличивалось и увеличивается до сихъ поръ число Католиковъ и мнимо-Польскаго населенія въ Галичинѣ.

Въ правленіе Августа II, съ 1697 по 1733 г., въ продолженіе 33 лѣтъ прибыло въ Львовской Епархій 19 приходовъ и костеловъ, а въ Перемышльской Епархій въ то же время только семь приходовъ, а именно: въ 1703 г. селѣ Волощѣ, въ 1712 г. въ селѣ Тарнавцѣ, въ 1714 г. въ селѣ Майданѣ Сѣнявскомъ, 1719 г. въ селѣ Медынѣ, въ 1724 г. въ Кашицахъ, въ 1726 г. въ селѣ Старой Веси и въ 1730 г. въ мѣстечкѣ Туркѣ (въ этомъ приходѣ нынѣ считается 302 души, а съ приписными селами 908 душъ Католиковъ, тогда какъ Евреевъ здѣсь живетъ до 5,000 душъ).

Въ правленіе Августа III, съ 1733 по 1763 г., въ Львовской Епархій основано 12 приходовъ Католическихъ, а именно: въ 1738 г. въ мѣстечкѣ Винникахъ, въ 1740 г. въ мѣстечкѣ Бурштинѣ, Косовѣ и Нижневѣ, въ 1743 г. въ мѣстечкѣ Городенкѣ, въ 1747 г. въ селѣ Вишневичи и въ мѣстечкѣ Букачевцахъ, въ 1748 г. въ селѣ Червоногородѣ, въ 1753 г. въ селѣ Куткорѣ (монастырь Капуциновъ), въ 1755 г. въ селѣ Горинцѣ (монастырь Францискановъ), въ 1756 г. въ селѣ Лукавцѣ, въ 1757 г. въ мѣстечкѣ Обертинѣ, въ 1758 г.

⁴² См. подробный перечень насильственныхъ мѣръ, принятыхъ Католическимъ духовенствомъ для обращенія Уніатовъ въ Латинство, въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, изд. Врем. Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1871, ч. I, томъ IV, стр. 321.—Die Kirchen und Staats-Satzungen bezüglich des gr. c. ritus der Ruthenen in Galizien, von Michael v. Malinowski. Lemberg, 1861, S. 311.

въ селѣ Олѣвѣ, къ 1760 г. въ мѣстечкѣ Яблонѣ, и въ 1761 г. въ городѣ Залыщикахъ; да въ Перемышльской Епархіи въ то же время прибыло шесть Католическихъ приходовъ: въ 1743 г. въ селѣ Новосельцахъ, въ 1749 г. въ селѣ Угерцахъ, въ 1751 г. въ селѣ Турби, въ 1754 г. въ селѣ Вязовницѣ, въ 1758 г. въ селѣ Майданѣ, и 1763 г. въ селѣ Михалковѣ.

Наконецъ, при послѣднемъ Польскомъ Королѣ, Станиславѣ Августѣ, съ 1764 по 1772 г., въ продолженіе 8 лѣтъ, прибыло въ Львовской Епархіи только 2 прихода: въ 1767 г. въ мѣстечкѣ Струсовѣ и въ 1769 г. въ селѣ Чернелевѣ Мазовецкомъ, да въ Перемышльской Епархіи одинъ въ 1765 г. въ мѣстечкѣ Дукаѣ.

Изъ этого перечня видимъ, что, во первыхъ, Польское народонаселеніе сосредоточивалось по большей части въ городахъ и мѣстечкахъ, въ селахъ же было въ небольшомъ количествѣ, такъ что лишь въ немногихъ деревняхъ оказалась надобность учрежденія приходовъ, или сооруженія костеловъ; во вторыхъ, всего болѣе построено костеловъ въ XV вѣкѣ, при Владиславѣ Ягайлѣ, и въ XVII, при Сигизмундѣ III; менѣе успѣховъ сдѣлали Католики въ XVI и XVIII вѣкахъ; во многихъ городахъ построены костелы очень поздно и Польское населеніе въ нихъ немногочисленно; въ третьихъ, во многихъ самыхъ древнихъ приходяхъ поразительно малое количество Католиковъ или Поляковъ; въ четвертыхъ, первыя поселенія Польскія (впрочемъ, и Нѣмецкія) появились кругомъ Львова, а также въ Бельзскомъ Воеводствѣ. Съ XVII столѣтія возникаютъ Польскія поселенія въ Тарнопольскомъ Уѣздѣ и на Подолѣ; вѣроятно, послѣ Козацкихъ войнъ обезлюдѣла страна по причинѣ выселенія народа на Украину; въ пятыхъ, во многихъ мѣстечкахъ Восточной Галичины костелы построены уже въ XVIII и XIX столѣтіяхъ; въ нѣкоторыхъ же и до сихъ поръ костеловъ нѣтъ. Вообще, народонаселеніе Русское значительно превосходитъ числомъ Католическое.

Послѣ присоединенія Галичины къ Австрійской Имперіи опять ожила прежняя ревность къ распространенію и утвержденію Католичества: новое Правительство, при всей своей кажущейся терпимости, давало во всемъ преимущество Католикамъ, изподтишка стѣсняя Уніатовъ (Русскихъ). Называя Русскія людъ и духовенство своими вѣрнѣйшими подданными и признавая за ними на словахъ равныя

права, оно позволяло свободно переходить своимъ вѣрнымъ Русскимъ Уніятамъ въ Католичество и превращаться въ неблагонадежныхъ Поляковъ. Множество Русскихъ приходоу уничтожено, а церкви и деревни приписаны къ сосѣднимъ приходамъ. Уніятскіе монастыри упразднены, и между ними—послѣдній и единственный монастырь въ Скитѣ, Станиславскаго Уѣзда, остававшійся среди сплошнаго Уніятскаго населенія, по 1785 годъ Православнымъ.

Съ 1772 года прекратились поселенія Польскаго люда, но Австрійцы призывали Нѣмцевъ, которые селились цѣлыми поселеніями по Уѣздамъ Галичины. Нѣмецкое поселеніе собственно началось съ 1780 годовъ и продолжалось еще въ настоящемъ столѣтіи. Приходили Нѣмцы-Католики изъ Австріи и Чехіи; Протестанты, Менониты и Геренгутеры изъ Бадена, Нассау, Виртембергійи и проч., и селились на отведенныхъ имъ земляхъ, большею частью, казенныхъ. Въ поселеніи устраивалась Нѣмецкая школа, костелъ и молебня. Нѣмцы (Швабы) селились по большей части вблизи городовъ, солончаренъ и при шоссейныхъ дорогахъ, на особыхъ льготахъ и преимуществахъ, на чиншѣ, и устраивали себѣ, какъ свободные земледѣльцы, порядочныя хозяйства.

Баронъ Чернягъ, въ своей «Этнографіи Австрійской Имперіи», описалъ со всѣми подробностями Нѣмецкія поселенія.⁴³ На этнографической картѣ они обозначены особой краской. Въ настоящее время считается въ Галичинѣ болѣе ста поселеній Нѣмцевъ, которые сохраняютъ свой языкъ, одежду и всю обстановку своего племеннаго быта.

Со время Австрійскаго владычества учреждены въ Львовской Епархіи слѣдующіе Католическіе приходы: въ 1775 г. въ мѣстечкѣ Радиховѣ, въ 1776 г. въ мѣстечкѣ Пустынѣ, въ 1777 г. въ селѣ Марковѣ, въ 1780 г. въ мѣстечкѣ Микулинцахъ, въ 1786 г. въ поселеніи Брукенталѣ, въ 1787 г. въ селѣ Ганачовѣ, въ 1788 г. въ селѣ Витковѣ, съ 1790 г. Снятинѣ, въ 1791 г. въ селѣ Милятинѣ, въ 1792 г. въ селѣ Оброшинѣ и въ поселеніяхъ Вейсенбергѣ и Фельдбахѣ, въ 1798 г. въ селѣ Качановкѣ. И того, въ продолженіе 11 лѣтъ,

⁴³ Ethnographie von Österreich von K. Freih. v. Czernig. Wien, 1855.

учреждено 13 приходовъ, между ними три въ Нѣмецкихъ поселеніяхъ.

Въ настоящемъ столѣтіи не проявлялась особенная ревность къ распространенію Католичества, и учреждены лишь два прихода: въ 1807 г. въ поселеніи Бѣгородѣ или Вейсбергѣ и въ 1814 г. въ селѣ Пенявахъ. Съ 1814 по 1842 годъ въ продолженіе 28 лѣтъ не появилось ни одного прихода въ Восточной Галичинѣ, а за тѣмъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, учреждено опять три прихода: въ 1842 г. въ селѣ Махлинцѣ, въ 1843 г. въ поселеніи Фелиціенталѣ и въ 1846 г. въ селѣ Веддѣжѣ (въ которомъ только 130 душъ Католиковъ).

Только съ сороковыхъ годовъ, съ той поры, когда революціонныя движенія сильнѣй овладѣли умами Поляковъ, и агитаторы начали дѣйствовать на Католическое духовенство для укрѣпленія ополченія, фанатики-Ксендзы принялись опять привлекать къ себѣ Уніатовъ и умножать ими свои приходы для распространенія Полячества и ослабленія ненавистной имъ Русской народности. Всего сильнѣе заявила себя эта ревность во время управленія Галичины воспитанникомъ Езуитовъ, Графомъ Голуховскимъ. Ксендзы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и со времени его перваго назначенія Намѣстникомъ вдругъ учреждены слѣдующіе приходы: въ 1851 году въ селѣ Галущинахъ (въ которомъ до сихъ поръ нѣтъ костела), въ селѣ Могильницѣ, селѣ Росохватцѣ и Хоростковѣ, въ 1852 году въ селѣ Будиловѣ и въ селѣ Лозовѣ (136 душъ), въ 1853 году въ селѣ Драгановкѣ и въ поселеніи Маріагильфѣ, въ 1854 году въ селѣ Хомяковѣ (132 души) и въ мѣстечкѣ Озерянахъ. Къ числу ихъ прибыло еще два: въ 1861 г. въ селѣ Подгорцахъ и въ 1862 году въ селѣ Жабинцахъ (гдѣ всего только 128 душъ Католиковъ). Въ Перемышльской Епархіи Австрійское Правительство учредило слѣдующіе Римско-Католическіе приходы: въ 1772 году въ селѣ Волковѣ, въ 1782 году въ Нѣмецкомъ поселеніи Фалькенбергѣ (для 289 душъ), въ 1786 году въ селѣ Хлопичахъ, въ 1789 году въ селѣ Стобѣрнѣ, въ 1795 году въ селѣ Требоши, въ 1797 году въ мѣстечкѣ Роздвадовѣ, въ 1818 г. въ селѣ Станахъ и Нѣмецкой колоніи Каринѣ (Rauchersdorf), въ 1840 году въ селѣ Едловкѣ, въ 1848 году въ селѣ Медичахъ или поселеніи Königsau, въ 1865 году въ селѣ Радохонцахъ, и наконецъ въ 1869 году въ селѣ Подбужѣ устроена экспозитура для 125 душъ, съ 12-ю приписными селами 520 душъ Католиковъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ наскоро учрежденныхъ приходоѡ находится самое ничтожное количество Католиковъ; не смотря на то, Ксендзы соединили по 10 и до 17 приписныхъ селъ въ одинъ Католическій приходъ, между тѣмъ какъ села Русскія, считающія 1,000 и 1,500 душъ, не могутъ добиться самостоятельнаго своего приходскаго Священника. Въ нѣкоторыхъ изъ новоучрежденныхъ Католическихъ приходоѡ некому было построить костела—въ такомъ случаѣ было приказано Ксендзу служить въ Русской церкви! Не было фонда на содержаніе Ксендза — Графъ Голуховскій съ Архіепископомъ распорядились такъ, что высылаемы были викарные Ксендзы изъ другихъ отдаленныхъ Уѣздовъ, даже изъ другой Епархіи, и содержимы на счетъ своихъ прежнихъ Настоятелей, въ надеждѣ, что эти новые Польскіе апостолы присвоятъ себѣ побольше Католиковъ изъ Русскихъ прихожанъ и найдутъ способы приобрести фонды изъ мѣстныхъ средствъ. *Omnia ad majorem Dei gloriam!* Однако жъ посланные Ксендзы нашли сильный отпоръ въ Русскомъ духовенствѣ; Русскіе Священники, какъ добрые пастыри, не дали уловить своихъ пасомыхъ. Итакъ, многіе изъ такихъ приходоѡ (называемыхъ экспозитурами) оказались совершенно лишними, и по тому несостоятельными. Кромѣ костеловъ, Поляки настроили, также безъ всякой нужды, возлѣ Русскихъ церквей въ селахъ чисто Русскихъ, крошечныя часовни (*Kapliczki*), называемыя въ Галичинѣ самоловами на Русскія души, чтобы только подчинить Ксендзу двѣ сажени земли въ Русскомъ селѣ и имѣть возможность въ чужомъ приходѣ вліять на Русскій народъ. Легко понять, какъ при такихъ обстоятельствахъ трудно опредѣлить границы между Польскою и Русскою народностью въ Галичинѣ, то есть, съ точностью показать, кто изъ нынѣшнихъ Галичанъ, по роду и племени — Русскій, а кто — Полякъ. По этой причинѣ Вѣроисповѣданіе обыкновенно принимается за признакъ народности, и всѣ Католики причисляются къ Полякамъ, а Унѣты — къ Русскимъ. ⁴⁴

⁴⁴ «Im Oesterreichischen Kaiserthume hängt das Religionsbekenntniss häufig mit der Nationalität zusammen... Kroaten und Serben, Polen und Ruthenen, lassen sich häufig nur nach den Religionsbekenntnissen scheiden. Besonders ist diess an den Gränzen der beiderseitigen Gebiete der Fall.» A. Ficker, *Bevölkerung der Oesterreichischen Monarchie*. Gotha, 1860, стр. 44.

Въ заключеніе представляемъ общія положенія и выводы изъ настоящей статьи:

1. Сказанія летописцевъ о древнѣйшихъ жителяхъ Карпатскаго погорья весьма сбивчивы и недостаточны; но поселенія Славянъ столь древни, что Славяне могутъ считаться первобытными обитателями земли.

2. Русскіе Князья первые утвердили свою власть въ Карпатскомъ погорьѣ. При нихъ развилась Русская народность и имя Руси закрѣпилось навсегда.

3. По пресѣченіи рода Князей Русскихъ Поляки завладѣли краемъ и обратили его въ Польскую область — Червонную Русь.

4. Частыя нападенія Татаръ и набѣды другихъ непріятелей разорили страну. Поляки подорвали права свободныхъ сословій и закрѣпостили крестьянъ. Политическій и религіозный гнетъ былъ причиною отчужденія высшихъ слоевъ общества отъ своей народности, но народъ остался вѣренъ преданіямъ своихъ отцовъ.

5. Поселенія иностранцевъ были немногочисленны. Они занимали по большей части города и мѣстечки. Кромѣ Сѣверо-Западныхъ окраинъ, совершенно ополяченныхъ, остальные области остались по преимуществу заселенными Русскимъ народомъ.

6. Ляшскія поселенія, заведенныя во время владѣнія Русскихъ Князей, совсѣмъ обрусѣли. Польское заселеніе шло постепенно, по мѣрѣ усиливающагося Католичества. Католики всего болѣе успѣховъ сдѣлали при Короляхъ Ягайлѣ и Сигизмундѣ.

7. Послѣ раздѣла Польши Австрійцы завели Нѣмецкія поселенія, но они не имѣютъ вліянія на мѣстную народность.

8. Распространеніе Полячества и Католичества продолжается и до сихъ поръ, но въ новѣйшее время Русская народность сильно заявила свою живучесть, и Галичане, хотя съ большими усиліями, но выдерживаютъ борьбу противъ вторгающагося ополяченія и окатоличенія.

II. Угорская Русь и Буковина.

Особый характеръ имѣтъ Угорская или Закарпатская Русь. Съ древнихъ уже временъ судьба ея была тѣсно связана съ Мадырами или Уграми. Какъ сказано выше, Мадыры, пришедши въ Панонію, нашли не только населенную Славянами страну, но и города, по нынѣ существующіе, каковы Угорско-Русскіе: Ужгородъ (Унгваръ), Мукачевъ (Munkacs); есть извѣстіе даже о мѣстномъ Князѣ, Лаборіѣ. Безыменный Нотарій Бела пишетъ, что нынѣшняя Угорская Русь по рѣки Тису и Теплу и по городъ Сланный (Soóvár) состояла внѣ границъ Угорскаго Королевства и принадлежали Русскому Государству Владимира Великаго. Съ этого времени, кажется, и утвердилась Русская народность въ странѣ и съ той поры осталось за народомъ названіе—Русскій, Русь; однако жъ, по причинѣ, вѣроятно, внутреннихъ междуусобій Русскіе Князья должны были скоро отказаться отъ владѣнія этою областью, съ которою сообщеніе ихъ было затруднено горами, и уже съ XI столѣтія Карпатскія горы называются Угорскими. ⁴⁵

Между тѣмъ о Русскихъ, которые, какъ мѣстные жители Угріи, жили въ Православіи, упоминаетъ Король Бела IV, въ своемъ посланіи къ Папѣ Иннокентію, подъ 1252 годомъ. ⁴⁶

Въ 1285 г. Король Владиславъ Куманъ, по совѣту Византійскаго Императора Андроника, призвалъ Волоховъ (Румунъ) на помощь про-

⁴⁵ Нестор пишетъ: «Пришедше отъ востока (Угри), устремишася черезъ горы великія» (то есть, Карпаты), а переписчики Троицкаго, Радивиловскаго и Академическаго списковъ прибавили: «яже прозвашася горы Угорскія.» См. Лѣтоп. по Лаврент. списку. Спб. 1872, стр. 24. Подъ 1014 годомъ Несторъ уже называетъ Карпаты «Угорскими горами»: «Святотопокъ же съ окаянный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорстей», бѣжавшу ему въ Угры.» Тамъ же, стр. 136. Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о Князѣ Ярославѣ Осмомыслѣ, что онъ подперъ «горы Угорскія» своими желѣзными полками.

⁴⁶ «Supplicamus itaque sanctitatis vestrae clementiam, dignemini reducere in memoriam, qualiter nos laboraverimus in plantatione et ampliacione fidei catholicae, sicut manifestum est ex sollicitudine nostra... in conversione Ruthenorum ad obedientiam sedis apostolicae.» Petegfy Concil. part. I, стр. 73. Балудянскій, Истор. Церк. стр. 203.

тивъ Татаръ, которые со своихъ кочевій надъ р. Прутомъ и Молдавой перешли «высокія горы» и черезъ землю Эрделя (Седмиградію) на р. Марошъ; съ помощію Румунъ Владиславу удалось поразить Татаръ на р. Тисъ. Въ награду за эту помощь Король Владиславъ далъ Волохамъ землю между Марошемъ и Тисою, называемую Крижи и, благопріятствуя въ душѣ Греческому Вѣроисповѣданію,⁴⁷ позволилъ свободно жить въ своей Вѣрѣ. Когда Остригомскій Архіепископъ, Владимиръ (Ладомеръ),⁴⁸ по повелѣнію Папы Николая IV, поднялъ крестовый походъ на Православныхъ въ Мараморошѣ, Владиславъ разогналъ войско Крестоносцевъ. Послѣ этого въ 1332 и 1334 гг. Король Карлъ-Робертъ дважды выступалъ съ своими войсками противъ соединенныхъ Румунъ и Русскихъ въ Мараморошѣ, а Папа даже разрѣшилъ въ постное время ѣсть мясо войнамъ, сражавшимся съ схизматиками въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ.⁴⁹

Въ 1352 г., а по другимъ сказаніямъ въ 1359 г., произошло въ этихъ странахъ достопримѣчательное событіе, весьма важное по своимъ послѣдствіямъ. Одинъ изъ начальниковъ Мараморошскихъ Румунъ и Русскихъ, Воевода Богданъ Драгошъ, человекъ мужественный и разумный, охотясь съ дружиною своею, по слѣдамъ тура пробрался черезъ «высокія горы» и полонины и на сѣверо-восточномъ склонѣ ихъ нашелъ прекрасную мѣстность для поселенія. Они перешли съ своими семействами и поселились первоначально въ с. Воловецъ при р. Формозѣ (Красной) въ Буковинѣ. Драгошъ построилъ церковь и монастырь, въ которомъ до сихъ поръ покоится прахъ основателя Молдавскаго Государства. Вотъ начало Государства, которое

⁴⁷ Въ Воскресенской лѣтописи пишется, что Король Владиславъ былъ племянникомъ (братень сынъ) Сербскаго Архіепископа Саввы, крещень былъ отъ него и «дръжаше вѣру Хрисову въ серци тайно, а языкомъ и кравевскимъ украшенемъ баше Латыниинъ.» Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, стр. 256.

⁴⁸ Владимиръ или Ладомеръ происходилъ отъ племени Русскихъ Князей и родомъ былъ изъ Галичины. См. Шмидтъ, *Archiepiscopi Strigoniensis compendio dati*, стр. 144. Балуданскій, *Церковная исторія II*, стр. 200, 217. — Память о немъ осталась въ названіи Ладомирова (Ladomér), мѣстечка Земленскаго Жупанства подъ Карпатами, откуда родъ свой ведутъ Угорско-Русскіе дворяне Ладомирскіе.

⁴⁹ Прай, *Annales regum Hungariae, 1764*, подъ годами 1332, 1334 и 1338. — *Исторія Галицко-Володимирской Руси*. Львовъ, 1863 стр. 140.

въ послѣдствіи извѣстно подъ названіемъ Волоцины, Молдавіи или Мультанъ. Даже нынѣшніе Румунскіе историки, ведущіе свою исторію со времени императора Траяна, сознають, что исторія Румунъ (въ Буковинѣ и Молдавіи), послѣ тысячелѣтняго промежутка, снова начинается только съ 1352 года, то есть, съ переселенія изъ Марамороша въ Буковину Воеводы Драгоша,⁵⁰ который вскорѣ распространилъ свою власть на всю Буковину и Молдавію, такъ какъ древнія Русскія области, послѣ завоеванія Галича Королемъ Казимиромъ, были предоставлены своей судьбѣ — въ добычу Татарской орды. По сказаніямъ Молдавскихъ лѣтописцевъ, Мирона Костина и Урика Ворника (Дворника, Дворецкаго), Драгошъ нашелъ въ странѣ Русскихъ, селенія которыхъ въ его правленіе умножались жителями, возвращающимися въ оставленныя ими предъ Татарами страны. Русскіе заняли по преимуществу волости Черновицкую, Хотинскую и по полямъ Ясскую и Сочавскую, наконецъ цѣлое Поднѣстровское побережье въ нынѣшней Бессарабіи по Сороку и Охрей.⁵¹ Уже въ XIV столѣтіи край Днѣстровскаго побережья носилъ названіе — Россовлахія.⁵²

Напротивъ того, еще раньше происходили переселенія Русскихъ съ этой стороны Карпатъ въ Угрію. Безыменный Нотарій Короля Бѣлы пишетъ, будто бы Мадыры, на пути своемъ въ Панонію, сопровождаемы были Русскими, которыхъ они поселили въ Мараморошской и Ужанской областяхъ. Если мы и не примемъ это сказаніе за историческое событіе, то все же должны признать, что уже издревле было преданіе о переселеніи Угро-Россовъ съ Сѣвера. Впрочемъ, изъ Угорскихъ источниковъ извѣстно, что при Короляхъ Арпадскаго племени, Андрей I, Коломанъ, Бѣла IV, Владиславъ Куманъ, Русскіе переселялись въ Угорщину, и что города: Великій Русскій Городъ (Nagy Orosz-var), Великороссы (Nagy Oroszi), Малороссы (Kis Oroszi) производятъ свое названіе отъ переселившихся туда Русскихъ.⁵³

⁵⁰ Діонисій Фотино: *Istoria generalie a Daciei*. Edit. Georgie Sion, t. I, partea 2, ероса II, сар. 17.

⁵¹ См. *Archiv istor. a Romaniei*. Annul I, № 21, pag. 157. Фотино III, pag. 5. Буковинская Зоря, 1870. Полное Собр. Лѣтоп. VII.

⁵² В. Григоровича, Записка Антиквара. Одесса, 1874, стр. 48.

⁵³ Если по тождественности топографическихъ названій можно заключать о переселеніи народа съ одной стороны въ другую, то такіа явленія прямо указыв-

Всего замѣчательнѣе было водвореніе Князя Коріатовича въ Сѣверо-Восточной Угріи. Въ половинѣ XIV столѣтія Князь Ѳеодоръ Коріатовичъ (сынъ Князя Константина Коріата, владѣвшаго Подоломъ), не желая покориться своему дядѣ, Великому Князю Ольгерду, перешелъ къ Угорскому Королю, Людовику (владѣвшему тогда и Галицкою Русью), и получилъ отъ него въ удѣлъ Мукачевскую и Маковницкую области, изъ южномъ склонѣ Карпатъ. Съ нимъ пришло много Русскаго народа изъ Подола и поселилось въ Мукачевской области.⁵⁴ Полити-

вають на переходеніе Русскаго народа съ этой стороны Карпатъ на Угорскую, или же изъ Угріи въ Галичину. По этой сторонѣ Карпатъ есть деревни: Рапедь, Перехресна, Вербѣжь, Чертежь, Ильинцы, Глубока, Ляховцы, Раковецъ, Лашковцы, Грушова, Грабовцы, Ясень, Чепели, Мальчици, и. Солотвина, и за Карпатами находимъ тѣ же названія селъ: Рпедь, Перекресна, Вербяшъ, Чертежь (Csertézs), Ильинцы (Iglincz), Глубока, Ляховцы (Lehócz), Раковецъ (Rakócz), Лашковцы (Lask), Грушовъ (Körtvélyes), Грабовцы (Hrabócz), Ясень (Körösmezsö), Чепели (Csepely), Мальчици (Malcsa), Солотвина (Szlatina), тутъ и тамъ находимъ сс. Брустура, Нагова и пр.

⁵⁴ Туровціи, *Historia Hungariae*, стр. 154.—Шмидтъ, *Episcopi Agrienses*, т. I, стр. 269.—А. Спрмай, *Notitia Comitatus Zemplinensis*, стр. 251. Объ этомъ событіи свидѣтельствуетъ записка стариннаго почерка, писанная на доскутѣ бумаги и найденная недавно въ архивѣ Мукачевскаго монастыря, слѣдующаго содержанія: «Князь Ѳеодоръ Коріатовичъ, Воевода Новгородскій первіе, послѣдъ Воевода на Подоліи и Губернаторъ, штавлъше штечествъ свое, Подолію, пршстрыя своего Олгерда, пришедъ до Угро-Россіи въ лѣто 1339 къ Царю Угорскому Каролю I, иже прія егш радостнш, и даде ему всю династію Мукачовску съ всѣми шкресными шш столицы Берекской селами, градами штъ Уга даже до Густа у Марамороши. Той штъ года 1339 положи нынѣ сущаго города Мукачовскагш, в немъ же пребывая часу нѣкогш, изыйде ловити на гору (аже нарече гора Чернецъ) и где нападе на нъ змій велій (драконъ), зягль усты, хотя и поглотити, и призна Святителя Николая въ помощь, копіемъ шружень, заколе егш, яко являеть шбразъ, изъ камене изсѣченъ въ старой церкви, збавльше егш губительства и поглщенія змійнагш на камени есть въ честь и память Святителя Христова Николая положи храмъ сей, и увеле в оны инокш въ лѣто 1360 дня 8-го Марта, Божіимъ иже ш всѣхъ промышленности. Отъ временъ зданія обители невидимш, кои бывали начальницы, зане гоненія велія бываху Татарскія, Турецкія, мѣста таковыя иноческа разоряху, востанія еретиковъ на церковь святую и люди Божія, швѣхъ палыху, каменемъ побиша, въ огонь, воду потопиша, въ толикое запустѣніе мѣстш сіе приде, чтш ни писаніе жалво шбрѣтесе, шш преданіе людское все научаше до лѣта 1458, штъ которагш хронологія сія начинается». (Сообщено

ческій гнетъ и релігіозныя гоненія въ Польшѣ часто принуждали Русскихъ выселяться большими толпами и искать убѣжища за Карпатами. Въ XVII столѣтіи Православные Галичане, уклоняясь отъ шляхетскаго гнета, переселились въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ Угрію и усѣлись около Ягра (Эрлау) и Сольнока (Szolnok), а Полякъ Счастнѣй Гербуртъ Добромильскій, негодуя на несправедливость своихъ земляковъ, беспокоится за цѣлость шляхетскаго имущества, говоря: «Чего же можно надѣяться отъ обиженныхъ? Развѣ того, что они за разбой (чрезмѣрные налоги) отплатятъ намъ разбоемъ, за оскорбленіе своей Вѣры отмстятъ намъ похищеніемъ нашего имущества?»⁵⁵

Въ обмѣнъ за то, что Русскій народъ изъ Подола и Галичины выселялся и занималъ упраздненныя Волохами мѣста, одинокіе Румынскіе выходцы, служа Королямъ Польскимъ, получали отъ нихъ въ награду привилегіи на имѣнія и свободное пользованіе землей подъ именемъ Волошскихъ Княжествъ или Волошскихъ селъ, поселенныхъ на, такъ называемомъ, Волошскомъ правѣ (*jure Valachico*).⁵⁶ Первую привилегію на Волошское право далъ Король Угорскій и Польскій Людовикъ въ 1374 году.⁵⁷ Въ 1378 году Владиславъ, Князь Опольскій и Русскій, жаловалъ имѣніе Одриполе нѣкому Владимиру Волошину (*Ladimiro Valacho*). Король Ягайло пожаловалъ въ 1393 году Михайлу Волошину съ братією село Гошевъ въ Зыдачевскомъ Уѣздѣ. Семовитъ, Князь Мазовецкій, жаловалъ братьевъ Якова и Мишку Волошиновъ Княжествомъ въ Любичи, Белзскаго Уѣзда, гдѣ до сихъ поръ живутъ обручавшіе Князя Любичскіе свободными землевладѣльцами. Тотъ же Князь Семовитъ въ 1424 году далъ привилегію на Волошское право Волохамъ села Руды,⁵⁸ исключая ихъ изъ Русскаго права. Въ

Анатоліемъ Кралицкимъ въ газетѣ «Слово», изд. во Львовѣ 1874 № 69.

⁵⁵ Вѣстникъ Западн. и Югозап. Россіи. Кіевъ, 1862, т. I, стр. 16. Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края. Сиб. 1865, стр. 228.

⁵⁶ См. O wsiałch tak zwanych Woloskich na północnym stoku Karpat, przez Hr. Alex. Stadnickiego. We Lwowie, 1848. Его же O Kniastwach Woloskich z poględem na wójtostwa we wsiałch, na Magdeburskiem prawie osadzonych. We Lwowie, 1853.

⁵⁷ Метрика Коронная, кн. I.XXI.

⁵⁸ См. Метр. Кор., кн. XXXV, in Beiz feria 1, post Ascensionem Domini. «Damus...

1440 году Князь Свидригайло пожаловалъ Максима или Влада Драгасиновича селомъ Косово (нынѣ Старый Косовъ и возлѣ него м. Косовъ), съ монастыремъ (нынѣ упраздненнымъ) на р. Рыбницѣ, въ Снятинской волости Коломыйскаго Уѣзда, прибавляя ему двѣ поляны, называемыя Березово (приселокъ с. Криворовни) на р. Черемошѣ, и Жабье (нынѣ большое Гуцульское село въ горахъ, считающее въ двухъ приходахъ 4,800 душъ). Въ 1456 году Король Казимиръ-Ягайловецъ далъ привилегію выходцамъ Михайлу, Логовету Молдавскому, съ братьями Давыдомъ и Думой (Дмитріемъ) поселиться въ Каменцѣ, Коломыѣ, или Дрогобичѣ и покупать имѣнія, но они, получивъ послѣ прощеніе, возвратились опять въ свое отечество.⁵⁹ Поляки всячески покровительствовали Волошскимъ выходцамъ, стараясь снискать себѣ сторону въ краѣ, которая способствовала бы имъ въ посягательствахъ на Молдавію и Буковину. Такимъ образомъ вся Червонная Русь переполнилась Князьями, называемыми Волошскими, которые, будучи хорошо знакомы съ Русскимъ языкомъ, совершенно обрусѣли съ своимъ потомствомъ и произвели Русскую дробную шляхту, заселяющую до сихъ поръ многія села Карпатскаго погорья.⁶⁰

Молдавскіе Господари и Румунскій народъ, живя въ мирѣ съ единовѣрными Русскими, защищали вмѣстѣ свою независимость отъ покушеній Поляковъ и Мадьяръ и искренно помогали другъ другу. Уже въ 1491 году, когда нѣкто Муха, по преданію Козакъ, котораго Кромеръ называетъ мужиковъ (*Rusticanus homo*), набравъ изъ Волоховъ

dictis Valachis plenum jus Valachorum, prout ceteri Valachi in terris nostris eodem jure gaudent, absolventes ipsos Valachos ibidem ab omnibus juribus Ruthenicis.»

⁵⁹ *Inventarium privilegiorum ex Archivo regni in arce Cracoviensi. Lutetia Parisiorum 1862.*

⁶⁰ Длугошъ производить гербы въкоторыхъ фамилій прямо изъ первобытныхъ мѣстъ ихъ жительства, изъ Карпаты: «*Sas, Dragovie, alias Sasovie, genus Valachicum, ex montibus et silvis provinciarum Russiae, qui Potoniny nuncupantur, ducens originem.*» См. *Clenodia regni Poloniae. Krakow, 1851, стр. 67.* Впрочемъ, можно предполагать, что эти называемые Волошины или Волохи (*Valachi*) не были настоящими Румунами, а Русскими, живущими подъ Волошскимъ владычествомъ въ Молдавскомъ Государствѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ селеніи, основанномъ на Волошскомъ правѣ, не строено церкви и не поставлено Румунскаго Священника, и нигдѣ не упоминается о перемѣнѣ народности. Въ Угорскихъ документахъ часто принимаются названія: «*Valachi vel Rutheni*» прямо за своннымы.

и Покутской Руси (*Russis Pokutensibus*) десятитысячное войско, началъ воевать съ Поляками, то Поляки подозрѣвали, что это дѣлалось если не по наущенію, то вѣрно съ согласія Молдавскаго Воеводы, Стефана. ⁶¹ Румыны не разъ побѣждали Поляковъ, а въ лучшую пору исторіи Молдавіи Воевода Стефанъ завладѣлъ Покутьемъ и Галичемъ (въ 1502 году). Ожидая своего спасенія, Русская народность окрѣпла для новой борьбы съ Поляками, когда остальные области совсѣмъ были подчинены власти Польской. По этой причинѣ на Покутьи и Галицкомъ погорьи удержалась цѣлѣе Русская народность: здѣсь сохранились всего чище древнія преданія, отсюда изобильнѣе течетъ поэтическая струя своепочвеннаго народнаго творчества.

Итакъ Русская народность, тѣснимая съ запада и юга Поляками и Мадьярами, нашла единственно на юго-востокѣ вѣрныхъ союзниковъ въ Румунахъ. Для лучшаго уясненія взаимныхъ отношеній, рассмотримъ главные моменты исторіи Молдавіи и столкновения Румунъ съ Польшей. Румыны, называемые у Славянъ Влахами или Волохами, издревле были южными сосѣдями Руси по всей чертѣ отъ источника Тисы вдоль Прута къ устью Днѣстра. Поселившись на большомъ пространствѣ, между нижнимъ Дунаемъ, Балканомъ и Карпатами, они жили среди Славянъ и только съ западной стороны прикасались къ Мадьярскому племени. По этой причинѣ они подверглись рѣшительному вліянію Славянъ, — языкъ ихъ содержитъ въ себѣ пятую долю славянскихъ словъ, и всѣ названія и достоинства въ гражданскомъ ихъ управленіи—славянскія: Великій Банъ, Дворникъ, Ключарь, Стольникъ, Постельникъ, Болѣры, Жупаны, Намѣстницы и др., встрѣчаемыя въ грамотахъ Молдавскихъ Господарей—все Славянскія слова. Многіе города и села удержали до сихъ поръ Русскія названія, а города: Бѣлгородъ (Аккерманъ), Черновцы, Романовъ, Немечъ, Сочава, Сереть, Бая и др. издревле считались Русскими городами. ⁶² Ны-

⁶¹ «Si non concitante, conveniente quidem certe Stephano, palatino Moldaviae.» Кромеръ подъ 1491 г., XXIX, стр. 642.

⁶² «А се имана градомъ всѣмъ Русскимъ, дальшимъ и ближнимъ: на сей странѣ Дуная, на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Червъ Аскый Торгъ (чит. Чернавскій, Черновецкій Торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ на Молдавіѣ, Немечъ (Намцъ) въ горахъ, Корочюковъ камень (Piatro), Сочава, Сереть, Бая (Баа), Нечювъ чит. (Щечювъ, нынѣ Печенѣжинъ), Коломыя, Геродокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотънь.» Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, стр. 240.

нѣшнее мѣстечко Бырладъ уже въ половинѣ XII вѣка служило убѣжищемъ для Галицкаго Князя Ивана Ростиславича, прозваннаго Берладникомъ. Съ половины XIV столѣтія (какъ сказано выше) Румыны, занявъ первоначально Русскую землю и утвердившись между Русскими жителями Буковины, сначала принимали обычаи и политическое устройство своихъ согражданъ, но съ теченіемъ времени, распространившись на нижнемъ Днѣстрѣ и Прутѣ, они основали самостоятельное Княжество Молдавское или Мунтянское (Цара Молдавіей, Мунтенѣскъ). Богдановы наследники господствовали продолжительное время, называя себя Воеводами или Господарями; Буковина долго оставалась главною областью, а Сучава была столицей Господарства и мѣстопребываніемъ Митрополита. Такимъ же образомъ, только однимъ столѣтіемъ раньше, возникло Валашское (Волошское) Воеводство (Цара Ромѣнѣскъ), основателемъ котораго былъ выходецъ изъ Седмиградія, Радугъ Негру (Черный). Въ обоихъ Княжествахъ удерживалось правленіе и все гражданское устройство по Славянскому обычаю. Славянскій языкъ, заимствованный Румынами отъ сосѣднихъ Славянъ, со времени крещенія ихъ сохранялся въ церковномъ богослуженіи до половины XVII вѣка, въ гражданскихъ же дѣлахъ было въ употребленіи Русское нарѣчіе въ Молдавіи, а Болгарское въ Валахіи.

Послѣ паденія Галицко-Русскаго Княжества, Молдавскіе владѣтели въ нынѣшней Буковинѣ пришли въ столкновеніе съ Польшей. Поляки, укрѣпившись въ Галичинѣ, обратили скоро свои хищные взоры на сосѣдственную Румынскую область, начали вмѣшиваться во внутреннія дѣла и родовые споры Молдавскихъ Воеводъ, и своими ухищреніями довели до того, что Молдавское Княжество нѣсколько разъ принуждено было признать надъ собою покровительство усилившейся Польши, такъ какъ Волошскіе Воеводы признавали верховную власть Мадьяръ.

Не смотря на то, Румынскимъ Господарямъ не однажды удавалось, отчасти съ Турецкою помощію, побѣждать Польскіе и Мадьярскіе полки, вторгавшіяся въ предѣлы ихъ областей. Воевода Волошскій Божидаръ поразилъ Угорскаго Короля, Карла-Роберта, послѣ чего Мадьяры надолго оставили Румынъ въ покоѣ; но гораздо сильнѣе и настойчивѣе былъ напоръ Поляковъ въ Молдавію, которую они непременно хотѣли покорить своему владычеству. Однако жъ, почти всѣ походы Поляковъ были неудачны и стояли Польской Рѣчи Посполи-

той много денегъ и крови. Уже въ 1360 году Казимиръ Великій, вмѣшавшись въ наследственный споръ между двумя сынами Стефана, послалъ свое войско на помощь старшему сыну Стефана. Младшій братъ, Петръ, далъ имъ сильный отпоръ, и Польскія войска были истреблены до послѣдняго человѣка. ⁴³ Послѣ этого во второй половинѣ XV столѣтія Воевода Стефанъ, мужественно защищаяся противъ Султана Магомета, который напрасно осаждалъ его въ Хотинъ и Сучавъ, принужденъ былъ искать помощи и покровительства у Поляковъ, надѣясь найти опору у Христіанъ. Но Стефанъ жестоко ошибся въ своемъ предположеніи: Польскій Король вздумалъ употребить эту случайность для осуществленія давняго желанія — подчинить Молдавію Польской Коронѣ. Въ 1388 году Ягайло взялъ въ займы у Воеводы Александра 3,000 рублей Фряжскаго серебра, и отдалъ ему подъ залогъ города Снятинъ, Коломыю и все Покутье, которое нѣкоторое время оставалось во власти Воеводы.

Въ 1497 году Король Янъ Альбрехтъ отправился съ значительными силами въ Буковину и, подъ предлогомъ вспомоgetельнаго войска, приведеннаго будто бы на защиту Стефана противъ Турокъ, намѣревался посадить на Господарскомъ престолѣ Поляка Сигизмунда, брата Князя Глоговскаго. Но едва Польскія войска вступили въ Буковину и начали осаждать Сучаву, какъ обнаружилось Польское коварство, и Молдаване, схватившись за оружіе, нанесли мнимымъ друзьямъ рѣшительное пораженіе. Король Янъ Альбрехтъ спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ, а его шляхетское войско понесло въ Буковинскихъ лѣсахъ столь неслыханное пораженіе, что въ Польскомъ народѣ осталась пословица: «За Круля Альбрахта погинула шляхта.» Но этимъ не кончилось наказаніе вѣроломнымъ: Мстительный Стефанъ занялъ Покутье и, вторгшись съ 100,000 войскомъ въ земля, принадлежащія Коронѣ, жегъ и пѣнилъ села и города до самой Вислоки. Львовъ спасся только прочностію своихъ стѣнъ; Перемышль, Радимно, Переворекъ и Ланцуть покрылись пепломъ и развалинами. Съ того времени Молдаване скорѣе дружились съ невѣрными Турками, чѣмъ съ

⁴³ Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ Длугошъ, кн. IX, стр. 1122, а за нимъ другіе Польскіе историки; см. Бѣльскій, Kronika Polska. W Krakowie, 1597, стр. 235.

⁴⁴ Акты Западн. Россіи I, стр. 22, 23. — Бѣльскій, Kronika Polska. W Krak., 1597, стр. 310.

лукавою Польшей. Столько испытали они всякаго рода бѣдствій отъ своеволя гордыхъ вельможъ Польскихъ, не обуздываемыхъ никакими законами слабаго правительства. Сами Польскіе историки утверждаютъ, что Гетманъ Жолкевскій, въ заключенномъ съ Турками, въ 1617 году, договорѣ, для того только отказался отъ всякихъ притязаній со стороны Короны на Молдавію, и чтобы разъ на всегда преградить Польскимъ вельможамъ дорогу ко вторженію въ Молдавію и вмѣшательству въ народные споры, и такимъ образомъ, предохранить свое отечество отъ всевозможныхъ смуть и напраснаго кровопролитія. При этомъ не лучше показали себя и сами Польскіе Короли: вмѣсто того, чтобы унимать своевольныхъ пановъ, Польскіе вѣнценосцы затѣвали: интриги, сажали произвольно на Государство своихъ приверженцевъ, иногда и казнили смертію Молдавскихъ Государей, не имѣя на то никакого права, кромѣ права сильнѣйшаго.

Такъ, въ 1501 году Король Янъ Альбрехтъ запятналъ послѣдній годъ своего владѣнія тѣмъ, что приказалъ снять голову Воеводѣ Ильѣ, который искалъ въ Польшѣ защиты противъ Стефана.⁶⁵ Такъ, въ 1564 году потекла неповинная кровь Молдавскаго Воеводы, Стефана Томши, и двухъ его Боярѣ подъ мечомъ палача на городской площади въ Львовѣ, по повелѣнію Сигизмунда-Августа. Православная Русь смиренно схоронила мертвое тѣло несправедливо казненнаго Государя при церкви Св. Онуфрійскаго монастыря въ Львовѣ на вѣчное упокоеніе.

То же самое сдѣлалъ Король Стефанъ Баторій въ 1578 году. Иванъ Подкова (братъ Молдавскаго воеводы Ивони) былъ въ свое время славнымъ Гетманомъ Козацкимъ. По смерти брата онъ былъ призванъ на Государство, но противная сторона, съ помощію Короля, поставила Государемъ Петра, ненавидимаго Молдаванами. Иванъ Подкова, довѣряя лукавымъ совѣтамъ Князя Януша Збаражскаго, достался измѣннически въ Королевскія руки. Король приказалъ его сковать и сослать въ Великопольскій городъ Раву, и онъ былъ бы даже казненъ

⁶⁵ Это сознаютъ сами Польскіе писатели: «Ostatni rok panowania Jana Olbrachta splamiony został ścięciem Eliasza, syna Piotra, Wojewody Multanskiego, szukającego w Polsce przytułku przed Stefanem.» См. Tablice synchronistyczne do historii Polskiej. Poznań, 1841, стр. 28, 37.

смертію, если бы собранная на сеймъ шляхта не ходатайствовала за столь заслуженнаго для Республики Козацкаго богатыря. Не смотря на то, Король Стефанъ, въ угоду Туркамъ, приказалъ послѣ привезти его въ Львовъ и на рынкѣ, какъ уголовному преступнику, отрубить ему голову. А чтобы знатные люди опять не просили пощады этого славнаго побѣдителя бусурманъ, Король въ это время отправился на охоту. Замѣчательное описаніе послѣднихъ минутъ жизни Ивана Подковы передалъ намъ Тосканскій агентъ Филиппъ Тальдуччи въ своихъ письмахъ изъ Польши и Литвы съ 1578—1583 г. “ Въ первомъ письмѣ, отъ 12 Юля, 1578 г., изъ Кракова онъ упоминаетъ о казни Ивана Подковы, «который владѣлъ уже всею Валахіей, казни, опозорившей Польскій народъ и причинившей Королю нѣкоторыя замѣшательства.» При томъ Тальдуччи препровождаетъ письмо, полученное имъ отъ достовѣрнаго лица (*persona digna di fede*), современника и очевидца, содержащее въ себѣ любопытныя подробности о казни Подковы и представляющее въ живописныхъ чертахъ кровавую картину смерти Русскаго героя, котораго доблести не могли не цѣнить современные Поляки и даже иностранцы. Вотъ письмо въ Русскомъ переводѣ:

«Его Величество Король (Стефанъ Баторій), уѣзжая изъ Варшавы, приказалъ привести Подкову, бывшаго Господаря Молдавіи, въ Раву, въ Мазовецкой землѣ и держать его тамъ подъ строгою стражей. Наконецъ приказалъ онъ привезти его во Львовъ, куда пріѣхалъ чаушъ (Турецкій посланецъ) не въ иной цѣли (какъ о томъ говорили), какъ только домогаться головы этого Подковы. Въ томъ же намѣреніи появился также Посолъ Молдавскаго Господаря, поднесшій Королю въ даръ 50 воловъ, четыре бочки мускату (вина), двѣ малыя бочки соленыхъ лимонъ и превосходную лошадь. Послѣ того, въ вонедѣльникъ, 16-го Юня, Его Милость Король выѣхалъ утромъ изъ города на два дня будто бы на охоту. Передъ своимъ выѣздомъ онъ далъ приказъ, чтобы весь городъ вооружился; онъ повелѣлъ то же гайдучамъ своей стражи, чтобы городъ былъ затворенъ, а еще прежде

“ См. *Monumenta historica Slavorum meridionalium, collecta a V. Makuszev. Varsoviae, 1874, паd. 385 — 387. Listy Annibala z Kapui, arcibiskupa Neapolitanskiego, Nuncyusa w Polsce, wyd. Alexander Przewdziecki. Warszawa, стр. 253 — 258.*

того онъ приказалъ уѣхать чаушу, какъ для собственной его безопасности, такъ и для устраненія подозрѣнія о томъ, что имѣло послѣдовать; ибо ему внушалъ подозрѣнія необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго частью для оказанія почтенія Королю, частью же, можетъ быть, и для того, что узналъ о привезеніи Подковы въ Львовъ.

Послѣ отъѣзда Его Милости Короля и по принятіи всякихъ мѣръ предосторожности, около 14-го часа былъ приведенъ на рынокъ несчастный Князь (*il misero principe*), однако же не съ связанными руками, и никто не держалъ его, по особенной милости, данной ему по его просьбѣ. Послѣ прочтенія ему смертнаго приговора, барабанный бой и невыразимый шумъ народа раздавался на площади... Прошедшись дважды по мѣсту казни, поглаживая бороду и смотря на народъ, безъ всякой боязни смерти, Подкова просилъ народъ притихнуть, и когда спокойствіе водворилось, онъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа Поляки меня привели на казнь, и я не знаю за что; ибо не вѣдаю за собою въ жизни моей никакой вины, достойной такого наказанія. Знаю одно только то, что я всегда сражался храбро и честно съ врагами имени Христіанскаго, и всегда старался о выгодахъ и пользѣ этого отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ, это было постоянною моею мыслію, — я старался удержать ихъ въ границахъ и не дозволить имъ перешагнуть черезъ Дунай, но я не могъ привести въ исполненіе своей задушевной мысли. Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно по винѣ того, доврившись коему я достался сюда,⁷ но я надѣюсь на Бога, что Онъ въ краткомъ времени накажетъ его, какъ втроломнаго пса за мою невинную кровь... Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ рукъ этого (указывая на палача), по тому что такъ привязался поганый песь къ вашему Королю, своему рабу, а Король вашъ къ палачу. Смерть мнѣ ни по чемъ. Но помните, что не пройдетъ много времени—и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ того поганнаго пса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущества

⁷ По замѣчанію Безыменнаго корреспондента здѣсь подразумѣвается одинъ Воевода Руси (*uno general de Russia*), поручившійся, что Подковѣ не будетъ сдѣлано никакого зла въ Польшѣ. Этимъ измѣнникомъ былъ Янъ Збаражскій, Воевода Брацлавскій. См. М. Бѣльскаго *Kronika polska*, III, стр. 1435.

и годовы вашихъ благодѣтелей.» Послѣ того, помолчавъ немного, онъ обратился къ восьми слугамъ своимъ, которые при немъ стояли и продолжалъ свою рѣчь: «Прошу васъ, этимъ слугамъ и моимъ товарищамъ, столь почтеннымъ, какъ я самъ, по моей смерти не причинять никакого зла: это—достопочтенные люди, много заслуженные Рѣчи Посполитой. По этой причинѣ слѣдуетъ, чтобы они не испытали никакой обиды, но чтобы вознаграждены были по своимъ заслугамъ.» Потомъ онъ прибавилъ: «Прошу еще васъ о томъ, чтобы этому безчестному человѣку (показывая на палача), какъ недостойному коснуться меня, не дозволено было прикасаться моему тѣлу послѣ моей смерти, но чтобы оно предоставлено было только моимъ людямъ, здѣсь присутствующимъ, для отданія мнѣ послѣдней услуги.»

Подкова умолялъ: весь народъ рыдалъ, особенно рыдало много воинствъ, пришедшихъ его ради сюда, но не могшихъ ему подать помощи, по причинѣ сдѣланныхъ великихъ предуготовленій для отпора хотя на лицахъ ихъ обнаруживалась печаль, какую они чувствовали въ своихъ сердцахъ. Одинъ изъ нихъ приступилъ къ осужденному съ большею чашею вина, а нѣкоторые говорятъ, что самъ Подковъ потребовалъ того; довольно, что онъ охотно принялъ чашу, выпилъ большой глотокъ и, обращаясь къ поднесшему ему вино, онъ говорилъ по мѣстному обычаю, что онъ пьетъ къ нему за здоровье его и всѣхъ его товарищей. Послѣ того Подкова прошелся еще два раза и, собираясь приготовиться къ казни, замѣтилъ пукъ соломы, на которомъ онъ имѣлъ приклонить колѣна. Поглядѣвъ на это, онъ воскликнулъ: «Боже мой! Не ужь ли я не достоинъ приклонить колѣна на что либо лучшее?» и, обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ: «Подите къ моимъ вещамъ и принесите мнѣ коверъ, оставшіяся еще у меня!» Когда это сдѣлано было, онъ складно приклонилъ колѣни, помолился и перекрестился по Русски (и не было этого Верноповѣданія) и, сомкнувъ глаза, ожидалъ смертнаго удара; но когда палачъ медлилъ, онъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «Что ты дѣлаешь?»—«Господинъ! Нужно прежде одѣжду такъ прибрать, чтобы не мѣшала.» Подкова отвѣчалъ: «Весьма хорошо!» Прирядивъ себѣ самъ одѣжду, сказалъ палачу, чтобы исполнилъ свою обязанность и, вручаясь Богу съ большимъ мужествомъ, ждалъ смертнаго удара. Нѣкто изъ присутствующихъ (вѣроятно, нарочно къ тому опредѣленный), для показанія, что удовлетворено «справедливости», поднесъ отрубленную голову и трижды показавъ народу.

Въ ту минуту раздался такой печальный ропотъ среди народа, что, если бы не приготовились къ отпору, можно было бы опасаться мятежа. Уже гайдуки, опасаясь даже чего-то, спустили ружье, однако на ничемъ кончилось. Но это событіе вообще произвело чрезмѣрно дурное впечатлѣніе, и видно, что и его Королевской Милости много повредило въ любви народа, хотя на конецъ все поправляется и о всемъ забывается...

Слуги Подковы прибрали мертвое тѣло и, пришивъ къ нему голову, положили трупъ въ зеленый гробъ, какъ говорятъ, имъ самымъ приготовленный, и отнесли въ ближайшую Русскую церковь—и ничего болѣе о томъ не слышно.»

Вотъ какъ иностранцы, пребывающіе въ Польшѣ, высоко цѣнили доблести Русскаго героя, и въ доказательство сего сообщали своимъ соотечественникамъ подробныя извѣстія о мужественной кончинѣ его. См. «Слово,» 1875 г., № 79. По другимъ извѣстіямъ выведенный на мѣсто казни, Иванъ Подкова сказалъ слѣдующія слова: «Голову мою и руки мои, такъ многократно освященные кровію Невѣрныхъ, приношу нынѣ въ жертву имени Христіанскому?» «Львовское Братство—Русскіе Православные граждане—приняли обезглавленное тѣло страдальца и похоронили его съ честію при своей церкви. Эти казни нарочно совершались въ столицѣ Галицкой Руси, для пристращенія народа и какъ выраженіе преобладанія Польши надъ Русью и Православіемъ.

Королямъ и Царямъ Польскимъ казалось, что они уже совершенно покорили Молдавію, и что, кромѣ Русскихъ, пребыли еще новые рыбы — Буковинская Русь и Румыны. Но Богъ смирилъ высокомеріе Ляховъ и далъ имъ почувствовать свою карающую десницу. Стефанъ Потоцкій, владѣвшій сотнями Русскихъ волостей, собралъ многочисленное полчище охотниковъ и самовольно напалъ на Молдавію. Просить Короля о соизволенія на походъ казалось ему лишнимъ; онъ даже не послушалъ Королевскаго напominанія отступить отъ этого предпріятія. Молдаване, съ своими союзниками, Турками, узнавъ въ чемъ дѣло, обступили со всѣхъ сторонъ вторгнувшагося непріятеля и

“Зубрицкаго. Kronika miasta Lwowa, 1844, str. 202. .

принудили все войско сдаться. Пльненнаго Потоцкаго, виновника этого нападенія, послали въ Стамбуль, гдѣ онъ заключенъ въ темницу. Турецкія войска обратились на Подолье и свободно предавали все мечу и огню, такъ какъ Потоцкій, въ своемъ высокомеріи, забралъ съ собою изъ Каменца и другихъ городовъ весь гарнизонъ. Ободренный столь счастливыми успѣхами оружія, Султанъ послалъ Скандеръ-Башу съ новымъ войскомъ къ границамъ Польши. Великій Гетманъ Жолкевскій вышелъ на встрѣчу къ городу Бусъ, при впаденіи Морахвы въ Днѣстръ, но не имѣлъ отваги и охоты вступить въ неравный бой и заключилъ даже, безъ соизволенія Республики, съ Турками договоръ, но безъ пользы для отечества. Онъ отказался (какъ сказано выше) отъ всѣхъ правъ на Молдавію и Валахію, уступилъ Туркамъ Хотинскую крѣпость и согласился на уничтоженіе Коронныхъ поселеній надъ Днѣстромъ. Впрочемъ, этотъ отказъ Польши отъ правъ на Молдавію не былъ искрененъ: Жолкевскій желалъ успокоить эту уверткой Турокъ, чтобъ они нѣкоторое время не тревожили Польши, такъ какъ онъ думалъ о походѣ на Москву, гдѣ его Король хотѣлъ сѣсть на престолъ Русскихъ Царей и требовалъ его помощи.

Съ этого времени Турки стали полными владѣтелями Молдаво-Волошскихъ Княжествъ, давали имъ по произволу Господарей и смѣняли себѣ противныхъ. Но Поляки скоро забыли, что имъ нельзя вмѣшиваться въ Молдавскія дѣла, начали опять свои происки и накликали на себя новую несчастную войну. Съдинами и лаврами покрытый Жолкевскій, хотя неохотно, подвинулся во второй разъ къ границамъ Молдавской земли и, по повелѣнію Короля, переправился чрезъ Днѣстръ. Однако жъ, какъ бы угрызаемый совѣстью, предвидя свою гибель, онъ написалъ къ Королю свое послѣднее прощальное письмо. Предчувствіе Гетмана сбылось. 7-го Октября, 1620 года, произошла памятная битва съ Турками подъ Чечорою: войско Польское было разбито на голову, и только остатки его достались въ плѣнь; степи, на которыхъ происходило сраженіе, покрылись многочисленными трупами, и лишь одни обозные чуры (слуги) спаслись бѣгствомъ и принесли ужасную для Короля и Пановъ вѣсть. Станиславъ Конецпольскій, Князь Корецкій и Потоцкій, находились между плѣнными; Жолкевскій палъ въ сраженіи, и Кантемиръ послалъ его отсѣченную голову Султану въ Цареградъ. Послѣ этой побѣды Татары нахлынули на Подольскую и Волинскую земли, и всеобщій испугъ былъ до того ве-

лякъ, что, по сказаніямъ Польскихъ историковъ, многіе знаменитые Поляки, уходя отъ опасности смерти, или отъ плѣна Татарскаго, бѣжали въ Гданскъ, въ Нѣмецкую землю, даже въ Швецію. Съ тѣхъ поръ Республика Польская принуждена была платить бусурманамъ ежегодную дань, и только мужественному Собѣскому удалось Журавинскимъ договоромъ освободить Польшу отъ постыднаго харача.

Послѣ этихъ тяжкихъ испытаній Польша все таки не переставала обращать свои жадные взоры на Буковину и Молдавскія земли. Теперь самъ побѣдитель Турокъ подъ Вѣной покушался покорить Молдаванъ Польской Коронѣ, но его походъ 1685 года, какъ и прежніе, не имѣлъ успѣха, и самъ полководецъ едва спасся отъ плѣна. Такъ же неблагополучно кончился и второй его походъ въ слѣдующемъ году, хотя Поляки и глубоко вторгнулись въ Молдавскую область. Не утрапившись этими несчастными походами, Собѣскій отправился, въ 1688 году, въ третій и въ 1691 году въ четвертый разъ, но всегда безуспѣшно. Молдавія не покорилась Польшѣ, тщетенъ былъ трудъ и напрасно струилась Польская кровь по степямъ Волошскимъ. По этому Кобержицкій справедливо назвалъ Волощину могилой Поляковъ (*Valachia est tumulus Polonorum*). И въ самомъ дѣлѣ, тысячи и тысячи воиновъ и много полководцевъ Польскихъ нашли себѣ въ Молдавіи гробъ. «Буковинскіе дѣса!», восклицаетъ Свѣнцій: «Если бы возможно выдавить сокъ деревъ вашихъ, то еще нынѣ протекла бъ изъ васъ кровь Поляковъ, избѣженныхъ невѣрными (?) Волохами.»⁶⁹ Самъ Залускій утверждаетъ, что война, веденная Яномъ III Собѣскимъ для завоеванія Молдавской земли, стоила трехъ несмѣтныхъ армій; что въ ней погибло много славныхъ древнихъ родовъ Польскихъ, истрачено болѣе ста милліоновъ золотыхъ, и наконецъ, ради Молдавіи, уступлено было три Воеводства Россіи. Однако жъ самая-то Польша не раньше Августа II, во время Карловицкаго договора 1699 г., упустила изъ виду Молдавію, чѣмъ и превратились навсегда споры Польши съ Турціей изъ за Молдавіи и Валахіи.

Вотъ краткое обозрѣніе исторіи Буковины, ея отношеній къ Молдавіи и отношеній Польши къ Румунамъ. Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Русскихъ Галичанъ къ Румунамъ

⁶⁹ *Opis Starożytnej Polski, przez T. Święckiego. Warszawa, 1828, II, str. 374.*

и о взаимныхъ связяхъ между ними. Уже выше было замѣчено, что Румунскіе пришельцы, поселившіеся на Русской землѣ, пользовались образомъ правленія по Славяно-Русскимъ обычаямъ, и что они, вмѣстѣ съ Русскими, употребляли въ Богослуженіи Церковно-Славянскій языкъ, а въ гражданскихъ дѣлахъ языкъ Русскій. Въ этомъ гражданскомъ союзѣ объ народности жили мирно и дружно; мы не знаемъ ни о какихъ столкновеніяхъ, или непріязненныхъ отношеніяхъ, Русскихъ къ Румунамъ. Если и было временное нерасположеніе другъ къ другу, то оно происходило по винѣ Поляковъ, старавшихся покорить себѣ Румунъ, чтобъ изъ Буковины и Молдавіи сдѣлать Польское Воеводство, въ которомъ они могли бы господствовать также, какъ въ Червонной Руси. Правда, что, при многократныхъ походахъ Поляковъ въ Молдавію, приєдналась къ Короннымъ полкамъ и Галицкая шляхта (по большей части ужь ополяченная) и гнула вмѣстѣ съ Польскою шляхтою, но за то въ рядахъ Молдавскихъ полковъ сражалось много сыновъ также Галицкой, угнетаемой Польскими вельможами, Руси. При такой обстановкѣ часто случалось, что Молдаване, мстя за сдѣланныя имъ Поляками обиды, дѣлали набѣги на соседнюю Русь, жгли и грабили дворы и имѣнія Пановъ. Замѣчательно, что въ народныхъ пѣсняхъ ни слова не упоминается объ этихъ разорительныхъ войнахъ Волоховъ; напротивъ того, народъ сохранилъ память Волоховъ прославленіемъ и величаніемъ ихъ за строеніе церквей, за то, что «Волоси церквей муруютъ съ трема верхами», то есть, по Православному обряду, въ Византійскомъ стилѣ.⁷⁰ Русь стояла всегда въ дружескихъ отношеніяхъ къ единственному Румунскому народу и его Воеводамъ, имѣя торговлю и другія сношенія съ ними. Большая половина Буковины и значительная часть Молдавскаго Воеводства населены были силою Русскимъ народомъ; языкъ Русскій былъ дѣловымъ, правительственнымъ и придворнымъ языкомъ Молдавіи. Знатнѣйшіе Русскіе вельможи: Князья Вишневецкій, Корецкіе, женились на дочеряхъ Молдавскихъ Господарей, и самые Московскіе Князья вступали съ ними въ брачныя союзы. Что касается церковныхъ дѣлъ, то Галицко-Русское духовенство было въ непрерывной связи съ Молдавскою іерархіей. Когда, въ слѣдствіе происковъ Польскихъ, Галицкая Православная каедрa, въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ оставалась незаня-

⁷⁰ Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 12.

тою, Русское духовенство отправлялось на посвященіе къ Сучанскому Митрополиту, доказательствомъ чему служитъ Королевская подтвердительная грамота на Львовскую Епископію послѣднему Намѣстнику Макарію Тучанскому въ 1539 году. Русская Церковь имѣла двухъ славныхъ Кіевскихъ Митрополитовъ происхожденія Румунскаго: Григоріа, названнаго Цамвлакомъ (то есть, Семивлакомъ или Полувлакомъ), и Петра Могилу, столь много сдѣлавшаго для Православной Церкви и просвѣщенія Русскаго народа. Многіе изъ Молдавскихъ Государей оказались усердными покровителями Православія въ Галичинѣ; не одна церковь построена и украшена на счетъ ихъ пособій и даровъ. Въ особенности Львовская Ставропигіальная церковь Успенія Пресв. Богородицы воздвигнута по ходатайству и на иждивеніи Государей, по чему она и до сихъ поръ слыветъ у народа Волошскою. Именно же по ходатайству Молдавскихъ Государей, Петра и Іереміа Могилы, въ 1590 году Король Сигизмундъ III разрѣшилъ на мѣстѣ сгорѣвшей церкви въ Львовѣ построить новую, и для скорѣйшаго построенія ея, упомянутые Господари жертвовали немалую долю своего имущества. Послѣ того великими благодѣтелями этой церкви и Ставропигіальнаго Братства были Молдавскіе владѣтели: Ааронъ, Симеонъ, братъ Іереміа Могилы (1607 г.), который имѣлъ свои помѣстья въ Галицкой землѣ, Радуль, Мигоня (1623 г.), Мойсей (1624), Миронъ Бернавскій, Василій (1644) и Константинъ Дука (1694 г.).⁷¹ Имена этихъ благодѣтелей записаны въ памятникахъ братствъ и церквей, которыя они надѣляли церковною утварью и книгами. При Русскихъ перквахъ многіе Румунскіе Господари, Гетманы, Логоветы и проч. нашли упокоеніе для своихъ бранныхъ остатковъ. Этотъ братскій союзъ между единовѣрными Румунами и Русскими продолжался непрерывно до конца XVII столѣтія. Только унія съ Римомъ, на принятіе которой Галичане окончательно согласились, разрушила единомысліе двухъ братскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ Молдаване, придерживаясь древняго Православія, прервали всѣ связи съ совратившимися въ Папство, давнишними друзьями и союзниками.

Въ такихъ отношеніяхъ стояла Галицкая Русь къ сосѣднимъ Молдаванамъ въ то время, какъ Турецкое господство становилось съ

⁷¹ См. Д. Зубрицкаго, Лѣтопись Ставропигіальнаго братства, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1849 и 1850 гг.

каждымъ днемъ тяжѣе для Румунъ. Особенно же страдала страна отъ постоянно смѣняемыхъ и назначаемыхъ Султанами разныхъ временщиковъ, пройдохъ и Фанаріотовъ, которые были, въ сущности, не болѣе, какъ временными отпущиками Государскаго достоинства Буковина — эта древнѣйшая область Молдавіи, имѣла ту же участь что и другія области Румунскія. Только со временъ Петра Великаго и Русско-Турецкихъ войнъ XVIII в. по временамъ мерцала надежда на освобожденіе Молдавіи и Буковины отъ Турецкаго ига. Съ 1769 года по 1775 Буковина была занята въ послѣдній разъ Русскими и обращена Панинымъ въ Русскую область.¹² Въ слѣдствіе Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата Буковина была опять возвращена Турціи, а за тѣмъ, по особому договору, добровольно уступлена Австріи,¹³ которая, на основаніи конвенціи съ Россіей и Турціей 2-го Іюня, 1777 года, присоединила ее къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ.

Во время присоединенія Буковины къ Австріи считали въ ней исключительно два народа, къ юго-востоку Румуны, а на сѣверо-западъ Русскіе, и всѣ они были Православные. Католиковъ вовсе не было, такъ какъ не было ихъ въ Галичинѣ до завладѣнія земли Поляками. Соображаясь съ нынѣшнимъ состояніемъ, мы не можемъ себѣ представить, что такъ было на дѣлѣ, но, разсмотрѣвъ «Схематизмъ Римско-Католическихъ приходовъ въ Буковинѣ», убѣждаемся, что по 1778 годъ во всемъ краѣ не было не одного Католическаго (даже Уніятскаго) костела, ни одного прихода, ни одного Ксендза, ни одной Протестантской кирки и, кажется, ни одной Еврейской синагоги. Въ землѣ, въ которой жилъ Митрополитъ Сучавскій и Радовецкій Епископъ были вездѣ только Православныя церкви и монастыри. Первые Католическіе костелы и приходы завели Австріицы съ 1778 года. Нынѣ

¹² Въ это время Императрица Екатерина II построила въ Горечѣ, востгъ Черновца, великолѣпную каменную церковь и монастырь. Однако жъ Императоръ Іосифъ II вскорѣ уравнилъ монастырь, и осталась только приходская церковь.

¹³ Въ первой статьѣ договора, съ 7-го Мая, 1775 года, говорится: «Pour donner une preuve non equivoque d'amitié, d'affection et de bon voisinage la Sublime Porte donne et abandonne et cède à la eur impérial les terres contenues d'une part entre le Niester, le confin de Pokoutie, de Hongrie et de Transilvanie.»

считается въ Буковинѣ Католиковъ около 50,000 душъ. Отмѣтимъ годы учрежденія Католическихъ приходоу и построенія костеловъ, которые, по большой части, сооружались на счетъ казны. При этомъ означимъ и нынѣшнее число душъ Католиковъ, вмѣстѣ съ числомъ живущихъ на пространствѣ каждаго Католическаго прихода Православныхъ душъ.

Въ 1778 г. учрежденъ Римско-Католическій приходъ въ м. Садагуръ; нынѣ считается въ немъ 416 душъ, съ 12 приписными деревнями 1,559 душъ Католиковъ, на пространствѣ, въ которомъ живетъ 14,590 Православныхъ. Въ 1784 г. возникъ приходъ въ м. Вашковцахъ (Waschkoutz) 646 д. съ 22 приписными деревнями 1,761 д. Кат., Православныхъ же 33,653 д. Въ 1785 г. явились приходы въ м. Гура-Хумора (Gura-Humora), гдѣ нынѣ считается 4,340 д. съ 17 приписными деревнями 4,038 Катол., а Православныхъ 8,132 д.; въ сс. Иштеншегичъ (Istensegics) и Фогоди-Иштенъ (Fogody-Isten), Мадьярское поселеніе, гдѣ 2,332 д., съ 11 прип. с. 2,753 д. Кат., а Правосл. 4,817 д.; въ м. Кимполунгъ (Долгополе) 596 д., съ 11 прип. дер. 1,113 Кат., Православныхъ 11,813 д.; въ с. Качикъ 707 д., съ 8 прип. дер. 1,713, и Нѣмецкое поселеніе Новый Солонецъ (Neu-Solonetz); Правосл. 9,052 д.; въ с. Люизенталь Нѣмек. посел. 378 д., съ 2 прип. с. 840 д. Катол., Правосл. же 2,979 д. Въ 1786 г. основаны приходы въ г. Черновцахъ, 5,341 д., съ 19 прип. дер. 8,323 д., Православныхъ же 29,938 душъ; въ м. Бояны 844 д., съ 9 прип. дер. 1,611 Катол., а Православн. 12,583 д.; въ м. Серетъ 1,527 д., съ 37 прип. дер. 2,760 Кат., 25,355 Православ.; въ г. Сучавъ, 2,050 д., съ 26 прип. 2,549 Кат.; Правосл. же 21,183 д. Въ 1792 году явился Католическій приходъ въ г. Радовцахъ (Radautz) 2,721 д., съ 7 прип. 3,025 Кат., Православныхъ же 7,965 д. Въ 1794 году въ с. Хадикъ-фалва (Hadikfalva), 1,855 д., съ прип. Турнеште (Мад. посел.) 2,930 д. Кат. и только 12 д. Православныхъ. Въ 1812 г. въ м. Коцманъ 495 д., съ 25 приписн. 1,618 д., Правосл. же 33,788 д.; въ м. Вышницъ (Wischnitz) 230 д., съ 23 прип. 1,009. д. Кат., 30,460 Правосл. душъ; въ с. Арасна 655 д., съ 15 приписн. 1,998 д., Правосл. же 81,553 д.; въ с. Заставка 305 д., съ 29 прип. 1412 д. Кат.; Правосл. же 37,042 д. Въ 1818 г. въ с. Якобены 800 д., съ 8 прип. 1437 д. Кат., Правосл. 7,000 д. Въ 1842 г. въ с. Карлсбергъ (Нѣм. посел.) 760 д. съ 12 прип. 1,134 д., Православн. же 13,303 д.

Въ 1843 г. въ с. Андрашфальва (Andrasfalva), Мад. посел. 1,430 д., съ 4 приписн. 2,120 д. Кат., Правосл. же 3,000 д.; въ с. Фюрстен- таль, Нѣм. посел., 613 д., съ 5 прип. 786 Кат., а Правосл. 6,703 д. Въ 1856 г. въ с. Солька 519 д., съ 7 прип. 1,397 д. Кат., Правосл. же 7,534 д.; въ с. Иозеффальва (Jozseffalva), Мад. посел. 543 д. Кат., съ 14 приписн. с. 1,174 д. Кат., на пространствѣ же живутъ 9,289 Правосл. душъ.

Такимъ образомъ Австрія, принявъ Буковину въ отношеніи народности полу-Румынскою и полу-Русскою, а по вѣроисповѣданію чисто Православною, способствовала поселенію въ ней иностранцевъ, особенно Евреевъ, навела Нѣмецкихъ, Мадыарскихъ и другихъ поселенцевъ и распространила Католичество, учредивъ въ землѣ 23 Римско-Католическихъ и 10 Уніятскихъ приходовъ. Какъ быстро шло заселеніе въ этой прекрасной области, видно изъ того, что, когда, по ревизіи, въ 1790 г. въ Буковинѣ было всего только 80,000 д., въ 1835 г. считалось уже 230,000 д., а въ 1851 г. 380,826 д.; нынѣ же считается болѣе 500,000 душъ.

Но, при всемъ томъ, Румынское и Русское населеніе находится здѣсь въ преобладающемъ большинствѣ, и Русская народность, подъ кровомъ Православія, сохранилась цѣльнѣе, чѣмъ въ сосѣдней Галичѣ и Угріи.

Въ заключеніе предложимъ выводы нашихъ изслѣдованій:

1. Сѣверо-Угорская Русь происходитъ отъ первобытныхъ мѣст. ныхъ Славянъ, на которыхъ, вѣроятно, еще Владимиръ Великій распространилъ свою власть.

2. Во второй половинѣ XIII столѣтія Король Владиславъ Куманъ поселилъ Румынъ между р. Марошемъ и Тисой (въ Мараморошѣ). Румыны, въ соединеніи съ тамошними Русскими, отбивались отъ Католиковъ, нападавшихъ на нихъ.

3. Въ половинѣ XIV столѣтія Воевода Богданъ Драгошъ выселился изъ Марамороша, занялъ Буковину и основалъ Молдавское Государство (Воеводство).

4. Раньше того Князь Ѳедоръ Коріатовичъ, получивъ отъ Короля Карла Роберта въ удѣлъ Мукачевскую область, поселился въ Мукачевѣ.

5. Напротивъ того, многіе выходцы изъ Молдавіи поселялись въ Галичинѣ на особыхъ правахъ, называемыхъ Волошскими.

6. Въ Молдавскомъ Воеводствѣ долго удерживался Церковно-Славянскій языкъ въ Богослуженіи, а Русскій языкъ—въ гражданскихъ дѣлахъ и правленіи.

7. Русь стояла всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ Румунами: они искренно помогали другъ другу, пока унія съ Римомъ, заведенная въ Галичинѣ, не разрушила единомыслія двухъ братнихъ народовъ.

8. Австрія, принявъ Буковину въ свое владѣніе, способствовала поселенію инородцевъ и распространенію Католичества, однако же Русское и Румунское народонаселеніе преобладаетъ въ Буковинѣ и до сихъ поръ.

IV

МАТЕРІАЛЫ ІНОСТРАННІЕ

ОТДѢЛЪ IV.

Царьградъ.

Мы прибыли въ Царьградъ (Constantinople) до полудня, въ среду, Октября двадцать перваго. Въ этотъ день исполнилось ровно три мѣсяца со дня нашего отшествія изъ Аленпа. Мы пристали въ монастырь Воскресенія, за Кабрскими воротами, вблизи Патріаршихъ палатъ. Владыка нашъ еще изъ Брусы послалъ письмо къ Патріарху Царьградскому, Киръ Паисію, и его Митрополитамъ, прося, по древнему обычаю, благословенія ихъ посѣтить Царьградъ. Они были весьма довольны, что, вопреки дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ, Владыка оказалъ имъ достоюжное уваженіе: и они немедленно прислали Владыкѣ Патріаршую грамоту (Εἰστατικόν) ⁵³ съ благословеніемъ (вступить въ ихъ предѣлы) со всѣми преимуществами (сана). И теперь, ввечеру, Владыка посылалъ просить у нихъ дозволенія посѣтить ихъ на слѣдующій день. Въ четвертокъ, утромъ, по этому Царьградскій Патріархъ прислалъ ко Владыкѣ своихъ Митрополитовъ и, въ опредѣленный для посѣщенія часъ, они предстали предъ лицо его, и сопровождали въ Патріаршія палаты. Какъ только Владыка вступилъ во врата, его встрѣтили два Священника, одинъ съ Евангеліемъ, другой же съ иконою, а Діаконы съ кадилами, всѣ въ облаченіяхъ: Владыка, согласно обычаю, прикладывался къ Евангелію и къ иконѣ, Діаконы же ему кадили. Тогда одинъ изъ Митрополитовъ вручилъ ему серебряную патерицу (жезлъ), а ливъ пѣвчихъ запѣлъ: «Достойно есть» (Ἀξιόν ἐστίν), продолжая пѣніе, пока, вмѣстѣ со Владыкой, они не вошли въ крестовую церковь Патріарха, которая во имя Св. Великомученика Георгія. Въ то время, какъ Владыка нашъ прикладывался ко Святымъ иконамъ, что на Царскихъ вратахъ, вошелъ Патріархъ Царьградскій, облаченный въ мантию и остановился напротивъ своего Патріаршаго престола. Владыку нашего возвели на другой престолъ, на противоположной сторонѣ. Діаконъ возгласилъ ектенію: «Помилуй насъ, Боже, по величій милости Твоей»; поминалъ Государя Московскаго, Царя Алексія, Царицу Марію, Государя Молдавскаго, Василія, и супругу его, Екатерину, Валахскаго Матеія, и супругу его,

⁵³ Екстатиконъ, грамота съ числою печатію, что у Римскихъ Первосвященниковъ называется булла, отъ приняшенныхъ золотыхъ, или серебряныхъ, шариковъ съ печатію Папы. А.

Елену, Кирь Пансія, Патріарха Цареградскаго, и Кирь Макарія, Патріарха Антіохійскаго, а ликъ отвѣтствовалъ на каждое возгласеніе трикратнымъ: «Господи, помилуй!» (Κύριε ἐλέησον).»

По совершеніи литіи ⁵⁴ и по отпустѣ, который говорилъ слушащій Іерей, оба Патріарха сошли со своихъ возвышеній, прощались другъ у друга въ своихъ прегрѣшеніяхъ и пошли рядомъ, предшествуемые двумя свѣщеносцами, несшими высокіе серебряные подсвѣчники съ горящими пламенниками (лампадами): Митрополиты слѣдовали за ними, пока они не вошли въ Патріаршіе покои. Здѣсь они сѣли къ столу, между тѣмъ пѣвчіе продолжали пѣть. Патріархъ Цареградскій оказалъ нашему Владыкѣ всевозможный почетъ и любвеобильное благоволеніе. Подавали столько всякаго рода снѣдей, и столько различныхъ винъ, что описаніе ихъ не возможно. Передъ вечеромъ Патріархи сошли (въ церковь) совершить вечернее моленіе (вечерню?), и послѣ того простились другъ съ другомъ. Нашъ Владыка возвратился въ монастырь, сопровождаемый Митрополитами, предшествуемый и сопровождаемый духовенствомъ, Валашскимъ и Молдавскимъ ⁵⁵ Послами (Каби Кахія) и иными, слѣдовавшими за нимъ; пока, благословивъ ихъ, онъ ихъ не отпустилъ. Именитые люди изъ Христіанъ безпрерывно къ нему подходили, чтобы привѣтствовать его.

На канунѣ Воскресенія (Воспоминанія великаго труса?) ⁵⁶ Владыка нѣшъ, по приглашеніи Патріарха Цареградскаго, шест-

⁵⁴ Въ Англійскомъ переводѣ читаемъ: «Upon the conclusion of the service by the officiating priest,» т. е., «по заключеніи службы служившимъ Священникомъ.» Весьма вѣроятно, что описатель путешествія и назвалъ это краткое служеніе, при встрѣчѣ Владыки бывающее, но переводчикъ слово λυτή (прошеніе, моленіе), незнакомое ему, какъ обозначеніе особаго служенія, перевелъ общимъ словомъ служеніе, а не словомъ литія, какъ бы слѣдовало, или словомъ литанія. Д.

⁵⁵ Каби Кахія (Kabi Kachia) Молдавскій и Каби Кахія Валашскій, представители Князей этихъ двухъ областей, пребывающіе въ Цареградѣ для отправленія нуждъ своихъ влѣстителей по сношеніямъ гражданскимъ и церковнымъ съ Портою и Греческимъ Патріархомъ. Бельф.—Слѣдовательно, въ родѣ Пословъ, или Ковсуловъ, Совѣтниковъ, Повѣренныхъ. Д. и т. п.

⁵⁶ Въ Англійскомъ переводѣ поставлено Арабское слово, опредѣляющее названіе недѣли, т. е., Воскресенія; а такъ какъ въ Царьградѣ Патріархъ прибылъ 21 Октября, а 26 ч. празднуется Воспоминаніе великаго труса (или землетрясенія, бывшаго въ Царьградѣ въ 740 г., при Львѣ Исаврянинѣ), то думаю этому празднеству правилъ Патріархъ въ день недѣльный. Д.

воваля въ Патріаршую церковь; они оба вошли вмѣстѣ въ мантияхъ и въ одно и то же время прикладывались ко св. иконамъ, и передъ каждымъ изъ нихъ во все время богослуженія свѣщеносецъ держалъ серебрянный подсвѣчникъ съ горящимъ пламенникомъ. Каѳизму ⁵⁷ читалъ одинъ изъ Діаконовъ, стоявшій (посредѣ церкви) между обоими Патріархами. На (последней) «Славѣ» (Δόξα) Священники стали попарно подходить и совершать метаніе ⁵⁸ передъ Патріархомъ Цареградскимъ, а послѣ того и передъ Антіохійскимъ, повторяя оное дважды; всѣхъ паръ было пять. За тѣмъ они вошли (въ алтарь), облачились въ ризы, кругомъ пошли на выходъ и стали около Патріарха полукружіемъ. Діаконъ, ставъ поодаль отъ Царскихъ вратъ, кадилъ сперва имъ, а послѣ того Патріархамъ, Священникамъ и всѣмъ присутствовавшимъ отъ ляка, и Священники заѣли велимъ гласомъ: «Свѣте тихій!» Тогда Діаконъ возвратился и снова кадилъ Патріархамъ, а Священники, поклонившись имъ, начали попарно входить въ алтарь, гдѣ разоблачились: таковъ иль здѣсь обычай на канунѣ воскресныхъ дней и нарочитыхъ праздниковъ. Эти Священники изъ приходскихъ ⁵⁹ церквей, находящихся окрестъ Патріаршихъ пазать, и это признакъ, что они готовятся на утро совершать литургію, какъ мы уже о томъ замѣчали прежде. Въ конецъ литіи Патріархи благословлялись другъ у друга и вышли внѣ храма, предшествуемые двумя свѣщеносцами и совсѣмъ соборомъ, ставшимъ рядами. Тогда одинъ изъ свѣщеносцевъ ⁶⁰ возгласилъ громогласно: «Святѣйшему Паисію, Архіепископу Константиногра-

⁵⁷ The *каѳизмата of the Psalms*, Книга псалмовъ, въ Греческой Церкви (т. е., у Грековъ), раздѣлена на 20 отдѣловъ или каѳизмъ (по словесному значенію слова сѣдалень), которыя читаются въ опредѣленное время, соотвѣтственно указаніямъ Устава. Бельф.

⁵⁸ *Μετάνοιας*, метаніе, т. е., низкій почесной поклонъ съ опущеніемъ правой руки такъ, чтобы она касалась земли. Д.—Ихъ метаніа, наклоненія тѣла, равноущіяся почти распростертію на земли, совершаются Священниками передъ Патріархомъ и Архіепископами, соотвѣтственно достоинству ихъ сана, въ опредѣленное время Богослуженія. Бельф.

⁵⁹ Въ Англійскомъ переводѣ сказано: «the churches of the districts,» т. е., Уѣздныхъ церквей; но такъ какъ эти церкви были въ городѣ, около Патріаршаго двора, то, думаю, правильнѣе сказать «приходскихъ церквей.» Д.

⁶⁰ Свѣщеносцами иногда бываютъ и Поддіяконы. Д.

да, Новаго Рима и Патріарху Вселенныя, многая лѣта!» ⁶¹ трикраты повторяя этотъ возгласъ. Патріархъ, между тѣмъ, приподнявъ правую руку, благословлялъ народъ. Подобнымъ же образомъ и другою свѣщеносецъ возгласилъ трикраты: «Блаженнѣйшему Макарію, ⁶² Патріарху Божія Града, Антіохіи Великой, и всего Востока, многая лѣта!» и Владыка нашъ, возвысивъ правую руку, благословлялъ народъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Владыки сняли мантии, а Патріархъ Цареградскій пригласилъ Владыку къ себѣ въ палаты, гдѣ они и трапезовали вмѣстѣ. Послѣ того онъ провожалъ своего гостя до нижнихъ воротъ, гдѣ и разстались, и, радуясь духомъ, возвратился нашъ Владыка въ свой монастырь.

На утро выше реченнаго Воскресенія мы снова явились въ ту же церковь, и Митрополиты вышли на дворъ встрѣтить Владыку, облекли его въ мантию и сопровождали его впереди и позади при шествіи въ церковь; предъ нимъ несли два серебряныхъ подсвѣчника. По входѣ своемъ въ храмъ, онъ благословлялъ всѣхъ присутствовавшихъ и, пришедши къ своему Патріаршему мѣсту, на немъ сталъ. Послѣ: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа» Цареградскій Патріархъ, сошедъ съ своего мѣста, прикладывался ко св. иконамъ и благословлялъ предстоящихъ; за нимъ послѣдовалъ нашъ Владыка, потомъ высшее духовенство попарно, послѣ Священники и всѣ, находившіеся во храмѣ, прикладывались къ иконамъ. Ибо во всѣхъ Греческихъ странахъ, въ Валахіи и Молдавіи, нѣтъ человѣка, который (будучи во храмѣ) не прикладывался бы раннимъ утромъ ко св. иконамъ, и послѣ того вторично въ концѣ обѣдни, по принятіи антидора, даже женщины и дѣти. Какъ и у насъ, они уходятъ изъ церкви по окончаніи литургіи; но здѣсь они расходятся также и послѣ утрени (*Ὁρθρος*) и возвращаются часа два спустя. Когда Діаконъ по аллилуія (по прочтеніи Апостола) кадитъ, онъ исходитъ изъ алтаря и кадитъ Патріарху, стоящему на престольномъ своемъ мѣстѣ, творя ему поклонъ и прося благословенія на чтеніе ⁶³ Евангелія. За тѣмъ,

⁶¹ Πολλά τὰ ἔτη, Многая лѣта, тоже употребляется и при обыкновенной встрѣчѣ, какъ привѣтствіе. Бельо.

⁶² Титулъ Патріарха Цареградскаго: «Святѣйшій Патріархъ Константинограда и всея Рселенныя,» а Антіохійскаго: «Блаженнѣйшій Патріархъ Божія града, Антіохіи, Великія и всего Востока.» Д.

⁶³ Все это описаніе богослуженія чрезвычайно сбивчиво и трудно себѣ опредѣлить, что описывается, утренняя ли, или литургія. Д.

покадивъ Царскія врата и св. иконы, онъ возвращается въ алтарь и, пріавъ отъ рукъ Священника Евангеліе, исходитъ съ онимъ сѣверными дверьми и вступаетъ на амвонъ ("Αμβων), находящійся на сѣверной сторонѣ храма. Пѣвчіе поютъ весьма протяжно: Εἰς πολλὰ ἔτη, Δέσποτα) (т. е., На многая лѣта, Владыко) 'въ то время, когда Діаконъ, сошедъ съ амвона, несетъ его Патріарху для цѣлованія. Въ концѣ ектеніи многократно повторяется: «Лицы оглашенніи (κατηχούμενοι) изыдите!» Въ срединѣ ектенія сложная (Συκέτες), т. е., та, въ концѣ которой прошенія мирная: «Миромъ Господу помолимся,» и онъ присовокупляетъ къ ней: «О свышнемъ "мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ,» «о мирѣ всего міра,» «О святѣмъ храмѣ семъ,» «О святѣйшемъ Патріархѣ нашемъ,» «О Благочестивѣйшемъ Государѣ и о Супругѣ Его,» «О пособіи и прочее, и «Премудрость» (Σοφία), и все прочее, а въ то время Священникъ читаетъ молитву (прилежнаго моленія, εὐχή) про себя. Послѣ возгласа онъ повторяетъ снова: «Заступи, спаси» и проч.: «О святѣмъ храмѣ,» «О благораствореніи воздуховъ,» «О плавающихъ,» «О избавитися намъ» и «Заступи» и «Премудрость» и т. д., а Священникъ между тѣмъ докончаетъ свои молитвы. Здѣсь велики и послѣдованіе (церковное) и смиреніе; поклоны даже до земли и весьма многочисленны: я разумѣю Греческое духовенство во время совершенія литургіи, и въ особенности объ ихъ благоговѣніи въ то время, когда они приступаютъ къ принятію Святыхъ Тайнъ. Діаконъ помпнаетъ Патріарха во время перенесенія Св. Даровъ. Въ концѣ литургіи оба Патріарха раздавали антидоръ, каждый на своей сторонѣ. При выходѣ ихъ изъ церкви свѣщеносцы возглашали точно также, какъ на канунѣ вечеромъ, а Патріаршіе Яничаре (Janissaries) постоянно предшествовали имъ съ мечемъ, расталкивая (толпу) и очищая путь предъ ними. Въ этотъ день было снова ширшество, съ которого мы вернулись къ себѣ уже не прежде вечера. Въ навечеріе дня праздества Св. Великомученика Димитрія мы слушали вечерню въ монастырской церкви, которая во имя Св. Великомученика Георгія. На утро Патріархъ прислалъ къ Владыкѣ двухъ изъ Митрополитовъ:

⁶⁶ Въ Англійскомъ переводѣ: «For the salvation of his Highness», т. е., «О спасеніи его Высочества.» Это ошибка, во первыхъ, нѣтъ такого и прошенія ни въ одной ектеніи, и во вторыхъ, видно, что Бельфуръ не ясно повидъ, что тутъ нѣтъ и рѣчи ни о какомъ высочествѣ, но испрашивается свышняго мира и спасенія. Д.

товъ, Протосингела ⁶⁵ и старшаго изъ Протодіаконовъ, которые сопровождали Владыку въ Патріаршую церковь, а по окончаніи богослуженія Владыку опять они пригласили къ своей трапезѣ. Не лишнимъ считаю замѣтить, что наши Греческіе о Христѣ братья вездѣ, гдѣ бы они ни были, соблюдаютъ Димитріевскій постъ, начинающійся съ 1-го Октября, во все время до самаго дня праздниства Святаго (26 Октября), воздерживаясь отъ скоромной пищи. Равнымъ образомъ постятся они и ради Архангела Михаила, съ 1-го Ноября въ теченіи восьми дней. Исключая этихъ постовъ, у нихъ установлены еще и другіе въ честь иныхъ Святыхъ, о которыхъ, аще Господь изволитъ, мы упомянемъ въ послѣдствіи. Вотъ описаніе Патріаршей церкви въ Царѣградѣ во имя Св. Великомученика Георгія. Передъ оною площадка, а съ сѣверной стороны рядъ пристроекъ, ⁶⁶ въ которыхъ помѣщаются Патріаршіе писцы. Прямо къ церкви примыкаетъ обширный шатеръ, притворъ, ⁶⁶ изъ котораго въ нее спускаются по ступенямъ. Храмъ по образцу всѣхъ соборныхъ храмовъ, съ тремя отдѣлами, каждый подъ шатровою кровлею. Храмъ имѣетъ еще и иной выходъ изъ паперти съ сѣверной стороны. Въ этой части храма становятся женщины, и для нихъ наружная дверь, выходящая на улицу. Храмъ весьма обширенъ и имѣетъ три алтаря. Клиросныя мѣста, совершенно равныя въ два ряда, простираются отъ предъалтарія (иконостаса) до входной двери во храмъ. За ними есть еще ряды сѣдалищъ, и также кругомъ всей церкви. Патріаршій престолъ по правую сторону, между рядами сѣдальныхъ мѣстъ; онъ весьма величественъ и со ступенчатымъ восхожденіемъ, весь прорѣзной и высокаго художества. Съ

⁶⁵ Πρωτοσύγγελος, главный чиновникъ Патріарха, который по большей части правитъ всѣми дѣлами Патріархата. Белье.

Въ книгѣ «Новая Скрижаль» эта должность объясняется такъ: «Протосингелъ справедливѣе называется Протосингеллъ, Protosynsellus; Сингеллъ отъ sella, келія, есть человекъ, живущій съ кѣмъ ни будь въ одной келіи, или близъ нея. Первый долгъ Сингелловъ и Протосингелла—жить въ Патріаршемъ домѣ. А по тому они, сверхъ той должности, какая имъ поручается при домѣ, обязаны носить монашескій санъ, который носить и Патріархъ, такъ какъ при Патріаршемъ дворѣ, но были и міряне и женатые. Д.

⁶⁶ Gent house, какъ читаемъ въ Англійскомъ переводѣ, собственно означаетъ навѣсъ; но тутъ, по самому смыслу этого слова, допустить этого не возможно, и по тому въ первомъ случаѣ переводимъ его словамъ пристройки, во второмъ приговоръ, или паперть. Д.

противуположной стороны, на лѣво, между сѣдальными мѣстами, подобный же престолъ, но нѣсколько пониже: онъ предназначенъ для Патріарха посѣтителя. Иконостасъ ⁶⁷ высокъ и благолѣпенъ, и весьма большія иконы надъ Царскими вратами, обширныхъ размѣровъ, писаны въ Москвѣ. Икона Св. Великомученика Георгія собственноручной работы самой Царицы. ⁶⁸ Подсвѣчники велики и благолѣпны. Паникадило, которое они называютъ Хорось (Χορός), все изъ желтой мѣди, кованное въ Венеціи и сходное съ тѣмъ, которое во храмѣ Воскресенія. Алтари просторны; а за тѣмъ алтаремъ, который съ сѣверной стороны, есть дверь, ведущая въ книгохранилище, откуда есть выходъ позади церкви на дворъ, обращенный на улицу. Это такъ устроено съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ ежели бы Священника внезапно постигла необходимость отлучиться изъ церкви, онъ могъ удовлетворить нуждѣ, не проходя мимо народа. На сводахъ южнаго алтаря писанныя изображенія Авраама и Мельхиседека. Послѣдній изображенъ съ убѣленною бородою, которая длиннѣе чѣмъ у Авраама. Его голова окружена красною повязкою, подобною той, съ какою изображаютъ Пророка Даніила, волосы же распущены. Онъ

⁶⁷ Для насъ слово иконостасъ, εἰκονόστασις, совершенно понятно и не требуетъ истолкованія, ни объясненія; не таковымъ казалось оно Бельфуру, который очевидно смѣшиваетъ иконостасъ, вмѣщающій свят. иконы, съ аналоемъ, или надоемъ, на которомъ полагаются иконы праздникоу. Вотъ примѣчаніе Бельфура: «εἰκονόστασις есть поставецъ, поставляемый при входѣ во храмъ, для того, чтобы на оный полагать икону Святаго, или праздника дня. Входящіе во храмъ кладутъ земные поклоны передъ иконою, прикладываются къ ней и возжигаютъ передъ нею малую восковую свѣчу, каковую для сего покупаютъ при входѣ во храмъ».

⁶⁸ Объ иконѣ Св. Великомуч. Георгія Бельфуръ говоритъ: «The picture of St. George is entirely executed by the hand of Our Lady,» т. е., «Изображеніе Св. Георгія вполне дѣло рукъ Пресвят. Богоматери.» Писанное ли оно, вышитое ли, не упоминается. Доказывать всю негѣшность, заключающуюся въ этихъ словахъ, считаю совершенно излишнимъ. Не обвиняю Арабскаго повѣствователя, но думаю, что переводчикъ неточно понялъ смыслъ подлинника. Послѣ описанія иконостаса, въ которомъ иконы, писаныя въ Москвѣ, немедленно слѣдуетъ описаніе иконы Св. Георгія; это сопоставленіе наводитъ меня на мысль: на самую ли Царицею (супругой Государя Московскаго) вышита эта икона? Или не какую ли ни будь Греческою Царицею? Ежели же икона работы жены Царя Алексѣя Махайловича, Царицы Маріи Ильиничны, неумудрено, что въ подлинникѣ было: «изображеніе Св. Георгія вполне работа рукъ самой Госпожи Царицы Маріи.» Д.

облеченъ въ одежду, похожую на фелонь (Φελώνιον) Святаго Григорія, Епископа Великія Арменіи. ⁶⁹ Армянская одежда (подъ Фелонію) ⁷⁰ и сверху парчевой Омофоръ. ⁷¹ Онъ держитъ въ рукахъ нѣчто, похоже на бѣлую ладью, наполненную чѣмъ-то краснымъ, какъ бы виномъ, сверху же лежатъ три шарообразныхъ бѣлыхъ хлѣба, съ изображеніемъ на оныхъ двухъ красныхъ крестовъ. Это тѣ хлѣбы и вино, съ которыми онъ встрѣтилъ Авраама. Надъ изображеніемъ сверху надпись: «Праведный Мелхиседекъ» (Ο δίκαιος Μελχισεδεκ). Вверху алтаря, надъ жертвенникомъ, два изображенія: Патріарха Александрійскаго ⁷² и Мессіи, стоящаго предъ нимъ въ образѣ юноши подъ сводомъ, поддерживаемымъ двумя столпами. На Спасителя риза раздранная, и Патріархъ вопрошаетъ Его: «Господи, кто растерза ризы Твоя?» Изъ устъ Господа исходитъ отвѣтъ: «Во истину Аріи возста на Мя. Еда и врата адовы ниже безднъ, въ нѣже ниспаде?» Тамъ, гдѣ служащій омываетъ руки—небольшой мраморный водоемъ съ рукоятью, а подъ онымъ на поставцѣ другой, въ который изъ того и изливается. Подобіе изображеній выше помянутыхъ встрѣчаемъ во всѣхъ церквахъ Царяграда и его предѣловъ, и вездѣ умывальники, подобные описанному. Амвонъ (Ἄμβων), ⁷³ который, какъ мы

⁶⁹ Преставился Сентября 30, 325 года. Д.

⁷⁰ Бельфуръ переводитъ подривникъ или то, что у Святителей называется наколѣнникъ, словомъ Армянская одежда. Д.

⁷¹ Σοπίλαг собственно воротникъ, но здѣсь это слѣдуетъ перевести словомъ ом о ф о р ъ (отъ Греческихъ словъ ὤμος, плечо, и φέρω, несу, стало быть, оплечье. Это часть Святительскаго облаченія, имѣющая видъ длиннаго полотенца, возлагается на Архіерея такъ, что среднюю свою объемлетъ оба плеча его, а концами низко спускается спереди и сзади. Ом о ф о р ъ знаменуетъ погибшую овцу, которую Иисусъ Христосъ, яко добрый пастырь, воспримъ на свои рамена. Первоначально ом о ф о р ъ дѣлался изъ волны (знаменуя овца), но въ послѣдствіи, какъ и все облаченіе Святительское, его стали дѣлать изъ парчи, бархата, и проч. Д.

⁷² Конечно, Аѳанасія Великаго, Архіепископа Александрійскаго. Родился около 296 г., преставился въ 373 г., святительствовалъ 46 лѣтъ, претерпѣвъ множество гоненій за нравовѣріе отъ Аріи и его послѣдователей. Д.

⁷³ Амвонъ производятъ отъ Греческаго слова ἀναβαίνω, в о с х о ж у, слѣдовательно, собственно в о с х о ж д е н і е. Это возвышеніе напротивъ Царскихъ вратъ, которое выше помоста церковнаго. Символическое значеніе амвона камень, который отвалилъ отъ гроба Христова Ангелъ. На амвонъ могутъ восходить только посвященные Дьяконы. Амвонъ, описанный путешественникомъ, надобно полагать, былъ съ нѣсколькими ступенями; ибо превъшалъ

уже упоминали прежде, находится въ сѣверной сторонѣ, весьма возвышенъ и превышаетъ престольное (Патріаршее) мѣсто, на которомъ въ настоящемъ случаѣ стоялъ панъ Владыка.

При входѣ, въ правомъ углу церкви, за чугунными рѣшетками находятся гробницы, въ которыхъ почиваютъ Святые мощи, и мы попросили поклониться имъ и къ нимъ приложиться. Настъ провети за рѣшетку, и пришли ключари съ ключами отъ занороеъ, которые сперва сломили печати, а потомъ уже открыли гробницы, которыхъ числомъ три. Въ первой почиваютъ Св. мощи Царицы Теофаніи, ⁷⁴ совершенно нетлѣнныя, облеченныя во всѣ ея одежды, и съ ея пряжею въ ногахъ. Приложившись къ нимъ, прикладывались къ мощамъ Св. Соломоніи, ⁷⁵ матери седми Мак-

ступенчатое мѣсто Патріаршаго престола; ежели же въ Патріаршей церкви есть каедрa (обыкновенно устроенная у лѣваго столпа, поддерживающаго своды храма, и, слѣдовательно, дѣйствительно находящаяся обращенною къ сѣверу), то по описанію можно думать, что Евангеліе было читасмо на этой каедрѣ. Каедрa (καθεδρα) значитъ возвышенное сѣдалище, отъ καθέζω, сижу восседаю. Д.

⁷⁴ Царица Теофанія, первая супруга Византійскаго Царя, Льва Премудраго, сына Василя Македонянина, родилась въ Царѣградѣ. Родители ея (по сказанію летописца Зовары) были Царскаго рода, именно: отецъ ея, Константинъ, изъ дома Мартинаки, а мать, Анна, отъ солнечнаго Востока. Бракъ ихъ долгое время оставался безплоднымъ. Душевно скорбя о своемъ безчадіи, супруги часто приходили въ храмъ Пресвятыя Богоматери, находящейся въ Фиракіи, и неотступно просили, да подастся имъ чадо, и такъ какъ въра ихъ была крѣпка, то и пріали они желаемое: она были утѣшены рожденіемъ дочери, и даво было ей имя Теофанія (Богоявленіе). Когда Царь Василій Македонянинъ задумалъ женить втораго своего сына, Льва Премудраго, то ото всѣхъ предѣловъ Царства Греческаго собраны были благородствомъ своимъ, красотою и умомъ отличившія дѣвы, дабы изъ среды ихъ избрать достойную сына Царева невесту. Жреціи палъ на Теофанію, всѣхъ прочихъ и добротою, и умомъ, и красотою превосходящую. Но не долго наслаждались радостію и миромъ юные супруги: по наветамъ одного злонамѣреннаго и Царю приближеннаго Царедворца, Самтаврина Варды, Царевичъ былъ заключенъ въ темницу за то, что будто бы умышлялъ на жизнь отца своего. Теофанія послѣдовала за своимъ мужемъ въ темницу, гдѣ съ нимъ провела болѣе 3 лѣтъ, пока Царь, упрошенный вельможами и познавшій всю ложь наговора, не возвратилъ имъ свободу. Какъ по смерти Царя Василя Левъ воцарился, Теофанія сдѣлалась защитницею всѣхъ притѣвленныхъ, утѣшительницею скорбящихъ, покровительницею вдовъ и сиротъ, питательницею нищихъ, и отошла къ Господу въ 892 году, добръ совершивъ свое земное поприще. Память ея совершается мѣсяца Декабря въ 16 день. Д.

⁷⁵ Соломонія, мать седми братьевъ: аккавеевъ, за вѣрность закону Мои-

кавеевъ. Она, маститая старица, тѣломъ нетлѣнная: на ней сохранились ея одежды съ застежками, какъ это водится у Франковъ. Въ послѣднемъ ковчегѣ мощи Св. Великомученицы Евѳиміи ⁷⁶

сѣву во Антіохіи пострадавшихъ при Антіохѣ Епифанѣ, сынѣ Антіоха Великаго, воцарившагося въ 175 г. до Р. Х. и умершаго въ 164. Д.

⁷⁶ Евѳимія Всехвальная, в. муч. Халкидонская, пострадавшая при Антипатѣ Прискѣ въ 304 г., въ царствованіе Діоклетіана, въ Халкидонѣ. Она была знатнаго рода. Во время Четвертаго Вселенскаго Собора (въ 451 г.), бывшаго въ Виеннѣ, Отцы православные и неправославные, одинакову имѣя вѣру въ многодѣлебныя мощи Великомученицы Евѳиміи, положили въ ея раку два свитка, въ которыхъ написаны были ихъ исповѣданія. Помолась Богу, чтобы Онъ сею угодницею указалъ имъ правую вѣру, они запечатлѣли гробницу своими печатами, и когда на четвертый день ее открыли, то нашли одинъ свитокъ у ногъ Святыхъ, другой въ ея рукахъ, и этотъ былъ тотъ, въ которомъ излагалось исповѣданіе поборниковъ Православія. Св. Церковь опредѣлила праздновать этотъ день Юля 11: «Воспоминаніе чудесе Св. Великомученицы Евѳиміи Всехвальныя, имъ же утвердился Православіе». Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ Св. Апостола Петра и Павла, по лѣвую руку, при входѣ къ сѣвернымъ дверямъ, въ длинной гробницѣ, между иными прочими частями Св. мощей, въ особомъ ковчегѣ хранится Св. Великомученицы Евѳиміи Всехвальныя лѣвой рукой длань и запястье съ четырьмя длинными перстами: когда и вѣкъ принесена, не извѣстно. Д.

Для удовлетворенія любопытства читателя о современномъ состояніи Патріаршаго дома и храма, приводимъ отрывки изъ путешествія инока Паревніи (бывшаго въ послѣдствіи Игуменомъ Гуслицкаго монастыря, нынѣ же жительствующаго на покой въ Геосиманскомъ скиту). Изд. 2. 1856 года:

§ 15. Патріаршій домъ стоитъ къ задней стѣнѣ, четырехъ этажный. Ч. III, стр. 13.

§ 49. Патріаршій монастырь стоитъ внутри Константинополя, на мѣстѣ, называемомъ Фанарь (т. е., Φανάριον, маякъ), огражденъ двумя каменными стѣнами; во внѣшней оградѣ улица мірскихъ домовъ, въ числѣ коихъ и Аѳонское подворье. Во внутренней же оградѣ Патріаршій домъ, и прочихъ много, для Митрополитовъ, братіи и разныхъ Присутственныхъ Мѣстъ. Посреди двора стоитъ великая Патріаршая церковь соборная, безъ куполовъ и востовъ, но высокая: въ два ряда окна, великая паперть, и во внутрь трое вратъ, а четвертыя чрезъ алтарь; внутри весьма свѣтло; колонны въ два ряда; иконостасъ деревянный рѣзаной работы, но не вызолоченный; много подсвѣшниковъ, паннакадиль и лампадъ хрустальныхъ, три престола въ рядъ; иконы всѣ древнія, еще изъ Св. Софій; на правой странѣ, въ придѣлѣ, чудотворная икона Пресв. Богородицы, изображена мусією (мозаикой); на правой странѣ, къ стѣнѣ, стоитъ древлія и чудотворная икона Св. Іулиана Предтечи, изображенная тоже мусією. Возлѣ ея столикъ, къ которому былъ привязанъ Іисусъ Христосъ, когда его мучили: привезенъ изъ Іерусалима

(Всехвальныя), мощи всё вполне, за исключеніемъ главы. Тутъ же даѣтъ въ углу, за желѣзными рѣшетчатыми створами, половина того столба, къ которому привязанъ былъ Господь нашъ Спаситель, когда Его бичевали, и онъ зеленоватаго цвѣта. Въ то время, какъ мы прикладывались къ оному, одинъ изъ бывшихъ тутъ сказывалъ намъ, что другая половина столба въ Римѣ, и что онъ къ ней тамъ сподобился приложиться. Когда мы приложились снова, утвердили печати на гробницахъ, и мы вышли. Замѣтили при случаѣ, что всё сокровища, принадлежащія Патріаршей Церкви, въ рукахъ его смотрителей или домоправителей, но не вѣряются ему самому; они выдаютъ и денежныя вспомошествованія и вѣдаютъ всё расходы Патріаршаго двора.

Чертоги и теремъ Патріарха построены на возвышеніи внѣ двора церковнаго; изъ нихъ открывается видъ на Галату, Скутари, Мраморное море и проч. Въ верхней части есть потаенная дверь, ведущая въ монастырь Воскресенія Господня; ибо между Патріаршими чертогами и этимъ монастыремъ есть городскія

Царицею Еленою; половину ея она оставила въ Іерусалимѣ, а половину привезла въ Константинополь. Въ томъ предѣлѣ, посреди церкви, стоятъ три раки съ мощами: 1. Св. Великомуч. Евиміи; 2. Св. Феофанія Царицы; 3. Св. Соломонія. Для женъ здѣсь сдѣланы двое хоръ, одинъ надъ другими; кругомъ (церковь) установлена формами: посреди церкви, къ правой сторонѣ, стоитъ Патріаршая кафедра; подлѣ нея, по лѣвую сторону, стоятъ 12 кафедръ Митрополитичихъ; напротивъ Патріаршей, на лѣвой сторонѣ, кафедра Царская. (Совѣшь не Царская, а для прѣзжаго Патріарха). Сей храмъ великъ и престоенъ, можетъ вмѣстить множество народа и часто наполняется все. См. стр. 43 - 44, Ч. III.

§ 10. Во время литургій Патріархъ Константинопольскій стоялъ на своей Патріаршей кафедрѣ, которая еще соблюдается отъ времени Св. Іоанна Златоустаго. По лѣвую сторону Патріарха стояли 12 Митрополитовъ, также на кафедрахъ, но ниже Патріаршей; по правую же сторону стоялъ Архидіаконъ, держалъ Патріаршій крестъ, которымъ онъ благословялъ. Патріархъ стоялъ въ мантии и въ черномъ клобукѣ, а Митрополиты въ рясахъ и черныхъ клобукахъ. Передъ Патріархомъ стоялъ подсаживникъ со свѣщцею. Литургію служилъ одинъ Іеромонахъ со Іеродіакономъ. По окончаніи литургій Патріархъ раздавалъ самъ антиморъ. Стр. 8, Ч. III.

§ 19. Константинопольскій Патріархъ служитъ только 4 раза литургію въ годъ: на Пасху; въ день Св. Андрея Первозваннаго; въ Рождество Христово, и въ недѣлю Православія; служитъ также, если кого случится рукополагать въ Епископы, или Митрополиты, но не въ праздникъ, а въ простые дни. Стр. 18, Ч. III.

Инокъ Паревній совершалъ свое путешествіе въ 1841 году.

врата во внутренней стѣнѣ; а какъ существуетъ обычай запираеть врата Цареградскія каждый вечерь, относить ключи къ начальнику стражи, и не отпирать ихъ до утра, то мы, когда случилось, стучали въ эту калитку и черезъ нее проходили въ церковь.

Мѣста для Владыкъ Архіепископовъ ⁷⁷ внутри храма устроены по лѣвую сторону отъ Патріаршаго престола, а по другую сторону отъ него расположены кѣлїрсы для пѣвчихъ и чтецовъ, и оныя простираются почти до дверей алтаря, такъ что сѣверная часть храма почти совершенно предоставлена простымъ Священникамъ и Діаконамъ. На южныхъ дверяхъ алтаря, какъ водится, изображенъ Херувимъ съ пламеннымъ мечомъ.

ОТДѢЛЪ V.

Царьградъ.—Контоскалаи.

⁷⁸ На канунѣ Недѣли (г. е., Воскресенія о Богачѣ и Лазарѣ) Цареградскій Патріархъ прислалъ за Владыкою, приглашая его въ свою церковь ко всенощному бдѣнію. Во время дня прислали Владыкѣ грамоту (Συστάξις) Патріарха, за собственноручнымъ подписаніемъ его и Владыкъ, дозволявшую нашему Владыкѣ на слѣдующее утро совершать литургію во храмѣ Св. Іоанна Крестителя (въ урочищѣ города) въ Кумъ Капи (Κυμ Καπί), по чину всѣхъ Патріарховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣщено было всему духовенству приходскихъ церквей той части города, по ихъ церквамъ не совершать литургій, но собраться въ Предтеченскую церковь для сослуженія съ нашимъ Владыкой. Въ слѣдствіе этого все означенное духовенство собралось немедленно къ Владыкѣ и пригласило его съ вечера на заутреннее торжество. Итакъ въ это Воскресенье мы сѣли въ судно и, миновавъ Серавъ, дворецъ Султана, перешли на противоположную сторону. При этомъ намъ указывали врата, именуемая Романовы, упомянутыя въ Си-

⁷⁷ Для 12 Митрополитовъ.

⁷⁸ Κοντος по Гречески означаетъ шесть, копье, весло σκιάλαω, болѣю, окапываю, слѣд. копаніемъ ограждаю, окапываю; быть можетъ то, что мы называемъ земляной вальдъ.

наксаріи, но нынѣ заложеныя. ⁷⁹ Возлѣ нихъ Святой Источникъ, посѣщаемый Христіанами въ праздникъ Богоявленія. Эта часть городской стѣны была сооружена при Императорѣ Теофилѣ, и на ней по сіе время хранится начертаніе его имени крупными Греческими письменами: Θεόφιλος ἐν Χριστῷ πιστός Βασίλευς Ῥωμαίων καὶ Ἀυτοκράτωρ, т. е., Теофилъ о Христвѣрный Царь Римскій и Самодержецъ ⁸⁰.

Близъ Кумъ Капи, между прочими башнями, что по набережной, намъ указали столпъ (башню) Царя Льва Премудраго, ⁸¹ Тамъ было чудное зеркало, которое разбилъ Михаилъ, сынъ Теофила. Рядомъ съ башнею (столпомъ) мечеть или Соборъ, который, сказывали, первоначально былъ Христіанскимъ храмомъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ Св. Іоанна Златоустаго.

Мы продолжали путь нашъ, пока не достигли мѣста, называемаго Скала или Пристань, гдѣ мы вышли изъ судна. Кумъ Капи въ древности назывался но Гречески Контоскали (Κοντοσκάλι). Всѣ здѣшніе Христіане со всѣмъ духовенствомъ ожидали насъ, и встрѣтивъ нашего Владыку со свѣщамъ, капицами и всѣми отличіями и почестями, присвоенными высокому сану, сопровождали его въ выше упомянутую церковь, гдѣ торжественно и соборно совершена была литургія.

⁷⁹ Бельфуръ пишетъ: «the gate of Romanus.» Романовы ворота (Πύλη τοῦ ἁγίου Ῥωμανοῦ, Тур. Топъ Капуси) были четвертыми отъ Семибашеннаго замка, по направлению къ Золотому Рогу. Названіе Романовыхъ было давно имъ по находившейся вблизи ихъ церкви Св. Романа, а Турецкое названіе Пушечными (топъ) по тому, что при осадѣ Царьграда Султаномъ Муратомъ II, въ 1422, и Магомтомъ II, въ 1453 году, противъ этихъ воротъ и прилежавшей къ нимъ стѣны были сосредоточены пушки осаждавшихъ; а при послѣдней осадѣ была поставлена чудовищная пушка Урбана. У этихъ воротъ, 29 Мая, 1453 г., на долго рѣшилась и судьба Царьграда, когда палъ здѣсь послѣдній защитникъ столицы Греческихъ Императоровъ, Константинъ XI, Палеологъ.

⁸⁰ Теофилъ (829—842), сынъ Михаила II. Георгій Кедрилъ пишетъ о немъ: Сей Императоръ прилежалъ и ко зданіямъ, и приложилъ великое тщаніе о стѣнахъ градскихъ, испровергнуши живія, и возвысивъ въ врагамъ неприступными содѣлавъ, которыя и нынѣ стоятъ, имѣя письменами изображенное его проименованіе. • Георг. Кедр. ч. II, стр. 30. Д.

⁸¹ Думаю, что тутъ ошибка, и что столпъ и зеркало были устроены не Львомъ Премудрымъ, который царствовалъ съ 886 по 911, а Теофилъ съ 824—842, но вѣроятно столпъ устроенъ былъ однимъ изъ четырехъ предшествовавшихъ Императоровъ, имѣвшихъ имя Льва. Д.

Во всѣхъ здѣшнихъ странахъ существуетъ обычай во время «Достойно есть» (*Ἄξιον ἐστίν*) подносить Патріарху засушенныя частицы просфоры, которыя онъ беретъ перстами, одну за другою, и каждую совершивъ крестообразное знаменіе надъ чашею и дискосомъ, произнося имя того, чье приношеніе, приглаголетъ: «Препрославлено буди имя Всесвятыхъ Троицы!»⁸² Это то, что они называютъ Панагія⁸³ (*Παναγία*), Всесвятая, пріемиемая ими съ великою вѣрою. Они берутъ съ собою эти освященныя частицы, отправляясь въ путь, дабы, въ случаѣ нужной смерти отъ потопленія и другихъ бѣдствій, употреблять оныя вмѣсто Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Послѣ того, какъ Владыка нашъ роздалъ антидоръ, всѣ стали класть деньги въ антидорное блюдо. По выходѣ изъ церкви мы ходили въ ихъ дома, гдѣ было для Владыки угощеніе, и мы пробыли подъ ихъ кровомъ двѣ ночи.

Мы посѣтили и прочія здѣшнія церкви: вторая послѣ Предтеченской во имя Пресвятыя Богоматери, вся бѣлая; третья во имя Святаго Киріяка: на дверяхъ ея изображеніе сотворенія неба и земли, т. е. «Всякое дыханіе да хвалить Господа!» четвертая во имя Святителя Николая, — во всѣхъ церквяхъ новыя паникадила и иконы (*σύνβολα*); наконецъ пятый храмъ; (*ποῦ εἶλεα*) также во имя Богоматери: онъ примыкаетъ къ Армянской церкви, каковыхъ здѣсь, въ Кумъ Капи, находится двѣ.

Во Вторникъ, Ноября 2 дня, день праздника Курбанъ Байрама,⁸⁴ мы всѣ вмѣстѣ ходили на площадку, что предъ вратами

⁸² Нѣчто подобное слышалъ я отъ одного очевидца, который рассказывалъ, что передъ тѣмъ временемъ, когда Іерей (послѣ Святая Святыхъ) приступаетъ къ раздробленію агнца, ему поносятъ блюдо съ антидоромъ, и онъ, взявъ каждую частицу онаго, прикасается ими агнца и снова кладетъ на блюдо или раздаетъ присутствующимъ въ алтарѣ, но не участвующимъ въ принятіи Св. Таинъ. Д.

⁸³ Панагія (*Παναγία*), чинъ совершенія коей соблюдается въ обителяхъ общежительныхъ совершенно иная, чѣмъ о которой упоминаетъ путешественникъ. По оковчаніи литургіи, или часовъ, просфора въ честь Пресвятой Богородицы на панагіарѣ (т. е., тарелкѣ серебряной, или позлащенной, иногда и просто деревянной, съ крышею, имѣющею вверху крестъ) выносится изъ церкви въ трапезу Іеромонаховъ, который возглашаетъ: «Пречистая!» Братія предшествуютъ ему и поютъ псал. 144: «Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой.» Это называется: «возвышеніе Панагіи.» См. Новую Скрываль, ч. IV, гл. 24, § 72, 73. Д.

⁸⁴ Правдикъ жертвъ. Ихъ бываетъ два; одинъ называется Бай-

Серая, ³⁵ и видѣли Его Величество Султана Магомета ³⁶ (сохрани его, Господи!), въ сопровожденіи двора и войска, при его шествіи въ мечеть Св. Софіи и при возвращеніи изъ оной. Послѣ того мы отправились осматривать эту мечеть во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ. Мы восходили на второй ярусъ, а потомъ и на третій; разсматривали столбы храма изъ желтаго, зеленаго, сѣраго и пестраго камня и изъ мраморовъ различныхъ превосходныхъ и яркихъ цвѣтовъ, видѣли также и мраморные переводы отъ столба до столба, съ сохранившимися на нихъ по сіе время изображеніями креста, каковыя части и на плитахъ чуднаго помоста, на камняхъ и мраморѣ, во внутренности Святаго источника или кладезя и на столѣхъ онаго, которые всѣ изъ прозрачнаго мрамора. Притворы храма и пещеры устроены дивно, и не возможно и краснорѣчивѣйшему изъ людей достойно восхвалять красоты бѣлаго мрамора, соразмѣрность и обширность сводовъ, прекрасное начертаніе изображенія Господа нашего, Иисуса Христа, благословляющаго, находящееся вверху сводовъ и алтарей, исчислить множество крестовъ по стѣнамъ и въ окаймленіяхъ, разнообразіе ликовъ и изображеній Господскихъ праздниковъ, украшающихъ высокіе своды, разноцвѣтность узоровъ мусіи по золоту, число дверей храма, очертаніе крестообразныхъ изображеній на оныхъ, множество оконъ. И что напрасно говорю я? Не возможно уму человѣческому составить подробнаго описанія всѣхъ благолѣвій храма.

рамъ, другой Курбанъ—Байрамъ. Эти празднества переходящія, и въ теченіе 33 лѣтъ приходится во всякое время года и во всѣ мѣсяцы; ибо годъ Магометанскій лунный, и каждый годъ начинается 11 днями ранѣе. Байрамъ бываетъ въ новолуніе, и слѣдуетъ постомъ, который у Турокъ называется Рамаданъ; Курбанъ-Байрамъ слѣдуетъ за Байрамомъ черезъ 70 дней, и это самый торжественный изъ праздниковъ: онъ длится четыре дни. Д.

³⁵ Серая, по Турецки Серай, означаетъ дворецъ, хоромы, палаты, иногда гостиница, такъ караванъ—сарай; но собственно это дворецъ Султана, построенный на той мѣстности, гдѣ прежде была древняя Византія. Д.

³⁶ Магометъ IV, род. 1644 г., воцар. въ 1648, ум. 1687, сынъ Ибрагима. Въ 1672 онъ отиалъ у Польши Камецеъ и Подоль. Д.

ОТДѢЛЪ VI.

Царьградъ. — Атъ-Майданъ.

Изъ Св. Софій мы пошли осматривать мечеть покойнаго Султана Ахмета, ⁸⁷ столь извѣстнаго своею строптивостію. Помость церковный изъ нелощеннаго мрамора, въ томъ видѣ, какъ онъ добытъ въ каменоломнѣ. Послѣ того мы прошли по площади или общественному гульбищу Царяграда, которое извѣстно всему свѣту. Она именуется Ат-Майданъ (At Maidan), то есть, Конная площадь или Конское ристалище (Ἰππόδρομος), и находится предъ мечетью. ⁸⁸ Мы видѣли на каменномъ основаніи воздвигнутую удивительную пирамиду, называемую Новый Текелли Дашъ (New Tkelli Dash), она вся изъ цѣльнаго камня, четверогранная, изкрасна сѣраго цвѣта. Съ четырехъ ея сторонъ изсѣчены какіе-то таинственные знаки или изображенія, имѣющія подобіе животныхъ, и то все «слова са любомудрѣ» (ієроглицфы.) Пирамида поставлена на четырехъ мѣдныхъ кубахъ, а подъ оными кубъ изъ бѣлаго мрамора; камень цѣльный, который въ длину ширину и высоту имѣетъ съ каждой стороны по 14 пядей въ квадратѣ, и на каждой сторонѣ человѣческія изображенія, но съ каждой различныя. Ея высота отъ основанія и до вершины, т. е., высота пирамиды и ея подножія, равняется высотѣ минаретовъ, что при мечетѣ Султана Ахмета.

На разстояніи верженія камене отъ этой пирамиды есть столпъ изъ толстой мѣди, перевитый въ три жгута, какъ будто три змѣя или дракона, свившіеся другъ съ другомъ. На вершинѣ три змѣиныя головы, съ отверстыми пастьми, обращенныя къ тремъ сторонамъ города, и у одной отъ оныхъ змѣи нижняя челюсть отломана. Утверждаютъ, что покойный Султанъ Османъ ⁸⁹ отбилъ ее своею булавою. И также рассказываютъ, что

⁸⁷ Ахметъ I вступилъ на престолъ 15 л. 1603 — 1617.

⁸⁸ Османъ II, 1618 — 1622, вступилъ на престолъ 8 л. но за строптивость былъ низверженъ съ престола Ивлчарами. Д.

⁸⁹ Для сличенія привожу выписку изъ «Путешествія Наревія» (стр. 24, § 30 и 31, ч. III): «§ 30. Мы пошли на площадь Царскую или конское Ристалие. Тамъ прежде были Греческихъ Царей дворцы, а нынѣ на томъ мѣстѣ построена первая и главная Турецкая мечеть, которая превосходитъ и Софійскую.

этотъ столпъ, еще со временъ Императора Константина, былъ предохраненіемъ для города отъ появленія змѣй, и приводитъ, какъ истинное событіе, что, когда при Османѣ отъ извѣстной

31 §. На площади стоятъ два столпа: Θεодосія Великаго и Λύβα Премудраго; есть еще и третій, мѣстный, извитый; говорятъ, что было свито два змія, но нынѣ виоловину слованъ. Въ углу сѣверномъ стоитъ столпъ Царя Константина Великаго.»

Приводимъ еще описаніе нѣкоторыхъ зданій, площадей и столповъ почерпнутое нами изъ одной древней Географіи: «Основаніе Царьграду было положено въ 327 по Р. Х., а 11 Мая, 330 г., городъ торжественно освященъ. Градскія стѣны Константинъ обнесъ въ новоданномъ городѣ стѣною, начатою при немъ, но довершеною при Константиѣ. Въ послѣдствіи времени эта ограда расширена при Θεодосіѣ Великомъ, Θεодосіѣ Младшемъ, Пракліѣ и Λύβѣ Армянинѣ. По одному описанію Царяграда, составленному, какъ полагаю, въ промежутокъ между царствованій Θεодосія Великаго и Юстиніана, обширность города была слѣдующая: по прямой чертѣ отъ Златыхъ вратъ, что на западѣ, до вратъ Восточныхъ при Босфорѣ, 14075 лактей (около 2400 саж.) и 615 лактей въ ширину (около 100 саж.). Площади. Одно изъ главныхъ украшеній города составляли двѣ обширныя площади: одна четырехугольная, окруженная портиками съ колоннами въ два ряда, служила какъ бы общимъ преддверіемъ Великой Церкви и дворцу Царскому. Площадь эта именовалась Августеонъ, по тому что посреди находилась столбъ съ изваяннымъ, поставленнымъ на него, изображеніемъ Царицы Елены, матери Царя Константина, которую отъ почтилъ наименованіемъ Августы. Среди площади возвышались обширныя дугообразныя Златыя врата, именовавшіяся Μιλλιάρια (т. е., тысячемѣрные), по тому что служили единицею для измѣренія разстояній, какъ столбъ въ ветокѣ Римѣ, навываемый Μιλλιάρια: они были украшены поставленными на нихъ изваянными изображеніями. Эти врата были средоточіемъ, исходною точкою, отъ которой должно было считаться измѣреніе всѣхъ путей обширнаго Царства. Другая площадь, кругообразная, вымощенная большими камнями, занимала средину города и называлась Константинова площадь. Она была обнесена двухъярусными портиками, которые двумя дугообразными пространными вратами раздѣлялись на два полукружія; врата эти, противопоставленные одиѣ другиму, были украшены изваяніями, на нихъ стоявшими. По срединѣ площади находилась водометъ, на которомъ возвышалось изображеніе Добраго Пастыря, какъ и на другихъ водометахъ города; но здѣсь, кромѣ того, еще было изображеніе, отлитое изъ мѣди, представлявшее Давида Пророка, окруженнаго львами. Самымъ лучшимъ украшеніемъ этой площади служилъ столпъ Константина: онъ былъ изъ порфира, привезеннаго изъ Рима, и украшенъ поставленнымъ на верху подобіемъ Царя Константина съ лучезарнымъ вѣнцомъ. Это былъ идолъ Аполлона, привезенный изъ Иліюна (Ilion, Троя), и ему дано только наименованіе Константина. Онъ велѣлъ вложить въ столпъ часть Животворящаго Креста. Столпъ этотъ, во время сильной бури, въ цар-

причаны голова одной изъ змѣй была отшибена, то та сторона города, къ которой она была обращена, немедленно наполнилась змѣями, но онѣ не вредятъ.

ствояніе Алексѣя Комнина (1081 — 1118 г.), упалъ и сильно повредился, но и теперь еще онъ существуетъ въ Царьградѣ. Одинъ ученый путешественникъ, по измѣреніи остатковъ, полагаетъ, что вышина самого столпа, кромѣ капителя и основанія, была девяносто лактей, т. е., около 45 аршинъ или 15 сажней. Дворцы. На двухъ противоположныхъ концахъ города красовались два дворца: одинъ находился на берегу моря, гдѣ нынѣ стоитъ Сераля и назывался Великій дворецъ. Онъ ни въ чемъ не уступалъ дворцу, бывшему въ Римѣ, ни красотой внѣшности, ни обширностію зданія, ни роскошью внутреннихъ украшеній. Въ главной палатѣ съ изукрашенными стѣнами, на верху свода, было золотое изображеніе Креста, устланнаго каменіями. На противоположномъ концѣ города, съ западной стороны, былъ другой дворецъ, называвшійся Магнавре (Magnavre, думаю отъ Латинскихъ словъ Magnificum, Великое влато). Константинъ велѣлъ еще выстроить вождѣ рьсталища роскошную храмину, въ которой Императоры давали пришествія для всего Двора въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, при своемъ вѣнчаніи на царство, при царскомъ вѣнчаніи своихъ Царицъ, дѣтей, въ нарочитые годовые праздники и проч. Церкви. Чтобы искоренить язычество, Константинъ разрушалъ капища боговъ, а нѣкоторые обратилъ въ храмы истиннаго Бога. Онъ выстроилъ нѣсколько церквей. Храмъ мира былъ древній, но Константинъ распространилъ его и украсилъ. Это была главная церковь города, пока Константій не выстроилъ рядомъ другой болѣе обширной, и соединивъ ихъ вмѣстѣ, онъ посвятилъ Вѣчной Премудрости, назвавъ Св. Софія. Иныя церкви были во имя Небесныхъ и Безплотныхъ Силъ, Св. Апостолъ, и Св. Мученикъ. Для погребенія Императоровъ и Іерарховъ Византійскихъ Константинъ опредѣлилъ церковь Св. Апостолъ. Она была выстроена крестообразно, весьма возвышенна и облицована мраморомъ отъ основанія и до верха; внутренніе своды украшались золотыми изваяніями; кровля была изъ позлащенной мѣди, около купола поставлены были мѣдныя литыя золоченыя перила. Церковь эта, совершенно обособленная, находилась въ срединѣ обширнаго четырехугольнаго двора, около котораго простирались портики, и изъ нихъ былъ ходъ въ нѣсколько палатъ и комнатъ, предназначенныхъ для обихода церковнаго и для духовенства. За немного дней до смерти Константиновой оконченная, эта церковь черезъ 20 лѣтъ была уже въ разрушеніи, но Константій ее возобновилъ, Юстиніанъ перестроилъ, а Магометь II разрушилъ, и изъ камня, добытаго изъ разборки, выстроилъ мечеть. При Константинѣ въ окрестностяхъ столицы было еще построено нѣсколько прекрасныхъ церквей, изъ коихъ замѣчательнѣйшая была церковь Св. Архангела Михаила, при Босфорѣ, съ Европейской стороны. Прочія зданія. Кромѣ упомянутыхъ общественныхъ зданій Императоръ выстроилъ еще Капитолій, устроилъ водопроводы, теплыя бани, портики, оружейное хранилище, два великихъ зданія для собраній Сената, и другихъ два

Еще далѣе оттуда, на разстояніе верженія камня, второй столпъ, воздвигнутый изъ камня и называемый также Текелла-Дашъ.

Потомъ мы пошли осматривать гробницы прежнихъ Султановъ, т. е., изъ дома Османовъ, со времени завоеванія ими Царьграда и до сего дня. Выѣстъ съ ними тутъ же и гробница Султана Мурада ⁹⁰ и его девятнадцати сыновъ, которые были удушены, а послѣ того гробница матери его, Козы Казонъ (Kosa Cason). Мы обошли всѣ эти гробницы; надо всѣми золотыя лампы; драгоцѣнность пожертвованныхъ украшеній превосходитъ всякое удивленіе. Съ противоположной стороны точно такое же кладбище, устроенное подобнымъ же образомъ.

Здѣсь путь къ Дивану; ⁹¹ здѣсь поселены Дьяки у про-

зданія для храненія сокровищъ. Еще при Септиміѣ Северѣ устроены были ипподромъ, театръ, амфитеатръ, бани Ахилла и теплицы Зевксиппа, но Константинъ усовершенялъ всѣ эти зданія и сдѣлалъ ихъ достойными величественнаго своего города. Ипподромъ или циркъ было обширное мѣсто, предназначенное для конскихъ ристаній и для увеселительныхъ общественныхъ зрѣлищъ; этотъ циркъ, мѣстность котораго видима еще и теперь, называется по Турецки Атмейданъ, имѣлъ четыреста шаговъ въ длину и сто въ ширину. Съ распространеніемъ Христіанства зрѣлища, травля звѣрей и проч., пришли мало по малу въ упадокъ, и циркъ сдѣлался мѣстомъ для казни преступниковъ. Подобно цирку, Константинъ распространилъ и украсилъ и бани или теплицы Зевксипповы, которыя стали самыя роскошныя и великолѣпныя въ мірѣ по множеству колоннъ и статуй, которыми ихъ изукрасили. Эти статуи, которыя наполнили Царьградъ, были идолы боговъ языческихъ, и Константинъ похищалъ ихъ изъ храмовъ разныхъ мѣстъ и привозилъ для благодѣнія своего города, гдѣ онѣ, потерявъ свое прежнее значеніе, служили только украшеніемъ, и были уже не предметомъ богопочитанія, но омерзѣніа и насмѣшекъ. Современное состояніе Царьграда. Испытавъ много бѣдствій отъ землетресеній, пожаровъ, чумы, отъ иноплемennыхъ нашествій и усобищъ внутреннихъ, Царьградъ въ 1453 г. былъ взятъ Турками, при Магометѣ II. За исключеніемъ части Св. Софіи, ипподрома, остатковъ порфироваго столпа Константина Великаго и еще нѣкоторыхъ развалинъ, нѣтъ и слѣдовъ прежняго его величія. Сераля, гдѣ живетъ Султанъ, раскинутъ на той мѣстности, гдѣ была древняя Византія. См. Géographie ancienne sacrée et profane par Gibrat. 4 vol. 22°, 1790. Paris, t. II, p. 297 — 303. Д.

⁹⁰ Мурадъ III, 1574, ум. 1595, вступилъ на престолъ 31 года.

⁹¹ Диванъ слово Персидское, происходящее, вѣроятно, отъ слова дивъ или диве, что означаетъ существо сверхъестественное, которое ни человекъ, ни ангелъ, ни демонъ. Наименованіе диванъ присвоено всѣмъ палатамъ, въ

шеній и дозорщики или проводники, выдающіе пропуски и дозволенія для свиданія съ членами Дивана. Отсюда мы повернули и пошли въ Асланъ Кана (Aslan Khanah), т. е., Львиный Домъ, въ который превратили одинъ древній храмъ, довольно низменный, а другой, надъ нимъ находящійся, съ обширнымъ куполомъ: въ немъ и по сіе время есть еще слѣды мусіи и остатки изображеній Христа Спасителя и четырехъ Евангелистовъ, видимые и теперь. Въ первомъ, т. е., въ нижнемъ зданіи, дикіе звѣри: четыре льва: одинъ изъ Африки (Алжира), другіе изъ нашей страны (Азіи), четыре барса изъ разныхъ странъ, шакалъ, лисица, три волка, гіена, голова древняго слона, и древніе остовы камелопарда или жирафа и одного крокодила. Въ этомъ нижнемъ храмѣ есть также слѣды иконъ и очертаній Софіи Премудрости до нынѣ сохранившіяся; онъ былъ во имя Св. Іоанна Крестителя и очень чтимъ. Думаютъ, что это была церковь Св. Іанна Златоуста.

Вблизи отъ Асланъ Кана находится Жиба Канахъ (Jiba Khanah) или Оружейная Палата, на дверяхъ которой повѣшена отменно великая джазма (Jazma) или сѣкира; подобная ей надъ дверьми Топъ Кана (Top Khanah). Кромѣ того здѣсь много драгоценныхъ рѣдкостей.

ОТДѢЛЪ VII.

Царьградъ. — Сераль.

Послѣ того мы отправились къ Сералю (Seraglio) и вошли въ него. Да хранить его Всевышній до вѣчности! Да прославлены будутъ обитатели его! На дворѣ есть церковь, называемая нынѣ Сила Кана (Silah Khanah) или Оружейная; она сохранилась

которыхъ Мусульманскіе Государи и ихъ верховныя самовники творятъ судъ и расправу; называютъ также диваномъ въ совокупности всѣхъ тѣхъ, которые засѣдаютъ въ диванѣ, какъ и у насъ говорятъ: «Семать слушалъ и опредѣлилъ.» Собственно Диванъ у Турокъ есть верховное судилище (подобное нашему Сенату); предсѣдатель онаго называется Ресуль-Диванъ. Чрезвычайное собраніе Дивана—Авакъ-Диванъ, прош-

во всей неприкосновенности: престолъ и утвари и все осталось въ ней, какъ было прежде, но двери заключены. Потомъ мы поднялись къ знаменитому своду или полукруглымъ вратамъ, называемымъ Высокою Портою, гдѣ засѣдаютъ военные судіи, Кадиескеръ и 7 Визирей. Султанъ смотритъ на нихъ изъ окна. Здѣсь засѣдаетъ Диванъ или Судебная Палата для вселенной.

Между Сералемъ и Св. Софіею есть малый храмъ во имя Св. Іоанна Крестителя, сооруженный Императоромъ Юстиніаномъ, прежде нежели онъ началъ построение Св. Софіи, и въ который онъ приходилъ искать упокоенія. Храмъ этотъ въ первобытномъ видѣ.

Потомъ мы прошли посмотрѣть на третій Текелли-Дашъ, который на Таукъ-Базарѣ (Taouk Bazaar) или Птичьемъ Рынкѣ, вблизи отъ Валидиныхъ бань (Walidah Baths) и отъ Посольскаго Двора. Столпъ этотъ такъ высоко восходитъ къ небесамъ, что на него тяжело смотрѣть: во время пожара онъ разсѣлся, и потому стянуть желѣзными обручами. Говорятъ, что будто какіе-то Жиды внушили одному изъ Султановъ Османскаго Дома, что Греческіе Императоры сокрыли свои сокровища въ этомъ столпѣ, и что Султанъ велѣлъ поджечь его, отъ чего онъ и разсѣлся. Опасаясь, чтобы онъ не палъ во время ночи, его сверху до низу стянули желѣзомъ. Намъ Греки сказывали, что этотъ Текелли Дашъ или столпъ тотъ самый, который былъ воздвигнутъ Константиномъ Великимъ,²² и что подъ основаніе онъ положилъ двѣнадцать кошницъ и нѣкую часть святины (Животворящаго Креста) Христа Спасителя.

Оттуда мы пошли смотрѣть столпъ, который на Авретъ-Базарѣ (Avret Bazaar) или Женскомъ Базарѣ. Этотъ столпъ величай-

ходившее на одномъ изъ внѣшнихъ крылецъ Сераля, часто повторявшееся при первыхъ Султанахъ, давно уже не созыается. Иногда Султанъ невидимо присутствуетъ при засѣданіи, скрываемый занавѣсомъ, который можетъ отдернуть, когда пожелаетъ, такъ что сидящіе въ собраніи никогда не знаютъ, не слушаетъ ли ихъ Султанъ. Въ его отсутствіи предсѣдательствуетъ Великій Визирь, а когда и этого нѣтъ, то Кава-Бей. Первоначально диванъ состоялъ изъ 6 членовъ, при Селимѣ II (1566—1574) число ихъ умножилось до 12, но съ тѣхъ поръ съ Диваномъ произошло много преобразованій. Д.

²² Въ Царьградѣ существовали два замѣчательныхъ столпа, изъ коихъ одинъ — въ честь Константина, другой — въ честь Θεодосія, но оба столпа были разрушены въ XVIII-мъ вѣкѣ. См. Dictionnaire de la conversation, t. 15, стр. 266, издание 1832 — 1839. Георгій Кедринъ о Константиновомъ столпѣ пишетъ

шіи изъ всѣхъ упомянутыхъ нами: онъ изъ бѣлаго мрамора, съ изваянными на немъ изображеніями Крестовъ, Ангеловъ и Святителей отъ вершины и до основанія. Онъ пустой внутри, площадь отъ паденія его названа: Магаллъ Ассамата' (Mahall Assamatah).

Мы спрашивали Грековъ о мѣстности церкви Св. Апостола, и они намъ сказали, что она находится внутри Ески-Сераля (Eski Segai) или Старога Сераля, и что она исключительно только для женщинъ. Этотъ храмъ высокъ и замѣчателенъ по своимъ куполамъ, коихъ двѣнадцать: мы его видѣли, когда еще были на взморья, и близъ Галаты (Galata), изъ окрестностей Скутари (Scutari). Онъ былъ близъ Солиманіи (Soleimanieh), по крайней мѣрѣ такъ представлялось намъ, и, однако, когда я пришелъ и искалъ его близъ мечети, не нашелъ его, гдѣ полагалъ. Причина этому та, что стѣны, окружающія Сераля, чрезвычайно возвышенны, а храмъ, находящійся въ ихъ оградѣ, на вершинѣ холма, одного изъ седьми холмовъ, заключенныхъ въ окружность стѣнъ Цареградскихъ; по этому возвышенность храма удобно видѣть отъ Галаты и Скутари, будучи значительно выше купола и главы Св. Софіи; такъ мы и полагали, когда впервые увидѣли его при нашемъ приближеніи къ Стамбулу. При вторичныхъ моихъ поискахъ, я добился большаго свѣдѣній отъ одного портного изъ выше помянутаго Ески Сераля, что храмъ существуетъ тамъ въ первобытномъ своемъ видѣ, и что очертаніе изображенія (Вѣчной) Премудрости еще цѣло на его стѣнахъ, но рѣшительно никому не дозволенъ туда входъ безъ особаго на то разрѣшенія.

Мы снова спрашивали о храмѣ Халхотрхѣхъ, гдѣ онъ находился, и получили въ отвѣтъ, что онъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ мечеть Султана Баязета.

слѣдующее: «Въ двадцать третіе, четвертое и пятое лѣто. Константъ..... устроилъ торжище, на которомъ поставилъ столпъ, изсѣченный изъ едиаго камня, бывшій весь багряный, привезенный изъ Рима и препоясанный двумя мѣдными поясами написанными. На семъ столпѣ воздвигнулъ онъ кумиръ свой, съ подписью: «Константъ и нъ.» Сей кумиръ блисталъ подобно солнцу, и содѣланъ былъ Фидемъ, а привезенъ изъ Аенія. Въ низу столпа положилъ семь кошиницъ» и проч.

О Т Д В Л Ъ У Н І .

Царьградъ. — Сoleyманіе.

Мы ходили осматривать обширную и знаменитую мечеть, именуемую Сoleyманіе (Soleimanieh), которая одна изъ чудесъ вселенной, по многочисленности ея столповъ желтыхъ, зеленыхъ и темно-бурыхъ, по обширности ея разноцвѣтнаго помоста, по ея благолѣпію и постройности ея стрѣльчатыхъ минаретовъ. На дворѣ высокій мраморный шатеръ съ таковыми же столпами; вода течетъ изъ кровли, по тому что столпы внутри пустые и, проведенная въ нихъ оттуда, брызжетъ съ затѣйливостію, достойною удивленія. Вода эта вкуснѣе и слаще той, которая въ Алеппѣ.

Оттуда мы ходили въ мечеть Султана Магомета: она на вершинѣ холма въ Фанарѣ. Послѣ того мы спустились съ Фанарасѣли въ судно и поплыли въ Кассъ Кеи (Khasse Keui),³³ куда насъ приглашали. Въ этомъ селеніи много Еврейскихъ домовъ и Христіанскихъ. Мы посѣтили церковь во имя Св. Великомуч. Параскевы, нареченная Пятницы. (Αγία Παρασκευή).³⁴ Владыку нашего пригласили на могилу покойнаго Павлаки (Pavlaki), который былъ Капи-Кахіемъ у Молдавскаго Господаря Василія. Онъ оказался виновнымъ въ измѣнѣ, и Господарь послалъ къ нему и велѣлъ его умертвить. Насъ водили въ его хоромы или, правиль,

³³ Въ царствованіе Фердинанда (Католическаго) и Изабелы, Евреи были изгнаны изъ Испаніи. Въ числѣ 800,000 челов. они вышли за предѣлы (Испаніи), обратили лицо свое къ Востоку, и были радушно приняты въ разлчныхъ частяхъ Оттоманской Имперіи. Самый многочисленный отрядъ присталъ къ Царюграду, и имъ отведена эта мѣстность въ надѣль, гдѣ они составляютъ общину, простирающуюся до 50 т. человѣкъ. Турки ихъ называютъ Мозафиръ (Mozafir), т. е., Гость, такъ какъ они пришли къ нимъ искать себѣ пристанища, и по тому съ ними обходятся съ гостепріимнымъ радушіемъ.

³⁴ Св. Великомуч. Параскева, именитая дѣва Иконійская, за вѣру во Іисуса Христа при Діоклитіанѣ обезглавленная. Память ея совершается Православною Церковію Октября 28. Жит. въ Чет. Миней, въ Прологѣ; служба съ двумя канонами. Называется Пятницей по тому, что по Гречески Παρασκευή означаетъ приготовленіе, по Славянски пятки, на обыкновенномъ нарѣчій пятница, по чему и прилагаютъ это именованіе къ имени Святой Великомученицы. См. Церк. Словарь ч. II, стр. 410.

нѣе сказать, въ его великолѣпный дворецъ, построенный надъ водою на деревянныхъ сваяхъ, какъ это принято при построеніи зданій въ Царьградѣ. Въ этомъ дворцѣ изумительное множество покоевъ и горницъ, и бани вся мраморная. Сады приводятъ зрителя въ восхищеніе: они снабжены проточными прудами, дно которыхъ изъ разноцвѣтныхъ цементовъ. Тамъ есть и церковь, стоящая впереди всѣхъ зданій, которыя всѣ обращены лицевою стороною ко взморью.

Изъ этого дворца, на лодкѣ, ему принадлежащей, мы спустились внизъ по теченію, доплыли до отдаленнѣйшей части взморья, до пристани или Галаты, гдѣ вступили въ берега широкой рѣки (въ которой прѣсная вода), поднялись нѣсколько вверхъ по рѣкѣ и отправились осматривать Кіаръ Кана (Kiar Khanah), Пороховой Заводъ, подобный тому, который мы видѣли въ Борѣ, пречудный: колеса приводятся въ движеніе дѣйствіемъ воды. ⁹⁵ Это мѣсто называется Кьягидъ Кана (Kiaghid Khanah).

Оттуда мы возвращались уже сухимъ путемъ, и входили на Окъ Майданъ (Ok Maidan), т. е., Поле для стрѣльбы изъ лука (въ цѣль), для чего и устроены на немъ столбы. Это веселое, зеленѣющее мѣсто, съ котораго открывается видъ на Царьградъ на противоположной сторонѣ. Здѣсь радостно и весело празднуютъ Христіяне праздникъ Пасхи. Намъ по этому случаю рассказывали, что прошлый годъ Его Величество Султанъ Магомедъ (сохрани его, Господи!) еще до праздника велѣлъ здѣсь раскинуть для себя палатку, и былъ зрителемъ Христіанскаго празднованія, и что изъ признательности за великое удовольствіе, ему доставленное, онъ послалъ Христіянамъ въ даръ два кошелька, каждый въ тысячу Турецкихъ ниястровъ.

Потомъ мы вошли въ монастырь Сила Даръ (Silah Dar) или Оруженосца, совершенно вновь устроенный покойнымъ Султаномъ Амуратомъ.

⁹⁵ Эта рѣка и Али-Бей-Су (Ali-Bey-Sou), соединяющіяся вмѣстѣ ниже у моста и впадающія въ заливъ у верховья пристани, протекаютъ вблизи города и во время лѣта почти совершенно пересыхаютъ. Белье.

. О Т Д В Л Ъ ІХ.

Царьградъ. — Галата.

Послѣ того мы спустились въ одно предмѣстіе, называемое Касимъ Паша (Casim Pasha), въ Галату и Топъ Кана, и направились къ Терсъ Кана (Ters Khanah), гдѣ строятъ суда. Въ Топъ Кана мы видѣли пушки, столь обширныя, что въ нихъ можно вползти человѣку, и еще другія, изъ которыхъ въ каждую можетъ войти триверблюжьихъ выюка. Потомъ мы опять возвратились, чтобы посмотрѣть на удивительные Англійскіе и Французскіе корабли, и возвратились домой.

На канунъ Воскресенья мы служили съ вечера всенощную⁹⁹ въ монастырѣ, который въ Галатѣ; по тому что Царьградскій Патріархъ прислалъ нашему Евстатиконъ, подобный прежнему, дабы онъ на утріе совершилъ литургію въ монастырской церкви. Потому мы сѣли въ судно со всѣми служащими и поплыли въ Галату къ означенной церкви, гдѣ, какъ слѣдуетъ, вышли Патріарха встрѣтить, и торжественно совершили литургію, согласно уставу для празднества. За богослуженіемъ слѣдовало угощеніе и я воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы отлучиться, и пошелъ одинъ осматривать остальные церкви въ Галатѣ.

Первая церковь во имя Богоматери при Златомъ Источникѣ (Χρυσοπυγή). Источникъ во внутренности церкви, и именно таковой, каковымъ его изображаютъ на иконахъ Богоматери, сѣдящей въ купѣли, и онъ источаетъ воды, исцѣляющія недуги. Этотъ храмъ благолѣпенъ; въ немъ два весьма великихъ поставца для свѣчей изъ желтой мѣди. Мы слышали, что Патріархъ Карамъ (Καραμ) по образцу этихъ дѣлалъ подсвѣчники, что въ Алеппской церкви, и тѣ и другіе работали въ Венеціи. Въ этомъ храмѣ живопись высокаго искусства.

Изъ этой церкви мы пошли въ третью, во имя Богоматери явленія, именуемаго Дѣва Милосердная (Virgo Clemens), и во имя

⁹⁹ 'Εσπερινόν (Vesper, Service) собственно вечерня, которая и всегда бываетъ съ вечера, на канунъ; но тутъ должно разумѣть всенощное бдѣніе, начинающееся съ большой вечерни; и тѣмъ достовѣрнѣе это по тому, что было на канунъ 8-го Ноября, дня празднества Архангела Михаила и Св. Бѣзвѣстныхъ и Небесныхъ Силъ, какъ видно по числамъ дневника. Д.

Св. Іоанна Богослова. Тамъ три большихъ иконы, изображаюція видѣнія Св. Іоанна Богослова съ семью печатами. Вишу изображено мѣсто, гдѣ ученики его погребли его.

Потомъ мы прошли въ одну весьма обширную церковь, которая была одна изъ благолѣпнѣйшихъ церквей Православнаго Исповѣданія во времена Греческой Имперіи, но теперь въ рукахъ Франкскихъ Езуитовъ. Она весьма древняя и пространная, и вся изукрашена мусією, изображающею Господскіе праздники съ надписаніями Греческими письменами Колокольня высокая и древняго построенія.

Тогда мы пошли въ четвертую церковь, по близости къ послѣдней, которая во имя Всемилостиваго Спаса; въ ней есть Святыи Источникъ или *Λύγασμα*.

Оттуда мы прошли къ пятой церкви во имя Св. Великомученика Димитрія. На стѣнѣ около двери изображено *Πᾶσα πνεύη*, т. е.: «Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его вси Ангели Его,... Хвалите Его вся силы Его... вся звѣзды и свѣтъ,... свѣтъ духъ буренъ, звѣріе и вси скоги» и проч.

Шестая церковь, въ которую мы пришли, во имя Богоматери, и находится близъ стѣнъ. Седьмая во имя Св. Іоанна Крестителя, и въ ней святыи кладязь (*Λύγασμα*). Осьмая во имя Святаго Николая, и девятая во имя Св. Іоанна Златоуста. Всѣ выстроены изъ дерева и крыты сверху, и всѣ украшены иконами (*Συμβόλαια*) и панникадилами (*Πολυέλεος*), также золотыми надписями, внутри и вѣнѣ.

Наконецъ мы осмотрѣли церковь Франковъ, которая сторула: она равнялась Св. Софїи вышиною и размѣромъ, очертаніемъ и построеніемъ; была украшена и внутри и снаружи мусією съ золотомъ изображеніями Господскихъ праздниковъ. Надъ дверью, на стѣнѣ, мусією изображено Успеніе Преев. Богородицы. Всѣ надписанія на Франкскомъ нарѣчїи. Изъ того, что во внутренности этого храма, и изъ того, что пошло на построене, сколько бы можно было устроить малыхъ храмовъ! Но онъ разрушенный и отсутвующий, и къ тому же еще и въ рукахъ Франковъ.

О Т Д Ъ Л Ъ X.

Царьградъ. — Пожаръ.

На канунъ Среды, десятаго Ноября, произошелъ въ Царьградъ великій пожаръ, который длился до Четвертка, и выгорѣ-

ла самая середина города: я разужью базары и суконные ряды (Bezistans), и разливался дѣлѣ, пока не достигъ до Кумъ Капи (Kum Kapı), оконечности города, ближайшей къ Лѣсному Ряду (Odoun Chasrhi) и Майданъ Катиръ Гильманъ (Maidan Catir Ghilman) или ямщицкой площади. Тамъ выгорѣло, по соображенію, до 40 т., я не знаю, быть можетъ, и до 50 т. лавокъ, 15 т. большихъ и малыхъ частныхъ домовъ, 300 хлѣбопекаренъ, множество бань (Hammam) и 32 гостиницы или караванъ серая. Ханъ Элюзра (Elyuzra) или Гостиница Рай, сгорѣла до тла со всѣмъ, что въ ней было; тоже самое случилось и съ гостиницей Пири Папа (Piri Pasha). Балтаджи (Baltajis), то есть, солдаты землекопы (піонеры) и бостанджи (Bostanji), стражи Серали, чувствуя, что имъ не подъ силу отстоять весь этотъ околотокъ однимъ, призвали на помощь самый народъ. Огонь переносился съ мѣста на мѣсто какъ птица крылатая. Усыпальницы и Богадѣльни (Fi-Sabil-Allah), построенныя изъ мрамора, во множествѣ пострадали, и обгорѣли даже и самыя вершины минаретовъ. Тамъ, гдѣ вчера еще мы видѣли базары и лавки, гостиницы и населенные дома, тамъ восходящая заря нынѣшняго дня освѣтила опустошенное мѣсто, вызывающее слезы зрителя, окаймленное плачущими и стонущими. Избави, Господи, родину нашу отъ подобнаго бѣдствія!

По зодчій были немедленно призваны къ дѣлу, и не прошло еще мѣсяца времени, какъ уже, смотришь, вездѣ все возвратилось на свое мѣсто, и отъ пожара не осталось иного слѣда, какъ самое мѣсто. И могло ли быть иначе въ этомъ царственномъ градѣ?

Въ этотъ день я посѣтилъ знаменитую церковь Св. Николая, что у Святыхъ Вратъ или Св. Евѣмій: эта церковь обращена нынѣ въ мечеть. Послѣ того я пришелъ въ преславную церковь Пресвятой Владычицы нашей; подъ зданіемъ есть источникъ святой воды, цѣлящій всякіе недуги.

Въ день праздника Св. Іоанна Златоуста (13 Ноября), я отправился въ Топъ Кана, гдѣ нанялъ лодку и переплылъ къ Кизъ Куллези (Kiz Cullesi) или Башня Дѣвы, построенная на небольшой скалѣ, среди взморья, напротивъ Скутари, и мы пили сладостную воду изъ тамошняго источника.

Оттуда мы направились къ Кади Кеи (Cadi Keui), т. е., Халкидоніи, и посѣтили тамошній храмъ во имя Христа Спасителя. Это шатрообразное зданіе съ возвышенными главами, все каменное и весьма древнее. Потомъ, черезъ Скутари и черезъ Топъ Кана, я возвратился въ Фанаръ, наше жилище.

Въ навечеріе Недѣли (т. е., Воскресенія) предъ Рождественскимъ постоумъ, мы совершали всенощное бдѣніе въ церкви (нашего) монастыря. За три дня передъ тѣмъ духовенство и именитые граждане изъ Кумъ Капи приходили съ благословенною грамотою отъ ихъ Патріарха къ нашему на вторичное совершеніе литургіи въ ихъ церкви во имя Богоматери въ Пустынѣ; и это по тому, что они весьма радовались, что выше помянутый пожаръ, со всѣхъ сторонъ свирѣпствовавшій и весьма близко къ нимъ подступавшій, ихъ, однако, не коснулся; и они были увѣрены, что, конечно, онъ былъ отстраненъ отъ нихъ силою молитвъ Владыки нашего. И такъ рано утромъ, въ означенное Воскресенье, мы отправились къ нимъ водою на суднѣ. Всякій разъ, когда намъ приходилось переплывать море въ этомъ мѣстѣ, мы всегда ощущали сильное опасеніе, какъ только приплывали на, такъ называемое мѣсто, Бурну Серай (Bournou Serai), которое за Сералемъ, и считали себя въ безпомощномъ положеніи, по тому что здѣсь море чрезвычайно опасно, по причинѣ сильнаго теченія черной струи изъ Пролива (Boghaz) въ Бѣлое море. И дѣйствительно, сколько большихъ судовъ пошло здѣсь ко дну!

Когда мы пристали къ ихъ берегу, намъ была большая встрѣча, и за тѣмъ мы торжественно совершили литургію. Здѣсь пробыли мы до девятнадцатаго Ноября, и возвратились къ себѣ.

Мы спрашивали о церкви, именованной Маххристѣ, т. е., Матери Господа, Трїединого Бога, упоминаемой въ исторіи Греціи, мною переведенной на Арабскій языкъ: сперва ее устроили въ Патріаршемъ дворцѣ, а въ послѣдствіи во храмѣ Святыхъ Апостолъ. Она на холмѣ, который выше Фанара и Патріаршаго дома и на полъ пути между этою частію города и мечетью Султана Магомета; теперь это красивая мечеть, въ которой много древнихъ водометовъ.

Мы слышали отъ многихъ, что за лѣснымъ рядомъ (Одунъ Харши), вблизи Валидинской гостинницы, съ задней ея стороны, есть небольшая мечеть, бывшая въ древности церковью, съ высокою четвероскатною крышею, осѣненною крестомъ, который иногда видѣнъ изъ лѣснаго ряда, а иногда нѣтъ. Я не успокоился, пока не отыскалъ этой церкви и пошелъ къ ней. Она въ первобытномъ видѣ, и я видѣлъ и самый крестъ. Я былъ не одинъ, но со мною ходило довольно зрителей, и мы возвратились весьма довольные.

О Т Д Ъ Л Ъ Х І.

Царьградъ. — Магалль Ассамата.

Въ Четвертокъ, съ дозволенія Царьградскаго Патріарха, приходили къ намъ духовные и сановники изъ Магалль Ассамата (Mahall Assamatah) приглашать къ служенію литургіи въ ихъ части города. Мы отправились въ слѣдъ за ними въ судиѣ, и проплыли около шестнадцати миль; ибо говорятъ, что Царьградскія стѣны имѣютъ въ окружности до двѣнадцати миль.⁹⁷ Магалль Ассамата есть полоса земли, вдаваясь въ море, такъ что три четверти ея обитателей островитяне. Остальная четверть примыкаетъ къ Адрианоупольскимъ воротамъ, позади Фанара. Вся та мѣстность покрыта виноградниками и садами, гдѣ во множествѣ растутъ и фисташковыя деревья. Жители встрѣтили насъ съ торжествомъ, мы доплыли до ихъ мѣста при захожденіи солнца, на канунѣ первой Недѣли (т. е., Воскресенья) Рождественскаго поста. Рано утромъ совершили мы обѣдню въ церкви Константина Великаго: она весьма древняя и очень чтимая, обширная и благолѣпная, вся каменная и украшенная главами. Въ ней иконы: Христа Спасителя, Св. Николая и Св. Іоанна Крестителя, всѣ древнія, большихъ размѣровъ, и полагаютъ, что онѣ современны Императору Константину. Великое стеченіе народа присутствовало при литургіи, во время которой было посвященіе Діаконовъ. Намъ дозволено было приложиться къ правой рукѣ Императора Константина: это кость, пожелтѣвшая, золотого цвѣта.

Ни что меня столько не восхищаетъ въ церквахъ Царьграда и сопредѣльныхъ ему странъ, какъ пѣніе мальчиковъ, и въ особенности ихъ пѣніе Трисвятаго ("Αγιος ὁ Θεός) передъ чтеніемъ Апо-

⁹⁷ Царьградъ выстроенъ на трехъугольномъ мысѣ, вдавшемся въ Мраморное море: двѣ стороны омываются моремъ, третья прилегаетъ къ материку и можетъ быть названа основаніемъ мыса. Эти стороны (омываемыя моремъ) сильно укрѣплены стѣнами, которыя хотя во многихъ мѣстахъ до того повреждены, что не представляютъ никакой защиты, остаются, однако, и по сіе время не исправленными. Всего окружность (стѣнъ) почитаютъ имѣющею болѣе двѣнадцати миль; сторона, омываемая заливомъ, имѣетъ три мили, прилегающая къ Мраморному морю четыре слишкомъ, а примыкающая къ твердой землѣ въ поперечникѣ, который замыкается Садьюю Башнями, вѣтвя отъ моря и до моря, имѣетъ почти пять миль. Д-ръ В а л ѣ ш ѣ.

сгола, Аллилуйя по Евангеліи и Господи помилуй (Κύριε ἐλέησον) во все время ектеніи: усладителенъ ихъ сладкозвучный напѣвъ!

Въ древности Магалъ Ассамата, именовался по Гречески *Μαγαλάτις*, а по Турецки теперь называется Магалъ Караманъ (*Магаллех Сагаман*); ибо Султанъ Магометь, когда онъ сдѣлался обладателемъ города, послалъ туда жителей изъ Караманіи и, поселивъ ихъ тамъ, далъ имъ церковь, а мѣсто назвалъ по ихъ имени. Это было въ Пасоматіи, гдѣ во дни еретичества, во время сильной бури, отрокъ былъ восхищенъ на воздухъ и слышалъ Ангельскую пѣснь: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» и низошелъ на землю, повторилъ слышанное Ангельское славословіе Господа. ⁹⁸

По окончаніи литургіи и угощенія мы осматривали оставшія церкви. Вторая во имя Свягителя Николая весьма благоугодна. Третья во имя Богоматери; четвертая Св. Великомуч. Георгія; эта послѣдняя древняя, каменная съ главами и древнимъ помостомъ въ церкви. Въ ней есть на стѣнѣ изображеніе Великомуч. Георгія мучіею по золоту; письмо весьма древнее и дивнаго художества; тамъ есть и святой источникъ, какъ обыкновенно почти во всякой Цареградской церкви. Мы прикладывались къ мощамъ Св. Ана-

⁹⁸ Въ Англійскомъ переводѣ это мѣсто читается такъ: In this Pasonatia it was that happened the procession of angels, at the time the heresies appeared, saying: «Blessed is he that is on our side!» and the young man was rapt up in to the air and came down, repeating: «Blessed be he who dieth not!» according as he had heard the angels praising God.» Нѣтъ сомнѣнія, что Бельзуръ перевелъ произвольно, не понимая значенія подлинника, въ которомъ не могло быть подобнаго искаженія историческаго событія, совершенно иначе сносимаго въ дѣтскихъ. Приводимъ въ подтвержденіе скаваннаго нами отрывокъ изъ Георгія Кедрина: «Въ двѣхъ сего Прокла (Патріарха Цареградскаго, 428 — 447) столь великія землетрясенія въ Константиноплѣ продолжались четыре мѣсяца, что жители Византійскіе пребывали на ногѣхъ внѣ града. Реченному Патріарху съ причтомъ и съ народомъ совершавшу тамо моленія, около третяго часа внезапно, всѣмъ видѣвшимъ, восхищенъ былъ юноша на воздухъ, и услышалъ гласъ Божій, повелѣвавшій ему, чтобы онъ возвѣстивъ Епископу (т. е., Патріарху) и людямъ молитися и глаголати тако: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» и ничего иного не прилагати. Народу сіе пѣнипу, немедленно землетраженіе престола. Императоръ Θεодосіи и блаженная Шульхерія, весьма удивившия сему чуду, законоподожили по всей вселенной пѣть сію пѣснь божественную.» Ч. I, стр. 112 д.

стаси, избавляющей отъ чарованій.⁹⁹ Изъ всѣхъ церквей Цареграда, ключая таже и Патріаршую, нѣтъ ни одной столь древней изъ времени Христіанскихъ Императоровъ, какъ эта, находящаяся въ Магалѣ Караманской.

О Т Д Ъ Л Ъ XII.

Царьградъ. — Семь Башень.

Въ Понедѣльникъ, Ноября 23 дня, мы встали съ разсвѣтомъ, намѣреваясь оставить здѣшнихъ жителей, съ ними отправились и достигли Седьми Башень (Yedi Kulleh). Во всей окружности стѣнъ Цареградскихъ и ея твердыняхъ нѣтъ ни красивѣйшаго, ни прѣчистаго зданія; какъ эта Семь Башень; ибо стѣны, выщающія ихъ, гройтыя однѣ около другихъ. Оттуда мы отправились черезъ Пущечныя Ворота (Тон Капи), на Христіанское кладбище, гдѣ есть святыи источникъ, въ Синаксарѣ Живоносный *Ζωοτοκότης*, именуемый, посвященный Пречистой Богоматери въ празднественно памятуемый въ Пятокъ Свѣтлыя Седмицы. Тенерь отъ называется Святыи источникъ въ Баликли, т. е., Церкви Рыбъ (Balikli).¹⁰⁰ Мы по ступенямъ спустились къ источ-

⁹⁹ Св. Великомученица Анастасія, мучимая Узорѣшительница, по происхожденію Египтянка, а по мѣсту рожденія Римлянка, дочь знатнаго и славнаго мужа, плена отъ Сидмита, Претокстава, и жены его, Фавсты, тайной Христіанки, дѣвственна, супруга язычника Публія, посвятившая себя на служеніе Христіанства, уаниамъ, за Христа пострадала при Проѣ (251 г.), была женою огнемъ, но тѣло ея не сгорѣло, и ея честныя мощи въ послѣдствіи перенесены въ Царьградъ, и надъ оными во имя ея создана церковь. Празднуется ея память Православною Церковію Дек. 22-го, а Римскою 25-го. Антюмійскій митрополитъ не сообщаетъ вамъ, гдѣ почиваютъ мощи Св. Анастасіи, прѣзъ XII-мъ вѣкѣ по сказанію Архіепископа Новгородскаго, Автонія; они находились въ монастырѣ Пандократора или Вседержителя, основанномъ суверѣномъ Императора Константина, Иринію, въ монастыствѣ Ксевію (дочерью дѣтскаго Короля, Владислава), и оковченнаго сыномъ его, Мануиломъ I-мъ, Комниномъ. Мощи этой церкви сохранивали тогда (т. е., въ XII-мъ вѣкѣ) мощи Св. Анастасіи, какъ утверждаетъ Архіепископъ Автоній. См. его Путешествіе, прим. 212. и 213. Д.

¹⁰⁰ На разстояніи четверти мили отъ городскихъ стѣнъ находится Баликли или мѣрждовь рыбъ. Церковь эта гакъ названа по одному событію, какъ гла-

нву и пили чудную воду, цѣлящую недуги. Здѣсь Христіане празднуютъ Понедѣльникъ по Воскресеніи Христовомъ, провождая день въ радости и веселіи, пьютъ и ѣдятъ. Послѣ того мы

силь преданіе, прославившему ее между Греками. Въ тѣ дни, когда Магометъ осаждал Царьградъ, на этомъ мѣстѣ стоялъ Греческій монастырекъ, не разоренный, должно думать, непріателемъ. Въ послѣдній день осады одинъ изъ иноковъ жарилъ рыбу, когда внезапная вѣсть о взятіи города Турками, вошедшими черезъ стѣнной проломъ, достигла обитавші. «Скорѣе поѣду, говорилъ монахъ, что эти жаренныя соскочатъ со сковороды и оживутъ.» Во обличіе невѣрующаго инока, рыбы дѣйствительно соскочили со сковороды прямо въ нѣкій водовозъ возлѣ стоявшій и стали въ немъ плавать, какъ будто никогда изъ него и не были вынимаемы. Въ воспоминаніе сего чуда на томъ мѣстѣ создана была церковь со вмѣстительствомъ для воды, въ которое пущены были рыбы и понынѣ живущія. Двадцать девятый день Апрѣля мѣсяца по Греческому мѣсяцедову избранъ былъ для празднестваго памятованія сего событія, и великое стеченіе народа собирается ежегодно въ этотъ опредѣленный день въ ту церковь, чтобы посмотреть на чудесныя рыбы, и донынѣ тамъ плавающія. Д-ръ. Валъшъ у Белъф.—Къ этому нѣсколько преувеличенному примѣчанію иновернаго путешественника прибавимъ современное описаніе Живоноснаго Источника, почерпнутое нами изъ путевыхъ замѣтокъ инока Парсенія: «Были на Бадыклеѣ, то есть, на Живоносномъ Источникѣ, которому Церковь творитъ воспоминаніе въ Пятокъ на Пасхѣ. Сей источникъ находится внѣ Царьграда, съ версту отъ градской стѣны, за Адрианопольскими вратами, огражденъ каменною стѣною высокою, наподобіе монастыря; не много внутри постройки: въ 1834 году выстроена, при помощи Султана Махмуда II, великая каменная церковь во имя Богородицы Живоноснаго ея источника; сдѣлана изъ тесаннаго камня; чистый мраморный, на подобіе льду, иконостасъ, рѣзба вызолоченная, иконы самой высшей Греческой работы въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ; много пожертвовано иконъ Россійскихъ, а наипаче плащаница Арзамаской работы, всякой похвалы достойна и удивляетъ всѣхъ, смотрящихъ на нее. Одно большое Россійское паннакидо и два большихъ серебряныхъ вызолоченныхъ, пожертвованныя Султаномъ, также достойны удивленія..... Въ два ряда стоятъ колонны, поддерживающія своды, всѣ изъ чистаго мрамора. Во истину храмъ сей всякой похвалы достоинъ. И два Императора ему Ктиторами: Россійскій и Султанъ Турецкій. Внизу подъ притворомъ точится неисчерпаемый благодатный живоносный источникъ Царицы Небесной. Купѣль сдѣлана изъ чистаго бѣлаго мрамора, четверугольная, посреди купѣли чаша, изъ которой течетъ чудотворная Богородичная вода; она стоитъ въ купѣли аршина на два, чистая какъ зеркало, холодная и пріятная для питья, такъ что можно каждому пить два оха, по 6 фунтовъ..... Въ сей водѣ плаваютъ семь небольшихъ рыбъ. Греки говорятъ, что онѣ пущены послѣднимъ Греческимъ Царемъ, Константантиномъ Палеологомъ. Напротивъ купѣли, къ сѣверу, небольшая церковь: тамъ стоитъ чудотворная Богородичная икона

пришли въ Адрианополюскія врата и возвратились къ себѣ домой въ Фанаръ. Но я опять отправился одинъ осматривать источникъ,

Живовоснаго источника. Вокругъ стѣнъ стоятъ аналои: предъ всякимъ Священникъ, и всѣ поютъ неусыпаемые акаѣисты и молебны; горитъ непрерывно множество свѣчей и лампадъ. Возлѣ купѣли стоятъ четыре челоуѣка, которые черпаютъ святую воду и подаютъ народу съ приглашеніемъ: «Прійдите, приступите, безъ цѣны продается вода и исцѣленіе Матери Божіей!» Кругомъ подѣланы чуданы, гдѣ больныхъ обливають водою; тамъ всегда народу, какъ на торжищѣ: покупаютъ безъ цѣны здравіе отъ Царицы Небесной. Всѣмъ подается исцѣленіе,— вѣрнымъ и невѣрнымъ, и всѣ непрестанно приходятъ. Греки, Турки, Турчанки, Армяне и Католики; всѣ со слезами просятъ Царицу Небесную, и пріемлютъ исцѣленіе. Самъ Султанъ иногда посѣщаетъ и приказываетъ ежедневно брать оттуда воду для приготовленія пищи: за нею ѣздить съ тремя бочонками, и ихъ наполнивъ кладутъ печать. Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса! Въ самыхъ врагахъ Христіанствъ, въ Магометанахъ, и тамъ прославляютъ дѣла Его, прославляютъ Господа нашего, Іисуса Христа, и Пречистую Его Матерь, видяще повседневыя, бываемыя отъ Нихъ, чудеса и говорятъ: «Велика въ женахъ Святая Марія,» и весьма ее почитаютъ, говоря, что Святая Марія родила великаго Пророка Іисуса, безъ мужскаго сѣмене, но отъ Духа Святаго.» Я спросилъ Иеромонаха, записываютъ ли чудеса, бываемыя отъ воды? Онъ отвѣтилъ: «А кто можетъ ихъ всѣ переписать? Сколько приходитъ ежедневно народу разныхъ вѣръ, столько бываетъ и чудесъ; ежели же записывать всѣ, надобно имѣть нарочитую Канцелярію.» На верху, въ оградѣ, есть мѣсто, гдѣ потребуются святѣйшіе Патріархи Цареградскіе. Въ Пятокъ на Пасхѣ, сказывали, бываетъ великое стеченіе народа въ самый лучшемъ убранствѣ: жены и дѣвицы Греческія надѣваютъ на себя всѣ свои драгоценности: пріѣзжаютъ Патріархъ, Султанъ и приходитъ множество войска.» Ч. III, стр. 19—22, § 22.— Въ дополненіе сказаннаго приводимъ отрывки изъ Синаксарія на день праздника Живовоснаго Источника: «Въ Пятокъ Свѣтлыя Седмицы празднуемъ Обновленіе храма Пресвятыя Господи нашей, Богородицы, именованаго Живовоснаго Источника... Сей убо храмъ первѣе основанъ отъ Царя Льва Великаго (457—474), иже и Мекелъ именованъ...Прежде неже быти (ему) Царю, обрѣтается въ ономъ мѣстѣ, обрѣте единого челоуѣка слѣпаго, не видаща, камо ити и, возьмъ за руку, ведяше. Достигшема обоима тамо близъ, идѣ же баше источникъ, возжада слѣпый, и моли Льва, да ороситъ его, иже, идя во внутреннее дѣса, искаше воды, и не обрѣташе. И слышитъ гласъ, свыше глаголющъ: «О Леве! не унывай, зане вода, ея же ищещи, близъ тебе есть, и потыши обрѣсти! И Левъ, ищай много, не обрѣте ея. И пакы слышитъ гласъ же глаголющъ ему: «Царю Льву! вниди во внутреннюю часть загушеннаго дѣса, и возьми своимъ руками отъ сея мутныя воды, и исцѣдиши жажду слѣпаго, и помажи и помраченныя его очи, и абіе познаешь, кака есмь, и отъ многаго времени живу на семъ мѣстѣ. Левъ убо сотвори, яко же гласъ повелѣ ему, и абіе прозрѣ слѣпый. И по Богоматере прореченію, по малѣ времени Левъ Царь бысть, и созда тамо

что во Влахернѣ,¹⁰¹ нынѣ пришедшіи въ запустѣніе и почти совершенно забытый, находящійся въ мѣстности, называемой П а л а т и (Palath) на Кассѣ Кейи (Khass Keui), выше, нежели Фанарѣ. Я вошелъ въ огороженное зданіе, обитаемое таборомъ Цыганъ: это была церковь, но мало осталось видимыхъ признаковъ. Я нашелъ источникъ внутри, текущій изъ пещеры, которая была прежде

у источника храмъ новый, богатою рукою, яко же зрится днесь. Но многихъ дѣтехъ Юстиніанъ Великій, (527—565) понеже страдалъ зѣло отъ немощи володудіа (водляной), и обрѣте тамо исцѣленіе свое, наки созда оный новый храмъ, и сотвори ѿ величайшей и красивѣйшей, и отъ многихъ трусовъ (землетрясеній) ввсегда разсѣде, послѣди Царь Василій Македонскій (867—886), и сынъ его, Левъ Мудрый (886—911), наки создаша и исправиша ѿ. Во время ихъ сей источникъ многа чудеса дѣйствова: и водъ задержанія и птисы (phthisis, чахотка) и иныя тмочисленныя страсти исцѣли: канкринскія страсти (cancer, ракъ), кровоточенія многихъ родовъ, ами же страждаху Царевны и иныя жены, и различныя огневицы и иныя бодѣзны и язвы не-исцѣльныя, и неплодныя разрѣши. Яко и Царица Зои, неплоды суще, пріять даръ отъ сего источника, сына Константина Порфирогенита. Воскресе же и мертвого, иже бѣ отъ Тессаліи и, приходя ко святому источнику, умре на пути. Когда же хотѣше умерети, заповѣда корабленникомъ взяти его тамо до водоисточника, и возліати на него трижды отъ оныя воды, и тогда погрѣсти его. Еже творяще корабленницы, пзвивающе на него воду, абѣ воскресе мертвый. По многомъ же времени, хотя пасти великій храмъ оный, явися Богородица и держаше его; дондеже изыде вонъ все множество людіи и никто же вредися. Таяжде святая вода пиваема, многія бѣснущыя исцѣли и отъ темницы челоуѣки связанныя разрѣши. Исцѣли же и Царя Льва отъ каменвозаятія, и жены его, Теофаны (Теофанія) угаси сильнѣйшую огневицу, и брата его разрѣши отъ птисныя немощи; дарова же и слухъ Іоанву, Патріарху Іерусалимскому. Исцѣли еще и сильную огневицу Патрікія Тарасія и матери его Магистрисы, и сына Стиліанова исцѣли отъ волозадержанія. И вѣкую жену, именемъ Схизину, свободи отъ чревоболѣвія. И Царя Романа исцѣли отъ разрѣшенія и связанія чрева таяжде вода, подобѣ и жену его (Теофанію?). Призваніемъ же токмо исцѣли Всесвятая монаха Пеперина, и учителя его въ Халдеи. Подобѣ и монаха Матѳея и Мелетія, ихъ же оболганя Царю, свободи отъ гѣва. Патрікія же и Протоспаварія, и иныя тмочисленныя кто исповѣдати можетъ?... Еще же исцѣли Варатта Іоанна отъ водотрудованія, другого Варатта отъ злыхъ язвъ исцѣли, и священномонаха Марка отъ оспы, и отъ каменвозаятія монаха Захарія, и иная множейшая чудеса, яже не возможно есть исчислити. яже дѣйствова и дѣйствуетъ непрестанно. См. Трїодъ. Цвѣтв. Служб. Свѣтл. Селм. Пятокъ. Д.

¹⁰¹ Мѣсто подъ именемъ Влахерны или Лакхерны (Βλαχέρναι, Λαχέρναι) находилось въ самомъ сѣверозападномъ углу Царьграда, близъ Золотого Рога, на 6-мъ холмѣ, въ 14-ой городской части. По имени этого мѣста былъ названъ великолѣпный храмъ, построенный здѣсь Пульхерією, супругой Им-

сокровенною подъ аларемъ. Вышедши оттуда, я прошелъ въ пространную и благолѣпную церковь Св. Великомученика Димитрія, построенную въ той же мѣстности, и послѣ въ церковь Пресвятыя Богоматери, гдѣ я приложился къ ея иконѣ (нѣкогда) пронзенной копіемъ: видны слѣды истекшей крови.

На канунъ второго Воскресенія Рождественскаго поста мы слушали всенощное служеніе, а наутріе литургію въ церкви Цареградскаго Патріарха, по тому что нашъ желалъ проститься съ нимъ и продолжать путешествіе. Послѣ литургіи Цареградской Патріархъ повелъ нашего въ свои палаты: они со слезами прощались другъ съ другомъ, оба преклонивъ главы, одинъ надъ другимъ читали молитвы, и Цареградскій далъ нашему пространныя и прекрасныя письма какъ къ Государямъ, такъ и къ своимъ подчиненнымъ.

О Т Д Ъ Л Ъ XIII.

Царьградъ.—Босфоръ.

Въ Понедѣльникъ, Ноября 29, мы оставили Царьградъ, отплывши на суднѣ (Саик), и прибыли въ Неохори (Νεοχώρι) или Ени-Кейи (Yeni Keii), дабы тамъ нанять корабль и по Черному морю плыть въ Молдавію. Шестіе сухимъ путемъ, черезъ Адріянополь, было для насъ затруднительно по двумъ причинамъ: во первыхъ, по тому, что оно потребовало бы расходовъ на наемъ повозокъ болѣе пятисотъ піястровъ; второе препятствіе происходило отъ холода, множества снѣга и изобилія дождей. Этотъ богазъ или проливъ въ Черное море былъ продѣланъ еще въ древности, во времена Александра (Великаго), и плаваніе по немъ весьма затруднительно. Отъ Галаты до Неохори, на право и на лѣво (по берегамъ) вездѣ хутора и дома, дворцы и терема—собственность Султана; сады, виноградники, гульбища, купальни и тому под. Мы пристали

ператора Маркіяна. Царственныя супруги, какъ бы соревнуя другъ другу, не щадили издержекъ на украшенія этого храма. Но главнымъ его сокровищемъ были погребальныя пелены, привезенныя изъ Іерусалима, и риза Богоматери. См. Кодина и Путешествіе Новгор. Архіеп. Автоія, изд. 1872 г., прим. 94.

въ Неохорѣ, въ домѣ Дадьяна Раиза (Dadjan Rais), по прозванію Калокари (Kalokari) и Θεодора, а сына его зовутъ Ясаги (Yazgahi). Увѣковѣчи ихъ, Господи, и продли дни ихъ жизнь! Ибо ихъ щедроты и благодѣянія къ намъ, и къ пришельцамъ вообще, не можетъ выразить языкъ смертнаго.

Въ Воскресеніе, третье Рождественскаго поста, которое пришло въ 5 день Декабря мѣсяца и совпало со днемъ празднованія памяти Св. Саввы, Патріархъ нашъ совершилъ литургію въ церкви во имя Святыхъ Георгія и Саввы въ выше означенномъ селеніи, другую литургію въ Понедѣльникъ въ церкви Святителя Николая, такъ какъ это былъ день его празднества.

Послѣ полудня, въ Понедѣльникъ, по четвертомъ Воскресеніи поста, нашъ Патріархъ совершалъ во храмѣ Богоматери, согласно уставу нашему, заупокойное всенощное бдѣніе съ отпѣваніемъ тѣла Миры (Mira), жены Хаджи Абдалла (Hajji Abdallah), сына Канонника Мансорскаго, при чемъ присутствовали ея дѣти, и во Вторникъ, утромъ Декабря 14 дня, служилъ по ней заупокойную литургію. Была помпозенная трапеза, и по обычаю коливо съ хлѣбомъ и виномъ.

Послѣ того мы снесли всѣ наши пожитки на корабль и, при появленіи попутнаго вѣтра, называемаго Нотосъ (Νότος) или полуденнаго, котораго дожидались суда въ Галатской пристани Чернаго моря. Послѣ полудня, въ помянутой Вторникъ, мы поплыли въ двухъ судахъ къ кораблю, стоявшему на якорѣ въ мѣстѣ, называемомъ по Турецки Кара Дашъ (Kara Dash), а по Арабски Аласвадъ Сакъ (Sakr Alaswad) или Черная Скала, которое при выходѣ въ Черное море изъ устья Босфора, выше второй изъ крѣпостей, построенныхъ Турками въ этомъ проливѣ; ибо, прежде чѣмъ доплывете до Неохора, увидите вправѣ и влѣвѣ два большія укрѣпленія. Здѣсь находятся еще двѣ другія крѣпости, а выше ихъ, на вершинѣ холма, два древнихъ замка значительныхъ размѣровъ, построенныхъ, говорятъ, Александромъ, но теперь уже въ развалинахъ. Выше еще есть монастырь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, по Гречески называемый Μοναστήρι τῆς Μαυροκόλλου или Монастырь Черной Горы, который я посетилъ. Онъ на вершинѣ холма, брати тамъ сорокъ человекъ; въ немъ большая древняя церковь; снаружи есть святой источникъ, изобилующій водою, весьма сладкою и цѣлебною для недужныхъ. Надъ этимъ источникомъ на стѣнѣ чудотворная икона Богоматери, именуемой Вседержительницы (Πατριαρχισσα) просла-

вленная своею чудодѣйственною цѣлительною силою. Внутри церкви есть другая святая вода (*Λύλασμα*).

Мы вступили на палубу корабля; сводъ небесный былъ совершенно ясенъ и блисталъ звѣздами, и корабельникъ рѣшилъ, что мы отплывемъ въ полночь; но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, завернула ужасная буря и хлопьями повалилъ снѣгъ, что продолжалось отъ этой ночи до слѣдующей. Въ продолженіи этого времени четыре корабля, которые покусились было выйти изъ Босфора, потерпѣли крушеніе; и мы, по особому промыслу Всемогущаго и успѣшному дѣйствию кормчаго, на судахъ возвратились отъ того мѣста, гдѣ былъ корабль, и пристали къ селенію подъ названіемъ Терапія, ¹⁰² которое выше Ени Кейи. Здѣсь мы нашли много кораблей, бросившихъ якорь и приютились въ одномъ Христіанскомъ домѣ, каковыхъ здѣсь сто двадцать, и между ними нѣтъ ни одного Турка: причиною тому то, что въ этомъ селеніи церковь во имя Св. Великомученика Георгія и по сіе время присно чудодѣйствующаго; и когда кто ни будь изъ здѣшнихъ отстываетъ отъ вѣры своей, то пріемлетъ кару отъ Св. Великомученика и гибнетъ. Вотъ по чему невѣрные не живутъ между здѣшними Христіанами.

Въ Пятокъ, Декабря 17, нашъ Патріархъ совершалъ литургію въ выше помянутой церкви въ селеніи Терапії, и изготовлялъ Св. Муро (*μύρον*), хотя было чрезвычайно холодно и большой морозъ. Также и въ Субботу, на канунѣ Недѣли Св. Отецъ, слушали тамъ утреню, а на утро Владыка служилъ литургію и варилъ муро. По обычаю нашему, мы читали четыре Евангелія на Персидскомъ Турецкомъ, Арабскомъ и Греческомъ языкахъ, было великое стеченіе народа, пришедшихъ съ кораблей на якорѣ.

На канунѣ Пятка и навечерія (*Παρασκευή*) предпразднества Рождества Христова Киръ Паисій, Патріархъ Цареградскій, прислалъ къ Патріарху Антіохійскому, Владыкѣ нашему, благословенную грамоту и приглашеніе отъ него самаго и отъ большей части Владыкъ, такъ какъ они весьма полюбили нашего Патріарха

¹⁰² Прекрасное селеніе Терапія на Босфорѣ не менѣе славится своимъ здоровымъ положеніемъ, на что указываетъ и самое его названіе (Греч. Θεραπεία здоровье, какъ и обращеніемъ жителей. Всѣ они чистые Греки, коихъ живое, веселое сложеніе, любовь къ музыкѣ, пляскѣ и общенію, представляетъ совершенною противоположность съ мрачнымъ, отталкивающимъ видомъ всѣхъ прочихъ окрестныхъ селеній. -- Разсказъ Д-ра В е л ь ш а.

и, будучи не очень расположены къ ихъ собственному и вообще ко всякому другому, желали, чтобы оба Патріярха совершили литургію виѣстѣ. Они говорили: «Благополучіе для насъ, что Антіохійскій былъ задержанъ, пока не совершитъ посредѣ насъ литургіи въ день празднества Рождества Христова, и мы получимъ отъ руки его Св. Дары.»

ОТДѢЛЪ XIV.

Царьградъ.—Фанаръ.

Итакъ Патріярхъ нашъ сѣлъ въ лодку, сопровождаемый присланнымъ къ нему духовенствомъ, и мы прибыли въ Царьградъ, въ Пятокъ утромъ.

Мы помѣстились въ покояхъ Кирилла Александрійскаго, бывшаго въ послѣдствіи Патріярхомъ Царьградскимъ. Палаты эти необычайно благолѣпны, и были строены имъ собственно для себя, и изукрашены различными мраморами, разноцвѣтными изразцами и хрусталими. Онѣ находятся съ самою верхней части зданія, составляющихъ дворецъ Патріяршій. Патріярхъ не имѣетъ обыкновенія выходить къ Часамъ въ ночь на предпразднество, ихъ откладываютъ до наступленія утра, и какъ только стало свѣтать, оба Патріярха облеклись въ мантии и съ жезлами сошли внизъ въ церковь. Тотчасъ начались Часы и пареміи изъ пророчествъ и проч. Раздавали антидоръ и, благословивши присутствовавшихъ, они пошли изъ церкви, а въ это время свѣщеносецъ (шедшій предъ Владыками съ предноснымъ подсвѣщникомъ возглашалъ многолѣтіе (*Ποδουρβιον*) каждому. Имъ предшествовали Янычаре, раздвигая толпу, и такъ Патріярхи поднялись въ верхнюю палату, а облеченные мантиями и окруженные Митрополитами, Іереями и прочими властями, сѣли каждый на свой престоль. На столѣ были поставлены двѣ хрустальные чаши съ виномъ и напиткомъ, по числу Апостоловъ, двѣнадцать блюдовъ Индѣйскаго издѣлія, наполненныхъ брашнами. Царьградскій Патріярхъ первый взялъ чашу съ питіемъ, и пѣвчіе пропѣли многолѣтіе; тогда онъ произнесъ молитву для Митрополитовъ и прочихъ присутствующихъ и поочередно каждому пожелалъ добраго здравія. Точно то же сдѣлалъ потомъ Антіохійскій и прочіе Владыки.

Послѣ того Владыки одѣляли всѣхъ частицами (панагін) и мы перешли къ трапезѣ въ другую палату, бывшую за этою, со множествомъ оконъ, выходящихъ на взморье, и видѣ, открывающійся изъ нихъ, великолѣпенъ. Каждый Патріархъ во время столованья сидѣлъ на одномъ изъ двухъ сѣдалищъ, поставленныхъ рядомъ одно возлѣ другого, а Митрополиты сидѣли отъ нихъ вправо и влѣво. Вышедши изъ за стола, мы пошли отдохнуть. Когда же часы, находящіяся во дворцѣ, пробили десятый часъ ночи, Царградскій самъ пришелъ къ нашему Патріарху, и они вмѣстѣ пошли въ церковь.

Послѣ непрерывныхъ трехдневныхъ торжественныхъ служеній въ церкви и пышныхъ угощеній въ палатахъ, ¹⁰³ во Вторникъ

¹⁰³ Въ Англійскомъ переводѣ тутъ слѣдуетъ Арабскій текстъ безъ перевода мы приводимъ и переводъ, который, однако, не представляетъ ничего особеннаго. Вотъ онъ: «Патріархи и бывшіе съ ними присутствующіе молились отъ начала службы до конца долгое время и пѣли священныя пѣсви, по томъ послѣ 7 Часа сошли оба съ Патріаршаго мѣста и приложились къ Евангелію, благословивши народъ, какъ мы уже прежде сказали объ нихъ: Архидіаконъ Константинопольскій кадиль въ 9 Часъ, потомъ вошли второй и третій Діаконы и взяли благословіе у Патріарховъ съ поклонами, а Архидіаконъ Антіохійскій со вторымъ Діакономъ сдѣлали тоже, послѣ насъ вошелъ Мегасъ Икономъ (Великій Економъ) ¹ константинопольскій, за нимъ Мегасъ Икономъ Антіохійскій, послѣ нихъ Протосингелы двухъ (Патріарховъ), потомъ три другихъ Священника, всего семь, а насъ было пять, или шесть, Діаконовъ. Старосты церковныя вынули въ этотъ день два серебряныхъ подсвѣчника, длиною въ два аршина съ половиною, больше прежнихъ, о которыхъ мы уже упоминали, и еще два другихъ подсвѣчника съ подножіями. На престолъ положили большой крестъ съ двумя рипидами и предъ дверями церкви поставили раки, въ которыхъ находились мощи Святыхъ: на большой столъ поставили различные сосуды, диски, кадила и подсвѣчни серебряныя, очень дорогіе и рѣдкіе. Здѣсь былъ обычай стоять съ Секретарями Патріарха и записывать доходы церкви. А послѣ: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа» пришли два Патріарха и приложились къ святымъ иконамъ, послѣ нихъ Митрополиты, Священники и остальные присутствующіе, по обычаю. И въ первый Часъ пришелъ Евклезіархъ (Пономарь) и разостлалъ коверъ въ алтарѣ и на каедрѣ. Вечеромъ разостлалъ оный отъ царскихъ дверей до середины церкви т. е. между двумя престолами Патріаршими, красное сукно, а послѣ разостлали отъ одного Патріаршаго престола до другого ковры, и поставили на нихъ два Европейскія кресла, обитыя краснымъ бархатомъ съ серебряными вызолоченными гвоздями. Потомъ мы вышли изъ алтаря (т. е., Архидіаконъ Константинопольскій и Антіохійскій) съ трикиріями въ рукахъ и оражія на лѣвое плечо. За тѣмъ вышли два Діакона, въ рукахъ каждаго изъ нихъ были

по празднествѣ Рождества Христова, нашъ Патріархъ опять простился съ Цареградскимъ, который проводилъ его до церкви, читая напутственныя молитвы. Тогда они вышли на дворъ, и Цареградскій послалъ Митрополитовъ предшествовать ему, а Священниковъ и Діаконовъ нести конецъ его мантии, стражи же шли впереди, раздвигая народъ, пока его не довели до лодки, гдѣ они вторично пожелали добраго пути, и возвратился каждый къ себѣ.

Что же касается до насъ, мы направились къ Ени Кейи, гдѣ и пробыли до Пятка утра, Декабря 31, и тогда отправились въ Терапію, чтобы быть поближе къ нашему кораблю, а вечеромъ слушали вечерню. Въ Субботу утромъ, въ день празднества Обрѣзанія Господня, Генваря 1 дня, мы совершали литургію въ церкви, а послѣ полудня вечерню, на канунѣ недѣли передъ Просвѣщеніемъ. Когда стемнѣло, къ Патріарху нашему приплылъ въ лодкѣ Протосингелъ Патріарха Цареградскаго и привезъ приглашеніе отъ него самаго и отъ Владыкъ, преисполненный великихъ похвалъ, гдѣ говорилось между прочимъ, что Всемогущій удержалъ его, дабы онъ могъ и третицею почитать ихъ своимъ посѣщеніемъ и присутствовать при собраніи ихъ Синода. Съ нами прилучилось быть Киръ Давыду, Митрополиту Гадишскому, возведенному въ этотъ санъ въ тотъ самый день, какъ мы впервые прибыли въ Царьградъ: онъ собирался ѣхать въ свою Епархію, но, какъ мы, былъ удерживаемъ ожиданіемъ попутнаго вѣтра.

ОТДѢЛЪ XV.

Царьградъ.—Отлученіе отъ Церкви.

Итакъ въ означенное Воскресеніе утромъ мы отправились въ Патріаршія палаты, насъ поджидали и насъ ради медлили съ

кресты, Патріархи сошли съ своихъ мѣстъ и долго продолжали свои молитвы предъ иконами съ земными поклонами. Потомъ благословили народъ и возвратились на прежнія мѣста; два Діакона третьяго разряда вышли съ двумя Патріаршими митрами на двухъ блюдахъ, покрытыхъ золотыми платками. Также вышли два Священника, и каждый въ рукахъ держалъ облаченіе. Когда всѣ присутствующіе Митрополиты были на своихъ мѣстахъ,

началомъ литургіи. Владыку нашего встрѣтилъ и повели его въ мантии съ посохомъ и кадилами въ церковь, гдѣ онъ сталъ на своемъ Патріаршемъ мѣстѣ. Патріархъ Цареградскій такъ же присутствовалъ. Какъ скоро окончилась литургія, проповѣдникъ Серигъ (Serigos), Настоятель церкви Золотога Источника (Χρυσοπλάτης) въ Галатѣ, ученый мужъ своего времени, превосходящій своихъ современниковъ, поборникъ истинной Вѣры и защитникъ Православія, взошелъ на кафедру, долго проповѣдывалъ, немного и поплакалъ. «Что означаетъ сіе волненіе? Откуда сіе смятеніе, и сіе неустройство въ Церкви Божіей?» какъ проповѣдывалъ Златоустъ по возвращеніи своемъ изъ заточенія врагами Церкви Христовой, сравнивая ее съ кораблемъ посредѣ морской пучины, окруженнымъ врагами, нападающими на него со всѣхъ сторонъ. «И мы, чада Церкви, находящіяся въ лопѣ ея, идемъ туда же и готовы также потоплять ея!» Въ этомъ духѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ распространилъ онъ слово свое довольно длинное, и послѣ того сошелъ съ кафедры. Въ слѣдъ за тѣмъ Патріархъ Цареградскій, вставъ съ своего сѣдалища и стоя возлѣ него, отверзъ уста своя и сказалъ слово, приличное случаю: По убіеніи Патріарха Паренія, Киръ Евангелій (Іоаннскій?) былъ избранъ ему преемникомъ и въ продолженіи нѣкотораго времени пользовался Патріаршимъ достоинствомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ появился Кириллъ Испанецъ, или Коза Митрополитъ Терновскій (Terlov), и низложилъ его съ престола. И когда онъ вступилъ въ Патріаршее жилище, то ни единый человекъ не явился къ нему, ни Епископъ, ни Священникъ, ниже мірянинъ, по тому что онъ былъ всѣмъ ненавистенъ. Такъ онъ провелъ три дня и, не имѣя средствъ одарить Визиря и прочихъ, какъ онъ наобѣщавъ имъ, былъ низложенъ съ великимъ позоромъ, и тогда, вмѣсто него, возвелъ Аванасія, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Паталарона (Patalaron).¹⁰⁵ Онъ былъ передъ тѣмъ Митрополитомъ Фессалонійскимъ, потомъ сдѣлался Патріархомъ по низведеніи Кирилла

пришли три Дьякона и Священникъ, сдѣлали каждому Патріарху малый поклонъ и поцѣловали ихъ руки; это повторили два раза, Патріархи же привстали для нихъ съ своихъ мѣстъ.»

¹⁰⁵ Паталаронъ, слово сложное изъ двухъ Греческихъ: Πατήρ, отецъ, батюшка, и Λαρόν, хватунъ, похититель, т. е. отецъ-хитникъ, похититель престола. Слово Λαρόν употребляется и во Французскомъ языкѣ и означаетъ часть искуснаго вора. Д.

Александрійскаго, во времена Султана Мурада. Въ послѣдствіи, низложенный, онъ перешелъ къ Василію (Бею, Князю), Господарю Молдавскому, который далъ ему въ Яссахъ (Gass) церковь и монастырь, со всѣми ихъ приписными дачами, и пожаловалъ въ собственность городъ Браиловъ и Измаилъ со всѣми доходами и жителями, т. е., около шести тысячъ домовъ. Тамъ находился онъ до послѣдняго времени, пока безъ дозволенія Господаря, не возвратился въ Царьградъ и снова сдѣлался Патріархомъ (какъ мы уже объясняли прежде), будучи избранъ изъ соперничества противъ Кирилла Козы. Но, не имѣя, чѣмъ бы могъ купить милость Правителей,¹⁰⁶ онъ пропатріаршествовалъ всего пятнадцать дней и былъ низложенъ. За тѣмъ обратно бѣжалъ въ Молдавію,

¹⁰⁶ Это Патріархъ Аѳанасій, родомъ изъ острова Крита; пришедши въ мужескъ возрастъ, первоначально посвященъ былъ въ Діакона, въ послѣдствіи снискалъ расположеніе тамошняго Турецкаго Правителя и былъ взятъ имъ въ Царьградъ, гдѣ, при его посредствѣ, сдѣлался сперва Митрополитомъ Фессалонійскимъ, а за тѣмъ, при его же пособіи, и Патріархомъ въ 1634 г., на мѣсто Кирилла Лукаря (извѣстнаго и у насъ), но черезъ 3 недѣли сосланъ на островъ Хиосъ, откуда потомъ явился въ Молдавію, къ Господарю ея, Василію Лулау. Показавшись въ 1631 году опять въ Царьградъ, онъ опять былъ избранъ въ Патріархи, и опять же не удержался, а спустя двѣ недѣли принужденъ возвратиться въ Молдавію, изъ нея проѣхалъ далѣе, въ Малороссію, къ Гетьману Богдану Хмельницкому, оттуда въ Великороссію, куда прибылъ въ Апрѣлѣ 1633 г. съ рекомендаціей славнаго Гетьмана и съ тайными порученіями. При вѣздѣ въ Москву его встрѣтилъ за Калужскими Воротами Бояринъ Кузьма Корнильевичъ Кузьминъ и проводилъ до Кирилловскаго подворья. Юни 5 ѣздилъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру. Изъ Москвы отбылъ въ Ноябрь съ Царскою грамотою, богато одаренный. Достигнувъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря (Полтавской Губерніи), Аѳанасій сильно разболѣлся, и Апрѣля 5 дня, 1634 года, скончался, гдѣ и погребенъ былъ Игуменомъ Петроніемъ Левковичемъ въ церкви Преображенія Господня, въ склепу, подъ амвономъ. Въ 1662 г., Февраля 1-го, мощи его открыты были путешествовавшимъ тогда въ Москву Гавскимъ Митрополитомъ, Пансіемъ Лягаридомъ, и поставлены въ той же самой обители, гдѣ и нынѣ обрѣтаются, въ сидячемъ положеніи, въ богатой серебряной ракѣ, съ лѣвой стороны за клиросомъ, между столбами, напротивъ Лубенской чудотворной иконы, по правую сторону стоящей. Эта рака въ 4 пуда слишкомъ, позолоченная (съ употребленіемъ на то 115 червонцевъ), сдѣлана въ Переяславѣ въ 1819 году, при Преосвященномъ Меодіѣ, попеченіемъ Настоятеля обители Архимандрита Кирилла, бывшаго тогда Ректора семинаріи, въ послѣдствіи Архіепископа Каменець-Подольскаго, ум. 1841 г. Это былъ Магистръ Петербургской Дух. Академіи 1-го курса, Богословскій-Платоновъ, послѣ Ректоръ Переяславской, за тѣмъ Московской Семинаріи, далѣе Викарій Московскій, Епископъ Вятскій и т. д. О. Б.

и тогда Епископы и духовенство, по собственному ихъ произволенію и выбору, возвели Кирь Паисія, Митрополита города Ларисы, въ Патріарха, заставивъ его предварительно уступить его преемнику Митрополію Ларисскую за 12 тысячъ піястровъ или кошельковъ. Этотъ былъ нашъ другъ, въ его-то время прибыли мы въ Царьградъ; онъ былъ человѣкъ уважаемый, внимательный, учтивый, любимый всѣми отъ мала до велика, смиренный духомъ и замѣчательный умомъ. Что же касается до Испанца Кирилла, онъ пребывалъ въ домѣ одного великороднаго человѣка, который ему покровительствовалъ. Точно такъ же и низложенный Іоанникій проживалъ въ Галатѣ, въ домѣ другого нѣкоего Вельжожи; и я, убогій дѣписатель, посѣтилъ его тамъ, гдѣ онъ и теперь живетъ, ото всѣхъ скрываясь, и того ради носить даже бѣлую чалму.

И по тому теперь Владыки и духовенство созывали Соборъ, дабы провозгласить противъ него анаѣму и отлучить его отъ Церкви за тѣ многочисленныя безразсудныя дѣйствія, въ которыхъ онъ оказался виновенъ, такъ какъ на него были письменныя улики, хранившіяся въ Судилицѣ Патріаршемъ и которыя теперь, въ заключеніе рѣчи Патріарха, и были прочитаны въ присутствіи всего Собора; съ амвона читалъ ихъ Протоактуарій или Старѣйшина писцовъ Патріаршихъ. Обвиненія эти были слѣдующія: во первыхъ, что онъ, поименованный выше Кириллъ (Испанецъ), составилъ заговоръ противъ Митрополита Корнатскаго (Cornathia) и содѣйствовалъ его смерти, имѣя въ виду занять его мѣсто; во вторыхъ, что онъ насильственно и незаконно овладѣлъ престоломъ Филиппопольскимъ, при жизни еще Митрополита означенной Митрополіи, безъ благословенія тогдашняго Патріарха, при содѣйствіи только областныхъ Правителей; въ третьихъ, что онъ овладѣлъ престоломъ Халкидонскимъ такимъ же способомъ, при пособіи свѣтской власти, въ четвертыхъ, что тѣми же самыми путями онъ сдѣлался и Митрополитомъ Терновскимъ (Тегнов), и что, наконецъ, въ пятыхъ, онъ самопроизвольно провозгласилъ себя Патріархомъ послѣ того, какъ, по его же происканью, во времена Султана Мурада, былъ убитъ Кириллъ Александрійскій.¹⁰⁷ Ради всѣхъ этихъ причинъ онъ былъ

¹⁰⁷ Кириллъ Александріецъ (Alexandrian), хорошо извѣстный въ Европѣ подъ именемъ Кирилла Лукаря (Lucaris). Онъ желалъ преобразовать Греческую Церковь и ввести вѣроисповѣданіе, весьма близко подходящее къ Протестантскому ученію. См. Д-ра Томы Смита: «Narratio de vita, stu-

преданъ проклятію (анаѳемѣ) и отлученъ отъ Святой Соборной Церкви, не одобрявшей его дѣйствій. По тому что таковъ обычай Святителей Цареградскихъ, т. е., что они, будучи Митрополитомъ какой ни будь Митрополи, могутъ и вторично занять другой престолъ, но не болѣе; въ послѣднее время были, однако, случаи, что нѣкоторые занимали и третій Святительскій престолъ. Когда такой удаленъ, то остается пожизненно запрещеннымъ съ званіемъ Владыки (Ἐπίσκοπος τῶν Ἱερῶν Ἀρχιερεὺς), не имѣя уже права занять еще престолъ, согласно ихъ новѣйшимъ узаконеніямъ, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, это равносильно браку. Изъ этого положенія онъ можетъ еще выйти и сдѣлаться Патріархомъ; но ежели бы случилось, что онъ вступилъ на четвертый престолъ, тогда попалъ бы въ положеніе челоѣка, который бы взялъ за себя четвертую жену, и по тому былъ бы преданъ проклятію и отлученъ отъ Церкви.

Послѣ того, какъ читавшій сошелъ съ амвона, Патріархъ Цареградскій произнесъ на Кирилла анаѳему по бумагѣ, которую онъ читалъ: «Я содѣлался Патріархомъ (говорилъ онъ) не посредствомъ денегъ, или содѣйствія Правителей, но по избранію отъ всѣхъ васъ. Этотъ же недостойный челоѣкъ строитъ противъ насъ ковы и старается вредить намъ, а по тому всякъ, кто содѣйствуетъ ему, да будетъ проклятъ!» Потомъ просили и нашего Владыку, Патріарха Антіохійскаго, чтобы и онъ также передалъ проклятію Кирилла: онъ произнесъ рѣчь на Арабскомъ языкѣ, которую тутъ же

diis, gestis et martyrio Cyrilli Lucarii,» т. е., Повѣствованіе о жизни, ученіи, дѣйствіяхъ и страданіяхъ Кирилла Лукаря. При его содействіи Новый Заѣтъ былъ переведенъ на Ново-Греческій языкъ Максимомъ Каліопольцемъ (Calliopolites), въ первому изданію коего Кириллъ первоначально присовокупилъ предисловіе и одобреніе. По проискамъ его враговъ (въ числѣ коихъ былъ главнымъ зачинщикомъ Кириллъ, здѣсь упоминаемый, какъ отлученный, и болѣе извѣстный въ Европѣ подъ именемъ Кирилла Испанца или Беррейца, Berthocensis), умерщвленный Турками 27, 1638 года, Бельфуръ.—Этотъ Кириллъ, какъ извѣстно, игралъ нѣкоторую роль и у насъ, въ Южной Россіи: родился онъ въ Критѣ 1572 г., сперва Патріархъ Александрійскій, послѣ и Цареградскій 1604 г., учился въ Венеціи и Падуѣ, путешествовалъ по Германіи, гдѣ и проникся Протеставтствомъ, которое пытался ввести и въ Православіе, но былъ низложенъ и заточенъ, умеръ 1638, обезглавленный по приказанію Султана. Нѣкоторыя изъ его сочиненій вышли въ Амстердамѣ 1718 г. О дѣйствіяхъ его въ Южной Руси см. сочиненіе Архимандрита Арсенія, помѣщенное въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи подъ заглавіемъ: «Патріархъ Кириллъ Лукарьскій и его заслуги для Православной Церкви.» О. Б.

переводчикъ переводилъ, что продолжалось около часа; произнесъ онъ въ епитрахили (Ἐπιτραχιλίῳ) и омофиръ (ὠμόφορον) на него проклятіе и на всѣхъ его единомышленниковъ. Тогда я передалъ этотъ листъ присутствовавшимъ тутъ Митрополитамъ, облаченнымъ также въ епитрахили и омофоры, коихъ было числомъ двѣнадцать, и они всѣ провозгласили анаѐму. Послѣ того они всѣ расписались на листахъ этого второго засѣданія въ протоколѣ Патріарха, который подписалъ его и скрѣпилъ печатію, что сдѣлали и всѣ выше помянутые Владыки; затѣмъ всѣ встали и пошли за трапезу.

Мы оставались на Патріаршемъ дворѣ до Среды Сочельника или Навечерія Богоявленія: когда, при мерцающемъ свѣтѣ сумерекъ, оба Патріарха сошли въ церковь, пѣвчіе запѣли и началось богослуженіе.¹⁰⁸ По окончаніи служенія Владыки наши прошли въ Патріаршія палаты и свѣтло пиروвали, какъ и на канунѣ праздника Рождества Христова: были поставлены чаши съ виномъ, пили за здравіе и проч. Въ десять часовъ ночи мы снова пошли въ церковь, и совершили служеніе, согласно уставу дня Св. Богоявленія. Сѣли за столъ, пиروвали до полудня, послѣ чего оба Патріарха въ третій разъ простились другъ съ другомъ, и Патріархъ Цареградскій послалъ своихъ стражей, Діаконовъ и Епископовъ провожать Владыку нашего до берега; здѣсь они простились съ нами и возвратились домой. Мы же поплыли въ нашемъ суднѣ, миновали Ени Кейи и посѣщили въ Терапію, такъ какъ полуденный вѣтеръ весьма благопріятствовалъ намъ; совершали тамъ литургію въ Пятокъ, на слѣдующій день по Богоявленіи.

О Т Д Ъ Л Ъ XVI.

Черное Море.

Въ полдень корабль тронулся съ мѣста, и мы поплыли съ прочими кораблями и бросили якорь близъ Фанара (Φανάρι) или

¹⁰⁸ Въ этомъ мѣстѣ въ Англійскомъ переводѣ стоятъ «etc.», т. е., думаю, что въ Арабскомъ подлинникѣ находится подробное описаніе великаго водосвященія, бывающаго въ навечеріе Богоявленія, но что Англійскій переводчикъ, наскупивъ описаніями обрядовъ, опустилъ его. Д.

Маяка, мѣста замѣчательнаго; ибо здѣсь Александръ (Великій) открылъ сообщеніе Черному морю съ Мраморнымъ, прокопавъ гору, на изумленіе ума человѣческаго. Мы вышли на сушу, и поднялись на вершину холма, на которомъ столпъ изъ превосходнаго бѣлаго мрамора, поставленный тамъ Александромъ, на столпѣ древняя Греческая (Еллинская) надпись, которую никто не въ состояніи разобрать. Восходъ на вершину холма весьма затруднителенъ. Спустившись снова внизъ, мы пошли въ деревню Фанаръ, которая отсюда неподалеку, и осматривали башню, почтенную своею древностію, существующую тамъ со временъ Александра. Около главы три свѣточа (маяка, фонаря): самый главный, обращенный къ сѣверу, зажигаемый въ ночное время и управляемый смолою, дегтемъ, масломъ и т. п. (горючими веществами), дабы къ нему направлялись корабли, такъ какъ съ этой стороны (Помози намъ, Господи!) море весьма опасно, что явствуетъ изъ имени, даннаго столпу, отъ котораго и мѣстность и селеніе названы Фанаръ. Мѣстные жители Христіане, и у нихъ церковь во имя Св. Великомученика Георгія; здѣсь мы совершали Десятый часъ (Nones) и Вечерню (Vespers).

Вечеру мы было на нашемъ кораблѣ, снова поплыли и продолжали наше плаваніе при весьма благопріятномъ полуденномъ вѣтрѣ, который послѣ того постепенно усиливаясь, возросъ до того, что мы были близки отъ потопленія, но, руководимые Всемогущимъ, въ полдень, въ Недѣлю по Просвѣщеніи, вошли въ пристань, по Гречески называемую Лиманія Костатира (Limania Costatira), а по Турецки Костанджа (Costanja, Кюстендже). Осмотрѣвши нашу кладь на суднѣ, мы удостовѣрились, что можно было безопасно пристать и выгрузиться на берегъ. И потому мы здѣсь пристали къ берегу и высадились, хотя мы до того намѣревались плыть еще триста миль далѣе, до рѣки Дуная, и высадиться въ Молдавіи. Все пространство, которое мы прошли сюда отъ Царяграда, составляло болѣе трехъ сотъ миль.

Здѣсь мы провели дня два, чтобы оправиться отъ страха и ужаса, которые испытали во время качки и напора исполнскихъ волнъ, врывавшихся даже въ наше судно, и то разступавшихся бездною, то подымавшихся горами. Дознано, что окружность Чернаго Моря равняется восьми тысячамъ миль, такъ что съ того мѣста, гдѣ корабли вступаютъ въ Дунай, приходится плыть около пятисотъ миль, т. е., почти столько же, ежели не болѣе, сколько до того мѣста отъ Царяграда. Но плаваніе по оному весьма затруд-

нительно: все изгибы и объѣзды, а часто и мелководье и, сверхъ того, великое множество морскихъ разбойниковъ. При всемъ томъ вѣтеръ намъ еще благопріятствовалъ, но, избави Боже, если бы вѣтеръ былъ встрѣчный, а не попутный! Намъ показывали близъ пристани до ста двадцати кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе и пощленіе со всѣми, плившими на нихъ, людьми и со всѣмъ грузомъ, въ ту ночь, когда, передъ приближеніемъ праздника Св. Великомученика Дикитрія, буря застигла было насъ близъ Езбуруна (Euzbououn). По описанію, это море представляетъ долину, а берега онаго возвышеніе горы. (котловину). По этому, въ слѣдствіе постояннаго волненія, валы его, заключенные въ берегахъ, громадны; мы постоянно видѣли оба берега; слѣдовательно, достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтра, чтобы море всколыхалось. Это не то, что Средиземное море, широкое и обширное, съ берегами, сливающимися съ долинами, которые отбрасываютъ его напористыя волны.

Вправѣ у насъ остались Трапезундъ, Синопъ, Кастамунъ и заливъ Мингреліи, земли Грузинской (Georgians); предъ лицомъ нашихъ—Кафа, Назаръ (Nazar) и Ханъ (Khan), влѣвъ — Румелія, Силистрія и Баржа (Baïja, Варна?), къ которой мы и пристали; теперь всѣ тамошніе жители—Татары-Мусульмане; ибо Султанъ Магометъ, завоевавъ эту область, вывелъ оттуда всѣхъ Христіанъ и заселилъ ее этими Татарами, племенемъ, которое ненавистно Назаряамъ (Nazaretes). Они преимущественно изъ Караманіи и нашей родины. Султанъ, сдѣлавъ это, имѣлъ въ виду обезопасить берега Дуная отъ враговъ (своего Государства) — Христіанъ, такъ какъ эта область граничитъ съ Румеліей, а по ту сторону Дуная съ Валахіей и Молдавіей. Татарскія жилища на берегу Дуная выстроены изъ дерева и крыты тростникомъ.

Въ этой, упомянутой выше, пристани мы пробыли двое сутокъ, потому наняли пять повозокъ и десять вычухныхъ верблюдовъ, всѣ съ горбами; ибо таковы всѣ здѣшніе верблюды, которые идутъ безъ сѣделъ лѣтомъ и зимою. Мы наняли также для Владыки нашего колымагу или карету съ лошадыю. Наемъ подводы до самаго Дуная обошелся намъ въ четыреста Турецкихъ піястровъ.

О Т Д Ъ Л Ъ XVII.

Болгарія.

Мы оставили Костанджу (Chiustenza) въ Среду утроиѣ, Января 12 дня, ѣхали плоскою мѣстностью, на которой не увидишь ни камня; ночью почевали въ новозкахъ, возлѣ какого ни будь селенія, иногда же въ открытомъ полѣ, пока, въ Субботу, по утру, не пріѣхали въ небольшой городъ Болгарскихъ Христіянъ, называемый Иглица (Iglitsa?), который лежитъ на срединѣ самага Дуная. Но къ городу есть путь и сушею: онъ находится подъ владычествомъ Магометанъ; тѣмъ не менѣе мы видѣли тамъ кресты на перекресткахъ дорогъ и на могилахъ. Въ городѣ церковь; по улицамъ города свободно расхаживаютъ свиньи.¹⁰⁹

Отсюда мы прибыли въ городъ по имени Матчинъ (Majina), на берегу Дуная: тамъ четыреста двадцать домовъ, принадлежащихъ Болгарамъ Христіанамъ. Это послѣдній изъ городовъ, находящихся подъ Турецкимъ владычествомъ: онъ числится въ Силистрийскомъ пашалыкѣ, и въ немъ Турецкіе Градоправители (Commissioners) и Кади (Судья). Здѣсь провели мы Недѣлю (т. е., Воскресенье) о Хананѣи. Въ Понедѣльникъ утромъ мы наняли судно, нагрузили его и поплыли внизъ по теченію Дуная. Въ продолженіе послѣдней недѣли ледъ началъ таять послѣ того какъ на рѣкѣ напѣздили мы вдоволь, а на колесахъ насладились конскимъ бѣгомъ.

¹⁰⁹ Д-ръ Вальшъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о первомъ Болгарскомъ селеніи, которое онъ увидѣлъ на пути: „Это было первое (селеніе), которое довелось мнѣ видѣть днемъ. Виѣщность его съ перваго взгляда поразила меня, и я тотчасъ понялъ, что я вступилъ въ Христіанскую страну. На зеленомъ пустырьѣ передъ домами паслось весьма большое свиное стадо, первое, которое, удалось мнѣ видѣть со дня моего пріѣзда въ Турцію, такъ какъ свинья есть одно изъ животныхъ, къ которымъ Турки, подобно Евреямъ, имѣютъ отвращеніе. У нихъ не только воспрещено употребленіе свиного мяса въ пищу, но даже и появленіе свиней на улицахъ и въ селеніяхъ нетерпимо. Множество дикихъ свиней (кабановъ) въ лѣсахъ, близкихъ къ Черному Морю, въ недалекомъ разстояніи отъ Царяграда; ихъ мясо превосходно, но это лакомство, которое Европейцу, хотя онъ и высоко его цѣнитъ, трудно себѣ промыслить въ слѣдствіе запрещенія этого животнаго. Д-ра Вальша Путешествіе изъ Царяграда въ Англію.

Ү

С М Ъ С Ъ

**СТАРАЯ СЕРБИЯ,
ЕЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.**

СОЧИНЕНИЕ

Е. М. Вацетича.

Переводъ на Сербскій и другіе языки сочинитель удерживаетъ за собою, равно какъ и перепечатку.

NB. Отрывокъ изъ этого сочиненія первоначально былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 года.

СТАРАЯ СЕРБИЯ,

ЕЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Разсматривая судьбу Сербскаго народа, подвластнаго Турціи, необходимо указать на обстоятельства, доведшія его до крайняго упадка и раззоренія, и указать причины успѣховъ Мухамеданской вѣры.

Въ прежнее время Сербы, не смотря на различіе вѣроисповѣданія, многіе изъ нихъ давно уже отуречены, или сами добровольно потурчились (т. е., приняли Исламъ), поддерживали другъ друга въ общественномъ отношеніи; между ними было больше любви и согласія, и они постоянно заботились о сохраненіи своихъ правъ и обычаевъ, завѣщанныхъ имъ предками, пока не втерлись въ ихъ среду Восточные бератліи (грамотѣи) и современные цивилизаторы, фразеры и пройдохи. Простой Сербскій поселянинъ болѣе сознаетъ ту цѣль, къ которой онъ неуклонно стремится, нежели какой ни будь поклонникъ Пандурской аристократіи, или Султанскій чиновникъ, вооруженный фирманомъ и облеченный въ мундиръ своего повелителя. Ежедневные, такъ сказать, безпорядки, въ настоящее время терзающіе Боснію, Герцеговину, Старую Сербію, Албанію и окрестности Черногоріи, самимъ дѣломъ доказываютъ, что Турція сама ихъ вызываетъ своими нововведеніями. Съ помощію голодныхъ Азіятскихъ пришельцевъ и разныхъ бѣглецовъ изъ Европейскихъ Государствъ, она раззорила эти области и, конечно, теперь трудно возвратитъ то, что было нажито и устроено вѣками, а въ какіе ни будь два десятка лѣтъ улеглось въ карманы иноземныхъ грабителей. Невѣжественные просвѣтителы, опасаясь на родинѣ казни за свои проступки, бѣжали въ предѣлы Восточной Имперіи Падишаха, какъ проповѣдники прогресса, для того чтобъ на чужой счетъ поправить свои финансы, добиться чиновъ и заслужить честь между Турками. Примѣромъ тому

служать нѣкоторыя личности, извѣстныя всему образованному міру тою ролью, которую они играли съ начала пятидесятихъ годовъ и продолжаютъ играть доселѣ: Омеръ-Паша (Хорватъ), Чайковскій и Бемъ (Поляки), столь памятные Болгарамъ, Гобартъ (Англичанинъ) и другіе.

Кромѣ этихъ значительныхъ просвѣтителей, было много другихъ второстепенныхъ учителей, которые всѣ желали хорошо пожить и погулять на чужія деньги. Къ несчастію, Государственная казна постоянно хворала безденежемъ и не могла удовлетворять новыхъ чадъ Мухамеда; къ тому же надо было расплачиваться съ голодными Башибузуками и солдатами. Отцепенцамъ была дана свобода дѣйствія, и вотъ они прибѣгли ко всевозможнымъ безчестнымъ мѣрамъ. Во всѣхъ частяхъ Государства, которое и прежде не славилось порядкомъ, настала страшная неурядица, и возстаніе за возстаніемъ возникали въ слѣдствіе упрямства, насилія и безтолковыхъ распоряженій самого правительства. Напрасно оно надѣется на свои оборванные плечища; напрасно оно слѣдуетъ совѣтамъ иноземныхъ бѣглецовъ; Сербскія поговорки прямо говорятъ: «Плохо, кому міръ шанку строить— онъ вѣчно будетъ безъ шанки по свѣту бродить;» или: «Чужія руки не такъ охотно чешутъ чесотку, какъ свои.»

Читателю, вѣроятно, любопытно будетъ узнать, какъ весь этотъ разнородный сбродъ управлялъ, и доселѣ управляетъ, Оттоманской Имперіей. Пресловутые наставники, въ родѣ Омера-Паши, Чайковскаго, Бема и Гобарта, бездомовный людъ, обрешій себя на отступничество и изгнаніе, толпой нахлынули въ Стамбулъ и изъ выгодъ, ради своего кармана, стали продѣлывать въ Государствѣ и учить Визирей и самого Падишаха, что дѣлать, чего бояться, какъ увеличивать налоги и поправлять свои неудачи. Народное богатство истощалось; не только Христіане, но и Мухамедане, раздраженные лукавой попяткой правительства, сопротивлялись новымъ порядкамъ и возставали противъ незваныхъ лжеучителей и ихъ послѣдователей. Тѣ, въ свою очередь, не дремали и наводили Константинопольское правительство на войну съ своими подданными, совѣтуя, для прекращенія безпорядковъ, высылать вооруженные отряды, чтобъ силой подавлять мятежи. Эти пришельцы, вибѣсть съ необузданными Азіятцами, выступали противъ мирныхъ селянъ, грабили и выжимали послѣдніе соки изъ народа, и дѣлили кровавую добычу съ голодными солдатами-палачами.

Не легко было Христіанамъ и отуреченнымъ туземцамъ переносить такой гнетъ, продолжающійся и до сихъ поръ. Но что вы-

играла отъ этого Блистательная Порта? Конечно, ничего хорошаго: хранилища казначейства опустѣли, и Государство доведено до нищеты. Остался одинъ исходъ: просить деньженокъ у Англійскихъ и Французскихъ банкировъ, чтобъ продать свое шаткое существованіе. Но въ последнее время Западъ не очень-то хорошо открываетъ кредитъ Востоку, и хотя Великобританія, по чувству особаго рода, нанчить своего больнаго и дряхлаго собрата, однако придетъ время, когда и она перестанетъ поддерживать Падишаха, если онъ будетъ раззорять свое Государство; придетъ время, что, въ силу такой системы управленія, Порта останется безъ гроша, а подвластные народы Балканскаго полуострова, доведенные самимъ правительствомъ до неповиновенія и отчаянія, станутъ въ ряды непріятельскихъ войскъ. Не говоря уже о Христіанскихъ жителяхъ, большая часть самихъ Мухамеданъ не сочувствуютъ распоряженіямъ Порты, видя лукавство и безпечность Стамбульскихъ преобразователей, которые, не смотря на мнимый лоскъ образованности, давно прорекли себѣ, что истекаетъ срокъ ихъ владычества, назначенный Пророкомъ и судьбой, и что имъ пора убраться во свояси, въ свое настоящее отечество.

Любовь къ своей родинѣ и къ своимъ обычаямъ такъ сильно укоренилась въ Сербяхъ, что различіе вѣроисповѣданій не ослабило этого чувства въ Сербяхъ Мухамеданахъ, которые силою меча принуждены были промѣнять Крестъ на ученіе Ислама. Они до сихъ поръ говорятъ роднымъ Сербскимъ языкомъ, и скорѣе измѣнятъ Кору, нежели отрекутся отъ своего отечества, своихъ преданій. Посягательство пришлыхъ распорядителей на ихъ права рано, или поздно, сблизитъ ихъ съ Христіанскими братьями, и тогда они дружно поднимутся всѣ, какъ одинъ человекъ, на защиту своей любезной родины. Не разъ уже въ наше время возставали противъ безсмысленныхъ преобразованій: Старая Сербія, Боснія, Герцеговина, Болгарія, Эпиръ, Македонія и Фессалія. Обременительные налоги и жестокости породили въ населеніи смуты и довели народъ до отчаянія. Правительство съ своими пособниками имѣло только одну цѣль — извлечь побольше выгодъ для содержанія многочисленныхъ гаремовъ и для удовлетворенія всевозможныхъ видовъ распутства. Въ отеческой заботливости о благосостояніи своихъ народовъ, Турецкое правительство завело соглядатаевъ и тайныхъ подручниковъ, шныряющихъ и въ настоящее время по городамъ и селамъ. Они обнюхиваютъ, нѣтъ ли гдѣ зажиточныхъ купцовъ и поселянъ, которыхъ можно бы было обвинить въ нарушеніи норядка, или въ измѣнѣ, и такимъ образомъ услужить Пашѣ, либо Губернатору, своего округа, давъ ему средство

набить карманъ, не въ ущербъ, конечно, и себѣ самимъ. Но все козни, истязанія, неправды, грабежъ и подобное тому не приведутъ къ ожидаемымъ послѣдствіямъ, а только ускорятъ разрушеніе гнилаго и дряхлаго организма, отживающаго свой вѣкъ. Уже народъ думаетъ иначе, нежели за 20 лѣтъ тому назадъ: Сербы Мухамедане и даже Арнауты не очень-то слушаются приказаній, исходящихъ изъ Константинополя и несогласныхъ ни съ ихъ народной жизнью, ни съ народными обычаями.

Было время, и не такъ давно, а именно въ 1856 году, что Турція на Парижской конференціи обѣщала многое сдѣлать для своихъ Христіанскихъ подданныхъ, но только на бумагѣ. Былъ даже изданъ всемилостивѣйшій гаттигумаюнъ, уравнивающій права Христіанъ съ природными Турками за ручательствомъ пяти покровительствующихъ Великихъ Державъ и вышло хуже: въ 20 лѣтъ опеки Европейскіе агенты, подъ именемъ Консуловъ, явно поддерживали Турокъ и соперничали между собой въ пріисканіи средствъ къ сохраненію цѣлости Оттоманской Имперіи. Присутствуя, какъ посредникъ, въ комиссіи для разбирательства жалобъ, или тяжбъ, между Христіанами и Мухамеданами, они, во имя будто бы правды, брали сторону послѣднихъ и обвиняли Христіанъ, предавая ихъ въ жертву Турецкой алчности и изувѣрства.

Совѣтъ другое дѣло было, когда Россія одна, до Севастопольской войны, покровительствовала Восточнымъ Христіанамъ: она помогала имъ и матеріальными средствами, и своимъ представительствомъ, и благоразумными совѣтами, и не обманывала несбыточными надеждами на переменъ существующаго порядка, но, или ходатайствомъ, или силою побѣдоноснаго оружія, ограждала своихъ единовѣрцевъ отъ кровавыхъ мукъ и насилій. Съ Восточной войной все перевернулось къ худшему: вмѣсто одной Великой Державы-покровительницы явилось ихъ пять. За Восточныхъ Христіанъ былъ одинъ только дружескій голосъ единовѣрной Россіи, а четыре голоса спяснаго Запада отнеслись къ нимъ враждебно, и вотъ, по большинству голосовъ, Турки, при помощи этихъ всемогущихъ опекуновъ, затянули Христіанъ желѣзными цѣпями, и процай обѣщанныя права! Не даромъ говоритъ Сербская пословица: «Гдѣ много бабокъ при родинахъ, тамъ дитя—уродъ.»

До водворенія Европейскихъ Консуловъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи Христіане легче справлялись съ Мухамеданами. Тѣ и другіе ненавидѣли другъ друга, правда, но, владея оружіемъ, опасаясь прибѣгать къ насиліямъ и только косились другъ на друга. Родствен-

ники, или община, старались их помирить, руководствуясь Сербскими поговорками: «Не смотри на мою вѣру, а смотри на моп дѣла: каждому своя вѣра мила, а честь и правда еще милѣе. Пусть всякій молится Богу по своему закону, но говорить правду, по тому что правда для всѣхъ людей. Кто говоритъ правду, тотъ не затѣваетъ ссоры.» Примиреніе между враждующими сторонами происходило обыкновенно въ присутствіи Кнезовъ, Кметовъ и туземныхъ Беговъ, которые въ этомъ случаѣ были миротворцами и оканчивали ссоры безъ всякаго ущерба для обѣихъ сторонъ. Встрѣчались, правда, такіе пзступленные, которые, считая себя выше Христіанъ, не хотѣли мириться; въ такомъ случаѣ они рисковали быть выгнанными, вмѣстѣ съ семействомъ, пзъ своей мѣстности, какъ нарушители общественнаго спокойствія, по обоюдному приговору Христіанъ и отуреченныхъ Сербовъ. Такой судъ назывался «краткимъ судомъ.» Въ это счастливое время туземное населеніе, разрозненное вѣрою, жило, по примѣру своихъ предковъ, въ любви и согласіи. Очень часто приходилось видѣть, какъ два Серба, Христіанинъ и Мухамеданинъ, разговаривали между собой о прошедшихъ временахъ, о своихъ молодецкихъ подвигахъ; они не чуждались другъ друга и помогали во взаимной нуждѣ.

Но отщепенецъ Омеръ-Папа, болѣе вредный для Христіанъ, чѣмъ кровный Османлія, обошелъ съ войскомъ всѣ Турецкія области, по-вырубилъ лѣса, отнялъ въ пользу Мухамеданъ много земли у райи, истребилъ часть дорогихъ памятниковъ древности, наложилъ новые поборы и повинности и главное—отобралъ все оружіе у Христіанъ. Съ тѣхъ поръ несчастнымъ подданнымъ Султана, исповѣдующимъ Христіанство, стало несравненно хуже, а наипаче Православнымъ Сербамъ, не находившимъ себѣ достаточной защиты въ Русскихъ Консулахъ.

Въ помощь Европейскимъ добротамъ и заботливымъ правителямъ появились новые враги Христіанъ: Дервиши и Софты. Они стали распространять между своими единовѣрцами разные религіозныя, лживыя сказанія и наставленія, направленные противъ Христіанъ, и посѣяли пагубныя сѣмена раздора между дружными туземными племенами. Изавна еще Турецкое Правительство, посредствомъ этихъ оборванныхъ изувѣровъ, узнавало все, что ему было нужно, и употребляло ихъ орудіемъ своей лукавой политики. Безграмотность и невѣжество народа открывали обширное поле дѣятельности, какъ этимъ изувѣрамъ, такъ въ послѣдствіи и чужестраннымъ пришельцамъ и отщепенцамъ. Въ настоящее время явились новыя благодѣ-

тели, Западные миссионеры, которые, пользуясь богатыми средотами своих церквей, во имя Евангелия не мало вредят Православнымъ Христіанамъ, совращая ихъ въ свой расколъ. Но обратимся къ Дервишамъ. Эти обманщики, приходя въ какой ни будь городъ, начинаютъ обыкновенно рассказывать про грозную силу Падишаха и многочисленность Мусульманъ. Для примѣра приведу слѣдующій рассказъ, слышанный мной на родинѣ. Одинъ старій селякъ спросилъ Дервиша: «Какъ велико число Мухамеданъ на землѣ?» Тотъ отвѣчалъ: «Прото знаетъ только Великій Пророкъ Мухамедъ,» и указывая на небо: «Видишь ли, гдѣ всходитъ солнце?» «Вижу.» «Ну тамъ живутъ Мухамедане, и нѣтъ ни одного Гяура. И вездѣ, гдѣ обходитъ и заходитъ солнце, все живутъ Правовѣрные, а Влаховъ (Христіанъ) такъ мало на землѣ, что скоро ни одного не будетъ.» Старикъ не прониался и спросилъ опять: «А сколько, примѣрно, будетъ Христіанъ на свѣтѣ?» Дервишъ задумался, потомъ указалъ на лошадь, недалеко отъ нихъ стоящую, и спросилъ: «Видишь ли эту лошадь?» «Вижу.» «Ну, сколько на ней волосъ, столько тысячъ Мухамеданъ, а сколько у ней волосъ на лбу въ лысинѣ, не будетъ и столько Гяуровъ на свѣтѣ.» Такіе рассказы наводили страхъ на Христіанъ, не имѣвшихъ ни школъ, ни книгъ, изъ которыхъ бы они могли узнать о численности Христіанскихъ подданныхъ грознаго Падишаха.

Успѣхамъ Дервишей много помогало туземное купечество. Мало того, что Христіанскіе купцы, наравнѣ съ простымъ народомъ, разиня ротъ, вѣрили нелѣпостямъ какого ни будь оборванца Дервиша, они еще брали отъ этихъ лжеучителей разныя предохранительныя записки, или приглашали ихъ къ себѣ въ домъ прочесть молитву, или заговоръ, отъ о г р а м е (падучей болѣзни), или отъ какого ни будь несчастнаго случая. Иногда эти обманщики представляли изъ себя Пророковъ и говорили глупому суетѣру: «Съ тобою случится несчастіе; у тебя будетъ такое-то дѣло,» зная впередъ, что его оборуютъ, или засадятъ въ темницу. Въ случаѣ болѣзни утверждали, что вѣдьма его испортила, и давали ему три записки: съ одной пить воду, другую хранить у себя, а третью, ложась спать, надѣвать на шею, рано же по утру снимать и прятать въ назначенное мѣсто.

Дервиши пробовали разыгрывать роль знахарей по деревнямъ, но сельчане не вѣрили имъ и прямо говорили глупцамъ, удивлявшимся ихъ прозорливости: «Если бъ такой-то былъ Пророкъ и все зналъ, то не ходилъ бы оборваннымъ и не гадалъ бы за деньги, а показалъ бы, гдѣ ихъ найти. Богатство лежитъ въ землѣ, а онъ нашелъ хлѣбъ безъ заступа, шляется по свѣту и лжетъ, по тому что это легче, не-

жели копать и пахать; а ты, какъ и всякій полувѣрецъ, повторяешь его ложныя слова.»

Много жертвъ погубили эти обманщики своими наговорами. Я зналъ въ Старой Сербіи одну несчастную старушку, по имени Милицу. Мужъ ея, А. П., былъ селякъ изъ одного мѣстнаго села, и рассказывалъ молодому поколѣнію про подвиги Георгія Чернаго и Милоша, и умеръ слишкомъ ста лѣтъ. Она имѣла двухъ женатыхъ сыновей, и также дожила до глубокой старости, но съ давнихъ поръ была ослѣплена Турками, когда дѣти ея еще были малы. Какой-то Турокъ, переночевавъ въ ея домѣ, почувствовалъ вдругъ боль въ сердцѣ. Онъ пошелъ немедленно къ какому-то Ходжѣ, или Дервишу, и рассказалъ про свой недугъ. Негодяй ощупалъ больное мѣсто и сказалъ: «Женщина, которая подавала тебѣ кушанье, съѣла твое сердце: она вѣдьма.» Этого мало: онъ посоветовалъ ее ослѣпить, какъ лучшее средство противъ болѣзни. Свирѣпыя Арнауты вызвались на это безчеловѣчное дѣло, нагрянули въ домъ и, схвативъ несчастную женщину, стали ее мучить, спрашивая: «Вѣдьма ли ты, скажи?» Страдалица плакала и кричала, но выбившись изъ силъ, упала безъ чувствъ. Злодѣи раскалили на огнѣ лошадиную подкову и выжгли ей глаза. Я очень хорошо помню эту старушку, знавалъ ея мужа, обоихъ сыновей и внуковъ, съ послѣдними даже игрывалъ. Бывало, она начнетъ насъ ласкать, ощупывая руками, и глубоко вздохнетъ. На вопросъ, о чемъ она вздыхаетъ, она грустно отвѣтитъ: «Какъ же мнѣ не горевать? Я бы хотѣла взглянуть на бѣлый свѣтъ, на моихъ дѣтей, внучатъ и снохъ, но пексіянскія (нечистыя) руки отняли у меня глаза. Будь проклято ихъ поганое семей!» Когда ее спрашивали, чего она больше желаетъ, то бывало скажетъ: «Посмотрѣть на мою семью и на добрыхъ сосѣдей, а потомъ пусть Богъ пошлетъ мнѣ смерть.» Въ 1858 году, въ бытность мою на родинѣ, я спросилъ у знакомыхъ, жива ли еще эта старушка? Мнѣ отвѣчали, что она умерла спустя два года послѣ мужа; но судьба опредѣляла ей испить до дна чашу страданій, и кончина ея была ужасна. По старой привычкѣ, она вышла погулять, ощупывая палкой дорогу, но заблудилась, зашла въ каменные горы и ушла въ пропасть. Черезъ десять дней нашли ея тѣло въ глубокомъ оврагѣ.

Турки, впрочемъ, всегда дорого платились за свое варварство: гайдуки жестоко мстили имъ въ послѣдствіи. Благодаря присутствію этихъ горныхъ соколовъ, Дервиши, Ходжи и прочіе обманщики, боялись шататься по селамъ, особенно въ лѣтнее время, и жили большею частію въ городахъ. Сами правители не очень любили по-

сѣщать сельскій народъ и были осторожны: за каждымъ пнемъ, или камнемъ, имъ чудился спрятавшійся гайдукъ, народный мститель. Изрѣдка, только зимой, иногда появлялись Дервиши въ деревняхъ, но съ ними расправа была коротка, по Сербской поговоркѣ: «Съѣла его темь ночная.» Когда какой ни будь Мухамеданскій учитель попадался въ руки гайдуковъ, они разомъ отправляли его въ Мухамедовъ Рай, т. е., или убивали коломъ, но не оружіемъ (чтобъ не опоганить его кровью заклятаго врага), или привязывали ему камень на шею и бросали въ омутъ, или живаго закидывали камнями и заваливали хвостомъ. Впрочемъ, они такъ строго поступали только съ тѣми Дервишами, которые уже не разъ насильственно обращали въ Мухамеданство. Новичка же, попавшагося въ ихъ руки, обыкновенно спрашивали: «Въ первый ли ты разъ скитаешься по бѣлому свѣту? Какъ тебя зовутъ? Много ли Христіанскаго народа обратилъ въ свою вѣру?» Струсившій Турокъ боялся лгать и клялся, что онъ или желалъ ознакомиться съ мѣстностію, или по пути зашелъ переночевать. Гайдуки его отпускали, говоря: «Ступай своей дорогой, но смотри: бѣда тебѣ, если ты вздумаешь отурчить и обрѣзать нашего брата, Христіанина; мы скорѣй обрѣжемъ тебя по шеѣ и приведемъ въ вѣру Мухамеда, чтобъ ты былъ настоящимъ Туркомъ.» Эта насмѣшливая навѣтка означала неумолимый судъ гайдуковъ. Послѣ того отпущенный Дервишъ могъ безопасно по дорогѣ оставаться въ селѣ для ночлега и разговаривать съ селяками, если зналъ туземный языкъ; его никто не трогалъ, и принимали, какъ гостя, какъ путника.

Зоркость гайдуковъ по неволѣ принуждала всѣхъ этихъ пройдохъ бѣжать подальше отъ селъ и проповѣдывать въ городахъ, гдѣ Христіанскіе кушцы, къ стыду своему, слушали и вѣрили ихъ сказкамъ. Посредствомъ клеветы и обмана, Дервиши, подъ защитой туземнаго Бега, или отурченнаго Серба, обращали нѣкоторыхъ въ Мухамеданство; а поводовъ къ оклеветанію Христіанина было очень много. На инаго показывали, что онъ желалъ принять вѣру Мухамеда, но отперся отъ своего обѣщанія; другой, де, посмотрѣлъ на Турчанку, когда она была безъ покрывала, да еще этимъ похвастался. Уличенный преступникъ долженъ былъ жениться, если она была дѣвушка, и принять ея законъ, въ случаѣ же отказа заплатить за свою дерзость. Въ своемъ глупомъ изувѣрствѣ Мухамеданка поднимала вопль и считала себя оскорбленной, если ея открытое лицо видѣлъ Влахъ (туземный Христіанинъ), или Кауръ, Глуръ, и тогда только очищалась ея честь, когда смѣльчакъ дѣлался Турчиномъ, или подвергался смертной казни.

Совершенная безграмотность туземныхъ Христіанъ открывала обширное поприще дѣятельности этимъ обманщикамъ. До 1850 года, въ Турціи не было школъ. Само духовенство коснѣло въ невѣжествѣ и не знало ничего, кромѣ буквара, часослова, псалтыри и мѣсяцеслова, а нѣкоторые изъ Священниковъ ограничивались только знаніемъ буквара и часослова, которымъ они учились гдѣ ни будь въ монастыряхъ, или у столь же мало знающихъ Священниковъ. Они не имѣли даже никакого понятія о первыхъ простыхъ дѣйствіяхъ Ариѳметики; да и къ чему? Что было считать, когда послѣдній грошъ уходилъ въ Царскую казну, или въ карманъ алчнаго Паша? Самое названіе Сербской грамматики было непонятно, какъ Китайская грамота. Многіе купцы не умѣли подписывать свое имя и, въ случаѣ надобности, обмакивали палецъ въ чернила и прикладывали къ бумагѣ. Монахи, учившіеся другъ у друга, стояли на равной степени образованія, а были и такіе, которые не знали ни читать, ни писать, и молились Богу, какъ умѣли.

Въ мою бытность въ Турціи въ 1858 году я не замѣчалъ перемѣны къ лучшему, и только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Босніи и Герцеговины началось устройство школъ, благодаря заботливости Австрійскихъ Сербовъ, которые, подъ защитой Австрійскаго Консула, кажется Атанацковича, первые предложили народу свои учительскія услуги и положили начало нѣсколько правильному общественному образованію въ Босніи и Герцеговинѣ. Но въ Старомъ Влахѣ, какъ-то: въ Сѣницѣ, Новой Варошѣ и Новомъ Пазарѣ, все шло по прежнему, а въ немногихъ жалкихъ школахъ учили только букварю, часослову, псалтыри и первымъ правиламъ Ариѳметики. Писали также кое какъ. Нѣкоторыя книжки высылались изъ Княжества Сербіи.

Положеніе учителей въ этихъ мѣстностяхъ было самое жалкое. Купцы ставили ихъ наравнѣ съ прислугою, ѣвшею ихъ хлѣбъ, и платили имъ жалованье по своему произволу — 2 цванцика (40 к. с.) въ мѣсяцъ, и даже еще менѣе. Учитель нерѣдко терпѣлъ всевозможныя оскорбленія отъ необтесанныхъ купцовъ. Здѣсь невольно рождается вопросъ: по чему же Архіереи, духовные просвѣтители народа, такъ равнодушно смотрѣли на его страданія и не принимали никакихъ мѣръ къ пресѣченію зла? Отъ чего зажиточные туземные Христіане такъ мало сочувствовали дѣлу образованія? Отъ того, что себлюбіе и жажда корысти стояли у нихъ впереди всего. Въ своемъ крайнемъ невѣжествѣ и закоснѣлости могли ли они думать о

народномъ благосостояніи? А для своихъ личныхъ выгодъ они предпочитали угождать и вести хлѣбъ-соль съ вліятельными Турками.

Не знаю, въ какомъ положеніи находится теперь народное образованіе въ этѣхъ областяхъ, но могу утвердительно сказать, что главными виновниками невѣжества и отсталости нашего народа были Турки съ своимъ фанатизмомъ, туземные Христіанскіе купцы, столь же алчные и грубые, и, наконецъ, Архіереи, присылаемые изъ Константинополя, набивавшіе свои карманы при помощи Турецкаго управленія. Отъ нихъ-то страдали бѣдные учителя, не рѣдко выгоняемые изъ школъ и часто трепетавшіе за безопасность своей жизни. Примѣромъ тому служатъ: Пелагичъ, оклеветанный передъ Турками Сараевскимъ Владыкой, и Архимандритъ Серафимъ Перовичъ, съ братомъ своимъ, Іованомъ, сосланные по навѣту Мостарскаго Митрополита въ Малую Азію.

Епархіальные Архіереи были большею частію Греки; въ настоящее время Сараевскій и Мостарскій Митрополиты Болгары. Своимъ происхожденіемъ не принадлежа къ мѣстному населенію, могутъ ли они слиться съ своей паствою и защищать ея выгоды въ ущербъ своихъ кармановъ? Это не пастыри, а наемники, предающіе волкамъ беззащитныхъ овецъ. Не облагороженные нравственнымъ воспитаніемъ, они обыкновенно говаривали: «Намъ не нужны учителя, которые умнѣ насъ. Съ насъ довольно, если они могутъ выучить дѣтей пѣть, читать псалтырь и апостолъ и выкладывать цифры для веденія приходо-расходныхъ книгъ. Мы и того не знаемъ, а живемъ же по немногу.» Къ стыду представителей Православной Церкви въ Южно-Славянскихъ областяхъ Турціи, деньги были ихъ кумиромъ и они употребляли все средства къ увеличенію своихъ доходовъ. При такихъ грубыхъ понятіяхъ трудно было помочь народному образованію. Порядочныхъ учителей прогоняли изъ Епархіи, а на ихъ мѣсто опредѣляли тупыхъ, невѣжественныхъ выучениковъ монастырей. Горе тому учителю, который бы осмѣлился ознакомить своихъ воспитанниковъ съ Исторіей, или съ другими науками, образующими сердце и умъ человѣка! Надъ нимъ учреждался инквизиторскій надзоръ: слѣдили, съ кѣмъ онъ переписывается, что говоритъ, держать ли посты, какъ ведетъ себя передъ Владыкой и купцами. Однимъ словомъ, преподаватель, тѣсный со всѣхъ сторонъ, подвергался разнымъ оскорбленіямъ и нападеніямъ, какъ со стороны Турецкихъ соглядатаевъ и изувѣровъ, такъ и вліятельныхъ Христіанъ. Туземные купцы, привыкшіе только набивать свои карманы, боялись, что просвѣщеніе откроетъ народу глаза на ихъ низкія злоупотребленія, и съ ненавистью относились къ шко-

ламъ и учителямъ, говоря: «Были бы у насъ деньги, вотъ и школы. Если наши дѣти многое узнаютъ, то не станутъ насъ уважать.» Имѣя сильную поддержку между Турками, они безнаказанно гнали и предавали въ руки Турецкаго правосудія несчастныхъ учителей, выставляя ихъ зловредными людьми передъ Правительствомъ, которое безъ всякаго слѣдствія заключало въ темницы, или ссылало въ отдаленныя Малоазіятскія области.

Не завиднѣе была участь учителя, коекакъ удержавшагося на своемъ мѣстѣ. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ опасными гасителями просвѣщенія, и горе ему, если его преподаваніе расходилось со сказками Дервишей, Софтовъ и Ходжей, которыми эти разнообразили свои повѣствованія про могущество Султана и многочисленность Мухамеданъ на землѣ! Эти изувѣры утверждали, что земля стоитъ на спинѣ буйвола: когда онъ потрясетъ ушами, она поколеблется, а если онъ встанетъ и тряхнетъ спиной, то весь міръ пропадетъ; или что не земля а солнце движется. Одинъ Ходжи въ Босніи, на испытаніи, въ присутствіи Сараевскаго Паши и Европейскихъ Консуловъ, очень простосердечно утверждалъ, что земля стоитъ на спинѣ буйвола. Рѣшиться опровергнуть эти бредни, значило показать себя противникомъ Мухамедовой вѣры, что равнялось уголовному преступленію. Какъ послѣ этого объяснять хотя слегка Географію, Исторію, или Статистику?

Къ упроченію Мухамеданства въ городахъ Старой Сербіи и прочихъ областей много способствовалъ образъ жизни туземныхъ купцовъ и зажиточныхъ людей, составлявшихъ, такъ сказать, общественный классъ аристократіи. Народная пословица: «Въ городѣ Турокъ—левъ, а въ лѣсу—мышь,» ясно указываетъ, по чему въ села не проникли чуждые обычаи и вѣра: здѣсь на стражѣ народа стояли гайдуки; но въ городахъ большая часть торговыхъ людей, жадныхъ о золотѣ, смотрѣли на вѣру, образованіе и народность, какъ на предметы второстепенные и, угождая Туркамъ, съ ихъ помощію, угнетали своихъ единоплеменцевъ. Въ прежнее время поселяне называли купцовъ газда (государь), но общимъ ихъ названіемъ было тѣрговаць, которое считалось самымъ почетнымъ. Греческіе Архіереи, пріѣзжавшіе для управленія духовной паствы, величали ихъ Киръ (господинъ), а Турки называли Уста и Устабаша. Чѣмъ богаче былъ купецъ, тѣмъ большимъ пользовался онъ уваженіемъ у Турецкихъ властей и у Греческихъ Владыкъ. Для сохраненія такого выгоднаго положенія купцы угождали врагамъ въ ущербъ всего Христіанскаго народонаселенія, и тѣмъ много вредили ему въ нравствен-

номъ и политическомъ отношеніи, прибирая въ свои карманы достояніе бѣдныхъ селяковъ и прочихъ людей изъ средняго класса и вымогая за безцѣнокъ плоды ихъ трудовъ. Раззоренный народъ называлъ ихъ бездушными отпадниками, безбожниками и придверниками.

Соприкасаясь Туркамъ своими торговыми выгодами, купечество оставило всѣ обычаи, завѣщанные предками, и въ свой домашній бытъ ввело характеръ восточной Азіятской жизни. Такъ, на примѣръ: заболѣвалъ ли купецъ, или кто изъ его домашнихъ, посылали не за Христіанскимъ Священникомъ, а призывали какого ни будь Дервиша, Ходжу, или Софта, бродяжничавшихъ преимущественно по городамъ. Приглашенный обманщикъ садился у изголовья больного, открывалъ надъ нимъ книгу и что-то читалъ по своему, мотая головой; потомъ становился на колѣна, вставалъ и больше всего кричалъ; иногда хватался за бороду и что-то бормоталъ сквозь пальцы. По окончаніи этого кривлянья хозяинъ щедро награждалъ обманщика, который давалъ ему записки, объясняя, что съ ними дѣлать. Одежда многихъ богатыхъ туземцевъ во многомъ походила на Турецкую: они носили широкіе шальвары или димліе, которыхъ середина волочилась по землѣ, и еменіе или филаре (въ родѣ башмаковъ) изъ красной кожи. Названія всѣхъ принадлежностей одежды были Турецкія. Рубашка съ широкими рукавами и безъ воротничка не вышивалась разными узорами, какъ у народа. Сверхъ нея надѣвали либаде или джечерму, перетягивались кушакомъ, захватывавшимъ верхнюю часть шальваровъ и надѣвали ферментъ (въ родѣ кафтана). Въ лѣтнее время носили доламу или антерію (плащъ) изъ какой ни будь матеріи, и поверхъ нея оноясывались кушакомъ. На ноги надѣвали тозлуки (въ родѣ штиблетовъ) изъ краснаго сукна; на голову носили красный фесъ съ длинной шелковой кистью, а иногда разноцвѣтную чалму, но отнюдь не бѣлую и не зеленую, такъ какъ эти цвѣта, священные у Мухамеданъ, были запрещены Христіанамъ. Отправляясь въ дальній путь, они обувались въ красные длинные чизме (сапоги) съ подковами въ родѣ лошадиныхъ; но прежде надѣвали носки, потомъ колчины изъ толстаго бѣлаго сукна, которые, для большей важности и нарядности, спускались на чизме и были вышиты шелкомъ, или чѣмъ инымъ, смотря по состоянію. Женскій городской нарядъ также рѣзко отличался отъ сельской одежды. Горожанки носили широкіе шальвары, только не употребляли феречи (длиннаго плаща) и не закрывались отъ мушницъ большими бѣлыми платками; но случалось иногда, что онѣ прятались отъ постороннихъ лицъ и выглядывали изъ за угла, или въ щель, частію боясь Мухамеданскаго

изувѣрства, частію отъ вѣвѣжества и пристрастія къ чужимъ обычаямъ. При разговорѣ съ какимъ ни будь Пашой, Бегомъ, или важнымъ Дервишемъ, купцы прикасались рукой ко лбу, для изъявленія Мухамеданину своей благодарности за его доброе расположеніе. Кичливые Турки почитали ихъ за настоящихъ своихъ вѣрныхъ кардашей, ёлдашей (друзей), и позволяли имъ дѣлать, что они хотѣли.

Входя въ домъ купца, надо было оставлять въ прихожей сапоги и ити въ носкахъ, не снимая въ комнатѣ шапки ни передъ хозяиномъ, ни передъ гостями. Убранство комнатъ было чисто Турецкое: безъ кроватей, столовъ, стульевъ и скамеекъ. Полъ устилался коврами и клались около стѣнъ разноцвѣтные ястукки (подушки). Кромѣ этого находился низкій миндерлукъ (диванъ безъ ножекъ), или и шилте (большая подушка). По стѣнамъ висѣли полки рафъ, на которыхъ стояла домашняя посуда. Одежда и прочія спальныя вещи складывались въ одно мѣсто, гдѣ ни будь въ углу комнаты, и накрывались простыней, либо ковромъ. Вечеромъ, когда ложился спать, на полъ клали душекъ (матрацъ) и подушки, разстилали простыню и покрывались ёрганомъ (одѣяломъ).

Подражая благовоспитанности Мухамеданъ, нѣкоторые богатые купцы, при встрѣчѣ съ знакомыми, вмѣсто Сербскаго привѣтствія: «Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ вечеромъ,» говорили: «Сабанахирала, ахшамайрала!» Въ праздничные дни было обыкновеніе посѣщать другъ друга, но и въ этомъ случаѣ соблюдалось Турецкое приличіе. Хозяинъ встрѣчалъ гостя не добродушнымъ Сербскимъ словомъ: «Добро пожаловать» (Добро дошли)! а Турцкимъ привѣтствіемъ: «Ошгелдумъ!» Гость, приложивъ руку ко лбу и шапкѣ, отвѣчалъ своему руетли, ёлдашу, кардашу, кавадару (однозначущія слова: другъ, пріятель): «Ошбондумъ!» Когда собирались гости на кафу, или зіяфетъ (угощеніе), въ праздникъ послѣ обѣдни, то на порогѣ снимали еменіе и говорили другъ другу: «Ошгелдумъ, газдо, ошбондумъ, киръ» или «уста,» иногда цѣловались. Хозяинъ приглашалъ сѣсть, говоря: «Отуръ, газда!» Послѣ того, какъ пріятели усаживались на полу кругомъ стѣны, входила жена, или дочь, съ подносомъ, на которомъ стояли «ракія» (водка), графинъ съ водой и блюдечки съ маджуккомъ (вареньемъ), или шекерлемой (сахарные пряники съ миндалемъ). Сперва брали варенье и запивали водой, потомъ опоражнивали рюмку водки и закусывали шекерлемой. Подъ конецъ подавали черный кофе, который пили съ сахаромъ, или горкій, кто какъ хотѣлъ. Вмѣсто: «Благодарю!» гости говорили: «Алахрозосумъ!» а хозяева отвѣчали: «Афіятоломъ!» вмѣсто: «На здоровье!» Расходясь по домамъ, гости надѣвали свои

красные еменіе и такъ прощались: «Е! Вада! Е! Исади!» «Аллахъ селаметъ!» отвѣчалъ хозяинъ.

Обѣденный столъ имѣлъ, большею частію, круглую форму, въ родѣ большаго Русскаго подноса. Онъ былъ мѣдный, безъ ножекъ, и назывался димирлія. Его клали на небольшой ящикъ, или просто на полъ, и садились кругомъ, поджавъ ноги. Изрѣдка ставили круглые деревянные столы съ ножками, называемые трпеза, трапеза, столъ синя, софра; но тѣ исключительно употреблялись въ деревняхъ. Вилкокъ не употребляли, но ѣли руками, раздирая мясо пальцами; каждому клали на колѣни полотенце: обѣдали въ шапкахъ, и большею частію молчали. Передъ обѣдомъ и послѣ подавали умывать руки изъ «пѣрыкъ» или «легенъ» (мѣдный кувшинъ, рукомойникъ). Также поѣвши, за столомъ полоскали ротъ. Послѣ обѣда хозяинъ и гости пили черной кофе безъ сахару, сидя на полу и облокотясь на подушки. Въ то же время они курили изъ длинныхъ чубуковъ и посматривали на свои неуклюжіе часы Турецкаго формата, вѣсившіе иногда фунтъ. Эти часы закрывались тремя, или четырьмя, крышками и висѣли на длинномъ снуркѣ, или на серебряной цѣпочкѣ, которая надѣвалась на шею, вмѣстѣ съ другимъ снуркомъ отъ денежнаго кошелька. Ближнимъ гостямъ прислуживали обыкновенно хозяйскія жены и дочери; отъ постороннихъ онѣ прятались. Какъ рѣзко отдѣлялись городскіе обычаи отъ сельскихъ, стоитъ только сравнить радушное угощеніе селяковъ съ напыщеннымъ Восточнымъ церемоніаломъ богатыхъ горожанъ и Греческихъ Владыкъ. До пятидесятихъ годовъ прадѣловскій бытъ неизмѣнно сохранялся въ Сербскихъ деревняхъ; не удивительно будетъ, если и туда проникнетъ городская зараза, благодаря наплыву разныхъ бродягъ изъ Азіи и другихъ земель.

Богатое купечество, занятое своими торговыми выгодами, готово было продать свою родину, лишь бы только имѣть побольше червонцевъ и, вмѣсто защиты и поддержки своихъ односельцевъ, считало ихъ за «фукара» (ничто) и не задумывалось въ средствахъ грабить и притѣснять народъ, который говорилъ про нихъ: «Полувѣрцы хуже потурченныхъ.» Простой Сербскій поселянинъ, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и взаимныхъ отношеніяхъ, руководится поговоркой: «Не смотри, кака я у меня одежда на спинѣ, а смотри на мою честность и работу.» Терпя въ продолженіи многихъ столѣтій тяжкія гоненія отъ своихъ завоевателей, платя съ давнихъ поръ обременительныя подати, поселяне все тѣснѣе соединялись между собой, снато хранили свою вѣру, свои обычаи, свои преданія и въ общей бѣдѣ помогали другъ другу, говоря: «Это нашъ братъ Христіанинъ: надо ему помочь. Кто знаетъ,

что его ожидаетъ?» «Люди ходятъ по бѣлому свѣту, какъ пчелы по цвѣтамъ. Всякій изъ того бѣтается, чтобъ чего ни будь добиться.»

Въ городахъ вышло совсѣмъ другое: дикій произволъ Турокъ силою оружія навязывалъ Мухамеданство порабощеннымъ Сербамъ, такъ что они принимали его для охраненія своей родины, или по разнымъ обстоятельствамъ, но все таки удержали въ памяти свои прежніе обычаи и не совсѣмъ еще отреклись отъ нихъ. Одни только полувѣрныя, слывя Христіянами, по жадности своей къ наживѣ, дружились съ врагами своей родины, принимали чуждый языкъ и обычаи, и становились во главѣ притѣснителей своего народа.

Непомѣрное и глупое тщеславіе до того уничтожили въ богатыхъ горожанахъ всякое человѣческое чувство, что въ самомъ правосудіи они подражали Туркамъ, и давали чувствовать бѣднякамъ свою тяжелую руку въ наказаніяхъ, выкренныхъ на Восточный ладъ. Больше всего терпѣли несчастные ученики, попадавшіе въ передѣлъ къ даскалу (учителю), городскому купцу, или мастеру. Воспитанники школъ назывались дьяками, а ученики ремесленниковъ чираками; чиракъ, выучившійся какому-либо мастерству, назывался калфа, старшій надъ калфами—калфа-баша, а мастеръ, выбранный въ старшины своего цеха, майсторъ-баша и уста-баша. Поселяне звали ихъ просто майсторъ. Если ученикъ, взятый изъ бѣдной семьи, въ чемъ ни будь провинился, его привязывали веревкой, или ремнемъ, за ноги къ одной или двумъ палкамъ: двое держали, а третій становился съ боку и билъ палкой, или ремнемъ, по пятамъ, сколько было угодно учителю, или хозяину и ихъ домашнимъ. Малѣйшая вина влекла за собой варварское наказаніе. Фалакъ (палка), орудіе этой ужасной пытки, находилось наготовѣ у каждого хозяина и учителя. Что же мудренаго, если Мухамеданство пріобрѣтало такъ много отщепенцевъ между бѣднымъ городскимъ населеніемъ? Забитые, замученные бѣдняки нерѣдко бѣжали отъ такихъ истязаній къ Туркамъ и, для своего огражденія, принимали ихъ вѣру, въ которой уже и оставались навсегда. Народъ съ ненавистью относился къ своимъ единоплеменнымъ притѣснителямъ и говорилъ: «На волковъ кричать, а лисицы мясо ѣдятъ и коровъ доятъ.» Онъ избѣгалъ всякой съ ними дружбы, считая ихъ за вредныхъ лстецовъ. Въ Сербскихъ поговоркахъ ясно выразилось народное воззрѣніе на этихъ Турецкихъ шпионовъ. «Не бойся волковъ, а берегись лисиць.»—«Не волковъ надо бояться, а лисиць.» Волками народъ называлъ Турокъ, имѣвшихъ власть и силу въ своихъ рукахъ, а лисицами—хитрыхъ, плутоватыхъ купцовъ и прочихъ своихъ зажиточныхъ мучителей. Иногда купцы,

посылали въ села своихъ соглядатаевъ, называемыхъ тѣрговчики чаршіе, чивитори, которые выхваляли своихъ покровителей, чтобъ обмануть селянъ и завлечь ихъ въ бѣду, но тѣ прямо говорили: «Отойди отъ меня, бѣда, подальше, нищи себѣ пристанища подальше отсюда!» или остерегали своего товарища, не знавшаго съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло: «Осѣнись крестомъ отъ него и тѣни его, посторонись отъ того мѣста; пусть его красивый домъ будетъ подальше отъ насъ!» Вообще простой народъ не довѣрялъ ни Владыкамъ, ни тѣмъ личностямъ, которыя вели дружбу съ Турками, и Архіереевъ называлъ лисицами, а обружавшихъ ихъ и прислугу блюдолизами. Не рѣдко этѣ продажныя души старались лаской обмануть селяковъ, чтобъ выпытать о какомъ ни будь дѣлѣ, но послѣдніе говорили между собой: «Хитра лисица, мягко стелеть постель, да жестко спать тому, кто на нее ляжетъ.» «Изъ устъ его вытекають сладкія, какъ медъ, слова, а изъ души выглядываетъ адскій, лукавый ядъ.» «Смотри, ходи умнѣе, не погибни безумно!» «Смотри, если бъ не лисій хвостъ, былъ бы хорошій волкъ!»

Простые Сербы не любили входить въ разговоръ съ лисицами, не извѣстными въ ихъ мѣстности, не вѣрили ихъ словамъ, и сами остерегались говорить то, что думали, по пословицѣ: «Гораздо лучше молчать, нежели послѣ раскаяваться; отъ молчанья голова не болитъ.» (случалось, что иной въ разговорѣ скажетъ, что такой-то кажется хорошій человѣкъ. «Чего не знаю хорошо (отвѣтитъ другой), того не могу ни хулить, ни хвалить; идетъ время, несетъ бремя; тамъ видно будетъ. Каждаго судить дѣло: если онъ хорошъ, Богъ дастъ ему счастье, если онъ золъ—Богъ осудитъ всякаго по его дѣламъ. Богъ и люди видятъ добрыя и злыя дѣла cadaго; отъ Бога и людей ничто не скроется; все что тайно будетъ явно.» Хитрые горожане очень хорошо понимали недовѣрчивость и осторожность простыхъ Сербовъ и нерѣдко, при случаѣ, восхваляя кого ни будь изъ своихъ, говорили имъ: «Этотъ человѣкъ Христіанинъ, имѣетъ доброе сердце. Будьте съ нимъ откровенны!» Селяки, слушая со вниманіемъ, покачивали обыкновенно головой и отвѣчали: «Все это хорошо и прекрасно, но кого змѣя кусала, тотъ и ящерица боится.»

Въ предлагаемомъ ниже разсказѣ о моемъ странствіи по Турціи, предпринятомъ единственно изъ любознательности, я, какъ очевидецъ, старался очертить нравы и обычаи Сербскаго народа и его страдальческую жизнь подъ двойнымъ гнетомъ, съ одной стороны, Турецкаго произвола, съ другой, закоренѣлаго невѣжества и корыстолюбія Владыкъ и туземныхъ купцовъ.

Въ 1858 году я поѣхалъ изъ Бѣлграда въ Турцію съ тѣмъ, чтобы побывать въ разныхъ мѣстностяхъ между Сербскимъ народомъ и взглянуть на благодѣтельные плоды милостиваго гаттигумаюна, обнародованнаго послѣ Парижской конференціи Султаномъ, хотя и былъ твердо убѣжденъ, что эта бумага оставалась безъ дѣйствія и по старой привычкѣ лежала гдѣ ни будь подъ тюфякомъ Восточнаго вельможи, или и самого Падишаха. Европейскіе журналы и газеты (въ особенности Англійскіе и Французскіе) протрубили во всѣ концы земли, что Османы даруютъ Христіанамъ равныя права съ Магометанами, что съ однимъ паспортомъ можно свободно ѣздить по всей Турецкой Имперіи, и что, наконецъ, Правительство вездѣ заводитъ школы, допускаетъ строить церкви и вѣшать колокола. Я горѣлъ желаніемъ быть полезнымъ моему народу, хотѣлъ поступить куда ни будь учителемъ и, подъ вліяніемъ такого патріотическаго чувства, въ Маѣ 1858 года выѣхалъ изъ Княжества, запасшись Сербскимъ паспортомъ.

Доѣхавъ до карантина на Мокрой Горѣ, на границѣ Сербіи, я нанялъ кириджію (извозчика) подъ мою поклажу, но онъ брлся довести только до Вардышта, и то лишь съ условіемъ, если въ ней не окажется ничего подозрительнаго; въ противномъ случаѣ отказывался везти меня далѣе. Я рассказалъ карантинному Сербскому Чиновнику о своемъ затруднительномъ положеніи, и онъ кое-какъ уговорилъ селяка взять мою кладь. Я простился съ Сербскою границей и отправился въ путь. Прѣхавъ полторы версты, мы очутились въ Вардыштѣ. На самой дорогѣ я увидалъ ханъ (Турецкій постоянный дворъ), а немного подальше, на горкѣ караулъ. Едва мы подѣхали, съ горки закричали: «Стой!» Я и мой проводникъ остановились, и къ намъ подошли трое вооруженныхъ Турокъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ меня, откуда и куда я ѣду? Я отвѣчалъ: «Изъ Сербіи, ѣду опредѣлиться учителемъ гдѣ ни будь въ Турецкомъ владѣніи.» «А имѣешь йолъ-тескеру (Турецкій паспортъ?).» Я не понялъ слова «йолъ», но другой Турокъ пояснилъ: «пасошь.» Я подалъ ему Сербскій паспортъ. Онъ посмотрѣлъ, кивнулъ головой и опять спросилъ: «Не имѣешь ли при себѣ въ карманахъ писемъ?» Я отвѣчалъ: «Нѣтъ.» Онъ велѣлъ своему товарищу, также вооруженному, обыскать меня и, не найдя ничего, спросилъ: «Гдѣ твой багажъ?» Я указалъ на лошадь.

— А что тамъ у тебя?

— Мое платье, бѣлье и кой-какія книги.

Едва я выговорилъ послѣднее слово, какъ они съ неистовствомъ подбѣжали къ лошади, схватили мои вещи и бросили ихъ на грязную дорогу. Къ несчастію, мои книги не были переплетены: вѣтеръ помчалъ мой аттестатъ, выданный изъ Бѣлградской Гимназіи; за нимъ полетѣла Естественная Исторія, а потомъ и другія книжки: Латинскій Словарь, Сербская Грамматика и разныя Нѣмецкія и Латинскія руководства. Одинъ изъ Турокъ погнался за моимъ аттестатомъ, летѣвшимъ по грязи, поймалъ его и сталъ разсматривать, но вѣтеръ и дождь безпрестанно вырывали его изъ рукъ, такъ что онъ съ досадою вскичалъ: «Алахъ, Алахъ! Велахауле!» Я не понялъ этихъ словъ. Я придерживалъ руками свои книги, чтобъ онъ не разлетѣлся въ разныя стороны, но Турецкій блюститель порядка безжалостно пересыпалъ ихъ, какъ сѣно, или капусту, и вѣтеръ, перелистывая Географическій Атласъ и Естественную Исторію, разбросалъ по грязи вырванные листы. Рисунки звѣрей, птицъ и прочіе привлекли вниманіе Турецкаго полицейскаго: онъ вытаращилъ глаза и сердито спросилъ: «Это что?» Я объяснилъ ему содержаніе книги. Онъ кивнулъ головой и велѣлъ собрать листы, валяшіеся по грязи, и перенести подъ навѣсъ жилья. Съ помощію моего извозчика и хозяйскаго слуги, я собралъ все кое-какъ и положилъ на указанное мѣсто. Турецкіе стражники съ любопытствомъ начали разсматривать звѣрей, удивлялись фигурамъ слона и носорога и съ усмѣшкой смотрѣли на волка и лисицу. Я сталъ имъ объяснять цѣнность послѣдней, но одинъ изъ нихъ возразилъ:

— Волки и лисицы вездѣ такіе же. Лисица вездѣ лукава, а волкъ вездѣ волкъ: это наши звѣрки. Они намъ знакомы, какъ двуногіе, такъ и четвероногіе, прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— А это царь змѣй, замѣтилъ я, указывая на удава.

Турокъ сердито посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Развѣ можетъ быть у змѣй царь?

Я промолчалъ; потомъ, отыскавъ льва, прибавилъ:

— А вотъ это царь звѣрей!

Онъ нахмурился и закричалъ:

— Не говори больше такого вздора: развѣ бываютъ у змѣй и собакъ цари? Ты знаешь что одинъ только Богъ на небѣ (при этомъ онъ поднималъ палецъ къ верху) и одинъ Царь на землѣ, нашъ Султанъ Меджидъ. — Я промолчалъ. Послѣ того онъ спросилъ меня:

— Ты это все училъ и все знаешь?

— Да, знаю.

— А можешь ли самъ это сочинить?

Я отвѣчалъ, что этимъ занимаются ученые люди, учителя, а ученики школъ должны учить то, что написано въ книгахъ и отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. «И этого достаточно,» самодовольно произнесъ онъ. Географическій Атласъ, въ свою очередь, возбуждалъ любопытство безграмотнаго Турка. Я сказалъ ему, что по этой книгѣ можно узнать, сколько земель находится во владѣннн Царей, или Королей. Карта Европы попала въ очень кстати. «Покажи-ка, до какихъ поръ идетъ земля нашего Султана!» Я указалъ на Европейскую Турцію, но онъ, по видимому, остался недоволенъ, помолчалъ и потомъ спросилъ потихоньку: «А гдѣ Московія?» Я повелъ пацемъ отъ Сѣвернаго океана до Чернаго моря, и отъ Балтійскаго до Камчатки, и сказалъ, что Московія имѣетъ свои владѣннн еще въ Азш и Америкѣ, и что ей принадлежатъ всѣ острова на Ледовитомъ океанѣ.

— А въ какомъ городѣ сидитъ Московскій Король? Я указалъ на Петербургъ. Прочіе любопытствовали видѣть Францію и Германію, а одинъ изъ нихъ спросилъ съ усмѣшкой: «Это что за крючокъ?» Я объяснилъ, что это Італія. Наконецъ дѣло дошло до «Имплезки.» Я показалъ имъ Царицу морей и прибавилъ, что вода отдѣляетъ ее отъ Франціи «А! Я слышалъ, тамъ правитъ женщина.»

Одинъ изъ Турокъ покачалъ головой и сказалъ:

— Несчастный тотъ домъ, гдѣ жена управляетъ; еще несчастнѣе та земля, гдѣ повелѣваетъ женетина. *

Его товарищъ прибавилъ къ этому очень любопытное сужденіе, выражавшее взглядъ Магометанскаго простолюдиня на Англію.

— Каковъ народъ, такова и Кралица. Въ Инглеской землѣ люди выдѣлываютъ однѣ только иголки; что заработаютъ, тѣмъ и живутъ; отъ того и называются они Инглезами. А великъ ли ихъ барышъ? Десять иголокъ стоятъ двѣ, три, много четыре пары. Чѣмъ тутъ жить? Они всѣ бѣдняки, отъ того и дѣлаютъ иголки, чтобъ было чѣмъ чинить свою худую одежду. Вотъ какой живетъ тамъ народецъ!

Я думалъ, что этимъ кончится мой экзамень, но одинъ Турокъ спросилъ меня:

— Правда ли, что хлѣбъ не родится у Инглеза, и онъ тамъ за рѣдкостью? У насъ говорятъ, что тамошніе люди умерли бы всѣ отъ голода, если бы нашъ милостивый Султанъ не давалъ имъ хлѣба.

Я отвѣчалъ, что мнѣ не извѣстно, сколько родится въ Англіи хлѣба,

* Женца — ласкательное, женетина — презрительное, бранное слово на Сербскомъ языкѣ.

но все таки онъ у нихъ есть, по тому что ихъ земля хороша. Мой суровый собесѣдникъ дико посмотрѣлъ на меня и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Я не стану лгать; я все это слышалъ отъ многихъ Ходжей и Дервишей, которые учили глубокия книги; они, конечно, больше знаютъ, что написано въ нашемъ Алкоранѣ. Тамъ больше правды, чѣмъ въ этихъ Влашскихъ гяурскихъ книжонкахъ. Мудрые люди не станутъ говорить наобумъ, а какъ сказано въ ихъ книгахъ. Турку не позволяетъ его вѣра лгать, и онъ не имѣетъ въ томъ нужды, а говорить такъ, какъ оно есть, правду.

Тутъ только я вспомнилъ совѣтъ Сербскаго карантиннаго Чиновника одобрять всякую чепуху и во всемъ соглашаться. Турокъ-то и дѣло ощупывалъ руками кинжалъ и пистолеты и посматривалъ то на меня, то на своего товарища. Я смекнулъ, что у нихъ кроется что-то не доброе на умѣ, и тотчасъ же сталъ поддакивать и говорить въ ихъ тонѣ. Онъ какъ будто сдѣлался со мной поласковѣе. Въ это время третій Турокъ, сидѣвшій на порогѣ постоялаго двора и пере-листававшій мой атласъ, замѣтилъ, что я сталъ соглашаться съ словами его товарищей и, когда я началъ собирать свои разбросанныя книги, онъ сказалъ мнѣ: «Покажи-ка еще разъ, какъ велика Турецкая земля?» Я хотѣлъ было очертить величину Турціи, но мой проводникъ взглядомъ напомнилъ мнѣ быть осторожнымъ. Я сталъ обводить пальцемъ границы владѣній Падишаха, начиная отъ Молдавіи, Сербіи, Герцеговины, Албаніи, Эпира до самаго Константинополя, туда же помѣстилъ Ионическіе острова, Грецію, все Черное Море и, простите унижительно читатель, у страха глаза велики, захватилъ даже Крымъ и Одессу. На картѣ Азіи я очертилъ Китай, Японію, Индію, Персію и Аравію, и сказалъ, что все это Турецкая земля, что нѣкоторыя страны управляются своими владѣтелями, какъ, на примѣръ, Персія, но всѣ онѣ подчинены Султану и жители ихъ Магометане.

Турецкіе бюстители по видимому остались довольны моимъ объясненіемъ, а сидѣвшій на порогѣ спросилъ меня:

— По чему же ты прежде не говорилъ правды, какъ теперь?

— Я хотѣлъ показать вамъ, какъ думаютъ тѣ, которые не знаютъ Турецкой силы и только мараютъ бумагу, не понимая сами, что говорить и пишутъ.

Турки засмѣялись и сдѣлали одобрителный знакъ рукой, а сидѣвшій внушительно прибавилъ: «Вотъ это такъ!»

Не вная, какъ освободиться отъ безграмотныхъ экзаменаторовъ, я началъ опять собирать свои вещи, но они зорко смотрѣли за мною,

и одинъ изъ нихъ, сойдя съ своего мѣста, потягиваясь и зѣвая, сказалъ что-то по Арнаутски. Сидѣвшій Турокъ опять спросилъ меня: «Что же ты намъ не показалъ, гдѣ Мисыръ (Египетъ)? Я взялъ карту Африки и сказалъ: «Вотъ Мисыръ!» потомъ обвелъ всю эту часть свѣта и объявилъ, что на всемъ ея пространствѣ живутъ Арабы, Магометане, и другого народа нѣтъ.

Глупые Турки предложили мнѣ новый вопросъ: «Во сколько времени можно обойти Царскую землю?» Къ счастью, я вспомнилъ розказни Дервишей и отвѣчалъ:

— До сихъ поръ никто еще не могъ обойти Царскую землю, по тому что ей нѣтъ конца. Кромѣ Бога, никто не знаетъ, сколько Магометанъ на свѣтѣ. Отъ восхода и до заката все Турецкая земля, а можетъ ли человекъ въ одно время быть тамъ, гдѣ рождается солнце и гдѣ оно заходитъ? Про то знаетъ одинъ Богъ и старые люди, читающіе глубокія божественныя книги. Наше дѣло только слушать, что говорятъ Ходжи, Софты, Дервиши и другіе умные люди.

Мои слова, какъ видно, очень понравились Туркамъ, по тому что они угостили меня чашкой кофе. Между тѣмъ мой кириджия безирестанно подмигивалъ мнѣ, скрипѣлъ зубами и пожималъ плечами, давая знать, что пора уже отправляться въ путь. На дворѣ стемнѣло и шелъ маленькій дождь. Не совѣтъ было пріятно стоять нѣсколько часовъ на порогѣ подъ навѣсомъ, а въ жильѣ нельзя было войти по безчисленному множеству настькомыхъ. Хозяинъ и проводникъ, соскучась моимъ экзаменомъ, развьючили лошадей и пустили ихъ на волю. Я поспѣшилъ наконецъ выбраться вонъ и хотѣлъ заплатить за кофе, но Турки не допустили и спросили: «Который Король сильнѣе, Французскій, или Московскій?» Я отозвался незнаемъ.

— Гдѣ же ты былъ, когда шла война съ Московомъ въ Крыму?

— Въ Шумадіи, то есть, въ Княжествѣ Сербіи.

— А теперь ничего не слышно о Московѣ?

— Ничего.

— Должно быть его далеко загнали, и ужъ нѣтъ его въ живыхъ.

— Вѣроятно, такъ, отвѣчалъ я.

— А ты не знаешь, много ли еще осталось у него земли?

— Нѣтъ, не знаю: насъ этому не учили.

— А! Но что же ни будь ты слышалъ въ Шумадіи?

— Мнѣ нѣкогда было слушать: я учился.

— А! повторили они съ удивленіемъ, и тутъ же одинъ изъ нихъ прибавилъ:

— Когда гууръ зазнается, то думаетъ, что онъ сильнѣе и умнѣе

всѣхъ. Московъ и его Король перестали слушаться нашего Султана Меджида, а онъ и напустилъ на нихъ столько Францеца и Инглеца, что они ихъ загнали и почти всѣхъ перебили. Какія земли нужны были Султану, онъ ихъ отнялъ у Москова, а похуже ему оставилъ, и то, когда Московъ попросилъ прощенья у Абдуль-Меджида и далъ слово никогда не зазнаваться предъ нимъ. Султанъ простилъ его и приказалъ Францецу и Инглецу, чтобы перестали воевать и отправились въ свои земли, а съ Москова взялъ большой харачъ въ уплату за военныя издержки. Много вышло Султанской казны на голодныхъ гяуровъ: Францець и Инглець получали въ срокъ жалованье, пили и ѣли досыта въ Турецкой Царевинѣ, и никогда такъ не одѣвались и не обувались у своихъ Королей, какъ у нашего Султана. Нѣкоторые даже остались у насъ. Въ Царскомъ войскѣ много всякаго народа. Они околѣли бы съ голоду, если бы не было Турецкой Царевины.

Вотъ какъ думали вообще всѣ Турки въ 1858 году. Въ своемъ слѣпомъ невѣжествѣ они не видѣли внутренняго безсiя, разложенiя своей пресловутой Царевины. Они все были еще убѣждены, по своему грубому фанатизму, что имъ принадлежитъ весь свѣтъ, и горе дерзкому, который бы попытался сказать, что Европейскiя Государства самостоятельны, и что Турецкое Правительство занимаетъ деньги у Инглецкой Кралицы. Онъ навѣрно поплатился бы за это своей головой. Что сказали бы гордая Англія и утонченная Франція, если бы онѣ знали, какъ презрительно отзывается объ нихъ тупоумный Азіятскій народъ, который онѣ такъ поддерживаютъ, въ ущербъ образованности и Христiанства.

Въ примѣръ крайняго невѣжества, распространяемаго Мухамеданскимъ духовенствомъ не только между простыми Турками, но и въ средѣ ихъ сановниковъ, приведу внушительный рассказъ одного изъ туземныхъ стражниковъ, обращенный ко мнѣ: «Одинъ старый благочестивый Дервишь сказывалъ, что скоро придетъ время, когда всѣ гяуры будутъ покорены Мухамеданами, и Турецкая сабля очиститъ Божію землю. Тогда Султанъ скажетъ: «Аллахъ! За вѣру Мухамедову.» И возстанетъ весь Муслманскій міръ, и будетъ одинъ Аллахъ на небѣ и нашъ Царь на землѣ. Ходжи вездѣ будутъ кунсать (учить, кричать) звать на молитву съ минаретовъ, и крестъ упадетъ передъ луной, а всѣхъ Королишекъ, какіе еще есть на землѣ, раздавитъ Турецкая сила.» Не худо Западнымъ просвѣщеннымъ Державамъ принять къ свѣдѣнію такіе страшные объ нихъ отзывы незначительной массы дп-

карей, съ которыми онѣ такъ любезничаютъ для своихъ политическихъ цѣлей.

Послѣ подобныхъ разсказовъ, я, наконецъ, освободился отъ своихъ мучителей и сталъ собираться въ путь. Увязавъ наскоро свои вещи, я отдалъ ихъ извозчику, заплатилъ пошлину за свой багажъ. четыре гроша (20 к. с.), и оставилъ постоялый дворъ. Хозяинъ, видимо, сердился на меня за мой продолжительный разговоръ съ Турками и за географическія объясненія. Дождь не переставалъ ити, и мы отправились пѣшкомъ. Мой спутникъ хранилъ упорное молчаніе, но черезъ полчаса попросилъ у меня огня. Я высѣкъ огня, и мы оба закурили.

— Гдѣ ты будешь ночевать? спросилъ онъ.

— Не знаю.

— За чѣмъ же ты задерживалъ меня, по милости своихъ книгъ и этихъ дурней Турокъ? Не могу надивиться, какъ ты играешь своею жизнію. Къ чему такія откровенности съ этими кровопійцами? Послушайся меня: брось прежде всего эти книжонки въ воду, если не хочешь погибнуть. Ты мѣсяца не проживешь въ Турціи, и какъ разъ потеряешь свою голову.

— Да развѣ мои книги кому мѣшаютъ? Въ нихъ нѣтъ ничего ни противъ Турокъ, ни противъ Правительства. Это учебники, которые, вѣроятно, находятся въ Царьградѣ во всѣхъ Турецкихъ школахъ.

— Э! Ты, какъ видно, учился въ Бѣлградѣ на свою погибель: тамъ бы и оставался жить, а здѣсь тебѣ не мѣсто. Я ничему не учился и ничего не понимаю, но предвижу, что тебѣ не миновать бѣды на этомъ пути. Ты еще не знаешь Турецкихъ ловушекъ и откровенно рассказываешь дурнямъ, чему тебя учили въ Сербіи. Ты забылъ, что здѣсь Христіанская голова цѣнится не дороже воробьиной и виситъ на ниточкѣ. Понялъ ли ты, что одинъ изъ разбойниковъ сказалъ по Арнаутски.

— Нѣтъ. А ты?

— Кое-что, но не все. Я пошелъ въ ханъ съ какимъ-то молодцомъ, который послѣ насъ захватилъ выпить рюмку водки. Онъ спросилъ, откуда ты? Я отвѣчалъ: изъ Сербіи, ѣдетъ искать мѣсто учителя въ Турціи. Онъ махнулъ и сказалъ, что Турки очень озлоблены твоими словами, и что одинъ изъ нихъ говорилъ про тебя: «Хорошо, что онъ проговорился: мы покажемъ ему, что мы также умѣемъ брить за ушами, и этотъ грибокъ (круглая шляпа) далеко полетитъ съ его головы; а если мы его не побрѣдемъ, то найдется кто другой изъ нашихъ, лишь бы только онъ подальше ушелъ отъ Влашской границы.»

Я дѣйствительно вспомнилъ, что Турки говорили на непонятномъ для меня Арнаутскомъ языкѣ и спрашивали, знаю ли я по Арнаутски, но я отвѣчалъ имъ отрицательно. Въ моемъ простодушіи мнѣ казалось, что у нихъ не было никакого злаго намѣренія, и не приходило въ голову, зачѣмъ они такъ часто посматривали другъ на друга и допытывались, гдѣ я буду ночевать; но я имъ отвѣчалъ, что это дѣло моего проводника. Они лѣзали и ему тотъ же вопросъ, но онъ отговаривался незнаеміемъ: «Теперь лѣто: гдѣ найду побольше и получше травы, тамъ и ночую; а можетъ быть доѣду до села Штербцы, хотя и запоздаю, только бы лошади не устали; у меня нужныя дѣла; завтра вечеромъ нужно быть дома.» Теперь только я понялъ, отъ чего онъ молчалъ дорогой и сердился на меня. Ускользнувъ отъ опасности, онъ сталъ мнѣ толковать, какъ не поддаваться хитрости Турокъ и вынуждаться изъ бѣды. Простой человекъ изъ народа имѣлъ болѣе опытности и осторожности, нежели я, воображавшій въ своемъ учительскомъ тщеславіи, что Турки оцѣнятъ мою ученость и отнесутся ко мнѣ съ уваженіемъ.

По словамъ моего проводника, всѣ Турецкіе начальники, начиная отъ Паши до послѣдняго Чиновника, были разбойники и грабители.

— Пусть такъ, отвѣчалъ я, но за что они меня убьютъ? Я не бѣглець, имѣю Сербскій паспортъ и ищу учительскаго мѣста; найду—хорошо, а не найду—возвращусь обратно въ Сербію.

— Ну, еще не извѣстно, доживешь ли ты до того времени.

— По чему же? Я читалъ въ Сербскихъ газетахъ, что съ паспортомъ можно свободно жить въ Турціи, что Султанскій гаттигумаюнъ ручается за равноправность Христіянъ съ Магометанами, и что никто не смѣетъ тронуть чужихъ подданныхъ: они могутъ жаловаться.

Товарищъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— А куда и кому ты будешь жаловаться?

— Турецкимъ властямъ.

— Что жъ ты не жаловался теперь, когда еще, на порогъ Сербіи они хотѣли побрить тебя за ушами и сбить съ твоей головы этотъ грибокъ (круглую шляпу), не смотря на твой паспортъ? Нѣтъ, мой дорогой, ты думаешь одно, а Турокъ другое, и ты очень ошибаешься, если вѣришь Турецкому гаттигумаюну. Я пятьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ, и не помню, чтобы Турки когда либо исполняли свои обѣщанія на бумагѣ. Они тѣ же волки: волкъ каждую весну мѣняетъ свою шерсть, а привычку никогда. Ты вѣрно не знаешь народныхъ поговорокъ: Обѣщаніе — радость глупому. Кто вѣритъ Турку, тотъ гораздо хуже

его. Турокъ всегда много общается, но никогда не исполняетъ. Турокъ царствуетъ ложью и обманомъ.» И такъ, сынокъ, если ты глупъ; вѣрь словамъ и надѣйся на ихъ защиту и правосудіе; только наврядъ ли увидишь ты Сербію, и никто не узнаетъ, гдѣ твоя могила. Однако молчимъ, насъ догоняютъ какіе-то верховые. Брось, или спрячь, свой грибокъ! У тебя въ бѣльѣ красный фесъ: надѣнь его да накинь на себя это тебе (одѣяльце): оно будетъ безопаснѣе. Кто знаетъ? Можетъ Турки отправились за нами въ погоню, чтобы убить тебя, а твой паспортъ привяжутъ кошкѣ на хвостъ.

Я послушался совѣта осторожнаго селяка. Уже наступила ночь, и верховые были отъ насъ въ полуверстѣ. Мой спутникъ опять сказалъ мнѣ:

— Ступай впередъ по опушкѣ лѣса, а, я между тѣмъ, посмотрю, что это за люди. Когда я закричу: «Ди!» не выходи оттуда; если начну пѣть потихоньку, ступай впередъ по дорогѣ, а если громко скажу: «Погоди!» значить, нѣтъ опасности, и ты остановись, чтобы намъ опять вмѣстѣ сойтись!

Его совѣтъ ити украдкой лѣсомъ мнѣ не понравился, и я рѣшительно отвѣчалъ:

— Я не пойду въ лѣсъ; завтра же я буду на большой дорогѣ, и если въ самомъ дѣлѣ такъ опасно, какъ говоришь, то не все ли равно попасть гдѣ бы то ни было въ руки Турокъ. Мнѣ нельзя ити по твоему: учительскаго мѣста ищутъ въ городахъ, а не въ лѣсахъ.

Спутникъ осторбился моими словами и возразилъ съ неудовольствіемъ:

— Я, какъ человѣкъ и Христіанинъ, оберегаю тебя отъ зла; по тому что ты осынаешься по нашему честнымъ крестомъ, и указываю тебѣ болѣе безопасный путь; но если ты не хочешь слушаться, дѣлай, какъ знаешь: твоя голова—твоя воля; а если ты добрый человѣкъ, подумай и обо мнѣ. Оберегая тебя, я берегу и себя; ты одинъ, и погибнешь одинъ, а у меня домъ и семья: они погибнутъ вмѣстѣ со мной. Пожалуйста, ступай немного впередъ и молчи: насъ догоняютъ.

Мнѣ стало жаль боязливаго селяка, и я повелѣлъ впередъ опушкой лѣса. До меня донеслись родные звуки.

— Богъ вамъ на помочь!

И пошли обычные распросы:

Откуда и куда ѣдешь?

— Съ Карантина.

— Что тамъ покупалъ? По чемъ нынче соль, водка, мука, зерновой хлѣбъ?

Наконецъ стали спрашивать, что дѣлается въ Сербіи? Нѣтъ ли чего новаго? Правда ли, что Сербское войско идетъ на границу дать Царю помощь противъ Карадага (Черной Горы)? Кириджія отвѣчалъ отрицательно и крикнулъ мнѣ: «Полакше!» (Потише!) Я шелъ по боковой тропинкѣ молча, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ товарныхъ лошадей, и за ночьюю темнотой новые спутники не могли меня разглядѣть. При послѣднемъ ихъ вопросѣ о Сербскихъ дѣлахъ мой попутчикъ указалъ на меня, какъ на человѣка только что пріѣхавшаго изъ Сербіи, который можетъ удовлетворить ихъ любопытству. Они закричали мнѣ, чтобъ я остановился и, поровнявшись со мною, привѣтствовали по народному обычаю: «Добаръ вече!» Я отвѣчалъ: «Богъ вамъ помагаю!» Обмѣнявшись вопросами о здоровьи, мы перешли къ другому разговору; но прежде всего набили трубки; я высѣкъ огня, и всѣ закурили. Тогда одинъ изъ спутниковъ сказалъ мнѣ: «Ты усталъ: не хочешь ли сѣсть на моего коня?» Я поблагодарилъ его и отказался. Тутъ носыпались вопросы: когда я выѣхалъ изъ Бѣлграда? Что тамъ дѣлается? Я по порядку рассказалъ имъ, какъ Сербскіе поглавары ссорятся между собою, и какъ ихъ мирятъ иностранные Консулы и Турецкіе Пашы, нарочно для того пріѣзжающіе изъ Царьграда.

— Что они дѣлать между собой? возразилъ одинъ изъ спутниковъ. Чтобъ ихъ проклятое сѣмя исчезло съ блага свѣта! За чѣмъ они ссорятся и губятъ народъ? Чего имъ недостаетъ въ полномъ домѣ, въ мирной землѣ? Чтобъ ихъ ржавчина убила! За чѣмъ имъ Турки чтобы мириться? Развѣ они забыли, что терпѣли? Развѣ они не видятъ, что мы терпимъ? Проклятое несогласіе нашихъ поглаварей довело народъ до такого рабства: не народъ виноватъ, а измѣнники и лъстецы. Кстати, правда ли, что Сербское войско, вмѣстѣ съ Турками, идетъ противъ Черной Горы, чтобы покорить ее Турецкому Царю?

— Не знаю: я этого не слыхалъ.

— А что говорить народъ о Черногорцахъ? Одобряетъ ли ихъ за то, что они разбили Турокъ на Граховѣ?

— Не только одобряетъ, но и радуется ихъ побѣдѣ, и самъ бы желалъ ити имъ на помощь, да поглаваря этого не желаютъ.

— Чего же они хотятъ?

— Получать побольше жалованья, господствовать надъ народомъ и жить такъ, какъ они теперъ живутъ. Они говорятъ: «Мы освободились отъ Турокъ: намъ остается только хорошо пожить; а кому тяжело на этомъ свѣтѣ, пусть самъ хлопочетъ и проливаетъ свою кровь по

примѣру нашихъ предковъ. Когда они бились, намъ никто не помогалъ. Мы освободились, благодаря юначеству (храбрости) нашихъ предковъ и отцовъ, которые гибли, но все таки завоевали намъ свободу. Если кому нужна свобода и мало мѣста на землѣ, пусть самъ дерется, а намъ и такъ хорошо.»

— Развѣ они такъ думаютъ о Сербскомъ народѣ?

— Да, такъ. Сербскіе Чиновники не лучше Турокъ: они заботятся только объ увеличеніи своего жалованья и доходовъ и о средствахъ, какъ бы попасть въ милость къ какому ни будь высокопоставленному лицу, и чрезъ него получить выгодное мѣсто у попечителя. Это обыкновенно достигается родствомъ, связями, женитьбой и пр., и такимъ образомъ они во всемъ поддерживаютъ другъ друга, а что касается до народа, то они не думаютъ объ его благосостояніи и говорятъ такъ: «Что намъ за дѣло разбирать, кто страдаетъ въ Турціи, что Черногорцы дерутся съ Турками? Кто что дѣлаетъ, пусть дѣлаетъ, а намъ и такъ хорошо.»

Мой спутникъ нѣсколько минутъ помолчалъ и сказалъ со вздохомъ:

— А я думалъ, что въ Сербіи нѣтъ болѣе Бранковичей, и что Турецкое иго дало Сербамъ понять, до чего довела Царя, народъ и всю землю Сербскую измѣна ихъ поглаварей. Они все продали въ Турецкое рабство; они забыли свою родину, свое племя и хотятъ взять верхъ надъ несчастными братьями, которыхъ они же отдали во власть варваровъ. Я вижу, что Сербскіе Чиновники, съ своимъ Шумадинскимъ Княземъ, ведутъ народъ прямо къ гибели. Они идутъ по слѣдамъ окаянныхъ Вукашиновъ, Бранковичей и Вуйць, которыхъ мы до сихъ поръ проклинали, проклятыхъ. Напрасно ждемъ мы отъ нихъ помощи, какъ иззябшій тепла отъ солнца; они, какъ видно, и не думаютъ о насъ, проклятые выродки, лишь бы имъ было хорошо. Забыли они, что дѣлали до сихъ поръ Турки въ Шумадиі: какъ они сажали на колъ Христіанскихъ людей, рубили имъ головы, забирали въ рабство ихъ женъ и дѣтей. Забыли они, какъ весь Сербскій народъ собирался со всѣхъ концовъ въ Шумадию подъ знамена Карагеоргія и Милоша Обреновича, какъ жертвовалъ всѣмъ своимъ имуществомъ и дрался съ Турками. Въ то время въ Шумадиі не было ни пушекъ, ни солдатъ; за то гайдуки были первые въ бою войны: они внезапно появлялись тамъ, гдѣ ихъ не ожидали Турки, и наводили на нихъ страхъ. Вся Сербская земля была ими переполнена. Какъ горные соколы, ихъ четы (отряды) слетались изъ Босны, Герцеговины, Старой Сербіи и Черной Горы на защиту своихъ братьевъ. Прежніе

Шумадинскіе Сербы были не то, что нынѣшніе ихъ поглавари: они дѣлились всѣмъ и помогали другъ другу, не спрашивая, кто откуда родомъ, чей сынъ, чѣмъ занимается, богатъ, или бѣденъ; требовались только правда, честность да юначество. При Милошѣ Шумадинскимъ поглаварямъ не приходило въ голову, какъ теперь, подавать помощь врагамъ своего народа.

— Они не посмѣютъ и теперь, сказалъ я, помогать Туркамъ противъ Черной Горы, по тому что побоятся возстанія въ Сербіи. Они знаютъ характеръ Сербскаго народа, и поберегутъ до времени свои головы. Расскажу тебѣ одинъ забавный случай, который могъ произвести страшный народный варывъ. Это было въ мою бытность въ Бѣлградѣ. 1-го Апрѣля, около 10 часовъ утра, пронесся слухъ, что Турки проведутъ черезъ городъ плѣнныхъ Черногорцевъ, скованныхъ и одѣтыхъ, для большаго срама, въ шутовской нарядъ съ ослиными ушами и бычачьими рогами. Турчанки побѣжали съ своими дѣтьми на танацъ (валь) смотрѣть поруганныхъ плѣнниковъ. Между тѣмъ Сербы стали коситься на Чинowników и поговаривать, что они скорѣе всѣ погибнутъ, нежели допустятъ Турокъ провести Черногорцевъ въ крѣпость. Правительство ничего не знало объ этой новости, а народъ готовился къ кровавой схваткѣ. Въ такомъ тревожномъ ожиданіи прошелъ цѣлый день. Что же оказалось? Какой-то Сербъ, на смѣхъ Правительству и Бѣлградскому Пашѣ, обманулъ послѣдняго этой сказкой, а тотъ повѣрилъ ей и, въ избыткѣ радости, поспѣшилъ сообщить Мухамеданамъ, что Турки взяли Черную Гору. Глупцы прождали цѣлый день, голодные, на валу, и уже къ вечеру узнали, что это была шутка 1-го Апрѣля. Сербы отъ души смѣялись и радовались, что одурачили Пашу и Турецкій гарнизонъ. Ты поймешь изъ этого, прибавилъ я, какъ народъ стоитъ за Черногорцевъ, и если бъ эта насмѣшка дѣйствительно оказалась правдой, тогда ни Князь, ни поглавари не спасли бы своихъ головъ отъ Сербскаго народа.

— Отлично, сказалъ мой собесѣдникъ: пусть весь міръ узнаетъ, какъ умны Турки и на сколько они глупы. Маленькія поняли бы, что это шалость 1-го Апрѣля.»

Моимъ товарищамъ очень понравился этотъ рассказъ, и они отъ души осмѣялись надъ Турецкой глупостью.

Между тѣмъ мы очутились на перекресткѣ, гдѣ намъ слѣдовало разстаться съ нашими попутчиками. Ихъ дорога лежала на право, а наша на лѣво. Мы все время шли пѣшкомъ и не видали, какъ быстро пролетѣло время. Наконецъ наступила пора прощаться: они упростили моего извозчика переночевать въ ихъ селѣ, но онъ отказался, и

мы повернули въ сторону. Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ:

— Ну такъ я поѣду съ вами: мы ночуемъ вмѣстѣ и завтра разстанемся.

— Прекрасно! отвѣчалъ я.—Чѣмъ больше друзей, тѣмъ веселѣе.

Итакъ, простясь съ его товарищами, мы втроемъ направились нашею дорогою. Шелъ сильный ливень и было такъ темно, что мы безпрестанно натыкались то на пни, то на кусты. Дорожный предложилъ мнѣ свою лошадь, и я поѣхалъ шагомъ, а оба мои товарища пошли пѣшкомъ. Радавались сильные раскаты грома и часто молнія освѣщала нашъ путь. Мы молчали, пока не выбрались изъ лѣса въ поле. Тутъ спутникъ спросилъ меня:

— Что, братъ, озябъ?

— Нѣтъ, но я промокъ до костей.

— Ничего, мы скоро остановимся на ночлегъ.

Черезъ четверть часа мы очутились въ долину. Новый товарищ велѣлъ намъ остановиться, а самъ пошелъ искать пустой пастушьей хижины, и скоро вернулся съ радостною вѣстью, что нашелъ пріютъ для ночлега. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы остановились.

— Слѣзай, братъ! Пріѣхали. Слава Богу! мы здѣсь отдохнемъ.

Я слѣзъ съ коня. Лошадей разнуздали и привязали длинными веревками къ забору и къ хижинѣ.

— Смотрите, сказалъ я, какъ бы насъ не потащили къ отвѣту за то, что лошади истопчутъ и съѣдятъ траву.

— Не бойся, отвѣчалъ незнакомецъ: я за все буду отвѣчать. Надо только заткнуть колокольчикъ у лошади, а то, пожалуй, онъ пригласитъ немилыхъ гостей. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ Турокъ.

Онъ отыскалъ въ потьмахъ подъ навѣсомъ хижины сухое сѣно чтобы развести огонь и, оборотаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Пойдемъ, братъ, въ хижину.

Приблизясь къ двери, онъ, шутя, стукнулъ и закричалъ:

— Эй, хозяинъ! дома ли ты? Если радъ гостямъ, отвориай дверь! и, засмѣявшись, прибавилъ: «Вотъ какъ крѣпко спать!» Потомъ обшарилъ дверь, просунулъ руку въ щель, и засовъ стукнулъ; онъ толкнулъ ногой, и дверь отворилась настежь. Войдя внутрь жилья, онъ положилъ клокъ сѣна, высѣкъ на трутъ огонь, завернулъ его въ сѣно и велѣлъ мнѣ махать имъ, чтобы раздуть пламя. При свѣтѣ вспыхнувшего сѣна онъ набралъ щепокъ, зажегъ ихъ и хижина освѣтилась. Не довольствуясь этимъ, онъ отыскалъ въ темнотѣ дрова, пригналъ ихъ большую охапку и наломалъ еще разныхъ палокъ около

огорода и забора. Я замѣтилъ ему шутя: «Теперь мы грѣмся, братъ; какъ бы завтра не пришлось намъ дорого поплатиться за свое самоволие.»

— Не безпокойся, возразилъ онъ! Кто ломаетъ, тотъ и отвѣчаетъ; я знаю, что дѣлаю.

При свѣтѣ огня я разсмотрѣлъ внутренность хижины: земляной полъ и бревенчатая стѣны были вычищены; въ трещины проростала трава. Убранство хижины состояло изъ двухъ досчатыхъ кроватей, стульевъ и лавокъ по угламъ, а на стѣнѣ висѣла небольшая круглая софра (столикъ) на четырехъ ножкахъ. На краю очага стоялъ столбикъ съ висѣвшею палкой, на которой было нѣсколько зарубокъ. Это шкрипъ (крюкъ), на который вѣшаютъ котелъ. Когда нужно изготовить на спѣхъ, котелъ спускаютъ на нижнюю зарубку, ближе къ огню; а если время терпитъ, то поднимаютъ его повыше, чтобы варилось исподоволь.

Въ трехъ углахъ хижины висѣли полки, а ниже ихъ деревянные клинья, вбитые въ стѣну вмѣсто вѣшалокъ. На одной полкѣ стояли два горшка. Разсматривая съ любопытствомъ импровизованный ночлегъ, я увидѣлъ въ одномъ углу гусли (родъ однострунной балалайки) и указалъ на свою находку. Спутникъ взялъ ихъ, притащилъ къ огню и, осмотрѣвъ, сказалъ:

— Гусли хороши, но кожа изорвана и гудала, нѣтъ; ихъ надо прежде починить. Кто здѣсь будетъ жить (смычка) и кожу они понадобятся, тотъ ихъ и поправитъ, а намъ еще нужно кое-что приготовить для ночлега.

— Тутъ, кажется, все есть, сказалъ я: вотъ и двѣ кровати; остается только лечь и заснуть.

— Нѣтъ, мы еще долго не ляжемъ спать. Я радъ нашей встрѣчѣ и желаю съ тобой побесѣдовать. Твой товарищъ не хотѣлъ ночевать въ нашемъ селѣ; оно и лучше, по тому что мы поговоримъ здѣсь на свободѣ. Мнѣ досадно было слушать, какъ поступаютъ въ Бѣлградѣ Сербскіе поглавари, старшины и даже самъ Князь. Ты кое-что еще поразскажешь, а послѣ я тебѣ сообщу то, чего ты не знаешь; но прежде надо приготовить постели, потомъ повечерять, а тамъ уже наговоримся до сыта.

Въ это время вошелъ мой проводникъ, привѣтствуя насъ:

— Добрый вечеръ, братья!

— Богъ тебѣ на помощь, отвѣчали мы. Счастливыи ночлегъ дай тебѣ, Боже, вмѣстѣ съ нами!

Онъ спросилъ, вносить ли товаръ (поклажу) въ хату, но дорожный посовѣтовалъ положить его подъ навѣсъ.

— Пусть лежит тамъ до завтра, его никто не тронетъ. Здѣсь одни только водки да зайцы рыщутъ. Развѣ гайдукъ зайдетъ выпить и налить водки въ свою чутуру (флягу): такъ онъ не обидитъ Христiянина, особенно селяка, и что возьметъ, заплатитъ золотомъ, или серебромъ.

— А если Турки нахлынутъ сюда? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: деньги давай, не пойдутъ; они и днемъ не показываютъ носа въ этихъ трущобахъ, а не то—возмутъ проводника изъ селяковъ.

— Кого же они боятся?

— Конечно, гайдуковъ.

— Въ такомъ случаѣ, какая имъ польза отъ селяка?

— Гайдуки не тронутъ Турокъ, если ихъ провожаетъ Сербъ, по тому что, въ случаѣ нападенiя на нихъ, они прямо скажутъ, что проводникъ нарочно завелъ ихъ въ западню, и тогда бѣдняку будетъ бѣда.

— Случается ли теперь, что гайдуки убиваютъ?

— Какъ же! Вотъ недавно въ селѣ Штербцы они застрѣлили двухъ наповалъ, а въ прошломъ году одного убили, а другого ранили на Рудинѣ, недалеко отъ Кратова.

— За что они убиваютъ Турокъ?

— За то, что Турки, какъ бѣшенныя собаки, не знаютъ границъ своему звѣрству. Они, когда вздумается, нападаютъ и отнимаютъ все, что имъ понравится; безчестятъ женщинъ и дѣвицъ и убиваютъ невинныхъ людей. Въ былое время, когда Христiяне также носили оружіе, Турки боялись, чтобы селъчане опять не возсгали противъ ихъ ига, какъ было въ Шумадiи при Карагеоргiи и Милошѣ Обреновичѣ, когда Сербскiй народъ велъ многолѣтнюю борьбу, проливалъ кровь и умиралъ на кольяхъ, но не хотѣлъ сдаваться живымъ. Наши потурицы и всякiй здѣшнiй сбродъ очень хорошо это помнили и сдерживали свое неистовство. Теперь не то, и если бы не гайдуки, то плохо пришлось бы нашему брату.

— Отъ чего же вы не жалуетесь на этихъ разбойниковъ? По Султанскому гаттигумаюну всѣ равны на судъ и предъ закономъ.

Прiятель съ улыбкой взглянулъ на меня и, не отвѣчая на мои слова, сказалъ:

— Погоди, братъ: я прежде устрою постели, чтобъ было помягче и получше лежать, потомъ помолимся и поужинаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ, если тебѣ не будетъ въ тягость, проговоримъ до самаго утра.

Онъ подошелъ къ другой кровати, и сталъ будить моего возницу, уснувшего подъ нашъ разговоръ.

— Эй, побратиме, вставай! Посиди немножко съ этимъ братомъ, а я пойщу что постлать на кровати, чтобы вамъ обоимъ мягко было спать.

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ хаты, а дремавшій товарищъ спросилъ меня:

— Хвала Богу! Какой теперь часъ ночи?

— Должно быть за полночь, отвѣчалъ я.

Онъ вышелъ посмотреть лошадей и, вернувшись, сказалъ:

— Дай-ка, братъ, твоего хорошаго табачку, покуримъ отъ скуки. Я подаю ему кисеть. Онъ набилъ трубку, и мы закурили.

— Откуда ты братъ? спросилъ я его.

— Изъ села Тоци, въ Герцеговинѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— А на что тебѣ знать? Я не спрашиваю про твое имя: съ меня довольно знать, что ты Христiанинъ, одного со мной закона.

Пока я съ нимъ разговаривалъ, дверь хижины отворилась, и нашъ попутчикъ втащилъ большую охапку сѣна, разостлалъ его на обѣ кровати и накрылъ попонами.

— Теперь хорошо будетъ спать; сѣно только немножко сыро, зато лучше будетъ пахнуть. Теперь умоемъ руки, помолимся Богу и поужинаемъ, а послѣ того, братъ, побесѣдуемъ.

Но въ хижинѣ не было воды; онъ взялъ съ полки горшокъ, вышелъ и скоро вернулся съ водой.

— Чистъ ли горшокъ? спросилъ я. А то бы я напился воды

— Пей, сколько угодно, отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ горшокъ.— Я ручаюсь за его чистоту. Тутъ все постная посуда, которая осталась послѣ пастуховъ. Переходя на другое мѣсто, они, обыкновенно, чистятъ хижину и моютъ всю посуду; нечистую они разбили бы, чтобы кого не опоганить, по тому что это грѣхъ. Не бойся, я все таки вымылъ горшокъ, прежде чѣмъ налилъ въ него воды. Пей свободно! При этихъ словахъ онъ плеснулъ немного воды на огонь, приговаривая что-то про себя.

— За чѣмъ ты это дѣлаешь? спросилъ я его.

— Такъ надо, отвѣчалъ онъ. Теперь глухое время, и когда берешь воду въ потьмахъ, надо налить ее немного на огонь. Пей, братъ! Здѣсь вода хороша.

Послѣ этого мы подали другъ другу умыть руки изъ горшка и

начали молиться. Мой проводникъ, какъ старшій лѣтами, сталъ впереди насъ, обратясь къ востоку, и каждый про себя прочелъ молитву, какую зналъ. Наконецъ мы усѣлись предъ горящимъ огнемъ.

— Слава Богу! произнесъ встрѣчный товарищъ. — Мы сдѣлали главное дѣло, помолились.

— Не выпить ли намъ теперь по рюмочкѣ? сказалъ проводникъ.

— Я давно объ этомъ думаю, возразилъ дорожный, и вытащилъ изъ угла свои мѣшки. — Посмотримъ, братья, что мнѣ наклала жена родня. Коли Богъ привелъ намъ вмѣстѣ ночевать, то вмѣстѣ и поужинаемъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Мой проводникъ также взявъ свой узелокъ, но дорожный остановилъ его: «Ты, побратимъ, побереги свое на завтрашній день: твой путь далекъ.» И сталъ вынимать изъ мѣшка чутуру,* погачу (прѣсный хлѣбъ) и вкусную сушеную рыбу.

— Съ насъ и этого довольно, а неостанетъ, такъ понцемъ еще, Моя пуница (теща) много всего наклала женѣ и дѣтямъ; но не тотъ, кому сказано, а тотъ, кому суждено, пусть и кушаетъ. Намъ пришлось вмѣстѣ ночевать, вмѣстѣ и закусимъ по братски, чѣмъ Богъ послалъ.

Напрасно мы уговаривали его поберечь гостинцы, назначенные его семейству: онъ снялъ висѣвшую на стѣнѣ софру, поставилъ ее посреди хижины, положилъ на нее хлѣбъ, рыбу и флягу съ водкой и, разставивъ кругомъ стульчики и лавочки, сказалъ: «Пожадуйте, братья, присядьте къ столу!» Мы было отказывались, но онъ замѣтилъ, что отъ хлѣба и соли грѣшно отказываться. Мы перекрестились и сѣли по старшинству: проводникъ на первомъ мѣстѣ, я возлѣ него, а потомъ и самъ хозяинъ, угощавшій насъ. Онъ предложилъ моему попутчику разрѣзать, или разломить, хлѣбъ. Последнiй долго отказывался, но, по убѣдительной просьбѣ, вынулъ изъ за пояса ножъ и сказавъ: «Помоги, Боже, въ добрый часъ!» перекрестилъ хлѣбъ ножомъ и отрѣзалъ кусокъ сперва мнѣ, потомъ добродушному сотоварищу и напоследокъ себѣ.

По обычаю Сербскихъ поселянъ, изъ уваженiя къ гостю, ему подавали непочатый хлѣбъ, чтобъ онъ его разрѣзалъ и раздѣлилъ всѣмъ, сидящимъ за столомъ. Гость за трапезой считался первенствующимъ лицомъ: онъ первый бралъ кушанье и первый выпивалъ рюмку вина,

* Чутура, круглая фляга съ высокимъ узкимъ горломъ, которое плотно закрывается винтовою крышкою.

а за нимъ уже и прочіе по старшинству. Въ семейномъ быту это право первенства принадлежало, по народному понятію, старшимъ лѣтами, или старшинѣ семейства; рѣзать мясо уступалось тому, кто былъ половчѣе. Нашъ собесѣдникъ занялся рыбою, и когда все было готово, предложилъ моему проводнику чутуру. Тотъ опять сталъ отговариваться, наконецъ взялъ ее, перекрестился и сказалъ:

— Пусть такъ идетъ на десную руку. Потомъ опустилъ сосудъ на столъ, говоря: Итакъ, мнѣ надо первому пить?

— Распоряжайся, брате, какъ у себя дома, промолвилъ дорожный.

Попутчикъ взялъ опять чутуру и сталъ приговаривать:

— Помоги намъ Богъ и Святая Богородица, чтобы счастливъ былъ нашъ вечеръ, счастлива наша встрѣча и знакомство, счастливъ нашъ ночлегъ! Какъ мы во здравіи повечеримъ, такъ дай намъ, Богъ и Пресвятая Богородица, и свѣта дождаться во здравіи! Да сохранить насъ Богъ отъ всякой бѣды и напасти, видимой и невидимой, и отъ всякаго дьявольскаго навожденія! Да не дастъ милосердый Богъ и Пресвятая Богородица власти дьяволу надъ нами грѣшными! Да покроетъ насъ Богъ и Святая Богородица покровомъ своимъ на всякомъ мѣстѣ и защититъ насъ щитомъ Своимъ! Да сохраняютъ насъ Ангелы, Божіи слуги, своею милостью отъ злодѣя, нечистаго духа и отъ всякой муки и неволи, и да избавятъ насъ отъ всякаго зла и напасти!

При каждомъ возгласѣ мы произносили: «Аминь! Дай Богъ и Пресвятая Богородица!»

Послѣ этихъ словъ, онъ повернулся ко мнѣ на право и сказалъ:

— Пусть здравица обходитъ насъ съ правой руку, при помощи Бога и Святой Богородицы. Будь здоровъ, дорогой братъ!

— Богъ да пошлетъ тебѣ здоровье, отвѣчалъ я.

Онъ поднесъ чутуру къ губамъ и выпилъ. Дорожный товарищъ, положи руку на грудь и, слегка наклоня голову, сказалъ:

— На здоровье, братъ!

Я то же повторилъ за нимъ. Проводникъ поклонился и, подавая мнѣ вино на правую сторону, сказалъ:

— Дай Богъ вамъ и всей братіи Христіанской много лѣтъ жить и здравствовать!

Я взялъ флягу и извинился, что не знаю никакихъ приличныхъ случаю привѣтствій. Оба товарища разсмѣялись и сказали:

— Если не умѣешь приговаривать, то навѣрно умѣешь пить. Какъ знаешь, такъ и говори!

Я повернулъ чутуру и произнесъ:

— Помоги, Богъ, въ добрый часъ! Счастливыи вечеръ! Братская любовь да будетъ между нами!

Потомъ продолжалъ, обращаясь поочередно къ тому и другому:

— Будь здоровъ, братъ!

А они отвѣчали:

— Дай, Богъ, тебѣ много лѣтъ жить и здравствовать!

Когда я выпилъ, они оба закричали:

— На здоровье!

А я сказалъ по народному обычаю:

— И вамъ дай, Богъ, здравствовать, и передалъ чутуру на правую руку хозяину стола.

Онъ принявъ ее и сказалъ мнѣ:

— Какъ же ты говоришь, что не умѣешь пить здравицу, а между тѣмъ ты лучше меня знаешь нашъ обычай? Намъ трудно выучиться тому, что ты знаешь, — прибавилъ мой попутчикъ: — пусть этимъ займутся наши младшіе; но если Богъ тебѣ приведетъ пожить съ нашими братьями, ты выучишься тому, что мы знаемъ.

Встрѣчный пріятель, принявъ отъ меня чутуру, извинялся тоже, что не умѣетъ краснорѣчиво говорить, но хвалился въ шутку своимъ искусствомъ пить, упрекалъ насъ въ излишней церемоніи и сказалъ:

— Богъ привелъ насъ провести вмѣстѣ нынѣшнюю ночь; завтра мы разстанемся; но крайней мѣрѣ оставимъ другъ другу добрую память о себѣ. Я такъ радъ, что мы сошлись въ безлюдномъ мѣстѣ; за то поговоримъ свободно обо всемъ, что близко нашему сердцу.

При этихъ словахъ онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Что дѣлать! Пришло такое время, что опасно принять въ свой домъ хорошаго человѣка. Душа жаждетъ поговорить о своемъ народномъ горѣ, раздѣлить по братски все время и угостить по старинному обычаю, а между тѣмъ боишься за свою голову. Вотъ какое настало проклятое житье! Самъ не знаешь, останешься ли цѣлъ. Прийдешь ли вечеромъ домой, усталый съ дороги, или придешь съ полевой работы, а сердце дрожитъ, все ли въ домѣ благополучно. Такъ и боишься, какъ бы дорогой не наткнуться на бѣду и не застать у себя незванныхъ бышенихъ Турокъ и другихъ бродягъ. Иной разъ все спокойно, весело, здорово и думаешь: «Слава Богу! нынче нѣтъ пескіяна» (нечистаго); сядешь, начнешь разговаривать съ челядинцами (семействомъ), какъ вдругъ услышишь конскій топотъ, стукъ оружія и незнакомые голоса. Не успеешь выйти изъ дома, а толпа ужъ окружила его. Турки бормочатъ по своему. Если скотъ дома, бросаются на него какъ волки, въ загонъ тащатъ и рѣжутъ его, или до-

мають двери у клітей, гдѣ спять женатыя со своими семействами... Вотъ какъ живутъ люди, гдѣ царствуетъ Турокъ; никто еще въ прежнее время не переживалъ въ Сербской землѣ такого насилія, какъ теперь. Я боялся, дорогіе братья, пригласить васъ къ себѣ, и рѣшился скорѣе ночевать съ вами здѣсь, въ пустомъ полѣ, нежели подвергнуть опасности васъ и себя съ своимъ семействомъ. У меня нашлось бы чѣмъ получше угостить васъ, не смотря на то, что Турки то входятъ, то выходятъ изъ дома и тащатъ что ни попаало; но: «Сила ломить, Бога не молить.»

— А что жъ бы мнѣ сдѣлали Турки, спросилъ я, если бъ увидали меня въ твоёмъ домѣ, или у кого другого въ вашемъ селѣ?

— Ничего хорошаго, да и мнѣ, пожалуй, пришлось бы плохо.

— Отъ чего?

— Турки, нахлынувъ ко мнѣ ночью и увидавъ тебя, спросили бы, что ты за человѣкъ, откуда? Узнавъ, что ты изъ Сербіи, они сейчасъ бы тебя схватили и повели къ своему старшему, а мнѣ велѣли бы явиться туда на другой день, или пти съ тобой. Едва бы они вывели тебя за какую горку, такъ бы и свалилась съ плечъ твоя голова, а разбойникъ, тебя убившій, получилъ бы большую часть изъ твоего имущества и былъ бы награжденъ чиномъ. Твоего товарища также бы взяли и засадили въ темницу, а лошадей и товаръ забрали бы въ казну. Меня связали бы и послали къ Мудиру, а тотъ куда ни будь еще подальше, и тогда прощай мой домъ навсегда! Но довольно говорить объ этомъ: самъ увидишь, когда поживешь въ Турецкомъ Царствѣ. Выпьемъ-ка во имя Божіе! Если Богъ поможетъ, намъ никто ничего не сдѣлаетъ. Не такъ ли, дорогіе братья?

Извиняясь, что долго задержалъ насъ своимъ разговоромъ, онъ взялъ чутуру и началъ также, въ свою очередь, приговаривать очень складно, приемами, что продолжалось болѣе четверти часа:

— Вы, братья, молились Богу, какъ умѣли; теперь мой чередъ исполнить этотъ долгъ; извините, если буду нескладно говорить. Помогни, Боже и Святая Богородица, въ добрый часъ намъ повечерить! Да будутъ счастливы наша встрѣча и нашъ ночлегъ, наше знакомство и бесѣда, да будетъ счастливъ нашъ ужинъ! и т. д.

Мы приговаривали: «Аминь! Помогни, Боже и Мати Божія!»

А онъ, передавая водку товарищу, отвѣчалъ:

— Дай вамъ Богъ много лѣтъ жить и здравствовать!

Выпивъ по разу, мы, по просьбѣ нашего дорожнаго пріятеля, замѣнявшаго намъ радушнаго хозяина, немного закусили. Онъ сталъ опять почитать водкой по старшинству, и мой товарищъ предложилъ

здравицу, также въ приемахъ, за здоровье хозяина, его семейства, дома, поля, скотнаго двора:

— Помоги тебѣ, Богъ и Пресвятая Богородица! Эту другую пьемъ за твое здоровье, твоего семейства, твоего рода, твоей хозяйки и дѣтей, всѣхъ твоихъ кумовьевъ и добрыхъ друзей! Какъ мы молились, такъ да услышать нашу молитву милосердый Богъ и Пресвятая Богородица! Дай Богъ, братъ, чтобы ты угощалъ въ своемъ домѣ гостей и весело ихъ принималъ! Да умножить Богъ и Пресвятая Богородица своею милостию все, что ты здѣсь на насъ потратилъ въ нынѣшней вечеръ! Пусть все будетъ весело и здорово въ твоемъ домѣ, на скотномъ дворѣ прибыльно, въ полѣ плодородно и обильно! Да дастъ тебѣ Богъ и Пресвятая Богородица во всемъ счастье и успѣхъ; да утвердятся въ твоемъ домѣ добрый примѣръ, согласіе и такая же любовь, какъ между хлѣбомъ и солью! Да сохранитъ Богъ тебя и весь твой родъ отъ пожара въ домѣ, отъ злодѣя и нечистаго на всякомъ мѣстѣ, и да будетъ Онъ въ помощь тебѣ днемъ и ночью съ твоими домашними, чтобы ты хвалился и величался между Христіянами-братьями! Да пошлетъ тебѣ Богъ и Пресвятая Богородица здоровье и всякое благополучіе въ домѣ, но болѣе всего любовь, согласіе и послушаніе между домашними! Да сохранитъ твой скотъ отъ хищнаго звѣря и злого челоуѣва, а полевой урожай отъ непогоды, солнечнаго жара, наводненія и градобитія! Да спасетъ Богъ тебя и твоихъ домашнихъ отъ супостата и нечистаго въ домѣ и въ полѣ, на пути, на судѣ и на всякомъ мѣстѣ! Да сбережетъ Богъ и Пресвятая Богородица твоё стадо отъ волковъ и Турокъ, на дворѣ, на пастбищѣ, въ лѣсу и въ долинѣ, на корму и на равнинѣ!

Окончивъ свою безыскусственную рѣчь, обильную душевной теплотой, кириджія взглянулъ на меня, поднялъ чутуру и сказалъ:

— Будь здоровъ, брате! въ добрый часъ! Пусть чаша идетъ на правую руку своимъ чередомъ и порядкомъ, какъ и всегда она обходитъ счастливыхъ и доблестныхъ братьевъ. За здоровье нашего хозяина! Мы пьемъ эту здравицу за его домъ и за благополучіе его семейства, его стада и всего имѣнія. Да сохранять его на всякомъ мѣстѣ и да будутъ ему въ помощь Богъ и Пресвятая Богородица!

Я отвѣчалъ: «Аминь.»

Онъ, приподнявъ чутуру, выпилъ при обычномъ возгласѣ: «На здоровье! Дай Богъ вамъ и всей Христіанской братіи на много лѣтъ жизни и здоровье!» и послѣ того передалъ ее мнѣ. Я задумался немного, не зная, что говорить; наконецъ ограничился простымъ пожеланіемъ: «За твое здоровье, хозяинъ, и всего твоего семейства!» и,

прихлебнувъ немного, возвратилъ ему чутуру. Онъ выпилъ сперва за здоровье моего попутчика и его семейства, потомъ за мое и за благополучное окончаніе нашего пути, и передалъ опять водку товарищу. Мы принялись закусывать, послѣ чего дорожный предложилъ новую здравицу во имя Бога и Святой Троицы. Селякъ обѣнилъ себя крестомъ и произнесъ:

— Мы уже выпили двѣ здравицы; третью выпьемъ во имя Божіе и Святой Живоначальной Троицы, и помолимся, чтобъ Она помогла намъ въ лѣсу, въ горахъ, на сушѣ, на морѣ и на всякомъ мѣстѣ, и услышала нашу молитву, гдѣ бы мы ни призвали Ея пресвятое имя!

Мы по обыкновенію отвѣтили: «Аминь, Боже и Святая Троица!»

Я отказывался выпить на этотъ разъ, но они оба замѣтили, что я не долженъ отступать отъ народнаго обычая пить здравицу во имя Святой Троицы. Дѣлать было нечего: я выпилъ немного и отдалъ чутуру ея владѣльцу. Когда пришла его очередь, онъ сталъ при этомъ перечислять монастыри, пустыни, церкви, всѣ Божіи храмы раззоренные и оскверненные Турками, просилъ, чтобы Богъ и Живоначальная Троица сохранили, обновили и очистили ихъ отъ враговъ, молился за весь Сербскій народъ, за старцевъ и младенцевъ, и потомъ, немного помолчавъ, сказалъ:

— За здоровье Черногорскаго Князя, Зека-Даніила! Да поможетъ ему Господь и его войску сокрушить Пексіяна, и да соединятся всѣ Сербскія племена подъ знаменами своихъ предковъ! Тутъ онъ очень кстати помянулъ и Сербскихъ юнаковъ, гайдуковъ и всѣхъ храбрыхъ витязей.

Я записывалъ карандашемъ кое-что изъ приговорокъ моихъ товарищей, но многое пропустилъ, по тому что не успѣвалъ слѣдить за ними, а отъ части и отъ того, что въ нихъ пробудилось нѣкоторое ко мнѣ подозрѣніе. Послѣ ужина я нѣсколько дополнилъ съ ихъ словъ сдѣланные пропуски.

Мнѣ всего удивительнѣе было услышать въ здравицѣ имена Князя Милоша Обреновича и его сына и наследника Михаила. Въ независимой Сербіи или Шумадиі, гдѣ въ то время княжилъ Александръ Карагеоргіевичъ, строго за это взыскали бы. Тотъ, кто, по нечаянности, или по незнаію, произносилъ имена Обреновичей, подвергался жестокому преслѣдованію со стороны властей и чиновниковъ Карагеоргіевича, и хотя всѣмъ извѣстно было, что Милошъ и сынъ его живы, однако Сербскому управленію выдавали ихъ за умершихъ. Не такъ думали Сербы, живущіе на юго-западной границѣ Княжества и въ Турецкихъ владѣніяхъ. Находясь въ тѣсныхъ между собою сношеніяхъ

и одинаково страдая отъ Турецкаго и Сербскаго управленія, они знали и передавали другъ другу все, что дѣлалось въ Турціи и въ Сербіи. Такъ и я въ этотъ вечеръ узналъ отъ селяковъ многое, о чемъ не слыхалъ ни въ Бѣлградѣ, ни въ другомъ Сербскомъ городѣ.

Когда дорожный предложилъ здравіцу за Милоша и Михаила Обреновичей, я ему замѣтилъ, что ихъ нѣтъ въ живыхъ.

— Какъ нѣтъ? возразилъ онъ съ живостью. — Неправда! Карагеоргіевичъ съ Вучичемъ убили много честныхъ Сербовъ, а другихъ выдаютъ за умершихъ, но они все таки живутъ имъ на зло. Не всегда такъ бываетъ, какъ злые люди думаютъ, а какъ хочетъ Богъ. Ты увидишь, что Милошъ скоро опять будетъ Княземъ въ Шумадіи.

Послѣ ужина нашъ собесѣдникъ вымылъ столикъ водою, вытеръ его сѣномъ и повѣсилъ на прежнее мѣсто, а крошки вымелъ метлой. Мы, по народному обычаю, перекрестились и поблагодарили нашего радушнаго пріятеля. Я закурилъ трубку, а попутчикъ пошелъ посмотреть своихъ лошадей. Не много времени спустя онъ вернулся назадъ и сказалъ:

— Дождь все еще идетъ; не извѣстно теперь, какое время ночи; нигдѣ не слыхать пѣтуховъ. Здѣсь и не услышишь ихъ, а надо ждать блага дня. Впрочемъ, я желаю, чтобы нынѣшняя ночь была подлиннѣе: мнѣ хочется побольше поговорить съ этимъ братомъ.

И онъ указалъ на меня.

— Ну, а мнѣ надо немного уснуть, возразилъ кириджія, чтобы выѣхать завтра пораньше и скорѣе перебраться черезъ рѣку Лимъ въ Герцеговину. Я три ночи не спалъ; голову такъ и тянетъ къ землѣ и сонъ одолеваетъ. Побесѣдуй ты, пожалуйста, съ нашимъ братомъ, и научи его, какъ надо вести себя съ Турками.

При этомъ онъ рассказалъ ему приключенія мои въ Вардиштѣ. Тотъ съ удивленіемъ покачалъ головой и обратился ко мнѣ съ упрямствомъ:

— Ну, братъ, если ты такъ будешь разговаривать съ Турками, то не сбережешь тебѣ своей головы. Они хуже звѣрей, и въ своей глупости ничего не понимаютъ. И была же тебѣ охота имъ показывать и объяснять свои книги, когда они терпѣть не могутъ не только читать, даже видѣть книги. Особенно они ненавидятъ Христіанскія книги; но ихъ мнѣнію, ихъ писалъ шайтанъ, и они считаютъ добрымъ дѣломъ убить человека у котораго ихъ найдутъ. Послушайся меня, брось свои книги: или возвратись въ Шумадію: не то тебѣ будетъ худо.

Пока мы разговаривали, мой проводникъ задремалъ и легъ спать;

словоохотливый товарищ предложил мнѣ также лечь на другую постель, прибавилъ въ свѣтецъ еще лучины, чтобы ярче горѣла, пододвинулъ стулъ ближе къ кровати и сказалъ:

— Мы цѣлый вечеръ провели вмѣстѣ, а я не спросилъ тебя, гдѣ ты родился, но по разговору вижу, что ты изъ нашихъ мѣсть. Кто твой отецъ?

Я ему сказалъ.

— Знаю, знаю. Давно ли ты ушелъ изъ своего дома?

— Двѣнадцать лѣтъ я не видалъ своихъ, и теперь иду къ нимъ.

— Такъ вотъ что я тебѣ скажу по братски: завтра же ступай назадъ, чтобы своимъ приходомъ не погубить отца и всей семьи. Ты не повѣришь, какъ теперь опасно здѣсь, и бѣда тому, съ кѣмъ ты поговоришь, или у кого ночуешь. Я знаю твоего отца и всю твою родню, пойду къ нимъ и скажу, что видѣлся съ тобой.

— Не трудись, братъ: останусь здѣсь. Я не буду вмѣшиваться въ Турецкія дѣла, займу гдѣ ни будь ученіемъ дѣтей, и меня никто не тронетъ. Я двѣнадцать лѣтъ прожилъ въ Сербіи и не здѣшній подданный; значить, могу возвратиться туда во всякое время. Турки не посмѣютъ притѣснить меня: я имѣю Сербскій паспортъ...

— Который ни къ чему не годится. Его возьмутъ и разорвутъ, а съ тебя голову долой и получаютъ за то бакшишъ (подарокъ) отъ Мудира; скажутъ, что тамъ-то поймали и убили гайдука, который двѣнадцать лѣтъ скрывался въ дѣсу. Этого мало: обвинять въ твоёмъ укрывательствѣ родныхъ, потянуть ихъ въ Меджлисъ, и тогда бѣда! Я вижу, ты упрямя и рѣшился играть своей головой; иди, куда тебя зоветъ судьба; ночуй, по крайней мѣрѣ, постоянно въ ханѣ (на постояломъ дворѣ). Не вовлекай другихъ въ бѣду, и если пострадаешь, люди не проклянутъ тебя мертвого.

Я задремалъ, почти не слышалъ послѣднихъ словъ товарища, который вышелъ изъ хижины. Не много погодя онъ вошелъ и сказалъ:

— Уже занимается заря отъ востока; пора будить этого брата. Эй, побратиме! Вставай! Заря забѣлѣла; скоро утро; уже свѣтаетъ.

Помолясь на востокъ, мы привѣтствовали другъ друга: «Съ добрымъ утромъ! Богъ въ помощь тебѣ! Счастливыи день! Аминь! Дай Боже!

Кириджія привелъ своихъ лошадей съ водою, привязалъ къ забору и оглядѣлъ, всё ли у нихъ подковы на ногахъ. Я смотрѣлъ на его приготовленія, а дорожный, войдя въ хижину, вынулъ изъ своихъ мѣшковъ хлѣбъ и чутуру и сталъ опять насъ почтивать. Мы отговаривались раннимъ временемъ, но онъ усердно убѣждалъ насъ, говоря:

«Пожалуйте, пора позавтракать. Кто раньше завтракает и раньше женится, тотъ никогда въ томъ не раскаивается.» Мы уступили егъ просьбѣ и вошли за нимъ въ доиъ. Столикъ стоялъ опять по прежнему; мы усѣлись и немного закусили, но безъ всякихъ приговорокъ: только выпили за счастливый день, за счастливый путь и за счастливое возвращеніе встрѣчнаго пріятеля въ его село. По окончаніи завтрака онъ опять вытеръ столикъ и повѣсилъ на мѣсто, подмелъ хижину, задилъ со всѣхъ сторонъ огонь водою, замелъ очагъ и поставилъ горшки и прочія вещи на ихъ прежнія мѣста.

— Довольно убирать, сказалъ я: кто придетъ ночевать, тотъ и приберетъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ: намъ пріятно было найти все чистымъ и на мѣстѣ. Пусть и другой кто придетъ сюда на ночлегъ, скажетъ, что здѣсь ночевали хорошіе, чистоплотные люди. У меня не убавится силы въ рукахъ, а лучше когда помянуть добрымъ словомъ и не наплюютъ на нашъ слѣдъ.

Когда все было готово и убрано, мы перекрестились, говоря: «Помоги, Боже! Дай Богъ добрый часъ!» и стали выносить свою поклажу. Войдя въ послѣдній разъ въ хижину за остальными вещами, мои товарищи сказали: «Оставайся домъ и счастливое твое огнище! Да проститъ Богъ того, кто тебя построилъ, если онъ умеръ, а если живъ, пусть будетъ счастливъ и здоровъ!»

Перейдя черезъ порогъ, спутникъ притворилъ дверь и ваперъ ее по прежнему, потомъ привелъ своего коня и сталъ его готовить въ дорогу. Мой проводникъ тоже возился около своихъ лошадей, а я стоялъ и спокойно курилъ трубу. Дорожный, уложивъ свои вещи, пошелъ помогать товарищу, вытащилъ изъ подъ навѣса кожаные мѣхи съ водкой и каменную соль и вдвоемъ стали выучить по очереди лошадей, положивъ кладъ на самаръ (родъ вьючнаго сѣдла) и туго привязавъ ее веревками. Умныя животныя, привыкшія къ такимъ операціямъ, не шевелились. Послѣ того проводникъ заткнулъ поводъ сверхъ поклажи, чтобъ онъ не щипали травы, вынулъ сѣно изъ колокольчика, висѣвшаго на шеѣ передовой лошади, и закричалъ: «Ди, воронко!» Передовая тронулась, за ней послѣдовали другія двѣ, а мы пошли сзади.

II.

Дорожный велъ своего коня за поводъ. Выйдя на большую дорогу, нашъ караванъ направился въ ту сторону, куда лежалъ нашъ путь, и колокольчикъ бойко зазвенѣлъ.

Отойдя немного отъ ночлега, встрѣчный пріятель опять заговорилъ со мной:

— Итакъ ты, братъ, рѣшился непременно ити этой дорогой?

— Да, если, дастъ Богъ, я буду живъ и здоровъ.

— Въ добрый часъ! Счастливыи путь! А лучше бъ было, если бы ты отказался отъ своего безразсуднаго намѣренія: Сербская межа отсюда не далеко; иди прямо на эту гору, тамъ ты покажешь свой паспортъ Сербскимъ пандурамъ, и они тебя пропустятъ. Это будетъ гораздо умнѣе, нежели ити прямо въ глотку волкамъ. Не хочешь ити одинъ, вернемся на вчерашній ночлегъ; я оставляю тамъ своего коня и проведу тебя, гдѣ безопаснѣе, а тамъ ужь нечего бояться, когда перейдешь за линію.

Я отказался.

— Ты не вѣришь моей опытности, считаешь глупыми мои слова; но я, зная впередъ, что тебя ожидаетъ на этомъ пути, какъ чело-вѣкъ Христіанской вѣры и какъ братъ по народной крови, обязанъ тебя предостеречь отъ нечистыхъ. Прежде всего бойся словъ, какъ огня, не знакомься съ неизвѣстными людьми и не входи съ Турками въ разговоръ, какъ бы они ни прикидывались твоими доброжелателями. Если тебѣ случится быть въ Меджлисъ (Окружномъ Судѣ), болѣе всего молчи, и на вопросъ Турокъ, что дѣлается въ Шумадіи, говори: «Не знаю: я учился и пришелъ сюда, чтобы быть учителемъ гдѣ ни будь въ Царской землѣ и въ Царскомъ здоровьи.» Не бери, если тебѣ предложатъ, Турецкій паспортъ, а возмешь, все таки бери свой и не отдавай его; скажи, что ты имѣешь искъ въ Шумадіи, и для того взялъ Сербскій паспортъ, чтобы со временемъ выиграть свое дѣло.

— За чѣмъ Туркамъ мой паспортъ, перебилъ я его, когда ты самъ говоришь, что онъ не имѣетъ никакой силы въ Турецкомъ Государствѣ?

— За тѣмъ, чтобы удобнѣе убить тебя, и они это сдѣлаютъ такъ ловко, что тебѣ въ голову не придетъ, что Турки твои злѣйшіе враги. У тебя возмуть Сербскій паспортъ, и дадутъ Турецкій йолъ-тескеръ, будто бы для свободнаго прожитія въ Царской землѣ, а на самомъ дѣлѣ онъ будетъ для тебя ловушкой: Мудиръ пошлетъ въ слѣдъ за тобой негодяевъ, которые убьютъ тебя, и получатъ бакшишь. Послѣ донесутъ, что застрѣлили гайдука, или подозрительнаго чело-вѣка, который шлялся по нахи (округу) и подговаривалъ народъ къ позстанію противъ Мусульманъ; представлять даже свидѣтелей, которые подтвердятъ все сказанное. Мудирю Правительство выразитъ за это

аферимъ, а убійцамъ дадутъ награду—дюжину патроновъ и т. п. Сербскій паспортъ въ одномъ только случаѣ можетъ быть тебѣ полезенъ: когда Турки, снабдивъ тебя своимъ тескеромъ, укажутъ, по какой дорогѣ ѣхать, ты постарайся, во чтобы то ни стало, обѣжать прямо къ Сербской границѣ. Тамъ стоитъ только показать Сербскій видъ, и тебя пропустятъ, а безъ него выдадутъ Туркамъ по ихъ требованію, и тебѣ останется на выборъ или неминуемая смерть, или переѣзна закона, или ссылка, Богъ вѣдаетъ куда. Въ былое время, когда Милошъ Обреновичъ былъ Шумадійскимъ Кнезомъ, Турки не смѣли трогать пріѣзжавшихъ оттуда Сербовъ, а теперь имъ все равно, есть ли у кого, или нѣтъ, Сербскій паспортъ; они дѣйствуютъ по своему произволу.

— Неправда, сказалъ я, Турки ничего не посмѣютъ сдѣлать мнѣ. Самъ Султанъ издалъ гаттигумаюнъ, по которому каждый можетъ свободно ити, куда угодно, открывать школы, строить и поправлять ветхія церкви; по этому Указу всѣ равны передъ судомъ, и Мусульмане и Христіане. Я ничего не боюсь, а если меня тронутъ, я найду, кому жаловаться и у кого искать защиты.»

Онъ сердито посмотрѣлъ на меня и возразилъ: «Ты, какъ видно, человекъ безумный: тебѣ говорятъ одно, а ты другое. Я предупреждаю тебя по душѣ и совѣсти, какъ брата, о грозящей тебѣ опасности на этомъ пути, а ты надѣешься на какой-то Султанскій Указъ, толкуешь о равноправности на Турецкомъ судѣ, да еще грозишь кому-то жаловаться на притѣснителей. Нѣтъ, когда молитва не помогаетъ безумнымъ, не надо ему навязывать ее насильно. Закуримъ лучше, продолжалъ онъ; я вижу, ты упрямая голова; нечего и говорить; попадешься въ бѣду, тогда вспомнишь меня; теперь дѣлай, какъ знаешь самъ: твоя воля, твоя голова, не правда ли?»

— Правда отвѣтилъ я, что Богъ дастъ—видно будетъ!

Во время нашего разговора проводникъ ушелъ немного впередъ. Мы догнали его, всѣ трое закурили трубки и пошли вмѣстѣ, разговаривая о другіяхъ вещахъ. Солнце обогрѣвало поля и холмы; птички весело пѣли въ долинахъ и въ лѣсу.

— У васъ тутъ настоящій рай, сказалъ я. Какъ хорошо пожить здѣсь лѣтомъ!

— Да, сухо произнесъ дорожный: Богъ такъ прекрасно все устроилъ, что можно было бы здѣсь пожить, но тяжело приходится отъ нечистыхъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, впереди за горой, показалось стадо овецъ и козъ: онѣ всѣ разбрелись съ своими ягнятами по

пригоркамъ, щипали траву, блеяли и звенѣли привязанными на шею колокольчиками. Вдругъ послышался свистъ, и не вдалекѣ отъ дороги мы увидали дѣвицу съ мацьчикомъ: она пряла шерсть. По туземному обычаю спутникъ сказалъ ей: «Доброе утро, дѣвица!» Она положила руку на грудь и, слегка поклонясь, отвѣчала:

— Богъ въ помощь тебѣ!

— Не устала ли ты, оберегая овецъ?

— Я не устала, но ты не уморился ли отъ дороги?

— Маленько.

Послѣ того онъ спросилъ ее, чья она и чьи овцы.

Она назвала своего отца.

— Что онъ дѣлаетъ? дома ли? здоровъ ли?

Она опять поклонилась и отвѣчала:

— Слава Богу! Здорово остался дома.

— Поклонись же отцу и скажи ему, что я вечеромъ приѣду къ вамъ на конакъ (ночлегъ).

— Хорошо, скажу. Приѣзжай! Добро пожаловать!

Мы пошли далѣе, и вышли на большую дорогу. Между тѣмъ проводникъ опять опередилъ насъ и, остановив лошадей, дождался насъ въ долину.

Мы успѣли догнать его, но едва онъ меня увидѣлъ, какъ закричалъ:

— Послушай, братъ, ты опять надѣлъ на голову этотъ грибъ. Если ты не надѣнешь феса, я не повезу твоихъ книгъ. Ты мнѣ столько же надѣлаешь хлопотъ, какъ вчера въ Вардиштѣ.

Скрѣпя сердце, я опять досталъ ненавистный фесъ, надѣлъ его, а шляпу, свернувъ, положилъ въ карманъ.

— Ну, теперь все готово; бояться нечего; пойдѣмъ!

— Нѣтъ, продолжалъ онъ,—ты останься съ этимъ братомъ нѣмного позади, пока я проѣду постоялый дворъ, а то, пожалуй, меня опять съ тобой задержатъ. Въ случаѣ, если тебя не скоро выпустятъ, я оставлю твои вещи въ Прибоѣ у корчмаря: онѣ будутъ цѣлы; ты ихъ тамъ получишь.

Съ этими словами онъ погналъ лошадей впередъ, а мы вдводемъ пошли тихимъ шагомъ. Выбравшись опять на дорогу, мы встрѣтили дѣвочку и мальчика, которые гнали коровъ. Товарищъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ну, братъ, нынче счастливый день для нашей дороги. Я думалъ проводить тебя только до хана (постоялаго двора) и хотѣлъ от-

ложить свой путь въ Рабрановацъ, но теперь не вернусь домой, а поѣду до рѣки Уваца.

— По чему же ты знаешь, что сегодня будетъ счастливый день?

— Я самъ испыталъ и слыхалъ отъ отца, что когда собираешься въ дорогу, или начинаешь какое важное дѣло, на примѣръ, строить домъ, пахать, косить, и въ то утро встрѣтишь дитя, или дѣвицу, приступай къ работѣ безъ боязни: это день счастливый. Нынче утромъ мы встрѣтили двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвушекъ; пойдёмъ вмѣстѣ, бояться нечего. Но, сохрани Богъ, примолвилъ онъ, смѣясь, — увидать утромъ калугера (монаха), дервиша, или не умытую, не причесанную и грязную женщину: это все равно, что встрѣтить чуму, и тогда отложи свое дѣло до другого дня, а то непременно случится несчастье. Увидать калугера, или дервиша, все равно, что увидать дьявола: ихъ счастье привязано къ камню, отъ того они и несчастны. Расскажу тебѣ бывший со мной случай. Я былъ еще не женатъ. Разъ, отправляясь рано на охоту, я встрѣтилъ на дорогѣ сосѣдку, шедшую на водоемъ за водой. Она была укутана платкомъ и, не полагая встрѣтиться такъ рано съ кѣмъ ни будь, думала кстати тамъ умыться. «Добро утро, сношо (сноха)!» сказалъ я, но она ничего не отвѣчала на мое привѣтствіе. Я смекнулъ, что дѣло не хорошо; однако не хотѣлъ вернуться назадъ, не совсѣмъ довѣряя, по молодости, народнымъ примѣтамъ. Взойдя въ лѣсъ я пустилъ гончихъ собакъ, а самъ сталъ прислушиваться. Вдругъ собаки залаяли; я поспѣшилъ на поляну и вижу, что лисица бѣжитъ прямо ко мнѣ. Я взвелъ курокъ, прицѣлился и выстрѣлилъ; ружье разлетѣлось и рангло меня въ руку и щеку. Тутъ-то я вспомнилъ утреннюю встрѣчу съ неумытою женщиной, наскоро перевязалъ рану платкомъ и поспѣшилъ домой ближайшею дорогой, черезъ лѣсъ и поле. Недалеко отъ дома я хотѣлъ перелѣзть черезъ заборъ, но оступился, упалъ и вывихнулъ себѣ ногу, такъ что меня уже принесли на рукахъ. Съ тѣхъ поръ я повѣрилъ, какъ опасна встрѣча съ неумытою, нечесанною женщиной...

— Ну, не женщина была причиной твоего несчастья, перебилъ я его: это такъ, неудачный случай.

— Такъ ты мнѣ не вѣришь? сердито возразилъ онъ. Взгляни на мою руку: вотъ знаки отъ ружья, которое разорвало. Я семь недѣль пролежалъ, и едва не умеръ отъ сильной боли, особенно когда мнѣ стали править ногу. Конечно, я самъ былъ виноватъ въ своемъ несчастьи: мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же вернуться домой и не начинать никакого дѣла, по тому что женщина своимъ молчаніемъ давала мнѣ понять, что она была еще не умыта. Она сама мнѣ призналась,

когда мы встрѣтились послѣ, что она всегда имѣла привычку ходить рано за водой и кстати умываться на водоемѣ, не боясь встрѣтиться съ кѣмъ ни будь, а въ этотъ разъ опоздала я, сойдясь со мной на близкомъ разстояніи, разсудила лучше не отвѣтить на мое привѣтствіе, нежели неумытой призвать имя Божіе.

— Что же? Ты ей выговаривалъ за ея оплошность?

— Нѣтъ. Она просила у меня прощенья, побраталась со мной и благодарила за то, что я никому не разсказалъ о нашей несчастной встрѣчѣ.

— А что жъ бы ей за это сдѣлали?

— Ей досталось бы отъ свекрови и отъ всего семейства. Сосѣди прозвали бы ее пугаломъ, вѣдьмой, или нечистою чумой. Мужъ, конечно, возненавидѣлъ бы и разошелся, съ нею. Ни замужняя, ни дѣвица—ей пришлось бы нести такое страшное пятно во всю жизнь. Я думалъ: не легче же мнѣ будетъ отъ того, что я разскажу отцу и матери про этотъ случай, и рѣшился молчать, чтобы не погубить бѣдной женщины. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я никому не говорилъ объ этомъ, кромѣ тебя, и то только къ слову.

— Жива ли твоя посестрима?

— Жива. Мы не различаемъ другъ друга отъ своихъ родныхъ братьевъ и сестеръ.

— Знаетъ ли твоя жена, по чему вы побратались?

— Нѣтъ. Я поклялся передъ Богомъ никому не говорить о причинѣ несчастнаго со мною случая.

— Какъ же ты съ нею побратался?

— Очень просто. Когда я выздоровѣлъ и, при встрѣчѣ съ нею, спросилъ ее, точно ли она была неумыта въ тотъ несчастный день, она заплакала и сказала: «Не говори никому о томъ! Будь мнѣ по Богу отнынѣ и до вѣка побратимомъ!» Я принялъ это слово какъ святое, далъ ей обѣщаніе никому не говорить о случившемся и началъ звать ея сестримой. Она пришла къ намъ въ домъ съ свекровью и принесла мнѣ подарокъ; я тоже отдалъ ей.

— Все-таки она иризналась свекрови въ своей неосторожности?

— Нѣтъ. Она сказала ей, что желаетъ со мною побрататься, по тому что ей о томъ приснилось; а у насъ такой обычай: если кому видится во снѣ три ночи сряду, что онъ съ кѣмъ ни будь братается, то можетъ открыть свой сонъ старшимъ и побрататься съ человекомъ, котораго видѣлъ во снѣ. Съ тѣхъ поръ они уже считаются родными.

— Теперь объясни мнѣ, по чему хорошо встрѣтить дѣвушку, или мальчика?

— По тому что честная дѣвица и мальчикъ все равно, что ангелы: у нихъ непорочныя, незлобивыя души. У насъ говорятъ такъ: когда умираетъ дѣвица, или момакъ (парень), не знавшіе плотскаго соблазна, то для нихъ открываются райскія двери, какъ для невинныхъ созданій. Райскія двери для нихъ отворены во всякое время, имъ готово мѣсто въ раю между ангелами; значить: встрѣтить утромъ праведную, чистую душу все равно, что встрѣтить ангела Божія. А такъ какъ мы утромъ встрѣтили двухъ дѣвушекъ и двухъ мальчиковъ, то я совершенно увѣренъ, что нынѣшній день будетъ для насъ счастливымъ.

— Ты мнѣ много сообщилъ такого, чего я прежде не зналъ.

— Мало ли чего ты никогда, можетъ быть, не слыхивалъ отъ своего учителя въ школѣ? Тебѣ бы слѣдовало пожить со мной, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, и ты много узналъ бы новаго для себя.

Но довольно говорить объ этомъ вотъ село Штербци; тамъ живетъ мой знакомый. Смотри, какъ вырубилъ лѣсы! Какія прекрасныя деревья были тутъ около дороги: и что же осталось отъ ихъ прежней красоты? Одни только пни. Вотъ что значить произволъ и сила пексіана! Мало того, что разоряютъ людей и отнимаютъ у нихъ имущество, живое и не живое, они наложили свои поганыя руки на Божіи вѣковые лѣса и въ десять лѣтъ обратили ихъ въ голыя пустыни. Ты, вѣроятно, этой дорогой шелъ въ Шумадію двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Да, и помню, что тутъ было очень много огромныхъ осенъ и дубовъ; не знаю только, въ какомъ именно мѣстѣ; помню также, что недалеко отъ нихъ стоялъ небольшой деревянный ханъ, а отъ него сейчасъ начинались большія осны, дубъ и наконецъ самый лѣсъ. Въ то время, гдѣ-то на горѣ, была могила какого-то Токовича, который въ этомъ мѣстѣ упалъ съ лошади головою внизъ и сломилъ себѣ шею. Надъ его могилой стоялъ большой камень и крестъ.

— Знаю, вонъ тамъ, на той горѣ; но тамъ уже совсѣмъ почти нѣтъ лѣсу. Намъ бы слѣдовало ити той мѣстностью, но я нарочно сдѣлалъ обходъ, чтобы негодямъ изъ Вардишта не погнались за нами, а сюда они не посмѣютъ ѣхать. Но вотъ и ханъ: спасемъ Боже, какъ бы намъ не встрѣтиться съ пексіаномъ; авось имъ Богъ помѣшаетъ.

Подвигаясь къ постоялому двору, мой спутникъ сталъ говорить тише и наконецъ нашъ разговоръ перешелъ почти въ шепотъ. Мы и прежде нѣкоторыя слова, какъ-то: пексіанъ, Турки, багіе, зулумъ

и т. п. произносили потихоньку; но подойдя къ хану, дорожный заговорилъ со мной знаками и рукой указалъ мнѣ, гдѣ стать, пока онъ войдетъ въ жильё. Привязавъ лошадь къ забору, онъ шепнулъ мнѣ:

— Ты стой здѣсь, а я пойду, посмотрю, кто тамъ и что дѣлается.

Я почти не узналъ этой мѣстности: такъ она перемѣнилась въ мое отсутствіе. На мѣстѣ прежняго маленькаго, былъ выстроенъ теперь новый, довольно большой постоянный дворъ съ конюшнями и дутянами (лавками); рядомъ строился еще другой домъ и вблизи стояли новыя избушки. Долго осматриваясь я кругомъ, наконецъ мнѣ надоѣло ждать, и я пошелъ въ ханъ, но едва ступилъ на порогъ, какъ хозяинъ двора, или его слуга, не знаю, но по видимому Христіанинъ, замахавъ мнѣ рукой, сталъ качать головой, мигать глазами, пожимать плечами и, наконецъ, молча указалъ мнѣ пальцемъ на висѣвшія три большія ружья. Не входя внутрь жилья, я заглянулъ туда, и увидалъ въ одномъ углу грязныя ноги, обутыя въ лапти; я понялъ въ чемъ дѣло. Отступивъ тотчасъ назадъ, я спустился на дворъ, закурилъ трубку и принялся размышлять о своемъ положеніи.

Мнѣ пришли на память всё слова моего проводника и встрѣчнаго товарища, и я подумалъ, что безразсудно поступаю, играя своею головой. Въ самомъ дѣлѣ, вчера я только вышелъ изъ Сербіи съ надеждой на защиту милостивѣйшаго гаттигумаюна и на покровительство Христіанскихъ Державъ, а уже на первомъ шагу мнѣ угрожаетъ опасность. Что же будетъ далѣе? Сербскій паспортъ меня не спасетъ отъ смерти. Не лучше ли бросить своего попутчика и свои вещи и бѣжать назадъ въ Сербію. Но злой духъ любопытства шепталъ мнѣ: авось ничего не будетъ, а отъ смерти нигде не убѣжишь; разъ родился—разъ и умрешь; спасись всегда будетъ время; Сербская граница отсюда недалеко; но дѣло въ томъ, что кириджія унесъ, вмѣстѣ съ моею поклажею, мой аттестатъ, памятную книжку и кой-какія безвредныя записки. Сохрани Боже, если они попадутъ въ руки глупыхъ фанатиковъ: ихъ спроводятъ къ Пашѣ, а тотъ отправитъ въ Константинополь, и скажутъ тамъ: «Какова Сербія! Подсылаетъ своихъ агентовъ возмущать народъ въ Турціи!» Тутъ пойдетъ переписка съ Бѣлградомъ; меня схватятъ, бросятъ въ темницу и, пожалуй, для удовольствія Великихъ Державъ, поручившихся за цѣлость поклонниковъ Магомета, сочтутъ виновнымъ и сошлютъ туда, гдѣ не радъ будешь жизни. Положимъ, однако, что этого не случится; но Турки изъ за моихъ вещей могутъ привязаться къ моему попутчику; и несчастный человѣкъ поплатится жизнію за мою неосторожность. Я вспомнилъ, что у него есть домъ, семья и что они всё погибнутъ,

если съ нимъ случится какое несчастье. Эта мысль тяготила меня. И за чѣмъ я не избавилъ его отъ своихъ проклятыхъ книгъ и вещей? Лучше бы мнѣ одному погибнуть, нежели своею необдуманностію губить невинныхъ людей.

Тысяча мыслей, одна другой безотраднѣе, пугала мое разстроенное воображеніе. Какъ вернуться въ Сербію? Того и жди, что позовутъ къ начальству, пойдутъ допросы: какъ это было, за чѣмъ оставилъ свои вещи, что записывалъ въ своей книжкѣ? Засадятъ въ темницу и, что всего хуже, изъ угожденія Туркамъ, выдадутъ имъ. Нѣтъ, лучше разъ погибнуть, нежели пережить такой срамъ. Да и кто знаетъ? Можетъ быть все пройдетъ благополучно, ничего дурного не случится. Итакъ, съ Божіей помощью впередъ, къ своей цѣли, а тамъ, что Богъ дастъ! По крайней мѣрѣ я увижу, какъ живутъ мои Сербскіе братья въ Турціи подъ защитой гаттигумаюна.

Мнѣ понравилась моя послѣдняя мысль, и я забылъ все, что прежде передумалъ въ своей головѣ. Довольный собой, я закурилъ трубку; въ это время вышелъ мой товарищъ и шепнулъ мнѣ:

— Ступай впередъ, пока я отвяжу коня.

Я пошелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ догналъ меня и сказалъ:

— Прости, братъ, что я немного позамѣшкалъ.

— Тебѣ вѣрно попался тамъ какой знакомый?

— Нѣтъ! Мнѣ любопытно было узнать, кто спалъ въ ханѣ, и вотъ что мнѣ рассказали: рано утромъ пришли три поганца (Турки), и спятъ теперь какъ мертвые: хоть изъ пушекъ стрѣлай, ничего не услышатъ. Они, какъ видно, насъ искали, по тому что спрашивали, не приходили ли сюда два Влаха: одинъ съ грибомъ на головѣ. Хозяинъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ, что не видалъ такого прохожаго, а какой-то кириджія еще ночью сбѣжидъ скорѣи пробѣжать домой. Они задумались, хотѣли ити дальше, но устали и сказали: «Онъ ужъ вѣрно теперь въ Прибоѣ: догоняй, не догоняй, только ноги забьешь.» А одинъ изъ разбойниковъ прибавилъ: «Я говорилъ вчера, что не надо вѣрить Влаху; онъ солгалъ, что ночуетъ въ Штербцахъ, а махнулъ дальше; теперь поздно его догонять. Гораздо бы лучше было ити за ними слѣдомъ, или еще на мѣстѣ грибу связать руки назадъ и спровадить въ Вышеградъ, либо просто побрить за ушами.» Потомъ они заговорили что-то по Арнаутски, чего ни я, ни хозяинъ, не поняли, и легли спать.

— А заходилъ ли мой проводникъ въ ханъ? спросилъ я.

— Нѣтъ. Анджіа (хозяинъ двора), какъ только увидалъ его съ товаромъ, то выславъ къ нему слугу, который все ему рассказалъ. Онъ

заткнулъ колокольчикъ, обошелъ кругомъ и велѣлъ намъ сказать, чтобъ мы скорѣй его догнали, что онъ насъ подождетъ по ту сторону Увца. Одного только я боялся, чтобъ ты не пришелъ самъ меня искать, и сидѣлъ какъ на иголкахъ, разговаривая съ хозяиномъ.

— Я и то заходилъ, но какой-то человекъ знаками велѣлъ мнѣ удалиться; я вышелъ и все ждалъ тебя.

Дорожный посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ:

— Не уже ли ты входилъ?

— Да!

— Вѣдь я тебѣ сказалъ, что я прежде узнаю, можно ли тебѣ будетъ войти.

— Мнѣ надоѣло ждать. Я пошелъ посмотрѣть, что ты дѣлаешь, и узнать, скоро ли мы пойдѣмъ.

— Упрямый человекъ! Тебѣ вѣрно надоѣло жить на свѣтѣ? Я стараюсь спасти твою голову, а ты будто на зло самъ лѣзешь на смерть—бѣшенымъ волкамъ въ глотку. Что послѣ этого говорить: дѣлай самъ, какъ знаешь, но черезъ тебя можетъ пострадать другой. На твое счастье они тебя не замѣтили, а то бы слетѣла съ плечъ твоя голова.

Пока мы разговаривали, на встрѣчу намъ показались на дорогѣ верхами Турокъ и сзади его три женщины, закутанныя большими бѣлыми платками. Одна изъ нихъ курила трубку.

— Пойдемъ, сядемъ немного подалѣше отъ дороги, сказалъ товарищъ, а то какъ бы не придралась эта дрянъ. Чѣмъ дальше отъ навоза, тѣмъ меньше вони.

Мы отошли въ сторону отъ прямой дороги. Турокъ и Турчанка выпускали клубы дыма изъ своихъ трубокъ.

Когда они пробѣжали, спутникъ сказалъ:

— Вотъ настоящая чума! Впрочемъ, этотъ Турецкій гадъ весь такой. Слава Богу, мы съ утра увидали дѣвицу нашей вѣры; къ намъ не пристанетъ никакая грязь отъ этой смрадины, но бѣда встрѣтитъ-ся при началѣ дня съ женщиной, у которой трубка въ зубахъ. Вотъ и готово несчастіе!

— Я не зналъ, что Турчанки курятъ табакъ.

— Къ этому способенъ только Стамбульскій гадъ, а жены нашихъ бабевъ * ни за что на свѣтѣ не станутъ курить табакъ. Да и вообще женщины не прилично курить табакъ и пить ракію (водку), особенно же напиваться допьяна.

* Презрительное названіе мѣстныхъ Магометанъ Сербскаго происхожденія.

— А бывают ли пьяны ваши женщины?

— Никогда. У насъ мало увидишь и такихъ, которыя пьютъ немного водки въ большіе праздники, или на свадьбѣ, и то, чтобы сдѣлать кому удовольствіе. Но, сохрани Богъ, чтобы Христіанская жена, или здѣшняя Магометанка, пошла въ питейный домъ. Не только пить, даже принести водку въ домъ, считается у нихъ за большой грѣхъ. Тѣхъ, которые открыто пьютъ въ городахъ, туземные Мухамедане называютъ пьяницами, безобразниками, и это самое презрѣнное прозвище. Бѣда мужу принести водку въ домъ! Жена имѣетъ право жаловаться на него и не жить съ нимъ, если будетъ доказано, что онъ держитъ у себя водку, или въ пьяномъ видѣ нанесъ ей обиду. За оскорбленную женщину очень строго вступаются ея родные. Рѣдко кто изъ здѣшнихъ Магометанъ и въ настоящее время употребляетъ водку. Отецъ лишаетъ пьяницу наслѣдства; за него никто не отдастъ своей дочери; онъ стоитъ на равнѣ съ воромъ. А ты знаешь, кто привыкъ пить, воровать, клеветать, на этого смотрятъ очень дурно вездѣ, тотъ до самой смерти не отстанетъ отъ своихъ пороковъ, и кто бъ онъ ни былъ, Христіанинъ, или Мухамеданинъ, на него смотрятъ, какъ на самаго несчастнаго чловѣка, потерявшаго честь, и всѣ его убѣгаютъ. Такіе люди получаютъ иногда названіе, соответствующее ихъ пороку, и это не рѣдко бываетъ причиной ихъ отступничества отъ Христіанской вѣры. Для примѣра приведу тебѣ два случая, бывшіе на моихъ глазахъ въ Прибоѣ. Тамъ живетъ одинъ потурица, Ахметъ Лагунджія. Онъ остался еще въ младенствѣ круглой сиротой, по тому что его родители умерли, кажется, отъ чумы. Его призрѣлъ одинъ Турокъ въ Прибоѣ, и онъ выросъ въ его семействѣ, потомъ служилъ ему и перешелъ въ Мухамеданство, переимѣнивъ Христіанское имя Андрей на Турецкое Ахметъ. Испытавъ съ малолѣтства много горя, онъ привыкъ лгать, за что и прибавили къ его имени прозвище «Лагунджія,» конечно, заглазно. Другой подобный случай былъ въ селѣ Пожегрмцѣ. Одинъ селякъ укралъ арарь (мѣшокъ): его и прозвали «Араромъ.» Какъ онъ ни злился, дѣлать было нечего: разъ запятнавши свое имя, мудрено заставить людей молчать. У него былъ сынъ, Зарія, котораго также начали звать Араровичъ. Послѣдній на зло всѣмъ принялъ Мухамеданство, но все таки не смылъ пятна съ своего прозвища. Конечно, въ глаза никто не смѣлъ звать его Араровичемъ, по тому что всякій боялся подвергнуться строгому наказанію, такъ какъ Мухамедане могли вступить за него, какъ за своего единовѣрца; но отступникъ очень хорошо зналъ, что Христіане между собой иначе не называли его въ

насмѣшку. Вообще потурицы и ихъ потомство имѣютъ два прозвища: одно настоящее, старинное, а другое позорное, указывающее на господствующіе въ нихъ пороки.

— Ты мнѣ давеча сказалъ, что Стамбульскіе Турки напиваются допьяна. Какъ же имъ позволяютъ это дѣлать ихъ начальники?

— Они сами пьютъ не меньше подчиненныхъ, такъ что иной разъ ничего не помнятъ. Нынѣшней зимой я пошелъ изъ своего села съ двумя товарищами въ Вышеградъ. Только что мы вышли на большую дорогу, слышимъ безобразные, дикіе крики, шумъ. Мы спрятались поскорѣе въ лѣсъ, и что же видимъ? Идутъ гурьбой низамы (солдаты), поютъ, кричатъ, а за ними показались Турецкіе Офицеры, пѣшіе и верхомъ, и въ добавокъ пьяные. Одного, толстяка, чауши (Унтеръ-Офицеры) держали за руки на конѣ, у другого одинъ солдатъ велъ лошадь подъ уздцы, а двое придерживали сѣдока, забрызганнаго грязью; очевидно, что онъ нѣсколько разъ падалъ съ лошади. Пьяное общество почти все было въ грязи. Такого безобразія не запомнятъ ни Ришчане (Христіане), ни здѣшніе потурицы: Содомъ и Гоморъ низопали на наши края.

— Что вамъ за дѣло до ихъ безобразія? Пусть Турки пьютъ на свои деньги.

— Ты, странный человѣкъ! Не хочешь понять, что такое Турки. Станутъ ли они пить на свои деньги? Они грабятъ и раззоряютъ бѣдный народъ и портятъ своимъ дурнымъ примѣромъ здѣшнихъ хундордныхъ Мусульманъ, которые также начинаютъ понемногу безобразничать, пить и дѣлаться шпионами. Поступая въ тайную полицію, и слушая внушенія своихъ старшихъ, они готовы изъ за куска хлѣба и за мѣдную пуговицу убить честнаго человѣка, а за деньги повѣсить роднаго отца. Въ прежнее счастливое время наши туземные Мухамедане прогоняли этихъ безпутныхъ оборванцевъ съ блага свѣта чтобы и духа ихъ не было; особенно старые люди, почтенные Аги и Беги, гнали ихъ, какъ собакъ, изъ своихъ селъ и городовъ. Въ то счастливое время, лѣтъ десять тому назадъ, тамъ, гдѣ были честные Аги и Беги, скитальцы, лѣнтяи, воры, лгуны, клеветники и наспльники, не могли оставаться ни въ городахъ ни въ селахъ. Какъ только показывался гдѣ ни будь такой негодяй и безобразникъ, тотчасъ же объявляли Агѣ, или Бегу, и тотъ преслѣдовалъ его и выгонялъ на всегда; а теперь не только Христіанскому народу, самимъ Агамъ и Бегамъ, пришлось тяжело отъ неправды и беззаконія Стамбульцевъ. Они боятся за себя и за свои семейства.

Я пытался было доказать моему спутнику, что Султанскій

гаттигумаювъ введеть порядокъ и правосудіе въ Турецкой землѣ, но онъ разсердился на меня, съ досадою пожалъ плечами и замолчалъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, я обратился къ нему съ вопросомъ: «Скоро ли мы придемъ къ мосту?»

— Скоро, нехотя и сердито отвѣчалъ онъ.

— Скажи, пожалуйста, какой мостъ на Увцѣ? Каменный, или деревянный?

— Придемъ, увидишь; теперь недалеко. Что спрашивать? продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.

Помолчавъ немного, я сказалъ ему: «Я для того спрашиваю, что кириджія будетъ ждать меня за мостомъ.»

— Да, вѣроятно, отвѣтилъ онъ, смягчивъ голосъ. Впрочемъ, нечего бояться, если онъ уйдетъ впередъ; онъ оставитъ твои вещи у корчмара въ Прибоѣ: не безпокойся, все будетъ цѣло, ничего не пропадетъ.

Мы вышли, наконецъ, на небольшое возвышеніе и увидали мостъ. Дорожный сказалъ мнѣ: «Ты иди прямо на мостъ, а я зайду въ этотъ ханъ и сейчасъ же выйду.»

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— Ступай ты одинъ, а я не пойду; съ тобой какъ разъ бѣду наживешь: ты не хочешь слушаться братскаго совѣта.

Я не сталъ возражать и пошелъ. Мой проводникъ скоро догналъ меня и спросилъ: «Что? Скучно ити одному?»

— Конечно, съ товарищемъ веселѣ!

— Хорошо, что ты не пошелъ за мной въ ханъ. Тамъ сидятъ два Турка и пьютъ водку и кофе; они ждутъ кмета здѣшняго села, чтобы объявить ему какой-то приказъ отъ Мудира народу. Поселяне собираются на састанакъ (сходъ).

— Какъ ты думаешь, что это за приказъ?

— Мало ли у Туркуша приказаній: то готовить подводы, то собирать новую подать.

— Развѣ вы не заплатили Юрьевского пореза (дани)?

— Теперь не по прежнему берется подать: пошли новые, гораздо хуже старыхъ.

Между тѣмъ мы взошли на мостъ.

— Э, да мостъ-то деревянный и къ тому же плохой, замѣтилъ я: его какъ разъ снесетъ водой.

— Будь проклятъ тотъ, кто вздумалъ навести этотъ мостъ и кто его строилъ!

— За что жь ты проклинаешь строителей? Мосты самая полезная вещь.

— Я самъ знаю, что хорошо и что полезно; но когда не было этого моста, мы не терпѣли никакого притѣсненія, жили лучше и имѣли больше скота и меньше казенныхъ повинностей. Мы прежде не возили на своихъ волахъ Царскихъ пушекъ и снарядовъ, а съ тѣхъ поръ, какъ проклятый Омеръ-Паша со Стамбульскими оборванцами началъ вездѣ наводить мосты и строить дороги для своихъ орудій, нашъ народъ мало того, что обѣднялъ, онъ замученъ злодѣями. Ты увидишь самъ, каково Турецкое правосудіе и равноправность гаттигумаюна, и поймешь, за что я проклинаяю этотъ дьявольскій мостъ

— Мой проводникъ кажется уѣхалъ впередъ, сказалъ я.

— Должно быть, отвѣтилъ товарищъ.

При этихъ словахъ онъ задумался и сталъ расправлять свои усы.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? вдругъ заговорилъ онъ. Я хотѣлъ повернуть отсюда налѣво: мнѣ тутъ гораздо ближе ѣхать, но жаль тебя оставить одного. Пожалуй, пропадешь ни за грошъ.

— Не трудись, братъ, я одинъ пойду. Авось Богъ милостивъ, выпутаюсь изъ бѣды.

— Оно такъ, но ты слишкомъ легковѣренъ и неостороженъ: я провожу тебя до Старого Брода.

Тронутый его братскимъ участіемъ, я поблагодарилъ его, и мы пошли далѣе. Нашъ разговоръ коснулся податей.

— Какъ велики теперь у васъ харачъ и порезъ (подушная и тягловая подать)? спросилъ я.

— Этихъ названій больше нѣтъ, отвѣчалъ онъ: теперь подати называются то Царская милостыня, Царская войница, Царская ишти-ра, то Царская десятина. Все это мы платимъ въ годъ столько разъ, сколько вздумается Туркамъ. Всякій день съ насъ требуютъ подводъ и воловъ для перевоза Царскихъ орудій. Этотъ проклятый мостъ выстроенъ на нашей крови и костяхъ. Къ счастью, что близко отъ насъ Шумадія; тамошніе Сербы сколько ни будь облегчаютъ наше положеніе и помогаютъ намъ, а то или погибай, или принимай поганую вѣру Турецкую.

— Кто же вамъ помогаетъ? Купцы, или Сербское Правительство?

— Какіе купцы? Какое Правительство? Наши братія благодѣтели—Сербскіе поселяне.

— Какъ же они вамъ помогаютъ?

— А вотъ какъ!

При этихъ словахъ онъ показалъ мнѣ кошелекъ съ шестью Австрійскими червонцами и продолжалъ:

— Мнѣ и еще двумъ селякамъ нечѣмъ было уплатить подать; я искалъ, гдѣ занять, но не могъ найти денегъ. Что дѣлать? Перешелъ ночью Сербскую границу, пришелъ къ одному знакомому доброму Сербу и рассказалъ ему наши нужды. Тотъ, не говоря ни слова, велѣлъ своей женѣ вынуть изъ сундука шесть червонцевъ, и далъ ихъ мнѣ и двумъ бѣднякамъ. За тѣмъ-то я и спѣшу въ Рабреновацъ, чтобы передать ихъ кому слѣдуетъ. И я, и многіе изъ нашихъ селяковъ, занимали такимъ образомъ нѣсколько разъ, и безъ всякой росписки.

— Какое письменное обязательство даете вы своимъ вѣрителямъ?

— А за чѣмъ оно?

— Чтобъ не пропадалъ долгъ?

— Мы ведемъ честно свои дѣла, безъ всякаго сенета (росписки): его требуютъ только нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ, которые сами нечестно поступаютъ.

— Какъ вы платите ваши долги?

— Стараемся или отдать деньгами, или заработать.

— А если умретъ должникъ, тогда кто заплатитъ?

— Какъ кто? Вѣдь домъ не возьмешь съ собою въ могилу: кто въ немъ останется, тотъ и заплатитъ.

— А какъ откажутся платить, отговариваясь незнаніемъ?

— Какъ это можно! Каждый оставляетъ послѣ себя аманетъ (словесное завѣщаніе), что семейство должно уплатить его долгъ. Никто не рѣшится попать ногами Божій аманетъ: это дѣло страшное.

— Можетъ же случиться, что иной не успѣетъ сдѣлать аманетъ, а семейство откажется.

— Между нами такъ не дѣлается. Умирающій говоритъ женѣ, брату, или дѣтямъ, что на немъ есть долгъ, и они сами удовлетворяютъ вѣрителя. Если бы наши люди поступали безчестно, то мы давно пропали бы съ лица земли.

— А честно ли ведутъ свои дѣла ваши купцы?

— Не всѣ. Между ними встрѣчаются иногда такіе отлюды (выродки), особенно между десечарами (откупщиками Царской десятины), что готовы продать за золото свою душу. Эти разбойники идутъ съ суваріями (конными полицейскими) въ села и собираютъ десятую часть со всего, что только родится у поселянина; какъ говорится, не дадутъ курицъ снести яйца: силой вытаскиваютъ его. Эти крещеные злодѣи хуже Азіятскихъ Турокъ, и больше ихъ намъ вредятъ. Я бы, кажется, скорѣй напился ихъ горячей крови, чтобъ залить свое мщеніе, нежели

студеной воды въ сильный жаръ. Въ прежнее время у насъ было во всемъ изобиліе, и въ хлѣбѣ, и въ скотѣ. А теперь все пропало. Намъ нечѣмъ пахать землю, по тому что воды и коровы ограблены и съѣдены Турками и откушщиками десятины. Этого мало: возмутъ лошадей для подводъ: Царская, моль, казна заплатитъ; глядишь, лошадь понравилась какому ни будь оборванцу, и онъ возьметъ ее даромъ. Впрочемъ, я слышалъ, что и въ Шумадиіи нѣкоторые господа обманываютъ народъ какими-то облигаціями и заемными письмами подъ дьявольскіе проценты, что они не мало людей раззорили, и продаютъ очень много селяцкихъ домовъ и земель ихъ разными хитростями.

Разговаривая такимъ образомъ, мы незамѣтно очутились у постоялаго двора, и увидали лошадей моего проводника, привязанныхъ къ изгородкѣ. Войдя въ ханъ, мы его застали тамъ и взаимно привѣтствовали другъ друга потихоньку.

— Какъ ты прошелъ въ Штербцахъ? Заходили ли вы въ ханъ? спросилъ онъ меня.

— Да, мы заходили, только я не входилъ въ ханъ, по тому что анджія (трактирщикъ), или его слуга, знаками далъ мнѣ понять, что тамъ не совсѣмъ безопасно, и я дожидался этого брата на дворѣ.

Кириджія покачалъ головой и сказалъ: «Слава Богу, что тебя не схватили Турки, и что онъ сохранилъ тебя отъ пексіана. А я такъ и думалъ, что ты попался имъ въ руки.

Дорожный въ это время вышелъ, и скоро опять вернулся, замѣтивъ намъ шепотомъ: «Тише! Здѣсь Турки!» Потомъ сказалъ:

— Анджія! Дай сюда литру ракіе (литра, вымѣренный графинчикъ водки, или другихъ напитковъ).

Хозяинъ подалъ водку: мы вышли втроемъ по рюмкѣ, и я велѣлъ принести по чашкѣ чернаго кофе.

— Хорошо бы теперь уснуть, сказалъ я: сонъ такъ и клонитъ меня.

— А, нѣтъ! возразили оба товарища: тебѣ надо какъ можно скорѣе убираться отсюда и ити дальше. Ты отнюдь не останавливайся въ Прибоѣ, а иди прямо въ Банк.

— Все равно Турки его задержать въ Прибоѣ, прервалъ проводникъ; станутъ спрашивать: кто онъ, откуда и куда идетъ?

— Ну, это не бѣда, продолжалъ дорожный, онъ отвѣтитъ на ихъ вопросы. Аджи Мустайбеговичъ, или другой, не будетъ придиратся къ нему и скажетъ: «Ступай съ Богомъ!» Онъ все таки нашъ человекъ и лучше иноземцевъ понимаетъ нашъ народъ, хоть далеко не такъ добръ, какъ его отецъ; не скажетъ ни добраго, ни дурного слова: его

нечего бояться. Напившись кофе, я позвалъ хозяина, чтобъ расплатиться, но слутникъ не допустилъ меня, и отдалъ за все деньги.

Перекрестясь, мы вышли изъ хана и, пока мои товарищи навьючивали своихъ лошадей, я закурилъ трубку, сѣлъ на лавку и сталъ потихоньку спрашивать кой о чемъ слугу постоялаго двора.

— Какъ вы живете здѣсь? Хорошо ли идутъ дѣла?

— Ничего, но бѣда въ томъ, что много пропадаетъ: не платятъ постояльцы. Вотъ хоть бы теперь трое Турокъ, которые спятъ въ горницѣ: со вчерашняго дня они столько выпили водки, что не могутъ очнуться до сихъ поръ; а попытай попросить денегъ, скажутъ: «Погоди, мы Царскіе люди, вышлемъ.» Что тутъ сдѣлаешь? Замолчишь и пожмешь плечами, а скажешь слово—бѣда! Какъ смѣлъ Царскій мундиръ оскорблять! Богъ съ ними и съ деньгами: лишь бы ушли поскорѣе!

— Много ли у васъ бываетъ гостей?

— Такъ какъ ханъ на друму (большой дорогѣ), какъ же не быть гостямъ!

Въ это время скрипнула дверь въ комнатѣ; мы замолчали: на дворъ вышелъ человѣкъ лѣтъ 40, съ распухшимъ лицомъ и въ военномъ мундирѣ на распашку. Онъ сурово посмотрѣлъ на дверь и направился къ рѣкѣ Увцу.

— Куда онъ пошелъ? спросилъ я.

— Нужда гонять, отвѣчалъ слуга, смѣясь: какъ видно не замѣтилъ меня, и поспѣшно опустился въ оврагъ.

— Все готово, сказалъ вошедшій дорожный. Пожалуйста, братъ, посмотри за моимъ конемъ, пока я вернусь, обратился онъ къ слугѣ. Я провожу недалеко нашего брата.

Я пошелъ въ слѣдъ за проводникомъ; дорожный догналъ меня и сталъ мнѣ давать еще нѣкоторыя наставленія:

— Ты, братъ, не знаешь еще здѣшнихъ людей: есть хорошіе, есть и дурные, между Турками и нашими отлюдями и изродами. Когда ты придешь въ монастырь Баню, берегись прежде всего Старосты монастыря и монаха, недавно присланнаго Сараевскимъ Владыкой: объ немъ ходитъ очень дурная молва; остерегайся также кмета изъ села Штербцы, а вотъ такихъ-то людей (онъ назвалъ мнѣ ихъ поименно) не бойся: это честные Сербы.

Мы догнали проводника, далеко ушедшаго впередъ. Дорожный издали закричалъ ему:

— Побратиме, стой, простимся

Онъ остановился.

— Какъ мнѣ жаль, братъ, разстаться съ тобой! сказалъ мнѣ добрый селякъ. Если бы мнѣ было возможно, и проводилъ бы тебя до твоихъ родныхъ.

Я съ чувствомъ поблагодарилъ его за угощеніе, ласку и дружескіе совѣты.

Положа руку на грудь, онъ подошелъ, сперва къ проводнику и поцѣловался съ нимъ, обнявъ другъ друга одной рукой; потомъ такимъ же образомъ простился со мной и, приподнявъ шапку, произнесъ:

— Счастливый тебѣ путь въ добромъ здоровьи; да сохранить тебя Богъ отъ нечистаго и злодѣя!

— Да хранить и тебя также Богъ!

— Помни, что я тебѣ говорилъ: ходи мудро, не погибни безумно!

Я спросилъ, какъ его зовутъ. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Если тебѣ удастся быть учителемъ въ Банѣ, я найду тебя и скажу свое имя. Мы съ тобой много кой о чемъ говорили: пусть мое имя останется не извѣстнымъ до другого раза, когда мы лучше узнаемъ другъ друга!

— Пойдемъ, закричалъ кириджія:— лошади далеко ушли.

Мы всѣ трое поклонились и въ послѣдній разъ приветствовали другъ друга:

— Оставайся съ Богомъ, братъ! Благодаримъ за угощеніе, за радушіе, за товарищество и за твое дружелюбіе!

— Въ добрый часъ и вамъ! Благодарю и васъ на томъ же на всемъ!

Дорожный пошелъ назадъ въ ханъ, а мы съ проводникомъ отправились далѣе и, догнавъ лошадей, закурили трубки.

— Скоро ли мы придемъ въ Прибой? спросилъ я.

— Скоро, отвѣчалъ кириджія: тамъ мы разойдемся, каждыи въ свою сторону. Но мнѣ должно тебя предупредить о моей хитрости, чтобы ты не сердился на меня: когда придемъ въ Прибой и поровняемся съ ханомъ, я, какъ будто съ досадою, выброшу твои вещи и не стану съ тобой говорить. Потомъ потребую съ тебя денегъ за ихъ перевозъ и пойду за лошадьми, а ты выйдешь расплатиться со мной, и тутъ мы разстанемся и больше не увидимся.

— Такъ я лучше теперь отдамъ тебѣ деньги.

— Нѣтъ, я не возьму съ тебя ни за что ни одной частички полушки: сохрани меня Богъ!

Тщетно я предлагалъ ему 12 грошей (60 коп.): онъ отказался, говоря, что я его этимъ оскорблю.

Итакъ мы продолжали путь.

По правую сторону дороги показались два домишка; рѣка Лимъ сильно бушевала. Миновавъ домики, я замѣтилъ товарищу, что прежде здѣсь не было никакого строенія.

— Мало ли чего тутъ новаго: только для народа Христіанскаго все это хуже и тяжеле.

— Чьи это дома?

— Турецкіе.

— За чѣмъ они такъ далеко выселились въ поле?

— Это еще не бѣда, а то худо, что они расселяются по деревнямъ, отнимаютъ земли у Христіанъ и строятъ на нихъ дома, такъ что, пожалуй, въ скоромъ времени вытѣснятъ отовсюду нашъ народъ, или онъ вынужденъ будетъ перейти въ Магометанство.

— Да какъ же они безъ всякой причины придутъ отнимать чужую собственность?

— По праву сильного; придутъ съ ружьями и скажутъ: «Земля Царская, и я Царскій; хочу здѣсь селиться. И замолчишь, по тому что на сторонѣ Турокъ и ружье и правосудіе, а у насъ ни того, ни другого, нѣтъ.

Мы прекратили нашъ разговоръ, и вошли въ Прибой. Подойдя къ хану, кириджія остановилъ лошадей, сердито сбросилъ мои вещи и сталъ требовать денегъ. Пока я собиралъ свой багажъ, чтобы внести его въ жилище, незavidно одѣтый, но вооруженный, Турокъ, узнавъ, что я иду изъ Сербіи, велѣлъ мнѣ взять вещи и слѣдовать за нимъ.

Я взялъ мѣшокъ побольше, а онъ другой, и сильно наморщился, узнавъ, что въ немъ книги. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ корчмы, мы перешли улицу и, поднявшись на лѣстницу одного дома, очутились у жилища Начальника. Мы вошли въ комнату, наполненную табачнымъ дымомъ. На полу, покрытомъ истертымъ ковромъ, сидѣло по обѣимъ концамъ нѣсколько Турокъ съ длинными чубуками, а посреди ихъ еще двое съ такими же трубками. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ былъ въ туземной одеждѣ, а другой въ военномъ мундирѣ. Первый обратился къ мнѣ по Сербски съ вопросомъ:

— Откуда идешь?

— Изъ Сербіи, отвѣчалъ я.

— Пивѣшь ли тескеру?

— Имѣю Сербскій паспортъ.

— Давай сюда!

Я вынулъ паспортъ и подалъ стоявшему немного впереди меня вооруженному Турку, а онъ передалъ его говорившему со мной ту-

земцу. Последний поглядывал бумагу и показывал ее военному, сказавъ что-то по Турецки. После того онъ опять спросилъ меня: гдѣ я родился? чей сынъ? Я отвѣчалъ на его вопросы.

— А! знаю, знаю! Давно ты ушелъ отъ отца?

— Давно.

— Гдѣ ты былъ все это время?

— У дяди, въ Сербіи, и учился въ школѣ.

Все мои слова онъ передавалъ и объяснялъ по Турецки своему товарищу въ мундирѣ.

— Не имѣешь ли еще при себѣ какихъ бумагъ, или писемъ къ кому ни будь?

— Со мной аттестатъ и книги, по которымъ я учился.

— Подай сюда аттестатъ!

Я вынулъ его изъ за пазухи и передалъ съ такими же формальностями, какъ и паспортъ. Они оба стали его разсматривать, и военный часто на меня поглядывалъ.

По оживленному разговору и по движеніямъ рукъ я понялъ, что военный настаивалъ на пересмотрѣ моихъ книгъ, но товарищъ его должно быть увѣрялъ, что не стоитъ труда ихъ развязывать. По всему было видно, что онъ говорилъ въ мою пользу, чтобы скорѣй отпустить меня. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «Ты можешь теперь ити; но смотри, веди себя хорошо и не вѣшивайся ни въ какія дурныя дѣла, а то будетъ худо.» При этихъ словахъ онъ передалъ мнѣ, чрезъ стоявшаго Турка, мой паспортъ, свернутый вмѣстѣ съ аттестатомъ. Я хотѣлъ было выйти, но оба сидѣвшіе опять что-то заговорили по Турецки, и туземецъ спросилъ меня:

— Что дѣлается въ Шумадіи?

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Все ли тамъ мирно и спокойно?

— Все спокойно. Впрочемъ, я ничего не знаю.

— И хорошо, что не знаешь. Гдѣ же ты будешь жить? Здѣсь, или пойдешь въ Сербію?

— Я желалъ бы остаться здѣсь и быть учителемъ дѣтей.

— Это хорошее дѣло. Когда придешь въ Баню, поговори тамъ съ кѣмъ ни будь, разспроси, не откроется ли у нихъ школа: вотъ и мѣсто готово; веди себя только хорошо. Теперь ступай!

Я взялъ опять большой мѣшокъ, а туземецъ приказалъ вооруженному Турку нести за мною другой. Я поклонился и вышелъ съ провожавшимъ Туркомъ, который сдѣлался гораздо вѣжливѣе со мной.

Придя въ корчму, я далъ ему 2 гроша (10 к.) на кофе, чѣмъ онъ остался очень доволенъ и пошелъ назадъ.

Я вздохнулъ свободнѣе и спросилъ у корчмаря, нѣтъ ли у него кого, на примѣръ, чтобы донести мои вещи до монастыря Бани. Онъ призадумался, не зная гдѣ найти вѣрнаго человѣка, какъ вдругъ вошелъ въ корчму кто-то высокій ростомъ, съ длинными усами и прямо обратился ко мнѣ съ привѣтствіемъ:

— Добро пожаловать, братъ!

— Еще пріятнѣе тебя видѣть, * отвѣчалъ я.

Незнакомецъ полюбопытствовалъ узнать, куда я иду. Я сказалъ, что иду въ монастырь Баню.

— Есть у тебя знакомые въ Банѣ?

— Было много, но теперь не знаю, живы ли они. Авось кого либо найду изъ нихъ.

— Какъ твое имя и прозваніе?

Я назвалъ себя.

— Ахъ! такъ это ты? и онъ бросился цѣловать меня. Какъ же ты выросъ! Настоящій муштина! Сколько разъ маленькаго я тебя на рукахъ держалъ! Я знаю твоего отца, твою покойную мать и всю родню. Кириджія ничего мнѣ не сказалъ, а только просилъ посмотреть, что съ тобой будетъ, и пріискать тебѣ проводника до монастыря Бани. Я обѣщался ему, какъ хорошо знакомому, и слѣдилъ за тобой, чтобы, въ случаѣ нужды, замолвить за тебя предъ Турками доброе слово.

Я поблагодарилъ новаго пріятеля, спросилъ его объ имени: оказалось, что я давно его знаю, и рассказалъ ему, какъ обошлись со мной Турки.

— Значить Аджи-Мустай Беговичъ добрый человѣкъ, сказалъ онъ.

— А который изъ нихъ Аджи-Мустай Беговичъ? Ихъ было двое: одинъ одѣтъ по низамски, а другой по туземному и говорилъ со мной по Сербски.

— Этоть-то и есть онъ.

— По краямъ ковра сидѣли также и другіе Турки.

— Это—все наши люди, а въ низамской одежѣ—настоящіе кровопійцы и змѣи: ихъ то и надо бояться. Берегись также сеймена (пѣшаго) и суварія (коннаго полицейскаго), а то даромъ пропадешь.

— Я буду остороженъ въ разговорѣ, и если найду гдѣ ни будь мѣсто учителя, то займусь своимъ дѣломъ.

* Буквальный переводъ обычнаго привѣтствія Сербовъ.

— Эти разбойники найдутся, къ чему придраться. Нынче вышло такое время, что за мѣдную пуговку убьютъ всякаго въ такомъ платьѣ, какъ на тебѣ. Въ селѣ Радойнѣ случилось такое происшествіе: одинъ молодой селякъ шелъ съ заработковъ изъ Шумадіи домой и остановился у родной сестры ночевать. Пронюхали про него сеймены и ночью окружили домъ. Сестра спрятала своего несчастнаго брата въ кадку съ житомъ, стоящую въ хатѣ. Разбойники выломали двери и стали шарить по всѣмъ угламъ, ища будто бы дурныхъ людей. Что жъ ты думаешь? Вѣдь нашли бѣдняка, тутъ же отрубили ему голову, взяли все, что у него было, и потащили сестринаго мужа въ Меджлисъ къ отвѣту за то, какъ смѣлъ укрывать у себя вредныхъ людей. Насилу выпутался человекъ изъ бѣды. Другой случай былъ въ Новой Варошѣ: одинъ злыковацъ (злодѣй) убилъ среди бѣлаго дня купца, и что же? Получилъ за это награду, и теперь назначенъ Булюбашею (начальникомъ Нововарошскихъ сейменовъ): эти-то разбойники и оборванцы и шляются по деревнямъ, отыскивая вредныхъ людей, тогда какъ ихъ самихъ слѣдуетъ повѣсить, или живыхъ побить камнями. Ты идешь, братъ, въ монастырь Баню: тамъ также берегись Михайла Лаптоша и монаха Макарія или, какъ называютъ его въ народѣ, полумонаха: это люди опасные! Помни мой совѣтъ! Хоть еще не извѣстно, что за человекъ этотъ недавно присланный сюда монахъ, но онъ, какъ видно, въ большей дружбѣ съ Лаптошемъ, а тотъ уже всѣмъ извѣстенъ, какова птица.

Я наконецъ всталъ и сказалъ:

— Мнѣ пора ити; но я не знаю, что мнѣ дѣлать съ моими вещами, какъ ихъ нести.

— Оставь ихъ здѣсь! сказалъ землякъ:— все будетъ цѣло, а завтра утромъ, или даже нынче, пришли кого ни будь за ними; но тебѣ нужно взять съ собой проводника.

Съ этими словами онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ мальчикомъ. «Вотъ этотъ мальчуганъ тебя проводить, а за вещами ты пришлешь.»

Я обнялъ добраго пріятеля, и простился съ нимъ.

— Мы опять увидимся, если ты долго проживешь въ Банѣ, сказалъ онъ.

— Я буду очень радъ, отвѣтилъ я, и пошелъ за мальчикомъ; но едва только мы отошли отъ корчмы, я увидалъ туземнаго Турка изъ числа сидѣвшихъ въ Присутственномъ Мѣстѣ по бокамъ Правителей. Онъ стоялъ и курилъ трубку.

— Развѣ уходишь? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Э! Добрый и счастливый тебѣ путь!

Я поблагодарилъ, и мы пошли далѣе. Придя къ маленькой рѣчкѣ Годушѣ, я увидалъ на лѣво кладбище и Турка, что-то рывшаго около могилы: это было Мухамеданское кладбище. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, мы взяли на лѣво, свернули съ большой дороги черезъ мѣстность, называемую Паля Глава, спустились сосновой рощей къ другой рѣчкѣ—Мала Рѣчица, прошли черезъ чужой огородъ и вышли на чужое поле. Не въ дальнемъ разстояніи показались небольшія строения и я замѣтилъ женщину въ Турецкой одеждѣ.

— Кто тутъ живетъ? спросилъ я у мальчика. — Вотъ Турчанка!

— Здѣсь давно живутъ Турки.

— А чья эта земля?

— Была когда-то монастырская, а теперь ею владѣютъ Турки.

Я замолчалъ.

Перейдя поле, мы пришли наконецъ къ рѣчкѣ. Мальчикъ остановился и сказалъ:

— Видишь ли ты эту дорогу на лѣво? Иди прямо по ней, и выйдешь къ мельницѣ. Мнѣ не велѣно провожать тебя далше.

Я далъ ему три гроша и пошелъ потихоньку одинъ. Трудно было узнать знакомую окрѣжность. На мѣстѣ прежнихъ столѣтнихъ дубовыхъ, орѣховыхъ и тополевыхъ лѣсовъ, торчали тощіе кустарники, пни и колоды, поросшіе травой. Я поднялся на горку къ мельницѣ новой постройки, стоявшей на противоположной сторонѣ прежней монастырской мельницы. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, я увидалъ наконецъ цѣль моего странствованія — монастырь, заслоненный какимъ-то новымъ незнакомымъ зданіемъ. Сердце мое сильно забилося при видѣ мѣста моего рожденія; но какъ оно измѣнилось въ двѣнадцать лѣтъ! Уцѣлѣлъ одинъ только столѣтній развѣсистый дубъ, росшій посреди кладбища на возвышенномъ мѣстѣ и осынявшій своими вѣтвями прахъ многихъ честныхъ Сербовъ, умершихъ въ окрестностяхъ; припомнилъ, что подъ этимъ дубомъ покоится прахъ моей родной матушки, моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, бабушекъ и прабабушекъ, сестеръ и братьевъ, моихъ близкихъ и знакомыхъ изъ всей окрестности. Я стоялъ въ раздумьи, а на монастырскомъ куполѣ не росли болѣе старинныя сосны, орѣшники и березы, и кругомъ обители исчезли прежнія огромныя деревья и рощи. Едва узнавая въ раздумьи знакомыя мнѣ мѣста, я очутился у монастырской корчмы и, войдя въ нее, встрѣтился неожиданно съ Лопашемъ, съ полумонахомъ Макаріемъ и съ другими личностями, съ которыми познакомя читателя въ слѣдующихъ главахъ.

III.

Кому не понятно чувство радости при видѣ родныхъ, знакомыхъ мѣсть, когда, послѣ долгаго отсутствія, возвращаешься къ своимъ домашнимъ? Забываешь всѣ лишения и опасности скитальческой жизни и мечтаешь о сладкомъ отдыхѣ среди своей семьи. Приближаясь къ монастырю Банѣ, я перебиралъ въ умѣ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и задавалъ себѣ вопросъ: всѣхъ ли застану ихъ въ живыхъ? Сонъ и усталость одолевали меня; я торопился дойти до монастырской корчмы, чтобъ отдохнуть, но совершенно незнакомая мѣстность разсѣяла мою дремоту: мнѣ показалось, что я зашелъ въ какое-то новое мѣсто. Такъ все измѣнилось въ мое двѣнадцатилѣтнее отсутствіе.

Въ прежнее время обитель была окружена густыми лѣсами, и что за разнообразіе тѣней и красокъ представляли эти дремучіе боры! Чего въ нихъ не было! Столѣтніе дубы, яворы, орѣшники, груши, яблони, тополи, клены и пр., гордо возвышали свои кудрявыя вершины, а длинныя, толстыя лозы, одичалыя остатки старинныхъ монастырскихъ виноградниковъ, красиво обвивались около ихъ крѣпкихъ стволовъ. Такими рощами поросла вся юго-западная сторона монастыря; теплые источники, огибая каменную ограду, текли наискось къ западу въ разныхъ направленіяхъ и сливались въ одну рѣку, на которой были издавна устроены монастырскія мельница и сукновальня. За этими лѣсами струились зеленыя волны Лима; но чтобъ ими любоваться изъ монастыря, надо было подняться на возвышенность, служившую кладбищемъ: отсюда Лимъ виднѣлся сквозь верхушки высокихъ деревьевъ. Въ лѣсныхъ чащахъ водились въ изобиліи дикіе кабаны и куницы, привлекая туда въ праздничные дни большое число охотниковъ. Къ монастырю вели три дороги, съ восточной, южной и сѣверо-западной стороны.

Туземные Сербы, Христіяне и Магомедане, не рубили этихъ лѣсовъ, считая ихъ, наравнѣ съ монастырскою землей, собственностью обители. Всѣ эти земли и лѣсныя дачи, до обновленія и приведенія монастыря Бани въ прежній порядокъ, принадлежали монастырю Св. Троицы въ Таслиджѣ или Плевлѣ въ Герцеговинѣ, который въ продолженіе всего этого времени получалъ доходы выше упомянутой обители. Онъ пользовался десятиной и сходомъ съ мельницы, и отдавалъ землю подъ чеснокъ или подъ ссуду туземцамъ Христіянамъ и Магомеданамъ, которые равно оберегали лѣса и прочую монастырскую собственность и честно платили за откупъ, считая грѣхомъ дѣлать вредъ Божиему дому.

Что же представилось теперь моимъ изумленнымъ глазамъ? Совершенно голая мѣстность, на которой кое-гдѣ торчали пни столѣтнихъ вѣдикановъ и валились рядами ободранныя колоды; о виноградныхъ лозахъ не было и помину. На всемъ лежала печать запустѣнія! Вода теплыхъ ключей была вся отведена въ противоположную сторону, къ сѣверо-западной части монастыря, и рѣка не пряталась за деревьями: она вся была открыта. Съ досадой смотрѣлъ я на варварское, искаженіе природы. Стамбульское правленіе не удовлетворялось конечнымъ разореніемъ народа: оно наложило свою святотатственную руку на невинную красоту столѣтнихъ лѣсовъ, которые сдѣлались жертвой дикаго произвола Стамбульскихъ чиновниковъ-просвѣтителей.

Задумчиво подошелъ я къ дверямъ постоялаго двора, около которыхъ толпилось много разговаривавшихъ муштинъ и женщинъ. Проходя мимо ихъ, я, по народному обычаю, произнесъ: «Богъ помочь вамъ, братья!» Сидѣвшіе привстали съ словами: «Всякаго благополучія отъ Бога!»

Съ такимъ же привѣтствіемъ я вошелъ въ корчму и находившіеся тамъ отвѣтили мнѣ: «Богъ помочь тебѣ!» Хозяинъ встрѣтилъ меня словами: «Добро пожаловать, брате!»

— Еще пріятнѣе видѣть тебя, отвѣчалъ я.

— Чай усталъ съ дороги?

— Порядочно.

— Откуда идешь?

— Изъ Шумадіи.

Нашъ разговоръ прервалъ одинъ изъ Турокъ, сидѣвшихъ вдвоемъ въ углу жилья и пристально посматривавшихъ то на насъ, то другъ на друга. Онъ обратился ко мнѣ, должно быть, съ привѣтствіемъ.

Я поклонился, но ничего не сказалъ.

— Имѣешь ли Иодъ-тескеру?

— Имѣю, и показалъ ему паспортъ.

— Это хорошо, отвѣчалъ онъ, но не обратилъ на паспортъ никакого вниманія и только пожелалъ узнать, пересматривали ли его въ Прибоѣ? Я удовлетворилъ его любопытству, и онъ опять повторилъ: «Хорошо!»

— Ну, а все ли теперь спокойно въ Шумадіи? спросилъ онъ, какъ бы спохватясь.

— Все мирно и спокойно, отвѣчалъ я.

Въ продолженіи нашего разговора сеяки сидѣли молча на лав-

кахъ и студяхъ. Турецкій правитель сказалъ, чтобъ я сѣлъ, и я занялъ пустое мѣсто на одномъ концѣ лавки. Хозяинъ подавъ мнѣ чашку кофе. Турки сидѣли и курили трубки; я попочтивалъ ихъ своимъ табакомъ; одинъ взялъ и сказалъ: «Благодарю, другъ!» — «Эй вага!» Допивъ свой кофе, я заказалъ еще три чашки, для себя и для блюстителей порядка. Они опять поблагодарили меня по своему: «Эй, вага досту!» — «На доброе здорье!» Они отвѣчали: «Эй вага Алахъ бимберитьарсент!» чего я, впрочемъ, не понялъ. Взявъ отъ меня чашку, кафеждя промолвилъ: «На здорье!» — «Благодарю!» отвѣтилъ я.

Послѣ этого Турки собрались въ дорогу и вышли изъ корчмы, довольные, по видимому, моими словами и угощеніемъ, что я заключилъ изъ ихъ привѣтствія, обращеннаго ко мнѣ. Я не хотѣлъ уступить имъ въ вѣжливости, и знаками далъ понять, что я очень радъ, сдѣлавъ имъ удовольствіе. Они сѣли на коней и уѣхали.

Немного времени спустя послѣ ихъ отъѣзда я опять заговорилъ съ корчмаремъ. Сидѣвшее общество хранило упрямое молчаніе и какъ то подозрительно смотрѣло на меня; нѣкоторые потихоньку разговаривали между собой. Имъ, конечно, въ голову не приходило, что я когда-то жилъ здѣсь и по рожденію принадлежу этой мѣстности; иные изъ нихъ, можетъ быть, знавали меня еще ребенкомъ и считали уже давно умершимъ. Мнѣ было какъ-то неловко. Между тѣмъ въ корчму вошелъ еще туземецъ. Окинувъ взглядомъ все собраніе, онъ сталъ пристально всматриваться въ мое лицо и назвалъ меня по имени. Тутъ-то многіе узнали меня, начали со мной цѣловаться и поздравлять съ благополучнымъ возвращеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались самыми близкими моими родственниками. Какъ измѣняются люди, когда встрѣтишься съ ними послѣ долгаго отсутствія! Одни въ двѣнадцатилѣтнюю мою отлучку состарѣлись, другіе выросли и женились. Да и я самъ, уйдя въ Сербію еще мальчикомъ, возвратился на родину взрослымъ человѣкомъ.

Наши обниманья были прерваны приходомъ новаго лица, въ монашеской одеждѣ, красивой наружности и съ окладистою бородой. На видъ этому человѣку казалось не болѣе тридцати лѣтъ, и мягкое выраженіе какой-то необыкновенной доброты покоилось на его лицѣ.

Незнакомецъ прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты здѣшній?

— Да, отвѣчалъ я.

Тогда онъ кинулся меня обнимать и цѣловать. Мы сѣли на лавку и спросили другъ друга объ имени. Это былъ монахъ Макарій. Онъ показался мнѣ такимъ добрымъ человѣкомъ, что я забылъ и род-

ныхъ и знакомыхъ, и занялся съ нимъ разговоромъ. Во все время держа меня за руку, онъ спрашивалъ, кто мои родители, что я дѣлаю въ Сербіи, какъ тамъ живетъ и все ли спокойно? Послѣ того онъ велѣлъ хозяйну корчмы отвести мнѣ комнату во второмъ этажѣ, и мы пошли туда. Намъ принесли двѣ чашки кофе и началась наша беседа. Добродушный калугеръ пожелалъ, между прочимъ, узнать, долго ли я здѣсь останусь и чѣмъ намѣренъ заниматься. Я рассказалъ ему, что хочу открыть школу для дѣтей въ здѣшнемъ монастырѣ и быть учителемъ. Онъ хвалилъ мое намѣреніе и прибавилъ: «Очень радъ! Мнѣ это весьма приятно.» Я объяснилъ ему, что мои вещи остались въ Прибоѣ; онъ тотчасъ же позвалъ одного знакомаго и просилъ поедать кого ни будь за нами; тотъ сказалъ, что самъ имѣеть надобность ити въ Прибой и по стараетъ захватить мои мѣшки, и я вѣхъ получалъ къ вечеру того же дня. Посидѣвъ еще немного и выпивъ кофе, инюкъ ушелъ въ монастырь, а я вошелъ въ общую горницу, и неспѣшнѣ лечь отдохнуть, по тому что сонъ смыкаетъ мои глаза; я легъ на ковръ, раскинутомъ на полу, положилъ подъ голову подушку, набитую сѣномъ, или соломой, которую мнѣ далъ корчмаръ, и заснулъ, но вскорѣ былъ принужденъ встать, мучимый множествомъ насѣкомыхъ: я онушалъ что-то на шеѣ, и увидалъ отвратительное бѣлое насѣкомое. Я растегнулъ жилетъ и сталъ тряхать рубашку, и что же? По ней безцеремонно прыгали черныя и лѣниво подзали бѣлыя букашки. Я вскочилъ съ полу и сошелъ въ низъ въ корчму, подергиваясь отъ зуда плечами. Посѣтители еще не расходились и пришли новые, которые здоровались со мной, привѣтствуя по народному обычаю; но мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ; я то вставала, то садился, то выходилъ изъ корчмы, думая только объ одномъ; скоро ли принесутъ мой багажъ, чтобъ переодѣться въ чистое бѣлье. Я велѣлъ подать водки, и угостилъ кофеемъ нѣкоторыхъ изъ земляковъ. Между поселянами въ это время проеходилъ споръ: одинъ говорилъ что вечерня давно кончилась, а другой утверждалъ, что она еще не началась. Я вмѣшался въ разговоръ и спросилъ о чемъ они спорять.

— Вотъ видишь ли, братъ, сказалъ одинъ селякъ, — сегодня праздникъ; мы пришли помолиться Богу и просидѣли такъ цѣлый день, по тому что не отпираютъ монастырской церкви. Монахъ, съ тобой сидѣвшій, сказалъ намъ сначала, что обѣдня начнется позже, а потомъ объявилъ, что она будетъ за одно съ вечерней. Мы прождали внапрасну; службы, какъ видно, сонѣмъ и не будетъ.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что некому служить.

— Развѣ онъ монахъ? возразилъ другой селякъ, свѣясь. — Онъ полумонахъ.

— Какъ полумонахъ?

— Да по тому что онъ служить не можетъ, а отростилъ себѣ бороду, надѣлъ монашескую рясу и шапку и воображаетъ себѣ, что онъ монахъ.

Какой-то рослый туземецъ прибавилъ:

— Объ этомъ калугерѣ ходитъ молва, что Владыка послалъ его сюда на епитемію за какой-то проступокъ; а другіе говорятъ, что онъ его подослалъ выпытывать, какъ судить народъ о Владыкахъ и Туркахъ.

Стоявшій на лѣво отъ меня селякъ сталъ моргать ему глазами, давая знакъ не говорить объ этомъ, и мы замолчали. Но я все таки спросилъ:

— Не уже ли у васъ нѣтъ больше монаховъ?

— Есть еще два, но ихъ куда-то разослалъ по дѣламъ этотъ полумонахъ.

— Какъ же прежде было?

— Тогда Игуменъ Діонисій бывало самъ служилъ, но Сараевскій Владыка вызвалъ его къ себѣ, будто бы по дѣлу, а когда онъ явился къ нему, сослалъ его куда-то далеко, въ Крайну, что въ Боснѣ, и замѣстилъ его этимъ полумонахомъ.

— Въ первый разъ случилось, что вы безъ обѣдни?

— Какой въ первый? При этомъ новопришельцѣ мы часто безъ обѣдни. Не даромъ пословица говорить: «Насъ триста, безъ попа ништа.»

— Пусть бы какіе сельскіе Священники, въ случаѣ нужды, совершали у васъ богослуженіе.

— Мы ждемъ, пока: по слухамъ сынъ Игумена Діонисія будетъ Священникомъ, а до тѣхъ поръ мы безъ пастыря.

— Кто же у васъ крестить, вѣнчаетъ, хоронитъ?

— Да никто. Хорошо, если есть время нашимъ духовникамъ, а то и такъ пройдетъ, какъ сегодня.

— Ахъ! Какъ это дурно!

— Что жъ дѣлать? Сила Бога не молитъ. Я скажу тебѣ по правдѣ: если бѣ монастырь еще на 50 лѣтъ оставался такимъ, какъ прежде, то онъ былъ бы гораздо лучше, нежели какъ его обновили теперь.

Разказы селяковъ сильно подстрекали мое любопытство, и мнѣ вышла изъ корчмы, чтобы поговорить свободнѣе. Словбохотливый собесѣдникъ продолжалъ:

— Прежде, бывало, каждый могъ войти въ храмъ и помолиться Богу, въ какое бы то ни было время, и даже безъ монаховъ, а теперь жди, когда отопрутъ монастырь. Мало того: придешь помолиться Богу, а вмѣсто того наткнешься на бѣду. Ты видишь, какъ близко построена корчма. Въ ней собирается всякая дрянь—змѣи и вороны («ага и врана»). Куда дѣваться пока отопрутъ монастырь? По неволѣ просидишь въ этомъ нечистомъ мѣстѣ. Такіе здѣсь нынче порядки.

— Дѣлать нечего, перебилъ другой, если не подали какой-ни будь монетки въ Божій домъ на честный Крестъ; ва то сегодня будетъ больше прибыли въ карманѣ корчмарю.

— По чему же такъ?

— Народъ пришелъ сюда еще съ утра и кружится около церкви въ ожиданіи службы, а между тѣмъ уже смеркается. Многие проголодались и разошлись по домамъ; а другіе пошли въ корчму, встрѣтились съ знакомыми, и ну угощать другъ друга; если денегъ не достало, то въ долгъ: значить, механджіа богатѣеть, а селякъ бѣднѣеть, по тому что, вмѣсто одного гроша, часто положить два и три.

— А хорошо ли поправили монастырь?

Разсказчикъ потупилъ глаза въ землю и сказалъ со вздохомъ:

— Говорятъ, что его исправили; но ты самъ увидишь, таковъ ли онъ теперь, какъ былъ прежде. Я хотъ и простой человекъ, а скажу по совѣсти, что его просто изуродавали.

— Какъ же это такъ?

— Такъ! Внутри церкви въ алтарѣ и передъ нимъ на стѣнѣ нѣтъ ни прежнихъ живописныхъ стѣнныхъ изображеній Святыхъ; ни написей, кое-гдѣ только уцѣлѣли малые остатки: все стерто и испорчено: Прости, Господи! монастырь походитъ больше на пещеру; не жели на домъ молитвы.

Къ намъ подошелъ еще кто-то, и привѣтствовалъ меня словами: «Добро пожаловать!» и поцѣловался со мной. Я узналъ въ немъ своего близкаго родственника. Мы пошли поговорить на верхъ, и я разсказалъ ему свои путевыя приключенія.

Въ это же самое время возвратился изъ Прибоя посланный за моими вещами. Я поспѣшилъ поскорѣй переодѣться; замѣтя своему родственнику, какъ мало заботятся корчмари о чистотѣ жилья, подвергая постояльцевъ нападенію отвратительнѣйшихъ насѣкомыхъ.

— (!) здѣсь много водится этого гада; сказалъ онъ, — и не мудрено! потому что всякій сбродъ останавливается и ночуетъ въ этой корчмѣ. Попроси хозяина, чтобы распорядился вычистить комнату получше.

Итакъ мы сошли внизъ. Многое нужно было распросить; пе-

редать другъ другу, но вышла опять помѣха. Въ корчму вошелъ человекъ средняго роста, съ черными усами; онъ держалъ длинный чубукъ, обтянутый краснымъ сукномъ и съ янтарнымъ мундштукомъ. Назвавъ меня по имени, онъ также поцѣловался со мной, сѣлъ на скамью и закурилъ трубку. Я кого-то спросилъ, что это за личность.

— Миланъ Лаптошъ, отвѣчали мнѣ. Тутъ я припомнилъ себѣ все, что мнѣ говорили и прежній дорожный товарищъ и встрѣченный знакомецъ въ Прибоѣ, совѣтовавшіе мнѣ быть осторожнымъ при свиданіи съ нѣкоторыми лицами.

Лаптошъ сейчасъ же спросилъ меня, что дѣлается въ Сербіи, все ли тамъ спокойно и какъ живется? Я отвѣчалъ ему такъ же, какъ и Туркамъ въ началѣ моего странствія. На его лицѣ, какъ будто, выражалось какое-то неудовольствіе. Онъ мало разговаривалъ и все задумывался, какъ прежніе Турецкіе суваріе, выпуская дымъ изъ трубки. Своими манерами онъ походилъ болѣе на Турецкаго правителя, нежели на Сербскаго селянина. Поигрывая своимъ краснымъ чубукомъ, онъ представлялъ изъ себя какого-то начальника, нехотя отвѣчалъ на слова селяковъ и задумывался для большей важности. Я замѣчалъ каждое движеніе этой особы, обдумывалъ заранее свои словами, внутренне раскаяваясь въ своей откровенности съ добродушнымъ на видъ монахомъ Макаріемъ.

Наконецъ народъ сталъ расходиться: родные и знакомые приглашали меня къ себѣ на ночлегъ, но не слишкомъ настойчиво. Я понялъ причину ихъ притворнаго равнодушія и отказался. Когда всѣ ушли, вернулся монахъ и пригласилъ меня къ себѣ ужинать, съ такимъ радушіемъ и любезностію, что я охотно согласился и пошелъ съ нимъ. Къ ужину явились староста монастырскій и корчмарь, и между нами зашелъ разговоръ о разныхъ предметахъ. Больше всѣхъ говорилъ монахъ: онъ съ сожалѣніемъ отзывался о бѣдности обителя, о недостаткѣ средствъ къ пропитанію, и сильно порицалъ прежнее монастырское управленіе.

По его словамъ въ монастырѣ не имѣлось прихода-расходныхъ книгъ, и при этомъ онъ показалъ мнѣ двѣ ничтожныя сшитыя кое-какъ связки изъ нѣсколькихъ листовъ бѣлой бумаги.

— Я хочу, сказалъ онъ, завести настоящій порядокъ: въ одну тетрадь буду выписывать приходъ, а въ другую расходъ, чтобъ привести въ извѣстность денежныя средства обителя. Авось, она дастъ побольше прибыли.

Поблагодаривъ за ужинъ, я вышелъ съ корчмаремъ и отправился на свой ночлегъ, гдѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день рано утромъ хозяинъ разбудилъ меня къ заутрени, и мы пошли вмѣстѣ. Войдя въ церковь, я увидалъ на правой сторонѣ, въ темномъ углу, стараго сѣдаго монаха, съ трудомъ тащившаго, кажется, желѣзный подсвѣчникъ. На этой же сторонѣ, за клиросомъ, стоялъ уже добродушный отецъ Макарій, исполняя за разъ должность пѣвца и дьякона. Богомольцевъ было очень мало: монастырскій староста, корчмарь, какой-то старикъ, я и еще кое-кто. Притворяясь молящимся, я между тѣмъ осматривалъ стѣны храма, когда-то украшенныя иконописью, но въ настоящее время все было почти уничтожено и замазано смѣсью глины съ известкой. Выходя изъ монастыря я отыскивалъ прежнія надписи, нѣкогда красовавшіяся на его наружныхъ стѣнахъ, и въ особенности одну изъ нихъ надъ входными дверьми, вырѣзанную на довольно широкомъ камнѣ красными и синими буквами, и не найдя ея, спросилъ, гдѣ же этотъ камень? Мнѣ отвѣчали, что его вынули и разбили при перестройкѣ монастыря. Я вспомнилъ также, что на лѣвой сторонѣ стѣны предъ церковью было углубленіе, въ которомъ приходившіе и прѣзжавшіе Сербы, входя во храмъ, оставляли свои пистолеты, кинжалы и ружья; но ни этого мѣста, ни прежнихъ каменныхъ столбовъ предъ церковью я не нашелъ, и мнѣ невольно пришла на память слова моего спутника, что монастырь скорѣе изуродовали, нежели асправили.

Привѣтливый отецъ Макарій пригласилъ меня опять къ себѣ. Къ нему пришли еще нѣкоторые изъ туземцевъ, и между ними первое мѣсто занималъ староста монастыря, Лаптошъ. Мы усѣлись на коврахъ, и намъ подали сначала по рюмкѣ водки, а потомъ по чашкѣ чернаго кофе. Староста корчилъ изъ себя какую-то высокопоставленную особу. Отъ него, какъ видно, зависѣла судьба самого Настоятеля, по тому что послѣдній старался угождать ему и съ подобострастною улыбкой заговаривалъ съ нимъ, но тотъ больше молчалъ и только вслушивался въ нашъ разговоръ. Бывъ предупрежденъ еще дорогой на счетъ этихъ личностей, я соблюдалъ большую осторожность въ своихъ словахъ; однако у меня невольно срывались съ языка нѣкоторыя замѣчанія, на которыя староста тотчасъ же дѣлалъ свои возраженія.

Ознакомившись поближе съ своими собесѣдниками, я сталъ слѣдить за ними и раздумывать, удадутся ли мои планы? Безграмотная личность Лаптоша, отъ которой зависѣло монастырское управленіе, мало общалась хорошаго. По его физіономіи и по нѣкоторымъ отрывистымъ словамъ можно было замѣтить, что онъ съ ненавистью относился къ школьному дѣлу. Подъ конецъ завтрака явились родствен-

ники, которыхъ я прежде не зналъ; тетки, невѣстки и пр., и бесѣда наша прекратилась.

На другой день я отправился къ отцу Макарію и завелъ съ нимъ рѣчь о школѣ. Онъ какъ будто одобрялъ мое намѣреніе, хвалилъ мои планы и обѣщался писать къ Сараевскому Владыкѣ. Въ случаѣ согласія послѣдняго, онъ не замедлитъ объявить тузамцамъ, что послѣдовало разрѣшеніе Митрополита на устройство училища, которое онъ и постарается открыть при монастырѣ. При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что, по прѣздѣ сюда, онъ тотчасъ же хотѣлъ озаботиться образованіемъ народа; но не довольно еще съ нимъ ознакомился, а главное, бѣдность монастыря препятствовала ему исполнить свое желаніе, потому что не имѣется средствъ платить жалованье учителю, который можетъ только пользоваться общею братскою трапезой.

Во время нашего разговора пришли къ монаху кой-какіе гости: я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, но ихъ посѣщеніе продолжалось не долго, и послѣ ихъ ухода Макарію предложилъ мнѣ осмотрѣть мѣстность гдѣ онъ хотѣлъ развести садъ. Спустился по лѣстницѣ и пройдя нѣсколько шаговъ, мы очутились въ указанномъ мѣстѣ, и монахъ принялся мнѣ разсказывать, гдѣ онъ что посадить, что посеять. Я былъ просто очарованъ его словами и представлялъ себѣ будущій садъ земнымъ раемъ. Но всѣ эти планы рисовались еще только въ его воображеніи, а на самомъ дѣлѣ въ усадьбѣ, кромѣ нѣсколькихъ кустовъ хлопчатника и огородной зелени, ничего не было. Выйдя изъ сада, мы пошли кругомъ монастыря, осматривали плохой деревянный домъ для прѣзжающихъ богомольцевъ и, пройдя черезъ калитку, очутились внѣ ограды. Мы поднялись на гору и увидѣли нѣсколько ульевъ. Возлѣ нихъ сидѣлъ сѣдой старикъ и дѣлалъ изъ дикой лозы новыя ульи. Мы подошли и по обычаю поздоровались съ нимъ, но онъ молчалъ (былъ немножко глухъ). Макарію сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но вдругъ закричалъ и побѣжалъ прочь. Пчела ужалила его въ лицо, старикъ посмотрѣлъ на насъ и что-то прошепталъ про себя. Почтенный отецъ поднесъ камешекъ и сталъ имъ натирать больное мѣсто, а потомъ вынулъ изъ кармана и приложилъ мѣдную монетку.

Это маленькое приключеніе не помѣшало нашему обзору. Мы пошли далѣе внизъ и Макарію показалъ мнѣ, гдѣ онъ предполагалъ выстроить новыя купальни для приходящихъ больныхъ; онъ даже опредѣлялъ мѣсто для будущей школы. Тутъ мы разстались. Мой словоохотливый собесѣдникъ пошелъ далѣе, а я остался осматривать окрестность, припоминая нѣкоторыя мѣста, когда-то покрытыя густыми

деревьями, куда собирался народъ: въ годовые праздники, какъ-то: Благовѣщеніе (Цвѣты), Лазареву Субботу, Свѣтлое Воскресеніе, Петровъ день, Ильинъ день, Успеніе Богородицы, Покровъ Богородицы, и Задушницы (родительская суббота). Въ этотъ день хороводы не велись, пѣсни не пѣялись, стрѣльбы никакой не позволялось, ни увеселенія, только собирались на молитву объ усопшихъ, каждый несъ свою книжку (читалу) или поминальничекъ, въ которомъ были записаны умершіе члены его рода. Сколько было въ книжкѣ именъ умершихъ, столько нужно было зажечь свѣчей, которыя готовились каждымъ семействомъ у себя дома, своею домашней работой. Въ этотъ день молодые люди и дѣвѣцы не ходили, а преимущественно старики и старухи, чтобы помянуть усопшихъ родителей и прочихъ родственниковъ. Въ этотъ день не приобщался никто, точно такъ же и на Святаго Ілію (20 Іюля). Въ Родительскую и Богородичинъ Покровъ поминались умершіе: эти дни назывались Задушницами. Сколько бы у кого свѣчей ни было, каждый зажигалъ своею рукою всѣ, и поминалъ своихъ усопшихъ. Остатки огарковъ отдавалъ каждый священнику: считалось за грѣхъ возвратити домой изъ церкви какой ни будь огарокъ.

Въ эти дни можно было видѣть многихъ стариковъ, или старухъ, съ большими сношниками свѣчей въ рукахъ передъ написанными образами по стѣнамъ храма, которые усердно молились и свѣчки зажигали. Въ эти праздники люди причащались, а въ Ильинъ день послѣ обѣдни веселились: водили хороводы, пѣли пѣсни, стрѣляли изъ ружей и пр. Разныя торговцы приходили также на эти праздники и безпрятственно продавали городскія произведенія: водку, красное вино, медовину (медовый шербетъ), соль, мясо и пр. Селяки, сами дѣлавшіе порохъ, сбывали его тутъ же. Молодые люди испытывали свою силу: бросали камень съ плеча, прыгали, чтобы узнать, кто сильнѣй и ловчѣй; притягивались пальцами, и кто первый пустил палецъ, тотъ былъ малосильнѣе, или боролся, взявъ другъ друга одной рукою за плеча, а другой подъ мышку, и тотъ, кто сваливалъ товарища до трехъ разъ, считался сильнѣе. Отличившихся ловкостью и силой называли «юнаками» (молодцами). Всѣ эти увеселенія и торговля происходили подъ открытымъ небомъ.

Немного наискось къ сѣверу стояли два большіе клена, на которые молодые люди вѣшали свои длинныя ружья, а у корня складывали пистолеты во время своихъ тѣлесныхъ упражненій. Вся эта мѣстность была покрыта камнями разной величины и вбитыми въ землю колышками, которые свидѣтельствовали о ловкости силачей. Припоминая былое, я отыскивалъ мѣста, гдѣ стрѣляли въ цѣль, но

теперь ничего этого не было. Не уцѣляли и старыя деревья—все пропало! Самый монастырь, со своимъ развѣченнымъ куполомъ показался мнѣ и меньше и хуже противъ прежняго. Все старинныя внутреннія и наружныя украшенія были уничтожены и на всей окрестности лежала печать разрушенія.

Жаль мнѣ стало нашихъ старинныхъ народныхъ памятниковъ, уничтоженныхъ святотатственною рукою корыстолюбивыхъ невѣждъ, и я направился къ приходу Св. Иліи, чтобы взглянуть на живописныя изображенія Святыхъ и на надписи, когда-то украшавшія его стѣны, но и они точно также исчезли. Этого мало: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не осталось даже и слѣдовъ прежняго основанія, а только съ южной стороны торчалъ обезображенный столбъ, похожій на крѣпостную развалину: о прежней каменной крышѣ не было и поминна. Я вспомнилъ, что на противоположной сѣверной сторонѣ былъ пригорокъ подъ тѣнью разросшагося орѣшника, обвитаго толстою виноградной лозой до самой верхушки. Подъ этимъ большимъ тѣнистымъ деревомъ, на этой прекрасной возвышенности, во время народнаго гулянья, обыкновенно помѣщались Турціи-сеймены, наблюдавшіе за туземными и приходившими Мухамеданами, чтобъ они не вѣщивались въ дѣла и заботы Христіанскаго населенія, не пили водки и не нарушали общественнаго порядка. Ослѣпшимъ подвергался наказанію: булюбаша, или барактаръ (начальникъ) посылалъ двухъ вооруженныхъ сейменовъ и допрашивалъ его, за чѣмъ онъ пришелъ. Въ случаѣ сопротивленія, виновнаго сивывали и оной гандили къ привязи, гдѣ съ нимъ распорядился начальникъ отряда по своему усмотрѣнію. Я не нашелъ ни возвышенности, ни орѣшника, отъ котораго остался одинъ только иривою согнутый пенъ, повалившійся на бокъ. Мѣстность была разрушена и вся испорчена, только въ безпорядкѣ валялись кучи камней.

Предъ входными дверьми храма Св. Николая возвышались три каменные столба въ родѣ башенъ; въ былое время, по рассказамъ людей, на нихъ висѣли колокола: и все это подверглось безпощадному истребленію. За этими столбами, прямо противъ церковныхъ дверей, въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ большой камень, на который ложились больные. По народному повѣрью, кто засыпалъ на немъ, тотъ выздоравливалъ. Я пошелъ отыскивать этотъ камень. Слава Богу! онъ уцѣлѣлъ, и какая-то женщина убаюкивала на немъ своего ребенка (вѣроятно, больного), чтобъ онъ заснулъ. Я пошелъ прямо къ кельямъ и встрѣтился съ двумя незнакомыми лицами изъ братства: то были монахи, ѣздившіе по деревнямъ для отправленія церковныхъ

требъ. Мы, по обычаю, раскланялись и поцѣловались; они обрадовались нашей встрѣчѣ и спрашивали, что дѣлается въ Сербіи и какъ тамъ живетъ. Поговоривъ немного, я вошелъ въ келью отца Макарія, и засталъ его за чтеніемъ какого-то письма, полученнаго изъ Сараева, какъ я узналъ въ послѣдствіи; въ слѣдъ за мной пришли и оба монаха. Когда Макарій кончилъ чтеніе письма, явился слуга и доложилъ объ обѣдѣ. Монахъ удостоилъ меня своимъ приглашеніемъ, и мы всѣ пошли внизъ. Онъ сталъ на своемъ мѣстѣ, прочелъ молитву и, обратясь къ старшему изъ монаховъ, сказалъ: «Благослови, отче!» Тотъ крестообразно обвилъ трапезу и мы сѣли. За столомъ начался разговоръ:

— Какъ вы думаете, спросилъ Макарій, обращаясь къ собеседникамъ: не худо бы намъ устроить школу? Учитель готовъ (при этомъ онъ показалъ на меня), намъ слѣдуетъ удержать его, чтобъ онъ занялся обученіемъ здѣшнихъ дѣтей.

Монахи немного помолчали, посмотрѣли другъ на друга и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Да, это было бы недурно; и, въ ожиданіи другого помѣщенія для школы, можно было бы отвести на время эту комнату; но, вѣдь, учителю слѣдуетъ давать, хотя небольшую, плату за его труды.

— Да, недурно, подхватилъ другой: но какъ это понравится тѣмъ, кто долженъ озаботиться этими дѣлами?

Эти слова, какъ видно, не понравились Макарію: онъ покраснѣлъ и сердито отвѣчалъ:

— Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ. Если я захочу, у меня найдутся средства. Спрашиваться я также ни у кого не стану, кромѣ Владыки; я никому не позволю мѣшаться въ монастырскія дѣла; заведу школу, и самъ буду помогать учителю. Кому нравится — присылай своихъ дѣтей; не нравится — какъ хочеть. Монастырь зависитъ только отъ Владыки да отъ нашего братства.

Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на монаха и спокойно отвѣчалъ:

— Хорошо, если бы было такъ. Здѣсь давно бы устроилась школа, какъ прежняя. Учитель пользовался бы нашею трапезой, а за труды получалъ бы отъ селяковъ натурой: баранами, хлѣбомъ, шерстью и пр. Продавая эти вещи, онъ могъ бы одѣться и обуться. Добрые люди жертвуютъ же на монастырь: они могли бы помочь и школѣ. Я помню, Русскій Консулъ, въ бытность свою здѣсь въ прошломъ году, обѣщалъ выхлопотать у своего Правительства пособіе на устройство училища. Стоить только въ первый же праздникъ поговорить съ Кме-

томъ и народомъ объ этомъ предметѣ. Я увѣренъ, что они будутъ согласны, но что скажутъ Турки? Какъ взглянуть на это дѣло торговцы и купцы? Успѣхъ и неудача отъ нихъ зависятъ. Не забудь также и монастырскаго Старосту Лаптоша.

Макарій немного позадумался, потомъ сказалъ:

— Я самъ поѣду въ Новую Варошъ и поговорю съ купцами. Скажу также Мудиру, что намъ нужна школа.

— Какъ знаешь, такъ и дѣлай; отвѣчалъ старикъ: только берегись, чтобъ не вышло хуже.

— Отъ чего же? возразилъ я. Вѣдь, милостивѣйшій Султанъ позволилъ Християнамъ заводить школы, строить церкви, обновлять монастыри и прочее.

— Мало ли, что Царь разрѣшалъ и обѣщалъ намъ, да остальные Турки-то не исполняютъ того, что написано на бумагѣ, и дѣлаютъ все по своему старому обыкновению. Хоть самъ Султанъ сядетъ бы въ каждомъ Присутственномъ Мѣстѣ съ его бородой, и то ничего не сдѣлаетъ: пока правосудіе въ рукахъ у Турокъ, всегда такъ будетъ. Вотъ Мудиръ объявляетъ, что Царь велитъ всѣмъ оказывать правосудіе, а попробуй-ка пожаловаться на суваря, или на сеймена, такъ и будешь самъ виноватъ. Мнѣ уже 70 лѣтъ, я довольно видѣлъ на своемъ вѣку и знаю нашихъ купцовъ прежнихъ временъ, теперешнихъ крещеныхъ и не крещеныхъ. Мой совѣтъ ничего не начинать, а ты, момче (молодой человекъ), отправляйся въ Новую Варошъ, предъяви Мудиру паспортъ, и ступай опять туда, откуда ты пришелъ!

Макарію, какъ видно, не по сердцу былъ этотъ разговоръ: онъ безпреставно мѣнялся въ лицѣ.

Макарій сообщилъ тутъ же, что онъ часто видитъ рано по утру, или поздно вечеромъ, съ правой стороны около кладбища маленькій огонекъ, какъ бы отъ зажженной восковой свѣчки. Нѣтъ ли тутъ прибавилъ онъ, какой святыни, или тѣла праведнаго человека? И, странное дѣло, какъ только подойду поближе, огонекъ пропадаетъ.

— Вамъ слѣдовало бы откопать это мѣсто и посмотрѣть, не зарыто ли тамъ чего драгоценнаго.

— Копали и нашли какой-то сгнившій сундукъ съ книгами и бумагами, лежавшими въ безпорядкѣ. Онъ до того съ землей смѣшался, что ничего нельзя было разобрать и понять.

— Что же съ ними сдѣлали?

— Опять зарыли на томъ же мѣстѣ. Когда ни буди покажу тебѣ этотъ свѣтъ, а теперь я хочу немного отдохнуть.

Послѣ обѣда мы опять пошли наверхъ, выпили по чашкѣ кофе,

и монахъ предложилъ мнѣ отдохнуть, но я объявилъ, что желаю еще кое-что осмотрѣть и сравнить настоящій видъ монастыря съ тѣмъ, какъ онъ остался у меня въ памяти.

Я простился съ Макаріемъ и пошелъ къ корчмѣ, гдѣ засталъ большую толпу народа и Кмета (сельскаго старшину), который назначилъ на другой день састанакъ (сходъ). Познакомившись съ Кметомъ и съ другими туземцами, я спросилъ ихъ о причинѣ предстоящаго схода:

— Надо собирать иштиру (подать натурой) и коморе (подводы), отвѣчалъ онъ.

— Что такое иштира?

— Приходи завтра на сходъ и узнаешь!

— А гдѣ соберется сходка?

— На Цвѣтковой равнинѣ.

Эта мѣстность отстояла на 5—6 верстъ отъ монастыря. Мнѣ любопытно было сельскій миръ и судъ послушать, узнать, что за новая подать, и по возвращеніи въ монастырь я объявилъ Макарію о своемъ желаніи видѣть сходку. Въ тотъ же вечеръ я отправился съ однимъ знакомымъ, и ночевалъ не далеко отъ этой мѣстности.

IV.

На другой день, рано утромъ, я пошелъ на сходъ. Кметъ и нѣсколько туземцевъ стояли подъ тѣнью большаго грушеваго дерева, а не вдалекѣ подъ другимъ деревомъ сидѣлъ, прислонясь къ нему спиной, Турокъ, вооруженный двумя пистолетами и большимъ кинжаломъ. Длинное ружье висѣло на суку, а немного подальше привязанная лошадь щипала траву. Я обмѣнялся съ Кметомъ и селяками обычнымъ народнымъ привѣтствіемъ. Турокъ, увидя меня, спросилъ Кмета, кто я таковъ и откуда пришелъ. Послѣдній удовлетворилъ его любопытство.

Собравшійся народъ и кметъ разговаривали между собой въ ожиданіи прочихъ сельчанъ. Спустя нѣсколько времени, Кметъ, выйдя на средину, спросилъ:

— Всѣ ли пришли?

Но многіе не могли поспѣть къ назначенному сроку по отдаленности мѣста: мы опять принялись разговаривать, а между тѣмъ стали подходить опоздавшіе селяки. Всѣ здоровались другъ съ другомъ и освѣдомлялись о домашнихъ. Кметъ опять спросилъ: «Всѣ ли здѣсь?»

и на утвердительный отвѣтъ, сталъ выкликать каждаго по имени и прозвищу. Нѣкоторые отвѣчали:

— Я пришелъ за такого-то.

Жены за своихъ мужей, вдовы за своихъ дѣтей.

— Итакъ, выслушайте, братья, для чего я собралъ васъ на са-станакъ: отъ Мудира полученъ приказъ, по Царскому повелѣнiю, собрать для Царскаго войска по одному оку масла и по десяти окъ пшеницы съ каждаго женатаго мущины; да столько-то мѣшковъ съ каждой кметiи (общины). Надо постараться заплатить скорѣе подать и приготовить продовольствiе, по тому что идетъ война съ Черною Горой. Послѣ войны Царь каждому за все заплатитъ.

Мертвая тишина царствовала во всемъ собранiи. Кметъ говорилъ стоя, а прочiе сидѣли, или стояли, какъ кому было удобнѣе.

— Все ли вы слышали, братья, что я вамъ сказалъ? повторилъ опять Кметъ.

— Слышали нашу бѣду, отвѣчали присутствующiе.

Кметъ сѣлъ на небольшой пригорокъ и задумался въ ожиданiи народнаго рѣшенiя.

Селяки тихо заговорили между собой, пожимая плечами и покачивая головой. Такъ прошло немного времени, и Кметъ обратился опять къ народу:

— Давайте же совѣщаться по братски, чтобы не терять напрасно времени. Между нами есть люди пожилые и бѣдные; надо постараться, чтобы всѣмъ отдѣлаться какъ ни будь отъ этой бѣды. Я увѣренъ, что Царь намъ за все заплатитъ.

Едва Кметъ произнесъ послѣднiя слова, какъ на сходкѣ поднялся громкiй ропотъ:

— Что ты говоришь намъ о Царской уплатѣ? Мы не дѣти, чтобы не понимать обмана. Не было еще примѣра, чтобы Турки исполняли Царскiя слова. Мы ограблены и доведены до нищеты, ходимъ оборванцами, по милости этихъ обѣщанiй. Все пропало, что ни попадало въ Турецкiя руки, какъ въ волчью глотку. Такъ ли мы жили прежде? Намъ доставало и Царю платить, и себя съ челядью (семействомъ) кормить, а съ тѣхъ поръ, какъ Омеръ-Паша прошелъ въ Босну и была война съ Московомъ, мы въ конецъ раззорены. То давай воловъ и лошадей для перевозки пушекъ и въ подводы, то сѣна и хлѣба для Царскаго войска, то строй мосты. А заплатили ли кому нѣзъ Царской казны?

— Никому! отвѣчали изъ толпы.

— Вотъ въ чемъ мы остались, сказалъ одинъ старикъ, показы-

вая лохмотья своего кафтана. Вамъ извѣстно, братья, что я не пьяница, работалъ безъ устали и днемъ и ночью, и получилъ отъ отца порядочное наслѣдство, а теперь подъ старость остался безъ рубашки. Все, что было, ушло на подати. Мнѣ нечѣмъ платить, хоть рубите голову.

На Кметѣ посыпались со всѣхъ сторонъ упреки.

— Что же вы, Кметы, молчите и не говорите Туркамъ, что мы въ конецъ ограблены ихъ ежедневными поборами? Вы только собираете сходки и тянете изъ насъ послѣднія силы. Намъ остается или продать своихъ дѣтей, чтобъ уплатить подати, или потурчиться, или бѣжать, куда глаза глядятъ.

Кметъ сталъ уговаривать народъ.

— Напрасно вы обвиняете Кметовъ въ общей бѣдѣ; вамъ тяжело, а намъ еще хуже. Сколько разъ мы говорили Туркамъ, что вы раззорены, что у васъ ничего нѣтъ; они грозятъ намъ темницей, если мы имъ не доставимъ всего въ порядкѣ. Мы стоимъ между двухъ огней: съ одной стороны Турки съ своими угрозами, съ другой вы съ обвинениями и нападками. Турки ничему не вѣрятъ. Если вамъ кажется, что я васъ обманываю, прошу васъ, снимите съ меня это бремя и выберите другого, который лучше будетъ васъ защищать противъ Турокъ.

Наступило краткое молчаніе, послѣ котораго народъ сталъ совѣщаться между собой, и рѣшилъ собрать по возможности требуемую подать, съ условіемъ, что Кметъ представитъ Мудиру, какъ народъ доведенъ до крайности безчисленными налогами.

— Ты знаешь, говорили селяки, что у насъ нѣтъ ни одной лошади. Все, что мы соберемъ, хлѣбъ и масло, мы принесемъ въ монастырь на своихъ плечахъ, а тамъ Турки пусть раздѣлываются сами, какъ знаютъ, съ награбленнымъ добромъ.

— Нельзя, братья, возразилъ Кметъ: приказано доставить сборъ въ Новую Варошъ.

Въ народѣ послышался сильный ропотъ. По сирайкамъ оказалось, что въ одной мѣстности совсѣмъ не было лошадей, въ другихъ онѣ или находились постоянно въ подводахъ у Турокъ, или отняты, или загнаны и пали.

Споры о доставкѣ подати прекратились, и Кметъ пригласилъ поселянъ къ совѣщанію о томъ, сколько кто можетъ дать хлѣба, масла и пр. Нѣкоторыхъ стариковъ и бѣдныхъ вдовъ вовсе уволили отъ взноса подати и ихъ часть разложили на болѣе зажиточныхъ. Послед-

ніе роптали, но уступили общему приговору: «Какъ скажутъ люди, такъ тому и быть!»

Въ это время выступила впередъ одна бѣдная женщина и объявила, что мужъ ея уже два года слѣпой, и что у нея ничего нѣтъ. Она просила освободить ее отъ этой бѣды, но сходъ рѣшилъ, чтобъ она заплатила только половину, то есть, половину сбора съ женатаго мужчины.

Турецкій Правитель все это время крѣпко спалъ подъ тѣнью дерева въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сходки.

Въ прежнее время опредѣленіе количества подати дѣлалось такимъ образомъ: съ бѣднѣйшихъ брали меньше, или и совсѣмъ освобождали отъ платежа, а что приходилось съ нихъ, то раскладывали на тѣхъ, у кого было больше достатка. Бѣдниковъ называли сиромачами (сиротами). Богатыхъ звали задружными (счастливыми). * Въ числѣ таковыхъ считались семейства, гдѣ было много взрослыхъ мужчинъ, женатыхъ и холостыхъ, дружно работавшихъ и жившихъ согласно. На нихъ раскладывалась обыкновенно повинность сиромачъ, стариковъ и бѣдныхъ вдовъ съ дѣтьми. Зажиточная вдова съ малолѣтними сыновьями вносила въ первый годъ смерти мужа только полголовы, за шесть мѣсяцевъ, а за семилѣтнихъ мальчиковъ давала харачъ за каждаго, но освобождалась отъ остальныхъ податей. За дѣтей женскаго пола ничего не платилось; дѣвушки, считавшіяся по народному понятію безсильными и слабыми, также были изъяты отъ повинностей. Но Турки, отобравъ оружіе у народа, уничтожили всѣ его старинныя права и обложили податью всѣхъ безъ исключенія.

Разбирательство селяковъ было прервано появленіемъ одной женщины, которая громко заявила, что она, бѣдная вдова, осталась съ малыши сиротами и не можетъ ничего дать. Селяки молча переглядывались между собой, а бѣдняжка продолжала рассказывать, какъ лѣтомъ она ходитъ на поденную работу къ сосѣдямъ жать хлѣбъ, а зимой прядетъ шерсть и пеньку, вяжетъ носки и такимъ образомъ содержитъ свою осиротѣлую семью. Проснувшемуся Правителю не понравился рѣзкій тонъ женщины; онъ покраснѣлъ, поджалъ подъ себя ноги и закричалъ во все горло:

— Ты должна платить, что Царь требуетъ, хотя бы у тебя такіе были зубы! прибавилъ онъ, показывая свой указательный палецъ.

* Задруга—когда въ семьѣ много рабочихъ рукъ и всѣ работаютъ въ общую семью. Такія семьи въ народѣ называются счастливыми и, наоборотъ, одиночки считаются несчастными или сиротами.

Женщина не оробѣла и сердито отвѣчала оборванцу:

— Когда мой мужъ былъ живъ, онъ платилъ, какъ и другіе люди, и задолжалъ по милости разныхъ податей и Царскихъ бѣдъ. Я уплатила всѣ его долги и осталась съ одними сиротами. Не прикажешь ли ихъ продать для Царскаго налога, отъ котораго освобождены всѣ вдовы?

Турокъ вскочилъ съ своего мѣста и грозно закричалъ:

— Молчи! продавай свою послѣднюю курицу, одежду и дѣтей, а Царю плати!

Женщина измѣнилась въ лицѣ отъ его угрозъ, наконецъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Хорошо тебѣ издѣваться надъ беззащитной женщиной, но какъ ты ни страдай, а я платить не стану и скорѣй убью своихъ дѣтей и брошусь въ воду, нежели продамъ ихъ за бѣду.

Турокъ разсвирѣпѣлъ и сталъ браниться неприличными словами. На сходкѣ поднялся шумъ. — «Долго ли еще намъ терпѣть такое зло? У насъ все обобрали до голой души, и грозятъ еще продать нашихъ дѣтей, силой потурчать насъ. Нѣтъ! этого не будетъ.»

Састанакъ принималъ грозный характеръ, но Кметъ и болѣе благоразумные Старшины стали уговаривать и успокаивать народъ. Кметъ подошелъ къ Турку и сказалъ:

— Сядь пожалуста на свое мѣсто; не мѣшайся въ наши дѣла и не нарушай порядка. Мы сговоримся между собой и все, что слѣдуетъ, соберемъ по своимъ силамъ и уплатимъ Царю.

Турокъ, замѣтивъ народное волненіе, послушался Кмета и сѣлъ опять на свое мѣсто, но не переставалъ ворчать и показывать свое неудовольствіе покачиваніемъ головы. Одинъ изъ селяковъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Еслибъ не семья, я положилъ бы на мѣстѣ этого кровопійцу его же ружьемъ, и пулей прилѣпилъ бы его сердце къ грушевому пию.

Я шепнулъ ему, что Турокъ можетъ услышать и застрѣлить его на повагъ.

— Какъ бы не такъ! насмѣшливо отвѣчалъ онъ. — Я не позволю ему выстрѣлить больше одного раза. Или онъ убьетъ меня сразу, или я, полумертвый, разорву его зубами и руками.

— Гдѣ жъ тебѣ убить его, возразилъ я, — когда у него кинжалъ, два пистолета и длинное ружье, а у тебя нѣтъ ничего?

— Что нужды! Двумъ смертямъ не бывать а одной не миновать. Вотъ какъ тяжело; такъ и кипить кровь. Я не пожалѣлъ бы своей

головы, чтобъ отмстить за оскорбленіе бѣдной вдовы, да другіе пострадають отъ этихъ собакъ.

Поселяне между тѣмъ занимались раскладкой подати. Кметъ вызвалъ по имени и прозвищу моего собесѣдника и сказалъ ему:

— Ты не слушаешь о чемъ говорятъ на сходкѣ, а вѣдь мѣръ наложить на тебя большую долю раскладки, и ты же скажешь, что съ тобой несправедливо поступили.

— Оно и такъ несправедливо, по тому что намъ не слѣдъ платить эту бѣду, да правда-то погибла на Коссовомъ Полѣ, и насъ объ ней не спросятъ, а плати чѣмъ хочешь, хотъ своихъ продавай.

Ему объявили, что онъ долженъ дать за такого-то извѣстное количество хлѣба и масла.

— Хорошо, говорилъ онъ, — назначайте по своей душѣ, я заплачу пока есть чѣмъ, а послѣ не надѣйтесь на меня.

— Эхъ, братъ! прервалъ его Кметъ: — намъ всѣмъ предстоитъ бѣдность и раззореніе. Откупимся отъ бѣды, пока есть возможность, а послѣ спасайся каждый какъ знаетъ съ своей головой и семействомъ! Кончайте скорѣе съ этой бѣдой; ужъ наступаетъ ночь; рѣшайте живѣй между собой; послѣ завтра весь сборъ долженъ быть сдѣсь на мѣстѣ. Слышите ли, братья?

— Всѣ слышимъ свою бѣду, — послѣдовалъ отвѣтъ съ шумомъ и проклятіемъ изъ толпы.

Послѣ долгихъ споровъ и расчетовъ, кому сколько платить за себя и за бѣдняковъ, и кого освободить совсѣмъ, люди постановили, чтобы на третій день каждый принесъ свою часть въ монастырь Баню. Въ толпѣ не обошлось безъ ропота на такой незаконный поборъ, но потомъ все утихло и састанакъ кончился послѣ заката солнца. Бѣдняки, сироты, старики и вдовы общимъ приговоромъ были освобождены отъ налога.

Народъ сталъ расходиться по домамъ, а я, Кметъ и Турокъ отправились въ монастырь. Послѣдній ѣхалъ верхомъ. Я замѣтилъ, что на сходкѣ люди были безоружны, да и самый састанакъ имѣлъ видъ печальный, угрюмый. Какъ измѣнился народъ въ двѣнадцать лѣтъ! Онъ совершенно упалъ духомъ; на лицахъ выраженіе безвыходнаго горя, самая одежда носила на себѣ слѣды бѣдности. Осталось одно только отъ былого — готовность помочь другъ другу. Никакія притѣсненія не могли искоренить эту прекрасную черту въ нравахъ Сербскаго поселянина.

Придя въ монастырь, я отправился съ Кметомъ на квартиру Макарія и остался съ нимъ у него ужинать. Отецъ Макарій спро-

силъ меня, гдѣ я ночевалъ, и я по порядку разсказалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ, коснулся и того, что народъ обѣднялъ и много перемѣнился противъ прежняго; но онъ посидѣвши перемѣнить разговоръ. Послѣ ужина мы разошлись спать.

V.

На другой день послѣ схода сельчанъ меня разбудили очень рано къ заутренѣ, и я пошелъ въ церковь. Макарій позвалъ меня на клиросъ и далъ мнѣ церковную книгу, напечатанную мелкимъ шрифтомъ и порядочно закапанную воскомъ. Я съ трудомъ могъ разобрать, но отказаться было неловко, чтобы не подать повода сказать, что педагогъ не умѣетъ читать. Къ счастію, заутреня и обѣдня скорехонько отошли. Послѣ богослуженія Макарій пригласилъ къ себѣ на черный кофе Старосту монастыря, Кмета и нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ церкви, въ томъ числѣ и меня, но уже не такъ ласково какъ въ первый разъ: онъ мнѣ просто сказалъ «иди и ты съ нами.» Я готовъ былъ отказаться отъ его приглашенія, но пошелъ единственно съ цѣлью все хорошенько разузнать, послушать и разсмотрѣть, въ особенности житье-бытье гостепріимнаго хозяина. Всѣ приглашенные послѣдовали за монахоухъ. У самыхъ дверей комнаты онъ снялъ свои туфли. Первый вошелъ Староста и по приглашенію Макарія сѣлъ на почетное мѣсто; подлѣ него помѣстился хозяинъ; прочіе гости, въ томъ числѣ и я, заняли тоже указанныя мѣста вокругъ стѣны на старомъ вытертомъ коврѣ. Макарій захопалъ въ ладоши; явился слуга, неся на подносѣ кофе и водку, и сталъ подносить начиная съ Лаптоша и Макарія. Послѣ угощенія всѣ закурили трубки.

Макарій очень кстати коснулся такъ же и о моемъ паспортѣ, завелъ рѣчь о моемъ прибытіи и объ устройствѣ школы.

— Это нашъ братъ, сказалъ онъ, указывая на меня и называя по имени,—родился здѣсь, но учился въ Сербіи. Онъ пришелъ на родяну, чтобы быть учителемъ. Желаете ли вы открыть школу при монастырѣ и поручить ему воспитаніе вашихъ дѣтей?

Всѣ, кромѣ Старосты Лаптоша, отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Какъ же! мы будемъ очень рады, только объ этомъ надо будетъ потолковать на сестанкѣ.

Макарію, казалось, нравилось такое единодушное заявленіе сельковъ, но онъ часто посматривалъ на Старосту, а тотъ упорно молчалъ и только выпускалъ изо рта густые клубы табачнаго дыма. Озадаченный монахъ задумался и, поглаживая свою черную бороду,

украдкой взглядывалъ на своего молчаливаго сосѣда. Наконецъ онъ опять заговорилъ:

— Но будете ли вы въ состояніи платить жалованье учителю? ему нужно одѣться, обуться и прокормиться.

— Что тутъ толковать о жалованьи! сказалъ одинъ изъ гостей. Если мы даемъ подать Туркамъ и Владыкамъ, то можемъ платить и учителю. Тутъ прямая польза для нашихъ дѣтей; они не будутъ такъ же глупы, какъ мы. Намъ лучше имѣть дѣло съ своимъ человѣкомъ; онъ скорѣй пойметъ наши нужды, чѣмъ тотъ, кто насъ не знаетъ.

Последнія слова простодушнаго селяка видимо не понравились монаху; онъ хорошо понималъ, что на него смотрѣли какъ на чуждаго пришельца.

Между тѣмъ Староста, выкуривъ свою трубку, важно всталъ, простился со всѣми и вышелъ изъ комнаты. Макарій побѣждалъ за нимъ, а на лѣстницѣ слышался тихій шопотъ между ними. Поселяне съ недоумѣніемъ посматрѣли другъ на друга. Черезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и чтобъ отвлечь общее вниманіе отъ странныхъ выходокъ своего почетнаго посѣтителя, повелъ рѣчь опять о школѣ.

— Вчерашній день я писалъ къ Сараевскому Владыкѣ объ этомъ братъ, я буду очень радъ если онъ уважитъ мою просьбу, по тому что вы сами желаете имѣть учителя изъ вашихъ земляковъ. Вотъ мы и заживемъ здѣсь, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ;—ты будешь учить дѣтей, а я займусь храмомъ Божиимъ.

— Дай Богъ чтобъ было такъ! отвѣчали присутствующіе.

Макарій перешелъ къ другому разговору и съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— Завтрашній день мы поѣдемъ съ тобой въ Новую Варошъ, чтобы представить тебя Мудиру, купцамъ и Ктиторамъ и поговорить съ ними насчетъ школы. Только тебѣ надо взять Царскую тескеру (Турецкій паспортъ), а Сербскій паспортъ оставить у Мудира. Такой нынче здѣсь порядокъ.

— Э! совсѣмъ не нужно мѣнять паспорта, возразилъ одинъ изъ селяковъ, мигнувъ мнѣ глазомъ.— Все равно...

— Я лучше это знаю, перебилъ его монахъ.— Сербскій паспортъ не имѣетъ здѣсь никакой силы, а съ Царскою тескерой онъ пойдетъ свободно и безопасно куда захочетъ.

Поселянинъ недовѣрчиво покачалъ головой и мигнулъ мнѣ, давая понять, чтобъ я не слушался лукавыхъ совѣтовъ моего незванаго покровителя.

Вида такія увертки полумонаха, я сразу понялъ, что мнѣ не быть сдѣсь учителемъ и что, пожалуй, еще наживу себѣ бѣды. Тутъ я вспомнилъ, что у меня нѣтъ метрическаго свидѣтельства. — Господинъ Макарій! сказалъ я, мнѣ нужно выправить себѣ крштено письмо (метрику); я родился сдѣсь и крещенъ, кажется, въ этомъ монастырѣ; слѣдовательно, вамъ не трудно написать и выдать мнѣ свидѣтельство о моемъ рожденіи.

— Я не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ онъ. Въ то время, когда ты родился, не было метрическихъ книгъ, а я почему знаю, кто тебя крестилъ?

— Я не виноватъ, возразилъ я съ досадой, что тогда не было метрическихъ книгъ; да ихъ и теперь, кажется, нѣтъ у васъ, но есть доказательства у меня, которыя важнѣе книгъ, а именно, мой отецъ родился сдѣсь и крещенъ въ этомъ храмѣ, мои дѣды сдѣсь родились и умерли; вонъ и кладбище, гдѣ ихъ останки почиваютъ. Отецъ мой живъ, сдѣсь на лицо, крестнаго моего отца сыновья живы, кумовья сдѣсь тоже на лицо, ихъ показанія достаточны будутъ для выдачи мнѣ метрическаго свидѣтельства.

— Да я-то не имѣю права выдавать свидѣтельства: я не священнослужитель, а только настоятель монастыря; у меня даже нѣтъ монастырской печати.

— У кого же она? спросилъ я съ удивленіемъ.

— У Милана Лаптоша.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

— А вотъ что. Когда мы пріѣдемъ въ Новую Варошъ, то пойдемъ къ Михайлу (Мичи) Борисавлевичу; онъ главный Старшина и Ктиторъ сдѣшняго монастыря. Мы попросимъ у него письмо къ Лаптошу, чтобъ тотъ выдалъ намъ печать, и по возвращеніи сюда напишемъ метрическое свидѣтельство, вызовемъ твоего отца и другихъ свидѣтелей, которые помнятъ, когда ты родился, и подождемъ пріѣзда Христифора или Неофита: тотъ или другой подпишется, мы приложимъ печать, и ты получишь свое свидѣтельство, составленное по формѣ. При этомъ разговорѣ сидѣвшіе въ комнатѣ селяки прибавили, что они всѣ подтвердятъ законность моего рожденія и крещенія, а Кметъ добавилъ, что онъ самъ скажетъ Борисавлевичу о немедленной выдачѣ мнѣ крштена письма. Предложеніе Кмета, какъ кажется, не понравилось Макарію. Онъ сталъ извиняться недосугомъ, и всѣ гости разошлись.

Оставшись одни, мы съ Макаріемъ пошли въ поле. Дорогой проходя по прежнимъ границамъ монастырской земли, Макарій жаловалъ

ся на Турокъ, что они очень много присвоили себѣ монастырскихъ земель и совершенно раззорили обитель; онъ прибавилъ, что намѣренъ начать съ ними тяжбу о возвращеніи отчужденной собственности монастыря.

Я по необходимости одобрялъ все его дѣйствія и старанія, а въ душѣ смѣялся надъ его словами, зная что безъ силы не воротишь того, что разъ попало въ Турецкія руки. Мы шли сѣверовосточной стороной монастыря, мѣстностью, называемой Таворъ, потомъ спустились къ рѣкѣ Ярмовацъ. Монахъ шагаль впереди и указывалъ мнѣ монастырскія межи и удуты (самородные межевые признаки, камни, деревья, горы, дороги и проч.)

— Вотъ куда идетъ нашъ удуть, говорилъ монахъ, — черезъ вершину этой горы съ Большаго Камня, потомъ прямо черезъ Кутловачку Косу до Рѣчицы, а оттуда по ея теченію до рѣки Лима, но около самой Рѣчицы Турки захватили одну мѣстность и поселились на ней

— Давно ли они ее заняли? спросилъ я.

— Не могу тебѣ сказать, потому что я сдѣсь недавно, но слыхалъ объ этомъ отъ сдѣшнихъ поселянъ и успѣлъ даже кое-что разузнать; думаю, что со временемъ принесу не малую пользу храму Святителя Николая Чудотворца. А вѣдь ты могъ бы также быть полезенъ, сказалъ онъ вкрадливо, — если бы послушался меня.

— Въ чемъ? спросилъ я.

Да вотъ постригся бы въ монахи, надѣлъ бы такую же шапку, какъ моя, и сталъ бы учить дѣтей. Я занялся бы хозяйствомъ и иногда помогалъ бы тебѣ въ преподаваніи; насадили бы хорошій виноградникъ, развели бы побольше скота и не вѣшивались бы въ мірскія дѣла. Подъ такой одеждой насъ никто не смѣетъ тронуть. А какая радость Владыкѣ, когда бы онъ узналъ, что сдѣшній уроженецъ желаетъ посвятить себя Богу.

— Я нисколько не желаю быть монахомъ.

— Отъ чего?

— Отъ того, что не чувствую себя способнымъ къ этому званію?

— А! вѣрно хочешь жениться? сказалъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Нисколько. А просто не хочу быть монахомъ.

— Напрасно, братъ, меня не слушаешься. А какая честь не только между нашими, но и предъ Турецкими властями. Такой шапкѣ скорѣй будетъ почетъ, нежели какому купцу или кмету. А что такое учитель? — хуже послѣдняго слуги по понятію Турокъ и нашихъ купцовъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы наконецъ очутились на паши-вѣ. Мой спутникъ, идя впередъ, подошелъ къ пахарю и пожелалъ ему Божьей помощи; тотъ остановилъ своихъ воловъ и отвѣтилъ ему также. Я также привѣтствовалъ его по туземному обычаю: «помогай Богъ!» Макарій велѣлъ ему отпрячь животныхъ и отдохнуть, а самъ пошелъ дальше осматривать поля. Я остался, набилъ трубку и закурилъ, посматривая на работника. Это былъ съдой старикъ и, какъ я замѣтилъ, Мухамеданинъ. Последнее обстоятельство меня сильно заинтересовало и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Что, усталъ, amidжа (дядя)? Тяжело пахать? спросилъ я.

— Да, сынокъ, тяжело и молодымъ выворачивать землю, а мнѣ подъ старость и подавно. Посмотри, каковы глыбы!

Я предложилъ ему своего табаку; онъ вынулъ изъ-за пояса простенькій орѣховый чубучокъ, закурилъ и, садясь на глыбу земли, тяжело вздохнулъ. Потомъ спросилъ меня откуда я и куда иду. Я сказалъ, но когда коснулся своего намѣренія остаться сдѣсь въ монастырѣ учителемъ, онъ покачалъ головой и молвилъ:

— Все это очень хорошо, но я совѣтовалъ бы тебѣ поскорѣй убраться отсюда, пока цѣла твоя голова и не съѣли тебя бѣшенныя собаки.

— Кто же эти злые псы?

— Конечно Туркуши (Азіятскіе Турки и Арнауты).

А за что они меня съѣдятъ? Я ихъ никого не трону.

— Все такъ, да они-то тебя будутъ преслѣдовать и засадятъ въ тюрьму; а разъ попался въ ихъ руки — живую голову не вынесешь оттуда. Теперь не то время, когда Турчинъ (отурченный Сербъ) могъ сказать доброе слово за Рищанина (Христіянина), а Рищанинъ за Турчина. Нынче не смѣешь молвить и за себя или за свою челядь (семейство). Такого несчастія и насилія, думаю, не было съ тѣхъ поръ, какъ Богъ создалъ бѣлый свѣтъ и человѣка на землѣ.

Въ это время къ намъ подошелъ Макарій и сказалъ старику:

— Не пора ли пахать? Воды отдохнули. Поработай еще немножко пока не такъ жарко.

— Хорошо, отвѣчалъ старикъ, — вотъ только докурю трубку. Сегодня непременно допашу поле.

Макарій пошелъ дальше; я тоже всталъ. Старикъ шепнулъ мнѣ:

— Приходи сюда, сынокъ, часа черезъ два, когда я пущу воловъ на полдень. Здѣсь недалеко; мы поговоримъ въ волю, а теперь некогда.

И далъ слово прити и пошелъ въ монастырь. Обѣдъ ожидалъ

меня въ квартирѣ Макарія, но въ хозяинѣ не было прежней словоохотливости и дружелюбія. Послѣ обѣда подали опять черный кофе, послѣ кофе Макарій объявилъ мнѣ, что пойдетъ немного отдохнуть.

— А я погуляю и осмотрю сдѣсь кое-что, сказалъ я.

Но онъ замѣтилъ мнѣ, что гораздо лучше, если я буду больше сидѣть дома и меньше разговаривать съ селяками.

— Завтра я поѣду въ Новую Варошъ и возьму тебя съ собой, чтобы представить Мудиру. По Царскому приказу мы должны спрашивать паспортъ у каждаго иностранца, объявлять о немъ суваріямъ и съ заптіемъ отсылать его къ Мудиру; но съ тобой я такъ не сдѣлаю, потому, что ты сдѣшній уроженецъ. А между тѣмъ къ стати я поговорю съ купцами, не опредѣлятъ ли они тебя сдѣсь учителемъ? Готовься лучше въ дорогу и меньше разговаривай съ селяками, а то, пожалуй, тебя цапнутъ.

Я опять повторилъ ему, что между нами не было никакого важнаго разговора. Онъ кивнулъ головой и пошелъ отдыхать.

Я вышелъ изъ монастыря и лѣсомъ отправился въ поле къ старику. Онъ сидѣлъ въ тѣни кустарника, волю отдыхали не далеко отъ него. Завидѣвъ меня, онъ закричалъ:

— Эй, эй, овамо, овамо (сюда)!

Я пошелъ прямо къ нему; день былъ жаркій, и я по туземному обычаю спросилъ его: «Что усталъ ты за пашней?»

— Такъ усталъ, что мнѣ даже тяжело сидѣть. А ты усталъ?

— Нѣтъ.

— Сядь, сынокъ.

Я сѣлъ противъ него на травѣ, далъ ему своего табаку и мы оба закурили. Поглаживая свою сѣдую бороду, онъ спросилъ меня, когда я выѣхалъ изъ Шумадіи.

— Я выѣхалъ три недѣли тому назадъ изъ Бѣлграда и уже недѣлю живу сдѣсь.

— Я зная твоего дѣда и прадѣда, знаю и отца и хлѣбъ-соль виѣстѣ за однимъ столомъ ѣли. Хорошіе люди были, и вотъ въ память ихъ хлѣба-соли совѣтую тебѣ возвратиться въ Шумадію. Я желаю тебѣ добра какъ родному сыну, бѣги отъ Стамбульскихъ собакъ.

— Я ихъ не боюсь, у меня есть паспортъ.

Досада выразилась у старика на лицѣ, и онъ сердито сказалъ мнѣ.

— Знаешь ли ты, несчастный, что дѣлается сдѣсь? Если бы ты даже имѣлъ фирманъ отъ Стамбулскаго Кабана (подразумѣвая Султана), и тогда тебя схватятъ его дармоѣды и разбойники и ты даромъ погибнешь.

— Можетъ бытъ, отвѣчалъ я,—но авось Богъ поможетъ и сохранить меня.

— Какой у тебя паспортъ?

— Сербскій.

— Ну, это все равно что ничего. Эй! послушайся меня! Я не смотрю какой кто вѣры, но мы все одного лѣса листь, все однимъ языкомъ говоримъ, по тому мнѣ и жаль коли ты пропадешь отъ этихъ пришлыхъ собакъ. Какъ придетъ ночь, найди какого нибудь вѣрнаго челоуѣка, который взялся бы провести тебя чрезъ между за Шумадинскую границу—и твоя голова спасена.

— Теперь поздно. Я долженъ завтра отпавиться къ Мудиру въ Новую Варошъ.

— Зачѣмъ тебѣ ити къ Мудиру?

— Макарій говоритъ, что нужно ему показать мой паспортъ и выхлопотать отъ него разрѣшеніе быть учителемъ въ сѣшнемъ монастырѣ.

— Говорю тебѣ заранѣе, сынокъ, что изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. Можно ли вѣрить вашимъ монахамъ и нашимъ дервишамъ? А Стамбульскихъ пришелицевъ и сувариевъ надо бояться какъ огня: у нихъ на языкѣ одно, а на умѣ другое. Ахъ, сынокъ, много сдѣлали намъ зла разные обманщики, которые приходили къ намъ изъ Стамбула, а къ вамъ отъ Патрика (Патріярха). По ихъ интригамъ все лучшіе люди, наши Беги и Аги, ваши Кнезы, попы, монахи и все тѣ, которые стояли за народное дѣло, были избиты или сосланы въ Анадолъ (Малую Азію).

— Скажи, пожалуста, много ли народа пострадало отъ Омера-Паши въ Боснѣ и Герцеговинѣ?

— Ты лучше спроси, много ли не пострадало. Онъ больше погубилъ обманомъ, нежели силой. Вѣрилъ ли кто ему, не вѣрилъ ли, все пропали: одни были убиты при свалкѣ, другіе умерли въ тюрьмѣ, а прочіихъ отвели въ цѣняхъ въ Анадолъ. Имущество ихъ разграбили, женъ и дѣтей предали насилію и безчестію; много дѣвицъ нашего закона Туркуши увели съ собой. И все эти бѣды надѣлали ваши Калугеры и наши Дервиши: эти тунеядцы и лѣнтяи, набивая свои карманы, только сеорили постоянно народъ и служили шпионами Туркушамъ. Вотъ по чему я тебѣ совѣтую беречься этого монаха; Богъ его знаетъ, что онъ за челоуѣкъ. Уже то подозрительно, что его прислалъ сюда Сараевскій Кеседжія (Владыка), и какъ онъ ни притворяйся, а я, хоть я и Турчинъ, ему ни въ чемъ не повѣрю. Не

даромъ сложена народная поговорка: «Чуждая душа—потемки;» это помни хорошенько.

— Скажи пожалуста, amidжа, какой законъ лучше: вашъ ли Мухамеданскій, нашъ ли Рищанскій, или Католическій?

Мой вопросъ озадачилъ его, и онъ не много задумался, потомъ спросилъ меня:

— Знаешь ли ты книгу (грамоту)?

— Свою знаю, отвѣчалъ я,—а вашей не знаю—Язію и Калемъ.

— На что тебѣ наша Язія и Калемъ?

— Я бы узналъ какой законъ лучше!

— А я безграмотный человекъ и не знаю какая вѣра лучше, но мнѣ кажется для тебя тотъ законъ лучше, въ которомъ ты и твой отецъ родились. Всякому своя вѣра мила. Богъ одинъ вездѣ и какъ бы кто ни молился, никто не долженъ забывать имя Божіе. Мы не должны также забывать, что по языку мы одного лѣса листъ, одной земли дѣти. А въ какой вѣрѣ родились, въ той и умремъ. каждый по своему. Не такъ ли?

— Я отвѣчалъ утвердительно, но чтобъ глубже проникнуть въ убѣжденія Мухамеданина, я сказалъ ему:

— Если все вѣры одинаковы, такъ зачѣмъ же ненавидѣть другъ друга, какъ мы видимъ сдѣсь и въ былое и въ настоящее время?

Старикъ покачалъ головой и со вздохомъ отвѣчалъ:

— Эхъ! еслибы мы все понимали такъ, давно бы наши враги перестали отнимать у насъ вотчины и водить въ цѣпяхъ нашихъ людей какъ скотовъ. Было время и я имѣлъ дорогое ружье, дорогихъ коней и дорогую одежду и считался не послѣднимъ юнакомъ, а теперь подъ старость обѣднялъ и ни къ чему негоденъ. Прошли наши добрыя времена и для насъ наступили злые дни. Туркуши все раззорили, ограбили и отняли у Рищанъ и Мухамеданъ.

Мнѣ хотѣлось узнать его мнѣніе о Турецкомъ правленіи и я завелъ съ нимъ разговоръ объ этомъ щекотливомъ для Турчина предметѣ.

— Я думаю, все-таки вамъ, Туркамъ, гораздо лучше, нежели Христіянамъ. Царь васъ больше любитъ и называетъ своими дѣтьми. Я хотѣлъ и самъ сдѣлаться Мухамедаминонь, а послѣ твоихъ словъ не знаю на что рѣшиться.

Старикъ гнѣвно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Гораздо лучше будетъ, если ты бросишься въ воду, навязавъ себѣ прежде камень на шею во сто окъ (около 10 пудовъ), нежели переменить свою вѣру. Слышишь ли? Захотѣлъ быть Царскимъ сы-

номъ! — прибавилъ онъ съ насмѣлкой. — Посмотри на мою жизнь, сладка ли она? Не думай, что мы, потурицы, желаемъ быть Турками. Разъ осунлетился (обрѣзлся), больше не воротишь прежняго. Этимъ не шутять. Скажи-ка ты это при какомъ Дервишѣ, не скоро выпутаешься изъ его рукъ: или потурчиси, или заплати своею головой. Теперь не то время для тебя или другаго Сербя Рицанскаго закона. Тогда нужда заставляла перемѣнять законъ. Намъ не куда было дѣваться, а ты всегда можешь, въ случаѣ опасности, бѣжать въ Шумадію и жить тамъ съ своими. У тебя одно горло, одна душа; нѣтъ ни старика, который кашляетъ, ни ребенка, который плачетъ. Гдѣ тебѣ лучше, тамъ и живи.

При этихъ словахъ старикъ поднялся, охая.

— Однако пора запрягать воловъ и пахать, примолвилъ онъ, — они довольно отдыхали; а мой отдыхъ — въ могилѣ; тамъ успокоятся мои старыя кости. Не такъ-ли?

— Правда, отвѣчалъ я, придетъ время, мы всѣ успокоимся въ могилѣ.

— Нѣтъ, вамъ молодымъ надо жить, а состарѣетесь — рассказывайте вашимъ младшимъ, что вы запомните о томъ, что дѣлалось и что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Авось и насъ стариковъ помяните иногда добрымъ словомъ за то, что учили, какъ умѣли, какъ надо жить. Добрый совѣтъ никогда не пропадаетъ. Кто послушаетъ, тотъ скажетъ: Богъ да проститъ того, кто меня добру научилъ, а кто не захочетъ слушать, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ, я уже состарѣлся, а на молитвѣ всегда говорю: «да проститъ Богъ» и при этомъ прежде произношу имена учителей, а потомъ родителей. Такъ молится весь нашъ народъ обоюго пола и обоихъ законовъ. Великое дѣло учитель.

Мы пошли въ кустарникъ отыскивать воловъ. Животные покойно лежали въ тѣни, старику жаль было ихъ ихъ трогать, и онъ присѣлъ на небольшой пенъ, попросилъ у меня табаку и послѣ краткаго молчанія спросилъ:

— Ты завтра ѣдешь въ новую Варошъ?

— Да, завтра.

— Смотри, будь остороженъ на словахъ и не со всякимъ говори. Не сказывай ни монаху, ни нашимъ, что ты былъ у меня, и постарайся поскорѣй добраться до Шумадинской межи и перейти тутъ въ мирную и покойную землю.

— Нѣтъ, у меня другая мысль въ головѣ. Если я не останусь сдѣсь учителемъ, то отправлюсь далѣе, въ другую нахію (округъ), или въ Босну, или въ Герцеговину...

— Зачѣмъ тебѣ ити въ другую нахию? сердито возразилъ старикъ.— Постарайся въ цѣлости вынести свою голову. Я и самъ бы убѣждалъ отсюда и нанялся бы въ пастухи или мельники у какого ни будь Шумадинскаго Серба, чтобы спокойно дожить послѣдніе дни, но у меня семья и къ тому же я Турчинъ; Сербы будутъ смѣяться и скажутъ: «вотъ балія (глупый) потурица пришелъ къ намъ!» Было время когда мы могли освободиться отъ нашихъ враговъ, да оплошали; одна только Шумадія сумѣла выгнать Туркушей.

— Ты ошибаешься; ихъ не выгнали оттуда. Царскіе солдаты живутъ въ Бѣлградской крѣпости и въ прочихъ городахъ Турки стерегутъ Царскія крѣпости.

— Это ничего не значить, было время когда Туркуши жили не только въ крѣпостяхъ, но шаялись вездѣ по деревнямъ, маленькимъ городкамъ, дѣлали всякія насилія и беззаконія, были вооружены, что говорится, съ головы до ногъ, нельзя было подумать, чтобы кто ни будь осмѣлился, не только воевать, но и слово рѣзкое произнести; однако когда Сербы возстали, то и деревянными пушками разбивали Царскихъ Деліевъ, Яничаръ и прочихъ. Туркуша долго будетъ помнить Чернаго Георгія, Чупича, Попа Луку, Милоша Обреновича, Янка, хайдука Велимира, Мичича и др. Страшное то было время! Вся эта мѣстность между Лимомъ и Увацомъ девять лѣтъ была въ такомъ запустѣніи, что нельзя было днемъ пройти отъ волковъ и дикихъ кабановъ. Дороги заросли травой, дома сгорѣли, и только толпы хайдуковъ проходили черезъ густые лѣса. Одному или вдвоемъ страшно было пустяться въ дорогу.

— Былъ ли ты на войнѣ? спросилъ я старика.

-- Какъ же. Въ первый разъ я былъ въ кампаніи противъ Сербовъ, когда Георгій Черный наступалъ съ Сербскимъ войскомъ на Рудо, чтобы перебраться черезъ рѣку Лимъ. Тамъ я первый разъ видѣлъ страшную битву, видѣлъ какъ вода несла трупы убитыхъ съ той и другой стороны, несла и людей и коней, по тому что на самомъ Лимѣ въ водѣ дрались. Наши старались перейти сюда въ Старый Влахъ, а Сербы хотѣли перейти въ Герцеговину; тутъ была битва жестокая, погибло много людей, но ни тотъ, ни другой не одолѣлъ, такъ остались каждый на своей позиціи. Послѣ первой битвы на Рудомъ бывалъ я въ разныхъ битвахъ, я былъ въ Ужицѣ, Соколѣ, Лозницѣ, Прѣспольт, Чачкѣ. Мучнѣ, потомъ ходилъ нѣсколько разъ съ Гусейнъ-Капетаномъ противъ Турецкаго низама, и былъ даже раненъ, но не опасно. Послѣдній разъ былъ съ Измаиль-Бегомъ на Морачи, противъ Владыки Брдакаго (Митрополита Черногорскаго);

тогда поднялись всё Брда, Морача, Дробнякъ, и много народа погибло, въ томъ числѣ и Измайль-Бегъ. Я зналъ лично многихъ Воеводъ Карагеоргія и Милошевыхъ сердарей.

— Который изъ обоеихъ вождей былъ лучше для народа?

— Какъ тебѣ сказать? Георгій былъ очень суровъ, но честенъ, и нашъ народъ уважалъ его за справедливость. Онъ судилъ по правдѣ и строго наказывалъ всякого, кто дотрогивался до чужой жены или дѣвушки. Такъ, говорятъ, правда ли нѣтъ ли, онъ повѣсилъ своего роднаго брата за какую-то дѣвицу; убилъ своего отца, который будто бы хотѣлъ донести Дахіямъ, гдѣ скрывался народъ отъ Турокъ. Насколько справедливы эти слухи, не знаю, но они наводили страхъ на Сербскихъ Христіанъ и Мухамеданъ.

— А за что онъ матери своей улей на голову надвинулъ?

— Старикъ засмѣялся и сказалъ:

— Ты вѣрно слыхалъ о слѣдующемъ обычаѣ нашего народа: когда молодыя пчелы роятся, тогда старѣшина или старѣшица семейства назначаетъ на каждое лице въ своемъ семействѣ, преимущественно мужескаго пола, по одному улью: на счастье каждаго осенью вѣсятъ ульи, и который улей вытянетъ больше, тотъ, по нашему народному повѣрью, приноситъ больше счастья своему хозяину, и тотъ считается счастливѣе всѣхъ, чей улей бываетъ самый тяжелый. Точно также распределяются и овцы, въ нѣкоторыхъ семействахъ преимущественно между женскимъ поломъ. Есть повѣрье, что овца вышла прямо изъ рая и совершенно безгрѣшна. Она Богомъ создана для того, чтобы чловѣкъ изъ ея шерсти дѣлалъ себѣ одежду и чтобы закрывалъ свое грѣшное нагое тѣло отъ стыда, отъ холода: по этому овца во всѣхъ своихъ грѣхахъ прощена и Богомъ благословлена на вѣки! Ея руно самимъ Богомъ изъ рая дано. Вотъ по чему овца въ нашемъ народѣ такъ высоко почитается. Она вышла изъ рая и всегда представляется въ образѣ добромъ и кроткомъ, и никогда въ ея видѣ чертъ не показывается. Между тѣмъ козы и козлы служатъ постоянно вмѣстительствомъ для чертей; по этому есть повѣріе, что коза вышла изъ чертовой пещеры. Увидать во снѣ козу или козла есть дурной знакъ. Напротивъ, пчелы, овцы всегда, во снѣ или на яву, составляютъ хорошее предзнаменованіе. Обѣ эти душечки самимъ Богомъ посланы чловѣку на спасенія его; церковь наша безъ пчелъ не можетъ совершать ни какаго обряда. Безъ овцы и конопля не можемъ ни мы Мухамедане, ни вы Христіане жить на бѣломъ свѣтѣ: безъ нихъ мы могли бы погибнуть отъ стыда, холода и голода. Но благодаря вышнему Творцу, Онъ для насъ грѣшныхъ много добраго сдѣлалъ, только мы, лукавые люди,

другъ другу зло дѣлаемъ, и по этому не диво будетъ, что на страшномъ судѣ явимся скорѣе съ козлиной головой, чѣмъ въ овечьемъ рунѣ. Справедливо называютъ у насъ злыхъ людей злыми козлами. Добрая женщина уподобляется доброй мягкорунной овцѣ, умная—мудрой и осторожной пчелѣ; дурная, сварливая, злая женщина уподобляется безокойной пещерной козѣ; лукавая — хитрой лисицѣ. Такъ-то и мать покойнаго Карагеоргія стала хитрить, какъ говорятъ, при раздѣлѣ ульевъ. Она хотѣла зятю дать больше счастья, чѣмъ своимъ дѣтямъ; за это и получила то, что ей слѣдовало—улей на голову.

— Скажи-ка пожалуста, какъ это было?

— Вотъ какъ мнѣ многіе передавали: мать Карагеоргія, ходившая за пчелами, съ наступленіемъ лѣта, опредѣлила по улью своимъ домашнимъ; одинъ изъ нихъ на бѣду достался ея зятю. Пришла осень; принялись вѣсить ульи при Георгіи, и что же? улей зятя оказался самымъ лучшимъ и тяжелымъ, а улей Георгія самымъ легкимъ. «Чей это улей?» спросилъ онъ. «Твой, сынокъ.»—«А чей самый тяжелый?»—«Не твой сынокъ.» Онъ промолчалъ, а на сердцѣ кипѣло зло. Поднявъ одной рукой свой улей, онъ опять спросилъ: «Чей это улей?»—«Твой сынокъ.»—«Отъ чего же онъ такъ легокъ? Посмотри-ка, мать, много ли въ немъ пчелъ?» Ничего не подозрѣвая, мать нагнулась къ улью, а Георгій въ одну минуту нахлобучилъ ей на голову улей вмѣстѣ съ пчелами, приговаривая: «Вотъ тебѣ въ благодарность за то, что ты зятя любишь больше своихъ дѣтей; ѣшь съ нимъ вмѣстѣ и пчелъ, и медъ, и мое счастье и будьте оба такъ же счастливы, какъ ты мнѣ желаешь.» Мать закричала отъ боли, наслу вытащили пчелиныя жала изъ ея лица, на которое страшно было взглянуть, такъ оно распухло. Съ тѣхъ поръ въ народѣ осталась слѣдующая поговорка о тещахъ, которыя больше расположены къ своимъ зятямъ, нежели къ дѣтямъ: «ей надо надѣть на голову улей!»

— Однако Георгій дурно поступилъ съ своей матерью.

— Ну, мать его кругомъ была виновата. И у васъ и у насъ есть такія вѣдьмы, которыя любятъ зятьевъ больше своихъ сыновей. Мать Карагеоргія не имѣла права назначать въ его домѣ лучшей улей любимому зятю; и по дѣломъ, что нахлобучили ей улей на голову! Хорошо сдѣлалъ Карагеоргій, что наказалъ ее въ примѣръ другимъ тещамъ; пусть онѣ знаютъ, что зять—родня, пока жена жива: а умерла—кончилось и родство. Замужняя дочь—отрѣзанный ломоть семьи, она не обязана кормить отца и мать, а сынъ всегда остается ихъ кормилицемъ подъ старость. У насъ на это есть поговорка: «тяжело тещѣ на зятевомъ дворѣ, тяжело тому отцу, у котораго много зять-

евъ, а нѣтъ сыновей.» У Православныхъ Сербовъ есть проклятіе, чтобы Богъ далъ злему человѣку много дочерей, но ни одного сына: хуже этого зла нельзя пожелать и своему врагу. Съ прекращеніемъ у одного изъ родствениковъ мужескаго пола, весь родъ теряетъ часть своей силы; отецъ становится не наследственнымъ въ родѣ, его огнище угасаетъ, домъ и его доброе имя пропадаютъ. Онъ умираетъ безъ сына и безъ мужескаго пола и породы, не кому свѣчку зажечь и въ руку его вложить при его издыханіи, да и послѣ того не кому поминать и свѣчки зажигать. Вѣдь ты знаешь, что когда у Сербовъ умираетъ кто нибудь, то при самомъ издыханіи ему даютъ зажженную свѣчку въ руку, такъ что умирающій кончается съ горящей свѣчкой въ рукѣ. Это право подать свѣчку принадлежитъ старшему сыну. Впрочемъ строгость Карагеоргія была полезна Шумадиі. Многіе Сербы отказались бы ити на войну по его приказанію или по призыву его воеводъ, а такъ какъ онъ былъ очень строгъ и не любилъ шутить, то никто не смѣлъ его послушаться. Мнѣ сказывали, что онъ своею рукой убивалъ непокорныхъ въ военное время и тѣмъ заставилъ Сербовъ вынести отчаянную борьбу. И ваши и наши люди, услышавъ про его жестокость къ роднымъ, просто каменѣли отъ ужаса. Горе тому, кто не послушался бы приказа Георгія! Пистолеть къ груди—и конецъ!

— Какъ ты много запомнилъ всего, старикъ.

— Да, сынокъ, много зла, но мало добра; всего насмотрѣлся. Еслибъ я зналъ грамоту, то написалъ бы вотъ какую книгу обо всемъ, что дѣлалось въ эти страшныя времена въ Шумадиі и вездѣ, гдѣ только жили Сербы обоего закона.

— Расскажи, пожалуйста, что же тамъ происходило?

— Мало ли что? Развѣ безсовѣстный человѣкъ не выдумаетъ зла и не станетъ притѣснять невинныхъ, доколѣ не истощится долго-терпѣніе Божіе. Тогда Богъ приметъ угнетенныхъ подъ свою защиту, дастъ имъ силу и мужество, а на злодѣя найдетъ страхъ и пагубу. Когда наши Мухамедане, сдѣлавшись сильными, стали притѣснять и мучить Христіанскій народъ, Карагеоргій возсталъ противъ нихъ съ Шумадинцами. У насъ сначала смѣялись надъ этимъ возстаніемъ, а какъ Шумадинцы не на шутку стали выгонять Дахіевъ, Агъ и Беговъ и жечь ихъ дома, Мухамедане взяли за умъ. Они обѣщались прекратить притѣсненія, старались помириться и говорили, что любятъ райю какъ своихъ дѣтей, но уже было поздно! Сербы помнили всѣ ихъ неистовства, помнили какъ свирѣпыя гонители силою обращали ихъ въ свою вѣру, а упорныхъ сажали на колъ, забивали за ногти

гвозди, морили голодомъ, отнимали дѣвицъ и имущество и терзали страшными пытками. Въ это время лѣса переполнились хайдуками и мирные жители искали спасенія въ горахъ. На ту бѣду Сербы убили какихъ-то бродягъ, жившихъ на чужой счетъ. Черный Георгій, боясь мщенія, ушелъ въ лѣсъ, собралъ большую дружину и сталъ открыто жечь постоянные дворы. Все бѣжавшіе отъ насилія собрались около него, выбрали его поглаваремъ и сговорились убивать всѣхъ, кто не пойдетъ съ ними противъ дѣтыхъ притѣснителей, или будетъ отступать безъ приказанія Георгія и его воеводъ. Такъ началось первое возстаніе. Поднялись мотыки и заступы, т. е., сельчане противъ насилія землевладѣльцевъ и притѣсненія народоправителей! Сербы, оставя свои плуги, пошли противъ всякаго Мухамеданскаго сбродъ, вооруженнаго съ головы до ногъ, и много погибло тогда народа обоого вѣроисповѣданія, но Богъ не допустилъ истребить Христіянъ, и наши старые люди часто говаривали, что самъ Богъ защищаетъ райю отъ жестокости ихъ враговъ. Выведенные изъ терпѣнія, Христіане стекались со всѣхъ концовъ къ дружинѣ возставшихъ Шумадинцевъ и составили цѣлый лагерь. Тогда они стали одолевать нашихъ и мстить имъ за прежнее варварство. Заочестивцы бѣжали изъ селъ въ города, но Георгій преслѣдовалъ ихъ, окружалъ ихъ убѣжища и не давалъ имъ пощады. Поступая съ ними по ихъ примѣру, онъ принуждалъ плѣнныхъ Мухамеданъ и ихъ семейства принимать вашъ законъ подъ страхомъ смерти. Окрещенныя силой назывались покрштеньяками. Всякое сопротивленіе, было бесполезно, но пословицъ: «нужда законъ мѣняетъ.» Всякому своя вѣра мила, но жизнь еще милѣе, всякому хочется лишній день на бѣломъ свѣтѣ пожить. Многія изъ нашихъ женщинъ, попавшіяся въ плѣнъ, сдѣлались рабынями Сербскихъ воеводъ, а было время, когда этъ ануме и кадуне (барыни) имѣли въ услуженіи вашихъ женъ и дочерей, захваченныхъ нашими грабителями.

Я спросилъ старика, отчего Георгій Черный не докончилъ освобожденія Шумадіи отъ Турокъ.

— Георгій Черный ушелъ къ Нѣмецкому Кесарю, неизвѣстно зачѣмъ, и тогда-то настали страшныя времена. Вся Турецкая сила пошла на Шумадію и заняла Бѣлградъ. Дѣло было къ вечеру. Жители Бѣлграда, успокоенные наканунѣ Карагеоргіемъ, не думали о спасеніи. Вдругъ послышались вдали выстрѣлы Турецкой артиллеріи: тогда только народъ бросился на лодки, чтобы переправиться черезъ Дунай. Суматоха и тѣснота были страшныя, лодочники били веслами по рукамъ людей, хватавшихся за лодки, уже переполненныя бѣглецами;

многіе бросались въплавъ и потонули; дѣвицы, схватившись по нѣскольку руками, кидались въ воду, предпочитая смерть насилію. Между тѣмъ вошли въ городъ Арабы на бѣлыхъ коняхъ и началась настоящая бойня человѣческая. Засучивши рукава, они рубили безъ устали; только сабли сверкали въ лучахъ заходящаго солнца. Большая часть жителей не успѣла перебраться на другой берегъ рѣки, и всѣ, кто только остался на этой сторонѣ, погибли лютою смертію. Побойще было страшное: сотни, тысячи труповъ устилали берегъ Савы и Дуная. Весь городъ былъ вырѣзанъ. Уцѣлѣли только тѣ, которые успѣли перебраться въ Кесарскую землю. Черезъ нѣсколько лѣтъ Георгій вернулся назадъ, но его соннаго убилъ кумъ его Вуйца. Такъ погибъ онъ, за зло ли, за добро ли, про то одинъ Богъ вѣдаетъ.

— А что говорили объ этомъ Сербы?

— Одни говорили, что его убили за то, что онъ ушелъ къ Нѣмцу и продалъ свой народъ Туркушѣ; другіе утверждали, что Турки обѣщали награду за его голову; третьи наконецъ рассказывали, что онъ былъ подъ арестомъ у Нѣмецкаго Кесаря, и когда его выпустили изъ затвора, пошелъ къ Москову за помощію, но тотъ отказалъ ему, по тому что самъ воевалъ съ Французомъ. Страшно вспомнить, сынокъ, что дѣлали въ Сербіи Деліи, Янычары и Арабы. Наши потурицы даже говорили, что Богъ накажетъ Туркушу за его неслыханныя злодѣйства. Грудныхъ дѣтей подхватывали на ятаганы; матерей, не дававшихъ дѣтей, тутъ же убивали; беременнымъ женщинамъ распарывали животы, дѣвицъ насиловали; кого вѣшали, кого въ куски крошили, кого жарили... Такое неслыханное варварство заставило многихъ Сербовъ Мухамеданъ бѣжать въ Босну и Герцеговину. Они содрогались отъ такихъ поступковъ Азіятовъ и готовы были сами возстать противъ нихъ. Наши женщины плакали о несчастныхъ Шумадинцахъ, проклинали Туркушу и его полчища и желали, чтобы Богъ послалъ на нихъ поморъ. Туркуши думали, что они совсѣмъ усмирили Сербовъ, но не тутъ-то было. Сербы рѣшились скорѣе всѣ погибнуть, нежели сдать свои врагамъ, и Богъ послалъ имъ новаго избавителя, Милоша Обреновича. Ставъ во главѣ своего народа, онъ прежде всего запретилъ принуждать переминыть вѣру и убивать плѣнныхъ. Онъ отпускалъ послѣднихъ на свободу, возвращалъ имъ оружіе и даже давалъ деньги на дорогу. Такіе великодушныя поступки Милоша расположили къ нему потурченныхъ Сербовъ. Они даже тайно передавали въ Шумадію порохъ, а потурченныя женщины радовались при каждой побѣдѣ Шумадинцевъ надъ Турками и всѣ единодушно желали имъ добра. Этого мало: потурицы

прозвали Милоша Великимъ, и сами Турки величали его Ходжа Милошъ, что на ихъ Манджутскомъ (Турецкомъ) языкѣ значитъ «Великій».

Помолчавъ не много старикъ продолжалъ:

— Да, Милошъ хорошо дѣлалъ, что со всѣми жилъ въ любви, и не позволялъ никому обижать вашу челядь (семейство). Онъ былъ уменъ и хитеръ и не терялъ головы въ опасности. Расскажу тебѣ слѣдующій случай: когда Сераскиръ пошелъ съ Турецкою арміею на Чачакъ, у Милоша было очень мало войска. Онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Турки остановились на ночь въ Чачкѣ по сю сторону Моравы, а онъ, пользуясь темнотою, велѣлъ разставить въ полѣ колья и одѣть ихъ въ кафтаны. Утромъ Сераскиръ, увидавъ большое войско въ полѣ, призадумался, однако рѣшился перейти Мораву съ своею арміею. Сербы начали стрѣлять въ рассыпную съ разныхъ сторонъ, но какъ Турокъ было больше, Милошъ сталъ отступать. Въ это время прибѣжала его жена Любица. «Что вы дѣлаете? гнѣвно закричала она.—Куда вы отступаете? Стыдитесь! Когда такъ, я женщина пойду впереди васъ. Лучше лечь на полѣ сраженія, нежели дожидаться враговъ въ своемъ домѣ и подвергаться сраму и насилию.» Съ этими словами она схватила саблю и пошла впередъ. Тогда всѣ Сербы отчаянно бросились на Турокъ. И что за рѣзня была! Сераскиръ между тѣмъ послѣдовалъ за арміею и уже былъ на срединѣ рѣки, какъ три Серба, спрятавшись въ водѣ подъ корнями прибрежныхъ деревьевъ, выстрѣлили, и Турецкій Главнокомандующій, какъ снопъ, свалился съ лошади; волны помчали его трупъ, и Турки видя смерть своего вождя, дрогнули и побѣжали назадъ къ Моравѣ. Сербы погнались за ними. Турки кидали оружіе и бросались въ безпорядкѣ въ воду, гдѣ ихъ потонуло большое число. Остальныя, которыми удалось переплыть рѣку, бѣжали какъ бараны, но ихъ встрѣтилъ Миличъ Дринчичъ съ своею дружиною и много побилъ. Эта побѣда была самая счастливая для Шумадіи.

— Мнѣ рассказывали, прервалъ я старика, что одинъ Туркуша сѣлъ на лошадь, но отъ страха забылъ отвязать ее отъ столба; другой не снялъ мѣшка съ овсомъ съ головы своего коня и пустился скакать; третій сѣлъ лицомъ къ хвосту. Нѣтъ ли также какихъ разсказовъ о Сербахъ?

— Какъ же. Въ Сербской дружинѣ не кому было бить въ барабанъ, по тому, что всѣ взяли за оружіе и пошли въ дѣло; тогда одинъ Сербскій Игуменъ или Владыко, Мелентій, будучи не въ силахъ сражаться, замѣнилъ барабанщика. Турки жестоко поплатились въ этотъ разъ. Вся дорога черезъ Елицу Гору была усыяна ихъ трупами, а сколько еще унесено водою! Турки, разбитые на голову,

признали Милоша Шумадинскимъ Княземъ; а наши люди прозвали его Великимъ Милошемъ за его человеколюбіе къ побѣжденнымъ. Во время ваятія Чачка всѣ потурченныя Сербы дрожали отъ страха, боясь мщенія за звѣрство Турокъ въ Бѣлградѣ, когда Карагеоргій бѣжалъ въ Кесарскую землю; но Милошъ распорядился иначе: онъ грозилъ смертію всѣмъ, кто осмѣлится одѣлать зло и насиліе нашимъ женщинамъ и дѣтямъ, и строго запретилъ убивать туземныхъ Мухамеданъ, которые объявлять, что не хотятъ воевать съ Сербамъ. Черезъ нѣсколько времени онъ издалъ приказъ, по которому всѣ люди нашего закона съ своими семействами могли спокойно ити изъ Шумадіи куда пожелаютъ, и велѣлъ отправить на даровыхъ подводахъ въ Сѣницу всѣхъ женщинъ и дѣтей подъ прикрытіемъ честныхъ людей. Въ это время изъ Стамбула пріѣхалъ какой-то важный Царскій человекъ для осмотра вилаета. Его тронули женскіе рассказы про жестокости Туркушей и великодушіе Милоша и Сербовъ. Онъ велѣлъ перевести ихъ слова на Турецкій языкъ и донесъ обо всемъ Правительству. Это такъ, говорятъ, поразило Султана, что онъ назначилъ Милоша Княземъ надъ всею Шумадіей. Такимъ образомъ Милошъ все повышался, дѣлался извѣстенъ всѣмъ Королямъ и получилъ большую честь въ Стамбулѣ при Царѣ.

— А много ли погибло народа въ это страшное время? спросалъ я.

Старикъ покачалъ головой:

— Эй, ай, ай! Столько-то погибло людей обоего закона, что и вспомнить страшно. Всякій разъ лихорадка беретъ. Нѣтъ ни одной возвышенности, долины, рѣчки, гдѣ бы не лилась человѣческая кровь. Да, и ваши и наши люди долго не забудутъ того времени, когда Туркуша отнялъ у нихъ оружіе, ограбилъ и наложилъ тяжелую дань. Видишь, какъ мы всѣ раззорены!

— Что дѣлать? надо терпѣть.

— Это я знаю и безъ тебя; а ты мнѣ скажи что ни будь лучше, поутѣшительнѣе. Или боишься говорить объ этомъ?

Я сказалъ ему, что не предвижу никакихъ средствъ къ облегченію народной участи.

— Ну, такъ я тебѣ скажу какъ помочь нашей общей бѣдѣ. Все-му нашему племени, говорящему однимъ языкомъ, слѣдовало бы соединиться, возстать противъ Туркуши и выгнать его изъ нашего вилаета.

Я замѣтилъ старику, что многіе на то не согласятся.

— Въ прежнія времена, отвѣчалъ онъ, — крупныя землевладѣльцы

не согласились бы возстать, а теперь едва ли кто изъ нашихъ откажется ити противъ Туркуши, если будутъ увѣрены, что каждый останется хозяиномъ своей земли и вотчины, что Беги и Аги не потеряютъ своихъ мѣстъ и что каждый можетъ вѣровать и молиться по своему закону.

— А что скажутъ на это ваши Дервиши, Ходжи, Муаллы и пр.

— Ей! сдѣшнихъ уроженцевъ нечего бояться; а всякаго яб анца (пришельца), кто бы ни былъ онъ—Дервишъ, Софта, Попъ или Калугеръ, въ шею, если онъ станеть ссорить насъ.

Я удивился смѣлости его суждений и сказалъ: «Ты это лучше меня знаешь.»

— Я не одинъ такъ думаю, нужда многихъ заставляетъ желать того же. Авось либо найдутся люди похожіе на Карагеоргія, Милоша и на Гусейнъ-Капетана. Не такъ бы запѣлъ тогда Туркуша; потерялъ бы охоту ловить рыбу въ мутной водѣ.

— Много рассказалъ ты мнѣ сегодня, чего я прежде не зналъ.

— Это еще не все, сынокъ. Пожилъ бы ты сдѣсь, я кое-что сообщилъ бы тебѣ еще. Ты свой человекъ; наше общее гнѣздо сдѣсь, чего же намъ бояться и смотрѣть врагами другъ на друга? Когда ты вернешься въ Шумадію, продолжалъ старикъ, — скажи Сербамъ, чтобъ оидъ насъ не боялись. Мы скорѣе къ нимъ пойдѣмъ на помощь, чѣмъ къ нашимъ общимъ врагамъ. Мы всѣ—свои люди, говоримъ однимъ языкомъ, не одного только закона. Тебя Попъ крестилъ, а меня Ходжа осунлетилъ. И то не бѣда! Мы не должны этимъ упрекать другъ друга. Память осталась при насъ, не такъ ли?

— Такъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ и время не видали въ нашей бесѣдѣ. Я такъ былъ радъ поговорить сегодня откровенно.

— И я доволенъ нашей встрѣчей; твои рассказы заняли меня; я многое изъ нихъ узналъ, но извини меня, старикъ: я, кажется, отвлекъ тебя отъ работы?

— Ничего. Жаръ прошелъ; волю отдохнули теперь, работа пойдетъ живѣй. Я подрядился вспахать гуртомъ и скоро кончу. Въ поденъ труднѣй пахать: волю бѣсятъ отъ мухъ и оводовъ, да и солнце слишкомъ печетъ.

— Я всталъ, поблагодарилъ словоохотливаго Мухамедавина за его рассказы и добрые совѣты и простился съ нимъ.

— Смотри не говори никому изъ сдѣшнихъ о нашемъ разговорѣ, промовилъ онъ,

Я далъ ему слово быть осторожнымъ и пошелъ въ монастырь, соображая дорогой все, что я услыжалъ отъ старика.

VI.

Разказы стараго Мухамеданина произвели на меня скорбное впечатлѣнiе, и я пошелъ въ монастырь раздумывая о горькой судьбѣ Сербскаго народа. Да когда же, наконецъ, вздохнетъ свободнѣе это многострадальное племя? Откуда ждать ему спасенiя?

Дойдя до монастырской корчмы, я увидалъ предъ нею толпу селяковъ и подошелъ къ нимъ съ обычнымъ привѣтствiемъ: «добрыи вечеръ!» Мнѣ отвѣчали тѣмъ же. Въ корчмѣ я засталъ Кмета, который уговаривалъ доставить прямо въ Новую Варошъ продовольствiе, принесенное въ монастырскую корчму для Турецкой армiи, которая въ то время выступила въ походъ противъ Черногорцевъ; но селяки не соглашались и сильно шумѣли.

— У насъ нѣтъ лошадей, говорили они. — Тѣ же Турки взяли ихъ для подводъ. Мы отдали послѣднiя свои крохи; у насъ нѣтъ больше ничего.

— Подумайте, братья, постарайтесь; а то вѣдь выйдетъ бѣда, говорилъ Кметъ.

— Какая бѣда? закричали многiе. — Мы не причемъ лошадей, ихъ нѣтъ.

— Что же мнѣ-то дѣлать? Турки приказываютъ, чтобы завтра къ вечеру доставить иштиру.

— Чудной ты человекъ! Найди у когонибудь лошадь, мы заплатимъ ему за эту бѣду.

Кметъ ломалъ руки и отиралъ потъ съ лица. Онъ былъ по истинѣ жалокъ. «Нѣтъ крѣпости тверже Неманчивой!» Эта поговорка употребляется въ случаѣ невозможности достать то, чѣмъ бы можно было послужиться, или говоря другими словами: «нѣтъ крѣпости тверже бѣдности.»

Послѣ долгихъ споровъ, порѣшили наконецъ собрать деньги и заплатить за доставку подати. Одинъ изъ селяковъ сказалъ въ насмѣшку:

— Не навьючить ли Царокую иштиру на пѣтуха?

А другой подхватилъ:

— А если нѣтъ и пѣтуха?

— На нѣтъ и суда нѣтъ.

— Не теряйте попусту время, кончайте скорѣе. Не возмется ли кто изъ васъ за деньги доставить иштиру?

Народъ закричалъ:

— Между нами нѣтъ никого. Не прикажешь ли намъ навьючить на себя и на своихъ женъ? Пусть Турки сыщутъ лошадей и присылаютъ за податью; мы заплатимъ за провозъ; имъ легче это сдѣлать нежели намъ.

Такимъ образомъ на сходкѣ опредѣлили, чтобы Кметъ отправился къ Мудиру и передалъ ему рѣшеніе народа.

Мнѣ любопытно было слышать, какъ селяки давали разныя наставленія Кмету. Наконецъ всѣ разошлись по своимъ домамъ; побрелъ и я въ монастырь, гдѣ встрѣтилъ Макарія, гуляющаго по двору съ другимъ монахомъ.

Послѣдній держалъ длинный чубукъ въ зубахъ.

— Добро вече! сказалъ я, подходя къ нимъ.

Они отвѣчали на мое привѣтствіе довольно холодно и какъ будто съ сердцемъ.

— Гдѣ же ты пропадалъ сегодня? спросилъ Макарій.

— Я гулялъ кое-гдѣ по окрестностямъ, потомъ немного посидѣлъ въ корчмѣ и слушалъ что селяки говорили о доставкѣ иштиры въ Варошъ.

Онъ разсердился и пожимая плечами съ досадою сказалъ:

— Я совѣтовалъ тебѣ для твоей же пользы не путаться съ ними и не ходить на ихъ сестанакъ, а ты все дѣлаешь на перекоръ. Вотъ наемни отправился на сходку, сегодня утромъ разговаривалъ съ Туркомъ, а теперь слушалъ деревенскіе толки объ иштирѣ.

— Я не одинъ былъ на сходкѣ; тамъ сидѣли и слушали другія постороннія лица.

— Они не то, что ты.

— А чѣмъ же я хуже другихъ?

— Тѣмъ, чѣмъ и я самъ. Ты видишь какъ народъ смотритъ съ недоувѣріемъ на всѣхъ тѣхъ, которые привѣзжаютъ въ эдакомъ костюмѣ какъ ты и я, указывая на свою рясу и мой сюртукъ.

— Я привѣхалъ сюда съ цѣлью быть учителемъ; удастся мнѣ—останусь здѣсь, не удастся—уйду въ другое мѣсто, но гдѣ бы я ни жилъ я долженъ сблизиться съ народомъ.

— А ты не знаешь, какъ на тебя смотрятъ здѣсь нѣкоторыя личности?

— Нѣтъ не знаю.

— Ну хочешь ли, я тебѣ скажу, что у тебя на умѣ?

— Хорошо. Я даже даю тебѣ честное слово сказать правду отгадаешь ли ты мои мысли или нѣтъ.

— Вотъ твой планъ и твоя цѣль: подъ именемъ учителя, ты думаешь сдѣлаться доносникомъ (корреспондентомъ) какой ни будь новины (газеты) и передавать все дѣйствія Турокъ, Владыкъ, купцовъ и проч., если они не станутъ такъ поступать, какъ бы вы, учителя, того хотѣли. Не пропустишь тоже случая и письмоцо отправить съ кѣмъ нибудь въ Сербскія новины, а тамъ отъ себя прибавлять столько, что и самъ не радъ будешь, что открылъ школу.

— Мой планъ гораздо скромнѣе; ты не отгадалъ его. Я хочу просто быть учителемъ и добросовѣстно заняться народнымъ образованіемъ. Если же нѣкоторыя личности, какъ ты говоришь, подозрительно смотрятъ на меня, то я уѣду въ другую мѣстность: въ Сѣницу, въ Новый Пазаръ, Призрѣнъ, Печь, Бѣло Поле, Плевле.

— Для какого дѣла?

— Отыщу какое нибудь занятіе; сдѣлаюсь учителемъ.

Монахъ задумался немного и потомъ сказалъ:

— Слушай. Тебѣ извѣстно, что эта обитель находится въ вѣдѣніи Боснійскаго Владыки; я уже писалъ къ нему, что у меня въ виду учитель, именно ты. И такъ, если онъ разрѣшитъ устройство школы, ты останешься здѣсь, а если я не получу скоро отъ него отвѣта, по возвращеніи изъ Новой Вароши, ты отправишься съ моимъ письмомъ прямо въ Сараево; Владыка тебя увидитъ и благословитъ сюда въ учителя. Советую тебѣ не говорить Мудиру о Новомъ Пазарѣ или о другой мѣстности и не просить паспорта для проѣзда въ эти края.

— Отъ чего?

— Потому что здѣсь все на сторожѣ. Ты вотъ хочешь быть учителемъ, а это, быть можетъ, не понравится властямъ и тебя сочтутъ подозрительнымъ человекомъ. Другое дѣло когда ты скажешь, что идешь къ Владыкѣ въ Сараево: онъ все-таки Царскій человекъ, и тогда тебѣ нечего бояться. Не мѣшаетъ также взять Царскую tesskeru, чтобъ свободно ходить по Царской землѣ. Богъ дастъ завтра я представлю тебя Мудиру и похлопочу, чтобъ тебѣ скорѣй выдали паспортъ или сдѣлали надпись на Сербскомъ для безпрепятственнаго выѣзда въ Сараево. А теперь пойдемъ ужинать и ляжемъ, чтобъ раньше встать по утру.

На другой день, отслушавъ заутреню и обѣдню, мы выпили кофе, позавтракали и стали собираться въ путь. Мой багажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ книгъ, бѣлья и пары крѣпкихъ сапоговъ; другіе, поря-

дочно сбитые, были на мнѣ. Я спросилъ монаха съ кѣмъ бы отправить мои вещи впередъ въ Новую Варошъ.

— Это лишнія хлопоты, сказалъ онъ, — оставь ихъ здѣсь; вѣдь ты опять вернешься сюда.

— А можетъ быть и нѣтъ, отвѣчалъ я, пытая Макарія.

— Я тебѣ уже сказалъ, что тебя никуда не пустятъ дальше той дороги, по которой ты пришелъ.

При такой настойчивости чернеца, я вспомнилъ все прежнія предостереженія селяковъ и прикинулся самымъ послушнымъ агнекомъ, одобряя все его слова.

Когда кончились все сборы къ отъѣзду, мы вышли изъ монастыря. Макарій поѣхалъ верхомъ, а я пошелъ пѣшкомъ, но такъ какъ я былъ здоровъ и крѣпокъ, то шагалъ впередъ его.

Черезъ нѣсколько времени мы достигли села Кратова, столь извѣстнаго въ исторіи Сербіи своими золотыми россыпями въ ближайшемъ горномъ краѣ, называемомъ Рудине. Недалеко отсюда къ сѣверу лежитъ, вся поросшая лѣсомъ, мѣстность Ровине, упоминаемая въ Сербскихъ лѣтописяхъ. Вся эта окрестность носитъ слѣды обилія древнихъ церквей, которыя теперь уже не существуютъ, но память о которыхъ хранится въ такъ называемыхъ црквиштахъ и кладбищахъ, куда народъ собирается ежегодно по старой памяти въ дни храмовыхъ праздниковъ. Но на пути, не доѣзжая до самаго Кратова, я замѣтилъ по правую сторону дороги на возвышенности караульный домъ и нѣсколько человѣкъ около него.

— Что это за люди и за строеніе? спросилъ я у своего спутника.

— Это Турецкій караулъ, отвѣчалъ онъ.

— Что же онъ здѣсь оберегаетъ?

— Мало ли что. Царскій дружъ (дорогу) отъ хайдуковъ и наблюдаетъ за проходящими по этой дорогѣ. Ихъ останавливаютъ, спрашиваютъ: откуда? куда? зачѣмъ? и если замѣтятъ, что ни будь подозрительное, то ведутъ отъ караула до караула и приводятъ къ Мудяру; а тамъ ужъ разбираютъ что за человѣкъ.

Оглядывая окрестность, я припомнилъ, что 12 лѣтъ тому назадъ, проходя по этому же мѣсту, я видѣлъ здѣсь раскидистые столѣтніе дубы, а теперь торчали одни только пни и валялись обезображенные колоды «за пушкомѣтъ», т. е., на ружейный выстрѣлъ или на подувѣрстномъ разстояніи въ обѣ стороны отъ дороги.

Поднявшись на горку, я съ любопытствомъ всматривался въ ка-

раульныхъ, блюстителейъ порядка, заведеннаго великими преобразователями Востока. Я былъ въ томъ же костюмѣ, въ какомъ вышелъ изъ Сербіи, и съ печуркой (грибомъ), т. е., круглой низкой шляпой на головѣ. Одинъ изъ Турецкихъ стражей направился къ намъ и еще издали закричалъ: «ей! ей! угурала? (куда?).»

— Въ Новую Варошъ, отвѣчалъ Макарій и тутъ же прибавилъ: сабахнайралахъ!

— Амахраззосумъ, отвѣтилъ тотъ.

Послѣ этого обмѣна привѣтствій, Турокъ спросилъ про меня:

— А это кто съ тобой?

— Онъ идетъ къ Мудиру за Царской тескерой, потомъ вернется со мною сюда и пойдетъ въ Сараево.

Караульный посмотрѣлъ на меня и грозно закричалъ:

— За чѣмъ у тебя на головѣ это?

— Какъ носить въ Шумадіи, такъ и я ношу.

— Сдѣсь Турецкая земля, а не Шумадія. По чей землѣ ходишь, такъ и одѣвайся.

Я замолчалъ, а мой краснощекий спутникъ тотчасъ заговорилъ съ оборванцемъ, чтобъ прекратить разговоръ о шляпѣ. Къ намъ подошла еще два негодая и завели между собою рѣчь, перемѣшивая ее Турецкими, Арнаутскими и Сербскими словами, чтобъ показать свое знаніе въ этихъ языкахъ; но я замѣтилъ, что они очень плохо выражались по Турецки и хорошо владѣли послѣдними двумя языками. Я не упустилъ также случая рассмотреть ихъ одежду: на нихъ были довольно грязные фустаны (въ родѣ юбокъ) и красныя шапки на головахъ съ большою клясткой изъ синяго шелка, которая касалась плеча. Ихъ шеи были отвратительно грязны, и только ружья отличались нѣкоторою опрятностью, но, будучи стариннаго фасона, они далеко уступали ружьямъ новѣйшей работы. Отъ ихъ товарища, стоявшаго близъ меня, несло какимъ-то отвратительно-сквернымъ запахомъ, и онъ безпрестанно почесывалъ шею, какъ бы ощупывая и что-то лова.

Благополучно отдѣлавшись отъ этихъ негодяевъ, мы оба пошли пѣшкомъ. Макарій велъ коня за поводъ. Дорога шла подъ гору и спустя немного времени мы достигли села Кратова, гдѣ жило нѣсколько семействъ Мухамеданскаго вѣроисповѣданія.

Мы зашли на постоялый дворъ. Я выпилъ воды, а товарищъ велѣлъ подать двѣ чашки кофе; я спросилъ еще рюмку водки. Пока мы отдыхали, подошли еще кой-кто изъ этихъ мѣстностей и Кметъ изъ Бани, который такъ же шелъ въ Новую Варошъ къ Мудиру съ

объявленіемъ объ иштирѣ, лежавшей въ монастырской корчмѣ за неизмѣнимъ лошадей для доставки къ нему.

Поздоровавшись съ пришедшими людьми, мы отправились опять въ дорогу, монахъ верхомъ, а я по прежнему пѣшкомъ. Къ намъ присоединились еще нѣкоторые лица, и одинъ изъ нихъ спросилъ меня куда я иду. Я рассказалъ ему цѣль моего странствованія.

— Да, хорошо бы тебѣ остаться гдѣ-нибудь учителемъ, сказалъ онъ, но ты пришелъ не въ пору.

— Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ,

— Потому что Турки послѣ войны съ Московомъ такъ озлобились на весь нашъ народъ, что просто житья нѣтъ. А тутъ еще воюютъ съ ними Черногорцы и Брдяне; сказываютъ, разбили на голову Царскихъ солдатъ. Эти бѣшенныя собаки грозятъ намъ теперь, говоря: «Вы, собачья вѣра, все знаете что дѣлается и передаете нашимъ врагамъ.» Они отыскиваютъ подозрительныхъ людей и затѣмъ шлеплются по нашимъ деревнямъ.

— Кто же эти негодяи?

— Всякая сволочь: Арнауты, Тооки, Османлія. Они не привыкли копать, пахать и сѣять и за деньги идутъ въ сеймены, будтобы, смотрѣть, за порядкомъ и ловить дурныхъ людей, а сами хуже всякихъ разбойниковъ.

— Сколько имъ идетъ айлуки (жалованья.)

— Кто ихъ знаетъ? Одни говорятъ много, а другіе мало; но все таки имъ хорошо, потому что они добываютъ деньги не потомъ и трудами, а мытомъ (подкупомъ), бакшишемъ (подаркомъ), а не то такъ силою (насиломъ). Они готовы ни за что ни про что человѣка убить. Вотъ видишь какъ здѣсь живется.

Это скверно. Однако, я слыкалъ, напротивъ, что теперь гораздо лучше, чѣмъ было прежде. Царь, гсворять, и Христіянамъ далъ права, такъ что обиженные, кто бы они ни были, могутъ жаловаться въ судъ и каждый отвѣчаетъ за свой поступокъ.

Мой собесѣдникъ покачалъ головой и произнесъ: Эхе-хе-хе! а ты вѣришь этому?

— Какъ же не вѣрить, когда я самъ читалъ въ газетахъ.

— Горько же ты обманешься, когда заговоришь про равноправность на судъ при какомъ ни будь голышѣ или оборванцѣ.

— Я не изъ своей головы выдумываю. Турки сами это знаютъ и говорятъ.

— А мой тебѣ совѣтъ молчать, да поскорѣй уходить назадъ въ Сербію, пока цѣла твоя голова.

— Что мнѣ Турки сдѣлають? вышлютъ только въ Сербію.

— Какъ бы не такъ. Тебя сочтутъ за бунтовщика, посадятъ въ темницу, а потомъ будутъ пересылать изъ Сѣниці въ Новый Пазаръ или въ Сараево, а оттуда куда нибудь подальше. Скорѣй же всего отравятъ въ темницѣ и скажутъ: «умеръ отъ Божіей воли,» или передадутъ суваріямъ, чтобы препроводить тебя по назначенному пути, а тѣ убьютъ тебя и скажутъ: хотѣлъ, де, бѣжать, сопротивлялся,—и получатъ за то еще награду. Кто подкупить Турокъ, чтобы они пощадили твою жизнь? Эхе! братъ, брось свое учительство и ступай назадъ въ Сербію.

Пройдя нѣсколько шаговъ, мой новый товарищъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ дороги одну мѣстность.

— Вотъ течетъ рѣка, называемая Годинъ-Потокъ. Я никогда не забуду этого мѣста. Разъ я пошелъ по дѣлу въ село Орашацъ къ одному пріятелю. Дорогой ко мнѣ присталъ прохожій. Миновавъ село Рудоши, мы вышли не много повыше на эту самую дорогу; слышимъ, стадо страшно реветъ. Что за диво? Подходимъ ближе и нашимъ глазамъ представился человѣческой трупъ, покрытый какимъ-то грязнымъ отрепьемъ. Кругомъ тѣла стояла огромная лужа крови. Мы приподняли доскутъ и съ ужасомъ увидали обезображенный трупъ безъ головы; она была отрублена и шея между плечами совершенно ушла въ туловище. Мы прикрыли опять тѣло несчастнаго незнакомца и пошли прочь отъ этого ужаснаго зрѣлища. Придя къ знакомому, я рассказалъ о страшной находкѣ, тотъ такъ и ахнулъ. «Ужъ не погибъ ли Деновичъ Петръ несчастный, изъ села Грачаницы?» Онъ не ошибся. Вечеромъ пастухи, возвратясь домой, рассказали, что видѣли толпу вооруженныхъ Турокъ, которые провели Петра Деновича со связанными назадъ руками. Злодѣи давно собирались убить его и узнавъ что онъ пришелъ къ одному своему знакомому, окружилъ тотъ домъ, схватили и связали несчастную жертву и привѣдя къ этой рѣчкѣ отрубили ему голову. Вотъ его могила. Съ тѣхъ поръ эта рѣчка стала называться вмѣсто Годинъ-Потокъ—Петровъ-Потокъ.

— За что Турки убили его?

— Богъ вѣсть за что? настоящая причина неизвѣстна, но вскорѣ послѣ этого убійства стали рассказывать, что въ него влюбилась какая-то будто бы Турецкая дѣвушка и подсылала къ нему разныхъ женщинъ уговорить его принять Мухамеданскій законъ, но онъ, конечно, отказался. Тогда изувѣры распустили слухъ, что Петръ будто бы хочетъ уйти къ хайдукамъ, и стали его преслѣдовать. Несчастный былъ очень красивый, и за это поплатился жизнью.

— А давно ли случилось?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Богъ да проститъ его душу! вѣчная ему память и блаженный покой; да будетъ ему легка земля!

— Не узнали ли вы послѣ за что онъ именно погибъ?

— Нѣтъ. Турки до сихъ поръ ничего не говорятъ, а только распустили слухъ, будто покойный Петръ укралъ лапти, но у кого, неизвестно. Не слышно было также, чтобъ онъ собирался ускочить къ хайдукамъ, всѣ его знали за скромнаго и тихаго молодаго человѣка. Вѣроятнѣе всего разбойники убили его за то, что онъ не хотѣлъ перейти въ Мухамеданство.

— Почему же ты такъ думаешь?

— По разсказу пастуховъ. Пастухи, очевидцы этого злодѣяства, увидавъ, что Турки ведутъ связаннаго человѣка, спрятались въ кусты и смотрѣли, что съ нимъ будетъ. Проведя его черезъ рѣчку, булюбаша спросилъ не хочетъ ли онъ пить. Несчастный — томимый жаждою попросилъ воды. Одинъ изъ сейменовъ снялъ съ его головы шапку, зачерпнулъ ею воды и далъ ему напиться. Послѣ того Турки спросили: что лучше хочешь — умереть, или съ нынѣшняго дня сдѣлаться Туркомъ? Петръ отвѣчалъ: бейте меня какъ хотите, но я въ какой вѣрѣ родился, въ такой и умру. Турки нѣсколько разъ дѣлали ему тотъ же вопросъ, наконецъ одинъ изъ нихъ принесъ сукъ, переломилъ его пополамъ, скрестилъ и сказалъ: «Плюнь на это, или стань ногой.» Петръ не слушался и повторялъ одно: «Въ чемъ родился въ томъ и умру.» Они стали бить его прикладами длинныхъ ружей въ спину и грудь, и несчастный кричалъ отъ невыносимой боли, умоляя убить его поскорѣй, но мучители говорили одно: «Плюнь на это», показывая ему сложенный крестъ на крестъ сукъ. Петръ не выдержалъ и сталъ какъ можно хуже поносить ихъ законъ. Тогда булюбаша сказалъ что-то по Арнаутски. Наконецъ одинъ выхватилъ свой кинжалъ, схватилъ его за длинныя волосы и до трехъ разъ наносилъ ему удары; въ четвертый только разъ голова отдѣлилась отъ туловища. Онъ бросилъ ее на землю, и она нѣсколько времени прыгала туда и сюда; трупъ также метался изъ стороны въ сторону. Злодѣи преспокойно обмыли въ рѣчкѣ кинжалъ и обтерли его; потомъ сняли съ трупа одежду и накрыли его грязнымъ лохмотьемъ, а голову воткнули на длинную палку и пошли большою дорогою. Проходя селомъ, они пѣли Арнаутскія пѣсни, стрѣляли изъ пистолетовъ и хвастались, что убили хайдука.

— Не случилось ли это въ то время, когда Омеръ-Паша проходилъ здѣсь съ войскомъ?

— Нѣтъ, это было раньше.

— Ну а теперь, вѣроятно, не такъ жестоко поступаютъ съ Христіянами?

— Если хочешь, даже хуже: запрутъ въ темницу и черезъ нѣсколько времени скажутъ: «умеръ», или, пожалуй, выпустятъ: «ты, де, свободенъ, ступай куда хочешь!» а между тѣмъ подошлютъ кровопійць Тосковъ, Арнаутовъ или Османіевъ; тѣ изъ-подтишка убьютъ человѣка, а потомъ пошлютъ для формы разыскивать, кто его убилъ, не хайдуки ли; тогда какъ эти сыщики и суть настоящіе разбойники и убійцы.

— Однако ты меня настрачалъ своими разказами; не убирать-ся ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ Сербію?

— Гораздо лучше будетъ; здѣсь человѣкъ сгинетъ даромъ. Мой совѣтъ, если бы тебя пригласили быть учителемъ,—не оставаться здѣсь. Уходи долой съ глазъ нечистыхъ, пока ты не попалъ въ ихъ темницу, или они тебя не передали своимъ разбойникамъ проводить отъ караула до караула, а тамъ и жди, что твоя голова слетитъ съ плечъ. Берегись чтобъ какойнибудь потокъ не назвался твоимъ именемъ, какъ потокъ Деновичевъ.

Въ такихъ разговорахъ мы не замѣтили, какъ отстали отъ нашего каравана; мы прибавили шагу, чтобы догнать его. Всѣ верховые остановились въ селѣ для отдыха и пустили лошадей на траву.

Послѣ краткой остановки, опять пустились въ путь, не спѣша, большою дорогою. Я съ товарищемъ шелъ впереди; внимательно осматривая окрестность, я увидалъ на правой сторонѣ дороги большой деревянный домъ и вокругъ нѣсколько избушекъ; въ прежнее время тутъ было одно поле. Это былъ постоянный дворъ или гостинница одного отуреченнаго туземца, не въ дальнемъ разстояніи бродили какіе-то Турки, одни оборванные, другіе въ военной формѣ.

— Пройдемъ мимо этого хана, сказалъ товарищъ.

— Зачѣмъ же мимо? войдемъ отдохнуть немного.

— Нѣтъ, пожалуй, еще наткнешься на какогонибудь пьянаго Турка и не скоро отъ него отвяжешься.

— А мнѣ хотѣлось выпить рюмку водки; отъ усталости просто заболѣли ноги.

— И я хотѣлъ взять огня для трубки, да нѣтъ, думаю, лучше потерпѣть, чѣмъ попасть въ бѣду.

И такъ мы прошли мимо.

— Кто тутъ живетъ, спросилъ я.

— Анджія (хозяинъ), да постоянно пребываютъ суваріи, семейны и, Богъ знаетъ, какія личности. Изъ нашихъ тутъ никто не останавливается, чтобъ не наткнуться на какого злодѣя. Позади насъ послышалось много голосовъ, и когда верховые обогнали насъ, я замѣтилъ нѣсколько новыхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ насмѣшливо спросилъ, указывая на меня:

— Кто это идетъ впереди съ грибомъ на головѣ?

Монахъ отвѣчалъ:

— Нашъ будущій учитель; я хочу съ тобой поговорить объ немъ.

Незнакомецъ спросилъ меня откуда я и что за человекъ. Я удовлетворилъ его любопытству.

— А сколько ты намъ дашь, чтобъ остаться учителемъ въ монастырѣ?

Такой вопросъ озадачилъ меня.

— Я не такъ богатъ, сказалъ я, — чтобъ учить даромъ вашихъ дѣтей и еще платить за свой трудъ.

— А намъ не нужно такихъ учителей, которые требуютъ платы за ученіе; заплати намъ и учи сколько угодно.

Меня взбѣсило грубое невѣжество этого негодая, и я готовъ былъ наговорить ему всякихъ дерзостей, но удержался и смолчалъ. Онъ сталъ спрашивать, что дѣлается въ Сербіи? Я отвѣчалъ отрывисто: «не знаю,» и не говорилъ болѣе ни слова. Прочіе спутники молчали, а Макарій какъ-то лукаво улыбался. Пошлая личность. Незнакомецъ старался втянуть меня въ разговоръ. Но одинъ изъ верховыхъ замѣтилъ, что не хорошо такъ надоѣдать человекъ, уставшему отъ ходьбы.

— Я хочу, чтобъ онъ говорилъ со мною.

— Мало ли-чего ты хочешь. Попробуй-ка самъ ити пѣшкомъ, такъ не захочешь говорить. Поиграю на свирѣкѣ и довольно, заткну ея за поясъ.

Всѣхъ верховыхъ было шесть человекъ; четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и пристававшій ко мнѣ, поѣхали впередъ, а двое примкнули къ намъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Ты, вѣрно, усталъ?

— Да, порядочно.

— Садись на моего коня, а я пойду немного пѣшкомъ.

Я отказался. Такъ я былъ раздосадованъ грубыми выходками глупаго невѣжи.

— Не сердись, пожалуйста, на насъ, продолжалъ верховой.—Ты самъ видѣлъ, что мы всё молчали, по тому что намъ было непріятно видѣть его дерзкое обращеніе съ тобою.

— Я не сержусь; но и не желаю говорить съ подобными людьми.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что замолчалъ. Этимъ осрамилъ его передъ всей дружиной.

— Да что онъ за человекъ?

— Кметъ села Штербцы. Развѣ ты его не знаешь?

— Въ первый разъ вижу.

— Какъ же онъ сказалъ намъ, что знаетъ тебя?

— Что жъ мудренаго? Какъ его зовутъ?

— Рако.

Тутъ я вспомнилъ того добродушнаго селяка, съ которымъ дѣлалъ путь въ первые два дня моего прихода въ Турцію. Провожая меня черезъ село Штербцы, онъ совѣтовалъ мнѣ беречься этого зловреднаго человека.

Мы уже миновали поле, перешли рѣчку и достигли лѣса, какъ вдругъ поднялась сильная буря съ проливнымъ дождемъ, и дорога разгрязнилась. Мой пѣшій товарищъ простился со мной, совѣтуя скорѣе возвратиться въ Сербію другой дорогой, а я остался съ верховыми. Пройдя лѣсъ, мы повернули на югъ и поднялись на возвышенность. Тутъ намъ встрѣтилась почта. Вѣстовой скакалъ впередъ во весь опоръ, стегая кнутомъ лошадь и таща за собою еще двухъ лошадей безъ сѣдла. Позади его скакалъ какой-то толстый господинъ съ азіатскою фізіономіей, въ клеенчатомъ плащѣ и съ такимъ же башлыкомъ для защиты отъ дождя. Онъ также держалъ въ правой рукѣ кнутъ и беспощадно билъ, но безъ крика, своего коня и двухъ лошадей скакавшихъ впереди; измученныя животныя мчались изо всѣхъ силъ. Мои верховые товарищи поспѣшили свернуть на край дороги, а я пробирался по маленькой тропинкѣ, на которой было меньше грязи и рытвинъ. Между тѣмъ проводникъ и почталіонъ настигли нашу компанію, но посторониться было некуда рѣшительно, потому что одинъ край дороги опускался въ глубокой оврагъ, а съ другой стороны поднималась порядочная каменная возвышенность. Наши люди остановились, выжидая когда прѣдетъ почта. На бѣду у вѣстоваго споткнулась лошадь и въ ту же минуту послышался крикъ: «ай, ай! аманъ, аманъ!» Я оглянулся и увидалъ, что ѣхавшій позади господинъ билъ кнутомъ по спинѣ своего проводника, старавшагося ускакать впередъ.

Въ скорѣ передъ нами открылось довольно большое поле. На

и въ некоторых мѣстахъ разлилась вода отъ продолжительнаго дождя, но я шель безъ разбора, усталый и промокшій до костей. Къ довршенію горя, мои сапоги совершенно развалились отъ мокроты. Достигнувъ небольшого пригорка, недалеко отъ Турецкаго карауда, мы пристѣли отдохнуть.

Въ это время къ намъ подошелъ какой-то человекъ, плохо одѣтый, съ трубкой во рту, но вооруженный двумя пистолетами и большимъ ножомъ. «Ей! куда вы?» закричалъ онъ. «Въ Новую Варошъ» отвѣтили путники. Я въ это время выжималъ воду изъ носковъ и осматривалъ сапоги, обдумывая, какъ ихъ надѣть.

— А это кто такой? спросилъ онъ про меня.

Макарій доложилъ ему, что я иду къ Мудиру.

— Хорошо, сказалъ онъ, презрительно поглядывая на меня.

Отдохнувъ немного, мы продолжали свой путь. Одни отправились впередъ, а другіе ѣхали шагомъ; я шель одинъ пѣшкомъ, стараясь быть ото всѣхъ подальше и храня упорное молчаніе, сколько отъ усталости, столько же изъ осторожности и досады на Штербскаго Кмета за его грубую выходку. Однако товарищи, должно быть, замѣтили, что я не въ духѣ, и одинъ изъ нихъ, спрыгнувъ съ лошади, пошелъ со мною пѣшкомъ, говоря:

— Пойдемъ, братъ, вмѣстѣ; мнѣ ужъ надоѣло ѣхать верхомъ.

— Какъ тебѣ угодно, сказалъ я.

— Очень ты усталъ?

— Такъ себѣ не очень, отвѣчалъ я нехотя, а самъ думаю про себя: скоро ли мы дойдемъ?

— Садись на мою лошадь; пусть немного отдохнутъ твои ноги.

Я поблагодарилъ за его предложеніе и сказалъ:

— Если я шель до сихъ поръ пѣшкомъ, то авось дойду и до мѣста.

— Ты, кажется, сердить на всѣхъ насъ за то, что одинъ негодный изродъ оскорбилъ тебя. Мы ни въ чемъ не виноваты, увѣряю тебя.

— Я нисколько не сержусь, но, судя по вашему товарищу, думаю, что вы все таковы.

— Напрасно! Мы сами смотримъ на него, какъ на прихвостня и угодника Турецкаго. Развѣ ты не замѣтилъ, что мы все молчали, когда онъ приставалъ къ тебѣ. Я было хотѣлъ ему сдѣлать замѣчаніе и пристыдить передъ людьми, но другіе товарищи знаками дади мнѣ понять, чтобъ я оставилъ въ покоѣ этого негодяя. Мы ему ни въ чемъ не вѣримъ, какъ вѣрятъ ему Турки.

— Зачѣмъ же выбрали въ Кметы такого человека?

— По милости Турокъ, которые не допускають смѣнить его. Теперь не то время, когда народный голосъ имѣлъ силу, и люди выбирали старѣйшинъ по душѣ. Попробуй-ка что ни будь сказать о пріятелѣ Турокъ: онъ де дурной человекъ; мы не хотимъ, чтобъ онъ былъ Кметомъ. Турки сейчасъ скажутъ: «райя бунтуетъ противъ Царя!» Этотъ негодяй все это очень хорошо знаетъ и старается нарочно угождать своимъ благодѣтелямъ, чтобы только удержаться на своемъ мѣстѣ. Ты не смотри, что онъ осѣняется честнымъ крестомъ; въ душѣ и по нраву онъ хуже некрещенаго. «Гораздо хуже крещеные льстецы, чѣмъ Мухамеданскіе потурченки.» Эта поговорка такъ же вѣрна, какъ Св. Писаніе.

— Однако я ее не понимаю.

— Я тебѣ объясню ея смыслъ.

— Ты видишь, сколько насъ идетъ въ Новую Варошъ; мы хотимъ исходатайствовать у Турокъ облегченіе нашему бѣдному народу, а между тѣмъ мы ничто предъ этимъ отступникомъ, его голосъ имѣетъ больше вѣса.

— О чемъ же вы хотите просить Турокъ?

— Чтобъ они сколько нибудь пощадили Христіянъ, дали имъ вздохнуть посвободнѣй отъ ежедневныхъ поборовъ. Наши люди до того обѣдняли, что не только налоги платить, скоро имъ нечего будетъ ѣсть, нечѣмъ прикрыть грѣшное тѣло, въ конецъ раззорились.

— Объясните это все Туркамъ; они, вѣроятно, не захотятъ довести народъ до крайности. Я самъ читалъ въ газетахъ, что Султанъ равно желаетъ добра всѣмъ своимъ подданнымъ.

Мой собесѣдникъ разсмѣялся и сказалъ:

— Я не знаю чего желаетъ Султанъ, но могу сказать одно, что всему народу всѣхъ трехъ законовъ (Православнымъ, Католикамъ и Мухамеданамъ) сдѣсь въ Герцеговинѣ, Боснѣ и въ Старой Сербіи приходится очень тяжело отъ Стамбульскихъ Турокъ и своихъ десечаровъ (откупщиковъ десятинной подати). Последніе готовы продать человека для своей пользы. А тутъ еще Владыки требуютъ свою подать, чтобъ покойно жить на счетъ нашей крови и нашего пота. Разъ Кметы пошли въ Сараево просить Ходжабашей, чтобъ они довели до Царскаго свѣдѣнія народныя нужды; но они вернулись ни съ чѣмъ.

— Что такое Ходжабашаи?

— Нынѣшніе представители народа, настоящіе кровопійцы. Въ прежнее старое время Кметы передавали Кнезамъ каждой нахія тяжелыя обстоятельства поселянъ, а тѣ докладывали о нихъ прямо Ви-зириямъ, они стояли за народъ, какъ за самихъ себя. Теперь же ихъ

мѣсто заступили купцы, называемые Ходжабашами. Кметы обязаны имъ говорить, въ чемъ больше всего нуждается народъ, какъ онъ живетъ, не терпитъ ли насилія; а эти грабители толкуютъ одно: «вы должны говорить Царскому человѣку, что вамъ всѣмъ хорошо, что по милости Султана народъ благоденствуетъ.» Отъ того по неволѣ и повторяешь то, что говоритъ первый изъ насъ.

— Какъ первый? Что это значитъ?

— Ходжабаши всегда имѣютъ подъ рукой какого нибудь льстеца негодя и выставляютъ его впередъ передъ Царскимъ человѣкомъ. Онъ и говоритъ то, что ему приказываютъ другіе для своей пользы, а прочіе должны ему поддакивать, чтобъ не попасть въ бѣду. Они нарочно и выбираютъ такихъ Кметовъ, которые служатъ не своему селу и не своей общинѣ, а ихъ выгодамъ. Ходжабаши хвалятъ ихъ передъ Турками, говоря, что они настоящіе Царскіе райя; а выбранные негодяи, чтобъ лучше заслужить довѣріе крещеныхъ и не крещеныхъ Турокъ, начинаютъ клеветать на народъ и угрожаютъ терсаномъ (каторгой) не только своимъ поселянамъ, но и намъ такимъ же выборнымъ Кметамъ. Общины не смѣютъ требовать ихъ удаленія, и они десятки лѣтъ сидятъ на своемъ мѣстѣ, угождая Сараевскимъ Ходжабашамъ и Стамбульскимъ Туркамъ. Не такъ было прежде: Кнезь обыкновенно объявлялъ какому ни будь Кмету, что онъ лишается своей должности за безчестные поступки, и давалъ наставленія его преемнику, какъ онъ долженъ вести себя въ отношеніи народа, а людямъ совѣтовалъ во всемъ слушаться его. Выгнаннаго Кмета называли разкметъ, жену и дѣтей разкметовица, а домъ разкметова кутя; такія названія считались позорными. Не даромъ нашъ народъ говоритъ: «Христіанскихъ крещеныхъ воровъ голова въ Сараевѣ, а не крещеныхъ Турецкихъ въ Стамбуль.» Велики страданія нашихъ бѣдныхъ поселянъ, они замучены со всѣхъ сторонъ податями, насиліями и беззаконіями. Мы ни чѣмъ не можемъ помочь народу, а между тѣмъ онъ обвиняетъ насъ въ изобрѣтеніи разныхъ новыхъ налоговъ и требуетъ, чтобы мы говорили кому слѣдуетъ, что онъ не въ состояніи платить.

— Что жъ вы не исполняете его справедливыхъ требованій?

— Все это легко на словахъ, а не на дѣлѣ. Не разъ наши люди посылали Кметовъ, въ томъ числѣ и меня, къ Ходжабашамъ просить ихъ заступленія предъ Турками. Дорогой, бывало, и рассуждаемъ, какъ бы лучше представить имъ бѣдственное положеніе народа; придемъ въ Сараево, явимся къ нашимъ благодѣтелямъ и передаемъ народныя слова. Они сперва пообщаютъ намъ свое ходатайство

предъ Царскими людьми, а потомъ и водятъ до тѣхъ поръ, пока проживешь послѣдній грошъ. Нынче да завтра, а тамъ и скажутъ, что такъ нельзя говорить съ Царскими людьми. Турки уважаютъ Сараевскихъ купцовъ за ихъ лесть, считаютъ ихъ самыми вѣрными подданными Султана и вмѣстѣ съ ними подсылаютъ шпионовъ, чтобы слѣдить за Кметами и селяками. Прежніе Кнезы обращались прямо къ Визирямъ и Пашамъ и безбоязненно говорили имъ о народныхъ нуждахъ, а честные Аги землевладѣльцы подтверждали ихъ слова. Теперь все переѣнилось: народъ и Аги раззорены въ конецъ; разбогатѣли только Христiянскіе купцы, Стамбульскіе Турки, да Владыки, высасывая грабежемъ послѣдніе соки изъ поселянъ.

— Да, ваше положеніе не завидно. Какая въ настоящее время должность Кметовъ?

— Мы готовимъ коморы, собираемъ иштиру и прочія подати и должны все это доставлять Туркамъ.

— Давно ли ты Кметомъ въ своемъ селѣ?

— Давно. Я нѣсколько разъ отказывался отъ выборовъ, такъ мнѣ надоѣла эта должность, но жалѣя своихъ односельчанъ, уступалъ ихъ просьбамъ и бралъ на себя это бремя.

— Ну, а Рако?

— О! онъ очень давно! впрочемъ не дай Богъ быть такимъ Кметомъ.

— Отъ чего?

— Этотъ зулумчаръ (злудѣй) правая рука Турокъ и Ходжабашей. Когда являемся къ нимъ, его спрашиваютъ впередъ, и онъ отвѣчаетъ такъ, какъ его научатъ. Намъ остается только молчать или поддакивать, чтобъ не навлечь на себя гнѣва своихъ притѣснителей и не попасть въ тюрьму, откуда не скоро выйдешь на бѣлый свѣтъ. Вотъ не знаю что-то будетъ завтра у Мудира.

— Зачѣмъ вы идете къ нему?

— Мы собрали иштиру, да не знаемъ, какъ ее доставить въ Варошъ; какъ ни бились, ничего не сдѣлали; въ селахъ нѣтъ ни одной лошади.

— И въ правду тяжело ваше положеніе.

— Ты самъ намедни былъ на нашей сходкѣ и видѣлъ, какъ народъ обѣднялъ.

Наши верховые товарищи опять уѣхали впередъ. Выйдя изъ лѣсу на долину, я замѣтилъ съ обѣихъ сторонъ возвышенности. Мой пѣшій спутникъ показалъ мнѣ границу, обозначенную горнымъ хребтомъ и отдѣляющую Старый Влахъ отъ Герцеговины.

Я спросилъ какими мѣстами пролегаетъ граница?

— Сама дорога, отвѣчалъ Кметъ— служить естественною границей между обѣими областями. Правая ея сторона до самой Новой Вароши—Герцеговинская, а лѣвая—Старовлашская. На горѣ Тяквѣ, которую мы прошли, есть также камни, служащіе удутами или межевыми знаками.

— Ну, а если бы случилось такъ, что эту дорогу уничтожили и провели въ другомъ направленіи, чѣмъ бы тогда обозначили пограничную черту?

— Тогда на прежнемъ мѣстѣ поставили бы мраморы (камни) или посадили бы деревья. Эти знаки считались бы удутами, опредѣляющими границу той и другой области.

— Можетъ ли кто нибудь уничтожить эти знаки?

— Нѣтъ. У насъ считается большимъ грѣхомъ трогать или перемѣщать пограничные знаки, какъ и могильные камни. Изъ сдѣшнихъ Христіанъ и Мухамеданъ никто не рѣшится на такое преступное дѣло. Народъ говоритъ, что слѣдуетъ отрубить руку тому, кто сдвинетъ камень или срубитъ дерево, служащее знакомъ на границѣ; между чужими владѣніями живымъ зарыть въ землю того, кто выкопаетъ мраморъ; пусть истлѣетъ его домашній порогъ, т. е., чтобы вымерла вся его семья, кто рѣшится подпасть такому страшному проклятію.

Я не видалъ какъ прошло время въ разговорѣ. Наши верховые товарищи, приближаясь къ городу, остановились на дорогѣ и подождали насъ. Мы замолчали и отправились все вмѣстѣ, но когда они опять насъ опередили, Кметъ показывалъ мнѣ разные предметы, имѣвшіе для него значеніе.

— Видишь ли ты на краю дороги это буквое дерево?

— Вижу, отвѣчалъ я.

— Отъ него остается одинъ часъ верховой ѣзды до города. Одни говорятъ, что это дерево служитъ опредѣленіемъ разстоянія отъ сдѣшняго мѣста до города, а другіе — что оно посажено на самомъ удутѣ между Старымъ Влахомъ и Герцеговиной. Богъ знаетъ, сколько вѣковъ оно сдѣсь стоитъ одиноко въ полѣ и никто не смѣетъ его срубить.

Мы вошли на ровное, открытое мѣсто: по правую сторону внизу виднѣлись дома, а по срединѣ протекала небольшая рѣчка.

— Какъ называется эта мѣстность? спросилъ я.

— Село Дражевичи, а это рѣчка Быстрица! Далѣе находятся села: Быстрица, Челище и Другличи. Они все граничатъ съ Старымъ Влахомъ и принадлежатъ Иванъ-Беговинѣ.

Какъ ни занимали меня рассказы добродушнаго Кмета, но я прекратилъ разговоръ и только спрашивалъ скоро ли дойдемъ до города. Дождь промочилъ меня до костей и я насилу тащился, обезсилѣвъ отъ голода. Наконецъ въ долинѣ поднялся изъ-за пригорковъ дымъ и по правой сторонѣ дороги показались кое-какіе домишки.

Товарищъ остановился у перваго жилья и, показывая рукой на право и на лѣво, сказалъ:

— Вотъ отсюда начинается Старовлашка. Прямо по этой горѣ идетъ межа къ рѣкѣ Быстрицѣ, потомъ на мельницу противъ кладбища и на вершину этѣхъ горъ.

Я ни какъ не думалъ, чтобы межа, раздѣлявшая Старый Влахъ и Герцеговину, была въ какихъ нибудь 50—100 саженьяхъ отъ города, до котораго оставалось перейти только маленькую долину. Рибниовацъ или Прибиниовацъ—не помню хорошенько. Словоохотливый Кметъ указалъ мнѣ какія-то могилы въ долинѣ на право отъ дороги.

— Знаешь ли ты, чьи это гробли?

— Нѣтъ, не знаю.

— Сдѣсь похоронены честные люди, народные мученики—хайдуки, кнезы, кметы и селяки. Одни погибли на висѣлицѣхъ или отъ Турецкаго ружья и сабли, другіе замучены въ темницахъ или отравлены Турками. Вотъ эта могила что повыше—покойнаго Кнеза изъ села Ябуки, Милосава Станоевича. Вѣчный имъ покой! всѣ они были настоящіе мученики. Можетъ быть, и я лягу рядомъ съ ними, и меня грѣшнаго помянутъ добрымъ словомъ и скажутъ: «да проститъ Богъ его душу!»

— За что погибъ Кнезь Милосавъ?

— Е! мой дорогой! не достанетъ дня, чтобъ тебѣ все разсказать. Скажу только одно: этотъ человекъ, да еще покойный Кнезь Перой Савва Дюровичъ считались столбами народа; но Милосавъ по своей честности и неподатливости былъ какъ бѣльмо на глазу у Турокъ. Они еще при Карагеоргіѣ злились на него, но долго не смѣли его тронуть, боясь народнаго волненія. Наконецъ они добились своей цѣли, и онъ погибъ за правду Божию при размежеваніи границъ Шумадіи и сѣшняго Стараго Влаха.

— Разскажи, пожалуйста, какъ происходило опредѣленіе этѣхъ границъ?

— Султанъ и прочіе Короли, для прекращенія кровопролитія, послали своихъ людей опредѣлить и поставить удуты на спорныхъ мѣстахъ. Тогдашній Великій Кнезь Шумадіи, Милошъ Обреновичъ, назначилъ и отъ себя Кнеза Васу Чачанина и приказалъ ему прово-

дить удугы по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходилъ и сражался съ Турками за свободу Сербовъ ихъ первый вождь Карагеоргій. Уполномоченный Милоша дѣйствовалъ сначала какъ слѣдуетъ, но слѣшніе Турки, Аги и Беги пошли къ нему и стали просить, чтобъ не велъ Царскихъ и Королевскихъ людей дальше тѣхъ мѣстностей, по которымъ проходилъ Милошъ съ своимъ войскомъ. Чтобъ лучше расположить его въ свою пользу, они обѣщали дать ему четыре мѣшка червонцевъ. Чачанинъ польстился на подкупъ, взялъ деньги и слѣдалъ по желанію Аговъ и Беговъ. Проклятый сынъ, вмѣсто того, чтобъ ити на Новый Базаръ, Суходоль, Милошево, на Лимъ и Дрину, началъ съ Рашки и про-велъ межу до рѣки Увца. Много погубло честныхъ душъ отъ его проклятаго продажничества! Видно еще не вывелись Бранковичи между Сербскими поглаварями? Не даромъ нашъ народъ ихъ проклинаетъ. Но это большая исторія; мнѣ нельзя теперь ее рассказывать. Гдѣ ты ночуешь? Я бы пришелъ къ тебѣ поговорить на свободѣ. Другіе забыли или вовсе не знаютъ этихъ происшествій.

— Я былъ бы очень радъ кое-что узнать отъ тебя, но я долженъ ночевать съ Макаріемъ.

— Это другое дѣло; при немъ мнѣ нельзя съ тобой говорить.

— Отъ чего? Развѣ онъ такой опасный человекъ?

— Видишь ли, Турки слѣдятъ за каждымъ нашимъ шагомъ, ловятъ всѣ наши слова и подпускаютъ своихъ шпионовъ. Я совѣтую тебѣ остерегаться ихъ какъ и этого монаха. Богъ его знаетъ, что онъ за человекъ! Владыка недавно прислалъ его въ монастырь Баню; онъ говоритъ на разныхъ языкахъ съ Турками и пріѣзжающими людьми, считается Игуменомъ монастыря, а между тѣмъ не можетъ совершать Божію литургію. Одни его хвалятъ, другіе порицаютъ. Конечно, время покажетъ, что онъ за личность, а теперь надо быть осторожнымъ. Берегись также, братъ, купцовъ и никому не сказывай, о чемъ мы съ тобой нынче говорили. Молчи: мы уже почти въ городѣ.

Я замолчалъ, и мы догнали прочихъ.

Когда мы подошли, Макарій остановился, простился съ дорожными пріятелями и велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Мы повернули въ какому-то маленькому домику; оттуда выбѣжалъ мальчикъ, поцѣловалъ руку монаха и взялъ его коня. За нимъ вышелъ молодой парень и тоже хотѣлъ поцѣловать руку, говоря: «добро пожаловать, духовниче, милости просимъ»; но Макарій не допустилъ его до этого. Послѣ пріѣзства онъ сталъ снимать съ лошади вьюкъ и обратился къ намъ съ приглашеніемъ войти въ комнату; но калугеръ не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ пока услужливый парень не свалъ и не разо-

бралъ всѣхъ вещей. Послѣ того мы пошли за нимъ и очутились въ убогой комнаткѣ, обмазанной смѣсью изъ глины и бѣлой извести, Все ея убранство состояло изъ двухъ маленькихъ стульевъ, стоявшихъ по угламъ. Молодой человѣкъ суетился изо всѣхъ силъ, чтобы намъ угодить, притащилъ кое-какія подушки, два коврика и сѣна, разостлалъ все это на полу, и мы сѣли отдохнуть. Я порядочно усталъ и промокъ до костей отъ дождя. Снявъ свои развалившіеся сапоги, я объявилъ своему спутнику, что меня пробираетъ дихорадка.

— Переменьи бѣлье и посиди сдѣсь, отвѣчалъ Макарій,—а я пойду на базаръ; мнѣ нужно кой съ кѣмъ повидаться.

Я обрадовался его уходу и тотчасъ отыскалъ свои вещи, переодѣлся и осмотрѣлъ свои ноги, стертые до крови худыми сапогами. Между тѣмъ нашъ молодой хозяинъ о чемъ-то хлопоталъ въ своей кухнѣ; я позвалъ его и далъ денегъ купить мнѣ табаку и чего нибудь съѣстнаго, но онъ не взялъ ихъ, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ табаку, чашку горячаго кофе и хлѣба. Во всю свою жизнь я, кажется, не выпилъ съ такимъ удовольствіемъ кофе и не съѣлъ куска хлѣба какъ теперь. Не много отогрѣвшись, я закурилъ свою маленькую трубку и сталъ рассказывать домохозяину всѣ свои невзгоды въ дорогѣ, идучи подъ дождемъ пѣшкомъ почти отъ самаго монастыря Бани, при этомъ я показалъ ему свои больныя ноги.

— У тебя вѣрно не было носковъ? спросилъ онъ.

— Въ нихъ очень жарко лѣтомъ, сказалъ я,—въ подвороткахъ легче. Нельзя ли какъ ни будь зашить мои сапоги?

— Можно.

— А что это будетъ стоить?

— Я скажу когда отнесу ихъ въ починку.

Онъ взялъ сапоги и ушелъ. Возвратясь домой, онъ объявилъ мнѣ, что за починку взяли два гроша (10 коп.), и вышелъ изъ комнаты.

Мнѣ скучно стало сидѣть одному и молчать; я кликнулъ опять хозяина, чтобы поболтать съ нимъ, но онъ все что-то мѣшкалъ и воидался въ своей кухнѣ, наконецъ рѣшился войти ко мнѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что онъ учитель въ сѣйшней мѣстности, а убогій домикъ—школа.

— Отчего же ты, братъ, не шель побесѣдовать со мной? спросилъ я.

— Я былъ занятъ.

— Что же ты дѣлалъ?

Бѣднякъ какъ будто совѣстился отвѣчать.

— Сядь, пожалуста, братъ!

— Ничего, я постою.

— Зачѣмъ же стоять? садись.

— Не равно войдетъ господинъ духовникъ или другой кто изъ сдѣшнихъ.

— Ну такъ чтожь? вѣдь ты самъ учитель? Хорошо! Если ты не сядешь, я также встану, не смотря на то, что у меня болятъ ноги!

Бѣдный учитель сѣлъ, и я сталъ допытываться отъ него по чему онъ такъ церемонится.

— Ахъ господинъ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ:—я сдѣсь живу не такъ, какъ бы хотѣлъ, а какъ велятъ.

— Кто же можетъ тебѣ приказывать?

— Мало-ли кто. Я сдѣсь всѣхъ ниже; всѣмъ долженъ угождать, слушаться и беречься лишнихъ словъ: иначе мнѣ скажутъ, что я долженъ молчать, что моя обязанность учить дѣтей, читать и пѣть въ церкви, писать книги и почитать себя младшимъ. По сдѣшнему не прилично, чтобы учитель ходилъ въ гости; однимъ словомъ мое званіе и моя должность самыя послѣднія въ городѣ. Теперь видишь, господинъ, почему я не хотѣлъ садиться при тебѣ. Прости меня, пожалуста, и никому не говори о томъ, что я тебѣ сказалъ.

Я далъ ему честное слово и сдержалъ его.

Между тѣмъ я внутренно задавалъ себѣ вопросы: достанетъ ли у меня терпѣнья переносить подобное униженіе? буду ли я такою смиренною овечкою? Самолюбіе давало отрицательные отвѣты.

Время однако проходило даромъ, мнѣ хотѣлось пойти на базаръ полюбоваться лавками, городскими обывателями, но какъ ити безъ сапоговъ, босикомъ съ тертыми пятками? Мнѣ стало досадно на себя, за чѣмъ я послушался Макарія и не взялъ про запасъ крѣпкой обуви.

Поговоря еще немного съ учителемъ, я попросилъ его сходить за моими сапогами, отданными въ починку. Бѣднякъ поспѣшно вышелъ и скоро вернулъ назадъ съ кое-какъ зашитыми сапогами; я обрадовался имъ какъ дорогой находкѣ, далъ ему 10 к. за починку, одѣлся и собрался ити, приглашая учителя, но онъ отказался, и я пошелъ одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился на базарѣ, посмотрѣлъ на право и на лѣво, и увидалъ незавидныя лавки, гдѣ сидѣли торговцы въ разнородныхъ костюмахъ. Мухамедане искоса по-

сматривали на мою круглую шляпу, но ничего не говорили. Только одинъ изъ Христiанскихъ коммерсантовъ закричалъ:

— Ей! емшерiа!—я не понялъ этого слова.—Что покупаешь?

Я подошелъ къ его лавкѣ, и онъ спросилъ меня кто я и откуда прiѣхалъ? Я отвѣчалъ, что изъ Сербiи. Тогда онъ пригласилъ меня въ лавку, послалъ за двумя чашками кофе, самъ снялъ свои красныя туфли и, сѣвши на свое мѣсто, пригласилъ и меня также сѣсть.

Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру, т.-е., поджать ноги по турецки, но увы! мой костюмъ мѣшалъ мнѣ: панталоны были слишкомъ узки, а сапоги съ каблуками жали мои большыя ноги. Въ это время явился кафеджи и подалъ на подносѣ кофе, говоря: «ошгелдумъ буррумъ.» Хозяинъ сей часъ же сталъ меня подчивать и спросилъ что дѣлается въ Шумадиі?

— Ничего, все идетъ по прежнему, отвѣчалъ я.

— Не думаютъ ли Сербы воевать, продолжалъ онъ.

— Не знаю, я ничего не слыхалъ

— По какому дѣлу ты сюда прiѣхалъ?

— Я желаю быть сдѣсь или гдѣ ни будь учителемъ.

Купцу какъ будто понравилось мое намѣренiе; онъ общалъ мнѣ свое содѣйствiе въ этомъ дѣлѣ, наговорилъ кучу любезностей и просилъ заходить къ нему. Я поблагодарилъ его за радушный прiемъ и угощенiе, далъ слово побывать у него еще разъ и пошелъ домой. Я былъ предупрежденъ на счетъ этого купца еще на Карантинѣ однимъ Сербскимъ чиновникомъ, который совѣтовалъ мнѣ быть съ нимъ осторожнымъ.

Между тѣмъ уже стемнѣло; купцы запирали свои лавки и слышались крикъ Ходжи на минаретѣ. Я прибавилъ шагу и черезъ нѣсколько минутъ былъ на своей квартирѣ, гдѣ засталъ Макарію съ какимъ-то туземнымъ купцомъ. Последнiй пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ на ужинъ и мы отправились.

При входѣ въ домъ насъ встрѣтила очень радушно его жена и подошла поцѣловать у насъ руку, но я не далъ своей. По вымытой лѣстницѣ мы вошли въ чистое, опрятное жилище. И тутъ какъ на смѣхъ со мной случился непрiятный казусъ. Подойдя къ двери, купецъ отворилъ ее и сказалъ: «заповѣдайте!» (пожалуйте), а самъ сталъ снимать въ прихожей свои эменiе. Макарій сдѣлалъ тоже. Я остановился въ раздумьи. Комната была устлана коврами, а около стѣнъ лежали красивыя подушки. Хозяинъ пригласилъ монаха ити впередъ и указалъ ему на почетное мѣсто, говоря: «заповѣдай, духовниче,

добро си дошао!» Я смотрѣлъ въ отворенную дверь и досадовалъ, зачѣмъ пошолъ на ужинъ. Уйти назадъ было не ловко, ити босымъ не прилично, а войти въ грязныхъ сапогахъ было бы даже безсовѣстно. «Заповѣдай, брато!» говорила хозяйка, но я не трогался съ мѣста. Наконецъ хозяинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «прошу, братъ, войди въ комнату.» Я объяснилъ ему, что не могу снять своихъ грязныхъ сапоговъ. «Ничего, войди!» возразилъ онъ. Нечего было дѣлать: я вынулъ носовой платокъ изъ кармана, обтеръ грязные сапоги, и, войдя въ комнату, сѣлъ на указанное мѣсто подлѣ Макарія. Хозяинъ и гость сѣли поджавши ноги и повели между собой разговоръ, только я по милости своего костюма постоянно вертѣлся. Черезъ нѣсколько времени купецъ вышелъ въ другую комнату и опять вернулся къ намъ: за нимъ вошла его жена, неся въ одной рукѣ мѣдный тазъ, а въ другой такой же рукомойникъ; чистое, изукрашенное шитьемъ полотенце было красиво переброшено черезъ руку. Она поставила тазъ на полъ передъ монахомъ, и когда онъ вымылъ руки, подала ему конецъ полотенца, чтобъ ихъ обтереть, потомъ подошла ко мнѣ. Я точно также вымылъ руки и поблагодарилъ ее. Послѣ насъ умылъ руки и хозяинъ. Хозяйка, молодая, красивая женщина, была одѣта по туземному, довольно красиво и богато. Я замѣтилъ на ней цѣнный золотой браслетъ, такія же серги и ожерелье. Но она нисколько не стѣснялась намъ прислуживать и послѣ обряда умыванья сама же вынесла тазъ и умывальникъ. Впрочемъ у Сербовъ сами хозяйки прислуживаютъ только почетнымъ гостямъ.

По ея уходѣ хозяинъ предложилъ намъ помолиться предъ ужиномъ, приказалъ подать кадильницу, ладанъ и огонь, зажегъ восковую свѣчу и поставилъ ее на кіотъ передъ иконами. Макарій сталъ впереди насъ съ книгой и зажженною свѣчей и началъ читать вслухъ молитвы. Позади насъ стояли всѣ домашніе. Но я не могъ ихъ видѣть, такъ какъ считалось неприличнымъ оглядываться назадъ.

По окончаніи молитвы мы сѣли на свои мѣста, а семейство заранѣе удалилось изъ комнаты. Вошедшая хозяйка принесла круглую софру (столикъ на ножкахъ), покрыла ее чистою скатертью, положила предъ нами чистыя полотенца и поставила прежде всего хлѣбъ в соль, а потомъ разныя постныя закуски (это было въ Петровъ постъ). Мужъ и жена просили насъ сѣсть поближе къ столу, говоря: «Пожалуйте, чѣмъ Богъ послалъ поужинайте! Добро къ намъ пожаловала; подвиньтесь оба поближе къ столу.»

Но я сидѣлъ какъ на иголкахъ, такъ мнѣ было неловко въ мо-

емъ узкомъ платьѣ. Хозяинъ замѣтилъ мое затрудненіе и, положивъ одну подушку на другую, сказалъ:

— Прошу, сядь, братъ, на эти подушки.

Я поблагодарилъ хозяина за его любезность; Макарій прочелъ передъ ужиномъ молитву и мы сѣли за столъ. Купецъ предложилъ монаху, какъ почетному гостю, разломить псагачу (ирѣсный домашній хлѣбъ изъ пшеничной муки), а самъ сталъ подчивать насъ водкой, начиная съ Макарія; при этомъ онъ провозглашалъ здравицу за счастливый ужинъ, честное знакомство и благополучный путь. Но ни слова о Кнезахъ, Туркахъ, или о сосѣднихъ Серблахъ и ихъ освобожденіи. Пили также за здоровье гостей, хозяина и его семейства и за успѣшную торговлю.

Хозяйка, не смотря на наши просьбы, не хотѣла сѣсть за столъ, но подавала разныя постныя кушанья, холодныя и горячія водку и красное вино, приговаривая: «покорно прошу, кушайте, въ добрый часъ пожаловали.» Мужъ также подчивалъ насъ. Послѣ ужина она все собрала со стола, принесла опять воды и по прежнему подала намъ умыть руки. Мы поблагодарили радушныхъ хозяевъ за угощеніе, посидѣли еще нѣсколько времени, выпили по чашкѣ кофе и поговорили о состояніи монастыря и о новостроющейся церкви въ ихъ городкѣ; коснулись также слегка школы и моего желанія быть учителемъ. Наконецъ мы встали и, поблагодаривъ еще разъ хозяевъ, отправились домой въ сопровожденіи ихъ слуги.

На квартирѣ мы застали какого то священника, но какъ уже было поздно, онъ только поздоровался съ нами и ушелъ. Мы остались одни и легли спать.

Монахъ подвыпивши порядкомъ краснаго вина, сталъ ко мнѣ придирается за мой разговоръ на дорогѣ, и не смотря на всѣ мои увѣренія, что бесѣда была самая невинная, покачивалъ только головой и говорилъ, что все знаетъ, но будетъ молчать. Между тѣмъ глаза смыкались отъ дремоты, и мы легли спать.

VII.

На другой день утромъ къ намъ опять пришелъ священникъ, выпилъ кофе, и, поговоривъ немного, ушелъ; мы отправились въ Мулиру. Намъ слѣдовало ити черезъ базаръ. Макарій, подобравъ свою рясу и длинныя Турецкія шаровары, шагаль впереди меня въ своихъ красныхъ туфляхъ и почтительно кланялся на обѣ стороны купцамъ, которые кричали ему привѣтствія «ошгедьдумъ, духовниче!»—вѣроятно

поздравляя его съ прїѣздомъ, а онъ съ нязкимъ поклономъ отвѣчалъ. «ошбундумъ.»

Въ концѣ базара мы повернули на лѣво и очутились предъ зданіемъ Меджлиса. Войдя на дворъ, я увидалъ людей, вооруженныхъ пистолетами и кинжалами; нѣкоторые изъ нихъ были одѣты порядочно, а другіе плохо; всѣ они какъ-то искоса посматривали на насъ. Это были пандуры изъ Арнаутовъ Мухамеданскаго вѣроисповѣданія, служившіе Турецкимъ властямъ, лѣнивые, жадные до денегъ и безчеловѣчные. Молодость свою они проводили обыкновенно въ грабежахъ и убійствахъ, служа вѣрнымъ орудіемъ для расширенія власти честолюбивыхъ богачей и правителей, а въ старости дѣлались нищими. Сербы сложили по поводу этихъ хищниковъ много поговорокъ, изъ коихъ нѣкоторыя привожу здѣсь въ подлинникъ.

Ради док си млад, питати че те старост — дѣ ти била младост.
(Работай пока молодъ, спросить старость гдѣ ты была младость).

Не ленисе у младости, ако не чеш да се каеш у старости. (Не лѣнись въ молодости, если не хочешь каяться въ старости).

Кой се бои у младости рада, той че дочекати у старости гада. (Кто боится труда въ молодости, дождется въ старости гадости).

Чувай паре на црни дан. (Береги денежку на черный день).

Он э пан док э пандур, а када исчерая он э панъ. (Онъ панъ пока пандуръ, а какъ прогонять—пень.)

Булюбаша — крвопїя наша. (Булюбаша—кровопїца наша).

Чувай се сеймена и нихова имена. (Берегись сейменовъ и ихъ званія).

То су проклете душе, коэ праве люде гуще. (Тѣ проклятыя души, кто честныхъ людей душать).

Макарій шелъ впередъ, а я слѣдовалъ за нимъ, съ любопытствомъ осматривалъ сейменовъ, заптїевъ, и суварїевъ, говорившихъ по Арнаутски съ примѣсю Сербскихъ и Турецкихъ словъ. Всѣ они были вооружены пистолетами и кинжалами, а нѣкоторые держали въ рукахъ палки. Мнѣ какъ будто послышался звукъ цѣпей на дворѣ, и какое-то неприятное чувство овладѣло мною. Мы прошли скорымъ шагомъ мимо всей этой ватаги и, поднявшись по лѣстницѣ, вошли въ небольшой корридоръ, гдѣ стояли въ глубокомъ молчаніи наши дорожные прїатели Кметы, ожидавшіе представиться Мудиру. Тутъ же вездѣ и впередъ сновали гордые, свирѣпые Арнауты, положи правую руку на кинжалъ; двое изъ нихъ стояли у дверей Присутствія. Макарій подошелъ къ нимъ и попросилъ доложить о немъ Мудиру. Они

грозно взглянули на насъ и одинъ, войдя въ комнату, скоро отворилъ дверь и закричалъ «буйюрумъ» (пожалуйте).

Мы вошли въ присутствіе. Прямо противъ дверей на подушкѣ сидѣлъ челоуѣкъ небольшого роста, съ худоцавымъ лицомъ и черными усами—чисто Азіятскій типъ. На немъ былъ военный мундиръ Европейскаго покроя и красная феска на головѣ; онъ держалъ въ рукѣ какую-то бумагу. Ковры покрывали полъ только съ одной стороны комнаты. Предъ военною особой стоялъ на колѣняхъ купецъ и что-то говорилъ по Турецки, усердно размахивая руками. Я слышалъ только слова «эфеть, эфеть! пекей, пекей!»

Когда мы вошли, купецъ всталъ и съ низкими поклонами началъ пятиться къ двери, держа одну руку на груди, а другую прикладывая попеременно то къ губамъ, то ко лбу. Монахъ подходилъ къ Мудирю съ такими же знаками уваженія, тотъ пригласилъ его сѣсть по лѣвую сторону отъ себя. Макарій повиновался. Мудиръ сѣлалъ и мнѣ такой же знакъ. Когда мы сѣли, Мудиръ обратился къ Макарію по Турецки. Тотъ не много привсталъ и тоже отвѣчалъ по Турецки, прикладывая руку къ губамъ и ко лбу въ знакъ благодарности. Я внимательно смотрѣлъ на все происходившее. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Правитель спросилъ моего спутника, кто я, откуда и куда иду? Между тѣмъ слуга подалъ намъ чубуки и кофе. Макарій закурилъ только для формы, но выпилъ кофе съ удовольствіемъ, выражая вышеописанными тѣлодвиженіями свою признательность за угощеніе; я только поклонился. Послѣ обмѣна любезностей, Мудиръ сталъ подробно обо мнѣ спрашивать. Макарій, на сколько я могъ понять, объяснялъ ему по Турецки, что я сѣдшій уроженецъ, пріѣхалъ сюда, чтобы быть учителемъ и имѣю Сербскій паспортъ. На лицѣ Мудира выразилось неудовольствіе и онъ потребовалъ мой паспортъ. Я вынулъ его и подалъ, но въ этотъ разъ его не взяли у меня, а только спросили, куда я ѣду и что намѣренъ дѣлать? Макарій служилъ переводчикомъ. Я отвѣчалъ, что желаю быть учителемъ въ монастырѣ Бавѣ, а если это не возможно, то въ Сѣницѣ или въ Новомъ Пазарѣ, словомъ, въ какомъ ни будь городѣ Старой Сербіи. Мудиръ отказался подписать мой паспортъ и выдать мнѣ тескеру на проѣздъ въ эту мѣстности. Я возразилъ, что въ такомъ случаѣ желаю ѣхать въ Сараево; ему, какъ видно, понравилось это рѣшеніе и онъ съ довольнымъ видомъ произнесъ: «тамамъ! пекей! пекей! элбетъ! имшалай!» Смыслъ этихъ восклицаній и вообще всѣхъ Турецкихъ выраженій остался для меня непонятнымъ.

Кромѣ Мудира въ Присутствіи находилось еще трое Турокъ,

принадлежавшихъ, по видимому, къ разряду официальныхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ съ бѣлою бородой, въ зеленомъ кафтанѣ и бѣлой чалмѣ, сидѣлъ по правую сторону Мудира и молчалъ во время нашего разговора. Не много подалше отъ него, выдавшисъ впередъ, сидѣлъ другой чернобородый Турокъ, лѣтъ тридцати не болѣе и довольно пріятной наружности; онъ преспокойно брился, когда мы вошли. Цирюльникъ вертѣлся около его головы, натачивалъ бритву на ремнѣ, мочилъ изъ таза голову своего пациента, сидѣвшаго на полу съ поджатыми ногами, и опять продолжалъ брить. Дальше всѣхъ въ углѣ сидѣлъ третій Турокъ: этотъ, казалось, былъ не очень важное лицо. Онъ возился съ какими-то мѣшками и ящичками, вынималъ изъ нихъ бумаги, пересматривалъ ихъ и клалъ обратно на прежнее мѣсто или писалъ что-то, положивъ бумагу на колѣно вмѣсто стола.

Цирюльникъ между тѣмъ кончилъ свою работу и поздравилъ господина со счастливымъ бритьемъ; его примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе, поднимая руку ко лбу. Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ Кади, главный судья и Турецкій законвѣдъ. По окончаніи этой церемоніи, Мудиръ захопалъ въ ладоши; въ дверяхъ появился вооруженный Турокъ, которому онъ что-то сказалъ, и въ то же время въ Присутствіе вошли Кметы въ числѣ шести человекъ. Впереди всѣхъ шелъ Кметъ изъ села Штербца и кланялся почти до полу, держа руку на груди. По указанію Мудира они всѣ стали рядомъ. Онъ сердито взглянулъ на нихъ и что-то сказалъ старику.

— Спокоенъ ли народъ? спросилъ тотъ по Сербски.

— Слава Богу, отвѣчали Кметы.

— Всѣ ли вы привезли иштиру? началъ спрашивать старикъ каждаго Кмета.

— Я привезъ, а за другихъ отвѣчать не могу, отозвался первый Кметъ Рако изъ Штербца, давая тѣмъ понять, что пусть всякъ говоритъ самъ за себя и за свою общину.

Одни отвѣчали, что привезли, другіе сказали, что иштира еще въ дорогѣ, а нѣкоторые объявили, что везуть только половину, такъ какъ не гдѣ достать лошадей и подводъ.

Старикъ однихъ хвалилъ, другихъ уговаривалъ доставить остальное. Какъ туземецъ, онъ понималъ горькое положеніе народа и старался добрымъ словомъ ободрить Кметовъ и склонить къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. За то Мудиръ вертѣлся постоянно на своемъ мѣстѣ и сердито слѣдилъ за каждымъ словомъ. Онъ понималъ изъ нѣкоторыхъ выраженій, что народные представители жаловались на усиленные поборы и налоги, и узнавалъ въ чемъ дѣло,

злобно закричалъ на одного Кмета, который сказалъ, что иштира осталась въ монастырѣ Банѣ. Турокъ, разсерженный такимъ отвѣтомъ, покраснѣлъ, всталъ съ своего мѣста и громко сталъ браниться. «Иштира! иштира! бре домузь!» При этомъ онъ произнесъ нѣсколько неприличныхъ словъ. Слѣдя за каждымъ словомъ и движеніемъ Турка, я замѣтилъ, что онъ хромалъ на одну ногу.

Старикъ уговаривалъ расхолодившагося Правителя. Мудиръ сѣлъ, но все что-то бормоталъ по Турецки. Я и Макарій сидѣли какъ на иголкахъ и не знали что дѣлать, оставаться или уйти. Наше положеніе было крайне затруднительно.

Между тѣмъ старикъ продолжалъ кротко давать совѣты Кметамъ и, обратясь къ ихъ товарищу, возбужденному гнѣвъ Мудира, сказалъ:

— Надо отправить службу нашему славному Царю и доставить иштиру сюда хотя бы на спинѣ и на плечахъ. Я уже старъ, но готовъ ити на царскую службу, ползати на ногахъ и на рукахъ, лишь бы волю Царя исполнить.

Кметы молча переглянулись между собою.

Но одинъ изъ нихъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Мы всегда вѣрно служили Царю и, пока имѣли средства, никогда не роптали, давали подводы и ходили на Царскую работу; но теперъ народъ нашъ такъ обѣднѣлъ и оголѣлъ, что не только не чѣмъ будетъ иштиру платить и ее доставлять, скоро придетъ время, что за деньги не достанешь лошадей и земля останется не вспаханною. Вся скотина продана для уплаты Царскихъ податей. Я обобралъ послѣдніе пожитки у своихъ сельчанъ, но доставить ихъ не могу: лошадей нѣтъ и не гдѣ нанять. Вотъ деньги; дѣлайте какъ знаете; вамъ легче отыскать лошадей; я не могу больше ничего исполнить; хоть голову рубите.

Старикъ медленно поглаживалъ свою сѣдую бороду и по приказанію Мудира перевелъ ему слова Кмета. Тотъ опять озлился и произнесъ дикимъ голосомъ нѣсколько бранныхъ словъ, потомъ немного приподнялся съ своего мѣста, вытаскилъ изъ подъ подушки какую-то бумагу и пробѣжалъ ее глазами, что-то сказалъ старику. Тотъ опять обратился къ Кмету:

— Бегъ говорить, что въ Банѣ имѣется на лицо двадцать пять подводъ; у него записано на бумагѣ.

— «Это было десять лѣтъ тому назадъ, отвѣчалъ Кметъ: — тогда можно было найти пятьдесятъ подводъ, а теперъ нѣтъ ничего. Ты видишь, мы почти всѣ нагіе.

— Знаю, сыночекъ, возразилъ улыбаясь старикъ; — я и самъ ношу одежду съ заплатами.

— За то она у тебя не одна. Придешь домой, надѣнешь крѣпкую. А у меня все тутъ; изношу, останусь нагъ.

— Хорошо, сыночекъ! когда износишь старую одежду, Богъ дастъ тебѣ опять новую, былъ бы только здоровъ.

— На что мнѣ здоровье? Что ни заработаешь, все отнимутъ для Царскихъ податей.

— Что же дѣлать? говорилъ старикъ, пожимая плечами. — Какъ помочь, когда настало такое тяжелое время? Постарайтесь, дѣти мои, когда ни будь все это уладить и привезти иштиру на мѣсто. Земля Царская и мы должны исполнять Царскіе указы. Ласковый ягненокъ двухъ матокъ сосеть, а злому ягненку и родная мать не даетъ. Придетъ время, водворится миръ въ Царской землѣ, и намъ будетъ лучше и легче. Вы сами знаете, что послѣ зимы настаетъ весна и лѣто, а тамъ опять наступаетъ осень: листь валится, дождь идетъ, а тамъ опять зима. Какъ въ природѣ, такъ и въ жизни все мѣняется. Будемъ надѣяться, что пройдетъ это тяжелое время, и насъ согрѣетъ солнце Царскихъ очей. Не такъ ли, дѣти?

— Такъ-то такъ, заговорили Кметы; — мы бы и сами рады исполнить волю Царя и его людей, да ничего не подѣлаешь; хоть голы рубите. Народъ такъ раззоренъ, что скоро не чего будетъ сбирать съ него въ Царскую казну. Лошадей нѣтъ и не гдѣ взять. Не изъ камня ихъ вышибать или изъ воды доставать. Мучайте, рубите, вѣшайте насъ! Мы и безъ того между двухъ огней: общины требуютъ отъ насъ, чтобы мы представили начальству все ихъ нужды и ходатайствовали объ облегченіи податей, а начальство угрожаетъ намъ розгами, темницей и цѣпями. Лучше одинъ разъ принять смерть, нежели смотрѣть на страданія нашихъ братьевъ и ежедневно подвергаться такимъ угрозамъ.

Боже мой! какъ озлился Турокъ, когда старикъ на его вопросъ что-то сказалъ ему. Онъ топалъ ногой, скрежеталъ зубами и, задыхаясь отъ бѣшенства, кричалъ на Кметовъ; но они смотрѣли на него безъ страха; имъ, какъ видно, не въ дяковину были грозныя выходки Мудира.

Сцена выходила довольно серьезная. Мудиръ посмотрѣлъ на Штрбчанина и закричалъ: «Рако!» Тотъ отвѣтилъ, примадывая руку къ губамъ и ко лбу. Хаджи Мурто (такъ звали стараго туземнаго Мухамеданина) перевелъ ему слѣдующія слова Мудира: «Бегъ знаетъ, что ты настоящій Царскій раиня и надѣется, что ты

все исполнилъ, а если что будетъ не въ порядкѣ, то съ тебя взыщется. Смотри же, чтобъ все было хорошо въ вилаэтѣ.» Тотъ поклонился и, положа руку на грудь, отвѣчалъ: «Я готовъ во всякое время, и днемъ и ночью, честно служить Царю. Мы все тутъ (указывая на прочихъ Кметовъ) отрубите имъ головы, а моя всегда къ этому готова.» Мудиръ улыбнулся при этихъ словахъ. Примирителемъ между сердитымъ Правителемъ и обѣдными селяками былъ старый туземный Мухамеданинъ. Ему удалось наконецъ успокоить свирѣпаго Турка, который какъ будто повеселѣлъ и съ улыбкой что-то говорилъ по Турецки. Штербцкій Кметъ Рако хранилъ упорное молчаніе во время этихъ жаркихъ преній.

Въ послѣдствіи я узналъ, что старикъ подалъ Мудиру совѣтъ послать суваріевъ на базаръ нанять лошадей въ подводы, а Кметы заплащать за наемъ.

Послѣ обоюднаго соглашенія, Мудиръ спросилъ Кметовъ по отдельнѣ на сколько лѣтъ они выбираютъ сельчанами. Когда очередь дошла до Штербцкаго Кмета, тотъ отвѣчалъ, что онъ уже тридцать лѣтъ состоитъ въ этой должности, нѣсколько разъ былъ въ отставкѣ, а теперь, въ благополучное царствованіе Его Величества, опять занимаетъ это мѣсто. Старикъ служилъ переводчикомъ въ этомъ разговорѣ; а Рако, соблюдая все приличія Турецкой вѣжливости, прикладывалъ безпрестанно руку къ губамъ и ко лбу и, кланяясь, пятился задомъ до самыхъ дверей. Наконецъ Кметамъ приказали выйти изъ Присутствія; они поклонились, положа руки на грудь, и удалились.

По выходѣ Кметовъ, Макарій попросилъ позволенія также удалиться и подалъ Мудиру мой паспортъ. Турокъ осматрѣлъ его съ обѣихъ сторонъ и передалъ его писцу, что-то говоря монаху. Я понялъ, что рѣчь шла о Сараевѣ. Макарій кланялся почти до полу, прикладывая руку къ губамъ и ко лбу; Мудиръ тоже сдѣлалъ ему прощальный знакъ рукой. Я просто поклонился, и мы вышли, а мой паспортъ остался въ Присутствіи.

На базарѣ какой-то купецъ пригласилъ насъ въ свою лавку и угостилъ чернымъ кофе. Макарій остался у него, а я пошелъ отыскивать другаго кушца, о которомъ я слышалъ много хорошаго. Мнѣ указали его лавку. Я вошелъ и назвалъ его по имени, но сидѣвшій тамъ человекъ сердито сказалъ мнѣ, что его нѣтъ дома.

— Куда онъ уѣхалъ? спросилъ я.

— А я почему знаю? Мнѣ не когда съ тобой говорить; у меца своего дѣла много. Ступай отсюда!

Вечеромъ этотъ купецъ заходилъ ко мнѣ и извинялся въ своемъ

притворной грубости; объясняя, что Турки строго слѣдятъ за нимъ, и просилъ меня къ нему не ходить.

Дорогой я услышалъ дѣтскій крикъ въ одной лавкѣ и увидалъ, что мальчишка били по пяткамъ, а онъ кричалъ: «не буду! не буду!» Я отвернулся отъ этого зрѣлища и пошелъ на квартиру, гдѣ засталъ хозяина дома. Я рассказалъ ему видѣнное и слышанное мною.

— Если ты побольше поживешь въ Турціи, то много увидишь такихъ бѣдъ. Въ прежнее время учителя также наказывали дѣтей въ школахъ, но теперь это вывелось и осталось только у купцовъ и мастеровыхъ. Старики особенно любятъ наказывать по Турецки своихъ учениковъ.

— А ты какъ исправляешь своихъ воспитанниковъ?

— Оставляю безъ обѣда, ставлю на колѣна, а иногда стегну прутикомъ по рукъ.

— Давно ли въ этой школѣ уничтожено тѣлесное наказаніе?

— Еще до меня его вывели изъ употребленія учителя, которые образовались въ Сербіи; но по другимъ мѣстамъ старые даскалы еще бьютъ учениковъ по пяткамъ.

— Ахъ, какъ это дурно!

— Что же дѣлать? ихъ не приучишь къ жалости и кроткому обращенію.

— Твои ученики вѣрно хорошо учатся?

— Нельзя сказать. Одни учатся порядочно, другіе хуже. Впрочемъ, все бы шло хорошо, еслибъ родители побольше заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Есть такіе богачи, которыхъ едва упросишь чтобъ купили на 10 паръ (1¼ к.) бумаги.

— Но ты, какъ учитель, имѣешь полное право порицать ихъ за это и требовать, чтобъ они снабжали школу книгами и бумагой.

Учитель глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ:

— Каждый добросовѣстный наставникъ желаетъ сдѣлать добро и быть полезнымъ; но сдѣсь, будь ты ангелъ Божій, ничего не добьешься и не склонишь одѣшнихъ купцовъ къ доброму дѣлу: старики упрямы и привыкли низкопоклонничать и угождать Туркамъ, добываясь деньгамъ побольше чести на судѣ; а другіе Христіанскіе изроды не только не помогутъ въ дѣлѣ ученія, но, ненавидя школы и учителей, стараются очернить ихъ въ глазахъ Турокъ, которые также терпѣть не могутъ Христіанскихъ училищъ, и такимъ образомъ, поддерживая другъ друга въ общей ненависти къ дѣлу образованія, уничтожаютъ всякую попытку къ устройству и улучшенію школъ.

— Почему Христiянскiе купцы противодѣйствуютъ народному воспитанiю?

— Они говорятъ, что если всѣ выучатся читать и писать, то перестанутъ ихъ уважать; того же мнѣнiя и Владыки, а это нравятся Туркамъ, которые почитаютъ ихъ за вѣрныхъ Царскихъ служителей и райевъ.

— Есть ли однако жъ между купцами люди, сочувствующiе дѣлу образованiя?

— Конечно есть, но тѣмъ не менѣе каждый боится высказать свое мнѣнiе въ пользу школы, чтобы не попасть въ бѣду. Вотъ какъ сдѣсь живется, господине! Я слыхалъ, что сюда прихаживали хорошие учителя и съ любовью принимались за свое дѣло, но по проискамъ недоброжелавъ бросали свои занятiя и едва уносили въ пѣлости свою голову. А какъ презрительно обращаются купцы съ нашимъ братомъ! Иной разъ такъ закричатъ на меня и выругаютъ такими словами, что бѣжалъ бы куда глаза глядятъ!

— Не завидное же твое положенiе, братъ!

— Что дѣлать? надо терпѣть. Кстати, завтра будетъ сдѣсь сощщанiе о закладкѣ городской церкви, и ты увидишь всѣхъ купцовъ, молодыхъ и старыхъ. Наблюдай внимательнѣе, что они будутъ дѣлать. Если хочешь, я тебѣ укажу и добрыхъ и злыхъ.

Послѣ нашего разговора мы пошли немного прогуляться и едва только вышли изъ дому, какъ наткнулись на возмутительное зрѣлище. Суварiй отнялъ двухъ вьючныхъ лошадей у какого-то селяка и, не снимая съ нихъ товара, повелъ ихъ къ подводамъ; бѣднякъ умолялъ его оставить лошадей, но тотъ не обращалъ вниманiя на его просьбы и гналъ ихъ въ назначенное мѣсто.

— Видишь ли, сказалъ учитель, — какъ сдѣсь въ городѣ Царскiе люди силой отнимаютъ собственность у бѣдныхъ поселенцевъ? А на дорогахъ просто имъ нѣтъ спасенiя отъ разбойниковъ и Колашинскихъ Турокъ. (Колашинскiе Турки Мухамеданскаго вѣроисповѣданiя, отурченныя Сербы и Арнауты, которые занимались преимущественно грабежомъ скота, убiйствомъ Христiянъ, жили въ Колашинѣ независимо отъ Порты и имѣли свое самоуправленiе).

На другихъ улицахъ Турки точно такъ же ловили сельскихъ лошадей подъ иштиру и отводили ихъ въ Беглукъ (городская Управа). Насмотрѣвшись на этѣ сцены насилия, мы вернулись домой, гдѣ застали Макарию и нѣкоторыхъ купцовъ, разговаривавшихъ о предстоявшей закладкѣ новаго храма; между ними былъ и старый монахъ Неофитъ, нарочно прiѣхавшiй къ этому торжеству. Послѣ разныхъ

совѣщаній о томъ, кто будетъ освящать закладку, всѣ гости разошлись, и одинъ священникъ пригласилъ насъ къ себѣ. У него мы также встрѣтились съ нѣкоторыми горожанами, порядочно позакусили и выпили послѣ этого по чашкѣ кофе. Купцы туземные, которыхъ я послѣ того посѣтилъ, особенно старики, усвоили себѣ совершенно Азіятскія привычки, что ясно указывало на ихъ тѣсную дружбу съ Турками.

Вечеромъ съ Макаріемъ мы взялись сочинять рѣчь, которую ему слѣдовало произнести православному люду при закладкѣ. Долго мы ее составляли, но дѣло все какъ-то не клеилось: монахъ боялся, что рѣчь не понравится купцамъ, или что Турки дадутъ ей превратный смыслъ. Я писалъ лежа бокомъ на полу вмѣсто стола, подъ диктовку будущаго оратора; нѣсколько разъ мы ее измѣняли, вычеркивали, прибавляли: и наконецъ порѣшили, что лучше сказать приличное слово безъ приготовления. Однако Макарій взялъ мое писанье, свернулъ его въ трубку и положилъ въ карманъ. Мы отправились спать.

На другой день послышался стукъ въ клепало (доска, висящая около церкви вмѣсто колокола), дававшій знать, что началось богослуженіе въ старой деревянной церкви. Макарій ушелъ прежде, а черезъ нѣсколько времени отправился и я посмотреть на духовное торжество. Народу обоюго пола и всѣхъ возрастовъ собралось довольно много. Изъ ветхой убогой церкви, похожей на старый сарай, всѣ пошли на мѣсто закладки; дѣти пѣли церковныя стихиры; за ними чинно слѣдовали священники, въ чрезвычайно бѣдныхъ облаченіяхъ, съ кадилами и съ зажженными свѣчами. Когда всѣ пришли на мѣсто закладки, началось молебствіе; въ это время подошедшіе два Турка стали придиратся, говоря, что захвачено земли подъ постройку больше, нежели сколько дозволено Царскимъ фирманомъ. Поднялся споръ, однако все прошло благополучно, и Турки удалились. Пришедшіе вслѣдъ за ними подобные оборванцы остановились въ виду народа, и одинъ изъ нихъ плюнулъ въ ту сторону, гдѣ происходило богослуженіе.

Впрочемъ меня не столько интересовали поступки Турокъ, сколько безперемонное обращеніе нѣкоторыхъ купцовъ стариковъ съ учителемъ и духовенствомъ. Учитель поставилъ учениковъ предъ собой въ рядъ и назначилъ кому изъ нихъ читать Апостолъ и пѣть послѣ воагласовъ священника, но какой-то купецъ дѣтъ пятидесяти схватилъ книгу и сталъ читать, чтобы похвалиться своимъ знаніемъ церковной службы. Сдѣсь не лишнее замѣтить, что купцы стараго закала, плохо разбирая рукопись, умѣютъ хорошо читать церковныя книги.

а иные, по разказу учителя, знаютъ даже на изусть всю церковную службу.

По окончаніи молебствія, Макарій произнесъ свою рѣчь, изъ которой я запомнилъ нѣсколько словъ, относящихся въ Султану. Онъ называлъ его свѣтломъ всей земли, Царемъ Царей и Королей, повелителемъ всѣхъ государствъ, властелиномъ непобѣдимаго и безконечнаго Оттоманскаго царства.

Мнѣ стало смѣшно, когда я услышалъ такую чепуху, и подумалъ въ то же время: если наши Христіанскіе пастыри говорятъ такой вздоръ простому народу, то какъ не пользоваться Дервишамъ такимъ невѣжествомъ и не раздувать вражды между Христіанами и Мухамеданами, выхваляя величіе, силу и могущество господствующаго Ислама?

Наконецъ настало время закладки церковнаго фундамента, причѣмъ произошло небольшое столкновеніе между купцами: кому положить первый камень въ землю. По своимъ темнымъ понятіямъ, они полагаютъ, что имя удостоеннаго этой чести останется вѣчнымъ въ исторіи народа. Я молча смотрѣлъ и наблюдалъ, что будетъ. Между ними поднялся споръ. Каждый хотѣлъ положить своею рукой первый камень. Одинъ молодой купецъ, стоявшій подлѣ меня, сказалъ:

— Вотъ каковы наши старые міроѣды! Нашли о чемъ спорить!

— А какъ ты думаешь, спросилъ я, — кому первому слѣдуетъ положить камень?

— Сдѣсь найдутся люди постарше, отвѣчалъ онъ, и показалъ на стараго Иеромонаха Неофита, священствовавшего въ этомъ городкѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ и принявшаго подъ старость иноческій санъ.

Когда одинъ купецъ хотѣлъ спуститься внизъ, чтобы положить камень, народъ закричалъ: «Мы не хотимъ, чтобы купцы клали основаніе храму; пусть нашъ старый попъ Нешо (Неофитъ) заложитъ своею рукою фундаментъ!» Купцы опустили глаза и покраснѣли отъ стыда и досады.

Старикъ, по народному желанію, вмѣстѣ съ другими священниками спустился въ вырытую яму и положилъ по камню въ четырехъ углахъ при благословеніи и молитвахъ Іереевъ. По окончаніи обряда всѣ стали поздравлять его, и онъ съ радостными слезами благодарилъ за честь, которою почтили его долголѣтнее служеніе и старость. На лицахъ нѣкоторыхъ тузовъ выразилось неудовольствіе; имъ было досадно, что выборъ народа взялъ перевѣсъ надъ деньгами и богатствомъ, и многіе изъ нихъ сейчасъ же ушли, чтобы не потерять кре-

дѣла и уваженія въ глазахъ Турецкаго правленія и показать, что они настоящая царская райя, которая не интересуется ни торжествомъ закладки, ни постройкой храма. Не въ дальнемъ разстояніи были приготовлены закуски, водка и красное вино. Священники прочли молитву и благословили пищу, послѣ чего всѣ сѣли, кто на камняхъ, кто на травѣ, разставивъ скамейки вмѣсто столовъ, и принялись закусывать.

Подкрѣпивъ свои силы, молодежь начала пѣть пѣсни и веселиться, а священники и прочіе люди разошлись. Я вступилъ въ разговоръ съ молодцами и коснулся устройства школы. Въ это время одинъ купецъ привезъ на волахъ большой камень для храма, мой собесѣдникъ дернулъ меня за платье, давая знакъ молчанія. Когда купецъ свалилъ камень и уѣхалъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ вдругъ прекратилъ разговоръ?

— Этотъ купецъ, отвѣчалъ онъ, заклятый врагъ школъ и всѣмъ извѣстенъ своею преданностію Туркамъ.

— А я два раза былъ въ его лавкѣ и пилъ кофе; онъ такъ любезно угощалъ и разговаривалъ со мной.

— Берегись его дружбы и угощенія; ты можешь горько за нихъ поплатиться. У насъ не мало такихъ изродовъ.

— Неужели такъ поступаютъ Христіанскіе купцы?

— Да, крещеные купцы хуже некрещеныхъ; они за деньги готовы продать свою душу и не только не дадутъ гроша, чтобъ избавить челоуѣка отъ бѣды, но даже не замолвятъ за него добраго слова передъ Турками; а другіе честные люди и желали бы помочь словомъ и дѣломъ, да не смѣютъ; каждый боится самъ за себя. Вотъ какъ мы сдѣсь живемъ.

— Жаль, что между вами есть такіе негодяи!

— Что дѣлать! Сельскій народъ ненавидитъ ихъ и по возможности удаляется отъ нихъ, какъ отъ грабителей; а по ихъ милости и на насъ смотрятъ какъ на некрещеныхъ Турокъ.

Навеселившись вдоволь, всѣ стали прощаться и расходиться по своимъ домамъ. Я тоже съ новымъ моимъ знакомцемъ пошелъ въ гости къ одному молодому купцу, который угощалъ насъ закуской, кофе и краснымъ виномъ. Вечеромъ я зашелъ въ кофейню посмотреть, что тамъ дѣлается, и увидалъ тамъ много личностей, которыя только и говорили о своихъ торговыхъ дѣлахъ и барышахъ и требовали другъ отъ друга магарычей за выгодныя сдѣлки. Эти господа курили изъ длинныхъ чубуковъ, пили черный кофе, и для большей важности вмѣшивали

въ разговоръ Турецкія слова, не понимая ихъ, но какъ это затрудняло ихъ бесѣду, то они кончали ее на Сербскомъ языкѣ. Мой костюмъ, какъ видно, имъ не нравился, по тому, что они очень презрительно осматривали меня съ головы до ногъ. Мнѣ не трудно было угадать, что это общество состояло изъ привилегированныхъ лицъ сѣшняго городка, т. е., изъ пожилыхъ Сербскихъ купцовъ.

Утромъ мы стали собираться въ обратный путь. По совѣту Макарія, я пошелъ за паспортомъ; въ Присутствіи никого не было кромѣ Турка, рывшагося въ висѣвшихъ на стѣнѣ мѣшкахъ съ бумагами. Я спросилъ его о моемъ паспортѣ, но онъ сказалъ: «Пусть придетъ пошъ.» На другой день мы пошли оба и застали все начальство, но меня уже не пригласили сѣсть и не потчивали какъ въ первый разъ. Съ монахомъ обошлись съ ирженою вѣжливостію и предлагали кофе, но онъ отказался. Послѣ непродолжительнаго разговора на Турецкомъ языкѣ съ Мудиромъ мой вожатый спросилъ меня, куда я хочу ити? Я опять заявилъ, что желаю быть учителемъ въ Станицѣ, или въ Новомъ Пазарѣ, или наконецъ въ Приешолѣ, но Мудиръ сурово взглянулъ на меня и велѣлъ сказать, чтобъ я шелъ въ Сараево и завтра же явился за полученіемъ йоль-таскеры, отговариваясь недосугомъ выдать ее теперь. Мы вышли изъ Меджиса.—Макарій съ низкими поклонами и обычными Турецкими знаками уваженія; я просто поклонился всѣмъ присутствующимъ.

По дорогѣ мы зашли по приглашенію къ нѣкоторымъ купцамъ, гдѣ я опять имѣлъ случай насмотрѣться на Турецкія выходки и обычаи этихъ невѣжественныхъ людей.

Въ это время я къ стати напомнилъ Макарію, чтобъ онъ не забылъ сказать кому слѣдуетъ о моемъ метрическомъ свидѣтельствѣ, скрѣпленномъ монастырской печатью, и онъ повелъ меня къ одному купцу (погибшему, какъ я слышалъ, въ послѣдствіи). Мы застали въ лавкѣ хозяина и какого-то гостя, сидѣвшихъ на коврѣ, поджавши ноги и курившихъ трубки. Они поздоровались съ Макаріемъ и пригласили его сѣсть, а я остался стоя у дверей. Разговоръ зашелъ обо мнѣ, и купецъ спросилъ монаха, чей я сынъ? кто мой отецъ? изъ какой фамиліи? Узнавъ все въ подробности, онъ призадумался, полагая, вѣроятно, что я опасная личность; наконецъ послѣ многихъ колебаній согласился, чтобы староста монастырскій далъ малую монастырскую печать съ изображеніемъ Св. Николая Чудотворца. Надменный торгашъ не только не удостоилъ меня своего разговора, но даже не пригласилъ сѣсть.

Я былъ глубоко оскорбленъ такимъ грубымъ обращеніемъ; къ

счастію, Макарій велѣлъ мнѣйти домой, и я отправился на базаръ купить табаку въ лавкѣ одного туземнаго Мухамеданина. Торговецъ полюбопытствовалъ узнать, кто я, откуда и куда иду? пригласилъ меня съѣсть и сталъ потчивать кофе. При такомъ ласковомъ обхожденіи иновѣрца я невольно вспомнилъ грубаго Христіанскаго торгоша.

— Что дѣлается въ Шумадіи? спросилъ онъ.

— Ничего особеннаго; все мирно и спокойно.

— Слава Богу! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. А у насъ постоянно одно зло смѣняется другимъ съ тѣхъ поръ какъ Туркуша водворился на нашихъ земляхъ. Народъ обѣднѣлъ и сталъ портиться отъ этого поганнаго Анадоляскаго ябанца (пришельца).

— Отъ какого ябанца? спросилъ я, не понимая, какъ будто, о комъ онъ говорить.

— Ты, конечно, былъ у Мудира?

— Да, былъ. Что жъ изъ этого?

— А то, что подобные ему люди грабятъ нашъ народъ обоюго закона (т. е. туземныхъ Христіанъ и Мухамеданъ), не смотря на то, что получаютъ жалованье. Стало опасно не только разговаривать съ кѣмъ нибудь, но даже боишься сказать лишнее слово въ своемъ семействѣ. Ты еще ничего не знаешь и по тому будь остороженъ, а главное брось свое учительство и возвращайся скорѣй туда, откуда пришелъ. Это дѣло будетъ лучше и ты на разъ вспомнишь меня и скажешь: «фала на добромъ совѣту!» (благодарю за хорошій совѣтъ). Не довѣрайся никому, пока не узнаешь хорошенько людей.

Я объяснилъ ему, что не имѣю никакихъ скрытыхъ намѣреній, а только иду учительскаго мѣста.

— Какъ знаешь, такъ и дѣлай! возразилъ онъ. Я принимаю въ тебѣ участіе, какъ честный человекъ, изъ любви къ кому набудь изъ твоихъ старыхъ. Я, быть можетъ, не разъ побѣлъ вмѣстѣ съ ними хлѣба-соли и совѣтую удалиться отсюда, пока ты цѣлъ. Не мудрено, что этотъ хромой шайтанъ (дьяволъ) милостиво тебя принялъ и наобѣщавъ много хорошаго, но ты не знаешь, что у него на душѣ.

— О комъ ты говоришь? спросилъ я смѣясь.

— О Муديرѣ, этомъ поганомъ Туркушѣ.

— Отъ чего онъ хромаетъ.

— Говорятъ, что Московы отшибли ему эту ногу въ послѣднюю Крымскую войну. Жаль, что ему не оторвали обѣ ноги; тогда бы не прислали къ намъ изъ Стамбула такого негодяя.

— Развѣ онъ дурной человекъ?

— Это настоящій злой песь! Иной разъ пойдетъ къ нему кто

изъ нашихъ, замолвить слово за бѣдняка, попавшаго въ темницу, а онъ, какъ бѣшеная собака, закричитъ на своемъ Манджутскомъ языкѣ: «сузъ айванъ!» (молчи скотина).

— Жаль, что онъ такъ дурно обходится съ вами; а меня такъ напередъ хорошо принялъ.

— Поживешь здѣсь побольше и увидишь его расположеніе; ты вѣдь сдѣшній, родился въ нашей сторонѣ.

— А какъ онъ принимаетъ сдѣшнихъ купцовъ и вашихъ людей?

— Честныхъ людей ругаетъ и выгоняетъ вонъ, а съ нашими и вашими льстецами и донсечиками обходится очень ласково.

— Неужели здѣсь много такихъ вредныхъ людей?

— Положимъ и не много, но двумъ, тремъ разбойникамъ Туркуша вѣрить больше, нежели десятирѣмъ хорошимъ людямъ. По милости купцовъ, Ходжабашей, Мудировъ и Пашей народъ за послѣднія 10 лѣтъ раззорился въ конецъ. Не глядѣлъ бы, кажется, на такое зло и ушелъ бы въ бѣлый свѣтъ, но все думаешь, авось будетъ перемѣна къ лучшему; авось Шумадія или Брдяне и Морачане (Черногорія) намъ помогутъ.

— Какую помощь вы можете отъ нихъ получить?

— Недавно Брдяни съ своимъ Зекомъ * разбили Туркушино войско; если бы еще Шумадія поднялась, да наши оба закона возстали, посмотрѣли бы мы, что сдѣлалъ бы тогда Туркуша.

Я ничево не отвѣчалъ на его слова, всталъ и отдалъ ему 20 паръ (2½ к.) за табакъ.

— Когда ты ѣдешь? спросилъ онъ шепотомъ.

— Завтра.

— Такъ не говори калугеру и никому изъ сдѣшнихъ о нашемъ разговорѣ; не ходи также къ тому купцу, у котораго ты съ монахомъ сидѣлъ въ лавкѣ и пилъ кофе. Онъ человекъ подозрительный; отъ него бѣгаютъ и наши и ваша люди, по тому что онъ въ ладу съ Туркушами и Сараевскими Ходжабашами (купцами).

— Что намъ бояться Босинскихъ купцовъ? Они должны исполнять Царскую волю, а Царь издалъ хаттихумаюнъ, по которому всѣ его подданные пользуются равными правами безъ различія вѣроисповѣданій.

— Чортъ побери всѣ эти хаттихумаюны! Знаемъ мы, какъ равноправны бѣдняки передъ его Пашами, Мудирами и богатыми куп-

* Народное прозвище Князя Дашила.

цами! Въ сдѣшнихъ мѣстахъ правда пропала еще съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ сдѣсь въ первый разъ Омеръ-Паша. Счастье тому, кто набьетъ побольше карманъ, да сумѣетъ оклеветать невинныхъ. Разбойники какъ разъ придерутся къ человѣку, обернутъ его и засадятъ въ яму, а какъ выжмутъ изъ него всѣ крохи, то и скажутъ, что правъ, или прощаютъ ему небывалую вину.

— Развѣ можно безъ вины сажать въ темницу?

— Съ беззащитными людьми поступаютъ самовластно, не справляясь съ законами, которыхъ нѣтъ. Вотъ что дѣлается сдѣсь: Сараевскіе купцы снимаютъ вездѣ на откупъ десятину и пользуются такою властью, что по своему выбору назначаютъ Ходжабашей въ разныя мѣстности, вопреки народному желанію. Ихъ клеветы, шныряющіе по Вилаэту для сбора десятинной подати, доносятъ имъ, что дѣлается и говорится въ народѣ. Этого мало: Сараевскіе воры стали вмѣшиваться въ дѣла поселянъ, которые изстари выбирали Кметовъ изъ своей среды. Бездѣльники смѣняютъ ихъ, если они честные люди, и назначаютъ своихъ приверженцевъ, которые стараются какъ бы только угодить своимъ покровителямъ. Въ особенности весь гнетъ этого произвола легъ на Христіанскій народъ. Берегись попасть въ бѣду; брось свои учительскія затѣи и ступай скорѣй въ Шумадію, пока твоя голова на плечахъ.

Окончивъ свою рѣчь, Мухамеданинъ указалъ мнѣ на нѣкоторыхъ туземныхъ купцовъ, какъ на честныхъ, добрыхъ людей, а отъ другихъ совѣтовалъ удалиться какъ отъ огня и быть осторожнымъ въ разговорѣ съ ними. Я поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и хотѣлъ уйти, но онъ удержалъ меня, положилъ въ бумажный свертокъ хорошаго табаку и, отдавая мнѣ, примолвилъ:

— На, возьми себѣ на дорогу!

— Я отказывался, но по его усиленной просьбѣ взялъ.

— Смотри же, прибавилъ онъ шепотомъ,—никому ни слова о чемъ мы съ тобой говорили.

— Я обѣщался молчать и спросилъ какъ его зовутъ.

— На что тебѣ это знать? отвѣтилъ онъ,—я не спрашиваю тебя о твоёмъ имени, хотя знаю всѣхъ твоихъ родныхъ; нѣсколько разъ бывалъ у нихъ въ гостяхъ съ товарищами и даже ночевалъ. За ихъ гостепріимство желаю тебѣ добра, а съ другимъ я не сталъ бы говорить такъ откровенно.

— Завтра я зайду къ тебѣ проститься, когда пойду за паспортомъ.

— Нѣтъ, не заходи я уѣду въ село по дѣлу.

— Какъ же ты оставишь лавку?

— Это не моя лавка. Мой знакомый ушелъ сегодня въ сосѣднее село и просилъ меня посидѣть въ лавкѣ. Я также, когда отлучаюсь, прошу его поторговать за меня. У насъ этотъ обычай ведется съ давнихъ лѣтъ. Честные люди довѣряютъ другъ другу, не бояся обмана.

Я простился съ добрымъ Мухамеданиномъ и пошелъ домой.

На квартирѣ собрались нѣкоторые знакомые, Кметы и священники. Последніе отличались отъ мірянъ только бородой и длинными волосами, которые они подбирали подъ шапки, по тому что не смѣли распускать ихъ выходя на улицу; одѣвались они въ длинные кафтаны изъ грубаго сукна. Съ нѣкоторыми священниками я былъ знакомъ, а съ однимъ изъ нихъ встрѣтился въ первый разъ. Обмѣнявшись со мной обычными привѣтствіями, онъ пригласилъ меня посмотрѣть домъ, который строилъ для себя. Мы пошли. Въ недалекомъ разстояніи я увидѣлъ кучу бревенъ, сложенныхъ на дворѣ, и начатый срубъ.

— Гдѣ же рабочіе? спросилъ я, не видя ни одного плотника.

Священникъ положилъ руку на грудь и сказалъ:

— Я самъ хозяинъ, самъ и плотникъ.

— Развѣ ты умѣешь плотничать?

— Нужда всему научить. Я присматривался какъ люди работаютъ и вотъ строю домишко для себя и для своей семьи, чтобы не остаться подъ открытымъ небомъ; авось къ зимѣ онъ будетъ готовъ.

— Хорошо, что ты знаешь это ремесло; а вѣдь оно трудно?

— Посмотри на мои руки, и ты увидишь легко ли строить.

При этихъ словахъ онъ показалъ мнѣ свои руки, покрытыя мозолями, язвинами и царапинами.

— Да, тяжела эта работа, сказалъ я.

— А было время, прибавилъ онъ со вздохомъ, — что я жилъ хорошо, но видно прошлаго не воротишь; странное время настало для насъ. Подати раззорили всѣхъ, а наши торговцы потеряли стыдъ и совѣсть и дерутъ огромные проценты, наживаясь при каждомъ удобномъ случаѣ на счетъ бѣдныхъ сельчанъ. Когда Турецкое правительство разошлетъ указъ о новой подати, купцы сговорятся между собой не давать поселянамъ денегъ подъ залогъ скота, хлѣба, кожи и пр. Въ старину честные купцы помогали селянкамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и снабжали ихъ деньгами для уплаты харача, пореза и другихъ повинностей. Въ настоящее время прибавились новыя подати. Народъ оголялъ какъ липка отъ этихъ безчисленныхъ налоговъ, а купцы тому и рады. Они скупаютъ за безцѣнокъ послѣдній скотъ и имущество поселянъ. Турки это знаютъ и прижимаютъ еще болѣе

бѣдняковъ, угрожая имъ тюрьмою и пытками. Турки, Владыки и купцы всеми неправдами тянутъ въ свой карманъ послѣдніе народныя пожитки.

— Неужели Владыки также поступаютъ?

— Еще хуже. Они отдають нурію (приходы) за деньги; священникъ служить пока въ состояніи платить, а какъ сдѣлался несостоятельнымъ, его тотчасъ лишаютъ мѣста и ссылаютъ куда ни будь подъ эпитимью, а на его мѣсто опредѣляютъ того, кто дастъ больше денегъ. И держится онъ до поры до времени, пока не обьявѣтъ и не попадетъ точно такъ же подъ эпитимью. У насъ рѣдкій священникъ не раскаивается что принялъ на себя Іерейскій санъ, который навлекаетъ на него ненависть Турокъ, дѣйствующихъ за одно съ Владыками; ихъ Протосингелы все равно что слуги Турецкихъ Пашей: они берутъ взятки, портятъ нравственность и за деньги разводятъ мужей съ женами, позволяя имъ вступать въ другой бракъ. Нерѣдко сами отнимаютъ у мужа красивую жену, держатъ ее у себя будто для покаянія и исправленія, а на самомъ дѣлѣ живутъ съ ней до тѣхъ поръ пока не надоѣтъ; тогда отправляютъ ее назадъ къ мужу, говоря, что она исправилась и Владыка ее прощаетъ или же благословляетъ выйти за другаго.

— Мнѣ удивительно слышать, что священниками дѣлаютъ людей не ученыхъ.

— Чему тутъ удивляться, когда все положительно дѣлается за деньги. У народа есть пресмѣшной разсказъ на этотъ счетъ. Вотъ онъ: «Какой-то Владыка отдавалъ на откупъ нурію. Является человекъ, знающій свое дѣло, и излагаетъ передъ нимъ свои богословскія познанія. Владыка долго слушалъ его и отказалъ на отрѣзъ по той причинѣ, что онъ ученѣе его: «Люди, пожалуй, замѣтятъ, что ты больше знаешь, чѣмъ я, и перестанутъ меня уважать. Мнѣ нужны деньги, а не ученость.» Приходитъ другой проситель, бѣдный разумомъ и карманомъ. «И ты не годишься быть попомъ, рѣшилъ Владыка;—ты мало учился и у тебя нѣтъ денегъ.» Является наконецъ третій охотникъ и объясняетъ, что онъ безграмотный, но имѣетъ много денегъ и желаетъ снять на откупъ нурію. Сразу подюбился онъ Владыкѣ и мѣсто было ему обѣщано. Проситель побѣжалъ домой и сообщилъ свое намѣреніе женѣ. Та отъ радости, что будетъ попадѣй, достала изъ сундука золотыя и серебряныя монеты, отдала ихъ мужу и обѣщала никому не говорить о милости Владыки, пока не будетъ мужъ попомъ. Владыка, взявъ деньги, приказалъ своему келейнику выучить поскорѣй грамотѣ будущаго Іерея; но грамота оказа-

дась ему не подь силу. Пустили въ ходъ наказанія: искателю священства не давали ни ѣсть, ни пить, а онъ деньгами заискивалъ доброе расположеніе учителя и Протосингела. Попробовали похвалами поощрить его къ ученію; но какъ и этотъ способъ оказался неудачнымъ, то рѣшили выучить его со словъ разнымъ возгласамъ при богослуженіи и показали, какъ держать крестъ и посохъ, какъ благословлять народъ и переворачивать листы книги передъ народомъ; къ несчастію, когда потребовалось выучить наизусть нѣсколько главъ изъ Евангелія и составить изъ нихъ поученіе, онъ оказался рѣшительно неспособнымъ. Между тѣмъ приближался день его посвященія и прихожане ждали съ нетерпѣніемъ новаго пастыря. Владыка приказалъ надѣть на него эпитрахиль и шапку, дать ему посохъ и отвести къ ручью, чтобъ онъ увидалъ въ немъ свое отраженіе. Когда поставили его подлѣ воды, Протосингелъ спросилъ, что онъ видитъ? Будущій Іерей отвѣчалъ: «Вижу челоуѣка, похожаго на попа.» — «Отъ чего же на попа?» — «По тому что я вижу себя въ эпитрахили, въ поповской шапкѣ и съ посохомъ въ рукѣ.» — «Прекрасно, сказалъ Протосингелъ, — ты будешь отличный попъ; старайся только запомнить то, что ты сейчасъ говорилъ.» Простаки повторяли свои слова до тѣхъ поръ, пока выучили ихъ наизусть. На другой день Протосингелъ опять повелъ его къ водѣ и показалъ какъ надо держать крестъ, сѣнять и благословлять своихъ прихожанъ и церковныхъ ктиторовъ. Наконецъ Владыка назначилъ день для посвященія, но прежде всего велѣлъ ему приготовить всѣ деньги сполна за сингелію и эпистолю. Обрадованный глупецъ не замедлил ихъ принести и въ тотъ же день былъ посвященъ въ дьяконы, а на слѣдующій день возведенъ въ санъ Пресвитера. Черезъ нѣсколько времени прихожане и ктитеры стали жаловаться, что имъ дали безграмотнаго Попа; но Владыка погрозилъ имъ анаѳемой — и они замолчали. Между тѣмъ, желая возвысить попа въ глазахъ прихода, Владыка назначилъ ему служить съ собой въ первый большой праздникъ. Всѣ прихожане собрались въ церковь. Когда настало время читать Евангеліе, безграмотный попъ важно вышелъ съ книгой на амвонъ, раскрылъ ее и сталъ перелистывать, какъ будто отыскивая, что надо читать, точь въ точь какъ учили его келейникъ и протосингелъ. «Вонмемъ!» возгласилъ Владыка. Попъ смотря въ книгу, началъ, вмѣсто Евангелія, рассказывать, какъ его посвящали, одѣвали и учили надъ водой, и какъ онъ безъ знанія Св. Писанія и книжнаго чтенія исполнился благодати Св. Духа. По окончаніи литургіи Владыка вышелъ изъ алтаря и сказалъ присутствующимъ, что новонзбранный Іерей достоинъ быть ихъ па-

стырёмъ. «Вы сами видѣли и слышали, какъ онъ хорошо служить, а Св. Писаніе знаетъ даже лучше меня. Повинуйтесь ему во всемъ, а кто ослушается, тотъ да будетъ анаѳема!» Ктиторы и прихожане, во избѣжаніе ссоры и надѣясь, что священникъ мало по малу привыкнетъ къ своему дѣлу, на этотъ разъ смолчали. Между тѣмъ Владыка уѣхалъ. Попа стали приглашать въ дома для разныхъ требъ, и онъ вмѣсто молитвъ рассказывалъ заученную исторію своего избранія и посвященія. Прихожане вышли изъ терпѣнія и стали жаловаться Владыкѣ, требуя, чтобы онъ смѣнилъ попа. Тотъ призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и оштрафовалъ за нерадивое исполненіе своихъ обязанностей; но какъ эти штрафы взыскивались очень часто, то попъ, боясь потерять мѣсто, задабривалъ безпрестанно деньгами келейника и Протосингела и остался наконецъ безъ гроша. Тогда Владыка, видя, что не чѣмъ уже брать съ попа, наложилъ на него эпитимью, велѣлъ поститься и заставилъ исправлять при своемъ домѣ самыя тяжелыя черныя работы: носить воду, колоть дрова и пр. Но на этотъ разъ уже не одинъ попъ подвергался эпитимѣ за свою неспособность. Его жена была молода и хороша собой. Владыка нашелъ нужнымъ, чтобы она молилась за мужнины грѣхи, и для того взялъ ее къ себѣ въ услуженіе, заставляя убирать комнаты, постилать постель и пр. Такъ прошло много времени. Попадья подурнѣла и постарѣла. Тогда Владыка прогналъ ихъ обоихъ, лишилъ мужа Іерейскаго сана, и пошелъ попъ-распопъ «крестить козлятъ, а попадья прясть чужую кудель и вязать носки,» какъ говоритъ народная пословица.» — Изъ этого разсказа ты можешь понять, что настоящій корень зла—корыстолюбіе нашихъ Владыкъ. Хотѣ козла приведи, да побольше денегъ принеси и сдѣлаютъ его попомъ, а когда высосутъ изъ него всѣ достатки, тогда ступай въ пастухи или поденщики. Не рѣдко, по прихоти Владыки, приходъ вдовствуетъ по полугоду и больше безъ священника, такъ что не кому совершать требы для народа. У насъ есть пословица: «Насъ триста, а безъ по па нема ништа.» (Насъ триста, а безъ по па мы ничто). Придетъ время, что пропадетъ наша вѣра и никто не захочетъ быть священникомъ, по тому что Цареградскіе Кеседжіи такъ унизили этотъ санъ въ глазахъ Турокъ, что тѣ, при встрѣчѣ съ попами, плюютъ имъ въ лицо, какъ это не разъ случалось со мной.

— Да, тяжкое время настало для Христіанскаго народа!

— То ли еще дѣлаютъ эти проклятые Кеседжіи? Въ сопровожденіи Турецкихъ суваріевъ они разъѣзжаютъ по Епархіямъ и силой вымогаютъ у бѣднаго народа и духовенства ихъ послѣдніе пожитки.

— Зачѣмъ они берутъ съ собой Турокъ? Чего они боятся?

— Э! у нихъ совсѣмъ другая цѣль: окружая себя запѣями и суваріями, они хотятъ показать народу, что они Царскіе люди, имѣющіе власть вязать, мучить и штрафовать священниковъ и настоятелей монастырей за неплатежъ требуемой подати; а Азіятскіе оборванцы рады имъ служить за ничтожную плату, лишь бы хорошо попить, поѣсть и пожить безъ труда на чужой счетъ.

— По чему вы не жалуетесь Патріарху на Владыкъ, а Пашѣ на ихъ Турецкую свиту?

— А ты развѣ не знаешь, что воронъ ворону глазъ не выдеретъ. Жаловаться Пашѣ на суваріевъ все равно, что жаловаться на Владыку, который скажетъ, что онъ вѣрноподанный, Царскій человекъ, а мы — бунтовщики противъ Царской воли; тогда схватятъ насъ какъ барановъ, засадятъ въ темницу и сошлютъ въ заточеніе. Безроговому съ рогатымъ не бороться.

— Что жъ вамъ остается дѣлать?

— Ничего! терпѣть и надѣяться; авось Богъ смилуется надъ Христіянами и Царь Небесный услышитъ наши стоны и милостиво возаритъ на насъ. Я самъ, чтобы не попасть въ бѣду, заблаговременно отказался отъ своего прихода и приискиваю для себя другой родъ занятія.

— Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

— Буду жить какъ и прочіе безмѣстные попы. Такъ одинъ едѣсь портняжничаетъ, другой служитъ поденщикомъ, складываетъ кожи и увязываетъ купеческіе тюки. А между тѣмъ иногда ихъ тайно приглашаютъ прочесть молитву надъ больнымъ, соборовать и даютъ что ни будь за трудъ; такъ и перебиваются они кой-какъ со своими семействами, не боясь, по крайней мѣрѣ, гнѣва Владыки.

— Но можетъ ли священникъ самъ отказаться отъ мѣста?

— Конечно можетъ; стоитъ только объявить, что такой-то не въ состояніи платить откупную сумму; его лишаютъ мѣста и назначаютъ другаго.

— Неужели такъ легко найти новаго священника?

— Э! заплати только деньги Владыкѣ, онъ поставитъ всякаго попомъ.

— Какъ же прихожане могутъ оставаться безъ священниковъ? Кто будетъ отправлять требы?

— Наши люди привыкли къ этому и по нѣсколькимъ мѣсяцамъ остаются безъ священниковъ въ ожиданіи когда Владыка пришлетъ имъ пастыря. Учености отъ священника не требуется. Достаточно

чтобы онъ зналъ кой-какъ читать и писать, лишь бы только хорошо платилъ за нурию.

— Развѣ ваши священники не изучаютъ богословскихъ наукъ и не говорятъ поученій къ народу?

Священникъ махнулъ рукой и признался, что въ первый разъ слышитъ о существованіи богословскихъ наукъ.

— А какъ тебя поставили въ священники?

— За деньги, какъ и прочихъ.

— Сколько ты заплатилъ?

— Я отдалъ все, что имѣлъ, задолжалъ и просилъ помощи у народа.

Тяжело было слушать этотъ скорбный разсказъ. Я простился съ бѣднымъ священникомъ и печально побрелъ домой.

Макарій, увидя меня, спросилъ, гдѣ я былъ, и промолчалъ, когда я сказалъ, что видѣлся съ такимъ-то попомъ.

На другой день монахъ пошелъ на базаръ, а мнѣ велѣлъ ити за паспортомъ и готовиться въ обратный путь въ монастырь Баню. По его уходѣ пришелъ учитель и пригласилъ меня въ школу, помѣщавшуюся въ небольшой комнаткѣ. Я внимательно слушалъ отвѣты учениковъ и просматривалъ ихъ тетради, которыя были въ большомъ порядкѣ. Въ это время вошелъ купецъ въ красной фескѣ и съ длиннымъ чубукомъ и грубо закричалъ на учителя какъ онъ смѣлъ не пустить его мальчика погнать корову въ поле, и также грубо велѣлъ послѣднему ити изъ школы. Омерзительнымъ показалось мнѣ такое дерзкое нахальство безграмотнаго торгаша! Я отъ души пожалѣлъ о бѣдномъ учителѣ и его горькой участи.

Я отправился въ Меджлисъ за своимъ паспортомъ, который черезъ два часа визировали въ Сараево. Мудиръ искоса посмотрѣлъ на меня, я отдалъ 6 грошей (30 к.), взялъ паспортъ и пошелъ прямо на квартиру, куда собралось нѣсколько Кметовъ: одни съ иштирой, а другіе съ деньгами для найма подводъ. Макарій суетился и собирался въ дорогу.

VIII.

Не велики были наши сборы въ обратный путь. Позакусивъ немного, мы пустились въ дорогу. Макарій, одинъ священникъ и старый монахъ Неофитъ поѣхали верхомъ, а я опять пошелъ пѣшкомъ; ко мнѣ присоединился одинъ Кметъ.

— Ты, кажется, пріѣхалъ верхомъ? спросилъ я, а теперь идешь пѣшкомъ; гдѣ же твой конь?

— Вот онъ, отвѣчалъ путникъ, указывая на свою пауду.

— Такой конь и у меня.

— Что дѣлать! Многія лошади попадали отъ усталости; на мою Турки навьючили иштиру и погнали въ Сѣницу, а можетъ быть и дальше, въ Новый Пазаръ.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ не далъ своего коня.

— А ты не знаешь, какво Турецкое самоуправство? Не только лошадей, послѣднюю одежду отдашь лишъ бы не попасть въ ихъ темницу и кандалы. Поживи съдѣсь побольше, такъ и узнаешь Турокъ; однако берегись такъ смѣло говорить, какъ разъ заплатишься за это своей головой.

— Неужели они за всякіе пустяки сажаютъ людей въ темницу?

— Они и безъ вины схватятъ челоуѣка: «Признавайся, говорятъ, что ты бунтовщикъ, не повинуюешься Царскимъ людямъ и подстрекаешь райю къ мятежу» — и пропадъ бѣдняга; а попробуй-ка не дать лошади — такая пойдетъ потѣха! Что коту игрушки, то мышкѣ смерть.

Взойдя на гору, называемую Тыква, мы догнали нашихъ верховыхъ спутниковъ, не много посидѣли и всѣ вмѣстѣ отправились по другой дорогѣ. Мы повернули на право, спустились въязъ къ чистому роднику, гдѣ напоили своихъ лошадей и сами напились холодной воды; потомъ перешли каменистую долину, лежащую на сѣверовостокъ и вышли на ровное мѣсто, гдѣ паслось небольшое стадо овецъ, козъ и коровъ. Подъ горой показались два, три дома, а за ними тянулись большія поля и начинались темные лѣса. Я спросилъ Кмета, какъ называется эта мѣстность?

— На сѣверовосточной сторонѣ отсюда, отвѣчалъ онъ, — лежатъ село Вронеша, передъ нами село Радойня; а мѣсто, гдѣ мы стоимъ, называется Басаловина.

— Чьи это дома подъ горой?

— Я забылъ прозвище ихъ хозяевъ, но знаю, что сдѣшніе сосѣди презираютъ ихъ.

— За что?

— За измѣну. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они были посредниками между Турками и хайдуками. Послѣдніе обязывались положить оружіе, возвратиться въ свои дома и не нападать на Турокъ, которые также обѣщались не метить имъ за прежніе набѣги и предать все забвенію. Хайдуки повѣрили словамъ Турецкаго посредника и согласились помириться съ своими врагами. Назначили день и мѣсто свиданія и уговорились о числѣ вооруженныхъ Турокъ. Въ домѣ посредника сошлись хайдуки и ихъ Булюбаша (старшина) съ опредѣ-

леннымъ числомъ вооруженной дружины. Турокъ по обычаю потребовалъ отъ Арамбаша (атамана) сдачи оружія. Обѣ стороны троекратно повторили данную присягу. По окончаніи переговоровъ Арамбаша вынулъ изъ-за пояса пистолеты и кинжалъ, положилъ ихъ на землю и отдалъ Булюбашъ свое длинное ружье; прочіе товарищи послѣдовали его примѣру.

Послѣ сдачи оружія начали веселиться: Булюбаша взялъ въ обѣ руки пистолеты и сразу выстрѣлилъ изъ нихъ; Арамбаша и его дружина взяли также свои пистолеты и вмѣстѣ съ Турками стали стрѣлять въ цѣль. Хозяинъ дома между тѣмъ хлопоталъ объ угощеніи и когда пришла пора обѣдать, всѣ убрали свое оружіе въ другую комнату и сѣли за столъ.

Послѣ обѣда Булюбаша велѣлъ всѣмъ взять свое оружіе и всѣ вмѣстѣ отправились въ путь по этой самой дорогѣ; къ нимъ, какъ бы нечаянно, пристало еще нѣсколько Турокъ. Булюбаша не велѣлъ ни кому стрѣлять, пока не выйдутъ на большое Радойнское поле, гдѣ останутся для отдыха у родника и будутъ забавляться стрѣльбой. Такимъ образомъ всѣ шли гурьбой съ ружьями на плечахъ и дружно разговаривали. Дойдя до поля, Турки завѣли по Арнаутски. Хайдуки молча переглянулись другъ съ другомъ; они поняли свою горькую ошибку. Вдругъ сзади послѣдовалъ выстрѣлъ — это былъ условный знакъ. Турки, отступя немного въ сторону, дали залпъ перекрестнымъ огнемъ по дружинѣ; хайдуки хотѣли дать отпоръ своимъ врагамъ, но ихъ ружья и пистолеты осѣклись, потому что во время обѣда подговоренные заранѣе другіе Турки облили водой заряды. Такимъ образомъ хайдуки всѣ до одного пали жертвой предательства.

— Неужели въ этомъ побоищѣ никто не погибъ изъ Турокъ?

— Двое были ранены кинжаломъ а одинъ убитъ. И вотъ это какъ. Двое хайдуковъ, когда увидали измѣну, то одинъ изъ нихъ, Петко Мандичъ изъ села Крутоши, закричалъ: «Братья и дружина! мстите нынѣ каждый за свою голову! измѣна и обманъ!» Хайдуки схватились за ружья и пистолеты, но они, какъ я уже сказалъ, осѣклись. Несчастные не успѣли взяться за кинжалы и пали мертвые. Мандичъ и Шайталовичъ бросились съ ножами на Турокъ. Первый былъ тутъ же убитъ, а товарищъ его пробрался сквозь толпу, рубя на право и на лѣво, и побѣжалъ; Турки бросились за нимъ въ погоню, но не могли его догнать. Между тѣмъ кровь лила ручьями изъ его ранъ и онъ въ изнеможеніи опустился на землю. «Брось ружье поганый законъ! закричали подбѣжавшіе Турки, — не мучься собачій сынъ!» — «Если вы мелодцы, сказалъ онъ, немного помолчавъ, — по-

дойдите и возьмите его у меня, а не лаяйтесь издали какъ собаки.» Турки не рѣшались подойти къ нему; наконецъ Булюбаша сказалъ: «Отбрось отъ себѣ ружье, я самъ отрублю тебѣ голову.»— «Изволь!» отвѣчалъ Шайталовичъ и бросилъ отъ себя ружье. Турокъ, какъ дикій звѣрь, прыгнулъ, схватилъ его за волосы и вынулъ ножъ, но тотъ выстрѣлилъ изъ маленькаго пистолета, который былъ спрятанъ у него въ карманѣ, и положилъ на мѣстѣ разбойника. Такимъ образомъ онъ одинъ изъ всей дружины отместилъ за себя. Турки добили его.

— Гдѣ же это мѣсто, гдѣ погибли хайдуки?

— Вотъ оно, передъ нами, на дорогѣ; теперь это нечистое поле: недалеко отъ него выстроена корчма, гдѣ часто пьянствуютъ праздничношающіеся Туркуши.

Догнавъ верховыхъ товарищей и отдохнувъ немного, мы продолжали свой путь дальше. Передъ нами открылось поле, засѣянное пшеницей, рожью и другимъ зерновымъ хлѣбомъ. Вдали по обѣимъ его сторонамъ виднѣлись дома, а посреди возвышалось какое-то зданіе. Это былъ постоялый дворъ.

Сзади насъ послышался шумъ: мы обернулись и увидали разнокалиберную толпу Турокъ, которая догоняла насъ.

— Скинь, братъ, свою шапку, сказалъ мнѣ Кметъ,—и надѣнь феску. Если это Арнауты, они терпѣть не могутъ такой нарядъ и непременно къ тебѣ придерутся.

Мы молча пошли стороною; Турки проскакали мимо насъ. Одни пѣли, другіе молчали, а иные разговаривали между собой, искоса поглядывая на насъ. Мы дошли наконецъ до корчмы, гдѣ насъ дождались наши спутники. Я посиѣвшия утолять свою жажду водой и попросилъ Кмета указать мнѣ мѣсто, гдѣ пали хайдука.

— А вонъ гдѣ бѣлѣются камни. Это мраморы (знаки) надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ похоронены ихъ кости и тѣла.

То же самое подтвердилъ какой-то туземецъ, бывшій въ корчмѣ.

— Много ли ихъ погибло? спросилъ я.

— Кажется, шесть или восемь человѣкъ.

— Можетъ быть, они надѣялись, что Турки не измѣнятъ данному слову?

— Развѣ они не знали нашей поговорки, что съ Туркомъ можно пить и ѣсть, но смотрѣть въ оба глаза и наострить уши. Вотъ и поплатились своею жизнію, умерли безъ покаянія, за оплошное дѣяніе наказаны. «Ходи мудро и не погибнешь напрасно» — говоритъ нашъ народъ.

— Въ одной ли могилѣ ихъ похоронили?

— Да, въ одной. Мы собрали, спустя нѣсколько времени, ихъ кости и разбросанные изрубленные члены и предали землѣ.

— А давно это случилось?

— Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ. Конечно, теперь, хайдукъ не попадетъ въ просакъ и будетъ долго помнить этотъ кровавый урокъ.

— Развѣ и теперь есть хайдуки?

— Конечно есть и будутъ до тѣхъ поръ, пока правда не возьметъ верхъ надъ кривдой и насиліемъ. Тогда честные люди не покинутъ своихъ домовъ и семействъ и не убѣгутъ въ горы и лѣса мстить за притѣсненія, а будутъ заниматься мирными дѣлами. Только мы, кажется, не дождемся этого. Намъ остается одно: или удавиться, или принять Мухамеданство; и то не легче, потому что ябанецъ (Турокъ набродникъ) ненавидитъ потурченныхъ туземцевъ и называетъ ихъ айванъ (скотъ).

— За что?

— За то, что они не хотятъ учиться ихъ Мухамеданскому языку.

— Ну, все таки имъ лучше Христіанъ?

— Не совсѣмъ. Съ нихъ берутъ солдатчину и наложили еще какую-то Царскую подать на ихъ земли. Однимъ только лучше противъ Христіанъ, что имъ оставили оружіе, и по тому они имѣютъ возможность защищать себя и свои семейства отъ нападенія какого ни будь бродяги или вора.

Наши спутники позвали меня выпить чего нибудь; я спросилъ рюмку водки; потомъ мы простились съ корчмаремъ и туземцемъ и отправились далѣе. На встрѣчу намъ попалась толпа Турецкихъ сейменовъ, вооруженныхъ ножами, пистолетами и длинными ружьями. Одинъ изъ нихъ остановилъ Макарія и началъ его о чемъ-то спрашивать. Мы посторонились и свернули не много въ сторону. Монахъ догналъ насъ у Бѣлина родника, гдѣ мы напоили лошадей и сами напились холодной ключевой воды.

Вскорѣ мы вышли на небольшую возвышенность и я увидалъ Сербскую границу: не вдалекѣ слышался шумъ рѣки Уваца, протекавшей направо отъ дороги по глубокой долинѣ. На противоположной сторонѣ рѣки виднѣлся домъ на гористомъ мѣстѣ.

— Что это за диковинное зданіе? спросилъ я.

Кметъ какъ-то печально отвѣтилъ:

— Въ немъ живутъ Шумадинскіе стражаре и пиндуры, по тому что здѣсь граница и межа между Шумадинцами и Турками.

— Какъ называется это мѣсто?

— Кокинъ бродъ.

— Гдѣ же удуть? Неужели Турецкая земля простирается до караульнаго дома?

— Нѣтъ, граница идетъ по рѣкѣ Увацу: одинъ берегъ принадлежитъ нашей сторонѣ и называется Турецкимъ, а другой—Шумаданскій.

— Пропустятъ ли Турки за границу?

— Сдѣсь Турокъ нѣтъ, но Шумадинскіе пандуры не пропустятъ нашихъ Сербовъ безъ Турецкой тескеры. Нынѣшняя Сербская власть поставила караулы для того, чтобъ не было перехода на ту ли, на сю ли сторону безъ согласія обоихъ правительствъ. Турки выдаютъ тескеры слѣдшимъ Сербамъ, а Шумадинцы получаютъ отъ своего начальства пасошъ (паспортъ) и тогда могутъ переходить черезъ карантинъ у Мокрой Горы. Безъ тескеры переступали границу только тѣ, которые спасались бѣгствомъ отъ Турецкаго насилія. Покидая навсегда свои отповскія огнища и забравъ свои семейства, они бѣжали прямо черезъ межу, и пандуры препровождали ихъ къ тому карантину, которому принадлежалъ тотъ или другой караульный постъ. Такимъ образомъ много нашего народа бѣжало безъ возврата въ Шумадію; прочіе же укрывались въ горахъ и лѣсахъ и присоединялись къ хайдуцкимъ дружинамъ, отомщая Мухамеданамъ за страданія Христіанъ. Но скоро и тамъ народнымъ защитникамъ стала грозить опасность. Правительства Турецкое и Шумадинское заключили между собой договоръ преслѣдовать хайдуковъ въ своихъ владѣніяхъ. Мичичъ, бывшій когда-то самъ хайдукомъ, а послѣ Ужидкій Сердарь, и Турки слѣдшняго края, по обоюдному соглашенію, опредѣлили смертную казнь тому, у кого найдется на сохраненіи хайдуцкая остава (имущество, которое хайдуки оставляли у своихъ знакомыхъ на зиму). Въ избѣжаніе такой бѣды хайдуки переселялись на зиму въ Морачу и Брда подъ защиту Черногорскаго Владыки, а лѣтомъ опять ходили между народомъ, живя однако большею частію въ лѣсу. Винovníкъ всего этого зла проклятый измѣнникъ Васа Чачанинъ! За Турецкое золото и серебро онъ обрекъ насъ на вѣчное рабство и гоненіе.

— Расскажи, пожалуйста, какъ происходило пограничное размежеваніе.

— Турки, заключивъ миръ съ Милошемъ Обреновичемъ и обязавшись по договору не мучить Христіанскій народъ, объявили бѣжавшимъ отсюда въ Шумадію во время войны, чтобъ они возвраща-

лись на прежнія мѣста своего жительства и принимались за свои занятія. Народъ считалъ себя уже свободнымъ и радовался прекращенію кровопролитія; пограничная стража была разставлена по тѣмъ мѣстамъ, до которыхъ доходилъ покойный вождь Георгій Черный. Однако большая часть выселенцевъ не вѣрили прочности этого мира и остались въ Шумадиі, гдѣ пріобрѣли себѣ усадьбы. На ихъ опустѣвшія земли переселились Сербы изъ Босніи и Герцеговины; но жители Старого Влаха продолжали по ночамъ уходить съ своими семействами въ Сербію, чтобъ избавиться навсегда отъ Турецкаго Владычества. Турки начали жаловаться, что Царская земля остается необработанной и что райи бѣгутъ въ Шумадию. Тогда оба правительства порѣшили пригласить Царскихъ и Королевскихъ людей для точнаго опредѣленія границъ ихъ земли. Милошъ назначилъ отъ себя какого-то проклятаго изрода Васу Чачанина. Турки его подкупили и онъ, проводя между, повернулъ совѣтъ въ другую сторону и оставилъ половину Старого Влаха и часть Герцеговины въ Турецкихъ рукахъ. Жители узнали, что удутжіе (лица, опредѣляющія границу) назначаютъ между только до того мѣста, до котораго доходилъ Милошъ Обреновичъ, а не Георгій Черный. Всѣ Кнезы, Кметы и по три депутата изъ селъ Сѣницкой, Нововарошской, Вышеградской, Пріепольской и Новопазарской нахій пошли въ Рашку на встрѣчу удутжіямъ; туда же явились и Мухамеданскіе Аги и Беги. Христіане утверждали, что граница должна ити на Новый Пазаръ, Суходоль, Милишево, Пріеполь и потомъ рѣкой Лимомъ до Дрины и желали, чтобъ Коммисары шли по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ сражался Георгій Черный; Мухамедане, напротивъ, настаивали на томъ, чтобъ проложить между еще далѣе и чтобы вся Добросалица, Ябланица, половина Златибора и села, лежащія на горѣ Шарганъ, остались въ Турецкомъ владѣніи. Народъ не соглашался на раздѣлъ Старого Влаха и на перемѣщеніе удутовъ. Капетанъ Яковичъ изъ Новой Вароши поддерживалъ народное требованіе, проклиналъ Васу Чачанина и грозилъ, что своей рукой нарушитъ между и знаки, если онъ не поведетъ удутжіевъ до пунктовъ, гдѣ теперь стоитъ Сербская стража; но всѣ эти угрозы не привели ни къ чему: Турки подкупили Чачанина и уговорили его дѣйствовать въ ихъ выгодахъ. Не смотря на общее волненіе, удутжіе перешли на другую сторону Уваца къ горѣ Циглѣ и хотѣли провести границу черезъ село Ябланицу на гору Шарганъ, но Христіане взялись за оружіе. Тогда опять пошли вдоль рѣки Уваца выше села Штербцы на гору Циглу. Затрудненіямъ не было конца: обѣ противныя стороны называли по своему спорныя земли. Въ одной мѣстности заставили туземнаго

Христiянина сказать подь присягой ея настоящее названiе. Держа горсть земли надь головой, онъ присягнулъ передь удутжiями, и она отошла къ Шумадiи. По окончанiи межеванiя, мы сильно роптали и проклинали Чачанина, какъ продавца, но влiятельныя лица успокоили насъ, говоря, что граница проведена только на время, что Милошъ мирнымъ путемъ уладить дѣло и что весь Старый Влахъ отойдетъ къ Шумадiи до рѣки Лима. Рассказывали, что пронесся даже слухъ, что онъ строго наказалъ Васу Чачанина, заливши ему горло золотомъ.

— Какъ же это?

— Въ народѣ рассказывали, что послѣ межеванiя проклятый измѣнникъ явился къ Милошу и указалъ ему на картѣ проложенную межу. Князь сильно разсердился. Чачанинъ, думая его успокоить, выложилъ предъ нимъ четыре мѣшка червонцевъ, полученные отъ Турецкихъ Аговъ и Беговъ; но Милошъ велѣлъ расплавить монеты и влить въ горло измѣннику, говоря: «Пей золото, если ты цѣнишь его выше свободы и чести народа и отечества!» Итакъ, стража была снята съ берега Лима, и мы остались на произволъ судьбы. Яковичъ оставилъ Новую Варошъ и свое Капетанство; другiе начальники также удалились за рѣку Увацъ по приказанiю Сердаря Мичича и самого Милоша. Турки сейчасъ же возвратились на свои прежнiя мѣста и начали жестоко гнать туземцевъ, участвовавшихъ въ походахъ Георгiя и Милоша. Въ эти тяжкiя времена большая часть жителей бѣжали въ Шумадiю; а другiе, покинувъ свои дома и семейства, искали спасенiя въ горахъ и лѣсахъ и присоединялись къ хайдукамъ, но Турки безпощадно преслѣдовали ихъ.

— Какъ не стыдно было Мичичу забыть свое хайдучество и тѣснить несчастныхъ Сербовъ!

— Что дѣлать! власть вскружила ему голову; а было время, что онъ не давалъ спуска злымъ Агамъ и Бегамъ: за это былъ сдѣланъ Воеводой. Онъ нагналъ такой страхъ на Турокъ, что они во время его прѣзда по улицамъ вставали съ своихъ мѣстъ и отдавали ему честь, называя его въ тихомолку горскимъ хайдукомъ и кровопийцей. Въ народѣ много сложилось рассказовъ про Мичича и его маленькаго коня. Когда издохъ этотъ вѣрный товарищъ, онъ велѣлъ зарыть его въ землю и горько плакалъ по немъ.

— Расскажи мнѣ кое-что объ его удаливствѣ.

— Надо тебѣ сказать, что Ужицкiе Мухамедане были самыми злѣйшими врагами Христiянъ, но Мичичъ смирилъ ихъ. Нѣкоторыя семейства были совершенно истреблены, въ томъ числѣ родъ Ломи-

гора. Последняго изъ его потомковъ закололъ Мичичъ на Забучѣ выше Ужицы въ то время, какъ тотъ собирался бѣжать съ своей сестрой. Онъ встрѣтился съ нимъ рано утромъ на горѣ, и оба врага начали стрѣлять другъ въ друга; предрасвѣтный примерекъ мѣшалъ имъ попасть въ цѣль, и они вступили въ рукопашный бой, но такъ порывисто, что у нихъ сломались сабли. Тогда они стали бороться, однако не могли осилить одинъ другаго. Вдругъ Ломигора закричалъ сестрѣ, чтобъ она вынула изъ за его пояса маленькій ножъ и пронзила имъ противника. Мичичъ вспомнилъ, что у него такой же ножъ, и, собравъ всѣ свои силы, повадилъ Ломигора на землю, схватилъ его за горло и вонзилъ въ него свой ножъ. Въ изступленномъ бѣшенствѣ онъ тутъ же смертельно ранилъ и его сестру, которая хотѣла помочь брату. Дѣвица упала, обливаясь кровію, и жалобно закричала: «Не убивай меня! сжался надъ моею красотой и молодостью! Я приму твою вѣру; побратаюсь съ тобой на вѣкъ, только пощади мою жизнь!»—«Теперь поздно, отвѣчалъ Мичичъ, -- ты не виновата, и я не хотѣлъ тебя убить, а только мстилъ твоей семьѣ за притѣсненія нашего народа.» Говорили, что онъ долго жалѣлъ о томъ, что не удержался отъ гнѣва и убилъ молодую дѣвушку, защищавшую своего брата.

— Какъ же вы жили послѣ размежеванія границъ?

— Мы все надѣялись на помощь Милоша. Онъ нѣсколько разъ приказывалъ намъ черезъ торговцевъ, чтобы мы успокоились и какъ нибудь ладили съ Мухамеданами до счастливой поры освобожденія. Но ожиданія наши не сбылись: Милоша выгнали его поглавари; сынъ его Миланъ, едва сдѣлался Княземъ, какъ вскорѣ умеръ; другаго сына Михаила также выгнали поглавари, и мы остались не при чемъ. Послѣ сего выбрали въ Князья Александра, сына Георгія Чернаго. Намъ опять стали обнадеживать, что онъ непременно проведетъ свои владѣнія до тѣхъ границъ, до которыхъ доходилъ его отецъ; и вотъ мы все ждемъ, но, кажется, скоро погибнетъ наша вѣра и раззоренный народъ или умретъ съ голода или убѣжить, не зная самъ куда.

— И вы рѣшитесь оставить въ рукахъ враговъ свои дома и земли?

— Что жъ дѣлать? Сербамъ, живущимъ по сосѣдству съ Шумадей и съ Черною Горой, гораздо хуже тѣхъ, которые живутъ въ отдаленныхъ мѣстахъ.

— Какая тому причина?

— Турки не довѣряютъ Шумадинцамъ и думаютъ, что они пойдутъ на помощь Брдянскому Кнезу Зеку; въ то же время они слѣ-

дять за нами и высылають въ наши деревни и города голодные толпы суваріевъ, заптіевъ и сейменовъ. Между тѣмъ потурицы и прочіе Мухамедане увѣряють, что Шумадинскій Кнезь Александръ обѣщаль помогать Турецкому Царю противъ Зека. Турки всѣмъ этимъ слухамъ очень рады и даже сами ихъ распускають, чтобъ только считаться на службѣ и кормиться на чужой счетъ, а не косить и не пахать.

Мы прекратили разговоръ и поспѣшили догнать верховыхъ товарищей, которые дожидались насъ на постояломъ дворѣ. Послѣ краткаго отдыха мы отправились далѣе и достигли села Кратова, но едва только поровнялись съ корчмой, какъ на дорогу выбѣжалъ какой-то старикъ лѣтъ 70, въ бѣлой чалмѣ, покрытый разными листьями и травой. Онъ громко закричалъ: «Эй! попы-скоты! дайте Муію табаку, если не хотите, чтобы ваши бороды остались въ моихъ рукахъ!» Замѣтя, что священникъ струсиль, онъ подступилъ къ нему и еще громче закричалъ: «Дай мнѣ, попъ, носки, если не желаешь, чтобъ я вырвалъ тебѣ бороду.» Макарій и Кметъ вступились за своего товарища и, чтобъ отвязаться отъ полоумнаго Турка, дали ему табаку. Онъ подробно распросилъ обо мнѣ и сказалъ «па гъпо!» когда узналъ, что я иду въ Сараево. Однако онъ не удовольствовался табакомъ и потребовалъ у Иеромонаха Неофита его коня, чтобы доѣхать до монастыря Бани. Какъ ни отвѣкивался нашъ старикъ, а долженъ былъ уступить ему свою лошадь. Муія-ага поѣхалъ и затянулъ пѣсню; Макарій сжалился надъ Неофитомъ и отдалъ ему свою лошадь, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Къ вечеру мы прибыли въ монастырь, гдѣ насъ встрѣтили монахи и нѣкоторые изъ туземцевъ. Муіѣ-агѣ подали чернаго кофе, но въ это время показались на дорогѣ какіе-то военные; онъ схватилъ свою палку, не допилъ кофе и побѣжалъ безъ оглядки въ Прибой къ своей дочери, которая была замужемъ за какимъ-то тамошнимъ важнымъ Мухамеданиномъ.

Мнѣ много поразказали кое-чего о проказахъ этого чудака: онъ уже давно прикидывался сумашедшимъ и безнаказанно захватывалъ чужія вещи, жилъ на чужой счетъ и уводилъ лошадей, такъ что хозяева зачастую выкупали у его семейства свое добро. По словамъ людей, онъ даже совершалъ убійства, но его ни кто не смѣлъ тронуть по той причинѣ, что Богъ наказалъ его болѣзнію и что сумашедшему все прощается. Иногда его сажали подъ арестъ, будто бы для того, чтобы Дервиши отчитывали его, и потомъ черезъ недѣлю выпускали на свободу. Съ возрастающей бѣдностью народа, обманщику также пришлось плохо, по тому что нечего было грабить и отни-

мать. Онъ самъ жаловался мнѣ на Турецкихъ солдатъ, которые мѣшали ему ходить Божимъ путемъ, и проклиналъ того, кто посылалъ ихъ свитаться по Божьей землѣ.

На другой день послѣ церковной службы все собрались опять къ Макарію. Разговоръ зашелъ о школѣ. Монахъ молчалъ, но Староста прямо объявилъ, что пока онъ управляетъ монастыремъ, школъ не бывать.

— Простое лѣто, прибавилъ онъ, — мы едва не попали въ бѣду, когда Игуменъ сталъ звонить въ алтарь въ маленькій колоколь, а тутъ еще затѣваетъ школу, чтобы Турки совсѣмъ разрушили монастырь.

Потерявъ надежду быть учителемъ на родинѣ, я напомнилъ Макарію его обѣщаніе выдать мнѣ метрическое свидѣтельство.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, — отыщи только своего крестнаго отца и другихъ свидѣтелей, бывшихъ при моемъ рожденіи и крещеніи. Кто знаетъ когда ты родился?

Я на другой же день отправился на поиски, употребилъ на это дѣло два дня и узналъ наконецъ, что мой крестный отецъ и священникъ давно умерли; за то я отыскалъ своего крестнаго брата и кормилицу. Въ назначенный день они пришли въ монастырь и подтвердили дѣйствительность моей личности. Макарій записывалъ все показанія въ книгу, но къ несчастію не кому было подписать метрическое свидѣтельство. А Лантошъ, безъ письма Борисавлевича, не давалъ монастырской печати, бывшей у него на сохраненіи; такимъ образомъ мое дѣло не подвигалось впередъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ монастырь какой-то докторъ Итальянецъ съ женой и двумя дочерьми и остались ночевать.

Макарій говорилъ съ ними по Итальянски и по Нѣмецки и по ихъ желанію показалъ имъ храмъ и его украшенія. Докторъ пожертвовалъ нѣсколько денегъ, а его семейство два подсвѣчника и два полотенца довольно красивыя. Я также съ ними познакомился и они звали меня ѣхать вмѣстѣ въ Сараево, но я отказался по неимѣнію метрическаго свидѣтельства.

Послѣ ихъ отъѣзда Макарій сказалъ мнѣ, что какъ только пріѣдетъ отецъ Неофитъ или отецъ Христифоръ, то они приложатъ свою подпись, а монастырскую печать вытребуютъ отъ старосты.

— Тогда поѣзжай съ Богомъ въ Сараево, прибавилъ онъ, — только будь остороженъ на словахъ, а то, пожалуй, и меня введешь въ бѣду.

— Чего же ты боишься? спросилъ я, — кажется, я ни съ кѣмъ ничего не говорю, тѣмъ менѣе о тебѣ.

— Я желаю тебѣ добра и на всякій случай предупреждаю объ опасности.

Между тѣмъ черныя тучи покрыли небо и хлынулъ сильный дождь. Толпа Турокъ въ разныхъ костюмахъ бросилась въ монастырскій дворъ, и одни побѣжали подъ навѣсъ Страннопріимнаго дома, а другіе направились къ пустымъ кельямъ. Макарій послалъ слугу отпереть ихъ, въ то же время въ переднюю вошелъ молодой человекъ средняго роста, въ длинныхъ сапогахъ, клеенчатомъ пальто и въ такомъ же башлыкѣ. Когда онъ снялъ мокрую одежду, я увидалъ на немъ военный офицерскій мундиръ и красную феску. Макарій привѣтствовалъ его, и незнакомецъ вѣжливо извинился, что вошелъ безъ позволенія въ чужой домъ съ такою толпою людей.

Воидя въ комнату, офицеръ точно также учтиво поклонился, что меня крайне удивило, по тому что я впервые увидалъ вѣжливаго Турка. Монахъ отрекомендовалъ меня. Посѣтитель спросилъ, знаю ли я Турецкій, или Греческій языкъ и, получивъ отъ хозяина отрицательный отвѣтъ, просилъ хозяина быть между нами переводчикомъ. Узнавъ, что я изъ Сербіи, онъ тотчасъ же закидалъ меня вопросами; спокойно ли теперь въ Княжествѣ? видѣлъ ли я тамъ Пашу въ Бѣлградѣ? возвратилъ ли Карагеоргіевичъ нѣкоторыхъ Сенаторовъ изъ ссылки? Я отвѣчалъ, что ничего не знаю о распоряженіяхъ Князя, но что въ Сербіи все спокойно и я видѣлъ тамъ Пашу. Потомъ онъ полюбопытствовалъ узнать откуда я родомъ? Макарій далъ ему нѣкоторыя обо мнѣ свѣдѣнія. Между прочимъ онъ похвалилъ мое намѣреніе открыть школу и быть учителемъ и прибавилъ, что Царь желаетъ устроить побольше училищъ въ своихъ владѣніяхъ. Вошедшій слуга подалъ ему чернаго кофе и чубукъ, а вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату какой-то туземный Мухамеданинъ высокаго роста и, увидавъ военный мундиръ, смутился и покраснѣлъ. Офицеръ что-то спросилъ у него по Турецки. Туземецъ совершенно растерялся и не зналъ что отвѣчать. Макарій сказалъ ему:

— Бегъ желаетъ знать говоришь ли по Турецки.

Бѣднякъ, краснѣя, пробормоталъ:

— Ей-Богу, добрый человекъ, я знаю только по своему, а другаго разговора не понимаю.

Когда Макарій перевелъ отвѣтъ туземца, военный сердито закричалъ:

— Пошелъ вонъ, сумашедшій Боснякъ, скотъ.

Рослый Мухамеданинъ струсилъ больше прежняго и не зналъ что дѣлать.

Монахъ сказалъ ему:

— Уходи теперь, послѣ придешь опять.

Офицеръ сильно негодовалъ на то, что въ сѣдѣшнихъ мѣстахъ сами Мусульмане не знаютъ Турецкаго языка, на которомъ въ Румелии говорятъ всѣ Христiане, и дивился что я, проживъ столько лѣтъ въ Бѣлградѣ, гдѣ живетъ Паша и большое число Турокъ, не умѣю объясняться по Турецки.

Погода, наконецъ, прояснилась и офицеръ, поблагодаривъ за гостепрiимство, командовалъ солдатамъ стать во фронтъ, простился съ нами, подавъ руку, и что-то сказалъ мнѣ по Турецки. Макарій, послѣ его ухода, перевелъ мнѣ, что онъ желаетъ поднаго уснѣха моимъ предпрiятiямъ по школьному дѣлу и надѣется опять увидѣться со мною на возвратномъ пути. Онъ провожалъ рекрутъ въ Сараево.

Когда солдаты вышли изъ монастыря, я пошелъ въ монастырскую корчму и нашелъ тамъ туземнаго Мухамеданина въ сильномъ раздраженiи на Турецкаго офицера. Онъ тотчасъ велѣлъ подать двѣ чашки кофе и одну предложилъ мнѣ.

— Возьми, гость, одну чашку; ты добре пожаловалъ.

Я поблагодарилъ его, выпилъ кофе и пошелъ изъ корчмы. Онъ послѣдовалъ за мною. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ постоялаго двора, онъ спросилъ меня откуда я прiѣхалъ.

— Изъ Сербiи, отвѣчалъ я.

— Какъ тамъ теперь живется?

— Хорошо.

— Эхъ, хвала Бѣгу! вездѣ лучше живется, чѣмъ сдѣсь у насъ.

— Чѣмъ же вамъ дурно?

— А развѣ ты не слыхалъ какъ изругалъ меня Туркуша за то, что я говорилъ на своемъ материнскомъ языкѣ? Вотъ мы съ тобою оба говоримъ нашимъ языкомъ. Вѣра у насъ разная, а языкъ одинъ. А этотъ Туркуша бросился на меня какъ бѣшенный пестъ за то, что я не умѣю болтать по ихнему. По настоящему, онъ долженъ знать нашъ языкъ, по тому что онъ пришелъ въ мою землю, а не я въ его Стамбуль или Анатолъ. Не правда ли?

— Ты лучше меня это знаешь.

— Конечно, такъ бы слѣдовало, а не такъ, какъ онъ думаетъ, Московскiй сынъ.

— Развѣ онъ Московъ?

— Ни онъ, ни тотъ, кто его сюда посылаетъ, не лучше самого Москва. Всѣ говорятъ, что не Султанъ Меджидъ, а Московъ сидитъ въ Стамбуль и учитъ его всякой дьявольщинѣ.

— Какъ такъ?

— Да, конечно. Онъ выучилъ брать низамъ отъ народа, выдумалъ новыя подати и прочее. Будетъ нашъ Царь раскаяваться да поздно. Не даромъ ходитъ слухъ, что его мать не настоящая Мусульманка, а Москова.

— Кто вамъ все это говорить?

— Всѣ наши; увѣряютъ даже, что во время Крымской войны Московъ давалъ индаты (провантъ) отъ тѣмъ, чтобы Туркуша все забралъ въ свои руки.

— Быть не можетъ, чтобы Царь нуждался въ чьей либо помощи.

— Однако, когда Мехметъ Алиа хотѣлъ выгнать Туркушу изъ Стамбула, Московъ сей часъ же далъ ему защиту противъ Египетскаго Паши.

Я прекратилъ разговоръ съ словоохотливымъ Мухамеданиномъ, толковавшимъ событія по своему, и отправился осматривать окрестности. По дорогѣ я зашелъ къ одному селяку и вмѣстѣ мы пошли на сѣнокосныя луга, а оттуда въ мѣстность Кулине, названную отъ стоявшихъ тамъ когда-то кулъ (башень). Отъ нихъ остались теперь однѣ только развалины, и два селяка вырывали изъ земли для построекъ тесанные камни довольно большого размѣра. Далѣе мой вожатый указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ жили кузнецы, называемое Выгнине (отъ слова выгонь, кузница); оттуда мы отправились на Грачаническую Косу, куда, по его словамъ, народъ бѣжалъ отъ Турецкаго насилія. Отъ него я узналъ названіе нѣкоторыхъ мѣстностей, на ней лежащихъ: Потркъ, Говяне, Рудине, Грела, Црныи Врхъ и др. Бѣжавшіе туземцы устраивали въ дремучихъ лѣсахъ временныя жилища—итаришта, кулачишта, кучеришта, плетеришта, колибишта. Ятаре строились на скорую руку изъ древесной коры не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга и вмѣщали въ себѣ по нѣскольку семействъ; кулаче дѣлались изъ длинныхъ прутьевъ, воткнутыхъ въ землю и связанныхъ въверху, ихъ покрывали отъ дождя и снѣга соломой, сѣномъ или корой; такого же почти устройства были и кучера. Для плетеры вбивали въ землю нѣсколько кольевъ, обносили ихъ плетнемъ, обмазывали глиной и покрывали соломой. Колиба строилась изъ тесанныхъ бревенъ и походила на Русскую крестьянскую избу. Были еще бурделишта -- не что иное, какъ землянки, покрытыя землею; но Сербы вообще не терпятъ никакихъ землянокъ.

Повернувъ на сѣверъ, прошли мы черезъ рѣчку въ Челиштине, гдѣ мой спутникъ указалъ мнѣ родникъ въ лѣсистомъ мѣстѣ.

-- Вотъ калугерская вода, сказалъ онъ; — по народному преданію,

сдѣсь когда-то жили монахи изъ монастыря Бани. Тутъ были скотный дворъ и водопой.

Пока я бродилъ и осматривалъ окрестности, начало темнѣть, и я, порядочно усталъ, отправился ночевать въ монастырскую гостиницу и спать богатырскимъ сномъ. Утромъ хозяинъ разбудилъ меня и объявилъ, что меня требуютъ сеймены. Я поспѣшилъ сойти внизъ и привѣтствовалъ вооруженную толпу Турокъ. Но только одинъ Булюбаша отвѣтилъ мнѣ «Богъ добро дао!» На большомъ столбѣ, посреди корчмы, висѣли длинныя ружья. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Булюбаша спросилъ меня: кто я? откуда пришелъ? гдѣ родился и имѣю ли таскеру? Я отвѣчалъ на всѣ его вопросы и подалъ паспортъ, но, какъ видно, сеймены не умѣли читать, разсматривали только приложенную печать и что-то говорили по Арнаутски. Наконецъ Булюбаша всталъ и, вызвавъ меня изъ корчмы, вышелъ на дворъ. Тутъ онъ спросилъ меня:

— Знаешь ли ты, зачѣмъ я тебя позвалъ сюда? Сдѣсь строго слѣдятъ за всѣми, и мнѣ приказано доставить тебя живымъ или мертвымъ куда слѣдуетъ, но зная изъ чьего ты дома, я не сдѣлаю тебѣ никакого зла, по тому что я тамъ много ѣлъ хлѣба-соли. Советую тебѣ какъ можно скорѣе отсюда удалиться куда знаешь. Теперь тебѣ нечего бояться моей дружины, но я не ручаюсь за нее впередъ. Вотъ тебѣ два дня срока и чтобы твоего духа не было сдѣсь, а то тебѣ не сдобровать.

— Я собираюсь ѣхать въ Сараево, отвѣчалъ я, — но жду когда будетъ готово мое метрическое свидѣтельство.

— Это твое дѣло; только послѣ двухъ дней уѣзжай.

Возвратясь въ корчму, я велѣлъ подать чернаго кофе Булюбашѣ и его дружинѣ. Нѣкоторые изъ Турокъ отказывались, но по приказанію своего начальника выпили по чашкѣ. Послѣ угощенія всѣ вышли на дворъ; вдругъ поднялся сильный шумъ и крикъ; я и Булюбаша выбѣжали изъ корчмы и увидали большую черную змѣю подъ кустомъ. Всѣ бросились къ ней съ кинжалами, Булюбаша также вынулъ свой кинжалъ и закричалъ:

— Но тронь! я самъ отрублю ей голову.

Между тѣмъ змѣя, поднявъ голову и шипя, быстро поползла по травѣ; Булюбаша побѣждалъ за ней и со всего размаха ударилъ ее по шеѣ; голова отскочила въ сторону, а туловище свернулось въ клубокъ. Булюбаша остался очень доволенъ своею побѣдой, велѣлъ тутъ же въ канавкѣ вымыть свой окровавленный ножъ и сталъ собираться

въ дорогу. При прощаньи онъ опять повторилъ мнѣ, чтобъ я скорѣй удалился изъ этихъ мѣстъ.

Я пошелъ въ монастырь и, придя къ Макарію, пересказалъ слова Булюбаци.

— Въдъ я предупреждалъ тебя, прервалъ онъ, — что бы ты не со всякимъ разговаривалъ; вотъ и навлекъ на себя подозрѣніе. Смотри какъ бы не случилась съ тобой бѣда.

Я представилъ ему въ резонъ, что безъ метрическаго свидѣтельства ни куда не могу ити.

— Погоди до завтра! Авось прїѣдетъ духовникъ Неофитъ или Христифиръ; тогда уладимъ это дѣло какъ ни будь.

Мы вышли изъ кельи, и въ это время къ намъ подошелъ селякъ, прося Макаріа окрестить поскорѣй его больного ребенка.

— Вотъ сегодня вечеромъ прїѣдетъ Неофитъ или Христифоръ; такъ я пришлю къ тебѣ кого ни будь изъ нихъ.

— Да ты бы самъ окрестилъ, духовникъ!

— Я не могу, отвѣчалъ монахъ, и вернулся въ свою комнату.

Отъ нечего дѣлать я отправился въ корчму, туда же пришелъ и селякъ. Онъ ужасно сердился на Макаріа и жаловался на него поспѣтелямъ корчмы.

— Этотъ монахъ только обманываетъ насъ. Мой ребенокъ при смерти, а онъ до завтра откладываетъ крестины. Не нести же мнѣ свое дитя къ Турецкимъ Ходжіямъ, чтобъ они привели его въ свою вѣру. Мы платимъ и Владыкамъ и попамъ, а когда нужно—ихъ нигдѣ не найдешь. Нашъ Владыко печется только о деньгахъ, а не о законѣ, прислалъ къ намъ такого монаха, который ничего не можетъ дѣлать по писанію и по Божьему закону. И зачѣмъ онъ его здѣсь держитъ!

Прочіе селяки, бывшіе въ корчмѣ, старались его успокоить, оправдывая Настоятеля, и сваливали вину на Владыкъ, которые, по ихъ словамъ, такъ издавна поступали.

По возвращеніи въ монастырь, я передалъ Макарію какъ селякъ обидѣлся его отказомъ.

— Бѣднякъ, отвѣчалъ онъ, — имѣетъ полное право сердиться, только не на меня. Съ него берутъ за все деньги, а между тѣмъ его дитя можетъ умереть не крещенымъ. Грѣхъ на душѣ того, кто повыше меня.

— Кто же это такъ шутитъ съ Тайнствами Христовой Церкви?

— Сараевскій Владыка назначилъ меня Настоятелемъ сдѣшняго монастыря, но запретилъ мнѣ отправлять церковную службу и

духовныя требы. Срамъ да и только. Я желалъ сблизиться съ народомъ, принести ему пользу, хотѣлъ устроить школу, но послѣ такихъ поступковъ бросилъ свое намѣреніе. Если такъ поступаютъ со священнымъ саномъ, то будутъ ли церемониться съ учителемъ? Уходи скорѣе отсюда; Турки уже начали слѣдить за тобой.

— Меня задерживаетъ метрическое свидѣтельство.

— Я постараюсь, чтобъ оно было завтра готово, а ты между тѣмъ ступай ночевать въ другое мѣсто; оно будетъ безопаснѣе для насъ обоихъ.

— Дошло ли твое письмо къ Сараевскому Владыкѣ?

— Тамъ видно будетъ.

Во время нашего разговора къ Макарію пришелъ какой-то гость, который отпралялся на Карантинъ Мокру Гору. Я хотѣлъ послать съ нимъ письмо къ Милану Лекичу, но Макарій воспротивился этому; онъ велѣлъ мнѣ ити куда ни будь на ночлегъ. Я пошелъ въ село къ одному знакомому и пробылъ у него два дня, а на третій отправился въ корчму. На дворѣ были привязаны двѣ лошади, а въ горницѣ сидѣли два вооруженные Турецкіе суварія. Я сълъ, не обращая на нихъ вниманія, и велѣлъ подать себѣ кофе.

Турки молчали, переглядывались между собой и изподлобья косились на меня. Вдругъ одинъ спросилъ меня, откуда я? что тутъ дѣлаю и куда иду? Я спокойно отвѣчалъ на его вопросы.

— А гдѣ тескера? крикнулъ онъ.

Я вынулъ изъ кармана паспортъ и подалъ его оборванцу; онъ взялъ бумагу, повертѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, увидавъ Сербскій гербъ и крестъ, плюнулъ на нихъ, выругавъ непристойными словами Сербскаго Князя и бросилъ паспортъ въ грязь; этого мало, онъ выхватилъ изъ-за пояса большой ножъ и хотѣлъ броситься на меня. Испуганный корчмаръ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ради Бога, уходи отсюда!

— Я никому ничего не сдѣлалъ, возразилъ я;—у меня законный паспортъ для свободнаго проѣзда по Царской землѣ, подписанный Мудиромъ. Мнѣ все равно погибать: сдѣсь ли, на другомъ ли мѣстѣ, если законный видъ теряетъ и васъ силу.

Другой Турокъ сталъ уговаривать своего товарища не трогать меня. Безумецъ усѣлся на свое мѣсто и, придерживая ножъ, ворчалъ:

— Какъ не трогать, собачій законъ? Ни днемъ, ни ночью нѣтъ цбкоя отъ этихъ ноголяевъ; только и знай, что бѣгай за ними безъ уста-

ли! Еслибъ я встрѣтился съ нимъ въ прошедшемъ году, то непременно отрубилъ бы ему голову. Собачій сынъ Московъ зажегъ всю Царскую землю и подговорилъ райю не уважать Турчина. Давно бы слѣдовало умолотить того малаго гада, который шлялся по нашей землѣ и надѣлалъ столько бѣдъ (такъ отзывался онъ о Русскомъ Консулѣ Гильфердингѣ, который путешествовалъ по этимъ мѣстамъ). Не стоило только поганить ружья и марать руки объ эту дрянь! И ты, собачій сынъ, захотѣлъ шляться по Царской землѣ! погоди, мы тебя уберемъ.

— Я не придумываю ничего дурнаго, отвѣчалъ я,—а хотѣлъ только быть здѣсь учителемъ; если не добьюсь этого, то уѣду.

Турокъ, какъ звѣрь, скрежеталъ зубами:

— Знаемъ мы эти школы!

Я хотѣлъ сдѣлать ему возраженіе, какъ вдругъ онъ закричалъ:

— Молчи! или тебѣ худо будетъ!

Хозяинъ сталъ уговаривать, чтобъ я ушелъ, но я не вставалъ съ своего мѣста. Турокъ пришелъ въ бѣшенство, и Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось, еслибы не вошелъ въ корчму Турецкій солдатъ въ дорожной формѣ низама (регулярнаго войска). Едва онъ показался въ дверяхъ, какъ мой герой присмирѣлъ, переглянулся съ товарищемъ, что-то сказалъ ему потихоньку, и оба вышли изъ корчмы. Я пошелъ за ними и увидалъ на дворѣ порядочное число солдатъ; одни умывались, другіе сидѣли и курили.

Первые два посѣтителя отвязали своихъ коней и уѣхали. Я спросилъ корчмаря что они за люди и какъ ихъ зовутъ?

— Они оба полицейскіе суваріи. Бѣшенаго зовутъ Нуратъ Шумановичъ изъ Новой Вароши, а другаго не знаю. Да что тебѣ въ ихъ именахъ? Убирайся отсюда какъ можно скорѣе, ты слышалъ какъ онъ говорилъ объ Московскомъ Консулѣ? Чего тебѣ ждать? Счастье твое, что пришли эти низамы: ихъ не очень долюбиваютъ и даже побаиваются эти оборванцы, полицейскіе крючки и головорѣзы.

Я пошелъ на квартиру Макарія и рассказалъ ему свое новое приключеніе.

— Тебѣ нельзя здѣсь оставаться, сказалъ онъ,—ступай къ Саераевскому Владыкѣ, и если онъ назначитъ тебя сюда учителемъ, тогда другое дѣло, а теперь нечего ждать хорошаго. Сегодня Христифоръ и мы приготовимъ метрическое свидѣтельство.

Вечеромъ пріѣхалъ Христифоръ и на другой же день мнѣ выдали мою метрику. Я пошелъ кой съ кѣмъ повидаться и проститься, а утромъ, идя въ монастырь, зашелъ въ корчму и нашелъ тамъ шесть сейменовъ. Въ числѣ ихъ находился знаменосецъ, приходив-

шій сюда три дня тому назадъ съ Булюбашей и его дружиной. Едва я вошелъ въ горницу, какъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты еще не уѣхалъ?

— Нельзя было: вотъ на дняхъ уѣду.

— Какъ на дняхъ? Вѣдь ты самъ общалъ Булюбашъ черезъ два дня уѣхать, а между тѣмъ все еще сидѣшь. Какое дѣло тебя удерживаетъ?

— Меня задержало метрическое свидѣтельство, и я хотѣлъ немножко полечиться на теплыхъ водахъ, а теперь жду когда мнѣ принесутъ чистое бѣлье. Завтра непременно отправлюсь.

— Ты куда думаешь ѣхать?

— Въ Сараево.

— И прекрасно. Мы завтра будемъ въ Прибой; не хочешь ли къ намъ въ товарищи?

— Хорошо, очень буду радъ.

— Такъ я буду ждать тебя въ Прибой.

И мы простились. Я ушелъ по своему дѣлу, а они пробыли еще нѣсколько времени и отправились дальше.

Когда я возвратился въ корчму, одинъ туземецъ предупредилъ меня, чтобъ я отнюдь не ходилъ съ Турками, и общалъ мнѣ узнать на другой день можно ли перейти въ бродъ черезъ рѣку Увацъ, чтобы не встрѣтиться съ Турками и перебраться ночью въ Сербию.

Я рѣшился послѣдовать его совѣту и остался еще на день, но онъ принесъ мнѣ непріятное извѣстіе, что вода въ рѣкѣ отъ сильныхъ дождей поднялась и нѣтъ возможности перейти ее въ бродъ. Я совершенно упалъ духомъ.

— Не горюй, сказалъ онъ, — есть средство пройти Прибой и мостъ на Увацъ, не бывъ замѣченнымъ Турками.

— Какое же это средство? спросилъ я.

— Если низамъ пойдетъ въ Сараево, ты надѣнь на себя вчерашнее платье и вмѣшайся въ средину войска; тогда ни кто не посмѣетъ тебя тронуть; лишь бы только тебѣ ускользнуть отъ Турецкой полиціи; они нарочно отдѣлились отъ дружины и вернулись назадъ, чтобъ слѣдить за тобой.

— Какъ же это сдѣлать?

— Ночуй сегодня гдѣ ни будь въ деревнѣ, а завтра приходи сюда и жди; какъ только покажется таборъ (отрядъ) солдатъ, ты вотришь въ самую средину и ступай, гдѣ потише, гдѣ поскорѣй. Вещи свои отправь съ кѣмъ ни будь на постоялый дворъ въ Штербцахъ; а когда перейдешь черезъ рѣку, возьми ихъ и ступай какою хочешь дорогой,

только бы скорѣй перебраться ночью въ Сербію; оттуда недалеко стоитъ Сербская стража, которая отъ караула до караула проведетъ тебя на Мокрогорскій Карантинъ.

Добрый селякъ простился со мной; и я пошелъ въ село съ полною рѣшимостью отказаться отъ своего учительскаго плана, который былъ невысказанъ въ Турецкой землѣ, гдѣ царствуютъ такой произволъ и самоуправство. Последнюю ночь на родинѣ я провелъ не въ домѣ, а въ шалашѣ, гдѣ сушатъ кукурузу. Этотъ необыкновенный ночлегъ находился довольно въ далекомъ разстояніи отъ дома и ни чѣмъ не запирался на ночь.

Я, конечно, не спалъ, боясь внезапнаго нападенія и обдумывая о предстоящемъ мнѣ пути. Отъ шалаша на разстояніи нѣсколькихъ саженей шла главная дорожка къ хозяйскому жилью; собаки надождались своимъ лаемъ, и мнѣ все чудилось, что кто-то идетъ къ моей квартирѣ. Сидя въ совершенной темнотѣ, я выкурилъ весь табакъ и какъ только занялась заря, я всталъ, одѣлся и пошелъ прогуляться. Домашніе тоже встали. Хозяинъ пришелъ узнать хорошо ли я провелъ ночь и обещалъ угостить обѣдомъ, но я торопился въ дорогу и отказался отъ его приглашенія. Послѣ завтрака я простился со всѣми и отправился въ монастырь. Придя туда, собралъ всѣ свои вещи, уложилъ ихъ на скорую руку въ торбу и тутъ же сдалъ ихъ за 3 гроша (15 к.) одному человѣку, который отправлялся по дѣламъ въ Штербцы, съ тѣмъ, чтобъ онъ оставилъ ихъ на постояломъ дворѣ до моего прихода.

— Нѣтъ ли въ нихъ чего опаснаго?

Я увѣрялъ его, что въ мѣшкѣ лежало только платье, да нѣсколько книженокъ.

— Все таки покажи.

Дѣлать нечего, я развязалъ торбу.

— Мнѣ не трудно, братъ, все это довести на моей лошади, да я боюсь за этѣ книги. Ты знаешь нашу пословицу: «Кого змѣя кусала, тотъ и ящерицы боится.»

Я съ трудомъ уговорилъ его взять мой багажъ и пошелъ въ монастырь за метрическимъ свидѣтельствомъ.

Прощаясь съ Макаріемъ, я объявилъ ему, что сегодня же уѣзжаю въ Сараево, или куда ни будь въ другое мѣсто.

— Мнѣ очень жаль тебя, но я не могу ни чѣмъ тебѣ помочь. Я самъ сдѣсь живу какъ другіе приказываютъ, а не такъ какъ бы желалъ. Я считаюсь Настоятелемъ обители, въ самомъ же дѣлѣ я ничто. Владыка послалъ меня сюда на покаяніе и запретилъ совершать бо-

жественную службу и церковныя требы; между тѣмъ Христіанскій народъ, ничего этого не зная, ропщетъ и говорить, что я ни къ чему не способенъ. Повѣрь мнѣ, братъ, я честный человекъ и желаю бы отъ души, чтобы ты остался учить дѣтей, но я здѣсь моложе всѣхъ; все зависитъ отъ нѣкоторыхъ кулцовъ и отъ Старосты, которые слышать не хотятъ о школахъ. Не сердись на меня, если я тебя обидѣлъ, и не поминай зломъ. При этихъ словахъ онъ всталъ, поцѣловался со мной и заплакалъ.

—Желаю тебѣ всякаго счастья и блага, прибавилъ онъ,—но не совѣтую возвращаться, пока здѣсь царствуетъ такой беспорядокъ.

VIII.

Итакъ, изгнанникомъ я уходилъ изъ своей родины! Всѣ мои мечты быть ей полезнымъ обратились въ прахъ; ни родные, ни знакомые не смѣли принять меня въ свои дома; провести со мною время въ задушевной бесѣдѣ они боялись по тому, что меня считали опаснымъ человекомъ. Турки, которые дѣйствительно не могутъ рассчитывать на преданность своихъ Христіанскихъ подданныхъ, свои единоземцы, богатые кушцы и нѣкоторые Кметы, продающіе счастье своего народа за дружбу съ его врагами, искали случая погубить меня, по тому что свѣтъ науки подрывалъ кредитъ ихъ кармановъ; а я, бѣдный человекъ, осмѣливался вносить по возможности просвѣщеніе въ среду подавленной Сербской семьи.

Распростившись съ Макаріемъ, я зашелъ въ корчму за нѣкоторыми своими вещами и увидалъ на скамьѣ толстаго Турка въ военномъ мундирѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ чубукъ, а въ другой чашку кофе; графинчикъ съ водкой стоялъ подлѣ него. Не обращая на него вниманія, я сталъ прощаться съ знакомыми, которыхъ тутъ нашелъ. Турокъ внимательно посмотрѣлъ на меня и спросилъ корчмарию, что я за человекъ. Узнавъ изъ отвѣта кто я, онъ тотчасъ же спросилъ тескеру. Я подалъ ему паспортъ и онъ началъ что-то съ него списывать Латинскими буквами; потомъ, замѣтивъ у меня въ рукахъ другую бумагу, потребовалъ и ее. Хозяинъ корчмы переводилъ мнѣ его слова. Списавъ тоже что-то и съ моего метрическаго свидѣтельства, онъ возвратилъ мнѣ оба мои документа. Ни мало не медля и простившись съ знакомыми, я вышелъ на дворъ и увидалъ на большой дорогѣ густую толпу народа: то было войско. Я поспѣшно вбѣжалъ въ верхнюю горницу корчмы, налѣлъ военную куртку, кушленную въ Бѣлградѣ, и красную феску и пошелъ проститься съ

Лаптошемъ. Онъ ужасно злился, зачѣмъ я показывалъ Турку свою метрику.

— Что жъ изъ этого? спросилъ я, въ ней ничего нѣтъ такого, что могло бы кому повредить.

— Я этого не хочу! сердито отвѣчалъ онъ.

— Какая важность, что Турокъ спросилъ и посмотрѣлъ. Я въ этомъ не виноватъ.

— Послушай, закричалъ онъ, если ты сегодня не уберешься отсюда, я не посмотрю на тебя.

— Успокойся! я сейчасъ ухожу отсюда. Прощай!

— Прощай! сердито проворчалъ тугорбаша.

Сойдя внизъ, я завязалъ въ платокъ свое прежнее платье и въ сопровожденіи одного знакомаго отправился въ дорогу.

Мы скоро догнали человѣка, который взялъ мои вещи; я сдалъ ему и другой узелъ, простился съ знакомымъ и отправился дальше. Подходя къ большой дорогѣ, я пошелъ кустарникомъ и оттуда незамѣтнымъ образомъ юркнулъ въ толпу солдатъ.

Войско шло свободно, безъ фронтоваго порядка, кто впереди, кто сзади; одни были вооружены, другіе нѣтъ; нѣкоторые шѣли по-Турецки и никто не обращалъ на меня вниманія, полагая, что я иду съ ихъ таборомъ по дѣламъ службы. Помни совѣтъ селяка, я то опережалъ, то отставалъ отъ нихъ. Такимъ образомъ мы прошли Прибой. Тутъ Офицеръ, шедшій съ войскомъ, спросилъ у меня что-то по Турецки, но я промолчалъ, какъ будто не зная, съ кѣмъ онъ говорить.

За городомъ я не много поровнялся съ попутчикомъ, но не подаль никакого вида, что мы знакомы другъ съ другомъ.

Достигнувъ мѣстности, называемой Паройна, мы чрезъ нѣсколько времени прошли мимо Стараго Брода на Увацѣ.

Пѣхота и кавалерія смѣшанными толпами проходили черезъ новый мостъ. Я шелъ вмѣстѣ съ ними и не видалъ никого кто бы осматривалъ проходящихъ. Слава Тебѣ Господи! подумалъ я, что меня никто не замѣтилъ, и тотчасъ же повернулъ на лѣво къ постоялому двору, выстроенному не далеко отъ моста. Войско шло дальше, къ другимъ ханамъ, стоящимъ по дорогѣ на разстояніи 2 - 3 верстъ. Сдѣсь я долженъ былъ встрѣтиться съ моимъ попутчикомъ, котораго я потерялъ изъ виду, и спросилъ человѣка, стояшаго у дверей корчмы, не проходилъ ли онъ сюда. Получивъ отрицательный отвѣтъ, я взошелъ къ горницу. Посреди разведенъ былъ огонь, и въ маленькой жестяной посудѣ, приставленной съ боку, варился кофе, на скамьѣ

подальше отъ огня сидѣли два человѣка въ туземномъ костюмѣ: въ одномъ изъ нихъ я узналъ Штербцакаго Кмета. Я поздоровался съ нимъ и сѣлъ на скамью. Онъ спросилъ меня куда я отправляюсь и отчего такъ мало пожилъ здѣсь въ монастырѣ. Я отвѣчалъ, что мнѣ нечего тамъ дѣлать.

— Куда же ты идешь?

— Въ Сараево, къ Владыкѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и сказалъ:

— Ну ты не пойдешь въ Сараево, а вѣрнѣе всего проберешься въ Шумадию.

— Напрасно такъ думаешь. Я хочу просить Сараевскаго Владыку объ учительскомъ мѣстѣ гдѣ бы то ни было.

— Эхъ! учительское званіе не завидное. Ступай лучше въ монахи и живи спокойно въ какомъ ни будь монастырѣ. Стоитъ ли быть учителемъ.

Я показалъ видъ, что мнѣ нравится его совѣтъ и велѣлъ корчмарю подать двѣ чашки кофе. Когда мы выпили кофе, Кметъ сказалъ мнѣ:

— Если будешь въ Сараевѣ, поклонись отъ меня Владыкѣ; онъ меня очень хорошо знаетъ, да и не мудрено: я знакомъ съ многими тамошними важными лицами. Вамъ, учителямъ и даже калугерамъ, и во снѣ не видать такого знакомства.

— Что жъ мудренаго? отвѣчалъ я, — тебѣ счастье, а намъ другое.

— Въ томъ-то и дѣло, что я хотя безграмотный, а умѣлъ расположить къ себѣ важныхъ Царскихъ людей, и они скорѣй повѣрятъ мнѣ одному, нежели десяти или двадцати прочимъ. Я ко всѣмъ имѣю доступъ: я къ Турецкимъ властямъ, и къ Владыкѣ, и къ кушцамъ. Ты самъ видѣлъ намереніи въ Меджлисѣ, что на меня смотрятъ, какъ на самаго умнаго человѣка, и во всемъ мнѣ вѣрятъ; развѣ это дурно?

— Нѣтъ. А есть ли между вами грамотные Кметы?

— Нѣтъ ни одного; но есть люди, которые поважнѣе меня по своему положенію, только и имъ трудно со мной бороться.

— Кто же это такіе?

— А вотъ, на примѣръ, монахъ Макарій, бывшій намереніи съ тобой у Мудира. Онъ зазнался и сталъ умничать: то нужны школы, то нельзя Туркамъ проѣзжать верхомъ черезъ монастырскій дворъ, и провелъ даже новую дорогу вокругъ монастырской ограды, такъ что многіе Турки жаловались мнѣ на далекій объѣздъ. Я собираюсь на дняхъ съѣздить въ монастырь и дать ему почувствовать, что есть люди постарше и поважнѣй его предъ Царскими людьми. Его дѣло мо-

литься Богу и исполнять приказанія Владыки. Мы съдѣсь хозяева и тебѣ слѣдовало обратиться къ намъ, а ты погорячился еще, когда я тебѣ сказалъ, что ты долженъ намъ заплатить за право учить. Ну, и что же выиграть? Пришелъ да и ушелъ.

— Я не зналъ, что у васъ такой обычай. Въ Шумадіи на оборотъ платятъ учителямъ за ихъ труды.

— Напрасно ты такъ надѣялся. Да намъ и некогда заниматься вашимъ учительствомъ. И безъ того на народѣ лежитъ много налоговъ то Царскихъ, то Владычныхъ, а тутъ еще прибавляй новую подать на жалованье учителямъ. Намъ не нужны школы; знали бы наши дѣти пахать и косить и довольно съ нихъ.

— Грамота не помѣшаетъ быть хорошимъ земледѣльцемъ.

— Знаемъ; только когда наши дѣти начитаются вашихъ пустыхъ ученыхъ книженокъ, то перестанутъ уважать умныхъ людей, Кметовъ и купцовъ, которые сами очень свѣдуци въ Божественномъ Писаніи. Вы какъ выучитесь въ Шумадіи, такъ и начнете распространять бѣсовское ученіе, солнце де стоитъ, а земля вертится кругомъ него; вѣдь это дьявольщина; мы каждый день своими глазами видимъ, какъ солнце ходитъ по небу съ востока на западъ. Какіе вы учителя, когда не знаете главнаго, какъ въ церкви пѣть. Однимъ словомъ, школы не бывать, пока я живъ и пока монастырскими дѣлами завѣдуютъ лица, имѣющія голосъ и доступъ къ Владыкамъ и Царскимъ властямъ.

Меня сильно раздражало зло. Я и прежде много слыхалъ объ этомъ надмѣнномъ невѣждѣ и своими глазами видѣлъ его глупыя выходки и низкопоклонничество въ Меджлисѣ, а теперь мнѣ суждено было выслушать его дикое разсужденіе о школахъ и наукѣ. Я всталъ наконецъ, попросилъ корчмаря дать мнѣ кого ни будь донести мои вещи до другаго хана и вышелъ.

— Теперь уже поздно, сказалъ хозяинъ, — и мальчику опасно возвращаться одному; но тутъ есть парень изъ того мѣста, ему будетъ по дорогѣ.

Я согласился. Позвали парня; онъ взялъ мои вещи и пошелъ впередъ, я простился съ Рако и съ хозяиномъ и отправился въ путь; но едва отошелъ отъ постоялаго двора, какъ меня догналъ туземецъ, сидѣвшій въ горницѣ и молчавшій во все время моего разговора съ Кметомъ.

— Гдѣ ты будешь ночевать? спросилъ онъ.

— Не знаю.

— Не ты ли жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ Бани?

— Да, я тамъ жить.

— И далъ обѣщаніе Булюбашѣ и баряктару немедленно оттуда выѣхать.

— Да, но я не могъ этого сдѣлать по тому, что меня задержали кое-какія дѣла. Почему ты это знаешь?

— Одинъ человѣкъ послалъ меня слѣдить, что съ тобой будетъ на Увацѣ. Вчера тебя ждали въ Прибоѣ шесть человѣкъ сейменовъ, но какъ ты не пришелъ туда на другой день, они ночевали въ Рачѣ, караулили тебя нынче на мосту цѣлый день и спрятались, когда войско переходило черезъ мостъ. Берегись попасть въ ихъ руки; они, какъ видно, очень злы на тебя.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Пойдемъ по этимъ горамъ и проберемся черезъ Сербскую межу. Тамъ тебѣ бояться нечего, земля свободная—не то, что здѣсь.

— Мнѣ надо зайти въ ханъ, а завтра я отправлюсь въ Сараево.

— Ну какъ знаешь, такъ и дѣлай. Я предупредилъ тебя объ опасности и проводилъ бы ночью въ Сербію. Ты не хочешь, такъ прощай, и незнакомецъ пошелъ назадъ въ корчму.

Я бы, конечно, согласился на его предложеніе, но оно было какъ-то загадочно, по тому что онъ не хотѣлъ сказать, кто его подослалъ, и я боялся, не скрывалась ли тутъ Турецкая ловушка. Итакъ мы простились.

Парень съ моими вещами ушелъ далеко, и я насилу догналъ его. Въ разговорѣ я не замѣтилъ какъ мы пришли къ другому постоялому двору. Уже стемнѣло; солдаты развели огни въ открытомъ полѣ; отовсюду раздавались звуки баладайки и военной музыки, пѣсни и оклики. Я вошелъ въ ханъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ одинъ изъ знакомыхъ мнѣ туземцевъ и, не говоря ни слова, поманилъ меня рукой. Я взялъ вещи и пошелъ за нимъ.

— Гдѣ ты былъ все это время? спросилъ онъ.

Я рассказалъ ему свои приключенія.

— Турки ждали тебя вчера въ Прибоѣ, а сегодня на мосту; они гдѣ ни будь тутъ ночуютъ и злятся на тебя за то, что ты обманулъ ихъ и не пришелъ въ Прибой.

— Я не виноватъ, что по дѣлу остался лишній день въ монастырѣ.

— Ты куда же теперь идешь?

— И самъ не знаю; у меня осталось только три гроша (15 к. сер.), съ ними далеко не дойдешь.

— А сколько тебѣ выдали въ Сербіи денегъ на дорогу? ...

— Около 9 тадеровъ (10 р. 60 к.) Я истратилъ изъ нихъ по-

ловяну еще въ Бѣлградѣ, по тому что купилъ кой-какія книги и нуж- ные мнѣ вещи, а на остальные странствую; думалъ остаться въ Ба- нѣ учить дѣтей и то не удалось. Турки преслѣдуютъ. Деньги, какъ видишь, я все истратилъ и теперь не знаю, что дѣлать.

— Иди обратно въ Сербію, пока твоя голова на плечахъ. Теперь не время думать объ учительствѣ. Турки, пожалуй, тебя схватятъ и засадятъ въ темницу или убьютъ; они не даромъ тебя поджидаютъ.

— Какъ же бы мнѣ уйти скорѣе въ Сербію? Я не знаю отсюда дороги. Нѣтъ ли у тебя кого ни будь провести меня до Сербской ме- жи, а тамъ я одинъ пойду до Сербскаго караула; мнѣ бояться не чего, у меня Сербскій паспортъ.

— Можно найти проводника, сказалъ туземецъ,—да дѣло въ томъ, какъ бы не наткнуться на Турокъ. Тогда неминуемая смерть вамъ обоимъ.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

— А вотъ что. Пойдемъ отсюда къ моему знакомому, тамъ мы переночуемъ, а завтра рано отправимъ тебя съ кѣмъ ни будь до Серб- ской межи. Ты перейдешь за удуть и опасность кончится.

— А если Турки тамъ ночуютъ?

— Нѣтъ, они гдѣ ни будь едѣсь въ Штербцахъ, а мы поѣдемъ дальше.

Туземецъ сѣлъ на коня: его товарищъ, не входившій въ горни- цу, отдалъ мнѣ свою лошадь, а самъ пошелъ впередъ. Черезъ полто- ра часа мы пріѣхали въ назначенное мѣсто.

— Собаки съ громкимъ лаемъ бросились на насъ, но вышедшія изъ дому женщины съ зажженной лучиной отогнали ихъ, и мы спо- койно подѣзжали къ самому жилью, какъ вдругъ послышался стукъ оружія и кто-то закричалъ «Кто идетъ?»

— Свои, отвѣчалъ онъ,—не бойтесь! и назвалъ себя по имени. Мы сошли съ коней.

Хозяинъ дома привѣтствовалъ насъ; я уже считалъ себя въ безопасности; но видно еще не кончился срокъ моего испытанія. Къ намъ неожиданно подошли три Турка и обратились ко мнѣ:

— Куда отправляешься? Въ Шумадію вмѣсто Сараева? Это развѣ по дорогѣ?

«Плохо» подумалъ я, но внезапно блеснула въ головѣ мысль, и я спокойно отвѣчалъ:

— Я и не думаю ѣхать въ Шумадію, но мнѣ долженъ одинъ че- ловѣкъ въ Бѣлградѣ и выслалъ деньги въ Карантинъ. Я иду ихъ по- лучать, а завтра черезъ Вышеградъ отправлюсь прямо въ Сараево.

— Мы тоже идемъ въ Вышеградъ; значить, пойдемъ вмѣстѣ.

— Хорошо.

— А много ли тебѣ выслали денегъ изъ Бѣлграда?

— Не знаю, завтра увижу. Думаю, не мѣнѣе 100 цванциковъ (20 р. с.), а можетъ быть и больше.

Турки отошли въ сторону и начали что-то говорить потихоньку. Тѣмъ временемъ мой знакомецъ сказалъ хозяину дома шепотомъ:

— Скажи-ка, братъ, этимъ гостямъ, что ты слышалъ отъ меня будто хайдукъ Варница съ своей дружиной перешелъ нынче вечеромъ изъ Герцеговины рѣку Лимъ въ Старый Влахъ и, пожалуй, явится ночью въ сѣвнней сторонѣ и сдѣлаетъ на нихъ нападеніе.

Хозяинъ тотчасъ же сообщилъ эту новость Туркамъ и прибавилъ, что хайдуки захватили какого-то Турка и силой заставили указывать имъ дорогу. Храбрцы сильно струсили. Какъ нарочно въ это время собаки громко лаяли въ другой сторонѣ. Надо было видѣть ужасъ моихъ преслѣдователей. Они вбѣжали въ домъ, заперлись изнутри и погасили огонь.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ Кметъ сосѣдняго села и громко спросилъ хозяина:

— У тебя ночуютъ Турки въ домѣ?

— Зачѣмъ тебѣ знать?

— Чтобъ не вышло съ ними какой бѣды. Я слышалъ хайдуки нынче вечеромъ переправились черезъ Лимъ въ нашу сторону. Вотъ я и пошелъ отыскивать баряктара и его дружину, предупредить ихъ объ опасности.

— Говори тише, сказалъ хозяинъ, вѣдь кто куда ходитъ, а Турки дѣйствительно ночуютъ у меня.

Во все время разговора, незванные постояльцы молчали, притаившись словно мертвые.

Мы развели огонь недалеко отъ дома и расположились вокругъ него поужинать. Послѣ ужина мы тутъ же легли спать; оба знаконца положили меня посрединѣ, но хозяинъ не спалъ, я тоже придумывалъ какъ бы мнѣ счастливѣе выбратся изъ Турціи и чѣмъ кончится надзоръ глуныхъ Турокъ, которымъ я не сдѣлалъ никакого зла.

Но вотъ занялась предразсвѣтная заря; по дворамъ заплѣли пѣтухи. Встали домашніе, поднялись и Турки, вышли изъ своихъ затворовъ и потребовали ѣсть. Хозяйка поспѣшила накормить незваныхъ гостей и стала готовить прежде для нихъ скоромное на таганѣ. Это было въ среду. Когда насытились сеймены, то начали собираться въ путь и взяли съ меня честное слово что я приду, взва-

лили на плеча свои длинные ружья и ушли. Я тотчас же взял листъ бумаги и карандашъ и написалъ къ самому себѣ письмо будто отъ Милана Лекича, чиновника Мокрогорскаго Карантина, что мнѣ выслали деньги изъ Бѣлграда въ уплату долга и чтобъ я лично явился за ихъ получениемъ. Когда я кончилъ свое письмо мы сѣли обѣдать; вдругъ на разстояніи довольно дальнемъ послышался голосъ, окликавшій нашего хозяина, тотъ всталъ и откликнулся. Вслѣдъ за тѣмъ начался тамъ разговоръ: «Ушолъ ли тотъ человекъ, который ночевалъ у тебя?» — «Нѣтъ! Пойдетъ послѣ обѣда?» — «Скажи ему, чтобъ шелъ на постоянный дворъ въ Вардыштѣ: такъ молъ баряктаръ приказалъ.» — «Слышу, слышу!»

Послѣ обѣда я простился съ знакомымъ туземцемъ, съ хозяиномъ и прочими лицами и поблагодарилъ ихъ за братскую любовь и радушный приѣмъ.

— Берегись возвращаться сюда опять, говорили они, — если Богъ поможетъ тебѣ сегодня благополучно перейти въ Сербію; наше житье плохо. Ты надѣялся на Сербскій паспортъ, но онъ ничего не значить въ глазахъ Турокъ, даже, пожалуй, еще хуже будетъ тому, у кого онъ окажется. Предостереги и другихъ, которые пожелаютъ ити сюда съ учительскою цѣлью и понадѣются на Сербскій паспортъ: они неминуемо погибнутъ. При настоящихъ безпорядкахъ въ нашей землѣ, не своевременно искать учительскаго мѣста.

Окончивъ дорожные сборы и выпросивъ у хозяина мальчика, который бы донесъ мои вещи, я отправился въ дорогу, не зная самъ что со мною будетъ. Черезъ часъ ходьбы, мы подошли къ первой рѣчкѣ Бѣлый Рзавъ, которую надо было переходить въ бродъ.

Мальчикъ положилъ мой багажъ на берегъ и сказалъ:

— Мнѣ не велѣно ити дальше, возьми твои вещи!

Я далъ ему за труды изъ оставшихся у меня 15 к., и онъ ушелъ.

Между тѣмъ надо было поискать броду; рѣчка отъ сильныхъ дождей очень разлилась. Я положилъ свой узелъ въ большой мѣшокъ, снялъ сапоги и пошелъ въ воду. Къ счастію она въ этомъ мѣстѣ была не очень глубока, и я безъ труда перешелъ ее.

Отдохнувъ немного, я пошелъ дальше къ другой рѣчкѣ Черный Рзавъ, которая пониже дороги сливается съ первой. Черезъ послѣднюю были переброшены лавы изъ двухъ большихъ бревенъ. Я порядочно нагрѣлся и усталъ, сѣлъ опять подлѣ дороги, вынулъ трубку и закурилъ. Недалеко отъ меня на горѣ красовался постоянный дворъ, тотъ самый, въ которомъ меня экзаменовали безграмотные Мухамедане въ первый день моего выхода изъ Сербіи. До меня доносились ружей-

ные выстрѣлы: блюстители порядка упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Раздумывая о своемъ незавидномъ положеніи, я увидалъ молодую женщину, пробиравшуюся около забора украдкой къ мосту. Когда она подошла поближе, я обликнулъ ее: «ей! снашо!» Она остановилась, и я спросилъ ее куда она идетъ.

— У родъ (къ роднымъ), отвѣчала она.

— Кто у тебя родные?

— Мать и братъ.

— А ты сама гдѣ живешь?

— Въ Сербіи, отсюда недалеко, въ селѣ Заовынахъ.

— Ты изъ чьего семейства?

— Женщина назвала своего отца.

— Не видала ли ты кто около хана?

— Какіе-то Турки стрѣляютъ въ цѣль.

— А много ихъ тамъ?

— Не знаю, мнѣ некогда было ихъ разсматривать; я сиѣшу поскорѣй пробраться, чтобъ они меня не замѣтили.

— Хотѣлъ бы и я также незамѣтно пройти, да не знаю какъ?

— Ты не заходи въ ханъ, а держись прямо по забору. Ты вѣрно въ Карантинъ?

— Да, мнѣ туда нужно зайти.

Молодая женщина успѣшно перешла мостъ, но не направилась по дорогѣ, а повернула на лѣво въ гористое мѣсто. Я всталъ и пошелъ къ постоялому двору, думая не пробраться ли мнѣ потихоньку, такъ чтобы не замѣтили Турки. А что если увидятъ, тогда будетъ хуже. Ничего, попробую; и я, постоявъ по правую сторону хана, рѣшился ити впередъ. Но едва я вышелъ изъ-за стѣны, какъ услышалъ крикъ:

— Эй! эй! стой! воротись назадъ!

Я остановился.

— Назадъ воротись, назадъ! кричали два вооруженные Турка, идя прямо ко мнѣ.

Я вернулся, бросилъ свои вещи на земь и притворился будто очень доволенъ встрѣчѣ съ ними. Турокъ, взойдя на гору, сказалъ другому:

— Божья помощь, баряктаръ!

— Богъ добро дало! отвѣтилъ тотъ, и не сталъ больше говорить, а выпускалъ огромные клубы дыма изо рта и носа, потомъ вдругъ спросилъ меня:

— Какъ же ты сказалъ намъ, что пойдешь въ Сараево, а идешь, какъ кажется, въ Шумадію? Мы люди Царскіе, должны слѣдить за

всѣмъ, что дѣлается въ Царской землѣ и кто куда ходитъ. Мы за то ѣдимъ Царскій хлѣбъ. Понялъ что я тебѣ говорю?

— Какъ же не понять? Кто не знаетъ, что одинъ Богъ на небѣ, а другой на землѣ—Царь Мусульманскій. Это такъ, и здравомыслящій человѣкъ долженъ этому вѣрить.

Глупый Мухамеданинъ, проникнутый закоренѣлымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ, остался доволенъ моимъ отвѣтомъ. Чтобъ поддержать его доброе настроеніе духа, я велѣлъ хозяину хана подать каждому по чашкѣ кофе. Турокъ опять обратился ко мнѣ съ вопросомъ: куда я намѣренъ ити—въ Сараево или въ Шумадію.

Видя недоувѣрчивость Турокъ, я сталъ порицать Сербскіе порядки и перениманіе чужихъ обычаевъ, и сказалъ, что для меня лучше жить въ Великомъ Царствѣ Оттоманскомъ, нежели въ такомъ маленькомъ Княжествѣ, гдѣ все дѣлается на Швабскій (Европейскій) манеръ.

— Лишь бы только мнѣ развязаться съ этими людьми, прибавилъ я,—и получить поскорѣе свои деньги.

— Отъ кого же ты ихъ получишь на Карантинѣ? спросилъ онъ.

— Чрезъ Милана Лекича, къ которому выслалъ мой должникъ.

— Да ты какъ знаешь, что твои деньги у Лекича?

— Онъ мнѣ прислалъ письмо съ какимъ-то человѣкомъ въ то время, когда я уже вышелъ изъ монастыря.

— Покажи письмо.

Я подалъ приготовленную заранѣе записку. Онъ вертѣлъ ея со всѣхъ сторонъ, но не могъ добратся толку и велѣлъ мнѣ самому прочесть. Я показалъ видъ, что съ трудомъ разбираю полу-сербскія, полу-латинскія буквы.

— Много-ли тебѣ слѣдуетъ получить денегъ?

— Порядочно, около сотни цванциковъ.

— Пошли кого нибудь за ними.

— Нельзя, сербскіе сумашедшіе чиновники не выдадутъ никому кромѣ меня, а мнѣ не хочется дѣлать лишній кругъ, такъ какъ мнѣ придется еще много ити до Сараева.

Въ корчмѣ сидѣлъ еще одинъ туземный Сербъ. Турки спросили его: выдадутъ ли кому изъ нихъ деньги.

Тотъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Не знаю; можетъ быть вамъ и выдадутъ, а намъ всегда отказывали и говорили, чтобъ мы сами приходили за полученіемъ своихъ денегъ, и приводили одного или двоихъ свѣдоковъ (свидѣтелей), которые были бы знакомы Карантиннымъ чиновникамъ и поручились за лице, получающее деньги или вещи изъ Шумадіи.

Туркамъ не очень хотѣлось, чтобъ я шелъ за деньгами въ Карантинъ, а между тѣмъ время уходило и надо было на что ни будь рѣшиться. Поговоривъ по-арнаутски съ своими товарищами, старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ что. Оставь здѣсь свои вещи и паспортъ, а самъ ступай въ Карантинъ. Когда получишь деньги, приходи сюда обратно и мы проводимъ тебя до Вышеграда, а оттуда въ Сараево или куда еще подальше.

Селякъ, бывший въ корчмѣ, дѣлалъ мнѣ знаки глазами, чтобъ я не возвращался.

Показывая видъ, что соглашаюсь, я отвѣчалъ:

— Это все очень хорошо, но только я боюсь, что безъ паспорта и вещей, которыя всѣ записаны на Карантинъ, не повѣрятъ моей личности и не выдадутъ денегъ.

— Неправда, ты хочешь улизнуть въ Шумадию.

— Какой вздоръ! я на всегда ушелъ оттуда; а если ты мнѣ не вѣришь, то пошли со мной кого ни будь изъ своей дружины.

Турокъ сомнительно покачалъ головой и приказалъ одному семейному ити со мной и прибавилъ, чтобы мы поскорѣй возвратились назадъ. Я взялъ свой багажъ и паспортъ и пошелъ впередъ, а вооруженный Турокъ, съ длиннымъ ружьемъ на плечѣ, слѣдовалъ за мной. Разговаривая дорогой, мы прошли поле и вошли въ небольшой лѣсокъ. Сеймень сказалъ мнѣ:

— Ступай потихоньку, я тебя догоню!

Само Провидѣніе указывало мнѣ путь спасенія. Не чувствуя тяжести багажа и не помня себя отъ страха и радости, я бросился стремглавъ къ горѣ, на которой былъ расположенъ сербскій караулъ. Добѣжавъ до воротъ на самой Сербской межѣ, я просунулъ руку и отворилъ ихъ. Часовой, ходившій взадъ и впередъ, закричалъ:

— Стой, стой!

Я крикнулъ, чтобъ онъ замолчалъ, сбросилъ свои вещи на сербскую территорию и, обратясь къ догонявшему меня Турку, объявилъ, что не пойду больше назадъ.

Чудно было мое спасеніе, такъ-сказать, изъ подъ дула турецкаго ружья! Легко и свободно вздохнулъ я полною грудью! Я взглянулъ на собравшихся вокругъ меня людей, и первое лицо, бросившееся мнѣ въ глаза, былъ мой дядя, начальникъ сторожевой дружины. Радостна была первая минута нашего свиданія! ему не вѣрилось, что я живъ, по тому что давно носился слухъ, что убить Турками. Онъ тотъ часъ же угостилъ меня краснымъ виномъ, и послѣ краткаго отдыха, повелъ

въ Карантинъ, гдѣ жила его жена на квартирѣ. Едва мы вошли въ палаторію, какъ на встрѣчу намъ выбѣжали служившіе тутъ чиновники Миле Лекичъ, Живко Јовановичъ и другіе ихъ товарищи. Какъ искренно они обнимали меня и радовались, что я живъ и возвратился въ Сербію; съ какимъ радушіемъ угощали кофеемъ и винограднымъ виномъ! Меня закидали разными вопросами и я едва успѣвалъ отвѣчать. Болѣе всего интересовались положеніемъ Сербскаго народа въ Турціи. Будучи въ безопасности, я не стѣснялся въ своихъ разсказахъ о глупости и жестокости Турецкихъ администраторовъ. Мнѣ также сообщили много новостей, и я между прочимъ узналъ, что Сербскій народъ требуетъ скупщины и даже грозитъ, въ случаѣ отказа, собраться самому для изслѣдованія вражды между Княземъ и его Совѣтниками, которые призываютъ Турокъ въ Сербію и дѣлаютъ ихъ судьями своей распри.

Въ этотъ вечеръ я познакомился съ начальникомъ Карантина Моновичемъ. О немъ всѣ очень хорошо отзывались, и я дѣйствительно нашелъ въ немъ человѣка умнаго, серьезнаго и крайне осторожнаго въ словахъ.

Разговаривая съ чиновниками и съ нѣкоторыми пандурами, я замѣтилъ сдержанное неудовольствіе противъ Бѣлградскаго правительства и какую-то нерѣшительность въ словахъ. Очевидно, они остерегались шпионства, которое тогда было въ сильномъ ходу.

Наша бесѣда продолжалась далеко за полночь. Наконецъ усталость и дремота привели меня въ такое положеніе, что я уже не могъ болѣе поддерживать разговоръ; я легъ и заснулъ богатырскимъ сномъ, забывъ и Турокъ, и грозившую мнѣ за нѣсколько часовъ смерть.

На другой день мои друзья и дядя съ теткой угощали меня всѣмъ что было у нихъ лучшаго. Послѣ всѣхъ необыкновенныхъ событій, случившихся со мной въ Турціи, мнѣ не вѣрилось, что я нахожусь внѣ опасности. Мнѣ все чудились еще сеймены, суваріи и грозный Нововарошскій Муديرъ.

Мила Лекичъ и Живко Јовановичъ много поразсказали мнѣ наединѣ о тревожномъ состояніи Княжества.

— Знаешь ли, говорилъ Живко, — старый Князь Милошъ опять скоро возвратится въ Сербію, а то ей не слобровать. Карагеоргіевичъ только Князь по имени, Вучичъ и другіе Совѣтники не имѣютъ къ нему никакого уваженія, ссорятся съ нимъ, выставляя на видъ какой-то 17-й пунктъ Султанскаго фирмана, и для поддержанія своихъ мнимыхъ правъ, вызываютъ изъ Константинополя Турокъ. Народъ все это видитъ и приходитъ въ волненіе. Старый чича (дядя) Милошъ

одинъ только можетъ поправить этотъ безпорядокъ; при немъ тутъ не посмѣютъ бросить въ грязь Сербскій паспортъ и плевать на Крестъ; онъ заставитъ ихъ своимъ оружіемъ уважать и то и другое. Нынѣшнее правительство умѣетъ только набивать деньгами свои карманы и украшаться Турецкими и иностранными орденами; а наши лучшіе люди, Кметы и Попы, смотрятъ на ихъ продѣлки, какъ на измѣну отечеству. Дождутся они, проклятые сыны, что народъ самъ соберетъ скупщину.

— Развѣ посмѣютъ собраться безъ согласія Князя и Правительства?

— Конечно. Люди вооружатся и потребуютъ во первыхъ объясненія распри между ними, а потомъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ и правленіи; повѣрятъ также и народную кассу и спросятъ на чей счетъ они приглашаютъ Турецкихъ комиссаровъ и этимъ улаживаютъ ихъ дразги, вмѣсто того, чтобъ употреблять деньги на образованіе своего народа и на помощь нашимъ страждущимъ братьямъ въ Турціи. Князь старается утвердить престолъ за своимъ потомствомъ, а Совѣтники хотятъ сохранить во всей силѣ 17-ю статью Султанскаго берата, который ограждаетъ ихъ отъ наказанія безъ разрѣшенія Султана.

— Какую же пользу принесетъ народная скупщина, когда Правительство менѣе всего думаетъ о народѣ?

— Народъ выгонитъ всѣхъ Совѣтниковъ, которые придерживаются то Турціи, то Австріи, то Россіи и своевольничаютъ подъ защитой иностранныхъ консуловъ; Князя лишатъ престола и выберутъ другаго правителя.

— Кого же ты думаешь?

— Разумѣется, или стараго Милоша, или сына его, молодого князя Михаила. Одни только Обреновичи могутъ возстановить порядокъ въ Сербіи и честными людьми замѣнить подлецовъ. У насъ въ настоящее время служебныя мѣста даются не по способностямъ, а по родственнымъ связямъ и по знакомству. Иной, имѣя родственника въ Совѣтѣ или при Княжескомъ Дворѣ, получаетъ высшую должность въ Государствѣ; другой старается жениться на дочери Совѣтника или какого начальника и надѣется получить за ней въ приданое хорошее мѣсто, а бѣднякъ, будь онъ способнѣйшій человѣкъ, останется въ тѣни, безъ службы. Кромѣ искорененія всѣхъ этѣхъ неправдъ, на Милошѣ лежитъ обязанность исправить свою прежнюю ошибку къ Княжеству: необходимо, чтобы тѣ мѣстности, до которыхъ доходилъ Карагеоргій съ войскомъ и которыя облиты были народною кровью, вошли въ составъ Сербскаго Государства. Онъ долженъ очистить отъ Турокъ всѣ

крѣпости нашей Княжевины. Богъ милостивъ, мы скоро этого дождемся.

— А какъ скоро?

— Въ нынѣшнемъ году непременно произойдетъ переворотъ; дѣла не могутъ оставаться въ такомъ плачевномъ положеніи.

За завтракомъ и за обѣдомъ Миланъ Лекичъ разсказалъ мнѣ какъ мало значенія имѣютъ Сербскіе паспорта въ Турціи, и какъ отъ этого страдаютъ интересы Сербскихъ купцовъ и самаго Государства, тогда какъ высшія власти въ Бѣлградѣ не обращаютъ на это ни какого вниманія.

— Въ прошломъ году, сказалъ онъ, — побѣжалъ я на богомолье въ монастырь Баню и нашелъ тамъ много людей изъ нашей стороны. Случилооь, что за одного нашего Серба сосватали туземную дѣвицу. Турки, узнавъ объ этомъ, схватили его, погнали въ Новую Варошъ и засадили въ тюрьму. Я, какъ сербскій чиновникъ, тотъ часъ же отправился къ Мудиру, потребовалъ освобожденія нашего Серба и объяснилъ ему, что въ брачныя дѣла никто не имѣетъ права вмѣшиваться, если женихъ и невѣста одной вѣры. Нѣсколько дней тянулись эти переговоры, родные истратили много денегъ и едва-едва избавили человѣка отъ бѣды. Такіе случаи бывають часто, но Бѣлградскія власти остаются равнодушны къ оскорбленію нашего народа и заботятся только о пышныхъ встрѣчахъ Турецкихъ пашей.

Послѣ обѣда мы пошли погулять и направились къ перегородкѣ Карантина. Шесть вооруженныхъ Турокъ шли къ намъ на встрѣчу; съ ними былъ и ихъ начальникъ. Они призвали Божію помощь, мы имъ отвѣтили тѣмъ же и сѣли на лавкахъ по ту и по сю сторону раздѣлявшаго насъ забора. Турецкій начальникъ съ видомъ упрека спросилъ меня:

— Такъ-то ты держишь свое слово? Хотѣлъ ити въ Сараево, а возвратился въ Шумадію?

— Что же дѣлать, отвѣчалъ я, — когда вы всѣ, суварии и запіи, подозреваете насъ въ чемъ-то и преслѣдуете когда мы пріѣзжаемъ въ Турцію.

— А я тебѣ скажу одно, что если бы ты вчера не ушелъ сюда двумя часами раньше, тебѣ не миновать бы Сараева. Въ Босніи возстала райя противъ Турокъ, и мы получили вчера приказъ ловить всѣхъ пріѣзжихъ изъ Сербіи и посылать въ Сараево, а тамъ какъ знаютъ такъ пусть и поступаютъ съ ними. Наше дѣло исполнять приказаніе начальства. Я нахожусь на этой службѣ и не только тебѣ или кого другаго отведу куда назначать, — отца, брата роднаго представляю;

я за то получаю жалованье; велать, такъ и голову сниму. Вотъ что теперь у насъ дѣлается!

— Но какое право имѣете вы, Турки, перебилъ его одинъ изъ нашихъ, — обижать людей, которые ѣздятъ по дѣламъ въ вашу землю съ нашими паспортами? Вы можете препровождать ихъ къ нашимъ властямъ, къ нашему суду, а не сажать ихъ въ темницы и убивать. Такое нарушеніе народныхъ правъ не можетъ быть долго терпимо, и между нами можетъ выйти большая непріятность. Мы пожалуй наши шапки смѣшаемъ (подеремся), тогда чья возьметъ увидимъ. Такъ ли мы поступаемъ съ вашими людьми, которые свободно разъѣзжаютъ по Сербіи, и никто ихъ пальцемъ не тронетъ?

— Мы это очень хорошо знаемъ, Миле, отвѣчалъ Турокъ, — и ни въ чемъ не виноваты. Мы должны исполнять приказаніе старшихъ. Намъ скажутъ: убей! и мы повинемся противъ воли, по тому что находимся на службѣ, отъ которой живемъ и хлѣбъ ѣдимъ. Ты знаешь пословицу нашего народа обоихъ законовъ: «При своей головѣ и своего отца по головѣ.» А ты счастливъ, продолжалъ онъ обращаясь ко мнѣ, — что во время ушелъ сюда! Не возвращайся опять въ нашу сторону пока не утихнутъ всѣ эти смуты, а если и пріѣдешь когда въ Турецкую землю, то ступай въ другое мѣсто, гдѣ тебя никто не знаетъ.

Отъ радости, что такъ счастливо кончились всѣ мои бѣды, я угостилъ Турокъ кофеемъ. Они купили табакъ и нѣсколько дюжинъ пороховыхъ патротовъ и ушли обратно за Сербскую границу.

IX.

Вскорѣ послѣ ухода Турокъ, раздался почтовой свистокъ. Прибывшая изъ Бѣлграда почта привезла газеты, письма и много новостей. Самое важное было то, что Турки порядочно взбили Англійскаго Генеральнаго Консула, такъ что Сербское Правительство поставило караулъ для охраненія Консульскаго помѣщенія. Въ то же время я прочелъ въ газетахъ, что въ Боснѣ, а именно въ Посавиѣ, произошла схватка между туземными Христіянами и Мухамеданами, и что Турецкое Правительство послало туда своихъ комиссаровъ и войско для усмиренія Христіанъ, и что въ Сербіи начали поговаривать о скупщинѣ для обсужденія разныхъ вопросовъ по дѣламъ правленія.

Мнѣ хотѣлось поскорѣй въ Бѣлградъ, и я въ тотъ же вечеръ приступилъ къ дорожнымъ сборамъ, но Миланъ Лекичъ посовѣтовалъ мнѣ подождать еще дня два, чтобъ отправиться вмѣстѣ до се-

ла Шливовицы. Я согласился на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что отъ этого мѣста было не далеко до города Ужицы. Я употребилъ эти два дня на изученіе мѣстной жизни и сдѣшнихъ обычаевъ. Два раза въ недѣлю бывалъ сдѣсь базаръ около Карантина, и торговля происходила черезъ Карантинный заборъ. Покупатели были большею частію изъ Турціи, а продавцы изъ Княжества Сербіи, откуда они привозили на продажу кукурузу, муку, красное вино, водку, соль, кожу и пр. Платежи не всегда производились на деньги; у иныхъ не было наличной суммы и потому, уговорившись въ цѣнѣ, отдавали половину, а долгъ обязывались уплатить до слѣдующаго базарнаго дня. Знакомые продавцы и покупатели издавна ведутъ такіе обороты на честномъ словѣ, а не знакомые обыкновенно ищутъ, кто бы поручился за нихъ передъ продавцемъ. Въ этихъ случаяхъ Миланъ Лекичъ всегда служилъ посредникомъ и порукой между Турецкими Сербами и жителями Княжества. Онъ находился на Карантинной службѣ чуть ли не со времени размежеванія границъ между Сербіей и Турціей и пользовался извѣстностію самаго честнаго человѣка. Къ нему постоянно обращались за совѣтомъ и онъ всегда съ готовностію давалъ отвѣты и объясненія, какъ будто это нисколько не затрудняло его служебныхъ обязанностей.

Срочными днями для уплаты долговъ обыкновенно назначались дни св. Пророка Іліи и Успенія Божіей Матери. Счеты велись также на рабошъ (бирку). Это было нѣчто въ родѣ палки, на которой нарѣзывалось сколько отдано денегъ и сколько оставалось долгу. Когда счетъ былъ нарѣзанъ сполна, бирку раскалывали такъ, что нарѣзки приходились на обѣихъ половинкахъ, изъ коихъ одна оставалась у вѣрителя, а другая у должника. Въ срокъ, опредѣленный для платежа, тотъ и другой приносили каждый свою часть бирки, складывали ихъ вмѣстѣ и когда на нихъ было одинаковое число нарѣзокъ, тогда приступали къ расчету; всякая поправка, почитка или лишній знакъ на одной изъ половинокъ бирки, дѣлали ее недействительною. Должникъ, потерявшій половинку бирки, обязывался уплатить сполна свой долгъ по сохранившейся другой половинкѣ. Такого рода счета имѣли важное значеніе не только у поселянъ, но и въ городахъ, и рабоши считались настоящими документами на мировыхъ судахъ и въ полиціи. Въ самомъ Бѣлградѣ хлѣбники и лодочники употребляли въ своихъ оборотахъ бирочной счетъ. Говорили: «сдѣлаемъ рабошъ для памяти и чести; ни мнѣ, ни тебѣ не тяжело его носить.» Замѣчательно, что торговцы вѣрили честному слову и рабошѣ, продавали въ долгъ свой товаръ покупателямъ изъ Герцеговины, Босны, Старога Влаха

и изъ другихъ дальнихъ Сербскихъ мѣстностей за поручительствомъ Лекича, или кого другаго, въ томъ, что должникъ дѣйствительно хорошій, честный человекъ. Такой патриархальный обычай велся издавна по всей линіи Сербскихъ Карантиновъ безъ различія въ роисповѣданіи между Христіанами и Мухамеданами.

Во время своего пребыванія на Карантинѣ, видѣлъ я, по окончаніи базара, трогательное прощаніе Сербовъ съ своими родными и знакомыми, находившимися подъ властію Турокъ; они плакали и угаривались о новомъ свиданіи. Вообще, какъ я замѣтилъ, пограничные Карантинные чиновники и пандуры (стражники), принадлежавшіе большею частію къ семействамъ сельскаго сословія, не были такъ грубы и суровы, какъ ихъ городскіе товарищи, особенно Капетаны, которые держали себя гордо и любили показать свою власть надъ простыми людьми. За то городское купечество въ Княжествѣ, по своему національному характеру, стояло выше и было честнѣе купческаго сословія въ Турціи.

Скоро и незамѣтно прошелъ для меня срокъ моего пребыванія въ Карантинѣ. Въ назначенный день я отправился въ путь съ Лекичемъ. Живко Ювановичъ и дядя провожали насъ довольно далеко. Простившись съ ними, мы продолжали нашъ путь до перваго постоялаго двора; сдѣсь отдохнули и пошли далѣе. Вскорѣ предъ нами раскинулась чрезвычайно живописная мѣстность. По обѣимъ сторонамъ вымощенной дороги возвышались каменистыя горы, поросшія темно-зелеными кедрами и устланныя яркою густою травой. Въ воздухѣ разносился свѣжій запахъ душистыхъ цвѣтовъ и кедровой смолы; птички весело распѣвали различными голосами и слышалось журчанье родниковъ, струившихся по каменистымъ бокамъ горъ. Лекичъ запасся добрымъ конемъ и потому мы попеременно то шли, то ѣхали верхомъ по тѣнистой долинѣ и, не замѣтно подымаясь все выше и выше, взобрались наконецъ на вершину планины Шарганъ. Тутъ Миланъ разсказалъ мнѣ какъ хайдуки напали однажды на облаву, устроенную начальникомъ Ужицкаго округа, и гнали ее до самой подошвы горы.

— Давно ли это было? спросилъ я.

— Порядочно. Въ то время Ужицкимъ Окружнымъ Начальникомъ былъ Мильцо Трифуновичъ. Онъ постоянно преслѣдовалъ хайдуковъ, но, главное, добирался до Павла Елисаевича; ему хотѣлось или убить его, или схватить живаго, чтобы выслужиться передъ Бѣлградскими властями, которыя по примѣру Турокъ желали, во что бы то ни стало, уничтожить этихъ защитниковъ народныхъ правъ, чтобъ забрать въ свои

руки всю власть и безнаказанно тѣснить селяковъ. Для этого собирали облаву и вооружали народъ. Когда Мильцо узналъ, что хайдуки на Шарганѣ, то вышелъ противъ нихъ съ Капетаномъ, пандурами и народомъ; хайдуки уже знали объ этой облавѣ и, ставъ за деревья, начали наводить ружья на народъ. Какъ только люди подошли поближе, они закричали имъ: «Назадъ, если вамъ не надобна жизнь!» Начальство шло позади селяковъ, которые показывали видъ будто исполняютъ его приказаніе и кричали хайдукамъ: «Сдавайтесь!» Тѣ до трехъ разъ повторили: «Назадъ!» и дружно открыли огонь противъ наступавшаго народа — разумѣется, стрѣляя на воздухъ. Между обими сторонами завязалась примѣрная битва, а начальство между тѣмъ все пряталось позади народа. Наконецъ хайдуки схватились за ножи и стремительно бросились впередъ. Народъ какъ будто въ безпорядкѣ обратился въ бѣгство, а начальники въ испугъ пустились улетывать безъ оглядки до самаго Карантина. Хайдуки погнались за ними и нѣкоторыхъ слегка царапнули ножемъ; но убитыхъ не было.

Мы съѣли немного отдохнуть на вершинѣ Шаргана. Недалеко отъ насъ, по правую сторону дороги, возвышался столбъ, на которомъ по срединѣ было надѣто колесо. Въ то время такіе столбы служили ставкой для убитыхъ хайдуковъ. Начальство думало страхомъ казни отбить у людей охоту заниматься хайдучествомъ. На такой же позоръ выставались и трупы казненныхъ преступниковъ. Страшное зловоніе, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, далеко разносилось въ воздухъ, по тому что сербскія власти для такихъ столбовъ выбирали возвышенныя мѣста и перекрестки дорогъ; люди, проходя мимо, затыкали носъ и проклинали безчеловѣчіе тѣхъ, кто выдумали такое наказаніе и ввели его въ Сербіи. Такими жестокими мѣрами надѣялись утрашить народъ и заставить его молчать передъ Княземъ, его родственниками и Совѣтниками, но гонимые бѣжали въ лѣса, дѣлались хайдуками и часто жестоко мстили своимъ притѣснителямъ. Я еще мальчикомъ видѣлъ въ Ужицѣ смертную казнь Георгія Милосавлевича. Несчастный молодой человекъ произвелъ кражу на небольшую сумму у Ужицкаго купца Ильи Неранджича. Казнь происходила въ южной части города, въ мѣстности, называемой Забучіе, по правую сторону дороги на разстояніи отъ нея 20 — 30 шаговъ. Связаннаго преступника повели изъ тюрьмы съ барабаннымъ боемъ; подлѣ него шелъ священникъ; его окружала вооруженная толпа пандуровъ. Придя на мѣсто казни, Милосавлевичъ сталъ молиться, хотѣлъ выпить краснаго вина, но не могъ; потомъ произнесъ небольшую рѣчь, къ народу: «Братья! берегитесь того, что я сдѣлалъ по своей глупости и молодости. Я польстился на чужія день-

ги, взявъ ихъ немного, а теперь мнѣ ни чего не нужно; ни денегъ, ни молодости: я умираю! вотъ мой вѣчный домъ! вотъ мой бѣлый свѣтъ!» И, указывая на приготовленный точакъ или столбъ, прибавилъ: «Простите меня, братья.» Народъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ ему: «Богъ тебя проститъ, какъ и мы все тебя прощаемъ!» Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но священникъ сталъ читать «Отче нашъ.» На концѣ молитвы начальникъ пандуровъ махнулъ бѣлымъ платкомъ, послѣдовалъ залпъ изъ ружей въ спину и затылокъ, и преступникъ, облитый кровью, упалъ на земь бокомъ. Тогда приведенные арестанты начали поднимать тѣло убитаго на колесо и привязывать его къ столбу. Ноги свисли съ одной стороны колеса, а голова моталась на другой. Трупъ оставался въ такомъ положеніи, пока не сгнила на немъ одежда; тѣло разлагалось и падало кусками, а около столба во множествѣ летали вороны и стаями садились на трупъ. Народъ жалѣлъ страшной участи несчастнаго молодого человѣка, за малую кражу не только осужденнаго на жестокою казню, но даже лишеннаго могилы.

Съ такою же точно цѣлью подобный столбъ украшалъ и живописную возвышенность, которую пересѣкала ущелистая дорога на Мокрогорскій Карантинъ. Нельзя было обойти эту мѣстность, и позорный столбъ прежде всего бросался въ глаза пѣшеходамъ и верховымъ и поражалъ ихъ ужасомъ. И такихъ столбовъ было много по разнымъ мѣстамъ въ Княжествѣ. Народъ, конечно, боялся такой позорной смерти; но чѣмъ болѣе Бѣградскіе умники выдумывали строгіе законы, тѣмъ болѣе развивалось хайдучество, и люди предпочитали лучше удаляться въ лѣса, нежели повиноваться всякому сброду Бѣградскихъ казармъ. Въ то время многіе глѣптія и негодные люди оставляли свои занятія и ремесла и, не зная даже грамоты, добровольно поступали въ войско, а потомъ, черезъ родство или знакомство съ какимъ нибудь Бѣградскимъ тузомъ, производились въ Офицеры, Капетаны и Окружные Начальники смотря по силѣ протекціи. И таковыя-то люди составляли начальство и управляли порядкомъ вкривь и вкось.

Разговорясь съ Лекичемъ о такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ, я узналъ, что въ Сербіи довольно образованныхъ и честныхъ людей, которые видятъ все это зло и стремятся положить ему конецъ чрезъ созваніе народной скупщины, чтобы разъ на всегда ограничить произволъ родства и знакомства и открыть каждому честному Сербу свободный доступъ къ высшимъ должностямъ.

Вечеромъ этого дня мы пришли въ село Шлиовицу и ночевали у одного поселянина. Сдѣсь я простился съ добрымъ Миланомъ Лекичемъ и

отправился далѣе, таща на себѣ свои вещи. За селомъ Качеръ меня догналъ верхомъ человекъ пожилыхъ лѣтъ; призвавъ по обычаю Божью помощь, онъ спросилъ меня, откуда я иду. Я вкратцѣ рассказалъ ему всѣ свои приключенія. Добрый селякъ предложилъ мнѣ положить свою ношу на его коня и поѣхалъ шагомъ. Дорогой онъ спрашивалъ меня, какъ живутъ Сербы въ Турціи? Я сообщилъ ему, что Турки наложили тяжелую подать на сербскій народъ.

— Мы всѣ знаемъ, говорилъ онъ, — какъ страдаетъ въ Турціи нашъ бѣдный народъ и по возможности помогаемъ ему своими крохами. Мы готовы умереть за общую свободу Сербскаго народа, но ничего ни подѣлаешь, когда наши Бѣградскіе господа думаютъ о другомъ.

— О дѣлахъ правленія, конечно.

— Какъ бы не такъ! Князь и Совѣтники ссорятся между собой и приводятъ изъ Стамбула Турокъ, чтобъ разсудить ихъ распрю, а между тѣмъ для ихъ пріѣзда и содержанія тратятъ наши деньги. Имъ въ голову не приходитъ, что народъ, выведенный изъ терпѣнія, соберетъ скупщину.

— Что сдѣлаетъ народная скупщина Князю и Совѣтникамъ? Они люди сильные, извѣстные и прочимъ гостударствамъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что они служатъ другимъ государямъ, получаютъ отъ нихъ ордена и пугаютъ насъ своимъ ковалерствомъ, а жалованье берутъ акуратно изъ народной казны. Если имъ тѣсно жить въ нашей маленькой Сербіи, ступай къ своимъ покровителямъ, служи имъ и получай отъ нихъ жалованье; нашему народу не нужны такіе дармоѣды.

— За что ссорятся Князь и Совѣтники?

— Говорятъ, будто бы они хотѣли раздѣлить Сербію на спихлуке (помѣстья), а Князь этого не желаетъ. Нашлись даже гѣкоторые благородные изъ караматина обора (свинаго хлѣва), которые хотѣли убить его за это. Князь тоже виноватъ: зачѣмъ приглашалъ Турокъ? Онъ долженъ былъ собрать скупщину и объявить народу о вредныхъ дѣйствіяхъ этихъ изродовъ Совѣтниковъ: разбирать ихъ поступки есть дѣло народа.

— Я слыхалъ, что Князь не имѣетъ права судить ихъ на основаніи какого-то 17-го пункта Султанскаго фирмана.

— Пустяки! Они для своей пользы выдумываютъ разные пункты сообща съ Турками, вымогаютъ изъ народа его послѣднія средства, думая запугать его своими иностранными орденами и грозя ему то начальствомъ, то каторгой. Но теперь не прежнее время: мы

съ презрѣніемъ смотримъ на этихъ славолюбцевъ, обвѣщанныхъ нишанамъ (знаками отличія) и разными орденами. Теперь почти явно говорятъ обо всемъ, что дѣлается на границѣ Сербіи, какъ тамъ живетъ народъ, въ какомъ положеніи дома и семейства граничаровъ. Долголи Турецкимъ толпамъ напасть на наши жилища, ограбить насъ и спокойно вернуться назадъ.

— Да вѣдь у васъ устроены караулы.

— Что это за караулы? Въ иномъ 10—12 человекъ, а въ другомъ не болѣе 6—7. Развѣ эта горсть людей можетъ удержать толпу вооруженныхъ разбойниковъ? А въ Бѣлградѣ и не думаютъ о нашей защитѣ. Вотъ какъ соберется скупщина, то народъ и проберетъ по своему кавалеровъ чужихъ орденовъ.

— Найдутся ли у васъ такіе люди, которые могли бы указать скупщинѣ что дѣлать? Пожалуй, ваши орденши и великаши выдутъ къ народу, насылятъ ему съ три короба, да еще угостятъ — и пойдеть все по старому.

— Нѣтъ, эту скупщину не обмануть; къ ней пристанетъ много купцовъ, священниковъ, учителей и даже чиновниковъ, которые сами уважутъ какъ искоренить зло, поправить ошибку; но теперь каждый до поры до времени молчитъ и бережетъ себя.

— Однако ты не стѣсняешься въ своихъ словахъ.

— Что дѣлать? я не смотрю на запрещеніе нашихъ начальниковъ и не скрываю своихъ мыслей отъ другихъ. Думаю, что и теперь за мою откровенность Ужицкій Начальникъ вызываетъ меня къ себѣ. Я нѣсколько лѣтъ былъ Кметомъ и честно служилъ своей общинѣ, но къ намъ недавно пріѣхалъ Капетанъ и велѣлъ отставить меня отъ этой должности. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно вызываютъ то къ нему, то въ Ужиду къ Окружному Начальнику и допрашиваютъ, что я говорилъ, не бываютъ ли у меня хайдуки, не знаю ли я, что затѣвуютъ селяки? Эти допросы сопровождаются угрозами или насмѣшками, но я ничего не боюсь и не только имъ, самому Князю скажу правду.

— Все таки, какъ ты думаешь, зачѣмъ тебя вызываютъ?

— Я какъ-то недавно говорилъ, что нѣкоторые чиновники обманываютъ народъ и даютъ деньги подъ такіе большіе проценты, что многіе селяки черезъ это совершенно раззорились и обѣднѣли.

— Неужѣ ли сдѣшніе чиновники занимаются ростовщичествомъ?

— Еще какъ! Они-то и суть главные процентчики.

— А какъ велики проценты они берутъ?

— Это трудно опредѣлить, по тому что иногда въ годъ прихо-

дится платить такіе проценты, что они превышаютъ занятую сумму. Черезъ мѣсяць или два, они переписываютъ вексель, присчитывая къ капиталу проценты. Должникъ, не зная ничего, надѣется какъ ни будь выплатить свой долгъ, а хитрый кредиторъ говоритъ: «пусть мои деньги лежатъ у тебя, мы только перемѣнимъ вексель, а тамъ сочтемся; другъ друга не обидимъ.» Это продолжается до тѣхъ поръ, пока займодавецъ увеличить свой капиталъ на сумму стоимости всего движимаго и недвижимаго имущества должника. Тогда онъ обращается въ судъ и требуетъ уплаты суммы, которая значится въ выданномъ поселяниномъ векслѣ. Такимъ образомъ человѣкъ, прежде зажиточный, имѣвшій и скотъ и домъ и свою землю, вдругъ ввергается въ крайнюю нищету.

— Что же вы не жалуетесь въ судъ на такія злоупотребленія?

— На кого и кому жаловаться? Предсѣдатель суда самъ занимается подобными дѣлами, а о другихъ и говорить не хочется: безчестнымъ образомъ обманывая и раззоря селяковъ, они скоро наживаются и строятъ себѣ дома. Кончится это тѣмъ, что они скупаютъ всѣ деревни и сдѣлаются спахіями (помѣщиками). Авось на Скупщинѣ будетъ также рѣчь о чиновническомъ грабительствѣ и обманѣ. Народъ во всемъ потребуетъ отчета у Бѣградскихъ господъ.

Въ разговорѣ мы не замѣтили какъ подошли къ Ужицѣ; завернули для краткаго отдыха на постоянный дворъ на Забучиѣ, выпили по чашкѣ чернаго кофе и отправились въ городъ. Намъ пришлось спускаться съ горы на каменный мостъ черезъ рѣку Дѣтину. Въ городѣ мы остановились на ночлегъ въ гостинницѣ Лазаря Невесинца. Я истратилъ послѣднія свои деньги на Мокрогорскомъ Карантинѣ и не зналъ что мнѣ дѣлать. Содержатель гостинницы, уроженецъ города Невесиня въ Герцеговинѣ, замѣтилъ мое затрудненіе; велѣлъ подать намъ обоимъ по чашкѣ кофе и по рюмкѣ водки и спросилъ меня откуда и куда я иду? Я сталъ было рассказывать ему всѣ свои походы въ Старомъ Влахѣ, но чрезмѣрная усталость заставила отложить рассказъ до слѣдующаго дня. Между посѣтителями гостинницы нашлись прежніе мои товарищи, вмѣстѣ съ которыми я учился грамотѣ въ сдѣшней школѣ. Я видѣлся также со многими старинными знакомыми и друзьями; всѣ они спрашивали, что дѣлается въ Турціи, какъ живетъ тамъ Христіанскій народъ, что говорятъ о Черной Горѣ и пр. Вопросамъ не было конца и я едва успѣвалъ удовлетворять общему любопытству.

Нѣсколько дней спустя, Архиваріусъ Ужицкаго Окружнаго Суда Ерчевичъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Жена его отправилась

въ гости и мы остались вдвоемъ. Хозяинъ не зналъ какъ и чѣмъ меня угостить; краснаго вина и всякаго кушанья было вдоволь. Ерчевичъ былъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ практической: занимая когда-то должность учителя, онъ перешелъ потомъ на государственную службу, зналъ онъ много любопытныхъ казусовъ по Министерствамъ Просвѣщенія, Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и внимательно слѣдилъ какими путями люди получали выгодныя мѣста по службѣ. Его рассказы были для меня крайне занимательны, въ особенности о прежней системѣ воспитанія.

— Когда я училъ дѣтей, говорилъ онъ,—то считалъ необходимымъ средствомъ исправительныя мѣры розгами; а между тѣмъ я горько ошибался: тѣлесныя наказанія портятъ нравственность дѣтей, ожесточаютъ ихъ и вселяютъ отвращеніе къ наукѣ. Наши школы точно также страдаютъ отъ произвола Директоровъ, которые объѣзжаютъ округи во время экзаменовъ и деспотически обращаются съ учителями и дѣтьми. Учительская должность самая незавидная: надо угождать и родителямъ и своему начальству, а оно не лучше цыганскаго Таса Арачлія (начальника надъ живущими въ Сербіи Цыганами, безчеловѣчно обращавшагося съ этимъ бѣднымъ народомъ). Высшее начальство требовало, чтобы строго обходились съ учениками и подвергали ихъ тѣлесному наказанію за незнаніе уроковъ и за отсутствіе изъ школы. Приказывали также наказывать, если ученикъ при встрѣчѣ съ начальникомъ или должностнымъ лицомъ не снималъ шапки и не отдавалъ ему чести. Эти дикія правила и теперь въ ходу: опредѣлено даже число ударовъ по свойству вины. Если же учителя иногда оставляли безъ вниманія маловажные проступки, то имъ грозила отставка или перемѣщеніе. Мнѣ надоѣли придирки и самоуправство Директоровъ; я перешелъ на Государственную службу и по милости Божіей живу покойно съ женой, получая небольшое жалованье. Эта безобразная метода застращиванья введена нашимъ Правительствомъ не въ однѣхъ только школахъ: по всѣмъ сельскимъ общинамъ принято наказывать розгами тѣхъ, кто осмѣлится судить о дѣйствіяхъ нашего Свѣтлаго Князя и его Совѣтниковъ, или жаловаться на несправедливые поступки Кметовъ, Капетановъ и Окружныхъ Начальниковъ. Такое варварство, глубоко оскорбляя чувство самолюбія, заставляетъ людей дѣлаться хайдуками и мстить своимъ гонителямъ, по тому что честный человекъ скорѣе согласится ити на смертную казнь, нежели подвергнуться наказанію розгами и осрамиться передъ міромъ. Бывали случаи, что несчастные послѣ такого позорнаго наказанія сивались, дѣлались отчаянными неголяями, готовыми

на все, или чахли и умирали. Такія глупыя распоряженія много вредятъ Государству: хайдуки умножаются въ лѣсахъ, и безпрестанно совершаются убійства. Правительство строго преслѣдуетъ ихъ и подвергаетъ самымъ жестокимъ наказаніямъ: виновныхъ растрѣливаютъ, а прежде прогоняли ихъ сквозь строй до смерти и головы ихъ выставляли на кольяхъ передъ Присутственными Мѣстами, чтобъ застрашать народъ. Сдѣсь часто повторялись такія кровавыя зрѣлища въ бытность Окружнаго Начальника Мильца (Михаила) Трифуновича. Вышіе Бѣлградскіе правители поддерживаютъ мѣстныя власти и набиваютъ себѣ карманы, а народъ молчи. Приходится молчать до собранія народной Скупщины. Тогда народъ и многіе честные чиновники не посмотрятъ на родство и знакомство и потребуютъ отъ Князя и Бѣлградскихъ бератліевъ отчета въ ихъ противозаконныхъ дѣяніяхъ. Люди перестали бояться ихъ угрозъ и тоже поговариваютъ кой объ чемъ: у нихъ свои виды.

— Какіе? спросилъ я.

— Многіе думаютъ испровергнуть нынѣшнее Правительство и провозгласить Княземъ Милоша или его сына Михаила.

— Лучше ли это будетъ? Пожалуй, опять вспыхнетъ междоусобіе и Вучичъ начнетъ казнить людей какъ въ Шабцѣ въ 1844 году.

— Не бойся. Теперь не то время. Между народомъ есть много людей благоразумныхъ, которые дѣйствуютъ осторожно и высматриваютъ все, что дѣлаютъ Бѣлградскіе великаши; но они пока молчатъ, чтобъ не испортить дѣла, а какъ только Правительство разрѣшитъ собрать Скупщину, тогда они станутъ во главѣ народа и припомнятъ его притѣснителямъ всѣ ихъ жестокости и злоупотребленія. Повѣришь ли, они осрамили передъ всѣми націями нашъ честный народъ.

— Какъ же это такъ?

— А вотъ какъ. Въ прошломъ году я вдругъ читаю въ «Сербскомъ Дневникѣ,» что преподаватели въ нашихъ гимназіяхъ тѣснятъ и обижаютъ учениковъ, уроженцевъ Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи, и называютъ ихъ Туркушами, дѣлая чрезъ то какую-то разницу между Сербами. И такіе низкіе поступки совершаются въ школахъ, которыя содержатся на счетъ народа, желающаго помочь своимъ бѣднымъ братьямъ въ Турціи. Эта статья произвела негодованіе во многихъ Сербахъ, а особенно въ зажиточныхъ купцахъ, которые всѣ почти уроженцы этѣхъ странъ и составляютъ сдѣсь большинство гражданъ. Не знаю какъ отнеслись къ этой статьѣ въ Бѣлградѣ?

Я рассказалъ ему подробно, что дѣлалось въ мое время въ Бѣлградскихъ школахъ; Ерчевичъ покачалъ головой и сказалъ:

— На Скупщинѣ также сдѣлають запросъ, какъ смѣютъ учителя превышать свою власть, а ученики должны будутъ во всеуслышаніе сказать правду представителямъ народа. Сдѣшніе Сербы всегда готовы помочь своимъ братьямъ въ Турціи, всегда дадутъ имъ работу и даже повѣрятъ впередъ деньги. Таковъ нравъ нашихъ поселянъ; они стремятся къ единству и счастію всего нашего народа, болѣе чѣмъ бѣлградскіе ученые великаши.

Меня крайне удивляло отсутствіе прислуги во время нашего обѣда; хозяинъ самъ подавалъ кушанье и угощалъ меня. Я спросилъ его, почему онъ не держитъ прислуги.

— У меня есть прислуга, отвѣчалъ онъ,—но я нарочно такъ распорядился, чтобъ даже жены не было сегодня дома.

— Зачѣмъ же ты такъ подстроилъ?

Ерчевичъ засмѣялся и сказалъ:

— Развѣ ты не знаешь нашей поговорки: «у женщины волосъ длиненъ, умъ коротокъ; а языкъ на ниточкѣ.» Скажи ей что ни будь по секрету, она разболтаетъ другой, третьей, и выйдетъ, что «Царь рогать.»

Я въ первый разъ услышалъ это выраженіе и спросилъ, что оно значитъ. Онъ отвѣчалъ:

— У нашего народа есть такое сказаніе. У какого-то Царя родился сынъ съ рогами, и родители тщательно скрывали его уродство. Наконецъ онъ выросъ; а въ этомъ Государствѣ Цари имѣли обыкновеніе брить голову. Какъ скрыть отъ подданныхъ, что наследникъ престола съ рогами? Вотъ и порѣшили Царь и Царица каждому цирюльнику послѣ бритья Царевича рубить голову, и такимъ образомъ много погибло безвинно людей; за то народъ не зналъ, что Царскій сынъ съ рогами. Но вотъ умеръ старій Царь и молодой Царевичъ вступилъ на престолъ. Когда пришло время бриться, онъ послалъ за цирюльникомъ. Бѣднякъ простился съ женой и дѣтьми, явился во дворецъ и принялся за свое дѣло. Царь спросилъ, что онъ видитъ на его головѣ, такая ли она, какъ у прочихъ людей, и нѣтъ ли на ней какихъ особенныхъ знаковъ? Цирюльникъ струсилъ и сказалъ, что ничего не видитъ на Царской головѣ. Царь остался доволенъ его отвѣтомъ, распросилъ объ его семействѣ и житьѣ бытѣ и, щедро наградивъ его, отпустилъ домой; но подъ смертной казнью запретилъ ему рассказывать, что онъ видѣлъ и слышалъ во дворцѣ. Щедро награжденный цирюльникъ пришелъ домой. Пріятели, удивлен-

ные его возвращеніемъ, приступили къ нему съ распросами, что дѣлается и говорится въ Царскомъ дворцѣ, но онъ на все отвѣчалъ, что ничего тамъ не видалъ и не слышалъ. Не такъ-то легко ему было отдѣлаться отъ своей жены. Любопытная женщина стала допытываться, что онъ видѣлъ и слышалъ во дворцѣ, и когда онъ отговаривался незнаніемъ, спросила его, по чему же Царь казнилъ прежнихъ цирюльниковъ, а его помиловалъ? Потомъ хитрая жена стала плакать и упрекать его, что онъ ея не любитъ и по тому ничего ей не довѣряетъ. Глупецъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что ему подъ страхомъ смертной казни запрещено говорить о дворцѣ. Женское любопытство еще болѣе разгорѣлось и пустило въ ходъ всевозможныя уловки, но мужъ оставался непреклоненъ. Тогда жена притворилась больной и объявила мужу, что она непременно умретъ отъ этой обиды. Цирюльникъ испугался и рассказалъ все подробно, взявъ съ нея обѣщаніе молчать. Утѣшенная жена въ ту же минуту выздоровѣла, повеселѣла и побожилась, что никому ничего не скажетъ; но какъ только вошла въ кухню, то подошла къ трубѣ, выходящей на крышу, и громко въ нее закричала: «Знаете ли что, птицы небесныя? Только никому не говорите! Мой мужъ сегодня брилъ Царя и говорилъ съ нимъ; у Царя на головѣ большіе рога; Царь рогаты!» На ту бѣду на крышѣ стоялъ трубочистъ. Услыхавъ эти слова, онъ закричалъ на всю улицу, что Царь съ рогами. И пошла молва по всему городу, всѣ заговорили, что цирюльникъ брилъ Царя и видѣлъ у него на головѣ рога. Царь послалъ за цирюльникомъ и велѣлъ отсѣчь ему голову, а самъ отказался отъ престола и скрылся въ неизвѣстной странѣ, гдѣ и умеръ. И тотъ и другой лишились жизни отъ длиннаго языка и любопытства женщины.

— Твоя жена, вѣрно, не похожа на жену цирюльника.

— Моя жена добра и умна. Въ домашнихъ дѣлахъ я ничего не дѣлаю безъ ея совѣта; всѣ деньги и хозяйство на ея рукахъ, но въ моихъ разговорахъ съ гостемъ о постороннихъ предметахъ соблюдаю осторожность и всегда прошу ее ити куданибудь къ знакомымъ; подъ предлогомъ также какого ни будь дѣла удаляю на этотъ разъ и прислугу. «Ходи мудро, не погибни напрасно,» говоритъ наша пословица. И стѣны иногда имѣютъ уши.

— Неужели ты боишься, что жена перескажетъ другимъ твои слова?

— Я надѣюсь на ея скромность и увѣренъ, что она не любитъ болтать, но ее могутъ незамѣтнымъ образомъ вовлечь въ неосторожность: къ ней ли придутъ знакомыя сосѣдки, или она къ нимъ пой-

дети и за чашкой кофе разболтаются о Бѣградскихъ дѣлахъ, будутъ передавать одна другой сужденія своихъ мужей и тогда жди бѣды.

Когда пришла жена Ерчевича, мы отправились къ общимъ знакомымъ и пріятно провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На другой день Ерчевичъ и прочіе друзья снабдили меня деньгами и я, простившись съ ними, пошелъ пѣшкомъ въ Бѣградъ. Всѣ они совѣтовали мнѣ обратиться въ Попечительство Просвѣщенія съ просьбой о назначеніи мнѣ небольшого жалованья, съ которымъ я могъ бы занять мѣсто учителя въ Старой Сербіи, или въ другой Турецкой области, населенной Сербами. Я далъ имъ слово письменно увѣдомить ихъ о рѣшеніи Бѣградскихъ властей.

Оставивши Ужицу, вечеромъ того же дня я остановился ночевать на постояломъ дворѣ въ Бачевцахъ и разговорился съ однимъ старикомъ о положеніи Христіанъ въ Турціи. Прочіе посѣтители какъ-то недověрчиво смотрѣли на меня и не вступали въ разговоръ. Мой собесѣдникъ сообщилъ мнѣ, что вышелъ новый приказъ отъ Правительства слѣдить, кто куда идетъ, и чтобъ всѣ поденщики, приходящіе изъ Турціи для заработковъ, занимались у поселанъ помѣсячно, записывались и брали отъ Капетана книжки для взноса холостой подати.

— Въ слѣдствіе такого распоряженія, продолжалъ онъ, — уменьшилось число приходящихъ сюда работниковъ, потому что многіе изъ нихъ не хотятъ ити въ услуженіе, а стараются заработать поскорѣе поденщиной сколько ни будь денегъ и послать ихъ домой для уплаты Туркамъ подати за себя и за свои бѣдныя семейства. Народъ издавна приходилъ къ намъ изъ Турціи для заработковъ, но Капетаны, неизвѣстно по чему, запретили заниматься поденной работой и принуждаютъ наниматься помѣсячно у хозяевъ; если же бѣднякъ не успѣетъ пріискать себѣ мѣсто, его выгоняютъ обратно въ Турцію. Мы терпимъ не меньше нашихъ братьевъ отъ такого притѣсненія: поденщина стала у насъ дорога; нѣкоторые одинокіе люди не успѣли окопать кукурузу и она пропала. Наше полевое дѣло таково, что въ три дня выиграешь на цѣлый годъ, или годовое потеряешь. Время не ждеть: то пора косить, то хлѣбъ убирать, то снимать сливы, а чтобъ успѣть все сдѣлать нужны рабочія руки; наши же начальники, ничего не понимая, вмѣшиваются въ наши дѣла и только портятъ ихъ.

— Отъ кого идутъ всѣ эти распоряженія?

— Богъ знаетъ! не добьешься толку. Кметъ оваливаетъ вину

на Капетана, тогъ на Окружнаго Начальника, а послѣдній говоритъ, что такъ приказалъ Свѣтлый Князь съ согласія Совѣта. Плохое же ихъ управленіе, если они такъ относятся къ нашимъ сельскимъ дѣламъ.

— По чему же тебѣ не нравится ихъ управленіе?

— По ихъ распоряженіямъ. Если Свѣтлый Князь и Совѣтники, сидя въ Бѣлградѣ, стараются улучшить народное благосостояніе, то какимъ же образомъ они вздумали обложить податью гнидыя колоды и пни и требуютъ, чтобъ народъ платилъ имъ деньги за свое же добро. Какую пользу они дѣлаютъ намъ уничтоженіемъ поденщины? Они только въ конецъ насъ раззоряютъ.

— Развѣ не все равно нанимать работниковъ что поденно, что помѣсячно?

— Нѣтъ, не все равно. Положимъ, я возьму работника на одинъ мѣсяць, а случится такое дѣло, что мнѣ на одинъ день понадобится 10—15 работниковъ. Гдѣ я ихъ возьму, когда Правительство ихъ выгоняетъ? А вѣдь большая разница накормить и заплатить 15 поденщикамъ въ день или продержатъ такое же число работниковъ цѣлый мѣсяць. Вотъ завтра я погону свиней въ Шабаць или въ Митровицу на таможенный извозъ. Для этого мнѣ потребуется 10 — 12 человекъ, чтобъ доставить скотину до мѣста, а тамъ довольно будетъ 5 — 6 человекъ, но гдѣ ихъ взять? Наши власти выдумываютъ отъ нечего дѣлать разные приказы во вредъ торговцамъ и земледѣльцамъ.

— Почему же здѣсь запрещается поденщина?

— Говорятъ, что много денегъ выносятся въ Турцію.

— Что жь? вѣдь это правда.

Старикъ покачалъ головой и спросилъ:

— Ты гдѣ учился въ Бѣлградѣ?

— Въ тамошней Гимназіи, отвѣчалъ я.

— Въ томъ-то и дѣло: все вы учите гимназіе, богословіе, лисеуме и солдатскую науку и смотрите, не принесъ ли селякъ на рынокъ хлѣба и другаго чего поѣсть и попить, а какъ сдѣлаетесь начальниками, такъ и начнете умничать надъ нами. Вы, ученые, не понимаете народной жизни, а стараетесь только получить мѣсто и заставить другихъ величать себя: «господинъ, господинъ!» Ни дать, ни взять какъ говорится въ одной народной сказкѣ о медвѣдѣ.

— Въ какой? Расскажи.

— Изволь. Разъ медвѣди послали своего медвѣженка въ школу. Перебывалъ онъ въ разныхъ училищахъ и, когда выучился, отправился на родину. Всѣ медвѣди вышли въ нему на встрѣчу и радовались, что свой землякъ будетъ учить ихъ дѣтей. Его приняли съ

большимъ почетомъ, угощали чѣмъ только могли, но медвѣженку все было не по вкусу: онъ чуждался своей родной берлоги, повелительно смотрѣлъ на всѣхъ и даже косился на своихъ родителей. Снисходительные старики оправдывали свое дѣтище молодостью и неопытностью. Спустя нѣсколько дней, собралось все медвѣжье племя посмотреть чему выучился ихъ собратъ. Вотъ стали упрасивать его показать имъ свое знаніе и искусство. Долго ломался образованный Мишукъ, наконецъ взялъ рѣшето и заплясалъ, да такъ дурно, что возбуждиль всеобщее неудовольствіе. — «Чему же ты учился?» спросили его медвѣди. — «Ничему кромѣ пляски.» — «Да ты что зналъ, и то забыть. Мы думали у тебя же поучиться, а ты пренебрегаешь нашими берлогами и хочешь властвовать надъ нами. Нѣтъ, намъ не нужны такіе учителя.» И порѣшили всѣ медвѣди исключить его изъ своей общины. Такимъ образомъ бѣднякъ пошелъ скитаться по бѣлу свѣту и остался навсегда безъ своей берлоги и друзей.

— Такъ и наши ученые, продолжалъ онъ, — смотреть съ высокока на наши стародавніе сельскіе обычаи и не допускаютъ насъ помогать нашимъ братьямъ, какъ дѣлывали въ старые годы наши предки. Для пользы своихъ кармановъ они стали жалѣть наши деньги; много де ихъ вывозится изъ Сербіи; а того не знаютъ, что наша чеканная монета — хорошій урожай и хорошая уборка хлѣба во время. Что имъ за дѣло, что поденьщики уносятъ наши деньги въ Турцію? Мы все таки больше получаемъ барыша, продавая ежегодно за границу свиней, хлѣбъ и водку. По какому праву нашъ Князь и его Совѣтники запрещаютъ намъ помогать нашимъ угнетеннымъ братьямъ въ Турціи, а сами тратятъ наши деньги на пиры и встрѣчи Турецкихъ Пашей?.

Долго за полночь продолжалась наша бесѣда о народныхъ дѣлахъ. На другой день я простился съ хозяиномъ и отправился далѣе. При прощаньи старикъ просилъ меня никому не говорить въ Валева о нашемъ разговорѣ.

На пути изъ Валева въ Бѣградъ ко мнѣ присталъ селякъ, шедшій въ Боговадю. Я вспомнилъ, что тамъ жилъ нѣкто Василій Петровичъ, мой товарищъ по гимназій, и я повернулъ по одной дорогѣ съ поселяниномъ. Онъ показалъ мнѣ домъ Василя, гдѣ я и ночевалъ, обѣдалъ и былъ снабженъ деньгами, въ которыхъ нуждался. Отсюда меня проводили до Уба, гдѣ мнѣ нужно было повидаться съ нѣкоторыми знакомыми. Они чрезвычайно мнѣ обрадовались и точно также жаловались на притѣсненія Капетана, который не позволялъ имъ брать поденьщиковъ и высылалъ послѣднихъ за Сербскую границу; но глав-

нымъ предметомъ нашего разговора была Турція. Всѣ желали знать, какъ живетъ тамъ Христіанскій народъ, и жалѣли объ его горькой участи. Одинъ изъ собесѣдниковъ, не стѣсняясь, сказалъ:

— Да и наши власти не лучше Турокъ. Не извѣстно, кто у кого учится угнетать народъ.

Когда мы всѣ разошлись, на постоянный дворъ пришли пандуры. Увидя меня, они тотчасъ приступили съ распросами: откуда и куда я иду? Гдѣ былъ, что дѣлалъ? и потребовали паспортъ, но, кажется, они столько же были грамотны, какъ и Турецкіе суваріе. Замѣчательно, что въ дальнихъ мѣстностяхъ Княжества было меньше полицейскаго надзора, и чѣмъ ближе подходилъ я къ Бѣлграду, тѣмъ онъ становился строже, и Капитанскіе пандуры, встрѣчаясь со мной на постоянныхъ дворахъ и въ гостинницахъ, сейчасъ спрашивали мой паспортъ.

Отъ Валева до Бѣлграда я замѣтилъ, что содержателями постоянныхъ дворовъ были исключительно Цинцары, которыхъ я не встрѣчалъ отъ Сербской границы до Валева. Наконецъ, вечеромъ 20 Іюля, 1858 года я пришелъ въ Бѣлградъ почти безъ гроша въ карманѣ.

Оставя свои вещи у одного пріятеля, я тотчасъ же отправился къ Вучку Ангеличу, жившему въ своемъ домѣ на улицѣ Сава Мала, и засталъ у него многихъ знакомыхъ, которые крайне удивились моему возвращенію, считая меня погибшимъ въ Турецкой темницѣ, какъ доходили до нихъ слухи. Я рассказалъ имъ о пустомъ значеніи милостивѣйшаго гаттигумаюна, о ничтожности Сербскаго паспорта, и упомянулъ, какъ Муратъ Шамановичъ бросилъ его въ грязь, обругалъ Князя и Совѣтниковъ и плюнулъ на Крестъ и на Сербскій гербъ. Всѣ присутствующіе пришли въ негодованіе отъ подобныхъ выходокъ Турецкаго суварія, и одинъ бывший тутъ купецъ съ Савы прибавилъ:

— Что жъ мудренаго? Скоро Турки будутъ и у насъ распоряжаться, какъ у себя дома, по тому что наши великаши стараются только поддерживать права Блистательной Порты и даютъ Туркамъ волю дѣлать съ нами, что они хотятъ. Паспортъ намъ выдаютъ только для формы, а защиты отъ нихъ не жди никакой въ Турціи: онъ годенъ только кошкѣ на хвостъ.

Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ я замѣтилъ общее неудовольствіе противъ Правительства и его работягнаго поведенія передъ Кабуль-Ефендіемъ и Этемъ-Пашей. «Когда имъ думать (говорили нѣкоторые изъ гостей) о нашихъ паспортахъ и торговлѣ? Имъ въ пору пировать съ Турками и Иностранными Консулами.»

На другой день я отправился къ Константину Арсеніевичу, пле-

мяннику, извѣстнаго въ исторіи Сербіи, стараго Баталаки. Мы давно были знакомы, и я жилъ у него почти четыре года, какъ бѣдный ученикъ. Онъ удивился, увидя меня:

— Развѣ ты живъ? спросилъ онъ

— Вотъ какъ видите.

— Слава Богу! А я слышалъ, что тебя убили Турки.

Я рассказалъ ему подробно всѣ свои приключенія и мое настоящее положеніе. Онъ далъ мнѣ немного денегъ и обѣщалъ поговорить обо мнѣ съ дядей.

Черезъ нѣсколько времени я опять зашелъ къ нему. Онъ ласково принялъ меня и сказалъ:

— Дядя совѣтуетъ тебѣ поступить опять въ школу и продолжать ученіе, пока не увидимъ, что будетъ у насъ. Явись въ Попечительство (Министерство) Просвѣщенія и проси пособія; а между тѣмъ постарайся сдать экзаменъ; я похлопочу тогда, чтобы дали тебѣ стипендію.

— Едва ли мнѣ дадутъ, отвѣчалъ я.—Вы знаете, что я имѣлъ непріятности съ учителемъ Гимназій, Евтиміемъ Георгіевичемъ.

— Это ни сколько не помѣшаетъ, возразилъ онъ: съ нимъ многіе гимназисты имѣли дѣло. Ступай въ Попечительство и скажи, что ты хочешь опять учиться, и дай мнѣ знать, что тебѣ отвѣтятъ.

Скрѣпя сердце, я на другой же день пошелъ въ Попечительство. Тамъ засѣдали гасители просвѣщенія, думавшіе только о своей власти и своимъ важничаньемъ приводившіе въ трепетъ просителей. Войдя въ Канцелярію Милована С—ча, занимавшаго важное мѣсто Секретаря или Начальника отдѣленія—не помню хорошенько, я поклонился ему и, по обычаю страны, призвалъ Божью помощь. Онъ звѣрски взглянулъ на меня и сердито спросилъ:

— Развѣ ты опять сюда воротился?

— Да, какъ видите, отвѣчалъ я, пріободрясь немного.

— За чѣмъ? закричалъ онъ дикимъ голосомъ.

— Чтобъ опять заняться науками. Я не могъ остаться въ Турціи учителемъ, по тому что Христіанскій народъ обѣднѣлъ и не можетъ давать никакого вознагражденія за труды, а многіе богатые купцы слышать не хотятъ о школахъ. Къ тому же Турки строго слѣдятъ за Христіянами, въ особенности пріѣзжающими изъ Сербіи, и я едва не погибъ отъ ихъ рукъ.

— Эхъ, чтобъ ихъ Богъ убилъ! За чѣмъ они тебя не убили? злобно сказалъ важный сановникъ.

— Не такъ было Богу угодно, какъ вы желали, спокойно отвѣчалъ я.

Едва я только произнесъ эти слова, какъ онъ вскочилъ и закричалъ:

— Вонъ отсюда! Знаешь ли ты кто я? Пока я сдѣсь служу, тебѣ въ школъ не бывать!

— Такъ назначьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, 8 талеровъ (9 р. 80 к.), чтобъ я могъ прожить гдѣ ни будь въ Турціи и заняться своимъ дѣломъ.

— Не только 8 талеровъ, закричалъ онъ опять, — ты и 8 паръ не получишь, ни одной аспры не дамъ (24 аспры составляютъ 8 паръ или 1 карантанъ, или 1 Русскую копѣйку). Хочешь быть учителемъ — ступай въ Турцію, надѣнь деревянные лапти, какъ дѣбывали наши старики, когда завоевывали намъ эту свободу. Вотъ тебѣ Турція — ступай туда!... У насъ нѣтъ даровыхъ денегъ: мы должны помогать своимъ, а не чужимъ.

Какое мнѣ было выслушать такія язвительныя слова!

— Пусть отсохнетъ моя нога, отвѣчалъ я, если приду къ вамъ за помощью, или за совѣтомъ. Турки цѣлыми столѣтіями не могли принудить моего прадѣда, дѣда и отца носить деревянными лапти: вамъ ли удастся надѣть на меня эту обувь? Предложите ее кому ни будь изъ здѣшнихъ.

— Вонъ отсюда! закричалъ на меня, топнувъ ногой, глава Българскаго святилища наукъ. — Я сей часъ пошлю тебя въ полицію.

«Сила Бога не моли», подумалъ я и вышелъ ни съ чѣмъ изъ кабинета скороспѣлаго Патриція. Проходя мимо зданія Попечительства, я сказалъ: «Будь проклятъ тотъ, кто первый назвалъ тебя разсадникомъ просвѣщенія! Ты — источникъ тьмы для Сербскаго народа!»

Послѣ такой горькой неудачи, я отправился къ Казначею Попечительства, Васѣ Груевичу, но не засталъ дома этого достойнаго человѣка. И дѣйствительно, это была единственная честная личность въ Попечительствѣ Просвѣщенія. Родомъ изъ Австрійскихъ Сербовъ, онъ былъ добръ, простодушенъ и отлично образованъ, такъ что рѣдко можно было встрѣтить въ то время подобнаго человѣка въ Сербскихъ При-
сутственныхныхъ Мѣстахъ.

На другой день я пошелъ рассказать свое горе Костѣ Арсеніевичу. Его поразили такія пандурскія выходки главнаго начальника, и онъ совѣтовалъ мнѣ ничего не предпринимать до собранія народной Скупщины, которая должна была положить конецъ чиновническому своеволю. По его же совѣту я черезъ нѣсколько дней опять отправился къ Груевичу, и въ этотъ разъ засталъ его дома. Онъ принялъ меня очень хорошо, внимательно выслушалъ мой рассказъ о Турціи, жалѣлъ о несчастномъ положеніи Сербовъ, и наконецъ спросилъ

меня, что я теперь намѣренъ дѣлать? Я передалъ ему отъ слова до слова мой разговоръ съ Милованомъ С—чемъ.

— Отъ подобныхъ людей, сказалъ онъ, — не дождешься ничего хорошаго, и мнѣ всегда жаль бѣдныхъ Герцеговинцевъ, Босняковъ и Старосербовъ, которые обращаются за помощью въ Попечительство. Съ ними обходятся очень грубо, осыпаютъ насмѣшками и называютъ Туркушами. Я желалъ бы имъ помочь, но не могу, по тому что и самъ подвергаюсь разнымъ неприятностямъ. По мнѣнію здѣшнихъ глупцовъ, я Швабъ, по тому только, что родился въ Австріи. Обижая людей и получая жалованье отъ народа, они сѣютъ раздоръ между одноплеменниками, подаютъ дурной примѣръ своимъ подчиненнымъ и заботятся только объ угожденіи Турецкимъ Пашамъ и Европейскимъ Консуламъ, которымъ они выражаютъ свою преданность формой шапокъ: Турецкіе партизаны носятъ красныя фески, Австрійскіе, Англійскіе и Французскіе — высокія шляпы, Русскіе—черныя круглыя картузы. Вся надежда на народную Скупщину. Какъ-то заговорятъ эти умники, когда народъ потребуетъ отъ нихъ отчета въ ихъ поступкахъ? До той поры молчи и никому ни слова о нашемъ разговорѣ.

И такъ я остался въ Бѣлградѣ, утѣшая себя надеждой, что мое положеніе улучшится, когда соберется Скупщина, тѣмъ болѣе, что свободный Сербскій народъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, стремился къ объединенію Сербской народности чрезъ освобожденіе своихъ братьевъ въ Старой Сербіи изъ подъ Турецкаго ярма.

Но ни тогда, ни послѣ того, не пришлось ему, къ несчастію, осуществить свою завѣтную и наилучшую мечту. Преступное потворство, оказываемое Турціи Европейскими Кабинетами, отчужденіе дипломатіи отъ Славянской мысли и народности, слѣпое заблужденіе насчетъ истинныхъ своихъ интересовъ, связанныхъ со Славянствомъ какъ свѣжею силою, способною къ воспріятію даровъ просвѣщенія, набаловали Турецкое Правительство до такой степени, что то невыносимое положеніе райи, свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ котораго и я былъ, стало въ послѣднѣе время еще хуже, еще печальнѣе, еще безвыходнѣе. Всѣ Султанскіе фирманы, гаттигу-маювы и ираде, всѣ ноты и меморандумы Европейскихъ Кабинетовъ, оказались безплоднымъ бумагомараньемъ. Несчастливымъ оставалось или умирать медленною смертью отъ голода, нищеты и въ заточеніи, или эту позорную смерть промѣнять на смерть съ оружіемъ въ рукахъ, вопія о мщеніи къ рѣшителю всѣхъ судебъ — Богу брани. Сербы рѣшились на послѣднее.

ПИСЬМО

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, С. С. УВАРОВА, КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

Изъ содержанія Высочайшаго рескрипта, отъ 19 Октября, на мое имя даннаго, Вы изволите усмотрѣть, что Государь Императоръ, обращая вниманіе на успѣхи отечественной Словесности, и желая споспѣшествовать ея развитію приведеніемъ занятій Императорской Россійской Академіи въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ Имперіи, Высочайше повелѣть соизволилъ: присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ.

Его Императорскому Величеству, вмѣстѣ съ этимъ, благоугодно было возложить на меня представленіе на Высочайшее утвержденіе Академикомъ и Адъюнктомъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности.

При исполненіи сего порученія не могъ я не поставить имени Вашего Высокопреосвященства въ главѣ всѣхъ тѣхъ, кои, глубокимъ знаніемъ языка, живымъ усердіемъ къ просвѣщенію и собственными твореніями, достигнувъ заслуженной знаменитости въ ученюмъ свѣтѣ, могли имѣть право на особое вниманіе Его Величества. Съ давнихъ лѣтъ духовное красворѣчіе находить въ Вашемъ Высокопреосвященствѣ достойнѣйшаго представителя, и всѣ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, съ умиленіемъ зрятъ въ одномъ изъ главныхъ Пастырей Церкви ревностнаго поборника Русскаго слова и Русской учености.

Государь Императоръ Высочайше утвердилъ Ваше Высокопре-

освященство Императорской Академіи Наукъ Ординарнымъ Академикомъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности, и я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность сообщить Вамъ, Милостивый Государь, о'сей Высочайшей воли, увѣренъ будучи, что въ новомъ своемъ образованіи учрежденіе, которое призвано блюсти за отечественнымъ языкомъ, будетъ находить въ Вашемъ Высокопреосвященствѣ постоянное благорасположеніе къ его трудамъ, и что, во время свободное отъ обязанностей Вашего высокаго сана, Вы изволите обрѣсти возможность удѣлить нѣсколько часовъ занятіямъ, всегда для Васъ любезнымъ, дальнѣйшій успѣхъ коихъ столь тѣсно сопряженъ со славою Монарха и съ народнымъ величіемъ Государства.

Препровождая при семъ экземпляръ Высочайшаго рескрипта и утвержденного 19 Октября Положенія объ Отдѣленіи Русскаго Языка и Словесности, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшимъ слугою

Сергій Уваровъ.

№ 1137.

25 Октября, 1841 г.

Сообщ. Архимандритъ Григорій.

ЗАШКА I.

О ЦЕРКОВНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

Достигалось ли когда однообразіе относительно церковнаго Богослуженія, и не существовали ли обрядовыя разности издревле въ Велико-русской и Малорусской Церкви подъ настояю Восточныхъ Патріарховъ? Удачна ли новѣйшая критика на догматическую сторону ученія Стоглаваго Собора о двуперстіи?

Въ слѣдствіе возникшихъ въ современномъ Старообрядческомъ мірѣ новыхъ и весьма важныхъ «омышленій,» сомнѣній и частію недоразумѣній относительно новѣйшихъ полемическихъ бесѣдъ и проповѣдей, печатаемыхъ въ «Братскомъ Словѣ» и «Душеполезномъ Читаніи,» какъ Старообрядческіе начетчики вообще, такъ и нѣкоторые изъ передовыхъ Единовѣрцевъ (т. е., принадлежащихъ къ Единовѣрческой Церкви), не только Московскіе, но и иногородные, неотступно требуютъ безпристрастнаго разсмотрѣнія особенно тѣхъ мѣстъ бесѣдъ и проповѣдей, которыя изобилуютъ, къ сожалѣнію, недостатками, всего менѣе терпимыми въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ глаголемаго Старообрядчества.

Во первыхъ, поставляютъ на видъ защитники Старообрядчества слѣдующее обстоятельство. Какъ одинъ почтенный проповѣдникъ нашъ торжественно съ церковной кафедры высказался, что «трудно доказать, чтобы даже тѣ изъ этихъ обрядовъ, за неприкосновенность которыхъ пуще всего стоятъ ревнители ихъ, имѣли глубокую древность. Положимъ, впрочемъ, что они дѣйствительно весьма древни, и въ этомъ отношеніи могутъ поспорить съ обрядами Православной Церкви: что же изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что Церковь не имѣетъ права отмѣнять старые обряды? Ни сколько! Обрядъ не догматъ»... Далѣе, въ разсужденіи ограниченія обрядовой свободы, проповѣдникъ увѣряетъ, что «въ Церкви Восточной въ XIV вѣкѣ, со времени Патріарха Филоея, установился одинъ опредѣленный чинъ литургіи. Около того же времени достигнуто однообразіе относительно прочихъ церковныхъ службъ, а относительно тѣхъ видовъ обряда, которые составляютъ предметъ Раскольническихъ пререканій, оно установилось гораздо раньше. На всемъ Востокѣ принято было, на примѣръ, троеить, а не двоеить аллилуіа, креститься троеперстно, а не двуперстно и т. д. Такъ было, конечно, и у насъ, судя по тому, что Южная часть Русской Церкви, Малороссійская Церковь, болѣе чѣмъ Велико-русская находившаяся въ подчиненіи Цареградскому Патріарху, совсѣмъ не знала, и доселѣ не знаетъ, ни двуперстія, ни двоенія аллилуіа, ни другихъ обрядовыхъ особенностей, защищаемыхъ Расколомъ.»¹

¹ Но книги Богослужебныя, не только XIV-го, но и предыдущихъ и послѣдующихъ вѣковъ, говорятъ громко не въ пользу достиженія въ XIV вѣкѣ «однообразія церковныхъ службъ,» не исключая и литургіи, но объ этомъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

² «Слово въ день празднованія третьей годовщины Братства Св. Петра Митрополита, 21 Дек., 1875 г.» въ «Душепол. Читаніи,» Генварь 1876 г., стр. 117—118 и 120.

И такими-то, по видимому, убѣдительнѣйшими пастырскими вразумленіями проповѣдника не вразумляются, однако жъ, «ревнители обрядовыхъ особенностей, защищаемыхъ Расколомъ.» Они, воспользовавшись убѣдительнѣйшею обмолвкой самого вразумителя-проповѣдника, дѣлаютъ весьма ощутительныя возраженія, приводя во свидѣтельство доселѣ удѣлѣвшіе памятники древности, которые громко говорятъ въ пользу самыхъ тѣхъ «обрядовыхъ особенностей,» которыя, по словамъ проповѣдника, «защищаются Расколомъ.»

1. Такъ древнѣйшія иконы и фрески, удѣлѣвшія въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ (Греческой работы) и въ другихъ древнихъ храмахъ, неоспоримо свидѣтельствуютъ и въ пользу двуперстія; такъ, книги, напечатанныя въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, которыхъ предисловія и послѣловія показываютъ, что они принадлежатъ той самой Малороссійской Церкви, которая находилась тогда въ подчиненіи Цареградскому Патріарху—Восточной Православной Церкви, а именно: а) «Грамматика,» напечатанная въ Вильнѣ въ лѣто 7103 (1595), и б) «Книга о Вѣрѣ,» Иеромонаха Кіевского Азарія, на Бѣлорусскомъ книжномъ нарѣчїи (слѣдовательно, не Московскаго произведенія), напечатанная въ Кіевѣ, какъ утверждаютъ ученые изслѣдователи, около 1620 года. ³ Книжки сіи ясно свидѣтельствуютъ въ пользу двуперстія въ главахъ: «О крестѣ, для чего знаменуемъ лице свое крестообразно рукою,» слагая первый перстъ съ двумя послѣдними во имя Св. Троицы, а указательный и великосредній въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ.

2. Точно также и въ пользу «двоенія аллилуїа» ясно свидѣтельствуютъ Богослужебныя Малороссійской Церкви книги: а) «Требникъ» (какъ объясняется въ его предисловіи), напечатанный въ Стрятинѣ въ 1606 году, при Гедеонѣ, Епископѣ Львовскомъ, Екзархѣ Константинопольскомъ, съ Греческаго «добраго исправленія» Требника, присланнаго изъ Аѳонской Горы Восточнымъ Патріархомъ Мелетіемъ. Въ этомъ Требникѣ, на листу 246, послѣ каѳисмы: «Блаженіи непорочніи» и тропарей, напечатано именно такъ: «аллилуїа, аллилуїа, слава тебѣ, Боже.» ⁴ и проч... и б) «Великій Требникъ,» напечатанный въ Кіевѣ въ 1646 году, при Митрополитѣ Кіевскомъ Петрѣ Могилѣ, въ которомъ также, послѣ каѳисмы: «Блаженіи непорочніи» и тропарей, на стр. 604, читается: «аллилуїа, аллилуїа, слава тебѣ, Боже» ⁵ и проч...

Слѣдовательно, и Малороссійская Православная Церковь, находившаяся въ подчиненіи Православному же Цареградскому Патріарху, знала и благочестно употребляла и двуперстіе и двоеніе ал-

³ Въ Библіотекѣ Московскаго Почетнаго Гражданина А. И. Хлудова, подл № 72: «Книга о Вѣрѣ Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви,» Иеромонаха Азарія, стр. 69, «О крестѣ.»

⁴ Въ Библіотекѣ Г. Хлудова № 44.

⁵ Въ Библіот. Г. Хлудова № 170.

лилуіа, вопреки выше приведенному увѣренію проповѣдника, такъ себѣ ошибочно утверждавшаго противное.» Такимъ замѣчаніемъ заключаютъ свои возраженія Старообрядцы и, въ слѣдъ за ними, Единовѣрцы, т. е., принадлежащіе къ Единовѣрческой Церкви.

Я же, съ своей стороны, признавая приведенныя Старообрядцами и Клинновѣрцами свидѣтельства дѣйствительно справедливыми, только и могу прибавить къ нимъ, что въ тѣ времена, т. е., въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, и даже раньше, Малороссійская Православная Церковь, находившаяся въ подчиненіи Православному же Цареградскому Патріярху, знала и благочестно употребляла не только защищаемое Старообрядцами перстосложеніе и двоеніе аллилуіа, но и защищаемое Православными проповѣдниками перстосложеніе и троеніе аллилуіа, какъ свидѣлствуютъ такіе же достоуважаемые памятники древности, иконы и книги. Такъ книги: а) «Тріодь» постная и цвѣтная, на Греческомъ языкѣ, писанная въ лѣто 6852 (1344) Св. Фотія, Митрополита Кіевскаго, родомъ Грека, также находившагося въ совершенномъ подчиненіи Цареградскому Патріярху. Въ этой «Тріоди,» по окончаніи каѳисмы: «Блажени непорочніи,» и тропарей, на листу 334, написано такъ: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже»⁶ и проч... и б) «Православное Исповѣданіе,» составленное упомянутымъ Митрополитомъ Кіевскимъ, Петромъ Могилой, и утвержденное четырьмя Вселенскими Древне-Православными Патріярхами въ 1643 году,⁷ и «Малый Катихизисъ,» того же Митрополита, Петра Могилы, напечатанный въ Кіевѣ въ 1645 году.⁸ Въ этихъ двухъ книгахъ крестное знаменіе предписывается совершать тремя великими первыми перстами во имя Св. Троицы. Слѣдовательно, и до половины XVII столѣтія протекло времени, а еще не достигнуто (рекомендуемое нашими проповѣдниками) единообразіе въ церковныхъ обрядахъ, и, слѣдовательно, какъ тогда обрядовыя разносности не могли препятствовать единству Церкви Греко-Великорусской и Малороссійской, такъ и нынѣ, въ XIX столѣтіи, не препятствуютъ единству Церкви Грекороссійской и Единовѣрческой тѣ же самыя

⁶ Въ Синодальной Библіот. №№ 462, 280 и 281.

⁷ См. Православн. Исповѣд. част. 1, отвѣт. на 51 вопросъ, изд. въ Москвѣ 1696 г., въ Библіот. Г. Хлудова № 301.

⁸ Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры Православно-Каеолитической (Катихизисъ), лист. 25, въ Библіот. Г. Хлудова, № 157.

обрядовыя разности: троеперстіе и двуперстіе, троеніе аллилуіа и двоеніе аллилуіа и т. д.

Во вторыхъ, возражаютъ Старообрядцы и вмѣстѣ съ тѣмъ Единовѣрцы противъ бесѣды другого, не менѣе уважаемаго, нашего проповѣдника, который также, по всей вѣроятности, изъ желанія ослабить излишнюю и бесполезную привязанность Старообрядцевъ къ двуперстію, говоритъ: что «положенное въ Стоглавѣ (изъ Θεодоритова Слова) чтеніе: «три перста имѣти равны, два же наклонны, а не простерты,» болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію. При томъ еще, это, находящееся въ Стоглавѣ, чтеніе Θεодоритова Слова неоспоримо доказываетъ, что прежде оно существовало безъ указанія на персты большой и два малыхъ, и что указаніе есть позднѣйшая прибавка, сдѣланная послѣ Стоглаваго Собора.»⁹

«Нельзя согласиться, возражаютъ люди, потрудившіеся въ изслѣдованіи сего предмета, нельзя согласиться съ такими, по видимому, убѣдительными, но не совсемъ вѣрными, выводами проповѣдника, по слѣдующимъ причинамъ: а) по тому, что въ названномъ Θεодоритовомъ Словѣ нѣтъ двухъ различныхъ перстосложеній, одного для крестнаго на себѣ знаменія, а другого для благословенія, а только одно: «Сиде благословити и креститися,» тогда какъ ревнителямъ троеперстія нужно для благословенія особое перстосложеніе, именованное, означающее имя: б) по тому что и Стоглавый Соборъ, полагая въ основаніе своего постановленія о двуперстіи упомянутое Θεодоритово Слово, ясно показываетъ: «како подобаетъ Архіереомъ и Іереомъ рукою благословляти и знаменоватися»: «Такъ благословити Святителемъ и Іереомъ и на себя крестное знаменіе рукою возлагати двема персты.»¹⁰ По сему-то и нельзя согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ проповѣдника, будто Θεодоритово Слово, помѣщенное въ Стоглавѣ, «болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію.»¹¹ Ибо издревле и по настоящее время не при-

⁹ Бесѣда, напечатанная въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г., книг. 4, отдѣл. 3, стр. 292; отсюда заимствована въ Генварьскую книжку «Душеполезнаго Чтенія» 1876 г., стр. 134—135, подъ заглавіемъ: «Братство Св. Петра Митрополита.» Еще въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г., книг. 2, отд. 3, стр. 139.

¹⁰ См. заглавіе и самый текстъ 31-й главы Стоглава, по изданію Казанской Дух. Академіи 1862 г.

¹¹ Повторяется такая же мысль и въ другомъ мѣстѣ отъ имени того же достопочтеннаго проповѣдника въ «Братскомъ Словѣ,» въ 1-й книгѣ 1876 года, отдѣл. 3, стр. 39, и еще съ сильнѣйшими натяжками обращается Θεодорито-

нято то въ обычай церковный благословлять пастырямъ троеперстно, и нигдѣ, ни на древнихъ, ни на новыхъ, иконахъ не встрѣчается изображенія благословляющихъ рукъ троеперстно. Сверхъ сего, не слѣдовало бы забывать проповѣднику, что и въ прежнія сочиненія, какъ Греческія, такъ Русскія (помѣщенные въ Никонской «Скрижали» и проч.), начиная съ Иподіакона Студита Дамаскина до книги «Жезлъ Правленія,» имѣютъ свой особый смыслъ въ пользу троеперстнаго крестнаго знаменія, именно: «Тремя первыми персты исповѣдати оба таинства—Святая Троицы тайну вкупѣ и смотрѣніе Бога Слова; два же послѣдніе перста имѣти наклонены и празды.»¹² А Феодоритово Слово (по всѣмъ древнимъ его спискамъ) требуетъ, напротивъ, какъ для крестнаго на себѣ знаменія, такъ и для Священническаго благословенія, употреблять вмѣстѣ всѣ пять перстовъ: три во имя Св. Троицы, а два въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ.» Замѣчаютъ еще Старобрядцы и Единовѣрцы: «Не погрѣшаетъ ли въ критикѣ своей самъ проповѣдникъ, когда указаніе на персты, какіе именно, по «Феодоритову Слово,» должно употреблять персты, называетъ «позднѣйшею прибавкою, сдѣланною послѣ Стоглаваго Собора?» Какъ же это такъ скоро могъ позабыть проповѣдникъ, что есть еще свидѣтельство? Это Сборникъ Митрополита Московскаго Даніила, который составленъ не послѣ, а раньше Стоглаваго Собора. Въ этомъ-то Сборникѣ, въ Словѣ 4-мъ и есть указаніе, въ «Феодоритовомъ Словѣ,» на персты, именно указаніе такое:

во Слово въ пользу троеперстія, такъ что будто въ разсматриваемомъ имъ Феодоритовомъ Словѣ три перста названы равными. Но напрасно такъ говорить проповѣдникъ; ибо въ Феодоритовомъ Словѣ, помѣщенномъ въ Стоглавъ, только сказано: «три персты равны имѣти вкупѣ;» такъ и въ другихъ древнѣйшихъ спискахъ сего Слова. А въ Сборникѣ Митрополита Московскаго Даніила, въ словѣ 4, это мѣсто изъ Феодоритова же Слова читается еще яснѣе, именно такъ: «три персты равно имѣти вкупѣ.» Слѣдовательно, не названы персты равными, а только велѣно «три персты равны (равно) имѣти вкупѣ,» т. е., равноконечно сложенными вмѣстѣ, и только. Очевидно, что древніе писатели, какъ и здравый смыслъ говорить, не могли называть три, или сколько бы ни было перстовъ, равными, по тому что ни въ какой рукѣ человѣческой трехъ равныхъ перстовъ подобать не возможно. Равнѣ только и возможно представлять, персты равными на бумагѣ чернилами въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г. книга 2, отд. 3, стр. 139.

¹² См. Скриж. изд. 1656 г., стр. 806, еще 740 и 773. Дополн. къ Акт. истор. т. 5, стр. 462 и 486. Соборн постановл. 1666—1667 г.

«Слице благословити рукою и креститися, три персты равно имѣти вкупѣ, большой да два послѣднихъ, по образу тройческу;... а два перста имѣти наклонена, а не простерта, двѣ естество Христовѣ, Божество его и челоувѣчество, образующихъ.»¹³

«При всѣмъ этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, говорятъ Старообрядцы, и заявляютъ свою справедливую жалобу Единовѣрцы, что какъ въ Сборникѣ Митрополита Даниила (въ томъ же 4 мѣ Слово), такъ и въ постановленіи Стоглаваго Собора (гл. 31), по правильному чтенію, слѣдующія слова: «преклоненіе» или «согбеніе персту» относятся къ двумъ перстамъ, образующимъ два естества во Христѣ, а не къ сложенію трехъ перстовъ, какъ, наконецъ, усиливается показать въ своей полемической бесѣдѣ тотъ же проповѣдникъ, будто и въ самомъ дѣлѣ опредѣленіе Стоглаваго Собора «подавало такую мысль, что сложеніемъ трехъ перстовъ проповѣдуется сошествіе съ небесъ, или воплощеніе всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы, а не единого отъ Троицы.»¹⁴ Такую неаппетитность допускаетъ проповѣдникъ въ опредѣленіи, т. е., въ постановленіи, Стоглаваго Собора лишь на основаніи неясно высказанныхъ тамъ словъ: «два дольняя, а третій верхній къ дольнимъ перстома.»¹⁵ «Тоже согбеніе персту толкуетъ: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія.» Къ этимъ-то словамъ и привязывается съ своею утонченною критикою проповѣдникъ, подчеркнувъ ихъ, какъ будто составляющихъ какой-то особый смыслъ, и навязавъ имъ упомянутую выше странную мысль о сошествіи съ небесъ или воплощеніи всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы. Но, вмѣсто того, чтобы какой ни будь составляли особый смыслъ окритикованныя понапрасну слова, они не что иное, какъ только сокращенное повтореніе или подтвержденіе слѣдующихъ, тамъ же нѣсколько повыше, пространно и ясно изложенныхъ словъ: «правую бы руку, сирѣчь десницу, уставливали ко крестному воображенію

¹³ Сборникъ рукопис. XVI столѣтія Митр. Моск. Даниила въ Синодалев. Библиот. № 185, и Библиот. Г. Хлудова № 87.

¹⁴ См. Бесѣд. въ «Братскомъ Слово» 1875 г., книг. 4, отдѣл. 3, стр. 290, подстрочное примѣчаніе, и самый текстъ, къ тому относящійся; то же самое и въ Генварской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія, 1876 г., стр. 133.

¹⁵ Здѣсь, на этомъ мѣстѣ (стр. 134 Стоглав., издан. въ Казани), послѣ слова: «перстома» поставлена точка, какъ показывающая окончаніе полного смысла, а не запятая, которая показывала бы только знакъ препинанія еще не оконченнаго смысла словъ, какъ это сдѣлано въ означенной бесѣдѣ «Братскаго Слова» книга 4, отдѣл. 3, стр. 289, нижнія строки, 1875 г.

большой палець да два нижніи перста во едино совокупивъ, а верхній перстъ съ среднимъ совокупивъ простеръ и мало нагнувъ. Тако благословити Святителемъ и Іереємъ и на себя крестное знаменіе рукою возлагали двема персты... Первое возлагати на чело, таже на перси, сирѣчь на сердце, и потомъ на правое плечо, таже на лѣвое плечо. То есть истинное воображеніе крестнаго знаменія»¹⁶ Изъ сего полнаго и цѣлесообразнаго мѣста поставленія Стоглаваго Собора легко можно понять, какъ и какой съ какимъ персты совокуплять должно, т. е., первый перстъ съ двумя послѣдними «во едино совокупивъ,» а указательный съ великосреднимъ «совокупивъ простеръ и мало нагнувъ» (а это и есть то самое «согбеніе персту»). Къ этимъ-то двумъ, указательному и великосреднему, перстамъ относятся и тѣ, нѣсколько пониже въ томъ же мѣстѣ постановленія, кратко повторенныя слова: «тоже согбеніе персту толкуетъ: преклонъ бо небеса и снуде нашего ради спасенія.» Вотъ сии-то самыя слова и по здравому смыслу, и по намѣренію изложенія самого опредѣленія, т. е., постановленія, Стоглаваго Собора, и относятся именно къ двумъ названнымъ перстамъ, образующимъ два естества во единомъ лицѣ нашего Спасителя, который, «преклонъ небеса, и снуде нашего ради спасенія,» а не къ тремъ перстамъ, какъ усиливается показать въ бесѣдѣ своей упомянутой проповѣдникъ, и тѣмъ сбивать съ толку людей малосвѣдущихъ, говоря, на примѣръ, какому ни будь плохому защитнику двуперстія: «Согласенъ ли ты съ этимъ опредѣленіемъ Стоглаваго Собора, что три перста, дольніе два и горній, должны образовать: «преклонъ небеса, и снуде нашего ради спасенія»..; и что по сему уже это опредѣленіе Стоглаваго Собора подавало такую мысль, что сложеніемъ трехъ перстовъ проповѣдуется сошествіе съ небесъ или воплощеніе всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы, а не единого отъ Троицы?»¹⁷ Но кто согласится съ симъ проповѣдникомъ допустить въ постановленіи Стоглаваго Собора подобное зретичество?

Странно! Ужъ не подаетъ ли такую мысль самъ проповѣдникъ-критикъ, что учившіе двуперстію отцы Стоглаваго Собора не сдѣлались ли сами учениками какого ни будь, созданнаго полемическою казуистикой, еретика, въ родѣ: Мартына Армянина?..»

Но это не что иное, какъ ошибка, отвѣчалъ я, смутившимся Старо-

¹⁶ Стоглавъ гл. 31, стр. 132, по изданію Казанской Дух. Академіи 1862 г.

¹⁷ См. «Братское Слово» 1875 года, книга 4, отд. 3, стр. 290 и примѣчаніе къ оной.

обрядцамъ и Единовѣрцамъ, и ошибка самая грубая, допущенная въ публичной бесѣдѣ почтеннымъ проповѣдникомъ нашимъ. Кажется, что онъ слишкомъ неосторожно въ бесѣдѣ своей пользовался какимъ-то поцавшимся подъ его руки спискомъ Стоглавника, такъ что, ¹⁸ даже, при всей своей дальновидности, онъ не могъ замѣтить въ приведенномъ имъ же самимъ мѣстѣ изъ того Стоглавника слѣдующую безсмыслицу: «креститися и благословити: два дольняя, а третій верхній къ дольнима перстома: тоже согбеніе персту толкуеть: преклонъ бо небеса и сниде нашего ради спасенія» ¹⁹ и проч... Не очевидно ли, что въ этой безсмыслицѣ нѣтъ такой мысли, по которой бы можно было относить къ тѣмъ, или другимъ, перстамъ слѣдующія слова: согбеніе персту толкуеть: «преклонъ бо небеса и сниде нашего ради спасенія!» И такъ, въ приведенной нашимъ проповѣдникомъ, изъ испорченнаго мѣста Стоглавника, выпискѣ только и можно видѣть какую-то безтолковую кучу пальцевъ: «два дольняя, а третій верхній къ дольнима перстома?» А куда же дѣвались еще два перста, которые непременно должны имѣть здѣсь свое значеніе при трехъ перстахъ? При такомъ-то бессмысленномъ расказѣ о перстахъ и вкралась въ Стоглавникъ, воображаемая нашими критиками, ересь, конечно по ошибкѣ переписчика, который написалъ «два дольняя» вмѣсто: «два долгія.» Ибо по другому списку Стоглавника это мѣсто читается подлинно такъ: «два долгія, а третій, верхній къ дольнима перстома.» Значить служить, для крестнаго знаменія и благословенія, персты такъ: «два долгія» (т. е., указательный и великосредній), а третій верхній къ дольнима перстома» (т. е., первый къ послѣднимъ перстамъ). А это и есть то самое перстосложеніе, такъ называемое двуперстіе, которое хотя и изъ всѣхъ пяти перстовъ составляетъ для исповѣданія Св. Троицы и

¹⁸ Впрочемъ, такой списокъ Стоглавника принесенъ былъ на бесѣду однимъ Старообрядцемъ, по которому и велась означенная бесѣда. См. тамъ же въ «Братскомъ Словѣ,» стр. 288, 292 и 293, отд. 3, книга 4, 1875 года.

¹⁹ Тамъ же, стр. 289. Послѣ слова: «перстома,» надобно же было составителю бесѣды поставить, вмѣсто точки, запятую, и тѣмъ два смысла смѣшать въ одинъ, о чемъ см. замѣчаніе мое нѣсколько ниже, въ примѣчаніи.

²⁰ Такъ точно это мѣсто читается по списку Стоглавника, означеннаго въ подстрочномъ 4-мъ примѣчаніи подъ № 5, на стр. 134 книги Стоглана, по изданію Казанской Дух. Академіи 1862 г. Благодаря такимъ прекраснымъ примѣчаніямъ названной книги, кажется, легко можно избѣгать разсматриваемыхъ ошибокъ, допускаемыхъ, къ сожалѣнію, въ такихъ бесѣдахъ, какія, какъ образцовыя, печатаются въ «Братскомъ Словѣ.»

двухъ естествъ во Христѣ, но, при самомъ дѣйстви крестнаго знаменія и благословенія, только два перста возлагаются на голову, на животъ, на правое плечо и на лѣвое. «Такъ благословити Святителемъ и Іереомъ и на себя крестное знаменіе рукою возлагати двема персты.» Съ симъ обрядомъ перстосложенія, въ которомъ слагаются персты указательный съ великосреднимъ, а первый съ двумя послѣдними, однако жъ, члены Стоглаваго Собора «не содиняютъ никакого неправославнаго мудрованія, но единомудреннѣ со всю Правосавною Церковію Пресвятую Троицу и Господа І. Христа во двухъ естествахъ славятъ.»

— «Благодаримъ покорно за правдивое слово,» говорятъ Старообрядцы. «Мы съ такими правдивыми объясненіями совершенно согласны,» подтверждаютъ Единовѣрцы. Но только не согласны мы, заявляютъ и тѣ и другіе, только не согласны мы съ казуистическими доводами и выводами того проповѣдника, который приписываетъ не ошибкамъ переписчиковъ книги Стоглава, а самому опредѣленію Стоглаваго Собора слѣдующія еретическія нелѣпости: «что три перста означаютъ: преклонъ небеса и сниде нашего ради спасенія», и «что сложениемъ трехъ перстовъ проповѣдуется сошествіе съ небесъ, или воплощеніе всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы, а не единого отъ Троицы.»²¹ Уже ли столь свѣдущій проповѣдникъ не зналъ о томъ, что между многочисленными списками книги Стоглава существуетъ большая разногласица, допущенная невѣжествомъ поренисчиковъ? Уже ли онъ не принималъ, что приведенныя имъ же самимъ и изъ того же мѣста слова: «преклонъ небеса и сниде нашего ради спасенія, какъ означающія не множественное, а единственное число (преклонъ, сниде) то и относятся самымъ естественнымъ образомъ не ко всѣмъ Лицамъ Св. Троицы, а къ единому отъ Троицы, и именно къ Лицу І. Христа, Сына Божія? Уже ли, наконецъ, спеціальнѣй, по вразумленію заблуждающихся, проповѣдникъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и глубокомысленнѣй составитель Бесѣды «Братскаго Слова,» не могъ понять смысла и слѣдующихъ словъ, въ томъ же мѣстѣ 31-й главы Стоглава, неоднократно повторяемыхъ: «двема персты благословити и креститися въ Божество и челоуѣчество...?» Развѣ и эти слова не къ Единому отъ Троицы Бого-челоуѣкку. относятся, равно какъ и въ связи съ ними состоящія, критикуемая проповѣдникомъ, слова: «согбеніе персту

²¹ Въ той же Бесѣдѣ стр. 290 и примѣчаніе къ оной. «Братское Слово», книга 4, отд. 3, 1875 г.

толкуеть: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія..?» Кто же, и гдѣ такъ, совершенно вѣрно, «толкуеть,» что образуемый «двумя перстами» Единъ отъ Троицы «преклонь небеса и сниде нашего ради спасенія?» Такъ толкуеть одно изъ оснований, на которомъ Стоглавый Соборъ утвердилъ свое постановленіе о двуперстіи. это то самое приснопоминаемое Феодоритово Слово, изложеніе котораго какому бы Феодориту (на пр., Греческому, или Русскому) ни принадлежало, но оно, однако жъ, вполне Православно-догматическое, и уже существовавшее гораздо раньше Стоглаваго Собора въ древнихъ, достойныхъ уваженія, Славянскихъ рукописяхъ, по тому и положено въ основаніе догматической стороны ученія о двуперстіи Стоглаваго Собора. Вотъ оно, Феодоритово Слово, что говоритъ: «Сице благословити рукою и креститися три персты равны имѣти вкупе по образу Тройческому»... (и чрезъ нѣсколько словъ): «два перста имѣти наклонена, а не простерта, а тѣмъ указъ тако:» то образуетъ ²² двѣ естество, Божество и челоуѣчество... тоже гбеніе (согбеніе) персту толкуеть: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія. Да тако достоинъ креститися и благословити.» ²³

Такимъ образомъ и Старообрядческіе и Единовѣрческіе начетчики взаимобразно вѣрно защищаютъ догматическую сторону постановленія Стоглаваго Собора о двуперстіи, защищаютъ отъ неожиданныхъ нападений со стороны, по видимому, нежестокословнаго Братскаго Слова.

Нельзя не согласиться съ выше изложенною и, надобно сказать правду, вполне справедливою защитою относительно догматической стороны ученія Стоглаваго Собора о двуперстіи, по тому что: «Я не согласенъ отдать многихъ добрыхъ и почтенныхъ Великороссійскихъ предковъ нашихъ въ ученики иноземному лжеучителю... Члены Стоглаваго Собора, конечно, не ученики Мартына ²⁴.

«Какъ же это такъ могло случиться, спрашиваютъ опять Старообрядцы и Единовѣрцы, что другіе прочіе проповѣдники и писатели разсматриваемое сей часъ постановленіе Стоглаваго Собора о двупер-

²² А по другому списку Стоглава читается: «то бо разумѣемъ.» См. Стоглавъ, изд. въ Кавани 1862 г., стр. 136, примѣч. 1.

²³ Феодоритово Слово, въ Стоглавѣ въ главѣ 31, по изданію Казанской Духовной Академіи 1862 г.

²⁴ Слова приснопомятыя одной изъ «Бесѣдъ къ глаголемому Старообрядцу,» стр. 21 — 22. Москва, 1835 г.

стіи, хотя и со стыдомъ, но все таки мало по малу перестаютъ называть ученіемъ Мартына Армянина? И, однако жъ, не перестаютъ они приписывать сіе постановленіе безразсудности, простотѣ и невѣжеству членовъ Стоглаваго Собора. Именно такъ говорятъ и пишутъ люди ученые, что Стоглавый Соборъ утвердилъ свое постановленіе о двуперстіи на нѣкоторыхъ ложныхъ основаніяхъ. Ложными основаніями называютъ они «*Феодоритово Слово*» и «*Сказаніе о Св. Мелетіи.*» Впрочемъ, такъ говорятъ люди ученые относительно къ нашему Старообрядскому перстосложенію—къ двуперстію.²⁵ А Когда начинаютъ ученые писатели писать въ защиту троеперстія, тогда уже, ни сколько не стѣсняясь, подхватываютъ какое ни будь изъ тѣхъ самыхъ основаній, которыя сами же называли «ложными», и безцеремонно обращаютъ ихъ въ пользу троеперстія, хотя бы, на примѣръ: прежде писали и говорили, что именуемое Феодоритово Слово о перстосложеніи есть не что иное, какъ вымыселъ какого-то скрытаго еретика двуперстника Арменскія ереси.²⁶ А теперь журналъ «*Братское Слово*» возвѣщаетъ, что именуемое Феодоритово Слово «болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію;» ибо оно находится въ такомъ благопріятномъ, для «*Братскаго Слова,*» видѣ въ древнѣйшихъ рукописныхъ Православныхъ книгахъ.²⁷ Подобнымъ благосклоннымъ образомъ журналъ «*Братское Слово*»²⁸ относится и къ «*Сказанію о Св. Мелетіи,*» подражая Патріярху Никону и Собору 1667 года, гдѣ обращается сіе Сказаніе въ пользу троеперстія, будто Св. Мелетій бла-

²⁵ См. книгу «Обличеніе неправды раскольническія,» гл. 1, о сложеніи перстовъ, разсужденіе 3, лист. 10, 11 и 12, изд. Св. Синодомъ 1745 г. Истор. Русск. раскола, Преосв. Макарія, стр. 59—62. С.-Петербургъ, 1855 г.

²⁶ Дополн. къ Акт. истор. т. 5, стр. 472; въ Соборномъ свиткѣ правило 22; въ Скрижали Патр. Никова 1656 г., стр. 813—814, и въ концѣ книги «Слово отвѣщательно,» лист. 6—15 и 16.

²⁷ Книги самыя древнѣйшія рукописныя XV-го столѣтія, въ которыхъ находится именуемое «*Феодоритово Слово*» о перстосложеніи (точно такого содержанія, какъ мы сейчасъ читали въ 31 главѣ Стоглаваго Собора), нынѣ находятся въ Библіотекѣ Казанской Духовной Академіи подъ №№ 802 и 858. Вотъ что объ одной изъ сихъ книгъ (Кормч. № 858) замѣчаетъ Преосвященный Игватій: «Книга писана, какъ сказано въ ней самой, въ Новгородѣ, по распоряженію Игумева Доскѣя, ученика и преемника Преподобному Зосимѣ, писана вмевно для вклада въ Соловецкій монастырь» (Истин. Св. Соловец. обит., стр. 87; см.ч. Православ. Собесѣд. 1860 г., т. 27, стр. 322. См. у о. Виноградова о Феодоритовомъ Словѣ гл. 2, стр. 10—11).

²⁸ «*Братское Слово*» 1875 г., книг. 4, отд. 3, стр. 292.

гословилъ людей тремя перстами, отъ которыхъ «изыде огонь яко молнія.»²⁹ Только и тутъ въ ученыхъ выводахъ что-то не ладится. Ибо для крестящихся троеперстно требуется еще другая форма перстосложенія, именно для Священническаго благословенія требуется перстосложеніе, такъ называемое, именованное, а ни какъ не троеперстное, приписываемое Мелетіеву благословенію. Желательно слышать разъясненіе, которое бы послужило развязкой столь грустной, и ученой и неученой, путаницы». Такими словами заключаютъ предлагаемыя задачи совопросники и собесѣдники мои, Старообрядцы и Единовѣрцы, и даже многіе изъ Православныхъ.

— «Какъ неученая, такъ и ученая, эта путаница разъясняется и развязывается сама собой по историческимъ изслѣдованіямъ», отвѣчалъ я, и постоянно отвѣчаю такъ и на публичныхъ моихъ бесѣдахъ съ народомъ, и въ частныхъ собраніяхъ, на примѣръ: «Изъ сказанія о Св. Мелетіи, какъ передается оно у достовѣрныхъ повѣствователей, Блаж. Феодорита (Церковн. истор. книг. 2, гл. 31), Созомена (Церк. Истор. кн. 4, 28) и Каллиста (Церковн. Истор. книг. 9, гл. 48), ясно видится, что Св. Мелетій извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ противъ Аріянь желалъ наглядно показать народу свое Православное исповѣданіе Трехъ Лицъ во Св. Единосущной Троицѣ, въ подтвержденіе чего, показавши сначала три перста и потомъ одинъ, и прознесъ слово: «Разумѣемъ три, а бесѣдуемъ какъ бы о единомъ...» а во все не имѣлъ намѣренія преподавать наставленіе, какъ надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія, или благословенія. По сему извлекать отсюда доказательство въ пользу того, или другого, т. е., двухперстнаго, или треперстнаго, перстосложенія, значитъ поступать вопреки подлинному смыслу историческаго событія. При томъ же, надобно замѣтить, что какъ нѣкоторые Православные писатели, такъ и Старообрядческіе начетчики, допускаютъ историческую невѣрность, признавая подлиннымъ то обстоятельство, что будто бы отъ показанныхъ Мелетіемъ перетовъ «изыде огонь яко молнія.» Ни Феодоритъ, ни Созоменъ, ни Каллистъ, о такомъ событіи не упоминаютъ, и встрѣчается оно только въ преувеличенныхъ Славянскихъ спискахъ сказанія, да еще, къ сожалѣнію, не только въ старописьменныхъ и старопечатныхъ, но даже и въ новопечатныхъ исправленныхъ Прологахъ (Февраля 12) и въ предисловіяхъ къ Псалтыри и Часо-

²⁹ «Слово отвѣщательно» Патр. Никона въ концѣ Скрижали лст. 11—12. Дополн. къ Акт. истор. т. 5, стр. 502, и въ предисловіи къ Псалтыри и Часослову. «Братское Слово» 1875 г., книг. 2, отдѣл. 3, стр. 140 — 141.

слову, которыми и руководствуются, одинаково ошибочно, какъ Старообрядческіе начетчики въ пользу двуперстія, такъ и нѣкоторые изъ Православныхъ, даже ученыхъ, писателей въ пользу троеперстія, обращая при томъ особенное вниманіе на это извѣстіе о мнимо чудесномъ знаменіи, дабы предать болѣе значенія и самому событію и утверждаемому на немъ перстосложенію. Слѣдовательно, какъ неученые, такъ и ученые, и до сихъ поръ оба они не перестаютъ оспаривать другъ у друга правъ, условливаемыхъ плохую ихъ задачу—служить правдѣ неправдой.

Надобно же, наконецъ, и независимо отъ этой задачи, сказать правду. У насъ, на Руси, историческое сказаніе Блаж. Θεодорита о Св. Мелетіи пересказано разными писателями на разные лады, и при томъ въ преувеличенномъ видѣ, безъ сомнѣнія, съ добрымъ намѣреніемъ, чтобъ свое Русское Православное о крестномъ знаменіи ученіе освятить именемъ Греческихъ учителей, Св. Мелетія и Блаж. Θεодорита, и тѣмъ сильнѣе утвердить свой мѣстный Православный обрядъ перстосложенія для крестнаго знаменія. Отсюда произошли цѣлыя, своего рода, Сказанія о Св. Мелетіи, и цѣлыя, своего рода, статьи или Слова подъ именемъ Блаж. Θεодорита о крестномъ знаменіи и перстосложеніи, съ такими добрыми Древне-Русскими прикрасами, какихъ никогда не существовало въ повѣствованіяхъ Блаж. Θεодорита и другихъ Греческихъ историковъ, кромѣ выше сказаннаго изъ церковной исторіи Блаж. Θεодорита и другихъ, какъ дѣйствительно Св. Мелетій, извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ противъ Аріянь, желалъ наглядно показать народу свое Православное исповѣданіе: «троичность Лиць во Единомъ Божествѣ,» въ подтвержденіе чего, показавши сначала три перста, а потомъ одинъ, и произнесъ слова: «Разумѣемъ три, а бесѣдуемъ какъ бы о единомъ...» и только. Сверхъ сихъ словъ, дѣйствительно высказанныхъ Св. Мелетіемъ и переданныхъ Блаж. Θεодоритомъ, въ его Церковной Исторіи, всѣ остальные слова, т. е., все изложеніе о перстосложеніи, какое содержится въ нашемъ Славянскомъ сказаніи о Св. Мелетіи и въ, такъ называемомъ Θεодоритовомъ Словѣ, суть не что иное, какъ благоданѣренное прибавленіе, сдѣланное нашими Древне-Русскими Православными писателями. Слѣдовательно, напрасно журналъ «Братское Слово» вздумалъ увѣрять читателей только въ томъ, что въ Θεодоритовомъ Словѣ «указаніе на персты большой и два малыхъ есть позднѣйшая прибавка, сдѣланная послѣ Стоглаваго Собора,»³⁰ тогда какъ

³⁰ «Братское Слово» 1875 г., книг. 4, стр. 3, стр. 292.⁴

даже все цѣликомъ именуемое «**Феодоритово Слово**» оказывается прибавкою, которой не находится въ твореніяхъ Блаж. Феодорита, Греческаго писателя V-го вѣка, и которое появилось въ Славянскихъ рукописяхъ не раньше XV-го столѣтія,³¹ сперва вкратцѣ, безъ указанія на персты, а потомъ, съ начала XVI-го столѣтія, какъ показано выше, стало оно писаться яснѣе и яснѣе, съ указаніемъ на персты, т. е., какіе именно и какъ должно слагать для крестнаго знаменія и благословенія персты, какъ въ послѣдствіи оказалось и въ печатныхъ Московскихъ книгахъ XVII-го столѣтія. И такимъ образомъ вопросъ этотъ рѣшается самъ собою: все равно, съ указаніемъ ли на персты, или безъ указанія, именуемое «**Феодоритово Слово**,» находящееся и въ рукописныхъ нашихъ книгахъ, есть сочиненіе чисто Русское, Православное, и ни какъ не Греческое, а тѣмъ болѣе не еретическое и не раскольниковское. Но говорятъ: «За чѣмъ же было это Русское, сочиненіе называть «**Словомъ Святаго Феодорита?**» И этотъ вопросъ также очень просто рѣшается самъ собою. Въ старину на Руси было обыкновеніе у нѣкоторыхъ, даже у многихъ, благочестивыхъ писателей не объявлять въ собственныхъ сочиненіяхъ своего имени, съ одной стороны смиренія ради, а съ другой стороны, дабы внушить болѣе довѣрія таковымъ сочиненіямъ, приписывали ихъ имени Греческихъ значительнѣйшихъ (авторитетнѣйшихъ) писателей. Отсюда произошли сотни разныхъ душе-спасительныхъ поученій подъ именемъ: то Св. Іоанна Златоустаго, то Василія Великаго, то Григорія Богослова и т. п. Можно, на примѣръ, указать на цѣлую большую книгу, именуемую «**Златоустъ**,» собранную изъ таковыхъ, чисто Русскихъ душе-спасительныхъ, поученій, носящихъ на себѣ названіе «**Поученій Св. Іоанна Златоустаго**» и другихъ Св. учителей Греческой Церкви. Нынѣ разсматриваемыя нами два сочиненія: одно подъ именемъ «**Феодоритова Слова**,» другое подъ именемъ «**Сказанія о Св. Мелетія**,» суть наставленія смиренныхъ и благочестивыхъ Древне-Русскихъ учителей, желавшихъ внушить Русскому простому, малограмотному и даже болѣею частию безграмотному, люду, самымъ краткимъ, простымъ и нагляднымъ образомъ, всецѣлое Православно-догматическое вѣроученіе посредствомъ перстосложенія, при крестномъ знаменіи три перста слагать во имя Св. Единосущныя Троицы, а два въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ. Такое краткое наглядное и вполнѣ Православное исповѣданіе при

³¹ Не укажетъ ли кто еще на такое именуемое «**Феодоритово Слово**,» которое бы существовало раньше XV столѣтія, хотя бы и безъ указанія на персты?

крестномъ знаменіи и перстосложеніи требовалось, преимущественнаго въ XV и XVI столѣтіяхъ, для Русскаго народа, по обстоятельствамъ того времени, и именно для противодѣйствія ереси Жидовствующихъ и Рационалистовъ, отвергавшихъ Божество въ Лицѣ Христа Спасителя и, слѣдовательно искажавшихъ и самыи догматъ Вѣры во Св. Троицу.»

Старообрядческіе начетчики дѣлають на это слѣдующее замѣчаніе: «Да это вы, о. Пафнутіи, такъ свободно и такъ рѣшительно рассуждаете и доказываете. Но другіе, ваши проповѣдники и писатели, судяють иначе, и наши ожиданія слышать отъ журнала «Братское Слово,» церковно-историческую правду оказались тщетными. «Братское Слово,» уклоняясь отъ сущности, занимается молочными подробностями въ разсужденіи перстосложенія, будто у крестящихся треперстно (благодаря какому-то особаго рода устройству руки) всѣ три перста оказываются равными, а у двуперстниковъ (обиженныхъ природою) оказываются всѣ персты весьма неравными.³² И такимъ образомъ дѣлаеть «Братское Слово» очевидныя и въ высшей степени казуистическія натяжки: то представляетъ извѣстное «*Феодоритово Слово*» «болѣе благопріятствующимъ троеперстію, нежели двуперстію,»³³ то навязываетъ какія-то еретическія нечѣлости ученію Стоглаваго Собора о двуперстіи, основанному на томъ же «*Феодоритовомъ Словѣ.*»³⁴ А изъ такихъ и т. п. двусмысленныхъ выводовъ «Братскаго Слова» ни какъ не возможно понять, на сколько вѣрно вѣруеть оно въ непогрѣшимость опредѣленія Собора 1667 года, хотъ бы, на примѣръ, слѣдующаго опредѣленія подъ правиломъ 22: «Еще же и писаніе, еже есть сложено отъ нѣкотораго раскольника и скрытаго еретика Арменскія ереси и напечатана невѣжествомъ и неразсудно въ книзѣ Псалтырь со возслѣдованіемъ и во иныхъ, (сирѣчь) о сложенія перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю еже еретики Армени знаменуются крестомъ, не примати сіе, и никто же отнынѣ сему писанію да вѣруеть, ниже да держить, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ и письменныхъ книгъ.»³⁵

Выслушавъ такіа замысловатыя, со стороны Старообрядцевъ, за-

³² Братское Слово 1875 г., книг. 2, отд. 3, стр. 139; 1876 г. книга 1, отд. 3, стр. 39.

³³ Братское Слово 1875 г., книг. 2, стр. 3, стр. 139 — 140; книг. 4, отд. 3, стр. 292.

³⁴ Братское Слово 1875 г., книга 4, отд. 3, стр. 290.

³⁵ Дополн. въ Акт. ист. т. 5, стр. 472.

мѣчанія съ такимъ неутишительнымъ для насъ доказательствомъ, я отвѣтилъ имъ такъ: «Прибавлю здѣсь къ тому, что доселѣ было мною сказано: «Двусмысленныя выводы «Братскаго Слова» пусть себѣ и остаются двусмысленными, въ назиданіе для самихъ составителей и издателей этихъ выводовъ; нужно же чѣмъ ни будь начинать журналъ «Братское Слово.»»³⁶ А представленное опредѣленіе Собора 1667 года и само по себѣ, безъ всякихъ выводовъ, ясно. Оно самымъ положительнымъ образомъ повелѣваетъ изъ всѣхъ, какъ печатныхъ, такъ и письменныхъ, книгъ искоренить ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи, какъ ученіе раскольническое, еретическое, Арменскія ереси... Но пусть себѣ и это, покойныхъ отцовъ Собора 1667 года опредѣленіе, какъ и оно, соответствующее, обстоятельствамъ давно минувшихъ дней, пусть себѣ и оно покоится въ мертвой архивной буквѣ. Ибо на дѣлѣ, въ самой церковной жизни, таковыхъ повелѣній и опредѣленій не существуетъ. Богу благодареніе, нынѣ Православная Церковь, въ лицѣ Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода, не искореняетъ изъ письменныхъ и печатныхъ книгъ ученіе о крестномъ знаменіи, именно о двуперстїи. Нынѣ, по благословенію Святейшаго Синода, печатаются въ Московскои Единобѣрческой Типографїи не какіе ни будь полемическіе выводы, а Церковно-Богослужебныя книги съ Древне-Русскимъ ученіемъ о крестномъ знаменіи, т. е., о самомъ томъ двуперстїи, въ которомъ нынѣ Православная Церковь, не только не находитъ «никогого неправославнаго мудрованія,» но и вполнѣ признаетъ въ немъ единомысленное со всею Право-

³⁶ Впрочемъ, есть нѣкоторыя исключенія и, надобно сказать правду, можно отдать справедливость статьямъ, помѣщаемымъ въ «Братскомъ Словѣ» подъ заглавіемъ: «Опытъ сличеній церковныхъ чинопоследованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ Московскои печати, издаваемыхъ первыми пятью Россійскими Патріархами, съ указаніемъ представляемыхъ ими книгами важнѣйшихъ различій и несогласій въ изложеніи церковныхъ чиновъ.» Трудъ этотъ возлюбленнаго нашего брата о Христѣ, Іеромонаха Филарета (бывшаго Архидіакона, такъ называемой, Бѣлокриницкой Митрополїи), предлагается, безъ всякихъ остроумныхъ выводовъ, вниманію глаголомъ Старообрядцевъ, кои могутъ провѣрить самолично всѣ приведенныя о Филаретомъ указанія изъ старопечатныхъ книгъ. Сдѣлавъ это и обсудивъ безпристрастно все изложеніе въ «Опытѣ,» Старообрядцы могутъ прїйти къ тѣмъ здравымъ заключеніямъ, что различія въ церковныхъ обрядахъ, чинопоследованіяхъ и молитвословіяхъ, при соблюденіи единства догматовъ Вѣры, какъ издревле не препятствовали, такъ и нынѣ не могутъ препятствовать единству Церкви Православно-Каеодической.

славную Церковію Православно-догматическое исповѣданіе. А что все это мною сказано вѣрно, смѣю въ томъ увѣрить даже всякаго—указаніемъ на Предисловія къ Псалтыри и Часослову, печатаемымъ, по благословенію Святѣйшаго Синода, въ Московской Синодальной Типографіи съ 1866 года, и въ Типографіи Единовѣрческой — въ Большомъ Катихизисѣ, 1874 г., и Псалтыри 1875 г.

И такимъ образомъ, не по выводамъ полемическаго «Братскаго Слова», а во имя умиротворяющаго все церковнаго слова, смѣю сказать теперь: «Миръ всѣмъ, не только знаменующимся троеперстно, но и знаменующимся двоеперстно! Ибо и сіи послѣдніе «не соединяютъ съ симъ (съ двуперстіемъ) никакого неправославнаго мудрованія, но единомудреннѣ, со всею Православною Церковію, Пресвятую Троицу и Господа нашего, Иисуса Христа, во двухъ естествахъ славятъ.

Августъ 1876 года.

ДУХОВНИКИ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ

И

ЦАРЕЙ МОСКОВСКИХЪ И ВСЕЯ РОССІИ.

Имена духовныхъ отцовъ первыхъ Великихъ Князей Московскихъ извѣстны намъ по ихъ подписямъ подъ духовными сихъ Князей грамотами. Такъ подъ духовной грамотой В. К. Ивана Даниловича Калиты (1328 г.) подписались: «Отцы его душевные (Священноиноки) Ефремъ и Θεодосій, да Попъ Давыдъ.»

Подъ духовной грамотой Великаго Князя Симеона Ивановича (1353 года) подписался отецъ его душевный: Попъ Евсевій. По другимъ свѣдѣніямъ духовнымъ отцомъ сего Князя былъ также Игумень Московскаго Богоявленскаго монастыря Стефанъ, родной братъ Пр. Сергія (Лѣт. Никон. изд. 1788 г., IV, ст. 823, стр. 52—84).

Подъ духовной грамотой Великаго Князя Ивана Ивановича (1356 г.) подписались его отцы душевные: Игумень Спасскій Иванъ, Попъ Акинфъ, Попъ Натрикій.

Подъ духовной грамотой Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго (1389 г.) подписались отцы его душевные: Игумень Сергій (Преподобный основатель Свято-Троицкой Лавры) да Игумень Севастьянъ. По другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что духовными отцами сего Князя были также: Архимандритъ Спасскаго въ Кремлѣ монастыря Михаилъ (съ 1275 по 1377, извѣстный болѣе подъ именемъ Митяя), а въ 1380 годахъ Симонова монастыря Архимандритъ Θεодоръ, родной племянникъ Пр. Сергія.

Въ 3 духовныхъ грамотахъ Великаго Князя Василя Дмитріевича нѣтъ подписи его духовныхъ отцовъ, но изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что таковыми были Настоятели Спасскаго (быв-

шаго въ Кремль) монастыря Архимандриты, изъ коихъ упоминается въ царствованіи Великаго Князя Василя I Сергій въ 1389 г., Игнатій, Θεодосій 1404 г., Иларіонъ 1406, Савва 1410 и Трифонъ въ 1462 г.

Въ духовной грамотѣ Великаго Князя Василя Васильевича (1462) подписался отецъ его духовный Архимандритъ Спасскій Трифонъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Ростовскій.

Въ духовной грамотѣ Великаго Князя Ивана III Васильевича (1504 г.) подписался духовный отецъ его Андрониковскій Архимандритъ Митрофанъ.

Въ духовной грамотѣ Великаго Князя Василя Ивановича (1523 г.) подписался отецъ его духовный Василій, Протопопъ Благовѣщенскій, а потомъ духовникомъ его былъ Протопопъ же Благовѣщенскій, Алексѣй, который упоминается въ разсказѣ о принятіи Великимъ Княземъ иноческаго чина (1534), о предсмертной его болѣзни и кончинѣ (П. С. Р. Л. VI, 270—275). Съ этихъ поръ Протопопы Благовѣщенскаго Дворцоваго Собора становятся духовниками Царскими, какъ до того времени были таковыми Настоятели Дворцоваго Спасскаго (бывшаго въ Кремль) монастыря. Духовниками Царя и Великаго Князя Ивана IV Васильевича Грознаго были: 1. Протопопъ Благовѣщенскій Θεодоръ Барминъ, который, будучи обвиненъ въ неосторожномъ поведеніи во время народнаго мятежа по поводу Московскаго пожара 1547 г., въ 1549 г., какъ замѣчено въ лѣтописи: «разнеможеса, и приде на него страхованіе; онъ же отпросися у Государя въ черницы, пострижеса у Михайлова Чуда,» то есть, въ Чудовъ монастырь (Карамз. Ист. Гос. Рос. т. VIII, стр. 188). 2. Протопопъ Благовѣщенскаго Собора Аванасій, до постриженія въ монашество Андрей упоминается съ 1553 г.; у него Царь Иванъ IV просить благословенія передъ приступомъ къ Казани (П. С. Р. Л. VI, 311); 7061 (1553) ему приказываетъ Царь отслужить благодарственный молебень по случаю взятія Казани (VI, 314). По званію Царскаго Духовника, совершаетъ таинство крещенія надъ новорожденнымъ Царевичемъ Дмитріемъ, 15 Апрѣля, 1554 г., по томъ сопровождаетъ Царя въ его поѣздкѣ въ Кирилловъ монастырь (послѣ выздоровленія), при чемъ, въ пребываніе Царя въ Троицкой Лаврѣ, по разсказу Курбскаго, былъ посланъ отъ Пр. Максима Грека, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ, Адашевымъ и Курбскимъ, для увѣщанія Царя отиѣнить свою поѣздку въ Кирилловъ 7070 (1562), постригается въ иноки (IV, 315) и поставляется

въ Архимандриты Новоспасскаго монастыря. По кончинѣ Митрополита Макарія (1565 г.) его ставятъ въ Митрополиты (IV, 315); 7074 (1566), за немощію, оставляетъ Митрополию и удаляется на покой въ Новоспасскій же монастырь (IV, 317). 3. Благовѣщенскій Протопопъ Симонъ, товарищъ извѣстнаго Іерея Благовѣщенскаго, Сильвестра, родомъ Псковитинъ; онъ окончилъ жизнь свою въ Волоколзмскомъ монастырѣ. Тамъ хранится его Служебникъ (№ 28) съ надписью: «Служебникъ Симеоновъ, Протопопа Московскаго, духовника Государскаго, во иноцѣхъ Симеона, родомъ Псковитина, вѣрою же и любовію и добрыми дѣлами украсена, паче же милостынею славна и дивна бывша паче всѣхъ, постриженника пречистой обители Іосифова монастыря при Игуменѣ Евѣиміи худомъ, а данъ по душѣ его во свидѣтельство... поминугъ Священника Симона). Подпись руки Игумена Евѣимія (1575 — 1584).» При смертномъ одрѣ Царя Ивана IV Васильевича духовникомъ его былъ Архимандритъ Ѳеодосій.

Духовникомъ Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича былъ Протопопъ Благовѣщенскій Елевферій.

Духовниками Царя Михаила Ѳеодоровича были Благовѣщенскіе Протопопы: 1. Кириллъ, упоминаемый при вѣнчаніи его на Царство въ 1613 году, и 2. Максимъ, вѣнчавшій Царя первымъ бракомъ въ 1624 и вторымъ въ 1626 году.

Духовниками Царя Алексѣя Михайловича были Протопопы Благовѣщенскіе: 1. Стефанъ Воиофатьевъ, отставленный за соучастіе въ Расколѣ; 2. Андрей Саввиновичъ Постниковъ, пользовавшійся особенною любовію Царя. Онъ упоминается въ Разрядахъ впервые съ 1668 г., при прощаніи Царя Алексѣя Михайловича съ Патріярхами въ селѣ Островѣ. Въ 1671 г. Андрей Саввиновичъ вѣнчалъ Царя съ Натальею Кирилловной Нарышкиною. Въ 1672 г. держалъ Евангеліе во время присяги на ономъ Царя, при заключеніи мира съ Литовскимъ Посломъ. Въ 1675 г., будучи обвиненъ предъ Патріярхомъ Іоакимомъ, по извѣту, въ неблагоповеденіи былъ (въ отсутствіи Царя за городъ), по приказу Патріярха, схваченъ и посаженъ въ смиреніе на чѣпъ, но на другой же день, по возвращеніи Царя, нарочито по полученіи о семъ извѣстія, въ Москву, вынятъ имъ изъ подъ стражи, и къ его дому поставленъ караулъ изъ 40 стрѣльцовъ, для обереженія отъ новой ослалы Патріярха, который, не смотря на просьбу Царя, не снялъ съ Протопопа Андрея запрещенія впрель до Соборнаго разсмотрѣнія.

Но до Декабря, того же 1675 года, когда Патріархъ приходилъ звать Царя къ себѣ на праздничный столъ (по случаю праздника Свят. Петра Митрополита), по упрощенію Царя, вынужденъ былъ снять запрещеніе съ опального духовника, который 21 Декабря и былъ вмѣстѣ съ Царемъ у Патріаршаго стола. Однако мстительный Іоакимъ не забылъ этого случая, поссорившаго его съ Царемъ, и въ самый день погребенія Царя Алексѣя Михайловича, по причинѣ возникшаго между имъ, Патріархомъ, и духовникомъ Царскимъ, спора о томъ, кому читать надъ усопшимъ Царемъ разрѣшительную грамоту, обвинилъ духовника въ откритомъ противъ Власти возстаніи, повторявъ и прежнія его вины, и вышудилъ у юнаго Царя, Царицъ и Царевенъ, выдать ему духовника на всю его волю, въ слѣдствіе чего Протопопъ Андрей и былъ тогда же сосланъ въ заточеніе въ Кожезерской монастырь (Сол. XII, 243—248).

Духовникомъ Царя Осодора Алексѣевича былъ Благовѣщенскій Протопопъ Шикита Васильевичъ.

Духовниками Царей Ивана и Петра Алексѣевичей были Благовѣщенскіе Протопресвитеры: 1. Меркурій, родомъ Новгородецъ; онъ въ 1689 году вѣнчалъ Петра Алексѣевича съ Евдокією Федоровной Лопухиной (Др. Росс. Вивлювика XI, стр. 194). Во время послѣдняго Стрѣлецкаго бунта Царевна Софія Алексѣевна послала его въ Сергіеу Лавру склонить Петра къ миру съ нею, но Меркурій, прибывъ въ Лавру, остался при Царѣ. 2. Теофанъ, упоминается въ 1693 г. (см. Акт. историч. т. V, стр. 373). Сохранилось: «Исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе Протоіерей Теофана,» данное имъ при избраніи его Царскимъ духовникомъ въ 1693 г., Апрѣля 13 дня (тамъ же).

Архимандритъ Леопидъ.

ВЫПИСАНО

ИЗЪ

БОЛЬШАГО СНОДИКА ЦЕРЕВИ ГРЕБНЕВСКІЯ БОЖІЯ МАТЕРИ.

ПОМЯНИКЪ ОУСПШЫХЪ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА 35.

Поминати за упокой оубиенныхъ, которыя побиты во 167-мъ году, Іунія въ 28-мъ числѣ, на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Алексія Міханловича, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, службѣ.

Въ приходѣ Ермискаго Царя и измѣнника Іванша Выговскаго, подѣ Конотопомъ,

Полку Околыничего и Воеводы Андреа Васильевича Бутураина.

Одоевъ:

ваков сын Подыцков.	Устинов сын Немцов.	Степанов сын Шетлеъ-
ГРИГОРІА	ПАВЛА	ІОСИФА
Ермолаев сын Ефанов.	Григорьев сын Калинин.	Безсонов сынъ Воронцовъ.
АРХІППА	ІАКОВА	ТЕРЕНТІА
Никитин сынъ Ситов.	Панкратіев сынъ Старово.	Клементіев сынъ Лукки.
АНДРЕА	ФЕОДОРА	ГРИГОРІА
Федоров сынъ Дудякъ.	Феодоров сынъ Козлов.	Добринин сынъ Гридунов-
ВАСІЛІА	АВДІА	НИКИФОРА
Феофантисовъ сынъ Лукин.	Тимосеевъ сынъ Конаков.	Козминъ сынъ Луккиъ
2 ІОАННА	1 ІОАННА	АНТОНІА
Михайлов сынъ Ветчици.	Павлов сынъ Медвѣдев.	Лазарев сынъ Шмоловъ.
ВАСІЛІА	ГРИГОРІА	ІГНАТІА
Агаѣонов сынъ Хартиковъ.	Безсонов сынъ Воронцовъ.	Амбросимов сынъ Русанов.
ФЕОДОРА	КОДРАТА	АЛЕКСАНДРА
Аггѣевъ сынъ Пѣшков.	Філімоновъ сынъ Павловъ.	Павловъ сынъ Горяинов.
НИКИФОРА	ПРОХОРА	ВАВИЛЫ

Казакѣ Одоевскіе, Помѣщики:

Фаддѣевъ сынъ Сухоружкой.	Васіліевъ сынъ Воториннов.	Васіліевъ сынъ Востриковъ
ПАВЛА	ДАНИЛА	МАКАРІА
Васіліевъ сынъ Бѣлоусов.	Козминъ сынъ Титовъ	Васіліевъ сынъ Щупловъ
ІОАКІМА	ПРОВА	ЕВФІМІА
Самойловъ сынъ Михайлов.	Івановъ сынъ Богданов.	Анисимовъ сынъ Климов.
ЕРМОЛАА	ІОАННА	ІОСИФА
Павловъ сынъ Петровъ.	Никитинъ сынъ Сотников.	Савеліевъ сынъ Павловъ.

АНДРЕА	ВАСІЛІА	МАКСИМА
Стефановъ сынъ Ртищевъ.	СОЛОВА:	*Федоровъ сынъ Філімоновъ
ГУРІА	Івановъ сынъ Созоновъ.	ІОАННА
Михайловъ сынъ Ялунинъ.	ГЕОРГІА	Максимовъ сынъ Зубаревъ.
МЕӨОДІА	Андреевъ сынъ Філімоновъ.	МІХАЙЛА
Амбросимовъ сынъ Осіповъ.	САВВЫ	Петровъ сынъ Бушинъ.
ТИХОНА	Андреевъ сынъ Поповкинъ.	АРТЕМІА
Семеновъ сынъ Труновъ.	ХРИСАНӨА	Васііевъ сынъ Табинъ.
ФОТІА	Максимовъ сынъ Голощаново.	МІХАЙЛА
Ермолаевъ сынъ Лубочениновъ.	ЕВӨИМІА*	Козминъ сынъ Чернятинъ.
ГАЛАКТІОНА		СТЕФАНА.

А всѣхъ пятьдесятъ человекъ.

Оу того поманника Діація приписъ таково: „Дать имъ Государево жалованіе.“

Сообщ. Архимандритъ Леонидъ.

СТЕФАНЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ СУЗДАЛЬСКІЙ, БЫВШІЙ ВЪ САНЪ АРХИМАНДРИТА ПЕРВЫМЪ НАСТОЯТЕЛЕМЪ ВОСКРЕСЕНСКАГО (НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ) МОНАСТЫРЯ.

1656—1679.

Начавъ строить, съ 1656 году, Воскресенскій монастырь, Святѣйшій Патріархъ Никонъ назначилъ Настоятелемъ онаго, въ званіи Игумена, человека, близко ему извѣстнаго: это былъ Стефанъ. Онъ до того времени, какъ можно догадываться, состоялъ въ клирѣ Патріарха, и мы полагаемъ, что объ немъ упоминаетъ Патріархъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, писанномъ съ дороги, изъ Рождественскаго во Владимирѣ монастыря: «а я, богомолецъ Вашъ, и Попъ Стефанъ, еще живы» (см. въ Приложеніяхъ къ Житію Патріарха Никона, соч. Архимандрита Аполлоса, ст. XIV, стр. 54); слѣдовательно, въ этой поѣздкѣ во Владимиръ Стефанъ былъ главнымъ спутникомъ Патріарха, можетъ быть его «келейнымъ старцемъ», во всякомъ случаѣ человекомъ близкимъ къ его особѣ. Сдѣлавшись Настоятелемъ, вновь устрояемаго Патріархомъ, Воскресенскаго монастыря, Игуменъ Стефанъ, построилъ монастырь деревяннаго зданія съ соборною церковію во имя Воскресенія Христова съ теплою трапезою; и въ 1657 году, 18 Октября, при освященіи этого храма, въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича, былъ произведенъ въ Архимандрита, а въ слѣдующемъ 1658 году (съ Мая и не позже Юня) посвященъ въ Архіепископа Суздальскаго и Тарусскаго, на мѣсто Архіепископа Филарета, переведеннаго, по распоряженію Патріарха, тогда же въ Смоленскъ.

Въ бытность Стефана на Суздальской кафедрѣ въ 1659 году возникло о немъ слѣдственное дѣло (хранящееся въ Синодальной Библіотекѣ), возбужденное доносами Спасо-Евѣиміевскаго Архимандрита Авраамія и Соборнаго Попа Никиты Константинова (Расколуучителя, тогда еще тайнаго). Никита, въ своемъ первомъ доносѣ, поданномъ въ Москвѣ въ 1659 году, обвинялъ Архіепископа Стефана, что онъ служитъ божественную литургію не по правиламъ Св. Отець, честнымъ канонамъ и церквамъ и всякой свѣтыни ругается, учитъ священныи чинъ и всѣхъ Христіянъ не отъ Божественнаго Писанія.»

Въ подтвержденіе этого общаго извѣта къ челобитной приложена: «Роспись, что Стефанъ дѣлаеть въ Суздаль непо правиламъ Св. отецъ.» Въ Августѣ 1659 года въ Суздаль были посланы слѣдователи: Вятскій Епископъ Александръ, Чуловскій Архимандритъ Павелъ и Богоявленскій Кипріянь, которымъ Стефанъ представилъ объясненія противъ сдѣланныхъ на него извѣтовъ. Достойны замѣчанія слѣдующія: Никита обвинялъ Стефана, между прочимъ, въ томъ, что «дозволяетъ Священникамъ въ одной епитрахили входить въ царскіе двери, и что, стоя на амвонѣ во время Трисвятого, держитъ крестъ въ лѣвой рукѣ, а свѣчу въ правой.» Стефанъ Архіепископъ отвѣчалъ: «Борисоглѣбскому Игумену Юву, въ началѣ всеобщаго въ патрахили въ царскіе двери ходитъ велѣтъ, по тому что какъ онъ, Архіепископъ, былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Иерусалимъ) въ Архимандритахъ, и тогда, при Патріархѣ Никонѣ, пзъ алтаря въ царскіе двери Священники въ патрахилѣ ходили... На божественной литургіи въ Трисвятое Животворящій Крестъ Господень въ лѣвой рукѣ держу, а въ правой рукѣ свѣцу и осѣняю на Трисвятомъ, и предъ литургією ко облаченію и ко входу на стулъ сижу и въ рукѣ цѣловать даю (все это пункты обвиненія), по благословенію Святѣйшаго Никона Патріарха, яко же прочіи Власти служатъ.» Вскорѣ послѣ этого слѣдствія Никита пріѣхалъ въ Суздаль, и отсюда послалъ Царю новую челобитную, въ которой писалъ: «Въ прошломъ 167 году извѣщаль я на Стефана Архіепископа во многихъ дѣлахъ, и извѣстя билъ челомъ Тебѣ, Великому Государю, объ отпускѣ изъ Москвы, чтобъ моимъ чередамъ въ соборной церкви безъ службы не было, и Ты, Великій Государь меня пожаловалъ, велѣлъ отпустить въ Суздаль, а Стефанъ Архіепископъ грамотою отрѣшилъ меня отъ церкви и лишилъ хлѣбнаго жалованья и всякаго дохода.» Къ челобитной Никита приложилъ новую роспись винамъ Архіепископа Стефана. Въ то же время и на самого Никиту поступила жалоба отъ Архіепископа Приказнаго, Дениса Петровыхъ, что «онъ, Никита, Константиновъ сынъ Добрынинъ, пріѣхавъ съ Москвы въ Суздаль Сентября 16-го, 1659 года, на другой день въ церкви учинилъ большое смятеніе, называлъ Архіепископа Стефана Государевымъ измѣнникомъ и еретикомъ, и проклиналъ, и по отпускѣ на вечерни и на многолѣтіи Архіепископа не поминалъ.» Въ послѣдствіи, на допросѣ Соборной Протопопъ Симеонъ съ причтомъ подтвердилъ эту жалобу и всѣ показанія: «Какъ Попъ Никита пріѣхалъ съ Москвы въ Суздаль, и Архіепископъ прислалъ свою грамоту, и Приказной человекъ, Діонисій,

велѣлъ грамоту Подъячему Андрею въ соборной церкви чести, и Попъ Никита грамоту у Подъячего изъ рукъ вырвалъ и изодралъ, а что въ грамотѣ написано, тово намъ выслушать не далъ, а долю свою онъ, Попъ Никита, церковной денежной доходъ и хлѣбный, емлетъ весь сполна, и Архіепископа еретикомъ и Великаго Государя измѣнникомъ назвалъ.» Произвести изслѣдованіе по этимъ новымъ доносамъ посланы были въ Суздаль опять: Александръ Епископъ Вятскій съ Патріаршимъ Дьякомъ Парвеніемъ Ивановымъ. Слѣдствіе произведено ими очень строго, допрашивали множество лицъ, которыя большею частію подтверждали сдѣланныя противъ Стефана извѣты. Для суда надъ Суздальскимъ Архіепископомъ составленъ былъ въ 1660 году Соборъ, который первоначально приговорилъ его къ изверженію изъ сана, но Стефанъ представилъ Собору объясненія противъ сдѣланныхъ на него извѣтовъ (здѣсь, противъ обвиненія, что самочинно служить литургію, онъ опять отвѣчалъ: «Служу я литургію, какъ миѣ предано отъ Патріарха Никона»): тогда Власти, слушавъ его, Архіепископа, судили «послать въ монастырь, въ которой Великій Государь укажетъ, и быть подъ началомъ у добраго старца, и ему Архіерейское ни что же дѣйствовать и клирики не владѣти.» Царь Алексѣй Михайловичъ, пересмотрѣвъ дѣло объ Архіепископѣ Стефанѣ, велѣлъ сказать Властямъ: «Которыя вины передъ нимъ, Великимъ Государемъ, Архіепискупи, и въ тѣхъ винахъ Великій Государь жалуешь, его прощаетъ; а что свои Архіепискупи вины церковныя, и въ томъ бы они, Власти, судили и прощали по правиламъ, по тому что отъ простыхъ рѣчей прозябають ереси, а Попа Никиту чтобъ отослали подъ градской судъ.» Тогда наконецъ Власти, видя, что въ иныхъ статьяхъ Архіепископъ оклеветанъ Никитою, а въ другихъ виновился передъ Соборомъ и просилъ прощенія, постановили дать ему прощеніе, но не представили его на прежней Суздальской Епархіи, по тому что онъ возненавидѣнъ этого города людьми, а по Царскому повелѣнію указали ему быть, ради препитанія, у Архангельской Соборной церкви (въ Москвѣ) и въ ней архіерействовать. Что сдѣлалъ съ Никитою градскій судъ, куда велѣлъ отослать его Царь, не извѣстно; а изъ челобитной Никиты (1666 года) видно, что за ложные доносы на Архіепископа находился онъ подъ церковнымъ отлученіемъ.

Изъ этого дѣла Архіепископа Стефана вообще не трудно усмотрѣть, что къ возбужденію его не мало способствовало то обстоятельство, что Архіепископъ Стефанъ былъ изъ числа лицъ,

предаанныхъ, тогда уже опальному, Патріарху Никону и во всемъ слѣдовалъ его церковнымъ распоряженіемъ, по чему и не могъ пользоваться расположеніемъ Никиты, принадлежавшаго къ обществу враговъ Патріарха Никона. Этимъ же отчасти можетъ быть объяснена строгость, съ какою произвели слѣдствіе такіе слѣдователи, какъ Епископъ Вятскій Александръ, извѣстный сторонникъ расколуучителей, и Дьякъ Пареній Ивановъ, бесѣдовавшій съ Никитою въ Суздаль о сугубой аллилуи (см. «Братское Слово» 1875 г., кн. 4, примѣчаніе къ стр. 571—575).

Архіепископъ Стефанъ находился въ Москвѣ при Архангельскомъ Соборѣ «для поминовенія преставльшихся Государей,» съ 1660 по 1667 годъ, именуясь «Архангельскимъ и Звенигородскимъ.» Въ концѣ 1666 года, или въ началѣ 1667 ему была возвращена его прежняя Епархія, престолъ коей во все это время оставался никѣмъ не занятымъ. Стефанъ участвовалъ въ Московскомъ Соборѣ 1667 года и подписался подъ опредѣленіями онаго такъ: «Смиранный Стефанъ Архіепископъ Суздальскій и Торусскій.» По возвращеніи въ Суздаль открылся для Стефана новый періодъ дѣятельности: при немъ, по грамотамъ Святѣйшаго Патріарха Московскаго Іоасафа, было свидѣтельство о чудотворномъ образѣ Пресвятыя Богородицы Одигитріи Смоленскія, находящемся въ городѣ Шуѣ, въ соборной церкви Воскресенія Христова, и въ самомъ Суздаль о Святителѣ Арсеніи, Архіепископѣ Суздальскомъ.

О первомъ изъ сихъ событій Суздальской лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Лѣта 7175 (1667 г.), Іюля во 2 день, во градѣ Шуѣ, въ соборной церкви Воскресенія Христова, гдѣ имѣется чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы честнаго ея явленія, именуемаго Смоленскія, по грамотѣ Святѣйшаго Патріарха Іоасафа Московскаго, Преосвященнымъ Стефаномъ, Архіепископомъ Суздальскимъ, со Освященнымъ Соборомъ: Ипацкаго монастыря Архимандритомъ Кирилломъ, изъ Суждаля Спасо-Евѣнміева монастыря Архимандритомъ Павломъ, Николаевскаго Шартомскаго монастыря Архимандритомъ Савватіемъ, съ Игумены: Данилова Московскаго монастыря Варлаамомъ, Золотниковскія пустыни Феоктистомъ, изъ Суждаля же Васильевскаго монастыря Архимандритомъ Θεодосіемъ, Суждальской соборной церкви съ Протопопомъ Симеономъ, было свидѣтельство настоящее по церковному чинположенію о томъ святомъ образѣ и о происходящихъ отъ него чудесѣхъ, при чемъ и прежнія чудеса, кои были окрестными людьми (на кого была ссылка) свидѣтельствованы, и явились быти

истинны, и не токмо прежде онаго Преосвященнаго, но и при немъ, во время самаго слѣдствія, чудеса происходили сицевыя: Когда Преосвященный Архіепископъ со Освященнымъ Соборомъ предъ чудотворнымъ Богоматере образомъ молебное пѣніе совершали, и въ то время Владимирскаго Уѣзду вотчины Сампсона Бутурдина, села Палеху, деревни Сидоровки, дѣвка Васса Иванова дочь сказала: «Не видѣла я очми 20 лѣтъ, а сего числа, какъ Архіепископъ и Власти пѣли Пресвятѣй Богородицѣ молебенъ, и въ то, де, время я прозрѣла и увидѣла на Святителю шапку, и осмотрѣла Властей, и въ церкви Божіей образа и людей, и нынѣ, де, вижу,» и ссылалась про ту свою скорбь на сосѣдокъ, и сосѣди, 8 человекъ по именамъ, сказали, что подлинно та дѣвка была 20 лѣтъ слѣпа, а нынѣ видитъ, и совершенно очми здрава.—Суждальскаго Уѣзду Василья Андрѣева сына Лазарева, деревни Кузнецова, крестьянинъ Иванъ Спиридоновъ, въ то жь самое время исцѣлилъ, не слышалъ ушми 3 года, о чемъ засвидѣтельствовали сосѣди его четыре человекъ.—Суждальскаго Уѣзду деревни Михалева, Стольника Василья Панина, крестьянская дочь Марья Васильева тогда жь исцѣлена, болѣла очма 15 лѣтъ, о чемъ засвидѣтельствовали сосѣди ее 15 человекъ, и нынѣ здрава. И помянутыя новоявленные чудеса, тако жь и прежнія, засвидѣтельствовали бывшіе съ Преосвященнымъ Архіепископомъ Стефаномъ духовныя объявленныя персоны, кои свидѣльствованныя чудесемъ книги по листамъ и по статьямъ утверждали приписаніемъ рукъ своихъ, и помянутыя книги свидѣльствованныя имѣются доселѣ въ соборной Суждальской церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ книгохранительницѣ.»

О свидѣльствованіи мощей Святителя Арсенія, Архіепископа Суждальскаго, тѣмъ же Архіепископомъ Стефаномъ въ 1668 году, извѣстно слѣдующее: Архіепископъ Арсеній, родомъ Грекъ, «бывшій Архіерей Геласонска града,» управлялъ Суждальскою Епархією со 7121 (1613) года, преставился тамъ же въ 7133 (1625) году, Апрѣля 29 дня, и былъ положенъ въ Суздальской Соборной церкви, у лѣваго западнаго столпа (см. о немъ въ Прологѣ Октября 22 числа, въ чудеси Богоматери о избавленіи отъ Лиховъ Москвы).

Спустя 44 года по преставленіи Арсенія, при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, Самодержца Всероссийскаго, при Святѣйшемъ Патріархѣ Іоасафѣ, въ лѣто 7176 (1668), Преосвященный Архіепископъ Стефанъ писалъ къ Святѣйшему Патріарху, между прочимъ, слѣдующее: «Въ memo-

шедшихъ, де, лѣтъхъ, по нахожденіи на Московское Государство и на Православныхъ Христіанъ безбожныхъ и богоненавистныхъ Ляховъ, благоволеніемъ Божиимъ и избраніемъ Освященнаго Собора былъ въ Суждалѣ, въ домѣ Пречистыя Богородицы на Архіерейскомъ престолѣ, Греческія страны Геласонска града, Архіепископъ Арсеній, о немъ же въ Житіи Преподобнаго Сергія и въ Пролозѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ на праздникъ Пресвятыя Богородицы, еже нарицается Казанская, о избавленіи великаго града Москвы и всего Государства отъ безбожныхъ Ляховъ воспоминается. И будучи онъ, Архіепископъ, въ Суждалѣ на своемъ престолѣ, волею Божіею преставися, и погребенъ бысть въ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ прошломъ 7133 году, на лѣвой сторонѣ, подлѣ столпа, и въ нынѣшнемъ 7176 (1668) году, Марта въ 8 день, что былъ на гробѣ его кирпичной сводъ, и тотъ сводъ и нереть осыпалась, и люди гробъ его видятъ, и подлѣ тоя гробницы не починя стоять нельзя.»

На которое представленіе въ грамотѣ Святѣйшаго Іоасафа, Патріярха Московскаго, между прочимъ, пишеть: «Писалъ, де, ты, сыну, къ намъ, Патріярху, о Арсеніи, Архіепископѣ Суздальскомъ, и Мы, Патріярхъ, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, по той твоей отпискѣ докладывали, и Великій Государь, совѣтовавъ о томъ со Святѣйшими Вселенскими Патріярхи: Кирь Паисіемъ, Папою и Патріярхомъ Александрійскимъ и Судіею Вселенскимъ, и Кирь Макаріемъ Патріярхомъ Антиохійскимъ и всего Востока, и съ нами, Патріярхомъ, а совѣтовавъ, указали о Архіепископѣ Арсеніи свидѣтельствовать тебѣ, сыне, да къ тебѣ жъ для того жъ свидѣтельства Чудова монастыря Архимандритъ Іоакимъ посланъ, и о всемъ къ тебѣ, сыну, приказано съ нимъ, Архимандритомъ, словесно, а что учинено будетъ, о томъ ты бѣ, сыну, съ нимъ, Архимандритомъ, къ намъ писалъ къ Москвѣ.»

По той Святѣйшаго Патріярха грамотѣ Преосвященный Стефанъ Архіепископъ отвѣтствовалъ, что «Чудова монастыря со Архимандритомъ Іоакимомъ мощи Арсенія Архіепископа досматривали, и тѣ мощи въ новый гробъ переложили и поставили на прежнемъ мѣстѣ». Знати, что, въ слѣдствіе этого донесенія, имѣлась отъ Патріярха нѣкоторая о семъ резолюція; ибо, изъ домо-выхъ расходныхъ книгъ 7176 (1668) года видно, что Преосвященный Стефанъ Архіепископъ, Чудова монастыря со Архимандритомъ Іоакимомъ, Анрѣія 28 дня, того жъ 1668 года, надъ мо-

щами Святителя Арсенія литургію и нанахиду соборнѣ служили, и того жь году въ Іюлѣ мѣсяцѣ надѣ гробомъ его устроена гробница деревянная, и образъ его, Святителевъ, написанъ, «о чемъ и во описныхъ Соборной церкви 7191 (1683) году книгахъ, о построеніи надѣ гробомъ Преосвященнаго Арсенія Архіепископа гробницы, показуется.» 2. Города Суждала въ церкви Воскресенія Христова на мѣстномъ образѣ Суждальскихъ Чудотворцевъ и оный Святитель Арсеній Аухіепископъ написанъ. 3. Въ оной же церкви, во святомъ алтарѣ, на образѣ Пресвятыя Богородицы, именуемой Казанскія, на другой сторонѣ, гдѣ всѣ Суждальскіе Чудотворцы написаны совокупно, между ими имѣется образъ Святителя Арсенія. 4. Суждальскаго Уѣзда Ополской десятины въ селѣ Знаменскомъ, Стремячка тожь, въ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы у древняго мѣстнаго образа Пресвятыя Богородицы на странѣ написалъ оный Святитель Арсеній. 5. Въ бывой домовоѣ Архіерейскоѣ вотчинѣ Суздальскаго Уѣзда Опольской десятины въ селѣ Красномъ, въ церкви Николая Чудотворца имѣется образъ древняго письма онаго Святителя Арсенія Архіепископа. 6. По выше помянутомъ свидѣтельствѣ Преосвященный Стефанъ Архіепископъ, бывъ въ Суздалѣ, во всѣхъ писаніяхъ, не токмо къ разнымъ персонамъ о различныхъ пиша потребахъ, но и къ Чудова монастыря Архимандриту Іоанну въ писаніи о нѣкоей потребѣ, къ концу пишетъ такъ: «а милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ Святителей Іоанна, и Федора, и Арсенія, Суждальскихъ Чудотворцевъ, да будетъ съ вами!»

Въ 1671 году, въ Октябрѣ, или въ Ноябрьѣ мѣсяцѣ, какъ значится въ одной современной записи (Акты историческіе IV, № 230), Архіепископъ Стефанъ «билъ челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Махайловичу, чтобы Великій Государь пожаловалъ его, повелѣлъ ему, по правиламъ Святымъ и по Соборному свитку, въ Архіерейскоѣ одеждѣ въ саккосѣ служить. И того жь 1672 года, на праздникъ Христова Рождества, когда Великій Государь пожаловалъ своихъ Государевыхъ богомольцевъ, Преосвященныхъ Митрополитовъ и Архіепископовъ, дарами, деньгами и ефимками, Преосвященнаго Архіепископа Стефана, вмѣсто даровъ, пожаловалъ Архіерейскою одеждою, повелѣлъ ему въ саккосѣ служить. А по Его, Государскому, Указу, сказку ему сказывалъ Чудова монастыря Архимандритъ Іоакимъ.»

Въ первыхъ числахъ въ мѣсяцѣ Февралѣ Преосвященный Стефанъ повелѣлъ себѣ построить саккосъ Государева жало-

ванья Индѣйской цвѣтной камки; а ту камку Государь пожаловалъ ему въ прошломъ 1671 году, за поминовленіе Государыни Благовѣрной Царицы и Великія Княгини, Марьи Ильичны.»

Въ Февралѣ же мѣсяцѣ, въ 15 числѣ Государь пожаловалъ, и Святѣйшій Іоасафъ Патріархъ Московскій и всея Россіи повелѣлъ: «быти въ Суждальской Епархіи, вмѣсто Торусской и Калужской десятины, достальному Суждальскому Уѣзду, которыя были напередъ сего въ области Святѣйшаго Патріарха 72 церкви. Въ то жъ время по Государеву Указу, Святѣйшій Іоасафъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, благословилъ и повелѣлъ Преосвященному Архіепископу Стефану въ саккосѣ служить.»

Стефанъ былъ и на поставленіи въ Патріархи Новгородскаго Митрополита Питирима, 6 Іюля, 1673 года, который подтвердилъ ему Государево жалованье и благословеніе бывшаго Патріарха о саккосѣ, въ слѣдствіе чего онъ въ томъ же году, Октября въ 15 день, «на Москвѣ, на домовомъ своемъ подворьѣ, впервые въ саккосѣ облачился и божественную литургію служилъ, и инныя службы тако жъ на подворьѣ служилъ, а на Соборѣ служилъ въ ризахъ.»

Стефана не видно между Архіереями, бывшими на поставленіи въ Патріархи Новгородскаго Митрополита Іоакима въ Августѣ 1664 года, изъ чего надобно заключить, что онъ тогда находился въ своей Епархіи; въ концѣ же Августа онъ возвратился въ Москву и пребылъ здѣсь до лѣта 1665 года. *

Въ 1665 году, подъ 8 числомъ Августа, въ Разрядахъ встрѣчаемъ слѣдующую запись, относящуюся непосредственно къ Стефану: «Указалъ Святѣйшій Патріархъ Іоакимъ Архіепископу Стефану ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно; а служить ему, Архіепископу, безъ своего Святительскаго, благословенія

* Въ Дворцовыхъ Разрядахъ 1674 г. читаемъ, что въ концѣ Августа Архіепископъ Стефанъ былъ съ Патріархомъ Іоакимомъ и прочими Властями у Царскаго стола. 1 Сентября служилъ съ Патріархомъ въ Успенскомъ Соборѣ и былъ у Царскаго стола. Сентября 4-го числа, по случаю днѣ Ангела Царевны Марѣи Алексѣевны, служилъ съ Патріархомъ въ Успенскомъ Соборѣ. Того же числа съ вѣстію о рожденіи Царевны Теодоры Алексѣевны приходилъ къ Стефану Стольникъ Государыни Царицы, Сергѣй Абрамовъ сынъ Лопухинъ. Сентября 6-го былъ на поставленіи Іоасафа, Митрополита Каванскаго. Служилъ съ Патріархомъ и былъ у Патріарха у стола. Сентября 8-го служилъ у правдника въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, у Трубы; съ нимъ служили Архимандритъ Петровскій да Игуменъ Срѣтенскій, а пѣли пѣвчіе Суздальскіе.

не указаль.» Но 15 Августа (въ праздникъ Успенія Богоматери) Архіепископъ Стефанъ служилъ съ Патріархомъ въ Успенскомъ Соборѣ и былъ въ числѣ Архіереевъ, приглашенныхъ къ Патріаршему столу.

За что послѣдовала на Стефана эта, на сей разъ кратковременная, опала со стороны Патріарха, намъ не извѣстно.

Къ тому же 1675 году относится и послѣднее письменное извѣстіе о дѣятельности Стефана во ввѣренной ему Епархіи. Это усиленное его ходатайство о возстановленіи близъ Суздаля древней иноческой обители въ селѣ Кидекинѣ, при церкви Св. мучениковъ Бориса и Глѣба (построенной еще Великимъ Княземъ Юріемъ Владимировичемъ Долгорукимъ на мѣстѣ съема (създа) этихъ Князей, на пути въ Кіевъ), гдѣ погребены сыны Великаго Князя Юрія Долгорукаго, Борисъ Юрьевичъ, и прочіе Суздальскіе Князья и Княгини.

О семъ Суздальскій лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее:

«Въ 7183 (1675) году, бывому въ Суздаль Преосвященному Стефану, Архіепископу Суздальскому и Юрьевскому, суцу ему въ то время по Указу Святѣйшаго Патріарха въ Москвѣ, въ чредѣ священнослуженія, имѣющійся въ Суздаль во оно время Воевода Тимошей Савеловъ, * писалъ къ Преосвященному Стефану Архіепископу, между прочимъ, сице: «Вѣломо тебѣ, Государю, чиню: въ нынѣшнемъ 7183 годѣ, Апрѣля въ 10 день, ѣздилъ я по обѣщанію Печерскаго монастыря, что въ Нижнемъ Новѣградѣ, въ при-

Сентября 14-го служилъ съ Патріархомъ. Сентября 23-го служилъ съ Патріархомъ на Троицкомъ подворьѣ. Октября 1-го служилъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, былъ у Государя у крестиннаго стола. Октября 5-го на праздникъ трехъ Московскихъ Святителей, служилъ съ Патріархомъ у него въверху, у правдника. За участіе въ крестинахъ Царевны Теодоры Алексѣевны подучилъ отъ Царя 200 золотыхъ. Октября 8-го былъ у Государя у крестиннаго стола. Октября 22-го былъ въ крестномъ ходу къ празднику къ Казанской съ Патріархомъ. Въ этотъ же день былъ въ крестномъ ходу по Вѣлому Городу, а служилъ въ приѣздѣ у Казанской, у Аверкія Иеропольскаго. Октября 22-го былъ у Государя у стола панахиднаго по Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ. Ноября 2-го былъ въ Чудовѣ монастырѣ на панахидѣ по Бояринѣ Б. И. Морозовѣ и служилъ съ Чогоридскимъ Митрополитомъ Корниліемъ; былъ у стола у Патріарха.

* Не родственникъ ли тогдашняго Патріарха Іоакима, судя по фамиліи? Если такъ, то этимъ многое бы объяснялось въ печальномъ концѣ поприща Преосвященнаго Стефана.

нисной Кидекоцкій монастырь помолиться, и какъ я былъ въ церкви, и тоя церкви Попъ Григорій указалъ мнѣ гробницу каменну, на правой странѣ, и шедъ въ церковь, а на гробницѣ проломано, и я дерзнулъ со свѣщю въ гробницу посмотрѣть, и въ той гробницѣ лежатъ мощи, кости цѣлы, а на мощахъ одежды съ аршинъ, бѣлою тафтою покрыто, а поверхъ лежатъ неведомо какая одежда, шитая золотомъ, будто по байбереку, на ней же вышитъ золотомъ орелъ пластаной одноглавной, а отъ того, Государь, орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами, еще знать. А по скаскѣ тоя церкви Попа Григорія и того монастыря старожиловъ, что, де, въ той гробницѣ лежатъ мощи Великаго Князя Бориса Юрьевича Суждальскаго, а та, де, гробница проломана отъ разоренія въ древнехъ годѣхъ. И то, Государь, знатно, что тѣ мощи не просто лежатъ, отъ древнихъ великихъ лѣтъ кости нетлѣнны, и одежда знать. И я, Государь, осмотря мощи, призывалъ отъ духовнаго чина Спаскаго Евѣміева монастыря Архимандрита Тимоѣя да Келаря Θεодосія, да твоѣго, Святительскаго, домоваго Казначея, старца Іоасафа, и они тѣ мощи смотрѣли, и о томъ къ Великому Государю и къ тебѣ, Святителю, велѣли извѣститъ, что тѣ мощи лежатъ, безъ свидѣтельства святыми отцы такимъ мощемъ быть нельзя. Да прелъ мене жъ клалъ тоя церкви Попъ Григорій изъ Степенной и изъ лѣтописныхъ книги выписку, какова у нихъ въ церкви съ житіемъ великихъ мученикъ Бориса и Глѣба, а въ ней пишетъ: «Выписано изъ Степенной, пятыя степени: истинный наслѣдникъ отечества Русскаго Царствія, Великій Князь Георгій Долгорукій, иже бысть седмый сынъ Великаго Князя Владимира Мономаха, пятая же степень отъ перваго Святаго Владимира, отъ Рюрика же девятая, тогда начальствуя въ Суждалѣ и господствуя въ Ростовѣ.» Да выписано жъ глава пятая: «Боголюбивый Великій Князь Георгій Владимировичъ въ лѣто 6670 (1162), во градѣ Переславлѣ церковь каменну постави во имя Преображенія Господня, и градъ Юрьевъ Польской заложилъ, въ немъ же церковь Великомученика Георгія постави, и на рѣкѣ на Нерли въ Кидекшѣ, близъ града Суждала, церковь каменную жъ во имя Святыхъ Мученикъ Бориса и Глѣба, идѣже бысть совокупное мѣсто, Святыхъ мученикъ становяще егда въ Кіевъ хождаху, Борисъ отъ Ростова, Глѣбъ же отъ Мурома.» Да изъ книги Гранографа выписано: «Въ лѣто 6667 (1159) преставися Князь Борисъ Юрьевичъ и положенъ въ Кидекши, его же отецъ его созда.» И противъ, Государь, тоя выписки, и изъ

Степенной и изъ Лѣтописной книги выписывалъ, и съ тою выпискою справлявалъ, и противъ той выписки, что Поць Григорій предъ меня клалъ, сошло подлинно, и о томъ я тебѣ, Великому Архіерею Божію, возвѣщаю.»

Того жъ 7183 (1675) году писалъ по оному Преосвященному Стефану Архіепископу Дому Его Преосвященства казенной службы монахъ Іоасафъ Гребенщикъ, между прочимъ сице: «Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 7183 году, Апрѣля въ 10 день, на Свѣтлой Недѣлѣ въ четвертокъ, пригласили меня, богомольца твоего, Спасскаго Евфиміева монастыря Архимандритъ Тимофей да Воевода Тимофей Петровичъ Савеловъ, съ собою помолитися твоей Святительской Епархіи въ село Кидекшу; и въ томъ, Государь, селѣ въ монастырѣ, въ церкви Святыхъ Стратотерпецъ Христовыхъ Бориса и Глѣба, въ каменной стѣнѣ лежатъ мощи Благовѣрнаго Великаго Князя Бориса Георгіевича Мономаха, а преставися онъ и положенъ въ той церкви каменной въ лѣто 6667 (1159), и тѣхъ, Государь, мощей Архимандритъ Тимофей и Воевода Тимофей Петровичъ смотрѣли, а на мощахъ его на главѣ камка бѣлая, и оная одежда въ цѣлости; и Воевода о тѣхъ мощахъ писать хотѣлъ къ Великому Государю, и къ Святѣйшему Патріарху, и о томъ бы тебѣ, Государю, было вѣдомо.»

Того жъ 7183 (1675) году оной же казенной службы монахъ Іоасафъ писалъ еще къ Преосвященному Стефану Архіепископу сице: «По твоему, Государь, Святительскому Указу, грамоту твою, Святительскую, Воеводѣ Тимофею Петровичу Савелову поднесъ, и ему я билъ челомъ, и онъ рекся все доброе здѣлать, и на твоёмъ, Святительскомъ, благословеніи челомъ бьетъ: «Я, де, прежде сего Великому Государю и Святѣйшему Патріарху и къ тебѣ, Святителю, писалъ;» а сказываетъ Указъ къ нему Святѣйшаго Патріарха: велѣно панихиду отпѣть, и мощей до Указу беречь; и нынѣ къ тебѣ, Государю Святителю, Воевода писалъ, и тоя ево отписку послалъ къ тебѣ, Святителю.»

По тѣмъ показаннымъ отпискамъ Воеводы и монаха Іоасафа, Преосвященный Архіепископъ Стефанъ представлялъ письменно Благочестивѣйшему Великому Государю Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу, между прочимъ, сице: «Въ нынѣшнемъ, Государь, 7183 году, промысловъ Божіимъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что въ Кидекшѣ, обрѣтошася мощи Великаго Князя Бориса Георгіевича въ гробницѣ, и по досмотру Спасскаго Евфиміева монастыря Архимандрита да Суждальскаго Воеводы, и того

жъ Борисоглѣбскаго монастыря Священника и протчихъ прилучившихся тамо людей, онъ, Великій Князь, почиваетъ во своей одеждѣ, и гербъ на немъ, и до нынѣ цѣло; а той Великій Князь братъ Благовѣрнаго Великаго Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, да въ томъ же монастырѣ почиваютъ и протчія Князи Суждальскія и Княгини.»

Той же Преосвященный Стефанъ Архіепископъ представлялъ и Благочестивѣйшему Великому Государю Царю и Великому Князю Θεодору Алексіевичу о выше писанномъ же письменно неоднократно, въ коихъ представленіяхъ, между прочимъ, пишетъ: «Въ Суждальскомъ, Государь, Уѣздѣ, въ моей, богомольца твоего, Епархіи, пустой Кидекоцкой монастырь на рѣкѣ Нерли, зданіе Благовѣрнаго Великаго Князя Георгія Владимировича Мономаха Долгорукаго, иже и градъ во имя свое, Юрьевъ Польской, согради, и въ томъ монастырѣ церковь каменну сооружи во имя Святыхъ Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба въ лѣто 6660, иже и до нынѣ благодатию Божіею стоятъ; и въ той, Государь, церкви положенъ сынъ его, Благовѣрный Великій Князь Борисъ Георгіевичъ Суждальскій, братъ Великаго Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго, и мощи, Государь, его въ каменной ракъ на веру и донынѣ въ нетлѣнномъ одѣяніи, и иныхъ Благовѣрныхъ Великихъ Князей мощи въ каменныхъ гробницахъ, и подобія ихъ въ той церкви на стѣнахъ шаровнымъ строеніемъ воображены и донынѣ звать; а поминовеніе, Государь, по нихъ, Великихъ Князехъ, и надъ гробы ихъ панихидъ никогда не бываетъ, наипаче же, Государь, мощи Великаго Князя Бориса Георгіевича Суждальскаго въ забвеніи безъ свидѣтельства, и память его безъ воспоминанія, того жъ ради и гробъ его по достоинству никакова украшенія не имѣетъ. А того, Государь, монастыря вотчинами и всякими угоды владѣютъ изъ Нижняго Печерскаго монастыря Архимандритъ съ братією, и нарицаютъ тотъ монастырь сельскимъ званіемъ, а память, Государь, учинилась Великихъ Князей въ забвеніи, а именно: Государь, ваше богомоліе Государское общежительской монастырь, и вотчины къ нему даны для поминовенія, Государь; а нынѣ въ томъ монастырѣ Кидекоцкомъ, твоихъ, Великаго Государя, богомольцевъ, Игумена и братіи, кромѣ одного старца, который присылается изъ Печерскаго монастыря для хлѣбной пахоты монастырской, не имѣется; а мочно, Государь, въ томъ монастырѣ о Вашемъ, Государскомъ, многолѣтномъ здравіи Бога молеть 50 братомъ; а отъ Суждаля, Государь, той монастырь раз-

стояніемъ поприща съ два, а отъ Печерскаго монастыря съ 300 верстѣ.» При томъ Преосвященный Стефанъ просилъ Благочестивѣйшаго Государя: «Милостивой Государь Царь и Великій Князь, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня, богомольца твоего, вели, Государь, въ Суздальскомъ Уѣздѣ пустой Кидекоцкой монастырь съ вотчинами отдать въ Суздальскую Архіепископію, и построить общежительство Игумена, чтобъ Ваше Государское богомоліе въ пустошѣ и въ нестроеніи не было, и гробы Благовѣрныхъ Великихъ Князей въ забвеніи безъ украшенія, и памяти ихъ безъ воспоминаенія, не были.»

И по онымъ представленіямъ воспослѣдовало ли какое распоряженіе Благочестивѣйшаго Государя, о томъ не извѣстно, понеже той монастырь и по нынѣ во опустѣніи находится.

«Въ Исторіи Россійской Іерархіи,» въ росписи Суздальскихъ Архіереевъ, значится, что Архіепископъ Стефанъ, въ концѣ своего управленія этою Епархією, «соборнѣ отлученъ» (лишенъ Епархіи) и отправленъ въ заточеніе, сперва въ Новгородской Лисицкій монастырь, а потомъ перемѣщенъ въ Іосифовъ Волоколамскій, гдѣ и скончался. Но ни причины его осужденія, ни время онаго, не означены, и ни въ какихъ другихъ источникахъ указаній на сіе мы не нашли. Впрочемъ, время осужденія Стефана можетъ быть опредѣлено приблизительно, во первыхъ, тѣмъ, что послѣднія письменныя свидѣтельства о немъ относятся къ 1676 году и къ царствованію Царя Θεодора Алексѣевича, передъ которымъ онъ ходатайствовалъ, какъ мы видѣли, объ возстановленіи Кидекоцкаго монастыря и о причисленіи онаго къ Суздальской Епархіи; во вторыхъ, извѣстно, что преемникомъ Стефана на Суздальскомъ Архіепископствѣ былъ Преосвященный Маркеллъ, получившій Суздальскую Епархію въ началѣ 1680 года, слѣдовательно, «отлученіе» Стефана произошло между 1676—1680 годами, по всей вѣроятности, въ 1679 году. Зная же, что Іоакимъ, по своему мстительному характеру, пользуясь молодостію и неопытностію Царя Θεодора Алексѣевича, отомстилъ опальному Патриарху Никону отягченіемъ его заключенія, духовника Царя Алексѣя Михайловича, Благовѣщенскаго Протопопа Андрея Саввиновича, сослалъ въ монастырь, съ Смоленскаго Митрополита Симеона снялъ бѣлый клобукъ и т. д., мы не ошибемся, если къ тому же времени (то есть, къ первымъ годамъ царствованія Θεодора Алексѣевича) и къ тѣмъ же причинамъ отнесемъ и опалу на Архіепископа Стефана, какъ одного изъ открытыхъ привер-

женцевъ Святѣйшаго Патріарха Никона, осмѣливагося въ 1660 году открыто говорить предъ лицомъ Собора въ свое оправданіе, что онъ священнодѣйствуетъ по чину, преданному ему бывшимъ Патріархомъ Никономъ, можетъ быть заподозрѣннаго, а можетъ быть и уличеннаго въ сношеніяхъ съ опальнымъ Патріархомъ, или столкнувшася въ какомъ либо дѣлѣ съ Суздальскимъ Воеводой, которымъ, какъ мы видѣли, въ 1675 году былъ нѣкто Тимоѣй Петровичъ Савеловъ, по всей вѣроятности, близкой родственникъ Патріарха Іоакима, происходившаго изъ той же фамиліи и состоявшаго, черезъ своего брата, въ родствѣ съ извѣстнымъ любимцемъ Царя Алексѣя Михайловича, Алексѣемъ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Архимандритъ Леонидъ.

Новый Іерусалимъ.
Марта 1876 года.

КОНЧИНЪ ВОРОНЕЖСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНТОНІЯ. *

11-го Декабря, 1846 года, Преосвященный Антоній казался быть такъ здоровымъ и веселымъ, что ни какъ не могли думать, чтобъ лишиться его такъ скоро. Этотъ день слушалъ онъ обѣдню въ крестовой церкви и молебень; на многолѣтіе вышелъ съ крестомъ, и осѣнялъ всѣхъ и благославлялъ всѣхъ долго; ибо довольно былъ еще твердъ въ силахъ, и былъ въ послѣдній уже разъ въ церкви, но дѣлами все занимался и всѣхъ принималъ къ себѣ.

13-го числа онъ занемогъ и чувствовалъ большую слабость, но лежился на самое короткое время, и почти все время былъ на ногахъ. Докторъ хотя и давалъ лѣкарство, но болѣе для утѣшенія окружающихъ Преосвященнаго, которымъ сказалъ, что у Преосвященнаго ничего не болитъ, а легкое отказалось ему служить; но дѣлами все продолжалъ заниматься во всю свою болѣзнь.

19-е числа сообщился Св. Тайнъ въ домъ; 20-го утромъ отъ слабости мало почивалъ, и въ 2 часа ночи приказалъ прочесть вечернія молитвы и утреню; когда разсвѣло, призвалъ своего близкаго по сердцу Севастьянова (чиновника), котораго Преосвященный очень любилъ, приказалъ ему писать духовное завѣщаніе, которое самъ изъ слова въ слово диктовалъ; приказалъ переписать на бѣло; но, не полагая, чтобъ онъ такъ скоро переселился въ вѣчность, замѣшкали перепискою, думая, что еще успѣютъ. Въ 3 часа по полудни приказалъ подать послѣднія бумаги, которыя были написаны о чудесахъ Угодника Тихона и письмо Государю, въ которомъ просить объ открытіи мощей Св. Тихона. Подписалъ всѣ бумаги своею рукою и ска-

* Родомъ Малороссіянинъ, Полтавской Губерніи Пирятинскаго Уѣзда села Повстина, по имени и фамиліи Аврамій Смирницкій, воспитанникъ Кіевской Академіи до преобразования ея; постриженъ 1797 г., 1815 Намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры по 31-ое Генваря, 1826 г., когда посвященъ въ Епископа Воронежскаго; 1832 г., Генваря 31, Архіепископъ. Два свидѣнія эти о кончинѣ его сохранились въ бумагахъ Рязанскаго Архіепископа Гавріила: первое писано не извѣстно чьею рукою, а другое самимъ Гавріиломъ. О. Б.

залъ: «Теперь все кончено!» и принялъ гѣкарство; за тѣмъ подошелъ къ образу Божія Матери и сказалъ: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко!» подозвалъ келейника: «Я хочу особороваться,» сказалъ; «въ шесть часовъ чтобъ духовенство приготовилось,» и самъ всѣхъ назначилъ, кому соборовать; начали готовиться: онъ самъ нѣсколько разъ выходилъ въ ту комнату, гдѣ приготовляли къ соборованію, и самъ распоряжался. Когда же было готово, то духовенство всѣ вошли, а Владыка сѣлъ въ креслы въ другой комнатѣ: онъ все время сидѣлъ и, по окончаніи соборованія, испросилъ у всего духовенства прощенія, и эта картина была невыразима: онъ въ такомъ былъ мирномъ и спокойномъ духѣ, что ни мало не смущался приближеніемъ конца и точно большаго торжества ожидалъ. Приказалъ всѣхъ впускать, кто захотѣлъ бы съ нимъ проститься, и народа, жаждущаго его благословенія, множество было разнаго сословія, всѣхъ допускали, и всѣхъ до единаго удовлетворилъ своимъ благословеніемъ, не спѣша и не торопясь, каждаго благословляя уже хладною своею десницею. По окончаніи всѣ вышли, а его положили на постель, чтобъ дать отдохнуть послѣ такого народа, но въ самомъ короткомъ времени келейникъ Владыкинъ вбѣгаетъ и говорить: «Владыко кончается!» Опять всѣ пошли къ нему. И точно, онъ глядѣлъ уже къ подлуга; сейчасъ стали читать отходную, и онъ будто проснулся, и кто былъ у него подъ запрещеніемъ (т. е., изъ духовенства), всѣхъ вспомнилъ и простилъ, сказавъ въ слухъ: «Не могу передать вамъ моихъ чувствъ,» и опять оставили для отдыха. Викарій, Архимандритъ и все почтенное духовенство, вышли въ другую комнату, гдѣ былъ готовъ самоваръ, чай пить: только слышать, что кто-то постукался въ спальни, входитъ келейникъ, и Владыка самъ всталъ съ постели, постукалъ въ дверь, и приказалъ подать себѣ чаю; ему подали, онъ выкушалъ ложки три чайныхъ, и сказалъ: «Этотъ чай горекъ: тамъ лучше!» положили его на подушку, онъ руки поднялъ къ небу, перекрестился, сожалъ самъ руки на груди, и Владыки уже нѣтъ: тихо, мирно, какъ Ангелъ, уснулъ въ 9 часовъ вечера 20 числа Декабря, 1846 года. Хоронили его на 8 день, и ни сколько не измѣнился онъ, стоявши въ теплыхъ комнатахъ. Похоронили его въ большой церкви, подлѣ усыпальницы Святителя Митрофана, рядомъ. Кто зналъ Владыку Антонія, тотъ можетъ легко представить своему воображенію, какая трогательная была сцена и сердечный вопль всѣхъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, лишившихся чадолюбиваго отца и благодѣтеля.

ПИСЬМО О КОНЧИНѢ

ВО РОССІЙСКАГО АРХІЕПИСКОПА АНТОНІЯ.

Смерть нашего Архипастыря, какъ прехожденіе отъ земли на небо: онъ сохранилъ присутствіе духа до самой кончины; болѣзнь ему приключилась отъ простуды; ему пожелалось сходить въ соборный храмъ, гдѣ почиваютъ мощи Святителя Христова Митрофана, но рясы у него теплой не было. Когда онъ заболѣлъ съ начала зимы въ первой разъ, то въ то время все свое платье и прочее роздалъ. Ноября 8-го ѣздилъ въ Кадетскій Корпусъ, и бралъ теплую рясу у Намѣстника; но когда пошелъ къ Святителю Митрофану, посоветился опять безокояты Намѣстника рясою, сказавши: «Тутъ недалеко, пройду въ холодной рясы», но возвращаясь оттуда, почувствовалъ простудную болѣзнь; впрочемъ, все былъ на ногахъ; продолжалось она двѣ недѣли. Декабря 20 пріѣхалъ его посѣтить Викарій, Епископъ Ельнидифоръ,* и когда ему доложили, онъ уже лежалъ очень ослабѣвши, но собралъ послѣднія силы, надѣлъ рясу, клобукъ, панагію, принявъ Викарія, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ и простился; Викарій уѣхалъ. Владыка назначаетъ особоровать себя елеемъ въ 5-ть часовъ по полудни, говори: «Я сильно ослабѣваю.» Послѣ сего освященія елеемъ, въ 9 часовъ по полудни перешелъ на вѣчный покой, «идѣже ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.» При концѣ жизни всѣхъ благословилъ, далъ наставленіе всякому приличное, тѣмъ, которые бывъ при смерти его, заплакали, онъ имъ плакать и скорбѣть не велѣлъ: «Не плачьте обо мнѣ: я чаю получить милость Божію: упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый,» и съ сими словами скончался, держа въ рукахъ Животворящій Крестъ Господень, лежа на одрѣ. Когда скончался, ворота въ монастырѣ кругомъ заперли, народъ было собрался, не извѣстно кто ему

* Бенедиктовъ Алексѣй. Магистръ Петербургской Духовной Академіи 1823 г., съ 1823 Ректоръ Курской Семинаріи, потомъ Воронежской; 1842 г. Викарій Острогжскій; 1848 Епископъ Харьковскій съ Марта, а съ Ноября Подольскій; 1851 Ватскій; 1860 Архiepиcкoпъ Тавричecкій; ум. въ Маѣ 1860 г. О. Б.

сказалъ, но ни кого не пустили, покуда убрали тѣло какъ должно, вынесли въ крестовую церковь, комнаты заперли; это было уже 12 часовъ ночи. Ударилъ въ монастырѣ въ колоколъ, который возвѣстилъ всей его'паствѣ кончину пастыря, и за нимъ и во всѣхъ церквяхъ благовѣсть унывный продолжался цѣлый часъ, и монастырь весь наполнился народа, который съ большимъ усердіемъ спѣшилъ принять благословеніе хотя отъ мертваго. Декабря 27 числа назначено было погребеніе Епископомъ Викаріемъ. Послѣ литургіи началось погребеніе, послѣ погребенія тѣло Святителя съ торжественнымъ ходомъ, со всѣми образами, подняли и понесли кругомъ Собора, а обнесши, принесли въ церковь и положили въ уготованный склепъ, около того мѣста, гдѣ обрѣли мощи Святителя Митрофана. Во время погребенія читали четыре проповѣди, въ которыхъ описали все, что онъ предоставилъ чрезъ себя Воронежской паствѣ, и его жизнь. «Ангель нашъ (говорили въ проповѣдяхъ), хранитель нашъ, кому ты насъ оставилъ? Кто насъ утѣшитъ, кто насъ наставитъ, кто насъ пропитаетъ? Кто обидимыхъ защититъ?» и проч. Это былъ общій плачъ для всей паствы Воронежской. Пожитковъ ничего не осталось, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей келейныхъ, даже погребали на кружку, которую еще не успѣлъ получить и роздать. Тѣло Архипастыря стояло въ тепломъ Соборѣ 7 дней, и никакого не было неприятнаго запаха: самая ручка, къ которой прикладывались, отъ многого лобзанія имѣла только два пятнышка красненькихъ. Смерть же свою онъ еще въ Маѣ, бывши въ Задонскѣ, предсказывалъ. Когда перенесъ Святителя Тихона въ церковь новую, тогда, при прощаніи съ братією, говорилъ сія слова: «Я просилъ Господа, дабы видѣть день сей, въ который перенесли Святителя Тихона: я видѣлъ день сей, и возрадовался: теперь мое желаніе быть въ послѣдній разъ на память Святителя Тихона, то прошу васъ, братія, совокупите ваши святыя молитвы съ моими грѣшными, дабы исполнилъ Господь мое желаніе, а тогда уже я: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ,» что на память Святителя Тихона, когда онъ отъѣзжалъ, клиромъ и пропѣто ему!

КОНЧИНЪ НИЖЕГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ІАКОВА. *

Преосвященный Іаковъ скончался 20 числа Мая, 1850 года. Того же числа послѣ вечерни Преосвященный Евсевій, ** Ректоръ Академіи, прибылъ на подворье и положилъ тѣло во гробъ; послѣ малой литіи 7 человекъ духовныхъ понесли тѣло въ церковь, поставили на устроенный катафалкъ, и отправлена была большая панихида, по окончаніи которой Преосвященный Евсевій началъ читать Евангеліе, потомъ стали читать и прочіе. Скажу съ особеннымъ благоговѣніемъ, что слышалъ я отъ его духовника о жизни Преосвященнаго Іакова: онъ истинно былъ свѣтильникъ Церкви Православной. Управляя 14 лѣтъ Саратовскою Епархією, онъ тысячи обратилъ Раскольниковъ. По смерти его у него не найдено денегъ. Пожалованные ему на лѣченіе и жалованье, раздавалъ самобѣднѣйшимъ. Для приличія бывалъ Докторъ, лѣкарства брали, но онъ не принималъ ихъ. Въ болѣзненномъ состояніи избралъ себѣ комнату спальни лакейской, на простомъ войлокѣ отдыхалъ и почти всякій день сообщался Святыхъ Тайнъ. 20 числа Мая, въ 3 часа утра позвалъ къ себѣ Духовника, приказалъ ранѣе обыкновеннаго быть раннѣй обѣдни, а ему читать молитвы предъ Причастіемъ. Когда были принесены Святыя Тайны, онъ не могъ уже встать съ одра и встрѣтить ихъ, а сидя принялъ святой сосудъ, долго держалъ его въ рукахъ и тихо что-то произносилъ, чего не могли слышать; по-

* Найдено въ бумагахъ покойнаго Рязанскаго Архіепископа Гавріила Городкова (ум. 7-го Апрѣля, 1862 г.). Прелгагается, какъ дополненіе къ сочиненію, изданному въ 1853 году въ Москвѣ: «Преосвященный Іаковъ, Архіепископъ Нижегородскій и Арзамассскій.» О. Б.

** Орлинскій, Магистръ 1832 г. Московской Духовной Академіи; 1838 Архидьяконъ; 1841 Ректоръ Московской, 1847 Петербургской Академіи; съ Марта Викарій Винницкій; 1850 Епископъ Самарскій; 1856 Архіепископъ; 1860 Могилевскій. О. Б.

томъ, причастившись, отпустилъ, выпилъ теплоты и съ усерднымъ крестомъ легъ на бокъ. Черезъ часъ услышали пѣніе его тихимъ голосомъ: «Господи, помилуй! Христось воскресе!» болѣе же сего ничего и никому не говорилъ, и спокойно, въ 3 часа по полудни, скончался безъ всякихъ страданій. Богатство его: 3 рясы и 2 полукафтаны, 2 пары сапогъ и малое количество бѣлья. Духовное завѣщаніе и прочее хранится въ Нижнемъ. На Өоминой Недѣли, въ Патяцѹ, позвалъ онъ къ себѣ Духовника и сказалъ ему: «Исповѣдуй меня, и моя исповѣдь будетъ не такая, какъ обыкновенно отъ исповѣди до исповѣди: я хочу исповѣдать отъ юности всѣ грѣхи мои, помышленія и чувства;» подобную же исповѣдь предложилъ и Духовнику своему, и былъ ему самъ Духовникомъ, а на память пожаловалъ ему старинные серебрянные часы, стоящіе 20 руб. асс. Въ продолженіе поста ни одного разу чаю не кушалъ. Въ 1-й день Пасхи служилъ обѣдню и столько ослабѣлъ, что едва привели его въ келію; 22 числа, въ 5 часовъ, подняли тѣло въ Невскій монастырь; при выносѣ были 3 Архіерея: Григорій Казанскій, * Викарій и Ректоръ, Невскіе пѣвчіе, и все Духовенство столицы, а народу столько, что жандармы ѣхали по сторонамъ. До Андрея Первозваннаго шелъ Григорій, и тутъ, у церкви, отслужилъ лютію и самъ остался; Митрополитъ ** встрѣтилъ у Знаменія, на Невскомъ Проспектѣ, и шелъ до монастыря. Дорога устлана была межжевелинникомъ; при выносѣ изъ домовоі церкви украсили гробъ разными цвѣтами, и когда везли тѣло, то изъ домовъ бросали по пути и на гробъ разные цвѣты, вѣнки и пучки лучшихъ цвѣтовъ. Никто не помнитъ подобной приверженности. 24-го числа отпѣвали погребеніе въ Невскомъ Соборѣ, а похоронили у Лазаря, и народу столько было, что Соборъ не вмѣстилъ желающихъ. Надгробное слово произнесъ Архлмандритъ Макарій, Инспекторъ Академіи, *** въ ко-

* Постяниковъ Георгій, Магистръ Петербургской Духовной Академіи 1-го курса 1814 г. Инспекторъ ея 1816, Ректоръ 1819, Викарій Ревельскій 1822, Епископъ Калужскій 1826, Архіепископъ Рязанскій 1829, Тверскій 1831, Казанскій 1848, Митрополитъ Новгородскій 1856; сконч. 1860 года. О. Б.

** Клементьевскій Николай, воспитанникъ Троицкой Семинаріи, Учитель ея и Профессоръ Московской Духовной Академіи съ 1814 года, 1818 ректоръ Видавской Семинаріи, 1826 Епископъ Ревельскій, 1831 Калужскій, 1834 Архіепископъ Минскій, 1840 Вольянский, 1843 Варшавскій, 1848 Новгородскій и Петербургскій Митрополитъ; сконч. 1856 г. О. Б.

*** Булгаковъ Михаилъ, изъ Курской Семинаріи, воспитанникъ Кіевской Дух. Академіи, гдѣ 1841 постриженъ, съ 1842 г. Магистръ, съ 1844 г. Инспекторъ и

Горюхъ изложилъ подробно служеніе его Церкви, упомянулъ, между прочимъ, и о томъ, что онъ нѣсколько тысячъ Раскольниковъ обратилъ въ Православіе, что въ Среду и Пятокъ ничего не вкушалъ, Страстная Недѣля проводилъ въ совершенномъ постѣ. Митрополитъ плакалъ при чтеніи 1-го Евангелія; изъ Собора, съ позволенія Митрополита, несли тѣло до могилы шесть Генераловъ. Трапеза учреждена была на 300 персонъ, и раздача милостыни бѣднымъ въ 4 мѣстахъ на добровольныя пожертвованія: Апраксинъ пожертвовалъ 200 руб. сер., и многіе изъ Духовныхъ и мірскихъ лицъ жертвовали въ память почившаго Святителя. По всей Петербургской Митрополіи шестинедѣльная память по усопшемъ. Текстъ былъ Слово: «Блаженни мертвіи, умиращіе о Господѣ.»

1850 Ректоръ Петербургской Духовной Академіи, потомъ 1851 Викарій Вичницкій, 1857 Епископъ Тамбовскій, 1859 Харьковскій, 1862 Архіепископъ, 1868 Литовскій и Виленскій. О. Б.

О П Е Ч А Т К И

въ Запискѣ I-й кв. I-й, Отд. V.

Напечатано:

Читайте:

Стран. Строка.

201	6	и Кдивовѣрцами	и Единовѣрцами
—	28	нашими	нашими
202	8	наклонвы	наклонены
—	12	указаніе есть	указаніе это есть
202	22	означающее имя:	означающе имя Іс̄ Хс̄,
—	5	такъ Русскія	такъ и Русскія
205	7	поставленія	поставленія
206	23	перстома.» Значить слу- жить	перстома.» ²⁰ Значить сло- жить
—	34	о чемъ см. замѣчаніе мое нѣсколько ниже, въ при- мѣчаніи.	о чемъ см. выше въ при- мѣчаніи 15.
209	38	т. 27,	т. 11,
210	22	слово:	слова:
211	5	передать	придать
212	14	«За чѣмъ же	«За чѣмъ же
213	1	преимущественнаго	преимущественно
—	12	молочными	молочными
214	12	какъ и ово, соответствующе	какъ соответствующее
—	27	церковныхъ	церковныхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
Печалованіе Духовенства за опальныхъ въ Первенствующей Церкви Греко-Россійской вообще и въ Церкви Древне-Русской по преимуществу. П. И. Янковскаго	1 — 229

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Архивъ Военно-Походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Часть IV	112 — 240
--	-----------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и издаанныя О. М. Бодянскимъ. Продолженіе дополненій: I. Народные обычаи, обряды и пѣсни въ Буковинѣ Русскаго народа. II. Карпатская Русь: Галичина, Сѣверо-восточная Угрія и Буковина. III. Историко-этнографическое обозрѣніе всѣхъ ихъ трюмъ . . .	531 — 670
--	-----------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Путешествія Антиохійскаго Патріярха Макаря въ Россію, описанныя бывшимъ при немъ Архідіякопомъ Павломъ Алепскимъ. Части I-й книга I-я. Отд. IV—XVII. Переводъ съ Англійскаго Д. Д. Благо во.	21 — 68
--	---------

С М Ъ С Ъ.

	Стран.
Старая Сербія, ея прошлое и настоящее. О. М. Бачетича.....	1 — 196
Письмо Министра Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварова, къ Московскому Митрополиту Филарету, 25-го Октября, 1841 года.....	197
Записки по народнымъ бесѣдамъ Иеромонаха Пафунтія. I. О Церковныхъ обрядахъ.....	198 — 215
Духовники Великихъ Князей и Царей Московскихъ и всея Россіи. Д. Ч. Архимандрита Леонида...	216 — 219
Выписка изъ Большаго Синодика Гребневскія Божія Матери объ убиенныхъ подъ Конотопомъ. Сообщ. Архимандритъ Леонидъ.....	221 — 222
Стефацъ, Архіепископъ Сувдальскій, Д. Чл. Архимандрита Леонида.....	223 — 235
О кончинѣ Воронежскаго Архіепископа Антонія....	236 — 237
Письмо о кончинѣ Антонія, Архіепископа Воронежскаго.....	238 — 239
О кончинѣ Іакова, Архіепископа Нижегородскаго..	240 — 242

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Славянскія Древности, соч. П. I. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 е.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Комисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылок.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитима, соч. П. I. Шафарика; перев. Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмцк. А. Н. Шемакина. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Перев. съ Нѣмцк. А. Н. Шемакина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Воспоманія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, бывшъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмцк. А. Н. Шемакина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

О Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, Нѣмцк. А. Н. Шемакина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

О событіяхъ на Волынѣ и Подолѣ въ 1789 году, Θεодосія Бродовича Греческаго Уніатскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р.

3 Р.
Страсть, и дохвала Св. мученику Бориса и Глѣба. По хвалѣ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к.,

Письмо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. Перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к.,

Господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1870. Цѣна 1 р. 20 к.

Изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополненная философія и Физика Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ вѣнск. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Московию Барона Августина Майерберга и сына Кальвуччи къ Царю Алексѣю Михайловичу въ Латвискаго А. Н. Шемакина. М. 1874. Цѣна 2 р., съ

В Вѣдломъ, по рукописному извѣстію Іоанна Готтгельма Писателя. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1874. Цѣна 1 р. 25 к.

Письма въ Москву Николая Варкоча въ 1593 году. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1875 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

О послѣдствіяхъ Запорожскаго посягательства на Козаковъ Казимиромъ, составленныя 1649 г., Октября 16 дня, и издаванныя 1875 года, съ двумя литограф. снимками. Цѣна 2 р. 50 к.

О происшествіяхъ Московскихъ 1661 г. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1875, цѣна 75 к. сер. съ пересылкою.

О посядкѣ въ Москву Михаила Шили въ 1598 г. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1875, цѣна 75 к. сер. съ пересылкою.

